

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

в пятнадцати томах

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян,
М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков,
А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников,
О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош,
В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Московский государственный институт международных
отношений (Университет) МИД России

Издание осуществлено при финансовой поддержке
ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

Под общей редакцией
С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

ОСВОБОЖДЕНИЕ XII

Издательство
«МГИМО–Университет»
2015

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622
В27

Издание осуществлено во взаимодействии с ОАО «Концерн ПВО „Алмаз-Антей“»

Под общей редакцией

С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова

Руководитель авторского коллектива

А. И. Подберезкин

Редакционный совет

А. Н. Артизов, А. А. Ахтамзян, Ю. А. Булатов, А. В. Мальгин, В. Р. Мединский, М. А. Мунтян (научный редактор), М. Ю. Мягков, Н. А. Нарочницкая, М. М. Наринский, В. В. Наумкин, Я. В. Новиков, А. А. Орлов, В. О. Печатнов, А. И. Подберезкин, К. К. Провалов, Л. П. Решетников, О. А. Ржешевский, О. Е. Родионов, Г. Р. Ручкин, А. В. Серегин, И. И. Сирош, В. М. Фалин, В. С. Христофоров, А. О. Чубарьян

Редакционная коллегия

Н. Ф. Азяский, В. О. Дайнес, В. Б. Маковский, В. В. Марьина, С. М. Монин, А. А. Недашковский, А. Ф. Носкова, А. В. Ревякин, Л. В. Ревякина

В27 Великая Победа : в 15 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр военно-политических исследований. — М. : МГИМО-Университет, 2015.

ISBN 978-5-9228-1300-6

Т. 12: Освобождение — 2015. — 574 с., [48] с. : ил. ISBN 978-5-9228-1312-9

Пятнадцатитомное издание «Великая Победа» подготовлено на основе современных представлений ведущих отечественных историков академических институтов и образовательных центров и ряда иностранных ученых-историков о событиях Второй мировой войны. Впервые за последние годы в отечественном историческом пространстве появилось столь объемное издание, повествующее о сложнейших и трагических перипетиях политических, дипломатических и военных столкновений, затронувших интересы практически половины населения нашей планеты.

В многотомнике особое внимание уделяется попыткам недобросовестного или политически мотивированного толкования событий Второй мировой войны и её итогов, нередко ставящего под сомнение великий подвиг нашего народа, принесший освобождение миру от самой чудовищной и бесчеловечной «коричневой чумы» XX века с её доктриной мирового господства на основе расового деления мира. В книгах многотомного издания таким попыткам дается должный отпор.

Издание рассчитано на широкий круг читателей.

УДК 9(47)
ББК 63.3(2)622

ISBN 978-5-9228-1312-9 (т. 12)

© Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России, 2015

ISBN 978-5-9228-1300-6

На обложке: Ликующий народ на улицах Софии в день вступления Красной армии в город. 15 сентября 1944 г., место съемки: Болгария, София; автор съемки: не установлен, РГАКФД.

Книга тридцать пятая

**ВПЕРЁД,
НА ЗАПАД!**

Основные направления строительства Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Н. М. Васильев*

Вопросы строительства Вооруженных сил в годы Великой Отечественной войны всегда находились в центре внимания руководства страной. Направления и объемы строительства определялись условиями обстановки на советско-германском фронте, возможностями экономики удовлетворять потребности действующей армии, способностями научно-технических, производственных работников создавать требуемые по своим характеристикам и в достаточном количестве вооружение и технику, организаторской деятельностью органов управления и конкретных должностных лиц по созданию, оснащению, содержанию, подготовке вооруженных сил и другими факторами.

Ход борьбы с первых дней войны продиктовал свои условия строительства вооруженных сил по всем направлениям. Безвозвратные и санитарные потери за первые шесть месяцев и девять дней войны составили 4 млн 473 тыс. 820 человек. Было потеряно свыше 20 тыс. танков, около 17 тыс. боевых самолетов, свыше 60 тыс. орудий и минометов, не считая 50-мм. Потери горючего и боеприпасов составили свыше 20% их количества к началу войны. После тяжелейших потерь¹, которые понесла Красная армия в ходе летне-осенней кампании 1941 г., на первый план выдвинулась задача их восполнения, приведения организационной структуры действующей армии в соответствие с реалиями и требованиями войны.

Была проделана огромная организаторская работа, в первую очередь Государственным Комитетом Обороны, который принимал принципиальные решения по определению состава, численности, способа формирования новых частей и соединений для восполнения потерь действующей

армии и увеличения ее численности. Затем принятые ГКО решения реализовывались усилиями Генерального штаба, Главного управления формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ), органами военного управления в военных округах, государственными структурами разных уровней, отвечающих за формирование, комплектование, обеспечение, оснащение вооружением и техникой, а также перевозку людских и материальных ресурсов.

Уже 6 июля 1941 г. Государственный Комитет Обороны принимает постановления о формировании новых танковых и стрелковых дивизий. В последующем проблемы формирования, комплектования и численности Красной армии регулярно рассматривались на заседаниях Комитета. Только до конца 1941 г. было принято около 30 постановлений по этим вопросам. О масштабах принимаемых решений можно судить по постановлениям ГКО № 459 от 11 августа о формировании 110 стрелковых и кавалерийских дивизий, № 810 от 18 октября о формировании 25 отдельных стрелковых бригад, № 858 от 1 ноября о формировании 100 авиационных полков, № 935 от 22 ноября о новых формированиях стрелковых бригад и дивизий².

Для оказания помощи Главному управлению формирования и укомплектования войск Красной армии и активного участия в его работе Государственный Комитет Обороны назначил Л. П. Берия и Г. М. Маленкова уполномоченными ГКО по этому направлению строительства вооруженных сил, а начальником управления был назначен заместитель народного комиссара обороны Е. А. Щаденко³.

26 ноября 1941 г. было принято Постановление ГКО № 966 «О сокращении тыловых учрежде-

* **Васильев Николай Михайлович** — к. и. н., доцент Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ.

ний Красной армии и направлении личного состава, вооружения, транспорта и другого имущества на формирование 70 стрелковых дивизий и 50 отдельных стрелковых бригад»⁴. На основании этого Постановления Главупраформом были разработаны и отданы директивные указания о сокращении штатов и формировании новых соединений⁵. Всего в ходе первой военной кампании до декабря 1941 г. в действующую армию были направлены 291 дивизия и 94 бригады, не считая других формирований⁶.

Это направление строительства вооруженных сил с разной степенью остроты решения проблемы оставалось приоритетным для военно-политического руководства страны в течение всей войны. Так, за декабрь 1941 г. — март 1942 г. из резервов Ставки ВГК во фронты действующей армии было направлено 84 стрелковые дивизии, 67 стрелковых и 24 танковые бригады. Тяжелейшие условия летне-осенней кампании 1942 г. потребовали вновь сформировать 25 танковых и 5 механизированных корпусов, 79 стрелковых дивизий, 89 танковых и 25 стрелковых бригад⁷.

Постепенно задача восполнения потерь и увеличения численности действующей армии, формирования резервов стала менее болезненной и стала носить плановый упреждающий характер. При этом решение этой задачи стало все больше практиковаться не за счет формирования новых частей и соединений, а путем выведения из состава действующей армии уже существующих и их доукомплектования. 16 марта 1942 г. ГКО принял Постановление № 1457 «О прекращении формирования стрелковых дивизий и бригад в округах, отмене посылки на фронт маршевых пополнений и использовании их только для доукомплектования выводимых с фронта корпусов, дивизий, бригад»⁸.

В летне-осеннюю кампанию 1942 г. в резерв Ставки было выведено из действующей армии 80 стрелковых дивизий. Всего за 1942 год было сформировано и восстановлено: фронтов — 3; оперативных групп фронтового масштаба (Черноморская и Северная) — 2; армий — 33; корпусов всех родов войск — 69; дивизий всех родов войск — 362; отдельных бригад всех родов войск — 370; других войсковых частей — 6596. Общая численность пополнения составила 5 756 221 чел. В том числе: стрелковых соединений и частей — 3 627 347 чел.; танковых, артиллерийских, кавалерийских, минометных, воздушно-десантных, военно-воздушных и инженерно-технических формирований — 2 128 874 чел⁹.

Кроме того, из запасных частей округов фронтам было передано маршевых пополнений в виде маршевых рот, эскадронов, батарей, специальных команд и пополнений из фронтовых запасных

частей и госпиталей, общей численностью — 5 489 519 чел¹⁰.

За летне-осеннюю кампанию 1943 г. было введено в сражение 155 стрелковых и 15 кавалерийских дивизий, а также 26 танковых и 10 механизированных корпусов¹¹.

Все это свидетельствовало об огромной организационной работе, проделанной Государственным Комитетом Обороны, Ставкой ВГК, Генеральным штабом, Главным управлением формирования и комплектования войск и другими органами государственного и военного управления по увеличению численности вооруженных сил и восполнению потерь. Лимит сил и средств на восполнение потерь и материально-техническое обеспечение операций определялся ГКО, исходя из экономических возможностей страны. К третьему периоду войны эти возможности позволяли не только восполнять потери в ходе непрерывного наступления, оснащать новые формирования, но и одновременно улучшать техническую вооруженность армии и флота.

Производство промышленности в 1944 г. превысила предвоенный уровень. Производство танков и САУ, боевых самолётов достигло рекордного показателя за всю войну — 29 и 33,2 тыс. штук в год соответственно¹². Поддерживалось на необходимом уровне производство других видов техники и вооружения, шло их существенное обновление и модернизация. Все это позволяло наращивать техническую оснащённость и боевую мощь советских вооружённых сил. Только за январь-март 1944 г. в действующую армию и на укомплектование резервов Ставки было направлено 1458 тыс. человек, 8546 орудий и минометов, 5754 танка и САУ, необходимое количество боеприпасов, горючего и других материальных средств. Потребление действующей армией материальных средств к концу 1944 г. выросло более чем на 50 % по сравнению с 1942 г.¹³

Повышенные возможности экономики государства, накопленный опыт позволяли успешно решать проблему восполнения потерь, новых формирований, создания резервов и запасов, оснащения Красной армии техникой, вооружением, материальными средствами до конца войны.

Параллельно с ее решением руководство страны осуществляло развитие видов вооруженных сил и родов войск, специальных войск. Это было неотъемлемой составной частью и одним из важных направлений строительства вооруженных сил.

Основу Красной армии составляли сухопутные войска, чья удельная доля в 1941 г. превышала 80 %. В их состав входили стрелковые войска, артиллерия, бронетанковые и механизированные войска, кавалерия, а также специальные войска:

связи, инженерные, противохимической защиты, дорожные и другие. Более половины (до 70 %) всей численности сухопутных войск составляли стрелковые войска. С учетом огромных масштабов развернувшихся военных действий количество стрелковых дивизий росло и к декабрю 1941 г. превысило предвоенный состав на 114 соединений. К концу Великой Отечественной войны в Красной армии насчитывалось 517 стрелковых дивизий. Всего за всю войну стрелковые войска численно выросли почти в 3 раза.

За время войны они претерпели неоднократные организационные преобразования. Так уже в июле 1941 г. из-за больших потерь и нехватки опытных командных кадров для укомплектования вновь формируемых соединений и объединений пришлось ликвидировать корпусное звено управления. К концу 1941 г. из имевшихся к началу войны 62 корпусных управлений осталось только 6. Количество управлений общевойсковых армий возросло с 27 до 58. Армии создавались в сокращенном составе (5–6 стрелковых дивизий). В свою очередь дивизии, численность которых по новому штату была снижена на 3624 человека, содержались в большом некомплекте. Вынужденно формировались стрелковые бригады и отдельные полки, которые имели низкие боевые возможности. По этой причине ГКО и Ставкой ВГК уже в 1942 г. принимается решение об их расформировании и создании на их основе новых дивизий.

Одним из основных направлений строительства стрелковых войск было повышение их огневой мощи. В декабре 1941 г. вступил в действие новый штат, по которому количество пистолетов-пулеметов в дивизии по сравнению с июльским штатом увеличивалось более чем в 3 раза, минометов — более чем в 2 раза. В вооружение дивизии были включены 89 противотанковых ружей и дополнительные противотанковые пушки. Общий вес артиллерийско-минометного запла дивизии составил 0,5 т.

26 июля 1942 г. ГКО вновь рассмотрел эту проблему и принял Постановление № 2101 «Об организации, штатном составе и вооружении стрелковой дивизии численностью 10374 чел.»¹⁴. В соответствии с принятым штатом число минометов существенно выросло. В стрелковые роты и батальоны были возвращены минометные подразделения, ранее сведенные в минометные батальоны стрелковых полков в целях централизации использования имевшихся в полках огневых средств.

В декабре 1942 г. Наркомат обороны ввел в действие новый штат стрелковой дивизии, который с незначительными изменениями сохранился до конца войны. Этим штатом численность дивизии несколько снизилась до 9435 человек, но она

получила дополнительное автоматическое стрелковое оружие. В каждый стрелковый батальон дивизии ввели взвод 45-мм противотанковых пушек (2 орудия), которые впоследствии заменили более мощными 57-мм противотанковыми пушками. Одновременно увеличилось количество 120-мм минометов с 18 до 21.

Последние изменения в штате дивизии в целях повышения ее боевой мощи и ударной силы были произведены в декабре 1944 г. В состав стрелковой дивизии были включены артиллерийская бригада трехполкового состава, в том числе полк 160-мм минометов; зенитный дивизион; дивизион самоходных установок, а в противотанковом дивизионе 45-мм пушки заменялись 76-мм¹⁵. Таким образом, огневая мощь дивизии значительно выросла количественно и качественно. Вес запла орудий и минометов стрелковой дивизии составлял уже более 1,5 т¹⁶.

Улучшение положения дел с укомплектованностью стрелковых войск, в том числе наличие опытных командных кадров позволило начать весной 1943 г. восстановление корпусной организации стрелковых войск. Переход к ней в основном был завершен летом 1943 г. К концу войны в Красной армии насчитывалось 171 управление корпуса, сведенные в 66 армий.

Казалось бы, роль другого рода сухопутных войск — кавалерии — в предстоящей войне моторов виделась бесперспективной. Но большие потери советских войск в танках в начале войны вынудили советское командование обратиться к этому роду войск, как наиболее маневренному. Началось формирование нескольких десятков легких (трехтысячного состава) кавалерийских дивизий. На 1 января 1942 г. было 94 кавалерийских дивизии¹⁷. Однако они не имели достаточной ударной силы, несли большие потери от авиации, артиллерии и пулеметов, поэтому началось их расформирование.

В конце 1942 — начале 1943 гг. сохранившие боеспособность кавалерийские дивизии были пополнены личным составом и сведены в кавалерийские корпуса, первые три из них были гвардейскими. Каждый корпус имел по три кавалерийских дивизии, однако подразделения боевого и материального обеспечения практически отсутствовали, что существенно снижало их боевые возможности.

Укрепление сил кавалерии началось летом 1943 г. в соответствии с Постановлением ГКО № 3251 от 25 апреля 1943 г. «О доукомплектовании гвардейских кавалерийских корпусов и усилении их боевой мощи»¹⁸. По введенным тогда новым штатам кавалерийский корпус (21 тыс. человек) кроме трех кавалерийских дивизий включал истребительно-противотанковый артиллерийский

полк, полк самоходно-артиллерийских установок, зенитно-артиллерийский полк, гвардейский минометный полк, истребительно-противотанковый дивизион, разведывательный дивизион, дивизион связи, тыловые подразделения корпуса и подвижный полевой госпиталь.

Были существенно усилены и сами кавалерийские дивизии. Помимо трех кавалерийских полков в ее состав входили танковый полк, артиллерийско-минометный полк, зенитный дивизион, разведывательный эскадрон, эскадрон связи, саперный эскадрон, тыловые и другие подразделения. Численность личного состава дивизии составляла примерно 6000 человек. К 1944 г. кавалерия в действующей армии насчитывала 26 кавалерийских дивизий, объединённых в 8 кавалерийских корпусов¹⁹. Таким образом, кавалерийские корпуса в новой штатной организации превратились в соединения конно-механизированных войск, способные к быстрому оперативному маневру и мощному удару по врагу. Они успешно применялись в операциях, а в ходе некоторых (например, в Ровно-Луцкой 1-го Украинского фронта) сыграли основную роль в достижения успеха²⁰.

Большие организаторские усилия были приложены руководством страны в интересах строительства бронетанковых и механизированных войск. В условиях, когда немецко-фашистское руководство делало ставку на эффективное применение танковых войск, огромные потери бронетанковой техники в начале войны поставили советское командование в тяжелейшую ситуацию. Крупные соединения бронетанковых и механизированных войск (механизированные корпуса), на формирование которых в предвоенный период было потрачено немало усилий и средств, понесли в ходе приграничных сражений большие потери. Восполнить их быстро из-за ограниченных возможностей промышленности не представлялось возможным, поэтому в августе-сентябре 1941 г. их стали расформировывать.

Положение дел усугублялось тем, что усилить стрелковые соединения также было нечем. В этих условиях Государственный Комитет Обороны в сентябре 1941 г. принял очень важное и нужное решение о создании в резерве Главного Командования отдельных танковых бригад, батальонов для усиления стрелковых дивизий²¹. Аналогичное решение ГКО о формировании танковых бригад в феврале, марте и апреле 1942 г. состоялось 16 февраля 1942 г.²²

К созданию крупных танковых соединений (танковых корпусов) промышленность позволила приступить лишь весной 1942 г. Но при действиях в глубине обороны противника они нуждались в поддержке моторизованной пехоты,

поэтому в сентябре 1942 г. наряду с танковыми началось формирование механизированных корпусов. На 1 января 1943 г. в Красной армии насчитывалось 22 танковых и 8 механизированных корпусов²³. Их количество в основном покрывало потребности войск, и поэтому 7 мая 1943 г. ГКО принял Постановление № 3309 «О прекращении формирования новых танковых частей, соединений и пополнении действующих частей»²⁴. Производимые промышленностью танки шли на доукомплектование и пополнение ранее созданных соединений.

В интересах централизованного и более масштабного применения бронетанковых войск, для увеличения их ударной силы и глубины использования было принято решение о создании танковых армий. В апреле-июне 1942 г. началось их формирование. Первые танковые армии были смешанного состава (три танковых корпуса и 1–2 стрелковые дивизии). Но, как показала практика их применения в ходе Сталинградской битвы, такая организация оказалась несовершенной из-за отставания стрелковых дивизий, что снижало маневренность армий. Поэтому была утверждена новая организация танковой армии. Она стала более однородной по своему составу и была способна успешно решать крупные оперативные задачи. В состав танковой армии входили два танковых, один механизированный корпусы, зенитная артиллерийская дивизия, мотоциклетный полк, истребительно-противотанковый, гаубичный и гвардейский минометный полки, полк связи, инженерный, автомобильный батальоны и подразделения обслуживания²⁵. В 1943 г. было создано пять танковых армий, а в начале 1944 г. — еще одна.

Одним из направлений строительства танковых войск было обновление танкового парка, насыщение его более совершенными конструкциями, а также самоходными орудиями, противотанковой артиллерией. В мае 1943 г. было решено начать формирование тридцати отдельных истребительно-противотанковых дивизионов для танковых и механизированных корпусов²⁶. Росло количество средних и тяжелых танков. Повышение огневой мощи танковых войск было под постоянным вниманием руководства страны. 30 января 1943 г. на заседании ГКО рассматривалась проблема обеспечения танковых армий гвардейскими минометными частями, а в мае — проблема усиления артиллерийского вооружения танков²⁷.

Количество бронетанкового вооружения уже к 1 июня 1944 г. превысило предвоенный уровень. К началу 1945 г. бронетанковые и механизированные войска Красной армии насчитывали в своем составе 6 танковых армий, 25 танковых и 13 механизированных корпусов, а также большое чис-

ло отдельных танковых и самоходно-артиллерийских частей²⁸. В войсках насчитывалось 12,9 тыс. тяжелых, средних и легких танков и САУ²⁹. Это была мощная ударная сила, позволявшая успешно решать задачи в операциях сухопутных войск.

Большое внимание в руководящей деятельности Верховного Главнокомандования занимали вопросы строительства и повышения могущества «бога войны» — артиллерии. Большие потери материальной части в западных приграничных округах в начале войны, отсутствие запасов артиллерийского вооружения и невозможность промышленности удовлетворять штатные потребности развертываемых стрелковых дивизий в орудиях и минометах вынудили за счет временного ослабления артиллерии стрелковых дивизий создавать мощные артиллерийские резервы Верховного Главнокомандования и перебрасывать их на главные направления. В артиллерию РКК были включены корпусные полки и вторые артиллерийские полки стрелковых дивизий. Эта тенденция — увеличение артиллерии РКК — в строительстве этого рода войск сохранялась всю войну.

По мере роста артиллерии росло число таких частей и соединений. В октябре 1942 г. началось формирование артиллерийских дивизий РКК, а с апреля 1943 г. — корпусов, создавались также отдельные бригады³⁰. К концу 1943 г. в артиллерии РКК насчитывалось 6 корпусов и 26 дивизий, 81 артиллерийская, минометная и истребительно-противотанковая бригада, 7 гвардейских минометных дивизий и 13 отдельных гвардейских минометных бригад РС, 445 артиллерийских, минометных и истребительно-противотанковых полков, 115 гвардейских минометных полков РС, 60 зенитных дивизий. Наличие большого количества артиллерии в распоряжении Верховного Главнокомандования (35 % всех орудий и минометов) позволяло сосредоточивать на направлениях главных ударов значительные ее массы. В 1944 г. рост артиллерии РКК продолжался. С августа 1944 г. началось формирование 4-х корпусов прорыва и 11-ти дивизий прорыва. К концу войны количество орудий и минометов в артиллерии РКК выросло к предвоенному уровню почти на 50 %³¹.

Помимо артиллерии РКК по мере увеличения производства орудий и минометов шел процесс усиления артиллерийскими средствами стрелковых дивизий, корпусов и армий. Уже по декабрьскому штату 1942 г. стрелковой дивизии число орудий и минометов калибра 76 мм и выше вышло на уровень предвоенной организации. При этом количество минометов выросло на 68 единиц³². Тенденция наращивания артиллерийской мощи дивизии продолжалась всю войну. Результатом усилий в этом направлении стало увеличение количества с 196 до 282 орудий, минометов и САУ.

В 1943 г. в стрелковых корпусах начали создаваться корпусные артиллерийские полки, а в 1944 г. — бригады, состоявшие из двух полков, на вооружении которых стояли 152-мм пушки-гаубицы (20 ед.) и 100-мм пушки (20 ед.)³³. Кроме того, в штат стрелкового корпуса были введены полк реактивной артиллерии (М-13) и отдельный зенитно-артиллерийский дивизион. Все это повысило огневые возможности корпуса.

Армейскую артиллерию стали создавать весной 1943 г. Ее представляли армейские артиллерийский, истребительно-противотанковый, минометный (120-мм) полки, один-два полка ПВО и один-два зенитных дивизиона. С принятием в 1944 г. новой организации в штат армии были введены армейские пушечно-артиллерийская бригада, зенитно-артиллерийский дивизион, истребительно-противотанковая артиллерийская бригада. Такое насыщение армии артиллерией повышало возможности армии в организации ПВО, ПТО и нанесении огневого поражения противнику на большую глубину.

С первых дней войны стала очевидной проблема борьбы с танками противника и развития противотанковой артиллерии. Из-за потерь и громоздкости бригадной организации противотанковой артиллерии пришлось перейти на полковую. В каждом полку насчитывалось по 16–20 орудий. Шло постепенное наращивание противотанковой артиллерии. В соответствии с Постановлением ГКО от 15 мая 1942 г. началось формирование 18 противотанковых артиллерийских полков, а 26 июля принимается решение сформировать еще 35 истребительно-противотанковых артиллерийских полков³⁴.

К 1943 г. возможности промышленности позволили перейти к формированию истребительно-противотанковых артиллерийских бригад по 60–72 орудия в каждой. 23 апреля ГКО принял Постановление о формировании десяти таких бригад резерва Главного командования³⁵. На 1 января 1945 г. в резерве Главного Командования находились 71 бригада и 94 полка истребительно-противотанковой артиллерии. В ходе войны истребительно-противотанковая артиллерия РКК выросла количественно почти в 5 раз³⁶.

Особенно динамично в годы войны росла реактивная артиллерия. Первые батареи М-8 стали применяться в июле 1941 г., а 4 августа было принято решение о формировании первого гвардейского минометного полка М-13³⁷. В последующем ГКО многократно рассматривал вопросы о формировании минометных частей (Постановления №№ 889, 951, 1152, 1713, 2042 и др.). С принятием на вооружение новых типов реактивных снарядов (М-30 и М-20) начали формироваться тяжелые гвардейские минометные части — сначала дивизи-

зионы, а затем бригады и дивизии. На 1 января 1945 г. в Красной армии насчитывалось семь таких дивизий, сорок гвардейских минометных бригад, 115 полков и 40 отдельных дивизионов³⁸.

Таким образом, строительство и развитие артиллерии шло по пути повышения возможностей соединений и объединений влиять на исход боя, операции огнем штатной артиллерии. Одновременно наращивалась мощь артиллерии РКК. В составе сухопутных войск к концу 1944 г. было 89 артиллерийских дивизий и дивизий реактивной артиллерии, 138 артиллерийских, истребительно-противотанковых, минометных бригад и бригад реактивной артиллерии.

В годы войны высокими темпами шло строительство инженерных войск. В оборонительных кампаниях потребность в инженерных войсках диктовалась, в первую очередь, необходимостью строительства оборонительных сооружений. Так, осенью 1941 г. было принято решение о формировании 10 саперных армий общей численностью 300 тысяч человек, что свидетельствует о масштабах и объемах инженерных работ³⁹. После того, как необходимость в них пропала, они были расформированы.

В ходе наступления Красной армии инженерные войска привлекались для прорыва укрепленных районов и оборонительных рубежей противника. На инженерные войска возлагались многочисленные и разноплановые задачи, для решения которых формировались различные подразделения и части. При этом был выполнен огромный объем организационной работы по формированию и оснащению инженерных войск. Достаточно сказать, что к концу войны в Красной армии имелось 100 инженерно-саперных и саперных бригад, 11 понтонно-мостовых бригад, 10 полков, 32 отдельных батальона, 41 отдельный инженерный и саперный батальон, 17 парков инженерных машин, 1 прожекторный полк, 1 танковый полк разграждения и ряд других подразделений. Это при том, что до войны насчитывалось только 34 инженерных и понтонных полка⁴⁰.

Предвоенные надежды на то, что линии и узлы Наркомата связи обеспечат в военное время связь Верховного командования с войсковыми формированиями действующей армии, рухнули в самом начале войны. Гражданские линии связи оказались слишком уязвимыми и ограниченными по своим возможностям. Поэтому возникла острая необходимость в формировании новых частей для развертывания узлов связи и ее организации в звене Ставка — фронт, а также для усиления фронтов. Уже с 1 июля 1941 г. началось их формирование. Приказом Наркома обороны от 28 июля 1941 г. «для улучшения работы по организации оперативной связи Красной армии и мате-

риально-техническому обеспечению войск связи» Управление связи Красной армии реорганизовывалось в Главное управление, на которое возлагалось решение всех задач по организации и обеспечению связи⁴¹. Постановлением СНК СССР от 23 июля 1941 г. начальником Главного управления связи Красной армии был назначен Народный комиссар связи СССР И. Т. Пересыпкин⁴².

Работа по строительству войск связи была проделана огромная. Только в течение первого года войны было сформировано свыше тысячи различных частей связи⁴³. Значительное усиление фронтов и армий частями и подразделения связи произошло после введения 21 октября 1943 г. нового оперативного расчета частей связи. В соответствии с ним в состав частей фронта включались отдельные полки, отдельный батальон связи резерва (для обслуживания вспомогательного пункта управления), отдельный радиодивизион, отдельная станционная телеграфно-телефонная рота, два отдельных линейных батальона, две отдельные кабельно-шестовые роты. Увеличивался армейский комплект частей связи, а также части и подразделения для корпусов и дивизий. Всего в 1943 г. было сформировано 464 части связи, которые были полностью укомплектованы и обеспечены положенной техникой⁴⁴.

В 1944 г. ГУСКА было сформировано еще более 80 частей связи⁴⁵. При этом их количество, непосредственно подчиненных Главному управлению связи Красной армии, резко росло, создавая серьезные трудности в управлении. Поэтому в конце 1944 г. все отдельные части были организационно сведены в бригады связи резерва ВГК⁴⁶. Численность личного состава только в войсках связи РКК составляла на 1 мая 1945 г. 247 978 человек⁴⁷. Организационные изменения в войсках связи были в центре внимания ГКО, Ставки ВГК, ГУСКА. С учетом накопленного опыта штаты ГУСКА изменялись 15 раз, управление связи фронтов — 11, отдел связи армий — 5. При этом штат и численность отдельного полка связи фронтов и армий изменялся 3 раза, отдельного линейного батальона связи фронтов и армий — 4 раза⁴⁸. Общая численность войск связи за годы войны выросла более чем в 4 раза и составляла к концу войны почти 10 % от численности вооруженных сил⁴⁹.

Большой проблемой с точки зрения руководства строительством этих войск были поставки средств связи. Она обострилась до предела после потерь в начале войны — некомплект радиостанций составлял до 70 % к штатам. Промышленность оказалась не готовой к удовлетворению потребностей войск. В этих условиях весьма важным было Постановление ГКО № 1112 от 6 января 1942 г. «О мероприятиях по обеспечению произ-

водства средств связи для Красной армии в первом квартале 1942 г.»⁵⁰. В последующем подобные постановления ГКО принимались ежеквартально на протяжении всей войны, а ГУСКА ежемесячно издавал приказы о производстве средств связи.

Увеличение выпуска продукции отечественной промышленностью и поставки импортного имущества позволили начиная с 1943 г. обеспечить средствами связи все вновь формируемые части и соединения. К 1 мая 1945 г. средняя обеспеченность средствами связи армии превышала 75% к табельной потребности⁵¹. При этом на протяжении всей войны шло постоянное совершенствование и качественное улучшение средств связи.

Воздушно-десантные войска война застала в стадии формирования пяти воздушно-десантных корпусов. Они не были в должной мере обеспечены транспортно-десантной авиацией, и потому тяжёлая обстановка первых дней войны вынудила советское командование использовать их в качестве стрелковых соединений действующих фронтов. Но уже 4 сентября 1941 г. Управление ВДВ было преобразовано в Управление командующего ВДВ Красной армии, а воздушно-десантные корпуса были выведены из состава действующих фронтов и переданы в непосредственное подчинение командующего ВДВ.

Однако применение частей 4-го Воздушно-десантного корпуса в Вяземской воздушно-десантной операции в январе-феврале 1942 г. из-за нехватки транспортных самолётов, растянутости десантирования по времени, отсутствия у десантников тяжёлого оружия, слабой организации управления в ходе высадки десантов и взаимодействия их с наступающими войсками не принесло ожидаемых результатов. По приказу Ставки ВГК в 1942 г. имевшиеся 10 воздушно-десантных корпусов были переформированы в 10 гвардейских стрелковых дивизий и отправлены на фронт.

Очередная попытка применения воздушно-десантных войск в сентябре 1943 г. в полосе Воронежского фронта на Днепре также не была удачной. Поэтому воздушно-десантные бригады были по приказу Ставки ВГК изъяты из подчинения командования фронта и переведены в резерв Ставки⁵². В дальнейшем проведение воздушно-десантных операций не практиковалось. Большинство соединений воздушно-десантных войск в октябре 1944 г. были объединены в Отдельную гвардейскую воздушно-десантную армию, преобразованную в конце года в 9-ю гвардейскую общевойсковую армию. Она вошла в состав авиации дальнего действия. В декабре 1944 г. эта армия была расформирована, создано управление ВДВ с подчинением командующему ВВС. В составе ВДВ остались 3 воздушно-десантных бригады,

учебный воздушно-десантный полк, курсы усовершенствования офицерского состава и воздухоплавательный дивизион.

Повышенного внимания со стороны руководства страной требовали вопросы строительства Военно-Воздушных Сил. Противнику уже в первый день войны удалось вывести из строя 1200 советских самолетов, в том числе 800 на аэродромах. К 10 июля ВВС приграничных округов потеряли около половины боевых самолетов, а к 30 сентября 1941 г. они составили более 8 тыс. самолетов⁵³. Советская авиация вынуждена была уступить инициативу на всем советско-германском фронте.

Предстояло не просто восполнить количественные потери, но и обеспечить качественное превосходство над противником, позволяющее владеть инициативой и господством в воздухе. По решению ГКО за Уралом создавалась база авиационной промышленности для массового выпуска самолетов новых конструкций (МиГ-3, Як-1, ЛаГГ-3, Пе-2, Ил-2). Во втором полугодии 1942 г. советская промышленность, полностью перестроив производство на военный лад, выпустила 13413 боевых самолетов, в то время как германская — только 5704⁵⁴. С этого времени на фронт в массовом количестве стали поступать новые, более совершенные истребители, штурмовики и бомбардировщики, которые не только не уступали, но по ряду показателей и превосходили однотипные самолеты противника. На 1 ноября 1942 г. на советско-германском фронте находилось уже 4 544 советских самолёта новых типов. Тем самым к концу 1942 г. количественное и качественное превосходство врага в самолётном парке было ликвидировано.

Одновременно принимались усилия по совершенствованию организационной структуры советских ВВС. На базе фронтового и армейского комплектов авиации в мае-ноябре 1942 г. было создано 17 авиационных оперативных объединений — воздушных армий (ВА), что расширило возможности по массированному применению авиации. Воздушные армии входили в состав фронтов и подчинялись командующим войсками фронтов, а в специальном отношении при участии в воздушных операциях — и командующему ВВС Красной армии. Боевой состав воздушных армий не был постоянным. В зависимости от важности выполняемых задач армия имела от 3–4 авиадивизий до 8–9 авиакорпусов, 10 отдельных авиадивизий и несколько авиаполков и насчитывала в 1942 г. 200–1000 самолётов. С лета 1942 г. было начато формирование авиационных корпусов и дивизий резерва Верховного Главнокомандования, которые использовались Ставкой ВГК для усиления авиационных группировок на важнейших направлениях. Всего было создано 32 таких

корпуса⁵⁵. Смешанные авиадивизии были преобразованы в однородные.

В целях быстрого сосредоточения усилий Дальнебомбардировочной авиации на важнейших стратегических направлениях и централизованного управления объединениями ВВС было принято решение о выведении Дальнебомбардировочной авиации из подчинения командующего ВВС, реорганизации ее в авиацию дальнего действия (АДД) и подчинении Ставке ВГК. Новая организация повысила маневренность авиации, а самое главное, дала возможность массированно применять объединения ВВС.

В мае 1943 г. ГКО принял Постановление № 3307 «О прекращении формирования новых авиасоединений и частей ВВС и пополнении действующих частей»⁵⁶. Существующий комплект обеспечивал выполнение возложенных на ВВС задач. К началу зимней кампании 1944 г. ВВС насчитывали в своем составе 15 623 исправных боевых самолета. Из общего числа боевых самолетов было: истребителей — 42 %, штурмовиков — 30 %, бомбардировщиков — 25 % и разведчиков — 3 %. На вооружении ВВС имелись самолеты: истребители — Як-1, Як-7, Як-9, Ла-5, МиГ-3; бомбардировщики — Пе-2, Ил-4, Ту-2; штурмовики Ил-2⁵⁷.

Строительство ВВС обуславливалось главным образом необходимостью обеспечения действий сухопутных войск, поэтому в течение войны просматривается тенденция увеличения удельного веса штурмовой (с 4,4 % в 1942 г. до 32 % в 1945 г.) и бомбардировочной авиации, чей удельный вес составлял 13-20 %⁵⁸.

До конца войны Военно-Воздушные Силы продолжали наращивать свою ударную мощь за счет количественного и качественного обновления самолетного парка. Совершенствование технологии производства, повышение производительности труда позволили увеличить выпуск самолетов без дополнительного ввода в строй новых заводов. Если в 1944 г. среднемесячное производство составляло 3355 самолетов, то в первом полугодии 1945 г. оно увеличилось до 3483 самолетов. Всего за 1944 г. и первую половину 1945 г. было выпущено 48,6 тыс. боевых самолетов⁵⁹.

Совершенствовалась организационная структура авиационных соединений и объединений. Авиационные корпуса со смешанной организацией переформировывались в однородные: штурмовые, истребительные, бомбардировочные. В конце 1944 г. корпуса авиации дальнего действия были сведены в 18-ю воздушную армию резерва Ставки ВГК. К началу завершающего этапа войны в Европе в составе действующей авиации и РВГК имелось 13 управлений воздушных армий, 155 авиационных истребительных, штурмовых и бомбардировочных дивизий.

Строительство Войск ПВО страны в годы войны пришло к своему логическому завершению — сформировался самостоятельный вид вооруженных сил. Широкое использование противником авиации для решения различных задач предопределяло повышение роли и значения войск ПВО. Первые месяцы войны выявили в системе и организации войск ПВО крупные недостатки. Централизованного управления силами и средствами ПВО на территории страны не было. Зенитная артиллерия подчинялась командующим войсками фронтов и округов, а истребительная авиация, выделенная для противовоздушной обороны, находилась в подчинении командующего ВВС. Зоны ПВО в действующих фронтах в связи с быстрым отходом войск потеряли свое значение.

Поэтому одним из первых шагов руководства страны в строительстве войск ПВО было введение в ноябре 1941 г. должности командующего войсками ПВО территории страны с передачей в его подчинение всех средств ПВО, включая истребительную авиацию⁶⁰. Зоны ПВО, кроме южных и дальневосточных округов, расформировывались, а на их базе создавались корпусные и дивизионные районы.

О масштабах работы по формированию частей ПВО говорит тот факт, что только в июне-июле 1942 г. ГКО 6 раз рассматривал этот вопрос на своих заседаниях, итогом которых стали решения о формировании в общей сложности 77 армейских полков ПВО⁶¹. В ноябре ГКО приняло Постановление № 2523 о формировании 22 зенитных дивизий РГК. По мере увеличения численности войск ПВО и увеличения состава соединений стали создаваться армии и фронты ПВО⁶².

Руководство деятельностью объединений и соединений ПВО в 1943 г. было возложено на командующего артиллерией Красной армии маршала Н. И. Воронова. При нем были созданы Центральный штаб Войск ПВО, Центральный штаб ИА ПВО, Главная инспекция, Управление боевой подготовки, Центральный пост ВНОС. К началу 1944 г. в войсках противовоздушной обороны страны имелось два фронта (Западный и Восточный) и четыре зоны (Закавказская, Дальневосточная, Забайкальская и Среднеазиатская) ПВО, три армии, семь корпусов, 14 дивизий, 18 отдельных бригад, 15 зенитных артиллерийских и три зенитные пулеметные дивизии, 127 зенитных артиллерийских полков, 206 дивизионов, 3 истребительных авиационных корпуса, 19 дивизий, 89 полков и большое число подразделений и частей других средств противовоздушной обороны. Всего в войсках ПВО страны насчитывалось 8313 орудий СЗА, 4659 орудий МЗА, 5965 крупнокалиберных и 2059 других зенитных пулеметов и 2926 самолетов-истребителей⁶³.

В целях улучшения управления противовоздушной обороной Постановлением ГКО № 5508 от 29 марта 1944 г. Западный и Восточный фронты ПВО были преобразованы соответственно в Северный и Южный фронты ПВО, а Закавказская зона ПВО переформирована в Закавказский фронт ПВО. В Северный фронт входили Особая Московская армия; корпусные районы — Мурманский, Горьковский, Минский; дивизионные районы — Архангельский, Череповецкий, Вологодский, Рыбинско-Ярославский, Бологоевский, Смоленский, Куйбышевский, Ладожский. В Южный фронт входили корпусные районы — Харьковский, Киевский, Донбасский, Одесский, Курский, Сталинградский, Ростовский, Львовский; дивизионные районы — Грозненский, Северо-Кавказский, Воронежский. В Закавказский фронт входили Бакинская армия ПВО и две отдельные бригады.

Каждый фронт осуществлял оборону объектов, начиная с прифронтовой полосы на освобождаемой территории и кончая глубоким тылом. Новая реорганизация создавала лучшие возможности для противовоздушной обороны наиболее важных районов и объектов страны.

В связи с увеличением объектов, нуждавшихся в противовоздушной обороне, потребовалось создать новые соединения и части ПВО. Летом и осенью 1944 г. были сформированы новые корпуса, дивизии и бригады. Укреплялись зенитно-артиллерийские и авиационные полки.

В декабре 1944 г. ГКО принял решение разукрупнить фронты ПВО, а их органы управления приблизить к действующим армиям. Северный фронт был преобразован в Западный (штаб — Вильнюс), а Южный — в Юго-Западный (штаб — Львов). Закавказский фронт продолжал выполнять свои задачи в прежних границах. При этом корпусные и дивизионные районы ПВО были переименованы соответственно в корпуса и дивизии ПВО.

Одним из направлений строительства Войск ПВО страны было увеличение количества истребительной авиации и зенитной артиллерии с улучшенными тактико-техническими данными. Число истребителей за первые полгода 1944 г. возросло на 465 машин, а зенитных орудий — на 2308 единиц. Удельный вес новых самолётов-перехватчиков возрос с 79 до 98 %, а модернизированных (85 мм) зенитных орудий — с 57 до 60 %⁶⁴. Поступила новая техника управления станциями РЛС и наведения. Все эти меры способствовали значительному росту боевых возможностей войск ПВО. По численности личного состава и вооружению они выросли за время войны в 3 раза.

Организационные усилия органов государственного и военного управления по строитель-

ству вооруженных сил были бы неэффективными, если бы не была должным образом налажена подготовка командных кадров, специалистов для всех родов войск и видов вооруженных сил. Подготовка офицерских кадров являлась одним из приоритетных направлений в строительстве вооруженных сил в годы войны. Недостаток кадров стал ощущаться уже в первые ее месяцы. Срочно принимались меры по решению этой проблемы. 16 июля 1941 г. ГКО принял Постановление «Об укомплектовании сухопутных военных училищ». Сокращаются сроки обучения в училищах и академиях, увеличивается численность курсантов и слушателей, расширяется сеть учебных заведений. Для укомплектования должностей командиров взводов развертываются трехмесячные курсы младших лейтенантов в армиях, фронтах и округах. На 1 января 1942 г. число военных училищ в Сухопутных войсках и войсках ПВО возросло на 31 учебное заведение, а через год — на 32 и составило 201 училище⁶⁵. Число курсов за этот же год выросло с 123 до 169.

В 1942 г. тенденция создания новых военно-учебных заведений и офицерских курсов, увеличения контингента переменного состава вузов сохранилась. К концу 1942 г. общее количество военных училищ возросло до 235, а штат курсантов в них достиг более 420 тыс. человек, т. е. увеличился по сравнению с 1941 годом более чем на 100 тыс. человек⁶⁶.

По состоянию на 1 января 1943 г. подготовка офицерских кадров Красной армии (Сухопутные войска, ВВС, Войска ПВО страны) осуществлялась в 22 академиях и институтах, 235 училищах, 172 курсах⁶⁷. Начиная с 1943 г. сложившаяся сеть военно-учебных заведений количественно обеспечивала потребности Красной армии в командных кадрах и начальствующем составе. Даже создавался резерв офицеров. Всего за период войны было подготовлено более 1 млн 640 тыс. офицеров-командиров и 300 тыс. политработников. Однако краткосрочность подготовки командного состава не обеспечивала высокого качества и уровня подготовки. Повышать мастерство зачастую приходилось в боевых условиях.

Анализ опыта организации подготовки командных кадров в годы войны позволил Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову прийти к определенным выводам и высказать свои рекомендации по проблемам подготовки военных кадров. Он изложил их в записке, адресованной генерал-полковнику Ф. Голикову — заместителю наркома обороны по кадрам, начальнику ГУК НКО СССР. В ней в частности говорилось, что «если мы не хотим повторить ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронта-

ми, армиями, корпусами и дивизиями. Затраченные средства окупятся успехами войны»⁶⁸. В ней же указывались основные аспекты подготовки кадров, на которые следует обратить особое внимание.

Таким образом, в течение всей войны военно-политическое руководство страны уделяло неослабленное внимание вопросам военного строительства в целях наращивания боевой мощи советских вооружённых сил. В мае 1945 г. Красная армия представляла мощную, технически оснащенную боевую структуру, в которой насчитывалось 11 млн человек, 115,1 тыс. орудий и минометов, свыше 15 тыс. танков и САУ и около 16 тыс. боевых самолетов⁶⁹.

Опыт строительства Красной армии в годы войны подтвердил тезис о том, что его результаты во многом определяются способностью органов стратегического руководства правильно определять направления развития вооруженных сил, эффективно использовать возможности и ресурсы государства, мобилизовать органы управления и кадры на быстрое и качественное решение проблем строительства. Государственный Комитет Обороны, Ставка ВГК, Совет народных комиссаров СССР, органы военного управления ценой титанических усилий обеспечили в годы войны гармоничное развитие видов вооруженных сил и родов войск в соответствии с требованиями обстановки и возможностями страны.

- 1 Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: СОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 249.
- 2 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. Л. 151–153; Д. 12. Л. 164; Д. 13. Л. 171–172; Д. 14. Л. 145.
- 3 Постановления ГКО № 386 от 3 августа и № 411 от 6 августа 1941 г. / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 190; Д. 6. Л. 17.
- 4 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 15. Л. 25–26.
- 5 ЦАМО. Ф. 7. Оп. 68. Д. 1. Л. 1.
- 6 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 254.
- 7 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 344, 426.
- 8 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 24. Л. 160–161.
- 9 Война: 1941–1945. Вестник Архива Президента Российской Федерации. М., 2010. С. 216–221.
- 10 Там же.
- 11 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 587.
- 12 Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Статистический сборник. С. 5, 15.
- 13 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 656.
- 14 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 25–26.
- 15 Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 743.
- 16 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 888.
- 17 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 891.
- 18 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 110. Л. 22–23.
- 19 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 897.
- 20 ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 110. Л. 449–450.
- 21 Постановление ГКО № 671 от 13 сентября 1941 г. / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 9. Л. 101–102.
- 22 Постановление ГКО № 1295 / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 21. Л. 105–111.
- 23 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 892.
- 24 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 114. Л. 66.
- 25 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 892.
- 26 Постановление ГКО № 3392 от 18 мая 1943 г. / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 118. Л. 136–138.
- 27 Постановление ГКО № 2806 от 30 января 1943 г. «Об обеспечении танковых армий гвардейскими минометными частями». / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 85. Л. 65; Постановление ГКО № 3289 от 5 мая 1943 г. «Об усилении артиллерийского вооружения танков и самоходных установок» / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 113. Л. 49–50.
- 28 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1961. С. 892.
- 29 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 8. М., 1977. С. 474.
- 30 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 894.
- 31 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 894.
- 32 Советская артиллерия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1960. С. 742.
- 33 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 894.
- 34 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 35. Л. 62; Д. 45. Л. 27.
- 35 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 109. Л. 196–198.
- 36 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 895–896.
- 37 Постановление ГКО № 392 от 4 августа 1941 г. / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 5. Л. 194–198.

- 38 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 896.
- 39 Постановление ГКО № 787 от 13 октября 1941 г. / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 118–121.
- 40 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 898–899.
- 41 ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 65. Л. 194.
- 42 Хохлов В. С. От шахтера до наркома и маршала. М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2010. С. 952.
- 43 Пересыпкин И. Т. Связь в Великой Отечественной войне. М.: Наука, 1973. С. 46.
- 44 Хохлов В. С. От шахтера до наркома и маршала. М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2010. С. 563.
- 45 ЦАМО. Ф. 71. Оп. 12171. Д. 336. Л. 25–28.
- 46 Военно-исторический журнал. 1975. № 4. С. 79.
- 47 Связь в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945 гг. С. 97.
- 48 История военной связи Российской армии. СПб.: Военный университет связи, 1999. Т. 3. С. 36.
- 49 Хохлов В. С. От шахтера до наркома и маршала. М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2010. С. 568.
- 50 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 18. Л. 163–178.
- 51 Хохлов В. С. От шахтера до наркома и маршала. М.: ООО РИА «ВивидАрт», 2010. С. 584.
- 52 ЦАМО. Ф. 48. Оп. 2294. Д. 13. Л. 237.
- 53 1941 год — опыт планирования и применения Военно-воздушных сил. Уроки и выводы. М., 1989. С. 10, 11.
- 54 Проблемы военного искусства во Второй мировой войне и в послевоенный период (Стратегия и оперативное искусство). М.: ВАГШ, 1995. С. 307.
- 55 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 901.
- 56 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 114. Л. 62.
- 57 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 609.
- 58 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 900.
- 59 50 лет Вооруженных Сил СССР. С. 391.
- 60 Постановление ГКО № 874 от 9 ноября 1941 г. «Об усилении и укреплении ПВО территории Союза». / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 12–17.
- 61 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 37. Л. 1; Д. 39. Л. 36–37; Д. 44. Л. 196, 197; Д. 47. Л. 110; Д. 55. Л. 87.
- 62 Постановление ГКО № 3660 от 29 июня 1943 г. «О реорганизации системы ПВО и создании Западного и Восточного Фронтов ПВО» / РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 129. Л. 70–73.
- 63 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 609.
- 64 История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 473.
- 65 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 908.
- 66 Вожакин М. Г. Подготовка военных кадров в годы Великой Отечественной / Российское военное обозрение. 2005. № 6. С. 61.
- 67 Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. С. 908.
- 68 Вожакин М. Г. Подготовка военных кадров в годы Великой Отечественной / Российское военное обозрение. 2005. № 6. С. 64.
- 69 История Второй мировой войны 1939–1945 гг. Т. 8. С. 473; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 6. С. 48.

Подготовка новых формирований для фронта

(по опыту Сибирского военного округа)

А. Г. Байер*

К началу Великой Отечественной войны советские вооруженные силы по своей мощи уступали лишь полностью отмобилизованному вермахту, но по количеству основных видов вооружений они превосходили и его. К лету 1941 г. они насчитывали 5,7 млн человек. Сухопутные войска Красной армии включали 303 дивизии, 3 отдельные стрелковые, а также 16 воздушно-десантных бригад. Однако все они, за исключением кавалерийских, находились в стадии реорганизации или формирования и оказались не подготовленными к отражению агрессии.

Незавершенность формирования и реорганизации и ряд других причин уже с первых дней войны в ходе ожесточенных боев на огромном советско-германском фронте привели к серьезным потерям в рядах действующей Красной армии. Для восполнения потерь требовались значительные мобилизационные ресурсы, существенная часть которых была потеряна при оставлении части западных советских территорий.

Обстановка на фронте уже в первый месяц военных действий потребовала поставку в действующую армию новых соединений. Ввиду того, что мобилизационным планом не предусматривалось формирование в ходе войны новых соединений, проблему пришлось решать с нуля. Наряду с организацией подготовки маршевого пополнения, экстренно пришлось решать вопрос создания новых воинских формирований. Задача главным образом была возложена на внутренние военные округа, в их числе и на Сибирский военный округ.

Советский Союз накануне Великой Отечественной войны обладал значительным военно-экономическим потенциалом, который при умелом его использовании в целом обеспечивал надежную обороноспособность государства. Од-

нако история распорядилась по-своему. Стране пришлось пройти через тяжелые потери и утраты. Внезапность нападения, быстрое продвижение фашистских войск и ожесточенность сражений повлекли за собой уже в начальный период войны и в последующих оборонительных операциях значительные людские и материальные потери советских войск. 28 дивизий оказались полностью разгромленными, более 72 дивизий имели потери свыше 50%.

Потери личного состава Красной армии к 31 декабря 1941 г. составили 4 473 820 человек, в т. ч. 3137673 — безвозвратные¹. Следует отметить особенно высокие темпы убыли личного состава в Красной армии в первые месяцы войны. Так в летне-осенней кампании 1941 г. людские потери составили 3987,7 тыс. человек, а каждые сутки на советско-германском фронте выбывало из строя в среднем 24 тыс. воинов². Другими словами, боевой состав действующей армии ежедневно сокращался примерно на 2,5 расчетные дивизии. Положение усугублялось постоянным увеличением размаха военных действий и расширением линии фронта, что требовало не только восполнения потерь в действующей армии, но и поступления в ее состав новых соединений и частей.

В связи с большими потерями и необходимостью создания новых формирований остро встал вопрос наличия в стране достаточного количества подготовленного военнообученного людского ресурса. Следует иметь в виду, что в связи с потерей западных областей страны были утрачены большие мобилизационные ресурсы военнообязанных. Число их составило более 5,6 млн человек³.

Положение также осложнялось целым рядом просчетов и недоработок, имевших место в довоенной системе подготовки и накопления во-

* Байер Александр Георгиевич — доцент, научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

еннообученного резерва. Основным источником подготовки и накопления в запасе военнообязанных являлась действительная военная служба. При этом необходимо учесть, что после военной реформы 1924–1925 гг. численность Красной армии сократилась до 562 тыс. человек. Из общего призывного ресурса Красной армии потребность в призывных контингентах составляла около 300 тыс., а остальные 900 тыс. призывников на военную службу не привлекались и фактически оставались необученными. Меры, принятые руководством страны по увеличению численности Красной армии в предвоенные годы, снижению призывного возраста, а также установление более продолжительного срока службы и запаса несколько выправили положение в вопросе накопления мобилизационного резерва.

Однако накопление в запасе обученного контингента только за счет ежегодных призывов на действительную военную службу не могло полностью обеспечить потребность армии при от мобилизации. Поэтому значительную часть военнообязанных планировалось подготовить на учебных сборах в воинских частях и учреждениях Красной армии, в ряде гражданских профильных наркоматов, организациях Осоавиахима, Союза Общества Красного креста и Красного Полумесяца.

Качество обучения в системе Осоавиахима из-за нехватки необходимой материальной части и квалифицированных кадров не полностью отвечало требованиям армии и флота. Поэтому военнообязанные, прошедшие подготовку в Осоавиахиме в 1940 году, принимались на военный учет как малообученные. По этой причине с сентября 1940 г. подготовка военнообязанных в системе Осоавиахим перестала проводиться. В то же время необходимых условий для подготовки военнообязанных при частях и учреждениях не было создано, сеть запасных частей развернута не была⁴.

Не менее сложная ситуация была и в накоплении начальствующего состава запаса. По докладу в марте 1940 г. начальника Управления по начальственному составу РККА НКО СССР Е. А. Щаденко подготовленного командно-начальствующего состава запаса не доставало около 300–350 тысяч⁵. Таким образом, проблему улучшения организации военного обучения граждан СССР и увеличения темпов накопления в запасе военнообученных резервов, способных без длительной переподготовки овладеть поступающим в войска вооружением и военной техникой, накануне войны полностью решить не удалось. Сложный, но очень важный вопрос подготовки военнообученного контингента пришлось решать непосредственно в ходе войны, прежде всего во внутренних военных округах.

Сложившаяся на фронте в первые месяцы военных действий обстановка потребовала формирование большого количества новых частей и соединений в короткие сроки. На их укомплектование использовались наиболее подготовленные военнообязанные запаса. Недостающее количество обученного резерва изымалось из переменного состава военно-учебных заведений, запасных и учебных частей. Во многом этому способствовали меры, принятые ГКО в августе 1941 г., по повышению интенсивности подготовки людских резервов. В частности значительно было увеличено количество и емкость запасных и учебных частей, учебных центров, школ для подготовки младших специалистов. Проведенные мероприятия позволили уже в сентябре 1941 года иметь в запасных частях свыше 1 млн воинов.

С начала войны как в приграничных, так и во внутренних военных округах была развернута работа по мобилизации военнообязанных, формированию объединений, соединений и частей, подготовке маршевого пополнения и комсостава для действующей армии. К началу Великой Отечественной войны территория Советского Союза была разделена на 16 военных округов и Дальневосточный фронт (выполнял функции военного округа). Территория Сибирского военного округа (СибВО) включала Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области, Хакасскую и Ойротскую автономные области⁶. За год до начала войны в соответствии с директивой Генерального штаба № 4/266 в его состав были включены города Тюмень, Ишим, Ялуторовск вместе с районами, ранее входившие в состав Уральского военного округа⁷. В ходе войны его территория периодически уточнялась.

Ожесточенность сражений Красной армии с первых дней Великой Отечественной войны на огромном фронте требовала постоянного пополнения сил, прежде всего в виде новых соединений и частей. В связи с подачей на фронты большого количества пополнения необходимо было упорядочить и централизовать формирование новых частей, соединений и подготовку военнообученного резерва. Поэтому 16 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны (ГКО) принял постановление «О подготовке резервов в системе Наркомата обороны и Наркомата Военно-Морского Флота». Для руководства и контроля над формированием войсковых частей, подготовкой маршевых пополнений было создано Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (Главупраформ). В его структуре руководство формированием и укомплектованием частей и соединений было возложено на Управление укомплектования и формирования. В Сибирском военном округе непосредственно этим вопросом

занимался Отдел мобилизационно-организационный и укомплектования.

В первый месяц войны формировались части и соединения, содержащиеся главным образом в мирное время по сокращенным штатам. 22 июня 1941 г. в штаб Сибирского военного округа поступила директива Наркомата обороны, в которой было предписано на базе управления округа и его войсковых соединений в соответствии с действующим мобилизационным планом сформировать 24-ю общевойсковую армию в составе 52-го стрелкового (91-я, 119-я и 166-я стрелковые дивизии) и 53-го стрелкового (107-я, 133-я и 178-я стрелковые дивизии) корпусов. 27 июня в округ поступила директива Ставки Главного командующего № 0042, уточняющая задачу объединения в действующей армии⁸. С отправкой соединений 24-й армии в округе началось формирование большого числа отдельных частей. В их числе в июне были сформированы и развернуты 392-й гаубичный артиллерийский полк, 486-й гаубичный артиллерийский полк РК РККА и др.

Однако этих мер было недостаточно, тяжелые бои на советско-германском фронте требовали все новых пополнений. 11 августа 1941 года Государственный Комитет Обороны принял постановление № 459сс о формировании новых 85 стрелковых и 25 кавалерийских дивизий во внутренних военных округах страны⁹. Из этого числа только в Сибирском военном округе должны быть сформированы 12 стрелковых и 4 кавалерийские дивизии. Места комплектования дивизий и сроки их готовности были определены директивой Наркома обороны № Орг/2/539010 от 11 августа 1941 г. В соответствии с ней были определены следующие сроки готовности стрелковых дивизий: 380-й — к 15 сентября 1941 г.; 364-й, 384-й, 382-й — к 15 октября 1941 г.; 368-й, 372-й, 376-й, 378-й — к 15 ноября 1941 г.; 362-й, 366-й, 370-й, 374-й — к 15 декабря 1941 г. Готовность первых двух кавалерийских дивизий (73-й и 87-й) была назначена на 1 октября, а двух следующих (75-й и 77-й) — на 15 ноября 1941 г. В соответствии с директивой соединения укомплектовывались за счет призыва из запаса военнообязанных старших возрастов (1904 — 1895 г. р.).¹⁰

В интересах боевой и политической подготовки формируемых соединений сроки укомплектования их личным составом были определены максимально жесткие. Для первых четырех стрелковых и двух кавалерийских дивизий отводилось 15 суток, для остальных — 40.

С начала октября дивизии приступили к боевой учебе. Для формирующихся дивизий из ресурсов округа были выделены оружие, учебные пособия, уставы и другие материальные средства, но их было крайне мало. Так, например, 378-я стрелко-

вая дивизия в период подготовки не имела минимального количества вооружения. К моменту отправки на фронт на вооружении дивизии имелось винтовок — 4,1 %, станковых пулеметов — 2,3 %, ручных пулеметов — 9 %, 120-миллиметровых минометов — 0 %, 82-миллиметровых минометов — 1,8 %, 50-миллиметровых минометов — 2 %, 76-миллиметровых дивизионных и полковых пушек — 6 %, 122-миллиметровых гаубиц — 0 %, 45-миллиметровых пушек — 11 %, 37- или 76-миллиметровых зенитных пушек — 0 %, буссолей — 6,3 %, биноклей — 1,1 %¹¹. Тем не менее, к концу формирования согласно акту приема дивизия получила оценку «удовлетворительно». Задача была выполнена в срок.

Несмотря на предпринимаемые меры, потребности фронта росли быстрее, чем формировались дивизии. В этих условиях с целью облегчения формирования новых соединений осенью 1941 г. стали создаваться бригады (стрелковые, мотострелковые, морские стрелковые, лыжные, самокатные, мотоциклетные, морской пехоты и др.). Для их формирования требовалось меньше людских и материальных ресурсов, а главное — значительно меньше времени.

14 октября 1941 г. вышло постановление ГКО № 796сс «О формировании стрелковых бригад», которым предписывалось к 28 октября с. г. сформировать 50 отдельных стрелковых бригад во внутренних военных округах¹². Приказом Наркома обороны № 00105 от 14 октября 1941 г. в СибВО предписывалось сформировать 41, 42, 43, 44, 45-ю отдельные стрелковые бригады. На укомплектование указанных частей обращалось 40000 курсантов из военных училищ, 40000 курсантов полковых школ, 20000 политбойцов и 116000 бойцов из числа выздоравливающих после ранения¹³. Подчеркивая особую важность назначения этих частей, НКО рекомендовал принять решительные меры для полного обеспечения количественного и качественного состава бригад. Постановление принималось в те дни, когда после вземской катастрофы Западный фронт действующей армии практически перестал существовать и путь на Москву оказался открыт для моторизованных соединений вермахта.

В соответствии с приказом Наркома обороны Сибирский военный округ в октябре 1941 года приступил к формированию 5 отдельных стрелковых бригад: 41-й в Татарске, 42-й в Барнауле, 43-й в Новосибирске, 44-й в Красноярске и 45-й в Кемерове. В состав каждой бригады входили 4 отдельных стрелковых батальона и артиллерийский дивизион, а также отдельный минометный дивизион, отдельный батальон связи, 6 рот противотанковых ружей, рота автоматчиков, разведывательная и медико-санитарная

роты. Штатная численность бригады составляла 4,5 тыс. человек.

Процесс укомплектования бригад личным составом можно рассмотреть на примере 44-й стрелковой бригады. Ее управление и бригадные части создавались непосредственно в Красноярске, а стрелковые батальоны разворачивались в Ачинске, Абакане, Канске и Ужуре. На ее укомплектование были использованы курсанты Ачинского пехотного, 1-го Киевского пехотного, 1-го Киевского артиллерийского, Киевского связи, Орджоникидзеградского автомобильно-мотоциклетного военных училищ, Харьковской и 66-й окружной школ младших авиаспециалистов, школ младшего начсостава полков 43-й запасной стрелковой бригады, иных военно-учебных заведений округа¹⁴.

После отправки в ноябре месяце бригад на фронт пришел приказ о формировании очередных воинских соединений. По постановлению ГКО № 935сс от 22.11.1941 г., приказом командующего войсками СибВО № 0093 от 8.12.1941 г. в округе надлежало сформировать 16 стрелковых дивизий и восемь отдельных стрелковых бригад¹⁵. Дивизии должны были быть укомплектованы личным составом полностью к середине февраля 1942 года и вооружены к концу марта. Одновременно началось формирование четырнадцати отдельных стрелковых бригад второй очереди (69, 70, 71, 72, 73, 121, 137, 140, 144, 145, 146, 147, 148, 149-й)¹⁶.

В наиболее напряженный период формирования стрелковых дивизий и бригад (октябрь — декабрь 1941 г.) округ одновременно решал задачи по созданию отдельных артиллерийских, авиационных полков, полков и батальонов связи, дорожных, транспортно-гужевого, мостостроительных и автотранспортных батальонов. Шло строительство и формирование бронепоездов. Значительное количество воинского контингента направлялось на укомплектование воинских соединений и частей, формируемых на территории других военных округов.

В целом массовый призыв 1941 года практически исчерпал мобилизационные ресурсы страны, в том числе сибирских регионов. К началу 1942 года призыв в Красную армию мог обеспечиваться в основном только за счет призывников 1923–1925 гг. рождения.

1942 год в вопросах решения задач создания новых формирований для округа был не менее сложным. Уже с начала года необходимо было реализовывать Постановление ГКО № 1229, подписанное 1 февраля 1942 г., о формировании в округах 50 стрелковых дивизий и 100 курсантских бригад¹⁷. Сибирский округ в соответствии с Постановлением приступил к формированию двух стрелковых дивизий и пяти бригад первой

очереди со сроком готовности к 15 июня 1942 г. и трех дивизий и четырех бригад второй очереди со сроком готовности к 1 октября 1942 г. На укомплектование данных формирований использовались выздоровевшие после ранений красноармейцы и младшие командиры, призывники 1923 года, курсанты военных училищ и полковых школ, военнообязанные других категорий. В весенние месяцы 1942 г. на базе округа были сформированы 130-й минометный полк РГК, 6-я и 7-я отдельные истребительно-противотанковые бригады и 83-й зенитно-артиллерийский полк.

Летом 1942 года, когда на южном крыле советско-германского фронта сложилась крайне тяжелая обстановка, в Сибири зародилось новое патриотическое движение — создание добровольческих соединений. В период с июля по сентябрь 1942 г. в Сибири был сформирован 6-й Сибирский добровольческий стрелковый корпус. В его состав вошли 150-я стрелковая дивизия (Новосибирск), 74-я (2 форм., Барнаул), 75-я (Омск), 78-я (Красноярск), 91-я (2 форм., Новосибирск) отдельные стрелковые бригады¹⁸. Количество заявлений о добровольном зачислении в состав формируемых соединений превышало в 2–3 раза необходимое. Все соединения были направлены в действующую армию с превышением штатной численности.

С учетом опыта зимы 1941–1942 гг. в сентябре 1942 г. на территории СибВО началось формирование 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30-й лыжных стрелковых бригад. На укомплектование новых соединений поступали военнообязанные запаса из военных комиссариатов округа и военнослужащих рядового и младшего начсостава, отобранные в запасных частях и военных училищах округа не моложе 20 и не старше 35 лет¹⁹. В эти же месяцы в Новосибирске завершилось формирование 140-й Сибирской стрелковой дивизии (4 форм.). В конце года в Омской области были сформированы 288-й и 293-й отдельные минометные полки.

К началу 1943 г. мобилизационные ресурсы на территории Сибирского военного округа были практически истощены. Так, например, военными комиссариатами Новосибирской области в период с 22 июня 1941 г. по 31 декабря 1942 г. только на укомплектование новых воинских формирований было направлено 184423 чел., в т. ч. в СибВО — 140166 чел., в другие военные округа — 44257 чел. В целом процент мобилизации людских ресурсов по регионам, входившим в СибВО, был значительно выше, чем в других регионах страны. За войну из Сибири было призвано 2701,4 тыс. человек (процент мобилизации — 24,3%, а в среднем по стране он был 19,8%), при этом следует отметить, что более 70% от этого числа было мобилизовано

в 1941–1942 гг.²⁰. Задача по созданию новых воинских формирований с округа хотя и не была снята, но была сведена к минимуму. Так для решения задач по охране объектов, сопровождению грузов, борьбе с диверсантами в тылу по постановлению ГКО от февраля 1943 г. формировались женские стрелковые бригады, в т. ч. на территории Сибирских регионов — 7 бригад, каждая численностью по 2600 человек. Сроки их готовности были следующими: 3 бригады — к 1 июня 1943 г.; 2 бригады — к 15 июля 1943 г.; 2 бригады — к 30 августа 1943 г.

Весной из добровольцев-сибиряков в соответствии с приказом командующего войсками СибВО № 0264 от 26.04.1943 г. было сформировано четыре отдельных батальона автоматчиков численностью по 324 человека каждый. Пунктами формирования были города Сибири: Омск, Бийск, Красноярск и Бердск. В мае сформированным батальонам были присвоены номера соответственно: Омскому — 27-й, Бийскому — 32-й,

Красноярскому — 33-й, Бердскому — 34-й. После отправки на фронт батальонов автоматчиков в июне в г. Бердске началось формирование Новосибирской гвардейской тяжелой минометной бригады.

С отправкой последних формирований в действующую армию на территории Сибирского округа практически больше новых формирований не производилось. Все силы округа были нацелены на выполнение нарядов Главупраформа по подготовке и отправке в действующую армию маршевого пополнения из запасных и учебных частей.

В целом в годы Великой Отечественной войны в СибВО было сформировано 4 оперативно-тактических формирования, 43 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 30 стрелковых, минометных и лыжных бригад. Они доблестно сражались на фронтах войны. Многие из них отличились в боях и были удостоены орденов, гвардейских званий и почетных наименований.

¹ Гриф секретности снят. Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. Статистическое исследование. / Под общей редакцией Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. С. 141, 147.

² Там же. С. 157–159

³ 1941 год — уроки и выводы. Генеральный штаб Объединенных Вооруженных сил СНГ. М.: Воениздат, 1992. С. 114.

⁴ Гринкевич Д. А., генерал-полковник. Из истории создания и подготовки резервных формирований. // Военная мысль. 1989. № 11. С. 21–31.

⁵ Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 179.

⁶ Советская военная энциклопедия. Т. 7. М.: Воениздат, 1979. С. 337.

⁷ РГВИА. Ф. 25893, Оп. 1, Д. 71, Л. 587.

⁸ Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5–1). М.: ТЕРРА, 1996. С. 41.

⁹ РГАСПИ. Ф. 644, Оп. 1, Д. 6, Л. 151–153.

¹⁰ Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск: Гос. пред. «Новосибирский полиграфический комбинат», 2001. С. 234–239.

¹¹ Стратегическая оборона. 1941–1942 гг. Мобилизация. [Электронный ресурс] // Красноярск — Берлин 1941–1945. URL: <http://pobeda.krskstate.ru/oborona/part2> (дата обращения — 04.03.2015 г.).

¹² РГАСПИ. Ф. 644, Оп. 1, Д. 12, Л. 144.

¹³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного Комиссара Обороны СССР. 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 117–118.

¹⁴ Стратегическая оборона. 1941–1942 гг. Мобилизация. [Электронный ресурс] // Красноярск — Берлин 1941–1945. URL: <http://pobeda.krskstate.ru/oborona/part2> (дата обращения — 04.03.2015 г.).

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 644, Оп. 1, Д. 14, Л. 145.

¹⁶ Ростов Н. Д. Идем мы в решительный бой... Подготовка резервов для фронта в Сибири в годы Великой Отечественной войны. Барнаул: Изд-во АлтГТУ, 2007. С. 158.

¹⁷ РГАСПИ. Ф. 644, Оп. 1, Д. 20, Л. 153–157, 158–159.

¹⁸ Фабрика Ю. А. Сибирский щит (становление сибирского воинства и военные деятели Сибири). Новосибирск: Гос. пред. «Новосибирский полиграфический комбинат», 2001. С. 114.

¹⁹ Краткий исторический справочник лыжных бригад. Л. 21–25 (все с оборотом) // Научно-справочная библиотека ЦАМО РФ.

²⁰ Великая Отечественная на земле Российской. Военно-историческое исследование. М.: РИЦ МО РФ, 2006. С. 378; Кужурин В. С. О численности населения СССР накануне Великой Отечественной войны. // Военно-исторический журнал. 1991. № 2. С. 24–25.

Совершенствование оперативного искусства и тактики ВВС в годы Великой Отечественной войны

О. Ю. Симаков*

Опыт Великой Отечественной войны убедительно свидетельствует, что авиация — одно из основных средств выполнения оперативных задач, при этом успех во фронтовой операции в большой степени зависел от эффективной поддержки наземных войск и надежного их прикрытия. Своими массированными бомбардировками войск и объектов противника на поле боя и в оперативно-тактической глубине авиация помогала пехоте и танкам прорывать оборону врага, окружать и уничтожать его группировки, захватывать и удерживать важные районы и рубежи, форсировать водные преграды и решать другие оперативные задачи. Активные действия авиации способствовали масштабности и динамичности операции, оказывая заметное влияние на ход и исход наступления наземных войск¹.

В период, когда советские войска вели стратегическую оборону на протяжении всего советско-германского фронта, авиация оперативно-стратегических задач самостоятельно не решала. Ее усилия, как правило, были направлены непосредственно на поддержку и прикрытие войск на поле боя. Поэтому основным способом боевых действий бомбардировочной и штурмовой авиации являлись эшелонированные удары соединений и частей, действовавших мелкими группами под прикрытием 4–6 истребителей².

Истребительная авиация с целью прикрытия наземных войск и обеспечения боевых действий других родов авиации использовала такие способы боевых действий, как патрулирование («дежурство в воздухе»), перехват самолетов противника из положения «дежурство на аэродромах» (в засадах), сопровождение бомбардировщиков и штурмовиков, блокирование и атаку аэродро-

мов противника. При этом из-за недостаточного количества радиосредств и отсутствия во фронтовой истребительной авиации радиолокационных средств, необходимых для своевременного оповещения о пролетах немецкой авиации, основным способом боевых действий фронтовых истребителей при прикрытии ими войск на поле боя и военных объектов было патрулирование. Стоит отметить, что этот в известной мере пассивный способ боевых действий истребителей неизбежно приводил к большому расходу сил. Тем не менее, в то время необходимость надежного прикрытия войск и тыловых объектов оправдывала такое применение истребителей.

В случаях обеспечения боевых действий бомбардировщиков и штурмовиков истребители чаще всего сопровождали их мелкими группами до цели и обратно до своих аэродромов. Но и такой способ непосредственного сопровождения требовал от истребительной авиации большого расхода сил, а следовательно, и большого напряжения.

Активные способы боевых действий истребителей, такие как «охота» и атака аэродромов противника, прикрытие своих бомбардировщиков и штурмовиков в районах их боевых действий, перехват самолетов врага путем вылета из положения «дежурство на аэродромах», начали применяться только к концу первого периода Великой Отечественной войны.

Важнейшей задачей авиации в оборонительных операциях являлось содействие контрудару войск фронта. Для ее выполнения привлекались все силы его воздушной армии, а в ночное время — часть сил авиации дальнего действия. Обычно контрудару предшествовала авиационная подготовка. С началом контрудара воздушная армия переключала все свои усилия на авиационную

* Симаков Олег Юрьевич — к. и. н., с. н. с. Научно-исследовательский институт (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ.

поддержку наступавших войск. Чтобы изолировать район контрудара от притока резервов противника, выделялась штурмовая и бомбардировочная авиация.

Более эффективно ВВС решали свои задачи в ходе авиационного наступления. Суть его заключалась в непрерывной поддержке своих войск массированными действиями авиации на всю глубину операции. Первый опыт подготовки и проведения авиационного наступления был приобретен в контрнаступлении под Сталинградом. В дальнейшем авиационное наступление получило свое развитие в контрнаступлении под Курском. В ходе фронтовых наступательных операций на него было затрачено от 40 до 56 процентов самолетовылетов от общего их числа³.

Проведению наступательной операции фронта предшествовал подготовительный период⁴, в ходе которого организовывалось взаимодействие авиации с наземными войсками, а также между объединениями и соединениями, входившими в состав авиационной группировки. При этом планировалось боевое применение авиации, создавалась система пунктов управления ВВС⁵, осуществлялись перегруппировка и сосредоточение авиационных сил, развивалась аэродромная сеть, проходило накопление запасов боевых и материальных средств, ремонтировалась авиационная техника, маскировалось базирование авиации, велась воздушная разведка, организовывалось обеспечение действий авиации, повышался уровень боевой подготовки авиационных частей и соединений и др.

Чтобы детально согласовать усилия авиационных соединений с наземными войсками при прорыве обороны и развитии успеха, разрабатывались планы взаимодействия. В них определялись задачи авиации и войск по времени и целям; создавалась система взаимобозначения, целеуказания и наведения; решались вопросы вызова авиации и управления ею на поле боя.

В ходе подготовительного периода большое внимание уделялось не только тщательной маскировке действующих аэродромов, но и созданию ложных группировок авиации на второстепенных направлениях⁶.

На ложных аэродромах, которые начали строиться в 1942 г., устанавливались макеты самолетов и обслуживающей техники, искусно имитировалась летная деятельность. Эти мероприятия помогали ввести противника в заблуждение относительно замысла операции, скрывали истинный характер предстоящих действий воздушной армии и их масштаб.

В период подготовки к наступательным операциям воздушные армии выполняли важные боевые задачи: прикрывали свои ударные группи-

ровки и объекты тыла от налетов бомбардировщиков и воздушной разведки; нарушали работу коммуникаций противника; уничтожали его войска и военную технику в районах сосредоточения; действовали по немецким штабам и узлам связи с целью нарушения управления; осуществляли воздушную разведку.

Одновременно в авиационных частях проводились учебно-тренировочные полеты, отрабатывались техника пилотирования, тактика воздушного боя, групповая слетанность. Экипажи изучали с воздуха районы боевых действий и систему противовоздушной обороны врага.

Вместе с тем напряжение действий авиации в подготовительном периоде было в целом невысоким. Готовясь к наступательным операциям, авиационные объединения и соединения экономии силы и средства к предстоящим сражениям, выполняя только крайне необходимые задачи.

В директиве командующего ВВС Красной армии от 16 июня 1943 г. от командующих воздушными армиями требовалось: «В периоды затишья на фронте прекращать бесцельные боевые полеты, кроме разведки и отражения налетов вражеской авиации на советскую территорию... В случае проведения наземными войсками каких-либо операций с участием авиации командующим воздушными армиями немедленно доносить об этом мне для доклада наркомму обороны. К действиям приступать лишь после разрешения, воздушным армиям сохранять силы, усиленно вести подготовку штабов и поддерживать летную квалификацию экипажей»⁷.

25 августа 1943 г. заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Г.К. Жуков приказал: «В периоды затишья на земле и в воздухе авиацию сберечь, без нужды моторосамолетный ресурс не расходовать. Наибольшее напряжение от авиации требовать только в наступательных операциях...»⁸.

Во время оперативных пауз использовались такие способы прикрытия войск и тыловых объектов, как перехват по данным системы воздушного наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) воздушного противника из положения «дежурство на аэродроме», патрулирование самолетами врага над его территорией истребителями применялся способ «свободной охоты». Перехват воздушных разведчиков часто осуществлялся ими из засад, которые устраивались на посадочных площадках в 10–15 км от линии фронта. В засады выделялись звенья или пары истребителей, вылетавшие на перехват при появлении в воздухе немецкого разведчика.

Действия истребительной авиации по прикрытию своих войск, а также решительная борьба с воздушной разведкой противника способ-

ствовали не только накоплению сил и средств, но и осуществлению планомерной подготовки к наступлению, достижению внезапности начала операции.

Для ослабления вражеской авиации к началу наступления и снижения активности ее действий в подготовительном периоде советская авиация наносила также удары по аэродромам. Их организовывала как Ставка ВГК и командование ВВС Красной армии, так и командование фронта и воздушной армии.

Среди задач, выполнявшихся авиацией в этот период, важное место занимали действия по срыву перевозок войск и военной техники противника, а также нарушению его перегруппировок. Интенсивность и характер действий советской авиации определялись наличием авиационных сил и средств, состоянием погоды и другими факторами. В крупных операциях действия авиации по срыву сосредоточения войск и нарушению коммуникаций противника, как правило, по указанию Ставки ВГК велись на широком фронте и на большую глубину с привлечением соединений авиации дальнего действия и воздушных армий. При этом основными ее объектами для ударов являлись железнодорожные узлы, станции, перегоны, мосты, переправы, морские порты, войска и техника противника в пунктах погрузки, выгрузки и в пути следования. Причем, если дальние бомбардировщики подвергали воздействию коммуникации главным образом в глубоком тылу, на удалении 250–300 км от линии фронта, то воздушные армии — в прифронтовой полосе.

Борьба с железнодорожными и автомобильными перевозками велась различными способами боевых действий: эшелонированными действиями небольших подразделений, сосредоточенными ударами крупных групп самолетов и «свободной охотой».

Для ведения «свободной охоты» выделялись экипажи истребительной, штурмовой и бомбардировочной авиации, которые имели богатый боевой опыт, хорошую бомбардировочную и стрелковую подготовку, а также знали район предстоящих боевых действий. На каждое железнодорожное направление или автомагистраль выделялась группа из 2–4 самолетов.

При обнаружении цели «охотники» прежде всего старались повредить головную автомашину (паровоз), чтобы остановить движение, а затем бомбами и пулеметно-пушечным огнем уничтожить личный состав и военную технику противника.

Однако для борьбы с перегруппировками врага выделялись, как правило, незначительные силы авиации. Причина была в малочисленности

фронтовой бомбардировочной авиации. Ее силы экономно расходовались и сберегались для поддержки перешедших в наступление войск, а также из-за отсутствия вплоть до 1944 г. истребителей дальнего сопровождения, без которых удары по объектам тыла сопровождались существенными потерями бомбардировщиков.

Действия авиации в наступательных операциях осуществлялись в форме наступления. Оно состояло из двух периодов: авиационная подготовка атаки и поддержка атаки войск в глубине обороны противника. Новым в операциях 1944–1945 гг. было разделение авиационной подготовки на два этапа: предварительная подготовка и непосредственная подготовка атаки.

Предварительная авиационная подготовка проводилась в случаях, если войскам предстояло прорывать сильно укрепленную оборону противника (укрепрайоны). Она начиналась задолго до наступления и выполнялась сосредоточенными ударами, а также действиями мелких групп и одиночных самолетов на широком фронте днем и ночью с целью уничтожения противника на всей главной полосе обороны и местах сосредоточения резервов, уничтожения артиллерии врага на огневых позициях, воспрепятствования перегруппировок войск противника, нарушения управления войсками, уничтожения немецкой авиации на аэродромах и в воздухе⁹. Задачи авиации на проведение предварительной подготовки ставил командующий войсками фронта. Он же определял основные цели для подавления или уничтожения их авиацией.

Опыт войны показал, что наибольшая эффективность авиационной подготовки достигалась тогда, когда силы авиации решительно сосредотачивались на участках прорыва обороны противника. При этом для того, чтобы авиационные соединения действовали не по площадям, а по конкретным целям в тесном взаимодействии с артиллерией и другими силами и средствами фронта, авиацией тщательно выбирались объекты для поражения.

Организация авиационной подготовки, ее продолжительность и способы проведения зависели от прочности обороны врага, времени перехода наземных войск в наступление (днем или ночью), наличия авиационных сил и характера объектов, подлежащих подавлению и уничтожению. Поскольку абсолютное большинство наступательных операций фронтов начиналось с рассветом, а сил дневной бомбардировочной и штурмовой авиации обычно не хватало, чтобы непосредственно перед атакой войск подавить и уничтожить все намеченные объекты, то авиационная подготовка велась ночью. В общей сложности она продолжалась несколько часов.

Вместе с тем в некоторых наступательных операциях фронта авиационная подготовка осуществлялась только соединениями дневной авиации. Так утром 3 августа 1943 г. авиационные соединения 5-й воздушной армии Степного фронта нанесли два сосредоточенных удара: первый — силами 50 бомбардировщиков Пе-2 по узлам сопротивления и скоплению войск противника за 1 ч. 30 мин. до атаки, а второй — 100 бомбардировщиками непосредственно перед атакой¹⁰.

В ряде операций воздушные армии на время проведения авиационной подготовки усиливались не только соединениями АДД, но и за счет бомбардировочной авиации соседних фронтов, а на приморских направлениях — и авиацией флота¹¹. Усиление также практиковалось в тех случаях, когда войскам фронта предстояло прорывать мощную оборону врага, а воздушная армия не располагала для решения задач авиационной подготовки дневной бомбардировочной авиацией (4-я воздушная армия в Могилевской операции) или имела ее очень мало (13-я воздушная армия в Выборгской операции, 1-я воздушная армия в Кенигсбергской операции и др.). Благодаря привлечению дополнительных сил ВВС повышалась плотность бомбовых ударов во время авиационной подготовки.

В ходе войны с изменением характера обороны противника совершенствовались способы проведения авиационной подготовки. Основными направлениями ее совершенствования были: сокращение продолжительности (с 2–2,5 ч. и более до 20–30 мин.) при неуклонном повышении плотности бомбового удара; увеличение глубины воздействия на объекты противника (уничтожались и подавлялись огневые средства не только на главной, но и на второй и последующих полосах обороны); возрастание мощи авиационных ударов и приближение их к переднему краю фронта; увеличение масштаба привлекаемых сил авиации и совершенствование способов их применения.

При переходе войск в наступление проводилась авиационная поддержка. Прорыв тактической зоны обороны противника являлся одним из ответственных этапов наступательной операции. Для выполнения боевых задач привлекались все силы авиационной группировки фронта, которые действовали с наивысшим напряжением.

При прорыве оперативной обороны советские ВВС в интересах обеспечения ввода в сражение (в прорыв) подвижных войск и их действий решали следующие задачи: вели воздушную разведку; прикрывали в районах сосредоточения танки и пехоту от воздушных ударов противника; наносили удары по контратаковавшим войскам врага; уничтожали средства его проти-

вотанковой обороны и вели борьбу с резервами. Для взаимодействия с подвижными соединениями выделялись специальные части и соединения штурмовой и истребительной авиации: как правило, на танковую армию — от штурмовой авиационной дивизии до штурмового авиационного корпуса и примерно такое же количество истребителей.

При прорыве обороны противника авиация нередко ставила дымовые завесы. Благодаря им противник не мог вести прицельный огонь и точно определять направление главного удара советских войск (Орловская, Берлинская операции и др.). Дымовые завесы обычно ставились на широком фронте, во много раз превышающем участки прорыва обороны.

В ходе войны способы организации и проведения авиационной поддержки наступавших войск неуклонно совершенствовались. В операциях второго и третьего ее периодов она приобрела существенный размах, что объяснялось количественным ростом боевого состава воздушных армий. При прорыве тактической зоны обороны авиационная поддержка осуществлялась теперь путем мощного огневого и бомбового воздействия как по объектам противника непосредственно перед атаковавшими войсками, так и по целям, расположенным в глубине. Причем удары штурмовой и бомбардировочной авиации тесно увязывались по месту и времени с маневром и действиями наступавших.

В период проведения авиационной поддержки соблюдались следующие требования: а) с учетом влияния ударов авиации на развитие боя и самой операции и в соответствии с интересами наземных войск уничтожать объекты врага на поле боя и в глубине; б) на решающих направлениях создавать подавляющее превосходство своей авиации; в) добиваться длительного воздействия на противника с воздуха.

Обычно для авиационной поддержки армии, прорывавшей на главном направлении оборону, выделялись штурмовые авиационные соединения (корпус, дивизия). Когда требовалась обстановка, они усиливались другими соединениями штурмовой и бомбардировочной авиации.

Состав авиационных сил, выделяемых для поддержки соединений и частей, определялся наличием в воздушной армии штурмовой и бомбардировочной авиации. При этом в основном штурмовики, а также небольшое количество бомбардировщиков и истребителей решали задачи в тактическом взаимодействии с наземными войсками. Авиационные соединения непрерывными эшелонированными действиями групп самолетов наносили удары по штурмовым орудиям противника, артиллерийским и минометным батареям,

огневым средствам в траншеях, опорным пунктам в тактической глубине обороны, а также по контратаковавшим его войскам. Подавляя огонь артиллерийских и минометных батарей, уничтожая противника на поле боя, авиация создавала пехоте и танкам возможность преодолевать его оборонительные укрепления. Причем атаки групп самолетов проводились непосредственно впереди атаковавших войск.

Количественный рост авиации позволил ей широко применять боевой порядок «замкнутый круг», который обеспечивал соединениям и частям воздушной армии свободу маневра, длительность и непрерывность подавления целей, защиту от зенитной артиллерии и истребителей противника. В отдельных операциях третьего периода войны количество самолетов в «замкнутом круге» доходило до 36–50 и более. Такой боевой порядок давал возможность штурмовикам эффективнее применять огневые средства и облегчал летчикам осуществлять прицельное бомбометание с пикирования. При этом экипажи делали несколько заходов на цель, чтобы продлить время воздействия на противника, и поражали его военную технику и войска реактивными снарядами, бомбами и пулеметно-пушечным огнем.

С лета 1943 г. начали широко применяться, кроме фугасных и осколочных бомб, противотанковые авиационные бомбы кумулятивного действия, которые резко повысили эффективность авиационной поддержки. По мере продвижения Красной армии усилия поддерживавшей ее авиации переносились в глубь обороны врага. При активной и непрерывной поддержке с воздуха войска преодолевали одну оборонительную позицию врага за другой, взламывая его оборону и развивая тактический успех в оперативный. Массированное, целеустремленное и непрерывное по месту и времени авиационное сопровождение пехоты и танков способствовало стремительному прорыву обороны. «Действия штурмовиков над полем боя дали возможность наземным войскам быстро продвинуться вперед и овладеть опорными пунктами и узлами вражеской обороны»¹², — отмечал начальник штаба 3-й армии генерал М. В. Ивашечкин (Орловская операция). Командир 48-го стрелкового корпуса генерал З. З. Рогозный указывал: «Только благодаря непосредственно организованному взаимодействию и массированным ударам летчиков на самолетах Ил-2 наземные части имели продвижение»¹³ (Белгородско-Харьковская операция). «Действия авиации на участке 108-го стрелкового корпуса проведены хорошо. Стрелковые части, наступавшие в полосе корпуса, в лице авиации встретили хорошую поддержку»¹⁴, — сообщал командир корпуса генерал М. Ф. Тихонов (Выборгская операция).

Чтобы штурмовики качественно выполняли свои задачи, в каждую стрелковую дивизию выделялись офицеры связи. Имея радиостанции УКВ, они докладывали своим командирам, как разворачиваются боевые действия в воздухе и на поле боя. Получив информацию об обстановке, командир авиационного корпуса или дивизии передавал по радио необходимые указания командирам групп самолетов, которые выполняли задачи в районах, недоступных для его наблюдения. Таким образом, это помогало авиационному командованию быть в курсе обстановки на всем участке прорыва и управлять штурмовиками даже в тех случаях, когда они находились вне поля его зрения.

Большое значение в период организации авиационной поддержки войск имела единая система обозначения целей. Она состояла в том, что нанесенные на карту объекты, которые подлежали воздействию авиации на участке прорыва обороны, нумеровались. Такие карты были у командиров соединений и частей на пунктах управления авиацией, а также у командиров групп самолетов и авианаводчиков. При подготовке к операции командиры групп независимо от того, на каком участке они должны были действовать, изучали намеченные цели, благодаря чему они могли быстро отыскивать нужный объект удара и своевременно выводить на него самолеты. Кроме того, у каждого авианаводчика имелись позывные не только запланированных групп, но и тех, что в связи с изменившейся обстановкой могли быть перенацелены¹⁵.

В ходе авиационной поддержки эшелонированные действия небольших групп штурмовиков и бомбардировщиков сочетались с сосредоточенными и массированными ударами. Обычно это практиковалось для разгрома контратаковавшей группировки противника, подавления мощных узлов его сопротивления, уничтожения подходящих резервов. После преодоления тактической зоны обороны, когда сопротивление врага резко снижалось, способы проведения авиационной поддержки менялись. От непрерывных эшелонированных действий штурмовики и бомбардировщики по вызову авиационных представителей (оперативных групп), находившихся на КП командиров наземных войск, переходили к периодическим ударам по важным целям противника на поле боя. Когда для советских войск обстановка осложнялась, воздушные армии вновь приступали к непрерывной авиационной поддержке. Так было почти во всех наступательных операциях второго и третьего периодов войны.

Таким образом, способы авиационной поддержки зависели от конкретных условий обстановки. Например, в Львовско-Сандомирской операции для отражения контрудара танковых

и моторизованных войск врага, который был нанесен им 15 июля 1944 г., были задействованы все бомбардировочные авиационные корпуса, два из четырех штурмовых авиационных корпуса и отдельная штурмовая авиадивизия 2-й воздушной армии. Совершив 3288 самолето-вылетов, они нанесли массированный удар по группировке врага. При этом плотность бомбового удара составила 102 тонны на 1 кв. км площади цели. Немецкие войска понесли тяжелые потери, контрудар был сорван. «Авиация 15 июля спасла критическое положение 38-й армии»¹⁶, — отмечал командующий 1-м Украинским фронтом Маршал Советского Союза И. С. Конев.

Успех отражения контрудара в значительной степени зависел от своевременного обнаружения воздушной разведкой действий авиации противника, вскрытия замысла и воспрепятствования подходу его резервов, а также тесного взаимодействия своей авиации с наземными войсками, решительного массирования сил авиации при разгроме наиболее опасной группировки врага.

Авиационные группировки, которые привлекались для участия во фронтовых наступательных операциях, были различны по своей численности. Их состав и характер действий определялись общей и воздушной обстановкой, целями и замыслом операции, наличием в распоряжении Верховного Главнокомандования авиационных сил, а также ролью тех или иных фронтовых объединений в наступательных операциях со стратегическими целями.

Как правило, фронт, которому в операциях отводилась решающая роль, получал больше авиационных сил. Например, в контрнаступлении под Москвой советские ВВС насчитывали 760 самолетов, авиация противника — 600, в контрнаступлении под Сталинградом (соответственно) — 1350 и 1216, в контрнаступлении под Курском — 4300 и 2100, в Белорусской операции — около 5000 и около 1350, в Берлинской операции — 7500 и 3300¹⁷.

В первом периоде войны, когда силы авиации фронтов были крайне ограничены, действия бомбардировщиков и штурмовиков сводились к эпизодическим ударам. В основном их действия слабо массировались на главных направлениях. К тому же удары авиации наносились на большом удалении от своих наступавших войск. Такие разрозненные, эпизодические, удаленные от линии фронта действия не давали должного эффекта. С одной стороны, наступавшие войска не могли сразу использовать результаты ударов авиации, которые наносились по объектам в глубине противника. С другой, эти действия распылялись во всей полосе наступления фронта, а поэтому не представлялось возможности надежно подавить

огневые средства и войска неприятеля. Вследствие этого советские войска медленно прорывали оборону и несли большие потери от огневых средств противника.

Количественный и качественный рост советских ВВС, совершенствование их организационной структуры (создание воздушных армий, авиационных корпусов, однородных авиадивизий), приобретенный боевой опыт, а также практика взаимодействия авиации с наземными войсками — все эти факторы позволили внести коррективы в организацию боевого применения авиации в наступлении. Действия ВВС приняли большой размах.

С увеличением боевого состава воздушных армий возрастала глубина одновременного воздействия авиации на противника в наступательных операциях фронта. Авиационные соединения получили возможность уничтожать его объекты не только на поле боя и в ближайшем тылу, но и частично в оперативной глубине. В ходе авиационной подготовки и поддержки (в операциях третьего периода войны) воздушные армии фронтовой авиации и соединения АДД (авиация дальнего действия) стали выделять больше сил для действий по резервам, коммуникациям и другим важным объектам в тылу врага. Одновременно совершенствовались способы проведения авиационной подготовки и авиационной поддержки¹⁸.

В наступательных и оборонительных операциях особое внимание было обращено на вопросы взаимодействия. По масштабу и характеру его можно разделить на стратегическое, оперативное и тактическое.

Стратегическое взаимодействие организовывала Ставка Верховного Главнокомандования¹⁹. Она определяла силы и основные задачи ВВС в соответствии с общими задачами вооруженной борьбы, особенно при действиях авиации дальнего действия по объектам тыла противника. В операции группы фронтов действия нескольких воздушных армий фронтовой авиации и соединений авиации дальнего действия координировал командующий ВВС или его заместители.

Для достижения наибольших результатов в совместно проводимых операциях оперативное взаимодействие объединений ВВС с войсками фронтов и силами Военно-морского флота заключалось в согласовании их усилий по месту, времени и задачам. Взаимодействие авиации с наземными войсками организовывал командующий фронтом. Он ставил общие задачи авиации, распределял летный ресурс и устанавливал порядок взаимодействия.

Тактическое взаимодействие авиации с соединениями и частями наземных войск выража-

лось в согласовании их действий по цели, времени и месту в ходе боя. Оно достигалось тщательным планированием, приближением пунктов управления авиационных командиров к пунктам управления общевойсковых командиров, организацией работы радиостанций наведения авиации, расположенных вблизи линии фронта.

Устойчивость и непрерывность управления авиацией в операциях войск фронтов обеспечивались системой пунктов управления с соответствующими средствами связи²⁰. Командующие воздушными армиями осуществляли в масштабе фронта централизованное управление авиацией.

Для координации действий нескольких авиационных оперативных объединений создавался передовой командный пункт управления командующего ВВС Красной армии. Как правило, он находился вблизи пункта управления командующего фронта и воздушной армией.

Основные и вспомогательные пункты управления имелись в воздушных армиях и авиационных соединениях. Если в первом периоде Великой Отечественной войны они размещались на удалении до 150 км от линии фронта, то в дальнейшем основной пункт управления воздушной армии располагался в 30–50 км от нее. Обычно вспомогательный пункт управления воздушной армии, предназначенный для управления авиацией на второстепенном направлении действий войск, находился в 8–12 км от линии фронта. На нем располагалась оперативная группа воздушной армии из 6–10 офицеров с несколькими радиостанциями. Пункты управления командиров авиационных соединений оборудовались в районе аэродромного узла, а передовой пункт управления с оперативной группой — вблизи линии фронта совместно с КП общевойсковых командиров.

Немаловажную роль по вопросам оперативного и тактического применения авиации сыграла «Инструкция по взаимодействию авиации с наземными войсками», изданная Генеральным штабом Красной армии в конце 1943 года. Основанная на обобщении двухлетнего опыта войны, она представляла собой весьма оригинальный документ. В ней четко дано понятие термина «взаимодействие» авиации с наземными войсками, которое заключалось «в распределении задач между ними по месту, времени и цели, а также в согласованных действиях их по разгрому противника на поле боя»²¹. В отличие от проекта Полевого устава 1943 г., где указывалось, что взаимодействие наземных войск и авиации организует командующий армией вместе с командирами соединений, инструкция, возлагавшая задачу организации взаимодействия авиации с войсками на командующего фронтом, определяла также обязанности штаба фронта, командующих и штабов армий.

В инструкции впервые было четко сформулировано понятие «поддержка авиацией наземных войск и оперативное подчинение авиационных соединений общевойсковым начальникам», причем поддержка признавалась основным способом применения авиации, обеспечивающим централизованное управление ею²². Передача авиационных соединений в оперативное подчинение наземных войск, действующих на направлении главного удара, допускалась лишь на отдельные этапы операции. Частичная децентрализация не должна была идти вразрез с принципом централизации, который являлся основным. В инструкции были подтверждены проверенные на боевой практике формы и способы организации взаимодействия авиации с наземными войсками на различных этапах фронтовой оборонительной и наступательной операции.

В ходе Великой Отечественной войны оперативным искусством ВВС были решены вопросы авиационного обеспечения ввода в сражение танковых армий и конно-механизированных групп (КМГ), а также их действий в оперативной глубине обороны.

Ввод в сражение танковых армий, всегда проходил в условиях сильного противодействия авиации противника. Поэтому он обеспечивался основными силами воздушной армии. Для непосредственной поддержки ее действий выделялась одна-две штурмовые авиационные дивизии, случалось, что и штурмовой корпус. Порой этому предшествовала короткая по времени, но мощная по силе авиационная подготовка для подавления и уничтожения узлов сопротивления, опорных пунктов и средств противотанковой обороны противника (Орловская, Белорусская и Львовско-Сандомирская операции). Штурмовая авиация начинала сопровождение танковой армии с момента ввода ее в сражение и не прекращала его до выполнения армией своей задачи. С выходом в оперативную глубину воздушная армия сосредоточивала усилия для нанесения ударов по подходившим резервам противника, а при его отходе — по отступавшим войскам.

При вводе в сражение танковой армии ее прикрытие с воздуха проводилось по общему плану, а при отрыве от наземных войск — специально назначенными истребительными авиадивизиями, которых для этого выделялось в среднем не менее двух. Обычно оно осуществлялось патрулированием групп истребителей. При значительном отрыве соединений и частей танковой армии от своих тылов на воздушную армию возлагалась задача доставки горючего, боеприпасов и других материальных средств.

Заслуживают особого внимания действия авиации в операциях на окружение противника. В таких случаях ВВС выполняли две задачи: со-

действие наземным войскам в окружении группировки врага и срыв его попыток выйти из окружения. При этом силы авиации распределялись следующим образом: часть их поддерживала свои войска на внутреннем фронте окружения, остальные действовали по контратаковавшим войскам противника на внешнем фронте. В этом плане наиболее характерными были действия 8-й и 16-й воздушных армий в контрнаступлении под Сталинградом.

В ходе войны авиация совместно с другими видами Вооруженных сил решила проблему осуществления воздушной блокады окруженных группировок врага. Например, под Сталинградом на маршрутах полетов самолетов Ю-52, Ю-88, Хе-111 был создан силами 16-й воздушной армии мощный истребительный заслон, который взаимодействовал с истребительной авиацией ПВО территории страны и зенитной артиллерией. В свою очередь 8-я и 17-я воздушные армии действовали по аэродромам базирования военно-транспортных самолетов врага.

Как в оборонительных, так и в наступательных операциях войск маневр силами авиации являлся важнейшим фактором, обеспечивавшим успех боевых действий. Он проводился главным образом за счет авиакорпусов резерва Верховного Главнокомандования. С осени 1942 г. и до конца 1944 г. было сформировано 30 авиационных корпусов²³.

К началу Белорусской операции в 1, 3, 4 и 16-ю воздушные армии прибыло из резерва ВГК 11 авиакорпусов (более 3 тыс. самолетов). Во время подготовки Львовско-Сандомирской операции 2-я воздушная армия получила 4 авиакорпуса и 2 авиадивизии, которые насчитывали в своем составе 1440 боевых машин.

Одной из важных задач советских ВВС в Великой Отечественной войне была воздушная

разведка. Она имела стратегический, оперативный и тактический масштабы. Стратегическую воздушную разведку организовывало Верховное Главнокомандование, а осуществляли разведывательные полки резерва ВГК и авиации дальнего действия. Ее глубину ночью определял радиус имевшихся на вооружении разведывательных самолетов, днем он не превышал 500–600 км.

Оперативную разведку организовывало фронтовое и армейское командование с целью получения данных в интересах проводимых операций. Ее осуществляли самолеты разведывательных полков воздушной армии фронтовой авиации на глубину до 300 км. Глубина тактической разведки в начале войны не превышала 30–60 км, а на завершающем этапе возросла до 100 км.

При ведении воздушной разведки применялись визуальное наблюдение и воздушное фотографирование. Воздушная разведка играла исключительную роль во всех операциях. Ее результаты использовались и при оценке обстановки, и при принятии решения, и при планировании операции. С ее помощью определялись районы сосредоточения резервов и группировок противника.

Таким образом, оперативное искусство ВВС в годы Великой Отечественной войны обогатилось проверенной на практике теорией организации и ведения борьбы за господство в воздухе, благодаря чему были выработаны эффективные формы применения авиации. Под влиянием возраставших боевых возможностей самолетов и приобретенного советскими летчиками опыта непрерывно совершенствовалась тактика родов авиации. В целом опыт боевых действий советской авиации в годы минувшей войны позволяет глубже познать и грамотнее решать современные вопросы оперативного искусства и тактики ВВС.

¹ Тимохович И. В. Оперативное искусство советских ВВС в Великой Отечественной войне. М.: Воениздат, 1976. С. 106.

² Скоморохов М. Н. Роль Военно-воздушных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // По материалам IX военно-научной конференции ВВС. М., 1986. С. 68.

³ Там же, с. 68.

⁴ Кожевников М. Н. Развитие оперативного искусства ВВС // Военно-исторический журнал. 1969. № 11. С. 20.

⁵ «Инструкция по организации вспомогательных пунктов управления авиацией». Введена в действие в середине 1943 г. В ней решались вопросы организации управления авиацией на поле боя при взаимодействии с войсками. Особое внимание уделялось таким вопросам, как своевременный вызов самолетов на поле боя, целеуказание, наведение и перенацеливание их в зависимости от складывающейся обстановки.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 35. Оп. 11300. Д. 170. Л. 27.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 362. Оп. 31812. Д. 2. Л. 71.

⁸ Там же. Л. 106.

⁹ Наставление по прорыву укрепленных районов. — М.: Воениздат, 1944. С. 55.

¹⁰ ЦАМО РФ. Ф. 28(16). Оп. 1073. Д. 811(5 ч.). Л. 25–33.

¹¹ Кожевников М. Н. Развитие оперативного искусства ВВС // Военно-исторический журнал. 1969. № 11. С. 20.

¹² Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. С. 190.

¹³ Авиация и космонавтика СССР. Н. Н. Амплеев, В. Ф. Болховитинов, Г. В. Васильков и др. / Под общ. ред. С. А. Красовского. М.: Воениздат, 1968. С. 164.

- 14 Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. С. 281.
- 15 «Инструкция по применению сигналов опознавания и связи между наземными войсками и авиацией», утвержденная начальником Генерального штаба и введенная в действие в 1943 г.
- 16 Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. С. 319–320.
- 17 Тимохович И. В. Некоторые вопросы оперативного искусства ВВС. ВИЖ 1971. № 11. С. 14.
- 18 Кожевников М. Н. Развитие оперативного искусства ВВС // Военно-исторический журнал. 1969. № 11. С. 17.
- 19 Бобров М. А. Борьба за господство в воздухе на советско-германском фронте. 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 5. С. 43.
- 20 Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР / М. М. Кирьян, А. А. Бабаков, А. Н. Баженов и др. / Под ред. М. М. Кирьяна. М.: Воениздат, 1982. С. 213.
- 21 Инструкция по взаимодействию авиации с наземными войсками. М.: Воениздат, 1944. С. 3.
- 22 Там же. С. 4.
- 23 Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М.: Воениздат, 1968. С. 452.

Деятельность наркоматов оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны

Ю. В. Ильин*

Отечественная военная промышленность являлась специфической, но в то же время неотъемлемой частью народного хозяйства. Оборонно-промышленные наркоматы имели типовую, с учетом отраслевой специфики, организационную структуру. Ее основой являлись производственно-отраслевые главные управления (главки). Они осуществляли планирование работы, оперативное производственно-техническое, организационно-хозяйственное и финансовое руководство подведомственными предприятиями и организациями соответствующей подотрасли оборонной промышленности, проверку исполнения ими законов, постановлений и распоряжений правительства, приказов и инструкций наркомов, занимались организацией труда и расстановкой инженерно-технических кадров. Кроме того, на них возлагалось выполнение снабженческо-сбытовых функций, что давало возможность заключать генеральные и прямые договоры по снабжению и сбыту, располагать собственными оборотными средствами, иметь расчетные и текущие счета в банках. В аппарат наркоматов входили также главные управления учебными заведениями, материально-технического снабжения, капитального строительства.

Помимо главков существовали самостоятельные производственно-распорядительные и функциональные (планово-экономический, финансовый, транспортный, главного механика и главного энергетика и др.) отделы. В наркоматскую систему входили научно-исследовательские, опытно-конструкторские, проектные и строительно-монтажные организации, а также учебные заведения. Вопросами мобилизационной подготовки ведали

мобилизационные управления. Руководящий состав центральных органов управления оборонной промышленности состоял из народного комиссара, его заместителей и коллегии при наркомате.

Нарком, входивший в правительство по должности, нес персональную ответственность за выполнение возложенных на его ведомство задач, распределял обязанности по руководству деятельностью подведомственных предприятий и организаций между своими заместителями и начальниками структурных подразделений. Некоторые заводы и новостройки также находились в его непосредственном подчинении. Заместители народных комиссаров, как правило, курировали работу нескольких структурных подразделений и предприятий наркоматов. Коллегии при наркоматах должны были способствовать объединению управления их работой, а также усилению проверки исполнения постановлений правительства, ведомственных приказов и инструкций.

Во главе наркоматов оборонной промышленности на 22 июня 1941 г. находились: А. И. Шахурин (НКАП), П. Н. Горемыкин (НКБ), Д. Ф. Устинов (НКВ) и И. И. Носенко (НКСП). С началом войны предприятия ОПК незамедлительно приступили к выполнению мобилизационных планов. В 9 часов утра первый заместитель председателя правительства СССР Н. А. Вознесенский провел совещание наркомов. Им было поручено в течение одних суток разработать программы максимального увеличения производства вооружения и военной техники (ВВТ) в соответствии с ранее утвержденными мобилизационными планами наркоматов, а также принять меры по строгой экономии остродефицитных материалов и замене импортных изделий и материалов отече-

* Ильин Юрий Владимирович — к. и. н., с. н. с. Научно-исследовательский институт (военной истории) военной академии ГШ ВС РФ.

ственными аналогами. Первоочередной задачей руководства ОПК являлась мобилизация промышленности в целях форсирования военного производства.

На следующий день наркомы доложили свои планы выполнения правительственного задания. Так, руководство НКАП неотложными задачами считало:

- срочную эвакуацию подведомственных заводов из Белоруссии и Прибалтики;
- немедленное дублирование всех уникальных авиапредприятий;
- выделение оборудования, материалов и кадров для создания филиалов ведущих заводов, определение мест их дислокации;
- ускорение пуска в эксплуатацию заводов, уже строившихся за Волгой;
- сокращение цикла производства авиационной техники;
- максимальное уменьшение объема опытно-конструкторских и фундаментальных научно-исследовательских работ;
- сосредоточение основных усилий на совершенствовании серийных машин и увеличении их выпуска;
- проведение испытаний по замене остродефицитных материалов обычными¹.

Программы других наркоматов также основывались на последних установках высших органов стратегического руководства ОПК — Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. Тогда же СНК СССР и ЦК ВКП(б) постановили немедленно ввести в действие мобилизационный план по боеприпасам и патронам². Наркоматам СССР и РСФСР, Совнаркомам БССР, УССР и Моссовету разрешалось разбронировать мобилизационные запасы спецприспособлений и инструмента на заводах, переведенных на выполнение мобилизационного плана по элементам боеприпасов и патронам. Наркомат путей сообщений должен был обеспечить внеочередную подачу вагонов под материалы и оборудование, идущих на изготовление боеприпасов и патронов, приравняв их к воинским перевозкам. Госплану предписывалось представить в двухдневный срок мобилизационный народно-хозяйственный план III квартала, взамен утвержденного СНК 14 июня 1941 г. Рабочие и инженерно-технические работники (ИТР) заводов НКБ освобождались от призыва по мобилизации. Директорам заводов, производивших элементы боеприпасов и патроны, разрешалось применять обязательные сверхурочные часы работы (до трех часов в смену), а также обязательную работу в воскресные дни. Наркомы, председатели совнаркомов союзных республик, секретари областных и краевых комитетов обязывались еженедельно представлять в СНК СССР сводки о ходе выпол-

нения мобилизационного плана с указанием наименования предприятия; квартального задания; данных о сдаче продукции военпреду по состоянию на 10, 20 и 1 число каждого месяца нарастающим итогом. Первый отчет следовало представить по состоянию на 10 июля 1941 г.

Идеологическим обеспечением работы оборонно-промышленных наркоматов и руководством к действиям стала директива Совнаркома СССР и Центрального Комитета ВКП(б) от 29 июня 1941 г.: когда решался вопрос «о жизни и смерти Советского государства, о том, быть народам Советского Союза свободными или впасть в порабощение», все зависело от «умения быстро организовать и действовать, не теряя ни минуты времени, не упуская ни одной возможности для борьбы с врагом». Необходимо было «сплотить весь народ вокруг Коммунистической партии, вокруг советского Правительства для самоотверженной поддержки Красной армии, для победы, подчинить всю деятельность интересам фронта, форсировать военное производство, обеспечить усиленную работу всех предприятий»³.

В течение первого месяца войны все отрасли оборонной промышленности были обеспечены мобилизационными планами, которые уточнялись в соответствии с ходом вооруженной борьбы и экономическими возможностями страны. Утвержденные планы объявлялись в приказах наркомов и принимались к немедленному исполнению аппаратом и подведомственными предприятиями. В дальнейшем основные плановые документы по производству и обеспечению выпуска вооружения и военной техники, как календарные (годовые, полугодовые, квартальные, месячные), так и оперативные разрабатывались специалистами Госплана с привлечением заинтересованных наркоматов и ведомств и после согласования утверждались высшим военно-политическим руководством СССР.

На девятый день войны, 30 июня, Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило представленный Совнаркомом мобилизационный народно-хозяйственный план на III квартал 1941 г.⁴, который, по свидетельству Н. А. Вознесенского, явился «одной из первых попыток перестроить народное хозяйство СССР и перевести социалистическую экономику на рельсы военной экономики»⁵. Мобпланом предусматривалось увеличение производства военной техники на 26%; уменьшение объема капитальных работ в связи с перераспределением металла в пользу военного производства; определение ударных строек — заводы оборонной промышленности, электростанции, предприятия топливной, металлургической, химической промышленности, железные дороги; сосредоточение капитальных работ и материальных ресурсов на

строительстве оборонных предприятий в районах Поволжья, Урала, Западной Сибири; снижение розничного товарооборота на 12 %, вызванное сокращением рыночного фонда товаров в пользу Вооруженных сил; перераспределение 22 тыс. намеченных к производству металлорежущих станков в интересах наркоматов авиационной промышленности и вооружения, которым выделялось около 14 тыс. единиц оборудования.

Реализация основанного на предвоенных расчетах мобилизационного народнохозяйственного плана на III квартал из-за сложившейся обстановки на советско-германском фронте и понесенных советской промышленностью потерь оказалась нереальной. С учетом этого, а также необходимости использования всего индустриального потенциала СССР в условиях затяжной войны, 4 июля 1941 г. ГКО поручил Н. А. Вознесенскому создать комиссию для разработки военно-хозяйственного плана обороны страны, имея в виду использование Приволжских, Уральских, Западно-Сибирских ресурсов и предприятий, а также эвакуируемых заводов. Для производства комплектной продукции при планировании следовало учитывать как основные предприятия, так и смежные. К работе комиссии предписывалось привлечь наркомов боеприпасов, вооружения, авиационной промышленности, цветной металлургии и др.⁶

Разработанный Госпланом СССР при активном участии наркоматов оборонной промышленности, Генерального штаба РККА, центральных управлений наркомата обороны и Главного морского штаба наркомата ВМФ военно-хозяйственный план на IV квартал 1941 г. и на 1942 г. по районам Поволжья, Западной Сибири (Удмуртской, Татарской и Башкирской АССР, Алтайского края, Кировской, Пермской, Куйбышевской, Саратовской, Сталинградской, Чкаловской, Челябинской, Свердловской, Омской, Новосибирской областей), Красноярского края, Коми АССР, Казахской ССР, Узбекской ССР, Таджикской ССР и Киргизской ССР был утвержден постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 16 августа 1941 г.⁷ В целях скорейшего развертывания производственной базы ОПК в этих районах и обеспечения наращивания военного производства было решено переместить туда значительное количество предприятий оборонной промышленности и ее базовых отраслей в сроки, определяемые Советом по эвакуации. В случаях переподчинения или перемещения предприятий за ними сохранялись и подлежали безусловному выполнению задания по выпуску оборонной продукции. При обосновании программы был использован метод балансов — соизмерение потребностей военного хозяйства и государственных ресурсов. Для создания предпосылок успешного выполнения плана исключи-

тельно важное значение придавалось созданию устойчивых производственных межзаводских и межотраслевых связей.

Целью повышения оперативности разработки плановых документов в оборонно-промышленной сфере, улучшения их реализации и контроля исполнения, независимо от ведомственной принадлежности предприятий, в аппарате Госплана СССР были созданы специализированные отделы: авиационной, танковой промышленности, вооружения, боеприпасов, судостроения и минометного вооружения⁸.

Обеспечение резкого увеличения выпуска вооружения и военной техники осложнялось тем, что одновременно советскому военно-политическому руководству пришлось решать не менее трудную задачу эвакуации большинства предприятий на восток в связи с угрозой захвата или разрушения промышленных объектов противником. Для разрешения этой и других проблем, вызванных условиями военного времени, потребовалась чрезвычайная перестройка системы государственной власти и управления СССР, в том числе управления оборонно-промышленным комплексом.

«...в целях быстрой мобилизации всех сил народов СССР для проведения отпора врагу» Президиум Верховного Совета СССР, Центральный комитет ВКП(б) и Совет народных комиссаров СССР признали необходимым создать Государственный Комитет Обороны (ГКО), в котором сосредоточить всю полноту государственной власти. Все граждане, партийные, советские, комсомольские и военные органы были обязаны беспрекословно выполнять его решения и распоряжения. В состав Комитета вошли: И. В. Сталин (председатель), В. М. Молотов (зам. председателя), К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков и Л. П. Берия⁹.

Важнейшим условием достижения цели образования ГКО являлись мобилизация военно-промышленного потенциала страны и реализация всех его возможностей по бесперебойному качественному и количественному удовлетворению потребностей армии и флота в современных средствах вооруженной борьбы. Для выполнения данной функции ГКО осуществлял непосредственное руководство и контроль работы центральных органов управления оборонной промышленностью и подведомственных им крупных заводов, а также наркоматов и предприятий ее базовых отраслей. Остальные отрасли народного хозяйства находились в сфере деятельности Совнаркома.

За каждым членом ГКО был закреплен конкретный участок работы. Курирование большинства наркоматов оборонной промышленности было возложено на Л. П. Берия¹⁰.

Важную роль в деятельности ГКО играл институт его уполномоченных, которые орга-

низовывали и контролировали выполнение постановлений и распоряжений Комитета. В их числе — уполномоченные в отраслях оборонной промышленности и на крупных оборонных предприятиях. Первый мандат уполномоченного ГКО 2 июля 1941 г. получил зам. председателя Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б), член ЦК ВКП(б) М.Ф. Шкирятов, направленный на Тульский оружейный и патронный заводы НКВ¹¹. Все партийные, советские и хозяйственные организации обязывались оказывать уполномоченным всяческую помощь в решении задач по выполнению и перевыполнению заводами планов выпуска вооружения и военной техники.

Первые постановления ГКО от 1 июля 1941 г. были направлены на восполнение громадных потерь, понесенных советскими бронетанковыми войсками в приграничных сражениях. Постановлением № 1сс¹² нарком судостроения И.И. Носенко обязывался немедленно приступить к производству танков Т-34 на горьковском заводе «Красное Сормово» (№112), выпускавшем до этого подводные лодки. Постановление № 2сс «О производстве танков КВ-1 на Челябинском тракторном заводе»¹³ установило график их выпуска во втором полугодии 1941 г. Всего на ЧТЗ планировалось изготовить 655 КВ-1 вместо 170 шт. по постановлению СНК и ЦК ВКП(б) от 25 июня 1941 г.¹⁴

Как показала боевая действительность, меры по увеличению танкового производства, принятые летом 1941 г., не соответствовали требованиям войны и планам военно-политического руководства СССР. К осени стало очевидным, что управление танкостроением требует реорганизации. Было решено объединить производство танков, рассредоточенное на предприятиях Наркомсредмаша (НКСМ), Наркомсудпрома, Наркомтяжмаша и других наркоматов под началом единого вновь образованного центрального органа управления. Проект Указа Президиума Верховного Совета СССР об образовании общесоюзного Наркомата танковой промышленности СССР (НКТП) с включением в его состав танковых, дизельных и броневых заводов, а также III Главного управления (броневое) Наркомсудпрома был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 11 сентября 1941 г.¹⁵ Вновь образованный наркомат возглавил В.А. Малышев, бывший нарком среднего машиностроения СССР. Производственное ядро Наркомата танковой промышленности составили 11 предприятий НКСМ. В его состав вошли также 5 заводов НКСП и 4 завода других наркоматов. Кроме того, НКТП были переданы вуз, 5 техникумов и НИИ-48.

В целях скорейшего восполнения потерь бронетанковых войск и усиления ударной мощи Красной армии постановлением ГКО от 14 ноября 1941 г.¹⁶ Наркомат станкостроения СССР (НКСС) был

слит «на время войны» с Народным комиссариатом танковой промышленности СССР. Последнему для производства танков и их узлов были переданы заводы НКСС (вместе с программой по боеприпасам). Приказом В.А. Малышева от 18 ноября в систему НКТП были включены 52 предприятия бывшего НКСС¹⁷.

Постановлением ГКО от 23 ноября 1942 г. № 951 «О минометных частях» был установлен график формирования в ноябре 1941 г. — феврале 1942 г. 104 отдельных гвардейских минометных дивизиона, вооруженных реактивными установками М-8 и М-13. Нарком общего машиностроения СССР П.И. Паршин был утвержден уполномоченным ГКО по обеспечению их производства¹⁸, а 26 ноября 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о преобразовании Народного комиссариата общего машиностроения СССР в Наркомат минометного вооружения СССР (НКМВ)¹⁹, который возглавил П.И. Паршин. Преобразование Наркомата общего машиностроения СССР в Наркомат минометного вооружения СССР произошло, исходя из того, что удельный вес минно-минометного и других видов вооружения достиг в общем выпуске валовой продукции наркомата 93,8%²⁰. Таким образом, количество наркоматов оборонной промышленности увеличилось до шести.

Война предъявила повышенные требования к управленческим кадрам ОПК прежде всего в отношении исполнительской дисциплины и оперативности выполнения решений военно-политического руководства СССР. Сама жизнь, вспоминал Д.Ф. Устинов, «заставляла, чтобы ответственные работники наркомата точно знали возможности каждого подчиненного завода, его обеспеченность ресурсами и материалами, состояние выпуска продукции на каждый день, конкретные причины невыполнения программы и срочно принимали действенные меры для выправления положения»²¹.

Все постановления высших органов управления ОПК носили ярко выраженный императивный характер, ключевым словом которых являлся глагол «обязать». Вместе с тем, если раньше обязывались главным образом наркомы, то теперь наряду с ними и директора предприятий, что, несомненно, повышало личную ответственность последних за выполнение поставленных задач.

Вследствие того, что с августа по ноябрь 1941 г. в результате оккупации значительной части советской территории и эвакуации промышленности из производственного процесса выпали 303 предприятия²², изготовлявших боеприпасы, их выпуск катастрофически сократился. По воспоминаниям маршала Г.К. Жукова, в феврале — марте 1942 г.

Ставка Верховного Главнокомандования требовала активизировать наступательные действия на западном направлении, но к этому времени силы и средства фронтов иссякли. Особенно остро стояла проблема обеспечения войск боеприпасами. Из запланированных на первую декаду февраля 316 вагонов Западный фронт не получил ни одного. Из-за отсутствия снарядов реактивную артиллерию пришлось частично отвести в тыл²³.

Вероятно, считая, что в плохой работе Наркомата боеприпасов виноват прежде всего его аппарат, 16 февраля 1942 г. Политбюро ЦК ВКП(б) укрепило его проверенными кадрами. Новым наркомом с должности заместителя наркома вооружения был назначен Б. Л. Ванников, его первым заместителем — М. В. Хруничев, бывший заместитель наркома авиапромышленности, вторым — П. Н. Горемыкин, бывший нарком боеприпасов СССР²⁴. В целях укрепления исполнительской дисциплины новый нарком провел чистку директорского корпуса. В апреле–июне 1942 г. за невыполнение заданий ГКО по его ходатайству были сняты с должностей и переданы в следственные органы НКВД 8 директоров крупных заводов НКБ²⁵.

Во время войны назначение на высокие должности не обеспечивало какого-либо снисхождения, но предусматривало применение строгих дисциплинарных мер за ненадлежащее выполнение указаний директивных органов. Так, постановлением ГКО от 5 июня 1942 г. был установлен план выпуска в июне и III квартале 1942 г. 1230 и 4650 танков Т-34 соответственно²⁶. Июньский план производства был выполнен только на 79 %²⁷. Как не обеспечивший выполнение программы по танку Т-34, В. А. Малышев 1 июля 1942 г. был освобожден от обязанностей наркома танковой промышленности²⁸. Его место, с освобождением от обязанностей директора Кировского завода, занял И. М. Зальцман. 7 июня 1943 г. ГКО сделал вывод, что проведенные Наркомтанкопромом и Главным артиллерийским управлением Красной армии (ГАУ КА) мероприятия по устранению недостатков СУ-76 не внесли серьезных улучшений и не обеспечили удовлетворительного качества самоходных артиллерийских установок (САУ). Исходя из этого было принято следующее решение: немедленно прекратить их выпуск на заводе № 38 НКТП; указать наркому Зальцману на допущенное им безответственное отношение к делу²⁹.

Постановлением ГКО от 26 июня 1943 г. № 3650 «Вопросы Наркомата танковой промышленности»³⁰ на пост его главы был возвращен В. А. Малышев. И. М. Зальцман сменил в должности директора Кировского завода М. А. Длугача как не обеспечившего руководства заводом и направленного в распоряжение НКТП для использо-

вания на менее ответственной работе. С этого времени руководящий состав центральных органов ОПК стабилизировался, и в дальнейшем крупных кадровых перестановок не происходило.

В связи с острым недостатком танков, необходимостью повышения мобильности бронетанковых войск в условиях маневренной войны и усиления боеспособности стрелковых соединений Государственный Комитет Обороны 13 сентября³¹ обязал Главное автобронетанковое управление КА сформировать до начала октября 1941 г. 13 танковых бригад, а 20 сентября — еще 18 бригад в октябре³². В обеспечение последнего постановления Уральские предприятия НКТП должны были произвести 120 КВ-1 и 384 Т-34.

Между тем развертывание танкостроения на Урале проходило с большими трудностями. «Прошу вас честно и в срок выполнять заказы по поставке корпусов для танков КВ Челябинскому тракторному заводу. Сейчас я прошу и надеюсь, что вы, — телеграфировал 17 сентября Сталин директору Б. Г. Музрукову и главному инженеру Д. А. Рыжкову Уральского завода тяжелого машиностроения, — выполните долг перед Родиной. Через несколько дней, если вы окажетесь нарушителями долга перед Родиной, начну вас громить как преступников, пренебрегающих честью и достоинством своей Родины. Нельзя терпеть, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка танков, а вы в далеком тылу прохлаждались и бездельничали»³³. Послание Сталина, вероятно, придало труженикам тыла, и без того работавшим на пределе человеческих возможностей, дополнительные силы. Если в сентябре ЧТЗ изготовил 24 танка КВ-1, то в октябре — 88³⁴.

С большим трудом налаживался выпуск танков Т-34 на Горьковском заводе № 112. «Сегодня ночью, — записал 24 октября в своем дневнике В. А. Малышев, — звонил т. Сталин из Москвы. Справился, как идут дела с выпуском танков на «Красном Сормове»? Хвастаться нечем³⁵. Так и сказал. Тов. Сталин сказал, что добейтесь в ближайшее время, чтобы все заводы ежедневно давали танков на одну танковую бригаду, и добавил, если добьетесь этого, мы не пожалеем для танкистов наград и вас с вашими ближайшими помощниками наградим Героями Социалист[ического] труда»³⁶ (звание Героя Социалистического труда Малышеву было присвоено 5 августа 1944 г., в то время завод № 112 ежемесячно выпускал 315 Т-34-85³⁷. — *Прим. автора*).

В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов, трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы, 6 ноября 1941 г., посвященном 24-й годовщине Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин назвал одной из причин вре-

менных неудач Красной армии недостаток танков и отчасти авиации³⁸.

Последние два месяца 1941 г. были самыми тяжелыми для оборонной промышленности. Эвакуированные предприятия уже перестали давать продукцию в прежних местах размещения, но еще не были восстановлены в тыловых районах. Выпуск проката черных металлов в декабре по сравнению с июнем 1941 г. уменьшился в 3,1 раза; производство проката цветных металлов — в 430 раз, шарикоподшипников — в 21 раз³⁹.

Вышеназванные факторы в полной мере повлияли на работу авиационной промышленности. Несмотря на то, что план НКАП по выпуску самолетов и моторов на ноябрь был снижен с 2678 до 1466 и с 4276 до 2155 соответственно⁴⁰, самолетов удалось произвести только 627⁴¹. Преодолеть объективные трудности производства не помогло грозное постановление ГКО от 14 декабря 1941 г.: «Ввиду того, что Наркомат авиапромышленности стал работать из рук вон плохо, провалил все планы выдачи самолетов и моторов и подвел, таким образом, страну и Красную армию, Государственный Комитет Оборона постановляет:

1. Поставить Наркомат авиапромышленности под контроль членов Государственного Комитета Оборона т. Берия и Маленкова, обязав этих товарищей принять все необходимые срочные меры для развертывания производства самолетов[...].
2. Обязать наркома авиапромышленности и его заместителей беспрекословно выполнять все указания т. Берии и Маленкова по производству моторов, самолетов и всякого рода агрегатов, имея в виду, что на ближайший период нам необходимо обеспечить фронт в первую очередь истребителями Як-1 и ЛаГГ-3, бомбардировщиками Пе-2 и 103 (с 26 марта 1942 г. Ту-2⁴². — *Прим. авт.*) и штурмовиками Ил-2⁴³. Декабрьский план по сдаче самолетов был выполнен на 38,8% (600 шт.), по моторам — на 23,1%⁴⁴.

Главной задачей наркоматов оборонной промышленности в то время являлось количественное обеспечение армии вооружением и военной техникой. «Сегодня, — отметил в дневнике В. А. Малышев 5 января 1942 г., — опять вызывали к Сталину. Застал у него вооруженцев: Устинова, Грабина, Еяна[...]. Тов. Сталин очень ругал вооруженцев и запретил вносить какие-либо изменения в конструкцию пушек и вводить многотипность пушек. Т. Сталин подчеркнул, что «сейчас все должно изготавливаться по стандарту, серийно. Сейчас важно иметь больше пушек, пускай даже не самых лучших, но хороших»⁴⁵. В результате, противотанковых и 76-мм дивизионных пушек, сыгравших важную роль в исходе Московской

битвы, за два последних месяца 1941 г. было выпущено больше, чем за 4 предыдущих месяца⁴⁶.

Переход центральных органов управления ОПК и предприятий оборонной промышленности на работу по мобилизационным планам, накопленные в мирное время сырьевые и материально-технические резервы, самоотверженный труд советских народов дали возможность Вооруженным силам СССР выстоять в самый тяжелый период войны и создать условия для наращивания оборонно-промышленной мощи страны.

К началу второго периода войны в Советском Союзе было завершено создание военной экономики и обеспечено расширенное воспроизводство оборонной продукции. К этому времени выпуск самолетов возрос по сравнению с декабрем 1941 г. в 3,3 раза, танков — почти в два раза, удвоилось изготовление артиллерийских систем и боеприпасов⁴⁷. Этот рывок был осуществлен путем форсирования выпуска продукции оборонными предприятиями, реконструкции действовавших и ввода в строй новых заводов ОПК, расширения его производственной базы за счет перепрофилирования гражданских предприятий и сокращения изготовления товаров народного потребления.

Военно-политическое руководство страны стремилось перехватить у противника стратегическую инициативу и усилить наступательную мощь советских войск. Для этого наркоматам оборонной промышленности наряду с дальнейшим увеличением выпуска вооружения необходимо было решить задачи модернизации существовавших, разработки новых образцов ВВТ и освоения их производства. Решение этих вопросов основывалось на боевой практике, изучении опыта и перспективах вооруженной борьбы, возможностях советской экономики и производства, а также учете развития вооружения противника.

По свидетельству Г. К. Жукова, без одобрения И. В. Сталина ни один образец вооружения не принимался и не снимался. От главных конструкторов и директоров предприятий ОПК он требовал производства продукции не только на уровне зарубежных аналогов, но и превосходящих их⁴⁸.

С целью разработки опытных образцов минометного вооружения и мин постановлением ГКО от 11 апреля 1942 г. путем объединения Специального конструкторского бюро НИИ-13 НКВ и минометной группы конструкторов завода №7 НКВ было образовано Специальное конструкторское бюро (СКБ) гладкоствольной артиллерии Наркомата вооружения во главе с инженером Б. И. Шавыриным. Ему поручалось в десятидневный срок разработать план работы СКБ, а Устинову — рассмотреть проект и представить на утверждение ГКО⁴⁹.

Подчеркнув насущную потребность Красной армии в многочисленной самоходной артиллерии, Государственный Комитет Обороны 19 октября 1942 г. обязал НКТП, НКВ и НКСМ немедленно разработать образцы для создания системы самоходных артиллерийских установок, которые необходимо было представить на полигонные испытания до 20 ноября 1942 г.⁵⁰

Для разработки опытных образцов артиллерийского вооружения постановлением ГКО от 5 ноября 1942 г.⁵¹ было организовано Центральное артиллерийское конструкторское бюро при НКВ (ЦАКБ) с сосредоточением в нем разработки всех видов артиллерийского вооружения. Начальником и главным конструктором Бюро был утвержден генерал-лейтенант технических войск В. Г. Грабин. Ему и Д. Ф. Устинову предписывалось в десятидневный срок разработать план работы ЦАКБ и представить его на утверждение Государственного Комитета Обороны.

В декабре 1942 г. на расширенном заседании ГКО были обсуждены итоги, обстановка и перспективы вооруженной борьбы. По военно-экономическим вопросам докладывал Н. А. Вознесенский. По его данным, выпуск ВВТ в СССР в то время по всем показателям превосходил производство Германии и ее союзников. Выступивший после него И. В. Сталин призвал Госплан тщательно учесть все имевшиеся в стране резервы, подчеркнув, что возможности наращивания производства путем перераспределения материальных ресурсов и рабочей силы по существу были исчерпаны. Дальнейший его рост должен был обеспечиваться за счет внутренних возможностей каждой промышленной отрасли⁵².

Для решения поставленной руководством страны задачи усилия оборонно-промышленных наркоматов и подведомственных им заводов были направлены на совершенствование технологии и подъем производительности труда. С этой целью было организовано массовое поточное производство; широкое распространение получило литье в многоразовые металлические формы (кокили); литые конструкции заменялись штамповыми, ковка — штамповкой; была внедрена высокопроизводительная автоматическая электросварка по методу академика Е. О. Патона; станки оснащались специальными приспособлениями и многолезвийным инструментом и др. Проведенные мероприятия в комплексе с конструктивными усовершенствованиями, стандартизацией и унификацией изделий позволили увеличить в 1943 г. по сравнению с 1940 г. объем производства по четырем основным наркоматам ОПК в среднем на 230,6 %⁵³, в том числе: по НКАП — на 223 %, по НКБ — на 264 %, по НКВ — на 200 % и по НКТП — на 234 %. В 1943 г. советским ОПК была оконча-

тельно решена задача превосходства в выпуске ВВТ, причем на меньшей, чем у противника, экономической базе. Военное производство в СССР выросло по сравнению с довоенным временем в 4,3 раза, в Германии — только в 2,5 раза⁵⁴. При этом себестоимость отечественной оборонной продукции была снижена по сравнению с 1942 г. на 14 %⁵⁵.

Наряду с увеличением использования внутренних резервов военно-политическое руководство СССР поставило ОПК задачу по повышению качества продукции, поскольку стремление скорейшего достижения военно-технического превосходства над противником в ряде случаев оборачивалось снижением качества образцов военной техники.

В постановлении от 29 марта 1943 г. № 3092 «Об улучшении качества танков, выпускаемых Наркомтанкопромом и Наркомсредмашем» ГКО отметил наличие большого количества производственных дефектов, снижавших боевые качества машин. Во время длительных маршей многие из них не доходили до мест назначения. Это являлось результатом неудовлетворительного состояния технологической дисциплины, недоброкачественной сборки и монтажа на заводах. В целях ликвидации этих недостатков НКТП и НКСМ обязывались принять срочные меры к повышению качества выпускавшихся танков и моторов, а также укрепить аппараты заводских отделов технического контроля (ОТК), отделов эксплуатации и Главной инспекции НКТП. Наркомам и директорам предприятий следовало немедленно привлекать к строгой судебной ответственности лиц, «допускавших расхлябанность технологической дисциплины и небрежность в производственной работе». Директора заводов должны были установить порядок особой ответственности начальников, мастеров и бригадиров сборочных и сдаточных цехов за качество продукции. НКТП и НКСМ разрешалось усилить материальное поощрение работников танковых и дизельных заводов за ее хорошее качество. Парторги ЦК ВКП(б) на заводах и секретари цеховых парторганизаций предприятий должны были уделять вопросам качества особое внимание, требовать от всех членов ВКП(б) и ВЛКСМ «усиленной бдительности в отношении этого важнейшего государственного дела» и привлекать виновных в выпуске недоброкачественной продукции также и к партийной ответственности⁵⁶.

В свою очередь персональную ответственность за качество выпускавшейся продукции несли руководство предприятий и военные представители в промышленности. Принятые меры способствовали устранению недочетов. К началу Курской битвы, по оценке Г. К. Жукова, Красная

армия как в количественном, так и качественном отношении в целом превосходила войска противника⁵⁷. На полях сражений это превосходство, помноженное на стойкость и мужество советских солдат и искусство военачальников, позволило СССР закрепить за собой стратегическую инициативу и уже не упускать ее до конца войны.

В докладе на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1943 г., посвященном 26-й годовщине Октябрьской социалистической революции, И. В. Сталин отметил, что истекший год был переломным годом не только в ходе военных действий, но и в работе тыла. Уже не стояли такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. СССР создал слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Все усилия народа сосредоточились на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом были достигнуты крупные успехи. Красная армия бесперебойно получала вооружение⁵⁸.

К началу 1944 г. наркоматами оборонной промышленности были решены следующие задачи:

- насыщение войск автоматическим оружием и минометным вооружением;
- создание, освоение производства и организация массового выпуска отвечавших требованиям времени противотанковых орудий, дивизионных пушек и самоходной артиллерии;
- обеспечение перевооружения бронетанковых войск современными средними и тяжелыми танками;
- поставка ВВС самолетов с высокими боевыми, тактическими и эксплуатационными характеристиками;
- поддержание боеспособности ВМФ.

Наркоматы оборонной промышленности внесли решающий вклад в создание и организацию производства новых образцов вооружения и видов военной техники. Так, постановлением ГКО от 4 сентября 1943 г.⁵⁹ на вооружение Красной армии был принят танк ИС, оснащенный 85-мм пушкой. После устранения недостатков, отмеченных в заключении Государственной комиссии, Наркомтанкопрому было поручено организовать его производство. Необходимо было также спроектировать, изготовить (в октябре) и совместно с ГБТУ КА и ГАУ КА испытать опытные образцы САУ на базе танка ИС с 152-мм пушкой (ИСУ-152) и танка ИС с 122-мм пушкой (ИС-2). ИС-2 был принят на вооружение Красной армии 31 октября 1943 г., ИСУ-152 — 6 ноября 1943 г.

Для усиления артиллерийского вооружения танков Т-34 1 января 1944 г. ГКО постановил принять на вооружение 85-мм танковую пушку конструкции ЦАКБ НКВ и присвоить ей наименование «85-мм танковая пушка образца 1944 года (С-53)»; вооружать танки Т-34, начиная с января 1944 г., пушками С-53 взамен пушек Ф-34; установить план перехода заводов НКТП на выпуск модернизированных танков и, начиная с мая 1944 г., выпускать все Т-34 с 85-мм пушками⁶⁰.

Наряду с несомненными успехами советского ОПК в создании новейших видов военной техники, некоторые его перспективные разработки в годы войны реализовать так и не удалось. Так, не было ликвидировано отставание в области радиолокации и реактивной авиации. В то же время были заложены научные, конструкторские и производственные заделы создания материально-технической базы ракетных войск (сил) Советской армии и ВМФ, современных образцов реактивных систем залпового огня и зенитно-ракетных комплексов.

В 1944 г. в Советском Союзе был достигнут пик военного производства, его удельный вес в валовой продукции страны составил 51,4%⁶¹. В конце года началась подготовка к сокращению выпуска продукции военного назначения. 30 декабря Государственный Комитет Оборона поручил комиссии в составе Л. П. Бери (председатель), Н. А. Булганина и Н. Д. Яковлева (ГАУ КА) представить план сокращения видов вооружения и боеприпасов, запасы которых имелись на складах и заявки Вооруженных сил на которые стали уменьшаться⁶². По результатам работы комиссии, во втором квартале 1945 г. по сравнению с первым кварталом выпуск оборонной продукции сократился на 8%⁶³.

Представление о динамике советского военного производства в 1941–1945 гг. в % к 1940 г. дает нижеприведенная таблица⁶⁴.

ОТРАСЛЬ ОПК	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Авиа-промышленность	126	178	223	239	177
Танковая промышленность	112	184	234	296	276
Промышленность вооружений	145	191	200	206	156
Промышленность боеприпасов	152	218	264	310	171

Подводя итоги деятельности наркоматов оборонной промышленности в годы войны необходимо констатировать выполнение ими своего

предназначения — бесперебойного обеспечения фронта современными средствами вооруженной борьбы. Во многом благодаря этому факту Советский Союз одержал победу в тяжелейшем противоборстве советского ОПК с военной промышленностью нацистской Германии и ее сателлитов. «Война, — убедился на личном опыте бывший

уполномоченный ГКО В.С. Емельянов, — является той суровой, объективной проверкой, которая позволяет правильно оценить и государственную систему, и экономику, и военную технику, и действующие механизмы организации всех производств и систем управления, и отдельных людей»⁶⁵.

- ¹ Шахурин А. И. Крылья победы. М.: Политиздат, 1983. С. 97–98.
- ² Российский государственный архив социально-политической истории (далее РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 24.
- ³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. В 5 т. М.: Политиздат, 1968. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 38–40.
- ⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 36. Л. 37.
- ⁵ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 36.
- ⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 82.; Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 42.
- ⁷ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. 1917–1967 гг. Т. 3. 1941–1952 гг. С. 44–48.
- ⁸ Российский государственный архив экономики (далее РГАЭ). Ф. 4372. Оп. 42. Д. 1. Л. 55–61.
- ⁹ ВВС СССР. 1941. № 31.
- ¹⁰ РГАСПИ. Ф. 664. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.
- ¹¹ Там же. Д. 1. Л. 66.
- ¹² Там же. Л. 1–2.
- ¹³ Там же. Л. 4–5.
- ¹⁴ Во втором полугодии 1941 г. ЧТЗ выпустил 468 танков. См. Лобанов А. В. Производство танков и САУ заводами Народного комиссариата танкостроения в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. 2012. № 5. С. 34.
- ¹⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 19.
- ¹⁶ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 92–97.
- ¹⁷ Ермолов А. Ю. Государственное управление военной промышленностью в 1940-е годы: танковая промышленность. СПб.: Алетейя, 2013. С. 106–107.
- ¹⁸ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 14. Л. 176–177.
- ¹⁹ Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1042. Л. 78. Указ опубликован: Правда. 1942 г. 27 ноября.
- ²⁰ РГАЭ. Ф. 8123. Оп. 8. Д. 84. Л. 56.
- ²¹ Устинов Д. Ф. Во имя победы. М.: Воениздат, 1988. С. 141.
- ²² Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. М.: Госполитиздат, 1947. С. 41.
- ²³ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления: В 3 т. М.: АПН, 1988. Т. 2. С. 243.
- ²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1043. Л. 47.
- ²⁵ Кнышевский П. Н. Государственный комитет обороны: методы мобилизации трудовых ресурсов // Вопросы истории. 1994. № 2. С. 56.
- ²⁶ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 38. Л. 266–269.
- ²⁷ Там же. Д. 28. Л. 95.; Коломиец М. Т-34. Первая полная энциклопедия. М.: Яуза: Стратегия-КМ: Эксмо, 2009. С. 484.
- ²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1044. Л. 67.
- ²⁹ Там же. Ф. 644. Оп. 1. Д. 125. Л. 14–17.
- ³⁰ Там же. Д. 129. Л. 2–4.
- ³¹ Там же. Д. 9. Л. 101–102.
- ³² Там же. Д. 10. Л. 20–22.
- ³³ Сталин И. В.: Сочинения. М.: Писатель, 1997. Т. 15. С. 67.
- ³⁴ Коломиец М. История танка КВ. Ч. 2. 1941–1944. // Фронтальная иллюстрация. 1999. С. 79.
- ³⁵ В октябре завод выпустил 22 танка вместо 150 по плану. См. Коломиец М. Т-34. Первая полная энциклопедия. С. 484; РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 1. Л. 272.
- ³⁶ Малышев В. А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома. // Источник. 1997. № 5. С. 117.
- ³⁷ Коломиец М. Т-34. Первая полная энциклопедия. С. 484.
- ³⁸ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1947. С. 14.
- ³⁹ Вознесенский Н. А. Военная экономика СССР в период Отечественной войны. С. 41–42.
- ⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 8. Л. 211, 212; Д. 13. Л. 174–175.

- 41 Костырченко Г.В. Авиапромышленность накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Самолето-
строение в СССР. 1917–1945. В 2 кн. М.: ЦАГИ, 1994. Кн. 2. С. 214.
- 42 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 25. Л. 113.
- 43 Там же. Д. 16. Л. 96.
- 44 Кравченко Г.С. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., преработ. и доп.
М.: Экономика, 1970. С. 178.
- 45 Малышев В.А. «Пройдет десяток лет, и эти встречи не восстановишь уже в памяти». Дневник наркома // Источник.
1997. № 5. С. 118.
- 46 Устинов Д.Ф. Во имя победы. С. 169.
- 47 Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура,
организация производства и управление. М.: РОССПЭН. 1996. С. 148.
- 48 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 1988. Т. 2. С. 96.
- 49 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 29. Л. 4–7.
- 50 Там же. Д. 65. Л. 2–15.
- 51 Там же. Д. 68. Л. 1–4.
- 52 Устинов Д.Ф. Во имя победы. С. 197–198.
- 53 Подсчет автора.
- 54 Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль.
1985. С. 217–218.
- 55 Симонов Н.С. Военно-промышленный комплекс СССР в 1920–1950-е годы: темпы экономического роста, структура,
организация производства и управление. 1996. С. 151.
- 56 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 99. Л. 108–113.
- 57 Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. 1988. Т. 3. С. 26–29.
- 58 Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. 1947. С. 73.
- 59 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 149. Л. 155–173.
- 60 Там же. Д. 184. Л. 282–283.
- 61 Чадаев Я.Е. Экономика СССР в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). 1985. С. 219.
- 62 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 345. Л. 268.
- 63 Историография советского тыла периода Великой Отечественной войны: Сб. ст. Под ред. Г.А. Куманева и А.В. Митро-
фановой. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1976. С. 99.
- 64 История социалистической экономики СССР. В 7 томах. Т. 5. Советская экономика накануне и в период Великой Оте-
чественной войны. 1938–1945 гг. М.: Наука. 1978. С. 258.
- 65 Емельянов В.С. С чего начиналось. М.: Советская Россия, 1979. С. 87.

Возрождение нравственных традиций в Красной армии в годы Великой Отечественной войны

Е. Г. Гужва*

Еще в самом начале войны, когда враг вероломно вторгся в пределы страны, начался новый этап трансформации советской идеологии, что было вызвано угрозой существованию советского государства, а вследствие этого — необходимостью мобилизации дополнительных внесистемных ресурсов. В области массового сознания они лежали за пределами господствовавшей идеологии, которая вынуждена была инкорпорировать их в свой состав, приспособив к общим системным принципам. Такой подход предполагал перенесение акцента с классовости на государственно-патриотические идеи, с «пролетарского интернационализма» на национально-государственные ценности, обращение к историческим национально-государственным традициям, национальному самосознанию и религиозному сознанию.

В тяжелейший начальный период войны, ставший шоком для страны, народа и власти, И. В. Сталин, обращаясь к национальным чувствам русского народа, называл войну против фашистской Германии великой, всенародной, Отечественной, а в драматический период, когда враг стоял у стен Москвы, на параде Красной армии 7 ноября 1941 г. на Красной площади Верховный Главнокомандующий сказал: «Товарищи красноармейцы и краснофлотцы, командиры и политработники, партизаны и партизанки! На вас смотрит весь мир как на силу, способную уничтожить грабительские полчища немецких захватчиков. ...Война, которую вы ведете, есть война освободительная, война справедливая. Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ наших великих предков — Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьмы Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова,

Михаила Кутузова!»¹. Политические лозунги были заменены на патриотические.

К концу ноября 1941 г. наступательный порыв вражеских войск иссяк, они перешли к обороне. Главная цель Красной армии в начальном периоде войны — «Выстоять!» — была выполнена в значительной мере благодаря морально-психологической стойкости народа. В битве под Москвой войска Красной армии победили превосходившие по численности в 1,2 раза силы противника². Таким образом, истоки Победы были заложены уже в самом начале войны, когда врагу не удалось сломить моральный дух народа, сумевшего выстоять в тяжелом испытании 1941 г.

Важным аспектом идеологической трансформации стала область религиозного сознания. Начался трудный и постепенный процесс нормализации отношений с православной церковью, которая в первый же день войны 22 июня 1941 г. благословила всех православных на защиту Родины. Со своей стороны государство меняло политику в отношении церкви: не препятствовало верующим отмечать церковные праздники, не закрывало православные храмы и приходы. Для взаимодействия правительства и церкви при Совнаркомом СССР был создан Совет по делам Русской православной церкви. В сентябре 1943 г. был образован Священный Синод, а митрополит Сергей избран Патриархом Московским и всея Руси. Происходила определенная нормализация отношений и с рядом других конфессий.

Немаловажное значение имели идеолого-пропагандистские институты контроля над армией и обществом, которых не было у царской власти (партия, комсомол, разветвленная система общественных организаций, в армии — комиссары, а позже политработники). Правительственные

* Гужва Евгений Геннадьевич — к. пед. н., доцент, докторант Военного университета МО РФ.

установки с самого начала войны переводились в ясные, чеканные формулы и лозунги, которые обычно формулировались Ставкой Верховного Главнокомандования и доводились до сведения каждого бойца, а в тылу — до каждого гражданина. Так, лозунг «Наше дело правое — победа будет за нами!» — убеждал народ в справедливом характере войны со стороны СССР и внушал уверенность в неизбежности Победы. «Все силы народа — на разгром врага!», «Все для фронта, все для Победы!» были смыслом мобилизации в советском тылу, а «Смерть немецким оккупантам!» являлся аксиомой для бойцов и офицеров РККА.

Основным механизмом внедрения идеологических формул, вырабатывавшихся «на высшем уровне», в массовое армейское сознание являлись средства партийно-политической и агитационно-пропагандистской работы в войсках. При этом постоянно осуществлялся контроль за настроениями в армейской среде, «обратная связь», позволявшая корректировать действия политико-пропагандистского аппарата, повышать эффективность его воздействия, устранять «возмутителей спокойствия», отслеживать и пресекать нежелательные настроения.

Особое значение имела пропаганда примеров героического поведения. Обращение к героическим примерам, целенаправленно представлявшимся как образец для массового подражания — важный момент в поддержании духа войск. Особенностью его в годы Великой Отечественной войны была беспрецедентная роль государства в формировании символов. Поэтому его символаобразующая роль оказалась столь действенной и эффективной, а совокупность сформированных символов — объективно необходимой и адекватной стоявшим на разных этапах войны задачам.

Учитывая, что интересы государства и народа, системы и общества в этот период совпадали в главном, в выживании страны перед лицом смертельной опасности, можно считать, что и пропагандистская машина обслуживала прежде всего национально-государственные интересы. Созданные во время войны символы представляли собой сочетание подлинных событий, отраженных в «зеркале пропаганды». Органы пропаганды отбирали и шлифовали факты, создавая символы как отвлеченно-обобщенные примеры для подражания. Только единичные имена могли врезаться в память миллионов, став образцом. Но героями становились сотни тысяч людей.

Идеологический фактор в войне не только смыкался и переплетался с психологическим, но нередко оказывался ведущим: от сильной, «грамотной» идеологической мотивации войны, от интенсивности и точности «политико-воспи-

тательной работы» напрямую зависело морально-психологическое состояние войск. Идеология формировала фундаментальные мировоззренческие установки, а пропаганда обеспечивала морально-психологическую мобилизацию на борьбу с врагом, обращалась к чувствам людей, к образному мышлению, предъявляла образцы поведения для массового подражания на фронте и в тылу.

Осознавая необходимость поиска символов, способствующих мобилизации всех духовных и нравственных сил в борьбе с захватчиками, правительством государства был взят курс на возрождение традиций царской армии, того, что еще совсем недавно считалось вредным пережитком старой системы. Одним из первых шагов по возрождению несправедливо забытых традиций явилось восстановление гвардии.

Российская Императорская гвардия была учреждена в начале царствования Петра I из Преображенского и Семеновского полков в 1687 г. Гвардией называли отборную, привилегированную, лучше других обученную и экипированную часть войск. Гвардия была ядром армии. Вооруженные отряды, состоявшие непосредственно при монархе, часто выполняли функции его личной стражи. Созданная Петром I, российская гвардия прошла славный боевой путь. Свое второе рождение она пережила в годы Великой Отечественной войны.

Советская гвардия родилась во время тяжелейших оборонительных сражений лета и осени 1941 г. под Смоленском. В приказе Ставки от 18 сентября 1941 г. говорилось: «В многочисленных боях за нашу Советскую Родину против гитлеровских орд фашистской Германии 100-я, 127-я, 153-я и 161-я стрелковые дивизии показали образцы мужества, отваги, дисциплины и организованности. В трудных условиях борьбы эти дивизии неоднократно наносили жестокие поражения немецко-фашистским войскам, обращали их в бегство, наводили на них ужас»³. Этим приказом отличившиеся в боях с врагом соединения были переименованы в 1-ю, 2-ю, 3-ю и 4-ю гвардейские стрелковые дивизии. Им вручили особые гвардейские знамена с портретом В. И. Ленина.

Бывший командир взвода 153-й (3-й гвардейской) стрелковой дивизии генерал-майор в отставке Н. Космодемьянский вспоминал: «...Для нас, ветеранов, особенно памятны тяжелые бои 1941 года. Под Витебском, где воины-уральцы приняли боевое крещение, отражая натиск во много раз превосходящего по силам противника. Под Ельней, где учились не только обороняться, но и успешно наступать... Да, победа под Ельней досталась нам дорогой ценой. В тех боях смертью храбрых пали многие наши товарищи. Им не пришлось носить на груди знак «Гвардия». Но звание гвардейцев они заслужили по праву»⁴.

19 июня 1942 г. был учреждён гвардейский Военно-морской флаг, а 31 июля 1942 г. введено в действие Положение о гвардии Флота СССР⁵. В дальнейшем в ходе войны многие закалённые в боях части и соединения Красной армии были преобразованы в гвардейские. Существовали гвардейские полки, дивизии, корпуса и армии.

Воинские звания военнослужащих, проходящих службу в гвардейских частях и соединениях, имеют приставку «гвардии» — например, «гвардии майор-инженер», «гвардии генерал-полковник». В годы войны в ВМФ к воинским званиям военнослужащих, проходящих службу в гвардейских частях, добавлялись слова «гвардии» (для авиации и береговой обороны) — например, «гвардии капитан», а также «гвардейского экипажа» (для плавсостава) — например, «гвардейского экипажа капитан первого ранга». К концу войны советская гвардия насчитывала 11 общевойсковых и 6 танковых армий, 1 конно-механизованную группу, 42 стрелковых, 7 кавалерийских, 12 танковых, 9 механизированных и 13 авиационных корпусов, 124 стрелковых, 10 воздушно-десантных, 17 кавалерийских, 6 артиллерийских, 62 авиационных дивизий и т. д.⁶

Опора на духовную силу предков, возвращение к православной и гвардейской традициям русской армии, восстановление звания офицера, отменённого в 1917 г., — все это позволило выстоять и победить в самой кровавой войне. Потребовалось вспомнить о нетленной славе России, о русских полководцах (некоторые из которых после революции были зачислены в разряд реакционных царских генералов), об офицерах, которые по крохам собирали и защищали нашу Родину: «Они подскажут тебе, как поступить, даже оставшись в одиночку среди вражьего множества».

Важным источником комплектования Красной армии командными кадрами стало привлечение на службу «военспецов» — бывших генералов, офицеров и унтер-офицеров царской армии. В официальном лексиконе Красной армии тех лет слово «офицер» не употреблялось. Для обозначения среднего и старшего комсостава использовался термин «красные командиры». После гражданской войны большая часть военных специалистов была уволена из армии. Их место заняли выпускники созданных в годы советской власти военных школ, училищ и академий. К лету 1941 г. в стране насчитывалось 203 военных и 7 военно-морских училищ, в которых обучалось свыше 300 тыс. курсантов, получавших по завершению учебы среднее военное образование. Подготовка командных и инженерных кадров с высшим образованием осуществлялась в 19 военных академиях и 10 военных факультетах при гражданских высших учебных заведениях⁷.

С началом войны сеть военно-учебных заведений была значительно расширена. Обучение производилось по сокращённым программам. Срок обучения в академии составлял 6–12 месяцев, в училище — до 4–10, в запасных учебных частях — до 3–6. Всего за годы войны было подготовлено около двух миллионов офицеров⁸.

Необходимо отметить, что командный состав, сменивший безвинно репрессированных «врагов народа», не берегся в ходе войны и в большинстве своём был «выбит» уже в начале боевых действий. Поэтому в ходе войны отношение к старому (русскому) офицерскому корпусу стало меняться. На щит были подняты имена великих русских полководцев. Исчез негативный образ русского офицера («контра», «золотопогонник», «белогвардеец», «офицерье» и др. оскорбления).

В декабре 1941 г. в одном из приказов Сталина признавалось, что настоящего офицерского корпуса у нас пока нет. И лишь спустя 14 месяцев, в феврале 1943 г., констатировалось, что теперь у нас офицерский корпус есть. И это было действительно так. Рождение нового офицерского корпуса в невероятно короткий срок оплачено ценой больших потерь и колоссального напряжения всех сил государства и народа. Авторитет офицерского состава в годы войны значительно повысился. И это неудивительно. Ведь в личном героизме, мужестве и отваге офицеров заключалась одна из причин массового героизма, доблести и отваги рядового и сержантского состава советских войск. «Офицер есть образ Родины для солдат на поле боя», — отмечал писатель А. Платонов⁹. К 1945 г. в Красной армии командовали полками 126 офицеров, начавших войну рядовыми и сержантами. Новый боевой опыт, наработка навыков военной культуры, традиций в итоге были оплачены непомерной кровью рядовых и офицерских кадров и гражданского населения.

Идеологические изменения проявлялись не только в речах и политических лозунгах. Были учреждены воинские награды, носившие имена прославленных русских полководцев и флотоводцев (ордена Александра Невского, Суворова, Кутузова, Нахимова, медаль Ушакова). Правопреемником Георгиевского креста, высшей солдатской награды русской армии на протяжении более века, стал орден Славы трех степеней. Преемственность вводимой новой советской государственной награды подчеркивалась тем, что для ордена Славы была взята георгиевская лента. Менее чем за два года войны около 980 тыс. воинов были награждены орденом Славы третьей степени, почти 46 тыс. — орденом Славы второй степени и 2640 военнослужащих стали полными кавалерами ордена Славы¹⁰.

После Сталинградской битвы, закончившейся полной победой советского оружия, народный

комиссар обороны И. В. Сталин обратился с ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР о введении новых знаков различия для личного состава Красной армии — погон. По замыслу Верховного главнокомандующего погоны генералитета, офицерского и рядового состава должны были отличаться формой, способом и материалом изготовления. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 января 1943 г. для личного состава РККА были введены погоны¹¹.

Введением погон, в частности, предполагалось решить несколько задач: подчеркнуть, что советская армия является законной преемницей доблести и боевой славы старой русской армии, единственной наследницей ее традиций; укрепить авторитет и единоначалие командных кадров, напомнить им об ответственности, достоинстве и чести, символом которых всегда были погоны. Военная печать по этому случаю писала, что «мы надеваем погоны в великую и трудную годину Великой Отечественной войны. Обессмертим эти знаки воинского различия и воинской чести новыми подвигами во славу нашего Отечества и нашей героической армии». Многие советские офицеры действительно почувствовали себя наследниками и продолжателями славных побед русского оружия. Ведь возвращение прежней воинской атрибутики совпало с переломом в ходе войны и начавшимся наступлением Красной армии.

Советские погоны имели много общего с дореволюционными, но были и отличия: офицерские погоны РККА (но не ВМФ) 1943 г. были пятиугольными, а не шестиугольными; цвета просветов обозначали род войск, а не полк; просвет представлял собой единое целое с полем погона; имелись цветные канты по роду войск; звездочки были металлическими, золотыми или серебряными и различались по размеру у младших и старших офицеров; звания обозначались другим количеством звездочек, чем до 1917 г., а погоны без звездочек не были восстановлены. Кроме того, погоны были на пять миллиметров шире дореволюционных, шифровки на них не размещались, а цвет погона соответствовал не номеру полка, а роду войск.

Смещение акцентов на патриотические мотивы затронуло, помимо области классовых отношений, и национальные. В мае 1943 г. было принято решение о роспуске Коминтерна, что отражало фактический провал идеологии пролетарского интернационализма: пролетариат фашистских государств воевал против страны «пролетарской диктатуры». В своих речах руководитель советского государства все чаще обращался именно

к русскому народу, к его традициям, героическим событиям и историческим символам. А после разгрома фашистской Германии, особо отмечая жертвенность, стойкий характер и терпенье русского народа, провозгласил тост за его здоровье, «потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций, входящих в состав Советского Союза»¹². В ходе войны патриотизм наряду с коммунизмом являлся неотъемлемой частью идеологии советского народа.

Во второй период войны в Красной армии появилась традиция издания приказов Верховного Главнокомандующего в ознаменование побед над немецко-фашистскими захватчиками. Всего с января 1943 г. и до окончания Второй мировой войны были изданы 375 таких приказов¹³. Многим соединениям и частям были присвоены почетные наименования освобожденных ими городов, генералам и офицерам, чьи войска проявили мужество, стойкость, отвагу и нестигаемую волю к победе, объявлялась благодарность. В связи с освобождением советскими войсками городов Орел и Белгород 5 августа 1943 г. в Москве впервые был произведен артиллерийский салют.

В приказах Верховного Главнокомандующего отмечались заслуги советских Вооруженных сил, героические подвиги советских воинов, проявленные в ожесточенных боях за изгнание врага с советской земли, а затем — при освобождении крупнейших городов и столиц западноевропейских стран. В приказах также отмечались боевые заслуги вооруженных сил Польши, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Румынии, французского авиационного полка, которые вместе с Красной армией сражались против гитлеровской Германии.

С 40-х годов XIX века в русской армии святой традицией считалось начинать вечернюю переключку именами героев, навечно зачисленных в списки части за геройские подвиги. В годы Великой Отечественной войны эта традиция была возрождена. Приказом наркома обороны от 8 сентября 1943 г. Герой Советского Союза Александр Матросов был зачислен навечно в списки 1-й роты 254-го гвардейского стрелкового полка, а части было присвоено его имя¹⁴. По состоянию на 1992 г. этого почетного права были удостоены более 350 военнослужащих¹⁵. Таким образом, традиции русской армии, возрожденные в годы Великой Отечественной войны, свидетельствуют об их непреходящей духовной ценности в вопросах нравственного и военно-патриотического воспитания военнослужащих российских Вооруженных сил.

¹ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: Госполитиздат, 1950. С. 37–40.

² Ржешевский О. А. Все о великой войне. М.: Алгоритм: Эксмо, 2010. С. 66.

■ Том XII. Освобождение

- ³ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. — 1942 г. Т. 13 (2–2). М.: Terra, 1997. С. 85–86.
- ⁴ Самосват Д. Символы мужества и стойкости: история и традиции российской гвардии. Возрождение гвардейских частей в годы Великой Отечественной войны. // Ориентир. 2013. № 8. С. 25.
- ⁵ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 2: Вавилония — Гюйс. М.: Воениздат, 1994. С. 366–368.
- ⁶ Военный энциклопедический словарь. М.: Воениздат, 2007. С. 183–184.
- ⁷ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 5: Маркировка боеприпасов — «Огайо». М.: Воениздат, 2001. С. 549.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Неробеев А. Б. Педагогические условия духовно-нравственного воспитания курсантов военного вуза: Дис. канд. пед. наук. Кострома, 2006. С. 121.
- ¹⁰ Полные кавалеры ордена Славы: Краткий биографический словарь: В двух томах. / Пред. ред. коллегии В. П. Горемыкин. М.: Воениздат, 2010. С. 3.
- ¹¹ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). М.: Terra, 1997. С. 24.
- ¹² Сталин И. В. Указ. соч. С. 196.
- ¹³ Приказы Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М.: Воениздат, 1975. С. 9.
- ¹⁴ Русский архив: Великая Отечественная: Приказы Народного комиссара обороны СССР (1943–1945 гг.). Т. 13 (2–3). М.: Terra, 1997. С. 199.
- ¹⁵ Военная энциклопедия: В 8 томах. Т. 3: «Д» — Квартирьер. М.: Воениздат, 1995. С. 251.

Начало прозрения

(о путях воздействия советской спецпропаганды на солдат и офицеров вермахта: год 1943-й, Северо-Западный фронт)

Н. Э. Вашкау*

Память о Северо-Западном фронте Великой Отечественной войны сохраняется в замечательной песне композитора Матвея Блантера и поэта Михаила Матусовского¹:

Пушки молчат дальнoбойные,
Залпы давно не слышны.
Что ж мне ночами спокойными
Снятся тревожные сны?
Молнией небо расколото,
Пламя во весь горизонт.
Наша военная молодость —
Северо-Западный фронт...

Этот фронт, действовавший с 22 июня 1941 г. по 20 ноября 1943 г.,² не принадлежал к числу прославленных оперативно-стратегических объединений Великой Отечественной войны³. В первых сражениях с врагом войска Северо-Западного фронта приняли удары опытных частей вермахта, не будучи готовыми к их отражению. Отступали, но все же противостояли натиску немецко-фашистской группы армий «Север» и части сил группы армий «Центр». К 29 июня 1941 г. части фронта отошли к Западной Двине. Неся серьезные потери, фронт прикрывал направление на Ленинград с юго-запада и на Москву — с северо-запада. Командование фронта нередко получало со стороны Ставки трудноисполнимые (а то и вовсе неисполнимые) приказы. Операции под Торопцом, Старой Руссой, Демянском и вновь под Старой Руссой не завершились стратегическими успехами. Неслучайно за два с половиной года сменилось шесть командующих фронтом: генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, генерал-майор П.П. Собенников, генерал-лейтенант П.А. Курочкин, маршал Со-

ветского Союза С.К. Тимошенко, вновь П.А. Курочкин — теперь в звании генерал-полковника, генерал-полковник И.С. Конев. Частям и соединениям фронта не присваивали званий гвардейских.

Сил фронта было недостаточно для опрокидывания и вытеснения противника из хорошо укрепленных плацдармов. Командир артиллерийской батареи капитан И.М. Новохацкий вспоминал: «Местность здесь была крайне неблагоприятной для ведения боевых действий — лесисто-болотистая. Противник занимал выгодные позиции на высотах... Весь 1942 год и начало 1943-го здесь шли ожесточенные бои. Наши войска постоянно атаковали противника, а он уже приспособился к этим атакам, укрепил свои позиции, и мы не смогли продвинуться ни на шаг. Впечатление такое, что это была мясорубка, которая ежедневно перемалывала наши дивизии. Технику и в первую очередь наши танки применять было нельзя. Мы удивлялись и даже про себя возмущались тому, что атаки велись прямолинейно и практически в одном месте. И только после войны я уяснил, что это были атаки вынужденные, чтобы противник не смог снять с нашего направления хотя бы часть своих войск для переброски их на сталинградское направление или на Кавказ, где также шли ожесточенные бои»⁴.

Но в нашу задачу не входит описание боевых действий фронта. На основе впервые вводимых в научный оборот документов в статье показано, какие изменения происходили в умах и сердцах немецких солдат и офицеров в 1943 г., в период перелома в войне, под воздействием победы Красной армии в районе Сталинграда и под влиянием советской специальной пропаганды, направленной на войска противника. Исследуемый нами комплекс документов вошел в состав Российско-

* Вашкау Нина Эмильевна — д. и. н., профессор Волгоградского государственного университета.

го государственного архива литературы и искусства (РГАЛИ). В 1980 г. в архиве был создан (под № 2549) фонд Льва Зиновьевича Копелева, который (последнее воинское звание — майор) в 1941–1945 гг. являлся армейским пропагандистом политуправления Северо-Западного, а затем 2-го Белорусского фронта.

Копелев, несомненно обладавший даром исторического предвидения, хорошо понимал, что документы спецпропаганды будут иметь немалую значимость для будущих поколений исследователей Второй мировой войны. Если для подавляющего большинства офицеров 7-х отделов эти документы были отработанными вчерашними бумагами, подлежащими уничтожению или закрытому хранению, то для Копелева они представляли неповторимые свидетельства современной истории. Данные материалы были привезены Копелевым в Москву во время отпуска в декабре 1943 г. Он стремился собрать эти документы и сохранить их в неприкосновенности в надежном месте во что бы то ни стало. И это ему удалось, несмотря на десятилетнее пребывание в ГУЛАГе, преследования властей и обыски в пору его правозащитной деятельности⁵.

В фонде Копелева первостепенный интерес представляют дела 430, 551, 552, 574. В состав архивной коллекции вошли материалы, подготовленные Копелевым и изданные политуправлением фронта. Это предварительные и окончательные варианты листовок, тексты звукопередач, отчеты о командировках в воинские части. Важнейшая часть фонда — протоколы допросов немецких военнопленных. Указанные материалы не являлись до сих пор предметом научного рассмотрения. Исключение составляет опубликованная в 2013 г. обзорная статья В. А. Всеволодова⁶. «В поле зрения исследователей, — отмечает автор, — попали только листовки главного советского военного пропагандистского ведомства — ГлавПУРа, обозначаемые как «центральные листовки»... Фронтные оперативные листовки, тот уровень пропаганды, на котором действовал Л. З. Копелев, в массе своей и по сей день остаются неизвестными»⁷. Это замечание Всеволодова полностью относится не только к листовкам, обращенным к вражеским солдатам, но и к протоколам допросов военнопленных. Осуществляемый нами впервые анализ данных комплексов документов позволяет показать динамику методов и результатов воздействия советской спецпропаганды на солдат и офицеров противника, а также реконструировать эволюцию морально-политической обстановки в частях германского вермахта. Почему в центре нашего внимания находятся документы 1943 г.? Цель статьи состоит в том, чтобы раскрыть масштабы многостороннего воздействия поражения вермахта

под Сталинградом на уровень сознания немецких солдат и офицеров, в том числе и на тех участках военного противостояния, где боевые действия носили вынужденно-позиционный характер, что относится к Северо-Западному фронту.

Непременным компонентом любой войны является психологическое воздействие на войска и население противника. В 1940 г. в системе Главного политического управления Красной армии (ГлавПУР) был создан отдел спецпропаганды (7-й отдел). В августе 1944 г. отдел преобразован в 7-е управление при ГлавПУРе. В тяжелейших условиях войны военным пропагандистам отводилась особая роль — поднять моральный дух солдат Красной армии и работать на разложение армии противника. Эта деятельность, вспоминает бывший сотрудник 7-го отдела Северо-Западного фронта Яков Драбкин, «требовала не только знания языка и литературы, но также понимания чуждой психологии немцев, умения вести с военнопленными разговор о войне и жизни. Задача была и в том, чтобы идейно перевоспитать тех, кто способен был воспринять доводы разума»⁸.

В политуправлении Северо-Западного фронта и в политотделах 11-й, 34-й, 53-й, 1-й ударной и других армий сложился дружный творческий коллектив пропагандистов, опытных «фрицеведов», как их шутя называли товарищи. В числе опытных спецпропагандистов политуправления фронта были представители интеллигенции довоенной поры: литературовед Лев Копелев, историки Яков Драбкин, Галина Хромушина, Давид Давидович, Юрий Ватер, Николай Янцен, Василий Кульбакин, экономист Лев Дубровицкий, литераторы Герасим Бандалин, Иван Чичеров, филолог Юрий Маслов, художник Иван Харкевич, радиодиктор Владимир Герцик, педагог Серафим Макаров, фотограф Борис Шебашов...⁹

Свидетельствует Яков Драбкин: «Поначалу советская литературная и радиопропаганда на Германию велась централизованно из Москвы. Лев Копелев был в числе первых и, несомненно, самых талантливых, которые научились писать листовки и тексты звукопередач непосредственно на фронте, притом оперативно и доходчиво для читателя и слушателя, находящегося за огневым рубежом»¹⁰.

По сведениям начальника политуправления фронта генерал-майора Андрея Огорокова, с осени 1942 г. и до конца 1943 г. политуправление фронта издало 214 листовок, а также 83 номера газеты «Soldatenfreund» («Друг солдата»). Всего с начала войны до весны 1943 г. на Северо-Западном фронте было распространено среди немецких солдат свыше 132 млн листовок¹¹.

На мощных радиоустановках (МГУ) и окопных громкоговорящих установках (ОГУ) совет-

ские агитаторы вели передачи на немецком языке на противника. Это была очень опасная работа. Установки располагались по переднему краю как можно ближе к противнику (радиус их действия усиливал звук до 2–3 км), противник сразу начинал обстрел этого места... Сначала их было немного (всего 20 в начале войны), но затем были приняты меры по их промышленному изготовлению¹². По инициативе выдающегося деятеля Коммунистического Интернационала Дмитрия Мануильского политуправлениям фронтов было разрешено выпускать собственные листовки. С лета 1942 г. это разрешение распространилось и на политотделы армии.

«С весны 1942 г., — вспоминает Иван Харкевич, — на Северо-Западном фронте для «наглядной агитации» стали использовать плакаты. Они выполнялись на полотне или фанере большого размера, требовали предельной простоты и доходчивости — броский, видный издали рисунок, предельно краткая подпись. Я делал эскизы таких плакатов. Фотокопии рассылались по армиям и дивизиям для установки перед вражескими окопами. Успех оказался оглушительным. Особую ярость вызывал Гитлер в моем исполнении. По плакату с его портретом и надписью «убийца» немцы выпустили 400 снарядов. А благодаря другой моей работе над тем же «образом» с провоцирующей надписью были даже разведаны вражеские огневые точки — немцы не могли видеть фюрера в столь откровенно чудовищном виде и старались сбить плакат как можно скорее, таким образом обнаруживая свои позиции. По доходившей до нас оперативной информации большой интерес вызывала газета «Друг солдата» на немецком языке. Сначала редакция и вся походная полиграфия разместились в поезде. В пути то и дело объявлялись воздушные тревоги. Случались прямые попадания в наш состав, были человеческие жертвы. С появлением пленных мы начали получать сведения о противостоящих частях, о настроениях солдат после несостоявшегося «блицкрига», о концлагерях, о кошмарах русской зимы. Все эти рассказы мы использовали в статьях, они подкупали своей достоверностью. Появилась возможность рисовать с натуры пленных, создавать узнаваемые портреты солдат и офицеров. Сильно действовала на врага сентиментальная тема — дом, семья, дети. Об этом говорили сами пленные. Среди них были убежденные антифашисты, которых мы привлекали к работе. Они давали ценные рекомендации для подготовки иллюстраций. Сами писали тексты, обращенные к солдатам своих бывших частей. Некоторые работали как наборщики и печатники»¹³.

В начале войны отдел спецпропаганды Северо-Западного фронта был в незавидном положе-

нии, армия отступала, пропаганда на противника не имела большого эффекта. Случаев массового перехода долго не удавалось добиться. Немецкие части дрались отчаянно. Перелом в сознании немецкого солдата произошел после битвы под Москвой и особенно после окружения 6-й армии под Сталинградом. Только Сталинград пробил брешь в представлениях о русском плене и посеял сомнения в правдивости гитлеровской пропаганды. Солдаты и раньше читали листовки и слушали радиопередачи, но не верили им. Перевес был на их стороне. Теперь реакция изменилась. Это отразилось на растущем числе перебежчиков и на общем количестве военнопленных. Пропаганда среди немецких солдат русского плена стала главной задачей работы отдела по работе среди войск противника. Надо было усиливать работу по разъяснению отношения к русскому плену, приводя ее в систему.

Лев Копелев так описывает это время: «Листовки и газеты, выпускаемые тут же, по горячим следам боев, на основе только что захваченных документов или показаний перебежчиков и пленных, листовки, обращенные к определенным частям, к определенным людям — нередко их называли поименно, — и такого же рода звуковые передачи из окопов или прямые переговоры с помощью трофейных раций с каждым месяцем и годом войны становились все более действенными... Фронтовые пропагандисты упорно и смело пробивали те часто почти неприметные тропинки, по которым в самую толщу гитлеровской армии проникала правда, ускорявшая поражение фашизма»¹⁴.

Изменилось содержание листовок, изменилось их восприятие солдатами по ту сторону фронта. В листовке, написанной старшим лейтенантом Драбкиным в первой половине февраля 1943 г., раскрывались последствия поражений вермахта под Сталинградом: «Все немецкие солдаты, где бы они ни были — на Украине, под Ленинградом, под Орлом или на озере Ильмень, — должны знать о катастрофе гитлеровского вермахта, разразившейся под Сталинградом... Каждый немецкий солдат и офицер сегодня стоит перед выбором: сдача в плен или смерть. Принимайте решение, пока не поздно!»¹⁵.

«Оружие слова, непосредственно воздействующего на рассудок и душу противника, крепло и совершенствовалось в боях так же, как и все другие роды нашего оружия, — вспоминал Копелев. — Мы лучше узнавали действительные настроения немецких солдат и населения в тылу, действительные особенности мировосприятия, психологии и нравов тех, к кому обращались. Мы научились писать и говорить, видя и понимая то, что действительно есть в их умах и душах, а не

исходя из заданных догматических схем, из произвольных представлений о том, какими они якобы «должны быть»... Мы научились разнообразить нашу пропаганду, целеустремленно конкретизировать ее, направляя к читателям и слушателям разных общественных групп, разных уровней образования, разных взглядов на жизнь, к людям, происходившим из разных областей Германии»¹⁶.

Листовки, над которыми работал Копелев, были, по свидетельству Драбкина, «лучшими из тех листовок, которые распространялись нами среди немецких солдат через линию фронта»¹⁷. Примером именно таких листовок служит четырехстраничная книжица «Русский язык для солдат. 12 самых необходимых выражений». Точно такие же по оформлению карманные книжки издавало немецкое командование для своих солдат. Но содержание словарика было диаметрально противоположным по сравнению с официальным: «Товарищ», «Я в русский плен», «Сдаюсь», «Не стреляй», «Не хочу воевать», «Дай закурить», «Дай хлеба». На последней странице словаря был помещен «Пропуск в плен для перебежчиков». В ход была пущена, притом в стихотворной форме, поговорка «*gefangen — gerettet*» («кто в плену — тот спасен»):

Deutsche Soldaten!
Sterbet nicht für Nazi-Plutokraten.
Lasst euch raten:
Rettet euch vom Krieg und Tod!
Gefangen — gerettet: heißt das Gebot.

Немецкие солдаты!
Не умирайте за нацистских плутократов.
Слушайте совет:
Сами спасайте себя от войны и смерти!
Кто в плену — тот спасен: гласит завет¹⁸.

Через звуковую установку в марте 1943 г. было передано обращение к солдатам и офицерам 2-й роты 281-го егерского полка 6-й дивизии. В тексте были пофамильно названы солдаты и унтер-офицеры, которым была адресована передача: Герман, Хасс, Швиглер, Пиркер, Свирш. Далее следовали убедительные слова: «Долго ли вы будете ждать неминуемой смерти? Прошло два дня, и вы снова в окопах. Сколько солдат вы уже потеряли? Каждый день и каждая ночь приносит вам новые жертвы». Далее — фамилии сдавшихся в плен солдат роты и их обращения к сослуживцам. Передача заканчивалась призывом: «Что ждет вас в будущем? Думайте сами! Выбирайте сами!»¹⁹.

В фонде Копелева в РГАЛИ сохранились утвержденные политуправлением фронта в марте 1943 г. тексты звукопередач, которые велись по ночам с бипланов У-2, летавших на предельно

низких высотах: «Неужели вы все еще верите новым сказкам об ужасах русского плена? Генерал-фельдмаршал Паулюс и 24 немецких генерала из Сталинграда, находящиеся в плену, свидетельствуют своим офицерским словом о безупречном отношении с пленными. Вы слышите?»; «До каких пор вы будете позволять обманывать вас и гнать на смерть? Довольно слепого послушания, довольно бессмысленной смертоубийственной борьбы. Спасайте свою жизнь! Сдавайтесь в плен!»; «Красная армия наступает. Все неустойчивей становятся русские атаки. Неужели вы хотите быть самоубийцами? Ваши товарищи под Сталинградом сдались в плен в количестве 91 тысячи солдат и офицеров. Среди них генерал-фельдмаршал Паулюс и 24 генерала. Следуйте их примеру. Сдавайтесь в плен!»; «Немецкие солдаты! Ваше командование и ваши газеты натравливают вас против русской пропаганды. Вам вдалбливают, что русские обманывают вас. Многие из вас все еще не хотят верить нашим листовками и радиопередачам. Вы слышите нас? Думайте сами. Нам не нужно верить на слово. Вспоминайте о том, что вы видели и слышали. Вспоминайте, спрашивайте, думайте... Тогда вы поймете, что вам лгут»²⁰.

Иван Харкевич, бывший художник ленинградского детского журнала «Чиж», нарисовал антифашистскую колоду карт, предназначенную для распространения в боевых порядках противника. Карточными королями стали Гитлер, Геббельс, Гиммлер и Геринг, дамами — союзники фашистской Германии: Венгрия, Финляндия, Румыния и Италия; тузами — промышленные магнаты, на которых опирался нацистский режим²¹.

В 2013 г. в ФРГ была впервые опубликована подготовленная Копелевым (июнь 1943 г.) листовка политуправления Северо-Западного фронта, содержавшая сведения о подвиге и казни участников мюнхенской антифашистской организации «Белая роза». В отличие от известной ранее «центральной» (т. е. подготовленной в ГлавПУРе) листовки на указанную тему, которая была составлена весьма грамотно, но в общих выражениях²², прокламация Северо-Западного фронта имела четко выраженный адресный характер. Листовка была обращена к солдатам и офицерам 5-й егерской дивизии, державшей оборону в районе Старой Руссы (Новгородская область). Описание подвига брата и сестры Шолль — уроженцев швабских городов Ульма и Ингерсхайма (ныне это земля Баден-Вюртемберг) — было адресовано их землякам: дивизия традиционно формировалась в Швабии. Воззвания «Белой розы», говорилось в листовке, «бичуют диктатуру Гитлера, разоблачают ее как преступление против немецкого народа и немецких солдат». Целью мюнхенских антифашистов было «свержение Гитлера, примирение

со всеми народами, искупление позора, в который вовлечен немецкий народ». Советские политработники призывали немецких солдат следовать традициям уроженцев Швабии, борцов за свободу — борцов за свободу и гуманистов Шиллера²³, Виланда²⁴, Шубарта²⁵ и Гервега²⁶, «склонить знамена над свежими могилами юных борцов за свободу, спасти Германию, свергнуть Гитлера»²⁷.

Допросы военнопленных в феврале-марте 1943 г. Северо-Западного фронта показали, что солдаты — вопреки предельно жестким приказам командования — читали советские листовки:

- солдат Пауль Бихерт (8-я егерская дивизия): «За короткое время пребывания на фронте я читал две советских листовки. Одна из них — об офицере-летчике, правнучке Бисмарка, попавшем в плен к Красной армии»²⁸, другая — одно из сообщений Совинформбюро о ходе ликвидации окруженной сталинградской группировки. Я не верил содержащимся в листовкам уверениям о хорошем обращении в русском плену»²⁹;
- солдат Вернер Будде (208-я пехотная дивизия): «Последняя ваша листовка, которую я читал, была о жизни военнопленных в России. Когда наши солдаты читали эту листовку, между ними возник спор, правда это или ложь... В заключение спора мы пришли к выводу, что многому в листовке можно верить, а многое мы еще не знаем о русских и поэтому не верим. Наши офицеры запрещают нам читать листовки, однако солдаты все же читают их»³⁰;
- ефрейтор Иоганнес Вистерфельд (290-я пехотная дивизия): «Сначала русские передавали рождественские песни на немецком языке, потом кто-то читал текст, было слышно плохо, но некоторые слова удавалось разобрать — о разгроме немецких войск под Сталинградом и о большом количестве пленных, которых русские взяли под Сталинградом. Офицер приказал солдатам стрелять по передатчику. Несмотря на то, что наши солдаты сделали несколько выстрелов, некоторые из солдат подползли ближе к проволочным заграждениям и продолжали слушать передачу»³¹;
- солдат Альберт Решинский (та же дивизия): «Русских листовок везде очень много... Только из русских листовок солдаты узнали о наступлении под Сталинградом и на Центральном фронте... Один из солдат, Иоганнес Якобсон, рассказал о прочитанной им листовке на местном кельнском диалекте и доказывал правдивость написанного»³²;
- солдат Клеменс Дузовский (30-я пехотная дивизия): «За чтение советских листовок офицеры угрожают расстрелом. Были случаи,

когда солдаты посылали советские листовки на родину... Солдаты стараются их читать так, чтобы это было незаметно для офицеров, для этого прячутся где-нибудь по углам»;

- рядовой Хайнц Шильде (штрафбат): «Советские листовки читают и прячут по карманам»;
- солдат Вильгельм Кох (426-й саперный батальон): «Одну из листовок я спрятал за подкладку ватной куртки, чтобы при первой возможности использовать ее как пропуск для перехода в плен к русским. В листовках я больше всего интересовался описанием жизни немецких военнопленных в русском плену»³³.

Наибольшим успехом пользовались листовки и передачи от имени немецких солдат, находившихся в плену. Копелеву принадлежала идея заброса пленных из числа перебежчиков с пропагандистскими целями не только в противостоящие воинские части, но и глубокий тыл противника. Этот проект Копелев подробно изложил в докладе на имя начальника 7-го отдела Северо-Западного фронта³⁴.

Он пользовался непререкаемым авторитетом среди немецких пленных, которые дали ему прозвище «черный майор». При политуправлении фронта работала школа антифашистов из немецких солдат и офицеров, перешедших на сторону противника и осознавших бесперспективность войны на Востоке. Копелев стал там самым любимым преподавателем, и после войны он поддерживал дружеские связи со своими учениками (он всех их помнил!), жившими и в ГДР, и в ФРГ. Многолетняя дружба связывала после войны Якова Драбкина с бывшим солдатом Роландом Файксом, добровольно сдавшимся в плен, активно участвовавшим в антифашистской пропаганде. В архиве хранится подписанная Копелевым характеристика кандидата на учебу в политшколу Германа Фейлинга. В документе сказано, что «солдат был на фронте с 15 февраля 1942 г. в батальоне особого назначения 21 артиллерийско-пехотной дивизии, перебежал на сторону Красной армии 26 апреля. Был привлечен к работе при 7-м отделе. Выступал через звуковки 20 дней. Работал хорошо и отважно. Изъявляет желание действовать в партизанском отряде»³⁵.

Примечательна судьба обер-ефрейтора 32-й гренадерской дивизии Курта Госвайлера, взятого в плен после ранения 4 марта 1943 г.³⁶ После госпитализации для военнопленных он стал курсантом антифашистской школы (Antifa-Schule), выучил русский язык. Активно участвуя в пропагандистской работе, он дал сотрудникам 7-го отдела ряд ценных советов: «По моему мнению, в печатной пропаганде необходимо учитывать различия в культурном уровне солдат, а также в националь-

ной принадлежности: к баварцам не следует обращаться как к померанцам, а к рабочим — так же, как к крестьянам. В печатной пропаганде нужно использовать религиозные мотивы, ибо религиозные разногласия между католиками и протестантами очень сильны. Говоря об успехах русских на фронте, не следует их преувеличивать, ибо солдаты могут не поверить. Было бы неплохо в пропагандистских целях использовать сводки германского верховного командования (которым многие не верят) с различными комментариями»³⁷.

В 1947 г. он вернулся на родину, вступил в Социалистическую единую партию Германии, был ассистентом, затем преподавателем окружной партшколы в Берлине. Закончив Берлинский университет имени Гумбольдта, он посвятил себя изучению истории германского фашизма — сначала как аспирант, а затем как научный сотрудник Центрального института истории Академии наук ГДР. Опубликовал несколько монографий, основанных на творческом использовании архивных данных и получивших широкое (в том числе и в ФРГ) международное признание³⁸. Госвайлер порой высказывал суждения, необычные для унифицированной биографии ГДР³⁹. Госвайлеру больше 90 лет, и таким он остался по ей день — убежденным исследователем и неутомимым спорщиком. Поэтому, писал его друг, историк Дитрих Айхольц, с Госвайлером «непрерывно хочется вести дружескую дискуссию»⁴⁰.

Как под воздействием коренного перелома в войне менялась морально-политическая ситуация в войсках вермахта, дислоцированных на Северо-Западном фронте⁴¹? Для этого надо четко знать, с какими планами вступали немецкие солдаты на территорию СССР. В начале осени 1941 г. пленных, которых можно было бы об этом допросить, было мало. Но зато была захвачена партия военно-полевой почты. В письмах, которые солдаты направляли домой, содержались следующие строки: «Мы разгромим Россию в течение нескольких недель»; «Большевики будут скоро разбиты»; «С русскими скоро покончим, потом надо рассчитаться с англичанами»; «Мы всегда останемся победителями, как бы ни превосходил нас противник численностью»⁴².

Прошло полтора-два года, и показания пленных на допросах оказываются в полном контрасте с наглостью и хвастовством лета 1941-го. В ходе допроса ефрейтора Герхарда Злеека (32-я пехотная дивизия) возникает такая неутешительная картина: «Лучшим доказательством потерь немецкой армии являются бесчисленные кладбища, которые мне пришлось видеть в районе Демянска. В Залучье я видел кладбище, на котором насчитал 400 крестов. Между Енково и Смычкино два кладбища, в деревне Горушка — 150 крестов»⁴³.

Военнослужащие, особенно те, кто был призван по так называемой «тотальной мобилизации», боялись за собственную жизнь. Солдат Франц Кёниг (8 егерская дивизия): «В ротах осталось по 30–40, а в некоторых даже по 10 человек»; солдат той же дивизии Эммануэль Зимец: «Из офицерского состава в 14-й роте только один командир роты, взводами командуют фельдфебели. Такое же положение в других ротах, во всех полках дивизии»⁴⁴. О том же — рядовой 225-й пехотной дивизии Йозеф Ротцер: «Нас пригнали на передовые позиции, и в первый же день мы понесли потери. Поэтому с первого же дня мы пришли в уныние. Мы потеряли надежду возвратиться на родину, видя большие потери и не видя никакой перспективы на окончание войны, кроме того, мы много наслушались от старых солдат, что значит война с Россией»⁴⁵. Непрерывно ходили слухи о скором наступлении Красной армии: «Еще по дороге к Старой Руссе я слышал от старших офицеров, что там, куда мы направляемся, предполагаются большие бои. Русские располагают здесь большими силами и собираются вести наступление в широких масштабах» (лейтенант Вернер Фелькер (32-я пехотная дивизия)⁴⁶. Все больше солдат видели выход в самострелах (на солдатском жаргоне «выстрел на родину») или в сдаче в плен. По показаниям ефрейтора Вильгельма Рахнера (329 гренадерская дивизия) только в одной роте пять рядовых были казнены за самострел⁴⁷. Солдат Альберт Оллердиссен (21-я пехотно-артиллерийская дивизия) показал: «У нас был объявлен приказ, в котором говорилось, что каждый, кто выйдет на передний край, будет расстрелян»⁴⁸.

Появились реальные оценки превосходства боевых качеств Красной армии и ее техники: «Советский боец является храбрым солдатом» (солдат Оскар Гайде, 225-я пехотная дивизия)⁴⁹; «Русские дерутся здорово» (солдат Вильгельм Леман, 12-я пехотная дивизия)⁵⁰; «Русская артиллерия была очень метко. Я видел четыре прямых попадания снарядов, которыми были разбиты два зенитных орудия, полевая кухня и автомашина. Я и мой товарищ при приближении русского танка подняли руки. Командир танка, не задерживаясь около нас, приказал нам идти навстречу русской пехоте. Мы с поднятыми руками пробежали через поле 300–400 метров и сдались подошедшим пехотинцам» (ефрейтор Пауль Юхан, 660-й стрелковый полк)⁵¹; «Т-34 — это великолепный танк, превосходящий все немецкие крепостью своей брони, быстроходностью и подвижностью. Он очень страшен на поле боя. Его боятся в равной мере офицеры и солдаты» (ефрейтор Вернер Тоспен, 6-я зенитная дивизия)⁵².

Над дивизиями вермахта витал призрак нового Сталинграда. Из показаний солдата Франца Фарки (329-я пехотная дивизия): «В душе

я убежден, что Россию победить невозможно. Немецкая армия будет, конечно, пытаться этим летом нанести решающий удар. И, если русский выдержит, то будущей зимой безусловно победа будет за Россией. Настроение солдат плохое. Никто воевать не хочет, Однако нас заставляют воевать. Эта война открыла глаза многим немецким солдатам, которые до этого не представляли, что означает война в действительности. Все солдаты знают о поражении наших войск под Сталинградом, но по-разному говорят об этом. Более разумные считают, что от удара, полученного под Сталинградом, Германия не сможет оправиться. Молодые и более глупые солдаты расценивают это положение как временную неудачу. Вообще солдаты разговаривают между собой на эту тему очень мало. Я считаю, что поражение под Сталинградом невосместимо»⁵³.

Документы рассматриваемой нами архивной коллекции неопровержимо доказывают, что даже в условиях самой жестокой войны в истории человечества основой деятельности советских органов спецпропаганды являлись гуманистические начала. Об этом — слова крупнейшего российского ученого Якова Драбкина: «Ничего хорошего плен не давал, но жизнь спасал. И тех, кого мы наставили на правильный путь, частично хотя бы, тех, кто пришли к демократическим взглядам. И в Германской Демократической Республике, которая не была копией фашистской, как долгое время утверждалось в западногерманской историографии, там это сказало положительно. И то, что немецкий народ отверг Гитлера, порвал связи с нацистами, осудил нападение на Советскую Россию и на мир — это факт исторический, и это — результат также и нашей работы»⁵⁴.

¹ В 1941–1943 гг. М. Л. Матусовский был сотрудником газеты Северо-Западного фронта «За Родину».

² В ноябре 1943 г. части и соединения Северо-Западного фронта влились во вновь образованный 2-й Белорусский фронт.

³ Существует явный дефицит исследований по истории фронта. Речь идет, по существу, о двух научно-популярных изданиях: На Северо-Западном фронте. 1941 — 1943 / под ред. и с предисл. П. А. Жилина, сост. Ф. Н. Утенков. — М., 1969; Бердников Г. И. Первая ударная: Боевой путь 1-й ударной армии в Великой Отечественной войне. — М., 1985.

⁴ http://militera.lib.ru/memo/russian/novohatsky_im/index.html

⁵ Боевой друг Копелева, старейший российский историк-германист Яков Драбкин пишет в этой связи о документах, «чудесным образом сохранных Копелевым». (Драбкин Яков. О Копелеве в жизни и творчестве. — Лев Копелев и его «Вуппертальский проект» / под ред. Я. С. Драбкина. — М., 2002. — С. 37).

⁶ Всеволодов В. А. Литературное наследие «черного майора»: Лев Копелев — пропагандист. — Альманах германской истории. Вып. 1. — М., 2013. — С. 78–88.

⁷ Там же. С. 79. Протоколы допросов попавших в советский плен немецких военачальников были недавно опубликованы. См.: Генералы и офицеры вермахта рассказывают... Документы из следственных дел немецких военнопленных. 1944–1951 / сост. В. С. Христофоров, В. Г. Макаров. — М., 2009.

⁸ Драбкин Я. С. Памяти Льва Копелева (1912 — 1997). — Новая и новейшая история. — 1997, № 6. — С. 115.

⁹ Копелев Лев. Слово правды через фронт. Заметки и воспоминания литератора-пропагандиста. — Литературное наследие. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. Т. 78. Кн. 1 / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького, под ред. А. Н. Дубовикова, Н. А. Трифонова. — М., 1966. — С. 507–508.

¹⁰ Драбкин Яков. О Копелеве в жизни и творчестве. — С. 36–37.

¹¹ О कोरोков А. Д. Слово, ведущее в бой. — М., 1980. — С. 176.

¹² О कोरोков А. Д. И словом и делом. — На Северо-Западном фронте. — С. 69.

¹³ <http://www.samoz.ru/article.php?id=389>

¹⁴ Копелев Лев. Слово правды через фронт. — С. 535, 544.

¹⁵ Цит. по: Борозняк А. И. Время истории и время историка // Германия и Россия в судьбе историка. Сб. статей, посвященный 90-летию Я. С. Драбкина / сост. М. Б. Корчагина, В. Л. Телицын. — М., 2008. — С. 18.

¹⁶ Копелев Лев. Слово правды через фронт. — С. 536.

¹⁷ Драбкин Яков. О Копелеве в жизни и творчестве. — С. 37.

¹⁸ Копелев Лев. Слово правды через фронт. — С. 340 — 341. 57 листовок политуправления Северо-Западного фронта были опубликованы Копелевым в ФРГ. См.: BöllHeinrich, KopelewLew. Warum haben wir aufeinander geschossen? — Bornheim-Merten, 1981; Kopelew Lew. Waffe Wort.- Göttingen, 1991.

¹⁹ Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 551. — Л. 1–2.

²⁰ РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 430. — Л. 28–30.

²¹ <https://casino.ru/community/topic/view?t=12176>

²² «Es lebe die Freiheit!». Die Geschichte der Weißen Rose und ihrer Mitglieder in Dokumenten und Berichten / U. Chaussy, G. Ueberschär (Hrsg.). — Frankfurt a. M., 2013. — S. 507–508.

²³ Фридрих Шиллер (1759 — 1805) — великий немецкий поэт и драматург. В 1941 г., за несколько месяцев до начала войны, Л. З. Копелев защитил кандидатскую диссертацию на тему «Драматургия Шиллера и проблемы французской революции».

- ²⁴ Кристоф Мартин Виланд (1733–1813) — поэт, издатель первого в Германии журнала литературы и искусства «Германский Меркурий», находился в дружественных отношениях с Гёте.
- ²⁵ Кристиан Фридрих Даниель Шубарт (1739–1791) — поэт, композитор и журналист, сторонник Великой французской революции.
- ²⁶ Георг Гервег (1817–1875) — поэт и публицист, чье творчество высоко оценивалось Марксом, участник революции 1848 г.
- ²⁷ «Es lebe die Freiheit!». S. 510–511.
- ²⁸ Речь идет о графе Генрихе фон Айнзиделе, ставшем в июле 1943 г. вице-президентом Национального комитета «Свободная Германия». Биографию Айнзиделя см.: <http://www.portal-der-erinnerung.de/2007/07/18/heinrich-graf-von-einsiedel/>
- ²⁹ РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 552. — Л. 48.
- ³⁰ Там же. — Л. 48–49.
- ³¹ Там же. — Л. 49.
- ³² Там же.
- ³³ Там же. — Л. 50. Об опыте Копелева и его сослуживцев в бюллетене 7-го отдела ГлавПУРа «Опыт работы» было сказано следующее: «Спецпропагандисты Северо-Западного фронта одними из первых обратили внимание на значение в текстах листовок ярких, выразительных слов и фраз, а также краткости формулировок основных выдвигаемых требований к солдатам вермахта» (цит. по: Всеволодов В. А. Литературное наследие «черного майора». — С. 85).
- ³⁴ Там же. Д. 430. — Л. 8, 17.
- ³⁵ РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 551. — Л. 18.
- ³⁶ Там же. Д. 552. — Л. 42.
- ³⁷ Там же. Д. 430. — Л. 51.
- ³⁸ Gossweiler Kurt. Großbanken, Industriemonopole, Staat. — Berlin, 1971; idem. Kapital, Reichswehr und NSDAP 1919–1924. — Berlin, 1984; idem. Aufsätze zum Faschismus. — Berlin, 1986; idem. Die Röhme-Affäre. Hintergründe — Zusammenhänge — Auswirkungen. — Köln, 1983.
- ³⁹ В статье, напечатанной в 1975 г. (не на немецком, а на русском языке) Госвайлер признавал, что «марксистское исследование фашизма существенно отстает от буржуазного». Он называл такую ситуацию «непростительной», резонно полагая, что марксистская концепция фашизма «должна быть динамичной». Коминтерновское определение фашизма, по мнению Госвайлера, «не может быть истолковано как универсальная формула, пригодная повсюду и для всех этапов капиталистического развития, что зачастую имело и продолжает иметь место» (Госвайлер Курт. Кризис буржуазной историографии фашизма. — Ежегодник германской истории 1974 / АН СССР, Ин-т всеобщ. истории, Комиссия историков СССР и ГДР; редкол. Б. Г. Веберидр. — М., 1975. — С. 335–337).
- ⁴⁰ Junge Welt. — 2007, 5. November.
- ⁴¹ В апреле и в июне 1943 г. 7-й отдел политуправления Северо-Западного фронта выпустил два гектографированных бюллетеня «О враге», которые были предназначены сотрудникам политотделов армий и дивизий. обстоятельный анализ ситуации дан в опубликованном типографским способом обзоре, подготовленном по приказу командования майором Л. Копелевым и капитаном Я. Дабкиным. См.: Политико-моральное состояние 16 германской армии. Для служебного пользования / Политическое управление Северо-Западного фронта. 1943 г.
- ⁴² РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 430. — Л. 3–4.
- ⁴³ Там же. Д. 552. — Л. 71.
- ⁴⁴ Там же. — Л. 70.
- ⁴⁵ РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 552. — Л. 74.
- ⁴⁶ Там же. Д. 420. — Л. 44.
- ⁴⁷ Там же. Д. 552. — Л. 42.
- ⁴⁸ Там же. — Л. 65.
- ⁴⁹ Там же. — Л. 92.
- ⁵⁰ Там же. — Л. 82.
- ⁵¹ Там же. — Л. 48.
- ⁵² Там же. — Л. 46.
- ⁵³ РГАЛИ. — Ф. 2549. Оп. 3. Д. 552. — Л. 75.
- ⁵⁴ <http://www.svoboda.mobi/a/24574425.html>

Сталинградская битва в контексте современной истории

М. Ю. Мягков*

Сталинград стоит в ряду главных символов Второй мировой войны. После окончания Московской битвы 1941–1942 гг. советское военное командование было полно оптимизма, несмотря на то, что на отдельных участках германские войска еще стояли в 150 км от столицы, Ленинград был в кольце вражеской блокады, промышленные и хлебные районы Украины находились под пятой оккупантов. Однако перспективы разгрома агрессора уже в 1942 г. казались Сталину вполне реальными. Основная надежда возлагалась на свежие резервы. В свою очередь, Гитлер и его генералы грезили новым наступлением вглубь территории Советского Союза, что, по их мысли, привело бы Германию к окончательной победе. Но наступать по всему фронту вермахт уже не мог, поэтому на лето 1942 г. фюрер выбрал в качестве стратегической цели одно главное направление — Кавказ с его богатыми ресурсами и прежде всего нефтью, которая была как воздух необходима немецким моторизованным частям для продолжения войны.

5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву № 41, в соответствии с которой был подготовлен план наступательной операции под кодовым названием «Блау» — наступление на воронежском направлении группы «Вейхс» (2-й и 4-й танковой армий) и на острогожском — 6-й армии. Ставилась задача взять, наконец, Ленинград и осуществить «прорыв на Кавказ». Группа «Вейхс», взяв Воронеж, должна была повернуть на юг и совместно с наступающей на восток 1-й танковой армией окружить основные силы советского Юго-Западного фронта. После этого предполагалось разделить германские силы группы армий «Юг» на две самостоятельные — «А» и «Б», про-

двигавшиеся в направлении Северного Кавказа и Сталинграда.

Готовилось к летней кампании и советское руководство. Разведка неоднократно сообщала, что основное внимание немецкого командования будет теперь приковано к южному флангу. Однако Сталин и Генштаб Красной армии не исключали, что немцы могут вновь попытаться взять Москву. Ощущение близкой опасности подогревалось немецкой дезинформацией — планом под кодовым наименованием «Кремль». Фальшивка должна была убедить, что группа армий «Центр» уже в июне нанесет удар по столице, окружит ее плотным кольцом и заставит капитулировать.

Непросто решался в Ставке ВГК вопрос об использовании резервов. На начало 1942 г. в связи с эвакуацией сотен предприятий пришелся пик спада производства советской военной промышленности. На мартовском совещании в Москве начальник Генштаба Б. Шапошников предложил ввиду недостатка вооружения перейти к активной обороне. Жуков выступал за наращивание усилий лишь на западном направлении. Однако Сталин считал, что нельзя «сидеть сложа руки и ждать, пока немцы нанесут удар первыми». Где появляется возможность — нужно наступать. Самым уязвимым местом в советском плане стала сама постановка задач — и обороняться, и наступать; отсутствие четкого понимания ситуации, переоценка своих сил и недооценка противника сыграли роковую роль. Уже после войны, вспоминая уроки поражений, С. К. Тимошенко спрашивал Г. К. Жукова: «До сих пор не могу понять, почему же мы в 1942-м не решились перейти к обороне, как это потом сделали под Курском в 1943-м?» Жуков после тяжелого вздоха ответил: «Нужны были накопленные за два года войны горький

* Мягков Михаил Юрьевич — д. и. н., профессор кафедры отечественной и всемирной истории МГИМО(У) МИД России.

опыт, мужество и стратегическая мудрость, чтобы созреть до таких решений»¹. Оценка, несомненно, правильная.

Но активные действия не достигли намеченных целей. Застопорилось наступление 2-й ударной армии у Ленинграда. Более того, сама она попала в окружение, а ее командующий генерал Власов сдался в плен и пошел на предательство Родины. Безуспешными остались попытки захлопнуть демянский котел. Подавленный «опекой» Л. Мехлиса (доверенного представителя Сталина), командующий Крымским фронтом Д. Козлов не смог справиться с немецким ударом 8 мая 1942 г. и растерял все свои войска. Под Керчью погибли 176 тыс. человек. После этого немецкие силы в Крыму были переброшены к Севастополю. Судьба этой крупнейшей базы на Черном море была предreshена. Сражение за Севастополь продолжалось еще два месяца, оно обошлось немцам и румынам в десятки тысяч погибших, пропавших без вести и раненых, но к 7 июля героическое сопротивление защитников города было сломлено. Безвозвратные потери Красной армии составили здесь с октября 1941 г. по июль 1942 г. 156 тыс. чел.

Одновременно с боями в Крыму разгорались сражения под Харьковом. Войска Юго-Западного направления С. Тимошенко в мае 1942 г. пробивались к городу с барвенковского плацдарма. Советский натиск поставил элитную 6-ю армию Ф. Паулюса в трудное положение, однако вскоре 1-я танковая армия Клейста нанесла свой контрудар по растянутым советским флангам. Тимошенко и Сталин некоторое время надеялись, что ситуацию удастся спасти, но чуда не произошло. 23 мая кольцо вокруг сил Юго-Западного фронта замкнулось. По советским данным, потери в этом сражении составили 170 тыс. человек. Трагедия под Харьковом резко ухудшила обстановку на всем южном крыле советско-германского фронта, предопределив дальнейшие неудачи Красной армии. Немцы, которые имели на этом участке до 900 тыс. чел., практически без передышки нанесли новые удары. Чтобы закрыть образовавшуюся в обороне брешь, Сталин был вынужден начать переброску к ней дополнительных резервных сил (до 10–12 дивизий). Вновь, как и летом 1941 г., немцы почувствовали свое превосходство. Их бронечастии стремительно наступали вперед, поддерживаемые крупными силами люфтваффе. Весенние неудачи снизили боевой дух советских бойцов и командиров, тем более, что в частях было много новобранцев.

28 июня группа «Вейхс» нанесла удар на воронежском направлении. 30 июня перешла в наступление 6-я армия генерала Паулюса. 4 июля развернулись жестокие бои на подступах, а затем

в самом городе Воронеже. Но, достигнув города, Гитлер приказал танковым соединениям повернуть на юго-восток — к главной цели кампании: Сталинграду и Кавказу. 9 июля группа армий «Юг», как и планировалось, была разделена на две примерно равные части: группы «Б» и «А» под командованием фельдмаршалов Ф. Бока и В. Листа. Их первой задачей являлось окружение советского Юго-Западного фронта встречными ударами.

Советская Ставка, наученная горьким опытом предыдущих неудач, приняла решение отвести свои войска на восток, не дожидаясь того, когда сделать это будет поздно. Штабы и соединения Юго-Западного фронта устремились по степным равнинам к Сталинграду, на подступах к которому развертывался новый Сталинградский фронт под руководством генерала В. Гордова. Главная задача возлагалась Гитлером на группу «А», продвигавшуюся в направлении Кавказа. Группа «Б» должна была прикрыть ее с севера и занять Сталинград, куда нацелились немецкие силы в составе 270 тыс. человек, 500 танков, поддержанных 4-м воздушным флотом (1200 самолетов). По личному составу (500 тыс. чел.) советские войска превосходили здесь немцев, однако они вступали в бой разрозненно, с меньшим количеством танков (400 ед.) и самолетов (450 ед.), что было особенно значимо в тех условиях, когда бои происходили на широкой равнине.

Принято считать, что бои на дальних подступах к Сталинграду начались 17 июля 1942 г. С этого момента историки и ведут отсчет эпохальной Сталинградской битвы, продолжавшейся до 2 февраля 1943 г. Однако обстановка в большой излучине Дона, где продвигалась 6-я армия Паулюса, менялась чуть ли не ежечасно. Передовые части советской 62-й армии Сталинградского фронта завязали бои с немцами у хутора Морозов еще 16 июля. На следующий день в бой стали вступать основные силы армии. Сталинград оставался крупнейшим промышленным центром, в котором работали важнейшие оборонные предприятия. Из ворот Сталинградского тракторного завода выходило к тому времени до 50 % всех танков Т-34.

Кроме того, Сталинград лежал на важнейшей транспортной магистрали, он был своего рода замком, скреплявшим центр и юг страны. Захватить его стало навязчивой идеей Гитлера. Тем более, что город носил имя вождя не покоренной пока державы. Поняв, что сходу город не взять, германское командование перебросило сюда дополнительные силы — шесть дивизий, снятых с кавказского направления. Сама судьба толкала германский вермахт в сторону Сталинграда. Постепенно из города, лежащего

на второстепенном направлении, он стал превращаться в центр кампании. Чем ожесточеннее шла борьба на подступах к Волге, тем значимей становилась победа какой-либо из сторон в этом гигантском сражении.

Гитлера, казалось, не смущало, что немецкие войска наносили удары по расходящимся направлениям: на Сталинград и на Кавказ (причем по мере развития наступления разрыв между ними увеличивался). Всего за несколько дней советские 1-я и 4-я танковые армии в контратаках потеряли до 300 танков, и Сталинградский фронт лишился своего «бронированного кулака». В конце июля 1942 г. немцам удалось форсировать Дон в его нижнем течении и захватить Ростов. Танковые и моторизованные колонны фельдмаршала Листа неудержимым потоком хлынули на просторы Кубани. Танкисты 1-й танковой группы Клейста давили своими гусеницами богатейший урожай пшеницы. Под германской оккупацией вскоре оказались нефтяные месторождения в районе Майкопа. Лишь благодаря четким действиям спецорганов их удалось взорвать перед самым приходом гитлеровских войск. Отступать дальше теперь означало подорвать жизненные силы государства. Над страной вновь, как и в 1941 г., нависла смертельная опасность.

28 июля 1942 г. появился приказ Наркомата обороны № 227, подписанный лично Сталиным (известный под названием «Ни шагу назад!»). Документ требовалось зачитать во всех подразделениях Красной армии и Военно-морского флота. Это был один из самых жестоких приказов Второй мировой войны. Суровыми мерами предусматривалось навести порядок в войсках, укрепить их дисциплину, пресечь сдачу в плен к противнику. Без приказа сверху запрещалось оставлять позиции. Заградотряды должны были расстреливать отступающих без приказа, а выявленных дезертиров, паникеров и трусов направлять в штрафные роты и батальоны. Распространяемая сегодня некоторыми СМИ информация, что заградотряды то и дело стреляли в упор по бегущим с поля боя солдатам — из разряда фальсификаций. Напротив, они сами зачастую вступали в неравный бой с немцами. Но свою основную задачу они выполняли.

Так, с 1 августа по 1 октября 1942 г. заградотряды Сталинградского фронта задержали в ближайшем тылу 15649 дезертиров и паникеров. Из них расстреляли 278 человек, направили в штрафные роты и батальоны 260 чел., остальных бойцов возвратили в свои части². Несмотря на свою жесткость, приказ № 227 произвел перелом в моральном настроении многих солдат и офицеров. В преамбуле документа говорилось о том, что волновало их больше всего: потеря громад-

ных территорий, миллионов людей и ресурсов, без которых было немисливо продолжение войны. Отступать дальше означало либо погибнуть, либо сдать на милость победителя. Свой выбор должен был сделать каждый человек, будь то командир или рядовой боец. И ответ в большинстве случаев был однозначный — «За Волгой земли нет!». Необходимость в таком приказе большинству бойцов и командиров казалась тогда очевидной.

Безжалостный молох войны заставлял подпитывать 6-ю армию Паулюса теперь уже союзными Германией войсками: итальянскими и румынскими дивизиями, занимавшими место на флангах прорыва. Магнит Сталинграда заставил Гитлера развернуть к нему и часть сил 4-й танковой армии генерала Гота, изначально наступавшей на Северный Кавказ. Начальник штаба оперативного руководства ОКВ генерал А. Йодль заявил: «Судьба Кавказа будет решена под Сталинградом». Советское командование также бросало под Сталинград новые дивизии, в том числе из Сибири и Забайкалья. Названия фронтов, подчинявших себе старые и вновь прибывавшие силы, часто менялись. На подступах к городу возник Юго-Восточный фронт под командованием генерала А. Еременко, чьи действия не позволили врагу сходу прорваться на южные окраины Сталинграда, хотя именно здесь наступали танки Гота, переброшенные с кавказского направления.

Вечером 23 августа казалось, уже ничто не помешает 6-й армии Паулюса захватить Сталинград. В этот день 14-й танковый корпус вермахта неожиданно для советской стороны прорвался на стыке 4-й танковой и 62-й армии Сталинградского фронта. Пройдя по тылам советских войск около 60 км, он вышел к Волге севернее Сталинграда в районе рынка и Сталинградского тракторного завода. Навстречу врагу были развернуты зенитные орудия, рабочие занимали место за рычагами танков, которые они только что отремонтировали, брали в руки винтовки. Немцы, понеся большие потери, были вынуждены остановиться и начать перегруппировку. В тот же день германской авиацией был нанесен сильнейший бомбовый удар по жилым кварталам Сталинграда. Город был практически полностью разрушен. Тысячи военных и мирных жителей погибли в огне гигантских пожаров, возникших после налета.

Горящая нефть разлилась из хранилищ. Жуткий вид пылающей Волги потряс очевидцев с обеих сторон. 23 августа является черным днем не только в истории обороны города, но и всей Второй мировой войны. Отметим, что больших жертв среди мирных граждан можно было избежать, если бы их эвакуация в надлежащих масштабах началась заранее. Но до конца августа спасали

прежде всего ценное оборудование заводов и колхозный скот. Итог — из 490 тыс. довоенного населения Сталинграда, к которым нужно добавить десятки тысяч эвакуированных с Украины и даже из блокадного Ленинграда, к концу Сталинградской битвы в городе осталось лишь 32 тыс. человек. Покинуть Сталинград смогли около 400 тыс.

Узкая полоса Сталинграда, растянувшаяся вдоль Волги на 15 км час за часом превращалась в арену кровопролитных сражений и отдельных стычек. Немцы упорно рвались вглубь района заводских цехов, к центральным кварталам. Основная тяжесть боев легла на плечи воинов 62-й армии генерала В. Чуйкова и 64-й армии генерала М. Шумилова. Координацией обороны в это критическое время руководил находившийся вместе с войсками начальник Генерального штаба генерал (в 1943 г. маршал) А. Василевский. Казалось, что еще немного и советские части (по сути малочисленные боевые группы) будут сброшены в воду. Но положение спасла 13-я гвардейская дивизия А. Родимцева. Всего за две ночи, понеся тяжелые потери от авиации и артиллерии противника, она сумела переправиться на западный берег Волги и с ходу вступить в бой. Противник был отброшен. Два советских полка продвинулись вперед и захватили Мамаев курган, господствующий над большей частью Сталинграда. Бои за эту высоту с переменным успехом продолжались вплоть до января 1943 г.

Теперь в отдельных районах города противник находился всего в 150–200 м от берега Волги, но дальнейшее продвижение наткнулось на стену советского огня. Массированно и точно работала советская артиллерия, расположенная на левом берегу реки, ее действия координировали наводчики на переднем крае. Борьба шла за каждую улицу, за каждый дом. Легендой стала оборона всего одного дома бойцами под командованием сержанта Я. Павлова. В течение 58 суток они обороняли свои позиции и не сдали их врагу. 138-я дивизия И. Людникова была окружена в Сталинграде на 700-метровом участке (с трех сторон немцы, с четвертой Волга, по которой пошло «сало» — лед). За 30 дней «остров Людникова», держась на голодном пайке, уничтожил тысячи солдат противника, но и сама дивизия практически растаяла в боях. Особенное значение в условиях ближнего боя, когда до вражеских траншей было всего несколько десятков метров, приобретала выучка и мужество каждого отдельного красноармейца. Наиболее ловких и смелых бойцов объединяли в штурмовые группы, которые скрытно приближались к противнику, забрасывали его гранатами и решительно атаковали. Именно в таких боях ковался опыт, востребованный потом в сражениях за Будапешт, Кенигсберг и, наконец, Берлин.

Кризисной точки достигла тогда и ситуация на Кавказе, но перелома в пользу немцев не произошло. Несмотря на захват Майкопа, Краснодара, Армавира, частям группы армий «А» не удалось преодолеть горные перевалы Главного Кавказского хребта и выйти к Черному морю. Наступая от Таманского полуострова, противник сумел захватить большую часть Новороссийска, но бои на подступах к Туапсе и Орджоникидзе (Владикавказ) приняли затяжной характер. Необходимо отметить, что именно в это время в тылу Северо-Кавказского, а затем Закавказского фронтов развернулась еще одна война — на этот раз советские воинские части и подразделения НКВД боролись против бандитских формирований, организованных националистами на территории Чечено-Ингушской АССР и в ряде других областей Северного Кавказа. В этом районе действовало несколько десятков крупных террористических отрядов, нарушавших снабжение советских войск, убивавших из-за угла бойцов и командиров Красной армии. Немецкие агенты координировали их деятельность.

Но большинство горских народов в то время не поддержали предательские элементы. Напротив, они активно участвовали в борьбе с немецкими оккупантами, вступали добровольцами в ряды Красной армии. В одном фронтовом отчете есть свидетельство, что горцы «объявили газават Гитлеру». Однако впоследствии за сотрудничество с противником отдельных предателей пострадали и невинные. Многие народности Северного Кавказа (сотни тысяч человек) были высланы по представлению Л. Берия и с согласия Сталина в 1944 г. в Среднюю Азию и оставались там вплоть до конца 1950-х годов.

11 ноября Паулюс предпринял последнюю попытку овладеть Сталинградом, развернув наступление в районе завода «Баррикады». Через несколько сотен метров наступление выдохлось. Советское командование все чаще задумывалось над тем, как переломить ход сражения в свою пользу. Находившиеся в Сталинграде в качестве представителей Ставки генералы Жуков и Василевский убедились, что фронтальными контратаками противника не перебороть. Нужна новая, тщательно подготовленная и смелая операция. Офицерам Генштаба предварительно поручили проработать вариант охвата группировки Паулюса с севера и юга, и уже 13 сентября Жуков и Василевский доложили Верховному замысел будущего «котла». Сталин в принципе одобрил его, но многое зависело от стойкости сталинградских защитников и скрытности перегруппировки войск. Необходима была не только внезапность, но и железная воля старших командиров. Известно, что некоторые советские генералы до самого начала операции

не верили в успех предприятия. Слишком силен им казался еще германский вермахт. Новый план получил кодовое название «Уран». Первые удары предстояло нанести на участках, занятых войсками союзников вермахта — румынскими и итальянскими дивизиями, менее боеспособными, чем германские соединения.

Для введения противника в заблуждение и срыва его возможных попыток переброски войск на сталинградское направление было подготовлено наступление на центральном участке советско-германского фронта — в районе ржевского выступа. Жуков лично занялся организацией операции, получившей кодовое название «Марс». Наступление Западного и Калининского фронтов началось в конце ноября. В операции приняли участие крупные силы — несколько общевойсковых армий, механизированные корпуса (всего до полумиллиона человек). Со своей стороны советская разведка организовала «утечку» информации о предстоящем наступлении под Ржевом. Ценой больших потерь (70 тыс. чел. и 1300 танков) советскому командованию удалось решить главную стратегическую задачу операции: по некоторым данным, в связи с «Марсом» немцы в последний момент приостановили переброску на юг из группы армий «Центр» до 12 полнокровных дивизий и частей усиления. Кроме того, советский удар лишил германское командование потенциальных наступательных возможностей на московском направлении.

Контрнаступление Красной армии под Сталинградом началось утром 19 ноября 1942 г. Войска Юго-Западного (генерала Н. Ватутина), Донского (генерала К. Рокоссовского), а затем и Сталинградского (генерала А. Еременко) фронтов, прорвав оборону противника, устремились по сходящимся направлениям на Калач, находящийся в тылу противника. Вечером 21 ноября московское радио передало экстренное сообщение Совинформбюро, в котором говорилось: «На днях наши войска, расположенные на подступах к Сталинграду, перешли в наступление против немецко-фашистских войск... Захвачено за три дня боев 13 тыс. пленных и 360 орудий... В боях отличились войска генерал-лейтенанта Романенко, генерал-майора Чистякова, генерал-майора Толбухина, генерал-майора Труфанова, генерал-лейтенанта Батова. Наступление наших войск продолжается».

23 ноября ударные группировки советских фронтов соединились в районе Калача и замкнули кольцо вокруг 22 дивизий и 160 отдельных частей общей численностью 330 тыс. человек из состава 6-й полевой и 4-й танковой армий противника. Такого потрясения гитлеровская армия еще не знала. Ее оборона была прорвана на 300-километровом

участке. Советские моторизованные соединения устремились далее на запад. Вскоре перешли в наступление и советские войска на Северном Кавказе. Командование вермахта в спешном порядке стало отводить оттуда свои силы, опасаясь, что они попадут в новый, еще более обширный котел на Кубани. Инициатива боевых действий вновь, как и зимой 1941/1942 гг., перешла к советскому военному руководству.

Гитлер не желал уходить из Сталинграда — город, куда ступила нога немецкого солдата, должен был остаться за Германией. Он запретил Паулюсу покидать завоеванные позиции и приказал фельдмаршалу Манштейну сформировать армейскую группу, усиленную 200 танками, чтобы прорваться к 6-й армии из района Котельникова. В середине декабря завязались ожесточенные бои на реках Аксай и Мышкова. Когда до «котла» Манштейну оставалось пройти всего 35 км, Ставка Верховного Главнокомандования передала 2-ю гвардейскую армию в Сталинградский фронт для ликвидации угрозы. Тем самым отменялся амбициозный план «Сатурн» — ловушка для немцев на всем Северном Кавказе, то есть быстрого наступления на Ростов. Советское военное руководство трезво рассматривало ситуацию, решив не рисковать «синицей в руках», погнавшись «за журавлем в небе». Подход свежих советских сил сорвал операцию по деблокаде, Манштейн был отброшен, а солдаты Паулюса обречены. С этого времени Гитлер решил превратить окруженных солдат в Сталинграде в символ жертвы во имя будущего Германии. Однако все больше немцев (и не только в «котле») стали задумываться — «во имя какого будущего Германии они продолжают воевать?»

В начале января пришло время для ликвидации группировки Паулюса. Несмотря на то, что она была уже основательно обескровлена и не получала самого необходимого (советские пилоты и зенитчики сбивали огромное количество транспортных самолетов, которые направлялись к Сталинграду по приказу Геринга), немецкие солдаты еще проявляли завидный фанатизм. Начало наступления по плану «Кольцо» было запланировано на 10 января. 8 января представитель Ставки генерал Н. Воронов и командующий войсками Донского фронта генерал К. Рокоссовский направили Паулюсу ультиматум с предложением прекратить сопротивление и капитулировать, однако он был отклонен.

Операция развивалась довольно успешно, хотя многих потерь удалось бы избежать, разрезая «котел» не с запада на восток (прогрызая построенные еще сталинградцами оборонительные обводы), а с юга и севера, быстро расколов окруженную группировку на две части. Тем не менее, к исходу 25 января немцы были зажаты на не-

большом участке территории в сталинградских развалинах. За две недели враг потерял более 100 тыс. человек, лишился последних аэродромов, но по требованию из Берлина продолжал упорно сопротивляться. 24 января Ф. Паулюс докладывал своему верховному командованию: «Дальнейшая оборона бессмысленна. Поражение неизбежно. Чтобы спасти еще оставшихся в живых, армия просит немедленного разрешения капитулировать». Последовал отказ. Но это был отказ уже обреченным. 31 января 1943 г. Паулюс, которому накануне было присвоено звание фельдмаршала, сдался в плен. Фюрер, очевидно, надеялся, что новоявленный «фельдмаршал» не посмеет оказаться в руках противника и предпочтет застрелиться, но просчитался. 2 февраля капитулировали остатки сталинградской группировки. В советском плену оказалось 24 генерала с остатками своих войск (91 тыс.). 140 тыс. солдат и офицеров вермахта было захоронено на поле боя. Безвозвратные потери Красной армии в Сталинградской наступательной операции составили 155 тыс. человек.

Отказ Паулюса капитулировать перед советскими войсками еще в начале января 1943 г. стал по сути дела смертным приговором как павшим в боях, так и захваченным в плен немецким солдатам. Оставшиеся в живых в руинах Сталинграда к началу февраля превратились в живые трупы обмороженных, больных, обессиленных людей. Сотнями они умирали, даже не успев добраться до сборных лагерей. Из всех сталинградских пленников на родину в Германию после войны вернулось всего несколько тысяч человек.

После окончания сражений в городе Совинформбюро начало передавать длинный список частей и соединений вермахта, уничтоженных в сталинградском окружении; его чтение заняло не одну минуту. Советские люди ликовали. Столь яркая и очевидная победа вдохновляла. В Германии, напротив, был объявлен трехдневный траур, который стал внешней реакцией немецкого руководства на произошедшие события. «Возможности окончания войны на Востоке посредством наступления более не существует», — заявил Гитлер на совещании высшего командного состава вермахта 1 февраля 1943 г.

В январе 1943 г. с новой силой развернулось наступление советских войск в битве за Кавказ силами Северо-Кавказского и Южного фронтов, Черноморской группы войск Закавказского фронта при содействии Черноморского флота. Освободив Северный Кавказ, советские войска в начале мая вышли к Таманскому полуострову. В январе 1943 г. был осуществлен частичный прорыв блокады Ленинграда (на узкой полосе вдоль южного берега Ладожского озера). Успеш-

ные операции Красной армии на южном крыле советско-германского фронта создали условия для наступления на харьковском и курском направлениях.

По мере продвижения советских войск к восточным районам Украины, Харькову и Белгороду, сопротивление противника начало возрастать. Тяжелые наступательные бои в феврале — начале марта 1943 г. измотали ударные соединения Красной армии. В начале марта германская танковая группировка нанесла контрудар и вновь захватила недавно освобожденные Харьков и Белгород. Но надолго перехватить инициативу немецкое командование после Сталинграда было уже не в состоянии. Вскоре на южном и центральном участках Восточного фронта наступила распутица, бои приняли позиционный характер.

Итоги Сталинградской битвы имели для Германии и ее союзников катастрофические последствия. Коренной перелом в войне, признаки которого обозначились уже в период контрнаступления советских войск под Москвой, окончательно состоялся. Теперь всему миру стало ясно, что война против СССР для агрессоров проиграна. Противник получил невосполнимый урон на главном театре Второй мировой, где действовало 4/5 боевых соединений вермахта, поэтому советская победа под Сталинградом решающим образом воздействовала на потенциал Германии. Достиженные в то же время англичанами и американцами успехи в Северной Африке — периферийном театре войны — также имели серьезное значение, но их масштабы (немцы и итальянцы потеряли в сражении под Эль-Аламейном 1942 г. всего 30 тыс. чел.) не могли сравниться с последствиями разгрома вермахта на берегах Волги. «Ударная волна» Сталинграда достигла и западных союзников, вынудив их ввиду кардинального изменения в соотношении сил в глобальной войне укоротить приготовления к открытию второго фронта в Европе. Сталинградом Советский Союз продемонстрировал свое полное право называться победителем. Но за науку побеждать была заплачена страшная цена. Только безвозвратные потери Вооруженных Сил СССР составили в 1942 году 3,25 млн чел. — больше, чем за любой другой год войны³.

Президент США Ф. Рузвельт назвал Сталинградскую битву эпической. Позднее он прислал грамоту следующего содержания: «От имени народа Соединенных Штатов Америки я вручаю эту грамоту городу Сталинграду, чтобы отметить наше восхищение его доблестными защитниками... Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии». Король Великобритании прислал Сталинграду дар-

■

ственный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравирована надпись: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Разгром зимой 1942/43 гг. союзных Германии войск надломил хребет фашистскому блоку, и вскоре Италия, Румыния, Венгрия и Финляндия начали активные поиски контактов со странами антигитлеровской коа-

лиции с целью выхода из войны. Развернувшиеся события положили конец расчетам на вступление в войну против СССР Турции и Японии, явились решающим стимулом роста движения Сопротивления в Европе и Азии. «Победа под Сталинградом, — пишет известный британский историк Дж. Эрикссон, — работая как мощный реактор, воздействовала на все последующие события на Восточном фронте и в целом».

¹ Цит. по: Гареев М. А. Сражение на Волге // Живая память. Великая Отечественная: Правда о войне. В 3-х т. М., 1995. С. 51.

² Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ. М., 2000. С. 230.

³ Россия и СССР в войнах XX века. Потери Вооруженных сил. Статистическое исследование. /Под общей редакцией Г. Ф. Кривошеева. М., 2001. Табл. 133.

Сталинградская битва в зеркале западной историографии

А. А. Падерин*

Минуло 70 лет после завершения Сталинградской битвы. Бег времени неумолим. Все меньше среди нас непосредственных участников этого грандиозного сражения. Тем большую ценность представляют их воспоминания и свидетельства, новые материалы о битве. К сожалению, недоступность ряда документов, долгое время существовавшая строгая засекреченность отдельных источников, субъективные и тенденциозно политизированные оценки некоторых событий сражения вкуче с замалчиванием или предвзятым освещением его отдельных сторон способствовали возникновению и тиражированию мифов и стереотипов, прочно внедрившихся в историческое сознание. А ведь народ-победитель вправе знать истинную правду о пережитой им тяжелейшей войне. И святой долг нас, историков, предоставить ему такую возможность.

Однако это легко сказать, но, как показал послевоенный опыт развития военно-исторической науки, непросто сделать. Так, при несомненном богатстве историографии Великой Отечественной войны, мы по сей день не можем дать соотечественникам четкие аргументированные ответы по всем связанным с ней проблемам. В том числе еще немало трудных вопросов и по истории Сталинградской битвы, хотя за минувшие десятилетия ей посвящены многие научные монографии, многочисленные статьи, а также материалы научных конференций. В них наряду с описанием ее кануна, хода и результатов определенное внимание уделяется анализу того, как западные историки освещают эту грандиозную битву, наша победа в которой заложила прочный фундамент для достиже-

ния коренного перелома во всей Второй мировой войне. Это важно и в смысле объединения усилий по исследованию ее истории, и в плане устранения ошибочных взглядов и оценок. Данный вывод подтверждается, в частности, процессом зарождения и развития германской историографии Сталинградской битвы, протекавшим во взаимодействии с советскими (ныне российскими) учеными, архивистами, музейными работниками. Об этом обстоятельно написал в своей статье «Германская историография Сталинградской битвы» профессор А. И. Борозняк¹.

Путь к постижению исторического смысла Сталинградской трагедии оказался и для граждан Федеративной Республики Германии, и для ее историков трудным, длительным и противоречивым. В 1950–1970-х гг. обширная литература о поражении 6-й армии имела по преимуществу оправдательно-мифологический характер, общая направленность публикаций нередко отражалась в названиях книг: «Преданные битвы», «Утраченные победы» и т. д.

Тональность многочисленных мемуарных свидетельств генералов и офицеров вермахта о событиях под Сталинградом определялась, по оценке известного историка М. Керига (Фрайбург), «духом холодной войны и дискуссиями о перевооружении Западной Германии». Фельдмаршал Эрих фон Манштейн и другие авторы мемуаров стремились, перекладывая всю вину за гибель немецких солдат на Гитлера, оправдать собственные действия, отрицать свою ответственность за произошедшее. Неслучайно Фридрих Паулус, прочитавший книгу Манштейна после возвращения из плена, отзывался о ее содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»².

* Падерин Александр Александрович — к. и. н., член-корреспондент РАН, полковник в отставке (г. Екатеринбург). E-mail: paderin41@mail.ru

Объективные научные труды о битве на Волге были редким явлением. И все же перу авторов, представлявших «поколение Сталинграда», принадлежат честные, правдивые публикации о трагедии 6-й армии. В 1962 г. прошедший через окружение и плен бывший подполковник 6-й армии И. Видер опубликовал небольшим тиражом в малоизвестном мюнхенском издательстве книгу «Сталинград и ответственность солдата» (в русском переводе вышла в 1965 г. под названием «Катастрофа на Волге»). Тень русского города, убежден Видер, «нависла над всем немецким народом», настоятельно требуя от него «найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории», «взглянуть в глаза всей правде» вопреки «сытому равнодушию и тупому пренебрежению к моральным и духовным ценностям»³.

Тяжкий груз ответственности за бессмысленную гибель солдат, утверждал автор, лежит не только на Гитлере, его военном и политическом окружении, не только на генералах и офицерах, командовавших окруженными частями, но и на каждом военнослужащем вермахта, последовавшем за преступниками. «Наш поход на Волгу, — писал Видер, — предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над человеком и символ вырождения человеческой личности. самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения». Сталинградское побоище, по оценке Видера, было «расплатой за политические злодеяния, логическим результатом захватнической и несправедливой войны, развязанной Гитлером»⁴.

Забывтый труд Видера, умершего несколько лет назад в скромной должности провинциального библиотекаря, был возвращен в 1993 г. немецкому читателю усилиями ветерана Национального комитета «Свободная Германия», депутата бундестага ФРГ графа Г. фон Айнзиделя. Издатель именуется книгу Видера «самым основательным анализом трагедии, разыгравшейся на Волге 50 лет назад»⁵.

В феврале 1963 г., в разгар холодной войны, на страницах швейцарского военного журнала была опубликована статья Х.-А. Якобсена (Бонн), одного из самых авторитетных историков ФРГ, который дал бескомпромиссно жесткую характеристику тогдашних интерпретаций Сталинградской битвы, сводившихся зачастую к «оправданию собственных действий, бессмысленных жертв, преступного злоупотребления жизнями солдат». Широко распространенный вывод о единоличной вине Гитлера за катастрофу является, по мнению Якобсена, «чересчур дешевым и чересчур упрощенным».

Полностью сохраняют свое значение суждения автора о проблеме ответственности представителей нацистской военной и политической элиты за агонию 6-й армии: «Чем выше их чины, чем шире понимание общей ситуации, тем значительнее мера их ответственности». Сталинградскую трагедию нельзя понять, убежден автор, вне ее взаимосвязи с войной против СССР, вне ее характера и способов ведения. Во время этой войны (он именуется «раковой опухолью режима») «речь шла с самого начала не о высоких, благородных задачах, о коих лгали нацистские властители, но — о необузданных, преступных целях». «Нельзя останавливаться на полпути, — указывал Якобсен, — надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелегкие вопросы и получать нелегкие ответы»⁶.

Голоса Видера и Якобсена не были услышаны в тогдашней Западной Германии — ни историками, ни общественным мнением. Справедлив относящийся к 1984 г. диагноз лауреата Нобелевской премии Генриха Белля: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побежденных»⁷. «Для профессиональных историков, — считает академик РАН, директор Института всеобщей истории РАН А. О. Чубарьян, — война продолжает оставаться предметом глубокого анализа, не прекращается поиск новых документов. Такая работа крайне важна: ведь именно в последние годы активизировались споры и дискуссии по истории минувшей войны. Идет сопоставление разных точек зрения в интерпретации тех или иных событий минувшей войны»⁸.

Поучительным примером использования новых документов, формулирования на их основе аргументированных точек зрения на анализируемые события Великой Отечественной войны вполне заслуженно можно назвать изданный к 70-летию Сталинградской битвы сборник статей «Сталинградская битва и ее геополитическое значение» под общей редакцией С. Е. Нарышкина и А. В. Торкунова⁹. В книге представлены материалы ряда ведущих российских ученых-историков о Сталинградской битве. Авторы анализируют сложившееся стратегическое положение перед началом сражения, непосредственно боевые действия под Сталинградом, а также то влияние, которое оказал разгром германских войск в Сталинградском котле на дальнейший ход войны. Особое внимание уделяется анализу международного значения победы советских войск под Сталинградом, изменению соотношения сил в мировой войне. В книге помещены рассекреченные архивные документы. В сборник вошли материалы, ранее опубликованные в многотомном продолжающемся издании «Великая Победа».

Значительное место в данном издании отведено статье старшего научного сотрудника Института всеобщей истории РАН Е.Н. Кулькова под названием «Зарубежные историки о Сталинградской битве»¹⁰. Автор в той или иной мере обстоятельно рассматривает более трех десятков публикаций западных историков. Особое внимание уделяет книгам, в которых эта битва является предметом специального исследования. К ним относятся работы британских авторов Дж. Джукса «Сталинград: поворотный пункт» (Нью-Йорк, 1968, на англ. яз.), А. Бивора «Сталинград» (Лондон, 1999, на англ. яз.; русское издание: Смоленск: Русич, 1999), Дж. Робертса «Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю» (М., 2003, пер. с англ.); американских историков У. Крейга «Враг у ворот: Битва за Сталинград» (Нью-Йорк, 1972, на англ. яз.), У. Керра «Тайна Сталинграда» (Дюссельдорф и Вена, 1977, на нем. яз.); немецких историков из ФРГ М. Керига «Сталинград: Анализ и документация битвы» (Штутгарт, 1974, на нем. яз.), Я. Пикалькевича «Сталинград: анатомия одной битвы» (Мюнхен, 1977, на нем. яз.) и другие.

По мнению российского историка А.В. Исаева¹¹, этапным событием в зарубежной историографии Сталинградской битвы являлся выход в 1990 г. 6-го тома официальной немецкой истории войны «Третий Рейх и Вторая мировая война»¹². Как следует из подзаголовка, он посвящен расширению войны в 1941–1943 гг. до глобальных масштабов. По традиции западной послевоенной историографии в этом немецком издании официальной истории войны много внимания уделяется решениям, принятым персонально Гитлером в отношении планирования и ведения операций на сталинградском направлении. Акцентируется внимание на ряде внутри- и внешнеполитических соображений, заставлявших Гитлера торопиться со взятием Сталинграда. Вместе с тем авторы тома указывают на более прозаичные причины, заставлявшие германское командование прилагать большие усилия к быстрейшему захвату города на Волге, в частности потому, что зимой «город, даже разрушенный, предлагал куда более широкие возможности укрытия и размещения, нежели открытая, практически безлюдная степь»¹³.

В описании событий, непосредственно предшествовавших советскому контрнаступлению, авторы 6-го тома дают объемную картину происходящего. Отходя от клише о «некомпетентности Гитлера», они показывают, что именно германский диктатор выступал как последовательный алармист, еще с августа 1942 г. твердивший о возможности советской атаки через Дон в направлении Ростова. В связи с этим Гитлер требовал, чтобы фронт на Дону был «насколько возможно серьезно укреплен и минирован»¹⁴. Кроме того, оценки

Гитлера оказывались более пессимистичными и тревожными, нежели оценки его генералов, в первую очередь двух начальников генерального штаба сухопутных войск — Гальдера и Цейцлера. Оба достаточно скептически оценивали вероятность крупного советского наступления. Столь же серьезной ошибкой являлась недооценка возможностей Красной армии немецкой разведкой — отделом изучения армий востока (ОКН/ГНО).

Р. Гелен, занимавший в те годы пост начальника отдела «Иностранные армии Востока Генерального штаба сухопутных войск», в своих мемуарах утверждает, что о «замыслах Советов», направлении главных ударов и силе советских наступательных операций его отделу было известно еще задолго до начала контрнаступления Красной армии под Сталинградом. При этом Гелен приводит обширный перечень сведений, якобы поступивших в отдел с конца октября до середины ноября 1942 г. Всю ответственность за недооценку полученных разведанных Р. Гелен возлагает на высшее военно-политическое руководство Германии и лично на Гитлера¹⁵.

В своем капитальном исследовании «Фальсификация, воспевание и правда о Гитлере и Сталине» германский историк консервативного направления В. Мазер раскрывает несостоятельность суждений Р. Гелена и некоторых других немецких военачальников, стремящихся возложить всю ответственность за сталинградское поражение на Гитлера. В. Мазер утверждает, что сведения, поступавшие от Гелена, носили несистематический, отрывочный и расплывчатый характер. В них указывался не конкретный район возможного решающего советского контрнаступления зимой 1942/43 гг., а назывались по крайней мере семь участков Восточного фронта от Ленинграда до Сталинграда, где было вероятным решительное наступление Красной армии¹⁶.

Разумеется, советская разведка делала все возможное, чтобы минимизировать утечку информации, направить немецкую разведку по ложному следу. И хотя многое из запланированного удалось выполнить, кое-какие сведения, правда, в значительной мере противоречивого характера, оказались известны немецкой стороне. Она смогла получить некоторую информацию о планах советского командования на рубеже 1942–1943 гг., в том числе о сосредоточении советских войск на флангах немецкой группировки. Германская разведка, ее фронтовые и армейские подразделения уже с конца октября 1942 г. прослеживали передвижения советских войск и их сосредоточение в районе реки Дон и Сталинграда.

Таким образом, имеющиеся сегодня источники уже не позволяют с полной уверенностью утверждать о стопроцентной секретности под-

готовки советского контрнаступления под Сталинградом. Правда, массирование советских сил и средств в районе Сталинграда, их высокая мобильность затрудняли противнику возможность точно определить время и численность советских войск на главных направлениях готовящегося контрудара. Представляемые разведкой противоречивые данные удерживали командование 6-й армии от каких-либо практических шагов без указаний высшего военного руководства Германии, проявившего определенный скептицизм в оценке поступающей разведывательной информации.

Однако Гитлер неусыпно следил за развитием ситуации на Дону в полосе 3-й румынской армии. В начале ноября 1942 г. он приказывает бомбить переправы через Дон, возможные районы сосредоточения советских войск. Он приказывает перебросить на восток из Франции одну танковую и две пехотные дивизии для усиления 3-й румынской армии. Но в целом замысел операции «Уран» остался нераспознанным противником: никто даже не задумался о возможности удара по сходящимся направлениям с целью окружения 6-й армии. Осознание этой угрозы пришло лишь после начала советского контрнаступления.

Описывая судьбу 6-й армии, оказавшейся в окружении, авторы 6-го тома дают главе красноречивое название: «Прорыв или высвобождение?». Действительно, одним из спорных вопросов являлся выбор плана дальнейших действий. В итоге 6-й армии было приказано занять круговую оборону и ждать деблокирующего удара. Здесь в описании событий на первый план вновь выдвигается личная роль Гитлера. Подчеркивается его высокий авторитет в войсках, что «сужало военную ответственность до простого подчинения». По предположению авторов, Паулюс и начальник штаба армии Шмидт отклонили предложение командира корпуса генерала Зейдлица о прорыве именно из-за непрекаемого авторитета фюрера даже в рядах офицеров, далеких от национал-социализма. В дальнейшем, подводя итоги последних боев 6-й армии, авторы тома прямо заявляют: «Ошибки и упущения Гитлера слишком многочисленны для их обзора»¹⁷.

На наш взгляд, весьма существенным приобретением не только западной, но и отечественной историографии Сталинградской битвы является издание сборника статей «Сталинград: Событие. Воздействие. Символ» (М., 1995, пер. с нем.). В нем взгляды на историю Сталинградской битвы и ее воздействие на различные стороны жизни воевавших и нейтральных государств излагаются историками Германии, России, США, Великобритании и других стран. Кстати, после выхода в свет данного издания прошло уже почти два десятилетия. К сожалению, этот полезный

опыт пока не получил достаточно широкого распространения.

Вполне естественно, что отношение зарубежных исследователей к Сталинградской битве было изначально и поныне неодинаково и неоднозначно. Большинство из них основное внимание уделяют действиям немецкой стороны, пытаются прежде всего выяснить, почему вермахт потерпел эту ужасающую катастрофу на Волге. Другие же исторические сосредоточиваются в основном на анализе действий советской стороны, отражая в своих работах героизм и военное искусство Вооруженных сил СССР, проявленные как в обороне, так и в наступлении. Но такие исследователи составляют, к сожалению, явное меньшинство.

К этому меньшинству вот уже несколько десятилетий принадлежит, например, английский историк Д. Джукс. В своей книге «Сталинград: поворотный пункт» он отмечает «прочность советской обороны, смелость плана контрнаступления» и на этом основании делает вывод о том, что победить Красной армии помогло «именно превосходство полководческого мастерства, а не соотношение сил определило исход битвы»¹⁸.

Соотечественник и, можно сказать, многолетний единомышленник Джукса в вопросе об исторической роли Сталинградской битвы историк Б. Питт в одной из своих книг о Второй мировой войне высоко отозвался о сражении на Волге. Он считает, что «под Сталинградом решающей зимой 1942–1943 гг. полководцы Красной армии показали правильное понимание военной обстановки и способность извлекать уроки из прошлого, что должно быть примером для каждого... Подкрепление сил защитников в самом городе носило характер минимальной необходимости вместо максимальной возможности, а накопленные таким образом сила и мощь были использованы для осуществления великолепного маневра на окружение, который затянул петлю на шее 6-й армии Паулюса. Сталинград стал символом великой победы, завоеванной разумной ценой»¹⁹.

Нельзя не вспомнить с искренней благодарностью и следующий факт. Накануне 40-летнего юбилея Сталинградской битвы известный французский военный историк, армейский генерал Ф. Гамбьез в статье «Сталинград — величайшая битва всех времен» писал: «Прежде всего следует подчеркнуть тот факт, что фюрер и его генералы во многом недооценивали умение советского командования, смелость, упорство и патриотизм бойцов Красной армии, стойкость, готовность к самопожертвованию и боевой дух граждан, оставшихся в Сталинграде, которые продолжали работать, несмотря на бомбежки и обстрелы, а в случае надобности принимали участие в боевых действиях... Советская победа — это победа

ума, хладнокровия и инициативности советских генералов во всех звеньях... Кроме того, нельзя не учесть того, что в умах людей постоянно жил девиз защитников Сталинграда — «За Волгой для нас земли нет!» Высеченный на стенах, предваряющих монументальный ансамбль, воздвигнутый в Волгограде, этот девиз позволяет судить о крепком патриотическом воспитании солдат Красной армии, о любви советских людей к своей многострадальной земле, о высоком боевом духе масс»²⁰.

Читая эти строки, вновь задумываешься над тем, насколько чрезвычайно важно нам сегодня помнить об этом духовном источнике нашей победы в Сталинградской битве! Особенно ценно также для нас, сегодняшних россиян, наследников поколений военного лихолетья, что высокие оценки действий защитников Сталинграда исходят от исследователей, представляющих страну, народ, которой оказался заложником безумной фашистской авантюры Гитлера и его приспешников. Невозможно без чувства гордости читать следующие строки в книге немецкого историка М. Фройнда «Германская история»: «Сталинград показал прежде всего силу сопротивления советских солдат... Ни один немецкий город не боролся так, как Сталинград. Сталинград был почти уничтожен, но руины фабрик и военных заводов продолжали служить укрытием для советских бойцов. Это была жертва до последней капли крови, какой не видели почти никогда на Западе»²¹.

Еще один германский историк М. Кериг в своем исследовании «Сталинград. Анализ и документация битвы» отметил, что со времен Иены и Ауэрштадта Германия не переживала столь глубокого поражения, как в Сталинградской битве. «Для немецкой стороны эта битва, — пишет он, — превратилась в военное поражение величайшего масштаба, а для советской — в классическую операцию на окружение, в символ решительной обороны в трудное время»²². Подобные доброжелательные, по сути, несомненно, справедливые отзывы можно встретить в ряде других публикаций западных историков. Правда, наводит на раздумья то, что приведенные выше отзывы содержатся в книгах, изданных довольно давно: в далекие 70-е гг. прошлого века...

В оценке исторической роли Сталинградской битвы среди западных историков и мемуаристов наблюдаются большие расхождения. Часть из них признает ее выдающееся значение для всего последующего хода и исхода Второй мировой войны²³. Так, германский историк К. Центнер считает, что «с именем Сталинграда начался поворот во Второй мировой войне»²⁴. Известный французский историк А. Мишель признает, что российские историки «справедливо видят в разгроме немецких войск под Сталинградом решающую победу, ознамено-

вавшую поворот во Второй мировой войне»²⁵. Английский историк А. Аксель в книге «Война Сталина глазами его командиров» подчеркивает, что «поражение и сдача в плен массы германских войск и захват германского фельдмаршала подняли престиж Красной армии; и мир впервые увидел в России грандиозную силу союзников. Сталинград коренным образом изменил мировую военно-политическую ситуацию»²⁶. В подтверждение этому он приводит оценку Ф. Д. Рузвельтом победы советских войск под Сталинградом как «поворотного пункта» Второй мировой войны и другие примеры того, что именно так в военные годы она оценивалась в Англии и Китае.

Однако более многочисленная «армия» западных исследователей испытала на себе недоброе дыхание наступившей вскоре после победы над фашистской коалицией холодной войны, начало которой было положено речью У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 г. О Сталинградской битве «писать начали тогда, когда пушки, стрелявшие с обеих сторон, еще не остыли от залпов. И что поразительно, уже тогда победа советских войск под Сталинградом стала принижаться на Западе, а ее значение в истории Второй мировой войны стало уравниваться со значением весьма скромных по военным и политическим меркам операций союзников»²⁷.

Между тем реально мыслящим исследователям было изначально понятно, что ни по своей длительности и количеству участвовавших войск, ни по размаху и ожесточенности вооруженной борьбы, ни по потерям фашистского блока ни одна из называемых западными историками операций англо-американских войск в 1942–1943 гг. не может быть приравнена к великой Сталинградской битве. В том числе это касается и часто упоминаемого некоторыми западными историками сражения под Эль-Аламейном (23 октября — 4 ноября 1942 г.). О сравнительной статистике этих двух событий уже много написано. Но, как говорится, повторение — мать учения!..

В итало-немецкой танковой армии «Африка» было всего около 80 тыс. человек, а под Сталинградом в 6-й армии — свыше миллиона. Под Эль-Аламейном германские и итальянские войска потеряли 55 тыс. человек, более 300 танков, около тысячи орудий. Под Сталинградом же только в ходе контрнаступления Красной армии с 19 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. потери немецких войск составили 800 тыс. солдат и офицеров, около 2 тыс. танков и штурмовых орудий и много другой боевой техники. Эти цифры говорят сами за себя. Операция английских войск под Эль-Аламейном ни по масштабам, ни по результатам не могла оказать серьезного влияния на общий ход войны. Это была победа местного значения,

оказавшая воздействие лишь на обстановку в Северной Африке, где был задействован ограниченный контингент вооруженных сил фашистского блока. Не на этом театре, а на советско-германском фронте решалась судьба всей войны.

Пресловутая версия о «равноценности» сражения под Эль-Аламейном и Сталинградской битвы настолько резко противоречит здравому взгляду на события, что встречает отпор даже со стороны отдельных западных авторов. Так, западногерманский генерал Ф. Уле-Веттлер неслучайно счел нужным отметить, что «поражение немцев под Эль-Аламейном в сравнении с масштабом их разгрома под Сталинградом не имело почти никакого значения»²⁸.

В военное время это отлично сознавали в странах антигитлеровской коалиции. «Армия русских, — писал, в частности, английский журналист Р. Сквайрс, — ее железное упорство, ее боевой дух и непреклонная воля уже давно вызывали восхищение и энтузиазм у наших солдат, а узнав о победе на Волге, мы испытали также и чувство колоссального облегчения. Незадолго до того наши войска основательно побили Ромеля под Эль-Аламейном. Но эта победа была одержана в далеком Египте, вдали от тех районов, где сражались главные германские вооруженные силы. Весть о Сталинграде была первой вестью, знаменующей решительную победу над фашистской Германией. Мы понимали, что герои Сталинграда борются не только за Россию, но и за всю Европу, стонущую под игом нацизма, и за нас, англичан»²⁹.

Такое «просоветское» заявление журналиста из Великобритании свидетельствует об отсутствии в этой стране жесткой зависимости от идеологических установок в самый разгар холодной войны не только историков, но и сотрудников средств массовой информации. Кстати, припомню для сравнения: автору этих строк на одном из мероприятий в честь нынешнего Дня защитников Отечества довелось поговорить с немецкой журналисткой средних лет по имени Андреа из Кельна. Спросил ее между прочим, рассказывали или нет на уроках истории в западногерманских школах, в бытность ее ученицей, о войне с Советским Союзом, о Московской, Сталинградской, Курской и других битвах. Она ответила, что ничего такого им не сообщали.

Данный ответ наводит на мысль о том, что немецкие историки, в том числе школьные учителя, видимо, так или иначе оказывались под влиянием политических клише. Так что нет ничего неожиданного в том, что нередко даже в общем-то толковых научных трудах по истории Второй мировой войны прослеживается влияние атмосферы холодной войны.

Как известно, с середины сентября 1942 г. ожесточенные, кровопролитные бои развернулись в самом Сталинграде, практически полностью разрушенном. Характер военных действий за овладение им изменился. Вместо маневренной войны части вермахта вынуждены были втянуться в позиционную войну в полуразрушенных домах и развалинах. Промышленность города фактически была выведена из строя. Как транспортный узел он также прекратил свое существование. Поэтому применительно к сложившимся тогда условиям у нынешних немецких историков возникли на первый взгляд естественные сомнения в том, что Сталинград сохранял для вермахта стратегическое значение и развернувшиеся непрерывные бои за овладение разрушенным городом были оправданными. По этим вопросам в германской исторической литературе состоялась дискуссия. Большинство ее участников пришли к выводу, что в тех условиях Сталинград утратил свое бывшее военно-стратегическое значение. И в дальнейшем развертывании боевых действий за овладение городом якобы доминировали исключительно политические мотивы. В связи с этим некоторые немецкие историки уравнивают политические цели Гитлера и Сталина. «В Сталинграде речь шла о престиже Гитлера и Сталина, — отмечает, в частности, известный германский военный историк Ю. Ферстер. — Один диктатор публично сделал ставку на овладение этим большевистским городом-символом, другой же не хотел отдавать его в руки фашистов»³⁰.

Думается, что Ферстер, как весьма опытный исследователь, вполне способен был понять примитивность своей версии. Однако по инерции логики холодной войны не устоял перед искушением в очередной раз поставить Сталина в один ряд с безумцем Гитлером. А что касается сомнения в целесообразности дальнейшей борьбы за Сталинград, то оно, к сожалению, высказывалось и в отечественной исторической литературе³¹. В связи с этим уместно вспомнить бытующее в нашем просторечии выражение «не от большого ума».

В самом деле, не надо быть большим умником, чтобы понять огромное значение Сталинграда в тот исторический момент и в политическом, и в стратегическом отношении. Для советского народа Сталинград был не только городом-символом, олицетворением успешного созидательного труда целого поколения. Вместе с тем он в связи с его географическим положением оставался важнейшим связующим звеном между центром страны и ее южными европейскими и среднеазиатскими районами. И что тогда было особенно важно — его успешная оборона открывала благоприятные возможности для подготовки и нанесе-

ния массированного контрудара Красной армии по войскам вермахта, занявшим крайне неблагоприятные и уязвимые позиции на южном участке советско-германского фронта. Справедливость такого понимания ситуации и значения города подтвердила сама жизнь.

Другим популярным направлением фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе, сформировавшимся фактически сразу после завершения Второй мировой войны, является продолжающаяся до сих пор пропаганда выдвинутой гитлеровскими генералами версии, согласно которой победа Красной армии в битве на Волге была обусловлена «роковыми» ошибками Гитлера. «После войны, — отмечал известный английский историк Дж. Робертс, — любимым занятием немецких генералов стало обвинять фюрера в некомпетентном вмешательстве в сугубо военные вопросы. По их мнению, он совершил тогда множество ошибок тактического и стратегического характера, из-за которых и была окружена 6-я армия Паулюса»³².

Фрайбургский ученый Б. Вегнер (итоги его многолетних разысканий по сталинградской тематике опубликованы в 6-м томе коллективного труда «Германский рейх и Вторая мировая война») именует авантюрой весь замысел наступления 1942 г. на Волгу и Кавказ. Автор считает, что из-за действий немецкого верховного командования армия Паулюса «уже за несколько недель до ее окружения была армией, сражавшейся без надежды на успех»³³.

Воспоминания о Сталинградской битве бывших генералов вермахта, а также описание ее историками порой беспощадно изобличали фюрера. Так, генерал-фельдмаршал Э. Манштейн в своей книге «Утраченные победы» утверждал, что Гитлер якобы сам заявлял: «За Сталинград я один несу ответственность»³⁴. «Поражение немецких войск под Сталинградом, — пишет американский историк Э. Зимке, — явилось в большей степени следствием ошибок Гитлера, нежели результатом советского военного искусства»³⁵. А германский историк О. Церер пошел еще дальше, заявив, что на Волге «немецкая армия погибла из-за предательства Гитлера»³⁶.

Кстати, тема предательства затрагивалась не только Церером. Зажатая в кольцо окружения, 6-я армия погибала в бессмысленном сопротивлении от голода, холода и болезней. А Гитлер продолжал заверять, что все делается для того, чтобы выручить их. В эти критические для 6-й армии дни, 13 января 1943 г., Паулюс специальным самолетом направил своего офицера-порученца капитана В. Бера (начальника оперативного отдела штаба армии) в ставку Гитлера, в Берлин. Это была последняя попытка командующего 6-й армией

раскрыть глаза фюреру на истинное положение его солдат и офицеров на берегу Волги. С большим трудом, используя свои родственные связи в штаб-квартире Гитлера, Бери удалось пробиться на доклад к фюреру. Атмосфера, в которой проходил прием Гитлером представителя офицерского корпуса 6-й армии, произвела на Бери удручающее впечатление. Боевой офицер вермахта увидел Гитлера, утратившего всякую связь с реальностью. После аудиенции у фюрера Бер пришел к выводу о том, что немцы неизбежно проиграют войну. Через 60 лет, вспоминая свою встречу с Гитлером в январе 1943 г., Бер признавался, что уже тогда понял, что Гитлер инициировал гибель 6-й армии³⁷. Правда, это обвинение, на наш взгляд, очень трудно убедительно обосновать.

Самый роковой просчет Гитлера немецкий военный историк Б. Вегнер, американский историк У. Керр и другие усматривают в том, что Гитлер не двинул на Сталинград силы двух групп армий «А» и «Б», которые вели наступление на южном крыле советско-германского фронта. Вместо этого он 23 июля 1941 г. в директиве № 45 приказал группе армий «Б», находившейся тогда в 120 км от Сталинграда, захватить этот город, а группе армий «А», уже захватившей в тот день Ростов-на-Дону, продолжить наступление на кавказском направлении. В этом исследователи увидели нарушение принципа массирования сил на главном направлении удара, их распыление на двух расходящихся направлениях, что подорвало наступательные возможности войск вермахта, сделало их чувствительными к контрударам противника и т. д.³⁸.

Английский историк Дж. Робертс тоже считает, что директива Гитлера № 45 «стала фатальной ошибкой»: если бы «германские войска быстро сконцентрировали силы только на сталинградском направлении, то смогли бы захватить город». Но вместе с тем он в своей книге показал, что это была «фатальная ошибка» не только Гитлера, а всего высшего командования вермахта, которое еще при планировании наступления на южном крыле Восточного фронта недооценило важности стратегического положения Сталинграда и не отнесло его захват к числу наиболее важных задач³⁹.

Правда, отношение историков к версии с директивой Гитлера № 45 неоднозначно. Так, германский историк Г.-А. Якобсен в принципе соглашается, что заложенный в этой директиве замысел одновременного наступления по расходящимся направлениям к Волге и Кавказу стал «главной причиной позднейшей гибели 6-й армии», однако подчеркивает, что этот замысел явился реакцией германского командования на провал его попыток уничтожить противостоявшие ему советские войска еще до выхода вермахта к Дону. Он пишет: «Советы научились на опыте первого года войны: лав-

ким маневром они сумели вывести главные силы на своем южном фланге из создававшегося немецкого котла и отвести их на восток. Это положило начало роковому для немцев ходу событий»⁴⁰.

А вот английский историк М. Арнольд-Форстер придерживается вообще иной точки зрения. Он считает, что еще более грубой ошибкой Гитлера, «изменившей ход истории», явился его приказ от 31 июля 1942 г. о переброске с кавказского направления из группы армий «А» в группу армий «Б» 4-й танковой армии. Это, по его мнению, привело к срыву достижения главной стратегической цели Германии в 1942 г., заключающейся в захвате месторождений кавказской нефти⁴¹. Эта неудача, по мнению германского историка Б. Вегнера, оказалась на «судьбе всей войны»⁴².

В связи с оценками ситуации вышеназванными историками обращает на себя следующее. Констатируя столь печальные для вермахта факты, они оба умалчивают о главной причине того, что не сбылись расчеты Гитлера и его генералов (вполне в духе логики периода холодной войны!) Что ж, мы сделаем это сами: причиной неудач гитлеровцев послужило прежде всего то, что и под Сталинградом, и в предгорьях Кавказа советские войска, проявив непревзойденное мужество и воинское мастерство как в оборонительных, так и наступательных боевых действиях, сорвали замысел агрессора.

И еще подчеркнем: летом и осенью 1942 г. немецкое командование вступило в сражение, к которому оказалось явно не готово, причем в районе, где его не ожидало. А именно под Сталинградом, ставшим эпицентром вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Советское же командование быстро и правильно оценило нависающее положение города над флангом и тылом основных сил противника, нацелившихся на захват Кавказа. В публикациях ряда бывших генералов вермахта и западных историков излагается и такая версия. По их мнению, «роковым решением», по сути «смертным приговором» немецким войскам явился запрет Гитлера на организацию прорыва 6-й армии из окружения и содержащееся в его приказе от 24 ноября 1942 г. требование любой ценой удерживать позиции под Сталинградом.

Между тем нереальность осуществления прорыва 6-й армии из окружения, на наш взгляд, очень убедительно обосновал германский историк М. Кериг. В книге о Сталинграде он показывает, что еще до начала контрнаступления советских войск 6-я немецкая армия была настолько обескровлена, что не могла вести активные наступательные действия. События последних недель борьбы в районе Сталинграда перед переходом Красной армии в контрнаступление, по его мнению, «своей ожесточенностью и отчаянием положили начало

гибели 6-й армии»⁴³. Далее он приводит факты, свидетельствующие о том, что контрнаступление советских войск застало врасплох командование группы армий «Б». Поэтому у него не оказалось ни готовых людских резервов, ни запаса горючего, которые были необходимы 6-й армии даже для парирования ударов противника. Положение со снабжением этой армии стало критическим уже 21 ноября, когда железная дорога, по которой осуществлялась ее связь с тылами группы армий «Б», оказалась в руках советских войск⁴⁴.

Не удалась и попытка деблокировать окруженную 6-ю армию. Описывая это событие, американский историк У. Крейг выдвигает версию, будто бы выполнить данную задачу группе армий «Дон» помешала погода. По его словам, в начале наступления немцы «встретили неожиданно слабое русское сопротивление», выразившееся лишь в случайных выстрелах. Самые большие трудности наступавшим причиняли «обледеневшие дороги, на которых танки не могли тормозить». Так что, несмотря на превосходство немецких войск в мастерстве, наступление все же провалилось. Якобы из-за непрерывных штормов, мешавших использовать авиацию, а также из-за недостаточного запаса боеприпасов для продолжения борьбы против «неисчерпаемых сил» Красной армии⁴⁵. Здесь мы вновь сталкиваемся с попыткой объяснить неудачу войск вермахта на поле боя плохой погодой и еще чем-либо, но только не умелыми и активными действиями противоборствующей стороны.

Объективную оценку этих событий, не пытаясь обелить соотечественников, в отличие от американца У. Крейга, дает немецкий историк М. Кериг. Он отмечает мастерство командования 51-й советской армии при отражении ударов противника. «Армия боролась упорно и маневренно. Для обороны с фронта она использовала свои стрелковые дивизии, в то время как ее оба механизированные корпуса (4-й и 13-й) непрерывно наносили удары по флангам противника». Кериг констатирует, что срыв попытки немецкого командования деблокировать окруженную группировку в Сталинграде явился также следствием эффективной поддержки действий советских войск авиацией и успешного осуществления начавшейся 16 декабря 1942 г. операции «Сатурн» — наступления Юго-Западного фронта против 8-й итальянской армии, которое вынудило Манштейна распылить силы, предназначавшиеся для организации нового наступления на Сталинград⁴⁶.

Рассмотрим еще одно направление фальсификации истории Сталинградской битвы в западной литературе. Оно заключается в преуменьшении боеспособности Красной армии, якобы самостоятельно, без взаимодействия с союзниками, не до-

стигавшей побед над противником. Так, историк из ФРГ Г. Шретер утверждает, что в период Сталинградской битвы германское командование было вынуждено «держат в бездействии громадные армии на Западе»⁴⁷.

Другой фальсификатор — американский историк Дж. Стоксбери совершенно бездоказательно заявляет, что русские якобы специально откладывали контрнаступление под Сталинградом до ноября. Они будто бы ждали, когда «союзные армии, как и предполагалось, скуют германские резервы в Западной Европе»⁴⁸. Интересно было бы спросить у этого «исследователя», как он представляет себе организацию крупных стратегических операций, связанных с необходимостью сосредоточения огромных масс войск и боевой техники. Причем здесь принципиальное значение имеет фактор времени: не должно быть промедления, какой-либо задержки при подготовке операции, чтобы противник не смог разгадать ее замысел, намеченные сроки и т. д. Если такое случится, то он предпримет ответные шаги по сосредоточению своих сил и средств. И тогда операция будет обречена на провал. Так что если ждать, «скуют или нет твои союзники резервы противника где-то за тысячи километров», то можно упустить удобный для проведения контрнаступления момент, диктуемый ситуацией на своем участке фронта. Словом, в данном случае мы имеем дело с фальсификатором — дилетантом в военном деле, сочиняющим небылицы!..

В связи с этим ему полезно для начала прочесть книгу своего английского коллеги Дж. Грига «Победа, которой никогда не было». В ней автор аргументированно опровергает домыслы о том, что якобы высадка союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 г. и угроза их высадки во Франции во время Сталинградской битвы «сковали германские резервы в Западной Европе». Он убедительно доказывает, что за время контрнаступления советских войск под Сталинградом только из Западной Европы на советско-германский фронт было переброшено 17 немецких дивизий. «Более того, — пишет г-н Григ, — последующая высадка в Сицилии убедила германское военное командование в том, что наверняка в 1943 году не состоится никакой акции по форсированию Ла-Манша»⁴⁹.

Думается, что с книгой Дж. Грига «Победа, которой никогда не было» (1980 г.) нелишне было бы давно познакомиться и его соотечественнику — известному историку Энтони Бивору. Может быть, тогда бы он не стал в своей книге «Сталинград»⁵⁰, вышедшей в свет в 1998 г. (через 18 лет после книги Дж. Грига), использовать непроверенные факты. Например, о том, что Гитлер из-за недооценки потенциала советских войск после под-

писания директивы № 45 распорядился отправить «назад во Францию» моторизованную дивизию «Великая Германия» и моторизованную дивизию СС «Адольф Гитлер»⁵¹. Как выяснилось, подобные заявления не подтверждаются фактами.

Во-первых, не соответствует действительности информация о том, что в период Сталинградской битвы на Западном фронте находились «громадные силы вермахта». По немецким данным, численность немецких войск на Западе в то время составляла 520 тыс. человек и была почти в шесть раз меньше численности немецких войск на советско-германском фронте — 2997 тыс. На Западном фронте был всего один немецкий воздушный флот, а на Восточном фронте — четыре⁵².

Во-вторых, значительную часть войск на Западе составляли так называемые «стационарные» дивизии, которые были плохо вооружены и не имели собственных транспортных средств, а также ослабленные соединения или их остатки, направлявшиеся туда на отдых и пополнение после участия в ожесточенных боях на советско-германском фронте.

Так называемая «перекачка» полноценных немецких дивизий велась не с Востока на Запад, а наоборот: с Запада на Восток. Только с ноября 1942 г. по апрель 1943 г. из Германии, Франции и других стран Западной Европы на советско-германский фронт прибыло 35 новых дивизий⁵³. В-третьих, утверждение о переброске с Востока на Запад дивизии «Великая Германия» является вымыслом. В дневнике Гальдера, на который ссылается Крейг, говорится, что она в этот период действовала на сталинградском направлении⁵⁴. Это подтверждают и другие немецкие документальные источники. Дивизия «Великая Германия» прибыла с Запада на Восточный фронт в мае 1942 г. и оставалась там до конца войны⁵⁵. Что касается дивизии СС «Адольф Гитлер», то она находилась на Восточном фронте с самого начала войны Германии против СССР. В июле 1942 г. из-за больших потерь, понесенных в боях, она была направлена на переформирование во Францию, а затем в феврале 1943 г. снова прибыла на советско-германский фронт, где в составе группы армий «Юг» участвовала в битве на Курской дуге⁵⁶.

Книга Э. Бивора «Сталинград: роковая осада 1942–1943» написана с привлечением советских источников преимущественно мемуарного характера. Сообразно традиции, большое внимание в ней уделяется сражению собственно за город Сталинград, уличным боям. К сожалению, в ней немало того, что можно назвать наследием холодной войны и идеологического противостояния двух систем. Подробно описываются «жестокости советского государства», чаще всего в преувеличенном виде. Уделяется внимание ГУЛАГу и Катюши. Автор

в самых мрачных тонах описывает судьбу немецких военнопленных. «Русские доктора не вели историй болезни и не записывали имен своих пациентов, — пишет он. — К людям, которых они призваны были лечить, врачи относились хуже, чем к скоту»⁵⁷. Бивор прямо обвиняет советское руководство в том, что пленных морили голодом, а советских солдат — в повальном мародерстве и расстрелах пленных. Все это вызывает острое неприятие. В книге намного больше публицистики, чем истории. Словом, это издание новейшего времени, переведенное на русский язык, — яркий «образец» оголтелого антисоветизма, воспринимающийся как проявление неугасающей ностальгии по взглядам и традициям периода «холодной войны».

Впрочем, такой агрессивный настрой историка понятен. Причина, очевидно, в том, что для него, как и для большинства немцев военного и послевоенных поколений, катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это обнаженный нерв массового исторического сознания, острый сюжет национальной историографии. Поэтому устремление к поиску достоверного освещения сражения под Сталинградом является компонентом сложного, неоднозначного, мучительного процесса «преодоления прошлого», извлечения уроков из трагедии третьего рейха. «Этот город, — писала 30–31 января 1993 г. газета «Die Welt», — не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»⁵⁸.

В конце 1992 г.– начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград, по оценке геттингенского профессора А. Людтке, стал «центральной темой печатных и электронных средств массовой информации»⁵⁹. Память о Сталинграде многосложно сплелась с проблемами общественной жизни сегодняшней Германии. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы которых, несмотря на различие отдельных подходов, едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Речь идет о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под ред. В. Ветте и Г. Юбершера — сотрудников Военно-исторического ведомства ФРГ), «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под ред. Ю. Ферстера, также работающего в том же ведомстве), «Сталинград — немецкая легенда» (под ред. берлинского исследователя Й. Эберга)⁶⁰. В основе этих сборников — полидисциплинарная методология реконструкции прошлого, синтез усилий военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов. Солидное участие в деятельности авторских коллективов, в розы-

ске и публикации новых документальных свидетельств Сталинградской битвы приняли российские ученые, архивисты, музейные работники.

Показателем наступавшего поворота в научном освещении и массовом осознании уроков великого сражения Второй мировой войны стала вышедшая в 1987 г. книга В.Р. Байера — известного философа, исследователя творчества Гегеля, президента Международного Гегелевского общества «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна». Эта книга — стусок личных впечатлений солдата Байера, пережившего трагедию окружения, тяжело раненного и вывезенного из котла одним из последних самолетов. Это и эссе о современном значении философии Гегеля (подзаголовок книги воспроизводит, чуть видоизменив, формулу великого мыслителя из его «Философии права»). Это и квалифицированный, острый критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о катастрофе 6-й армии. Содержание книги находится как бы на рубеже двух сознаний: сознания солдата — одного из многих, брошенных на гибель своими командирами, и сознания умудренного годами человека, обреченного, по его словам, «тащить на себе в течение всей своей жизни груз выстраданной истории»⁶¹.

Правдивая история — это прежде всего истинно научная история, базирующаяся на действительной научной методологии, исключающей так называемые запретные темы и стыдливые умолчания, на солидном информационном обеспечении, широком использовании архивных документов, на надежной и достоверной статистике⁶². Современный этап развития военно-исторической науки, характеризующийся переосмыслением событий прошлого, расширением источниковой базы, включением в научный оборот новых, ранее не известных документов и материалов, столкновением и даже противоборством мнений, концепций, теорий, предъявляет высокие требования к определению форм, методов и средств разоблачения фальсификаций военной истории. Это особенно важно, ибо общий механизм фальсификации военной истории становится все изощреннее, сочетает в себе как открытую ложь в освещении событий, фактов военной истории, так и замаскированные попытки «подправить», исказить содержание военно-исторических процессов.

Методика разоблачения фальсификаций военной истории представляет собой неотъемлемую часть методологии, своего рода инструментарий для воплощения в жизнь научных принципов критики противников. Важнейшими аспектами методики ее выявления являются: глубокое знание «механизма» фальсификации военной истории, в особенности средств, приемов и методов; разоблачение научной и фактической несостоя-

тельности пропаганды фальсифицированной военной истории; совершенствование собственных форм и методов, приемов и средств разоблачения фальсификаций.

Главным средством фальсификации является ложь. Она может быть открытой, явной, прямой или в форме полуправды, недомолвки, замалчивания, клеветы, обмана. Сами фальсификаторы истории признаются в том, что прибегают ко лжи в своих «исторических исследованиях». «Человеческий разум, — откровенничает американский историк М. Чукас, — должен быть нейтрализован или поставлен в условия бездействия путем сокрытия относящихся к делу фактов, должен быть введен в заблуждение и дезориентирован путем искаженного изображения действительности»⁶³.

В наше время наиболее распространенными методами извращения событий и фактов военной истории являются: «барраж» («постановка заграждения», «затуманивание»); «редхерринг» («копченая селедка»); «тестимониал» («лжесвидетельство, подлог»); «кард стокинг» («подставка карт»); «глиттерингджерелити» («лакировка, представление в розовом свете»); «неймколлинг» («навешивание ярлыков, кличек»); «персонификация» и другие⁶⁴. Их необходимо уметь различать и противопоставлять им свои эффективные методы. Прежде всего — опровергать их измышления на основе неопровержимых документов.

Борьба с фальсификациями военной истории предполагает систему взаимосвязанных функциональных аспектов: критический (разоблачающий), утверждающий (пропагандирующий) и упреждающий. Иными словами, тщетно призывать кого-либо к соблюдению научных принципов в области военной истории, если не разоблачать их фальсификации, не утверждать всемерно историческую правду и не упреждать возможные идеологические диверсии.

Подводя итог вышесказанному, можно констатировать, что на данный момент характерной особенностью западной историографии Сталинградской битвы остается крен в сторону немецких источников. Они доступнее для западных исследователей, и языковой барьер здесь играет менее существенную роль. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что на Западе российские военно-исторические труды читают и изучают. Поэтому определенным залогом объективного освещения западными историками событий на советско-германском фронте является наличие в российской

историографии Великой Отечественной войны, а в связи с рассматриваемой в данной статье темой — и Сталинградской битвы, научных трудов, опирающихся на неопровержимые документы.

Необходимо учитывать, что холодная война наложила глубокий, весьма живучий отпечаток на работы многих историков США, Великобритании и других стран. Они рассматривали и рассматривают до сих пор Сталинградскую битву как событие, оказавшее влияние лишь на ход войны СССР с Германией, предпринимают попытки уменьшить ее историческое значение, приравнять достигнутый блестящий успех Красной армии к менее значительным военным успехам англо-американских войск на других театрах военных действий.

Правда, в некоторых публикациях, на наш взгляд, все же правильно отмечается, что битва на Волге стала Великой Победой Советского Союза, пунктом, от которого начался отсчет времени существования третьего рейха. С другой стороны, встречаются оценки, которые указывают, что Сталинградская битва и ее итоги в значительной мере способствовали укреплению международных позиций Советского Союза. В частности, английский историк Дж. Эриксон писал об этом так: «Если победа под Полтавой в 1709 г. вывела Россию в число европейских держав, то победа под Сталинградом показала, что СССР становится ведущей мировой державой»⁶⁵.

В заключение подчеркнем: как бы ни изошрялись некоторые западные историки, пытаясь уменьшить значение Сталинградской битвы, было и остается неопровержимым фактом, что она явилась важнейшим историческим рубежом на пути к победе в Великой Отечественной и всей Второй мировой войне. Победа, одержанная в ней Красной армией, окончательно перечеркнула планы нацистского руководства Германии сокрушить Советский Союз, захватить его земли, превратить его народы в рабов германских хозяев. После Сталинграда германский вермахт и армии фашистских союзников утратили стратегическую инициативу. Уже не они, а Красная армия до победоносного завершения войны определяла ход и результаты вооруженной борьбы на советско-германском фронте. Вместе с тем сокрушительный разгром войск блока агрессоров под Сталинградом явился решающим вкладом в изменение стратегической обстановки в пользу антигитлеровской коалиции на всех других фронтах Второй мировой войны.

¹ См.: Борозняк А. И. Германская историография Сталинградской битвы // Вопросы истории. 1996, №10. С. 154–163.

² См.: Manstein E. f. Verlorene Siege. Frankfurt a. M. 1955; Stalingrad. Mythos... S. 207, 210.

³ Wieder J. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. Munchen. 1962. Русское издание: Видер И. Катастрофа на Волге. М. 1965, с. 160, 326–327.

⁴ Там же. С. 147, 218.

- ⁵ Wieder J. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. Munchen. 1993. S. 8.
- ⁶ Jacobsen H.-A. Zur Schlacht von Stalingrad — 20 Jahre danach // Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift, 1963, Hf. 2, S. 63–69.
- ⁷ Белль Г. Способность скорбеть // Новое время, 1988, № 24. С. 37.
- ⁸ Чубарьян А. О. Вступительное слово // Международная научная конференция «Война. Народ. Победа», посвященная 60-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне.– М., 2005, 15–16 марта. С. 5.
- ⁹ Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (университет) МИД России. — М.: МГИМО — Университет, 2013. 480 с.
- ¹⁰ Там же. С. 213 — 243.
- ¹¹ Исаев А. В. История Сталинградской битвы в новейшей западной историографии // Материалы научной конференции «70 лет контрнаступлению под Сталинградом 19 ноября 1942 г. и началу коренного перелома в войне». М., 2012, 19 ноября.
- ¹² Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der globale Krieg — Die Ausweitung zum Weltkrieg und der Wechsel der Initiative 1941 bis 1943, Deutsche Verlags-Anstalt, Stuttgart 1990.
- ¹³ Цит. по: Boog H. Rahn W. Stumpf R. Wegner B. Germany and the Second World War: Volume VI: The Global War. Oxford University Press, USA, 2001. P.1090.
- ¹⁴ Op. cit. P.1117.
- ¹⁵ Гелен Р. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии. 1942–1971. М., 2003. С. 64–76.
- ¹⁶ Maser W. Falachung, Dichtung und Wahrheit uber Hitler und Stalin. Munchen, 2005. S. 280–283.
- ¹⁷ Op. cit. P.1169.
- ¹⁸ Jluks G. Stalingrad: The Turning Point. New-York.1968. С. 154.
- ¹⁹ The History of the Second World War. London. 1968. Vol. 3. %15 (cover); Great Battles of the 20th Century. (Ed. B. Pitt) London, 1977. P. 209.
- ²⁰ Le Figaro. 1972.
- ²¹ Freund M. Deutsche Geschichte. Gutersloh. 1973. S. 1401.
- ²² Kehrig M. Stalingrad: Analyse und Dokumentation einer Schlacht. Stuttgart. 1974. S. 11.
- ²³ См.: Кульков Е. Н., Ржешевский О. А., Чельшев И. А. Правда и ложь о Второй мировой войне/ Е. Н. Кульков, О. А. Ржешевский, И. А. Чельшев; Под ред. О. А. Ржешевского. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1988. С. 127–128.
- ²⁴ Zentner K. Illustrierte Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Munchen, 1973, S. 439.
- ²⁵ Michel H. 1aSeconde guerre mondiale, Paris, 1977, E 1, p. 467.
- ²⁶ Axell A. Stalin War through the Eyes of his Commanders. L., 1997. P. 89.
- ²⁷ Сталинградская битва и её геополитическое значение / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО–Университет, 2013. С. 344.
- ²⁸ Uhlе-Wettler F. Hohe und Wendepunkte deutscher Militar geschichte. Mainz, 1984, S. 340.
- ²⁹ Сквайрс Р. Дорога войны: Записки английского офицера: Пер. с нем. М., 1952. С. 13.
- ³⁰ Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М., 1995. С. 11.
- ³¹ См.: Сталинград: забытое сражение. М., 2005. С. 120–121.
- ³² Робертс Дж. Победа под Сталинградом: Битва, которая изменила историю: Пер. с. англ. М., 2003. С. 30.
- ³³ Das Deutsche Reichundder Zweite Weltkrieg. Bd. 6. Stuttgart. 1990; Сталинград. Событие. С. 21, 33.
- ³⁴ Manstein E. Verlorene Siege. Bonn, 1955.S. 395.
- ³⁵ Ziemke E. Stalingrad to Berlin: The German Defeat in the East. Washigton, 1968. P. 80.
- ³⁶ Zierer O. Deutsghland: Kleine Geschichte Grosser Nation. Gutersloh, 1976. S. 115.
- ³⁷ Der Spiegel, 16.XII.2002, N 51. S. 73–74.
- ³⁸ Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 27; Kerr W. Das Geheimnis Stalingrad. Dusseldorfund Wien, 1977. 5. 107–108.
- ³⁹ Робертс Дж. Ук. соч. С. 63, 28, 57.
- ⁴⁰ Вторая мировая война. Взгляд из Германии: сб. статей. Пер. с нем. М., 2005. С. 190.
- ⁴¹ Arnold-Forster M. The World at War. London, 1974. P. 138.
- ⁴² Сталинград: Событие. Воздействие. Символ: Пер. с нем. М., 1995. С. 28.
- ⁴³ Kehrig M. Op. cit. S. 37.
- ⁴⁴ Kehrig M. Op. cit. S. 43, 52, 88–89, 136–137, 141.
- ⁴⁵ Craigl. Op. cit. P. 218–228.
- ⁴⁶ Kehrig M. Op. cit. S. 371.
- ⁴⁷ Der Zweite Weltkrieg. Stuttgart, 1979. Bd. 2. S. 285.
- ⁴⁸ Стокезбургу J. A. A Short history of World War II. New York, 1980. P. 239.
- ⁴⁹ Grigg J. 1943: The Victory That Never Was. New York, 1980. P. 93.

- ⁵⁰ Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege 1942 — 43. Penguin Books. 1998; Beevor A. Stalingrad: The Fateful Siege: 1942–1943. New York: Viking, 1998. Русское издание: Сталинград-Смоленск: Русич, 1999.
- ⁵¹ Beevor A. Op. cit. P. 81.
- ⁵² Forster G. und andere. Der Zweite Weltkrieg. Berlin, 1972. S. 173, 195–197.
- ⁵³ См.: История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1965. Т. 6. С. 30.
- ⁵⁴ См.: Гальдер Ф. Военный дневник. Пер. с нем. М., 1971. Т. 3, Кн. 2. С. 351.
- ⁵⁵ См.: Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945: Пер. с нем. М., 1976. Т. 3. С. 280, 395.
- ⁵⁶ Там же. С. 277, 285, 409.
- ⁵⁷ Цит. по: Бивор Э. Сталинград. — Смоленск.: Русич, 1999. С. 418.
- ⁵⁸ См.: Борозняк А. И. Указ. соч. С. 154.
- ⁵⁹ SOWI (Sozialwissenschaftliche Informationen), 1993, Hf. 1, S. 2.
- ⁶⁰ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. Frankfurt a. M. 1992; Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. Munchen. 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. М. 1994; Stalingrad — eine deutsche Legende. Reinbek. 1992.
- ⁶¹ Beyer W. R. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. Frankfurt a. M. 1987, S. 59.
- ⁶² Современные методологические проблемы военной истории в системе военного образования: Монография / Под общ. ред. генерал-майора С. А. Тюшкевича и генерал-лейтенанта Р. Л. Тимошева. М.: Военный университет, 2008. С. 199 — 212.
- ⁶³ Цит. по: Военная история как объект идеологической борьбы. М., 1991. С. 33.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Erickson G. The Road to Berlin. London., 1983. P. 47.

Выстоит ли Россия? Сталинградская битва и стратегические планы союзников

В. О. Печатнов*

Сталинградская битва и ее военно-стратегические последствия активно изучаются в отечественной и зарубежной историографии Второй мировой войны. Тем не менее, здесь есть некоторые лакуны, образовавшиеся в результате, с одной стороны, недостаточного знакомства российских исследователей с документами англо-американских архивов, а с другой — вследствие сглаживания «острых углов» нашими западными коллегами, которые тяготеют к преуменьшению роли событий на советско-германском фронте. В британской и особенно американской историографии по данному вопросу преобладает точка зрения, согласно которой Сталинградская битва — при всем ее несомненном военном значении — не оказала серьезного воздействия на планы и политику США и Великобритании¹. Однако этот взгляд нуждается в уточнении, как признают и некоторые американские историки².

27 сентября 1942 года, когда ожесточенные бои шли уже на окраинах Сталинграда, в Кремле состоялся обед в честь важного американского гостя — лидера Республиканской партии Уэнделла Уилки. Один из его спутников предложил тост за «безымянного рядового русского солдата, к которому сейчас прикованы глаза всего мира». Сталин дополнил этот тост словами: «Русский рядовой солдат решает сейчас судьбу мира»³. В личной беседе с Уилки он откровенно признал, что немцы «могут взять Сталинград»⁴. Сталин записал в своем отчете об этой беседе Уилки, «не делал никаких прогнозов насчет способности России выстоять и со всей определенностью говорил о том, что ни любовь к Родине, ни храбрость солдат сами по себе не могут спасти Отечество, ибо исход сражений определяется чис-

лом, уменьем и техникой»⁵. Для ответа на вопрос, что же решалось под Сталинградом для нашей страны и всего мира, уместно сравнить огромные военные и политические последствия победы под Сталинградом с вероятными последствиями противоположного исхода великой битвы, о которых, как и о всяком несостоявшемся в истории, обычно не задумываются.

Между тем американское командование, привыкшее просчитывать все варианты, к такому сценарию готовилось, как свидетельствуют документы военных архивов США. Еще в конце июня 1942 года президент Ф. Рузвельт и его правая рука Г. Гопкинс начали обсуждать возможность поражения СССР в ходе развернувшегося стратегического наступления вермахта (операции «Цитадель»). Записи этой беседы не сохранилось, но, возможно, именно она дала толчок проработке этого сценария военными, которые к началу августа подготовили для Комитета начальников штабов специальное исследование под названием «Стратегическая политика Объединенных Наций и Соединенных Штатов в случае разгрома России» (КНШ-85). В нем рассматривался вариант разгрома или «критического ослабления» Красной армии. Под последним понимался развал «восточного фронта» и высвобождение хотя бы половины сил вермахта на этом фронте. Реализация любого из этих сценариев, согласно документу, приведет к фатальному геополитическому сдвигу в соотношении сил противоборствующих сторон — «падение России станет катастрофой», которая поставит США в «отчаянное положение». Европейский континент будет полностью потерян для союзников, поскольку крах советско-германского фронта исключит возможность открытия там второго фронта. Максимум того, на что тогда могут на-

* Печатнов Владимир Олегович — д. и. н., профессор, заведующий кафедрой ИПСЕА МГИМО(У) МИД России.

десять союзники — это удержание британских островов, но и там ожидалось резкое усиление прогерманских настроений в правящих кругах страны, падение кабинета Черчилля и возможное заключение сепаратного мира с Германией. Подчинив себе природные и экономические ресурсы СССР, последняя станет практически непобедимой в прямом военном противостоянии.

«Падение России», прогнозировалось в КНШ-85, отзовется по всему миру: движение Сопrotивления угаснет, Британская империя (кроме Канады, Австралии и Новой Зеландии) развалится на части, в Латинской Америке и на Ближнем Востоке поднимутся прогерманские настроения, соединение германских и японских армий на Ближнем Востоке отрежет союзников от стратегических нефтяных ресурсов региона. США будут заперты в Западном полушарии и перейдут к глухой обороне. С учетом столь мрачных перспектив в докладе даже рассматривалась возможность заключения сепаратного мира с Германией или с обеими ведущими странами «оси». Однако в итоге этот вариант был отвергнут, поскольку в таком случае «Соединенные Штаты утратили бы свое положение ведущей державы и в дальнейшем оказались бы перед странами «оси» без союзников».

Столь радикальная геополитическая изоляция США, подчеркивалось в докладе, окажет пагубное психологическое воздействие на американское общество. Неслучайно для противодействия изоляционистским и пораженческим настроениям Объединенный комитет по психологической войне предлагал заранее разработать комплекс мер с тем, чтобы «смягчить воздействие подобных испытаний на американскую общественность и подготовить ее к возможности такого поворота в ходе войны»⁶.

Подобный сценарий геополитических последствий развала советско-германского фронта был вполне реалистичен, тем более что американские планировщики отнюдь не отличались склонностью преувеличивать значение этого фронта и роль СССР в войне. Доклад получил одобрение на заседании КНШ 8 сентября 1942 г., но поскольку на нем констатировалось, что «крах России еще не представляется неминуемым», было решено положить доклад на полку, сохранив его в секрете даже от ближайших союзников — англичан⁷. У тех, впрочем, были свои, несколько более оптимистичные прогнозы развития ситуации на советско-германском фронте, но и они не исключали вероятности поражения Красной армии. «Мы считаем, что решительный успех одной из сторон вряд ли будет достигнут к августу, — говорилось в июньском докладе Объединенного комитета по разведке (ОКР) при британском Коми-

тете начальников штабов (КНШ) под названием «Возможное развитие русской кампании и его последствия», — Однако между августом и октябрем события могут достичь своей кульминации. Обе стороны понесут огромные потери... Германское Верховное главнокомандование к тому времени может оказаться перед выбором: ввести в бой свои последние резервы — даже ценой опасного оголения оккупированных стран в надежде добиться полного разгрома России до наступления зимы — или сохранить свои резервы для отражения растущей англо-американской угрозы на Западе. Грань между успехом и провалом может оказаться очень тонкой, и даже незначительные факторы могут определить, какой из двух противников рухнет первым». Руководство КНШ в целом согласилось с этой оценкой, хотя отметило ее «слишком радужный для России характер»⁸.

Почему же при таких предельно высоких ставках судьбы советско-германского фронта летом-осенью 1942 года западные союзники не постарались предотвратить возможную катастрофу? Ведь и в упомянутом докладе ОКР признавалось, что исход операции «Цитадель» будет зависеть и от того, «в какой степени немцам придется отвлечь силы (с восточного фронта — *авт.*) для отражения угрозы англо-американского наступления на Западе»⁹. В мае Рузвельт и Черчилль на переговорах с Молотовым, как известно, пообещали (хотя и с оговорками в случае Черчилля) открыть второй фронт в Европе в том же году (операция «Облава»). Однако в июле на англо-американском совещании в Лондоне британцы решительно выступили за отказ от этого плана и даже от операции «Кувалда» — высадки 6–10 дивизий на севере Франции осенью 1942 г. с целью отвлечь хотя бы часть сил вермахта с Восточного фронта. В полемике с англичанами и в отчете для Рузвельта делегация США продолжала отстаивать свою позицию. «Россия — важнейший на данном этапе фактор войны, и поэтому наши расчеты должны строиться в зависимости от исхода нынешней кампании в России, — говорилось в этом отчете, — Поражение русских армий заставит провести полный пересмотр союзной стратегии. Оно практически ликвидирует всякую возможность разгрома Германии в прямом столкновении и отбросит союзников к перманентной обороне по всей Европе». При стабилизации советско-германского фронта операция «Кувалда», по мнению американских военных, будет иметь хорошие шансы на успех — удержание плацдарма в Нормандии до большого вторжения в 1943 году и отвлечение дополнительных германских сил с восточного фронта. В случае же непосредственной угрозы поражения Красной армии риск принесения в жертву нескольких дивизий будет

все равно оправданным по сравнению с гораздо большим риском: «На нас ляжет вина за огромный военный просчет, — предупреждали они президента, — если мы позволим Германии ликвидировать восьмимиллионную союзную армию в то время, когда удары с нашей стороны могли бы спасти ситуацию»¹⁰. Любопытно, что и советские военные представители в Вашингтоне предупреждали своих американских коллег об этой опасности. Как сообщало УСС, «русские военные круги в нашей стране утратили последнюю веру во второй фронт в 1942 году. Они говорят, что военное бездействие союзников в ослаблении давления Германии на Россию в то время, когда 9/10 нацистских сил воюет с Советской Россией, это один из величайших военно-стратегических просчетов во всей военной истории, который в конечном счете обойдется союзникам сотнями тысяч дополнительных потерь»¹¹.

Но верх взяла британская позиция, к которой присоединился и Рузвельт. Вместо «Кувалды» на осень того же года планировалась высадка союзников в Северной Африке — операция «Факел», хотя само командование США в своих внутренних оценках считало ее чем-то вроде «булавочного укола», который «будет лишь расплывать силы союзников, откладывая большое вторжение на европейский континент и в то же время не окажет реальной помощи Советскому Союзу». Признавалось, что даже в случае успеха эта операция «вероятно, не приведет к переброске с русского фронта ни единого немецкого солдата, танка или самолета»¹². Как писал в проекте своего меморандума для президента военный министр Г. Стимсон, «Факел» имеет мало шансов на успех, но главное — он не только «не окажет реальной помощи России», но и «...отложит «Облаву» до 1944 года»¹³. Да и сам Черчилль, который заверял Рузвельта в том, что «Факел» — это и «есть настоящий второй фронт в 1942 году»¹⁴, в своем кругу тоже признавал, что это совсем не так: «Факел» — это только 13 дивизий, тогда как мы готовились двинуть против врага в 1943 году 48 дивизий, — писал он руководству КНШ 18 ноября 1942 года, — ...Мы дали понять Сталину, что в 1943 году будет большое вторжение на континент, а теперь планируем использовать на 35 дивизий меньше, чем предполагали в апреле-июле, или немногим больше одной четверти. Нет смысла закрывать на это глаза или воображать, что эта разница не будет замечена»¹⁵.

«Факел» не только не оказывал немедленной помощи Красной армии, но и создавал для нее дополнительные проблемы, хотя успех союзников в Северной Африке напрямую зависел от продолжения советского сопротивления. Ради обеспечения «Факела» были сокращены поставки в СССР

по ленд-лизу. В июле к этому добавилось решение союзников отменить 18-й северный конвой из-за больших потерь, понесенных предыдущим конвоем (печально известным P.Q.17). В сентябре со следующего, 19-го каравана, без согласования с советской стороной была снята крупная партия истребителей «Аэрокобра», предназначенных для Сталинградского фронта, но затребованных американским командованием для нужд «Факела». Это вызвало понятное возмущение в Кремле с учетом отчаянной нужды в истребителях под Сталинградом. 20 сентября в телеграмме советскому послу в Лондоне И. М. Майскому Сталин писал: «Поведение англичан в вопросе об «Аэрокобрах» я считаю верхом наглости. Англичане не имели никакого права переадресовывать наш груз на свой счет без нашего согласия. Ссылка англичан на то, что переадресовка произошла по распоряжению Америки, является иезуитством. Нетрудно понять, что Америка действовала по просьбе англичан»¹⁶. Черчилль задним числом объяснил Сталину происхождение этого решения, но, судя по всему, тот так и не поверил в непричастность к нему англичан.

В Москве эти решения союзников были восприняты как двойной отказ: от снабжения СССР военными материалами по северному пути и от организации второго фронта в 1942 г. «Таким образом, — подводил в телеграмме в НКВД суть происходящего Майский, — в самый критический для нас момент мы оказались по существу брошенными на произвол судьбы нашими союзниками». Посол называл две основные причины бездействия союзников: «желание видеть взаимное истощение Германии и СССР» и «страх англо-американской верхушки перед военной мощью Германии»¹⁷. Майский рекомендовал Сталину «крепко поставить перед Черчиллем вопрос о конвоях и втором фронте, подчеркнув, что наш народ не понимает пассивности Англии в такой грозный для нас час и что если второго фронта в 1942 г. не будет, то война может быть проиграна, или, как минимум, СССР настолько ослабеет, что в дальнейшем не сможет принимать особо активного участия в борьбе». Иными словами, Майский предлагал встряхнуть союзников предостережением о тех же двух вариантах «падения России», которые рассматривались в КНШ-85. Рекомендация посла была принята, хотя ответное послание Сталина, по мнению Майского, оказалось «несколько мягче, чем я предлагал»¹⁸, поскольку хозяин Кремля не стал угрожать союзникам своим поражением. В послании говорилось: «...Я никак не мог предположить, что Правительство Великобритании откажет нам в подвозе военных материалов именно теперь, когда Советский Союз особенно нуждается в подвозе воен-

ных материалов в момент серьезного напряжения на советско-германском фронте...

Что касается вопроса об организации второго фронта в Европе, то я боюсь, что этот вопрос начинает принимать несерьезный характер. Исходя из создавшегося положения на советско-германском фронте, я должен заявить самым категорическим образом, что Советское Правительство не может примириться с откладыванием организации второго фронта в Европе на 1943 год»¹⁹.

Текст этого послания Сталина был передан для сведения и послу СССР в США М. М. Литвинову в Вашингтон. В ответной телеграмме Молотову тот рекомендовал довести это послание и до Рузвельта для остротки обоим союзникам:

«Мне кажется, что без намека на угрозу не раскачать Черчилля и военщину. Американцы и англичане считают идеальным такое положение, когда немцы будут нас бить и оттеснять, лишь бы существовал где бы то ни было, хотя бы в Западной Сибири, какой-то фронт, приковывающий германские силы до тех пор, пока они через год или два, добившись значительного превосходства в авиации, не смогут начать наступательные действия. Мы должны быть ослаблены настолько, чтобы не говорить слишком громко при заключении мира. Я поэтому в качестве следующего шага прямо пригрозил бы последствиями нынешней англо-американской стратегии и возложил бы на них ответственность за эти последствия»²⁰.

Ветеран советской дипломатии хорошо уловил главный смысл стратегии союзников, для которой, действительно, было важно не столько местоположение советско-германского фронта, сколько само его существование. Еще в июле 1941 года Черчилль писал своему военно-морскому командованию: «Выгоды, которые мы получим, если Россия сможет удержаться и продолжать войну, по крайней мере до наступления зимы, неисчислимы... Покуда они сражаются, не так уж важно, где проходит линия фронта»²¹.

Рекомендация Литвинова пойти еще дальше по пути угрожающих предупреждений в адрес Лондона и Вашингтона по сути вторила совету Майского. По редкому совпадению за день до Литвинова такое же предложение сделал и Гопкинс в разговоре с Майским 22 июля. Посол докладывал об этом в Москву следующим образом: «Гопкинс в порядке «мыслей вслух» стал задавать такой вопрос: «Не следовало ли бы т. Сталину как раз сейчас, во время лондонских совещаний, отправить Рузвельту строго личное послание, характеризуя опасность создавшегося положения и подчеркивая важность немедленного создания второго фронта». Однако, когда я прямо спросил Гопкинса, надо ли понимать его слова в том смысле, что он считает отправку подобного послания

желательным, Гопкинс развел руками и ответил: «И сам не знаю». Несмотря на всю эту игру, было видно, что Гопкинс считает отправку подобного послания желательным»²². Вполне возможно, что тем самым Гопкинс с помощью Сталина хотел подтолкнуть своего колеблющегося шефа к более активной поддержке операции «Кувалда» поскольку именно 22 июля англо-американские военные переговоры в Лондоне зашли в тупик из-за отказа англичан от этой операции. Однако Сталин не последовал советам Литвинова и Гопкинса, ограничившись (в послании от 24 июня) резким выговором одному Черчиллю, в котором он обоснованно видел главного виновника проволочек со вторым фронтом.

Но вернемся к мотивам западных союзников. Причины их пассивности в прямой схватке с вермахтом на том этапе войны в целом весьма очевидны. Сил, достаточных для массированного вторжения на европейский континент, в 1942 г. у них еще не было. «Кувалда» вряд ли привела бы к отвлечению существенных немецких сил с Восточного фронта, хотя могла бы создать проблемы для вермахта в более долгосрочном плане. К тому же основная тяжесть этой операции падала на англичан, которые были категорически против такого самопожертвования и следовали своей стратегии изматывания противника путем бомбардировок и ударов по периферии, прежде всего — пресловутому «мягкому подбрюшью» в Средиземноморье. Основы этой стратегии Великобритании были заложены еще в самом начале войны. В докладе КНШ «Общая стратегия» (июль 1941 г.) говорилось: «Германская армия настолько сильна, что даже если русские смогут удержать восточный фронт, она будет в состоянии встретить нас на западе такими силами, которые при нынешнем состоянии немецкой боеготовности и морального духа мы не сможем одолеть. Сначала мы должны разрушить основания, на которых держится эта военная машина — снабжающую ее экономику, поддерживающий ее моральный дух, поставки, которые ее питают, и надежды на победу, которые ее вдохновляют. Только после этого мы сможем вернуться на континент, оккупировать территорию противника и навязать ему свою волю»²³. В дальнейшем британское командование во главе с Черчиллем неуклонно следовало этой стратегии.

Рузвельт стремился избежать англо-американского раскола по вопросам «большой стратегии» и не мог не считаться с позицией англичан. Однако в этих вопросах он позволял Черчиллю «вести себя на буксире» (по выражению Литвинова)²⁴ еще и потому, что и сам стремился избежать больших потерь, связанных со вторым фронтом. Такие потери в наземных операциях без гаран-

тии их полного успеха были чреваты большими внутриполитическими осложнениями и грозили подорвать ту сравнительно щадящую модель военной мобилизации, которая лежала в основе подхода администрации к ведению войны. Согласно планам военного производства («Программа победы») уже в 1942 году Америка должна была произвести 45 тыс. самолётов, 45 тыс. танков и 20 тыс. зенитных орудий. Только после этого планировалось массированное вступление США в боевые действия на главном — европейском театре. «В таком случае, — подчёркивалось в «Общей стратегической концепции» армейских планировщиков, — не потребуются нарушать экономическую жизнь нашей страны путём резкого вывода рабочей силы из промышленности, транспорта, сельского хозяйства и т. п. Вместо этого мы сосредоточим главные усилия на создании военно-воздушных, военно-морских и десантных сил, которые не потребуют немедленной мобилизации огромного количества людей»²⁵. «...У нас было время подготовиться, пока другие воевали», — признавал в конце войны глава Управления военных исследований и разработок известный американский физик В. Буш²⁶. Вместо 215 дивизий, намеченных американским командованием в «Программе Победы» как необходимых для разгрома Германии, США в итоге обошлись менее чем сотней дивизий. В тотальной мобилизации не было необходимости, покуда (как писал Рузвельт Черчиллю в 1942 г.) «русские убивают больше немцев и уничтожают больше военной техники, чем мы с вами вместе взяли»²⁷. Неслучайно советник посольства СССР в США А. А. Громыко в своем письме в НКВД о позиции Белого дома по второму фронту (август 1942 г.) отмечал, что Рузвельт «не проявляет решительности» в этом вопросе и что «заставить американцев начать вести практическую немедленную подготовку к открытию второго фронта можно было бы, пожалуй, только в том случае, если бы англичане заняли решительную линию на открытие второго фронта в ближайшее же время»²⁸.

Что касается угрозы краха советско-германского фронта осенью 1942 г., то чутье подсказывало и Рузвельту, и Черчиллю, что Советский Союз выстоит. Этот психологический настрой во многом определял характер принимавшихся ими решений. «Я твердо уверен, что Россия продержится эту зиму», — писал президент премьеру в октябре²⁹. Черчилль еще в августе в ходе бесед со Сталиным (как он потом рассказывал Майскому) «не видел и не слышал ни одного слова, ни одного жеста, ни одного даже самого отдаленного намека на то, что Россия может не выдержать и выйти из войны. Железная сила и полная непримиримость к Германии». Визит премьера в Москву, писал

Майский Сталину в конце октября, еще больше укрепил веру Черчилля в то, что «СССР даже в самом худшем случае как-то «выдюжит», что спина у СССР крепкая»³⁰. Недаром Майский называл это веру «подосновой» всей политики Черчилля. Такая непримиримость Кремля делала маловероятным еще один кошмарный для союзников сценарий — сепаратный мир между СССР и Германией наподобие Брестского мира 1919 года. В сентябре Черчилль пришел к выводу, что «кампания Гитлера против России 1942 года станет для него большим разочарованием»³¹, а в ноябре поставил под вопрос предположение своего КНШ о возможном «выходе России из войны»: «Какие есть основания полагать, что Россия выходит из войны?» — сердито заметил он, добавив, что «военные эксперты Великобритании и Соединенных Штатов всегда ошибаются в отношении России»³².

Оптимизм премьер-министра поддерживался и имевшейся в Лондоне разведывательной информацией. Так, в середине августа англичане получили оценку ситуации под Сталинградом от главы чехословацкой военной миссии в Москве полковника Г. Пики, вывод которого гласил: «...Красная Армия удержит Сталинград, даже если немцам удастся выйти к Волге... Несмотря на большие потери в территории и живой силе на Дону и Кубани, боеспособность Красной Армии не подорвана, и Советы перейдут к контрнаступлению, как только им удастся надежно остановить наступление немцев»³³. В разведывательных кругах союзников считалось, что Пика «склонен смотреть на русскую ситуацию через розовые очки», но и сама британская разведка полагала, что даже в самом худшем случае Красная армия будет всё равно продолжать войну, оттягивая на себя основные силы вермахта. «Германия вряд ли выведет Россию из войны своими военными действиями в этом году, — говорилось, например, в обзоре британского ОКР от 18 сентября 1942 г. — ... Даже если она будет опять отброшена к линии Двина-Волга, у нее останется около 45 % военной промышленности и других ресурсов для поддержания вооруженных сил на уровне около половины от 1941 года. Даже если Россия потеряет Транс-Кавказский регион, ее ресурсов и запасов нефти хватит для продолжения войны, по крайней мере, до осени 1943 года»³⁴.

Что касается американской стороны, то Рузвельт смог узнать о положении под Сталинградом от своего эмиссара генерала П. Хэрли, побывавшего в середине ноября на участке Юго-Западного фронта. После встреч с командованием фронта, осмотра поля боев и захваченной немецкой техники он послал оптимистический отчет президенту, который стал для того первым прямым свидетельством о положении под Сталинградом. По возвращению своего эмиссара

в Вашингтон президент через посольство США в Москве передал для сведения Сталина следующую выдержку из своего письма к Хэрли: «Ваш великолепный доклад со всем тем, что Вы говорите о великолепных операциях и прекрасном моральном состоянии русских армий, доставил мне громадное удовольствие»³⁵. К середине октября Рузвельт стал получать регулярные сводки УСС и армейской разведки, целиком посвященные битве на Волге. Даже если русским не удастся удержать Сталинград, говорилось в одной из них, Красной армии уже удалось не допустить немцев к Каспию до наступления зимы³⁶.

Неудивительно, что для западных союзников риск собственных больших потерь представлялся более неприемлемым, чем пока еще гипотетический крах советско-германского фронта. В этом эгоизме, усиленном естественным для демократии стремлением к сбережению своего народа, в Москве видели нечто худшее: через призму повышенной идеологической подозрительности он воспринимался как сознательный курс на истощение и ослабление Советского Союза. Даже «западники» Майский и Литвинов, как уже отмечалось, не были исключением из этого правила. Что уж говорить о Сталине, который в октябре 1942-го телеграфировал Майскому: «У нас у всех в Москве создается впечатление, что Черчилль держит курс на поражение СССР, чтобы потом стовориться с Германией Гитлера или Брюнинга за счет нашей страны»³⁷. Майский осмелился не согласиться с вождем, доказывая, что поражение СССР не в интересах Великобритании, хотя объективно оно может стать следствием ее политики. Сталин частично согласился с анализом искушенного дипломата, хотя остался при своем мнении о лицемерии британского лидера: «Черчилль принадлежит, видимо, к числу тех деятелей, которые легко дают обещание, чтобы так же легко забыть о нём или даже грубо нарушить его... Что же, впредь будем знать, с какими союзниками имеем дело»³⁸.

Сталин регулярно информировал союзников о положении под Сталинградом, причем часто делал это самолично, не доверяя своему главному соавтору по переписке Молотову. Так, например, 3 октября он писал Черчиллю об ухудшении ситуации, подчеркивая большое превосходство немцев в боевой технике и особенно в воздухе³⁹. В те же дни армейская разведка США в своей еженедельной сводке сообщала о боях за Сталинград в необычно образном ключе: «Красная Армия теперь способна сражаться с немцами на равных в рукопашном бою. Удерживая оборону, она бьется за каждую улицу и каждый дом; немцам приходится дорого платить за каждую пядь захваченной земли»⁴⁰.

8 октября Черчилль информировал Сталина о новой приостановке северных конвоев, на сей раз — до января 1943 г., объясняя это плохой погодой и нуждами операции «Факел». Обо всей серьезности принятия такого решения в тот момент, когда под Сталинградом шли решающие бои, Майский предупреждал Э. Идена еще 27 сентября⁴¹. Черчилль стремился сгладить эффект от прекращения конвоев рядом иных инициатив, направленных на оказание помощи СССР — повторное предложение о размещении англо-американских сил на Кавказе (операция «Вельвет»), частичное удовлетворение советской заявки об отправке дополнительных истребителей «Спитфайер», а также реанимация излюбленной идеи Черчилля об операции в Северной Норвегии («Юпитер»).

Однако все эти предложения отнюдь не могли заменить собой второго фронта. Когда Литвинов на встрече с президентом Рузвельтом 7 октября напомнил ему об этом, ответом было замечание президента, что всеми будто бы признана невозможность высадки в Европе. «Я спросил, — продолжал в своем отчете Литвинов, — считает ли президент, что высадка вообще невозможна. Он ответил, что она станет возможной, когда будут ослаблены силы противника. Я указал, что в случае затишья на Восточном фронте Гитлер перебросит силы на запад, и тогда высадка будет еще менее возможна, чем сейчас. Президент стал неудовлетворительно говорить о том, что они делают то, что практически возможно, и что Гитлер почувствует также намеченный удар с фланга»⁴².

Так же, как и Черчилль, Рузвельт стремился хотя бы отчасти компенсировать проволочки со вторым фронтом дополнительными поставками военной техники, прежде всего истребителей. В послании Сталину от 11 октября президент обещал поставить дополнительно 300 самолетов, которые он с трудом выбил из своих военных. 13 октября Литвинов писал из Вашингтона: «В отношении снабжения у меня создалось впечатление, что президент хотел бы максимально удовлетворить наши требования и тем компенсировать нас за отсутствие второго фронта. Но и здесь он всецело в руках своих генералов и адмиралов, которые все больше и больше предъявляют требования для удовлетворения якобы собственных американских нужд»⁴³.

В октябре переписка Сталина с союзниками становится редкой и предельно лаконичной. Черчилля особенно обидел сталинский ответ от 13 октября на два его длинных послания от 8 октября: «Ваше послание получил. Благодарю». В Лондоне терялись в поисках объяснения этого загадочного ответа, не видя очевидного — критической ситуации под Сталинградом, не оставлявшей времени на другие дела. Именно в эти дни бои в районе ста-

линградских заводов разгорелись с невиданной силой, перерастая в рукопашные схватки, не затихавшие ни днем, ни ночью. Анализ сталинского архива показывает, что даже эти лапидарные отписки, адресованные союзникам, составлялись наспех, от руки Молотовым и лишь утверждались Сталиным⁴⁴.

Некоторая стабилизация ситуации под Сталинградом к середине ноября в сочетании с успешным началом операции «Факел» ослабили напряженность в союзных отношениях. Сталин, первоначально сомневавшийся в успехе «Факела», приветствовал его обнадеживающее начало. Тон его переписки с Черчиллем заметно потеплел. Премьер-министр, со своей стороны, также отвечал взаимностью. В черновике послания, датированном 22 ноября, он даже хотел было поделиться информацией своей разведки о результатах наступления советских войск под Сталинградом, полученной в ходе сверхсекретной операции «Ультра» — расшифровки радиосвязи вермахта с помощью взломанного германского секретного кода. Согласно этим данным, армия Паулюса получила приказ перейти к обороне и укрепить свой западный фланг⁴⁵. Однако британский КНШ посоветовал Черчиллю убрать данный параграф как утративший свою актуальность в связи с дальнейшим развитием событий на фронте, а также по причине особой секретности источника этой информации, «который Вы так ревностно оберегаете»⁴⁶. Послание осталось неотправленным.

Союзникам оставалось уповать лишь на то, что Красная армия выдержит страшный натиск германской военной машины. «Масштабное наступление на оккупированную Германией Европу может быть предпринято не ранее 1943 года, — признавалось во внутреннем отчете американской военной делегации по итогам лондонских переговоров с англичанами, — Тем самым, Россия останется практически один на один против всей мощи германской нации до тех пор, пока вновь не вмешается зима. В течение этого периода судьба всего остального союзного мира будет зависеть в основном от стойкости и боеспособности русской армии»⁴⁷. Американским военным вторили их британские коллеги: «В настоящее время, — говорилось в докладе КНШ «Американо-британская стратегия» от 30 октября, — русская армия является единственной силой, способной разгромить или хотя бы сдержать германскую армию. Великобритания и Америка не могут рассчитывать бросить вызов основным силам «оси» на суше. («Надеюсь, что Сталин не увидит этого», — в сердцах начертал на полях против этого абзаца Черчилль⁴⁸). В случае краха России Великобритания и Америка будут не только неспособны начать новые зарубежные

операции, но и с большим трудом смогут выполнять уже существующие обязательства.

Совершенно очевидно, что именно война в России быстрее всего подталкивает германскую мощь. Иными словами, русская армия является не только главным средством разгрома вермахта на суше, но и главным фактором, способствующим изматыванию Германии. Поэтому крайне важно стимулировать российское сопротивление путем увеличения поставок, военных действий против Германии в воздухе и на море, возможно — путем вовлечения в войну Турции и операций на Кавказе (имелась в виду операция «Вельвет» — *авт.*). Наши операции в 1943 году в Европе и на Тихом океане должны проводиться с учетом их вклада в продолжение русского сопротивления». Что касается масштаба самого этого вклада, то планы британского командования по-прежнему исходили из стратегии изматывания: «Несмотря на то, что наибольшую помощь России оказало бы крупномасштабное вторжение в Европу, мы вынуждены заключить, что единственным вариантом для нас является подрыв германской военной мощи путем разрушения промышленности и экономики Германии до такого вторжения. Основным средством достижения этой цели, помимо русских сухопутных сил, будут тяжелые бомбардировщики в сочетании с жесткой блокадой и операциями, предназначенными для максимально возможного растяжения сил противника». Соответственно на 1943 год планировались лишь ограниченные десантные операции в Сардинии и Сицилии, а возможность массированного десанта на севере Франции предусматривалась не ранее 1944 г.⁴⁹

К счастью для всех Объединенных Наций, Красная армия не только устояла, но и перешла в решительное наступление под Сталинградом. Просматривая в феврале свои мрачные прогнозы дальнейшего хода войны, сделанные в июле 1942 года после отмены операции «Кувалда», военный министр Г. Стимсон записал в своем дневнике: «Ясно, что от предсказанного тогда несчастья нас спасли: 1) неожиданная победа русских под Сталинградом, 2) огромное везение при высадке в Африке...»⁵⁰.

Наметившийся перелом в этой гигантской битве сразу же отразился на оценках ситуации военно-политическим руководством союзников. Еще накануне советского контрнаступления Черчилль раскритиковал планы своих военных на 1943 год как слишком негативные. Оставаясь в рамках стратегии «мягкого подбрюшья», он все же считал, что успешное начало «Факела» позволит союзникам уже в 1943 году произвести вторжение на основную территорию Италии или на юг Франции. Одной из основных причин необходимости активизации действий союзников

премьер-министр называл русский фактор: «Вряд ли можно предполагать, что русские удовлетворятся нашим лежанием на боку в течение всего 1943 года, в то время как Гитлер предпримет третью попытку их сокрушить»⁵¹. Однако военные стояли на своем, и 29 ноября — через десять дней после начала операции «Уран» — Черчилль высказался еще более категорично в ответ на новый доклад КНШ о будущей стратегии: «Ваш параграф 11 практически означает отказ от решительных усилий по открытию второго фронта в 1943 году. Я убежден, что мы должны планировать наступление на французском побережье в районе Канала или Бискайского залива и что в качестве ориентировочного срока следует назначить июль 1943 года. Судя по обстановке на русском фронте, Гитлер вряд ли сможет перебросить значительные силы с востока на запад. К тому же теперь ему приходится следить и за южным флангом Франции. Сражения на русском фронте уже серьезно повлияли на обстановку и могут изменить ее радикально»⁵².

Наконец, в специальном меморандуме для военного командования от 2 декабря Черчилль дал развернутую оценку новой ситуации на восточном фронте и ее последствий для планов союзников. «Последние крайне важные события изменили и продолжают менять исходные данные, на которых строилось наше мышление по обе стороны Атлантики. Русские не были разбиты или ослаблены в кампании 1942 года. Напротив, поражение потерпели Гитлер и германская армия, которая понесла тяжелейшие потери... Судьба великого сражения, продолжающегося под Сталинградом, еще не решена окончательно, но вполне вероятно, что русское наступление будет иметь далеко идущие последствия для германской мощи. Если окруженная под Сталинградом шестая немецкая армия будет уничтожена, наступление русских на южном фланге может достичь своей цели — освобождения Ростова-на-Дону. В таком случае положение трех германских армий, остающихся на Северном Кавказе и уже скованных русскими, может серьезно и даже непоправимо ухудшиться, что будет иметь неисчислимые последствия. Наступление русских в центральном секторе и их контратаки по всей линии фронта могут привести к отходу немцев на зимние позиции. Зима принесет ослабленным германским войскам новые огромные тяготы и лишения, несмотря на то, что сейчас они располагают лучшей системой железных дорог, чем прежде. К концу 1942 года мы сможем сделать один вполне определенный вывод — в 1943 году не произойдет никакой существенной переброски германских войск с Восточного на Западный театр военных действий (курсив в тексте — авт.). Это будет фактом первостепенного значения»⁵³.

Военная разведка США также подчеркивала огромное значение Сталинградской битвы, в том числе — «моральный эффект успешной обороны, превосходящей эпические Верден и Севастополь, которая, вполне возможно, станет поворотным моментом всей войны»⁵⁴.

Победа под Сталинградом создавала благоприятные возможности для активизации военных действий союзников против Германии, однако они выбрали другой, более щадящий для себя вариант. Завершающий этап Сталинградской битвы совпал с проведением англо-американской конференции в Касабланке (12–24 января 1943 г.). Сталин, как известно, вежливо уклонился от участия в ней, но не преминул при этом напомнить союзникам о втором фронте. Черчилль, получив от Майского это послание Сталина, заявил, что «понимает серьезность его мотивов», но сожалеет о невозможности проведения встречи «большой тройки», на которой он якобы хотел ратовать за скорейшее открытие второго фронта в 1943 г. вопреки сопротивлению американцев. «...У меня осталось впечатление, — сообщал в Москву Майский, — что американцы и англичане перекидываются вторым фронтом в Западной Европе, как мячом: когда Рузвельт настаивал на втором фронте в 1942 г., возражал Черчилль, а теперь, когда Черчилль высказывается за второй фронт в 1943 г., возражает Рузвельт. По существу же у обоих доминирует одна и та же идея — идея «легкой войны» для себя»⁵⁵.

Официально Сталинград в Касабланке не обсуждался, но, по тонкому наблюдению видного американского историка У. Кимбэлла, «понимание того, что победа там близка, создавало атмосферу, позволявшую участникам продолжить отсрочки со вторым фронтом и выбрать «Хаски» — вторжение в Сицилию»⁵⁶. Несмотря на некоторое сопротивление американских военных, решения конференции отражали основные приоритеты стратегии Великобритании — упор на дальнейшие операции в Средиземноморье, наращивание сил на британских островах для последующей высадки на европейский континент, усиление бомбардировок территории Германии и приоритет европейского театра военных действий по сравнению с тихоокеанским. Как хорошо понимали военные планировщики обеих стран, продолжение «средиземноморской стратегии» было несовместимо с масштабным вторжением на севере Франции. «Когда в Касабланке было решено продолжать средиземноморские операции, я знал, что форсирование Канала в 1943 году для решающего разгрома Германии... больше не состоится» — резюмировал итоги встречи начальник группы стратегического планирования США генерал А. Ведемейер⁵⁷. В феврале наступление союзни-

ков в Северной Африке захлебнулось, что грозило окончательно сорвать открытие второго фронта в 1943 году. «Все это пахнет плохо, — резюмировал в своем дневнике Майский. — Операции в Тунисе из-за последних поражений американцев затягиваются. Едва ли они закончатся раньше апреля. Значит, операции в Сред[иземном] море начнутся не раньше июня-июля. Операции нелегкие. Вероятно, они тоже затянутся, а главное, пойдут, надо думать, не гладко. Внимание англичан будет сконцентрировано на подброске подкреплений куда-нибудь в Сицилию или Додеканес. Тоннаж будет загружен отправкой снабжения за тысячи миль от Англии. С операцией через Ла-Манш британское правительство будет тянуть, примеряться, откладывать... Что же выйдет из второго фронта?»⁵⁸ Опасения Майского полностью оправдались. Как известно, в 1943 году из второго фронта действительно ничего не вышло.

Разгром немцев под Сталинградом был отмечен горячими поздравлениями Рузвельта и Черчилля в адрес Сталина. «Черчилль в полном восторге и даже умилении от Красной армии, — сообщал Майский о своей беседе с премьер-министром 9 февраля после завершения операции «Уран», — Когда он говорит о ней, на глазах у него появляются слезы. Сравнивая Россию прошлой войны и Россию (то есть СССР) нынешней войны, Черчилль говорил: «С учетом всех факторов я считаю, что новая Россия в пять раз сильнее старой». Слегка поддразнивая Черчилля, я с полусмехом просил: «А как Вы объясняете это явление?» Черчилль в таком же тоне мне ответил: «Если Ваша система даст счастье народу, я за Вашу систему. Впрочем, меня мало интересует, что будет после войны... Социализм, коммунизм, каттализм... Лишь бы гунны были разбиты»⁵⁹. Эти редкие откровения ненавистника советской власти сохранились для историков только в дневнике и телеграммах Майского.

Однако победа под Сталинградом вызывала на западе не только умиление. Несмотря на отсутствие Сталина в Касабланке, «растущая советская мощь, воплощенная в Сталинградской победе, — по словам У. Кимбэлла, — была подобно призраку в подвале — скрытой от глаз, но у всех на уме». «— После Сталинграда, — продолжает он, — обозначилась перспектива разгрома основных сил вермахта одной Красной армией без помощи союзников»⁶⁰. Резонанс окончания гигантской битвы на Волге был настолько оглушительным, что к середине февраля британский ОКР дал следующую оценку новой ситуации на советско-германском фронте: «Каковы бы ни были намерения или планы Германии, мы считаем, что настало время признать, что поражение, нанесенное ей в России, возможно, является невосполнимым. Для своей

кампании в России она создала самую большую и сложную военную машину из когда-либо существовавших. Эта машина была побита и повреждена до такой степени, что вряд ли может быть восстановлена... Мы считаем, что может возникнуть ситуация (и к ней нам следует быть готовыми), при которой Германия вообще окажется не в состоянии стабилизировать и удерживать линию фронта в России. Если это произойдет, то организованное немецкое сопротивление в России может рухнуть». Далее в докладе прогнозировались геополитические последствия этого краха: Германия будет всеми силами сдерживать «вторжение с востока» и может открыть фронт на западе (вплоть до «приглашения» англо-американских войск) в надежде на сепаратный мир с США и Великобританией; европейские сателлиты Германии будут один за другим выходить из войны, Румыния и Болгария подпадут под контроль Москвы и т. д. 22 февраля 1943 г. КНШ согласился «в принципе» с основным содержанием доклада, но сделал оговорку о том, что он «возможно, рисует слишком оптимистическую картину. Пока еще преждевременно с уверенностью предсказывать ход дальнейших операций в России»⁶¹. Эксперты УСС США также находили оценки британских коллег «чрезмерно оптимистическими»: «Ресурсы русского фронта сокращаются, — отмечали они в начале февраля 1943 г., — и начатое наступление не может долго продолжаться в том же масштабе». Если англо-американские военные усилия останутся ограниченными, делался вывод, то «Советы вряд ли смогут одержать решительную победу над Германией»⁶².

Эта британская оценка оказалась явно завышенной, но характерен сам факт радикального пересмотра прежних установок разведки союзников: всего за какие-то полгода ожидания «разгрома России» уступили место прогнозам краха германской военной машины⁶³. Таков был ослепительный эффект Сталинградской битвы. Американский публицист и участник событий Р. Шервуд отмечал: «Завершение грандиозной русской победы в Сталинграде изменило всю картину войны и перспективы ближайшего будущего. В результате одной битвы — которая по времени и невероятному количеству потерь была фактически равна крупной войне — Россия стала в ряды великих мировых держав...»⁶⁴. Дебаты в западных столицах на тему «выстоит ли Россия» сменяются спорами о том, как может распорядиться Советский Союз плодами своей грядущей победы.

Майский в депеше от 13 февраля выразительно описал это новое двойственное настроение в британском политическом истеблишменте, сложившееся после Сталинграда: «Очень хорошо, что русские так крепко бьют немцев — нам, англи-

чанам легче будет. Сэкономим потери и разрушения. Еще раз используем наш извечный метод — воевать чужими руками. Но, с другой стороны, нам, англичанам, боязно — а не слишком ли в результате усилятся большевики? Не слишком ли возрастет авторитет СССР и Красной Армии?

Не слишком ли подвигаются шансы „коммунизма” в Европе?»⁶⁵. В этом и состояла главная дилемма западных союзников — как разбить Германию «руками» Советского Союза, лишив его в то же время плодов победы? Попыткой решения станет холодная война.

¹ Feis H. Churchill-Roosevelt-Stalin: The War They Waged and the Peace They Sought. Princeton, 1957, p.94–95; Dallek R. Franklin D. Roosevelt and American Foreign Policy, 1932–1945. N.Y., 1979, p.371; Mastny V. Russia's Road to the Cold War. N.Y., 1979, p. 73–76.

² Kimball W. Stalingrad: A Chance for Choices // The Journal of Military History 60 (January 1996), p. 89–90.

³ From Moscow to MILID, September 27, 1942 // United States Military Intelligence Reports. Vol. 2. The Soviet Union, 1941–1944. Ed. by P. Kesaris. Bethesda, 1984–1985.

⁴ Запись беседы тов. И.В. Сталина с Уилки, 23 сентября 1942 г. // Сталинградская битва и ее геополитическое значение / под общ. ред. С.Е. Нарышкина, акад. А.В. Торкунова. М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 370.

⁵ W. Willkie. One World. N.Y., 1943, P. 36.

⁶ Strategic Policy of the United Nations and the United States on the Collapse of Russia, August 7, 1942 (JCS-85) // National Archives, College Park, Maryland (далее — NA), Record Group (далее — RG) 165, ABC 384, USSR (6–1–42); Measures in Event of Russian Collapse in 1942. Joint Psychological Warfare Committee, June 1, 1942 // NA, RG 218, Geographic File, 1942–1945, CCS 334 JPWC (3–18–42).

⁷ JCS 32nd Meeting, September 8, 1942 // NA, RG 165, ABC 384, USSR (6–1–42).

⁸ The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, JIC. (42) 200 (Final), June 1, 1942, P.10; Hollis to Prime Minister, 5 June, 1942 // The National Archives, Kew Garden, Richmond (далее - TNA), The Prime Minister Office (далее — PREM) 3/395/13.

⁹ The Possible Course of the Russian Campaign and Its Implications, P. 10.

¹⁰ Offensive Operations in 1942–1943. Combined Chiefs of Staff Minutes of 28th Meeting, June 20, 1942 // NA, RG 218, Geographical File 1942–1945, CCS 334(5–26–42); Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).

¹¹ September 24, 1942 // NA, RG 59, Central Decimal Files, Box 136.

¹² Memorandum for the President (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381(9–25–41), Sec. VII; Notes on the Letter of the Prime Minister to the President of June 20, 1942 // Ibid.

¹³ August 10, 1942 // H. Stimson Diaries, Library of Congress, Manuscript Division.

¹⁴ Churchill & Roosevelt: The Complete Correspondence. Vol. 1–3. Edited by W.Kimball (далее — Churchill & Roosevelt), Princeton, 1984, Vol. I. P.520.

¹⁵ General Ismay, for C.O.S.Committee, 8.11.42. // Churchill Archive Centre, Churchill College, Cambridge University, Chartwell Papers (далее — CHAR), 20/67.

¹⁶ Сталин — Майскому, 20 сентября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1983. Т. 1. С. 286.

¹⁷ Майский — НКВД, 16 июля, 1942 г. // Документы внешней политики СССР (далее — ДВП), Т. XXV. Кн. 2. Тула, 2010. С. 58–59.

¹⁸ И.М. Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 г. Сост. Ю. А. Никифоров, Л.В. Поздеева, О.А. Ржешевский; отв. ред. А.О. Чубарьян. М., Наука, 2009. С. 165.

¹⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее — Переписка). М., 1957. Т. 1. С. 54.

²⁰ Литвинов — Молотову, 23 июля 1942 г. // Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 059. Оп. 1. П. 368. Д. 2568. Л. 110.

²¹ Gilbert M. The Churchill War Papers. Vol. III. The Ever-Widening War 1941. London, 2000, P. 921.

²² Майский — НКВД, 22 июля 1942 г. // ДВП. Т. XXV. Кн. 2. С. 75.

²³ General Strategy. Review by the British Chiefs of Staff. July 31, 1941 // Library of Congress, H.Arnold Papers, Military Subjects, Box 202; см. также: А. Данчев. Стратегия не прямых действий // Союзники в войне. 1941–1945. Отв. ред. А.О. Чубарьян, У. Кимбэлл, Д. Рейнольдс. М., 1995.

²⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 28. Д. 327. Л. 7.

²⁵ Broad Strategic Concept for Allied Nations (n.d.) // NA, RG 165, ABC 381 (9–25–41), Sec. VII.

²⁶ Sherry M. Preparing for the Next War.America's Plans for Post-War Defense. P. 131.

²⁷ Churchill & Roosevelt, Vol. I. P. 441.

²⁸ Громыко — НКВД, 14 августа 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1984. Т. 1. С. 229–230.

²⁹ Churchill & Roosevelt, Vol. I. P. 643.

³⁰ Майский — Сталину, 23 октября 1942 г. // ДВП. Т. XXV. Кн. 2. С. 298.

- 31 Churchill to Wavell, 7th October, 1942 // CHAR 20/81.
- 32 Notes by the Prime Minister on C.O.S. (42) 345 (0) (Final) // TNA, PREM 3/499/6.
- 33 Czech Estimate of Russian Situation, 17 August 1942 // NA, RG 165, Military Intelligence Division Regional Files, 1922–1944, Union of Soviet Socialist Republics, Box 3141.
- 34 Basic Strategic Policy. Joint Intelligence Subcommittee, 18th Sept. 1942// TNA, CAB 81/110.
- 35 Гендерсон — Молотову, 14.XII.1942 // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 558. Оп. 11. Д. 364. Л. 141.
- 36 OSS N 55, October 22–29, 1942 // FDRL, President's Secretary's File 154.
- 37 Сталин — Майскому, 19 октября 1942 г. // Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 294.
- 38 Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. М., 2004. С. 378.
- 39 Переписка, Т. 1, С. 68.
- 40 The Situation on the Soviet German front from 15th August to 10th October, 1942 // NA, RG 165, Military Intelligence Division Regional Files, 1922–1944, Union of Soviet Socialist Republics, Box 3141.
- 41 Eden to Kerr, 28th September, 1942 // TNA, Foreign Office 954/3A.
- 42 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 1. П. 369. Д. 2509. Л. 39.
- 43 Литвинов — НКВД, 13 октября 1942 г. // Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 252–253.
- 44 РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 257. Л. 93.
- 45 Prime Minister to Premier Stalin, 22nd November, 1942 // TNA, PREM 3/393/7.
- 46 CIGS for Prime Minister, 23rd November, 1942 // Ibid.
- 47 Memorandum for the President, July 28, 1942 // NA, RG 165, Top Secret General Correspondence (Entry 15).
- 48 «American-British Strategy», 30 October, 1942 // TNA, PREM 3/499/6.
- 49 Ibidem.
- 50 July 25, 1942 // H. Stimson Diaries, Library of Congress, Manuscript Division.
- 51 General Ismay for C.O.S. Committee, 9.11.42 // TNA, PREM 3/499/6.
- 52 General Ismay for C.O.S. Committee, 29.11. 42 // Ibid.
- 53 Note by the Minister of Defence, December 2, 1942 //TNA, PREM 3/499/7.
- 54 JIC Daily Summary, 28 November 1942 // Franklin D. Roosevelt Library, Map Room Files 71.
- 55 Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1. С. 321.
- 56 Kimball W. Stalingrad: A Chance for Choices, p.113.
- 57 Wedemeyer A. Wedemeyer Reports! N. Y., 1958. p.192.
- 58 И. М. Майский. Дневник дипломата. Лондон, 1934–1943, кн. 2, ч. 2. С. 227–228.
- 59 Майский в НКВД, 9 февраля 1943 г. // АВП РФ. Ф. 059а. Оп. 7. П. 13. Д. 6. Л. 222, 224. Впервые опубликовано в: Новые документы из Архива МИД России // Международная жизнь, 2001, №8, С. 68–70.
- 60 Kimball W. Forged in War. Roosevelt, Churchill, and the Second World War. Chicago. P. 190.
- 61 The German Military Situation. Report by the Joint Intelligence Sub-Committee, February 15, 1943; The German Military Situation. Report by the Chiefs of Staff, February 22, 1943//TNA, CAB 66/34.
- 62 Kahn M. From Assured Defeat to the „Riddle of Soviet Military Success“: Anglo-American Government Assessments of Soviet War Potential 1941–1943. // The Journal of Slavic Military Studies, vol. 26, N 3 (2013), p. 479.
- 63 Подробнее об этом пересмотре см.: Kahn M. Op.cit. P. 481–484.
- 64 Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца. М.: Изд-во иностр. лит-ры, 1958, В 2-х т. Т. 1, с.
- 65 АВП РФ. Ф. 059. Оп. 10. Д. 55. Л. 111–104. В сокращенном виде этот документ опубликован в сборнике «Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Т. 1. С. 336–340.

Международное значение Сталинградской битвы

А. А. Ахтамзян*

В дни 70-й годовщины Сталинградского сражения не только историки и публицисты, но и граждане обеих стран — России и Германии — вновь и вновь обращаются к событиям того времени. При этом они все больше уделяют внимание отдельным эпизодам и судьбам отдельных людей, оказавшихся участниками бойни (большей частью не по своей воле, одни — по злой воле бесноватого фюрера, другие — для защиты своей земли от захватчиков). К сожалению, это существенное различие между советскими и германскими солдатами за «давностью лет» все более нивелируется, особенно усилиями с западной стороны. Даже профессиональные историки в Европе и Америке все более склонны эту грандиозную битву сводить к столкновению амбиций «двух диктаторов». Конечно, это была война не двух диктаторов, а двух коалиций, двух миров, разных идеологий. Война советского народа против нацистской Германии была действительно Отечественной войной против агрессора. Это важно отметить и сегодня не только из соображений воспитания патриотизма у нового поколения соотечественников, но и для утверждения исторической правды.

В то же время народы, мечтая о «вечном мире», не могут жить в вечной вражде. Очевидно, необходимо примирение народов, но непременно при условии не предавать забвению уроки истории. События 1941–1945 гг. до сих пор дают много пищи для размышлений, особенно народам России и Германии. Сталинградская эпопея поучительна во многих отношениях, начиная с военно-стратегических оценок и кончая переживаниями и страданиями рядовых солдат обеих противостоявших армий.

После первого крупного поражения вермахта в ходе второй мировой войны в сражении под Москвой на направлении «Центр», а также удавшегося агрессору блокирования Ленинграда, германское командование, сохраняя угрозу возобновления наступательных операций в «Центре», принимает решение сосредоточить силы на южном направлении и нанести удар с целью захватить Сталинград и перерезать жизненно важную для России артерию Волгу, отрезать от Москвы кавказские нефтяные источники, создать угрозу вторжения вермахта на Средний Восток и далее.

На сравнительно небольшом пространстве (100 тыс. кв. км!) и в то же время в бескрайней (с точки зрения одного человека) степи между Доном и Волгой были сосредоточены миллионные группировки войск на каждой стороне с большим количеством техники и вооружений (см. таблицу № 1). Именно на этом безлесном пространстве и развернулось грандиозное сражение, продолжавшееся несколько месяцев: с 17 июля 1942 до 2 февраля 1943 г.

Сталинградское сражение вошло в историю XX века как самое крупное по масштабам и по своим последствиям сражение не только Великой Отечественной, но и всей Второй мировой войны. Это сражение имело решающее значение не только для хода войны на советско-германском фронте, но и для изменения соотношения сил в Европе. Тогда же советское правительство оценило исход сражения как коренной перелом в ходе войны. Советские историки и историки-международники провели на протяжении десятилетий обстоятельные исследования, результаты которых опубликованы в виде монографий и многотомных публикаций по истории Второй мировой войны¹. Казалось бы, и военно-strate-

* Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович — д. и. н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.

гические и международно-политические итоги этой битвы получили всестороннее освещение в научной литературе.

Однако и теперь спустя семь десятилетий после события и окончания второй мировой войны в странах Европы и Америки (США) наблюдается тенденция к пересмотру итогов основных сражений этой большой войны, к преуменьшению роли Советского Союза в разгроме германской армии, хотя бы частичной реабилитации германских генералов. Например, Военно-исторический исследовательский институт, находившийся во Фрайбурге (ФРГ), подготовил книгу «Сталинград», которая вышла в Мюнхене в 1992 г.², а затем в переводе на русский язык в Москве в 1994 г. В этой книге имеется признание этого события как одного из «величайших сражений», но в то же время делаются «оговорки». В предисловии за подписью бригадного генерала д-ра Гюнтера Рота сказано: «Конечно, Сталинградская битва, завершившаяся победой Красной Армии, не была сражением, решившим исход войны». Германские генералы, по острому замечанию У. Черчилля, проигравшие Вторую мировую, взяли реванш в мемуарах, возложив всю вину на А. Гитлера.

В данном очерке автор намерен проанализировать не только оценки советской (российской) историографии, но и отклики на Сталинградское сражение в странах антигитлеровской коалиции, а также военно-стратегические и морально-политические последствия поражения на Волге для Германии.

Прежде всего отметим, что к осени 1942 г. под оккупацией держав «оси» находилось примерно 500 млн человек на территории почти в 13 млн кв. км. В распоряжении нацистской Германии были ресурсы и промышленный потенциал более 10 стран Европы, в том числе Австрии, Венгрии, Румынии, Франции, Чехословакии и Польши. Летом 1942 г. фашистский блок сосредоточил на восточном фронте значительные силы: 266 дивизий общей численностью 6,2 млн человек, располагавших соответствующей техникой, более 5 тысяч танков, более 50 тысяч орудий и минометов и 3,5 тыс. самолетов. Советский Союз смог в течение года мобилизовать и вооружить 390 стрелковых и кавалерийских дивизий. Войска имели 7350 танков и САУ, около 78 тысяч орудий и минометов, более 4,5 тыс. самолетов. Очевидно, что хотя и имелось некоторое численное преимущество, его было далеко не достаточно для развертывания стратегических наступательных операций, тем более по всему фронту.

Красная армия вела упорные оборонительные бои, а на южном фланге вынуждена была отступить под натиском фашистского блока, начавшего летом 1942 г. наступление на южном направлении

с целью достичь Волги в районе Сталинграда и перерезать жизненно важную транспортную артерию. На сталинградском направлении германское командование сосредоточило войска численностью более одного миллиона солдат, располагавшей более 10 тыс. орудий и минометов, 675 танками, более 1200 самолетов. Еще весной 1942 г., сразу после поражения под Москвой А. Гитлер подписал директиву № 41 («План Блау» или «Голубой план»), которая предписывала на севере взять Ленинград, а на южном фланге осуществить прорыв к Волге, а далее на Кавказ, чтобы захватить нефтяные источники. Весной 1942 г. А. Гитлер во время посещения группы армий «Юг» в узком кругу сказал: «Если я не получу нефть Майкопа и Грозного, то буду вынужден закончить эту войну».

Советское командование не исключало возможности возобновления наступательных операций вермахта на направлении «Центр», т. е. на Москву, однако взвешивало и возможное наступление германских войск на юге, где шло сосредоточение значительных сил вермахта. Оно держало на Сталинградском, Донском и Юго-Западном фронтах более 1 млн человек, 15,5 тыс. орудий и минометов, 1460 танков и 1350 боевых самолетов. Несмотря на некоторое превосходство (относительно не пятикратное, как утверждают некоторые публицисты сегодня в России), советские войска не смогли удержать оборонительные рубежи и отходили к Сталинграду с лета 1942 г. Собственно решение о подготовке контрнаступления на этом направлении было принято еще 13 сентября 1942 г. после доклада генералов Г.К. Жукова и А.М. Василевского в Ставке. План скрытной подготовки контрнаступления и операции по окружению германских войск под кодовым названием «Уран» был разработан и утвержден к концу сентября. План контрнаступления со среднего течения Дона на Ростов получил название «Сатурн».

Группа армий «Б» в составе 6-й и 4-й танковых армий вермахта, а также 8-я итальянская армия, румынские армии уже в конце сентября продвинулись к Сталинграду. Хроника обороны Сталинграда свидетельствует, что советские войска героически сражались, вели ожесточенные бои не только за каждый участок на берегу Волги, но и за каждый квартал, за каждый дом в городе, расположенном на протяжении 24 километров вдоль Волги. В ставку Гитлера под Винницей 12 сентября 1942 г. прибыли командующий группы армий «Б» Вейс, а также Гальдер и Паулюс. Фюрер поставил задачу в короткий срок захватить Сталинград. На вопрос, сколько времени потребуется для решения задачи, генерал Ф. Паулюс ответил: десять дней плюс две недели для перегруппировки. 13 сентября началась «первая фаза» наступления: атакован Мамаев курган (высота 102). Две пехот-

ные дивизии должны были «одним рывком» выйти к Волге. Накануне армада «мессершмитов» атаковала позиции советских войск. Один немецкий ефрейтор отписал домой: «Трудно поверить, что после этого налета хотя бы одна мышь осталась жива». В тот же день, узнав от А. Еременко о ситуации в Сталинграде, И. В. Сталин распорядился перебросить 13 гвардейскую дивизию (10 тыс. человек) под командованием А. И. Родимцева «на подмогу» В. Чуйкову, который удерживал высоту 102 от натиска 295 пехотной дивизии вермахта. 14 сентября две пехотные дивизии противника прорвались к центральному вокзалу, а затем к городскому водоканалу. В тот день вокзал три раза переходил из рук в руки. Как видим, сражение за город уже с сентября приняло ожесточенный характер. Вечером 16 сентября на стол И. В. Сталину легла шифровка генштаба — радиосообщение из Берлина: «Несокрушимые германские войска захватили Сталинград. Россия разрезана на две части — север и юг — и скоро прекратит свое существование как суверенное государство». И. Сталин тотчас отдал приказ: немедленно доложить обстановку в Сталинграде, дать прямой и правдивый ответ на вопрос: «Действительно ли город захвачен немцами?» Генерал Ф. Паулюс 26 сентября доложил в Берлин: «Боевое знамя рейха развевается над зданием сталинградского обкома партии!»

В действительности защитники города вели беспрецедентную оборонительную войну в городе. В данный момент переброска дивизии А. В. Родимцева сыграла решающую роль. Советские солдаты выстояли, хотя и ценой больших потерь. Из дивизии Родимцева остались в живых к концу сражения всего 320 человек. Командующий не раз давал пример личного мужества. Девизом солдат стали его слова: «За Волгой для нас земли нет». Ожесточенные бои на территории заводов «Баррикады» и «Красный Октябрь» начались 5 октября. 10 октября германские войска захватили Тракторный завод и вышли к берегу Волги на участке в 2,5 км. Часть подразделений 62-й армии оказалась отрезанной от основных сил. На следующий день германские войска, захватив южную часть завода «Баррикады», также вышли к берегу Волги, правда, на узком пространстве. Наша 62-я армия оказалась рассеченной на три части. В речи в Мюнхене 9 ноября А. Гитлер заявил: «Сталинград почти взят!» Подразделения советских войск понесли большие потери, продолжали сражаться за каждую пядь земли и за развалины. Многие подразделения были буквально прижаты к Волге и продолжали упорное сопротивление. Символом стойкости советского солдата стал легендарный Дом Павлова. Особенно ожесточенные бои шли на Мамаевом кургане, обозначенном на картах как

высота 102. Ожесточенные оборонительные бои шли вплоть до 19 ноября, когда на северном фланге фронта после массовой артиллерийской подготовки началось наступление Красной армии.

Это наступление начали войска Юго-западного фронта, которым командовал генерал Н. Ф. Ватулин, рано утром 19 ноября 1942 г. севернее Сталинграда. Они прорвали фронт на участке, где наряду с германскими войсками стояли румынские части. На следующий день последовал удар советских войск южнее Сталинграда. Левое крыло Сталинградского фронта, которым командовал генерал-полковник А. И. Еременко пошло в наступление, одновременно приведены в движение войска Донского фронта под командованием генерал-полковника К. Рокоссовского. Германское командование не сумело верно оценить обстановку и значение прорыва советских войск. Наши танковые корпуса пошли к Дону, за ними шли стрелковые дивизии, которые заняли Калач, а затем хутор Советский. 23 ноября кольцо замкнулось. Образовались как бы внутренний фронт и внешний фронт. В окружении оказались 22 германские дивизии и отдельные части противника общей численностью более 300 тысяч человек. В ошеломленных (в старорусском смысле слова) войсках противника, в особенности в румынских частях, началась паника. Кольцо неумолимо сжималось, пространство между внутренним и внешним фронтами увеличивалось, а возможности прорыва изнутри уменьшались. Уже к 30 ноября положение германских войск стало критическим.

Верховное командование вермахта оказалось не в состоянии адекватно реагировать на свершившийся факт: в котле оказалась 6-я армия под командованием генерала Ф. Паулюса, которую А. Гитлер считал надежной элитной армией. Фюрер присвоил Ф. Паулюсу звание генерал-полковника 30 ноября и приказал оставаться в котле в ожидании поставок необходимых боеприпасов, продовольствия и горючего по «воздушному мосту». Офицерам генштаба не стоило большого труда доложить, что для 6-й армии ежедневно требуется около 700 тонн грузов. Авиаторы тотчас сообщили, что они могут перевозить максимум до 350 тонн в сутки. Однако в действительности имевшимися на этом направлении самолетами они могли поставлять около 100–150 тонн в день. 350 тонн смогли забросить только один раз. Обстановка все более усложнялась. Имели место и курьезы, когда вместо хлеба и мяса доставили большую партию перца. Германскую армию еще с лета поразила дизентерия, в том числе лично Ф. Паулюса, с конца ноября силы подрывало недоедание, а затем и голод в полном смысле слова. Немецкие врачи сначала ставили диагноз «неизвест-

ная болезнь», а затем — «дистрофия». Важным фактором гибели солдат 6-й армии стал «генерал Мороз».

В тот день, когда началось наступление Красной армии, т. е. 19 ноября, А. Гитлер находился в Бергхофе ок. Берхтесгадена в ожидании сообщения, что русские капитулировали в Сталинграде. Однако генерал Цейтцлер сообщил из Растенбурга, где находился штаб вермахта, что русские прорвали фронт на участке, где стояли румынские войска. Первым делом фюрер распорядился взять под арест генерала Хейма, командующего 48-м танковым корпусом, чтобы, очевидно, возложить на него всю ответственность. На следующий день он отдал приказ фельдмаршалу Манштейну сформировать группу армий «Дон». В дневник военных действий какой-то умник внес запись, что русские начали наступление, которое давно предвидел фюрер. Однако вскоре пришлось внести в дневник формулу «временное окружение» 6-й армии, которой предписано «твердо удерживать позиции». В этот момент командующий 6-й армии Ф. Паулюс и начальник штаба Шмидт вынуждены были принять решение переместить свой штаб из Голубинской и двигаться к Ново-Чирской. Замысел состоял в том, чтобы установить взаимодействие с группой армий «Б». Верховное командование, однако, рекомендовало оставаться у Волги, удерживать Сталинград. Оно подчинило Паулюсу войска генерала Гота, действовавшие к югу от Сталинграда. 22 ноября генерал Гот прибыл в штаб Паулюса. Главной проблемой стало снабжение армии в окружении продовольствием, боеприпасами и горючим, без которого танки и иная техника представляли собой много тонн железа.

Из Берлина последовали заверения, что всем необходимым будут снабжать по воздуху. Командующий 8-м воздушным корпусом генерал Мартин Фибинг, однако, сообщил Паулюсу по телефону: «Мы не можем по воздуху снабжать целую армию. У люфтваффе нет для этого средств». На обращение начальника штаба Шмидта к командованию группы армий «Б» генерал Зоденштерн лаконично ответил: «У нас нет сил их (русских) остановить... Спасайтесь сами». В первые дни окружения Шмидт, которого все чаще посещала мысль, что их ждет судьба Наполеона, говорил: «Мы все хотим вырваться из кольца». Штаб 6-й армии разместился в Гумраке. Отсюда 22 ноября в 19 часов Паулюс отправил донесение, которое начиналось словами: «Армия окружена...». В 23 часа пришла радиограмма фюрера: «6-я армия временно окружена», он (фюрер) вызовет ее «из беды». Штаб Паулюса все еще продумывал план прорыва на юго-западном направлении.

Гитлер заверил военных: «Мы нашли выход». Вероятно, он имел в виду «воздушный мост», по

которому якобы будут ежедневно перевозить по воздуху 500 тонн грузов (при потребности в 700 тонн). Он полагался на заверение Геринга, что люфтваффе обеспечит окруженных всем необходимым. Однако очень скоро выяснилось, что транспортные самолеты не могут перебрасывать необходимое количество продовольствия, боеприпасов и горючего. Кроме того, не были приняты во внимание возможности советской авиации, да и артиллерии сбивать транспортные самолеты противника.

Рано утром 24 ноября штаб Паулюса получил приказ удерживать во что бы то ни стало позиции на берегу Волги. Амбиции Гитлера были поставлены выше жизни сотен тысяч солдат. Генерал люфтваффе записал в своем дневнике, что с мнением генералов фюрер просто не считается, что генералы поставлены в положение высокооплачиваемых фельдфебелей.

Окруженная армия несла потери не только на поле боя (численность подобранных на поле боя превысила 140 тысяч), но и умершими от истощения и от болезней. В антисанитарных условиях разносчиками болезней (сыпной тиф) стали вши. Врачи попытались выработать свое средство против сыпняка, однако позже о «достижении», похоже, не было речи. Уже к январю вермахт потерял 50 тысяч убитыми, а затем в январе еще 100 тысяч. В середине декабря некий В. Хоффман из 94 пехотной дивизии записал: «Лошади давно съедены. Я бы съел и кошку».

Три недели после начала советского наступления и даже после того, как кольцо прочно замкнулось, официальные сообщения в Германии сводились к тому, что русские под Сталинградом и в самом городе несут большие потери в результате боевых действий вермахта. Только 8 декабря из официальной информации можно было понять, что советские войска прорвали фронт южнее Сталинграда. Однако об окружении целой армии публично не было сказано ни слова. Так немцев держали в неведении вплоть до января 1943 г. В войска была пущена приписываемая Паулюсу фраза: «Держитесь! Фюрер спешит нам на помощь». В узком кругу Ф. Паулюс однако говорил в те дни: «Я знаю, что военная история уже вынесла свой приговор». Очень быстро исчезла иллюзия, что группа армий «Дон» под командованием фельдмаршала Манштейна прорвет кольцо окружения.

Генерал-фельдмаршал (с 1942 г.) Эрих фон Манштейн (первоначально подлинное имя Фридрих фон Левински. Дело в том, что после смерти родителей его усыновил крупный землевладелец Георг фон Манштейн и дал ему свою фамилию). В день прибытия в штаб группы армий «Б» 24 ноября фельдмаршал отметил свое 55-летие. К это-

му времени между позициями группы армий «Б» и войсками группы «А» на Северном Кавказе образовалась брешь шириной в 150 км. Штаб-квартиру устроили в Новочеркасске, поставив часовыми казаков в меховых шапках, но в униформе вермахта. Фельдмаршал Э. Манштейн слыл большим авторитетом в среде генералов. В 1942 г. он успел отличиться в захвате Крыма и в блокаде Ленинграда. В узком кругу он высказывался презрительно относительно Геринга и Гиммлера и даже давал понять, что в его жилах, возможно, есть и еврейская кровь, что не мешало ему отдавать приказы о репрессиях против евреев. Жена его боготворила фюрера, а собачка-такса при возгласе «Хайль Гитлер!» поднимала переднюю лапу как знак наци-приветствия. Несмотря на все амбиции, Манштейну не удалось спасти 6-ю армию.

План спасения 6-й армии, разработанный в штабе Манштейна, получил название «Зимняя буря». Он предусматривал прорыв на двух направлениях с целью проложить два коридора: от Котельникова и от плацдарма на реке Чир. По приказу Гитлера «Об освобождении окруженной группировки под Сталинградом» от 10 декабря 1942 г. танки генерала Гота пошли на север (12 декабря), 6-я танковая дивизия преодолела 30 км и форсировала речку Аксай. Немецкие танки дошли до Верхне-Кумска. Однако операция была сорвана контрударом советских войск.

Советское командование реагировало быстро и эффективно. Оно решило начать выполнение плана «Сатурн» в новой версии или варианте — «Малый Сатурн». 19 декабря три советские армии вышли в тыл группировки Манштейна, разгромив итальянскую армию. Манштейн попытался ввести в действие план «Удар грома», но не добился успеха. Позже Манштейн, конечно, свалил все на Гитлера, который де обрек армию Паулюса на гибель, чтобы сковать семь советских армий. Фюрер был уверен, что Паулюс будет стоять до конца, а в конце пустит себе пулю в лоб и возьмет на себя всю ответственность за поражение. Однако Ф. Паулюс выбрал иной путь, осознав коварство фюрера, но от звания фельдмаршала не отказался.

В ночь с 15 на 16 декабря 1942 г. Волга оказалась скованной льдом так, что стало возможным проложить с восточного берега дорогу, по которой можно было доставлять продукты бойцам на правом берегу и вывозить раненых. По настилу пошли машины и артиллерийские орудия, которые нужны были для того, чтобы выбить немцев с территории завода «Красный Октябрь», превращенного немцами в бастион. Солдат по очереди стали отпускать на другой берег для краткого отдыха, особенно ценна была русская баня. Немецкие солдаты еще до окружения ждали, что им привезут финские сауны, но так и не дождались.

19 декабря генерал Чуйков в первый раз за все время отправился пешком на другой берег и с середины реки увидел «панораму» разрушенного города. На обратном пути генерал попал в полынью, но был спасен. Немецкие солдаты в середине декабря стали умирать от «неизвестной болезни», как писали врачи, чтобы не писать «от голода». Счет умерших от дизентерии, гепатита и сыпного тифа шел уже не на сотни, а на тысячи.

К концу декабря была подготовлена операция «Кольцо». Представитель Ставки генерал-полковник Н. Н. Воронов доложил И. В. Сталину об обстановке. Руководство операцией «Кольцо» И. В. Сталин возложил на командующего Донским фронтом К. Рокоссовского, в распоряжении которого были 47 дивизий общей численностью 218 тысяч человек при 5,5 тыс. полевых орудий и 200 танках. Начало операции было назначено на 10 января 1943 г. За несколько дней до начала заключительной фазы разгрома германской группировки, 6 января Ф. Паулюс писал в донесении Цейтцлеру: «Армия голодает и мерзнет. Солдаты раздеты, разуты, а танки превратились в груды бесполезного металла». Перед началом операции по уничтожению остатков 6-й армии советское командование направило своих парламентариев с ультиматумом германскому командованию, апеллируя к здравому смыслу и возможности сохранения тысяч жизней. Однако 9 января повторное обращение было отвергнуто. Ф. Паулюс находился в это время в состоянии глубокой депрессии. Приближенные к штабу старались не замечать тик левой щеки. Своему окружению (один из офицеров пытался сослаться на примеры военной истории) он кратко сказал: «Мертвых не интересует военная история». 22 января из Берлина поступил приказ: «О капитуляции не может быть и речи. Войска должны стоять до последнего». 30 января А. Гитлер присвоил Ф. Паулюсу звание генерал-фельдмаршала, дав понять, что германские фельдмаршалы в плен не сдаются. Еще раньше А. Гитлер пытался играть на честолюбии Ф. Паулюса: в конце ноября 1942 г. он присвоил ему звание генерал-полковника, а 15 января наградил Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

В период с 10 января до 2 февраля попали в плен и сдались более 90 тыс. солдат и офицеров вермахта, в т. ч. 2500 офицеров и 24 генерала. 31 января 1943 г. генерал-фельдмаршал Фридрих Вильгельм фон Паулюс вместе со своим штабом, находившимся в подвале здания универмага, сдался в плен. Однако он отказался подписать приказ войскам сложить оружие, сославшись на то, что отныне он не командующий. Так полным разгромом германской армии к 2 февраля 1943 г. закончилось Сталинградское сражение, продол-

жавшееся 200 дней на площади в 100 тыс. кв. км. Наибольшие потери понесла германская армия в период с 19 ноября 1942 г. до 2 февраля 1943 г. На полях сражений остались 140 тысяч трупов. 3 февраля берлинское радио передало специальное сообщение о «прекращении боев в Сталинграде». Последовали аккорды из оперы Рихарда Вагнера «Риенци», которую А. Гитлер особенно высоко ставил, связывая с ней начало своей политической карьеры. В Германии был объявлен трехдневный траур, прекращены увеселения. Объявленные еще в январе меры «тотальной войны» введены в действие согласно указу от 13 января «О поголовном привлечении трудоспособных мужчин и женщин к выполнению задач по обороне рейха». Последовали репрессии против недовольных нацистским режимом. Особые меры были приняты в отношении семьи Ф. Паулюса.

До сих пор (странно, что не только в Германии, но и в России) не утихают споры по поводу того, чем же было поражение вермахта в Сталинграде. Перед лицом неоспоримого факта самого крупного поражения вермахта во Второй мировой войне некоторые публицисты все еще высказывают сомнения в решающем значении этой победы Красной армии для дальнейшего хода войны. Сегодняшние «знатоки» стратегии и истории войн в России утверждают, что нашли «новый подход» к оценке событий того времени и «смело» ставят вопрос: «А какова цена победы? Сколько людей погибло?» При этом бросают упрек «бездарному» командованию Красной армии, которое якобы было лишено стратегического мышления (см. А и Ф № 4, 2003). Ставить, как говорят, на одну доску «двух диктаторов», это по меньшей мере безнравственно. Для Советского Союза (читай для России) эта война и каждое ее сражение были борьбой не на жизнь, а на смерть. Со стороны Германии эта война была войной на уничтожение России как государства. Только с учетом этих определяющих характер войны факторов можно дать верную оценку «цены победы». Как писал о войне А. Твардовский, «бой идет не ради славы, ради жизни на Земле».

Советские (российские) военачальники — участники Великой Отечественной войны (сегодня это генерал армии М. А. Гареев и генерал армии В. И. Варенников), да и профессиональные военные историки в своих исследованиях и публицистических выступлениях взвешенно оценивают и военно-стратегические, и морально-политические факторы Сталинградского сражения, не умалчивая об ошибках и просчетах командования, о тяжелых потерях нашего народа. Мне представляется, что решающее значение имеет объективный анализ соотношения материально-технических ресурсов, правильности или ошибочности

стратегических замыслов воюющих сторон и морально-политического фактора.

Неоценимое значение имело обеспечение фронта техникой и боеприпасами. Известно, что были проложены дополнительные железнодорожные пути к Волге, причем рельсами, которые были доставлены из Сибири, где ранее была начата прокладка Байкало-Амурской магистрали. При подготовке контрнаступления по железным дорогам было доставлено 142 тысячи вагонов с войсками, техникой и боеприпасами. На каждого солдата на фронте должны были работать по семь человек в тылу. Решающее значение для обеспечения войск на фронте имело налаживание производства техники и боеприпасов на заводах, которые в 1941 году были эвакуированы из западных районов (да и из Москвы) за Урал. За короткий срок были вывезены и начали работу прямо под открытым небом почти 1,5 тысячи заводов. К зиме лишь появилась крыша над головой рабочих, производивших танки, самолеты, орудия. Разве было бы возможно производить в большом количестве оружие, если в предвоенное время не была проведена индустриализация страны, не налажено производство станков, моторов, машин, металла?..

Летом 1942 г., когда германская промышленность выпускала 500 танков в месяц, А. Гитлер спросил Гальдера: сколько танков могут производить советские заводы? Гальдер ответил, что по его оценкам примерно 1200 танков в месяц. Гитлер взорвался от злости: «Это возмутительно! Это попросту невозможно!» В действительности уже в 1942 г. наши заводы довели выпуск танков до 2 тысяч в месяц. Авиационные заводы строили и отправляли на фронт примерно такое же количество боевых самолетов: в 1942 г. они дали фронту 25 тысяч самолетов. Налаживание производства вооружения и техники было великим подвигом народа, однако без сталинской дисциплины это едва ли стало бы возможным.

Ни военачальники, ни историки нашей страны никогда не утверждали, что в итоге Сталинградского сражения или даже в ходе Курской битвы был предreshен исход войны. Предстояли еще крупные кровопролитные сражения, однако произошел действительно коренной поворот в ходе войны: нацисты утратили стратегическую инициативу, хотя летом 1943 г. еще попытались ею овладеть вновь. Полагаю, что оценка маршала Советского Союза Г. К. Жукова, одного из основных организаторов победы в Сталинграде, сохранит свое значение навечно. Он так оценил значение Сталинградского сражения: «С этого момента советское командование полностью овладело стратегической инициативой и удерживало ее до самого окончания войны»³.

В западной историографии наряду с признанием грандиозности масштабов и беспрецедентности Сталинградского сражения имеются тенденции не очень широко говорить об этом, особенно по прошествии десятилетий, но выискивать «теневые стороны» победы Красной армии. Это и жестокость спецотрядов НКВД, позже названных СМЕРШ, в отношении своих же солдат. Такая тенденция просматривается в книге Э. Бивера⁴. Представляется тенденциозным и его утверждение об участии 50 тысяч попавших в плен советских граждан в составе германской армии именно на этом фронте. Известно, что осенью 1942 г. германские власти начали формирование легионов, но их применение на фронте маловероятно. Очевидно, имеется в виду использование голодных и раздетых пленных на вспомогательных работах, особенно на земляных работах в зоне боевых действий. В западной историографии в 90-х годах обильно используются свидетельства германских «сталинградцев» (именно так их называют), которые считают причиной катастрофы не авантюризм Гитлера и его генералов, а коварство русских, которые де заманили германскую армию в Сталинград как в «ловушку» (в западню) и жестоко расправились с ней. Особенно жалуются оставшиеся в живых на суровые русские морозы, на отсутствие теплой одежды. Они ссылаются и на факты: русские имели полушубки и валенки, а немцы получили перед окружением поношенные шерстяные вещи и даже несколько дамских шуб, очевидно, добытых мародерами.

Чем больше проходит времени после события, тем больше появляется попыток подправить, исказить, фальсифицировать реальную картину под предлогом выявления якобы неизвестных ранее обстоятельств. Упомянутый ранее редактор изданной в ФРГ книги «Сталинград» Юрген Фёрстер в августе 1992 г., желая разрушить «живучие легенды», утверждал, что «Сталинград не был главной целью летнего германского наступления». Почему же Гитлер настаивал на беспрекословном выполнении его приказа 62-й армии ни в коем случае не уходить из Сталинграда? Ю. Фёрстер полагает, что с «оперативной» точки зрения «падение Туниса было более крупным поражением, чем в Сталинграде», поскольку там сдалось большее количество немцев в плен. И это пишет военный историк, который вынужден однако признать, что Сталинград стал для Германии «психологическим поворотным моментом в войне». Масштабы катастрофы германской армии на Волге на деле были таковы, что никакие «поворотные пункты» в Северной Африке не годятся даже для сравнения. Как воспринимали это событие современники события не только в Советском Союзе, но и в Германии, и в странах антигитлеровской коалиции?

Германские историки признают, что многие в Германии поняли тогда же, что это «может быть началом конца».

Президент США Ф.Д. Рузвельт в приветствии в адрес Красной армии 23 февраля 1943 г. в связи с победой под Сталинградом подчеркнул: «Она (Красная Армия) остановила его (могущественного врага) под Ленинградом, под Москвой, под Воронежем, на Кавказе, наконец, в бессмертном Сталинградском сражении Красная Армия не только нанесла поражение противнику, но и перешла в великое наступление, которое по-прежнему успешно развивается вдоль всего фронта от Балтики до Черного моря». Президент США передал для Сталинграда от имени народов США грамоту, в которой выражено восхищение доблестью защитников Сталинграда и выражена уверенность в том, что этот подвиг будет вечно вдохновлять сердца всех свободолюбивых народов: «Их славная победа остановила волну нашествия и стала поворотным пунктом войны союзных наций против сил агрессии».

По-своему откликнулось правительство Великобритании: оно направило в дар Сталинграду как символ победы специально выкованный меч, на клинке которого на русском и английском языках выгравированы слова: «Гражданам Сталинграда, крепким как сталь, от короля Георга VI в знак глубокого восхищения британского народа». Меч был вручен маршалу И. В. Сталину в дни Тегеранской конференции в 1943 г.

Победа Советской армии в Сталинграде вдохновила народы оккупированных нацистами стран Европы на активное сопротивление оккупантам, особенно во Франции, Италии, Голландии, в Югославии, Польше, Чехословакии. В Германии стали активнее действовать разрозненные группы Сопротивления. Оппозиционные настроения охватили даже высшие военные круги. После неудачных попыток устранить А. Гитлера от власти в 1943 г. образовались несколько групп заговорщиков в высших слоях военных и чиновников, которые искали возможности установить контакты с западными державами, чтобы заключить сепаратный мир с ними и все силы бросить на восточный фронт. Однако покушение на А. Гитлера 20 июля 1944 г. не привело к устранению фюрера и имело следствием новую волну репрессий, казни нескольких тысяч участников Сопротивления, в том числе генералов и офицеров вермахта.

Сталинградская победа и Курское сражение Советского Союза имели серьезные международно-политические последствия: Италия была выведена из войны, Румыния и Венгрия оплакивали своих солдат, павших бесславно на русском фронте, Турция и Япония воздержались от вступления

в войну против Советского Союза на стороне Германии. Коренной перелом в ходе войны имел огромное значение для укрепления морально-политического единства народов Советского Союза. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы» вдохновлял работников тыла на самоотверженный труд. На многих предприятиях рабочие стояли у стан-

ков по 12 часов и более. На заводах работали женщины и подростки. Производство вооружений и боеприпасов было обеспечено благодаря наличию станков отечественного производства, а также полученных в межвоенные годы из Германии, а в годы войны полученных по ленд-лизу из США (станки Цинцинати).

¹ История Второй мировой войны. 1939–1945, тт. 1–12. М.; История Великой Отечественной войны 1941–1945, тт. 1–6. М.; Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945. М., 1984; Вторая мировая война. Краткая история. М., 1984; Вторая мировая война. Итоги и уроки. М., 1985.

² Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. Под ред. Ю. Ферстера. М., 1994.

³ Жуков Г. Воспоминания и размышления. М., 1978, т. 2, с. 116.

⁴ Энтони Бивер. Сталинград. Смоленск, 1999.

Сталинград в пространстве германской исторической памяти

А. И. Борозняк

...so sag ich: Deutschland!
Und ich sage: Stalingrad!
Franz Fühmann

Победа Красной армии под Сталинградом воспринималась современниками как решающий этап Второй мировой войны, как событие Большого Времени, могущее определить судьбу человечества. В начале января 1943 г., когда еще шли упорные бои в развалинах города, академик Евгений Викторович Тарле писал: «Не кончена еще великая борьба, но то, что случилось в последние два месяца, уже вписано неизгладимо в скрижали всемирной истории и уже само по себе начинает новую страницу в истории нынешней войны, в летописях русского народа, в книге судеб Германии и всей Европы»¹. Для России Сталинград был и остается знаком военной и нравственной победы над фашизмом, символом перелома в крупнейшем вооруженном противостоянии XX столетия. Память о 200 днях и ночах битвы на Волге, выйдя за границы памяти возрастных, социальных и национальных сообществ, является для нас решающим звеном памяти о войне.

А для Германии? Российский социолог Андрей Здравомыслов проводил в мае 2000 г. опрос представителей немецкой научной интеллигенции об их отношении к агрессии против Советского Союза. Почти в каждой беседе поднимался вопрос о месте стратегического рубежа мировой войны в германской исторической памяти. Одна из участниц опроса высказалась в том смысле, что это была «одна из наиболее трудных для немецкого самосознания проблем». «Далеко не сразу, — признает Здравомыслов, — я подошел к пониманию того, что она имела в виду». «Дело в том, — продолжает ученый, — что сама война 1941–1945 гг. имеет разный смысл в структуре российского и немецкого дискурсов. Из крупных военных событий это касается прежде всего Сталинградской битвы. Проблема, следовательно, не может быть

сведена к вопросу «поражение» или «победа»! Для победителя, то есть для советской стороны и для российской интерпретации истории этого вполне достаточно. Да, мы, несмотря ни на что, сумели выиграть это сражение, а следовательно, жертвы с советской стороны были не напрасны! ...Но для немцев «проблема Сталинграда» существует. Она существует не только как память о поражении немецкой армии... Она существует и как нравственная проблема, раскрывающая смысл всей войны 1941–1945 гг. для немецкой стороны»².

Для граждан Германии катастрофа вермахта на берегу великой русской реки — это обнаженный нерв социальной памяти, непреходящий сюжет национальной истории. Память о битве формировалась в годы военного противостояния не на жизнь, а на смерть, а затем в течение десятилетий политической конфронтации: воспоминания о Сталинграде были накрепко встроены в архитектуру идеологической конфронтации³. Правдивое освещение краха стратегии третьего рейха явилось для германского социума необходимым компонентом преодоления нацистского прошлого. В германском общественном сознании и в германской исторической науке медленно и трудно — через дискуссии и противоречия — утверждалась адекватная картина переломного события Второй мировой войны. Этот процесс был и остается, говоря словами Льва Толстого, «особенной, независимой, сложной и сильной работой чувства и мысли»⁴.

**«Они должны быть мёртвыми.
Таково указание сверху»**

Каким был механизм формирования и функционирования нацистского «мифа о Сталинграде»? Министр пропаганды Геббельс ежедневно

* Борозняк Александр Иванович — д. и. н., профессор Липецкого государственного педагогического университета.

проводил инструктажи (они именовались «доверительными информацией») для редакторов ведущих газет рейха. Уже 7, 9 и 10 сентября 1942 г. германским ежедневным и еженедельным изданиям предписывалось сообщать о «чрезвычайном экономическом и военном значении» сражения за Сталинград как «решающей пробе сил», как «краеугольного камня» военной кампании и «трамплина» для прорыва к нефтяным ресурсам. Было дано указание готовить экстренные газетные выпуски о взятии Сталинграда. Но поскольку первоначальные планы Гитлера и его генералов не были осуществлены и город не был захвачен, последовала директива: не пробуждать «никаких ложных и поспешных надежд», упоминать только о «жестоких и тяжелых боях» и тем более «не трактовать упорное сопротивление большевиков так, чтобы получалась героизация русских».

Только через пять дней после окружения немецких войск появилось сообщение о «прорыве оборонительного фронта на Дону». Слово «Сталинград» вплоть до середины января исчезло со страниц газет, термин «окружение» было возвращено употреблять. По радио и в прессе толковали об «оборонительных боях в районе Волги и Дона». И только 16 января было приказано писать о «героической борьбе против нападающего со всех сторон противника», затем были запрещены любые сведения о ситуации в кольце, а через неделю впервые в «доверительной информации» Геббельса появилась формулировка «окруженные под Сталинградом немецкие войска». Но это признание было исполнением директивы Геббельса: «создать миф, который станет достоянием германской истории», «поднять Сталинград до уровня мифа». Цель фальсификаторской легенды состояла в том, чтобы «избежать психологического и военного воздействия» катастрофы на жителей рейха и оккупированной Европы⁵.

30 января 1943 г., выступая в день десятой годовщины прихода нацистов к власти, Геринг говорил уже о «мертвых героях Сталинграда», о жертвах Нибелунгов, о битве при Фермопилах. Высокопарные тирады в устах Геринга, еще несколько недель назад обещавшего солдатам «спасение по воздуху», произвели самое тягостное впечатление. Официальное сообщение о гибели окруженной армии Паулюса было передано по германскому радио 3 февраля 1943 г. В Германии был объявлен трехдневный государственный траур. В речи Геббельса 18 февраля память о павших солдатах послужила поводом для патетических призывов к «тотальной войне». Новый мотив фашистской пропаганды (столь существенный для последующих лет): после Сталинграда Германия «защищает Европу и европейскую культуру»⁶.

Нацистская пресса и радио утверждали, что все военнослужащие 6-й армии погибли, сражаясь «до последнего патрона». Скрывались данные о пленении Паулюса и других генералов. Был издан строжайший приказ не доставлять семьям в немецком тылу письма из советского плена, изредка прорывавшиеся через Международный Красный крест. По недосмотру цензуры письмо военнопленного генерал-полковника Хайтца было вручено его родным, но им категорически запретили рассказывать об этом. По поводу находившихся в котле последовала рекомендация: «Они должны быть мертвыми. Таково указание сверху»⁷.

Значительный интерес представляет осуществленная архивистом Хайнцем Боберахом (Кобленц) публикация секретных донесений СД о настроениях в немецком тылу. Уже в конце августа 1942 г., докладывала агентура, бои за Сталинград находились в фокусе внимания большинства немцев, рассматривавших ожидаемое падение города в качестве «решающего поворота» в войне. Налицо была вера в скорый захват Сталинграда, но одновременно и «тревожное беспокойство» из-за возможных «значительных потерь». При этом, как сообщали осведомители СД, определенная часть населения понимала «поворот» как «прекращение похода на Восток», а некоторые считали, что силы русских «все еще не ослаблены». Согласно данным, поступившим в начале ноября, следовало: «название города» уже действовало «подобно кошмару». Из обзора от 26 ноября явствовало, что нацистской пропаганде не удалось скрыть факт окружения 6-й армии. Если настроение немцев оценивалось в начале января 1943 г. как «удовлетворительное», то быстро наступила очередь иных формулировок: «скептически-выжидательное состояние», «весь народ в высшей степени взбудоражен», «глубокое потрясение», «четко выраженное уныние», «пораженческие настроения», «усталость от войны, нарастающая от недели к неделе». В секретных донесениях отмечалось недоверие к официальным источникам информации, содержащим «губительный обман». Немцы, с тревогой докладывали агенты СД, вопреки строгому запрету вновь ежевечерне слушают иностранное радио, прежде всего московскую станцию, которая передает на немецком языке списки солдат и офицеров, взятых в плен под Сталинградом⁸. Опасение потери контроля над общественным мнением отразилось в дневниках Геббельса. 14 сентября 1942 г. он с досадой писал о своих земляках: «Они теперь часто меняют взгляды и ожидают, что в Сталинграде произойдет военная трагедия, подобная той, что состоялась прошлой осенью под Москвой». А 11 ноября последовала запись: «Сталинград, подобно кошмару, давит на немецкую душу»⁹.

Но действительно необходим ответ на предельно трудный вопрос. Сотрудник Института современной истории (Мюнхен) Юрген Царуски формулирует его следующим образом: «Нацистский режим не рухнул до мая 1945 г. Почему?». Аргументация мюнхенского ученого заключается в следующем: «Очень важным, но отнюдь не единственным фактором прочности режима явилось ужесточение внутренних репрессий... Было положено начало кровавой юрисдикции под руководством Фрайслера¹⁰. Людей к смертной казни осуждали тысячами... Неверие в «окончательную победу» стало самым крупным преступлением»¹¹.

С одной стороны, несомненным итогом поворота в ходе вооруженной борьбы стал «перелом в восприятии войны немцами»¹², утрата веры в окончательную победу вермахта. Но действовала (и доминировала) также иная тенденция: страх перед вполне реальной перспективой союзной оккупации Германии прежде всего Красной армией. Страх возмездия со стороны русских возник потому, что немцы знали, как вермахт обращался с советскими пленными и с гражданским населением захваченных областей, в каких формах и масштабах шло разорение экономики СССР. В распределении награбленного участвовали достаточно широкие слои граждан рейха. В привычной нацистской аббревиатуре *KdF* — *Kraftdurch Freude*, т. е. «сила через радость», заменяли теперь одно слово, получалась *Kraftdurch Furcht*, т. е. «сила через страх». Этот «страх перед большевизмом», идущий «снизу» (за все неминуемо придется отвечать!), прямо инспирировался властями. Геббельс требовал от своих пропагандистов придерживаться тезиса: «Если мы будем побеждены, каждому пережегут глотку»¹³.

«Жертвы Сталинграда побудили нас выступить против бессмысленного кровопролития»

В 2011 г. были опубликованы дневники немецкого чиновника Фридриха Келльнера¹⁴. Он служил в заштатном городке Лаубах (земля Гессен) в должности инспектора административного суда и ничем не выделялся из среды судебных низшего и среднего ранга. Нацистские преследования его, бывшего социал-демократа, обошли стороной. Но с осени 1938 г. по май 1945 г. он день за днем вел записи в дневнике (сохранилось 10 заполненных конторских книг большого формата). Рукописи находились в семье Келльнера, после его смерти несколько раз предлагались издателям, но не вызвали интереса. И только недавно, когда исследование проблематики третьего рейха вышло в ФРГ на новый уровень, вопрос о публикации был решен.

У Келльнера не было других источников информации, кроме собственных наблюдений за повседневной жизнью городка и внимательного изучения нацистской (по преимуществу локальной) прессы. В дневнике нет упоминаний о передачах иностранного радио. Особый интерес представляют страницы дневника, касающиеся разгрома вермахта под Сталинградом. 18 января 1943 г. он записывал: «Армия, которая пыталась окружить русских, сама окружена в Сталинграде и исчезнет с лица земли... Сталинград станет страницей славы для русских»; «Произошел драматический поворот на театре военных действий в России, и впереди лишь отсрочка гибели». Запись следующего дня: «Сталинград — русский город и останется русским». 26 января: «Народная масса чересчур глупа, чтобы понять подлинное положение вещей... Нужно пережить еще несколько крупных ударов, чтобы немецкий бюргер усвоил то, что произойдет в ближайшем будущем. У немецкого народа отняли мужество, и его властители обращаются с ним как с недееспособным ребенком... Ситуация в Германии приближается к катастрофической». 4 февраля: «Большинство немцев не имеет представления о поражении под Сталинградом. Все же выросло число тех, кто начинает размышлять. Но широкая масса все еще не знает, что же, собственно, произошло... Нужно еще немало крупных поражений, чтобы нанести смертельный удар по вере народа»¹⁵.

Келльнер не предпринимал никаких шагов по борьбе с режимом. Но та же информация отзывалась действиями в студенческой среде. Отчаянная мысль о том, что катастрофа вермахта на Волге уже означает крах нацистской диктатуры, охватила умы и сердца участников мюнхенской группы «Белая роза». В конце января 1943 г. студенты Мюнхенского университета Ганс Шолль и Александр Шморелль подготовили и размножили на гектографе тиражом до 6 тысяч экземпляров листовку «Воззвание ко всем немцам!». К деятельности группы присоединились студенты Вилли Граф и Кристоф Пробст, Софи Шолль — сестра Ганса. Студентам оказывал поддержку профессор Курт Хубер, ставший их идейным наставником.

«Война, — говорилось в прокламации, — определенно идет к концу... На востоке армии неудержимо откатываются назад, а на западе следует ожидать вторжения... С математической точностью можно утверждать, что Гитлер ведет немецкий народ в бездну. Гитлер не может выиграть войну, он может лишь затянуть ее. Его вина и вина его приспешников бесконечна. Справедливая кара все ближе... Война уже проиграна, скоро наступит день ужасного, но справедливого суда над теми, кто был труслив и нерешителен». Поэтому необходимо вырвать корни войны, по-

кончить с «империалистическим насильственным образом мышления», с «тупым прусским милитаризмом»¹⁶.

Шморелль и Шолль, горевшие справедливым нетерпением, не только подготовили новое воззвание, полностью посвященное урокам катастрофы под Сталинградом, но и начали уличную агитацию. Ночами на здания, расположенные в центре Мюнхена, черной краской были нанесены надписи «Свобода!» и «Долой Гитлера!». Участники «Белой розы» надеялись, как говорил позднее на допросе в гестапо Шморелль, «обратиться к массе народа»¹⁷.

Новая листовка (ставшая для «Белой розы» последней, предсмертной) была адресована студентам и студенткам Мюнхенского университета. Почему круг ее потенциальных читателей был сознательно сужен? На 13 января 1943 г. было назначено (явка была строго обязательной) общее собрание студентов и преподавателей университета. Выступал гауляйтер Верхней Баварии Гислер. Его речь вызвала открытое возмущение. И не только потому, что он — в обстановке ясно-го всем поражения под Сталинградом — вещал об «окончательной победе», но и потому, что нацистские лозунги перемежались площадными оскорблениями в адрес студенток. В зале возник шум, слушатели и слушательницы (невиданное дело!) стали перебивать оратора и покидать зал. Более двух десятков девушек было арестовано. Шолль и его друзья были уверены, что роковой момент наступил, что пришло едва ли не революционное время, что стало возможным получить поддержку со стороны разбуженной (так казалось) студенческой массы.

«Наш народ потрясен гибелью людей под Сталинградом» — так начиналась новая прокламация. «Солдаты, — говорилось дальше, — были брошены на смерть, погублены ради «гениальной стратегии» ефрейтора двух мировых войн». Инцидент, произошедший 13 января 1943 г., был назван «началом борьбы за свободное самоопределение» молодежи. Необходимо «подняться ради мести и искупления, чтобы испепелить своих мучителей и построить новую, разумную Европу», бороться «за свое будущее, за свободу и честь, за жизнь при государственном устройстве, основанном на моральной ответственности». Если этого не произойдет, сказано в воззвании, «само имя немца будет покрыто позором». Урокам трагедии на Волге была посвящена заключительная часть листовки: «Березина и Сталинград пылают на Востоке, павшие под Сталинградом взывают к нам!»¹⁸. «Березина» — это прямое указание на то, что в походе Наполеона на Россию погибли десятки тысяч немецких солдат, входивших в состав «великой армии»¹⁹.

Листовка, размноженная тиражом до 3 тысяч экземпляров, была разослана по мюнхенским городским адресам. 18 февраля 1943 г. Софи и Ганс решились на отчаянный поступок: они разложили пачки прокламаций перед аудиториями *almamater*, а Софи разбросала несколько сотен прокламаций с балкона университетского вестибюля. Последовал незамедлительный арест брата и сестры. Каждый, у кого была листовка, обязан был ее отдать в руки гестаповскому агенту. Вслед за Гансом и Софи были схвачены Граф, Хубер, Пробст. Последним — 24 февраля — был доставлен в гестапо Шморелль. Из 1200 принесенных в здание университета листовок примерно 800 оказалось в руках гестаповцев.

Заслуживает внимания мнение выдающегося юриста и военного историка Манфреда Мессершмидта (Фрайбург): «Причиной повышенной нервозности партийного руководства было не только совпадение по времени с последствиями поражения под Сталинградом, но прежде всего — новая интонация листовок, которые призывали немцев к действиям против нацистской системы»²⁰.

При обыске у Шолля был обнаружен рукописный проект еще одной прокламации, написанный Кристофом Пробстом и также посвященный урокам сталинградской трагедии: «Сегодня вся Германия окружена — так, как были окружены войска под Сталинградом. Неужели все немцы будут принесены в жертву ненависти и жажде истребления? В жертву тем, кто истязал до смерти евреев, кто наполовину разорил Польшу, кто стремился уничтожить Россию. Тем, кто похитил у вас свободу, мир, семейное счастье и надежды. Этого не должно быть, этого не может быть! Гитлер и его режим должны пасть, чтобы жила Германия»²¹. набросок листовки стоил Пробсту жизни.

Софи Шолль заявила на допросе в гестапо: «Мы были убеждены, что Германия проиграла войну и что каждая человеческая потеря, которую требует эта война, бессмысленна. И в особенности жертвы Сталинграда побудили нас что-то предпринять против бессмысленного кровопролития». Ее старший брат, в свою очередь, сказал нацистскому следователю: «Я понял, что после поражения на Востоке и нарастающего превосходства сил Англии и Америки победоносное окончание войны для нас стало невозможным. После мучительных раздумий я пришел к выводу, что существует только один путь к реализации европейской идеи — именно сокращение сроков войны»²².

Суд, который проходил под председательством экстренно вызванного из Берлина нацистского душегуба Фрайслера, был молниеносным. 22 февраля 1943 г. по обвинению в государственной измене к смерти были приговорены Софи

Шолль, Ганс Шолль и Кристоф Пробст. В тот же день они были обезглавлены. Позднее перед Фрайслером предстали и были казнены Александр Шморелль, Вилли Граф и Курт Хубер.

Деятельность горстки мюнхенской мятежной молодежи закончилась трагически. Участники «Белой розы» — вопреки их ожиданиям — остались в полной изоляции. 22 февраля 1943 г., в тот день, когда в тюрьме уже работала гильотина, в главной аудитории Мюнхенского университета проходило общее собрание. Студенты послушно и верноподданно, с пением песен, с поднятием рук в фашистском приветствии, одобрили расправу над своими товарищами. Это были те самые девушки и парни, которые пять недель назад устроили obstruction нацистскому гауляйтеру. Страх сковал их души. Собственно, этого и добились (и добились) в масштабах рейха нацистские бонзы: посредством ужесточения террора не допустить утраты контроля над общественным настроением, начавшим было принимать другой оборот под воздействием катастрофы на Волге.

«Так говорят вам тени Сталинграда»

Находившийся в эмиграции в США великий немецкий писатель Томас Манн в период Сталинградского сражения дважды обращался к народам СССР. В начале ноября 1942 г. он выразил уверенность в том, что справедливые цели войны «дают русскому народу силу к сопротивлению, восхитившему весь мир и сейчас наиболее ярко проявляемому в обороне Сталинграда». Именно поэтому, продолжал Манн, «русский народ имеет право занять решающее место в боевом содружестве наций и оказать значительное влияние на формирование будущего мира»²³. «Победоносная защита Сталинграда, — писал он в январе 1943 г., — является одним из подвигов, о которых история всегда будет рассказывать с величайшим благоговением. До настоящего времени русский народ и армия несли величайшие жертвы в этой борьбе за свободу человечества... Я могу только пожелать, чтобы 1943 год принес освобождение русской земле от преступного захватчика. Мы должны желать этого не только для целей России, но и для целей всего мира»²⁴. Выступая по радио и обращаясь к гражданам рейха, Манн предсказывал, что победа Красной армии под Сталинградом откроет перспективу того, что «немецкий народ найдет благоразумного друга в лице России». Но для этого необходимо «решительно покончить с режимом разбойников и преступников, развязавших эту войну»²⁵.

Среди листовок о Сталинграде и его последствиях, подготовленных по поручению Главного политического управления Красной армии (ГлавПУР) немецкими эмигрантами-антифашистами,

выделяется текст писателя-коммуниста Альфреда Куреллы. Прокламация, напечатанная в апреле 1943 г. массовым тиражом, распространялась по всем участкам советско-германского фронта: «Где бы вы ни были, товарищи, — в доте или в блиндаже, на отдыхе или на посту, днем и ночью, мы — тени Сталинграда — следуем за вами по пятам. Нас было 240 тысяч таких же солдат, как и вы. Теперь мы в могиле. Но и здесь мы не нашли себе покоя. Бессмысленна была наша смерть. Придайте же ей последний смысл — выслушайте наше предложение и запомните его: не верьте тому, чему верили мы!.. Мы не верили, когда внутренний голос нашептывал нам: «Один Гитлер виноват в этой злосчастной войне! Это он хотел ее, это он хочет вашей смерти!». Это неверие стоило нам жизни. Но Сталинград разоблачил Гитлера как врага Германии, а его стратегия — это невежество и авантюризм, приведшие нас в могилу. И вам внутренний голос твердит: «Освобождайтесь от Гитлера, и война кончится!». Верьте этому голосу, товарищи! Так говорят вам тени Сталинграда»²⁶. Начиная с сентября 1941 г. немецкоязычные передачи из Москвы осуществлялись от имени радиостанции «Deutscher Volkssender», работавшей под руководством Коммунистической партии Германии. 4 и 5 февраля 1943 г. в эфире прозвучали слова: «Сталинград — это сигнал, что война проиграна»; «Сталинград — это массовая могила, которой невозможно избежать ни одному немецкому солдату»²⁷.

Уцелевшие офицеры и солдаты 6-й армии стали ядром антифашистских групп в советском плену. В июле 1943 г. был сформирован Национальный комитет «Свободная Германия» (НКСГ), в состав которого вошли бывшие военнослужащие вермахта и немецкие эмигранты-коммунисты. Президентом комитета был избран член Коммунистической партии Германии поэт Эрих Вайнерт, имевший опыт пропаганды, обращенной к окруженным в районе Сталинграда солдатам 6-й армии. Сентябрь 1943 г. был ознаменован созданием Союза немецких офицеров (СНО), президентом которого стал бывший командующий 4-м корпусом окруженной армии генерал артиллерии Вальтер фон Зайдлиц. На учредительной конференции Союза немецких офицеров было принято обращение «К немецким генералам и офицерам! К народу и армии!»: «Вся Германия знает, что такое Сталинград. Мы испытали все муки ада. В Германии нас заживо похоронили, но мы воскресли для новой жизни. Мы не можем больше молчать. Как никто другой, мы имеем право говорить не только от своего имени, но и от имени наших павших товарищей, от имени всех жертв Сталинграда. Это наше право и наш долг»²⁸. Бывший генерал-майор Отто Корфес говорил позд-

нее: «Движение «Свободная Германия» возникло из кошмаров Сталинграда»²⁹.

На учредительной конференции СНО выступил католический военный священник Йозеф Кайзер, взятый в плен под Сталинградом: «Корни союза начали прорастать тогда, когда мы, находясь в котле под Сталинградом, обращались на родину с последним приветствием, когда мы начинали понимать безумие и бессмысленность приказов командования, по вине которого были наскоро зарыты в снег тысячи трупов наших товарищей»³⁰. О том, какие трудности были связаны с идейной переориентацией многих солдат и офицеров, рассказал много лет спустя бывший вице-президент НГСГ граф Генрих фон Айнзидель: «Послевоенному поколению уже не понять, сколько гражданской смелости требовалось тогда, в 1943 г., для противостояния этому безумию, когда даже выжившие под Сталинградом в большинстве своем все еще верили в Гитлера и в окончательную победу»³¹.

Национальный комитет вел интенсивную пропагандистскую работу, направленную как на аудиторию немецких военнопленных, так и, прежде всего, на солдат и офицеров вермахта по другую сторону фронта. Советское командование предоставило немецким антифашистам возможности издания газеты и многочисленных листовок, создания собственной радиостанции, выхода в эфир посредством звуковых установок на передовых позициях... В центре этой многообразной работы находилась память об уроках сталинградской катастрофы³².

Была ли эта деятельность эффективной? Однозначный ответ на этот вопрос, разумеется, невозможен. Следует, видимо, различать реалии как немедленного (сдача в плен), так и кумулятивного (для близкого или далекого будущего) эффекта. Было немало случаев, когда обращения достигали конкретной цели. Командование вермахта издало несколько приказов, относящихся к обращению с «вражескими листовками». Солдатам запрещалось читать их, найденные прокламации помечать надписью «вражеская пропаганда», три экземпляра сдавать в штаб, остальные сжигать на месте. Предписывалось строго наказывать нарушителей приказов³³. Но солдаты зачастую не только читали листовки, но и переправляли их (в основном с отпущниками) домой.

Memento Stalingrad

В издававшемся в Москве журнале «Internationale Literatur. Deutsche Blätter» (редактором журнала был Иоганнес Бехер) с ноября 1943 по сентябрь 1944 г. публиковался роман Теодора Пливье «Сталинград» — первое документально-художественное произведение о ситуации

в сталинградском котле. Автор романа — участник Первой мировой войны, ставший в Веймарской республике видным писателем левого направления. В 1933 г. его книги были сожжены нацистами. Пливье эмигрировал в СССР. В начале 1943 г. по инициативе Бехера он получил доступ к документам немецкого командования, захваченным войсками Красной армии в Сталинграде, к письмам немецких военнослужащих, погибших в котле, к протоколам допросов пленных солдат и офицеров 6-й армии. С разрешения советских властей он провел множество бесед в лагерях военнопленных³⁴.

После войны Пливье обосновался в Веймаре, в восточной части Германии. В августе 1945 г., получив лицензию Советской военной администрации, в Берлине начало работу издательство «Aufbau». Первой книгой издательства, которым руководили немецкие антифашисты, была поэма Генриха Гейне «Германия. Зимняя сказка», а второй — роман Пливье³⁵, который незамедлительно стал бестселлером. Достоверное описание трагедии обреченной на гибель армии Паулюса вызвало значительный интерес немецкой общественности. Самым важным было то, что в романе содержался четкий призыв к немцам: понять и признать ответственность и вину за совершенные преступления.

В течение 1945–1946 гг. только в издательстве «Aufbau» роман Пливье выдержал 9 тиражей (не считая публикаций, осуществленных в Гамбурге и Мюнхене). Иоганнес Бехер назвал роман «Сталинград» в числе «трех-четырёх немецких книг, которые, вероятно всего, переживут свое время»³⁶. Выдающийся писатель Альфред Андерш считал, что книга Пливье стала «первым крупным художественным достижением послевоенной немецкой литературы»³⁷.

Знаковым является отзыв о романе Вольфганга Борхерта — солдата вермахта, прошедшего через Восточный фронт, госпиталь для тяжелораненных, нацистскую тюрьму, французский лагерь для военнопленных... Вернувшись в родной Гамбург, в течение неполных двух лет он написал радиопьесу «Там, за дверью», несколько десятков коротких рассказов и стихотворений. Борхерт стал трагической легендой, олицетворением совести послевоенной Германии. В сентябре 1946 г. в одной из гамбургских газет была опубликована его краткая рецензия на роман Пливье: «Каждый из нас прошел через Сталинград — большой или малый. Сталинград есть предъявление счета и требование оплаты. Это неприятно и нерадостно, но необходимо»³⁸. Слова, написанные Борхертом за несколько месяцев до смерти — наряду с антивоенным манифестом «Скажи «Нет!» — стали его выстраданным завещанием.

Приведу один из откликов рядовых читателей романа «Сталинград»: «Если бы нам вовремя встретился такой человек, как Пливье, раскрывший нам глаза, мы вырвались бы из чуждого влияния»³⁹. Но одобрение, конечно, не могло быть единодушным. Генерал Пикерт, сумевший выбраться живым из кольца окружения, начал против Пливье судебный процесс по обвинению в клевете⁴⁰. Ситуация изменилась в 1948 г., когда произошел разрыв Пливье с властями Восточной Германии и он переехал в американскую оккупационную зону. Для ГДР он стал ренегатом, популярный роман был фактически запрещен. Но и в ФРГ творческая и политическая судьба Пливье не сложилась. Изданные там два романа оказались весьма далекими от прежнего уровня. На западе его называли предателем, припомнив ему участие в деятельности НКСГ. В обстановке холодной войны саднящая душа правда о трагедии Сталинграда оказалась ненужной. Пливье предпочел уехать в Швейцарию, где и умер в 1955 г.⁴¹.

В 1951 г. в Германской Демократической Республике были опубликованы дневники Эриха Вайнерта⁴². В 1958—1971 гг. в ГДР действовало Общество бывших офицеров, в состав которого вошло немало число прежних активистов Национального комитета «Свободная Германия». Среди них были Вильгельм Адам, Луитпольд Штейдле, Отто Рюле, которым принадлежат ценные воспоминания о катастрофе вермахта на Волге⁴³. В мемуарах Рюле содержится образное описание процесса переосмысления, проходившего среди солдат и офицеров 6-й армии: «За шесть недель окружения во мне что-то треснуло, надломилось, и я чувствовал, что склеить меня уже невозможно... В зимней битве на Волге как нигде сказала и разоблачила себя наша политическая бессовестность и моральное разложение. Содрогаясь от ужаса, я начинал понимать, что до сих пор служил грязному делу»⁴⁴. На страницах бюллетеня, издававшегося Обществом бывших офицеров, были опубликованы статьи, содержавшие квалифицированный военно-политический анализ сражения под Сталинградом⁴⁵.

В ГДР анализ катастрофы вермахта и пленения 100 тысяч солдат и офицеров 6-й немецкой армии происходил преимущественно под знаком показа реальных предпосылок для создания Национального комитета «Свободная Германия». При этом НКСГ рассматривался в качестве прямого предшественника «первого немецкого государства рабочих и крестьян». Этот тезис стал одним из устоев государственной доктрины Германской Демократической Республики, основанной на извлечении уроков из Второй мировой войны и осуществлении политики мира в Европе. Разоблачение преступлений высшего германского ко-

мандования, приведшего Германию к поражению, было прямо связано с противодействием включению в состав бундесвера ФРГ немалого числа бывших офицеров и генералов вермахта. При этом, говоря о Сталинграде как преступлении коричневой элиты, идеологические институты и средства массовой информации ГДР порой оставляли в тени большую проблему преодоления вины и ответственности немецкого народа за нацистское прошлое. Эта миссия могла относиться почти исключительно к Западной Германии. Официальная позиция заключалась в том, что в Германской Демократической Республике «ликвидированы корни фашизма», а страна принадлежит к числу «триумфаторов истории».

Но заслуги историографии и публицистики Германской Демократической Республики в утверждении исторической правды о битве на Волге велики и неоспоримы. Ученые и писатели ГДР решительно указывали на роль Красной армии в достижении коренного перелома в войне, противостояли прямому или косвенному продолжению нацистских мифов о Сталинграде, распространявшихся в Западной Германии. В 1953 г. начинающий автор Франц Фюман (тогда ему исполнился 21 год, впоследствии — один из ведущих писателей ГДР), бывший солдат вермахта, прошедший годы плена в Советском Союзе, завершил свою лирическую поэму «Поездка в Сталинград» идущими от сердца словами: «Вечная благодарность тебе, великий город, вечная благодарность тебе, советский народ, за свободу нашего народа!»⁴⁶. Понадобилось почти полвека, чтобы писатель и литературовед Бернд Раушенбах написал: «Невозможно избавиться от стыда, что у нас в Федеративной Республике никто не посмел произнести эти слова»⁴⁷.

Манштейн и другие:

«замороженная правда»

В Западной Германии первых послевоенных лет идейно-политическая атмосфера достаточно быстро изменялась. Первоначальный антифашистский порыв под лозунгом «Это не должно повториться!» (*Niewieder!*) исчерпал себя. Начала формироваться легенда о «чистом вермахте», которая как нельзя лучше отвечала обстановке международной конфронтации. Якорем спасения стала идея единоличной ответственности Гитлера за германскую катастрофу и непричастности немецкой правящей элиты к его преступлениям. Этот тезис на десятилетия вперед определил главную направленность ранней западногерманской историографии Сталинградской битвы. Современный берлинский историк и публицист Гётц Али считает, что после 1945 г. правда о войне «была заморожена», а «политической формой, которая была

найдена для этого замораживания, стала холодная война»⁴⁸. «Начиная с поражения под Сталинградом, — приходит к аргументированному выводу профессор Гамбургского университета Аксель Шильдт, — немцы видели, что нацистский режим ведет их к бедам и нищете, но это не значит, что они становились демократами»⁴⁹.

Далеко не случайным был успех, который выпал на долю книги «Утерянные победы» бывшего генерал-фельдмаршала фон Манштейна⁵⁰, приговоренного в 1949 г. британским трибуналом к 18 годам тюрьмы за военные преступления, совершенные прежде всего на оккупированных территориях СССР. В мае 1953 г. Манштейн был выпущен на свободу, его приветствовали как «героя Крыма и Сталинграда». Книга хорошо расходилась. Для Манштейна, несшего прямую ответственность за гибель немецких солдат под Сталинградом, главным в его мемуарах являлись самооправдание и объяснение трагедии на Волге мифическими «интересами государства» — вне категорий вины и ответственности⁵¹. «Разумеется, — замечает Манфред Мессершмидт, — там нет ничего об убийствах и других преступлениях. Рассказывается о гениальных стратегических идеях автора и об idiotских ошибках Гитлера — таким образом объясняется, почему была проиграна война. Ни одного слова о войне на уничтожение. Все это соответствовало тогдашней ситуации: перевооружение, вхождение в НАТО»⁵². Неслучайно Паулюс, прочитавший книгу Манштейна после возвращения из советского плена, отзывался о ее содержании «с горечью, возмущением и разочарованием»⁵³.

Центральным пунктом в деле оправдания (и прославления!) вермахта служила трактовка битвы под Сталинградом. Многочисленные апологетические изложения истории дивизий вермахта, воевавших под Сталинградом, как и воспоминания Манштейна, стали, по словам мюнхенского исследователя Манфреда Кумпфмюллера, индикатором «агрессивного идеологического оправдания холодной войны и перевооружения ФРГ», «отчетливого отказа от категорий вины и покаяния»⁵⁴.

Непременным компонентом западногерманского массового чтения 50-х гг. (для сбитых с толку молодых людей и ветеранов) стали серийные выпуски «Солдатских историй» (*Landser-Hefte*) карманного формата, большая часть которых повествовала о «войне на Востоке», в том числе о битве под Сталинградом. Еженедельные выпуски серии быстро раскупались. Общий месячный тираж выпусков составлял 230 тыс. экземпляров, а число названий превысило 5 тыс. Катастрофа 6-й армии излагалась следующим образом: «Германии не надо стыдиться своих сынов, воевавших

в Сталинграде... Героическая борьба в Сталинграде навсегда войдет в историю». Солдаты и офицеры вермахта представляли благородными героями и страдающими жертвами, СС и СД — злодеями, творившими грязные дела без ведома армии, а русские — жалкими, но коварными варварами⁵⁵.

Большими тиражами издавались десятки романов о «войне на Востоке», герои которых сражались за «абендланд». Ни о какой вине за развязывание злодеяний не было и речи. Типичным примером бойко продававшейся литературы такого рода был вышедший в 1956 г. роман Хайнца Конзалика «Врач из Сталинграда», на страницах которого немцы, вторгнувшись на советскую землю, представляли жертвами Красной армии. Русским Конзалик приписывал «плоский сибирский ум» и «первобытный страх рабов»⁵⁶.

В 1954 г. западногерманский издательский концерн «Bertelsmann» (перекупив права у небольшого издательства) выпустил на книжный рынок новинку, немедленно ставшую бестселлером: «Последние письма из Сталинграда»⁵⁷. В подборку вошло 39 фрагментов, многократно и обильно цитировавшихся историками и публицистами, у которых не возникало сомнений в подлинности текстов. На основе «последних писем» были сняты кинофильмы, написаны музыкальные произведения. В предисловии к сборнику изложена следующая версия: из семи мешков с почтой, вывезенных из окружения «последним самолетом» и оказавшихся в Новочеркасске, по приказу командования были отобраны («в статистических целях») письма, характерные для настроений солдат и офицеров. В дальнейшем документы якобы хранились где-то на территории ГДР и были тайно переданы издателю. Письма весьма пространны, по пять-десять страниц. Но у солдат не было ни бумаги, ни карандашей, ни времени для сочинения длинных посланий. Нелепо выглядят церемонные обращения к адресатам: «ты полковник, дорогой отец», «ты жена немецкого офицера», «ты мой духовный пастырь» и т. п. В письмах не раз было сказано, что через какое-то время из окружения отойдет последний самолет. Но откуда можно было в той кошмарной обстановке всеобщей паники и неразберихи знать, какой самолет окажется последним? Один из предполагаемых авторов замечал, что он отправил домой 38 писем, что в условиях сжимавшегося кольца окружения было абсолютно невозможно. Явно вымышлена история о раненом музыканте, игравшем на пианино «на маленькой улице» в центре Сталинграда: в городе не осталось никаких «маленьких улиц» — только руины. Солдаты прекрасно знали, что каждое письмо внимательно прочитывается цензором, поэтому были невозможны то и дело встречающиеся высказывания типа «Гитлер нас предал»,

«Германия погибла», равно как сообщение о том, что «200 тысяч солдат сидят в дерьме» (о численности войск в котле стало известно позднее). Тексты относились к разным временным отрезкам и к изолированным друг от друга участкам боевых действий. Уже поэтому они не могли находиться в одной партии полевой почты. Кроме того, в январе 1943 г., когда исход сражения был предельно ясен, на самолетах, прорывавшихся сквозь систему советского зенитного огня, вывозили в немецкий тыл, разумеется, не почту, а раненых⁵⁸.

В сборнике помещены фальсифицированные письма. Их поначалу остававшийся анонимным автор, личность которого все же была установлена, — военный корреспондент Шрётер, находившийся в Сталинграде до середины января 1943 г. Весной того же года он получил задание Геббельса подготовить работу, прославляющую доблесть германских войск в Сталинграде. Книга эта основывалась на собранных в Министерстве пропаганды материалах о битве на Волге. В нацистский период подборка не была опубликована, так как она показала Геббельсу «недостаточно героической»⁵⁹.

В чем причина того, что вопрос об аутентичности указанных текстов не ставился в ФРГ в течение десятилетий? В том, очевидно, что форма и содержание псевдоисточника соответствовали стереотипам общественного сознания в годы холодной войны. Сталинград повсеместно воспринимался только как символ страданий солдат и офицеров вермахта. Катастрофа вермахта на Волге позволяла большинству западных немцев ощущать себя неким «сообществом жертв»⁶⁰, а ужасающая правда о подлинных целях войны против СССР, о преступлениях вермахта вызывала аллергию у большинства граждан Федеративной Республики. Норберт Фрай, один из самых уважаемых современных немецких историков, отмечает: при «нормативном отмежевании от национал-социализма» мало кто задумывался «о легитимности и смысле войны, которую вел национал-социалистический режим», торжествовала «инкарнация жертвенности будто бы безвинных немецких солдат»⁶¹. Налицо было невысказанное желание уйти от вопроса об ответственности за войну и за сталинградскую катастрофу, провести линию размежевания между вермахтом и Гитлером, что становилось особенно понятным (и опасным) в связи со вступлением ФРГ в НАТО⁶².

«Надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелёгкие вопросы»

Но существовали ли очаги противодействия этой доминирующей тенденции? В 1956 г., когда бывшие нацистские генералы уже обживали кабинеты в зданиях командования бундесвера, в жур-

нале демократического направления «Frankfurter Hefte» была опубликована статья «Какой закон повелел немецким солдатам умирать на берегах Волги?»⁶³. Автором текста был д-р Иоахим Видер (1912–1992) — знаток французской и итальянской культуры, призванный в вермахт и служивший в должности лейтенанта в штабе 8-го корпуса 6-й армии. Он прошел сквозь ад сталинградского окружения, оказался в лагере № 97 для немецких офицеров в Елабуге, участвовал в основании Союза немецких офицеров, в 1950 г. вернулся из плена, был руководящим сотрудником Баварской государственной библиотеки.

В статье Видера содержался обстоятельный критический разбор воспоминаний Манштейна. Книга, заявлял Видер, есть «попытка оправдать смертный приговор, вынесенный сотням тысяч людей и беспощадно приведенный в исполнение во имя «высшей стратегии». «В какой мере, — вопрошал Видер, — смерть 200 тысяч человек, смерть по приказу верховного командования можно оправдать моральными законами?». Непредложный вывод автора гласит: вермахт превратился в «инструмент нацистского стремления сохранить власть». Видер призывал сынов и внуков солдат Сталинграда извлечь уроки из национальной катастрофы. Мифу о «беспримерном героизме» вермахта он противопоставил правду о «доблестной советской 62-й армии, которая осенью 1942 г. в огненном аду Сталинграда долгие месяцы упорно обороняла два небольших плацдарма на волжском берегу, храбро сражаясь и выстояв под яростным напором превосходящих немецких сил»⁶⁴. Ни один из профессиональных историков ФРГ не решался тогда, в середине 50-х гг., на такое серьезное признание...

В 1962 г. была выпущена книга Видера «Сталинград и ответственность солдата»⁶⁵, которая и сегодня воспринимается как волнующее свидетельство личной трагедии автора, как стусок извлеченных из катастрофы вермахта горьких уроков, как религиозно окрашенный протест (Видер был сыном протестантского пастора) против насилия, как выражение выстраданной надежды на лучшее будущее Германии и мира. «Чудовищные картины гибели, не дававшие мне покоя ни днем, ни ночью, — вспоминал Видер, — проходили перед моим мысленным взором, образуя бесконечную кровавую мясорубку. Картины далекого прошлого и переживания, которые внезапно ожили в моей памяти, предстали передо мной как логически связанные между собою звенья одной и той же роковой цепи»⁶⁶.

Бывший офицер 6-й армии не пытался выгораживать себя, отрицать свою ответственность и вину: «Наш поход на Волгу предстал передо мной как ни с чем не сравнимое насилие над че-

ловеком и символ вырождения человеческой личности. самого себя я увидел как бы заправленным в гигантский и бесчеловечный механизм, который функционирует с ужасающей точностью вплоть до саморазвала и уничтожения... Трагическая эпопея обнажила дьявольскую сущность антинравственной государственной и военной системы гитлеризма. За этой системой, поддавшись ее воздействию, вплоть до самого ужасного конца в самоубийственном ослеплении следовало большинство немцев... Я чувствовал себя участником разыгрывавшегося вокруг шабаша ведьм, в котором был повинен и я. Сознание этой вины свинцовым грузом висело на мне, отягощая мне сердце и совесть»⁶⁷.

Поражает сила глубинного понимания всемирно-исторических смыслов Сталинградской битвы: «В печальных событиях на Волге я узрел поворотный пункт войны не только в военном отношении. Во всем пережитом я теперь видел и ощущал еще и нечто другое — предвосхищение конечной катастрофы, навстречу которой шла Германия. Я мысленно представил себе второй Сталинград, повторение только что пережитой трагедии, но в куда более громадном и страшном масштабе»⁶⁸.

Опережая на десятилетия динамику общественного мнения ФРГ, Видер отдавал должное «борьбе советского народа, защищавшего и освобождавшего свою подвергнувшуюся иноземному нашествию родину». В ходе войны СССР стал «решающим фактором мировой политики». Видер считал, что долгом последующих поколений немцев является честное извлечение уроков из трагедии под Сталинградом: «Там, над Волгой, еще стелется невидимый гигантский крест. И отбрасываемая им тень нависла над всем немецким народом, проникновенно и предостерегающе зывая к нашим сердцам». «Речь идет об утверждении более совершенного устройства межчеловеческих отношений, о ликвидации прежних отношений вражды между народами. Именно поэтому память о Сталинграде должна стать составной частью нашей истории... Мы должны найти в себе силу и мужество тщательно исследовать мрачную и неприглядную главу истории, взглянуть в глаза всей правде и принять ее такой, как она есть»⁶⁹.

Но идеологическая ситуация в послевоенной Западной Германии развивалась в противоположном направлении. «Можно ли действительно сказать, — размышлял Видер, — что дискуссия вокруг сталинградских событий и порожденных ими проблем дала плодотворные результаты? И есть ли уверенность в том, что полезные уроки прискорбного прошлого станут достоянием наших потомков? На эти вопросы никто не может, не греша против совести, ответить утвердительно».

Атмосфера холодной войны и ремилитаризации ФРГ влекла за собой «сытое равнодушие и пренебрежение к моральным и духовным ценностям». Видер подверг уничтожающей критике современную ему западногерманскую историографию сражения на Волге: «На первом плане всегда стоят лишь чисто военные события и результаты, а также явно продиктованное соображениями личного престижа стремление оправдаться, смыть с себя позор военного поражения и переложить всю вину на одного только могильщика Германии, который ввремя улизнул от земного суда»⁷⁰.

Среди всех оценок книги Видера самым важным для автора было письмо, полученное им от выдающегося немецкого мыслителя Карла Ясперса: «Сталинград является для Вас выражением сущности национал-социалистической диктатуры и первым крупным предвестником общегерманской судьбы. В этом весомость созданного Вами труда»⁷¹.

В статье, опубликованной в начале 1963 г. в швейцарском (не в западногерманском!) военном журнале Ганс-Адольф Якобсен — авторитетный историк, бывший офицер вермахта, побывавший, как и Видер, в советском плену, утверждал, что в книге «Сталинград и ответственность солдата» содержится «блестящий анализ» истории и историографии сражения на Волге. Широко распространенный в ФРГ вывод о единоличной вине Гитлера за катастрофу являлся, по мнению Якобсена, «чересчур дешевым и чересчур упрощенным». Полностью сохраняют свое значение суждения ученого о проблеме ответственности представителей нацистской военной и политической элиты за агонию 6-й армии: «Чем выше их чины, чем шире понимание общей ситуации, тем значительнее мера их ответственности». Сталинградскую трагедию нельзя понять, убежден Якобсен, вне ее взаимосвязи с войной против СССР, вне ее характера и способов ведения. Во время этой войны (он именует ее «раковой опухолью режима») «речь шла с самого начала не о высоких, благородных задачах, о которых лгали нацистские властители, но — о необузданных, преступных целях». «Нельзя останавливаться на полпути, — указывал историк, — надо набраться мужества для того, чтобы задавать нелегкие вопросы и получать нелегкие ответы»⁷².

Голоса Видера и Якобсена не были услышаны в Западной Германии — ни историками, ни общественным мнением. Вальтер Гёрлиц, представлявший преобладавшее в 50-е и 60-е гг. консервативное направление исторической науки ФРГ, назвал книгу Видера «приговором судьбы», направленным против «военнослужащих, находящихся на ответственных постах»⁷³. Такими были, цитируя крупнейшего современного немецкого историка Ганса

Моммзена, «новые представления о прошлом, которые отвергали предостережения, связанные с нацистской эпохой»⁷⁴.

По существу, воззрения Гёрлица ничем не отличались от воззрений тогдашнего генерального инспектора (командующего) бундесвера Фридриха Фёрча — бывшего генерал-лейтенанта вермахта, побывавшего в советском плену. В конце 1962 г. режиссером Клаусом Хубалеком была снята телеверсия романа Пливье «Сталинград». Премьера была назначена на вечер 31 января 1963 г., когда исполнялась двадцатая годовщина капитуляции Паулюса. Командование бундесвера объявило — точно в указанный в телепрограмме день и час! — боевую тревогу для всех военнослужащих. Фёрч, не ограничившись прямым запретом просмотра передачи, издал специальный приказ, в котором обрушивался на «пропагандистские тезисы коммунистической психологической войны», на «кликлу леваков, окопавшуюся на телевидении», выдвигая в качестве примера для подражания бессмысленное сопротивление окруженных под Сталинградом войск. Попутно досталось и покойному Пливье, которого Фёрч назвал «бывшим коммунистическим писателем», исполнявшим «советский заказ»⁷⁵. В тогдашней ситуации этот скандальный эпизод остался практически незамеченным. Атмосфера холодной войны, отмечают видные историки Петер Ян и Рейнгард Рюруп, «не допускала возможности ощутить и разделить чужие страдания», «закрывала дорогу к самокритичным оценкам экспансии против Советского Союза»⁷⁶.

Знаменитый немецкий писатель, лауреат Нобелевской премии Генрих Бёлль с нескрываемой горечью писал в 1984 г.: «До сих пор большинство немцев так и не поняло, что их никто не звал под Сталинград, что как победители они были бесчеловечны и очеловечились лишь в роли побеждённых»⁷⁷.

«Тема Сталинграда определила и перевернула мою жизнь»

В ходе большой научной и политической дискуссии, развернувшейся в 1986–1987 гг. и получившей название «спор историков», неоднократно поднимался вопрос о характере нацистской агрессии против СССР. В историографии и в общественном сознании ФРГ начался демонтаж «образа врага», учеными были предприняты обстоятельные исследования войны гитлеровской Германии против СССР. Эта проблематика, совсем недавно вызывавшая отторжение и у историков, и у достаточно широких слоев населения, стала, по оценке талантливых ученых, сотрудников Ведомства военно-исторических исследований (Фрайбург) Вольфрама Ветте и Герда Юбер-

шера, «объектом публичных дискуссий, объектом коллективного воспоминания». «Мы можем двигаться вперед, — утверждали ученые, — только располагая точными данными об ужасных событиях, только обладая мужеством высказать и воспринять правду»⁷⁸.

Профессор Вильгельм Раймунд Байер (1902–1990) известен в научных кругах Европы как опытный исследователь истории философской мысли, как бессменный президент международного Гегелевского общества и организатор международных Гегелевских конгрессов. Байер изучал право в университетах Эрлангена и Росток, а в 1924 г. защитил диссертацию. Далее последовала служба в юридических фирмах, а в 1942 г. — призыв в вермахт и отправка на Восточный фронт. В 1987 г. во франкфуртском издательстве «Athenäum» вышла его небольшая книга «Сталинград. Внизу, где жизнь была конкретна»⁷⁹ — неожиданный для читателей текст, который автор вынашивал больше четырех десятилетий. Жанр публикации Байера едва ли поддается определению. Сгусток личных впечатлений солдата, оказавшегося в эпицентре мировой истории и пережившего трагедию окруженной армии? Суждения публициста о проблемах войны и мира в конце 80-х гг. XX века? Профессиональный анализ источников по истории сражения на Волге? Беспощадный критический обзор вышедшей в ФРГ литературы о Сталинградской битве? Очерк массовой психологии в пороговой ситуации между жизнью и смертью? Разъять сложную амальгаму содержания книги на некие пласты вряд ли возможно.

Давая своему труду подзаголовок «Внизу, где жизнь была конкретна», Байер воспроизвел, чуть видоизменив, формулу Гегеля из «Философии права». Содержание книги находится на рубеже двух сознаний: сознания солдата — одного из многих, обреченных на гибель своим режимом и своими командирами, — и сознания умудренного годами философа, ощутившего на склоне лет потребность в осмыслении роли, которую сыграла Сталинградская битва в его личной судьбе и в судьбе его поколения.

Байер, обладавший «чутким слухом, внимательным взглядом и хорошей памятью», свидетельствует: «Тема Сталинграда никогда не оставляла меня — и вчера, и сегодня. Она определила и перевернула мою жизнь»⁸⁰. Со страниц его исповедальных воспоминаний предстает картина мучительных передвижений 76-й дивизии, теснимой войсками Красной армии. 10 января 1943 г. Байер был тяжело ранен и на следующий день был эвакуирован с аэродрома «Питомник» — последнего аэродрома, могущего принять самолеты люфтваффе. Дальше — лазареты, отпуск на родину, военные действия во Франции.

В книге Байера мы читаем о мыслях и поступках людей, которые находились в пограничной ситуации между жизнью и смертью, порождавшей страх физического небытия, апатию, глухое недовольство системой, смутное предвидение неизбежного краха нацистского режима. В его памяти — каждодневная гибель однополчан, голод, болезни, вши, ощущение нарастающей безнадежности положения войск, брошенных командованием. В «котле» действовала полевая жандармерия, не переставали работать военные трибуналы, вынесшие, по официальным данным, 364 смертных приговора. Байер считает эту цифру сильно заниженной. В книгах, изданных в ФРГ, не говорится о массовом зашивлении солдат, а между тем, убежден Байер: тот, кто не упоминает о вшах, «не имеет права писать о Сталинграде»⁸¹.

Байер рассматривает германскую историографию битвы на Волге с позиции «участника боев в Сталинграде, всю жизнь несущего на себе груз выстраданного прошлого, в котором он участвовал и которое он пережил». Он в полной мере ощущает, что на нем «в равной мере лежит ответственность как за историю, так и за образ истории». Ученый именуется бóльшую часть западногерманских работ о Сталинграде «оправдывающей литературой», «комбинацией недостоверных сведений, иллюзий и фактов». Авторы публикаций подобного рода лишь «прикрываются именем исторической науки», нередко прямо повторяя «ложь, сфабрикованную министерством пропаганды», воспроизводя тезисы «приказной публицистики третьего рейха».

Что же касается «сконструированных мемуаров» гитлеровских военачальников, то в них совершенно игнорируются, подчеркивал Байер, действия и мысли «тех, кто были внизу», тех, кто стал «жертвами стратегических планов»⁸². «Все это были, — писал он, — доклады, которые одни «начальники» передавали по радио в Германию для сведения других «начальников», — и ничего больше... То, что действительно происходило «внизу, где жизнь была конкретна», не находило никакого отражения в приказах командования». В стороне оставались рядовые солдаты, «жертвы планов и конструкций, то самое фронтовое быдло». Освещение катастрофы вермахта с точки зрения простых солдат должно стать, по глубокому убеждению ученого, непременным условием «гуманистической трактовки исторических событий»⁸³.

К числу несомненных заслуг Вильгельма Раймунда Байера принадлежит то, что он раскрыл характер широко распространенного корпуса фальсифицированных текстов о Сталинграде — т. н. «последних писем». Байер был первым, кто усомнился в их подлинности. Ученого насторожили

«театральность» писем, их «хвастливый, заносчивый» тон, темы, которые «никак не затрагивали простых солдат». Авторами текстов, свидетельствовал Байер, могли быть люди, которые «находились в совсем ином мире». Его заключение было категоричным: «последние письма» представляют собой «топорно сработанную» мистификацию⁸⁴.

Советская историография, отмечал Байер, «по праву рассматривает 19 ноября как переломный день, как памятный день Сталинградской битвы». Байер писал, что изо всех авторов о Сталинграде, наиболее близок ему Василий Гроссман, который «был свидетелем сражения с самого близкого расстояния». В книге Байера содержится высокая оценка романа «Жизнь и судьба». Во фронтовых репортажах Гроссмана обстановка в стане врага дана как бы сквозь прорезь прицела — с преобладающими чувствами ненависти и справедливой мести. В творчестве «позднего» Гроссмана к неповторимой четкости зрения добавилось глубинное постижение всемирно-исторического смысла Сталинграда, в том числе для будущего Германии и немцев: «Но имелись особые изменения, начавшиеся в головах и душах немецких людей, окованных, зачарованных бесчеловечностью национального государства; они касались не только почвы, но и подпочвы человеческой жизни, и именно поэтому люди не понимали и не замечали их».

Этот процесс ощутить было так же трудно, как трудно ощутить работу времени. В мучениях голода, в ночных страхах, в ощущении надвигающейся беды медленно и постепенно началось высвобождение свободы в человеке, то есть очеловечивание людей, победа жизни над нежизнью... Кто из гибнущих и обреченных мог понять, что это были первые часы очеловечивания жизни многих десятков миллионов немцев после десятилетия тотальной бесчеловечности!»⁸⁵. Результаты анализа долговременных изменений травматической памяти немецких солдат совпадают у Байера с вышеприведенными выводами Гроссмана.

«Мы не часто спрашивали в Сталинграде о смысле событий, — свидетельствует ученый, — мы не часто думали об этом. Все это пришло позднее». Но он убежден: пребывание в котле «сформировало нас и наше мировоззрение», «определило нашу жизнь, перевернуло ее». И далее: тот, кто был там, «стал другим человеком». Сталинград явился «поворотом в судьбе тех, кто прежде не хотел ни слышать, ни видеть, ни думать». В людях пробуждалось человеческое начало: «И у тех, кто послушно участвовал в преступных акциях, потому что они должны были участвовать, возникла мысль: а не является ли ошибкой этот общественный порядок, если им порождено все происходящее?»⁸⁶. «Для простых солдат, для «фронтового быдла», для тех, кто молчал, маршируя во тьме,

Сталинград означает неотступное требование мира — таково глубокое убеждение философа. Существовал только один путь — «путь безусловно-го отказа от войны, от агрессии, от захвата чужих земель... Это была наша цель, даже тогда, когда мысль о ней скрывалась от самих себя. Но мысль возникала вновь и вновь»⁸⁷.

Труд Байера стал показателем наступавшего поворота в научном освещении и массовом осознании уроков грандиозного сражения Второй мировой войны. Отныне, по образному выражению Герда Юбершера, «была распахнута дверь для осознанного рассмотрения опыта и переживаний простых солдат», «повседневная жизнь маленького человека на войне стала предметом исследований и публикаций»⁸⁸. Осуществить эти задачи было невозможно без введения в оборот исторической науки принципиально новых достоверных источников, раскрывающих «другой лик войны», свидетельствующих об обстоятельствах жизни и смерти «тех, кто были внизу».

Придать истории битвы на берегах Волги и Дона человеческое измерение оказалось возможным лишь тогда, когда в научный оборот были введены прямые свидетельства жизни и смерти окруженных немецких солдат, когда была осуществлена критическая проверка текстов, считавшихся прежде бесспорно достоверными. Такие источники — в результате самоотверженных усилий российских архивистов и работников музеев — были обнаружены и стали достоянием международной науки, «недостающим звеном» в цепи познания реальной истории боевых операций под Сталинградом. Речь идет о комплексе уникальных эпистолярных источников — о подлинных письмах полевой почты 6-й армии. Их авторы погибли, а письма, не дошедшие до адресатов, были захвачены красноармейцами в качестве трофейных документов. Перед исследователями предстала «субъективная реальность» сталинградского окружения — предсмертные мысли и чувства людей, попавших в колеса гитлеровской военной машины и выступавших в двойной роли — роли преступника и жертвы⁸⁹.

«Как может всё это вынести человек?»

Речь идет о публикациях комплексов уникальных документов личного происхождения (немецкие ученые именуют их *Ego-Dokumente*) — подлинных письмах полевой почты 6-й армии. Понять планетарный характер сражения века, воссоздать безжалостно-правдивую картину эпохального события невозможно без учёта человеческого измерения войны, без анализа структур коллективного сознания, формирующихся во времена тектонических разломов мировой истории.

В 1943 г. в фонды Сталинградского государственного музея обороны (ныне Государственный историко-мемориальный музей-заповедник «Сталинградская битва») поступили большие коллекции немецких документов, захваченных в ходе ликвидации окруженной группировки противника, в том числе несколько мешков с письмами полевой почты. До 1953 г. они хранились (в первоначальном, неразобранном виде) в запасниках музея, но затем последовало категорическое распоряжение областного управления МВД: «уничтожить вражеские документы». Мешки с письмами были сожжены в котельной, но рядовым сотрудникам музея, хорошо понимавшим ценность указанных «единиц хранения», удалось спасти от уничтожения часть писем. Постепенно была начата работа по переводу документов на русский язык и их первичной обработке.

Благодаря начинавшемуся отходу от взаимной враждебности между нашими странами стало возможным реальное сотрудничество ученых и издателей. Первая научная публикация названных эпистолярных документов была осуществлена в июне 1991 г. в сборнике материалов, подготовленном учеными Волгограда, Берлина, Мангейма и приуроченном к открытию в Берлине (район Кройцберг) экспозиции «Сталинград — письма из котла»⁹⁰. В новой политической обстановке, когда в Германии шел активный процесс эрозии «образа врага», интерес общественности к выставке был велик, и ее оговоренный срок в Кройцберге был продлен. В марте-июне 1993 г. экспозиция была развернута сначала в Майнце, а затем в берлинском районе Шпандау. О выставке сообщали общегерманские и локальные средства массовой информации. Это был первый, достаточно скромный, опыт совместной российско-германской научной деятельности на крайне чувствительном поле истории сражения на Волге. Был издан обстоятельный каталог на русском и немецком языках. Берлинский филолог Йенс Эберт, который был одним из организаторов экспозиции, воспроизвел и прокомментировал на его страницах тексты 25 писем⁹¹.

В высшей степени характерно письмо ефрейтора Бруно Калиги, предназначенное его семье в Берлине, но не дошедшее до адресата: «Сейчас канун Нового года, и, если я думаю о доме, у меня разрывается сердце. Так здесь все плохо и безнадежно. Уже четыре дня я не ел хлеба и живу только на супе в обед, а утром и вечером глоток кофе... Везде голод, голод, голод и к тому же вши и грязь. Днем и ночью нас бомбят советские летчики, почти не прекращается артиллерийский огонь. Если в ближайшее время не свершится чудо, я здесь погибну. Мне очень плохо... Иногда я молюсь, иногда думаю о своей судьбе. При этом все представляет-

ся мне бессмысленным и бесцельным. Когда и как придет избавление? И что это будет — смерть от бомбы или от гранаты? Или болезнь? Все эти вопросы занимают нас постоянно. К тому же мучительные мысли о доме, тоска по родине стали уже болезнью. Как может все это вынести человек? Или все эти страдания — наказание Божие?.. Если из-за этого письма меня поставят перед военным трибуналом и расстреляют, то для моего измученного тела это будет избавлением от страданий. У меня больше нет надежды. И поэтому я прошу вас не очень сильно плакать, если вы получите известие, что меня уже нет в живых. Будьте добры в отношениях между собой и любите друг друга. Благодарите Бога за каждый прожитый день, потому что жизнь дома — это счастье».

В книге отзывов выставки, которая хранится в музее, посетители оставили впечатления от чтения документов, возвращающих их на полвека назад: «Хорошо, что эти письма стали доступны... Взгляд с советской и немецкой сторон на войну, анализ ее причин и следствий дают надежду на мирное будущее. Берлин. Август 1991 г.»; «Жаль, что такая впечатляющая выставка не могла состояться раньше. У меня сложилось впечатление от многих телепередач, что мужчины, которые были в то время в России, не имели ничего человеческого. Выставка писем опровергает это. Берлин. Ф.Г.»; «Я участник этого преступления. Снова и снова стыжусь того, что произошло. Берлин. 3 августа 1991 г.»; «Очень впечатляющая, незабываемая выставка, особенно для нас, немцев. Содержание этих писем показывает полную абсурдность германских войн в России, в Сталинграде. Эти письма должны прочитать многие. Многие должны понять программу германских войн».

Выставка открыла для нескольких посетителей судьбы их пропавших без вести родных. Через полвека были прочтены их предсмертные строки. Это произошло в Оберхаузене (земля Северный Рейн-Вестфалия), где Эберт Грюн увидел письмо своего брата. Его жена рассказывала: «Вчера нам сообщили по телефону, что на выставке экспонируется письмо деверя, т. е. брата моего мужа. Я даже вначале не поверила. Но это оказалось правдой. Так мы получили от него письмо спустя почти 50 лет! Это было странное чувство. Мы как будто говорили с прошлым или как будто мертвый разговаривал с нами. Мы же не знали, что с ним. Считалось, он пропал без вести. И вот это событие — как раз в канун Рождества... Это очень взволновало меня, всю мою семью». Запись Гюнтера Фридриха: «Мы очень тронуты последним письмом отца из Сталинграда. Это было ведь очень тяжелое время. Мой отец, ефрейтор Мартин Фридрих, до войны был почтальоном, а на войне служил на кухне. Наша мать всегда надеялась, что

он жив. Его товарищи рассказывали, что он попал в плен». В адрес Музея-заповедника было направлено письмо дочери унтер-офицера Эмиля Кадова: «Я благодарна сотрудникам музея за передачу мне, вероятно, последнего признака его жизни. Как хорошо, что были и есть такие люди, как вы, которые осознали, что любая война имеет также и очень глубокие человеческие стороны... Словами невозможно выразить, что я чувствую, глядя на письмо, которое он написал нам 4 января 1943 г. и которое разыскало меня спустя много лет»⁹².

Одновременно с открытием выставки в Кройцберге российско-германская общественная организация «Мюльхаймская инициатива» (одним из ее руководителей был Ганс-Адольф Якобсен) провела презентацию книги «Вырваться из этого безумия. Немецкие письма с Восточного фронта»⁹³. Сборник стал итогом совместных усилий международного коллектива авторов — российских исследователей Анатолия Головчанского, Валентина Осипова, Анатолия Прокопенко и немецких историков Уты Даниэль и Юргена Ройлекке — сотрудников университета города Зиген (земля Северный Рейн-Вестфалия).

На секретном хранении в бывшем московском Особом архиве находилось более 5 тыс. немецких писем. Около 2 тыс. писем написаны военнослужащими своим родным, но они не достигли адресатов. Составители сборника сохранили стиль, особенности написания, грамматические ошибки, характеризующие уровень образования солдат. Сборник вызвал живую реакцию в ФРГ, был издан дважды, но, к сожалению, не был переведен на русский язык и не нашел должного освещения в отечественных изданиях.

Около трети объема книги (67 писем из 200) составляет предсмертная корреспонденция из сталинградского окружения с 18 ноября 1942 г. по 2 февраля 1943 г. «По моему мнению, — писал в предисловии к сборнику экс-канцлер ФРГ Вилли Брандт, — эти документы, именно в силу их индивидуального характера, представляют для ныне живущих запоздалую возможность извлечь уроки из опыта военного поколения, уроки того, как можно «привыкнуть» к войне, уроки того, во что превращает людей война. Хотелось бы, чтобы опубликованные здесь письма стали бы сильным вкладом в то, чтобы изгнать войну из человеческого мышления»⁹⁴.

Российские участники проекта рассказали о том, какие принципы были положены в основу отбора, как сообща обсуждался перевод и содержание каждого из писем с тем, чтобы полнее представить весь спектр настроений и переживаний их авторов. Для немецких коллег было важно подчеркнуть, что содержание писем с Восточного фронта, этих камешков мозаичной картины вой-

ны, резко отличается от прежних трактовок историков, выпадает из общепринятых стандартов⁹⁵. Введение в научный оборот новых документальных свидетельств (прежде всего эпистолярных источников) о крупнейшем сражении Второй мировой войны, изменение угла зрения на катастрофу вермахта под Сталинградом неразрывно связаны с т. н. «антропологическим поворотом» в гуманитарных науках, с пересмотром традиционных представлений о социальных процессах и возможностях их познания, с активным вторжением исследователей в проблематику «истории повседневности» (*Alltagsgeschichte*), «истории снизу» (*Geschichte von unten*). Исследователи как бы вступают в диалог с рядовыми участниками исторического процесса⁹⁶.

Сошлюсь на труд всемирно знаменитого французского ученого Марка Блока «Апология истории, или Ремесло историка» (основная часть книги была, кстати, написана во французском подполье в период Сталинградской битвы). Если историк, утверждает Блок, исследует периоды, когда важнейшие течения исторической жизни «сходятся мощным узлом в сознании людей», то анализ «непреднамеренных свидетельств» (именно такими свидетельствами и являются немецкие солдатские письма), позволяет «проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов», исторгнуть у документов «сведения, которые они не собирались давать». При этом мы сможем узнать о прошлом «значительно больше, чем ему угодно было нам открыть»⁹⁷.

Отважные искатели правды

В конце 1992 — в начале 1993 г., когда отмечалось 50-летие битвы на Волге, Сталинград явился важнейшей темой печатных и электронных средств массовой информации ФРГ. Значительный резонанс вызвали коллективные труды, авторы принадлежали, как правило, к новому поколению ученых. Несмотря на различие отдельных подходов, они были едины в оценке войны против Советского Союза как криминальной, противоправной акции, убеждены в том, что поражение 6-й армии стало предвестником закономерного краха нацистской системы. Ключевое сражение мировой войны перестало быть объектом разделенной памяти.

Я говорю о следующих изданиях: «Сталинград. Мифы и реалии одного сражения» (под редакцией Вольфрама Ветте и Герда Юбершера)⁹⁸, «Сталинград. Событие. Воздействие. Символ» (под редакцией Юргена Фёрстера — сотрудника Ведомства военно-исторических исследований)⁹⁹, «Сталинград — немецкая легенда» (под редакций Йенса Эберта)¹⁰⁰. Под руководством Альфа Людтке (Гёттинген), одного из родоначальников

направления «истории повседневности», вышел в свет специальный номер журнала «Sozialwissenschaftliche Informationen», целиком посвященный проблеме «Сталинград: память и поиски идентичности»¹⁰¹. В основу указанных публикаций, представляющих синтез усилий российских и немецких военных историков, психологов, педагогов, медиков, литературоведов, легла полидисциплинарная методология реконструкции прошлого. Германские историки новой генерации справедливо полагали, что в их работах «нет окончательных ответов» на поставленные вопросы, что задача написания «критико-аналитической истории» грандиозного события войны все еще впереди.

В предисловии к книге «Сталинград — немецкая легенда» российский исследователь и публицист Лев Копелев, пользовавшийся в Германии самой широкой популярностью, выразил твердую убежденность в поддержке деятельности ученых, «свободных от идеологических предубеждений», «отважных искателей правды», способных «извлекать уроки из событий вчерашнего дня для того, чтобы обеспечить мирный завтрашний день». Уроки истории, подчеркивал Копелев, «всегда современны и плодотворны»¹⁰². Издатели и авторы указанных сборников были вынуждены «бороться с многочисленными мифами прошлого и преодолевать достаточно упорное сопротивление непонимания». Их целью было «вскрыть новые пласты прошлого»¹⁰³.

Идя против течения, они настойчиво задавали новые (или вспоминали прочно забытые, казалось бы, старые) вопросы. И прежде всего: «Кто несет ответственность за гибель немецких войск в замкнутом мертвом пространстве сталинградского котла?». Германская историография битвы на Волге, констатировал Людтке, отходит от односторонней ориентации на описание действий только «собственной стороны», от трактовки 6-й армии «исключительно в качестве жертвы», с которой «снималась вина за участие в преступлениях». Немецкие ученые сделали первые шаги к постижению «действий и страданий советских солдат и гражданского населения»¹⁰⁴. Признать свою вину нелегко. Поэтому, указывает крупный политолог Иринг Фечер (Франкфурт-на-Майне), многие немцы стремились и стремятся «оправдать себя тем, что они воевали против тоталитарного Советского Союза». Ученый напоминает: «Тот, кто выдвигает подобные аргументы, забывает, что без борьбы Красной Армии не был бы сокрушен вермахт... Русские солдаты сражались во имя защиты своей родины от разбойничьего нападения, а не во имя сохранения тоталитарного режима»¹⁰⁵.

На страницах коллективных трудов немало места уделено научному анализу писем из сталинградского окружения. Роземари Пападопулос-

Киллиус (Франкфурт-на-Майне) сопоставила содержание 192 писем, относящихся к последним неделям окружения. В письмах, датированных первой половиной января 1943 г., главным становится мотив предчувствия смерти: «Мы никогда уже не покинем Россию»; «Каждый из нас здесь и погибнет»... «Читая потрясающие человеческие документы из преисподней Сталинграда, — считает исследовательница, — мы не можем упускать из виду причинно-следственной связи. Речь идет о разочарованиях людей, которые несли другим смерть»¹⁰⁶. Вольфрам Ветте опубликовал отчеты отдела военной цензуры, проверявшего корреспонденцию из окружения. В отчете за 22 декабря 1942 — 9 января 1943 г. настроение именуется «неизменно хорошим» и даже «героическим», но приведенные выдержки из писем явно опровергают эти выводы: «Если мы выйдем из котла, то все окажемся в лазарете»; «Каждый из нас похож на свою смерть, остались только кожа да кости»; «Надеюсь, я окончательно отморожу ноги и попаду в госпиталь». От внимания цензоров не ускользнуло то, что значительная часть вскрытой корреспонденции оказалась «фактически прощальными письмами». В последнем отчете, охватывающем период до 16 января, сказано: у солдат «нет никаких надежд на освобождение», «наступило всеобщее отупение, все думают только о еде»¹⁰⁷.

Впервые взгляд «с того берега» был обращен к духовному миру советских бойцов и командиров, оборонявших Сталинград и разгромивших войска вермахта. Работая в нескольких советских архивах, Сабина Арнольд (Билефельд) убедилась в том, что содержание красноармейских «треугольников» адекватно отражает «самосознание фронтовиков, в особенности если проводить сравнение с письмами немецких солдат». У советских бойцов «было гораздо больше причин сражаться, чем у немцев», они «защищали родину, не желая отдавать свою землю захватчикам, творившим зверства на оккупированной территории», они «знали, кто виноват в их бедах, четко ощущали справедливость своей нравственной позиции». Перелом в войне, подчеркивает исследовательница, «происходил в головах советских солдат, а войска противника одновременно все больше охватывала апатия»¹⁰⁸.

В сообщении сотрудника Ведомства военно-исторических исследований Манфреда Керига (Фрайбург) содержится анализ личного фонда Паулюса в Федеральном военном архиве и записей радиопереговоров между Манштейном и Паулюсом. Историк указывает: при попытке прорыва из кольца «рассчитывать можно было только на чудо». Он аргументированно опроверг попытки Манштейна снять с себя ответственность за

катастрофу¹⁰⁹. Герд Юбершер опубликовал тексты радиообменов между верховным командованием вермахта и штабом Паулюса. Опираясь на эти документы, ученый пришел к выводу, что командующий армией, требуя «сражаться до последнего патрона» и гарантируя — вслед за Гитлером — спасение окруженных войск, был повинен в «обмане собственных солдат». Нацистские военачальники начали снимать с себя ответственность за поражение еще до завершения Сталинградской операции. В воспроизведенном Юбершером приказе Манштейна от 25 января 1943 г. содержится строгий запрет подчиненным «обсуждать причины краха 6-й армии»: дискуссии об этом «могут принести вред» и поэтому «не должны иметь места». Военнослужащим группы армий «Дон» категорически предписывалась «обязанность молчать» о причинах и обстоятельствах гибели своих товарищей¹¹⁰.

Архивные разыскания, которые были осуществлены Вольфгангом Эккартом (Гейдельбергский университет) и Рольфом-Дитером Мюллером (Ведомство военно-исторических исследований), привели к выводу, ломавшему традиционные воззрения: причиной трагедии 6-й армии была «не героическая гибель в боях с войсками противника, но жалкая голодная смерть». 6-я армия уже в октябре оказалась без продуктовых ресурсов: командование рассчитывало исключительно на организованный грабеж захваченных российских территорий. После 19–20 ноября, когда замкнулось кольцо окружения, продовольствие перебрасывалось по воздуху, но обещанный Герингом авиационный мост действовать исправно не мог. В декабре ежедневная хлебная норма была уменьшена, а в середине января солдатам перестали выдавать продовольствие. «Мимо этого факта, — подчеркивает Мюллер, — проходило большинство историков советско-германской войны». Автор ставит главный вопрос — об ответственности нацистской элиты за гибель солдат. 6-я армия, утверждает он, «стала жертвой той судьбы, которая была уготована советскому населению»¹¹¹.

6-я армия: маршруты военных преступлений

В 1997–2004 гг. (с перерывом в 1997–2002 гг.) в нескольких десятках городов Германии действовала передвижная документальная выставка, посвященная преступлениям солдат и офицеров вермахта — прежде всего на оккупированных территориях Советского Союза. Выставку посетили около миллиона человек. Во многих городах, в федеральном и земельных парламентах ФРГ возникали бурные дискуссии. Но одновременно не утихали демонстрации сторонников реабилитации нацистских вооруженных сил¹¹².

Выставка стала попыткой сломать закрепившиеся в социальном сознании ФРГ представления, согласно которым вермахт вел против Советского Союза «чистую войну». Что же касалось очевидных преступлений на оккупированных территориях, то они привычно относились на счет нацистских карательных формирований. Вина за агрессию и ее провал перекладывалась на «фюрера», криминальные деяния объявлялись акциями «грязных СС», а вермахт именовался высокопрофессиональной армией с незапятнанной репутацией. Одна из немецких газет в 1995 г. констатировала: «Вермахт и нацистское государство, война и Холокост, железный крест и свастика — эти понятия тщательно отделяются друг от друга в подсознании нации»¹¹³. Выставка, по убеждению Норберта Фрая, «повернула германское общество лицом к теме, которую историческая наука слишком долго разрабатывала с большой оглядкой». Историк обратил внимание на «диалектику вытеснения из социальной памяти преступлений нацистского режима и формирования реальных представлений о злодеяниях национал-социализма»¹¹⁴.

Важнейшим компонентом экспозиции стал раздел «Путь 6-й армии к Сталинграду», авторами которого были сотрудники Института социальных исследований (Гамбург) Бернд Болль и Ганс Зафриан. Историки отмечали: «Коллективное сознание идентифицирует 6-ю армию с битвой под Сталинградом. Ни об одном другом крупном соединении вермахта не было выпущено такого большого числа публикаций... В них освещается, исходя из различных познавательных интересов и пропагандистских установок, «жертвенный путь» армии... Поэтому убедительной может стать попытка рассмотреть события под другим углом зрения. Потому что сосредоточение на «факторе жертв» является историческим продолжением нацистских мистификаций»¹¹⁵. От Львова до Сталинграда за армией тянулся кровавый след. На выставке были представлены неопровержимые документы о зверствах солдат и офицеров 6-й армии, об их прямом участии — совместно с подразделениями СС и СД — в еврейских погромах в Киеве и Белой Церкви, в расстрелах политкомиссаров и заложников, в казнях мирных жителей в Ростове, в организации голода в оккупированном Харькове¹¹⁶.

Выставка «Преступления вермахта», дебаты об экспозиции имели серьезные долговременные последствия. В ФРГ были выпущены основательные работы, посвященные политике вермахта в захваченных регионах СССР. Новое состоит в том, что авторы (преимущественно молодого и среднего поколений) активно используют архивные источники, в том числе документы из россий-

ских архивов. Сделаны первые шаги в разработке тематики оккупационного режима 6-й армии, ее военных преступлений в Сталинграде и в Сталинградской области.

Первой публикацией такого рода стала статья молодого ученого Герта Любберса (Мюнстер) «6-я армия и гражданское население Сталинграда»¹¹⁷. «Битва под Сталинградом, — замечает он, — одна из самых исследованных глав истории Второй мировой войны. Но о судьбе людей, живших в Сталинграде, обычно говорится лишь мимоходом». Из изученных автором фондов Государственного военного архива во Фрайбурге явствует, что Гитлер и германское командование заранее решили судьбу граждан Сталинграда: «мужчин уничтожить, женщин вывезти» (21 августа 1942 г.); «при вступлении в город все мужское население должно быть устранено» (2 сентября). Заблаговременно была создана плотная сеть карательных организаций, которая должна была распоряжаться жизнью и смертью жителей «особо опасного» города: организация Тодта, представительства «экономического штаба Ост», уполномоченные ведомства Заукеля по угону людей в Германию...

По настоянию представителей Заукеля было решено «эвакуировать работоспособное население» (прежде всего женщин) для принудительного труда в прифронтовой полосе и на территории рейха. Тыловым частям 6-й армии было поручено командовать депортацией жителей Сталинграда и окрестностей: гнать их под охраной солдат вермахта пешком до станции Чир, а оттуда — на станцию Белая Калитва (Ростовская область). При этом было строго приказано избегать «любых проявлений неверно понятого человеческого отношения». Военное командование отказалось кормить изгнанных с мест жительства голодных людей: «снабжение в степи между Доном и Волгой невозможно». Поскольку «эвакуация» в направлении Белой Калитвы проходила, с точки зрения командования, неудовлетворительно, было решено перенаправить потоки беженцев на юго-восток — в полупустынные калмыцкие степи, т. е. обречь их на верную гибель от голода и жажды¹¹⁸.

В заявлении жителя Сталинграда А.М. Кудряшова в районную комиссию по расследованию преступлений оккупантов говорилось: «Фашистские бандиты как скот сгоняли мирных граждан и под конвоем увозили в Германию. Меня и мою семью бандиты угнали в Белую Калитву. Там был лагерь русских мирных граждан — русские пленные, как называли нас фашисты. В этом лагере несколько сот граждан были со Сталинградского тракторного завода. Всю молодежь фашисты отбирали как вещь и грузили в вагоны, запирали их и под конвоем отправляли в Германию... Меня и мою жену немцы не увезли в Германию лишь по-

тому, что мы были стары и больны (мне 63 года, жене — 61). Детей моих немецкие офицеры также рассматривали как вещь и намерены были взять и отправить в Германию, но спасло их то, что они были глухи и немые». Всего было угнано в германское рабство 64 224 жителя Сталинграда и Сталинградской области¹¹⁹.

Дополнением к этой трагической картине служит дневниковая запись солдата 6-й армии (от 11 октября 1942 г.), опубликованная в монографии работавшего в российских архивах исследователя Дитера Поля (Институт современной истории) «Господство вермахта. Германская оккупация и местное население в 1941–1944 гг.»: «Гражданские лица — от детей двухнедельного возраста до стариков, едва стоящих на ногах. Со своими жалкими пожитками, которые они везут на тележках или тащат на себе... Их не пускают на ночевку, они идут там, где на протяжении 30–50 километров нет жилья. Ночью холодно, днем жара и невыносимая пыль»¹²⁰. По данным Поля, в районе Сталинграда действовала та самая зондеркоманда 4а, которая организовала расстрел евреев Киева в Бабьем Яру. В станице Нижне-Чирская Сталинградской области были расстреляны 50 детей в возрасте от 6 до 8 лет, находившиеся в психиатрической больнице. На северной окраине Сталинграда, близ села Алексеевка, 27 сентября 1942 г. был создан лагерь для советских военнопленных «Дулаг-205». Лагерь находился в открытом поле и обнесен колючей проволокой, охранялся солдатами вермахта. Пленные, подходившие к заграждению, расстреливались без предупреждения. В четырех землянках, рассчитанных на 400 человек, располагалось более 4 тысяч. Ежедневно от голода и побоев погибало 15–20 военнопленных. С начала декабря командование 6-й армии прекратило снабжение лагеря продовольствием, перестали давать даже воду. Общее число погибших составило около 3 тысяч пленных». Полю ссылаются на архивный документ — докладную записку Главного управления контрразведки СМЕРШ о расследовании зверств фашистов в «Дулаге-205»¹²¹.

«Незажившие раны других»

В октябре 2012 г. во Франкфурте-на-Майне состоялась презентация необычной для Германии книги о Сталинграде, рассказывающей не о действиях вермахта, но об отстоявшем город на Волге солдатах и офицерах Красной армии, о бедах и жертвах мирных жителей. Издатель документального тома «Сталинградские протоколы» — Йохен Хелльбек, видный немецкий историк, работающий в американском университете Ратгерса (штат Нью-Джерси)¹²². При поддержке Фонда Тиссена (ФРГ), Института российской истории, а также Германского исторического института в Мо-

скве Хелльбек осуществил издание избранных материалов т. н. «комиссии Минца». Ее официальное название — Комиссия по изучению истории Отечественной войны. Она была создана в ноябре 1941 г. во главе с членом-корреспондентом АН СССР (с 1946 г. — академиком) Исааком Израилевичем Минцем. Задача комиссии состояла в сборе и сохранении устных и письменных свидетельств о героической борьбе нашей армии и народа против германского фашизма. При этом была максимально использована методика записи интервью, отработанная в 30-е гг. в ходе реализации проектов «История заводов и фабрик» и «История гражданской войны».

В январе 1943 г. сотрудники комиссии, сопровождаемые опытными стенографистками, прибыли в разрушенный до основания Сталинград. Членами комиссии было запротоколировано 130 бесед с 215 участниками и свидетелями исторических событий. Это были генералы, командиры и политработники всех рангов, сержанты и рядовые красноармейцы, матросы Волжской военной флотилии, медсестры, бойцы добровольческих истребительных батальонов, секретари партийных комитетов, рядовые жители Сталинграда... Мы слышим живые голоса, с беспощадной откровенностью рассказывающие о трагедии отступления и о радости победы, о мужестве и жертвах защитников города, о повседневности великой битвы. Перед нами не имеющее себе равных достижение *oralhistory* — устной истории, неограниченное поле для серьезных исследований. Весь массив документов был передан в Научный архив Института истории АН СССР (ныне Институт российской истории РАН)¹²³.

Многочисленные документы, вошедшие в книгу, говорят о беспримерном ожесточении боевых действий. Капитан Николай Аксенов (284-я Сибирская стрелковая дивизия), историк по образованию, говорил: «Пять месяцев, которые я провел в Сталинграде, равны пяти годам обычной жизни... Как историк, я пытался сравнить Сталинград с известными в истории сражениями: Бородино, Верден, но все это не подходило для сравнения. Измерение Сталинградской битвы несопоставимо. Казалось, земля Сталинграда весь день дышала огнем»¹²⁴.

Что же было источником беспримерного мужества бойцов и командиров Красной армии? Интервью, опубликованные на страницах «Сталинградских протоколов», не оставляют камня на камне от запущенной национал-социалистами и часто повторявшейся во время холодной войны легенды о том, что красноармейцы ожесточенно сражались якобы только потому, что в противном случае их казнили бы сотрудники карательных органов. Разумеется, расстрелы имели место

и не только по приговорам военных трибуналов. Приказ Сталина № 227 выполнялся неукоснительно. Командующий 62-й армией генерал-лейтенант Василий Чуйков сообщал о своем обращении с «пораженцами»: «14 сентября я расстрелял командира и комиссара одного полка, а через некоторое время я застрелил двух командиров бригад и двух комиссаров. Все были ошеломлены»¹²⁵. Но масштабы расстрелов в западных публикациях до сих пор сильно преувеличиваются. Британский историк Энтони Бивор (его книга «Сталинград» в 1999 г. без каких-либо комментариев была издана на русском языке¹²⁶), не ссылаясь на источники, говорит о «примерно 13 тысячах» расстрелянных во время Сталинградской битвы бойцах и командирах. Но, подчеркивает Хелльбек, обнаруженные в российских архивах документы свидетельствуют: в 62-й армии были приговорены к смерти 278 человек¹²⁷.

В интервью достаточно редко упоминается имя Сталина (почти исключительно в высказываниях представителей командного состава и политработников). Характерны слова члена военного совета 62-й армии генерал-лейтенанта Кузьмы Гурова: «Солдаты поняли, что они являются людьми, ответственными за государство»¹²⁸. Многие советские люди ощутили себя — хотя бы на время! — субъектами истории, а не ее объектами, чему посвящено немало замечательных страниц романа Василия Гроссмана «Жизнь и судьба». И эта внутренняя раскрепощенность явно ощущается в стенограммах бесед с учеными.

Как участники сражения оценивали противника? Особый интерес представляет запись интервью с капитаном Петром Зайончковским, старшим инструктором отдела по пропаганде среди войск противника 66-й армии, впоследствии выдающимся историком, профессором МГУ. Он безусловно признавал «политико-моральную стойкость» и «крепкую механическую дисциплину» солдат вермахта. Но в условиях окружения брали верх «грабительские инстинкты», разбой по отношению к местным жителям. Зайончковский указывал на нараставшее воздействие советской пропаганды на солдат вермахта: «Мы часто находили наши листовки у пленных и убитых... Один из пленных рассказал мне, что он, используя оказию, послал домой одну из листовок... Немцы охотно слушали наши передачи. Как правило, они не стреляли. После трансляции стрельба возобновлялась»¹²⁹. Во время паузы в переговорах о капитуляции штаба Паулюса состоялся примечательный обмен репликами между начальником штаба 6-й армии генерал-лейтенантом Артуром Шмидтом и капитаном Лукьяном Морозовым (переводчик был рядом). Шмидт: «Не подумайте, что наша немецкая армия слаба, она ещё крепка,

она еще очень сильна, она оснащена первоклассной техникой». Морозов: «Но для Красной Армии это лучше, потому что Красная Армия бьет такую первоклассную армию»¹³⁰.

Том, изданный Хелльбеком, привлек внимание многих немецких СМИ, ознаменовав новый уровень восприятия Сталинградской битвы. «Как никакая другая книга последних лет, — отмечала газета «Süddeutsche Zeitung», — она вынуждает читателя взглянуть на незажившие раны других. Эти раны невозможно игнорировать»¹³¹. Многие читатели книги впервые узнали о варварских бомбардировках Сталинграда. Только 23 и 24 августа 1942 г. погибло 42 797 мирных жителей. Город был полностью разрушен. На страницах «Сталинградских протоколов» опубликованы свидетельства очевидцев этой трагедии: «Это был воздушный налет, какого еще не было. Казалось, все небо было закрыто самолетами. Как будто не существовало ни одного клочка земли, на который не упала бы бомба»; «Все вокруг горело, и немец безжалостно бросал бомбы. Начинать с одной улицы, потом на другую. И так без конца, без конца, как на конвейере»¹³².

«Что чувствовали советские солдаты во время битвы за Сталинград? Соответствуют ли действительности утверждения о том, что их силой оружия принуждали к борьбе на фронте?», — вопрошал, рецензируя «Сталинградские протоколы», публицист Михаэль Зонтхаймер. И так отвечал на свои вопросы: «Мораль красноармейцев в боях против поначалу превосходившей их по силе немецкой 6-й армии питалась ненавистью к оккупантам. А немцы только усиливали эту ненависть за счет своего жестокого поведения на оккупированных территориях. На пути к Сталинграду 6-я армия внесла свой вклад и в Холокост. Гражданское население подвергалось террору»¹³³.

Приведу высказывания различающихся по своим воззрениям крупных ученых Ганса Моммзена и Кристиана Хартмана (представляющего Институт современной истории). Моммзен: «В противовес тезису о «жертвенном пути» германских соединений, распространяемому, как правило, в германской историографии», публикация Хелльбека «устраняет предрассудки о том, что советские войска сохраняли высокую боеспособность только на базе насильственных действий и массовых расстрелов»¹³⁴. Хартман: «Нет никакого сомнения в аутентичности и подлинности протоколов... Эти незаменимые документы открывают новые горизонты для рассмотрения одного из центральных событий Второй мировой войны» с учетом «советской перспективы, которая не занимает в Германии того места, которого она заслуживает»¹³⁵. Оценивая смысл «Сталинградских протоколов», газета «Süddeutsche Zeitung» пришла

к однозначному выводу: «От Сталинграда ведет прямой путь к безоговорочной капитуляции германского рейха»¹³⁶.

В беседе с корреспондентом Германского радио Йохен Хелльбек дал исчерпывающую характеристику научного и политического значения протоколов: «Будучи многократно исследованным, Сталинградское сражение, если говорить о большинстве немецких и западных публикаций, остается в высшей степени германоцентристской историей, более того, историей германских жертв... При интерпретации Сталинграда как германской драмы в германской памяти противник остается вне сферы внимания». Пришло время, подчеркнул историк, отказаться от одностороннего подхода и перейти — на основе новых источников — к диалогу российской и немецкой памяти¹³⁷. Станут ли «Сталинградские протоколы» компонентом нашей исторической науки и нашего исторического сознания? Остается надеяться на публикацию российского комментированного издания уникального корпуса документов, отражающего человеческое измерение эпохального события Великой Отечественной войны.

«В памяти немцев и русских»

К 70-летию Сталинградской битвы в Военно-историческом музее бундесвера (Дрезден) с 14 декабря 2012 г. до 30 апреля 2013 г. была развернута масштабная выставка. К открытию экспозиции был выпущен образцово оформленный фолиант, включающий собрание 18 аналитических статей научного характера и подробный иллюстрированный каталог выставки¹³⁸. Газета «Der Tagesspiegel» справедливо писала об этой публикации: «Каталог, значение которого далеко выходит за рамки выставки»¹³⁹.

Создатели экспозиции и авторы статей представляют новое поколение историков, в значительной мере свободное от предвзятых подходов немецких ученых прежних поколений. В ходе подготовки выставки был сделан значительный шаг вперед в разработке темы Сталинграда. Научный куратор выставки Йенс Венер следующим образом характеризует ее концепцию: «Речь идет в меньшей степени о том, что думали или что планировали генералы, но о том, что происходило во время битвы с немецкими солдатами, красноармейцами и с мирным советским населением»¹⁴⁰. В изучении повседневности войны (в том, в частности, что касается немецких войск в Сталинграде) немецкими учеными уже был накоплен определенный опыт. В Дрездене впервые были показаны и прокомментированы обширные материалы о повседневной жизни советских солдат и офицеров, равно как и мирных жителей Сталинграда. Выставка явилась результатом профессио-

нального сотрудничества Военно-исторического музея бундесвера с музеями и архивами Российской Федерации, прежде всего с Волгоградским мемориально-историческим музеем-заповедником «Сталинградская битва». Из 600 экспонатов выставки примерно половина была представлена российскими музеями и архивохранилищами.

В статье Венера, открывающей каталог выставки, содержится аргументированная критика широко распространенных до сих пор утверждений о том, что вермахт якобы являлся «не политической, но мужественно сражавшейся армией». Посетители выставки получили четкое представление о том, что солдаты и офицеры 6-й армии вермахта на своем пути к Сталинграду и в самом городе совершали несчетное число преступлений. Поэтому, указывает Венера, «большинство красноармейцев было убеждено в том, что немецкие солдаты являлись не освободителями от сталинизма, как это утверждала нацистская пропаганда, но преступными оккупантами, которые не останавливаются перед массовыми убийствами»¹⁴¹.

Среди экспонатов выставки немало материалов, дающих полные и объективные сведения о ходе боевых действий на подступах к Сталинграду, об уличных боях в городе, об операции Донского и Сталинградского фронтов по уничтожению окруженной группировки противника. Но организаторы выставки уделяют первостепенное внимание человеческому измерению войны, ее трагической повседневности. В научный оборот вводятся письма советских солдат и офицеров из Сталинграда, хранящиеся в Волгоградском музее-заповеднике «Сталинградская битва» и в Белорусском государственном музее Великой Отечественной войны. Подробный анализ этих ценнейших документов представила берлинская исследовательница Эльке Шерстяной¹⁴². Перед нами несколько фрагментов из красноармейских фронтовых писем: «Мы делаем все возможное, чтобы разгромить врага у ворот Сталинграда»; «С самого начала моего пребывания на фронте я защищаю Сталинград. Многие из этих фашистских свиней уже уничтожены»; «Скоро, очень скоро мы одолеем врага»; «Я ранен в обе ноги и в одну руку, но это мелочи, которые я перенес легко... Кости не затронуты, и я скоро буду танцевать фокстрот»; «Когда до меня дошло ваше трогательное письмо, я находился в бою против немцев и был ранен осколком в правый глаз. Сейчас я хожу в санбате, осколок был удален, и я надеюсь, что все скоро заживет, и мой глаз будет видеть как и прежде»¹⁴³.

Экспозиция в Военно-историческом музее, отмечала газета «KölnerStadt-Anzeiger» является примером «объективного разговора о Сталинграде, который стал возможным только сегодня».

ня»¹⁴⁴. Выставка, согласно оценке газеты «Leipziger Volkszeitung», представляет собой «взгляд на трагедию, в которой виновна Германия и в ходе которой погибли десятки тысяч немцев»¹⁴⁵. В развернутом комментарии радиостанции «Немецкая волна» о выставке, которая была названа «ясной, неприкрашенной и честной», «единственной в своем роде», говорилось: «В течение нескольких десятилетий в памяти о Сталинграде доминировали селективное восприятие, отказ от видения страданий других и собственных преступлений». И далее: экспозиция «противостоит устоявшимся мифам о Сталинграде», являясь «беспримечательной школой обучения в духе мира, безопасности и прав человека — особенно для тех, кто родился после войны»¹⁴⁶.

Представляют несомненный интерес записи из книги отзывов посетителей выставки: «Экспозиция интересна и содержит в себе множество открытий»; «Несмотря на мои знания и на мой опыт, выставка очень меня затронула. Я узнал много новых фактов. Особенно важно стремление к объективному изложению исторических событий»; «Впечатления о выставке лучше и поучительней, чем знания, полученные на уроках истории»; «Многогранная выставка, которая приближает нас к судьбам людей»; «Впечатляющая экспозиция, которая дает аутентичное представление об ужасах прошлого»; «Выставка открывает новые горизонты»¹⁴⁷.

На наших глазах складываются некоторые первичные предпосылки реального сопряжения российского и немецкого подходов к истории Сталинградской битвы. Сопоставим разделенные десятью годами высказывания авторитетных немецких газет общенационального уровня. «Die Welt», 2003 г.: «Этот город не оставляет равнодушным ни одного немца. Никто из нас не может вычеркнуть его из собственной истории»¹⁴⁸; «Frankfurter Rundschau», 2013 г.: «В памяти немцев и русских имя Сталинграда выжжено огнем как место судьбоносного, жертвенного перелома»¹⁴⁹.

Путь к постижению исторических смыслов победы Красной армии под Сталинградом (как и войны в целом) оказался для немцев мучитель-

но сложным. За испытанием войной последовало испытание правдой о войне. Прогресс в деле преодоления стереотипов в оценке катастрофы вермахта достигнут в пограничной зоне между историческим знанием и массовым историческим сознанием. Именно здесь разворачивались дискуссии, прямо и косвенно влиявшие на направленность исторических исследований о сражении века, на их новую методологию, на их новую оптику.

Трансформация коллективной памяти о стратегическом рубеже Второй мировой войны — это достаточно четкая проекция ведущих тенденций (и ритмов) развития германского социума в течение нескольких десятилетий: структурных изменений в направлении формирования гражданского общества, вступления в сознательную жизнь новых поколений, расширения полей научного поиска. Воспоминания о решающем сражении мировой войны стали не только пульсирующей болью германского общества, но и неотъемлемым компонентом социального самоанализа, уяснения факторов и причин, породивших тоталитарный режим и его преступления, формирования новых ценностей в системе культурных и общественно-политических институтов.

Структура германской памяти об эпохальном военном противостоянии остается неоднородной. Самопознание Сталинграда — продолжающийся в германском социуме процесс. Норберт Фрай, говоря о повороте на Волге, жалеет о том, что «результаты достижений альтернативного исторического знания все еще не удалось сделать достоянием широкой общественности». Сохраняется нежелание понять, что «немецкие солдаты действительно были жертвами, но жертвами безответственного высшего военного командования». Для преодоления «белых пятен в немецкой публичной памяти о Сталинграде», уверен историк, необходимо «самокритичное извлечение уроков из нацистского прошлого», нужен постоянный «диалог между немцами и русскими»¹⁵⁰. Сохранять и развивать такой диалог тем более важно сегодня, когда отношения наших стран переживают не самые лучшие времена.

¹ Правда. — 1943, 4 февраля.

² Здравомыслов А. Г. Немцы о русских на пороге нового тысячелетия. Беседы в Германии. М., 2003. — С. 489–490. Авторитетный берлинский историк Петер Ян в 2003 г. констатировал: «Блицкриг», «план Барбаросса», «Нормандия» остались метафорами для отдельных этапов войны, но в Сталинградском сражении проявилась вся сущность войны» (Jahn Peter. Vorwort // Stalingraderinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. Begleitbuch zur Ausstellung im Deutsch-Russischen Museum Berlin-Karlshorst. — Berlin, 2003. — S. 7).

³ Характерна реплика влиятельной немецкой газеты: «Те, кто говорят о Сталинграде, имеют в виду или беспримечательный триумф, или же сокрушительное поражение» (Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2012, 22. Dezember.).

⁴ Толстой Л. Н. Собрание сочинений в 22 томах. Т. 7. — М., 1981. — С. 298.

⁵ Scheel Klaus. Anweisungen für die Darstellung der Stalingrader Schlacht in der faschistischen Presse // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 1973, Н. 6. — S. 684–700.

- ⁶ Fetscher Iring. Joseph Goebbels im Berliner Sportpalast 1943. «Wollt ihr den totalen Krieg?». — Hamburg, 1998; Оверманс Рюдигер. Другой лик войны: жизнь и гибель 6-й армии // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ / под ред. Ю. Фёрстера. — М., 1994. — С. 451–452.
- ⁷ Wette Wolfram. Das Massensterben als «Heldenepos» // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht / W.Wette, G.Ueberschär(Hrsg.). — Frankfurt a. M., 1992. — S. 57, 59.
- ⁸ Boberach Heinz. Stimmungsumschwung in der deutschen Bevölkerung // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 61–66.
- ⁹ Die Tagebücher von Joseph Goebbels. Teil II. Bd. 5. — München, 1995. — S. 495; Bd. 6. — München, 1996. — S. 287.
- ¹⁰ Председатель т. н. «народного суда» Фрайслер с августа 1942 по февраль 1945 г. вынес 2295 смертных приговоров. См.: «Es lebe die Freiheit!». Die Geschichte der Weißen Rose und ihrer Mitglieder in Dokumenten und Berichten / U. Chaussy, G.Ueberschär (Hrsg.). — Frankfurt a. M., 2013. — S. 187.
- ¹¹ Царуски Юрген. Поражение немцев в Сталинграде: реакция немецкого общества и нацистского государства // Россия XXI. — 2013, №2. — С. 127.
- ¹² Frei Norbert. Stalingrad im Gedächtnis der (West-)Deutschen // Stalingrad erinnern. Stalingrad im deutschen und im russischen Gedächtnis. — S. 8.
- ¹³ Herbert Ulrich. Fremdarbeiter. Politik und Praxis des «Ausländer-Einsatzes» in der Kriegswirtschaft des Dritten Reiches. — Bonn, 1986. — S. 239. Ведущий сотрудник еженедельника «DieZeit», историк и публицист Бернд Ульрих указывает на то, что помимо явного «ужесточения системы репрессий» существовало «не очень-то скрытое согласие между правителями и теми, кем они правили» на базе общих «опасений и страхов». Причиной таковых были, по мнению Ульриха, как «интенсивная пропаганда», так и «знание о преступлениях» (Ulrich Bernd. Stalingrad. — München, 2005. — S. 111).
- ¹⁴ Kellner Friedrich. «Vernebelt, verdunkelt sind alle Hirne». Tagebücher 1939–1945. Bd. 1. — Göttingen, 2011. Сокращенный русский перевод: Кельнер Фридрих. Одураченные. Из дневников (1939–1945) // Иностранная литература. — 2014, № 10. — С. 3–119.
- ¹⁵ Kellner Friedrich. Op. cit. — S. 382, 386–387, 395.
- ¹⁶ «Es lebe die Freiheit!». — S. 31–34.
- ¹⁷ Ibid. — S. 359.
- ¹⁸ Ibid. — S. 42–44.
- ¹⁹ На одной из центральных площадей Мюнхена находится обелиск памяти 30 тысяч баварцев, ставших жертвами войны Бонапарта против России.
- ²⁰ Messerschmidt Manfred. Vier Soldaten der «Weissen Rose» vom Volksgericht verurteilt // «Wider die Kriegsmaschinerie». Kriegserfahrungen und Motive des Widerstandes der «Weissen Rose» / D. Bald (Hrsg.). — Essen, 2005. — S. 169.
- ²¹ «Es lebe die Freiheit!». — S. 45–46.
- ²² Ibid. — S. 230, 274.
- ²³ Правда. — 1942, 3 ноября.
- ²⁴ Ленинградская правда. — 1943, 5 января.
- ²⁵ Mann Thomas. Deutsche Hörer! Radiosendungen nach Deutschland aus den Jahren 1940 bis 1945. — Frankfurt a. M., 1987. — S. 92, 107.
- ²⁶ За Германию — против Гитлера. Документы и материалы о создании и деятельности Национального комитета «Свободная Германия» и Союза немецких офицеров. — М., 1993. — С. 94–96.
- ²⁷ Sassning Roland. «Hier spricht der Deutsche Volkssender... // Beiträge zur Geschichte des Radios. — 1979, Н. 4. — S. 56–57. См. также: Pütter Conrad. Rundfunk gegen das «Dritte Reich». Deutschsprachige Rundfunkaktivitäten im Exil 1933–1945. Ein Handbuch. — München, 1986.
- ²⁸ За Германию — против Гитлера. — С. 228.
- ²⁹ Цит. по: Ueberschär Gerd. Stalingrad — eine Schlacht des Zweiten Weltkrieges // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 40.
- ³⁰ Freies Deutschland. — 1943, 15. September.
- ³¹ Айнзидель Генрих фон. НГСГ — легенда и действительность // Борьба антифашистских организаций против фашизма в период Второй мировой войны: история и современность. Сборник материалов. М., 2003. С. 34.
- ³² См.: Düsel Hans. Die Flugblätter des Nationalkomitees «Freies Deutschland». — Bad Albing, 1987.
- ³³ Басистов Юрий. Война без насилия. Тактика психологической войны на фронтах Второй мировой войны // Россия и Германия в XX веке. Т. 1. Обольщение властью. Русские и немцы в Первой и Второй мировых войнах / под ред. К. Аймермахера, Г. Бордюгова, А. Фольперт. М., 2010. С. 318.
- ³⁴ Berliner Zeitung. — 2002, 7. Dezember.
- ³⁵ Plievier Theodor. Stalingrad. — Berlin, 1945.
- ³⁶ Becher Johannes R. Briefe 1909–1958. — Berlin, 1993. — S. 188.
- ³⁷ Andersch Alfred. Deutsche Literatur in der Entscheidung. Ein Beitrag zur Analyse der literarischen Situation. — Karlsruhe, 1948. — S. 22.
- ³⁸ Hamburger Freie Presse. — 1946, 25. September.

- ³⁹ Neue Presse. — 1947, 6. August.
- ⁴⁰ Plievier Theodor. Offener Brief // Aufbau. — 1947, H. 3. — S. 135 — 137.
- ⁴¹ Peitsch Helmut. Theodor Plieviers «Stalingrad» // Faschismuskritik und Deutschlandbild im Exilroman / Ch. Fritsch, L. Winckler (Hrsg.). — Berlin, 1981. — S. 83–101; Nickel Gunther. Faction. Theodor Plievier: «Stalingrad» (1945) // Von Böll bis Buchheim. Deutsche Kriegsprosa nach 1945/ H. Wagener (Hrsg.). — Amsterdam, Atlanta, 1997. — S. 49–62. Можно только сожалеть о том, что книга Пливье, впервые изданная в СССР, до сих пор не переведена на русский язык.
- ⁴² Weinert Erich. Memento Stalingrad. Ein Frontnotizbuch. — Berlin, 1951. Русский перевод: Вайнерт Эрих. Помни Сталинград! // Наши жертвы были не напрасны. Немецкие коммунисты в борьбе против фашизма и войны. 1933–1945. Т. 2 / под общ. ред. В. С. Рыкина, сост. Г. Я. Рудой. — М., 1988. — С. 201–226.
- ⁴³ Adam Wilhelm. Der schwere Entschluß. — Berlin, 1965; Steidle Luitpold. Entscheidung an der Wolga. — Berlin, 1969; Rühle Otto. Genesung in Jelabuga. — Berlin, 1967. Русские переводы: Адам Вильгельм. Трудное решение. Мемуары полковника 6-й германской армии. — М., 1967; Штейдле Луитпольд. От Волги до Веймара. Мемуары немецкого полковника, командира полка 6-й армии Паулюса. — М., 1973; Рюле Отто. Исцеление в Елабуге. Мемуары. М., 1969.
- ⁴⁴ Рюле Отто. Указ. соч. — С. 37, 111.
- ⁴⁵ См. напр.: Homann Heinrich. Der Weg in die Wahrheit // Mitteilungsblatt der Arbeitsgemeinschaft ehemaliger Offiziere. — 1958, H. 3; Lattmann Martin. Stalingrad ohne Lüge // ibid. — 1960, H. 1.
- ⁴⁶ Fühmann Franz. Die Fahrt nach Stalingrad. Eine Dichtung. — Berlin, 1953. — S. 55.
- ⁴⁷ Rauschenbach Bernd. «Hab ewig Dank, erhabte Stadt». Franz Fühmanns «Fahrt nach Stalingrad» // Mittelweg 36. — 1992, H. 5. — S. 91.
- ⁴⁸ Die Zeit. — 2013, 14. März.
- ⁴⁹ Schildt Axel. Fünf Möglichkeiten, die Geschichte der Bundesrepublik zu erzählen // Blätter für deutsche und internationale Politik. — 2009, H. 10. — S. 1237.
- ⁵⁰ Manstein Erich von. Verlorene Siege. — Bonn, 1955.
- ⁵¹ О Манштейне см.: Wrochem Oliver von. Erich von Manstein. Vernichtungskrieg und Geschichtspolitik. — Paderborn, 2006.
- ⁵² Die Zeit. — 1993, 29. Januar.
- ⁵³ Kehrig Manfred. Stalingrad im Spiegel der Memoiren deutscher Generale // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 210.
- ⁵⁴ Kumpfmüller Michael. Die Schlacht von Stalingrad. Metamorphosen eines deutschen Mythos. — München, 1995. — S. 212, 208.
- ⁵⁵ Цит. по: Conrady Peter. «Wir lagen vor Stalingrad». Oder: Nichts gelernt aus der Geschichte? Die Landser-Hefte der 50er und 60er Jahre // Faschismus in Texten und Medien. Gestern — Heute — Morgen? / P. Conrady (Hrsg.). — Oberhausen, 2004. — S. 131. См. также: Schornsteiner M. Die leuchtenden Augen der Frontsoldaten. Nationalsozialismus und Krieg in Illustriertenromanen der fünfziger Jahre. — Berlin, 1995. Серия «Landser-Hefte» прекратила свое существование только в 2013 г. Прежние выпуски можно запросто купить в Интернете или в немецких книжных (зачастую привокзальных) магазинах.
- ⁵⁶ Konsalik Heinz. Der Arzt von Stalingrad. — München, 1958. — S. 53, 59.
- ⁵⁷ Letzte Briefe aus Stalingrad. — Gütersloh, 1954.
- ⁵⁸ Иллюзия подлинности «сталинградских писем» оказалась на редкость прочной. В 1990 г. перевод апокрифа появился на страницах солидного московского журнала «Знамя» (Последние письма немцев из Сталинграда // Знамя. — 1990, № 3. — С. 185–204). Трудно понять, почему публикаторы не сочли нужным учесть сомнения по поводу «последних писем», высказанные в 1971 г. Константином Симоновым, которого покорила фальшиво-сентиментальная интонация большинства текстов. (Замечу: его письмо по этому поводу было включено в сборник публицистики, неоднократно издававшийся массовыми тиражами). Симонов резонно предположил, что немецкими издателями произведена «селекция» материалов «с односторонним прицелом». И эту «односторонность» писатель почувствовал и суть ее охарактеризовал предельно точно: убедить читателя, что «существует только трагедия немецкой армии» (Симонов К. Сегодня и давно. Статьи. Воспоминания. Литературные заметки. О собственной работе. М., 1976. С. 369–370).
- ⁵⁹ Der Spiegel. — 1959, H. 16. — S. 65–68.
- ⁶⁰ Franzen Erik. In der neuen Mitte der Erinnerung. Anmerkungen zur Funktion eines Opferdiskurses // Zeitschrift für Geschichtswissenschaft. — 2003, H. 1. — S. 49.
- ⁶¹ Frei Norbert. Op. cit. — S. 10–12.
- ⁶² Типичной была апологетическая интерпретация процессов амнистии и амнезии: «Высшие руководители молодой республики реабилитировали группу людей, которые пали жертвой нездоровых представлений» (речь шла, разумеется, о нацистах отнюдь не низшего ранга), и это «будет содействовать тому, что станет сильнее не только Федеративная Республика, но и весь Запад» (Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1951, 7. April).
- ⁶³ Wieder Joachim. Welches Gesetz befahl den deutschen Soldaten, an der Wolga zu sterben? // Frankfurter Hefte. — 1956, H. 5.
- ⁶⁴ Ibid. — S. 311–312, 314, 326, 327, 324.
- ⁶⁵ Wieder Joachim. Stalingrad und die Verantwortung des Soldaten. — München, 1962. Русский перевод: Видер Иоахим. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. — М., 1965.
- ⁶⁶ Видер Иоахим. Указ. соч. — С. 142.
- ⁶⁷ Там же. — С. 147, 323, 142.
- ⁶⁸ Там же. — С. 159.

- ⁶⁹ Там же. — С. 332, 160, 323, 327.
- ⁷⁰ Там же. — С. 325–326, 329.
- ⁷¹ Die Zeit. — 1983, 28. Januar.
- ⁷² Jacobsen Hans-Adolf. Zur Schlacht von Stalingrad — 20 Jahre danach // Allgemeine Schweizerische Militärzeitschrift. — 1963, H. 2. — S. 63–69.
- ⁷³ Die Welt. — 1962, 1. November.
- ⁷⁴ Mommsen Hans. Suche nach der «verlorenen Geschichte» // Merkur. — 1986, H. 9/10. — S. 872.
- ⁷⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1962, 24. Dezember; Die Zeit. — 1963, 8. Februar; Der Spiegel. — 1963, H. 7. — S. 33–34.
- ⁷⁶ Jahn Peter, Rürup Reinhard. Einleitung // Erobern und Vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941 — 1945. Essays / P. Jahn, R. Rürup (Hrsg.). — Berlin, 1991. — S. 17.
- ⁷⁷ Бёлль Генрих. Способность скорбеть // Новое время. 1988, № 24. С. 37.
- ⁷⁸ Ueberschär Gerd, Wette Wolfram. Vorbemerkung zur Taschenbuchausgabe // Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941 / G. Ueberschär, W. Wette (Hrsg.). — Frankfurt a. M., 1991. — S. 8–9.
- ⁷⁹ Beyer Wilhelm Raimund. Stalingrad. Unten, wo das Leben konkret war. — Frankfurt a. M., 1987.
- ⁸⁰ Ibid. — S. 19, 59.
- ⁸¹ Ibid. — S. 47, 29.
- ⁸² Ibid. — S. 59, 46, 26, 12, 46, 59, 34, 59, 28.
- ⁸³ Ibid. — S. 26, 28, 9.
- ⁸⁴ Ibid. — S. 64 — 66.
- ⁸⁵ Гроссман Василий. Жизнь и судьба. — М., 1989. С. 550, 551.
- ⁸⁶ Beyer Wilhelm Raimund. Op. cit. — S. 23.
- ⁸⁷ Ibid. — S. 23, 40.
- ⁸⁸ Ueberschär Gerd. Die Schlacht von Stalingrad in der deutschen Historiographie // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 201.
- ⁸⁹ Знаменитый поэт и драматург Бертольт Брехт, эмигрировавший в США, вел дневник, названный им «Военный букварь» и изданный позднее. К странице, помеченной февралем 1943 г., прикреплена фотография, вырезанная из американского иллюстрированного журнала: обмороженные солдаты вермахта, попавшие в плен в Сталинграде. Под снимком — обращение Брехта к немецким матерям: «Смотрите, это наши сыновья — оцепеневшие и запятнанные кровью» (Brecht Bertolt. Kriegsfibel. — Berlin, 1955. — S. 60).
- ⁹⁰ Materialien zur Ausstellung «Stalingrad – Briefe aus dem Kessel» vom 20.6. - 4.8.1981 im Bezirk Kreuzberg. — Berlin, 1991.
- ⁹¹ Эберт Йенс. «Сегодня решил написать тебе пару строк». Письма из сталинградского котла // Сталинград. Материалы к выставке «Сталинград — письма из котла», проходившей с 20.6. — 4.8.1991 г. в ведомстве по культуре района Кройцберг и с 23.9. — 27.11.1992 г. в Волгоградском Государственном музее-панораме «Сталинградская битва». Берлин. 1992. С. 32–43.
- ⁹² Архив автора. Из письма научного сотрудника Волгоградского музея-панорамы «Сталинградская битва» Л. Ф. Петровой от 16 июня 1993 г.
- ⁹³ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. Deutsche Briefe von der Ostfront 1941–1945 / U. Daniel, J. Reulecke (Hrsg.). — Wuppertal, 1991.
- ⁹⁴ Brandt Willy. Vorwort // Ibid. — S. 8–9.
- ⁹⁵ Ich will raus aus diesem Wahnsinn. — S. 301–313.
- ⁹⁶ Современные публикации указанных эпистолярных источников см.: «... хоть раз напишу тебе правду». Письма солдат вермахта из сталинградского окружения. Сост. и автор введ. Н.Э. Вашкау. — М., 2013; Вашкау Нина. «Но вышло совсем не так, как мы думали». Письма немецких солдат из Сталинграда // Родина. — 2013, № 1. — С. 66–70.
- ⁹⁷ Блок Марк. Апология истории, или Ремесло историка. — М., 1973. — С. 12, 37, 51, 85.
- ⁹⁸ Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. В 2012 г. книга, ставшая классикой исторической науки, вышла пятым, дополненным изданием.
- ⁹⁹ Stalingrad. Ereignis. Wirkung. Symbol. — München, 1992. Русский перевод: Сталинград. Событие. Воздействие. Символ.
- ¹⁰⁰ Stalingrad — eine deutsche Legende / J. Ebert (Hrsg.). — Reinbek, 1992.
- ¹⁰¹ Sozialwissenschaftliche Informationen. — 1993, H. 1: Stalingrad: Erinnerung und Identitätssuche.
- ¹⁰² Kopelew Lew. Nicht vergessen, nicht verdrängen // Stalingrad — eine deutsche Legende. — S. 7–10.
- ¹⁰³ Фёрстер Юрген. Введение // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. — С. 8, 12.
- ¹⁰⁴ Lüdtke Alf. Einleitung // Sozialwissenschaftliche Informationen. — 1993, H. 1. — S. 2.
- ¹⁰⁵ Fetscher Iring. Utopien, Illusionen, Hoffnungen. Plädoyer für eine politische Kultur in Deutschland. — Stuttgart, 1990. — S. 239–240.
- ¹⁰⁶ Papadopoulos-Killius Rosemarie. Die Verarbeitung von Todesaussagen // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 155–159. См. также: Кохут Томас А., Ройлекке Юрген. «Подохнуть крысой под крестьянским башмаком...». Последние письма из Сталинграда // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. — С. 480–496.

- ¹⁰⁷ Wette Wolfram. «Unsere Stimmung ist auf dem Nullpunkt angekommen». Berichte der Feldpostprüfstellen über die Kessel-Post // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 90–101.
- ¹⁰⁸ Arnold Sabine. «Ich wäre gern einmal wieder ein bißchen zuhause...». Briefe sowjetischer Soldaten aus Stalingrad // Sozialwissenschaftliche Informationen. — 1993, H. 1. — S. 7 — 11. Оценивая уже в наши дни значение публикаций солдатских писем, Вольфрам Ветте так ответил на вопрос журналиста Германского радио о том, существует ли возможность сближения немецкой и российской памяти о Сталинграде: «Я ясно вижу эту тенденцию, проявляющуюся с обеих сторон. Примерно с середины 90-х гг. мы и наши русские коллеги, не ограничиваясь анализом штабных документов, приступили к изучению судеб простых людей по обе стороны фронта, к исследованию писем красноармейцев и солдат вермахта с тем, чтобы понять, что происходило в головах и сердцах этих людей» (http://www.dradio.de/dlf/sendungen/interview_dlf/1998370).
- ¹⁰⁹ Кериг Манфред. 6-я армия в сталинградском котле // Сталинград. Событие. Воздействие. Символ. — С. 86, 101, 105–106.
- ¹¹⁰ Ueberschär Gerd. Stalingrad — eine Schlacht des Zweiten Weltkrieges // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 34–35.
- ¹¹¹ Müller Rolf-Dieter. «Was wir an Hunger aussehen müssen, könnt Ihr Euch gar nicht denken». Eine Armee verhungert // Stalingrad. Mythos und Wirklichkeit einer Schlacht. — S. 145.
- ¹¹² О выставке «Преступления вермахта» см.: Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte / Ch. Hartmann, J. Hürter, U. Jureit (Hrsg.). — München, 2005.
- ¹¹³ Badische Zeitung. — 1995, 11. März.
- ¹¹⁴ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1999, 2. November.
- ¹¹⁵ Boll Bernd, Safrian Hans. Auf dem Weg nach Stalingrad. Die 6. Armee 1941/42 // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944 / H. Heer, K. Naumann (Hrsg.). — Hamburg, 1995. — S. 260.
- ¹¹⁶ Признание преступной роли 6-й армии является ныне достоянием современной публицистики ФРГ: «Понимание военных событий на пути к сталинградской катастрофе было бы неполным, если бы не учитывалась роль вермахта как инструмента национал-социалистической политики в условиях тотальной войны» (Süddeutsche Zeitung. — 2012, 23. Juli).
- ¹¹⁷ Lübbers Gert. Die 6. Armee und die Zivilbevölkerung von Stalingrad // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. — 2006, H. 1.
- ¹¹⁸ Ibid. — S. 87, 89–90, 92–95, 102–108, 110–112.
- ¹¹⁹ Цит. по: Оккупация. Мирное население города и области в период Сталинградской битвы. Документы и материалы из фондов Центра документации новейшей истории Волгоградской области. Волгоград, 2008. — С. 38, 7.
- ¹²⁰ Pohl Dieter. Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. — München, 2008. — S. 323. Может быть, напомнить об этих фактах совсем не лишне в контексте множества современных публикаций в ФРГ о депортации немецкого населения из Восточной Европы в конце войны и сразу после ее окончания?
- ¹²¹ Ibid. — S. 276, 203. В полном тексте документа говорится: «На территории лагеря и близ него были обнаружены тысячи трупов военнопленных красноармейцев, умерших от истощения и холода, а также освобождено несколько сот истерзанных, истощенных от голода и до крайности измученных быв. военнослужащих Красной Армии... Немецкие офицеры и солдаты, выполняя установки германского верховного командования, относились к военнопленным издевательски, зверски истребляли их путем массовых избиений и расстрелов, создавали невыносимые условия содержания в лагере и морили голодом» (Цит. по: Сталинградская эпопея. Впервые публикуемые документы, рассекреченные ФСБ РФ. — М., 2000. — С. 556–563). См. также: Епифанов А. Е. Счет за Сталинград. — Волгоград, 1993.
- ¹²² Hellbeck Jochen. Die Stalingrad-Protokolle. Sowjetische Augenzeugen berichten aus der Schlacht. — Frankfurt a. M., 2012.
- ¹²³ Но почему же протоколы не были опубликованы ранее и не на немецком, а на русском языке? Почему в течение семи десятилетий коллекция драгоценных для нашей и мировой истории свидетельств оставалась незамеченной и неизученной научным сообществом нашей страны? Потому ли, что неприглаженная правда о Сталинграде не соответствовала формату предписанной свыше героико-патетической легенды? Или же потому, что, как однажды сказала мне одна из ведущих сотрудниц Института российской истории, «просто руки не доходили»? Но, так или иначе, это никак не делает чести отечественной исторической науке.
- ¹²⁴ Hellbeck Jochen. Op. cit. S. 401–428, 57.
- ¹²⁵ Ibid. — S. 330.
- ¹²⁶ Бивор Энтони. Сталинград. — Смоленск, 1999.
- ¹²⁷ Hellbeck Jochen. Op. cit. — S. 24.
- ¹²⁸ Ibid. — S. 68.
- ¹²⁹ Ibid. — S. 460–481.
- ¹³⁰ Ibid. — S. 291–292.
- ¹³¹ Süddeutsche Zeitung. — 2012, 11. Dezember.
- ¹³² Hellbeck Jochen. Op. cit. — S. 132, 134. Число погибших в результате бомбардировки Дрездена британской и американской авиацией 13–15 февраля 1945 г. исчисляется историками в диапазоне от 18 до 25 тысяч человек.
- ¹³³ Der Spiegel. — 2012, H. 43. — S. 48–53.
- ¹³⁴ Die Welt. — 2012, 11. Dezember.
- ¹³⁵ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2013, 8. Februar.

- 136 Süddeutsche Zeitung. — 2012, 23 Juli.
- 137 http://www.dradio.de/dlf/sendungen/interview_dlf/1996976/
- 138 Stalingrad. Eine Ausstellung des Militärhistorischen Museums der Bundeswehr / G. Pieken, M. Rogg, J. Wehner (Hrsg.). — Dresden, 2012.
- 139 Der Tagesspiegel. — 2013, 25 Februar.
- 140 Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2012, 22 Dezember.
- 141 Wehner J. Stalingrad // Stalingrad. Eine Ausstellung des Militärhistorischen Museums der Bundeswehr. — S. 32, 29–30.
- 142 Scherstjanoi Elke. Die sowjetische Kriegsfeldpost in den Jahren des Zweiten Weltkrieges // Ibid. — S. 228–237.
- 143 Ibid. — S. 272, 278, 319.
- 144 Kölner Stadt-Anzeiger. — 2013, 28 Januar.
- 145 Leipziger Volkszeitung. — 2012, 15 Dezember.
- 146 <http://www.dw.de/mythos-und-wahrheit-über-stalingrad/a-16565805>
- 147 Архив автора. Из письма научного сотрудника Военно-исторического музея бундесвера М. Нагеля от 7 марта 2013 г.
- 148 Die Welt. — 1993, 30/31 Januar.
- 149 Frankfurter Rundschau. — 2013, 4 Februar.
- 150 Frei Norbert. Op. cit. — S. 8–14.

Курская битва и коренной перелом во Второй мировой войне

С. М. Монин*

В январе 1943 г., когда окруженная группировка Ф. Паулюса еще билась в последних конвульсиях под Сталинградом, Красная армия развернула широкое наступление по всему советско-германскому фронту от Ленинграда до Кавказа. На северо-западе уже 16 месяцев длилась блокада Ленинграда, во время которой погибли сотни тысяч жителей. Она началась 8 сентября 1941 г., когда немцы захватили Шлиссельбург и вышли к Ладожскому озеру. Сообщение с городом поддерживалось только через озеро (летом — по воде, зимой — по льду знаменитой «дороги жизни»). К началу 1943 г. положение со снабжением продовольствием несколько улучшилось по сравнению с первой, самой страшной блокадной зимой 1941/42 гг. К тому же по дну озера был проложен трубопровод и электрический кабель. Но все равно голод, холод, болезни, а также вражеские обстрелы и бомбежки косили людей тысячами. Защитники города и его жители героически переносили невероятные тяготы блокады.

Все предыдущие попытки деблокировать Ленинград завершились неудачей (Синявинские операции в сентябре — октябре 1941 г. и в августе — сентябре 1942 г., Любанская операция в январе — апреле 1942 г.). Теперь советское командование воспользовалось тем, что противник бросил все свои резервы на юг, и подготовило новую операцию под кодовым названием «Искра». Советские войска значительно превосходили немцев в силах и средствах. Причем теперь они были в состоянии нанести сильные удары по противнику не только извне, но и изнутри заблокированной зоны. Вдохновленные сообщениями об успехах под Сталинградом, 12 января 1943 г. войска Ленинградского фронта (командующий — генерал-лейтенант Л. А. Говоров) и Волховского фронта (ко-

ман্ডующий — генерал армии К. А. Мерецков) перешли в наступление навстречу друг другу на шлиссельбургско-синявинском выступе. Им надо было пройти вроде немного, всего 15 км. Но чтобы сломить ожесточенное сопротивление гитлеровцев, создавших там мощный укрепленный район, потребовалось 7 дней. Наконец, 18 января войска двух фронтов соединились, очистив южный берег Ладожского озера от фашистов. Неоднократно предпринимавшиеся в 1943 г. попытки противника восстановить прежнее положение успеха не имели.

Хотя по своим масштабам эта операция не относилась к крупнейшим в Великую Отечественную войну, но ее военно-политическое значение огромно. Провалились планы гитлеровцев захватить Ленинград и соединиться с финскими войсками восточнее Ладожского озера. Стало ясно, что сил для штурма города у них уже не будет.

О тех чувствах, которые охватили ленинградцев при известии об этой победе Красной армии, свидетельствует сообщение, переданное по ленинградскому радио в ночь с 18 на 19 января: «Блокада прорвана! Мы давно ждали этого дня. Мы верили, что он будет. Мы были уверены в этом в самые черные месяцы Ленинграда — в январе и феврале прошлого года. Наши погибшие в те дни родные и друзья, те, кого нет с нами в эти торжественные минуты, умирая, упрямо шептали: «Мы победим». Они отдали свои жизни за честь, за жизнь, за победу Ленинграда. И мы сами, каменея от горя, не в силах даже облегчить свою душу слезами, хороня в мерзлой земле их безо всяких почестей, в братских могилах, вместо прощального слова клялись им: «Блокада будет прорвана. Мы победим!» Мы чернели и опухали от голода, валились от слабости с ног на истерзанных врагом улицах, и только вера в то, что день освобождения придет,

* Монин Сергей Михайлович — к. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

поддерживала нас. И каждый из нас, глядя в лицо смерти, трудился во имя обороны, во имя жизни нашего города, и каждый знал, что день расплаты настанет, что наша армия прорвет мучительную блокаду»¹.

Снабжение Ленинграда значительно улучшилось. Хотя пробитый советскими войсками коридор составлял всего 8–11 км и полностью простреливался фашистской артиллерией, по этой узкой полоске была сразу же проложена железная дорога (её называли «дорога победы»). Уже 7 февраля в Ленинград прибыл первый состав с Большой земли. Началось также автомобильное сообщение. Хлебный паек в городе, составлявший одно время 250 г. в день для рабочих и 125 г. в день для иждивенцев и детей, увеличился соответственно до 600–700 г. и 400 г.

В день завершения прорыва блокады Ленинграда Георгию Константиновичу Жукову, координировавшему (вместе с К.Е. Ворошиловым) действия Ленинградского и Волховского фронтов, было присвоено воинское звание Маршала Советского Союза.

Вслед за успехом под Ленинградом был ликвидирован выступавший на восток плацдарм противника в районе Демянска (Новгородская область). За две недели в феврале 1943 г. войска Северо-Западного фронта (командующий — Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко) решили эту задачу, которую не удалось выполнить во время первой Демянской операции в январе — мае 1942 г. Тогда в этом районе окружили крупную группировку противника, но немцы организовали воздушный мост и, в конце концов, разорвали кольцо окружения. В 1943 г. окружение также планировалось, но гитлеровцы успели вывести свои войска. Тем не менее, с исчезновением Демянского плацдарма была устранена угроза фашистского наступления на Калинин (Тверь) и далее на Москву с северо-западного направления.

Менее удачно складывались дела на центральном участке фронта, хотя и тут Красная армия добилась определенных успехов. В 1942 г. жаркие, кровопролитные сражения проходили в районе Ржева и Вязьмы, обладание которыми давало немцам удобный плацдарм для наступления на советскую столицу. Зимой 1942/43 гг. здесь было сосредоточено около двух третей войск группы армий «Центр». В марте 1943 г. войска Калининского фронта (командующий — генерал-полковник М.А. Пуркаев) и Западного фронта (командующий — генерал-полковник В.Д. Соколовский) получили приказ сорвать начавшийся отход немецко-фашистских войск с Ржевско-Вяземского выступа (они перебрасывались южнее, в район Орла). В итоге плацдарм был ликвидирован, линия фронта отодвинулась от Москвы еще на

130–160 км, но отрезать пути отхода противника из этого района так и не удалось.

Наиболее сложное положение складывалось на южном участке советско-германского фронта. В январе—феврале 1943 г. осуществлялась Северо-Кавказская стратегическая наступательная операция. Одним из последствий Сталинградской битвы был поспешный отход с января 1943 г. немецко-фашистских войск с Северного Кавказа, где они оказались под угрозой окружения. Красная армия, преследуя их, продвинулась от Большого Кавказского хребта до Краснодара и Ростова, освободив эти города. Но в марте советские войска вынуждены были остановиться перед укрепленной «Голубой линией», протянувшейся от Азовского моря до Новороссийска. Для освобождения последнего на западном берегу Новороссийской (Цемесской) бухты был высажен десант. Образовался плацдарм (Малая земля), который советские войска будут удерживать до осени 1943 г.²

Над Кубанью в апреле развернулось масштабное воздушное сражение, в котором советские ВВС боролись с люфтваффе³ за господство в воздухе над всем регионом. Тогда получил известность советский ас А.И. Покрышкин (впоследствии трижды Герой Советского Союза, сбивший 59 самолетов противника). Он был не только мастером воздушного боя, но и вдумчивым командиром. Его эскадрилья одной из первых перешла в тактическом построении в полёте от троек (звена) к парам (что, впрочем, уже практиковалось в ВВС других стран). В боях над Кубанью А.И. Покрышкин стал первым (или одним из первых) применять новый тактический приём «этажерка» — эшелонирование пар по высоте и расстоянию.

Еще шли бои под Сталинградом, а советские войска уже двинулись от Волги на запад, к Верхнему Дону и Донбассу. В январе — начале марта 1943 г. силы Воронежского фронта (командующий — генерал-лейтенант, затем генерал-полковник Ф.И. Голиков) и Юго-Западного фронта (командующий — генерал-полковник, затем генерал армии Н.Ф. Ватутин) с привлечением соединений других фронтов провели Воронежско-Харьковскую стратегическую наступательную операцию, которая слагалась из нескольких фронтовых операций. Может быть, наиболее успешной из них оказалась прошедшая в январе Острогожско-Россошанская операция. Тогда удалось окружить и уничтожить крупную группировку противника, состоявшую не только из немецких, но и из венгерских и итальянских войск. Следующей операцией стала Воронежско-Касторненская (январь-февраль 1943 г.). Освободив Воронеж, советские войска взяли в кольцо несколько немецких и венгерских дивизий. Но тем ценой больших потерь удалось прорваться на запад.

В ходе дальнейшего наступления Воронежский фронт освободил Курск, Белгород и Харьков, а Юго-Западный фронт — северный Донбасс с Ворошиловградом (Луганском). Казалось, что еще чуть-чуть и Красная армия выйдет к Днепру. Советские войска в феврале были уже на подступах к Днепропетровску и Запорожью, что грозило разорвать всю линию немецкой обороны на юге. Но на рубеже реки Миус их наступление застопорилось.

Командующий германской группой армий «Юг» генерал-фельдмаршал Э. Манштейн, создав за счёт полученных подкреплений перевес сил, воспользовался усталостью советских войск и растянутостью их коммуникаций. В середине февраля гитлеровцы нанесли внезапный контрудар в Донбассе, а в марте двинулись на Харьков. Советские войска, понеся тяжёлые потери, вынуждены были перейти к обороне и оставили Харьков, а вслед за ним и Белгород. Вновь, как и в мае 1942 г., Красная армия потерпела под Харьковом поражение⁴. Масштабы потерь на сей раз были гораздо меньше: в мае 1942 г. безвозвратные потери составили более 170 тыс. чел., а в марте 1943 г. — более 45 тыс. чел.⁵ Но после Сталинградского триумфа и других недавних успехов это был болезненный для советской стороны удар.

В марте 1943 г. у деревни Соколово под Харьковом вступил в бой 1-й отдельный чехословацкий батальон под командованием полковника Л. Свободы. Это было первое иностранное воинское формирование на советско-германском фронте. Надпоручик О. Ярош, погибший в этом бою, первым из иностранцев в годы Великой Отечественной войны получил звание Героя Советского Союза (посмертно).

В результате мартовского контрнаступления немцев под Харьковом образовался так называемый Курский выступ: обращённая на запад дуга на линии фронта, в середине которой находился освобождённый город Курск. Этот выступ вдавался в оборону гитлеровских войск на глубину свыше 150 км, имел ширину около 200 км и протяжённость по фронту 550 км. Здесь вскоре развернется битва, ставшая самой грандиозной в 1943 г. и одной из крупнейших во Второй мировой войне.

Курская битва в течение многих послевоенных десятилетий изучалась и излагалась только в рамках, можно сказать, официальной версии. В основе её лежал двухтомник, подготовленный Военно-историческим управлением Генерального штаба Вооружённых сил СССР в 1946–1947 гг. В 2006 г. он был издан с дополнительными приложениями, комментариями и статистикой⁶. После двухтомника появились лишь единичные крупные работы на эту тему⁷. Однако в последние годы после открытия многих архивных фондов о Кур-

ской битве стали довольно активно писать и российские, и зарубежные исследователи⁸. Благодаря их работам, теперь можно во многом по-новому взглянуть на эту величайшую битву.

В апреле 1943 г. на советско-германском фронте установилось относительное затишье. Стороны интенсивно готовились к предстоящей летней кампании. Гитлеровскому руководству во что бы то ни стало надо было взять реванш за Сталинград и другие поражения на фронтах Второй мировой, вернуть себе стратегическую инициативу и повернуть ход войны в свою пользу. Положение Германии весной 1943 г. ощутило осложнилось. После Сталинградской битвы советско-германский фронт заметно сдвинулся на запад. Капитуляция в мае итапо-германской группировки в Тунисе открывала путь для высадки западных союзников на европейском континенте. Гитлеровский блок захихорадило. Особенно ухудшилось положение Италии. Да и далёкий союзник Берлина — Япония — со второй половины 1942 г. вынужден был приостановить свою столь поначалу успешную экспансию на Тихом океане.

Между тем сам характер захватнической, агрессивной войны, которую вела фашистская Германия, толкал её непременно к наступлению. Остановиться, перейти к обороне значило бы сделать шаг к поражению, приблизить час расплаты за содеянное, за наглую агрессию, беспримерное по масштабам и жестокости насилие, террор и гибель миллионов людей. К тому же ресурсы Германии даже с учётом всё ещё подвластных ей европейских стран были не безграничны, особенно по сравнению с потенциалом антигитлеровской коалиции. Пока ещё не был открыт второй фронт, можно было сконцентрировать все усилия на Востоке. Поэтому фактор времени неумолимо толкал фашистское руководство к тому, чтобы сделать ещё одну попытку разгромить Красную армию.

Возможности для этого пока ещё были. Гитлеровцы продолжали контролировать почти всю Европу. Тотальная мобилизация позволила во многом восполнить понесённые потери. Создавались и совершенствовались различные виды оружия и военной техники. Военная промышленность наращивала выпуск своей продукции. Внутренняя обстановка в Германии и моральный дух её армии и населения позволяли фашистскому режиму не опасаться за свой тыл.

В марте 1943 г. командование вермахта⁹ приступило к составлению планов летней кампании. Конфигурация фронта и танкодоступный характер местности преопределили выбранное решение. «Курский балкон», как называли его немцы, нависал над флангами групп армий «Центр» и «Юг». Возникший в этой связи замысел опера-

ции, получившей название «Цитадель», был с виду прост. Встречными ударами с севера, от Орла и с юга, от Белгорода, предполагалось срезать «курский балкон», окружить и уничтожить располагавшиеся на этом выступе советские войска. Далее открывалась возможность для стратегического наступления на Москву или на юг. Решающую роль в осуществлении этого плана отводилась панцерваффе¹⁰.

Для операции «Цитадель» привлекались лучшие соединения вермахта и люфтваффе. На северном фланге (стороне) Курской дуги располагались войска группы армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Г. фон Клюге. Их главная ударная сила — 9-я армия генерал-полковника В. Моделя. На южном фланге дислоцировались войска группы армий «Юг» под командованием генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна. Здесь основная роль отводилась 4-й танковой армии генерал-полковника Г. Гота, а также оперативной группе «Кемпф».

Вся немецкая группировка на Курской дуге состояла из 50 дивизий, в том числе 16 танковых и моторизованных. Она насчитывала 900 тыс. солдат и офицеров, 10 тыс. орудий и минометов, более 2 тыс. самолетов, 2 700 танков и штурмовых орудий. Среди последних были 131 «Тигр», 200 «Пантер», 90 «Фердинандов». Это означало, что на Курском выступе, по протяженности занимавшем 14 % советско-германского фронта, было сосредоточено 70 % танковых дивизий и 65 % боевой авиации, имевшихся у немцев на Восточном фронте.

Особую ставку гитлеровцы делали на новую боевую технику, которая стала поступать в их войска¹¹. Прежде всего — на танки Т-V «Пантера» и Т-VI «Тигр». После 22 июня 1941 г. немецкие военные были неприятно удивлены боевыми возможностями советских средних танков Т-34 и тяжелых танков КВ (Клим Ворошилов). При наличии хорошо подготовленных экипажей и умелого командования «тридцатьчетверки» с их маневренностью, сильным на тот момент вооружением (76-мм пушками) и броневаой защитой (лобовая броня 45–52 мм) могли на поле боя дать фору основным немецким средним танкам Т-III и Т-IV. Аналогов КВ у немцев вообще не было. Однако высокий уровень оперативно-тактического искусства, мастерство и боевой опыт экипажей, отработанное взаимодействие танков с пехотой, артиллерией, авиацией и другие факторы нивелировали отличные тактико-технические характеристики советских боевых машин и позволяли гитлеровцам наносить тяжелые потери советским танковым войскам, даже если те имели численное превосходство.

Однако со временем ситуация стала меняться. Красная армия получала все больше новой боевой техники, советские военачальники и рядовые тан-

кисты набирались опыта. К тому же сам характер боевых действий, которые вел вермахт, становился иным. Вместо маневренной, наступательной войны, немцам все чаще приходилось сталкиваться с плотной, насыщенной противотанковыми средствами обороной советских войск и получать от них мощные танковые удары. Возникла потребность в такой технике, которая изначально по своим возможностям была бы сильнее советских Т-34 и КВ и которую можно было бы с успехом использовать и в наступлении для прорыва жесткой обороны противника, и в обороне для отражения его массированных и танковых ударов.

В 1942 г. в Германии были созданы тяжелые танки Т-V «Пантера» (впрочем, по немецкой классификации он считался средним танком) и Т-VI «Тигр». В целом эти, как их называли, «бронекосы» обладали очень высокими тактико-техническими характеристиками. «Пантера» имела 75-мм пушку и лобовую броню в 80–100 мм при весе в 45 т (в полтора раза тяжелее Т-34). Однако эту машину очень часто преследовали механические поломки. Еще более мощным был «Тигр»: 88-мм пушка и лобовая броня в 100 мм плюс отличные прицелы, приборы наблюдения и связи, удачная эргономика. Правда, и весил он примерно 55 т, имел ограниченную подвижность и некоторые другие недостатки. На момент создания эта боевая машина по вооружению и бронированию являлась сильнейшей в мире и предназначалась прежде всего для борьбы с танками противника как в наступлении, так и в обороне. На дистанции в 1000 м и даже 2000 м «Тигр» мог поразить по сути любую бронированную цель, сам оставаясь неуязвимым. Этим, помимо всего прочего, он оказывал очень сильное психологическое воздействие на противника.

Советские Т-34 первых модификаций мало что могли сделать в лобовом столкновении с «Тиграми». Они просто не пробивали их броню. Какой-то шанс «тридцатьчетверки» получали, если умудрялись благодаря своей маневренности ударить противнику с небольшой дистанции не в лоб, а в борт (там броня была 82 мм).

Вдобавок к «Пантерам» и «Тиграм» вермахт получил мощное самоходное орудие или, по-другому, истребитель танков с 88-мм пушкой, которая могла вести прицельный огонь с 4000 м, а с дистанции в 1000 м пробивала броню толщиной почти 200 мм. Первоначально машина была названа «Фердинанд» в честь своего создателя Фердинанда Порше (более известного как конструктор автомобилей, особенно спортивных). Позже, в 1944 г., модернизированную самоходку переименовали в «Элефант».

Немцы также усилили свои средние танки Т-III и Т-IV, наваривая на них дополнительные 20-мм бронеплиты и устанавливая вместо ко-

ротковольных длинноствольные орудия с большими поражающими возможностями.

В отличие от панцерваффе в авиации принципиально новые модели не появились. Общее направление развития немецких боевых самолетов в это время — усиление пулемётно-пушечного вооружения. Так, например, под крыльями пикирующего бомбардировщика Ю-87 были установлены две автоматические 37-мм пушки для борьбы с танками.

Вера А. Гитлера в новое германское «чудооружие» была столь велика, что он несколько раз переносил начало наступления (с мая на июль), ожидая, когда войска будут насыщены новой техникой. Многие немецкие генералы и западные историки расценивают это как фатальный просчет фюрера, приведший к краху операции «Цитадель». Наступать под Курском, дескать, надо было как можно скорее, уже весной, пока Красная армия не оправилась от тяжелой зимней кампании, в частности от поражения под Харьковом. Не факт, однако, что войска вермахта, которые сами были измотаны и обескровлены (особенно, кстати, танковые части), весной добились бы большего успеха, чем в июле.

Говоря о плане операции «Цитадель», историки отмечают, что «его главной слабостью была его очевидность»¹². Анализ развития ситуации на советско-германском фронте и поступающая из разных источников разведывательная информация очень скоро убедили советское военное командование, что летом немцы будут наступать именно под Курском.

Поначалу главные органы руководства Вооруженными силами СССР — Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) и Генеральный штаб — намеревались открыть летнюю кампанию 1943 г. наступлением Красной армии на юго-западном направлении. Тем более, что её количественное превосходство над противником в силах и средствах было уже достигнуто. Однако затем советские военачальники решили, что лучше будет перейти к преднамеренной обороне, нанести гитлеровцам на подготовленных рубежах максимальный урон (особенно в танках), а затем перейти в контрнаступление. Противник, будучи обескровлен в ходе своего наступления, окажется не в состоянии обороняться и будет разгромлен.

Задачи по отражению наступления противника и последующему контрнаступлению на северном фланге Курской дуги (со стороны Орла) возлагались на Центральный фронт (командующий — генерал армии К.К. Рокоссовский), на южном фланге (со стороны Белгорода) — на Воронежский фронт (командующий — генерал армии Н.Ф. Ватутин). В тылу этих двух фронтов был развернут Степной военный округ (командующий —

генерал-полковник И.С. Конев), составлявший стратегический резерв Ставки. Во время самой битвы округ был преобразован в Степной фронт.

Координация действий советских войск в предстоящем сражении была поручена представителям Ставки. Первый заместитель Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза Г.К. Жуков осуществлял эти функции на орловском направлении, а начальник Генерального штаба Маршал Советского Союза А.М. Василевский — на белгородско-харьковском направлении.

Советское командование сконцентрировало на Курской дуге огромные силы и средства, превосходившие противника. Согласно традиционной приводимым в отечественной военно-исторической литературе данным, соотношение сил и средств на Курской дуге к лету 1943 г. было следующим:

Показатель	Советская сторона	Германская сторона	Соотношение
Живая сила, тыс. чел.	1 900	900	2,11 : 1
Орудия и минометы	26 500	10 000	2,65 : 1
Танки и САУ	5 000	2 700	1,85 : 1
Боевые самолеты	2 900	более 2 000	1,45 : 1

Советский Союз энергично готовился к битве. Уже весной развернулось интенсивное строительство оборонительных сооружений на Курском выступе. Немцы, кстати, это быстро обнаружили. К совещанию высшего командного состава в Мюнхене в мае 1943 г., на котором обсуждался план операции «Цитадель», генерал-полковник В. Модель подготовил десятки аэрофотоснимков. На них было хорошо видно километр за километром, как тщательно русские готовили свои оборонительные позиции точно по направлению планируемого наступления немцев.

На Курской дуге были оборудованы мощные оборонительные позиции. Они включали в себя 8 оборонительных полос и рубежей на небывалую доселе глубину (до 300 км). Вдоль реки Дон, уже в оперативной глубине, проходила последняя полоса на случай, если немцы все-таки прорвут все предыдущие укрепленные линии.

Наиболее развитой в инженерном отношении была тактическая зона обороны, глубина которой достигала рекордных 15–20 км. Её основу составляли хорошо укрепленные и оснащенные опорные пункты. Бесчисленные окопы, траншеи, ходы сообщения, блиндажи, доты и дзоты, вкопанные в землю танки, тщательно замаскированные артиллерийские позиции в сочетании с противо-

танковыми рвами, заграждениями из колючей проволоки и обширными полями, напичканными противотанковыми и противопехотными минами, — всё это представляло собой единую оборонительную систему. Так, только в полосе Воронежского фронта было открыто 83 912 стрелковых и пулеметных окопов, построено 5 322 командных и наблюдательных пунктов, 17 000 убежищ и землянок, установлено 637 тыс. мин, 593 км проволочных заграждений. Длина траншей и ходов сообщения составляла 4 490 км¹³.

Особое внимание советская сторона уделяла противотанковой обороне. О появлении у противника новой мощной бронетехники было известно. Первое, не слишком удачное, применение «Тигров» имело место в августе — сентябре 1942 г. под Ленинградом, а в январе 1943 г. там же советские солдаты захватили один практически целый новый немецкий танк.

Основу обороны под Курском составляли специально оборудованные противотанковые опорные пункты и противотанковые районы, прикрытые минными полями и противотанковыми рвами. При необходимости предусматривался маневр артиллерийскими резервами и подвижными отрядами заграждений, предназначенными для минно-взрывных работ.

Однако до лета 1943 г. Красная армия еще не получила в достаточной мере средства борьбы с «Тиграми», «Пантерами» и «Фердинандами».

Средний танк Т-34 с более крупным по калибру орудием только разрабатывался, да и находился он совсем в другой «весовой категории», чтобы успешно биться с «бронекотами». Шла также работа по созданию на базе КВ нового советского тяжёлого танка, сопоставимого с немецкой техникой, но и он появится позже.

Значительную часть советской противотанковой артиллерии составляли 45-мм орудия. Но их калибр был уже маловат в свете усиления бронированности германских боевых машин.

Что касается непосредственно пехоты, то у неё для борьбы с танками имелись в большом числе противотанковые ружья, годные, впрочем, лишь для поражения бронетранспортёров и лёгких танков, иногда средних, но никак не тяжёлых. Плюс гранаты и знаменитый «коктейль Молотова» (бутылки с зажигательной смесью). Оружия типа немецких фаустпатронов или американских реактивных гранатомётов «базука» у русских солдат до конца войны так и не появилось.

В новых условиях потребовалось спешно развивать самоходную артиллерию. На танковой базе устанавливалось неподвижное орудие в броневой рубке. Так появились самоходные установки СУ-76 и другие. Самой мощной из них была СУ-152 (или САУ — самоходная артиллерийская

установка), принятая на вооружение в феврале 1943 г. Её 152-мм пушка-гаубица, установленная на базе тяжёлого танка КВ, с 1500 м пробивала броню любого танка, а при прямом попадании её снаряда, как потом выяснилось, с «Тигров» и «Пантер» срывало башни. Даже если пробить броню не удавалось, всё равно цель выходила из строя из-за поломки механизмов от сотрясения и поражения экипажа от внутренних сколов брони. Но в войска успели поставить очень немного СУ-152. Так, на Центральном фронте к началу Курской битвы их было всего 25.

Готовилась к сражению и советская авиация¹⁴. Бросался в глаза её численный рост. Ежемесячно авиазаводы в СССР выпускали св. 2 900 самолетов. В Германии этот показатель составлял около 2 000 штук, но их приходилось распределять между Восточным фронтом, Западной Европой, Средиземноморьем и самой Германией, защита которой от налётов англо-американской авиации становилась в 1943 г. все более актуальной.

Совершенствовалась организационная структура советских ВВС. Со второй половины 1942 г. шло создание авиационных корпусов, как специализированных (истребительных, бомбардировочных, штурмовых), так и смешанных. Это повышало эффективность применения авиации.

В техническом плане каких-то резких прорывов не наблюдалось. В войска поступали новые, более совершенные машины, как бы продолжавшие «модельный ряд» своей «фирмы»: модификации истребителей Як-7, Як-9, Ла-5, двухместные штурмовики Ил-2. Так, Як-9, внешне мало отличающийся от своего предшественника, был во многих отношениях совершеннее. Более широкое применение дюралюминия, например, сделало этот самолёт легче, но позволило оснастить его более мощным вооружением или увеличить запас горючего.

Ощущалась потребность в авиационных средствах борьбы с танками. Но самолет с мощным пушечным вооружением (модель Ил-2 с двумя 32-мм пушками) летом 1943 г. еще только проходил испытания. Правда, теперь на вооружение советской авиации была принята новая кумулятивная бомба. Сбрасывая во множестве эти небольшие боеприпасы, можно было накрыть значительные площади. А ведь при попадании в танк такая бомба прожигала броню до 70 мм (броня крыши башни «Тигра» — 25 мм).

Немало нареканий вызывало качество производимых в СССР самолетов. Нарушения технологии, некачественная сборка, плохие материалы, неправильная эксплуатация техники были весьма распространенными явлениями. Это не позволяло в полной мере использовать в целом высокие тактико-технические данные новых советских

самолетов, снижало их летные качества, сказывалось на их надежности, живучести и долговечности. В результате — потери в бою, поломки, аварии, катастрофы, досрочные списания.

Существовала и проблема подготовки летного и технического состава для авиации. Здесь особенно ощущался зачастую невысокий уровень образования, общей и технической культуры авиаторов. Качество подготовки значительной части пилотов в летных школах оставляли желать лучшего. Достаточно сказать, что налет молодых пилотов на боевых самолетах нередко не превышал 15–20 часов, а иногда и вовсе 5–8 часов. Для сравнения: в люфтваффе летчик-истребитель в летной школе набирал в воздухе в среднем около 200 часов, из них минимум 40 часов на истребителе. Доучиваться новичкам в советских ВВС приходилось уже в учебных тыловых частях, а то и на фронте, в бою. Отсюда — большие потери и людей, и техники.

Меры по решению кадровой проблемы принимались. В летных школах ввели высший пилотаж, усилили воздушно-стрелковую подготовку курсантов. Но все-таки качественного сдвига так и не произошло.

В отечественной историографии Курскую битву (5 июля—23 августа 1943 г.) принято делить на два этапа: оборону (5—23 июля) и контрнаступление (12 июля—23 августа). Конкретная дата перехода в контрнаступление у каждого фронта была своя.

Наступление немецко-фашистских войск на Курской дуге было назначено на ранее утро 5 июля 1943 г. Началось оно, правда, несколько скомканно. Советское командование, получив разведданные о времени перехода противника в наступление, провело контрподготовку, обрушив на немецкие позиции огонь своей артиллерии. Тем не менее, пусть и с опозданием, гитлеровские армады двинулись в атаку.

Боевые действия с самого начала приобрели исключительно упорный и ожесточенный характер. Линия фронта буквально запылаха огнём. Нелучайно Курскую дугу стали называть Огненной.

И на севере, и на юге Курского выступа гитлеровское командование в первый же день ввело в бой сотни танков и штурмовых орудий, в том числе новых типов. Оно надеялось этими мощными бронированными клиньями разорвать оборону советских войск и с обеих сторон прорваться к Курску. Советские войска встретили наступающих шквалом огня изо всех видов оружия. Тем не менее, не считаясь с потерями, гитлеровцы рвались вперед. Танки противника, умело взаимодействуя с пехотой, артиллерией и авиацией, буквально вгрызались в советские оборонительные позиции.

При общем явном количественном перевесе Красной армии на Курской дуге в целом, на отдельных участках ситуация складывалась по-раз-

ному. За счет искусного манёвра силами и средствами на направлении главного удара Г. фон Клюге на северном фазе сумел добиться превосходства в личном составе и равенства в танках. Э. фон Манштейну на южном фазе в важнейших точках и вовсе удалось сконцентрировать превосходящие советские войска силы.

Объяснялось это во многом тем, что советское командование, в целом правильно разгадав замысел противника, тем не менее допустило существенный просчет. Как впоследствии признавал Маршал Советского Союза Г.К. Жуков, «Ставка и Генштаб считали, что наиболее сильную группировку противник создаст в районе Орла для действий против Центрального фронта. На самом деле более сильной оказалась группировка против Воронежского фронта»¹⁵. Соответствующим образом распределялись силы и средства между фронтами с акцентом на войска К.К. Рокоссовского.

Белгородская группировка войск противника насчитывала в целом вдвое больше танков, чем на севере, там находилось втрое больше «Тигров» и все «Пантеры»¹⁶. Выделялся 2-й танковый корпус СС (2-й ТК СС) под командованием группенфюрера СС¹⁷ П. Хауссера, который включал дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер», «Рейх» и «Мертвая голова». К этому можно добавить своеобразный психологический штрих. На первых ролях среди гитлеровских военачальников в этой группировке находились Э. фон Манштейн и Г. Гот, битые Красной армией под Сталинградом. Им, надо полагать, особенно хотелось отыграться за свое недавнее поражение.

На северном фазе Курской дуги в полосе Центрального фронта рано утром 5 июля немцы нанесли главный удар силами почти 500 танков и штурмовых орудий в направлении на Ольховатку. Советские войска держали упорную оборону. Более того, 6 июля они нанесли контрудар и задержали продвижение противника. Тогда на следующий день гитлеровцы бросили главные силы на Поньри. 8 июля Г. фон Клюге ввел в бой последние две танковые дивизии, имевшиеся в его распоряжении. Но ни через Ольховатку, ни через Поньри гитлеровцы так и не сумели прорваться к Курску. Им удалось лишь вклиниться в оборону советских войск в полосе шириной 10 км и в глубину до 12 км. К 12 июля наступление немецко-фашистских войск на северном фазе Курской дуги выдохлось. Центральный фронт смог остановить противника, не прибегая к использованию резервов Ставки Верховного Главнокомандования.

Во многом иная картина складывалась на южном фазе Курского выступа. Первоначально наступление немцев развивалось в направлении на Обоянь и на Корочу. В первый день противник бросил в бой до 700 танков и штурмовых орудий.

В небывалых по ожесточенности боях фашисты сумели прорвать первую полосу обороны и продвинуться к вечеру на 8–10 км. Положение для советской стороны складывалось очень серьезное. Командованию фронтом пришлось сразу выдвигать из резерва 1-ю танковую армию генерал-лейтенанта М. Е. Катюкова и другие соединения. К исходу 6 июля эсэсовские танки вклинились и во вторую полосу обороны советских войск. В дальнейшем гитлеровцы предпринимали яростные попытки расширить прорыв. На исходе седьмого дня наступления враг продвинулся уже на 35 км. В конце концов эпицентр боев сместился к железнодорожной станции Прохоровка, где противник надеялся прорваться к Курску в обход Обояни. Приближалась кульминация грандиозной битвы.

Советское командование, оценив угрозу глубокого прорыва немцев, решило провести мощный танковый контрудар. В дополнение к уже сражавшимся войскам для его нанесения из состава Степного фронта были выдвинуты 5-я гвардейская танковая армия (5-я гв. ТА) (командующий — генерал-лейтенант П. А. Ротмистров) и 5-я гвардейская армия (командующий — генерал-лейтенант А. С. Жадов).

Разыгравшиеся далее события в отечественной литературе традиционно называют (встречным) танковым сражением под Прохоровкой. 12 июля две названные армии (танковая и общевойсковая) вместе с другими частями и соединениями Воронежского фронта столкнулись лоб в лоб с продолжавшим наступление 2-м ТК СС. Произошло самое крупное в истории Второй мировой войны танковое сражение, в котором с обеих сторон участвовали свыше 1200 (или даже 1500) танков и самоходных орудий¹⁸. В продолжавшихся до позднего вечера ожесточённых схватках обе стороны понесли тяжёлые потери. Но противник в конце концов был остановлен. По изложению событий получалось, что победа осталась за советской стороной.

В последние годы в российской и зарубежной науке появились труды, основанные на широком комплексе советских и немецких источников, в том числе архивных. В них приводится много новых фактических данных, зачастую по-новому оцениваются важные аспекты этой темы¹⁹.

Танковое сражение под Прохоровкой не было крупнейшим в истории войны по числу участвовавшей в нём бронетехники. 23–26 июня 1941 г. на Западной Украине в районе Дубно-Броды пять советских механизированных корпусов Юго-Западного фронта нанесли контрудар по наступавшей немецкой 1-й танковой группе под командованием Э. фон Клейста и части сил 6-й полевой армии. Количество танков с советской стороны оценивается от 2800 до 5000, с немецкой — от 800 до 1000. Советские войска, несмотря на успешные

действия в ряде случаев, были разбиты и потеряли около половины своей бронетехники²⁰. Другие авторы приводят более скромные цифры относительно бронетехники в этом сражении (2000 с обеих сторон), но все равно это больше, чем было у Прохоровки²¹.

Не так прост оказался даже вопрос о пространственных и временных рамках сражения. Могло ли сравнительно небольшое поле (примерно 6 x 15 км), традиционно называемое Прохоровским, вместить более 1000 боевых машин, которые всё время перемещались и вели бой? Активные боевые действия шли на более широкой территории, где рядом и вместе с 5-й гв. ТА сражались другие советские части и соединения. Предлагается даже всю совокупность боёв в этом районе, связанных единством цели, места и времени действия, именовать Прохоровским сражением 10–16 июля, в рамках которого 12 июля произошло Прохоровское танковое сражение.

По-другому рассматривается в новых публикациях сам ход и исход танкового сражения в районе Прохоровки. Основным содержанием контрудара, который нанёс противнику Воронежский фронт 12 июля, принято считать встречное столкновение 5-й гв. ТА и 2-го ТК СС. Армии П. А. Ротмистрова была поставлена задача: разгромить вклинившуюся группировку противника, восстановить утраченное положение и создать условия для перехода в контрнаступление.

Однако контрудар был проведен поспешно, без должной подготовки и по существу вылился в лобовую атаку на наиболее сильную группировку противника — 2-й танковый корпус СС. На сравнительно узком участке на открытой местности, без должной поддержки артиллерии, авиации и пехоты эта атака, при всей своей отчаянной лихости, ожидаемого результата не дала, да и не могла дать. Не помогло и численное преимущество советской стороны в несколько сот машин, тем более, что 1/3 её сил составляли лёгкие танки Т-70. Немцы умело воспользовались преимуществом своих танков в бронировании и дальности стрельбы на поражение. Контрудар так и не перерос в контрнаступление, эсэсовский корпус не был разгромлен, а 5-я гв. ТА понесла огромные потери, намного (может быть кратко!) превышавшие потери противника. Правда, и в этих условиях советские части продолжали сражаться. Их оборона не была прорвана. Гитлеровцы так и не смогли осуществить свое намерение охватить фланги танковой армии и окружить ее основные силы. Продолжать наступление далее у них уже не было возможности.

Между тем 12 июля начался новый этап Курской битвы. В этот день в наступление против орловской группировки противника перешли Брян-

ский фронт (командующий — генерал-полковник М.М. Попов) и левое крыло Западного фронта (командующий — генерал армии В.Д. Соколовский), а через 3 дня — Центральный фронт. 5 августа был освобождён Орёл. К 18 августа советские войска окончательно выбили противника с орловского плацдарма и подошли к сильно укрепленному им рубежу обороны восточнее Брянска. На этом завершилась Орловская стратегическая наступательная операция Красной армии (кодовое название — «Кутузов»).

12 июля традиционно считается переломным моментом также в ходе оборонительного сражения на южном фазе Курской дуги. Несмотря на определенные успехи германских войск, здесь они также не добились своих главных целей. Сопротивление советской стороны не было сломлено. Из глубины к фронту подходили всё новые советские подкрепления, а возможности вермахта продолжать и тем более наращивать натиск были по сути исчерпаны. Успехов на северном фазе дуги ждать уже не приходилось. Вдобавок 10 июля началась высадка англо-американских войск в Сицилии, так что надо было думать, где взять войска для отправки в Италию.

13 июля А. Гитлер отдал приказ о прекращении операции «Цитадель». 16 июля немцы приступили к отводу своих войск на южном фазе Курского выступа. Воронежский фронт и введённый 18 июля в сражение Степной фронт развернули преследование неприятеля. 23 июля линия фронта вернулась к тому положению, которое существовало к началу германского наступления²².

Настало время Красной армии наступать, а группе армий «Юг» — обороняться. 3 августа войска Воронежского, Степного и Юго-Западного (командующий — генерал армии Р.Я. Малиновский) фронтов двинулись вперед. Началась Белгородско-Харьковская наступательная операция (кодовое название «Полководец Румянцев»). 5 августа был освобождён Белгород²³. Замысел операции предусматривал, что будут отрезаны все пути отступления гитлеровцев из-под Харькова. Э. фон Манштейну удалось сильными контрударами не допустить окружения своих войск, но Харьков пришлось оставить. 23 августа советские войска вступили в этот четвертый по величине город Советского Союза. С освобождением Харькова Курская битва завершилась.

Горячие бои развернулись не только на суше, но и в воздухе над Курской дугой. Наступление противника осуществлялось при поддержке крупных сил авиации. Десятки, а то и сотни фашистских бомбардировщиков под прикрытием истребителей устремлялись на позиции советских войск. Их атаковали краснозвездные самолеты. В свою очередь, советские бомбардировщики

и штурмовики били по наступающим порядкам гитлеровцев.

Многие советские летчики блеснули в этих боях героизмом и военным мастерством. 6 июля свою первую победу одержал И.Н. Кожедуб (в будущем трижды Герой Советского Союза, сбивший в годы войны 62 самолета противника).

Если И.Н. Кожедуб только начинал свой боевой путь, то легендарный летчик А.П. Маресьев в те дни вернулся в строй. Потеряв из-за ранения ступни ног, он нашел в себе силы и мужество, чтобы снова сесть за штурвал и в небе над Курской дугой продолжить счет своих побед над врагом. Выдающийся подвиг совершил А.К. Горовец, который в ходе одного боя сбил девять вражеских самолетов, но и сам погиб. Посмертно он был удостоен звания Героя Советского Союза.

В воздушных боях под Курском смело сражались французские летчики-добровольцы из истребительного авиаполка «Нормандия». В апреле 1943 г. тогда еще французская авиационная эскадрилья вступила в боевые действия на Западном фронте, а затем перебазировалась под Курск²⁴.

Но борьба за господство в воздухе шла исключительно упорно. Количественное превосходство советских ВВС отнюдь не гарантировало автоматической победы над такой грозной силой, как люфтваффе. Лишь примерно с 10 июля ценой огромных усилий и тяжёлых потерь советской авиации удалось обеспечить своё преобладание над полем боя.

Курская битва стала одной из крупнейших во Второй мировой войне. С обеих сторон в ней участвовало более 4 млн человек, свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. боевых самолётов. По насыщенности военной техникой и интенсивности боевых действий с ней мало что может сравниться.

Сражение на Курской дуге завершилось победой Красной армии. Если бы было иначе, фронт осенью приблизился бы к Москве, а не к Днепру. Оправдался общий замысел советского командования: от преднамеренной обороны и изматывания противника к контрнаступлению и стратегическому наступлению по всему фронту. Хотя исполнение этого замысла было не всегда удачным.

Советские войска ликвидировали Орловский и Белгородско-Харьковский плацдармы противника, продвинулись на 140–150 км и создали предпосылки для освобождения Донбасса, Левобережной Украины и выхода к Днепру. Таким образом, был закреплен коренной перелом в ходе Второй мировой войны, начавшийся с разгрома гитлеровцев под Сталинградом. Заодно был развеян активно муссировавшийся геббельсовской пропагандой миф о том, что Красная армия может побеждать, только когда ей помогает «генерал Мороз», как это

было под Москвой и под Сталинградом. Теперь немецко-фашистская армия потерпела поражение в разгар лета.

Фашистская Германия понесла под Курском потери, от которых уже не оправилась: около 500 тыс. солдат и офицеров, 3 тыс. орудий и минометов, 1500 танков, более 3700 боевых самолётов. Было разгромлено 30 дивизий вермахта, в том числе 7 танковых. Стратегические резервы, с трудом накопленные, были израсходованы. Общее соотношение сил на советско-германском фронте ещё больше изменилось в пользу Красной армии. В операции «Цитадель» нацисты предприняли, как потом выяснилось, последнюю попытку перехватить стратегическую инициативу, но потерпели неудачу. Новой возможности диктовать свои условия на фронтах им уже не представилось. До конца войны Германия будет вести стратегическую оборону, лишь изредка огрызаясь и делая короткие и локальные выпады против советских и союзных с ними войск.

Победа на Курской дуге была завоёвана целой колоссальной силой Красной армии и всего советского народа. Общие потери Красной армии в Курской оборонительной операции (с 5 по 23 июля) составили почти 178 тыс. чел., в том числе безвозвратные — более 70 тыс. чел. В двух наступательных операциях — соответственно свыше 685 тыс. и около 184 тыс. чел.

Победа под Курском повысила международный престиж и влияние Советского Союза, ещё более укрепило его позиции и вес в антигитлеровской коалиции.

Вторая мировая война носила коалиционный характер. События на одном театре военных действий неизменно сказывались на других. США и Великобритания, придерживаясь «периферийной стратегии», копили силы и явно не спешили вступать в решительную схватку с Германией, открыв второй фронт. Однако такая их политика была возможна только потому, что Красная армия сковывала основные силы нацистов. Ни в Северную Африку, ни потом в Италию она не могла бросить более значительные силы, т. к. они были задействованы прежде всего на Восточном фронте.

В октябре-ноябре 1942 г. войска западных союзников одержали победу над итало-германскими силами под Эль-Аламейном в Египте. Но во время контрнаступления Красной армии под Сталинградом фашисты потеряли личного состава почти в 14 раз, орудий и миномётов — в 25 раз, танков — в 4 раза больше, чем под Эль-Аламейном. В мае 1943 г. союзники добились нового успеха, когда в Тунисе капитулировало 238 тыс. военнослужащих стран «оси». Но из них только были немцы, остальные — итальянцы.

10 июля 1943 г. англо-американские войска высадились на Сицилии, имея подавляющее преи-

мущество над противником (8 дивизий союзников против 2 немецких). Хотя вторжение ожидалось, но заранее усилить там свои войска германское командование не могло себе позволить: ведь в разгаре была Курская битва. Красная армия, таким образом, связав основные силы противника, облегчила союзникам их десантную операцию. Конечно, когда высадка произошла, немцам пришлось отступить в Италию подкрепление. А Гитлер, в частности, решил послать туда из-под Курска 2-й ТК СС, который он считал равноценным двадцати итальянским дивизиям. В этом смысле англо-американский десант помог Красной армии. Но к этому времени судьба операции «Цитадель» была уже практически решена. Прорвать русский фронт фашистам не удалось, а держать эту ударную группировку на Востоке уже не было смысла, раз она требовалась в другом месте.

Высадка англо-американских войск на Сицилии 10 июля 1943 г. резко обострила давно назревавший внутривосточный кризис в Италии.

Во Второй мировой войне итальянцы не блистали победами на поле боя, а каждое поражение отзывалось на авторитете и прочности правящего фашистского режима во главе с Б. Муссолини. Италия вслед за Германией участвовала в нападении на Советский Союз, объявив ему войну 22 июня 1941 г. На Восток был отправлен сначала итальянский корпус в 60 тыс. чел., преобразованный в 1942 г. в армию численностью в 220 тыс. чел. Однако зимой 1942/43 гг. эта 8-я армия была разгромлена на Среднем Дону. В Северной Африке итальянцы также себя особо не проявили. Они составили большую часть плененных в Тунисе в мае 1943 г. солдат итало-германской коалиции.

Военные поражения и людские потери, нарастание экономических проблем, ухудшение условий жизни населения, а затем и высадка союзников окончательно подорвали позиции Б. Муссолини. 25 июля он был смещен с поста премьер-министра и арестован. Правительство возглавил маршал П. Бадольо. 3 сентября тайно было подписано перемирие с союзниками, фактически означавшее капитуляцию Италии. Когда 8 сентября о нем стало известно, немецко-фашистские войска, находившиеся на севере Италии, оккупировали центральные и южные районы страны. Под прикрытием их штыков была провозглашена марионеточная фашистская «Итальянская социальная республика Сало» (ее правительство находилось в городе Сало). Во главе ее был поставлен Б. Муссолини, которого освободили немецкие парашютисты под командованием О. Скорцени и вывезли на север. Эта «Республика Сало» служила только для прикрытия гитлеровской оккупации Италии и фиктивного германо-итальянского альянса. Бежавшие под защиту союзных войск

правительство Бадольо 13 октября объявило войну Германии.

3 и 9 сентября англо-американские войска высадились на юге Италии. На Апеннинском по-

луострове образовался Итальянский фронт. Союзники неспешно двинулись на север, но осенью 1943 г., уткнувшись в «Готскую укрепленную линию» к югу от Рима, остановились.

¹ Цит. по: Ванюков Д. А., Гнусарьков А. А. Великая Отечественная война. — М., 2007. С. 116.

² В 70-е гг. были опубликованы воспоминания тогдашнего Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева «Малая земля». Сам он два раза побывал на плацдарме как начальник политотдела 18-й армии, бойцы которой держали там оборону. Усилиями советской пропаганды этот в общем-то не столь значительный в масштабах всей войны эпизод был раздут чуть ли не до одного из главных событий того времени. Это, впрочем, не перечеркивает героизма морских пехотинцев, сражавшихся под Новоросийском.

³ Люфтваффе — военно-воздушные силы нацистской Германии.

⁴ См.: Мощанский И. Б. Превратности стратегии. — М., 2009.

⁵ Новейшие данные о потерях Красной Армии см. в последнем издании книги: Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание. — М., 2009.

⁶ Битва под Курском: От обороны к наступлению. — М., 2006.

⁷ Колтунов Г. А., Соловьев Б. Г. Курская битва. — М., 1970.

⁸ См., например, работы отечественных авторов: Замулин В. Засекреченная Курская битва. Неизвестные документы свидетельствуют. — М., 2007; Его же. Курский излом. Решающая битва Великой Отечественной войны. — М., 2007; Курская битва. Взгляд из XXI века. Военно-исторические и публицистические очерки. — М., 2008; Олейников Г. А. Курская битва. Сражение под Прохоровкой. — СПб., 2003. Переводные издания: Гланц Дэвид, Хауз Джонатан. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны/Пер. с англ. — М., 2007; Корниш Ник. Курская битва. Величайшее в истории танковое сражение. Июль 1943 /Пер. с англ. — М., 2008; Ньютон Стивен. Курская битва: Немецкий взгляд: операция «Цитадель» в описаниях немецких военачальников/ Пер. с англ., — М., 2006.

⁹ Вермахт — вооружённые силы нацистской Германии.

¹⁰ Панцерваффе — танковые войска нацистской Германии.

¹¹ О бронетехнике и танковых войсках времен Второй мировой войны только в последнее время издано много книг. См., например, Барятинский М. Б. Бронетанковая техника Красной Армии 1939–1945. — М., 2004; его же. Тяжелые САУ Красной Армии. — М., 2006; его же. Советские танки в бою. — М., 2006; его же. Немецкие танки в бою. — М., 2007; его же. «Тигры» в бою. — М., 2007; его же. Великие танковые войны 1939–1945. — М., 2009; его же. Т-34: Правда о прославленном танке. — М., 2009; Бин Тим, Фаулер Уилл. Советские танки Второй мировой войны. Бронетанковый кулак Сталина /Пер. с англ. — М., 2007; Дайнес Владимир. Бронетанковые войска Красной Армии. — М., 2009; Исаев Алексей и др. Танковый удар. Советские танки в боях. 1942–1943. — М., 2007; Лобанов Андрей. Танковые войска Гитлера. Первая энциклопедия Панцерваффе. — М., 2010; Раус Э. Танковые сражения на Восточном фронте /Пер. с англ. — М., 2006; Росадо Х., Бишоп К. Танковые дивизии Вермахта. 1939–1945 /Пер. с англ. — М., 2006; Свириденко Е. В. Танковые сражения Второй мировой войны. — Мн., 2007. Свиридин М. Броневой щит Сталина. История советского танка 1937–1943. — М., 2006; Танковый прорыв. Советские танки в боях 1937–1942 гг. — М., 2007.

¹² Гланц Дэвид, Хауз Джонатан. Курская битва. Решающий поворотный пункт Второй мировой войны /Пер. с англ. — М., 2007, С. 12.

¹³ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 7 — М., 1976, С. 135–144.

¹⁴ См.: Горбач Виталий. Авиация в Курской битве. — М., 2008.

¹⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. — М., 2002. С. 147.

¹⁶ Лобанов Андрей. Танковые войска Гитлера. Первая энциклопедия панцерваффе. — М., 2010. С.

¹⁷ Звание, равнозначное генерал-лейтенанту.

¹⁸ Подобные оценки масштабов сражения под Прохоровкой встречаются и в западной литературе. См., например, The Oxford Companion to World War II. — Oxford, 2005. P. 517

¹⁹ См.: Замулин Валерий. Прохоровка. Неизвестное сражение великой войны. — М. 2006; Лопуховский Лев. Прохоровка. Без грифа секретности. Изд. 4-е, перераб. и испр. — М., 2009; Олейников Г. А. Курская битва. Сражение под Прохоровкой. — СПб., 2003 и др.

²⁰ Замулин Валерий. Прохоровка... С. 657; Исаев Алексей. Дубно 1941. Величайшее танковое сражение Второй мировой. — М., 2009

²¹ Дайнес Владимир. 1941. Год Победы. — М. 2009. С. 123.

²² По немецкой версии, на этом закончилась операция «Цитадель», по советской — Курская битва ещё продолжалась.

²³ 5 августа 1943 г. в честь освобождения Орла и Белгорода в Москве впервые был дан артиллерийский салют. Отныне и до конца войны таким образом в столице СССР отмечали победы Красной армии.

²⁴ Впоследствии полк получил почетное наименование «Нормандия — Неман» и закончил свой боевой путь в Восточной Пруссии. Четверо наиболее отличившихся французов были удостоены звания Героя Советского Союза. Летом 1945 г. на подаренных Советским Правительством истребителях Як-3 французские летчики улетели на родину.

Актуальные проблемы изучения истории Курской битвы

А. В. Исаев*

Сражению на Курской дуге, 73-летнюю годовщину которой мы будем отмечать этим летом, можно сказать, повезло. Эта битва в течение многих лет не была обделена вниманием как зарубежных, так и российских историков, причем высокопрофессиональных. Достаточно назвать несколько имен. К событиям на Курской дуге в своих работах только в последнее десятилетие обращались Никлас Цеттерлинг, Джордж Найп, Стивен Ньютон. В России работу по исследованию битвы ведут Валерий Замулин и Егор Щекотихин, причем работа эта ведется с привлечением документов, как из российских, так и из зарубежных архивов. Я не зря это подчеркиваю, так как, к сожалению, далеко не всегда в работах отечественных авторов используются столь значительные объемы архивных материалов.

Следует заметить, что исследователи Курской дуги и 1943 г. находятся в некоторой степени в более выгодном положении, чем исследователи 1941 г. или 1944–1945 гг. Во-первых, и это вполне очевидное соображение, в течение войны система ведения документации в войсках сторон непрерывно совершенствовалась. Основные оперативные документы, в первую очередь регулярные донесения о состоянии соединений и частей, в 1943 г. велись лучше, чем в 1941 г., как в Красной армии, так и в вермахте. Во-вторых, сохранность документации по 1943 г. все же гораздо лучше, чем по 1944–45 гг. в случае вермахта и 1941–1942 гг. для Красной армии.

Богатая источниковая база по Курской битве позволяет добросовестным исследователям давать обоснованные ответы на возникающие вопросы и подкреплять выводы хорошей дока-

зательной базой. Каковы же на данный момент наиболее актуальные вопросы изучения Курской битвы, вызывающие споры как в среде отечественных, так и зарубежных историков? Прежде всего, далеко не однозначно выглядит само решение советского командования на преднамеренную оборону. В советское время сама постановка вопроса в таком ключе представлялась бессмысленной. Однако единодушие по этому вопросу в значительной мере было следствием бытового понимания выгоды обороны как «расстреливать из засады немецкие танки», которое и вовсе не было всеобщим.

В своих мемуарах советские военачальники указывали на достаточно серьезные проблемы, с которыми сталкивались наступательные операции, начавшиеся после отражения «Цитадели». Командующий Центральным фронтом К. К. Рокоссовский в мемуарах признавал план наступления своих войск в операции «Кутузов» ошибочным. Он писал: «Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один — с севера, второй — с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой».

Эта часть текста соответствующей главы «Солдатского долга» была изъята цензурой и стала достоянием общественности сравнительно недавно. Высказывание К. К. Рокоссовского получило свое подтверждение в работе Е. Щекотихина, показавшего трудности с которыми встретился Центральный фронт в ходе так называемой Кром-

* Исаев Алексей Валерьевич — военный историк, автор многочисленных книг о Великой Отечественной войне: «АнтиСуворов. 10 мифов Второй мировой», «1943-й: от трагедии Харькова до Курского прорыва», «Берлин 45-го. Сражение в логове зверя» и др.

ской операции. В целом нельзя не признать, что отказ от перегруппировок и удары непосредственно по плотно построенным недавно наступавшим армиям и корпусам групп армий «Центр» и «Юг» отнюдь не сразу принесли успех. Соответственно, все эти сомнения и возникшие трудности толкуют в пользу отрицательной оценки советского командования.

Так, Б. Соколов пишет: «Мне кажется, что оптимальным вариантом действий для Красной армии на Курской дуге было бы предпринять наступление еще в мае, нанося основные удары под крайнее северное основание орловского плацдарма, как предлагали Жуков и Рокоссовский, и под крайнее южное основание харьковского плацдарма. [...] Если бы советские войска первыми нанесли удар в мае, их потери оказались бы, думаю, гораздо меньше тех, что они понесли в июле и августе»¹.

На другом полюсе оказываются те, кто абсолютизирует советскую оборону под Курском и проецируют ее на другие периоды войны. Так, А. С. Орлов высказывался следующим образом: «Только к началу Курской битвы наша армия стала такой, какой она должна была быть в 1941 г. Тогда под Курском активная глубокая оборона (до 300 км) позволила остановить и обескровить врага, а затем разгромить его»². Фактически такими утверждениями ставится вопрос о некомпетентности советского военного руководства в 1941–42 гг., не прибегавшего к «спасительному» рецепту Курской битвы до лета 1943 г.

Однако еще в 1970 г. один из самых известных советских штабистов М. В. Захаров предупреждал начинавшуюся тенденцию неверной оценки событий лета 1943 г. Он писал: «В связи с этим мне хочется отметить, что в литературе о Курской битве, вышедшей в послевоенный период, эта оборона несколько идеализируется. Некоторые авторы приложили немало усилий к тому, чтобы показать ее как самую поучительную, классическую и во всем достойную подражания. [...] Но такой сильной группировки, глубоко эшелонированной обороны, а следовательно, и таких высоких оперативно-тактических плотностей на 1 км фронта для решения оборонительных задач не создавалось ни до Курской битвы, ни после нее. Эту особенность не следует забывать при изучении, анализе и оценке битвы под Курском. Вот почему оборону под Курском нельзя считать обычной и типичной для минувшей войны»³.

Что же позволило добиться такой высокой плотности войск? Уникальность оборонительного сражения на Курской дуге была обусловлена стечением ряда обстоятельств и успехом разведки антигитлеровской коалиции в целом. Была перехвачена радиограмма Максимилиана фон Вейхса, временно исполнявшего обязанности команду-

ющего группой армий «Юг» на период лечения Эриха фон Манштейна. В датированной 25 апреля 1943 г. радиограмме в ОКХ и Отдел изучения армий востока Вейхс давал оценку противостоявшим ГА «Юг» войскам Красной армии. Из текста этой оценки довольно четко прослеживался план операции с кодовым наименованием «Цитадель» — удар с севера и юга по Курскому выступу. Радиограмма была перехвачена и дешифрована англичанами, добившимися большого успеха во взломе кодов шифровальной машины вермахта «Энигма». Содержание этого ныне уже опубликованного документа было сообщено советской разведке одним из членов «кембриджской пятерки» Джоном Кернкроссом. Вкупе с другими данными разведки полученные сведения позволили советскому командованию сосредоточиться на обороне Курской дуги. Ранее в оборонительных операциях 1941 г. и 1942 г. разведанные такого уровня просто отсутствовали, что не позволяло строить плотную оборону именно там, где ударит противник.

В целом же следует констатировать, что достигнутый Красной армией в отражении немецкого наступления позитивный результат был обусловлен целым рядом факторов, уникальных для летней кампании 1943 г. Проецировать принятые меры и достигнутый результат на другие периоды войны и в первую очередь 1941 г. совершенно бессмысленно ввиду ряда принципиальных различий.

Советский успех в обороне летом 1943 г., контрастировавший с неудачами 1941 г. и 1942 г. вызвал поспешные выводы не только у отечественных историков. И историки, и мемуаристы в Германии ставят вопрос о цепочке роковых решений, помешавших вермахту добиться «традиционного» для летних кампаний успеха. Поскольку операция «Цитадель» забуксовала в первую очередь на северном фланге Курской дуги, взгляды критиков решений немецких командующих в первую очередь обращаются к действиям и решениям Вальтера Моделя на посту командующего 9-й армии группы армий «Центр». Описывая ход боевых действий в первый день наступления, командир 6-й пехотной дивизии генерал Х. Гроссман писал: «Батальон «Тигров» далеко впереди сражался с вражескими танками. Вдалеке перед фронтом дивизии лежала возвышенность, на которой можно было наблюдать передвижения русских. Если бы в этот момент подошли танковые дивизии, то, вероятно, Курск был бы взят; враг был застигнут полностью врасплох и слаб. Драгоценное время, которое враг использовал для того, чтобы бросить вперед свои резервы, было потеряно»⁴.

Хорст Гроссман был не одинок в негативной оценке плана наступления Моделя. В своей истории германских танковых сил бывший начальник

штаба Гейнца Гудериана Вальтер Неринг писал: «Из 6 механизированных дивизий на северном фланге 5 находились в резерве. Уже одно это дало Красной армии решающее преимущество. Было бы гораздо разумнее бросить пару танковых дивизий вперед». У планов неудачных операций незавидная судьба — их чаще всего безжалостно критикуют. Причем что бы ни делал потерпевший неудачу военачальник, его обязательно осудят потомки. На южном фланге Манштейн и Гот поставили все подвижные соединения в первый эшелон — их осудили за отказ от выделения эшелона развития успеха.

Однако американский исследователь Стивен Ньютон в своей биографической книге о Моделе обратил внимание на то, что критики немецкого военачальника упускают из вида тот факт, что большая часть бронетехники 9-й армии находилась не в подвижных соединениях, а в отдельных частях качественного усиления. Модель поставил немалые силы — 656-й полк «Фердинандов», 177-й и 244-й батальоны «Штурмгешюцев» — в полосу наступления XXXXI танкового корпуса. Это составило в общей сложности 233 танка и САУ. Для поддержки атаки XXXXVII танкового корпуса Модель использовал обе роты 505-го батальона «Тигров» в дополнение к 245-му и 904-му батальонам штурмовых орудий. В этих 3 батальонах насчитывалось 93 единицы бронетехники. Атаку XXXXVI танкового корпуса поддерживали 40 танков и штурмовых орудий, а атаку XXIII корпуса — 62 штурмовых орудия. Всего 9-я армия бросила в бой в первом эшелоне 5 июля 542 единицы бронетехники, или 57,7% всей наличной бронетехники.

Таким образом, упреки в адрес В. Моделя трудно назвать обоснованными. Его план действий был в целом адекватным выделенным ему силам и потерпел неудачу вследствие принятых советской стороной решений и в целом грамотному и продуманному построению обороны Центрального фронта. Советская сторона не просто брала паузу и отдавала инициативу противнику. С самого начала перехода к преднамеренной обороне речь шла о выбивании ударной силы германской армии. Г.К. Жуков формулировал этот тезис следующим образом: «Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить»⁵.

Эти предположения можно оценить как вполне обоснованные. Для операции «Цитадель» германским командованием было выделено 2758 танков и штурмовых орудий (включая находящиеся в ремонте). На остальных участках Восточного фронта осталось 1064 танка и штурмовых орудия⁶.

Выбить из строя и лишит боеспособности большую часть вражеской техники подвижных соединений представлялось более чем заманчивой целью. Подчеркну: подвижных соединений (танковых и моторизованных дивизий), являвшихся основным средством для контрударов в обороне.

Решение этой задачи было не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Это на киноэкране немецкие танки чаще всего окутываются дымом и пламенем сразу после попадания снарядов противотанковых пушек. На практике большую часть потерь составляли поврежденные, а в случае Курской дуги еще и подорвавшиеся на минах танки. По немецким данным в безвозвратные потери непосредственно после сворачивания операции «Цитадель» оказалось списано сравнительно небольшое количество бронетехники. Это 183 единицы в группе армий «Юг» к 17 июля⁷ (из примерно 1500 принявших участие в бою) и 88 единиц в группе армий «Центр» к 14 июля 1943 г.⁸ (из примерно 1000 так или иначе задействованных в «Цитадели»).

Это заставляет некоторых западных исследователей (а именно Н. Цеттерлинга и А. Франксона) делать поспешный вывод о слабом влиянии «Цитадели» и неудачи в этом наступлении на летне-осеннюю кампанию 1943 г. и год в целом. Действительно, с формальной точки зрения вышеназванные цифры составляют ничтожную часть от общих потерь немецкой бронетехники в 1943 г. Однако цифры безвозвратных достаточны лукавые. Значительное количество танков и штурмовых орудий после сворачивания «Цитадели» находились или нуждались в ремонте. На это обращает внимание другой западный историк Курской битвы — Стивен Ньютон, вступивший в полемику с Цеттерлингом и Франксоном. Он обращает внимание не на абсолютные цифры безвозвратных потерь германской бронетехники, а на падение доли боеготовых танков в результате неудачного немецкого наступления.

Учитывая, что боевые действия продолжались, изменение ситуации с числом боеготовых танков после завершения «Цитадели» происходило достаточно медленно. Согласно PanzerLage и StuGLageOst, по состоянию на 31 июля в ГА «Юг» было 625 боевых танков, 633 — в ремонте и 190 — в пути, а также 251 боевых самоходных установок StuG и StuH, 84 — в ремонте и 11 — в пути. Большинство находившейся в ремонте техники требовался краткосрочный ремонт продолжительностью от 6 до 21 дня. Если бы советская сторона оставалась пассивной, то значительная часть этих бронеединиц вернулась бы в строй.

Если бы советское наступление началось позднее, например, 15 августа после накопления сил и длительной паузы на перегруппировку

войск, оно было бы встречено огнем куда большего числа танков и САУ, нежели в начале месяца. Можно оценить танковую группировку группы армий «Юг» в случае гипотетического смещения сроков начала операции «Румянцев» на середину августа 1943 г. примерно в 1000 единиц. Ситуация бы изменилась даже не количественно, а качественно. Соответственно сам успех советской операции «Румянцев» мог быть поставлен под сомнение.

Однако операция «Румянцев» началась без длительных перегруппировок уже 3 августа 1943 г., когда боеспособность немецких танковых соединений находилась еще на достаточно низком уровне. К 11–12 августа советские части вышли в район расположения ремонтных мастерских группы армий «Юг». Это привело к резкому скачку безвозвратных потерь. Например, 7-я и 11-я танковые дивизии в ходе «Цитадели» потеряли безвозвратно в период 4–10 июля по 10 и 3 танка соответственно. Цифры, прямо скажем, невеликие. В то же время за период 3–10 августа те же соединения понесли куда большие потери. Так, 7-я танковая дивизия потеряла безвозвратно 29 танков, а 11-я танковая дивизия — 38 танков. Столь же скачкообразно выросли потери «Пантер» группы армий «Юг»: в районе Борисовки, Голловчина и Грайворона немцами было брошено или подорвано 75 «Пантер». Фактически советским наступлением был запущен процесс, который сделал падение боеспособности немецких танковых войск практически необратимым. К концу августа 1943 г. немецкие танковые дивизии насчитывали примерно по 30 боеспособных танков, что сводило к нулю их ударные возможности.

Таблица 1. Состояние немецкой бронетехники на восточном фронте, май — сентябрь 1943 г.⁹

Дата	Всего	Боеготовы
30 июня 1943 г.	2584	2287
10 июля 1943 г.	2609	1585
20 июля 1943 г.	2471	1471
31 июля 1943 г.	2274	1176
10 августа 1943 г.	2065	987
31 августа 1943 г.	2022	821
30 сентября 1943 г.	1953	605

По приведенным данным видно катастрофическое падение числа боеготовых бронеединиц в германских танковых войсках на Восточном фронте, что и обусловило стремительный отход немцев к Днепру. Нельзя не признать, что сра-

жение на Курской дуге сыграло в этом немало важную роль. Как здесь не вспомнить известное высказывание Гейнца Гудериана: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»¹⁰.

Позднее Г. Гудериан в докладе А. Гитлеру в 1944 г. сравнивал танковые войска с посаженной в окопы германской кавалерией Первой мировой, которой не хватило в 1918 г. для развития прорыва. Таким образом, в конкретной обстановке, сложившейся на советско-германском фронте весной 1943 г., с учетом данных разведки, переход к преднамеренной обороне представляется обоснованным шагом советского верховного командования. Однозначно отрицать положительный эффект от отражения германского наступления и падения численности танков танковых дивизий вермахта в свете имеющихся данных не представляется возможным.

Также следует подчеркнуть, что преднамеренная оборона являлась лишь частью советского плана летней кампании. Советским командованием был разработан достаточно сложный и многоходовый план, предусматривающий наступательные операции. Здесь мы вплотную подходим к еще одному спорному моменту историографии Курской битвы — моменту отказа от продолжения «Цитадели». В советский период достаточно распространенной была точка зрения на танковое сражение под Прохоровкой как решающий момент Курской битвы. Однако новейшие исследования, в первую очередь В. Н. Замулина, показывают, что контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой имел крайне ограниченный эффект в плане прямого воздействия на боеспособность II танкового корпуса СС. Напротив, бои 12 июля 1943 г. привели к большим потерям танковой армии П. А. Ротмистрова. Более того, в работе С. Ньютона показывается, что сражение с советскими резервами в районе Прохоровки закладывалось командованием ГА «Юг» в план «Цитадели» еще в мае-июне 1943 г. Поэтому появление свежей танковой армии, разумеется, не вызвало энтузиазма у немецкого командования, но еще не являлось причиной остановки операции.

Вместе с тем столь же обосновательными являются утверждения об остановке «Цитадели» ввиду высадки союзников на Сицилии.

В журнале боевых действий верховного командования Вермахта (КТВОКВ) прямо указывается, что причиной свертывания «Цитадели» являются удары советских войск. Запись от 19 июля 1943 г. в этом документе гласит: «Восток. Противник продолжал наступление крупными танковыми и моторизованными силами при поддержке артиллерии и авиации. Атаки в полосах 17, 6-й А, 1-й ТА удалось отбить. [...] Северо-западнее Орла превосходящим силам противника удалось вклинуться в наше расположение. Ввиду мощного контрнаступления противника дальнейшее проведение операции «Цитадель» стало невозможным. Для создания резервов за счет сокращения линии фронта наше наступление прекращается». Формулировки, прямо скажем, не допускающие двойного толкования.

Действительно, изъятые из ударной группировки 4-й танковой армии Г. Гота наиболее боеспособные эсэсовские дивизии направились не в Италию, а в полосу 6-й армии, на так называемый Миус-фронт. Туда же отправились находившиеся в резерве группы армий «Юг» большая часть XXIV танкового корпуса и авиация. На Донбасс, в полосу 1-й танковой армии направилась дивизия СС «Викинг». Собственно, именно такое развитие событий заставило одного из западных исследователей, Джорджа Найпа, выдвинуть теорию о тщательно продуманной кампании советской разведки с сознательным показом немцам сосредоточения советских войск на Миусе. Однако изучение советских документов не подтверждает этой теории.

Командованием Южного фронта принимались обычные меры по обеспечению скрытности сосредоточения. Так что вскрытая немецкой

разведкой ударная группировка Южного фронта на Миусе была частной удачей немецкой радиоразведки, а не следствием намеренных действий. Именно угроза потери Донбасса заставила немецкое командование отказаться от развития «Цитадели» на южном фланге Курской дуги. Более того, поспешный ввод в бой для восстановления разваливающегося фронта 6-й армии Холлидта на Миусе привел к большим немецким потерям. Не Прохоровское поле, а высота 213,9 у деревни Степановка на Миусе стала кровавой баней для эсэсовских дивизий. Дивизия «Тотенкопф» потеряла в течение всего четырех дней боев на Миусе 1458 человек (219 убитых, 1193 человек ранеными и 46 человек пропавших без вести). Потери дивизии в ходе «Цитадели» с 4 по 20 июля 1943 г. составили 2802 человека (531 убитых, 2229 раненых и 43 пропавших без вести).

Истощение ударных возможностей и большие потери личного состава обусловили ограниченные результаты действий эсэсовских дивизий в отражении советского наступления с южного фланга Курской дуги в августе 1943 г. Замалчивание считавшегося неудачным июльского наступления на Миусе в советский период привело к существенному искажению реальной картины событий, сведению причин свертывания «Цитадели» к Прохоровке. Это заключение не имело прочной основы ни в советских, ни в немецких военных документах. Непосредственным результатом такого подхода к изложению событий стали спекуляции относительно высадки в Италии как причины отказа от продолжения «Цитадели». Сопоставление советских и немецких источников позволяет дополнить и сделать более объемной картину событий. Развернувшаяся в последние несколько лет дискуссия создала основу для цельного и взвешенного взгляда на события 70-летней давности как в России, так и за рубежом.

¹ Соколов Б. В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. — Мн.: Родина-плюс, 2000. С. 393.

² <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-01/orlov.htm>

³ Курская битва. М.: Наука. 1970, С. 136.

⁴ Grossman H. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939 — 1945, Podzun, 1958, S. 208.

⁵ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 2 т. Т. 2. М.: Олма-Пресс, 2002. С. 136.

⁶ Мюллер-Гиллебранд.

⁷ Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, Portland. 2000. P. 122. (Table 8.10: Destroyed tanks in Army Group South, 5–17 July 1943).

⁸ Zetterling N., Frankson A. Op.cit. P. 121. (Table 8.9: Destroyed tanks in Army Group Centre, 5–14 July 1943).

⁹ Jentz. T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1943–45. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P. 110.

¹⁰ Гудериан Г. Воспоминания солдата. — Смоленск.: Русич, 1999. С. 431.

Курская битва в оценках западных историков

А. А. Падерин*

Нам, россиянам, крайне неприятно сознавать, что о России в мире знают мало и зачастую выдумывают всякую несуразицу. К сожалению, эти выдумки на уровне молвы нередко формируют репутацию нашей страны и ее граждан за рубежом. Конечно, не среди высокообразованных интеллектуалов, так или иначе знакомых с российской историей и культурой. Имеются в виду преобладающие в сознании разношерстного и весьма многочисленного слоя западных обывателей мнения. Они поражают нелепостью суждений и оценок. Так, в канун Дня Победы, 8 мая 2009 г., в Интернете появились письма американцев, сильно возмущенных «российскими наездами на Америку». Их авторы явно ознакомились с историей Второй мировой войны, важнейшей частью которой являлась Великая Отечественная, только по фильмам типа «Спасти рядового Райана», в связи с чем свято верят в то, что эту войну выиграла Америка, а русские лишь «немного помогли».

Вот что пишет в своем письме, например, гражданин США по имени Марк: «Я был в Петербурге в 1997 г. и был шокирован холодными огромными зданиями. Сталинский стиль, не так ли вы это называете? Безобразно. Увидев на стенах следы разрушений от пуль и бомб, я спросил гида, откуда это. Она сказала: «Следы войны». Я удивился: какой войны? Я жил в Лондоне одно время, но там не было подобных следов разрушений. Что же такое происходило в Санкт-Петербурге? Может, я проспал урок истории? Я попросил уточнить. Она подтвердила, что речь идет о Второй мировой войне. Но это уже не выдерживает никакой критики — спустя 50 лет, *после того, как США спасли Россию от Гитлера* (выделено мной. — А. П.) они

даже не смогли очистить город». А вот отрывок из письма — укоризненного обращения к россиянам жительницы штата Огайо: «Вы не должны быть настолько предвзяты по отношению к стране, которая спасла вас от нацистского главенства во Второй мировой войне и которая постоянно оказывает вам помощь». Бен Ричардсон из штата Калифорния сокрушается: «Мне тяжело думать о том, насколько вы, русские, неблагодарны США. Мы слишком много помогли вам в последние годы. Мы протянули руку дружбы вашему правительству и людям. Мы отдали бесчисленное количество долларов вашему правительству, бизнесменам, церквям и просто людям. Америка — самая великая страна на земле».

Думается, многословного комментария здесь не требуется: сами выдержки из писем достаточно ясно свидетельствуют о лживом пропагандистском источнике содержащихся в них сведений. Именно это имел в виду президент России В. В. Путин, когда в выступлении на встрече с российскими послами и постоянными представителями в июле 2012 г. отмечал: «Образ России за рубежом формируется не нами, поэтому он часто искажен и не отражает ни реальную ситуацию в нашей стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, ни ее вклад в мировую науку и культуру».

Какую цель преследуют западные распространители антироссийских исторических фальсификаций? В частности, о ходе и итогах Второй мировой войны? Если говорить прямо, то велика ответственность историков за то, чтобы убедительно объяснить соотечественникам, прежде всего молодому поколению, вредоносный характер распространяемых на Западе пропагандистских выдумок о нашем Отечестве. По существу верный

* Падерин Александр Александрович — к. и. н., член-корреспондент РАЕН, полковник в отставке, ветеран Института военной истории МО Российской Федерации.

ответ на поставленный выше вопрос содержится в книге российского историкософа и литературоведа В. Кожина: «Великая Отечественная война не закончилась в 1945 г. Война продолжается до сих пор — не в окопах, а на «идеологическом фронте», за умы и сердца людей. Враги и ненавистники России (как внешние, так и внутренние) хотят переиграть итоги Второй мировой, взяв реванш хотя бы задним числом. У нас пытаются отнять Великую Победу. За этим стоит очевидный геополитический заказ: лишив русский народ гордости за свое прошлое, опорочив или вовсе вычеркнув из памяти самую славную страницу отечественной истории, духовные наследники гитлеровцев убирают последние препятствия на пути нового мирового порядка. И если мы хотим сохраниться как страна и нация — мы обязаны вступить за дедовскую славу, отстоять память о Победе. Потому что восстановить Россию как великую державу можно, лишь вернув себе национальную гордость и веру в героическое прошлое нашей Родины»¹.

Одно из важнейших направлений отстаивания правды о Великой Отечественной войне — это разоблачение фальсификаций истории крупнейших битв Красной армии, приведших к разгрому войск вермахта. Достойное место среди них занимает завершившаяся 70 лет тому назад безоговорочной победой советских войск Курская битва, сыгравшая судьбоносную роль в ходе не только советско-германской, но и всей Второй мировой войны. Прежде чем приступить к рассмотрению того, какое отражение битва под Курском получила в западной историографии войны, представляется целесообразным привести ниже краткую историческую справку об этой битве.

Курская битва (1943 г.) — это совокупность стратегической оборонительной (5–23 июля) и стратегических наступательных (12 июля — 23 авг.) операций Красной армии в районе так называемого Курского выступа. Их целями были срыв крупного наступления войск вермахта и разгром его стратегической группировки. ...Замысел операции противника (условное наименование «Цитадель») предусматривал ударами по сходящимся направлениям с севера и юга по основанию Курского выступа на 4-й день боевых действий окружить и затем уничтожить здесь советские войска.

Для проведения операции «Цитадель» привлекались лучшие генералы вермахта и наиболее боеспособные войска: в общей сложности 50 дивизий (в том числе 16 танковых и моторизованных) и большое число отдельных частей, входивших в 9-ю и 2-ю армии группы армий «Центр» (ген.-фельдм. Г. Клюге), а также в 4-ю танковую армию и оперативную группу «Кемпф» группы армий «Юг» (ген.-фельдм. Э. Манштейн). Их поддерживала авиация 4-го и 6-го воздушных фло-

тов. Всего эта группировка насчитывала свыше 900 тыс. чел., около 10 тыс. орудий и минометов, до 2700 танков и штурмовых орудий, почти 2050 самолетов. Это составило около 70 % танковых, до 30 % моторизованных и более 20 % пехотных дивизий, а также свыше 65 % боевых самолетов, действовавших на советско-германском фронте. Особые надежды немецкое командование возлагало на широкое применение новой боевой техники — танков «Тигр» и «Пантера», штурмовых орудий «Фердинанд», истребителей «Фокке-Вульф-190Д», штурмовиков «Хеншель-129» и других.

При планировании летне-осенней кампании 1943 г. Ставка ВГК избрала наиболее рациональный вариант — преднамеренной стратегической обороной на Курском выступе истощить наступательный потенциал вражеской группировки. Затем, перейдя в контрнаступление, завершить разгром группировок врага в районе Курского выступа. К началу битвы советские войска превосходили противостоящую им под Курском немецкую группировку в личном составе в 2,1; артиллерии — в 2,5; танках и САУ — в 1,8; самолетах — в 1,4 раза.

Войска наших фронтов и Степного военного округа к началу битвы создали мощную оборону, включавшую 8 оборонительных полос и рубежей общей глубиной 250–300 км. Она строилась как противотанковая, противартиллерийская и противовоздушная с глубоким эшелонированием боевых порядков и фортификационных сооружений, с широко развитой системой опорных пунктов, траншей, ходов сообщения и заграждений.

Утром 5 июля основные силы ударных группировок противника, ослабленные нашей упреждающей артиллерийской контрподготовкой, перешли в наступление, бросив против оборонявшихся на орловско-курском направлении до 500, а на белгородско-курском — около 700 танков и штурмовых орудий. В течение семи суток непрерывно атаковавшие немецкие войска были измотаны и обескровлены стойкой, глубокой и активной обороной наших войска. В полосе Центрального фронта к исходу 11 июля враг смог вклиниться в нашу оборону только на 8–12 км, а в полосе Воронежского фронта (к 16 июля) — на глубину до 35 км.

12 июля начался новый этап битвы — контрнаступление советских войска. Концентрическими ударами войска фронтов была прорвана глубоко эшелонированная оборона противника. Наступая по сходящимся направлениям на Орел, наши войска 5 августа освободили город. Преследуя отходящего врага, к 17–18 августа они вышли к оборонительному рубежу «Хаген», заранее подготовленному противником на подступах к Брянску. В результате Орловской операции советские войска нанесли поражение орловской группировке

врага (разгромили 15 дивизий) и продвинулись на Запад до 150 км. Войска Воронежского (с 16 июля) и Степного (с 19 июля) фронтов, преследуя отходящие вражеские войска, к 23 июля вышли на рубежи, занимаемые до начала оборонительной операции, а 3 августа перешли в контрнаступление. Стремительным ударом их армии разгромили войска немецкой 4-й танковой армии и оперативной группы «Кемпф», а 5 августа освободили Белгород. Вечером этого дня в Москве впервые был произведен артиллерийский салют в честь войск, освободивших Орел и Белгород.

Курская битва была одной из крупнейших битв Второй мировой войны. С обеих сторон в нее было вовлечено более 4 млн чел., свыше 69 тыс. орудий и минометов, более 13 тыс. танков и САУ, до 12 тыс. самолетов. В ее ходе советские войска разгромили 30 дивизий (в том числе 7 танковых) противника. Его потери составили свыше 500 тыс. чел., 3 тыс. орудий и минометов, более 1,5 тыс. танков и штурмовых орудий, свыше 3,7 тыс. самолетов. Провал операции «Цитадель» навсегда похоронил созданный фашистской пропагандой миф о «сезонности» советской стратегии, в соответствии с которой Красная армия якобы способна наступать только зимой.

Эта битва привела к дальнейшему изменению соотношения сил на фронте в пользу Красной армии, окончательно закрепила за ней стратегическую инициативу и создала благоприятные условия для развертывания общего наступления на широком фронте. Разгром врага под Курском стал важным этапом в достижении коренного перелома в ходе всей Второй мировой войны. Германия и ее союзники были вынуждены перейти к обороне и на других ее театрах. В результате разгрома значительных сил вермахта на советско-германском фронте создались более выгодные условия для развертывания действий американско-английских войск в Италии, было положено начало распаду фашистского блока: потерпел крах режим Муссолини, и Италия вышла из войны на стороне Германии. Под влиянием побед Красной армии возросли масштабы Движения сопротивления в оккупированных вермахтом странах, укрепился авторитет СССР как ведущей силы антигитлеровской коалиции².

Под Курском Красная армия преподнесла гитлеровскому командованию очередной урок русского военного искусства. После этой битвы даже самые преданные нацизму генералы и фельдмаршалы Третьего Рейха засомневались в способности Германии возратить себе военную фортуна. Русские оказались совсем не теми «недочеловеками», о которых им твердил Гитлер. «Не государственные дарования славянства дали силу и крепость русскому государству, — утверждал

он. — Всем этим Россия обязана была германским элементам — превосходнейший пример той громадной государственной роли, которую способны играть германские элементы, действуя внутри более низкой расы... В течение столетий Россия жила за счет именно германского ядра в ее высших слоях населения»³.

Красная армия научила гитлеровцев более уважительно отзываться о русском и других народах Советского Союза. Правда, это произошло постепенно: сначала поучительный урок преподали им Московская и Сталинградская битвы. А затем настала очередь Курской. К ней фашистская верхушка готовилась особенно тщательно: очень уж им хотелось доказать самим себе и своим союзникам, что еще есть у них «порох в пороховницах». Однако их вновь подвели самоуверенность, недооценка сил противника, которому якобы просто повезло под Москвой и Сталинградом. Сегодня уже вряд ли возможно точно установить, на что реально рассчитывали ответственные германские военачальники и верховное командование, решившиеся проводить операцию «Цитадель» по весьма примитивной схеме. Английский историк Р. Кросс, автор книги об операции «Цитадель», изучая причины ее провала, предположил: «По всей вероятности, операция планировалась в расчете на то, что советская оборона развалится после первых серьезных ударов, и ничего не планировалось и не готовилось на тот случай, если этого не произойдет»⁴. А произошло все согласно русской поговорке: «Не зная броду, не суйся в воду».

Приведу также мнение российского историка Ю. М. Мухина: «У немцев в 1943 г. была альтернатива Курской битве — они могли быстро откатиться за Днепр, очень сильно выровняв фронт, и зарыться на левом берегу в землю. И требовать переговоров о мире или перемирии. Но они полезли под Курском решать войну в свою пользу. И не в Гитлере дело — здесь все фельдмаршалы пытались доказать «иванам» свое превосходство. Готовились, готовились, два месяца откладывали битву, чтобы уж совсем хорошо подготовиться, наконец, «поехали по шерсть» и через две недели «вернулись стриженными»⁵. Вот как Г. Гудериан описывает обстоятельства, в которых родилась идея организовать наступление в районе Курской дуги: «Беда Германии, заключавшаяся в том, что, сжатая со всех сторон противником, она вела войну на два фронта, давала знать о себе все больше и больше. После потери Северной Африки и последовавшей за этим высадки союзников в Италии возник третий фронт. Воздушные базы противника угрожающе приблизились к границам Германии. Видя эти трудности, тогдашний начальник немецкого генерального штаба (генерал Курт Цейтцлер. — А. П.) задумал сделать попытку снова

взять инициативу на Востоке в свои руки и решающим образом ослабить наступательную мощь русских. Он предложил Гитлеру провести наступление на выступ русского фронта под Курском, глубоко вдававшийся в расположение немецких войск. Гитлер долго колебался, потому что хорошо понимал трудности этого предприятия, о которых ему, кстати, очень убедительно рассказал командующий войсками под Курском генерал-полковник Модель. Но в конце концов Гитлер согласился с мнением Цейтцлера»⁶.

Бесславный ход операции «Цитадель» вызвал восторженные отклики ведущих политиков Запада. Например, в начале августа 1943 г. президент США Франклин Рузвельт в специальном послании главе Советского правительства писал: «В течение месяца гигантских боев Ваши вооруженные силы своим мастерством, своим мужеством, своей самоотверженностью и своим упорством не только остановили давно замышлявшееся германское наступление, но и начали успешное контр наступление, имеющее далеко идущие последствия». А еще через несколько дней премьер-министр Великобритании У. Черчилль в очередном своем послании И. В. Сталину дал аналогичную оценку действиям советских войск на Курской дуге, подчеркнув, что «поражения германской армии на этом фронте являются вехами на пути к нашей окончательной победе». Так на Западе думали и писали во время войны. Но после ее окончания, когда угроза со стороны полчищ нацистской Германии миновала, подули леденящие ветры «холодной войны».

Историческая правда о решающем вкладе Советского Союза и его Вооруженных Сил в победу над фашизмом уже не устраивала бывших союзников. Их правительства, политики и идеологи делали все для того, чтобы сформировать в сознании народов убеждение в решающей роли своих армий в разгроме вермахта. Как и можно было ожидать, помощь им в фальсификации реального хода и результатов победных битв Красной армии, в том числе такой крупнейшей битвы, как Курская, оказали плененные ими немецкие генералы и офицеры. Военно-историческая служба армии США, в руки которой в конце войны попало много германских архивных материалов, в 1946–1947 гг. организовала обобщение оперативно-стратегической информации, знаний и опыта германских командиров и штабных работников в интересах военного ведомства США. Из числа немецких военнопленных ею было отобрано около 800 бывших гитлеровских генералов и офицеров для обобщения опыта войны. Среди них оказались генерал-фельдмаршалы А. Кессельринг, Э. Клейст, Э. Манштейн, генералы Ф. Гальдер, Х. Гудериан, К. Цейтцлер, Г. Гот, Г. Блюментрит, К. Типпельскирх и др.

Первоначально намечалось всю программу по обобщению опыта войны завершить к 1948 г. Но многие из этих авторов продолжали работать по заказам американцев до 1961 г. В их распоряжение в 1948 г. были предоставлены захваченные армией США германские военные архивы. Всего для американцев генералами и офицерами вермахта было подготовлено более 2500 разработок (меморандумов) общим объемом свыше 200 тыс. машинописных страниц. Большинство из них освещали особенности действий вермахта на советско-германском фронте. Эти разработки переводились на английский язык и широко использовались в американских военных штабах и военно-учебных заведениях. В начале 1960-х гг. они были переданы в Национальный архив США в Вашингтоне, где стали доступными для историков, занимающихся проблемами истории советско-германской войны⁷.

Эти разработки одновременно сыграли важную идеологическую и в какой-то степени методологическую роль. Они стали фундаментом, на котором формировались представления большинства западных историков о событиях на советско-германском фронте. Пытаясь оправдать себя, гитлеровские генералы объясняли поражение вермахта случайными факторами, непосредственно не связанными с их собственной деятельностью как военных руководителей: ошибками высшего политического руководства Германии, климатическими и географическими особенностями театра войны в России и др.

Выводы и оценки, использованные в своих военно-исторических разработках, бывшие гитлеровцы позднее стали широко распространять в открытых публикациях. С конца 1940-х гг. в ФРГ, а затем и в других западных странах приступили к изданию книг бывших гитлеровских генералов, основанных на материалах, которые писались ими по заказам военного ведомства США. Это были публикации Ф. Гальдера, Х. Гудериана, Х. Фрисснера, А. Хойзингера, К. Цайтцлера, Э. Вестфалья и многих других. Ими делалось немало попыток отмежевать германский генералитет от Гитлера и его нацистских сообщников. Стремясь реабилитировать «честь» немецкой армии, битые фашистские генералы объясняли поражение под Курском в основном ошибками Гитлера и его ближайшего окружения. Вместе с тем в своих объемных «исследованиях» и мемуарах они пытались завуалировать авантюристический характер гитлеровского плана-реванша летом 1943 г.

Фальсифицируя историю Второй мировой войны, западные авторы стремятся всячески умалить значение выдающейся победы Красной армии летом 1943 г. При этом либо вообще умалчивают о Курской битве, либо говорят о ней

скупо и невразумительно, пытаясь внушить своим читателям мысль, будто Курская битва — это обычный, ничем не примечательный эпизод войны. У Черчилль в своей книге «Вторая мировая война» (воспоминания о периоде 1940–1945 гг.), в 1997 г. изданной в СССР на русском языке, акцентирует такие ключевые события в ходе войны, как «битва за Англию», открытие второго фронта и т. д., но не уделяет должного внимания крупнейшим победным битвам Красной армии. На роль творцов коренного перелома во Второй мировой войне Черчилль «выдвинул» не героев Сталинграда и Курска, истинные заслуги которых он ранее вынужден был признавать, а английских и американских генералов и солдат, действовавших на второстепенных фронтах. Например, в январе 1952 г. Черчилль заявил: «Вторая мировая война представляла собой почти непрерывный ряд неудач и поражений до битвы у Эль-Аламейна и высадки войск генерала Эйзенхауэра в Северной Африке... Эти два события изменили весь ход войны». Черчилль явно преувеличивает масштабы и значение названных операций, «забыв» при этом упомянуть о Московской битве. Может быть, по его мнению, она не относилась ко Второй мировой войне или относилась, но никак на ее ход не повлияла?!

Многие западные авторы усердно изыскивали способы принижения роли Красной армии в победе над гитлеризмом. Они пытались, в частности, доказать, будто не сами советские войска сорвали немецкое наступление в районе Курского выступа летом 1943 г., а этому способствовала высадка 10 июля американско-английских войск в Сицилии, которая якобы вынудила гитлеровское командование по собственной инициативе «внезапно прекратить» операцию «Цитадель». «Гитлер, — пишет Р. Пейн (США), — отменил битву за Курск, так как его потери в танках достигли головокружительных размеров. Но была и другая, возможно, даже более важная причина: 10 июля союзники высадились в Сицилии». Автор изданной в ФРГ книги «Вторая мировая война» (Мюнхен, 1967) Л. Грухман пишет, будто 13 июля 1943 г. немцы прекратили свое наступление под Курском, чтобы «перебросить силы в район Средиземного моря». Эта же мысль присутствует в работах М. Говарда (Англия), Э. Зимке и М. Блюменсона (США) и других западных исследователей. Как это можно взять да и «отменить» или «прекратить» битву, находящуюся в самом разгаре? А советская сторона, по их понятиям, как отреагирует на создавшуюся ситуацию? Тоже отменит начатое ею 12 июля широкомасштабное контрнаступление и пожелает немцам доброго пути до Сицилии?

Кстати, «главной целью» Сицилийской операции союзников, по признанию самого Эйзенха-

уэра, который ею руководил, являлось отнюдь не освобождение Италии, а «очищение средиземноморского пути». В самом деле, заняв летом–осенью 1943 г. Сицилию и южную часть Италии, то есть в общей сложности менее трети территории страны, союзники как-то нелогично остановились. И возобновили наступление лишь в июне 1944 г., когда было предпринято их вторжение во Францию.

Для западной историографии послевоенного периода (до середины 1980-х гг.) характерен, как отмечала английская газета «Гардиан» в 1978 г., взгляд на историю Великой Отечественной войны, на участие в ней советского народа «сквозь затемненные очки холодной войны». В работах западных авторов основное внимание уделялось германской стороне, а в действиях советской стороны главным образом выискивались негативные моменты, о которых советские историки обычно умалчивали или говорили вскользь. Лишь небольшое число западных историков, таких, как англичане Дж. Эриксон и А. Кларк, американец Д. Гланц, француз А. Костантини, австралиец Дж. Джукс, а также некоторые представители университетской исторической науки США и Англии стремились по возможности уйти от односторонности в изображении Великой Отечественной войны, дать ее более или менее объективное описание.

Для общей характеристики содержания на тот период западной исторической литературы о советско-германской войне сошлюсь на мнение известного американского военного историка Д. Гланца. В выступлении на первом советско-американском коллоквиуме по проблемам Второй мировой войны, состоявшемся в 1986 г., он подчеркнул, что среди американцев преобладают представления о Великой Отечественной войне, основанные на концепциях бывших гитлеровцев. «Весь период с 1945 г. по настоящее время, — отметил Гланц, — ... немецкие взгляды на войну на Восточном фронте являлись доминирующими... В результате эти взгляды были внедрены в учебные пособия для средних школ и колледжей, в программы военно-учебных заведений США». По мнению американского историка, взгляды эти являются «вульгарными» и занимают место «где-то между мифами и реальностью».

С ослаблением остроты идеологического противоборства, происходившего в период «холодной войны», и в связи с коренными социально-политическими изменениями в СССР в западной историографии Великой Отечественной войны наметились положительные тенденции. Прежде всего, такая наиболее важная: поскольку исследователи получили больше возможностей для использования в своих работах советских источников, в том числе ранее засекреченных, их работы перестали

быть односторонними. О действиях Советского Союза в годы войны зарубежные авторы стали писать не меньше, чем о действиях нацистской Германии.

Например, ряд новых советских источников, не бывших ранее в научном обороте, использованы в книге «Война Германии против Советского Союза 1941–1945», изданной в ФРГ в 1991 г. в связи с 50-летием нападения Германии на СССР. В ней использованы материалы из Центрального архива Министерства обороны РФ, Мемориального музея немецких антифашистов (г. Красногорск), Центрального музея Вооруженных сил (г. Москва), других российских музеев и частных коллекций.

Дэвид М. Гланц и Джонатан Хаус издали книгу «Битва за Курск» (1999), написанную в результате использования широкого доступа к советским архивам. Многие рецензенты оценили ее как перспективное научное исследование роли Красной армии в этом сражении. В конце 1980-х — начале 1990-х гг. в США и Англии историки опубликовали несколько объективных работ, посвященных действиям Красной армии в 1941–1945 гг. К их числу относится, в частности, объемный труд Д. Гланца «От Дона до Днепра: Советские наступательные операции с декабря 1942 по август 1943 г.». И его же широко известная работа «Курская битва: решающий поворотный пункт Второй мировой войны» (М., 2007). Назову также недавно изданную работу М. Кайдина «Тигры» горят! Разгром танковой элиты Гитлера» (М., 2011).

Однако, на мой взгляд, не нужно и преувеличивать место этой тенденции в западной историографии. Общая направленность западной литературы о Великой Отечественной войне во многом еще сохраняет прежние тенденции, в том числе имеющие своей целью принизить значение победы Советского Союза над фашизмом. Это в какой-то степени спровоцировал и поворот нашей отечественной военной историографии с конца 1980-х годов к анализу прежде всего негативных сторон прошедшей войны, в чем западные историки усмотрели поддержку своим прежним критическим утверждениям о предвоенной политике Советского Союза и о действиях его вооруженных сил во время войны. Поэтому наслонения «холодной войны» по инерции продолжают сказываться и в ряде новых публикаций западных авторов о советско-германской войне. В большей или меньшей степени политика и теперь влияет на западную историографию.

Во введении к вышедшему в 2006 г. — впервые на русском языке — сборнику работ непосредственных участников операции «Цитадель», подготовленных ими еще в конце 1940-х годов по заданию американского командования, подчерки-

вается: «Наше (имеются в виду западные историки. — А. П.) понимание произошедшего слишком долго находилось в зависимости от мемуаров, написанных немецкими командующими Эрихом фон Манштейном и Фридрихом Вильгельмом фон Меллентином», а также опубликованных историй немецких соединений. Эти и подобные им источники продолжали преобладать в историографии сражения, освещавшей действия немецкой стороны: *Курск: столкновение бронетанковых войск* (1968) Джеффри Юкса; *Горят «тигры»* (1974) Мартина Кайдина; *Курск 1943: волна поворачивает на восток* (1992) и *Цитадель: битва за Курск* Робина Кросса (1993); *Операция «Цитадель», Курск и Орел: величайшее танковое сражение Второй мировой войны* Януша Пикалькевича (1987); *Решение на Украине, лето 1943: второй и третий танковые корпуса СС* Георга М. Нипа (1996) и *Курск: авантюра Гитлера, 1943* Вальтера С. Дана (1997).

Авторы этих работ пытались каждый по-своему расширить горизонты немецких источниковедческих материалов, однако «ни в одной из них не было воссоздано всесторонней истории этого сражения»⁸. Составитель названного выше сборника — американский историк Стивен Ньютон собрал в нем статьи небольшой группы разработчиков — от генерала Т. Буссе до майора М. Франке. Затем Ньютон написал обширные комментарии к их статьям и дал собственный анализ с выводами. Правда, как отмечено в аннотации к сборнику, «парадоксальными» выводами с точки зрения отечественного читателя. В частности, такими, как в заключительной главе книги «Был ли Курск решающим сражением?», написанной самим составителем. Применительно к ним эпитет «парадоксальный» вполне оправдан: Ньютон не уделяет никакого внимания взглядам российских историков на данный вопрос. Кстати, такой пример приводит сам автор главы: «После работы с огромным количеством советских архивных материалов Дэвид Гланц и Джонатан Хаус начали оспаривать многие из прижившихся предубеждений, связанных с операцией «Цитадель». В конце концов они соглашались с давно принятой точкой зрения, что Курск был решающим моментом в войне и стратегически, и оперативно, и тактически»⁹.

Естественно, читая книгу, я старался понять, в чем же заключается парадоксальность сделанных составителем выводов. Остановлюсь только на своих впечатлениях от последней главы, написанной самим Ньютоном. Ее название поначалу не вызвало у меня каких-либо возражений: «Был ли Курск решающим сражением?» Думаю, не беда, что просто «Курск», ведь и так понятно — имеется в виду Курская битва. Но все-таки подумалось, что название главы было бы более корректным, если б

вместо слова «Курск» дать «Курская битва». Тогда было бы точнее и понятнее, для какой из противоборствующих сторон данное сражение явилось действительно решающим и в достижении какой именно стратегической цели.

Кратко сообщив о точке зрения Дэвида Гланца и Джонатана Хауса, С. Ньютон по сути всю главу посвящает анализу книги других исследователей: «...Недавно Никлас Цеттерлинг и Андрес Франксон в своем важнейшем исследовании «Курск 1943: статистический анализ» попытались опровергнуть вывод Гланца и Хауса. Цеттерлинг и Франксон опубликовали (Лондон, 2000) первое полное исследование о численности и потерях сражавшихся армий, основанное исключительно на архивных материалах, как немецких, так и русских. Избегая излишнего внимания к деталям, авторы создали важную справочную работу (хочется назвать ее точной), которую обязательно должны учитывать авторы всех последующих трудов о Курске. В заключительной главе своего труда, названной «Последствия сражения», Цеттерлинг и Франксон анализируют стратегическое, оперативное и тактическое значение этой битвы и, учитывая новую информацию, которую им удалось обнаружить, объявляют: «нельзя утверждать, что «Цитадель» привела к решающему для войны на востоке результату»¹⁰.

Стоп, уважаемые коллеги! Разве речь должна идти о потерпевшей фиаско немецкой операции «Цитадель», а не о проведенной войсками Красной армии победной Курской битве? Странная логика! Окончательный вывод, к которому пришли два вышеназванных автора, состоит в том, что график, показывающий общие потери в личном составе, свидетельствует о постоянном росте немецких потерь без каких-либо заметных или неожиданных всплесков в численности. Они постепенно и подточили силы немцев. Отталкиваясь от этого вывода, Цеттерлинг и Франксон утверждают, что Курск может считаться решающим сражением, как своего рода пик, проявившийся на протяжении последующих шести месяцев и указывающий на огромное уменьшение немецких сил. Иначе говоря, операция «Цитадель», по мнению исследователей, стала еще одним толчком к сокращению численности немецких войск. С этим согласился и высоко оценивший их труд С. Ньютон.

Извините, уважаемые коллеги, но у нас с вами разное толкование понятия «решающий»: вы упорно рассуждаете о «Цитадели», в результате фиаско которой резко сократилась численность немецких войск. Но не договариваете, кто и о чем «решающем» в данном случае вправе вести речь. А вот Гудериан тяжелые последствия разгрома войск вермахта в сражении на Курской дуге описал очень точно: «Наступление провалилось, армия

понесла тяжелые потери, невозполнимые при нашем бедственном положении. Инициатива на Восточном фронте окончательно перешла к противнику. С этого времени немецкая армия постоянно отступала. Истощенные в боях дивизии беспорядочно отходили, не образуя сплошного фронта и не находя поддержки в тылу. Организация тыла была не налажена, в связи с чем войска несли излишние потери, а при тех недостатках, которые мы имели во многих областях, они вели к еще большему ослаблению фронтовых войск...»¹¹.

Вот смысл эпитета «решающий»! И относится он не к «Цитадели», а к Курской битве, в ходе которой войска Красной армии привели немецкие войска в состояние, описанное выше Гудерианом. Тем самым они и обеспечили достижение Красной армией окончательного коренного перелома не только на Восточном фронте, но и в ходе всей Второй мировой войны. Не могу утверждать, что Стивен Ньютон в рассматриваемой главе занял такую позицию из каких-либо далеких от науки соображений. Может быть, его увлек исследовательский азарт, стремление взглянуть на проблему с разных сторон в целях объективности. Однако даже если это так, то вывод из данной попытки получился, к сожалению, отнюдь не объективный. Увы, это не единичный факт, о чем свидетельствует, в частности, содержание им же написанной 14-й главы под красноречивым названием «Начальный этап наступления группы армий «Юг»: анализ и критика».

«Под Курском советские войска, — отмечает автор, — выстроили глубоко эшелонированную оборону; советская разведка лишила немецкие войска эффекта внезапности, и, как всячески подчеркивают Гланц и Хаус, советское командование на всех уровнях вело боевые действия тактически грамотно, что позволило полностью использовать численное превосходство и в живой силе, и в технике. Однако ни одна из этих причин не должна отвлекать от того факта, что немецкое командование в тактическом плане само обеспечило поражение своих войск. В силу того, что немецким танковым дивизиям еще никогда не приходилось терпеть неудачу при прорыве советских оборонительных рубежей, многие офицеры — Гот, Кемпф, фон Кнобельсдорф и Брайт — значительно переоценили возможности своих войск... Стоит еще раз повторить, что если бы планы наступления 48-го и 3-го танковых корпусов были разработаны более тщательно, исход всей операции «Цитадель» был бы совершенно иным»¹².

И далее следуют рассуждения в том же духе: «Однако целый комплекс более мелких недочетов свел шансы на успех практически к нулю. От не обнаруженных минных полей в полосе наступления 168-й пехотной дивизии до фантастической

надежды на то, что 10-я танковая бригада прокатится по линии советской обороны. Все это были в целом в таком ужасающем количестве ошибки, которые допустили офицеры штабов дивизий, корпусов и армии, что они стали определять ход, а в конечном итоге и исход всего сражения. При чтении документации о планировании всей операции поражает отсутствие какого-либо четкого доктринального подхода. Создается впечатление, будто каждый старший офицер изобретал свой собственный велосипед. ...Поэтому тот, кто занимается исследованием войны в России, должен осознать тот факт, что оперативно-тактические ошибки, допущенные командованием на всех уровнях, от дивизии до армии, и их штабными офицерами, во многом объясняют, почему война закончилась взятием Берлина, а не Москвы»¹³.

Складывается такое впечатление, что Красная армия, по мнению этого американского историка, как бы ничего не сделала для разгрома вермахта! Вместе с тем в книге есть пример, на мой взгляд, более объективного подхода к анализу ситуации и формулированию вывода из него. Автор первой главы, бывший начальник штаба группы армий «Юг» генерал пехоты Теодор Буссе сделал обзор операции «Цитадель», привел рассматриваемые с немецкой точки зрения сжатые сведения о ней и поднял ряд важных исторических вопросов. О принципиальной позиции генерала можно судить по тому факту, что он через три года после окончания войны назвал операцию «Цитадель» победной для немцев. Тогда, еще в 1940-е гг., он поступил порядочно, описав ход боевых действий и дав им реальную оценку: «Операция „Цитадель“, — констатирует генерал, — не привела к результатам, которые ожидал Гитлер. Сражение не лишило советские войска баз для операций вокруг Курска, не привело к уничтожению их значительных сил и даже не изменило намерений Ставки начать главное наступление в 1943 г. Немецкая армия не вышла на оперативный простор и не смогла сократить линию фронта, чтобы компенсировать свою сокращающуюся численность. Совсем наоборот, в этой операции были задействованы почти все резервы Восточного фронта. Эта неудача не должна списываться на солдат или командование на фронте. Они показали, что могут справиться с любой задачей. Выше всяких похвал оказались дух, терпение и самоотверженная преданность людей. Не обеспокоенные решениями, влиявшими на высокую стратегию, наши солдаты уверенно шли в бой и, несмотря на исход сражения, солдаты группы армий «Юг» вышли из операции с чувством, что *они победили противника* (подчеркнуто мной. — А. П.), значительно превосходившего их и в людских резервах, и в обеспечении. Причины неудачи надо искать не там»¹⁴.

Думается, что генерал, как реальный участник битвы, вправе дать такую оценку настроений солдатской массы. Хотя мне она представляется явно идеализированной: едва ли обстановка полнейшего разгрома могла способствовать такому настрою немецких военнослужащих. В общем, заключает Буссе, «можно утверждать следующее: операция „Цитадель“ провалилась, поскольку проводилась недостаточными силами, учитывая затягивание с началом операции. Более того, советское командование выявило наши намерения и было полностью готово к обороне и контрудару. 1943 г. мог принести совсем другие результаты, если бы Красная армия потратила свои силы в наступлении на наш непрерывный фронт, подержанный мощными мобильными резервами. Вместо этого советское командование само смогло провести наступление, начатое как контр наступление. Причем его главный удар был направлен против наших войск, участвовавших в неудачном наступлении, поглотившем все наши мобильные силы»¹⁵.

Необходимо признать, что штабной генерал Буссе достаточно убедительно и исчерпывающе объяснил, почему провалилось наступление войск вермахта. Авторы следующих глав мало что нового добавили к его суждениям. Разве только то, что более остро обвиняли высшее политическое и военное руководство Германии. Вместе с тем представляется важным подчеркнуть, что не только генерал Буссе, но и авторы других глав справедливо отметили высокую готовность к сражению войск Красной армии. Так, командир 8-го авиакорпуса генерал авиации Ганс фон Зайдеман пишет: «Наступление «Цитадель» потерпело неудачу, поскольку немецкие войска, наступавшие севернее Белгорода и в районе Орла, встретили мощную и подготовленную Красную Армию, имевшую поддержку в виде стратегических резервов пехоты и танков, которые заранее были расположены на выгодных позициях. Нам казалось, что Советы были проинформированы с превосходной точностью не только о времени начала наступления, но и о его целях и районах наших главных ударов»¹⁶.

Завершая рассмотрение вопроса, отраженного в названии данной статьи, следует сделать следующий вывод: американские и западноевропейские авторы, фокусируя основное внимание на операции вермахта «Цитадель», по сути не исследуют должным образом превосходившие «Цитадель» по своим масштабам и последствиям операции Красной армии — Орловскую (кодовое наименование плана — «Кутузов») и Белгородско-Харьковскую (кодовое наименование плана — «Полководец Румянцев»). Одна из причин этого, на мой взгляд, — нежелание западных историков

показать реальную картину разгрома войск вермахта.

Исследования западных историков характеризуются отсутствием достоверных данных о потерях противоборствовавших сторон на различных этапах битвы. Правда, в отношении германской стороны данный недостаток был частично устранен, в частности благодаря труду шведских военных историков Н. Цеттерлинга и А. Франксона «Курск 1943: Статистический анализ», изданному в Лондоне в 2000 г. Эти авторы опирались в основном на документы фондов Федерального военного архива Федеративной Республики Германии. Используя те же источники, Н. Цеттерлинг в 1996 г. осуществил исследование «Потери на Восточном фронте во время Второй мировой войны». Однако названные работы являются в значительной мере тенденциозными, отражают взгляды воевавших немецких генералов. Так, авторы стремятся приуменьшить как потери германских войск в ходе операции «Цитадель», так и вообще значимость операции в целом.

Как свидетельствует анализ западной литературы, между методологическими принципами изучения западными авторами истории Курской битвы имеются определенные отличия. Однако почти все их исследования, за редким исключением, являются в первую очередь различными интерпретациями событий, которые вольно или невольно отражают идеологические позиции авторов в оценке истории. Не избежал этого, как показано выше, тот же С. Ньютон: пытаясь объективно критиковать немецких военачальников и четко показывая допущенные ими ошибки, он в целом оказывается «заложником» их версий происходившего и разделяет общие выводы германского генералитета по поводу Курской битвы. Аналогичная тенденция характерна и для отдельных трудов одного из лучших аналитиков в сфере военной истории Б. Лиддел Гарта в той их части, которая посвящена войне на советско-германском фронте.

Современный этап развития военно-исторической науки, характеризующийся переосмыслением событий прошлого, расширением источниковой базы, включением в научный оборот новых, ранее не известных документов и материалов, столкновением и даже противоборством мнений, концепций, теорий, предъявляет высокие требования к применению форм, методов и средств

разоблачения фальсификаций военной истории. Это особенно важно, ибо общий механизм фальсификации военной истории становится все изощреннее, сочетает как открытую ложь в освещении событий, фактов военной истории, так и замаскированные попытки «подправить», исказить содержание военно-исторических процессов. «Человеческий разум, — откровенничает, например, американский историк М. Чукас, — должен быть нейтрализован или поставлен в условия бездействия путем сокрытия относящихся к делу фактов, должен быть введен в заблуждение и дезориентирован путем искаженного изображения действительности»¹⁷.

В современных условиях наиболее распространенными методами извращения событий и фактов военной истории являются «барраж» («постановка заграждения», «затуманивание»); «редхерринг» («копченая селедка»); «тестимониал» («лжесвидетельство, подлог»); «кард стокинг» («подставка карт»); «глиттерингджерелити» («лакировка, представление в розовом свете»); «неймколлинг» («навешивание ярлыков, кличек»); «персонификация» и другие¹⁸. Их необходимо уметь различать и противопоставлять им свои эффективные методы. Прежде всего — опровергать их измышления на основе неопровержимых документов.

Следует признать, что советские историки, исходя из идеологических установок, длительное время исключали из числа используемых источников некоторые весьма авторитетные материалы, например, специальное исследование участника Курской битвы с германской стороны, командира частей и соединений войск СС С. Штадлера «Наступление под Курском». Более того, вообще не учитывались обширные, но разрозненные данные, которые содержались в историях отдельных немецких частей и соединений, участвовавших в Курской битве, публиковавшиеся в Западной Европе и США¹⁹. Это означает, что российские историки призваны не ограничиваться критическим разбором военно-исторических публикаций западных исследователей. Напротив, несомненную пользу для военно-исторической науки мы можем извлечь, если, вскрывая тенденциозность и политическую ангажированность их выводов и оценок, будем одновременно брать на вооружение все поучительное и действительно новое в их трудах.

¹ Кожин В. В. Великая война России. Почему непобедим русский народ? М.: Эксмо, 2010. С. 4.

² Военная энциклопедия. В 8 томах. Т. 4. М.: Воениздат, 1999. С. 358 — 360.

³ Капто А. С. Нацизм и «либеральный антисталинизм». Отпор фальсификаторам истории. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С. 13–14.

⁴ Кросс Р. Операция «Цитадель» / Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2006. С. 264.

⁵ Мухин Ю. М. Они иногда возвращаются / Газета «Дуэль». № 46.

- 6 Гудериан Г. Опыт войны с Россией / Итоги Второй мировой войны. Сб. ст. Пер. с нем. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957.
- 7 Якушевский А. С. Западная историография Великой Отечественной войны Советского Союза: этапы и основные концепции (1941–1991 гг.). Диссертация в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. М., 1997. С. 19.
- 8 Ньютон С. Х. Курская битва: немецкий взгляд. М.: Яуза, Эксмо, 2006. С. 5–6.
- 9 Там же, с. 513.
- 10 Там же.
- 11 Гудериан Г. Указ. раб. С. 130.
- 12 Ньютон С. Указ. раб. С. 508–509.
- 13 Там же, с. 510–512.
- 14 Там же, с. 42–43.
- 15 Там же, с. 44–45.
- 16 Там же, с. 252.
- 17 Военная история как объект идеологической борьбы. М.: Воениздат, 1991. С. 33.
- 18 Там же.
- 19 Букейханов П. Е. Курская битва. Оборона. Планирование и подготовка операции «Цитадель». Сражение на северном фланге Курской дуги. Июль 1943. М.: ЗАО «Изд-во Центрполиграф», 2011. С. 16–17.

Книга тридцать шестая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ БИТВЫ

Стратегические удары Красной армии в 1944 г.

С. М. Монин*

С ноября 1942 г., когда начался период коренного перелома в Великой Отечественной (и во Второй мировой) войне, и до начала 1944 г. Красная армия продвинулась на запад на 500–1300 км. Было вызволено из-под фашистского ига более половины захваченной советской территории, на которой проживало почти 46 млн чел. Это позволило увеличить призывной контингент, а также приступить к восстановлению промышленности на этих территориях. Красная армия крепла и набиралась опыта. Рос уровень боевой подготовки советских солдат и офицеров. Уроки небывалой по масштабам и ожесточению, по насыщенности техникой и по сложности и изощренности военного искусства войны не прошли даром. Накопленный дорогой ценой опыт был обобщён в Полевом уставе 1944 г. В этом документе подчёркивалась важность таких факторов успеха в бою, как манёвр, внезапность, инициатива. Как отмечают западные исследователи, «Красная Армия делом доказала верность этим идеям»¹. Хотя, конечно, в жизни не всегда получалось так, как было задумано и как должно было быть.

К началу 1944 г. действовала разветвлённая система подготовки кадров для Вооружённых сил. Работали (помимо военно-морских) 17 военных академий, 2 военных института, 8 военных факультетов при гражданских вузах, 184 военных училища и свыше 200 различных курсов. В 1944 г. было подготовлено 317 тыс. офицеров. На положении, авторитете и настрое командиров и начальников положительно сказывались принятые ещё в 1943 г. решения. Были введены новые знаки отличия — погоны вместо прежних знаков отличия на петлицах и на нарукавных нашивках. Все

командиры и начальники от младшего лейтенанта до полковника стали называться офицерами. Был установлен новый порядок присвоения воинских званий. Отныне первичное офицерское звание присваивалось только тем, кто имел соответствующее военное образование. Устанавливалось деление всех военнослужащих на рядовой, сержантский (старшинский), офицерский состав и генералов (адмиралов).

В отличие от первых лет войны пополнение войск действующей армии осуществлялось не за счёт формирования новых дивизий, а за счёт отправки на фронт подготовленных в тылу (в запасных и учебных частях и учебных центрах) маршевых рот и батальонов. Сложилась оптимальная организационная структура Вооружённых сил. Её совершенствование шло в основном по линии улучшения управления, повышения манёвренности, ударной и огневой силы. В этом плане показательно создание танковых армий. Формировать танковые армии начали ещё в 1942 г. Но тогда они состояли из танковых корпусов и стрелковых дивизий, обладавших разными манёвренными возможностями, что затрудняло их боевое применение и управление ими. Потом стали создаваться танковые армии так называемого однородного состава. Обычно в них входили 1–2 танковых корпуса, 1 механизированный корпус, отдельные артиллерийские, самоходные артиллерийские, зенитно-артиллерийские, инженерные и другие части и соединения. По штату в каждой армии должно было быть 43–50 тыс. чел., около 800 танков и САУ, до 750 орудий и миномётов. С января 1943 г. по январь 1944 г. было сформировано 6 танковых армий. В 1944 г. на фронтах, которые участвовали в стратегическом наступлении, обычно

* Монин Сергей Михайлович — к. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

было по одной, две, а то и три танковые армии. Они составляли подвижные группы, действовавшие на главных направлениях и решавшие важнейшие задачи.

Во время наступательных операций создавались такие по-своему уникальные формирования, как конно-механизированные группы, представлявшие собой временные оперативные объединения кавалерийских, механизированных и танковых корпусов и других частей и соединений. Они применялись для развития прорыва и вели активные боевые действия в тылу противника. Наилучших результатов они добивались на сильно пересечённой, например, горно-лесистой местности, где использование механизированных войск было затруднено. Красная армия в 1944 г. получала во всё возрастающем количестве более мощное и совершенное вооружение различных типов.

Тяжёлые танки КВ («Клим Ворошилов») даже с более мощной пушкой (85-мм вместо 76-мм) из-за слабости своего бронирования не могли противостоять «Тиграм» и «Пантерам». Тогда было решено начать разработку нового семейства тяжёлых танков с аббревиатурой ИС («Иосиф Сталин»). Сначала появился ИС-1 с более толстой, чем у КВ, бронёй. Но его 85-мм пушка обладала недостаточной бронепробиваемостью. Тогда был создан танк ИС-2, который стал самым мощным советским танком периода войны. При массе в 46 т он имел лобовую броню до 120 мм, что обеспечивало определенную защиту от немецких 88-мм и длинноствольных 76-мм пушек. Этим он выгодно отличался от всех остальных танков армий стран антигитлеровской коалиции, за исключением поздних модификаций британского танка «Черчилль». Но главное, что ИС-2 был оснащён 122-мм пушкой — самым мощным серийным танковым орудием Второй мировой войны, позволявшим успешно бороться с немецкой бронетехникой. В начале 1944 г. новые машины успешно прошли испытания в боях, и в Челябинске было развёрнуто их массовое производство. Они сводились в отдельные гвардейские тяжёлые танковые полки прорыва (21 единица). С декабря 1944 г. создавались тяжёлые танковые бригады (65 единиц). В целом танки ИС-2 оправдали себя как средство прорыва хорошо укреплённой обороны противника, а также штурма городов. В самом конце войны был создан еще более совершенный танк ИС-3, но принять участие в боевых действиях он уже не успел.

С января 1944 г. было развернуто производство усовершенствованного основного среднего танка Красной армии Т-34-85 со значительно более мощной 85-мм пушкой. Но его бронезащита хотя и возросла, но по меркам конца войны бы-

ла всё же недостаточной. Тем не менее, считается, что в этой модификации было достигнуто оптимальное сочетание огневой мощи, защищённости и манёвренности средних танков в годы Второй мировой войны. В 1944 г. производство танков и САУ достигло своего потолка — 29 тыс. Всего же за годы Великой Отечественной войны советская танковая промышленность выпустила 102,8 тыс. боевых машин, что более чем в 2 раза превосходило соответствующий показатель Германии. Масовость производства советских танков, их улучшившиеся тактико-технические характеристики вместе с новым уровнем управления танковыми войсками и выучки танковых экипажей, более отработанным взаимодействием с другими родами войск, особенно с авиацией, сделали советские танковые войска главной ударной силой Красной армии, в целом успешно сражавшейся на заключительном этапе войны.

Советские ВВС получали новые, более совершенные самолеты, такие как истребители Ла-7 и Як-3, штурмовики Ил-10. Например, при доработке штурмовика С.В. Ильюшина был учтён опыт его боевого применения. Ил-10, поступавший на фронт с октября 1944 г., представлял собой цельнометаллический самолет с более мощным двигателем, усиленным вооружением и полностью бронированной кабиной воздушного стрелка. По сравнению с Ил-2 новая машина имела значительно лучшие манёвренные качества и более высокую (на 1/3) скорость. Все попытки немцев создать самолет, похожий на наш «летающий танк» (так называли советские Илы), закончились неудачей. У них не оказалось ни подходящей конструкции, ни нужного двигателя². Советская авиация в 1944 г. закрепила своё превосходство в воздухе. Этому способствовали победы Красной армии на земле, численное превосходство советских ВВС, совершенствование советской лётной техники и искусства ведения воздушного боя, рост боевого мастерства советских лётчиков и их уверенности в своих силах. В 1944 г. авиационная промышленность СССР выпустила рекордное количество самолетов — 40 241. На пороге 1945 г. советская боевая авиация пополнялась более чем 100 самолётами в день.

На 1944 г. пришёлся пик поставок по ленд-лизу в СССР. Москва по дипломатическим каналам обсуждала со своими союзниками номенклатуру, масштабы, сроки и пути доставки нужных грузов. Договоренности закреплялись протоколами. Лондонский протокол, предусматривавший поставки с 1 июля 1943 г. по 30 июня 1944 г., впервые наряду с США и Великобританией подписала также Канада. В апреле 1944 г. был подписан Оттавский протокол о поставках в период с 1 июля 1944 г. по 30 июня 1945 г. На эти два последних

протокола пришлось 57% всех грузов военного времени. Причем теперь они поступали в полном объеме и в оговоренные сроки, что не всегда бывало в начале войны. Союзники поставляли в СССР немало вооружения и военного снаряжения. Многие его типы были особенно ценны для советской стороны из-за их высокого качества (например, истребители «Аэрокобра») или по причине их нехватки или даже отсутствия собственного производства (бомбардировщики, транспортные самолёты, гидросамолёты, боевые корабли, а также автомобили, средства связи, радиолокаторы, гидроакустическое оборудование и др.). Но в конце войны была существенно увеличена советская заявка на промышленное оборудование, продовольствие, медикаменты, одежду и материалы, необходимые для восстановления разрушенного войной хозяйства. Помощь союзников в налаживании в СССР собственного производства и решении острых хозяйственных и социальных проблем была, может быть, даже важнее поставок самого оружия.

Вопрос о масштабах и значении ленд-лиза неоднозначно оценивается в отечественной историографии. Традиционно считалось, что из 46 млрд долл. общих расходов США по ленд-лизу на долю СССР пришлось 9,8 млрд долл. Для сравнения: Британская империя получила вооружение на 30,3 млрд долл.³ В современной литературе встречаются и другие оценки. Общая стоимость поставок из США в СССР определяется в 11,3 млрд долл. Кроме того, от Великобритании по ленд-лизинговой программе было получено товаров на 1,7 млрд долл., а из Канады — на 200 млн долл. В итоге общая сумма всех поставок в СССР по ленд-лизу составила 13,2 млрд долл. Удельный вес ленд-лиза в общем объеме промышленного производства в Советском Союзе составил не менее 7% (с учётом инфляции в СССР и США в 1942 г.). При этом надо учитывать качество западной техники и наличие узких мест в советской экономике⁴.

Но оценивая значение ленд-лиза, нельзя забывать, что воюет не само по себе оружие или какая-то техника. Воюют люди. Советские солдаты, сражаясь и отечественным, и американским оружием, проливали на полях сражений свою кровь, ценность которой не измерить никакими долларами. Приняв на себя основную тяжесть борьбы с главным общим врагом, Германией, Советский Союз позволил Соединённым Штатам сберечь жизни американских солдат и выиграть время, столь необходимое для налаживания их военного производства и развёртывания вооружённых сил. Вермахт по-прежнему оставался грозным противником, готовым сражаться до конца. Однако после поражений на Восточном фронте он стал терять прежние качества. Немецкий солдат, как призна-

вали гитлеровские генералы, перестал быть таким надежным и стойким, как прежде. А Гитлер занимался бесконечными перестановками в военной верхушке, а в той, в свою очередь, зрело недовольство фюрером. Это вылилось в заговор 20 июля 1944 г. и попытку убить нацистского вождя.

В результате огромных потерь на советско-германском фронте обострилась проблема людских ресурсов. Между тем мобилизационные ресурсы были практически исчерпаны. Прочесывались тыловые районы с целью выявления лиц, подлежащих призыву. Делались попытки сократить численность штабов и тыловых частей. Однако эта задача решалась с очень большим трудом. Немцы привыкли к тому, что их армия имела неоспоримое преимущество в организации служб снабжения, связи и транспорта. К тому же «тыловики считались непревзойденными мастерами избежать назначений, в которых существовал хотя бы малейший шанс того, что карьера может закончиться могилой героя». Поднимался даже вопрос о привлечении к военной службе женщин⁵. В войсках СС появлялось всё больше частей и соединений, укомплектованных иностранцами. Причём зачислялись даже славяне и представители других народов, которым по расовой теории нацизма отводилась роль рабов Третьего рейха. Но теперь, когда речь шла о собственной шкуре, гитлеровцы готовы были использовать на своём фронте в качестве пушечного мяса кого угодно.

По-прежнему огромные надежды возлагались на новую, еще более мощную бронетехнику. В 1944 г. на полях сражений появился даже не тяжелый, а сверхтяжелый танк «Тигр II», или «Королевский тигр». Его 88-мм пушка могла эффективно поражать любые танки, а толстая броня (лоб до 150–180 мм), расположенная под большими углами наклона, как у советского танка Т-34, обеспечивала высокую защиту. Но весила эта громадина 70 т, а поэтому даже двигатель в 700 л. с. мог обеспечить ей лишь невысокие ходовые качества. Отсюда общая низкая надежность «Королевских тигров». Да и выпущено их было с января 1944 г. до конца войны менее 500 штук.

В фашистской Германии был создан первый в мире серийный реактивный самолет, участвовавший в боевых действиях. Это был истребитель Мессершмитт Me-262 («Ласточка»). Хотя его первый полет состоялся еще в июле 1942 г., но на фронте он появился только в октябре 1944 г. Немецкое командование в свое время посчитало неоправданным и накладным доводить его «до ума» (реактивный Мессершмитт стоил в 5 раз дороже поршневого). Только когда Германия утратила своё господство в воздухе, Me-262 был запущен в серию. В основном реактивные истребители использовались против англо-американских страте-

гических бомбардировщиков. Но и советским лётчикам пришлось с ними столкнуться. Несмотря на очевидные преимущества (в частности, его скорость была на 150–300 км/час больше, чем у самых быстрых поршневого самолетов), Ме-262 заметно изменить ситуацию в воздухе уже не мог.

Мощь Красной армии и мастерство ее командования в 1944 г. были уже такими, что, уверенно владея стратегической инициативой, советская сторона сама определяла, где, когда, какими силами и с какими задачами она будет наступать, заставляя вермахт лишь лихорадочно бросаться латать одну «дыру» на фронте за другой. С регулярной армией взаимодействовали многочисленные партизанские отряды и целые партизанские соединения, оперировавшие во вражеском тылу.

Соотношение сил и средств на советско-германском фронте к началу 1944 г.

Показатель	Советские войска	Немецкие войска и их союзники	Соотношение
Живая сила, тыс. чел.	6354	4906	1,3 : 1
Орудия и минометы	95 604	54 570	1,75 : 1
Танки и САУ	5254	5400	1 : 1,03
Боевые самолеты	10 200	3073	3,3 : 1

Всего в 1944 г. Красная армия предприняла 10 стратегических наступательных операций, и все они завершились успехом. В свое время о них говорили как о «десяти сталинских ударах». В этом наступлении участвовали 13 советских фронтов, располагавшихся с севера на юг в следующей последовательности (с некоторыми оговорками). В январе 1944 г. Ленинградский, Волховский, 2-й Прибалтийский фронты, Балтийский флот начали наступление против группы армий «Север» (командующий — генерал-фельдмаршал Г. Кюхлер, с января — генерал-полковник В. Модель). Войскам Ленинградского и Волховского фронтов предстояло прорвать т. н. Северный вал — мощную линию укреплений, упиравшуюся флангами в Финский залив и озеро Ильмень.

14 января в наступление перешли войска Ленинградского и Волховского фронтов. Особенно важную роль сыграла 2-я ударная армия. Она незаметно для противника была переправлена на Ораниенбаумский плацдарм и нанесла внезапный удар в направлении на юго-восток. Другие советские войска наступали ей навстречу от Ленинграда. После упорных боев петергофско-стрельнинская группировка противника была разгромлена. Одновременно 20 января был освобожден Новгород. Добившись успеха на флангах, советские вой-

ска развернули наступление на всем пространстве от Финского залива до Ильменя. 27 января, когда противник был отброшен на 220–280 км на запад, в Ленинграде был дан салют в ознаменование завершения 900-дневной блокады города. В это время фронт вышел к реке Луге, т. е. к тому рубежу, с которого принято отсчитывать начало обороны Ленинграда (с 10 июля 1941 г.). Продолжая наступление, советские войска вышли на рубеж река Нарва — Чудское озеро — восточнее Пскова и 1 марта по приказу Ставки временно перешли к обороне.

К концу 1943 подготовлено наступление на Правобережной Украине. Участники: 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Украинские фронты, Отдельная Приморская армия (командующий — генерал армии А. И. Ерёменко), Черноморский флот против группы армий «Юг» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. фон Манштейн, затем — генерал-фельдмаршал В. Модель) и группы армий «А» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. Клейст, затем — генерал-полковник Ф. Шернер), переименованы соответственно в группы армий «Северная Украина» и «Южная Украина». Наиболее масштабные события в зимней кампании 1944 г. развернулись на южном крыле советско-германского фронта, где советское командование планировало раздробить силы противника и уничтожить их по частям. В отличие от северо-западного и центрального участков фронта, где гитлеровцы долгое время создавали глубокоэшелонированную систему обороны, на Правобережной Украине у них таких возможностей не было. Советские войска в начале 1944 г. вели активные боевые действия за расширение днепровских плацдармов, а основные силы 1-го Украинского фронта отражали мощное танковое наступление гитлеровцев на Киев.

Не успели войска Э. фон Манштейна перевести дух и попечалиться о своей неудачной попытке вновь захватить столицу Украины, как тот же 1-й Украинский фронт, который только что отбивал их наступление (до 22 декабря), начал Житомирско-Бердичевскую наступательную операцию (24 декабря 1943 г. — 14 января 1944 г.). В ходе последующего наступления советские войска глубоко охватили с севера немецкую группу армий «Юг». Одновременно с другой стороны эту вражескую группировку стал обходить 2-й Украинский фронт, проводивший Кировоградскую наступательную операцию (5–16 января). В результате в районе города Корсунь-Шевченковский образовался выступ, основанием которого служил ещё удерживаемый противником правый берег Днепра около Канева.

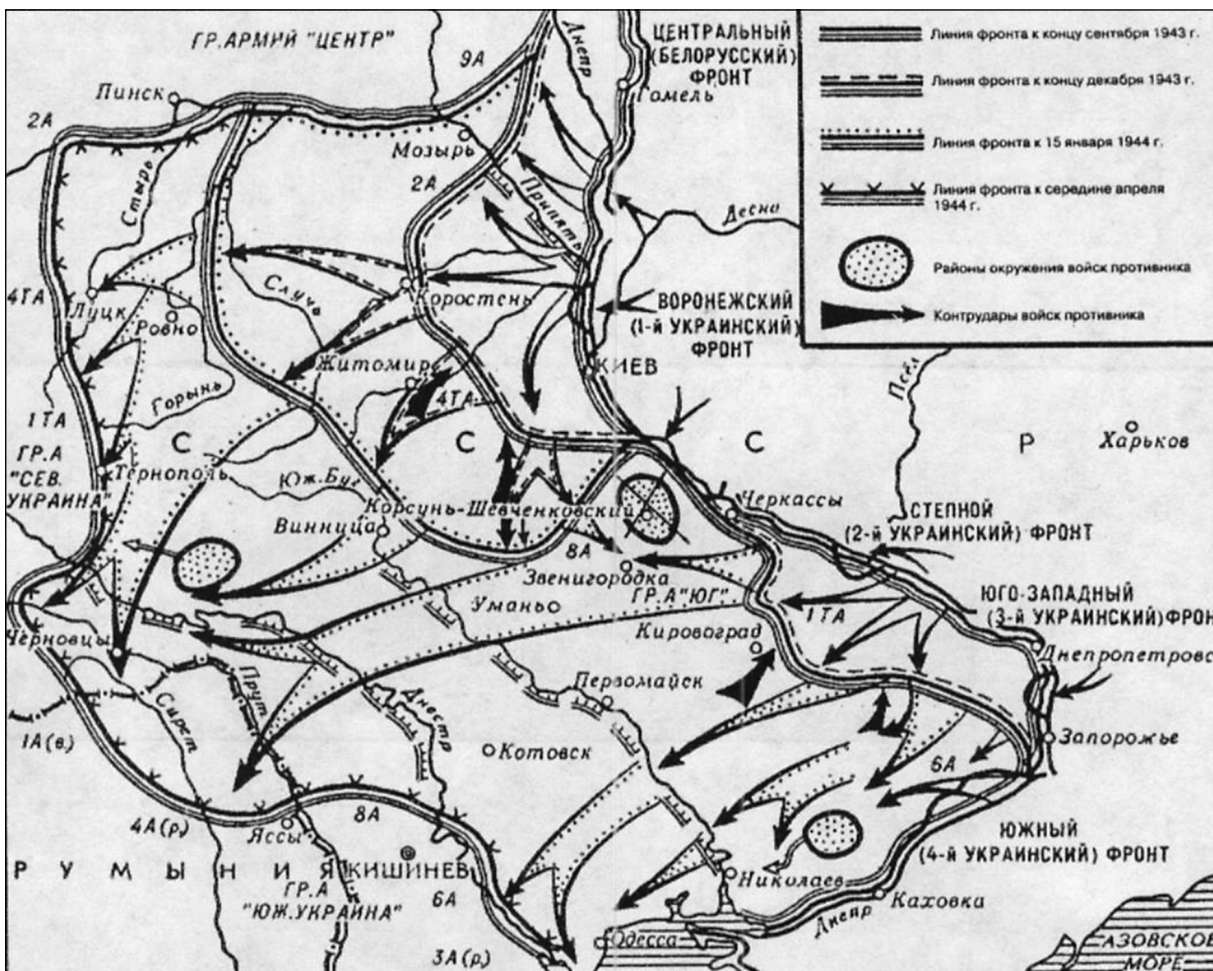
С 24 января по 17 февраля 1-й и 2-й Украинские фронты провели Корсунь-Шевченковскую наступательную операцию. Ударные группиров-

ки обоих фронтов прорвали оборону противника и 29 января соединились, взяв в кольцо 80 тыс. солдат и офицеров вермахта. Немецко-фашистское командование бросило все силы на спасение окруженной группировки. Несколько недель шли ожесточенные бои. Бороться приходилось не только с противником, но и с необычно ранней и небывалой по масштабам распутицей, когда в грязи тонули даже танки. В какой-то момент для деблокирования своих войск фашистам оставалось пройти всего 12 км, но сделать это они не смогли. 17 февраля остатки окружённой группировки были ликвидированы. Немцы потеряли убитыми и ранеными около 55 тыс. чел., пленными — 18 тыс.

На северо-западе Украины в лесисто-болотистой местности фашисты не ожидали наступления противника. Два советских кавалерийских корпуса с помощью партизан по лесным тропам зашли далеко в тыл к немцам и внезапным ударом 2 февраля овладели Ровно и Луцком. На юге с 30 января по 29 февраля прошла Никопольско-Криворожская операция. Гитлеровцы потеряли свой последний плацдарм на левом берегу Днепра около Никополя и район Кривого Рога, а вместе

с ними железорудные и марганцевые рудники. Немецко-фашистские войска были отброшены из Запорожской излучины Днепра. С 4 марта по 17 апреля 1-й Украинский фронт во главе с новым командующим Маршалом Советского Союза Г.К. Жуковым провел Проскурово-Черновицкую наступательную операцию. Здесь впервые за время войны были сосредоточены три танковые армии. Советские войска в этой операции вышли к предгорьям Карпат и рассекли стратегический фронт противника на две части. В районе Каменец-Подольского была окружена 1-я немецкая танковая армия, но удержать её в кольце не удалось. С помощью прибывших из Европы подкреплений фронт окружения был разорван.

26 марта войска 2-го Украинского фронта вышли на реку Прут, впервые с начала войны восстановив государственную границу СССР. Действия 3-го и 4-го Украинских фронтов были не столь масштабны. Там, в частности, не было ни одной танковой армии. 3-й Украинский фронт 28 марта освободил Николаев, а 10 апреля — Одессу. 4-й Украинский фронт переключился на подготовку освобождения Крыма. Третий удар с целью освобождения Крыма нанесли 4-й Украинский

Освобождение Красной армией Правобережной Украины (24 декабря 1943 г. — 10 апреля 1944 г.)

фронт, Отдельная Приморская армия, Черноморский фронт, Азовская военная флотилия по 17-й немецкой армии (5 немецких и 7 румынских дивизий). Еще в конце 1943 г. советские войска ворвались на Перекопский перешеек и захватили плацдарм на южном берегу Сиваша. Удерживался также плацдарм в районе Керчи, где действовала Отдельная Приморская армия. Ударные советские группировки 8 апреля перешли в наступление с севера, со стороны Перекопа и Сиваша, а через три дня — с востока, с Керченского полуострова. 11 апреля была освобождена Керчь, 13 апреля — Симферополь. В этот же день части Отдельной Приморской армии соединились с передовыми отрядами 4-го Украинского фронта.

В свое время немецко-фашистские войска 250 дней осаждали Севастополь (октябрь 1941 г. — июнь 1942 г.). Красная армия 15–16 апреля подошла к Севастополю. 5 мая начался штурм. Особенно ожесточенные схватки шли за Сапун-гору, ключевой пункт в системе обороны города. 9 мая Севастополь был освобожден от оккупантов. Остатки разгромленной немецко-румынской группировки скопились на мысе Херсонес в тщетной надежде спастись морем. Там они и были уничтожены или взяты в плен. Несколько вражеских судов, попытавшихся провести эвакуацию, были потоплены, 12 мая освобождение Крыма завершилось.

В июле-августе 1944 г. Карельский фронт провел операцию против финской армии. Вступив в войну против СССР в июне 1941 г., правящие круги Финляндии делали вид, что это только «война-продолжение». Она, дескать, должна восстановить справедливость, прежде всего, в территориальном вопросе, попранную Советским Союзом в «зимней войне» 1939–1940 гг. При этом подчеркивалось, что у Финляндии, мол, своя война с СССР, отдельная от общемировой, развязанной А. Гитлером. Однако прямую причинно-следственную связь между «зимней войной» и нападением Финляндии на СССР в 1941 г., как отмечается в новейшем историографическом исследовании, еще надо аргументированно доказать. Вряд ли фактическое участие Финляндии в агрессивной коалиции против СССР было случайным и вызванным исключительно стремлением взять реванш⁶. После Сталинградской битвы в Хельсинки забеспокоились и стали искать пути к миру. Когда пришлось вступить в контакты с Москвой, финские власти поначалу и слышать не хотели о возвращении территорий, занятых в ходе «войны-продолжения»⁷.

Неудивительно, что очередной свой удар Красная армия нанесла по финским войскам на Карельском перешейке, в непосредственной близости от Ленинграда, а также в южной Карелии. Здесь финны занимали всю территорию между Ладожским и Онежским озерами до реки Свирь.

На Карельском перешейке было сооружено 3 оборонительных полосы, причем «линия Маннергейма», которую с таким трудом прорывали советские войска во время «зимней войны», стала третьей полосой, а наиболее мощной была вторая, с новыми сверхмощными укреплениями. Однако Красная армия уже научилась взламывать любую оборону. 10 июня в наступление перешел Ленинградский фронт. Первая полоса обороны противника была прорвана сразу. 14 июня начался штурм второй, основной полосы. Финны пытались нанести контрудар силами своей единственной танковой дивизии, но успеха не имели. К 18 июня советские войска вышли к третьей полосе обороны и прорвали ее. 20 июня был взят Выборг. Правда, продвинуться дальше на финскую территорию не удалось. Финны перебросили сюда подкрепления из Карелии, а с эстонского берега прибыли немецкие войска.

12 июня началось наступление Карельского фронта. Советские войска форсировали реку Свирь и 28 июня освободили Петрозаводск. Однако и здесь, достигнув госграницы, пришлось остановиться, поскольку прорваться на финскую территорию через пограничные укрепления не удалось. К 9 августа советско-финский фронт стабилизировался. 19 сентября в Москве было подписано перемирие между СССР и Финляндией.

Пятый удар нанесли по вермахту в Белоруссии и восточной Польше в июне-августе 1944 г. В операции участвовали 1-й, 2-й, 3-й, 4-й Белорусские фронты, 1-й Прибалтийский фронт против группы армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Э. Буш, затем — генерал-фельдмаршал В. Модель, затем — генерал-полковник Г. Райнхардт). Самой крупной наступательной операцией Красной армии в 1944 г. с участием четырех фронтов стала Белорусская (кодовое название «Багратион»). Координацию их действий осуществляли Маршалы Советского Союза Г.К. Жуков и А.М. Василевский. Гитлеровцы, уверовав в мощь оборонительных позиций группы армий «Центр» в Белоруссии, летом 1944 г. сосредоточили свои основные силы на Украине, где ожидался главный удар Красной армии. Там находились 20 из 22 танковых дивизий на Восточном фронте. В то же время немцы не обнаружили переброску нескольких советских танковых армий на Белорусское направление.

Наступление началось 23 июня. Если считать разведку боем на ряде участков, то, можно сказать, что и 22 июня. Символическая дата! В 1944 г. Главный удар нанесли 1-й и 3-й Белорусские фронты, но старались не отставать и два других фронта. Буквально за неделю Красная армия вдребезги разнесла все оборонительные позиции противника между Западной Двиной и Припятью, освободила всю Восточную Белоруссию, а в районе Витебска и Боб-

руйска окружила и уничтожила крупные группировки противника. Центральная часть Восточного фронта противника рухнула, и в ней образовалась брешь шириной в сотни километров. 3 июля был освобожден Минск. К востоку от города образовался гигантский «котел», в который угодили основные силы группы армий «Центр». Вскоре эта окруженная группировка была расчленена и полностью уничтожена. Только убитыми противник потерял там 70 тыс. солдат и офицеров. Именно захваченных в плен в Белоруссии гитлеровцев (в количестве 50 тыс.) провели 17 июля по центральным московским улицам. Следовавшие за колоннами военнопленных поливальные машины демонстративно дезинфицировали улицы.

28 июля был освобожден Брест, а еще ранее, 21 июля, советские войска перешли государственную границу СССР и начали освобождение Польши. К концу июля Красная армия дошла до Вислы и даже сумела захватить плацдармы на её левом берегу, южнее Варшавы. Но на большее сил не хватило. Преодолевшие с боями примерно за месяц 500–600 км советские войска были измотаны и не смогли отразить мощный контрудар фашистов с участием танковых дивизий СС. Поэтому оказать непосредственную помощь вспыхнувшему 1 августа в Варшаве восстанию Красная армия была не в состоянии⁸.

В ходе Белорусской операции Красная армия освободила всю Белоруссию, часть Литвы и Латвии, Восточную Польшу, вышла к Восточной Пруссии. Общие потери вермахта составили около 500 тысяч человек. Была продемонстрирована действенность согласованной еще на Тегеранской конференции союзнической стратегии. Открытие 6 июня второго фронта в Нормандии, а вслед за этим Белорусская операция заставили гитлеровское командование метаться меж двух огней, выискивая резервы для противостояния и Красной армии, и англо-американским войскам.

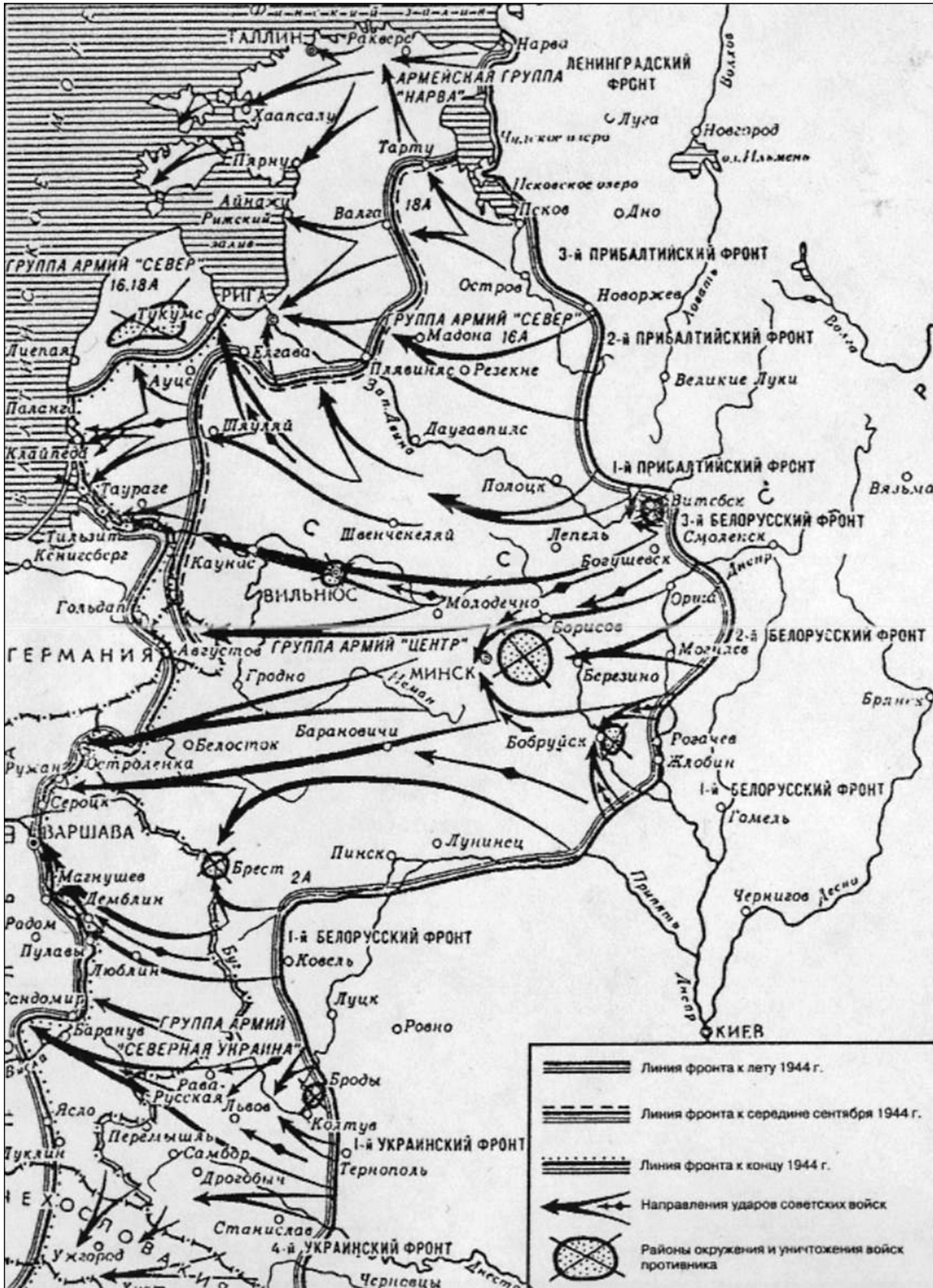
Львовско-Сандомирская операция в июле-августе 1944 г. была шестым ударом. Участники операции: 1-й Украинский фронт против группы армий «Северная Украина» (командующий — генерал-полковник Й. Гарпе), в том числе формирования украинских националистов (14 пехотная дивизия СС «Галичина»). Успехи Красной армии в Белоруссии заметно улучшили условия для действий нацеленного на Западную Украину 1-го Украинского фронта. Это было самое крупное оперативно-стратегическое объединение в вооруженных силах численностью около 1,1 млн чел. Наступление советских войск началось 13 июля. Первоначально большего успеха добились войска, действовавшие на рава-русском направлении. Они окружили в районе города Броды 8 вражеских дивизий, форсировали Западный Буг и уже по территории Польши дошли до реки Сан.

На Львовском направлении продвижение советских частей поначалу шло медленно. Но затем две танковые армии обошли Львов с севера и юга, и 27 июля город был взят. В связи с тем, что после этого наступление советских войск развертывалось в двух направлениях — к Висле и к Карпатам — 30 июля из войск левого крыла 1-го Украинского фронта был образован 4-й Украинский фронт. В первых числах августа 1-й Украинский фронт форсировал Вислу и захватил крупный плацдарм в районе Сандомира. Действия советских войск на Западной Украине были затруднены из-за сложной политической и межнациональной ситуации в регионе. Здесь развила большую активность Организация украинских националистов и её вооружённое крыло «Украинская повстанческая армия».

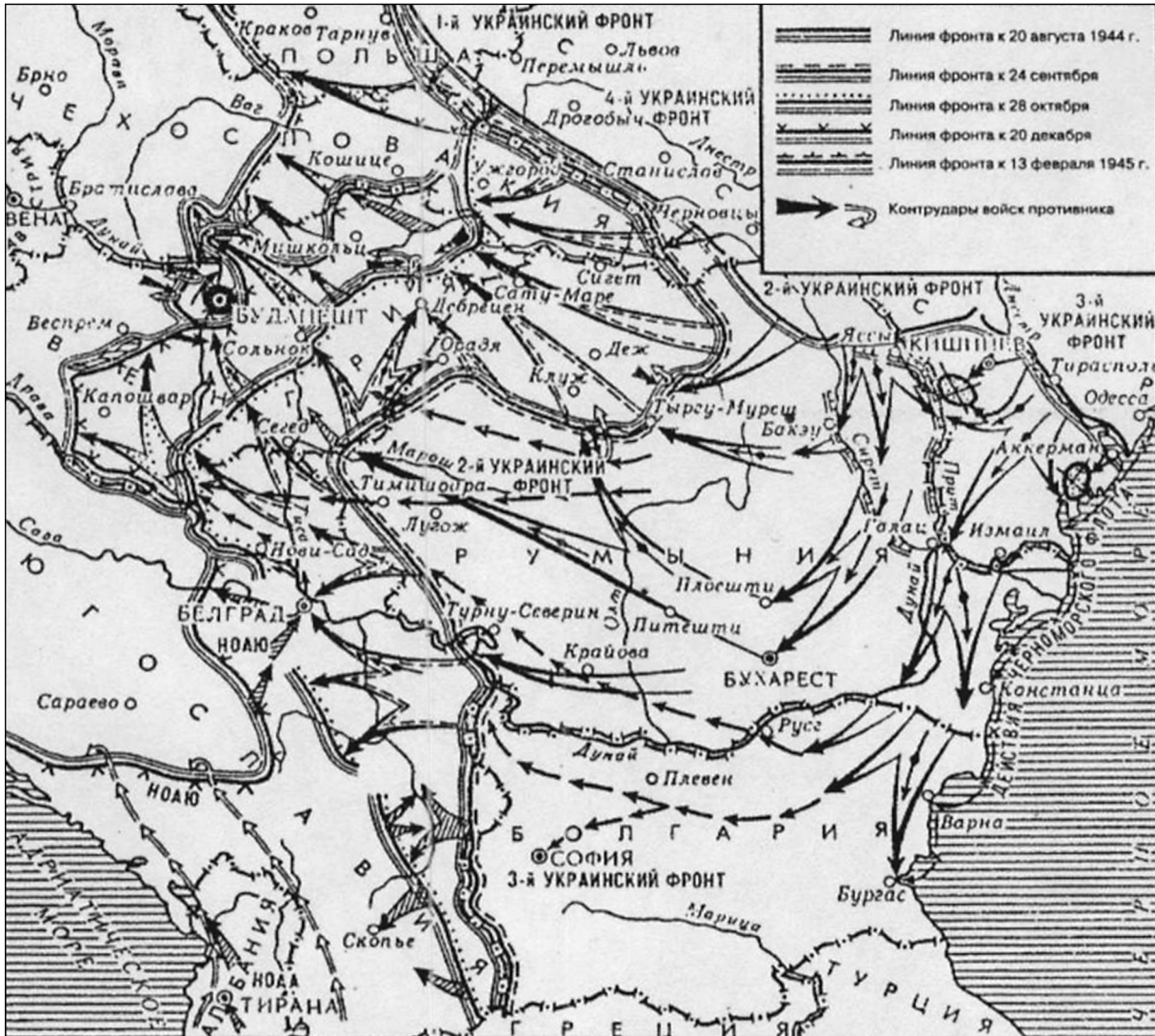
Яско-Кишиневская операция в августе 1944 г. была седьмым ударом. Участники операции: 2-й и 3-й Украинские фронты, Черноморский фронт, Дунайская военная флотилия против группы армий «Южная Украина» (командующий — генерал-полковник Г. Фриснер) и румынских войск. Советское командование воспользовалось тем, что в центре дуги (в районе Кишинева), которую представляла собой линия фронта, находилась немецкая 6-я армия, а на флангах — румынские войска, совсем потерявшие боеспособность. 20 августа оба Украинских фронта нанесли мощные удары по флангам группировки противника. В первый же день они прорвали оборону и к исходу 23 августа завершили окружение немецких и румынских войск. Через несколько дней эта группировка была ликвидирована. В плен попало более 210 тыс. солдат и офицеров.

В обстановке военного краха в Бухаресте произошло вооружённое антифашистское восстание. Против диктатора Й. Антонеску выступил король Румынии Михай I. В итоге 24 августа новое правительство Румынии объявило войну Германии. В дальнейшем румынские войска воевали вместе с Красной армией не только при освобождении своей страны, но и в Венгрии, Австрии, Чехословакии.

Пройдя Румынию, советские войска подошли к границам Болгарии. Эта страна не воевала против СССР, но была союзницей фашистской Германии, которая использовала её территорию и её ресурсы в своих интересах. Поэтому 5 сентября Советский Союз объявил войну Болгарии, и через 3 дня советские войска перешли её границы. Никакого сопротивления они не встретили. Наоборот, население с восторгом встречало красноармейцев. 9 сентября в результате победы народного вооружённого восстания монархо-фашистский режим был свергнут, а прокоммунистическое правительство Отечественного фронта объявило войну Германии. В составе 3-го Украинского фронта болгарские войска воевали в Венгрии, Югославии и Австрии.

Освобождение Красной армией территорий Белоруссии, Западной Украины и Прибалтики

Боевые действия Красной армии в Юго-Восточной Европе (осень–зима 1944/45 гг.)

Освобождение Прибалтики (сентябрь — ноябрь 1944 г.) — результат восьмого удара. Участники: Ленинградский, 1-й, 2-й, 3-й Прибалтийский фронты, Балтийский флот против группы армий «Север» (командующий — генерал-полковник Ф. Шёрнер). В сентябре Ленинградский фронт успешно продвигался по материковой части Эстонии, освободив 22 числа Таллинн. Однако три Прибалтийских фронта, наступавшие на Ригу, особых успехов не имели. Тогда по приказу Ставки 1-й Прибалтийский фронт перенёс главное направление удара на порт Мемель (Клайпеда), чем заставил немецко-фашистское командование начать отвод своих войск из района Риги в Курляндию. 13 октября 2-й и 3-й Прибалтийские фронты вступили в столицу Латвии. Вскоре советские войска вышли на Балтийское побережье в районе Тукумса и тем самым блокировали с суши в Курляндии основные силы группы армий «Север». Там они находились до мая 1945 г.

Наступление на Карпатах (октябрь–декабрь 1944 г.) — девятый удар. Участники: 2-й, 3-й, 4-й Украинские фронты против немецких и венгерских войск. Самым стойким союзником Германии в Восточной Европе оказалась Венгрия. Правда, профашистский режим М. Хорти, видя неизбежность поражения Германии, пытался «сдаться» англичанам. Когда же Красная армия подошла к границам страны и начала Дебреценскую операцию (6–28 октября), то пришлось подписывать перемирие с СССР, США и Великобританией. Однако немцы тут же заменили М. Хорти на вождя местных фашистов Ф. Салаши. Под его руководством венгерские войска, правда, не без колебаний, сражались против Красной армии до весны 1945 г. С 29 октября 1944 г. 2-й Украинский фронт вместе с частью сил 3-го Украинского фронта проводил Будапештскую операцию. Ворваться в город с ходу не удалось. Фашистские войска оказывали ожесточённое сопротивление. Даже когда 26 декабря Будапешт был окружён, упорная

борьба за каждый квартал, за каждый дом продолжалась ещё долго. Будапешт был взят только 13 февраля 1945 г.

С борьбой за Венгрию были сопряжены действия Красной армии на соседних направлениях. В августе 1944 г. в Словакии вспыхнуло антифашистское восстание, к которому примкнули части словацкой армии. Двинувшись на помощь повстанцам, Красная армия осуществила Карпатско-Дуклинскую операцию (8 сентября—28 октября). После ожесточённых боев 6 октября был взят Дукельский перевал в Карпатах, чем было положено начало освобождению Чехословакии. Однако гитлеровцы успели подавить восстание в Словакии до прихода туда Красной армии. В это же время в ходе Карпатско-Ужгородской операции было освобождено Закарпатье, которое до войны входило в состав Чехословакии, а затем было захвачено Венгрией. В сентябре 1944 г. советские войска вышли к границам Югославии. Там действовало мощное партизанское движение, главной силой которого были коммунистические отряды во главе с Й. Броз Тито. Вместе с ними Красная армия с 28 сентября по 20 октября провела Белградскую операцию, освободила столицу Югославии, а затем ушла в Венгрию. Дальше югославские партизаны сражались с врагом самостоятельно.

Десятый удар — это Петсамо-Киркенесская операция (октябрь, 1944 г.). Участники: Карельский фронт, Северный флот против 20-й немецкой горной армии (командующий — генерал-полковник Л. Рендулин). После выхода Финляндии из войны советские войска почти полностью очистили Советское Заполярье от немецко-фашистских оккупантов, которые удерживали теперь лишь незначительную советскую территорию западнее Мурманска. Сочетая удары с суши и десанты с моря, советские войска с 7 октября развернули наступление, 15 октября заняли Петсамо, а 25 октября — норвежский город Киркенес. Операция была завершена 29 октября. В результате линия фронта сдвинулась на запад до 150 км, была занята область Петсамо, которая по мирному договору отойдет от Финляндии к СССР, положено начало освобождению Норвегии.

Победы Красной армии на суше в 1944 г. создали гораздо более благоприятные возможности для боевых действий советского Военно-морского флота против кригсмарине⁹ на всех трех театрах (балтийском, черноморском, северном) (см. Приложение № 2). Практически всю войну на Балтике господствовала Германия. К 1945 г. там находилось более половины всех надводных кораблей и катеров кригсмарине (до 1000 единиц)¹⁰. Советский Балтийский флот, понесший тяжелые потери в корабельном составе, был заперт в восточной части

Финского залива на своих базах в Кронштадте и Ленинграде. Флот сыграл большую роль в обороне Ленинграда. Надводные корабли активно участвовали в контрбатареинной борьбе и входили в систему ПВО Ленинграда. Около 100 тыс. моряков храбро сражались на сухопутных фронтах. Неслучайно немцы называли морских пехотинцев «черной смертью» (по цвету их бушлатов)¹¹.

Советские подводные лодки поначалу пытались действовать на коммуникациях врага. Но с 1943 г. и они оказались блокированы на своих базах. Немцы создали два рубежа противолодочной обороны, перегородив основные фарватеры в Финском заливе. Была установлена подводная сеть длиной 55 км и высотой 60–90 м, изготовленная из 18-мм стального троса с ячейками 4×4 м. Сети были сопряжены с густыми минными полями. При попытке прорыва этих заграждений погибли 6 советских подлодок. Только выход из войны Финляндии и освобождение Прибалтики позволили, наконец, Балтийскому флоту активизироваться. С осени 1944 г. боевые действия переместились из Финского залива в центральную и южную части Балтийского моря. Здесь были задействованы советские подводные лодки и авиация (проникали сюда и британские самолеты), однако крупные боевые корабли практически не использовались.

В 1944 г. с освобождением Крыма и Приазовья значительно улучшились условия для действий Черноморского флота и входившей в его состав Азовской военной флотилии. Особенностью этого морского театра являлось то, что здесь у противника не было крупных надводных сил. В соответствии с международной конвенцией о Черноморских проливах 1936 г. нейтральная Турция не должна была допускать прохода через Босфор и Дарданеллы боевых кораблей воюющих государств. Поэтому немцы могли только перегонять по Дунаю или собирать в черноморских портах переправляемые в разобранном виде относительно небольшие корабли, например, подводные лодки, тральщики, катера различного назначения. Кроме того, были еще ВМС Румынии (семь миноносцев и эсминцев, одна подлодка), а также флотилии итальянских сверхмалых подводных лодок и торпедных катеров. В 1944–1945 гг. Черноморский флот и Азовская флотилия сражались за освобождение Крыма и Южной Украины, а созданная в апреле 1944 г. Дунайская военная флотилия приняла участие в Яско-Кишиневской, Белградской, Будапештской, Венской операциях. С наступлением Красной армии все военно-морские базы стран «оси» на Черном море оказались заняты, а немецкие корабли затоплены, за исключением небольшого числа успевших уйти вверх по Дунаю.

Северный флот был создан лишь в 1937 г. и не располагал таким количеством кораблей, как Балтийский и Черноморский. Особенности театра, на котором действовал этот флот, были его размеры и открытость Мировому океану. Кроме того, здесь проходил один из маршрутов, по которому следовали союзные (арктические) конвои, доставлявшие в Советский Союз грузы по ленд-лизу. Северный флот участвовал в сопровождении союзных конвоев, которые шли в советские порты Мурманск, Архангельск и Молотовск (Северодвинск). Затем конвои следовали в обратном направлении, зачастую со стратегическими материалами для западных союзников. Конвои становились все больше по численности: от 6–10 судов в 1941 г. (первый британский конвой пришел в Архангельск 31 августа 1941 г.) до 30–49 судов в 1944 г. В их составе были и союзные, и советские транспорты. Флот и авиация фашистской Германии стремились выследить и атаковать конвой. Обеспечение безопасности перехода от пункта формирования конвоя до пункта его назначения возлагалось на военно-морские силы Великобритании. В операционной зоне Северного флота, проходившей по 18° в. д. (затем 20° в. д.), эскорт усиливался его кораблями (2–3 эсминца, а временами и более) и авиацией. Осуществлялся также поиск немецких подводных лодок и траление фарватеров в горле Белого моря на подходах к Кольскому заливу и Архангельску. Советская

сторона прикрывала конвои с воздуха, обеспечивала противовоздушную оборону порта разгрузки Мурманска.

Всего за годы войны в порты СССР прибыло 42 конвоя в составе 772 транспортов, которые доставили 4,43 млн т грузов или 22,7% ото всех поставок Советскому Союзу по ленд-лизу. На переходе было потеряно 85 транспортов (из них 58 следовали в советские порты), 31 транспорт возвратился в порты отправления, не завершив перехода.

Новый 1945-й год советские люди встречали с оптимизмом, предчувствуя скорое окончание тяжелейшей кровопролитной войны. Бомбы и снаряды уже не рвались на родной земле. Ненавидный враг был изгнан практически со всей советской территории. Красная армия освобождала Восточную Европу и подошла к границам самой Германии. Война пришла туда, откуда началась. С Запада на Германию накатывался второй фронт. Впереди было еще четыре с лишним месяца ожесточенных боев и сражений. Еще предстояло форсировать Вислу и Одер, взять Кенигсберг, Будапешт и Вену. Еще сотни тысяч советских бойцов должны были оросить своей кровью землю европейских стран. Но всем уже было ясно: Третьему рейху приходит конец. И советские солдаты на фронте с нетерпением ждали, когда не во сне и не в мечтах, а наяву, поднимаясь в атаку или заряжая орудия, они услышат долгожданный призыв: «Вперед! На Берлин!»

- ¹ Гланц Дэвид, Хаус Джонатан. Битва титанов. Как Красная Армия остановила Гитлера /Пер. с англ. — М., 2007. С. 219
- ² Шахурин А. И. Сокрушение люфтваффе. Воспоминания наркома авиапромышленности. — М., 2004. С. 247.
- ³ Великая Отечественная война. 1941–1945. Энциклопедия. — М., 1985. С. 400.
- ⁴ Бутенина Н. В. Ленд-лиз: сделка века. — М., 2004. С. 232–233.
- ⁵ Земке Эрл. От Сталинграда до Берлина. Операции советских войск и вермахта. 1942–1945 /Пер. с англ. — М., 2009. С. 244–250.
- ⁶ Никифоров Ю. А., Субханкулов Г. Ф. Освещение истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии. К 70-летию окончания советско-финляндской войны. — Вестник МГИМО №1(10), 2010. С. 83–86.
- ⁷ Гурина Марина. Как Суоми из войны выходила. Причины провала мирного зондажа Финляндии в 1943–1944 годах. — «Родина», 2010, № 1. С. 109–112.
- ⁸ Мельтюхов М. И. В августе 1944 г. Миф о преднамеренной остановке Красной Армии под Варшавой. — В кн.: Мифы Великой Отечественной — 2. М., 2008. С. 152–208.
- ⁹ Кригсмарине — военно-морской флот нацистской Германии.
- ¹⁰ Пятянин Сергей, Морозов Мирослав, Нагирняк Владимир. Кригсмарине. Военно-морской флот Третьего рейха. — М., 2009. С. 337.
- ¹¹ См.: Абрамов Евгений. «Черная смерть». Советская морская пехота в бою. — М., 2009.

Приложение № 1

Фронт	Командующий
Карельский. Упразднен в ноябре 1944 г.	До февраля 1944 г. — генерал-полковник В. А. Фролов; февраль-ноябрь 1944 г. — генерал армии, затем Маршал Советского Союза К. А. Мерецков
Ленинградский	Генерал армии, затем Маршал Советского Союза Л. А. Говоров
Волховский. Упразднен в феврале 1944 г.	Генерал армии К. А. Мерецков
3-й Прибалтийский. Образован в апреле 1944 г. Упразднен в октябре 1944 г.	Генерал-полковник, затем генерал армии И. И. Масленников
2-й Прибалтийский. Образован в октябре 1943 г. в результате переименования Прибалтийского фронта.	До апреля 1944 г. — генерал армии М. М. Попов; с апреля 1944 г. — февраль 1945 г. — генерал армии А. И. Еременко
1-й Прибалтийский. Образован в октябре 1943 г. в результате переименования Калининского фронта.	Генерал армии И. Х. Баграмян
3-й Белорусский. Образован в апреле 1944 г. в результате разделения Западного фронта на 2-й и 3-й Белорусские фронты.	Апрель 1944 г. — февраль 1945 г. — генерал-полковник, затем генерал армии И. Д. Черняховский
2-й Белорусский. Образован в феврале 1944 г.	Февраль-апрель 1944 г. — генерал-полковник П. А. Курочкин; апрель-июнь 1944 г. — генерал-полковник И. Е. Петров; июнь-ноябрь 1944 г. — генерал-полковник, затем генерал армии Г. Ф. Захаров; с ноября 1944 г. — Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский
1-й Белорусский. Образован в феврале 1944 г. в результате переименования Белорусского фронта.	Февраль-ноябрь 1944 г. — генерал армии, затем Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский; с ноября 1944 г. — Маршал Советского Союза Г. К. Жуков
1-й Украинский. Образован в октябре 1943 г. в результате переименования Воронежского фронта.	Октябрь 1943 г. — март 1944 г. — генерал армии Н. Ф. Ватутин; март-май 1944 г. — Маршал Советского Союза Г. К. Жу- ков; май 1944 г. — май 1945 г. — Маршал Советского Союза И. С. Конев
2-й Украинский. Образован в октябре 1943 г. в результате переименования Степного фронта.	Октябрь 1943 г. — май 1944 г. — генерал армии, затем Маршал Советского Союза И. С. Конев; с мая 1944 г. — генерал армии, затем Маршал Советско- го Союза Р. Я. Малиновский
3-й Украинский. Образован в октябре 1944 г. в результате переименования Юго-Западного фронта.	Октябрь 1943 г. — май 1944 г. — генерал армии Р. Я. Малиновский; с мая 1944 г. — генерал армии, затем Маршал Советского Союза Ф. И. Толбухин
4-й Украинский. Образован в октябре 1944 г. в результате переименования Южного фронта. До мая 1944 г. действовал на юге Украины и в Крыму, упразднен. Вторично образован в августе 1944 г., действовал в Карпатах.	Октябрь 1943 г. — май 1944 г. — генерал армии Ф. И. Толбухин; август 1944 г. — март 1945 г. — генерал-полковник, затем генерал армии И. Е. Петров

Приложение № 2

Флот	Командующий
Северный	Вице-адмирал, затем адмирал А. Г. Головкин
Балтийский	Адмирал В. Ф. Трибуц
Черноморский	До марта 1944 г. — вице-адмирал Л. А. Владимирский, с марта 1944 г. — вице-адмирал, затем адмирал Ф. С. Октябрьский

Проблема открытия второго фронта в Европе: взгляд спустя семь десятилетий

А. А. Падерин*

Проблема открытия второго фронта в Европе — выполнение США и Англией принятого ими обязательства осуществить в 1942 г. вторжение стратегической группировки своих войск на территорию Северо-Западной Европы для нанесения ударов непосредственно по нацистской Германии — до настоящего времени остаётся кардинальным вопросом. Вокруг него продолжается дискуссия военных теоретиков и историков¹. Например, в новом российском многотомном труде «Великая Отечественная война 1941–1945 гг.» осуждается затягивание западными союзниками решения вопроса об открытии второго фронта. В частности, в нем утверждается: «Если для Англии и США вопрос о втором фронте был в большей степени вопросом претворения в жизнь их стратегии, то для СССР он был связан и с сохранением жизни миллионов советских людей. Высадка союзников во Франции вела к уменьшению потерь Красной армии и гражданского населения, быстрейшему изгнанию противника из оккупированных областей. На некоторых этапах боевых действий в 1941–1943 гг. проблема второго фронта имела для Советского Союза критическое значение»².

Примечательно также, что в таком официальном издании, как переработанная уже в российский период восьмитомная «Военная энциклопедия», в статье о втором фронте без особой политкорректности указывается на невыполнение союзниками достигнутых с ними договоренностей. Это заставило СССР в течение трёх лет нести главное бремя войны против нацистской Германии и её сателлитов, в то время как его западные союзники решали свои стратегические задачи на периферийных театрах военных действий. Есте-

ственно, что первостепенным вопросом, решения которого добивались от союзников по коалиции советское правительство и советская дипломатия, было именно сокращение сроков войны путём безотлагательного открытия второго фронта в Западной Европе. Ставя этот вопрос, советские руководители исходили из того, что скоординированные по времени и месту удары по агрессору с востока и запада приведут к быстрейшему разгрому «третьего рейха», приблизят час освобождения порабождённых народов, позволят значительно уменьшить человеческие жертвы. Глава советского правительства И. В. Сталин в послании премьер-министру Великобритании ещё в июле 1941 г. подчёркивал, что второй фронт следовало бы создать не только ради нашего общего дела, но и ради интересов самой Англии.

3 сентября 1941 г. советское правительство вновь подчеркнуло, что необходимо создать второй фронт уже в этом году: «Немцы считают опасность на Западе блефом и безнаказанно перебрасывают с запада свои лучшие дивизии на восток, будучи убеждены, что никакого фронта на западе нет и не будет». Черчилль ответил отказом, заявив о невозможности создать в такие сроки второй фронт. Английское правительство уклонилось от обязательства сделать это и в 1942 г. В послании Черчиллю 13 сентября 1941 г. советское правительство опять напомнило: «Отсутствие второго фронта льёт воду на мельницу наших общих врагов».

И позднее Сталин неоднократно напоминал союзникам, что задержка с открытием второго фронта создаёт исключительные трудности для Красной армии, сражающейся не только за свою страну, но и за союзников. Так, в послании Чер-

* Падерин Александр Александрович — к. и. н., член-корреспондент РАЕН, полковник в отставке, ветеран Института военной истории МО РФ. E-mail: paderin41@mail.ru

чиллю в июне 1943 г. достаточно жёстко говорилось: «...Советское правительство не может примириться с подобным игнорированием коренных интересов Советского Союза в войне против общего врага... Нельзя забывать того, что речь идёт о сохранении миллионов жизней в оккупированных районах Западной Европы и России и о сокращении колоссальных жертв советских армий, в сравнении с которыми жертвы англо-американских войск составляют небольшую величину»³.

Впрочем, аргументы в пользу незамедлительного открытия второго фронта для самих западных союзников были вполне очевидными. Тем не менее стремление увидеть и СССР, и Германию максимально ослабленными было определяющим для правящих кругов США и Великобритании при обсуждении вопроса о сроке высадки их войск в Западной Европе. Поэтому неудивительно, что англо-американская конференция в Касабланке (январь 1943 г.) постановила: и в 1943 г. десантной операции союзников с высадкой на территорию Северной Франции не будет. Совместное послание Черчилля и Рузвельта о результатах конференции, направленное Сталину, не содержало информации о конкретных операциях и их сроках, а лишь Сталина от 30 января 1943 г. Черчиллю и Рузвельту: «...Я был бы Вам признателен за сообщение о конкретно намеченных операциях в этой области и намечаемых сроках их осуществления». После консультаций с Рузвельтом английский премьер направил советской стороне на первый взгляд обнадеживающий ответ: «Мы также энергично ведём приготовления, до пределов наших ресурсов, к операции форсирования Канала в августе, в которой будут участвовать британские части и части Соединённых Штатов... Если операция будет отложена вследствие погоды или по другим причинам, то она будет подготовлена с участием более крупных сил на сентябрь»⁴. Однако даже некоторые западные историки не без основания называют это преднамеренным обманом⁵. Продолжая в 1943 г. заявлять о скором открытии второго фронта в Европе, правительства США и Англии в действительности готовились к военным действиям на Средиземноморском театре. Но обман долго продолжаться не мог, и после очередной встречи с Черчиллем в Вашингтоне в мае 1943 г. Рузвельт сообщил в Москву о переносе срока открытия второго фронта на 1944 г.

История повторялась, подчёркивается в первом томе издающегося 12-томника: в преддверии очередного летнего наступления вермахта союзники вновь объявляли о переносе срока открытия второго фронта. Так было в 1942 г., то же самое произошло и в 1943 г. Последовавший обмен посланиями ещё более накалил обстановку: у США и Великобритании не было убедительных аргу-

ментов в пользу занятой ими позиции. Возник острый кризис во взаимоотношениях между союзниками. Вдобавок к откладыванию высадки были сокращены поставки СССР по ленд-лизу. Посол США в Москве У. Стендли сделал резкие заявления о невнимании советского правительства к той материальной помощи, которую оказывают США Советскому Союзу. Американское правительство приняло решение о замене своего дипломата. Из Лондона и Вашингтона были отозваны советские послы И. М. Майский и М. М. Литвинов. Кроме того, в это же время получила распространение версия о якобы имевшей место встрече Молотова и Риббентропа в Кировограде⁶.

Сейчас существуют косвенные свидетельства, что это была дезинформация со стороны советского правительства, предназначенная для лидеров Англии и США⁷: она заставляла западных союзников осознать угрозу остаться один на один с гитлеровской Германией. Лицемерие Черчилля, всеми силами тормозившего открытие второго фронта будто бы с целью сбережения жизней собственных солдат, убедительно разоблачается конкретными фактами. Его истинное отношение даже к своим военнослужащим показано, в частности, в книге Ф. Д. Волкова «Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй мировой войны»⁸. Чтобы доказать якобы непреодолимую трудность захвата плацдарма в Европе, говорится в этой книге, по инициативе Черчилля в 1942 г. был проведён ряд рейдов на побережье Франции. В частности, операция «Джибути» — рейд на порт Дьепп, совершённый под командованием адмирала Маунтбэттена. Перед высадкой десанта в Дьеппе английское радио передало сообщение об ограниченности его цели. В результате это предупреждение лишило рейд внезапности. Сообщение было, по существу, адресовано явно не французским патриотам (как объясняли в Англии), готовым поднять преждевременное восстание, а немцам и имело целью дать им возможность подготовиться к встрече десанта. Немцы, конечно, поняли: создаётся угроза сектору Дьепп — и усилили его оборону. Как видно, Черчилль готов был жертвовать жизнями английских и канадских солдат, чтобы доказать совершенную невозможность создания второго фронта. Локальная операция, предпринятая небольшими силами, к тому же лишённая элемента внезапности, естественно, сопровождалась большими потерями: из 5 тыс. человек «погибло около тысячи, две тысячи были захвачены в плен»⁹.

После этой показушной высадки печать Англии развернула шумную кампанию, усиленно доказывая невозможность десантной операции во Франции. А на объединённых военных совещаниях, когда некоторые американские офицеры

начинали говорить о реальности безотлагательно-го открытия второго фронта, английские офицеры обязательно вводили в зал раненых ветеранов Дьеппа, напоминая тем самым о «непреодолимых трудностях» десанта. Это было настолько навязчиво, что даже американский журналист Ральф Ингерсолл написал: «Не был ли этот рейд задуман с единственной целью — служить англичанам аргументом против всяких дальнейших попыток вторгнуться на континент»¹⁰.

Одно из красноречивых изречений Черчилля гласит: «Не предпринимайте операций, которые будут стоить нам больше человеческих жизней, чем неприятелю»¹¹. Этим принципом он неизменно руководствовался, но, правда, с очевидной перестраховкой. В том числе при рассмотрении проблемы открытия второго фронта. Чтобы как-то оправдать перед мировым общественным мнением саботаж открытия второго фронта в Европе, английские и американские политики, пресса этих стран создали легенду об «Атлантическом вале», который в тот период якобы был возведён гитлеровцами на западном побережье Франции.

Черчилль утверждал: «Атлантический вал Гитлера неприступен, и нужно позаботиться о том, чтобы волны не покраснели от крови американских и английских юношей и чтобы побережье не было завалено их трупами». Желание премьер-министра осуществить операцию по открытию второго фронта малой кровью можно понять. Но насколько искренен был его страх перед «огромными потерями»? В письме Сталину ещё в июне 1941 г. Черчилль писал: все побережье Франции «ощетинилось орудиями, колючей проволокой, укрепленными огневые точки и береговыми минами».

Действительно ли столь неприступным был «Атлантический вал», или его «неприступность» была плодом геббельсовской пропаганды, используемой политиками, военными и журналистами англосаксонских стран? «Создать сплошной оборонительный вал на европейском побережье протяженностью 5 тысяч километров было практически невозможно, — подчёркивает Ф. Д. Волков. — Для этого потребовались бы астрономические ресурсы: 170 пехотных дивизий, а с резервами — 220 дивизий, в том числе 10–15 танковых. Такого количества вооружённых сил Германия на Западе выставить не могла, хотя в 1942 г. германская армия насчитывала 267 дивизий. Однако около 70 процентов её наиболее боеспособных частей находились на советско-германском фронте. Во Франции, Бельгии и Голландии действовали лишь 15 процентов дивизий, укомплектованных пожилыми солдатами и необстрелянными юнцами, вооружёнными трофейным французским и польским оружием»¹².

Следовательно, неприступность укреплений «Атлантического вала» была иллюзией. Тем не менее политики, военные, пресса Англии и США твердили: высадка войск в Европе, во Франции — слишком рискованное, требующее больших жертв и не сулящее удачи дело. Однако сама реальность показала мифический характер баек о неприступности «вала»: он был успешно прорван англо-американскими войсками в ходе Нормандской десантной операции 1944 г. «С наступлением рассвета, — вспоминал генерал пехоты Типпельскирх, — авиация и корабли засыпали северное побережье Нормандии от реки Орн до залива Гран-Ве и далее градом авиабомб и снарядов. Они подавляли немецкие батареи, разрушали оборонительные сооружения, сметали проволочные заграждения, уничтожали минные поля и повреждали линии связи... Изнурённые морской болезнью американские, канадские и английские пехотинцы с трудом выбирались на берег. Но огневая подготовка огромной интенсивности не осталась безрезультатной. И восемь полков, полностью укомплектованных по штату военного времени и сосредоточенных в пяти пунктах высадки, перешли в наступление против в полтора раза более слабых, растянутых по всему побережью Нормандии немецких дивизий, из которых только часть смогла вступить в бой в районах непосредственно атакованных пунктов»¹³.

Наряду с описанными выше уловками союзников нельзя не сказать ещё об одной: английские и американские военные и политики приложили немало усилий, чтобы поменять в выгодном для себя плане ранее согласованное представление о самом понятии «второй фронт». Они пытались включить в него бомбардировки Германии союзной авиацией, борьбу ВМС Англии и США в Атлантике с немецким флотом или последующие операции союзников в Африке, на Ближнем и Среднем Востоке, в Сицилии. Однако советское правительство не считало вторым фронтом все эти боевые действия.

Правящие круги Англии, а позднее США не спешили с открытием второго фронта не потому, что для этого у них не было реальных возможностей, военных сил, вооружения и снаряжения. По словам Шарля де Голля, в их тайные расчёты не входило устремиться навстречу опасности в тот момент, когда враг с каждым днём всё более истощал силы на русском фронте. Правда, де Голль не до конца расшифровал очевидную истину: с истощением врага — нацистов — У. Черчилль добивался и ослабления своего союзника — СССР. Лицемерно восхищаясь героизмом советских воинов, премьер постоянно помнил, что сильная Россия Западу не нужна. Ненависть ко всему советскому он до конца войны хранил как камень за пазухой.

Это совсем недавно по историческим меркам получило документальное подтверждение.

Так, на переходе из второго тысячелетия в третье англичане опубликовали архивные документы, из которых стало известно, что весной 1945 г. У. Черчилль приказал своему военному штабу подготовить план операции по военному выталкиванию Красной Армии из Европы обратно в Советский Союз. Назвал он эту операцию «Немыслимое». По его замыслу, английские войска в Германии совместно с американцами и поляками, привлекая также пленные гитлеровские дивизии, должны были 1 июля 1945 г. начать военные действия против Красной армии. Так что преодолеть свои антисоветские взгляды Черчилль не сумел и в то суровое время¹⁴. Следовательно, академик И. М. Майский в своей статье «Проблема второго фронта в англо-американской историографии» совершенно справедливо выделяет как основную группу противоречий по проблеме второго фронта внутри антигитлеровской коалиции противоречия двух систем — капиталистической и социалистической¹⁵.

Руководители Англии и США целенаправленно следовали своим избранным стратегиям. Так, Черчилль уже летом–осенью 1940 г. зарекомендовал себя убеждённым сторонником концепции «Средиземноморью — первое место». Здесь соприкасались три важных геополитических региона: Балканы, СССР, Ближний Восток. Англичане имели в Средиземноморье весьма важные для них интересы, но для их защиты им недоставало сил. Черчилль вплоть до начала германо-советской войны ситуацию в этом регионе считал критической. Но в любом случае нападение Германии на Советский Союз резко ослабило угрозу позициям Великобритании в Средиземноморье. Благодаря этому англичане стали планомерно готовить здесь мощные удары по противнику.

Естественно, постановка Сталиным вопроса о создании фронта против Германии на западе Европы и на Севере уже в июле 1941 г. была досадной помехой для реализации этого плана и вызвала у Черчилля неприязненное отношение. Хотя сейчас для него было не так уж важно, где проходит линия фронта, главное — чтобы русские продержались до зимы. И если они будут сражаться, то, считал он, за собственное выживание. Помощь же им можно ограничить военными поставками и моральной поддержкой. Президент США после недолгого раздумья, то есть 23 июня, в кратком выступлении решительно осудил нацистскую агрессию и в более осторожной форме, чем У. Черчилль, обещал оказывать помощь Москве в рамках существующих обязательств.

Вступление СССР во Вторую мировую войну коренным образом изменило всю междуна-

родную обстановку, а прежде всего — обстановку в Европе и на Дальнем Востоке. Складывалась новая ситуация: Германия «увязала» в России, Япония — в Китае. В такой обстановке Рузвельт решил американские силы сосредоточить ближе к Европе и укрепить связи с англичанами. С этой целью он договорился о встрече с Черчиллем. Результатом их встречи явилась декларация США и Великобритании, названная Атлантической хартией, провозглашавшая в общей форме цели войны против нацистской Германии и её союзников, а также принципы послевоенного устройства мира. Подписанная 14 августа 1941 г., она состояла из 8 пунктов, в которых подчёркивалась необходимость уничтожения нацистской тирании, разоружения агрессора и избавления народов от бремени вооружения.

Правительство СССР рассматривало хартию как важный фактор, способствовавший созданию Антигитлеровской коалиции 1941–1945 гг. Поэтому 24 сентября 1941 г. на Межсоюзной конференции в Лондоне Советский Союз выразил согласие с её основными принципами и присоединился к ней. 26 государств, поддержавших принципы хартии, 1 января 1942 г. подписали в Вашингтоне Декларацию Объединённых Наций, завершив в основном оформление Антигитлеровской коалиции¹⁶.

Зимой 1941/42 г. произошёл судьбоносный поворот в ходе Второй мировой войны, который оказал влияние и на рассмотрение вопроса о втором фронте. Разгром основных сил немецких войск под Москвой и последующее наступление Красной армии положили конец мифу о непобедимости гитлеровской военной машины. Германия потерпела первое крупное поражение. Начало советского контрнаступления под Москвой совпало фактически с нападением Японии на США и на британские военно-морские базы на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии. Соединённые Штаты Америки вступили во Вторую мировую войну. Это породило в руководстве СССР надежду на реальную возможность практического разрешения вопроса о создании второго фронта.

Позиции двух союзных государств — США и Великобритании — диктовали необходимость проведения встречи для обсуждения совместной стратегии ведения войны. Черчилль и Рузвельт обсуждали её с 22 декабря 1941 г. по 14 января 1942 г. в Вашингтоне за закрытыми дверями. Что касается действий союзников в Европе в 1942 г., то в плане предусматривались лишь следующие мероприятия:

— постоянно усиливающиеся бомбардировки территории Германии английской и американской авиацией;

- содействие наступлению советских войск всеми имеющимися средствами;
- поддержка сил Сопротивления в оккупированных странах и организация там диверсионно-подрывной деятельности.

Весной–летом 1942 г. союзники на многочисленных конференциях обсуждали вопрос о совместной стратегии. В итоге было решено объединёнными силами осуществить десантную операцию не на севере Франции, а в Северо-Западной Африке. Такое решение союзники обосновывали рядом причин. Для них на первый план в 1942 г. вышла проблема с доставкой снабжения на Британские острова, вызванная большими потерями морского транспорта. Именно это было излюбленным аргументом Черчилля в его высказываниях о невозможности безотлагательного открытия второго фронта. Фигурировали также другие аргументы: нехватка десантных средств и отсутствие опыта организации успешных десантных операций, необстрелянность большей части рядового состава, британских и американских офицеров.

Вместе с тем на принятие решения о проведении операции «Торч» повлияли также политические мотивы американской стороны. Дело в том, что «тихоокеанская альтернатива» в американском обществе и руководстве была очень популярна. Решение Рузвельта не медлить с появлением войск США в Европе обосновывалось тем, что Америка надеялась стать лидером в послевоенном мире. А этого можно было добиться, только участвуя в военных действиях в Европе. В Вашингтоне открытие второго фронта в Европе рассматривалось как способ обеспечить победу над нацистской Германией прежде всего на американских, а не на английских или советских условиях. Но пока эта цель была недостижима, что понимали и американские генералы, и президент. Поэтому уже в 1942 г. им была нужна недорогая и быстрая военная кампания хотя бы на периферии Европейских театров военных действий. Тем более что для американцев это было необходимо и в плане обеспечения безопасности своего восточного побережья.

«1942 год был годом максимальных успехов Гитлера и вермахта в Европе и в Африке, Японии — в акватории Тихого океана, а также на суше, где к ногам микадо пали практически все владения двух колониальных империй — Великобритании и Голландии и где практической задачей военного планирования японского командования вырисовывались высадки в Новой Зеландии и Австралии. Кошмар — оказаться блокированными на континенте с востока и запада японскими и немецкими подводными и надводными военно-морскими силами и стать объектом массированных

бомбардировок с воздуха — заставлял американцев вспоминать худшие дни Гражданской войны. После японской торпедной атаки Пёрл-Харбора в декабре 1941 г. в газетах появились статьи о возможном захвате японцами Аляски и даже канадских северных провинций. Сам президент в тесном кругу высказывался о том, что существует весьма высокая степень вероятности, что германские ВВС, базирующиеся в Западной Африке, способны нанести удар по восточному побережью США»¹⁷.

Как и предполагали советские руководители, проведенная впоследствии операция «Торч» не решила проблему открытия второго фронта. Сталин по-прежнему требовал от союзников выполнения их обязательств. Следуя своей стратегии, У. Черчилль настаивал на альтернативном, по его мнению, варианте второго фронта, который по предполагаемым возможностям якобы не уступает предлагаемому вторжению союзных войск на территорию Северной Франции. Этим вариантом второго фронта он считал также подготавливаемую союзниками высадку в Сицилии (операция «Хаски»). В случае успеха этой операции противник, рассчитывал Черчилль, лишался воздушной базы для нанесения ударов на Средиземном море. Американцы могли использовать остров для воздушной бомбардировки материковой Италии. Можно было бы также создать мощную воздушную армию, базирующуюся в Англии. Это позволило бы им доставлять туда сухопутные дивизии, чтобы к концу 1943 г. можно было предпринять попытку вторжения через Ла-Манш. Так складно Черчилль всё излагал, чтобы только не проводить десантную операцию в Северной Франции.

Следующим предложением Черчилля явился его «балканский вариант» второго фронта — наступление через Средиземное море и Турцию на Балканы. Всё это рассматривалось как возможный вариант вторжения в Европу в 1943 г. То есть выгоднейшим местом открытия второго фронта на сей раз назывались Балканы, что обуславливалось близостью к жизненно важным центрам врага — румынской нефти и ракетным заводам Южной Германии. К тому же в этот период становилось всё более очевидным, что СССР не рухнул под ударами германских армий и уже нет надобности в экстренном порядке принимать меры на случай развала восточного фронта. Поэтому, по мнению премьер-министра, теперь можно было главное внимание уделить собственно британским интересам — возвращению в Европу через её «мягкое подбрюшье» и обеспечению позиций Лондона в Восточном Средиземноморье. Что касается оценки Рузвельтом предложенного Черчиллем варианта, то на неё повлиял наметившийся в тот период кризис в отношениях США и Великобри-

тании. Ф. Рузвельт расценил инициативы Черчилля как односторонний разрыв Лондона с выработанной коалиционной стратегией. На совещаниях в Белом доме он заявлял, что является твёрдым сторонником безоговорочного приоритета трансманшской операции и решительно возражает против любых действий на Балканах.

Вместе с тем союзникам не давал покоя страх перед вполне реальным и быстрым продвижением Советских Вооружённых сил на запад. Оно стало возможным в результате грандиозных побед, одержанных под Сталинградом и Курском. Именно это заставило союзников отказаться от проводимой ими уклончивой, а по определению Сталина — «несерьёзной», политики и выступить против гитлеровской Германии в Западной Европе. В начале 1943 г. союзники даже составили план будущего открытия второго фронта в Европе, который получил кодовое название «Оверлорд». Операция по форсированию Ла-Манша намечалась на май 1944 г. Это решение было подтверждено на конференции в Квебеке. В связи с этим, хотя и с оговорками, на Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании (19–30 октября 1943 г.) было впервые единогласно подтверждено решение осуществить высадку англо-американских войск в Северной Франции весной 1944 г.

Окончательные сроки этой операции были определены на Тегеранской конференции в конце ноября–начале декабря 1943 г. После долгих дискуссий были приняты решения, касающиеся открытия второго фронта в Европе. Это было зафиксировано в «Военных решениях Тегеранской конференции». Там было записано: конференция приняла к сведению, что операция «Оверлорд» будет предпринята в течение мая 1944 г. вместе с операцией против Южной Франции. Последняя будет проведена в таком масштабе, насколько позволят имеющиеся десантные средства. В опубликованной декларации главы правительств заявили, что «пришли к полному соглашению относительно масштаба и сроков операций, которые будут предприняты с востока, запада и юга». Более того, советское правительство и здесь проявило добрую волю, дав обещание предпринять наступление примерно в это же время с целью предотвратить переброску германских дивизий с восточного фронта на западный¹⁸.

В июне 1944 г. второй фронт был наконец-то открыт. Это крупное событие искренне приветствовали в Москве. Действия Красной армии начали координироваться с действиями армий западных союзников в Европе. Но за двухлетний период, с 1 мая 1942 г. по 31 мая 1944 г., только безвозвратные потери Советских Вооружённых сил (убитыми, пленными и пропавшими без ве-

сти) составили более 5,5 млн человек¹⁹. Такой непомерно высокой для Красной армии оказалась цена затягивания союзниками процесса подготовки к проведению Нормандской десантной операции.

Военная политика и стратегия западных союзников под своеобразным углом зрения анализируются и оцениваются в статье В. О. Печатнова «Сталинградская битва и проблема второго фронта»²⁰. Написанная на основе малоизвестных документов британских и американских архивов, она представляет несомненный интерес для исследователей. Автор рассматривает влияние событий на советско-германском фронте во второй половине 1942 г. на военно-политические планы англичан и американцев в отношении открытия второго фронта. Оба союзника, отмечается в статье, напряжённо следили за ходом гигантской битвы на Волге. Более того, они скрытно друг от друга разрабатывали варианты своих действий на случай поражения советских войск не только под Сталинградом, но и на других участках восточного фронта.

Крах России, считали американцы, станет «катастрофой», которая поставит США в «отчаянное положение». Континентальная Европа будет полностью потеряна для союзников, поскольку ликвидация советско-германского фронта исключит возможность открытия там второго фронта. Единственное, на что тогда могут надеяться союзники, — это удержание Британских островов, но и там ожидалось резкое усиление прогерманских настроений в правящих кругах страны, падение кабинета Черчилля и возможное заключение сепаратного мира с Германией. В связи с такими пессимистическими взглядами союзников на перспективу фронтовой обстановки в России автор статьи вполне правомерно спрашивает: «Возникает законный вопрос: почему при таких предельно высоких ставках судьбы советско-германского фронта летом–осенью 1942 г. западные союзники не предприняли более активных усилий, чтобы помочь предотвратить возможную катастрофу?».

Причины пассивности союзников в прямой схватке с вермахтом на том этапе войны в целом весьма очевидны, заключает автор вышеназванной статьи. По его мнению, «сил, достаточных для массированного вторжения на европейский континент в 1942 г., у них ещё не было. А операция «Кувалда» вряд ли привела бы к отвлечению существенных немецких войск с восточного фронта, хотя могла бы создать проблемы для вермахта в более долгосрочном плане. К тому же основная тяжесть этой операции падала на англичан. Они же, вполне понятно, были категорически против такого самопожертвования и следовали своей

стратегии изматывания противника путём бомбардировок и ударов по слабым местам, прежде всего — пресловутому «мягкому подбрюшью» стран «оси» в Средиземноморье».

Словом, союзники постоянно заботились не о том, чтобы совместными силами всемерно ускорить разгром общего врага. Так, английское правительство прежде всего волновало опасение, как бы не потерять свои ранее достигнутые колониальные завоевания. Америка же строила свою военную политику с единственной целью: выйти из войны самой сильной державой и, что называется, править миром. Несмотря на эту разницу в преследуемых ими целях и возникающих трениях при выработке на каждом этапе войны особой, удовлетворяющей обе державы стратегии, западных союзников объединяло одно стремление — не допустить, чтобы Советский Союз опередил их в разгроме нацистской Германии и после войны стал одним из ведущих игроков на мировой арене. Убедительным свидетельством безграничного взаимного доверия между ними являются, например, двусторонние секретные соглашения Рузвельта и Черчилля по атомным вопросам²¹.

По поводу причин пассивности союзников в 1941 г. и их отказа в последующие два тяжелейших для СССР года открыть второй фронт в отечественной историографии, к сожалению, пока не выработано единого чёткого и убедительного, лишённого идеологической окраски объяснения. Не будем ходить далеко за примерами: выше по тексту можно заметить различные позиции в толковании данного вопроса авторами, на которых мне приходилось ссылаться. В частности, по отношению к У. Черчиллю, который предстаёт как лицемер, эгоист и т. п. Думается, такая его оценка является упрощённой, односторонней: она вытекает из отзывов о нём наших политиков, дипломатов, а также историков. По всей видимости, сложная личность Черчилля, его роль как военного деятеля еще не получила у нас объективной оценки.

В некоторой степени то же самое можно сказать о Ф. Рузвельте, только с противоположной точки зрения. У нас сложилась весьма устойчивая тенденция по его идеализации, как якобы антипода Черчилля в плане порядочности, верности достигнутым договорённостям. Между тем, мягко говоря, это не совсем так. Вот как, например, о нём отзывался известный дипломат и историк В. М. Фалин: «Не стоит идеализировать и Рузвельта. Он был полон колебаний и противоречий. Не раз при его активной роли предпринимались попытки разрулить Вторую мировую войну против Советского Союза: весной 1940 г., осенью 1941 г., летом 1943 г.»²².

Объективное изучение личностей обоих лидеров бывших союзных нам крупнейших западных стран необходимо для более верного анализа причин трёхлетней задержки ими открытия второго фронта. Думается, что лучшим путём устранения идеологических, политических и прочих препятствий в осуществлении глубоких научных исследований проблем истории Второй мировой войны, безусловно, является тесное сотрудничество учёных всех заинтересованных стран. Весьма показательной получилась, например, конференция, состоявшаяся десять лет назад и посвященная 60-летию открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.). В ней участвовали, что весьма примечательно, зарубежные историки, представлявшие бывшие основные союзные СССР страны — Великобританию и Соединённые Штаты Америки: Ч. Дик, Д. Майер, Д. Маккензи, Стивен Дж. Мейн. Они выступили с интересными докладами, что в совокупности с выступлениями российских участников позволило всесторонне раскрыть тему конференции²³.

Кратко остановлюсь на содержании совпадающего по теме с моей статьёй доклада американского подполковника Д. Майера. Он так начал свой доклад «Предыстория дня высадки союзных войск в Европе: уроки совместной деятельности современных альянсов» на этой конференции словами: «Я имел честь представлять Соединённые Штаты Америки на трёх таких конференциях в Москве по случаю годовщин великих сражений Второй мировой войны в течение предыдущих двух лет... В ходе этих конференций я познал ту теплоту, с которой россияне отмечают знаменательные победы ветеранов на полях сражений Москвы, Сталинграда, Курска и Ленинграда... Значимость тех сражений и роли каждого участника альянса, в том числе Советского Союза, в победном исходе Второй мировой войны очевидны. Фактически настоящая наша встреча является результатом одного из самых грандиозных альянсов в истории»²⁴.

Д. Майер подробно остановился на том, как в США велась подготовка вооружённых сил к десантной операции в Северной Франции. По его мнению, союзнические действия на восточном фронте, в Северной Африке и в Италии создали условия для успешной высадки союзных войск в Европе... В 1942–1943 гг. США имели возможность мобилизовать и подготовить достаточное количество личного состава для создания достойных сил для вторжения. В то же время североафриканская кампания способствовала накоплению армией США столь необходимого боевого опыта и привлекла на передовую лучших командиров...

«В ходе войны имели место споры среди западных союзников относительно определения места и масштабов открытия второго фронта, — констатировал Д. Майер. — Кроме того, существовали большие идеологические и экономические различия среди западных союзников и Советским Союзом. Темпы, с которыми западно-восточный альянс растрачивал средства в ходе войны, ещё более подчёркивали эти различия. Несмотря на это, альянс выдержал междоусобные прения, сконцентрировавшись на главной задаче — уничтожении фашистской Германии... Члены коалиции отбросили в сторону все свои глубокие идеологические убеждения в интересах достижения главной общей цели — победы во Второй мировой войне. Сегодня этих различий в убеждениях намного меньше, и они менее фундаментальны. Россия и её западные партнёры выполняют общие стратегические обязательства по поддержанию демократии и рыночной экономики. Наши военнослужащие находятся в беспрецедентно тесном взаимодействии. Нельзя недооценивать то, что, как и во время Второй мировой войны, всего лишь различия во взглядах на тактические вопросы мешают сосредоточиться на главной цели — уничтожении международного терроризма. С тем, чтобы на примере Второй мировой войны

оставить лучшие мирные условия нашим детям и внукам, мы также должны сконцентрироваться на главной цели — уничтожении международного терроризма».

С этими словами невозможно не согласиться: действительно, международный терроризм — чрезвычайно опасный враг, победить которого можно только объединёнными силами всех заинтересованных стран. Как определил Президент Российской Федерации В.В. Путин, спутником и союзником международного терроризма сегодня является воинствующий национализм, в рамках украинского кризиса выступающий как преемник бандеровского движения, свирепствовавшего на территории Западной Украины в середине прошлого века. И если международное сообщество не будет уже сейчас бороться с этим зародышем неонацизма самым решительным образом, то последствия могут быть самыми печальными. Опыт Второй мировой войны, в том числе связанный с открытием 70 лет тому назад второго фронта в Европе, убедительно свидетельствует, что только при наличии единой политической воли руководств заинтересованных стран и их согласованных действий можно решать самые сложные геополитические и геоэкономические проблемы современного мира.

¹ Ржешевский О. А. Война и история. М.: Мысль, 1976. С. 144–194.

² Великая Отечественная война 1941–1945 годов.: в 12 т. Т. 1. Основные события войны. М.: Воениздат, 2011. С. 714.

³ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (далее — Переписка Председателя Совета Министров СССР). Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли (июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1976. С. 19, 159, 166–167.

⁴ Международная конференция «Россия — Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики», 30–31 окт. 2012 г. Германия, г. Берлин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interaffirs.ru/read.php?Item=9012> (дата обращения: 13. 05. 2013). С. 48, 50, 52.

⁵ Levine A. British, American and Soviet Political Aims and Military Strategies 1941—1945: A Study in the Beginnings of the «Cold War». 1983. P. 772.

⁶ Liddel Hart. History of the Second World War. L., 1970. P. 488.

⁷ Судоплатов П. Разведка и Кремль: записки нежелательного свидетеля. М., 1996. С. 173–174.

⁸ Волков Ф. Д. Тайное становится явным. Деятельность дипломатии и разведки западных держав в годы Второй мировой войны. М.: Политиздат, 1989. С. 607–608.

⁹ Там же, с. 607.

¹⁰ Там же, с. 608.

¹¹ Хьюмс Дж. Правила Черчилля: идеи, наблюдения, афоризмы / Джеймс Хьюмс; пер. с англ. Александра Коробейникова. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013. С. 33.

¹² Волков Ф. Д. Указ. раб., с. 609.

¹³ Tippelskirch K. Geschichte des Zweiten Weltkrieges. Bonn, 1954. S. 541.

¹⁴ Международная конференция «Россия — Европа: актуальные проблемы современной международной журналистики», 30–31 окт. 2012 г. Германия, г. Берлин [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://interaffirs.ru/read.php?Item=9012> (дата обращения: 13. 05. 2013).

¹⁵ Майский И. М. Проблема второго фронта в англо-американской историографии // Вопросы истории. 1958. № 1. С. 62–84.

¹⁶ Военная Энциклопедия: в 8 томах. Т. 1. М.: Воениздат, 1997. С. 300.

¹⁷ Мальков В. Л. Россия и США в XX веке: очерки истории межгосударственных отношений и дипломатии в социокультурном контексте / В. Л. Мальков; Ин-т всеобщ. истории РАН. М.: Наука, 2009. С. 304–305.

¹⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сборник документов. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (28 ноября — 1 декабря 1943 г.). М., 1978. С. 173, 175.

■ Том XII. Освобождение

¹⁹ Россия и СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 247.

²⁰ Печатнов В. О. Сталинградская битва и проблема второго фронта / В. О. Печатнов / Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 2. С. 86–94.

²¹ Мальков В. Л. Указ. раб., с. 363.

²² Падерин А. А. «Заклятые» друзья и «любимые» враги // Вестник Уральского отделения РАН: Наука. Общество. Человек. Екатеринбург: УРО РАН, 2013. № 4 (46). С. 180.

²³ 60 лет открытия второго фронта в Европе (6 июня 1944 г.) // Материалы международной научно-практической конференции 22 июня 2004 г. М.: Холдинговая компания 000 «Издательский дом Ассоциации офицеров запаса Вооруженных Сил (Мегапир)», 2005. С. 60–67.

²⁴ Там же.

Разгром противника под Яссами и Кишиневом — второй Сталинград

В. Б. Маковский*

Летом 1944 г. немецкое командование придавало большое значение обороне южного участка восточного фронта. Это определялось многими соображениями политического, экономического и военного характера. В случае неблагоприятного исхода вооруженной борьбы на бухарестском направлении Германия могла лишиться всех своих союзников с их людскими и материальными ресурсами. Особое значение для Германии имели центральные районы Румынии с их нефтяными источниками, столь необходимыми для стран фашистского блока. Кроме того, с выдвиганием советских войск в центральные районы Румынии под угрозу ставилась возможность обороны важнейших направлений, выводящих в Центральную Европу и на Балканы.

Все это обуславливало необходимость корректировки стратегии германского командования на южном крыле советско-германского фронта. Еще в начале лета немецкое командование пыталось рядом частных контрударов отбросить советские войска и отдалить тем самым линию фронта от границ Румынии. Однако все эти попытки провалились. Затем, когда советские войска нанесли очередные мощные удары в Белоруссии и в Западной Украине, немецкое командование было вынуждено не только отказаться от активных действий на юге и перейти к обороне, но и ослабить здесь свои силы. В конце июля, по приказанию Гитлера 12 дивизий, в том числе 6 танковых и 1 моторизованная, из группы армий «Южная Украина» были переброшены на центральный участок советско-германского фронта для восполнения потерь, которые несли немецкие войска¹.

Переброска столь значительного числа дивизий из группы армий «Южная Украина» привела к ее ослаблению и сильно обеспокоила И. Антонеску. 4 августа 1944 г. он встретился с Гитлером, чтобы выяснить дальнейшие намерения немецко-фашистского руководства. На этой встрече Гитлер заверил румынского диктатора, что вермахт будет защищать Румынию так же, как и Германию. Но в свою очередь он потребовал от Антонеску заверения в том, что Румыния останется союзницей рейха, как бы ни сложились обстоятельства, и возьмет на себя содержание немецких войск, действовавших на румынской территории².

К середине лета 1944 г. намерения немецкого командования на юге сводились к упорной обороне в целях сохранения занимаемого положения. Решению этой задачи способствовали особенности театра военных действий. Левый фланг обороны противника опирался на труднодоступные Карпаты; в центре он использовал бывшие пограничные румынские укрепленные районы Тыргу-Няму и Тыргу-Фрумос; на правом фланге вражеская оборона строилась по Днестру, на западном берегу которого войскам 3-го Украинского фронта удалось захватить ряд плацдармов. К началу наступления советских войск противник сумел создать прочную, с развитой системой фортификационных сооружений эшелонированную оборону глубиной до 80 км. Особенно мощная, состоявшая из трех и более оборонительных полос, опиравшихся на естественные труднопроходимые рубежи, оборона была создана в тактической ее зоне. Ее глубина достигала 6–8 км, а местами до 15 км. В этой полосе, проходившей вдоль переднего края на удалении в 200–400 м друг от друга, были открыты и соединены между собой ходами

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ.

сообщения полного профиля две—три, а местами и четыре линии траншей. Непосредственно перед передним краем противник имел развитую систему инженерных заграждений и минные поля. Например, на яском направлении только в одном укрепленном районе на фронте в 33 км противник подготовил 247 долговременных сооружений, то есть в среднем на 1 км фронта приходилось 7 таких укреплений³.

Кроме основных рубежей, созданных вдоль западных берегов рек, в глубине обороны противник имел заранее подготовленные дополнительные оборонительные полосы, причем ключевая роль в них отводилась долговременным укреплениям, перехватывавшим так называемые «Фокшанские ворота» — наиболее удобная местность для действий наступающих вглубь Румынии войск. Кроме того, почти все более или менее крупные города врагом были превращены в сильные опорные пункты, а на участке Тыргу-Фрумос и Яссы им были дополнительно оборудованы укрепленные районы⁴.

К началу Яско-Кишиневской операции на рубеже протяженностью 580 км, проходившем через Красноильск, Пашканы, севернее Ясс, Кишинева и далее по Днестру, занимали оборону войска группы армий «Южная Украина» под командованием генерала Г. Фриснера. В эту группу входили две армейские группы — «Велер» (8-я немецкая и 4-я румынская армии и 17-й отдельный немецкий армейский корпус) и «Думитреску» (6-я немецкая и 3-я румынская армии). Всего войска группы армий имели 53 дивизии (30 немецких, 22 румынских и словацкая), а также 5 бригад и боевую группу⁵. В период подготовки к боевым действиям эти соединения и части были значительно пополнены личным составом, вооружением и боевой техникой. Численность немецких пехотных дивизий была доведена до 10–12 тыс. человек, а румынских — до 12–17 тыс.

Общая численность войск группы армий «Южная Украина» несколько превышала 900 тыс. человек. Эта группировка имела в своем составе 8200 орудий и минометов, 484 танка и штурмовых орудия. Действия группы войск поддерживали часть сил 4-го воздушного флота и румынский авиационный корпус, насчитывавшие 810 боевых самолетов⁶. Кроме того, около 60 тыс. немецких солдат и офицеров находилось в составе гарнизонов в тыловых районах Румынии. Такие силы вполне обеспечивали нормальную оперативную плотность обороны (одна дивизия на 10–12 км, а на важнейших направлениях — на 7–8 км фронта), особенно с учетом того, что 100 км фронта проходили в труднодоступной горной местности.

Немецкое командование хотя и понимало весьма невыгодное для себя начертание фронта обороны, что создавало предпосылки к нанесе-

нию фланговых ударов, однако надеялось, что столь значительная группировка войск и прочная оборонительная система позволят ему удержать не только Румынию, но и Балканы в целом. В середине августа немецкое руководство не ожидало на юге большого наступления советских войск, так как считало, что силы Красной армии основательно израсходованы в ходе проведенных ею операций в Белоруссии и на Украине. Этот вывод подтверждается записями в немецких документах: «Летнее наступление Красной Армии против группы «Центр» и закончившееся сосредоточение вражеских войск против группы армий «Северная Украина»... подтвердило то, что противник отложил свои планы наступления на Балканы»⁷. Поэтому немецкое командование не только не произвело каких-либо существенных изменений в группировке своих войск на яско-кишиневском направлении, но и начало переброску значительных сил на белорусское направление. К началу Яско-Кишиневской операции основные силы немецких войск продолжали находиться на яском и кишиневском направлениях, причем румынские соединения и части располагались на флангах немецких войск. Впоследствии бывший командующий группой армий «Южная Украина» генерал Фриснер писал по этому поводу: «Характерным для группировки сил было смешение немецких и румынских соединений внутри армейских групп, что было сделано по соображениям безопасности»⁸.

Оценив сложившуюся обстановку, Ставка советского Верховного Главнокомандования решила подготовить и провести крупную стратегическую наступательную операцию в районе Ясс и Кишинева с целью разгромить войска группы армий «Южная Украина», освободить Молдавию и вывести из войны союзниц Германии — Румынию и Болгарию⁹.

Планируя эту операцию, Ставка учитывала, что войска группы армий «Южная Украина» были развернуты на выгнутой на восток дуге, левое крыло которой упиралось в труднопроходимые Карпаты, а правое — в Черное море, что вершину этого выступа занимали войска наиболее боеспособной 6-й немецкой армии, а на флангах оборонялись в основном румынские войска, среди которых все более росло нежелание воевать против Красной армии. Замыслом Ставки ВГК на проведение Яско-Кишиневской операции предусматривалось: нанесением двух мощных сокрушительных ударов, отстоящих друг от друга на 200 км, силами 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией прорвать оборону противника и, развивая наступление по сходящимся направлениям на Хуши и Васлуй, окру-

жить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», выйти примерно на линию Восточных Карпат, дельты Дуная, т. е. продвигнуться на глубину 220–230 км. В дальнейшем развивать наступление вглубь Румынии и Болгарии¹⁰.

В соответствии с замыслом операции фронты должны были наносить глубокие удары по наиболее уязвимым местам обороны противника. Основная ударная группировка 2-го Украинского фронта наступала в обход Ясского и Тыргу-Фрумосского укрепленных районов, что позволяло ей изолировать 6-ю немецкую армию от 8-й и обойти с юга труднопроходимые хребты Восточных Карпат. 3-й Украинский фронт ударом с кицканского плацдарма в стык немецких и румынских войск в направлении на Хуши изолировал силы 6-й немецкой и 3-й румынской армий и совместно с войсками 2-го Украинского фронта уничтожил 6-ю немецкую армию. Левое крыло 3-го Украинского фронта при поддержке Черноморского флота осуществляло окружение и разгром 3-й румынской армии.

Ставка требовала основные силы и средства обоих фронтов сосредоточить на разгроме кишиневской группировки противника, обоснованно полагая, что успешное решение этой главной задачи создаст благоприятные условия для быстрого продвижения советских войск вглубь Румынии и овладения ее основными экономическими и политическими центрами. «Мощные удары по обороне союзника гитлеровцев должны были, — как полагал И.В. Сталин, — повлиять на политику правительства королевской Румынии и содействовать ее выходу из войны»¹¹.

15 июля 1944 г. заместитель начальника Генерального штаба генерал армии А.И. Антонов передал командованию 2-го и 3-го Украинских фронтов распоряжение Ставки представить к концу июля свои соображения и расчеты о проведении наступательной операции двух фронтов. В штабах началась подготовка операции. 31 июля командующие фронтами были вызваны в Ставку для доклада. Здесь планы операции фронтов подверглись тщательному обсуждению. 2 августа 1944 г.¹² Ставка направила 2-му и 3-му Украинским фронтам директиву, разработанную с учетом всех важнейших выводов из оценки обстановки и тех целей, которые преследовались в операции: «разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинева, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил»¹³. Им предстояло прорвать оборону противника на двух далеко отстоящих друг от друга участках — северо-западнее Ясс и южнее Бендер — и, развивая наступление по сходящимся к району Хуши, Васлуй, Фэлчиу направлениям,

окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная Украина», а затем быстро продвигаться вглубь Румынии.

Перед 2-м Украинским фронтом (командующий — генерал армии Р.Я. Малиновский, член Военного совета генерал-лейтенант И.З. Сусайков, начальник штаба — генерал-полковник М.В. Захаров) ставилась задача — прорвать вражескую оборону северо-западнее Ясс, овладеть городами Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через Прут на участке Хуши, Фэлчиу и совместно с 3-м Украинским фронтом разгромить яско-кишиневскую группировку противника, не дав ей отойти на Бырлад, Фокшаны. В дальнейшем войска фронта должны были наступать в направлении Фокшаны, прочно прикрывая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат.

3-му Украинскому фронту (командующий войсками фронта — генерал армии Ф.И. Толбухин, член Военного совета — генерал-лейтенант А.С. Желтов, начальник штаба — генерал-полковник С.С. Бирюзов) предписывалось прорвать оборону противника южнее Бендер, нанести удар в направлении Опач, Селемет, Хуши и, надежно обеспечивая ударную группировку с юга, во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разбить яско-кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово, Тарутино. В дальнейшем ему предстояло вести наступление в направлении Рени, Измаил, чтобы отрезать противнику пути отхода за реки Прут и Дунай.

Важная роль в предстоящей операции отводилась Черноморскому флоту под командованием адмирала Ф.С. Октябрьского, член Военного совета — вице-адмирал И.И. Азаров, начальник штаба — контр-адмирал И.Ф. Голубев-Монаткин. Ему предстояло оказывать огневую поддержку войскам 3-го Украинского фронта, непосредственно действующим на приморском направлении, нарушать прибрежные морские коммуникации противника и уничтожать его корабли, наносить массированные авиационные удары по базам Констанца и Сулина. Входящая в состав флота Дунайская военная флотилия, которой командовал контр-адмирал С.Г. Горшков, должна была высадить десанты северо-западнее и южнее Аккермана (Белгорода-Днестровского), а с выходом 3-го Украинского фронта к Дунаю — содействовать его войскам в форсировании реки и обеспечить советское судоходство по ней. Начать операцию предполагалось 20 августа.

В подготовительный период войска пополнялись вооружением и боевой техникой. В апреле—августе Ставка передала фронтам 875 танков и самоходно-артиллерийских установок, 6223 орудия и миномета, 13 142 ручных и станковых пулемета, 116 тыс. автоматов, 280 тыс. винтовок и караби-

нов. На Черноморский флот по решению Государственного Комитета Оборона из состава Северного и Тихоокеанского флотов были переброшены 6 больших и 20 малых морских охотников, 10 подводных лодок, 12 торпедных катеров¹⁴.

Выполняя указания Ставки, командующий 2-м Украинским фронтом решил нанести главный удар из района северо-западнее Ясс в направлении на Васлуй, Фэлчиу. Вспомогательный удар наносился вдоль реки Сирет на юг для прикрытия правого фланга ударной группировки. Действия наземных войск поддерживала 5-я воздушная армия. Войска фронта к исходу пятого дня операции должны были выйти на рубеж Бакэу, Хуши, соединиться с 3-м Украинским фронтом и завершить окружение яско-кишиневской группировки противника. В дальнейшем его главным силам предстояло развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, образуя внешний фронт окружения, а войскам левого крыла — создать внутренний фронт окружения и совместно с 3-м Украинским фронтом завершить ликвидацию окруженных сил врага¹⁵.

3-й Украинский фронт наносил главный удар южнее Бендер с кичканского плацдарма также в направлении на Хуши, где его войска должны были соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, завершить окружение основных сил группы армий «Южная Украина» и совместными усилиями уничтожить их. В дальнейшем фронту предстояло развивать наступление в соответствии с указаниями Ставки. Вспомогательный удар намечалось нанести через Днестровский лиман в направлении на Аккерман. Наступление наземных войск фронта поддерживала 17-я воздушная армия¹⁶.

Свои силы и средства фронты массировали на главных направлениях, где было сосредоточено от 67 до 72 процентов пехоты, 61 процент орудий и минометов, 85 процентов танков и самоходно-артиллерийских установок и почти вся авиация¹⁷. Благодаря этому на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях — в 4–8 раз, в артиллерии — в 6–11 раз, в танках и САУ — в 6 раз и более чем в 2 раза по самолетам¹⁸. Это обеспечивало им возможность непрерывно наращивать мощь ударов и добиваться высоких темпов наступления. Наращивание усилий также обеспечивалось глубоким эшелонированием оперативного построения фронтов, особенно 2-го Украинского, в первом эшелоне которого находилось пять общевойсковых армий (38 дивизий), в эшелоне развития успеха — танковая армия, два отдельных танковых и один кавалерийский корпуса и во втором эшелоне и резерве — одна общевойсковая армия и два отдельных стрелковых корпуса (13 дивизий). На 3-м Укра-

инском фронте, удар которого предусматривался менее глубоким, все четыре его общевойсковые армии (34 дивизии) располагались в первом эшелоне. Глубина оперативного построения войск здесь достигалась за счет создания нескольких эшелонов в армиях, а также за счет подвижных групп, созданных во фронте и в 37-й армии (два механизированных корпуса), и резерва (один стрелковый корпус).

В период подготовки Яско-Кишиневской операции в соответствии с решением командующих фронтами артиллерия использовалась по принципу максимального ее сосредоточения на направлениях главных ударов, на участках прорыва. Так, к началу операции 3-й Украинский фронт имел в своем составе 2 артиллерийские дивизии прорыва, 4 дивизии зенитной артиллерии, 11 отдельных артиллерийских и минометных бригад и 97 отдельных полков. Всего насчитывалось 6233 орудия и миномета, 464 пусковые установки реактивной и 649 орудий зенитной артиллерии¹⁹. Командующий артиллерией фронта генерал М. И. Неделин предложил на направлении главного удара фронта сосредоточить всю артиллерию резерва Верховного Главнокомандования (кроме трех полков), 26 зенитно-артиллерийских полков, артиллерийские полки трех стрелковых дивизий 5-й ударной армии, корпусный и дивизионные артиллерийские полки 10-го гвардейского стрелкового корпуса, находившегося в резерве фронта. Это позволяло на участках прорыва 57, 37-й и 46-й армий на фронте в 18 км сосредоточить 4587 орудий и минометов, т. е. более 73% всей имеющейся во фронте артиллерии. Если средняя плотность в полосе фронта была 24 орудия и миномета, то на участках прорыва она составляла: в 57-й армии — 247; в 37-й — 251; в 46-й — 239 орудий и минометов на 1 км фронта²⁰. Такое решительное массирование артиллерии обеспечивало более чем шестикратное превосходство над противником.

Во фронтах плотность артиллерии на участках прорыва доходила до 240–280 орудий и минометов на 1 км фронта. Продолжительность артиллерийской подготовки предусматривалась во 2-м Украинском фронте 1 час 30 минут и в 3-м Украинском — 1 час 45 минут. Поддержка атаки пехоты и танков планировалась одинарным или двойным огнем валом в сочетании с последовательным сосредоточением огня. Все это было сделано, чтобы гарантировать стремительный прорыв и наверняка обеспечить успех операции. По этому поводу интересны воспоминания бывшего командующего 2-м Украинским фронтом маршала Р. Я. Малиновского: «Первоначально намечалось осуществить прорыв на фронте в 22 км. В этом случае на 1 км фронта прорыва мы могли сосредоточить до 220 орудий калибра от 76 мм

и выше. Когда я докладывал в Ставке план операции, И. В. Сталин сказал, что 220 орудий на километр фронта маловато, надо больше. Я ответил, что больше нет. Тогда он предложил атаковать не на 22-, а на 16-километровом фронте»²¹.

Использование танковых войск также строилось по принципу их массирования на участках прорыва обороны противника. Например, во 2-м Украинском фронте, имевшем 1283 танка и самоходные установки, на направление главного удара фронта, в полосу действий 27-й и 52-й армий было выделено 985 бронеединиц (77%), а на направлении удара 7-й гвардейской армии — около 300 единиц боевой техники²². В то же время стремление командующих максимально усилить подвижные группы армий и фронтов порой происходило за счет сокращения количества танков, предназначенных для действий в группах непосредственной поддержки пехоты. Во фронтах средняя плотность танков, действующих в интересах поддержки стрелковых войск, на 1 км фронта составляла не более 18 боевых машин. На направлении главного удара стрелковых дивизий, где вводились в прорыв механизированные корпуса, плотность была доведена до 35 боевых единиц²³. Танковым и механизированным войскам после ввода в прорыв предстояло стремительно продвигаться в указанных им направлениях, упредить подход резервов противника и завершить окружение его главных сил. В последующем они должны были наступать вглубь Румынии.

Авиационное обеспечение в Ясско-Кишиневской операции возлагалось на 5-ю воздушную армию (командующий — генерал-полковник С. К. Горюнов) и 17-ю воздушную армию (командующий — генерал-полковник В. А. Судец). К началу операции в составе воздушных армий имелось 1952 боевых самолета, этими силами в течение первых трех дней операции предусматривалось осуществить более 4 тыс. самолето-вылетов²⁴. Основная задача этих авиационных объединений заключалась в поддержке сухопутных войск при прорыве обороны противника на направлениях главных ударов, обеспечении ввода в прорыв подвижных групп и их действий в оперативной глубине. Взаимодействие авиации с сухопутными войсками в ходе операции было организовано по принципу поддержки. Каждая общевойсковая армия поддерживалась 2–4 авиадивизиями. Во 2-м Украинском фронте планом первого дня операции авиационная подготовка прорыва не предусматривалась. 5-я воздушная армия должна была начать действия с момента перехода в атаку. Авиационная подготовка прорыва планировалась только на 3-м Украинском фронте²⁵. Это объясняется тем, что на 2-м Украинском фронте была достигнута большая плотность артиллерии (до

280 орудий и минометов на 1 км фронта, имевших до 2–4 и более боекомплектов). Поэтому подавление противника здесь до перехода пехоты и танков в атаку возлагалось на нее.

При планировании операции во фронтах предусматривался высокий темп наступления — 20–25 км в сутки для стрелковых войск и 30–35 км для подвижных соединений, что обеспечивало возможность упреждения ясско-кишиневской группировки противника в выходе на реку Прут, захвата Фокшанских ворот и стремительного прорыва советских войск в центральные районы Румынии, вывода ее из войны на стороне фашистской Германии. Это открывало также перспективу быстрого выхода советских армий к границам Болгарии, Югославии и на Венгерскую низменность — в тыл карпатской группировке противника.

Большое внимание уделялось инженерному обеспечению операции. Деятельность войск в этом отношении была детально спланирована на обоих фронтах и предусматривала проведение основных инженерных мероприятий как во время подготовки операции, так и в ходе наступления. Выполняя намеченные планом мероприятия, войска фронтов провели огромную работу по подготовке операции в инженерном отношении. Во фронтах было отрыто более 7,2 тыс. км траншей и ходов сообщения, построено свыше 50 тыс. блиндажей и убежищ, оборудовано более 6700 командных и наблюдательных пунктов, наведены десятки переправ²⁶. Значительную помощь советским войскам оказали трудящиеся Молдавии. Они приняли участие в восстановлении 58 железнодорожных мостов и более 700 км железнодорожных путей, в ремонте сотен автомашин, десятков орудий и танков, в строительстве оборонительных сооружений, аэродромов.

Интересам готовящегося наступления были подчинены действия и партизан Молдавии. Они поддерживали тесную связь со штабами фронтов и армий, доставляли им сведения о противнике, нарушали его коммуникации и уничтожали мелкие гарнизоны. Записи в журналах боевых действий группы армий «Южная Украина» и 6-й армии свидетельствуют, что молдавские партизаны основательно беспокоили немецкое командование. Только за несколько дней до наступления советских войск они пустили под откос 8 железнодорожных эшелонов²⁷.

К началу операции войска получили все необходимые материальные средства. В материальном отношении войска фронтов были полностью обеспечены всем необходимым для успешного осуществления крупной наступательной операции. Они имели от 1,5 до 6,6 боекомплектов снарядов и мин²⁸, от 7,4 до 9 заправок авиационного и дизельного топлива, до 2,7 заправок автобензина,

достаточное количество продовольствия, фуража и снаряжения²⁹ Дорожные войска содержали и обслуживали военно-автомобильные дороги протяженностью около 2800 км. В госпиталях было развернуто более 134 тыс. резервных коек для приема раненых и больных воинов³⁰.

В период подготовки операции командующие и штабы фронтов особое внимание уделяли вопросам маскировки и дезинформации противника. Проведение этих мероприятий было направлено прежде всего на то, чтобы скрыть перегруппировку войск, районы их сосредоточения и направления главных ударов. Почти до самого начала наступления командование вермахта и штаб группы армий «Южная Украина» не имели точного представления о направлениях главных ударов советских войск. Своими эффективными действиями штаб 3-го Украинского фронта настолько убедительно имитировал сосредоточение ударной группировки в полосе 5-й ударной армии и нанесение главного удара из района северо-восточнее Кишинева, что даже к исходу второго дня наступления советских войск, когда ударная группировка фронта уже продвинулась на глубину 25–30 км южнее Бендер, немецкое командование все еще считало этот удар как вспомогательный, а главный удар по-прежнему ожидало из района северо-восточнее Кишинева. Командование противника не имело точного представления и о сроках начала наступления советских войск. Только 16 августа в немецких документах появились первые записи: «Теперь можно достаточно верно предположить, что русские создают направление главного удара между рекой Прут и дорогой Гарлау, Тыргу-Фрумос», а 19 августа противником было уже точно установлено начало наступления советских войск: «Противник завтра начнет ожидаемое наступление крупного масштаба западнее реки Прут»³¹. В соответствии с такой оценкой немецкое командование в срочном порядке выдвигает на эти направления оперативные резервы, однако эти действия были уже малоэффективными.

В целях успешного выполнения задач Яско-Кишиневской операции командования фронтов провели большую и слаженную работу по перегруппировке сил и средств. Ее особенностью было то, что все мероприятия, связанные с перегруппировкой, проводились в большом масштабе, в ограниченные сроки и скрытно от противника. Во 2-м Украинском фронте перегруппировка осуществлялась во всей 300-километровой полосе фронта. Она проводилась в период с 7 по 20 августа. Первыми ее начали танковые, механизированные, кавалерийские соединения и основная масса артиллерии, а с 13 августа приступили к передислокации общевойсковые соединения. В ходе перегруппировки 60 % общевойсковых со-

единений полностью сменили свои районы расположения и 23 % — частично. Расстояние переброски соединений колебалось от 20 до 110 км³². Непосредственно занятие исходного положения для наступления стрелковыми соединениями было осуществлено в ночь на 18 августа. Артиллерия и танки выводились в новые позиционные районы в течение двух последних ночей перед наступлением и окончательно заняли свои позиции в ночь на 20 августа. В 3-м Украинском фронте перегруппировка также была весьма значительной. Ее общий смысл заключался в том, чтобы переместить войска от флангов к центру фронта, где наносился главный удар³³. Завершив перегруппировку, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов заняли исходное положение для наступления.

Наступление советских войск в Яско-Кишиневской операции началось 20 августа 1944 г. Боевым действиям войск предшествовала мощная артиллерийская, а на 3-м Украинском фронте и авиационная подготовка, в ходе которых система обороны противника была дезорганизована, траншеи и ходы сообщения разрушены, управление войсками в тактическом звене потеряно, а личный состав морально подавлен большими потерями в живой силе и технике. Так, пленный из 76-й немецкой пехотной дивизии заявил, что «дивизия потеряла до 80 процентов личного состава, 178-й пехотный полк потерял всех командиров батальонов, управление в полку нарушено, солдаты и офицеры отступают в беспорядке»³⁴.

В первый же день войска 2-го и 3-го Украинских фронтов прорвали оборону противника на всю тактическую глубину. В этих боях советские воины продемонстрировали не только отличную боевую выучку, но и непревзойденный моральный дух, готовность к самопожертвованию во имя победы над ненавистным врагом. Так, командир роты 468-го стрелкового полка 111-й стрелковой дивизии 52-й армии лейтенант А. Р. Шемигон, командир отделения 21-го стрелкового полка 180-й стрелковой дивизии 27-й армии сержант А. Е. Шевченко и другие повторили подвиг Александра Матросова³⁵.

Немецкое командование предпринимало срочные меры, чтобы остановить дальнейшее продвижение советских войск, оно перебросило из своего резерва в район Ясс три пехотные и одну танковую дивизии. Однако вражеские контратаки не смогли задержать наступление советских войск. В полосе 2-го Украинского фронта, на направлении действий 27-й армии генерал-лейтенанта С. Г. Трофименко особенно успешно вели боевые действия соединения 35-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта С. Г. Горячева, они уже к середине дня прорвали первую и вторую полосы обороны противника и обе-

спечили ввод в прорыв 5-го гвардейского механизированного корпуса 6-й танковой армии генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко³⁶. Появление танковых соединений для врага оказалось полной неожиданностью, в связи с чем они сумели быстро выйти к третьей полосе его обороны, проходившей по хребту Маре³⁷. К исходу дня 37-я, 46-я и 57-я армии 3-го Украинского фронта под командованием генерал-лейтенантов М.М. Шарохина, И.Т. Шлемина и Н.А. Гагена также завершили прорыв главной полосы обороны противника и местами вклинились во вторую оборонительную полосу. Ударные группировки фронтов начали стремительное продвижение навстречу друг другу, и их уже ничто не могло остановить.

Бывший командующий группой армий «Южная Украина» генерал Г. Фриснер отмечал в своих воспоминаниях, что итог боев за 20 августа был катастрофическим. В первый день наступления советских войск противник потерял 9 дивизий. Особенно большие потери понесли румынские войска. «В армейской группе Думитреску, — пишет Фриснер, — обе румынские дивизии 29-го армейского корпуса (4-я горно-пехотная и 21-я пехотная) полностью распались. В армейской группе Велера полностью разгромленными оказались до пяти румынских дивизий»³⁸.

На второй день наступления ударная группировка 2-го Украинского фронта вела упорную борьбу за третью полосу на хребте Маре, а 7-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника М.С. Шумилова и конно-механизированная группа генерал-майора С.И. Горшкова — за Тыргу-Фрумос. 21 августа к району прорыва ударной группировки фронта немецкое командование подтянуло 12 дивизий, в том числе 2 танковых. Наиболее упорные бои развернулись на подступах к Яссам, где войска противника трижды переходили в контратаки. Но ввод в прорыв 18-го танкового корпуса в полосе 52-й армии значительно облегчил действия советских стрелковых соединений и частей. К исходу 21 августа войска 2-го Украинского фронта окончательно сломили оборону противника. Расширив прорыв до 65 км по фронту и до 40 км в глубину и преодолев все три оборонительные полосы, они овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос и вышли на оперативный простор.

Ударная группировка 3-го Украинского фронта, отражая сильные контратаки пехоты и танков противника, за два дня боев продвинулась на глубину до 30 км, расширила прорыв по фронту до 95 км. Образовался значительный разрыв между 6-й немецкой и 3-й румынской армиями.

Успешно справлялись со своими задачами 5-я воздушная армия генерала С.К. Горюнова и 17-я воздушная армия генерала В.Л. Судец.

За два дня летчики произвели около 6350 самолетов-вылетов. Авиация Черноморского флота нанесла удары по немецким кораблям и базам противника в Констанце и Сулине. В журнале боевых действий группы армий «Южная Украина» 21 августа 1944 г. отмечалось, что «Неслыханно сильным является вражеский воздушный флот. Он делает все, что он хочет»³⁹. От ударов советской авиации, добившейся в районе действий армейской группы «Думитреску» абсолютного господства в воздухе, немецкие и румынские войска понесли большие потери.

В боях по прорыву обороны противника советские воины проявили массовый героизм. Яркой иллюстрацией его служат действия ефрейторов А.И. Гусева и К.И. Гуренко в районе молдавского села Ермоклия. 60-й полк 20-й гвардейской стрелковой дивизии, выполняя боевую задачу, днем 21 августа ворвался на восточную окраину села. Гитлеровцы предприняли контратаку. На огневую позицию пулеметчика 1-го батальона Гусева двигалось четыре «Тигра». Понимая, что остановить танки огнем из пулемета невозможно, боец привязал к груди гранаты и бросился под один из них. Танк взорвался, а остальные повернули назад. Аналогичный подвиг совершил боец 3-го батальона К.И. Гуренко. Улучив момент, он с прижатыми к груди гранатами бросился под передний из трех надвигавшихся на него танков. Воодушевленные высоким подвигом своих боевых товарищей, воины полка при поддержке артиллерии отразили контратаку гитлеровцев, уничтожив большую часть их танков. А.И. Гусев и К.И. Гуренко были посмертно удостоены звания Героев Советского Союза⁴⁰.

Уже 21 августа в связи с успешным развитием наступления советских войск обоих фронтов были созданы условия, обеспечивавшие окружение кишиневской группировки противника. К этому времени, израсходовав все свои оперативные резервы, противник не мог уже существенно влиять на ход операции, и напротив, оба наших командующих имели на направлениях ударов советских войск 25 стрелковых дивизий, еще не введенных в сражение.

Вечером этого же дня командующие фронтами получили новую директиву Ставки: «...сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника»⁴¹. Причем для выполнения этой главной задачи Ставка требовала от командующих фронтами использовать все имеющиеся силы и средства, не отвлекая их для решения других задач, чтобы в ко-

роткий срок завершить окружение группировки противника и обеспечить выход советских войск к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

Чтобы избежать окружения основных сил группы армий, немецкое командование было вынуждено начать 22 августа отвод своих сил с кишиневского выступа за реку Прут. «Но, — как отмечает Фриснер, — было уже слишком поздно»⁴². С утра 22 августа в наступление вдоль реки перешла 4-я гвардейская армия под командованием генерала И. В. Галанина. Действуя совместно с 52-й армией генерал-лейтенанта К. А. Коротеева, она к исходу дня продвинулась на 25 км и овладела двумя переправами через Прут. Обходя узлы сопротивления противника, 18-й танковый корпус продвигался в направлении Хуши.

Крупных успехов добился также 3-й Украинский фронт. Соединения 7-го механизированного корпуса вышли в район Гуры-Галбены, а 4-й гвардейский механизированный корпус, заняв Тарутино и Комрат, развивал наступление на Леово. Тем самым 3-я румынская армия была окончательно изолирована от 6-й немецкой армии. К исходу 22 августа ударные группировки фронтов перехватили основные пути отхода противника на запад. Моряки Дунайской военной флотилии совместно с десантной группой 46-й армии форсировали 11-километровый Днестровский лиман, освободили город Аккерман и развивали наступление в юго-западном направлении.

Успех первых трех дней наступления оказал большое влияние на дальнейший ход операции. Противник потерял значительную часть своих сил. Войска 2-го Украинского фронта за это время разгромили 11 румынских и 4 немецкие дивизии, сбили 114 самолетов, продвинулись до 60 км и расширили прорыв до 120 км. 3-й Украинский фронт продвинулся до 70 км, ширина его прорыва достигла 130 км. В эти дни успешные действия фронтов неоднократно отражались в оперативных сводках Генерального штаба: «По неполным данным, за два дня боев только войсками 2-го Украинского фронта, — отмечалось в сводке за 22 августа, — было уничтожено до 7200 и захвачено в плен 3356 солдат и офицеров противника; подбиты и сожжены 21 танк, 16 самоходных орудий и уничтожено 27 орудий полевой артиллерии. Захвачены трофеи: более 160 орудий разного калибра..., 3 танка, 124 миномета..., 100 лошадей и 6 разных складов противника»⁴³. Всего за эти первые дни боевых действий противник потерял около 11,5 тыс. солдат и офицеров убитыми, около 6 тыс. — пленными, 72 танка и самоходных орудия и до 3 тыс. автомашин⁴⁴.

Важнейшим условием этого крупного успеха явилось тесное взаимодействие сухопутных войск

и авиации. Только в течение 22 августа по докладу штаба 2-го Украинского фронта в Генеральный штаб: «Авиация фронта произвела 1133 самолето-вылета. В воздушных боях сбито 26 самолетов противника»⁴⁵. В этот же день более 1700 самолето-вылетов осуществила авиация 3-го Украинского фронта и уничтожила в воздушных боях 6 вражеских самолетов.

С утра 23 августа фронты продолжали вести боевые действия, стремясь основными силами замкнуть кольцо окружения и одновременно развивать наступление на внешнем фронте. 18-й танковый корпус в тот же день вышел в район Хуши, 7-й механизированный корпус — к переправам через Прут в районе Леушены, а 4-й гвардейский механизированный корпус — к Леово. «В результате четырех дней операции, — докладывал представитель Ставки ВГК маршал С. К. Тимошенко Верховному Главнокомандующему И. В. Сталину в 23 часа 30 минут 25 августа, — войска 2-го и 3-го Украинских фронтов сегодня, 25 августа, завершили оперативное окружение кишиневской группировки противника...»⁴⁶. В тот же день в полосу 3-го Украинского фронта 46-я армия генерала И. Т. Шлемина во взаимодействии с Дунайской военной флотилией завершила окружение 3-й румынской армии, войска которой на следующий день прекратили сопротивление. 24 августа 5-я ударная армия генерал-лейтенанта Н. Э. Берзарина освободила столицу Молдавии — Кишинев. Как отмечалось в эти дни в журнале боевых действий 2-го Украинского фронта, «разгром румынских войск был полным»⁴⁷.

Немецкое командование и правительство Антонеску не имели реальных сил воспрепятствовать стремительному наступлению советских войск вглубь Румынии. 23 августа по приказу короля Михая был арестован диктатор И. Антонеску, прибывший на аудиенцию к королю с целью заручиться поддержкой для продолжения войны на стороне Германии. Вскоре были арестованы и министры его правительства.

Поздно вечером 23 августа по радио была передана декларация короля Михая о прекращении боевых действий против Объединенных Наций, о согласии принять условия перемирия, предложенные советским правительством от имени СССР, США и Великобритании⁴⁸. В 22 часа 40 мин. из румынского генерального штаба в войска поступил приказ о прекращении любого подчинения румынских войск немецкому командованию и прекращении румынскими вооруженными силами боевых действий и любых агрессивных акций против советских войск⁴⁹. Тем не менее, на следующий день Ставка направила командующим фронтов специальную директиву в отношении румынских войск: «В связи с успешным наступле-

нием войск 2-го и 3-го Украинских фронтов румынские войска начинают прекращать сопротивление и организованно сдаваться в плен... Войскам фронтов продолжать выполнять задачи, — требовала Ставка, — невзирая ни на какие заявления румын о прекращении военных действий»⁵⁰.

Успешные действия советских войск создали благоприятные условия для начала вооруженного восстания в Румынии, которое началось в Бухаресте 23 августа. Утром следующего дня немецкое командование предприняло попытки захватить город. Авиация врага начала бомбить правительственные кварталы. Одновременно на город наступали дислоцированные в его районе отдельные немецкие части и тыловые учреждения, объединенные в группу генерала Штагеля, численностью около 6 тыс. человек. Они предприняли активные боевые действия против восставших румынских патриотов, но захватить город им не удалось. Позднее бывший генерал вермахта К. Типпельскирх вынужден был признать: «Лишь совершенный по приказу Гитлера воздушный налет на Бухарест дал румынам основание повернуть оружие против немцев»⁵¹.

В этих условиях наступавшим советским войскам необходимо было ускорить темпы наступления и срочно прийти на помощь восставшим, чтобы командование вермахта не успело перебросить в Румынию дополнительные силы для подавления повстанцев. Советское командование, оставив 34 дивизии для уничтожения окруженной вражеской группировки, более 50 дивизий направило вглубь Румынии. В развитии наступления на внешнем фронте главная роль отводилась 2-му Украинскому фронту. Сюда же направлялись основные силы обеих воздушных армий. К началу румынского восстания Красная армия отвлекла на себя основные силы немецких войск, действующих в Румынии. Из более чем 600-тысячного состава войск, входивших в группу армий «Южная Украина», свыше 550 тыс. были окружены, а остальные были уничтожены или отступали под натиском советских войск⁵².

Немецкое командование, видя, что основные силы его группировки разгромлены, и получив известие о выходе Румынии из войны, приказало окруженным войскам отойти в Карпаты. Однако эта задача для них была уже невыполнима. Советские войска 24 августа плотно закрыли образовавшийся накануне узкий коридор, по которому противник пытался вырваться из котла. В окружении оказались 18 из 25 немецких дивизий. К этому времени были разгромлены также почти все находившиеся на фронте румынские дивизии. Вспоминая действия советских войск в тот период, К. Типпельскирх писал: «Как огромные морские волны, катились войска противника и захлесты-

вали со всех сторон немецкие силы. Всякое централизованное руководство боевыми действиями прекратилось, тылы были отрезаны... Расчлененные на отдельные боевые группы немецкие войска вынуждены были пробиваться на запад... Вокруг нескольких немецких дивизий кольцо русских войск сузилось настолько, что им пришлось капитулировать»⁵³.

Итак, на пятый день, как и предусматривалось планом, завершился первый этап стратегической операции, в результате которого было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина». Войска, действовавшие на внешнем фронте, заняли города Роман, Бакэу, Бырлад и подошли к городу Текуч. Между внутренним и внешним фронтами окружения образовалась значительная по глубине полоса. Тем самым создались благоприятные условия для ликвидации окруженной группировки и стремительного наступления советских войск вглубь румынской территории. Эти задачи решались войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов уже в новых условиях.

К исходу 27 августа окруженная восточнее Прута группировка перестала существовать. Вскоре была уничтожена и та часть войск противника, которой удалось переправиться на западный берег Прута с намерением пробиться к Карпатским перевалам. Противник потерпел сокрушительное поражение. Вот как характеризовало само немецкое командование результаты разгрома своих войск под Кишиневом. В журнале боевых действий группы армий «Южная Украина» за 5 сентября имеется следующая запись: «Окруженные корпус и дивизии 6-й армии окончательно должны рассматриваться как потерянные. Никакой надежды больше нет, что какие-либо окруженные соединения вырвутся. Это представляет собой самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий. Потеряно 5 штабов армейских корпусов (4, 7, 30, 44-го и 52-го) и 18 дивизий (9, 15, 62, 79, 106, 161, 257, 258, 282, 294, 302, 306, 320, 335, 370, 376-я и 384-я пехотные дивизии, а также 153-я учебно-полевая дивизия). Кроме того, от 10-й моторизованной и 13-й танковой дивизий остались лишь незначительные части»⁵⁴.

Во время завершения ликвидации окруженных сил противника и в последующем темпы наступления советских войск на внешнем фронте все более нарастали. Войска 2-го Украинского фронта развивали успех в сторону Северной Трансильвании и на фокшанском направлении, выходя на подступы к Плоешти и Бухаресту. Соединения 46-й армии 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом вели наступление на приморском направлении.

Немецкое командование предпринимало попытки задержать советские войска, выиграть

время, чтобы восстановить свой фронт. В директиве ОКВ от 26 августа перед генералом Фриснером ставилась задача создать и удержать оборону по линии Восточные Карпаты, Фокшани, Галац, хотя для этого у группы армий не было ни сил, ни средств. К Карпатам отступали шесть сильно потрепанных дивизий 8-й армии. На венгерско-румынской границе находилось 29 венгерских батальонов, которые действовали в основном перед правым крылом и центром 2-го Украинского фронта. Перед левым его крылом и 3-м Украинским фронтом оборонялись остатки отступавших с фронта соединений, а также тыловые части группы армий «Южная Украина» и отдельные немецкие гарнизоны⁵⁵.

Упорное сопротивление противник оказал на подступах к Восточным Карпатам. Сосредоточенные здесь остатки немецких дивизий и венгерские батальоны вели бои, используя выгодную для обороны горно-лесистую местность. Однако наступавшие на этом направлении 40-я и 7-я гвардейская армии и конно-механизированная группа генерала С. И. Горшкова, несмотря на огромные трудности, сумели отбросить противника и преодолеть Восточные Карпаты.

Успешно развивалось наступление войск левого крыла 2-го Украинского фронта, включавшего 27-ю, 53-ю и 6-ю танковую армии и 18-й танковый корпус. Эти войска при активной поддержке авиации уничтожали отдельные очаги обороны противника и быстро продвигались на юг. 6-я танковая армия преодолела фокшанский укрепленный рубеж и 26 августа освободила Фокшаны. На следующий день она подошла к городу Бузэу, овладение которым позволяло развивать дальнейшее наступление на Плоешти и Бухарест. Здесь танкисты встретили особенно упорное сопротивление. В боях за этот город было уничтожено более 1500 и взято в плен 1200 солдат и офицеров. С потерей Бузэу положение противника еще более ухудшилось.

В этих боях особенно отличились воины 4-го гвардейского механизированного корпуса. Олицетворением мужества танкистов явился героический подвиг воинов под командованием лейтенанта Н. П. Батурина, командира танкового взвода 36-й гвардейской танковой бригады. Командир взвода получил задачу: отбить у противника ранее захваченную им переправу и не допустить отхода вражеских частей на западный берег. Стремительной атакой танкистам удалось уничтожить охранение противника и, овладев переправой, около двух суток отражать натиск врага. В ходе этих боев ими было уничтожено более тысячи немецких солдат и офицеров, свыше 200 автомашин, 30 орудий и несколько танков. Только экипаж танка Батурина уничтожил две вражеские «Пантеры», а одну захватил исправной. За этот подвиг лейтенант Н. П. Ба-

турин был награжден Золотой Звездой Героя Советского Союза. Этой же высокой наградой за личное мужество, проявленное в боях с врагом, который пытался вырваться из окружения, был награжден и командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-майор В. И. Жданов⁵⁶.

К 29 августа войска 3-го Украинского фронта освободили города Тулча, Галац, Брэила, Констанца, Сулина и другие. Для быстрейшего овладения Констанцей — главной военно-морской базой Румынии — были использованы морские и воздушные десанты. Наступая в южном направлении, советские войска громили разрозненные группы противника, препятствовали переброске их под Бухарест. Только в районе города Кэлэраши за 1 и 2 сентября они взяли в плен до 6 тыс. человек, в том числе более 100 офицеров.

Советские войска, продвигаясь в глубь страны, устанавливали контакты и налаживали сотрудничество с румынскими соединениями, повернувшими оружие против гитлеровцев. Так, в составе 50-го стрелкового корпуса 40-й армии более месяца вел боевые действия против немецких войск 3-й румынский пограничный полк. Вместе с 7-й гвардейской армией сражалась 103-я румынская горнострелковая дивизия. В конце августа в районе Васлуя приняла боевое крещение 1-я румынская пехотная добровольческая дивизия имени Тудора Владимиреску, сформированная на советской территории.

Таким образом, советские войска в период с 20 по 29 августа успешно провели первый этап Яско-Кишиневской операции. В дальнейшем войска 2-го и 3-го Украинских фронтов в соответствии с директивой Ставки от 29 августа 1944 года развернули энергичное наступление в центральной части Румынии и на подступах к Болгарии⁵⁷. В результате этой наступательной операции войска двух фронтов всего за 10 дней разгромили почти миллионную группировку противника — группу армий «Южная Украина». Как отмечалось в журнале боевых действий группы, это представляло собой «самую большую катастрофу, какую когда-либо переживала группа армий»⁵⁸. Советские войска уничтожили 22 немецкие дивизии и 37 отдельных частей противника, разгромили все румынские соединения, находившиеся на фронте. В ходе боев в плен было взято более 208 тыс. солдат и офицеров, в том числе 25 генералов. Уничтожено 490 танков и штурмовых орудий, 1,5 тыс. орудий, 298 самолетов, 15 тыс. автомашин. Захвачено более 2 тыс. орудий и минометов, 340 танков и штурмовых орудий, около 18 тыс. автомашин, 40 самолетов и много другой боевой техники и оружия⁵⁹.

Это привело к краху вражеской обороны на южном крыле советско-германского фронта, коренному изменению военно-политической обста-

новки на Балканах. Была полностью освобождена Молдавия. Румыния объявила войну Германии.

Уникальность военных итогов Яско-Кишиневской операции состояла в том, что с учетом ее размаха — ширина фронта боевых действий составляла 500 км, а глубина продвижения советских войск — 300–320 км — они понесли минимальные потери: безвозвратные потери составили 13197 чел., а санитарные — 53933 чел., т. е. один процент от общей численности участвовавших в операции советских войск.

Яско-Кишиневская операция явилась образцом окружения и уничтожения крупной группировки противника в высоких темпах. Как окружение, так и ликвидация основной части окруженной группировки врага протекали в полном соответствии с намеченным планом и в строго установленные сроки. На пятый день операции главная группировка противника была окружена, а на девятый день — в основном ликвидирована.

Успешный ход операции был обеспечен высокими темпами прорыва тактической зоны обороны. Особенно высокие темпы прорыва были достигнуты на 2-м Украинском фронте, где главная полоса обороны противника была прорвана стрелковыми дивизиями ударной группировки фронта в течение трех часов, а тактическая зона, в течение четырех-пяти часов. Во второй половине дня стрелковые соединения 27-й армии уже обеспечили ввод в прорыв танкового и механизированного корпусов 6-й танковой армии.

Наращивание усилий при прорыве тактической зоны на направлении главного удара осуществлялось вводом в бой вторых эшелонов

стрелковых полков и корпусов, а также резервов стрелковых дивизий. Большое значение для достижения высоких темпов прорыва имело также применение передовых отрядов. Стремительный прорыв тактической зоны создал благоприятные условия для ввода в прорыв подвижных войск с целью наращивания удара в глубину и преследования противника в высоких темпах.

Преследование противника танковыми и механизированными корпусами в оперативной глубине осуществлялось в значительном отрыве от стрелковых войск. Стрелковые корпуса и дивизии выделяли для преследования врага сильные передовые отряды, а главные силы их чаще всего следовали в походных колоннах, развертываясь в боевые порядки лишь тогда, когда противник оказывал упорное сопротивление и когда авангарды не могли преодолеть его.

Яско-Кишиневская операция дает богатый опыт использования родов войск, особенно в вопросах массированного применения артиллерии, авиации и танков на направлении главных ударов. Важную роль в операции сыграли инженерное обеспечение и успешно осуществленная оперативная маскировка. Кроме того, эта операция характерна тесным взаимодействием сухопутных войск и авиации с Черноморским флотом при форсировании Днестровского лимана, при высадке десантов и овладении портами на Черном море.

В целом успехи Красной армии при освобождении Молдавии и выход советских войск в восточные районы Румынии предрешили вопрос о скором и полном изгнании противника из всех Балканских стран.

¹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: 1961. С. 706.

² История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М.: 1978. Т. 9. С. 98.

³ Яско-Кишиневские Канны. Изд-во «Наука». М.: 1964. С. 52.

⁴ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19 (июль — август 1945 г.). М.: 1945. С. 7, 8.

⁵ Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М., 1956. Выпуск 3. С. 132–135. Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Biblio Verlag. Osnabruck. 1980.

⁶ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 439, 440.

⁷ Миносян М. М. Борьба Советской Армии за освобождение народов Юго-Восточной Европы в Великой Отечественной войне. Военная академия им. М. В. Фрунзе. М.: 1957. С. 151.

⁸ Фриснер Г. Проигранные сражения. Пер. с немецкого. М.: 1966. С. 54.

⁹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: 1961. С. 706, 707.

¹⁰ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 443.

¹¹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М.: 1973. С. 125.

¹² Директивой Ставки ВГК от 2 августа 1944 г. предусматривались задачи войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов на первый этап операции, т. е. по разгрому группировки противника в районе Яссы, Кишинева, Бендеры и выходу к Фокшанам. В последующем задачи фронтам на продолжение наступления были определены и конкретизированы директивами Ставки от 21 и 29 августа 1944 г.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 435.

¹⁴ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: 1961. С. 708.

- ¹⁵ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19 (июль—август 1945 г.). М.: 1945. С. 14–16.
- ¹⁶ Минасян М. М. Яско-Кишиневская операция (август—сентябрь 1944 года). Военная академия им. Фрунзе. М.: 1948. С. 15–17.
- ¹⁷ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 119.
- ¹⁸ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: 1961. С. 708.
- ¹⁹ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 470.
- ²⁰ Толубко В. Ф. Артиллерия 3-го Украинского фронта в Яско-Кишиневской операции. // Военно-исторический журнал. 1979. № 8. С. 37.
- ²¹ Малиновский Р. Я. Из воспоминаний о Яско-Кишиневской операции (август—сентябрь 1944 года). // Военно-исторический журнал. 1959. № 2. С. 30.
- ²² Бронетанковые и механизированные соединения в Яско-Кишиневской операции. Краткий очерк. М.: 1947. С. 11, 12.
- ²³ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 19 (июль—август 1945 г.). М.: 1945. С. 53.
- ²⁴ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 458, 459.
- ²⁵ Там же. С. 458.
- ²⁶ Сборник материалов по изучению опыта войны. Управление по использованию опыта войны ГШ КА. № 17. С. 105, 106.
- ²⁷ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М. 1967. С. 125.
- ²⁸ ЦАМО РФ Ф. 243. Оп. 2900. Д. 806. Л. 284.
- ²⁹ Там же. Д. 823, Л. 164, 165; ЦАМО РФ. Ф. 248. Оп. 2779. Д. 1862. Л. 291, 292.
- ³⁰ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 465, 466.
- ³¹ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М. 1967. С. 127.
- ³² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. Т. 3. М.: 1958. С. 467.
- ³³ Сборник боевых документов Великой Отечественной войны. Выпуск 6. (Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил Союза ССР). М.: 1948. С. 21.
- ³⁴ Антосяк А. В. В боях за свободу Румынии. М.: 1974. С. 93, 94.
- ³⁵ Антосяк А. В. Яско-Кишиневская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии. // История СССР. 1986. № 4. С. 46.
- ³⁶ Панин М. П. Прорыв обороны противника в высоких темпах войсками 35-го гвардейского стрелкового корпуса 27-й армии 2-го Украинского фронта. Учебное пособие. ВПА им. В. И. Ленина. М.: 1980. С. 35.
- ³⁷ Альтговзен М. Л. Наступление 27-й общевойсковой и 6-й танковой армий 2-го Украинского фронта в Яско-Кишиневской операции (август 1944 г.). Учебное пособие. ВАФ им. Фрунзе. М.: 1968. С. 22–24.
- ³⁸ Фриснер Г. Проигранные сражения. Пер. с немецкого. М.: 1966. С. 75.
- ³⁹ Захаров М. В. Молниеносная операция. // Военно-исторический журнал. 1964. № 8. С. 21.
- ⁴⁰ Яско-Кишиневские Канны. М.: 1964. С. 131, 132.
- ⁴¹ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 448.
- ⁴² Фриснер Г. Проигранные сражения. Пер. с немецкого. М.: 1966. С. 86.
- ⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 253, 254.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1279. Л. 23.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 250, 251.
- ⁴⁶ Там же. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1. Л. 219, 220.
- ⁴⁷ Там же. Д. 11175. Л. 116.
- ⁴⁸ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. М.: С. 97.
- ⁴⁹ Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. М.: С. 27.
- ⁵⁰ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 449.
- ⁵¹ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. Изд-во иностранной литературы. М.: 1956. С. 463.
- ⁵² Вторая мировая война. Военное искусство. М.: 1966. С. 266.
- ⁵³ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М.: Изд-во иностранной литературы. 1956. С. 463, 464.
- ⁵⁴ ЦАМО РФ. Ф. 240. Оп. 2779. Д. 1175. Л. 50; Ф. 243. Оп. 290. Д. 857. Л. 86, 87.
- ⁵⁵ Антосяк А. В. Яско-Кишиневская операция и победа восстания 23 августа 1944 года в Румынии. // История СССР. 1986. № 4. С. 51.
- ⁵⁶ Яско-Кишиневские Канны. М.: 1964. С. 174.
- ⁵⁷ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6—9.
- ⁵⁸ Яско-Кишиневские Канны. М.: 1964. С. 183.
- ⁵⁹ История Второй мировой войны, 1939–1945. Т. 9. С. 108, 109.

Архивные документы

Приложение 1

Директива ставки ВГК № 220170 командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов на подготовку Яско-Кишиневской наступательной операции

2 августа 1944 г. 24 ч. 00 мин.

Подготовить и провести операцию с целью силами 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромить группировку противника в районе Яссы, Кишинев, Бендеры и овладеть рубежом Бакэу, Леово, Тарутино, Молдавка, имея в виду в дальнейшем наступать на Фокшаны, Галац и Измаил.

Для выполнения указанной задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 2-му Украинскому фронту прорвать оборону противника, нанося удар силами 27, 52, 53-й армий, 6-й танковой армии в общем направлении Яссы, Васлуй, Фэлчиу. На первом этапе операции овладеть Бакэу, Васлуй, Хуши, захватить переправы через р. Прут на участке Хуши, Фэлчиу и совместно с войсками 3-го Украинского фронта разбить кишиневскую группировку противника, не допуская ее отхода на Бырлад, Фокшаны.

После разгрома кишиневской группировки противника развивать наступление в общем направлении на Фокшаны, обеспечивая правый фланг ударной группировки со стороны Карпат, к югу от Пьятры. 5 гв. кк использовать для форсирования р. Сирет и обеспечения правого крыла фронта с запада.

2. 3-му Украинскому фронту прорвать оборону противника южнее Бендер и нанести удар силами 57, 37 и правого фланга 46-й армий в направлении Опач, Селемет, Хуши, прочно обеспечивая ударную группировку фронта с юга.

На первом этапе операции во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом разбить кишиневскую группировку противника и овладеть рубежом Леово, Тарутино, Молдавка. В дальнейшем развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за реки Прут и Дунай.

3. Подвижные соединения (танковую армию, танковые и механизированные корпуса) использовать после прорыва обороны противника для быстрого захвата переправ на р. Прут в районе Хуши, Фэлчиу.

4. Командующему 2-м Украинским фронтом к 24.00 5.08.1944 г. передать командующему 3-м Украинским фронтом, а последнему принять участок, занимаемый 53-й армией с двумя СД и корпусным управлением этой армии, сменив к указанному времени остальные соединения 53-й армии. С этого же времени установить следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: Рыбница, Игнацей, Чеколтень, Бравичени, Быковец, Котумори и далее по р. Прут (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).
Командующему 2-м Украинским фронтом освободившиеся войска 53-й армии использовать для наращивания силы удара на направлении прорыва.
5. Готовность к наступлению — согласно личным указаниям.
6. Ответственность за обеспечение стыка между фронтами возложить на командующего 2-м Украинским фронтом.
7. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 435–437.

Приложение 2

Директива ставки ВГК № 220181 командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов, представителю Ставки на окружение и разгром кишиневской группировки противника

21 августа 1944 г. 17 ч. 40 мин.

1. Ставка Верховного Главнокомандования указывает, что сейчас главная задача войск 2-го и 3-го Украинских фронтов состоит в том, чтобы объединенными усилиями двух фронтов быстрее замкнуть кольцо окружения противника в районе Хуши, после чего сужать это кольцо с целью уничтожения или пленения кишиневской группировки противника. Ставка требует основные силы и средства обоих фронтов привлечь для выполнения этой главнейшей задачи, не отвлекая сил для решения других задач. Успешное решение задачи разгрома кишиневской группировки противника откроет нам дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии.
Перед вашими обоими фронтами действует около 44 дивизий противника, из которых шесть дивизий уже разбиты. Вы же имеете 87 дивизий, и, кроме того, у вас значительное превосходство над противником в артиллерии, танках и авиации. Таким образом, вы имеете все возможности для успешного решения указанной задачи и вы должны эту задачу решить.
2. Тов. Тимошенко Ставка обязывает следить за точным выполнением этой директивы.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 448.

Приложение 3

Директива ставки ВГК № 220182 представителю Ставки, командующим войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов об отношении к частям и соединениям румынской армии, сдавшимся в плен

24 августа 1944 г. 21 ч. 15 мин.

В связи с успешным наступлением войск 2-го и 3-го Украинских фронтов румынские войска кое-где начинают прекращать сопротивление и организованно сдаваться в плен, как, например, это имело место в районе Бакэу. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов продолжать выполнять задачи, поставленные директивами Ставки, невзирая ни на какие заявления румын о прекращении военных действий.
2. Румынам, прекратившим сопротивление, разъяснить, что Красная Армия не может прекратить военные действия до тех пор, пока не будут ликвидированы вооруженные силы немцев, которые продолжают оставаться в Румынии и ведут военные действия против войск Красной Армии.
3. Войсковые части и соединения румынской армии, сдающиеся в плен организованно в полном составе со своим командованием и вооружением, принимать на особых условиях:
 - а) соединениям и частям, берущим на себя обязательство драться против немцев совместно с войсками Красной Армии с целью освобождения Румынии от немецких захватчиков или драться против венгров с целью освобождения Трансильвании, сохранять имеющуюся у них организацию и вооружение до артиллерии. В эти соединения и части (от полка до дивизии) назначать представителей Красной Армии. Эти соединения использовать для выполнения боевых задач отдельными дивизиями между частями Красной Армии в соответствии с конкретной обстановкой и указаниями Ставки, которые последуют. Материальное обеспечение этих соединений должно быть осуществлено самими румынами из своих ресурсов;
 - б) соединения и части румынской армии, отказывающиеся драться против немцев или венгров, разоружать, сохраняя только офицерскому составу холодное оружие. Эти соединения и части направлять на сборные пункты военнопленных.
4. Сдающихся в плен одиночек и группы из состава румынской армии разоружать полностью и направлять на сборные пункты военнопленных.
5. Об исполнении доносить.

Ставка Верховного Главнокомандующего

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 449–451.

Приложение 4

Из доклада представителя Ставки ВГК маршала Советского Союза С.К. Тимошенко о ходе ликвидации окруженной группировки противника

25 августа 1944 г. 23.35

1. 25.8.44 г. войска 2-го и 3-го Украинских фронтов отражали контрудар окруженной группировки противника в направлении Леово и завершали ее ликвидацию. Только на 2-м Украинском фронте сегодня захвачено до 30 000 пленных, из них около 3500 немцев. Сдались в плен 6 генералов румын, среди которых командиры 1 и 14 ПД румын вместе со своими штабами. Румыны сдаются в плен

пачками. Немцы продолжают оказывать сопротивление. На 3-м Украинском фронте 25.8 захвачено до 20 000 пленных.

2. За 25.8.44 г. войска 2-го Украинского фронта вышли на рубеж: Ачапия (10 км юго-западнее Тыргу — Няму), Пятра, Бухус, Деносени, Хуцу, Портолом, Шулетя, Рэнчений, Погэнештий, Леушены, Лотушна, Мануплешты.
23 ТК овладел Аджуд — Ноу; 6 ТА — Текучи, Пуцени; 18 ТК — одной бригадой форсировал р. Прут в Леово и соединился с частями 3-го Украинского фронта, остальные бригады на западном берегу р. Прут севернее Леово.
3. Войска 3-го Украинского фронта вели напряженные бои с окруженной группировкой на рубеже Логанешты, Котовское, Молешть, Чигирлень, Градиштя, Гура-Галбена, Сарата-Галбена, Ивановка, Горжешты, Карпеняны, Балган и вышли к р. Прут на фронте Сарато-Розеш, Леово, Николаеака, Плещени, Епурени, Баймаклия, Кагул и ведут бой за Болград. Морские бригады заняли Измаил, Рени, Килия.
4. 26.8.44 г. войска обоих фронтов продолжают ликвидацию окруженной группировки и продолжают продвижение на фокшанский рубеж.

С. ТИМОШЕНКО

Военно-исторический журнал. 1989. № 10. С. 15.

Приложение 5

Директива Ставки ВГК № 220191 командующему войсками 2-го Украинского фронта, представителю Ставки на развитие наступления вглубь Румынии

29 августа 1944 г. 01 ч. 50 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Силами 27, 53, 6-й танковой армий и 18 ТК развивать наступление в общем направлении на Плоешти, Слатина, Турну-Северин. Ближайшая задача — овладеть нефтеносным районом Плоешти, пройти район Бухареста, очистив его от остатков немецких войск, и к 7–8 сентября выйти на рубеж Кымпулунг, Питешти, Александрия, Зимниче, Джурджу. В дальнейшем, продолжая наступление, выйти на р. Дунай на участке от Турну-Северина в своей левой разгранлинии.
2. Правым крылом фронта — 10, 7-й гв. армиями и конно-механизированной группой Горшкова — овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября выйти на рубеж Бистрица, Клуж, Сейуд, Сибиу. В дальнейшем, прикрывшись с запада, главными силами правого крыла фронта нанести удар в общем направлении на Сату-Маре с целью содействовать войскам 4-го Украинского фронта в переходе Карпат и выходе в район Ужгород, Мукачево.
3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).
4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 4-ю гв. и 52-ю армии в составе трех стр. корпусов (девять дивизий) каждая армия.
Указания о порядке вывода войск даются Генштабом.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6, 7.

Приложение 6

Директива Ставки ВГК № 220192 командующему войсками 3-го Украинского фронта, представителю Ставки о развитии наступления с целью выхода на румыно-болгарскую границу

29 августа 1944 г. 01 ч. 50 мин.

Основная задача войск 3-го Украинского фронта — продолжая наступление на всем фронте, занять северную Добруджу и выйти на новую румыно-болгарскую границу.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами форсировать р. Дунай на участке Галац, Измаил и, развивая наступление по правому берегу р. Дунай, к 2–3 сентября овладеть рубежом Констанца, Чернавода и к 5–6.09 выйти на новую румыно-болгарскую границу на участке Остров, Кранова, Гювенлия, Хаджилар.
2. Правым крылом фронта развивать наступление по левому берегу р. Дунай с задачей овладеть районом Кэлэраши и 4–5 сентября выйти на румыно-болгарскую границу по р. Дунай до своей правой разгранлинии.
3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).
4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 5-ю уд. армию в составе трех стр. корпусов (девять стр. дивизий). Указания о порядке вывода даются Генштабом.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 8, 9.

Освободительный поход советских войск в Болгарии

В. Б. Маковский*

Весной 1944 г. в обстановке быстрого продвижения Красной армии в направлении Балкан германское руководство в своих стратегических планах удержания позиций в этом регионе серьезное место отводило Болгарии. Гитлер в конце июля 1944 г. с крайней озабоченностью высказывался относительно роли Болгарии в германской стратегии. Он, в частности, заявлял: «Ведь без Болгарии мы практически совершенно не в состоянии обеспечить спокойствие на Балканах в такой мере, чтобы получать из Греции и других стран руду. Для этого Болгария нам необходима при всех условиях»¹. На командование «Юго-Восток» была возложена задача любыми средствами сохранить Болгарию в качестве союзницы Германии. Болгарские войска в Греции и Югославии были подчинены немецкому командованию. Генеральный штаб болгарской армии был лишен прав не только изменять их дислокацию, но и проводить замену частей без специального разрешения немцев². На командование «Юго-Восток» была возложена задача любыми средствами сохранить ее в качестве союзницы Германии. При этом учитывалось, что вермахт в этой стране не располагал значительными силами. Численность немецких войск здесь на 1 августа 1944 г. составляла 22 047 человек³. Поэтому немецкое командование направило усилия на поддержку правящего режима. В июле 1944 г. германской стороной было принято решение о продолжении военных поставок для болгарской армии на сумму около 132 млн рейхсмарок⁴.

Прогерманская политика болгарских правящих кругов вызвала ряд активных дипломатических действий СССР. В апреле — мае 1944 г. советское правительство неоднократно заявляло,

что предоставление болгарским руководством возможности использования территории страны для военных целей Германии несовместимо с нормальными отношениями между СССР и Болгарией и дальше терпимо быть не может.

13 мая 1944 г. было опубликовано заявление правительств СССР, Великобритании и США, касающееся сателлитов фашистской Германии, в том числе и Болгарии. В нем предлагалось немедленно прекратить войну на стороне Германии и делалось предупреждение о последствиях, которые повлечет за собой продолжение их сотрудничества с последней⁵.

Активные дипломатические действия СССР и, главное, продвижение Красной армии к границам страны вызвали смену правящего кабинета Болгарии. Прогерманское правительство Л. Божилова ушло в отставку, и был образован кабинет во главе с И. Багряновым, в состав которого вошли лица, открыто не скомпрометировавшие себя в глазах общественности участием в проведении прогерманской политики.

В этой политике болгарское руководство, рассчитывая опереться на Англию и США, предприняло шаги на установление контактов с этими государствами в целях начала переговоров о заключении перемирия и выхода Болгарии из войны. При подготовке условий перемирия с Болгарией у США и Великобритании имелись планы по участию в оккупации ее территории. Так, в английском проекте условий капитуляции, представленном в Европейскую консультативную комиссию в июне 1944 г., имелась статья об использовании и оккупации союзниками болгарской территории, а в американском проекте указывалось, что союзные правительства, подписавшие документ

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВАГШ ВС РФ.

о капитуляции, должны иметь право оккупировать любыми вооруженными силами ... любую или все части болгарской территории и пользоваться во всей стране законным правом оккупационной державы⁶. Такие переговоры велись летом 1944 г. сначала в Стамбуле, а затем в Каире⁷.

Однако после победоносного завершения войсками Красной армии Ясско-Кишиневской операции англо-американские союзники не пошли на заключение перемирия с Болгарией, потребовали от нее безоговорочной капитуляции и разрыва отношений с Германией. В этой обстановке в стране разразился острый политический кризис. Правительство Болгарии во главе с И. Багряновым, не порывая с нацистской Германией, в то же время маневрировало, стремилось путем провозглашения «нейтралитета» в войне избежать конфликта с СССР и тем самым предотвратить вступление в Болгарию Красной армии. Оно на словах заверяло советское правительство о своем «нейтралитете», на деле продолжало активно помогать Германии укрывать на своей территории немецкие войска, не препятствовало переброске их в Румынию, предоставляло немецкой авиации, действовавшей против советских войск, свои аэродромы. Безусловно, что такая «нейтральная» Болгария в первую очередь нужна была командованию вермахта. Это позволяло ему использовать эту страну в качестве буфера, который бы сделал не только невозможным дальнейшее наступление войск 3-го Украинского фронта, а также затруднил бы открытый переход Турции на сторону союзников. Более того, это дало бы возможность немецкой группе армий «Е» беспрепятственно отойти из Греции в Югославию и вместе с группами армий «Ф» и «Юг» сдерживать наступление советских войск на будапештско-венском направлении.

Советское правительство разоблало эту политику «полного нейтралитета» как фальшивку. 30 августа 1944 г. в опубликованном сообщении ТАСС дал опровержение тому, что СССР признал нейтралитет Болгарии, в нем говорилось, что Советский Союз считает «нейтралитет» Болгарии «совершенно недостаточным в условиях создавшейся обстановки»⁸. В тот же день Болгарии была передана нота, в которой указывалось, что, «по достоверным данным, Болгарское правительство продолжает пропускать немецкие войска на румынскую территорию, где стоят советские войска... — рассматривая это «как прямую помощь немцам в войне с Советским Союзом»⁹. Болгарскому правительству не удалось добиться от Германии вывода немецких войск из страны, которые после разгрома Румынии потоком хлынули через болгарскую территорию на фронт в Сербию. В то же время стало известно о подготовке немецким командованием государственного переворота

в Болгарии с целью создания там прогерманского правительства во главе с А. Цанковым. В создавшейся ситуации болгарский регентский совет 2 сентября 1944 г. подписал указ о формировании нового кабинета во главе с лидером правого крыла Земледельческого союза К. Муравиевым.

Но и это правительство в декларации от 4 сентября заявило, что Болгария будет проводить политику «полного нейтралитета» и только в случае осложнений с Германией она будет вынуждена порвать с ней дипломатические отношения. Правительство К. Муравиева продолжило переговоры с союзниками в Каире, надеясь на их поддержку своей политики нейтралитета. Представители же Англии и США заняли жесткую позицию, требуя от Болгарии безоговорочной капитуляции¹⁰.

Отношения с Германией болгарское правительство сохраняло на прежнем уровне. Лишь после того, как 5 сентября немцами был пленен штаб 1-го болгарского оккупационного корпуса в Югославии, правительство К. Муравиева собралось на заседание. В 16 часов оно приняло решение о разрыве дипломатических отношений с Германией, но объявление ей войны было отложено на трое суток. Поскольку позиция болгарского правительства по отношению к Германии осталась прежней, советское правительство в тот же день предпринимает радикальные меры и вечером объявляет Болгарии войну. «Советское правительство не считает дальше возможным сохранять отношения с Болгарией, рвет всякие отношения с Болгарией», — говорилось в ноте, переданной Болгарскому правительству по поводу объявления войны, — «и заявляет, что не только Болгария находится в состоянии войны с СССР, поскольку на деле она и ранее находилась в состоянии войны с СССР, но и Советский Союз отныне будет находиться в состоянии войны с Болгарией»¹¹. Болгарская сторона уже в 0 часов 40 минут с 5 на 6 сентября через советское посольство в Софии попросила перемирия. Однако в Москве это предложение было отклонено со ссылкой на двойственную позицию правительства Муравиева и на неосуществленный ее разрыв с Германией: «Советское правительство не может расценивать политику так называемого «нейтралитета» иначе, как фактическое ведение войны в лагере Германии против Советского Союза»¹². Поэтому уже в 1 час 30 минут 6 сентября болгарский военный министр потребовал от германской военной миссии, чтобы основная масса войск оставила до утра Софию, последние части должны были покинуть территорию Болгарии к 7 часам утра 7 сентября. Немецкое командование срок эвакуации лишь приняло к сведению, не дав на это своего согласия, но к середине дня, указанного болгарской стороной, последние немецкие автомашины с войсками

и военным имуществом пересекли болгаро-югославскую границу в направлении Ниш.

Принимая во внимание благоприятную в целом обстановку в Болгарии, советское командование при планировании операции учитывало не только положение этой страны как сателлита Германии, но и возможность сопротивления некоторых ее частей, которая к началу сентября имела в своем составе 22 дивизии и 5 бригад общей численностью более 510 тыс. человек¹³. Часть этих сил противостояла войскам 3-го Украинского фронта. В черноморских портах Варна, Бургас и в дунайском порту Русе (Рушук) базировались 80 боевых кораблей и вспомогательных судов немецкого и болгарского флотов. Девять болгарских дивизий и две кавалерийские бригады были расположены в Югославии и Греции. Когда начался отвод этих соединений и частей в Болгарию, немецкие войска некоторые из них разоружили. Управление ими было утрачено. Остальные дивизии и бригады находились в районах южнее Видина, Софии и Пловдива¹⁴.

В столице Болгарии и крупных городах (Варна, Бургас, Стара-Загора, Пловдив) дислоцировались немецкие части СС, части морской пехоты и береговой артиллерии, различные команды, многочисленные военные миссии с персоналом обслуживания и охраны. Они контролировали болгарские аэродромы, морские порты и важные железнодорожные узлы. Там же находились всевозможные штабы и базы, строились бараки, предназначенные для размещения новых контингентов немецких войск в случае их ввода на территорию Болгарии. Общая численность немецких войск в Болгарии с учетом частей, отошедших из Румынии в конце августа 1944 г., достигала 30 тыс. человек¹⁵.

Стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта позволяла войскам 3-го Украинского фронта в короткие сроки подготовить и провести наступательную операцию с целью освобождения Болгарии. С разгромом группы армий «Южная Украина» Румыния была выведена из войны на стороне Германии и объявила ей войну. Группы армий «Е» и «Ф», действовавшие в Югославии, Албании и Греции, оказались изолированными от карпатско-трансильванской группировки вермахта, оборонявшейся в северо-западной части Румынии и в Венгрии. Советский военно-морской флот господствовал на Черном море вплоть до побережья Болгарии. В воздухе было полное превосходство советской авиации над авиацией противника. В Балканских странах, особенно в Югославии, активно действовали народно-освободительные армии.

Подготовку операции штабы фронта и армий начали заблаговременно. Поэтому уже 5 сентября, в день объявления СССР войны Болгарии, Ставка ВГК утвердила план фронтовой операции,

разработанный Военным советом 3-го Украинского фронта при участии представителя Ставки Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Замысел операции командующего войсками фронтом генерала армии Ф. И. Толбухина заключался в том, чтобы, имея все три армии в одном эшелоне, нанести главный удар в общем направлении Добромир-ди-Дял, Кочмар, Шумен, разгромить противостоящие силы противника и, преследуя его, выйти к исходу 12 сентября на рубеж Джурджу, Карнобат, Бургас, овладеть портами Варна и Бургас, захватить флот противника и освободить приморскую часть Болгарии. Причем, овладев этим рубежом, войскам предписывалось остановиться. Дальнейшие действия ставились в зависимость от хода вооруженного восстания в Болгарии. Конечной целью фронта в операции было овладение районом Софии и вывод Болгарии из войны на стороне Германии. Планируя операцию, советское командование полагало, что эти цели должны быть достигнуты согласованными действиями войск Красной армии и сил народного восстания Болгарии. Советские войска должны были овладеть приморской частью Болгарии, а на болгарских повстанцев возлагалась задача по освобождению центральной и западной части страны.

В соответствии с замыслом командования фронтом для проведения фронтовой операции привлекались 46, 57-я и 37-я армии, 17-я воздушная армия, 2-й гвардейский и 7-й механизированный корпуса, переданная в оперативное подчинение фронта Дунайская военная флотилия, а также Черноморский флот. Войска получили конкретные задачи: 46-я армия генерал-лейтенанта И. Т. Шлемина должна была наступать в направлении Разград, 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена и 7-й механизированный корпус генерал-майора Ф. Г. Каткова — в направлении Шумен, Карнобат, а 37-я армия генерал-лейтенанта М. Н. Шарохина и 4-й гвардейский механизированный корпус генерал-майора В. И. Жданова — в направлении Добрич, Варна, Бургас.

Ударная группировка фронта сосредоточивалась на правом фланге и в центре войск, находившихся между Дунаем и Черным морем. Удар фронта представлял собой совокупность трех армейских одновременных ударов, разобщенных один от другого и наносимых в относительно широкой полосе. 17-я воздушная армия генерал-полковника В. А. Судец должна была обеспечить поддержку сухопутных войск. Задача Черноморского флота состояла в том, чтобы блокировать порты Варна и Бургас с моря, не допуская выхода из них вражеских кораблей¹⁶. Дунайская военная флотилия должна была захватить на Дунае в районе порта Русе все плавсредства и совместно с 46-й армией овладеть этим портом¹⁷.

К началу операции в составе фронта насчитывалось 28 стрелковых дивизий, два механизированных корпуса — общей численностью 258 тыс. человек. На их вооружении находилось 5583 орудия и миномета, 508 танков и самоходно-артиллерийских установок, а также 1026 боевых самолетов¹⁸.

Своеобразие обстановки в Болгарии — отсутствие сплошной линии фронта, низкая оперативная плотность противостоящих войск противника и отсутствие реальной возможности серьезного сопротивления с их стороны — решительным образом повлияло на определение задач фронта. Хотя главный стратегический объект на территории Болгарии — район Софии — был расположен на глубине 400–470 км, ближайшая задача фронта была рассчитана лишь на глубину 110–180 км. Дальнейшая задача войск вообще не определялась. Для армий устанавливалась только задача по выходу на глубину ближайшей задачи фронта (110–180 км), дальнейшее продвижение соединения и части могли начать лишь после получения особых указаний. Так как у противника отсутствовала сколько-нибудь серьезно организованная оборона, и не было сплошного фронта, действия советских войск должны были начаться не с обычной артиллерийской и авиационной подготовки и прорыва, а с выдвигания передовых подвижных отрядов (по одному на каждый корпус первого эшелона) по маршруту главных сил армий. Начало их действий устанавливалось на 11 часов 8 сентября. Через час после выступления передовых отрядов должны были выдвинуться авангардные полки дивизий первого эшелона корпусов. Главным силам всех трех армий, готовность которых устанавливалась на 20 часов 8 сентября, предписывалось начать действия с утра 9 сентября. В этот же день в 3 часа должны были перейти в наступление оба механизированных корпуса.

Перед вступлением в Болгарию в войсках 3-го Украинского фронта, на кораблях Черноморского флота и Дунайской военной флотилии была развернута активная работа в соответствии с директивой Главного политического управления Красной армии от 19 июля 1944 г. Во время подготовки операции особое внимание уделялось разъяснению отношений между Советским Союзом и Болгарией. В армейской печати, лекциях, беседах рассказывалось о вековых традициях дружбы между русским и болгарским народами. Политуправление фронта разработало и издало отдельной брошюрой краткую справку о Болгарии, где приводились общие данные о стране, давалась характеристика экономики, государственного строя и вооруженных сил Болгарии¹⁹. Во всех армейских газетах были опубликованы нота советского правительства правительству Болгарии от 5 сентября, памятка военного совета фронта советскому вои-

ну, обращение командующего фронтом от 7 сентября 1944 г. «К болгарскому народу». В обращении говорилось: «Красная Армия не имеет намерения воевать с болгарским народом и его армией, так как она считает болгарский народ братским народом. У Красной Армии одна задача — разбить немцев и ускорить срок наступления всеобщего мира»²⁰. В обращении не было никаких угроз народу Болгарии, претензий на ее территорию и богатства. Речь шла только о том, чтобы болгарские власти прекратили помощь гитлеровцам.

Накануне операции в полосе 3-го Украинского фронта стороны не вели никаких боевых действий. Поэтому войска фронта без всяких трудностей осуществили необходимые перегруппировки и уже вечером 7 сентября заняли исходное положение. Передовые подвижные отряды находились в готовности к боевым действиям в установленном для них время.

8 сентября в 11 часов утра войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу передовыми отрядами, а спустя полтора часа — и главными силами. В 12 часов того же дня болгарское правительство приняло решение об объявлении войны Германии и одновременно оно отдало болгарским войскам приказ, чтобы они не оказывали сопротивления Красной армии. Первыми на болгарскую землю вступили части 34-й гвардейской стрелковой дивизии под командованием полковника И. А. Максимовича, 73-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора С. А. Козака, 353-й стрелковой дивизии полковника П. И. Кузнецова и 244-й стрелковой дивизии полковника Г. И. Колядина²¹. Не прошло и получаса, как в штаб фронта начали поступать сообщения о восторженной встрече советских войск болгарским народом и армией. По данным политотдела 37-й армии, в полосе ее продвижения только в первый день, 8 сентября, состоялось 27 массовых митингов населения, посвященных встрече Красной армии. На них присутствовало более 80 тыс. человек²². «Наблюдая эти волнующие сцены, — писал впоследствии маршал С. С. Бирюзов, — я испытывал такое чувство, будто война уже закончилась и мы возвратились к себе на Родину: такими искренними были знаки любви к нам болгарского народа»²³.

Первые донесения командиров полков и дивизий не оставляли сомнения в том, что болгарская армия не окажет сопротивления советским войскам. Она присоединилась к своему народу. Солдаты болгарской армии с радостью встретили советских воинов. Учитывая это, Ставка ВГК разрешила командующему фронтом болгарские войска не разоружать, выразив этим актом полное доверие к народу и армии Болгарии. «Этим простым актом со стороны Верховного Главнокомандования, — впоследствии в своих воспоминаниях

напишет маршал Г.К. Жуков, — было выражено полное доверие болгарскому народу и болгарской армии, которые по-братски встретили Красную Армию, видя в ней свою освободительницу от немецких оккупантов и царского профашистского режима»²⁴. К исходу первого дня операции подвижные войска фронта продвинулись до 70 км и вышли на рубеж Русе, Варна. На рассвете 8 сентября в порту Варна высадились главные силы морского десанта, а в 13 часов в порту Бургас — отряд численностью около 400 человек. Перед этим в Бургас был выброшен воздушный десант.

Вечером 8 сентября Ставка Верховного Главнокомандования уточнила задачу войскам фронта, приказав на другой день продвигаться в направлении Бургас и Айтос, овладеть ими и выйти на линию Русе, Разград, Тырговиште, Карнобат²⁵. Уже вечером следующего дня войска фронта, выполняя эту задачу, вышли на этот рубеж, который совпал с ближайшей задачей фронта. С выходом войск на этот рубеж, как это было предусмотрено планом операции, дальнейшее их продвижение было приостановлено до особого распоряжения. Причем попытки отдельных командующих и командиров нарушить этот приказ строго пресекались «Вам был указан рубеж, далее которого войска не имеют права занимать», — указывал командующему 46-й армии генералу И. Т. Шлемину командующий фронтом, — «подвижный отряд 31-го стрелкового корпуса возвратит на указанный рубеж... штабам строго следить за выполнением директивы фронта»²⁶. Черноморскому флоту ставилась задача оказать содействие войскам фронта в освобождении порта Бургас. Выполняя эту задачу подвижные соединения 9 сентября продвинулись в глубь болгарской территории до 120 км.

Вступление Красной армии в Болгарию создало благоприятную обстановку для активизации действий левых сил во главе с Болгарской коммунистической партией, объединившихся вокруг Отечественного фронта для осуществления социальной революции. Подпольный Центральный комитет Болгарской рабочей партии 26 августа принял исторический циркуляр № 4, в котором указывалось: «Для Болгарии пробил двенадцатый час! Судьба Болгарии ныне зависит исключительно от народа и от патриотического войска... Перед партией, перед Отечественным фронтом, перед всем болгарским народом и армией повелительно встает задача, поднятая всеми силами на самую смелую и решительную вооруженную борьбу»²⁷.

На основе этого решения Центрального комитета нижестоящие партийные органы партии разработали свои планы. Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии направил партизанским частям приказ, в котором давались конкретные указания о подготовке к предстояще-

му восстанию. Как часть подготовки к восстанию Софийский городской комитет Болгарской рабочей партии 4 сентября 1944 г. провел первую массовую политическую демонстрацию трудящихся. Несмотря на многочисленные аресты, демонстрация имела большой политический эффект. Она еще раз разоблачила антинародный характер правительства, поднимала боевой дух масс²⁸.

Оценивая коренное изменение в обстановке, Политбюро Центрального комитета Болгарской рабочей партии совместно с представителями Главного штаба Национальноосвободительной повстанческой армии 5 сентября уточнили и конкретизировали план проведения восстания. Он предусматривал организацию с утра 6 сентября стачек и демонстраций в Софии, Пловдиве, Плевене и других крупных городах и нанесение главного удара в столице Болгарии в ночь на 9 сентября. Для руководства силами, готовившимися к восстанию в Софии, было образовано оперативное бюро в составе С. Тодорова, В. Бонева, И. Бонева во главе с Т. Живковым²⁹.

В стране нарастала мощная революционная волна. Рано утром 6 сентября в Софии начали забастовку рабочие трамвайного депо, их выступление послужило сигналом для рабочих других предприятий и жителей города. В этот же день в Софии и других крупных городах Болгарии началось сосредоточение партизанских отрядов и местных боевых групп. К этому времени Народно-освободительная повстанческая армия представляла уже серьезную военную силу. Накануне восстания она имела в своем составе дивизию, 9 бригад, 37 отрядов, несколько батальонов и сотни боевых групп³⁰. Они наносили удары по различным объектам немецких войск, блокировали въезды в населенные пункты, совершали нападения на охрану туннелей, мостов, осуществляли диверсии на железнодорожных путях.

Важным мероприятием непосредственной подготовки восстания явилось вступление в Софию 6 сентября Шопского партизанского отряда и формирование западнее Трына 1-й Софийской народно-освободительной дивизии. Вооружение для нее было доставлено советскими самолетами. Дивизия под командованием С. Трынского получила задачу продвигаться к Софии.

Мощная волна стачек и забастовок продолжалась 7 и 8 сентября. В различных районах Болгарии рабочие, представители других слоев населения начали штурм тюрем. Были освобождены заключенные в Плевене, Силистре, Варне, Сливепе, Бургасе и других городах. Забастовали шахтеры Перника и табачники Пловдива. Вспыхнуло восстание матросов и солдат гарнизона Дедеагач. Их поддержали портовики и железнодорожники. К 8 сентября власть Отечественного фронта была установлена

в 164 населенных пунктах, в том числе в городах Балчик, Брезник, Дедеагач, Калофер, Клисурса, Копривштица, Мелник, Петрич, Червен-Бряг³¹.

Восстание разгоралось по всей стране. В 2 часа после полуночи 9 сентября под руководством Д. Велчева (лидера группы «Звено») и при поддержке военного министра Маринова в Софии был осуществлен переход власти к Отечественному фронту. К утру 9 сентября в болгарской столице сторонники Отечественного фронта — партизаны, солдаты, кадеты офицерской школы — овладели важнейшими пунктами города. Регенты и бывшие члены правительства были арестованы. Германский посланник Бекерле и другие сотрудники германского посольства 18 сентября были арестованы советскими органами на пограничной станции Свиленград при попытке бежать в Турцию. Коммунисты заняли ведущее место в подготовке и осуществлении сентябрьского восстания 1944 г. и в создании нового правительства. Кабинет министров возглавил К. Георгиев. В результате победы антифашистского восстания 9 сентября 1944 г. к власти в Болгарии пришло правительство Отечественного фронта. 9 сентября Совет Министров утвердил состав делегации, которая должна была «рассмотреть условия перемирия и восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом, начать сотрудничество между советскими и болгарскими войсками в изгнании неприятеля с Балкан»³². При этом в отличие от некоторых других стран, где еще продолжались боевые действия, правительство Отечественного фронта установило контроль сразу над всей территорией Болгарии.

В связи с этими важнейшими событиями Ставка Верховного Главнокомандования 9 сентября в 19 часов направила войскам фронта новую директиву. В ней говорилось: «Ввиду того что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит Советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования согласно указаниям Государственного Комитета Обороны приказывает к 21 часу 9 сентября закончить операцию по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22 часов 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками»³³. 9 сентября Верховный Главнокомандующий подписал приказ, в котором указывалось: «Операции наших войск в Болгарии были начаты потому, что болгарское правительство не хотело разорвать свои отношения с Германией и давало приют немецким вооруженным силам на территории Болгарии. В результате успешных действий советских войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала отношения с Германией и объявила ей войну»³⁴.

Выход Болгарии из фашистского блока и объявление ею войны Германии вызвали антиболгарские акции немецкого командования. По его приказу началось сосредоточение войск противника на югославско-болгарской границе. Северо-западные районы Болгарии, и особенно район Софии, оказались не защищенными от возможных ударов наземных войск и вражеской авиации. Не исключалась также возможность вторжения в Болгарию под каким-либо предлогом турецких войск из Восточной Фракии. Советские же войска остановились в 300 км от Софии и в 360–400 км от болгаро-югославской границы. В этой обстановке правительство Отечественного фронта было серьезно обеспокоено нависшей над страной внешней опасностью. Вечером 9 сентября оно обратилось с просьбой к советскому командованию принять в штабе 3-го Украинского фронта полномочную делегацию правительства Отечественного фронта. В этот же день Совет министров Болгарии утвердил состав делегации, которая должна была «рассмотреть условия перемирия и восстановления дипломатических отношений с Советским Союзом, начать сотрудничество между советскими и болгарскими войсками в изгнании неприятеля с Балкан»³⁵.

Несомненно, что в факте объявления СССР войны Болгарии и последующем вступлении советских войск на территорию Болгарии заключались и политические мотивы, прежде всего геополитические интересы Советского Союза. Чтобы исключить возможность какого-либо вмешательства войск западных союзников, находившихся в Греции, а также действий Турции, советское командование решило, чтобы войска Красной армии прочно заняли приморскую часть Болгарии. Например, по воспоминаниям С. М. Штеменко, работавшего в тот период в оперативном управлении Генерального штаба, при разработке планов операций на Балканах, кроме элементов обстановки «приходилось учитывать и еще одно обстоятельство: вероятность так называемого «балканского варианта» действий союзников... В случае, если «балканский вариант» был бы осуществлен, главную роль на полуострове играли бы англо-американские вооруженные силы»³⁶. Используя нерешительность действий правительства Муравьева в разрыве отношений с Германией, советская сторона не упустила возможности своим военным присутствием оказать поддержку приходу к власти в Болгарии дружественных по отношению к СССР политических сил.

Очень важен был и вопрос об участии СССР в выработке условий перемирия, а в дальнейшем — и мирного договора с Болгарией. Тот факт, что СССР до 5 сентября 1944 г. не находился в состоянии войны с Болгарией, означал, что Англия и США до этого времени юридически и факти-

чески играли главную роль в выработке условий перемирия с ней, и могли использовать такую ситуацию в дальнейшем для закрепления своих позиций в этой стране. После 5 сентября советская сторона получила правомерные основания на ввод советских войск на болгарскую территорию, а также на участие в выработке мирных условий совместно с западными союзниками³⁷.

10 сентября командующий войсками фронта генерал Ф. И. Толбухин принял делегацию Отечественного фронта, возглавляемую членом Политбюро Центрального комитета Болгарской рабочей партии (коммунистов) Д. Ганевым. Она проинформировала командование фронта о вооруженном восстании, политической платформе правительства Отечественного фронта, его желании как можно быстрее заключить перемирие со странами антигитлеровской коалиции, готовности болгарской армии вести боевые действия против Германии и обратилась с просьбой о помощи³⁸. Делегация заявила: «Сейчас нам крайне необходимо координировать наши действия с вами, так как задачи обеих армий стали тождественны. Очень желательно, чтобы вы послали к нам своего представителя для координации действий. Сейчас немцы концентрируют свои войска северо-западнее Софии... Несомненно, они готовят наступление на Софию. В связи с этим нам крайне необходима ваша помощь, и особенно авиацией»³⁹.

Просьба правительства Отечественного фронта советской стороной была удовлетворена. Уже 13 сентября Ставка Верховного Главнокомандования дала указание направить в Софию начальника штаба 3-го Украинского фронта генерал-полковника С. С. Бирюзова для руководства действиями советских войск и организации взаимодействия с болгарской армией через генеральный штаб Болгарии. Одновременно Ставка приказала выдвинуть в район Софии 34-й стрелковый и 4-й гвардейский механизированный корпуса, 5-ю гвардейскую мотострелковую, 2-ю истребительно-противотанковую и 96-ю танковую бригады и некоторые другие части. Вечером 15 сентября советские войска вошли в Софию. Первыми в город вошли 5-я гвардейская мотострелковая бригада полковника Н. И. Завьялова и 53-й мотоциклетный полк. В то же время на аэродромы города перебазировались две авиационные дивизии 17-й воздушной армии⁴⁰. Они вели разведку и наносили удары по коммуникациям врага в Югославии. Из этих соединений и частей была образована Софийская группа войск, которой предстояло воспрепятствовать вторжению в Болгарию немецких войск из Греции и Югославии, поддержать

действия болгарских частей и прикрыть Софию с воздуха.

К середине сентября основные силы советских войск, вступивших в Болгарию, находились в восточной части страны. Вместе с ними действовали и болгарские войска, которые по решению правительства Отечественного фронта в тот период уже были оперативно подчинены командованию 3-го Украинского фронта⁴¹.

Между тем немецкое командование от угроз в адрес Болгарии перешло к активным действиям. 12 сентября войска противника захватили город Кула, в 35 км юго-западнее Видина. Ставка ВГК оперативно отреагировала на эти действия врага. Уже 20 сентября она приняла решение о переброске войск 3-го Украинского фронта в западные и южные районы страны, а также часть сил фронта она передала 2-му Украинскому фронту⁴². Соединения и части 57-й армии генерала Н. А. Гангена, совершив 500-километровый марш, к концу сентября вышли на болгаро-югославскую границу. 37-я армия генерала М. Н. Шарохина и 4-й гвардейский механизированный корпус генерала В. И. Жданова к тому времени были сосредоточены в районах Казанлык, Нова-Загора, Ямбол. Это надежно обеспечивало левое крыло советских войск и безопасность южных районов Болгарии, она надежно прикрыли болгаро-турецкую границу.

С выходом войск 3-го Украинского фронта на болгаро-югославскую границу завершился освободительный поход Красной армии в Болгарию. Характерной его особенностью было то, что он осуществлялся в благоприятных политических условиях в Болгарии и не был сопряжен с ведением боевых действий. Освобождение Болгарии было достигнуто в результате успешных совместных действий войск 3-го Украинского фронта, Черноморского флота, Дунайской военной флотилии, а также при активном участии болгарских сил сопротивления в восстании. Хотя, как заявлял в свое время видный деятель болгарских коммунистов В. Коларов, «с обеих сторон не было сделано ни одного выстрела, не было ни одного убитого или раненного»⁴³, тем не менее потери советских войск в ходе освободительного похода по болгарской земле составили 12 750 человек, причем 977 убитыми⁴⁴. С освобождением Болгарии и выходом Красной армии на границу с Югославией, появилась реальная возможность создания не только единого фронта боевых действий советских, болгарских и югославских войск, но и были созданы благоприятные условия для проведения последующих операций по разгрому немецких войск на территории Югославии, Греции и Албании.

¹ Hitlers Lagebesprechungen. Die Protokollfragmente seiner militärischen Konferenzen 1942–1945. Stuttgart. 1962. S. 589.

² Российский Государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 94. Л. 14–15.

- ³ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. М.: 1989. С. 47.
- ⁴ Horpe H.J. Bulgarien — Hitlers eigenwilliger Verbundeter. Stuttgart. 1978. S. 163.
- ⁵ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны: Документы и материалы. Т. 2. М.: 1946. С. 132, 133.
- ⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 37. Д. 404. Л. 1–3; Ф. 0425. Оп. 1. П. 8. Д. 44. Л. 4.
- ⁷ Позолотин М. Борьба болгарского народа за свободу и независимость в период Второй мировой войны. Госполитиздат. М.: 1954. С. 103.
- ⁸ Известия. 1944. 30 августа.
- ⁹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 198, 199.
- ¹⁰ Цит. по «Правда». 6 сентября 1944 г.
- ¹¹ Внешняя политика Советского Союза в период Великой Отечественной войны. Т. 2. С. 182.
- ¹² Там же. С. 183.
- ¹³ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. С. 137.
- ¹⁴ Минасян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. М.: 1967. С. 220, 221.
- ¹⁵ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 9. М.: 1978. С. 123.
- ¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2912. Д. 123. Л. 221.
- ¹⁷ Там же. Оп. 2900. Д. 229. Л. 191–193.
- ¹⁸ Там же. Оп. 2917. Д. 104. Л. 295; Ф. 370. Оп. 6518. Д. 304. Л. 14, 19.
- ¹⁹ Там же. Оп. 2914. Д. 237. Л. 86–94.
- ²⁰ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14–3 (2). С. 100.
- ²¹ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 9. С. 125.
- ²² Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил на Балканах. С. 143.
- ²³ Бирюзов С. С. Советский солдат на Балканах. М.: 1963. С. 192.
- ²⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. Т. 2. М.: 1974. С. 277.
- ²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 37.
- ²⁶ Миносян М. М. Освобождение народов Юго-Восточной Европы. С. 225.
- ²⁷ Вековая дружба, боевое братство. М.: 1980. С. 181.
- ²⁸ История на антифашистката борба в България 1939—1944. Т. 2. София.: 1976. С. 22.
- ²⁹ История на Българската комунистическа партия. Сфия.: 1979 С. 433.
- ³⁰ Там же С. 454.
- ³¹ Георгиев Г. НОВА. Бойната дейност на народно-освободителната въстаническа армия. 1943–1944. София.: 1974. С. 267.
- ³² Външна политика на Народна Република България: Сборник от документи и материали в два тома 1944–1962. София. 1970. Т. 1. С. 8–9.
- ³³ ЦАМО РФ. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 38.
- ³⁴ «Правда» от 10 сентября 1944 г.
- ³⁵ Ганеев Д. Положение в Болгарии. «Правда» от 9 октября 1944 г.
- ³⁶ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. В 2-х книгах. Кн. 2. М.: 1973. С. 117.
- ³⁷ 28 октября 1944 г. в Москве между правительствами СССР, Великобритании, США и болгарским правительством было подписано соглашение о перемирии, содержавшее ряд обязательств Болгарии по ее участию в войне против гитлеровской Германии, в том числе и по ряду других вопросов. Для контроля за выполнением соглашения о перемирии была учреждена Союзная контрольная комиссия под общим руководством советского главнокомандования. Ее работа проходила без участия американских и английских представителей.
- ³⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945. Документы и материалы. Т. 14–3 (2). С. 104–106.
- ³⁹ ЦАМО РФ. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 308. Л. 70.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 43, 44.
- ⁴¹ К октябрю 1944 г. после проведения массовой мобилизации, численность вооруженных сил Болгарии была увеличена с 250 до 448 тыс. человек. Было сформировано четыре армии, три из которых, насчитывая в своем составе около 350 тыс. солдат и офицеров, стали действовать совместно с советскими войсками на советско-германском фронте.
- ⁴² ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 41.
- ⁴³ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 9. С. 128.
- ⁴⁴ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: 1993. С. 325.

Архивные документы

Приложение 1

Директива Ставки ВГК № 220192 командующему войсками 3-го Украинского фронта, представителю Ставки о развитии наступления с целью выхода на румыно-болгарскую границу

29 августа 1944 г. 01 ч 50 мин

Основная задача войск 3-го Украинского фронта — продолжая наступление на всем фронте, занять Северную Добруджу и выйти на новую румыно-болгарскую границу.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами форсировать р. Дунай на участке Галац, Измаил и, развивая наступление по правому берегу р. Дунай, к 2–3 сентября овладеть рубежом Констанца, Чернавода и к 5–6.09 выйти на новую румыно-болгарскую границу на участке Остров, Кранова, Гювенлия, Хаджилар.
2. Правым крылом фронта развивать наступление по левому берегу р. Дунай с задачей овладеть районом Кэлэраши и 4–5 сентября выйти на румыно-болгарскую границу по р. Дунай до своей правой разгранлинии.
3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).
4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 5-ю уд. армию в составе трех стр. корпусов (девять стр. дивизий). Указания о порядке вывода даются Генштабом.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 8, 9.

Приложение 2

Директива Ставки ВГК № 220209 представителю Ставки, народному комиссару Военно-морского флота, командующим войсками 3-го Украинского фронта и Черноморским флотом о приостановлении военных действий после овладения городами Бургас и Айтос

8 сентября 1944 г. 21 ч 25 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подвижными войсками фронта занять 9 сентября с. г. Бургас и Айтос.
2. Черноморскому флоту оказать содействие войскам фронта в занятии порта Бургас.
3. После занятия Бургаса и выхода войск фронта на линию Руцук, Разград, Тырговище, Карнобат приостановить военные действия и дальше не двигаться.
4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 37.

Приложение 3

Директива Ставки ВГК № 220210 представителю Ставки, народному комиссару Военно-морского флота, командующим войсками 3-го Украинского фронта и Черноморским флотом о прекращении военных действий на территории Болгарии

9 сентября 1944 г. 19 ч 00 мин

Ввиду того, что болгарское правительство порвало отношения с немцами, объявило войну Германии и просит советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования, согласно указаниям Государственного Комитета Обороны, приказывает к 21.00 9 сентября закончить операции по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22.00 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками.

Исполнение донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 38.

Приложение 4

Директива Ставки ВГК № 220212 командующим войсками 3-го и 2-го Украинских фронтов, представителю Ставки о переподчинении 46-й армии, 7-й артиллерийской дивизии и 7-го механизированного корпуса

10 сентября 1944 г. 24 ч 00 мин

В связи с прекращением военных действий в Болгарии Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 46-ю армию в составе трех ск, по три стр. дивизии каждый, 7-ю арт. дивизию прорыва и 7-й мехкорпус передать из 3-го Украинского фронта в состав войск 2-го Украинского фронта, 46-ю армию передать со всеми армейскими средствами усиления, тыловыми частями и учреждениями. Все указанные войска передать с наличными запасами.
2. Передаваемые войска сосредоточить не позже 20 — 21.09.1944 г. в район Крайовы, используя для ускорения их переброски болгарскую жд сеть, имеющиеся на нижнем Дунае плавсредства, как румынские, так и болгарские, а также средства Дунайской военной флотилии. Переброску указанных войск возложить на командующего 3-м Украинским фронтом. Передачу 46 А, 7 ад и 7 мк 2-му Украинскому фронту произвести в районе Орехово, Крайова. О сдаче и приеме указанных войск донести.
3. Командующему 3-м Украинским фронтом 12.09 представить в Генштаб план переброски войск в район Орехово, Крайова, а переброску войск начать немедленно, не ожидая составления плана.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 41.

Приложение 5

Директива Ставки ВГК № 220214 командующему войсками 3-го Украинского фронта о мерах по усилению болгарских войск

13 сентября 1944 г. 20 ч 15 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Один стр. корпус из 57-й армии с танковой бригадой полного состава одной иптабр немедленно направить в район Софии для усиления болгарских войск. Для ускорения переброски войск использовать автотранспорт и болгарские железные дороги. Сосредоточение войск в районе Софии закончить не позже 20.09.
2. Не позже 14.09 перебазировать на аэродромы Софии 9 сак и 244 бад.
3. Потребовать от болгарского правительства подчинения Вам, как представителю военного командования советских войск, болгарских вооруженных сил в оперативном отношении. Для руководства действиями наших войск, включая и авиацию в районе Софии, и для руководства оперативным использованием болгарских войск через Генеральный штаб Болгарии направить в Софию генерал-полковника Бирюзова в качестве своего заместителя.
4. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 6, 7.

Приложение 6

**ДИРЕКТИВА СТАВКИ ВГК № 220192
КОМАНДУЮЩЕМУ ВОЙСКАМИ
3-го УКРАИНСКОГО ФРОНТА, ПРЕДСТАВИТЕЛЮ
СТАВКИ О РАЗВИТИИ НАСТУПЛЕНИЯ С ЦЕЛЬЮ
ВЫХОДА НА РУМЫНО-БОЛГАРСКУЮ ГРАНИЦУ**

29 августа 1944 г. 01 ч 50 мин

Основная задача войск 3-го Украинского фронта — продолжая наступление на всем фронте, занять северную Добруджу и выйти на новую румыно-болгарскую границу.

Для выполнения этой задачи Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Главными силами форсировать р. Дунай на участке Галац, Измаил и, развивая наступление по правому берегу р. Дунай, к 2–3 сентября овладеть рубежом Констанца, Чернавода и к 5–6.09 выйти на новую румыно-болгарскую границу на участке Остров, Кранова, Гювенлия, Хаджилар.
2. Правым крылом фронта развивать наступление по левому берегу р. Дунай с задачей овладеть районом Кэлэраши и 4–5 сентября выйти на румыно-болгарскую границу по р. Дунай до своей правой разгранлинии.
3. Установить с 6.00 29.08 следующую разграничительную линию между 2-м и 3-м Украинскими фронтами: до Тудор-Владимиреску — прежняя и далее ст. Фэурей, Хоря, Видра, Джурджу (все пункты для 3-го Украинского фронта включительно).
4. С получением настоящей директивы вывести в резерв Ставки 5-ю уд. армию в составе трех стр. корпусов (девять стр. дивизий). Указания о порядке вывода даются Генштабом.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 8, 9.

Сражение в Восточных Карпатах: начало освобождения Чехословакии

В. Б. Маковский*

В результате разгрома крупной группировки немецких войск в Яско-Кишиневской операции, освобождения Румынии и освободительного похода советских войск в Болгарию, а также благодаря победоносным восстаниям в этих странах военно-стратегическая и политическая обстановка на Балканах изменилась коренным образом.

В конце августа 1944 г. к границе Чехословакии подошли войска 1, 4-го и 2-го Украинских фронтов. После завершения летней кампании они нуждались в отдыхе и пополнении и, по замыслу Ставки Верховного Главнокомандования, должны были закрепиться на занятых рубежах и перейти к обороне.

С учетом сложившейся стратегической обстановки освобождение Чехословакии на первом этапе предполагалось осуществить силами 2-го Украинского фронта, который в обход Восточных Карпат должен был нанести удар с юга по карпатской группировке противника. Однако начавшееся Словацкое национальное восстание изменило первоначальный план.

Несмотря на оперативную нецелесообразность наступления через Восточные Карпаты, советское командование избрало этот вариант, поскольку он позволял в короткий срок выйти на территорию Словакии и соединиться с повстанцами для оказания им непосредственной помощи. Операция, получившая условное наименование „Восточно-Карпатская”, первоначально была задумана как единая акция. Однако по мере расширения фронта боевых действий до нескольких сот километров и ведения наступления по различным направлениям она распалась на две самостоятельные операции — Карпатско-Дуклинскую и Карпатско-Ужгородскую. Первая проводилась силами

38-й армии 1-го Украинского фронта и 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, вторая — войсками центра и левого фланга 4-го Украинского фронта.

В ходе операции советским войскам предстояло прорвать сильно укрепленную вражескую оборону, преодолеть труднопроходимые горные перевалы, форсировать многочисленные реки. Это требовало от них новых огромных усилий, незаурядного воинского мастерства, настойчивости и упорства в выполнении боевых задач.

Военно-политическое руководство Германии придавало особое значение удержанию захваченных территорий Чехословакии, Венгрии и Балканских стран, что объяснялось как экономическими, так и военно-стратегическими причинами.

После потери румынской нефти Германия особо остро нуждалась в получении горючего из Венгрии, а также другого стратегического сырья с Балкан. Чехословакия являлась поставщиком многих видов вооружения и боевой техники для вермахта. Потеря Балкан создавала угрозу отсечения группы армий «Е» в Греции и оголяла южный стратегический фланг германских войск. Это позволяло Красной армии наносить согласованные удары по вермахту с двух направлений — с восточного и южного.

К концу сентября 1944 г. немецкое командование сосредоточило в Словакии, Венгрии и Югославии крупные силы. На фронте от Дуклинского (Дукельского) перевала в Карпатах до болгаро-греческой границы протяженностью свыше 1500 км оборонялись часть сил группы армий «Северная Украина» (с 23 сентября — группа армий «А»), войска группы армий «Южная Украина» (с 23 сентября — группа армий «Юг»), групп армий «Ф» и «Е». Их поддерживал 4-й воздушный

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., доцент, в. н. с. НИИ (военной истории) Военной академии ГШВС РФ.

флот. Используя горный характер театра военных действий, противник создал сильные рубежи обороны¹.

В результате разгрома крупной группировки немецких войск в Ясско-Кишиневской операции, освобождения Румынии и освободительного похода советских войск в Болгарию, а также благодаря победоносным восстаниям в этих странах военно-стратегическая и политическая обстановка на Балканах изменилась коренным образом. В сентябре войска 2-го и 3-го Украинских фронтов находились у границ Югославии и Венгрии. Цель дальнейшего наступления советских войск состояла в том, чтобы разгромить правое крыло группы армий «А» и войска группы армий «Ф», отрезать пути отхода группе армий «Е», вывести из войны Венгрию — последнего союзника Германии в Европе, — оказать помощь народам Чехословакии и Югославии в освобождении от гитлеровских оккупантов и выйти непосредственно к границам рейха с юга. Решение этих задач возлагалось на войска 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов. В операциях участвовали также чехословацкие, румынские, болгарские войска, находившиеся в оперативном подчинении советского командования, и Народно-освободительная армия Югославии. Сухопутные войска поддерживались 2, 8, 5-й и 17-й воздушными армиями, им оказывала содействие Дунайская военная флотилия.

Советским войскам предстояло прорвать сильно укрепленную оборону немецких войск, преодолеть труднопроходимые горные перевалы, форсировать многочисленные реки. Это требовало от них новых огромных усилий, незаурядного воинского мастерства, настойчивости и упорства в выполнении боевых задач.

Восточно-Карпатская операция была спланирована и проведена советскими войсками в сентябре 1944 г. с целью оказания помощи словацким повстанцам. Непосредственно эту задачу предстояло выполнить войскам 1-го Украинского фронта (командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев, члены Военного совета генерал-лейтенанты К. В. Крайнюков и Н. Т. Кальченко, начальник штаба генерал армии В. Д. Соколовский), 2-го Украинского фронта (командующий войсками фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, член Военного совета генерал-полковник И. З. Сусайков, начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров) и 4-го Украинского фронта (командующий войсками фронта генерал-полковник И. Е. Петров, члены Военного совета генерал-полковник Л. З. Мехлис и генерал-майор С. М. Новиков, начальник штаба генерал-лейтенант Ф. К. Корженевич). В связи с успешным продвижением войск 2-го Украинского фронта в тыл карпатской группировки против-

ника возникла возможность начать освобождение Словакии без преодоления Восточных Карпат и удара по вражеским войскам с востока. Поэтому 26 августа Ставка Верховного Главнокомандования дала указание 4-му Украинскому фронту ранее намеченную операцию отложить и перейти к жесткой обороне. Но в директиве штаба фронта от 27 августа указывалось, что «переход к обороне следует понимать как подготовительный этап к последующему наступлению с решительными целями»². Однако обстановка вскоре снова резко изменилась. 28 августа Гитлер издал приказ о немедленной оккупации Словакии путем проведения в течение недели «молниеносной полицейской операции». Командовать карательной операцией был назначен генерал Г. Бергер. Уже на следующий день части немецкой дивизии «Татра» перешли моравско-словацкую границу и вторглись в район Жилины. Началась фашистская оккупация Словакии. Для словацких патриотов это было сигналом к восстанию. Уже 31 августа в Советское правительство поступило обращение посланника Чехословакии в СССР З. Фирлингера и начальника чехословацкой военной миссии в СССР генерала Г. Пика с просьбой оказания восставшим срочной военной помощи³.

В это же время руководство восстания направило к командующему 1-м Украинским фронтом маршалу И. С. Коневу группу словацких офицеров, возглавляемую заместителем командира восточно-словацкого корпуса полковником В. Тальским, с предложением по объединению усилий словацких и советских войск: «в случае наступления советских войск в западном направлении 1-я и 2-я словацкие дивизии, которые расположены на линии границы Нижняя Радопь — Тылич, могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной Армией»⁴.

С военной точки зрения советское командование отчетливо представляло себе, с какими трудностями столкнутся войска при наступлении в Карпатах. Однако искреннее желание как можно быстрее прийти на помощь чехословацким патриотам превалировало над оперативной целесообразностью в нанесении такого удара. Уже 2 сентября Ставка ВГК приказала командующему войсками 1-го Украинского фронта разработать и представить ей на рассмотрение план операции: «операцию провести на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов» — говорилось в распоряжении Ставки — «с тем, чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками»⁵.

После предварительного изучения условий обстановки и характера местности 3 сентября маршал И. С. Конев представил в Ставку план опе-

рации в полосе 1-го Украинского фронта⁶. В тот же день этот план был рассмотрен и утвержден: «План операции, представленный Вами... — общалось в ответе Ставки командующему 1-м Украинским фронтом. — Верховный главнокомандующий утвердил и приказал наступление начать не позднее 8 сентября с.г.»⁷. Одновременно маршал И. С. Конев обратился в Ставку с просьбой о привлечении к операции войск правого крыла 4-го Украинского фронта «в составе хотя бы четырех дивизий»⁸. Ставка учла это его предложение и приказала командующему 4-го Украинского фронта генералу И. Е. Петрову: «...8 сентября с.г. организовать наступление правым флангом из района Санок в направлении Команьча силами одного стрелкового корпуса с целью выйти на границу Словакии и соединиться со словацкими войсками и партизанами»⁹. Причем она приказывала генералу И. Е. Петрову, чтобы он все действия своих войск организовывал и проводил в тесном взаимодействии с 38-й армией 1-го Украинского фронта. Позднее маршал К. С. Москаленко писал по этому поводу: «И. С. Конев представляя свои соображения в Ставку Верховного Главнокомандования, предлагал переподчинить ему часть сил правого крыла 4-го Украинского фронта, которые должны были участвовать в Карпатско-Дуклинской операции» — и далее он продолжает, — «События, развернувшиеся тогда в Карпатах, показали, что это предложение было целесообразным. И если бы Ставка его приняла и переподчинила 1-му Украинскому фронту 1-ю гвардейскую армию 4-го Украинского фронта, операция, на наш взгляд, развивалась бы более успешно»¹⁰.

Кроме того, Ставка для оказания помощи 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат и овладении районом Ужгород, Чоп, Мукачево привлекала и часть сил 2-го Украинского фронта, которому было приказано развернуть наступление в северо-западном направлении через Трансильванские Альпы и южную часть Карпатского хребта. Это наступление призвано было сковать силы противника, действующие перед 4-м Украинским фронтом¹¹. Координацию действий фронтов, действующих на этом направлении, Ставка ВГК возложила на своего представителя Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко¹².

В целом замысел Ставки ВГК на проведение Восточно-Карпатской операции предусматривал нанесение главного удара смежными флангами 1-го и 4-го Украинских фронтов из районов Кросно и Санок в общем направлении на Прешов в целях прорыва обороны противника в Восточных Карпатах, преодоления перевалов и соединения со словацкими повстанцами и партизанами. При планировании боевых действий учитывалось, что наступлению фронтов должны были со-

действовать 1-я и 2-я дивизии восточно-словацкого корпуса и партизаны, которые нацеливались на захват важнейших горных перевалов и обеспечение прохода через них советских войск. В рамках этой операции предусматривалось также наступление войск центра и левого крыла 4-го Украинского фронта, которому должны были содействовать в преодолении Карпат и овладении городами Ужгород, Мукачево и Чоп войска 2-го Украинского фронта¹³.

Для проведения Восточно-Карпатской операции из обоих фронтов привлекались три общевойсковые, два отдельных стрелковых корпуса, танковый и кавалерийский корпуса. В их составе насчитывалось 34 стрелковые дивизии. Численность каждой из них колебалась в пределах от 4,5 до 5 тыс. человек на 1-м Украинском фронте и от 4,5 до 6 тыс. человек — на 4-м Украинском фронте. Действия наземных войск с воздуха обеспечивались авиацией двух воздушных армий. Всего в войсках к началу операции было 246 тыс. человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ и 1165 боевых самолетов¹⁴. В конце августа 4-му Украинскому фронту были переданы 3-й горнострелковый корпус (получивший опыт боевых действий на Кавказе и в Крыму), две танковые бригады, четыре горно-вьючных минометных, два самоходно-артиллерийских полка и две горные инженерно-саперные бригады. Кроме того, на это направление были передислоцированы четыре авиационных корпуса дальнего действия.

Советским войскам противостояли 1-я немецкая танковая и 1-я венгерская армии армейской группы «Хейнрици»¹⁵ в составе 19 дивизий, в каждой из которых было от 4 до 10 тыс. человек. В составе войск противника насчитывалось около 300 тыс. солдат и офицеров, 3250 орудий и минометов, 100 танков и штурмовых орудий и 450 боевых самолетов¹⁶.

Превосходство в силах к началу операции было на стороне советских войск по артиллерии в 1,5, по танкам и авиации соответственно — 3,2 и 2,5 раза, в тоже время противник имел небольшой численный перевес в живой силе¹⁷.

Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов в течение лета вели тяжелые бои, понесли потери и нуждались в отдыхе и пополнении. Но обстановка требовала немедленных действий. Поэтому командующий 1-м Украинским фронтом маршал И. С. Конев уже 4 сентября отдал оперативную директиву на проведение операции, в которой основную задачу должна была решать 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко, усиленная 25-м танковым, 1-м гвардейским кавалерийским, 1-м чехословацким армейским корпусами, артиллерийскими и инженерными частями соединения¹⁸.

Армии ставилась задача прорвать оборону противника на участке в районе Оджиконь и развивать наступление на Прешов. Главный удар армия наносила вдоль шоссе, идущего от Кросно через Дуклю к Дуклинскому перевалу. Это был кратчайший путь в Словакию. Наступление здесь обеспечивало овладение важными коммуникациями и позволяло выходом войск на южные склоны Карпат перерезать основные пути 1-й немецкой танковой армии, связывавшие ее с главными силами группы армий «Северная Украина». Общий фронт наступления армии составлял 68 км. Прорыв осуществлялся на участке 8 км, составлявшем около 12 % от общей протяженности фронта наступления. На этом участке было сосредоточено шесть из девяти имевшихся в составе армии стрелковых дивизий, или 67 % общего числа стрелковых дивизий, все бронетанковые войска и более 82 % всей артиллерии. Оперативное построение армии было двухэшелонным. В первом — 52, 101-й и 67 стрелковые корпуса, во втором — 1-й чехословацкий армейский корпус, эшелон развития успеха — 1-й гвардейский кавалерийский и 25-й танковый корпуса. Характерной особенностью решения на операцию было максимальное привлечение сил и средств в центр полосы наступления для прорыва обороны противника. Правофланговые и левофланговые соединения армии должны были действовать на широком фронте без средств усиления.

Для поддержки войск на участке прорыва создавалась артиллерийская плотность, достигавшая 154 орудий и минометов на 1 км фронта. Артподготовка планировалась продолжительностью 2 часа 05 минут. При этом поддержка атаки предусматривалась одинарным огнем валом. С этой целью в армии были специально разработаны и доведены до соответствующих командиров «Указания по организации и проведению сопровождения пехоты и танков в атаку в период артиллерийского наступления артиллерии 38-й армии»¹⁹. Всего к артиллерийской подготовке атаки привлекалось 1724 орудий и минометов. Из этого числа до 250 орудий было выделено для стрельбы прямой наводкой. На всю операцию выделялось 2,8 комплекта боеприпасов, из них на первый день наступления — 1,2 боекомплекта. На артиллерийскую подготовку атаки отпускалось 0,8 боекомплекта²⁰.

Для развития успеха с утра второго дня намечалось ввести в прорыв 1-й чехословацкий армейский и 25-й танковый корпуса в направлении Тылява, Прешов и 1-й гвардейский кавалерийский корпус на Зборов, Старая Любовня. В этой связи артиллерийское обеспечение ввода этих войск в прорыв приобретало серьезное значение. Однако при планировании операции эти вопросы

в должной степени решены не были, а выделенной для этих целей артиллерии 1-го гвардейского кавалерийского и 25-го танкового корпусов было явно недостаточно. В целом планирование артиллерийского наступления было вполне целесообразным. В то же время личный состав артиллерийских частей не имел достаточного опыта боевых действий в горах, а это положение впоследствии имело немаловажное значение.

С воздуха действия 38-й армии обеспечивались частью сил 2-й воздушной армии: 1-м гвардейским штурмовым, 5-м истребительным, 2-м гвардейским и 4-м бомбардировочным авиационными корпусами, имевшими в своем составе 465 самолетов. Всего на пять дней операции планировалось осуществить 1545 самолето-вылетов, причем в первые два дня их было запланировано более 300. В то же время выделенную авиацию предполагалось использовать в полосе армии не полностью, а в зависимости от обстановки²¹.

Вся операция планировалась на глубину 90–95 км и продолжительностью пять суток. Это определялось стремлением как можно быстрее помочь словацким патриотам, сражавшимся с гитлеровцами. Учитывалось, что на третий день ее проведения навстречу 38-й армии начнут наступление соединения восточно-словацкого корпуса и партизанские отряды. В связи с политической важностью и большим масштабом армейской операции Ставка ВГК поручила ее проведение командующему войсками 1-го Украинского фронта в тот период, когда его главные силы вели напряженные бои на сандомирском плацдарме. Для поддержания связи командующий 1-м Украинским фронтом 6 сентября направил в Словакию в штаб Я. Голиана группу офицеров.

Командующий 4-м Украинским фронтом, выполняя директиву Ставки ВГК, 4 сентября поставил перед войсками фронта задачи на проведение наступательной операции, суть которой заключалась в том, чтобы 1-я гвардейская армия генерал-полковника А.А. Гречко должна была прорвать вражескую оборону на 4,5-километровом участке в районе Санок, нанося главный удар в направлении Команча, а вспомогательный — из Залужа на Ольхова, и, к исходу второго дня, овладеть Радошицким и Русским перевалами главного хребта. В дальнейшем она должна была быть готова к развитию наступления в направлении на Ужгород. Планировалось наступление правофлангового стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии поддержать силами штурмовой авиационной дивизии из состава 8-й воздушной армии.

18-я армия генерал-лейтенанта Е.П. Журавлева и 17-й гвардейский стрелковый корпус по решению командующего 4-го Украинского фронта в этот период должны были оборонять занимае-

мые рубежи и находиться в готовности к переходу в наступление в своих полосах. Резерв фронта составляли 11-й гвардейский стрелковый корпус, 237-я стрелковая дивизия и 5-я гвардейская танковая бригада.

К началу наступления в Карпатах общая группировка войск фронта имела в своем составе следующие соединения и части. Правофланговая 1-я гвардейская армия в своем составе имела три стрелковых корпуса: 107, 30-й и 18-й гвардейский, — 31-ю танковую бригаду, а также ряд артиллерийских, инженерных соединений и частей. Армия занимала полосу в 110 км по фронту, причем на правом фланге, на фронте в 12 км, было сосредоточено пять дивизий, а остальная полоса обороны армии в 95 км прикрывалась только тремя дивизиями. 18-я армия, состоявшая из двух стрелковых корпусов — 95-го стрелкового и 3-го горно-стрелкового — имела полосу шириной 110 км, основные свои силы сосредоточила на сравнительно узком участке фронта на мукачевском направлении. 17-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А. И. Гастиловича занимал оборону на фронте в 110 км отдельными очагами, прикрывая более доступные направления, все его четыре дивизии располагались в первой линии²².

Во второй половине августа и первых числах сентября противник усиленно укреплял карпатский рубеж, пополняя свои войска личным составом и техникой. Вместе с этим немецкое командование оценивало положение своих войск, оборонявшихся перед 4-м Украинским фронтом, достаточно устойчивым по отношению к группировке войск, которая оборонялась на направлении действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, где положение продолжало оставаться неблагоприятным для немецких войск. Поэтому начиная с середины августа и до первых чисел сентября, командование вермахта приступило к переброске на эти направления значительной части своих сил, прежде всего, сильно оголяя группировку войск, оборонявшуюся перед 4-м Украинским фронтом. В результате всех произведенных перегруппировок противник к началу наступления советских войск перед 4-м Украинским фронтом имел немецкую 1-ю танковую армию и венгерскую 1-ю армию. Всего в составе этих соединений имелось 12 пехотных дивизий, 2 пехотные бригады, а также артиллерийские, инженерные части и подразделения, в их составе насчитывалось более 100 тыс. человек, 1790 орудий и минометов и только 25 танков и самоходных установок²³.

Эти силы противника были распределены по фронту неравномерно. Наиболее плотно насыщен войсками был его левый фланг, проходивший перед 1-й гвардейской армией. На направлении предстоящих действий этой армии оборонялись

четыре немецкие дивизии (96, 168 и 254-я пехотные и 101-я горно-стрелковая) и две венгерские дивизии (6-я и 13-я пехотные, полностью укомплектованные). На направлении Ужгород и Густе находились венгерские соединения и части, усиленные одной немецкой пехотной дивизией, которая обороняла район юго-восточнее Сколе²⁴.

В течение августа и в начале сентября противник существенно пополнил соединения и части личным составом, доведя численность дивизий до 60% штатного состава. В результате этих действий к началу наступления войск 4-го Украинского фронта (к 9 сентября) он имел в первой линии и в тактической глубине довольно крупные силы, однако в оперативной зоне обороны значительные резервы у него отсутствовали.

Командующий 1-й гвардейской армией, исходя из поставленной задачи и анализа обстановки, решил прорвать оборону противника силами правофлангового 107-го стрелкового корпуса на участке в 4,5 км и, нанося главный удар в направлении Команьча, уничтожить противостоящего противника, к исходу дня выйти на западный берег реки Ослава, продвинувшись на глубину 15 км. К исходу второго дня наступления выйти в район Команьча и на границу Словакии. Глубина задачи второго дня наступления — 17–20 км.

Вспомогательный удар генерал А. А. Гречко планировал нанести двумя стрелковыми полками 30-го стрелкового корпуса, с задачей уничтожить обороняющегося противника в междуречье Ославы и Сан. На остальном фронте, ширина которого достигала 100 км, войска армии должны были продолжать прочно оборонять занимаемые рубежи, вести разведку боем, отвлекая на себя силы противника и тем самым облегчая действия войск, действующих на направлении главного удара.

По решению командующего армией танки и самоходно-артиллерийские установки использовались на участке прорыва только на направлении главного удара, вдоль шоссе на дороге, идущей из Санок и далее на Команьча. Такое использование танковых войск в операции объяснялось, прежде всего, тем, что 31-я гвардейская отдельная танковая бригада, 1-й гвардейский танковый и 1511-й самоходно-артиллерийский полки имели в своем составе небольшое количество боевых танков и САУ (всего 27 танков и 22 САУ)²⁵.

Планирование артиллерийского обеспечения операции командующий армией осуществлял с учетом имеющихся в его распоряжении сил и средств. К началу наступления армия имела пушечную артиллерийскую бригаду, 20 артиллерийских и минометных полков и 2 полка реактивной артиллерии, которые насчитывали в своем составе 1176 единиц вооружения, большую его часть предполагалось использовать на главном направ-

лении. Характерно, что из созданной на направлении главного удара общей плотности артиллерии и минометов орудия составляли 52,3 %, минометы — 47,7 %. Продолжительность артиллерийской подготовки планировалась на глубину до 3,5 км, продолжительностью в 50 минут²⁶. Из общего количества боеприпасов, расходуемых в первый день операции, около 50 % предполагалось использовать на артиллерийскую подготовку атаки, а остальные — на артиллерийскую поддержку атаки и бой в глубине обороны противника.

Авиационная поддержка наступления войск 1-й гвардейской армии возлагалась на 224-ю штурмовую авиационную дивизию и 3-й гвардейский истребительный авиационный полк 8-й воздушной армии. Планами предусматривалась боевая деятельность этой авиационной группировки в течение первых трех дней операции. Всего за это время предполагалось осуществить 696 самолето-вылетов, причем около 50 % приходилось на первый день наступления.

Наступать советским войскам предстояло в сложных условиях Карпат, через Восточные Бескиды — цепь гор, во многих местах покрытых лесами. Высота их достигает 700 м над уровнем моря. Наиболее доступным для продвижения войск был признан находящийся на высоте 502 м Дуклинский перевал, через который проходит шоссе Кросно — Прешов, а также перевалы Радошицкий, Русский и Ужокский. Восточные Бескиды изобилуют реками, впадающими на севере в Вислу, а на юге в Дунай. Их русла пролегают в узких каменистых ущельях. Даже при незначительных осадках уровень воды в них быстро повышается. В период обильных дождей в осеннее время они превращаются в бурные потоки, становятся труднопреодолимыми. На северных склонах Карпат имела лишь одна дорога²⁷.

Таким образом, перед войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов стояла весьма трудная задача. Немецкое руководство стремилось любой ценой удержать Словакию, рассматривая ее как барьер на пути Красной армии в промышленные районы Чехии, Моравии, Венгрии и Юго-Восточной Польши. Гитлеровское командование отчетливо представляло, что преодоление войсками 1-го Украинского фронта наиболее узкой части Главного Карпатского хребта привело бы к быстрому прорыву их в Чехословакию и на Венгерскую низменность и к соединению с армиями 2-го Украинского фронта, продвигавшимися из северной части Румынии к границе с Чехословакией. Кроме того, вступление советских войск через Словакию в Венгрию создавало прямую угрозу южным районам самой Германии. Поэтому гитлеровцы сосредоточили здесь крупную группировку войск и, используя систему параллельных хребтов

Карпатских гор, построили на всех важнейших направлениях глубокую и сильную оборону. Основу ее составляли эшелонированные на глубину до 60 км укрепленные районы, прикрытые в промежутках инженерными сооружениями полевого типа²⁸. Так, непосредственно перед 38-й армией оборонялись 545, 208-я и 68-я пехотные дивизии противника, входившие в состав 11-го армейского корпуса СС 17-й армии и 24-го танкового корпуса 1-й танковой армии. Оперативная плотность войск противника в полосе обороны армии достигала в среднем 20,5 км на дивизию. Все силы врага располагались только в пределах главной полосы обороны, на глубину 6–7 км. Оперативных резервов противника в полосе армии не было. Однако горный район Бескид на кросно-дуклинском направлении был подготовлен к обороне на глубину до 50 км. Противник имел тактическую зону обороны и ряд оборонительных рубежей в глубине. Тактическая зона состояла из главной и второй полосы. Главная полоса обороны была создана в предгорьях во второй половине августа 1944 года, когда войска противника перешли к обороне. В 8–15 км от переднего края главной полосы проходила вторая полоса, а в 16–20 км — промежуточный рубеж. Тыловой рубеж обороны врага был создан по реке Ондаве. Города и многие деревни, расположенные в узлах дорог, были превращены в сильные опорные пункты. Все шоссе и основные грунтовые дороги минировались. На них устраивались завалы, каменные заборы, закладывались фугасы. Мосты были подготовлены к взрыву. Силу вражеской обороны многократно увеличивал горно-лесистый характер местности.

Советское командование учитывало, что сложный характер местности и сильная оборона противника крайне затрудняют действия войск, осуществление маневра силами и средствами. Поэтому при подготовке операции особое внимание обращалось на выбор направления главного удара, организацию взаимодействия, на артиллерийскую, авиационную поддержку и инженерное обеспечение.

В подготовительный период в течение четырех суток была проведена большая работа по подготовке войск армий, их обеспечению и перегруппировке. Например, в последних числах августа 38-я армия 1-го Украинского фронта получила 6 тыс. человек пополнения, которое необходимо было ввести через пять дней в бой. Поэтому в ходе боевой подготовки, исходя из обученности подразделений, особое внимание уделялось одиночной подготовке солдат, сколачиванию подразделений и действиям в горно-лесистой местности. В тот период такая же работа проводилась и в войсках 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта. С этой целью Военным

советом фронта незадолго до наступления были разработаны «Организационные указания по подготовке войск к действиям в горах», была издана «Инструкция войскам, действующим в горно-лесистой местности», а также направлены в войска соответствующие «Указания» по действию артиллерии, танков и инженерному обеспечению боевых действий в горно-лесистой местности²⁹. Эти документы, распространенные в войсках, послужили теми практическими руководствами, на основе которых проводилось усиленное обучение войск действиям в горах.

Большая работа была проведена и в вопросах материально-технического и тылового обеспечения войск к предстоящим действиям. Тыловым учреждениям требовалось в кратчайшие сроки обеспечить накопление запасов материальных средств, осуществить подготовку дорог, организовать перемещение тыловых частей, а также решить вопросы, связанные с подвозом и эвакуацией. Так, например, только для создания запасов боеприпасов в 38-й армии 1-го Украинского фронта требовалось иметь: 2–2,5 боекомплекта, горюче-смазочных материалов для артиллерийских частей в количестве 3 заправок, а для стрелковых частей 2 заправки и, кроме того, продфуража в размере 20 сутодач³⁰. В 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта к началу операции планировалось создать материальные запасы в следующих размерах: боеприпасов — от 2 до 3 боевых комплектов; горючего — 3,5 заправки; продфуража — 27 сутодач³¹.

В период подготовки к проведению операции требовалось осуществить перегруппировку войск. Например, в 38-й армии 1-го Украинского фронта перегруппировку планировалось начать ночью 3 сентября и закончить к утру 6 сентября, с тем чтобы войска имели двое суток для завершения организационной работы в исходном положении. Всего армии предстояло перегруппировать девять стрелковых дивизий, пять артиллерийских соединений и частей, танковый и самоходно-артиллерийский полки, а также инженерные, тыловые части и учреждения. За этот же период в полосе армии должны были сосредоточиться приданные фронтовые соединения. В период перегруппировки войскам предстояло совершить марши протяженностью от 12 до 50 км.

Выполнить в полном объеме все задачи, связанные с организацией прорыва вражеской обороны и наступлением в трудных горных условиях, в столь короткие сроки не удалось, однако большим временем советские войска не располагали. В начале сентября противник предпринял отчаянные попытки подавить Словацкое национальное восстание. Он значительно увеличил свои силы, привлек авиацию, развернул наступление на осво-

божденные районы и к 8 сентября оккупировал все основные города Словакии, отгнав восставших из ряда важных долин в горы. Одновременно ему удалось разоружить восточно-словацкий корпус, который должен был обеспечивать продвижение советских войск в горах путем захвата Дуклинского и Лупковского перевалов. Но об этом советскому командованию стало известно лишь в ходе операции.

Боевые действия в Карпатах развернулись на фронте до 400 км, в результате **Восточно-Карпатская операция** приобретала большое стратегическое значение. Она состояла из двух взаимосвязанных операций: **Карпатско-Дуклинской** 1-го и 4-го Украинских фронтов и **Карпатско-Ужгородской**, осуществленной войсками 4-го Украинского во взаимодействии со 2-м Украинским фронтом. Важнейшей ее частью была Карпатско-Дуклинская операция войск 38-й армии 1-го Украинского фронта и правого фланга 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта, которая продолжалась с 8 сентября по 28 октября 1944 года.

Наступление войск 38-й армии 1-го Украинского фронта началось на рассвете 8 сентября. Артиллерийская и авиационная подготовка атаки продолжалась более двух часов. Вражеская оборона на направлении главного удара была подавлена. Атакующие войска стали быстро продвигаться вглубь обороны, первоначально не встречая какого-либо организованного сопротивления со стороны немецких войск. Части противника перед главной группировкой армии поспешно отходили. Но так боевые действия развивались только на узком участке фронта в центре полосы наступления армии. На остальных участках наступления слабое артиллерийское обеспечение и растянутые на широком фронте стрелковые соединения не обладали достаточными возможностями для прорыва вражеской обороны, поэтому на вспомогательных направлениях советским войскам успеха достигнуть не удалось. В центре соединения и части противника отходили. Уже к 11 часам соединения 52-го стрелкового корпуса генерала С.М. Бушуева перерезали шоссе на дороге Кросно, Ясло, овладели всей первой позицией, а к середине дня и второй позицией главной полосы вражеской обороны³².

К этому времени сложились благоприятные условия для ввода в сражение танкового и кавалерийского соединений. Немедленный ввод в сражение подвижных войск мог привести к серьезным оперативным успехам. Однако их медленное выдвижение по горным дорогам и загруженность основных дорог не позволили это сделать. В течение первого дня операции 25-й танковый, 1-й гвардейский кавалерийский и 1-й чехословацкий корпуса не были введены в сражение. К исходу дня против-

ник, оправившись после внезапного удара и используя удобную для оборонительных действий местность, резко усилил сопротивление. Снижение темпов наступления и приостановка продвижения главной группировки 38-й армии 1-го Украинского фронта к исходу первого дня операции имели чрезвычайно серьезные последствия.

Противник успел провести ряд контрмер с тем, чтобы изменить обстановку в свою пользу. Немецкое командование опасалось, что успешные действия войск левого крыла этого фронта на красно-дуклинском направлении приведут к прорыву обороны в Карпатах и вступлению советских войск в Чехословакию и Венгрию. В условиях развивавшегося наступления войск 2-го и 3-го Украинских фронтов в Румынии это могло создать серьезную угрозу всей южной группировке немецких войск, действовавших на советско-германском фронте. Командование вермахта решило всеми средствами не допустить выхода войск 38-й армии 1-го Украинского фронта и соединений 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта на территорию Словакии. С этой целью оно начало осуществлять быструю переброску значительных сил и средств с других участков фронта на направления действий советских войск. Так, уже в ночь на 9 сентября в полосе наступления 38-й армии вступила в бой прибывшая из района Турка 75-я пехотная дивизия противника. Из районов сандомирского плацдарма и Кракова выдвинулись 1-я и 8-я танковые дивизии, причем передовые части 1-й танковой дивизии вступили в бой уже 9 сентября. Сюда же были срочно переброшены отдельные части из Словакии³³. Это было лишь началом крупной переброски сил, которую осуществило немецкое командование с целью задержать наступление 38-й армии. Однако в тот период ни штаб фронта, ни штаб 38-й армии не имели сведений о перегруппировке противника и его значительном усилении в полосе наступления армии. Бои приняли затяжной характер. Каждую высоту, населенный пункт советским войскам приходилось брать в очень тяжелых условиях.

Ввод в сражение 25-го танкового, 1-го гвардейского кавалерийского и 1-го чехословацкого армейского корпусов не привел к перелому обстановки. Только с переброской в полосу наступления 38-й армии 1-го Украинского фронта 4-го гвардейского танкового корпуса было сломлено сопротивление врага на главном направлении, и за семь дней войска армии, отражая его контратаки, сумели на узком участке фронта продвигнуться на 23 км. Операция все более принимала затяжной характер.

Вместе с советскими войсками 38-й армии 1-го Украинского фронта мужественно сражались бойцы 1-го чехословацкого армейского корпуса, ко-

торым с 10 сентября командовал генерал Л. Свобода³⁴. Они особенно отличились при овладении мощным опорным пунктом, прикрывавшим шоссе к Дуклинскому перевалу. От исхода этого боя во многом зависел успех дальнейшего наступления. Действуя самоотверженно, чехословацкие воины преодолели упорное сопротивление немецких войск и в ночь на 11 сентября овладели высотой. В течение двух дней противник предпринимал яростные контратаки, стремясь вернуть этот опорный пункт, но бойцы чехословацкого корпуса совместно с войсками 25-го танкового корпуса, 11-й гвардейской истребительно-противотанковой артиллерийской бригады и 183-й стрелковой дивизии, при поддержке авиации 2-й воздушной армии отразили его натиск и продолжали продвижение к Дуклинскому перевалу. Действуя в горных условиях, советские и чехословацкие воины проявляли массовый героизм. В эти дни в оперативной сводке Генерального штаба сообщалось, что «В течение дня 15.9 в районе... Дукля нашими частями отбито 15 контратак частей 1-й и 8-й танковых, 101-й горнострелковой, 75, 208-й и 68-й пехотных дивизий противника. При отражении контратак подбито и сожжено 15 немецких танков»³⁵. Однако общее наступление соединений и частей армии, действующих на этом направлении, все же развивалось медленно.

В полосе 4-го Украинского фронта утром 9 сентября после 50-минутной артиллерийской подготовки перешли в наступление соединения 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко. Используя выгодные условия местности и подготовленные оборонительные рубежи, враг упорно сопротивлялся. Однако в течение первого дня боев дивизиям 107-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Д. В. Гордеева все же удалось продвинуться на глубину 4–5 км, при этом овладеть несколькими опорными пунктами на первой позиции главной полосы обороны противника.

Немецкое командование прилагало большие усилия, чтобы задержать наступление советских войск. Оно спешно подтягивало в район прорыва вторые эшелоны и резервы с других участков. Только в период с 10 по 12 сентября, с целью усиления своего левого фланга, противник перебросил 254-ю пехотную дивизию, 441-й пехотный полк 168-й пехотной дивизии, 82-ю дивизионную группу, заменив их на этих участках венгерскими войсками³⁶. В течение последующих трех дней сопротивление противника значительно усилилось, он неоднократно контратаковал, особенно на участках наметившегося успеха советских войск. Однако, несмотря на предпринимаемые им усилия, 1-я гвардейская армия силами 107-го, а затем и 30-го стрелковых корпусов преодолела оборону противника в районе Санок, на фронте до 30 км

и углубилась в нее до 15 км. Стремясь увеличить ударную силу войск первого эшелона и создать более плотное насыщение огневыми средствами, командующий армией приказывает командирам корпусов: «дивизиям наступать, имея все три стрелковых полка в первом эшелоне. Ширина полосы главного удара дивизии не должна быть более 2 км»³⁷. Но по мере продвижения советских войск все же темпы их наступления снижались, не только потому, что немецкому командованию удавалось подтягивать к участку прорыва дополнительные силы, но и по причине некоторого отставания левого фланга 38-й армии 1-го Украинского фронта. Поэтому наступающие правофланговые соединения 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта вынуждены были выделять значительные силы для обеспечения своего правого фланга. Так, уже 13 сентября 129-я гвардейская стрелковая дивизия, а в последующем и другие соединения вынуждены были распылять свои силы и действовать на широком фронте³⁸.

Кроме того в этот период из-за плохой погоды были сильно ограничены действия не только наземных войск, но и авиации. Например, в полосе 1-й гвардейской армии в течение первого дня наступления авиация произвела только лишь 38 самолето-вылетов³⁹.

Таким образом, в ходе 7-дневных ожесточенных боев войска обеих армий прорвали первую оборонительную полосу врага и на отдельных участках продвинулись до 23 км. Соединения и части противника понесли серьезные потери, что вынудило немецкое командование в срочном порядке перебросить в этот район дополнительно свыше восьми дивизий, в том числе из состава группировки, действовавшей против восставших словацких патриотов. Но полностью выполнить поставленную задачу советские войска все же не смогли. Противнику удалось создать довольно сильную группировку, которая противодействовала наступлению наших войск на этих направлениях.

В этот период Ставка ВГК особенно внимательно следила за ходом военных действий на данном направлении. Поэтому не случайно, что получив 13 сентября предложения командующего 4-м Украинским фронтом на дальнейшее развитие операции, она оперативно уточнила ему задачу: «Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38-й армией. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михайловице»⁴⁰. Уже 18 сентября преодолевая ожесточенное сопротивление врага, 1-я гвардейская армия 1-го Украинского фронта наносила удар в указанном Ставкой направлении и через два дня вышла на

польско-чехословацкую границу. Первыми на чехословацкую территорию в районе села Каленова вышли воины 129-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майора Т.У. Гринченко 107-го стрелкового корпуса 1-й гвардейской армии и 242-й горнострелковой дивизии под командованием генерал-майора В.Б. Лисинова 32-го стрелкового корпуса 18-й армии⁴¹.

Командование вермахта, встревоженное выходом советских войск на территорию Чехословакии, спешно подтягивало свежие силы, стараясь удержать в своих руках перевалы и дороги. В полосе наступления 1-й гвардейской армии исключительное значение имел перевал Русский, к которому приближались ее соединения. Захват его обеспечивал более удобное и быстрое маневрирование войск по важной шоссейной дороге и увеличивал возможность выхода на фланги противника и на равнину.

Для удержания перевала немецкое командование подтянуло дополнительно две дивизии. Особенно ожесточенные бои за него развернулись в период с 26 по 30 сентября. Сопротивление противника усиливалось, к тому же резко ухудшилась погода. Туманы, сплошная низкая облачность, непрерывные дожди крайне затрудняли боевые действия войск, а также работу транспорта, подвоз боеприпасов, потребность в которых непрерывно возрастала. Наступление развивалось медленно, враг оказывал ожесточенное сопротивление.

Пытаясь остановить дальнейшее продвижение войск 1-й гвардейской армии, немецкое командование продолжало перебрасывать против нее части с других участков фронта, в том числе и с участка, где действовали войска 18-й армии. Подход новых сил врага вынудил советские войска в конце сентября временно приостановить наступление не только из-за того, что противнику удалось оперативно перегруппировать свои войска на угрожаемое направление, но и потому, что не было организовано должного взаимодействия на флангах наступающей группировки советских войск. Вот что писал по этому поводу в своих послевоенных воспоминаниях бывший командующий 3-м гвардейским горно-стрелковым корпусом генерал-майор А.Я. Веденин: «...взаимодействие между 38-й и 1-й гвардейской армиями оставляло желать лучшего. Это привело к тому, что на нашем правом фланге создалась критическая обстановка»⁴².

Командующий 18-й армией генерал Е.П. Журавлев, воспользовавшись ослаблением вражеской группировки в своей полосе, сосредоточил основные силы для нанесения мощного удара на правом фланге, примыкавшем к 1-й гвардейской армии, оставив на остальном фронте лишь две дивизии. Это позволило прорвать вражескую обо-

рону и развивать наступление в глубину. Начатое одной дивизией наступление к концу сентября постепенно переросло в широкую наступательную армейскую операцию до 180 км по фронту. Соединения и части армии нанесли серьезное поражение противнику. Его общие потери за этот период составили только убитыми 6895 солдат и офицеров, 1165 человек было взято в плен. В числе трофеев захвачено 142 орудия и миномета, большое количество боеприпасов и другого военного имущества⁴³.

В результате двадцатидневного наступления войска 4-го Украинского фронта и соединения и части 38-й армии 1-го Украинского фронта, действуя в полосе 300 км, местами продвинулись до 50 км, вышли к перевалам Карпатского хребта и на фронте свыше 100 км преодолели их.

Во второй половине сентября войска 38-й армии 1-го Украинского фронта, совместно с частями 1-го чехословацкого армейского корпуса продолжали бои за Дуклинский перевал. 20 сентября эти войска при поддержке 4-го гвардейского танкового корпуса генерал-лейтенанта П. П. ПолубоярOVA овладели сильно укрепленным пунктом — местечком Дукля, — но продолжить наступление соединения и части армии уже не могли. Именно в этот период маршал И. С. Конев докладывал в Ставку, что из-за недостатка сил и средств 38-я армия уже не в состоянии продолжать дальнейшее наступление: «за время операции армия потеряла около 20 тысяч человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек... три танковых корпуса, в среднем имеют по 60 танков... потери составляют около 150 танков» — и далее он предлагает — «В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии или, если будет Ваше решение продолжить операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего»⁴⁴.

Значительно пополнив свои соединения и части и произведя необходимую перегруппировку, 38-я армия генерала К. С. Москаленко, во взаимодействии с 1-й гвардейской армией 4-го Украинского фронта, 30 сентября продолжили наступление непосредственно на Дуклинский перевал. Уже в тот же день отдельные правофланговые соединения 1-й гвардейской армии генерала А. А. Гречко достигли словацкой границы. Словацкие партизаны с началом наступления советских войск предприняли рейд в направлении Дукельского перевала. Но дивизии восточно-словацкого корпуса были разоружены немецкими войсками и не выполнили задачи по овладению перевалом.

К концу сентября советские войска в ходе ожесточенных боев все же вышли к Карпатскому хребту и на некоторых участках преодолели его. Нависшая угроза окружения обороняющейся группировки войск противника вынудила немецкое командование начать в ночь на 6 октября ее отвод. 38-я армия 1-го Украинского фронта совместно с чехословацким корпусом немедленно приступили к преследованию врага. Сбивая вражеские арьергарды, соединения и части чехословацкого корпуса при непосредственном содействии советских войск, 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов, 6 октября овладели Дуклинским перевалом.

В середине октября серьезно ухудшилось положение повстанцев в Словакии. Немецкое командование решило окончательно подавить восстание. 18 октября оно предприняло генеральное наступление, специально создав для этих целей более чем 40 тысячную группировку войск. Чтобы организованно противостоять этим действиям противника маршалом И. С. Коневым еще накануне был отдан приказ об объединении под единое командование разрозненных словацких повстанческих и партизанских формирований⁴⁵. Однако силы были далеко не равные. Уже вечером 27 октября командующий 1-й словацкой армией генерал Виест понял, что объединенные под его командованием войска больше не могут оказывать организованного сопротивления, поэтому им было принято решение на переход к партизанским формам борьбы. 30 партизанских бригад, соединений и отрядов общей численностью свыше 12 тыс. человек продолжили боевые действия на территории Чехословакии⁴⁶.

В ходе Карпатско-Ужгородской операции к 18 октября соединения и части 1-й гвардейской и 18-й армий 4-го Украинского фронта преодолели Восточные Карпаты, освободив города Ясиня, Рахов и много других населенных пунктов Закарпатья⁴⁷. 17-й отдельный гвардейский стрелковый корпус в этот день взял Сигет на реке Тиса и вошел в соприкосновение с правофланговыми войсками 40-й армии 2-го Украинского фронта⁴⁸.

Во второй половине октября 4-й Украинский фронт боевые действия вел уже на юго-западных и южных склонах Восточных Карпат. Тем временем войска правого крыла 2-го Украинского фронта с боями продвигались в район юго-западнее Ужгорода. Возникла реальная возможность окружения немецких войск, оборонявшихся перед центром и левым крылом 4-го Украинского фронта, и они начали отходить. Соединения 18-й армии и 17-го отдельного гвардейского стрелкового корпуса, преследуя их, 26 октября освободили крупный промышленный центр Мукачево, а на следующий день — Ужгород.

К концу октября войска 18-й армии и 17-го отдельного гвардейского стрелкового корпуса во всей полосе своего наступления вышли на Венгерскую низменность, а объединения 4-го Украинского фронта, заняв приграничные словацкие районы, вступили в пределы Чехословакии. 28 октября 1944 г. Восточно-Карпатская операция была завершена.

Несмотря на ограниченный размах Восточно-Карпатской операции ее результаты имели большое военно-политическое и стратегическое значение. Войска 1-го и 4-го Украинских фронтов, оттянув на себя крупные силы противника, оказали прямую помощь Словацкому национальному восстанию.

В ходе операции были разгромлены шесть дивизий группы армий «А», а другие понесли значительные потери. Советские войска захватили 31 360 пленных, 912 орудий и минометов, 40 танков и штурмовых орудий. Командование вермахта вынуждено было дополнительно перебросить в Карпаты 15 дивизий, из них три танковые, снятых с других участков фронта⁴⁹.

Преодоление советскими войсками мощной естественной преграды — Восточных Карпат с сильно укрепленными оборонительными позициями — создало совершенно новую ситуацию на карпатско-пражском направлении. Противник лишился важного стратегического рубежа, прикрывавшего Чехословакию с востока. Появились благоприятные условия для развертывания дальнейшего наступления Красной армии в глубь Чехословакии и выхода к южной границе Германии.

В результате ожесточенных сражений войска 1-го и 4-го Украинских фронтов завершили изгнание врага из западных областей Украины, а также некоторой части Восточной Словакии.

В оперативно-стратегическом отношении опыт Восточно-Карпатской операции оказал значительное влияние на дальнейшее развитие военного искусства в области подготовки в короткие сроки и ведения боевых действий в сложных условиях горно-лесистой местности. В первую очередь это связано с выбором направления главного удара, своевременным его переносом в ходе боевых действий с одного направления на другое в целях достижения наибольших результатов, а также умелой организации оперативно-тактического взаимодействия с соседями.

Большое значение при наступлении в горах придавалось созданию автономных группировок войск, которые способны были самостоятельно решать боевые задачи, действуя на разобщенных направлениях. Поэтому роль самостоятельных действий частей и подразделений в решении оперативных задач, особенно при захвате горных перевалов, резко повышалась.

Основная тяжесть боев по преодолению Карпатских гор, несмотря на наличие в армиях танковых и артиллерийских соединений и частей, легла на стрелковые войска. Однако в ходе операции обе стороны широко применяли танковые и самоходно-артиллерийские части, которые в основном использовались не только для непосредственной поддержки пехоты, но и для самостоятельных действий при прорыве оборонных в горных дефиле, наступления вдоль дорог и по горному плато.

Применение авиации в горных условиях крайне затрудняли неблагоприятные погодные условия. Поэтому в поддержке наземных войск главную роль играла штурмовая авиация, которая была более приспособлена к действиям в таких условиях.

В ходе операции исключительно большое значение имели действия инженерных войск, а также органов тылового и технического обеспечения.

В целом сражение в Восточных Карпатах потребовало от советских и чехословацких воинов героических усилий. В течение 50 дней и ночей им пришлось вести тяжелые бои в сложных условиях горно-лесистой местности. Каждый километр, отвоеванный у врага, стоил больших жертв. Советские войска в операции потеряли 21 тыс. убитыми и 89 тыс. ранеными, чехословацкий корпус — 844 убитыми и 4068 ранеными⁵⁰.

Родина высоко оценила подвиги советских воинов в этой операции. Москва трижды салютовала доблестным войскам, вписавшим новые страницы в героическую историю Вооруженных Сил. 59 частям и соединениям были присвоены почетные наименования Карпатские, Ужгородские, Мукачевские. 60 воинских частей удостоены боевых орденов Советского Союза. За мужество и ратные подвиги тысячи советских и чехословацких воинов были награждены орденами и медалями, а 30 присвоено звание Героя Советского Союза.

¹ Стратегический очерк Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: 1961. С. 725.

² ЦАМО РФ. Ф 371. Оп. 6367. Д. 304. Л. 77.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М.: 1983. С. 115–119.

⁴ ЦАМО РФ. Ф 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 253, 254.

⁵ Там же. Ф 48а. Оп. 1795. Д. 14. Л. 48.

⁶ Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 81–83.

⁷ Там же. Л. 84.

- 8 Левченко В. С. Сражение в Карпатах. М.: 1960. С. 25.
- 9 ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 17062. Д. 29. Л. 87–89.
- 10 Москаленко К. С. О Карпатско-Дуклинской операции. // Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 17.
- 11 ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 35, 36.
- 12 Там же. Л. 48.
- 13 Там же. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 51. Л. 304–309.
- 14 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М.: 1978. С. 165. ЦАМО РФ. Ф. 48а. Оп. 1795. Д. 14. Л. 48, 71, 72; Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 35, 36; Ф. 2 44. Оп. 3022. Д. 17. Л. 1 — 5; Оп. 3000. Д. 654. Л. 11.
- 15 Армейская группа «Хейнрици» входила в состав группы армий «Северная Украина» (с 23 сентября — группы армий «А»).
- 16 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М.: 1978. С. 165. Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии и войск бывших ее сателлитов на советско-германском фронте за период 1941–1945 гг. М.: 1956. Выпуск 3. С. 132–135. Tessin G. Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Biblio Verlag. Osnabruck. 1980.
- 17 Операции Советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Т. 3. М.: 1958. С. 581.
- 18 ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 87–89.
- 19 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Выпуск 17. М.: 1956. С. 159 (документы).
- 20 Там же. С. 29.
- 21 Поэктор Д. М. Через Дуклинский перевал. М.: 1960. С. 57, 58.
- 22 Общевоинские армии Советских Вооруженных сил в Великой Отечественной войне за 1944 г. Часть 2. С. 99.
- 23 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Выпуск 23. М.: 1947. С. 15, 16.
- 24 Левченко В. С. Сражение в Карпатах. М.: 1960. С. 12, 13.
- 25 Там же. С. 41.
- 26 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел) Выпуск 23. М.: 1947. С. 22, 23.
- 27 История Второй мировой войны 1939–1945. М.: 1978. С. 164.
- 28 Там же. С. 164–165.
- 29 Левченко В. С. Сражение в Карпатах. М.: 1960. С. 55, 56.
- 30 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Выпуск 17. М.: 1956. С. 48, 49.
- 31 Левченко В. С. Сражение в Карпатах. М.: 1960. С. 62.
- 32 Поэктор Д. М. Через Дуклинский перевал. М.: 1960. С. 82.
- 33 ЦАМО РФ. Ф. 393. Оп. 9005. Д. 240. Л. 22.
- 34 Там же. Ф. 236. Оп. 2719. Д. 104. Л. 36.
- 35 Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 8. Л. 141, 142.
- 36 Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны, Военно-научное управление Генерального штаба (военно-исторический отдел). Выпуск 23. М.: 1947. С. 35.
- 37 ЦАМО РФ. Ф. 229. Оп. 6850. Д. 475. Л. 62.
- 38 Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 746. Л. 7.
- 39 Там же. Ф. 346. Оп. 5755. Д. 186. Л. 9.
- 40 Там же. Ф. 132а. Оп. 2642. Д. 37. Л. 49, 50.
- 41 Гречко А. А. Через Карпаты. М.: 1970. С. 101, 102.
- 42 Веденин А. Я. Начало освобождения Чехословакии. // Военно-исторический журнал. 1963. № 6. С. 62.
- 43 ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 425. Л. 81.
- 44 Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121 — 125.
- 45 Там же. Оп. 27929. Д. 2. Л. 96; Там же. Оп. 2712. Д. 66. Л. 141.
- 46 Там же. Оп. 17062. Д. 29. Л. 163, 164.
- 47 Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М.: 1982. С. 423.
- 48 Гастилович А. И. Через Яблоновский и Татарский перевалы. // Военно-исторический журнал. 1969. № 10. С. 86, 87.
- 49 История второй мировой войны 1939–1945. Т. 9. М.: Воениздат. 1978. С. 171.
- 50 За освобождение Чехословакии. М.: 1965. С. 108.

Архивные документы

Приложение 1

Доклад командующего 1-м Украинским фронтом Верховному Главнокомандующему о прилете группы офицеров словацкой армии

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину

Докладываю:

Сегодня 1.9.44 г. ко мне явился полковник Генерального штаба Словацкой армии Вильям Тальский — заместитель командующего армейской группой Словацкой армии (1-й и 2-й дивизии) — и заявил:

В связи с оккупацией немцами Словакии он прибыл и хочет получить указание от меня о дальнейшей линии поведения словацких войск.

Полковник Тальский в беседе высказал соображение, что в случае наступления наших войск в западном направлении словацкие 1-я и 2-я дивизии, которые расположены на линии границы Нижняя Радопнь — Тылич, могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной Армией.

Полковник Тальский считает, что первая дивизия под командованием полковника Маркус выполнит приказ Тальского.

На командира 2-й дивизии и ее состав он особенно не рассчитывает.

Перелет на нашу сторону полковника Тальского был вызван оккупацией немецкими войсками Словакии.

Полковник Тальский заявил, что части 1-й и 2-й словацких дивизий, перегруппировавшись, могут начать наступление в направлении Кросно навстречу нашим войскам.

В случае, если наши войска по какой-либо причине не смогут перейти в наступление, полковник Тальский считает, что целесообразно 1-й и 2-й дивизиям переключиться для партизанских действий.

Вместе с Тальским на нашу территорию 30.8.44 перелетела авиагруппа в составе 27 самолетов во главе с командиром группы майором Тринка. Среди самолетов — 9 самолетов типа «Фокке-Вульф 189» и «МЕ-109-Б», остальные транспортные.

Наш фронт в районе Кросно находится от Словацкой границы в удалении 30–40 км.

Для соединения со словацкими частями и партизанским движением Словакии, если будет Ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на Словацкую территорию в район Стройков, Медзи, Лабарце.

Для операции 1-й Украинский фронт может привлечь 4 стрелковых дивизии 38 армии и 1 гв. кк.

Направление удара Кросно, Дукля, Тылява. На это же направление желательно привлечь и 1 Чехословацкий корпус.

Операцию можно начать через семь дней.

Прошу Ваших указаний по данному вопросу.

Полковника Словацкой армии Вильяма Тальского разрешите отправить в Москву. Лично я полковнику Тальскому никаких указаний не давал.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 250–254.

Приложение 2

Распоряжение Ставки ВГК № 204651 командующему 1-м Украинским фронтом о разработке плана операции для соединения со словацкими войсками

Командующему 1 Украинским фронтом

2 сентября 1944 г. 18.00

Лично:

В связи с активизацией партизанского движения в Словакии и развертыванием вооруженной борьбы отдельных регулярных частей и соединений словацкой армии против немецких захватчиков Верховный Главнокомандующий ПРИКАЗАЛ:

1. Подготовить и провести операцию на стыке 1 и 4 Украинских фронтов, с тем, чтобы ударом из района Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться с словацкими войсками.
2. К проведению операции разрешается привлечь Чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся сев.-вост. Прешов, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться.
3. Проведение операции возложить на Вас, при необходимости разграничения с 4 Украинским фронтом может быть изменена.
4. Ваши соображения по операции с указанием сроков представить к 5. 9. 44 г.

Ставка Верховного Главнокомандования
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 84.

Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны.
Военно-научное управление генерального штаба (военно-исторический
отдел). Выпуск 17. М.: 1956. С. 149. (документы).

Приложение 3

План операции командующего 1-го Украинского фронта по выходу на словацкую границу для соединения со словацкими войсками (№ 23088–23091)

ВЕРХОВНОМУ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩЕМУ
МАРШАЛУ СОВЕТСКОГО СОЮЗА тов. СТАЛИНУ
Копия: товарищу ЖУКОВУ

3 сентября 1944 г. 16.40

Карта 100 000 и 200 000

Докладываю план операции для выхода на словацкую границу и соединения со словацкими частями и партизанами:

1. Операцию провести 38 армией в составе шести стрелковых дивизий, усиленной 17 артдивизией прорыва, двумя танковыми бригадами: (70 танков), 1 гв. кк, двумя бригадами РС М–31, двумя полками РС М–13 и 1 Чехословацким корпусом.
2. Группировку создать в районе Пшитувка, Оджиконь, Мала Крас: Лютча, Бонатувка, Опатувка (5 — 15 км севернее и сев.-зап. Красно).
3. Прорвать оборону противника на участке (иск.) Непля, Оджикон: (8 км), нанести удар и развить наступление в направлении Поток, Дукля, Тылява, Прешов.
4. В первом эшелоне для прорыва обороны противника иметь четыре дивизии, во втором эшелоне две дивизии. Для развития наступления после прорыва оборонительной полосы противника с рубежа м. Змигруд Новы, м. Дукля ввести 1 Чехословацкий корпус, 1 кавкорпус и две танковых бригады: 1 кавкорпус в направлении м. Змигруд Новы, Зберов. Бардева и далее по обстановке или на запад в направлении ст. Любовня или на юг на Прешов; 1 Чехословацкий корпус и две танковых бригады — в направлении м. Дукля, Прешов.
5. С запада, по мере прорыва и развития наступления, на руб. Шебне, Ясло, м. Осек, Смерековец, м. Тылич организовать оборону тремя стрелковыми дивизиями; на юго-восток овладеть Красно и свертывать оборону противника до разгранлинии с 4 Украинским фронтом.
6. 2 Чехословацкую воздушно-десантную бригаду к началу операции, по обстановке, или выбросить на парашютах в районе севернее Стропков в расположение главных сил словацких дивизий, или посадить на аэродромах.
Для этой цели необходимо для трех рейсов 50 «Дугласов», которые прошу отпустить в мое распоряжение.
7. На третий день операции привлечь для наступления из района севернее Стропков 1 и 2 Словацкие дивизии и партизан навстречу наступающим частям 38 армии.
8. Для прорыва обороны противника будет создана артминометная плотность до 140 орудий и минометов (включая и 82-мм минометы) на 1 км фронта с 2,0 боекомплектами боеприпасов.
9. Развитие операции по дням: 1-й день выйти на рубеж Ясло, Лапсце, Жегльце, Красно; 2-й день м. Осек, м. Змигруд Новы, Дукля, Рыманув; третий день на словацкую границу и на 5-й день операции овладеть ст. Любовня, Прешов.
10. Готовность операции через пять суток.
11. Имея в виду выгодность направления операции, для последующего наступления 4 Украинского фронта на Мишкольц-Будапешт крайне необходимо привлечь к проведению операции и правый фланг 4 Украинского фронта в составе хотя бы четырех дивизий из района Санок или же передать мне от 4 Украинского фронта четыре стрелковых дивизии.
12. План операции прошу утвердить.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Он. 2712. Д. 66. Л. 81–83.

Приложение 4

Сообщение № 204671 командующему 1-м Украинским фронтом об утверждении Верховным главнокомандующим плана операции

3 сентября 1944 г. 24.00

Командующему 1 Украинским фронтом

План операции, представленный Вами... № 23088 от 3.9.44, Верховный Главнокомандующий утвердил и приказал наступление начать не позднее 8 сентября с. г.

Командующему 4 Украинским фронтом даются указания действовать одновременно своим правым флангом из района Санок на Команьча.

Об отданных распоряжениях прошу донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

А. АНТОНОВ

Приложение 5

Распоряжение командующего 1-го Украинского фронта командующему 38-й армии по организации операции для выхода на словацкую территорию и соединение со словацкими частями

4 сентября 1944 № 150

Лично Командарму 38

Копия: т. ЖУКОВУ, т. АНТОНОВУ, Комфронта 4 Украинского
Карта 100 000

В целях выхода на Словацкую территорию и соединения со словацкими частями и партизанами, ведущими борьбу с немецкими захватчиками, приказываю:

Первое: группировкой в составе шести стрелковых дивизий с армейской артиллерией, 17 артдивизией прорыва, двух бригад РС М-31, двух полков РС М-13, 1 чехословацкого корпуса, 1 гв. кавкорпуса, бригадами 25 танкового корпуса прорвать оборону противника на участке /иск./ Непля, Оджиконь и развить наступление в направлении Поток, м. Дукля, Тылява, Прешов с задачей разбить противника, выйти за границу Словакии и соединиться со словацкими частями и партизанами, ведущими борьбу с немецкими захватчиками.

Второе: для прорыва обороны противника иметь в первом эшелоне четыре стрелковых дивизии, во втором эшелоне две стрелковых дивизии. Для развития прорыва и дальнейшего наступления использовать 1 чехословацкий корпус, 1 гв. кк и бригады 25 тк.

Третье: в первый день операции выйти на рубеж Ясло, м. Осек, Кобыляны, Ивонич, Бзянка; на третий день операции выйти за границу Словакии на рубеж Бортне, Радоцина, Кружлова, Чертижне; на пятый день операции овладеть ст. Любовия, Прешов.

Четвертое: на второй день операции с рубежа м. Змигруд Новы, м. Дукля ввести 1 гв. кк, 1 чак, 25 тк с задачей — развивая стремительное наступление в направлениях: 1 гв. кк на Зборов, Бардева, ст. Любовия; 1 чак и 25 тк на Тылява, Ладомирово, Прешов, — соединиться со словацкими частями и партизанами и на пятый день операции овладеть районами ст. Любовня, Сабинов, Прешов.

Пятое: справа с запада по мере развития наступления организовать прочную оборону тремя дивизиями по рубежу Шебне, Ясло, м. Осек, Смерековец, м. Тылич.

Влево, охватывая Кросно с запада, свертывать оборону противника в направлении Ясьлиска, выйти в боевое взаимодействие с правофланговыми частями 1 гв. армии 4 Украинского фронта, которые будут наступать из района Санок в направлении Команьга.

Шестое: командарму 2 ВА прикрыть наступление 38 армии истребительной авиацией и одним штурмовым корпусом содействовать наступлению 38 армии.

Седьмое: артподготовка два часа по методу, указанному мною Вам лично. Расход боеприпасов на всю операцию 2,5 боекомплекта.

Восьмое: готовность начала операции к рассвету 7. 9.

Девятое: отданные распоряжения и план операции представить мне к 12.00 5.9

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 87 — 89.

Приложение 6

Директива Ставки ВГК № 220207 представителю Ставки маршалу Жукову, командующему войсками 2-го Украинского фронта об уточнении плана операции по преодолению трансильванских Альп и Карпат

5 сентября 1944 г. 18 ч 20 минут

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в представленный вами 4.09 за № 476 план операции внести исправления, руководствуясь следующими указаниями:

1. Основная задача войск 2-го Украинского фронта состоит в том, чтобы ударом с юга через Брашов и Сибиу (в направлении на Клуж) и наступлением 40-й и 7-й гв. армий с востока преодолеть Трансильванские Альпы, южную часть Карпатского хребта и выйти на фронт Сату-Маре, Клуж, Дева, Турну-Северин. Выходом в район Сату-Маре помочь 4-му Украинскому фронту перейти через Карпаты и овладеть районом Ужгород, Чоп, Мукачево. В дальнейшем развивать наступление с целью выйти главными силами на р. Тиса на участке Ньиредьхаза, Сегед, имея прикрытие на фронте Сегед, Турну-Северин.
В Югославию не наступать, так как это приведет к распылению наших сил.
2. Для выполнения этой задачи наступать:
 - а) 27 А и 6 ТА — из района Брашов, Питешти в направлении на Клуж;
 - б) 53 А — из района Слатина, Крайова в направлении на Петрошани, Дева.
3. Конницу использовать для наращивания силы удара в направлении на Клуж и последующего прорыва к р. Тиса в район Дебрецена.
4. Для обороны Дуная на участке Турну-Северин, Джурджу оставить один стрелковый корпус 53 А. В качестве подвижного резерва иметь в районе Крайова, Слатина один танковый или кавалерийский корпус.
5. Обязать румынское командование выделить для обороны Дуная две-три пех. дивизии и для обороны участка Сегед, Турну-Северин не менее трех дивизий. Румынские войска, действующие в районе Брашова и в Трансильвании, использовать для совместного наступления в направлении Клужа.
6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 35, 36.

Приложение 7

**Доклад командующего войсками 4-го Украинского фронта
№ 11097 Верховному Главнокомандующему плана
преодоления Карпат**

13 сентября 1944 г. 14 ч 00 мин

Докладываю соображения о проведении наступательной операции 4-го Украинского фронта.

1. Цель операции — прорвать оборону противника, форсировать Карпатский хребет и выйти главными силами фронта на рубеж Чемерне, Михальовце, Ужгород.
2. Направление наступления и участок прорыва.

Операция планируется в условиях продолжающегося наступления 1 гв. А по выполнению частной задачи выхода в район Команьчи. Сложившаяся обстановка определяет направление для наступления, именно Санок, Балигруд, Снина, Михальовце.

Участок для прорыва определится по обстановке, с выходом 1 гв. А на рубеж Команьча, Балигруд, предположительно участок Лупкув, Воля Михова, Манюв.

3. Силы и средства для проведения операции.

Операцию осуществить силами 1 гв. А в составе трех корпусов (девять сд) и в резерве фронта на этом направлении один ск (три сд). Всего двенадцать сд и средства усиления, включая армейские (одна пушечная бригада, восемь минометных полков, два гаубичных полка, семь иптап, две танковые бригады, один танковый и один самоходный полки, два полка гмч М-13, две инженерные бригады и 8 ВА в составе двух штурмовых, двух истребительных и одной бомбардировочной авиадивизий).

4. Последовательность проведения операции.

1-й этап операции — захват исходного положения и сосредоточение сил. 1 гв. А в составе 30 и 107 ск, выполняя поставленную задачу, продолжает наступление с задачей выйти на рубеж Радошице, Воля Михова, Цисна. В этот же период в район южнее Санок сосредоточиваются 11 ск, 3 гск и остальные фронтовые средства усиления.

Время на выполнение задачи 1 гв. А, учитывая условия и горный рельеф данного направления, отсутствие подвижных средств, потребуется 5 суток, сосредоточение и выход в исходное положение 3 гск и средств усиления, переводимых с мукачевского направления, требуется 8 суток (11 ск и средств усиления уже сосредоточены в районе Санок, 3 гск выступил в на 13.09 и 18.09 сосредоточиваются в районе Санок).

2-й этап операции — форсирование Главного Карпатского хребта и выход на рубеж Яблонь, Снина, Стакчин, Вельке Березне.

Время потребуется от 4 до 5 суток. Прорыв произвести группировкой шесть сд, из них четыре сд в первом эшелоне, две сд во втором эшелоне и три сд во фронтовом резерве непосредственно за боевыми порядками второго эшелона армии на направлении главного удара. Три сд из состава армии израсходуются на обеспечение флангов. Ввод на участок прорыва одновременно более четырех сд — нецелесообразен из-за ограниченной емкости данного направления.

Задача армии на данном этапе — группировкой шести сд со средствами усиления прорвать оборону противника по главному хребту на участке Лупкув, Воля Михова, Манюв (участок может измениться в зависимости от конкретных условий местности) и, нанося главный удар в направлении Яблонка, Гостов Снина, выйти к исходу четвертого дня операции на рубеж Яблонь, Снина, Стакчин, Улич. В последующем наступать в направлениях: Гуминне, Михальовце; Стакчин, Ужгород с целью овладеть Михальовцем, Ужгородом.

Взаимодействие с войсками 1-го Украинского фронта предполагается осуществить только после форсирования главного хребта и выхода на рокадные дороги, проходящие южнее хребта. До этого движение на запад крайне невыгодно ввиду того, что пришлось бы преодолевать ряд крупных лесистых хребтов, способных задержать движение войск.

3-й этап операции — принимая рубеж Снина, Стакчин, как исходное положение для вторжения в Венгерскую долину, 1 гв. А, действуя частью в направлении Ужгорода, главный удар наносит в направлении Михальовца с задачей выйти на рубеж Чемерне, Михальовце.

Более точное направление и характер боевых действий по 3-му этапу определяются обстановкой.

5. Задача остальных войск фронта:
- 17 ск, используя благоприятно сложившуюся обстановку, к исх. 14.09.1944 г. выходит в район Жабье, Ворохта. Действуя по обстановке, корпус сосредоточенными силами наступает в направлении Керешмезе, откуда, пользуясь рокадными путями, проходящими вдоль хребта, наступает в западном направлении, последовательно свертывая оборону противника и держа в напряжении правый фланг 1-й армии венгров;
 - 18 А в составе семи сд, надежно обеспечивая на фронте в 180 км основные направления: Стрый, Густе; Стрый, Мукачево; Самбор, Турка, Угород, к началу операции сосредоточивает свой резерв две сд в районе восточнее Турки, подготавливая здесь своими наличными силами прорыв в направлении Турка, перевал Ужок.
- С началом второго этапа операции 18-я армия частью сил одновременно с 1 гв. А наступает на перевал Ужок с целью захватить перевал и наступать в направлении Ужгорода.
6. Исходя из сроков сосредоточения войск на главном направлении подготовки прорыва, готовность второго этапа операции определяется к 22–23 сентября.
7. Для проведения операции боеприпасами фронт обеспечен, за исключением гаубичных 122-мм выстрелов. В последнее время с фронта сняты арттранспорты с 20 000 гаубичных снарядов, которые прошу дослать фронту.
- Так как главная перегруппировка фронта происходит на крайнем правом фланге, пути грунтового подвоза от головной станции ж. д. Стрый достигают 180 км, потребуется дополнительный отпуск горючего в количестве 1000 тонн. Так же и по авиагорючему фронту необходимо дополнительно к отпущенному лимиту 1200 тонн.
- Считаясь с возможностью обороны немцев по Главному Карпатскому хребту в полосе долговременных укреплений постройки мирного времени («линия Арпада», построенная Чехословакией в 1937–1939 гг. и развитая венграми в текущую войну), прошу включить в состав войск фронта одну гаубичную артбригаду БМ калибра 203 мм и одну бригаду, в крайнем случае один полк, пушек-гаубиц 37 г. Снаряды с этим калибром во фронте имеются. Возможность маневра этих артсистем на данном направлении полная. Ввиду затруднений в подвозе питания фронту прошу усилить фронт автотранспортом и разрешить пропуск по жел. дороге Львов-Перемышль двух снабженческих поездов в сутки на ст. Перемышль и расширить разгранлинии фронта на правом фланге до Перемышля.
8. Докладывая план операции, прошу утвердить его.

ПЕТРОВ
МЕХЛИС
КОРЖЕНЕВИЧ

ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 51. Л. 304 — 309.

Приложение 8

Директива Ставки ВГК № 220216 представителю Ставки, командующим войсками 2, 3 и 4-го Украинских фронтов о возложении на с. к. Тимошенко обязанностей по координации действий двух фронтов

16 сентября 1944 г. 01 ч 00 мин

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на маршала Тимошенко координацию действий 2-го и 4-го Украинских фронтов, освободив его от координации действий 3-го Украинского фронта.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 48.

Приложение 9

Директива Ставки ВГК № 220217 командующему войсками 4-го Украинского фронта об уточнении плана операции по преодолению Карпат

17 сентября 1944 г. 02 ч 10 мин

На ваши соображения, представленные шифром за № 11097/оп., Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Направление наступления главной группировки фронта вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовец.
2. Взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются, и отказываться от него неправильно.
3. На границу Польши с Чехословакией выйти не позже 19.09.1944 г. и овладеть рубежом Ганушовце, Чемерне, Гуменне, Стокчин не позже 30.09.
4. Артиллерия БМ дана вам не будет, так как в ней нет необходимости. Гаубичные снаряды 122 мм и горючее будут отпущены.
5. Сил и средств у вас вполне достаточно для успешного выполнения задачи и Ставка требует от вас решительных наступательных действий, чтобы не позже 3.10 овладеть районом Михальовец.
6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 167. Л. 49, 50.

Приложение 10

Донесение командующего 1-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему

27 сентября 1944 г. 3.20

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину
Копия: тов. ЖУКОВУ

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на Словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход за границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии ко времени выхода наших войск на границу резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2 и 4 Укр. фронтов сейчас характер операции 38 армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую с 2 и 4 Укр. фронтами.

В связи с этим дальнейшая операция 38 армии в Словакию принимает затяжной характер по причинам:

1. Недостаточным количеством привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил был не в состоянии, учитывая отправку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме за р. Висла.
2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития. За время операции войска 38 армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.

3. Непригодность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение войск не рассчитанная на действия в горах, затрудняет и снижает темпы наступления.
4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пехотных и три танковых дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38 армии действует шесть пехотных и три танковых дивизии.

В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.

5. Материально операция обеспечена слабо. Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующими управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную авиацию фронта, особенно гаубичную артиллерию, а это основные предпосылки для действия в горах.
6. Малочисленность пехоты. Операцию 38 армия начала при укомплектованности дивизии 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тысяч человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы со Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное — Словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковых дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4 Украинского фронта — правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц — является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4 Укр. фронта до сих пор не имеет. Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Укр. фронта не может.

В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38 армии или, если будет Ваше решение продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38 армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ
СОКОЛОВСКИЙ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125.

Приложение 11

Доклад командующего 1-го Украинского фронта в Ставку ВГК по объединению усилий словацких войск действующих на территории Словакии

12 октября 1944 г. 15.25

Верховному Главнокомандующему
Маршалу Советского Союза тов. Сталину

Докладываю, что в целях объединения усилий всех вооруженных сил повстанческого района Средней Словакии для борьбы с немецкими захватчиками.

Мной отдан приказ партизанским бригадам и отрядам, находящимся в повстанческом районе, об оперативном подчинении командующему повстанческой армией генерал-лейтенанту Виест. Генерал Виест назначен командовать армией Бенешом и переброшен пять дней тому назад в Бан Быстрица.

Данный приказ об оперативном подчинении партизанских бригад генералу Виест встретил возражения со стороны членов ЦК компартии Чехословакии Сланского и Шмидтке, которые считают, что Виест назначен Лондоном, и подчинять ему партизанские отряды, как буржуазному руководителю, нецелесообразно.

Считаем, что в данной обстановке в повстанческом районе необходимо иметь единое командование как отдельным словацким частям, так и партизанским отрядам, действующим в повстанческом районе, дабы избежать разнобоя в организации вооруженной борьбы против немцев.

Партизанские отряды, действующие в Западной и Восточной Словакии, т.е. вне повстанческого района, подчинены полностью штабу партизанского движения фронта.

Военный совет фронта до сих пор не вмешивался в политическую деятельность повстанческого района Средней Словакии, а руководил только партизанскими отрядами, которые нами созданы и подчинены штабу партизанского движения фронта.

Прилагаю: копию приказа НР 1411 и шифровку № 80 Уполномоченного ЦК Компартии Чехословакии Сланского.

По данному вопросу прошу Вашего разрешения.

И. КОНЕВ
КРАЙНЮКОВ

ЦАМО РФ. Ф. 236. Он. 2712. Д. 66. Л. 141.

Львовско-Сандомирская наступательная операция: взгляд спустя семь десятилетий

В. Б. Маковский*

Накануне проведения Львовско-Сандомирской операции, в связи с успешными действиями советских войск на белорусском направлении, в полосе 1-го Украинского фронта сложились благоприятные условия, так как к этому времени командование вермахта вынуждено было перебросить в Белоруссию не только свои оперативные резервы, но и часть войск, действовавших в западных районах Украины. В частности, из группы армий «Северная Украина» (генерал-полковник Й. Гарпе) располагавшейся перед 1-м Украинским фронтом, было переброшено в Белоруссию шесть танковых (4, 5, 20, 7, 9-я и 10-я) и две пехотные (28-я и 367-я) дивизии, чем оно существенно ослабило группировку своих войск¹.

В начале июля 1944 г. немецкое командование получило некоторые данные о готовящемся наступлении советских войск на рава-русском и львовском направлениях. Поэтому, несмотря на начавшееся наступление советских войск в Белоруссии оно не допускало большого ослабления группы армий «Северная Украина», сохраняя в ее составе значительные силы. В связи с этим оно принимает решение усилить за счет станиславской группировки рава-русское и частично львовское направления. С этой целью в начале июля была начата переброска 16-й и 17-й танковых дивизий со станиславского направления на рава-русское. К 10 июля обе дивизии прибыли в район Горохув.

На львовское направление противник перебросил в район восточнее Сасов 14-ю пехотную дивизию «Галичина» и в район севернее Львова 168-ю пехотную дивизию со станиславского направления.

В начале июля, после произведенных изменений в группировке войск, перед 1-м Украинским фронтом оборонялись основные силы группы армий «Северная Украина» в составе 1-й и 4-й немецких танковых армии и 1-й венгерской армии. Непосредственно на правобанковом рава-русском направлении оборонялись главные силы 4-й танковой армии в составе 13, 42-го армейских и 46-го танкового корпусов. Всего в их составе насчитывалось восемь пехотных, две танковые и охранная дивизии. Два других корпуса этой армии, 8-й армейский и 56-й танковый, действовали на белорусском направлении, западнее города Ковель. На львовском направлении оборонялась 1-я танковая армия противника, насчитывающая 15 пехотных, две танковые, моторизованную, легкопехотную и охранную дивизии. В предгорьях Карпат оборонялась 1-я венгерская армия. Она состояла из более чем шести пехотных, танковой, легкопехотной, двух резервных дивизий и двух горно-стрелковых бригад. Из них в первой линии находилась основная часть пехотных дивизий, а во второй располагались все танковые и моторизованная дивизии².

К 10 июля 1944 г. войскам 1-го Украинского фронта противостояли 37 дивизий (в том числе 5 танковых и моторизованная) и 2 пехотные бригады. Эта группировка войск имела в своем составе свыше 600 тыс. человек, 6,3 тыс. орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. Ее поддерживали до 700 самолетов 4-го воздушного флота³. Кроме того, в составе каждой армии имелось большое количество специальных частей и подразделений. Этими силами немецкое командование рассчитывало удержать остававшуюся в его руках часть территории Украины, а также прикрыть на-

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., доцент, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВА ГШ ВС РФ.

правления, которые вели в южные районы Польши (в том числе в Силезский промышленный район) и Чехословакию, имевшие большое экономическое и стратегическое значение.

Еще задолго до наступления советских войск в Западной Украине командование вермахта, используя выгодные условия местности, приступило к усилению старых и возведению новых оборонительных рубежей. К началу наступления войск 1-го Украинского фронта противником были созданы три оборонительные полосы на глубину 40–50 км, но к началу операции 1-го Украинского фронта противник успел полностью подготовить лишь две, образовавшие тактическую зону обороны. Первый рубеж имел глубину до 4–6 км и состоял из трех — четырех сплошных траншей, соединенных между собой густой сетью ходов сообщения. Кроме того, были построены дерево-земляные огневые точки (ДЗОТ), располагавшиеся на высотах, перекрестках дорог и в каменных строениях. На ряде участков первого оборонительного рубежа противник имел зарытые в землю танки, которые в первый период операции могли быть использованы как неподвижные огневые точки. Перед передним краем и в глубине главной полосы имелось большое количество противотанковых и противопехотных препятствий (противотанковые и противопехотные минные поля, проволочные заграждения, эскарпы, противотанковые рвы, фугасы и т. д.).

Второй рубеж, оборудованный в 7–10 км от переднего края первого рубежа, состоял из одной сплошной траншеи полного профиля и одной-двух прерывчатых траншей. Третий оборонительный рубеж проходил по западным берегам рек Западный Буг и Гнилая Липа. Оборудование его не было закончено; он включал в себя отдельные опорные пункты, прерывчатые траншеи и окопы.

Кроме указанных трех оборонительных рубежей, противник подготовил оборону по западным берегам рек Днестр, Сан и Висла. Крупные населенные пункты и города — Владимир-Волинский, Броды, Золочев, Рава-Русская, Станислав, Дрогобыч, Перемышль и другие — были превращены в сильные узлы обороны. Особое значение противник придавал обороне Львова — этого важного стратегического пункта и крупного узла железных и шоссейных дорог⁴.

Таким образом, к началу наступления противник имел глубоко эшелонированную и хорошо подготовленную оборону, на которую опиралась сильная группировка его войск. Все это давало ему возможность вести упорные оборонительные бои.

Командование вермахта приняло меры также к пополнению своих войск людьми, вооружением и боевой техникой. В результате пехотные дивизии

стали насчитывать по 7–9 тыс. человек. В резерве группы армий и армейских резервах противник имел 9 дивизий, в том числе 5 танковых и моторизованную. Кроме того, значительные силы им были задействованы на борьбу с партизанами.

В первой половине 1944 г. под влиянием успехов Красной армии партизанское движение в западных районах Украины получило большой размах, особенно когда туда перешли многие партизанские соединения и отряды с Правобережной Украины. К началу мая в оккупированных областях Украины и юго-восточных районах Польши действовали 11 партизанских соединений и 40 отдельных отрядов, общая численность которых достигала почти 13 тыс. человек. Украинские партизаны координировали свои действия с польскими, особенно при нанесении ударов по коммуникациям противника. Так, перед началом наступления Красной армии они совместными усилиями почти на месяц сорвали железнодорожные перевозки в тылу группы армий «Северная Украина», притом на важнейших для врага магистралях. В это же время партизаны разгромили 13 крупных гарнизонов противника. Немецкое командование было вынуждено бросить на борьбу с ними крупные силы, в том числе танки и авиацию.

Задачу по разгрому группы армий «Северная Украина», завершению освобождения Украины и началу изгнанию врага с территории Польши Ставка ВГК возложила на войска 1-го Украинского фронта, командующий войсками фронта Маршал Советского Союза И. С. Конев, члены Военного совета генерал-лейтенант Н. С. Хрущев и генерал-лейтенант К. В. Крайнюков, начальник штаба генерал армии В. Д. Соколовский⁵ (приложение 1). 23 июня на специальном совещании членов Политбюро ЦК ВКП(б), ГКО, Ставки ВГК и представителей Генерального штаба был обсужден план операции, который доложил маршал И. С. Конев. Замысел командующего фронтом сводился к тому, что в создавшейся обстановке фронту целесообразно нанесением двух ударов — на львовском и рава-русском направлениях — рассечь группировку противника и разгромить ее по частям. В дальнейшем намечалось наступление на Томашув и Краков, причем главная группировка фронта нацеливалась на Львов. Однако этот замысел командующего фронтом вызвал возражения со стороны Верховного Главнокомандующего, считавшего нанесение фронтом двух ударов нецелесообразным. Маршал И. С. Конев в своих мемуарах так писал по этому поводу: «Он настаивал на отказе от двух ударов — и рекомендовал наносить один удар — на львовском направлении, мотивируя это тем, что на ряде фронтов наибольший успех обеспечивался при нанесении только одного очень мощного

удара»⁶. Но проявленная командующим фронтом настойчивость в целесообразности принятого им решения не сразу, но все же заставила И. В. Сталина согласиться с планом И. С. Конева. На следующий день это решение было одобрено Ставкой, и в этот же день командующий фронтом получил соответствующую директиву на подготовку операции⁷ (приложение 2).

7 июля 1944 г. штабом фронта был представлен в Ставку ВГК развернутый план операции, который в течение трех дней был рассмотрен ею и окончательно утвержден. При этом Ставка приказала командующему фронтом использовать танковые армии и конно-механизированные группы не для прорыва вражеской обороны, а для развития успеха в оперативной глубине. Кроме того, она рекомендовала на первый день операции определить соединениям и частям посильные задачи, поскольку они, по ее мнению, были завышены. С учетом этих указаний военного руководства соответствующие изменения были оперативно внесены штабом фронта в план операции⁸ (приложение 3).

Исходя из поставленной Ставкой задачи и оценки обстановки окончательное решение маршала И. С. Конева сводилось к тому, что 1-й Украинский фронт наносил два удара: один на рава-русском направлении силами правого крыла фронта в составе 3-й гвардейской армии генерал-полковника В. Н. Гордова, 13-й армии генерал-полковника Н. П. Пухова, 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника М. Е. Катукова и конно-механизированной группы под общим командованием командира 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта В. К. Баранова, куда входил и 25-й танковый корпус генерал-майора Ф. Г. Аникушкина. С воздуха их поддерживали четыре авиационных корпуса, которые на период прорыва возглавил заместитель командующего воздушной армией генерал-майор С. В. Слюсарев; другой — на львовском направлении войсками 60-й армии генерал-полковника П. А. Курочкина, 38-й армии генерал-полковника К. С. Москаленко, 5-й гвардейской армии генерал-полковника А. С. Жадова, а так же подвижных групп — 3-й гвардейской танковой армии генерал-полковника П. С. Рыбалко, 4-й танковой армии генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко и конно-механизированной группы, куда входили 31-й танковый корпус под командованием генерал-майора В. Е. Григорьева и 6-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-лейтенанта С. В. Соколова, на которого возлагалось общее руководство этой группой. С воздуха их поддерживали пять авиационных корпусов 2-й воздушной армии генерал-полковника С. А. Красовского. Действия этой группировки с юга, на станиславском

направлении, обеспечивались активными наступательными действиями 1-й гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко и 18-й армии генерал-лейтенанта Е. П. Журавлева⁹.

Таким образом, по решению командующего фронтом на обоих направлениях создавались мощные ударные группировки войск. В первом эшелоне должны были действовать шесть общевойсковых армий, из них четыре (3-я гвардейская, 13, 60 и 38-я армии) в ударных группировках. Во втором эшелоне фронта предполагалось иметь 5-ю гвардейскую армию генерала А. С. Жадова, которая по указанию Ставки была переброшена из состава 2-го Украинского фронта. Эту армию командующий фронтом планировал использовать на львовском направлении, которое считалось главным. Кроме того, из соединений фронтового подчинения в резерв фронта выделялся 47-й стрелковый корпус генерал-майора Д. И. Кислицина.

Прорыв обороны противника намечалось осуществить на двух участках: юго-западнее Луцка на смежных флангах 3-й гвардейской и 13-й армий на фронте шириной 12 км намечалось сосредоточить 14 стрелковых дивизий, 2 танковые, механизированный, кавалерийский корпуса и 2 артиллерийские дивизии прорыва; северо-западнее Тернополя, на львовском направлении, на флангах 60-й и 38-й армий на фронте шириной 14 км должны были нанести удар 15 стрелковых дивизий, 4 танковые, 2 механизированные, кавалерийский корпуса и 2 артиллерийские дивизии прорыва. Кроме того, на рава-русском и львовском направлениях предполагалось использовать свыше 90 % танков и всю авиацию. На остальной фронт, протяженностью свыше 230 км, приходилось всего до 30 % всех сил и средств фронта¹⁰.

Ввод в сражение танковых армий планировался на второй день, а конно-механизированных групп на третий день операции, после прорыва тактической зоны обороны противника. Общевойсковым и танковым армиям, действовавшим в ударных группировках фронта, задачи ставились на всю глубину его операции, которая намечалась на удалении 100–130 км. Планировалось, что обе ударные группировки выйдут на эту глубину на пятый день операции. Причем выполнение этой задачи тесно увязывалось по времени с выходом войск Белорусских фронтов на Вислу.

Поскольку Ставка запретила командованию 1-го Украинского фронта использовать танковые армии и конно-механизированные группы для прорыва вражеской обороны, то для непосредственной поддержки стрелковых частей оно смогло выделить лишь 349 танков и САУ. В результате на 1 км фронта прорыва приходилось всего 14 танков и САУ, что было явно недостаточно.

В своем составе 1-й Украинский фронт имел значительные силы и средства, но для проведения операции он существенно усиливался. К началу наступления в состав фронта входили 1, 3, 5-я гвардейские, 13, 18, 38, 60-я общевойсковые армии, 1-я и 3-я гвардейские и 4-я танковые армии, две конно-механизированные группы и 1-й чехословацкий армейский корпус. С воздуха их поддерживали 2-я и 8-я (с 16 июля) воздушные армии. В распоряжение командующего 1-м Украинским фронтом передавались из резерва Ставки четыре авиационных корпуса и две истребительные дивизии (более 1400 самолетов). Кроме того, в течение мая — июня фронт получил до 1100 танков и одну артиллерийскую дивизию прорыва, а также ряд других частей и соединений. Ставка Верховного Главнокомандования намечала также передать фронту в середине июля управление 8-й воздушной армией. В интересах 1-го Украинского фронта должны были действовать соединения авиации дальнего действия, базировавшиеся на аэродромах Киева, Белой Церкви, Умани, Винницы.

Для выполнения поставленных задач фронт имел 74 дивизии, 10 танковых и механизированных корпусов, 4 танковые и механизированные бригады — всего свыше 1,2 млн человек, 16,5 тыс. орудий и минометов, 2,2 тыс. танков и САУ, свыше 3,2 тыс. самолетов¹¹. Сосредоточение на одном фронте такого количества войск и боевой техники было не совсем обычным явлением. Это было самое крупное фронтовое объединение из тех, которые создавались в предыдущих наступательных операциях Великой Отечественной войны. Примечательным так же является и тот факт, что за время войны это, пожалуй, был единственный случай, когда одному фронту ставилась задача по разгрому группы армий противника.

Фронт был обеспечен необходимыми силами и средствами, позволившими создать общее превосходство над противником в людях в 2 раза, а в артиллерии, танках и авиации — в 2,5–4 раза. Еще большее превосходство в силах и средствах было на участках прорыва. К нанесению ударов на этих участках протяженностью 26 км, составлявших всего около 6 % ширины полосы наступления фронта, привлекалось свыше 70 % артиллерии, до 90 % танков и САУ и вся авиация фронта. Такое сосредоточение сил обеспечивало превосходство над противником на участках прорыва в людях и танках в 3–5 раз, в орудиях и минометах — в 6–7 раз¹². Артиллерийские плотности на этих участках достигали 235–255 орудий и минометов на 1 км фронта. Исходя из требований командующего фронтом, средняя плотность на 1 км фронта на участках прорыва в армиях, наносивших главный удар, была доведена: в 3-й гвардейской армии — до 256; в 13-й армии — до 244; в 60-й ар-

мии — до 231; в 38-й армии — до 246 орудий и минометов. Причем продолжительность артиллерийской подготовки было решено проводить в течение 1 часа 40 минут. На первый день боя планировался расход двух боекомплектов, в последующие дни — до 0,5 боекомплекта¹³.

При подготовке к Львовско-Сандомирской операции авиационное обеспечение возлагалось на 2-ю воздушную армию, которая в своем составе имела более 3 тыс. боевых самолетов, объединенных в девять авиационных корпусов и три отдельные авиационные дивизии. Всего в ней насчитывалось 28 авиадивизий. Имея абсолютное превосходство над противником 2-й воздушной армии не требовалось организовывать борьбу за удержание господства в воздухе, поэтому в целях обеспечения действий двух ударных группировок фронта (на рава-русском и львовском направлениях) ее боевой состав был разделен на три группы: северную, центральную и часть сил была оставлена в резерве. Северная группа в составе четырех авиационных корпусов, возглавляемая заместителем командующего воздушной армией, обеспечивала действия 3-й гвардейской, 13-й армий, 1-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы генерала В.К. Баранова.

Центральная группа состояла из пяти авиационных корпусов и возглавлялась лично командующим 2-й воздушной армией. Эта группа должна была обеспечивать действия 60-й, 38-й армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, а также конно-механизированной группы генерала С.В. Соколова.

Основные силы авиации привлекались для оказания непосредственной поддержки войск и планировались из расчета завершения операции в течение пяти дней. Причем особенно подробно планировалось ее использование в первые два дня операции. На эти дни было запланировано почти половина самолето-вылетов от их общего количества (30 960 самолето-вылетов) предусмотренных на всю операцию¹⁴.

При подготовке к предстоящему наступлению командующим войсками фронта, а также командирами всех степеней большое внимание было обращено на организацию разведки, на мероприятия, связанные с организацией по сосредоточению и перегруппировке войск, боевому слаживанию частей и подразделений, организацией управления, а также вопросами материально-технического обеспечения.

Перед разведкой стояла ответственная задача — вскрыть группировку войск противника, установить характер его обороны и систему огня на всю глубину, а также место расположения резервов в глубине его обороны. Кроме того, требовалось выяснить намерения и планы коман-

дования группы армий «Северная Украина». Эта важная задача разведкой была успешно решена, группировка противника была в основном вскрыта на всем протяжении фронта. Еще в июне было установлено, что противник перебросил на другие участки фронта шесть танковых дивизий, а также выявлено то обстоятельство, что немецкое командование намеревалось отвести свои основные силы с первого оборонительного рубежа на второй за несколько дней до начала нашего наступления. Однако существенными недостатками разведки было то, что ей так и не удалось в полной мере вскрыть систему огня и дислокацию резервов противника, особенно его танковых дивизий на львовском направлении. Также со значительным опозданием ей было вскрыто выдвижение 16-й и 17-й танковых дивизий со станицлавского на рава-русском направлении¹⁵.

В подготовительный период с 24 июня по 7 июля, с целью создания соответствующих ударных группировок фронта определенных замыслом предстоящей операции, были проведены значительные перегруппировки войск. Ее глубина составила: железнодорожным транспортом — 510–530 км; своим ходом около 400 км. Так, в район юго-западнее Луцка, на расстояние до 400 км была выдвинута 1-я гвардейская танковая армия, а северо-западнее Тернополя, на расстояние более 100 км, — 60-я, 38-я армии, а также 3 гвардейская и 4 танковые армии. Несмотря на то, что в общей сложности перегруппировывались около половины всех стрелковых дивизий, танковых корпусов, артиллерийских бригад, полков и отдельных дивизионов, все механизированные корпуса и артиллерийские дивизии РВГК, к началу наступления ударные группировки фронта были своевременно сосредоточены в исходных районах¹⁶.

В целях обеспечения скрытности подготовки операции штабы фронта и армий осуществляли комплекс мероприятий по оперативной маскировке. На левом крыле фронта в полосах 1-й гвардейской и 18-й армий имитировалось сосредоточение двух танковых армий и танковых корпусов путем ложных перевозок танков по железной дороге, выставления макетов боевой техники и ведения радиопередач в ложных районах. При перегруппировке строго соблюдалась маскировочная дисциплина. Тем самым удалось скрыть от врага перегруппировку 1-й гвардейской танковой армии в район Луцка и 4-й танковой армии в район Тернополя. В результате в журнале боевых действий 4-й танковой армии противника, оборонявшейся на рава-русском направлении, за день до начала нашего наступления появилась запись: «В настоящее время все еще нет признаков, свидетельствующих о том, что противник в ближайшем будущем начнет большое наступление»¹⁷. Подобные записи

имелись и в отчетах «Боевого опыта группы армии «Северная Украина», в них отмечалось: «Определить заранее время начала наступления советских войск было очень трудно. Сосредоточение войск к наступлению осуществлялось в очень короткий срок. Так, только за один-два дня до начала наступления, когда в полосе 1-й танковой армии было сосредоточено до 1200 танков и до 3600 самолетов, нам удалось определить намерения русского командования»¹⁸.

Боевая подготовка войск к операции велась с учетом опыта, накопленного фронтом в ходе наступления в первой половине 1944 г. Командный состав от командиров взводов до командиров полков на специальных сборах детально изучал вопросы управления войсками в весенних наступательных боях. В штабах армий и фронта с командирами и начальниками штабов дивизий и корпусов тщательно анализировался опыт проведенных в тот же период операций, а с командирами отдельных корпусов, командующими армиями и членами военных советов занятия проводил лично командующий фронтом.

Боевыми подразделениями на учебных полях тщательно отрабатывались практические действия при атаке обороны врага с боевой стрельбой артиллерии, при этом особое внимание уделялось взаимодействию пехоты, танков и артиллерии.

С командующими (командирами) объединений и соединений проводилась на картах и макетах местности практическая работа по организации взаимодействия и розыгрышу действий по выполнению предстоящих задач.

Большая работа проводилась по инженерному оборудованию исходного района для наступления: в подготовительный период было отремонтировано 3300 км дорог, 360 мостов протяженностью более 5300 м, построено около 3000 км траншей и ходов сообщений, 35 тыс. окопов для огневых средств, 5,5 тыс. командных и наблюдательных пунктов, 23 тыс. убежищ и землянок¹⁹.

Значительный объем мероприятий осуществлялся по тыловому и техническому обеспечению операции. В войсках фронта были созданы необходимые запасы материальных средств: боеприпасов имелось 3,3 боекомплекта, горюче-смазочных материалов 4–5 заправок в сухопутных войсках и 10–15 заправок в авиации, до 30 суток продовольствия²⁰.

В результате организационной работы, проделанной командирами всех степеней, штабами и войсками по планированию и подготовке фронтовой наступательной операции, к исходу 12 июля 1944 г. войска фронта были готовы к выполнению поставленных задач. К этому времени войска Белорусских фронтов, стремительно развивая наступление, завершали разгром немецких

войск под Вильнюсом, заняли Волковыск, Ковель и подходили к Кобрину. Все оперативные и стратегические резервы немецкого командования были втянуты в эти бои. Для перехода в решительное наступление войск 1-го Украинского фронта была создана благоприятная обстановка.

Боевые действия войск 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции условно можно разделить на три этапа. Первый этап (с 13 по 18 июля) — прорыв обороны противника, окружение его группировки в районе Броды и отражение контрударов в районе Золочев. Второй этап (с 19 по 27 июля) — уничтожение бродской группировки противника, освобождение Львова и выход войск фронта на реку Сан. Третий этап (с 28 июля по 30 августа) — форсирование Вислы, захват плацдарма в районе Сандомира, выход войск левого крыла 1-го Украинского фронта и войск 4-го Украинского фронта к Карпатам и овладение Дрогобычским промышленным районом.

Командование фронта уже к 10 июля 1944 г. располагало сведениями о том, что на некоторых участках возможен отход частей противника с занимаемых позиций на один из оборонительных рубежей в глубине его обороны. В приказе командующего группой армий «Северная Украина» о «Большом русском наступлении» так определялась задача войск, связанная с их отходом в глубину обороны: «...перед началом наступления противника вся оборонительная система в определенных и заранее предусмотренных масштабах добровольно и своевременно отводится назад»²¹. Исходя из этих сведений, командующий фронтом 11 июля в 3 часа 15 минут отдал приказ — в 22 часа 12 июля начать боевые действия разведывательными отрядами в полосе наступления армий. Для этой цели от каждой стрелковой дивизии первого эшелона выделялось по одной усиленной стрелковой роте. Боевые действия разведывательных отрядов намечалось закончить к 1 часу 13 июля²².

Через три часа после окончания боевых действий разведывательных отрядов было приказано начать наступление передовыми батальонами, усиленными танками и артиллерией. Командующим 3-й гвардейской, 13, 60-й и 38-й армиями было приказано подготовить необходимые резервы для развития успеха передовых батальонов.

В ночь на 13 июля начались боевые действия разведывательных отрядов. Уже на следующий день в оперативной сводке Генерального штаба отмечалось: «Войска фронта на правом фланге 3-й гвардейской армии, установив отход противника, с 4.00 23.7. частями 3-й гвардейской и 13-й армий перешли в наступление»²³. В ходе боя было установлено, что в ночь на 13 июля на рава-русском направлении, перед фронтом

3-й гвардейской и правым флангом 13-й армии противник, прикрываясь арьергардами, начал отход с главной оборонительной полосы. Анализ записей журналов боевых действий противника показывает, что немецкое командование не угадало силу удара советских войск на рава-русском направлении. Так, командир 291-й пехотной дивизии утром 13 июля докладывал в штаб корпуса, что передовым батальонам советских войск «удалось слегка вклинуться в расположение частей», и она «в состоянии своими силами восстановить положение»²⁴. Но, как вскоре выяснилось, сделать этого не удалось. За передовыми отрядами перешли в наступление главные силы северной ударной группировки войск. В 3 часа 13 июля соединения и части 3-й гвардейской армии, умело используя огонь артиллерии, и мощные удары авиации начали боевые действия и, в ходе преследования отходящего противника, к исходу дня продвинулись от 8 до 15 км.

Для нанесения ударов по отходящим войскам противника были использованы авиационные соединения 1-го гвардейского и 5-го штурмовых авиационных корпусов. Массированные удары авиации в значительной степени содействовали успеху передовых батальонов. Всего за этот день произведено 3385 самолето-вылетов. В воздушных боях сбито 29 самолетов противника, уничтожено до 40 танков и до 200 автомашин²⁵.

Боевые действия передовых батальонов 13-й армии были успешными лишь на правом фланге армии. Противник, стремясь задержать начавшееся наступление советских войск, поспешно занимал подразделениями 291-й и 340-й пехотных дивизий заранее подготовленный промежуточный оборонительный рубеж. Одновременно с этим враг подтягивал в район Горохув части 17-й танковой дивизии²⁶. В этот день в полосе этой армии наиболее успешно действовали батальоны 287-й и 121-й стрелковых дивизий под командованием капитана М. С. Пастухова, и старшего лейтенанта Г. Я. Федорова. За шесть часов боя воины батальона капитана Пастухова уничтожили свыше 100 солдат противника, захватили 15 пленных, 7 орудий, несколько пулеметов и склад с боеприпасами, а подразделение старшего лейтенанта Федорова, отбрасывая арьергарды врага, продвинулось на 8 км²⁷.

Преодолевая упорное сопротивление и отражая контратаки противника, соединения и части фронта прорвали первую и вторую оборонительные полосы и за три дня боев продвинулись на запад до 30 км. Противник, подтянув к участкам прорыва от 400 до 460 танков, в течение этих дней ожесточенно контратаковал наши наступавшие части. За двое суток непрерывных боев дивизии 46-го танкового корпуса противника понесли тя-

желые потери. Так, только за день боя 15 июля советские войска уничтожили до 112 немецких танков и захватили более 300 пленных²⁸. Однако предотвратить прорыв советских войск они оказались не в состоянии. Между населенными пунктами Браны и Дружкополь образовалась 10-километровая брешь, закрыть которую было нечем. Командующий корпусом телеграфировал в штаб армии: «Командование 46-го танкового корпуса просит срочно прислать пехотные подкрепления, если командование армии желает избежать того, чтобы противник беспрепятственно промаршировал до Стоянов»²⁹. Однако немецкое командование в этот период уже не имело возможности помочь войскам 46-го танкового корпуса. В ответе штаба армии командиру корпуса говорилось следующее: «поскольку, как показывает опыт, противник ведет наступление не на всем фронте, а лишь там, где имеет успех», следует снимать силы и средства с не атакованных участков и направлять их на угрожаемое направление³⁰.

Успех общевойсковых соединений советских войск развивали подвижные войска, которые действовали в направлении на Рава-Русскую, а также в обход группировки противника, оборонявшейся в районе Броды. Конно-механизированная группа генерала В. К. Баранова, введенная в прорыв в середине дня 17 июля на участке 13-й армии, в районе Стоянув, к исходу дня главными силами вышла в район юго-западнее Радзехув, развивая наступление Каменка-Струмиловка³¹. На следующий день кавалерийские соединения, овладев этим городом, продолжали развивать наступление в направлении на Деревяны.

В этот период перед командующим 1-й гвардейской танковой армией генералом М. Е. Катуквым встал естественный вопрос: на каком рубеже вводить свои войска — на запланированном, где в районе Горохув шли упорные бои с успешными отойти войсками противника, или продвинуть их в «чистый прорыв», куда уже устремились части конно-механизированной группы генерала В. К. Баранова. Не рискуя ввязываться в затяжные бои, М. Е. Катукв принял второй вариант, одобренный командующим войсками 1-го Украинского фронта маршалом И. С. Коневым. Несмотря на трудности ввода танковой армии на новом направлении, советское командование все же сумело 16 июля организованно сосредоточить и ввести главные силы 1-й гвардейской танковой армии в сражение, которые уже утром следующего дня приступили к выполнению своих боевых задач.

Наступление наших войск на львовском направлении началось во второй половине дня 14 июля после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. С целью вскрытия возможного отхода противника командующий фронтом

в 17 часов 50 минут решил в полосе действий 60-й и 38-й армий начать наступление передовыми батальонами. В частности, командующему 60-й армии было приказано: «на участке 336-й стрелковой дивизии 15-го стрелкового корпуса одним стрелковым полком, на участке других дивизий первого эшелона передовыми батальонами провести 14 июля наступление с задачей глубокого вклинения в оборонительную систему противника»³². Причем для развития успеха передовых подразделений, при обнаружении отхода противника, командующим фронтом предусматривался ввод основных сил дивизий первого эшелона. Однако наступление советских войск на этом направлении проходило в очень сложной обстановке, передовые батальоны в этот день практически успеха не имели. На следующий день противник из района Зброва нанес контрудар по левому флангу 38-й армии и потеснил некоторые ее соединения на 2–4 км. Вынуждены были остановиться и отражать вражеские атаки и левофланговые соединения 60-й армии. Военный совет 1-го Украинского фронта жестко отреагировал на неудовлетворительные действия войск 38-й армии, издав соответствующую директиву, в которой наряду с другими причинами особо указывал на недостатки в работе армейского руководящего состава: «Командующий армией генерал Москаленко присутствовал на поле боя без необходимых средств связи и аппарата управления» — отмечалось в директиве — «разведка велась плохо, не вскрыла своевременно районов сосредоточения танковых группировок противника. ...Истребительно-противотанковая артиллерия отстала от боевых порядков пехоты. ...Огневая мощь приданной артиллерии при бое в глубине использовалась неудовлетворительно»³³.

Все же в результате напряженных боев части ударной группировки советских войск вклинились в глубину обороны противника до 7 км. Немецкое командование, чтобы не допустить дальнейшего прорыва своей обороны, вынуждено было ввести в бой не только свои тактические, но и оперативные резервы: 1, 8-ю танковые дивизии и 14-ю пехотную дивизию «Галичина». За два дня боев войскам южной ударной группы удалось сломить сопротивление противника, прорвать первый рубеж обороны и вклиниться во второй. Используя наметившийся успех, дивизии первого эшелона 60-й армии генерала П. А. Курочкина, отбивая ожесточенные контратаки пехоты и танков врага, настойчиво продвигались вперед. Так, 322-я стрелковая дивизия, под командованием генерала П. Н. Лащенко, 15-го стрелкового корпуса уже к исходу следующего дня прорвала вторую полосу обороны врага и, несмотря на отставание соседей, смело вклинилась в оборону противника на глу-

бину до 6 км, образовав в районе Колтув в обороне противника узкий коридор, который хотя и не был своевременно расширен нашими войсками, но именно в этот узкий прорыв и были введены наши танковые объединения³⁴.

С утра 16 июля в образованный 322-й дивизион ей проход была введена 3-я гвардейская танковая армия. Вся армия вводилась в прорыв по одной дороге. Намеченный ранее план артиллерийского обеспечения ввода армии был нарушен, так как артиллерия в это время продолжала оставаться на прежних огневых позициях.

В связи с наметившимся успехом в полосе наступления 60-й армии командующий фронтом решил изменить задачи для 4-й танковой армии. Вместо ранее намечавшегося ввода этой армии в прорыв в полосе 38-й армии им было принято решение ввести ее в полосе 60-й армии вслед за 3-й гвардейской танковой армией. «С занятием 60-й армией г. Золочев войти в прорыв из-за левого фланга 3-й гвардейской танковой армии» — приказывал 17 июля командующий 1-м Украинским фронтом генералу Д. Д. Лелюшенко — «...и, развивая стремительное наступление... громить львовскую группировку противника»³⁵. Однако наличие небольшого по ширине коридора отрицательно сказалось на вводе в прорыв 4-й танковой армии, которая, вместо стремительного движения вперед, была вынуждена значительную часть своих сил и средств ввести в бой для отражения контратак врага на флангах прорыва.

Несмотря на сложные условия ввода в прорыв, танковые армии все же сумели к исходу дня главными силами вклиниться в оборону противника на глубину более 15 км. Только в результате боя в районе Красное войскам 3-й гвардейской танковой армии удалось разгромить, штабы 349-й пехотной и 2-й танковой дивизий противника, а на городской железнодорожной станции захватить 6 эшелонов с военными грузами³⁶. В последующие дни советские танковые объединения продолжали стремительно продвигаться к Львову и на северо-запад, на соединение с конницей, наступавшей с севера.

Немецкое командование, опасаясь окружения своей группировки, оборонявшейся в районе Броды, сосредоточило в районе Золочев сильную группу войск в составе двух танковых и двух пехотных дивизий и, начиная с 16 июля, предприняло ряд контрударов на север с одновременным наступлением из района Сасов на юг, имея целью закрыть узкий «колтувский коридор» и отрезать наши танковые войска, действовавшие в глубине обороны.

Однако все попытки гитлеровского командования потерпели крах. На фланги прорыва были своевременно выдвинуты резервы и большое ко-

личество артиллерии. Кроме того, наша авиация наносила мощные бомбовые удары по контратакующим войскам противника³⁷.

Танковые соединения, преодолевая упорное сопротивление врага, стремительно продвигались вперед и 18 июля вышли в район Красное, Бук, южнее Каменки-Струмиловской, и в районе Деревляцы встретились с конницей северной ударной группы, завершив тем самым окружение группировки противника, состоявшей из 340, 361-й и 349-й пехотных, 454-й охранной дивизий и дивизии СС «Галичина» в районе Броды. Завершив частью сил окружение бродской группировки противника, 3-я гвардейская и 4-я танковые армии продолжали развивать успех в северо-западном направлении. В дальнейшем уничтожение бродской группировки противника производилось в основном войсками 13-й и 60-й армий. Немецкому командованию не удалось оказать какой-либо существенной помощи своей окруженной группировке: за все это время соединения и части, находящиеся в окружении, получили всего лишь около 8 тонн горючего. На других участках фронта наступление наших войск развивалось также успешно.

В результате наступления войск 1-го Украинского фронта на первом этапе оборона противника оказалась прорванной на 200-километровом фронте, и наши войска продвинулись на запад на 50–80 км. Несмотря на яростное сопротивление противника, наносившего сильные контрудары в районах Золочева и Рава-Русской, войска фронта в ходе первого этапа операции окружили в районе Броды крупную группировку противника в составе около 8 дивизий общей численностью до 50 тыс. солдат и офицеров.

В прорыве обороны врага большую помощь наземным войскам оказывала наша авиация, которая наносила сильные удары по немецким войскам. Особенно мощные бомбовые удары были обрушены по группировке противника в районе Золочев. Авиация фронта только во второй половине дня 18 июля произвела 1099 самолето-вылетов, сбив в воздушных боях 9 самолетов противника³⁸.

В этот же день из района западнее Ковеля перешли в наступление войска левого крыла 1-го Белорусского фронта, наносившие удар на люблинском направлении. Поэтому развитие наступления войск 1-го Украинского фронта проходило в дальнейшем в тесном взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта.

В этот период Ставка ВГК принимает решение о возложении на Маршала Советского Союза Г. К. Жукова обязанностей по координации действий трех фронтов, 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских, а уже 29 июля она дополнительно

возлагает на него обязанности и по руководству операциями, проводимыми войсками этих фронтов³⁹ (приложение 4).

В ходе второго этапа операции войска 1-го Украинского фронта продолжали развивать стремительное наступление на рава-русском и львовско-перемышльском направлениях и частью сил осуществляли ликвидацию вражеской группировки, окруженной в районе Броды.

Окруженная группировка немецких войск предприняла несколько попыток вырваться из окружения в западном направлении на Каменку-Струмиловую, а затем на юг — на Золочев. Вражеское командование, в свою очередь, также стремилось вывести окруженные войска. Противник пытался танковым тараном пробить коридор восточнее Золочева, а затем вывести из окружения свои дивизии. Войска фронта, отразив все попытки врага, продолжали сжимать кольцо окружения. К исходу 22 июля войска 1-го Украинского фронта при поддержке артиллерии и авиации ликвидировали окруженную группировку немецких войск в районе Броды⁴⁰. Особенно большую роль по ликвидации окруженной группировки немецких войск сыграли соединения 2-й воздушной армии, которые в период с 20 по 22 июля произвели 2340 самолето-вылетов⁴¹. В ходе боев наши войска уничтожили свыше 30 тыс., взяли в плен более 17 тыс. солдат и офицеров противника и захватили большие трофеи⁴². В результате этого войска фронта, оставленные для ликвидации окруженных войск врага, были полностью высвобождены и могли быть использованы вместе с главными силами для наступления на львовском направлении.

В то время, когда шли бои по ликвидации окруженного противника, главные силы фронта продолжали вести наступление на запад. Особенно большие успехи были достигнуты на правом крыле фронта, где общевойсковые соединения в тесном взаимодействии с танковыми войсками сломили сопротивление врага на тыловом оборонительном рубеже, 19 июля форсировали реку Западный Буг и 20 июля освободили город Рава-Русская. В тот же день войска, наступавшие севернее, освободили город Владимир-Волынский. Таким образом, шоссе и железная дорога Люблин — Львов были перерезаны, и 23 июля наши войска, преследуя разбитые дивизии врага, вышли на реку Сан на участке от Кшешува до Ярослава, глубоко охватив львовскую группировку немецких войск с северо-запада⁴³.

На западном берегу реки Сан гитлеровское командование силами тыловых частей и отходившими дивизиями стремилось задержать наступление наших войск. Однако все попытки врага потерпели неудачу. Советские стрелковые и танковые соединения при поддержке авиации с хода

форсировали и этот водный рубеж и продолжали развивать наступление к реке Висла. К исходу 27 июля войска правого крыла фронта вышли на рубеж Закшувек, Ястковице, Ежове, Соколув и овладели городом Ярослав.

На львовском направлении противник, опираясь на подготовленные рубежи, оказывал упорное сопротивление. Командование вермахта стремилось любой ценой удержать Львов как важный опорный пункт обороны в Западной Украине. К 20 июля противник усилил группировку своих войск, действовавшую в районе Львова, двумя пехотными дивизиями и одной горно-стрелковой бригадой, перебросив их со станицлавского направления из состава 1-й венгерской армии.

Командование 1-го Украинского фронта, учитывая сложившуюся обстановку, решило овладеть Львовом ударами танковых соединений с запада, севера и юга, а общевойсковыми соединениями продолжать наступать на Львов с востока, как это и было предписано Ставкой ВГК, которая указывала, что: «...ваш план использования танковых армий и кавалерийских корпусов Ставка ВГК считает преждевременным и опасным и приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан...»⁴⁴. Выполняя указания Ставки ВГК командующий фронтом 19 июля отдает распоряжение командующим 3-й гвардейской и 4-й танковыми армиями: «Обстановка для стремительных действий Ваших армий сложилась благополучно. В районе Львова у противника резерва нет» — и далее ставит задачу командующим танковых армий на нанесение «стремительных ударов с севера и юга на овладение Львовом»⁴⁵ (приложение 5). Танковые соединения, используя успех войск правого крыла фронта, в течение двух дней совершили 120-километровый марш в обход Львова с севера и северо-запада и к утру 24 июля овладели районом Яворов, Мостиска, Судовая-Вишня, в 50 км западнее Львова. Шоссе и железная дорога Львов — Перемышль были перерезаны. С выходом в указанный район танковые соединения повели наступление одновременно на Львов с запада и на Перемышль с востока. В это время наши общевойсковые соединения завязали бои на восточной и южной окраинах Львова.

Успешно осуществленный выход танковых соединений в район западнее Львова, наряду с продолжением наступления на город с востока, поставил всю группировку противника под угрозу окружения⁴⁶. Сложившаяся обстановка заставила немецкое командование 24 июля начать отвод своих частей львовской группировки на юго-запад в направлении Самбор. Отрезать основные пути отхода немецких войск командующий фронтом планирует силами 1-й гвардейской танковой

армии. В этот же день он приказывает генералу М.Е. Катукову: «Закончить форсирование реки Сан и нанести удар в общем направлении на Перемышль и к исходу 24.7. овладеть западной частью города, где организовать прочную оборону фронтом на восток и юго-восток и не допустить отхода противника за реку Сан»⁴⁷.

В результате трехдневных ожесточенных боев с сильными арьергардами противника, прикрывавшими отход из города, наши войска 27 июля освободили от врага важный хозяйственно-политический центр и областной город Украины — Львов, являвшийся крупным железнодорожным узлом и стратегически важным опорным пунктом его обороны, прикрывавшим подступы в Закарпатскую Украину⁴⁸. В этот же день наши войска овладели городом и крепостью Перемышль⁴⁹ (приложение 6).

Успешное наступление войск 1-го Украинского фронта на рава-русском и львовском направлениях вынуждало командование группы армий перебрасывать войска из 1-й венгерской армии, оборонявшейся восточнее Станислава. Воспользовавшись благоприятной обстановкой, войска левого крыла фронта 21 июля также перешли в решительное наступление. Успешно прорвав оборону противника, они 24 июля форсировали реку Днестр, а 27 июля штурмом овладели городом Станислав.

Таким образом, к 27 июля наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось на фронте свыше 400 км, а глубина их продвижения достигала 200 км. В результате этого наступления войска фронта разгромили группу армий «Северная Украина». Часть ее войск была окружена и уничтожена в районе западнее Броды, а остальные силы, преследуемые нашими войсками, оказались рассеченными на две части. При этом остатки 4-й танковой армии врага, понеся большие потери, в беспорядке отходили за реку Висла, а части 1-й танковой армии немцев и 1-й венгерской армии откатывались за реки Сан и Днестр в Карпаты⁵⁰.

28 июля начался третий этап действий в Западной Украине, который продолжался по 30 августа. После освобождения городов Львов, Станислав, Перемышль Ставка Верховного Главнокомандования поставила 1-му Украинскому фронту задачу — войсками правого крыла развивать наступление в западном направлении, не дать возможности противнику занять оборону на западном берегу реки Вислы, с хода форсировать ее и захватить плацдарм в районе Сандомира; войсками левого крыла овладеть промышленным и нефтеносным районом Западной Украины Дрогобыч, а также занять и прочно удерживать перевалы через Карпатский хребет на направлениях Гуменне, Ужгород, Мукачево⁵¹ (приложение 7).

Завершая освобождение своей территории от немецкой оккупации, Красная армия вступила на территорию Польши, тем самым положив начало к освобождению народов Европы от гитлеровской тирании.

Командование вермахта считало реку Вислу самым крайним рубежом своего отступления. Оно продолжало верить, что на Висле удастся остановить наступление советских войск, привести свои части в порядок и организовать оборону. Все лето противник укреплял оборону на реке Висле, создавая инженерные сооружения не только на левобережье, но и на подходах к правому берегу. Когда же войска 1-го Украинского фронта начали развивать наступление на запад, гитлеровская строительная организация «Тодт» мобилизовала для работ на укреплениях не только все местное население из окрестных городов и сел, но и пригласило людей из Моравии и Верхней Силезии.

На путях к реке Висла сопротивление противника усилилось. В этот период Ставка ВГК придавала особое значение форсированию войсками реки Висла. В связи с этим она обязывает маршала Г.К. Жукова не только координировать, но и осуществлять непосредственное руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского и 1-го и 2-го Белорусских фронтов (приложение 8). Кроме того в своей специальной директиве она приказывает командующим всех степеней обеспечить выполнение этой задачи⁵² (приложение 9). Чтобы выиграть время для сосредоточения своих резервов, немецкое командование создавало сильные заслоны на путях наступления наших войск, бросало им навстречу подвижные ударные группы. Но все эти усилия врага были тщетны.

В соответствии с поставленными задачами войска фронта успешно развивали наступление. Войска правого крыла фронта совместно с танковыми соединениями, переброшенными на север из района Львова, в конце июля с боями вышли к восточному берегу реки Висла на участке Аннополь, Баранув и приступили к ее форсированию с хода.

К 3 августа войска правого крыла фронта юго-западнее Сандомира образовали плацдарм размером до 30 км по фронту и до 25 км в глубину, заняв при этом 50 населенных пунктов, в том числе город Сташув. В целях расширения и закрепления этого плацдарма командующий фронтом переправил на западный берег Вислы свой резерв, который до этого не вводился в бой⁵³.

Немецкое командование предприняло срочные меры для ликвидации этого плацдарма и организации обороны по западным берегам рек Висла и Вислока. Для реализации своих планов противник спешно начал переброску резервов в район Сандомира из Германии, Румынии и дру-

гих участков фронта. Создав на этом направлении сильную группировку войск в составе: 7 танковых, одной моторизованной, 15 пехотных дивизий, 4 пехотных бригад и 9 бригад штурмовых орудий, противник в течение августа предпринял четыре попытки разбить наши войска, закрепившиеся на плацдарме, и отбросить их на восточный берег реки.

Первую попытку отрезать наши войска, действовавшие на плацдарме, гитлеровское командование предприняло на восточном берегу Вислы в период с 31 июля по 4 августа. Для решения этой задачи в районе Мелец противник сосредоточил две танковые и одну пехотную дивизии. Эта группировка наносила удар от устья реки Вислока вдоль правого берега Вислы вниз по ее течению на город Баранув. В это же время другая группировка противника наносила удар на Баранув с севера из района Тарнобжег. Этим ударом немецкое командование стремилось отрезать наши переправы на Висле, изолировать части, действовавшие на плацдарме, лишить их питания и притока подкреплений, а затем уничтожить их.

Однако врагу не удалось достичь своей цели. Советские войска, упорно обороняясь, нанесли дивизиям противника большие потери, затем отбросили их на западный берег реки Вислока. Вскоре после этого был ликвидирован плацдарм противника в районе Тарнобжег.

Вторую попытку, рассчитанную на рассечение плацдарма, гитлеровское командование предприняло 11 — 12 августа в районе Стопница, Сташув. На узком участке фронта враг сосредоточил пять танковых и одну моторизованную дивизии. Этим ударом противник стремился расцезь и уничтожить наши войска, оборонявшиеся на плацдарме и выйти к переправам в районе Баранува. Наступление танковых дивизий противник поддерживал большим количеством авиации. Ожесточенные бои развернулись на земле и в воздухе.

Однако и здесь противнику не удалось достичь желаемой цели. В ожесточенных боях танковые дивизии были остановлены и отброшены на запад. Все контратаки противника оказались безуспешными. Уже 7 августа соединения и части 5-й гвардейской армии овладели городом Мелец. В этих боях танковым дивизиям противника был нанесен большой урон. Так, например, за один день напряженных боев наши войска подбили и сожгли 52 танка противника, кроме того, враг потерял в этот день только убитыми свыше 1000 солдат и офицеров⁵⁴.

Изматывая врага в напряженных боях за плацдармы, советское командование одновременно готовило удар по сандомирской группировке противника, которая разъединяла войска 1-го Украинского фронта, действовавшие на не-

скольких плацдармах на западном берегу Вислы. После создания ударных группировок, последовало два мощных удара: с плацдарма севернее Сандомира — на запад и с плацдарма южнее Сандомира — на северо-запад и северо-восток. В результате было замкнуто кольцо окружения вокруг вражеской группировки в районе севернее Сандомира. Не прекращая боев, войска фронта приступили к ликвидации окруженной группировки немецких войск в составе трех дивизий и в течение двух дней полностью ее уничтожили. В этих боях было взято в плен более 1550 вражеских солдат и офицеров и свыше 14 тыс. человек были уничтожены⁵⁵.

В это же время другие соединения фронта начали наступление на Сандомир с юга. Противник создал сильно укрепленную оборону в городе. Гитлеровцы приспособили для обороны каменные здания, использовали чердаки и подвалы. Советские соединения и части, ворвавшиеся в Сандомир с двух сторон, непрерывно продвигались вперед, сжимая вражеский гарнизон в тиски. Противник повсюду оказывал яростное сопротивление. Несколько дней длились ожесточенные бои на окраинах города. Наши штурмовые группы при поддержке артиллерии выбивали подразделения противника из пунктов сопротивления и уничтожали их. К утру 18 августа город Сандомир был освобожден советскими войсками⁵⁶.

Наиболее упорные и длительные бои завязались восточнее города Опатув, где противник предпринял третью по счету попытку ликвидировать плацдарм советских войск. Эти бои продолжались с 19 по 24 августа. Перебросив в этот район сильную группировку войск, немецкое командование начало активные действия из района восточнее Опатува в направлении Доромин, Сандомир, но добиться успеха врагу и на этот раз не удалось. Правый фланг плацдарма прочно удерживался советскими войсками⁵⁷.

Четвертую попытку ликвидировать сандомирский плацдарм противник предпринял в районе так называемого «лагувского выступа». Немецкое командование сосредоточило против оборонявшихся в районе Лагув советских войск два танковых корпуса и ударами по сходящимся направлениям пыталось окружить и уничтожить их. Ожесточенные бои на «лагувском выступе» начались 26 августа и продолжались до 3 сентября. 48-й танковый корпус противника наступал из района северо-западнее Опатува в направлении Иваниска, Высоки; 3-й танковый корпус — из района севернее Ракув также в направлении Иваниска. Врагу удалось захватить лишь горный кряж северо-западнее Опатува, где он был также остановлен упорным сопротивлением наших войск⁵⁸.

В результате успешных боев главные силы 1-го Украинского фронта удержали плацдарм на западном берегу Вислы в районе Сандомира, расширив его по фронту до 75 км и в глубину до 60 км.

В то время, когда шла напряженная борьба за плацдарм, войска левого крыла фронта продолжали наступление на дембицком направлении. В течение августа, преодолевая упорное сопротивление противника и форсировав большое число рек, на отдельных направлениях они продвинулись до 100 км в западном направлении и вышли на линию Радомысль, Дембица, Санок.

Поскольку управление армиями левого крыла 1-го Украинского фронта, устремившихся к Карпатам, серьезно усложнилось, Ставка 30 июля приняла решение образовать из них новый фронт — 4-й Украинский⁵⁹. Командующим войсками фронта был назначен генерал-полковник И. Е. Петров, членами Военного совета генерал-полковник Л. З. Мехлис и генерал-майор С. М. Новиков, начальником штаба генерал-лейтенант Ф. К. Корженевич (приложение 10). Этому фронту ставилась задача перейти Карпаты и, развивая наступление на Ужгород, Мукачево, выйти на Венгерскую низменность. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска фронта развивали успешное наступление в предгорьях Карпат. 6 августа они штурмом овладели крупным промышленным центром и областным городом Западной Украины Дрогобыч и к 15 августа вышли на рубеж Сколе, Ясень, Куты. Попытки советских войск с ходу захватить перевалы через Карпаты успеха не имели. Бои приняли затяжной характер. В связи с этим Ставка приказала командованию 4-го Украинского фронта временно перейти к обороне и подготовке новой наступательной операции в Карпатах⁶⁰ (приложение 11). По приказу Ставки ВГК 29 августа перешел к обороне 1-й Украинский фронт, успешно завершив Львовско-Сандомирскую операцию.

В результате Львовско-Сандомирской операции советские войска нанесли тяжелое поражение группе армий «Северная Украина» противника, разгромив около сорока его дивизий, продвинулись на глубину 350 км, освободили западные области Украины, юго-восточные районы Польши, овладели крупным плацдармом на р. Висла в районе Сандомира, позволяющего развернуть значительные силы для последующих ударов.

Львовско-Сандомирская наступательная операция отличалась большим размахом, искусным выбором направления главного удара, решительным массированием сил и средств, переносом усилий в ходе наступления на новое направление и форсированием войсками рек с ходу

на широком фронте. Она является поучительным примером организации и ведения стратегической операции силами одного фронта. 1-й Украинский фронт по своему составу был самым мощным объединением в кампании второй половины 1944 года, что обуславливалось необходимостью решить важную стратегическую задачу — разгромить группу армий «Северная Украина». Это и предопределило большой размах операции. Ширина полосы наступления к началу операции составляла 440 км, а к концу увеличилась до 700 км; глубина операции достигала 350 км, продолжительность ее — свыше полутора месяцев. Средний темп наступления в первые 23 дня, когда в основном были достигнуты цели операции, составлял более 14 км в сутки. В отдельные он достигал 25–30 км в сутки.

Одним из условий, обеспечивших успешное проведение операции, явилась правильная организация разведки боем перед началом наступления. Она проводилась в течение нескольких суток. Начинали ее разведывательные отряды (стрелковые роты) с целью установить наличие сил противника на переднем крае. Продолжали разведку передовые батальоны, имевшие целью уничтожить прикрытие, оставленное противником. Успех передовых батальонов развивали главные силы стрелковых дивизий. Такая организация разведки боем позволила командованию фронта своевременно установить начало отхода противника на рава-русском направлении и исключить проведение артиллерийской подготовки по пустому месту.

Основная роль в прорыве тактической зоны обороны противника, как и в предшествующих операциях, отводилась стрелковым корпусам, действовавшим на направлении главного удара в составе первого эшелона армий. Как правило, они прорывали оборону на узких участках при высоких тактических плотностях сил и средств, достигавших в среднем 4–5 стрелковых батальонов и 215–240 орудий и минометов на 1 км фронта. Причем с началом операции в высоких темпах стрелковым корпусам удалось прорвать только главную полосу вражеской обороны. Вторая полоса этой обороны, особенно на рава-русском направлении, прорывалась в течение двух-трех суток. Ее прорыв был осуществлен после часовой артиллерийской подготовки, причем для этого потребовался ввод вторых эшелонов корпусов, а на львовском направлении — вторых эшелонов дивизий и передовых отрядов 3-й гвардейской танковой армии.

После прорыва обороны главные силы фронта, в составе которых были использованы танковые армии, устремились в глубину по двум направлениям, что привело к рассечению главных сил противника.

Львовско-Сандомирская операция богата примерами целеустремленного и эффективного использования вторых эшелонов фронта и армий для отражения сильных контрударов противника. Особенно поучительным является ввод в сражение второго эшелона фронта на завершающем этапе операции, на глубине 250 км, с целью отражения контрударов противника, закрепления и расширения оперативного плацдарма.

В ходе операции советские войска форсировали ряд крупных водных преград (реки Западный Буг, Сан, Висла). Они преодолевались, как правило, с ходу, на широком фронте с проведением заблаговременной подготовки к форсированию.

В Львовско-Сандомирской операции совершенствовались методы проведения артиллерийской подготовки. Продолжительность огневых налетов в ней резко возросла и была доведена до 40 % всего ее времени, причем глубина огневого воздействия на противника увеличилась до 10–15 км. С началом операции, в связи с проведением разведки боем, изменением направлений и времени ввода подвижных соединений оперативно вносились поправки в план артиллерийского наступления.

Операция характерна также применением большого количества танковых войск (три танковых армии). Особенность ввода в прорыв 3-й гвардейской и 4-й танковых армий на львовском направлении заключалась в том, что они вводились в узкой полосе (шириной до 6 км), по одному маршруту, одна вслед за другой, в условиях отражения сильных контрударов противника на флангах.

В ходе развития наступления умелое проведение маневра танковыми армиями и конно-механизированными группами явилось главным показателем искусства ведения командующими фронтовой операции.

Организованное и быстрое осуществление маневра крупными танковыми объединениями приводило к окружению (в районе Броды), глубокому обходу (в районе Львова) и последующему разгрому крупных группировок противника, а также к быстрому форсированию водных преград и расширению захваченных плацдармов (маневр 1-й и 3-й гвардейских танковых армий из района Львова и Перемышля к реке Висла).

Большую роль в операции сыграла авиация. Фронт имел самую мощную воздушную армию из всех воздушных армий, участвовавших в операциях 1944 года. За время операции она совершила более 48 тыс. самолето-вылетов. Правильное использование авиации дало возможность провести эффективную непосредственную авиационную подготовку, надежно обеспечить и поддержать наступление сухопутных войск с воздуха, ускорить

ликвидацию окруженной группировки противника в районе Броды и оказать существенную поддержку войскам в борьбе за сандомирский плацдарм.

В ходе Львовско-Сандомирской операции, только с 14 по 31 июля, противник потерял убитыми, ранеными и плененными до 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили огромные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов⁶¹. Однако потери 1-го Украинского фронта в операции были немалые они составили: 290 тыс. человек, в том числе 65 тыс. безвозвратные⁶².

В целом успешные действия Красной армии на белорусском и львовском направлениях обеспечили весьма выгодные условия для советских войск, действовавших на флангах советско-германского фронта. В тот период на южном направлении особенно успешно действовали войска Украинских фронтов, которые в ходе активных наступательных действий стремительно продвигались к государственной границе СССР, завершая освобождение Западных областей Украины и Молдавии.

В ходе последующих операций, проведенных ими на этом направлении (Яско-Кишиневская и Восточно-Карпатская), советская территория была полностью очищена от немецких войск, и Красная армия приступила к освободительной миссии народов и стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Таким образом, летом и осенью 1944 г. советские войска в ходе проведения наступательных операций на южном крыле советско-германского фронта добились крупных военно-политических итогов. В ходе боевых действий они завершили освобождение западных областей Украины, полностью освободили Молдавию, а также вступили на территорию стран Восточной Европы — Румынии, Польши и Чехословакии.

В результате успешно проведенных советскими войсками наступательных операций на этом направлении были разгромлены в общей сложности 47 немецких и румынских дивизий и бригад. Группа армий «Южная Украина» почти полностью перестала существовать и лишилась основной массы своей военной техники и вооружения⁶³. Не менее ощутимы были экономические потери Германии. Она лишилась продовольственной базы и источников стратегического сырья в Западной Украине, Молдавии и Румынии.

Советскому Союзу удалось достичь крупных военно-политических результатов благодаря не только мощи вооруженных сил, но и искусству советского командования. На южном крыле со-

ветско-германского фронта советским командованием был проведен ряд последовательных и одновременных фронтовых наступательных операций, операций групп фронтов, объединенных общим замыслом и планом, таких как: Львовско-Сандомирская, Яско-Кишеневская, Восточно-Карпатская⁶⁴. В тот период боевые действия войск носили исключительно маневренный характер. Они изобиловали примерами успешного прорыва вражеской обороны, быстрого окружения и ликвидации вражеских группировок, стремительного наступления в оперативной глубине. Эти операции, проведенные войсками Украинских фронтов, дали немало образцов тесного, непрерывного взаимодействия и широкого применения танковых подвижных групп, массированного использования стрелковых войск, артиллерии и авиации.

Особая роль в этих операциях отводилась Черноморскому Военно-Морскому флоту и Дунайской флотилии, которые должны были в ос-

новном содействовать сухопутным войскам в проведении ими наступательных операций. Одновременно с этим силы Черноморского флота нацеливались и на решение задач, связанных с нарушением морских сообщений врага.

Успешные действия советских войск поддерживались и народно-освободительными восстаниями в Словакии, Румынии. В последующем вооруженные силы этих стран участвовали в совместных с советскими войсками боевых действиях по освобождению ряда стран Юго-Восточной Европы.

Советская Родина по достоинству оценила мужество и героизм, проявленные советскими воинами на полях сражений. 230 соединений и частей Сухопутных войск, Военно-Воздушных Сил и Военно-Морского Флота, отличившихся при овладении крупными городами, получили почетные наименования Кишиневских, Яских, Фокшанских, Варненских и других. Более 280 частей и соединений были награждены орденами.

¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 9, 10.

² Там же. С. 13–15.

³ Операции Советских Вооруженных Сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М.: 1958. С. 381.

⁴ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 11–13.

⁵ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 165. Л. 32, 33.

⁶ Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1945. М.: 1981. С. 223, 224.

⁷ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 381, 382.

⁸ Там же. Л. 400.

⁹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 15, 16.

¹⁰ Там же. С. 19, 20.

¹¹ Операции Советских Вооруженных Сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). М.: 1958. С. 383.

¹² Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 21, 22.

¹³ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2673. Д. 341. Л. 7 — 9. Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 25.

¹⁴ Никифоров В. Г. Советская авиация в Львовско-Сандомирской наступательной операции (июль-август 1944 г.). М.: 1960. С. 29.

¹⁵ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 31.

¹⁶ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 230–233. Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 33, 34.

¹⁷ Военно-научная библиотека ГШ РФ. Документы ВАО ВНУ. Инв. П. 213. С. 98.

¹⁸ Выдержки из отчета «Боевой опыт группы армии «Северная Украина» за время оборонительных боев в июне 1944 г.» // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 16. М.: 1955. С. 102.

¹⁹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 36.

²⁰ Конев И. С. Записки командующего фронтом 1943–1945. М.: Воениздат. 1981. С. 233–236.

²¹ Военно-научная библиотека ГШ РФ. Документы ВАО ВНУ. Инв. П. 213. С. 26.

²² ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 91. Л. 359–361.

²³ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 131–140.

²⁴ Военно-научная библиотека ГШ РФ. Документы ВАО ВНУ. Инв. П. 213. С. 109.

²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 141–150.

- ²⁶ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 17 (март — апрель 1945 г.). М.: 1945. С. 31–36.
- ²⁷ Полушкин М. А. На сандомирском направлении. М.: 1969. С. 57.
- ²⁸ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 154 — 160.
- ²⁹ Военно-научная библиотека ГШ РФ. Документы ВИО ВНУ. Инв. П. 213. С. 139.
- ³⁰ Там же. С. 140.
- ³¹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 165–170.
- ³² Там же. Ф. 48. Оп. 1795. Д. 449. Л. 139.
- ³³ Там же. Ф. 236. Оп. 17062. Д. 16. Л. 255, 256.
- ³⁴ Наступление 15-го стрелкового корпуса с прорывом подготовленной обороны противника южнее Броды (14–22 июля 1944 г.) // Сборник военно-исторических материалов Великой Отечественной войны. Выпуск 8. М.: 1952. С. 124, 125.
- ³⁵ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 249.
- ³⁶ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 179.
- ³⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М.: 1945. С. 74, 75.
- ³⁸ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 180.
- ³⁹ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 409.
- ⁴⁰ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 239, 250.
- ⁴¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 52.
- ⁴² ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 13315. Д. 104. Л. 37, 38.
- ⁴³ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 199–201, 210–214.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 414, 415.
- ⁴⁵ Там же. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 56. Л. 258.
- ⁴⁶ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М.: 1945. С. 76, 80.
- ⁴⁷ ЦАМО РФ. Ф. 132 А. Оп. 2642. Д. 36. Л. 414, 415.
- ⁴⁸ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 16 (январь — февраль 1945 г.). М.: 1945. С. 81, 82.
- ⁴⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 6. Л. 290, 301.
- ⁵⁰ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 61–64.
- ⁵¹ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 417.
- ⁵² Там же. Л. 428.
- ⁵³ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 59, 60.
- ⁵⁴ Там же. Л. 70, 81.
- ⁵⁵ Там же. Ф. 16. Оп. 1074. Д. 7. Л. 280–286.
- ⁵⁶ Там же. Л. 218, 230.
- ⁵⁷ Там же. Л. 59, 60.
- ⁵⁸ Там же. Л. 301, 305.
- ⁵⁹ Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 166. Л. 429, 430.
- ⁶⁰ Там же. Л. 431.
- ⁶¹ Сборник материалов по изучению опыта войны. № 22 (январь — февраль 1946 г.). Управление изучения опыта войны Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. М.: 1946. С. 72.
- ⁶² Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: 2001. С. 297.
- ⁶³ Важнейшие операции Великой Отечественной войны. М.: 1956. С. 409, 410.
- ⁶⁴ Гареев М. А. Неоднозначные страницы войны. М.: 1995. С. 212.

Архивные документы

Приложение 1

Приказ Ставки ВГК № 220097 о перемещениях командования 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов

15 мая 1944 г.

1. С целью дать возможность маршалу Жукову руководить в будущем действиями нескольких фронтов освободить его от временного командования 1-м Украинским фронтом.
2. Назначить командующим 1-м Украинским фронтом маршала Конева, освободив его от должности командующего 2-м Украинским фронтом.
3. Назначить командующим 2-м Украинским фронтом генерала армии Малиновского, освободив его от должности командующего 3-м Украинским фронтом.
4. Назначить командующим 3-м Украинским фронтом генерала армии Толбухина, освободив его от должности командующего 4-м Украинским фронтом.
5. Освободить от должности начальник штаба 4-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Бирюзова и назначить его начальником штаба 3-го Украинского фронта. Тов. Бирюзову прибыть к новому месту службы и вступить в исполнение обязанностей начальника штаба 3-го Украинского фронта позже 20 мая с. г.
6. Освободить от должности начальника штаба 3-го Украинского фронта генерал-лейтенанта Корженевича и назначить его начальником штаба 4-го Украинского фронта.
7. Тов. Толбухину вступить в командование 3-м Украинским фронтом не позже 22 мая с. г.
8. Тов. Малиновскому вступить в командование 2-м Украинским фронтом не позже 24 мая с. г.
9. Тов. Коневу вступить в командование 1-м Украинским фронтом не позже 27 мая с. г.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 165. Л. 32, 33.

Приложение 2

Директива Ставки ВГК № 220122 командующему войсками 1-го Украинского фронта на разгром львовской и рава-русской группировок противника

24 июня 1944 г. 24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Подготовить и провести операцию с целью разгромить львовскую и рава-русскую группировки противника и выйти на фронт Грубешув, Томашув, Яворув, Миколаюв, Галич, для чего прорвать оборону противника, нанося два удара:
 - а) один удар силами 3-й гв. и 13-й армий из района юго-западнее Луцка в общем направлении на Сокаль, Рава-Русская с задачей разгромить рава-русскую группировку противника и овладеть Томашувом, Рава-Русской. С выходом на западный берег р. Западный Буг частью сил наступать на Грубешув, Замостье, содействуя продвижению левого крыла 1-го Белорусского фронта;
 - б) другой удар силами 60, 38 и 5-й армий из района Тарнополя в общем направлении на Львов с задачей разгромить львовскую группировку противника и овладеть Львовом. Обеспечить удар на Львов со стороны Стрия и Станислава выдвиганием войск 1-й гв. армии на р. Днестр.
2. Подвижные войска (танковые армии, конно-механизированные группы) использовать для развития успеха после прорыва обороны противника: на рава-русском направлении — одну танковую армию и одну конно-механизированную группу и на львовском направлении — две танковые армии и одну конно-механизированную группу. Конно-механизированные группы создать путем придачи каждому кавалерийскому корпусу по одному танковому или механизированному корпусу. Во главе конно-механизированных групп иметь: одной — генерал-лейтенанта Соколова и второй — генерал-лейтенанта Баранова. Конно-механизированные группы применять для действий по тылам основных группировок противника.
3. Разграничительные линии с соседями прежние.
4. Готовность к наступлению — согласно полученным Вами лично указаниям Ставки.
5. О получении донести. Директиву хранить в личном Вашем сейфе.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 381, 382.

Приложение 3

Директива Ставки ВГК № 220139 командующему войсками 1-го Украинского фронта об утверждении плана операции по разгрому львовской и рава-русской группировок противника

Копия: представителю Ставки

10 июля 1944 г. 02 ч. 00 мин.

Ваш приказ от 7.07.1944 г. за № 00596/239/оп ставка утверждает за исключением некоторых пунктов, по которым вам даются следующие указания:

1. Танковые армии и конно-механизированные группы использовать не для прорыва, а для развития успеха после прорыва. Танковые армии в случае успешного прорыва ввести через день, а конно-механизированные группы — через два дня после начала операции, вслед за танковыми армиями.

2. На первый день операции поставить пехоте посильные задачи, так как поставленные вами задачи безусловно завышены.
3. Об отданных распоряжениях по этому вопросу донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 400.

Приложение 4

Приказ Ставки ВГК № 220147 о возложении на Г.К. Жукова координации действий трех фронтов

19 июля 1944 г. 24 ч. 00 мин.

В целях лучшего взаимодействия фронтов Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить на Маршала Жукова координацию действий 2-го Белорусского, 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 409.

Приложение 5

Директива Ставки ВГК № 220152 представителю Ставки, командующему войсками 1-го Украинского фронта об использовании танковых армий и кавалерийских корпусов для разгрома львовской группировки противника

24 июля 1944 г. 01 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования считает ваш план использования танковых армий и кав. корпусов преждевременным и опасным в данный момент, поскольку такая операция не может быть сейчас материально обеспечена и приведет только к ослаблению и распылению наших ударных группировок.

Исходя из этого, Ставка Верховного Главнокомандования приказывает в первую очередь разгромить львовскую группировку противника и не допустить ее отхода за р. Сан или на Самбор, для чего:

1. 1 ТА Катукова и 1 гв. кк Баранова использовать для овладения районом Ярослав, Перемышль с целью отрезать основные пути львовской группировке противника на запад.
2. 3 гв. ТА Рыбалко и 4 ТА Лелюшенко использовать для разгрома львовской группировки противника и овладения городом Львов во взаимодействии с 60 А Курочкина. Имейте в виду, что, не овладев Львовом, как важным железнодорожным узлом, мы не можем развить серьезное наступление дальше на запад, в сторону Кракова.
3. 6 гв. кк Соколова использовать для удара по тылам красноставской группировки противника в общем направлении на Томашув, Красник и для разгрома ее во взаимодействии с 3 гв. А Гордова и левым крылом 1-го Белорусского фронта.
4. Наступление на запад на ближайшие дни ограничить выходом на р. Сан с захватом переправ и плацдармов на западном берегу этой реки.

5. Об отданных распоряжениях донести и к 26.07.1944 г. представить план дальнейшей наступательной операции фронта после овладения Львовом.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 414, 415.

Приложение 6

Директива Ставки ВГК № 220155 командующему войсками 1-го Украинского фронта об использовании танковых армий и кавалерийских соединений для захвата плацдармов на Висле

27 июля 1944 г. 19 ч. 20 мин.

В связи с занятием войсками фронта Львова, Перемышля и Ярослава Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. 1-ю гв. танковую армию Катюкова и кавалерийские соединения использовать для захвата плацдармов на западном берегу р. Висла на участке между Сандомиром и р. Вислока. Вслед за этими соединениями направить туда же 3-ю гв. танковую армию Рыбалко.
2. Указания, по представленному Вами 26.07 плану дальнейших действий, будут даны 28.07.1944 г.
3. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 417.

Приложение 7

Директива Ставки ВГК № 220163 командующему войсками 1-го Украинского фронта, представителю Ставки на форсирование Вислы и захват перевалов через Карпаты

28 июля 1944 г. 24 ч. 00 мин.

1. Войскам 1-го Украинского фронта продолжать наступление с задачей:
 - а) силами 13-й армии Пухова и 1-й гв. танковой армии Катюкова не позже — 2.08 форсировать р. Висла и захватить плацдарм на ее западном берегу, на участке Сандомир, устье р. Вислока. Захваченный плацдарм использовать для удара на север с целью помочь 3-й гв. армии Гордова форсировать р. Висла и выйти на ее западный берег;
 - б) центром фронта к тому же времени выйти на р. Вислока и овладеть районом Санок, Дрогобыч, Долина;
 - в) силами 1-й гв. и 18-й армий захватить и прочно удерживать перевалы Карпатский хребет на направлениях Гуменнэ, Ужгород, Мукачево с целью последующего выхода в Венгерскую долину.
2. В дальнейшем иметь в виду наступление в общем направлении на Ченстохов и на Краков.
3. Установить с 24.00 29.07 следующую разграничительную линию с 1-м Белорусским фронтом: до Коньске — прежняя и далее Пиоркув, Острув (20 км юго-зап. Калиша). Оба пункта для 1-го Белорусского фронта включительно.

4. Ответственность за обеспечение стыков с соседними фронтами оставить прежнюю.
5. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 425.

Приложение 8

Директива Ставки ВГК № 220165 заместителю Верховного Главнокомандующего, командующим войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го белорусских фронтов о возложении на Г.К. Жукова руководства операциями трех фронтов

29 июля 1944 г. 24 ч. 00 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает возложить заместителя Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза Жукова не только координацию, но и руководство операциями, проводимыми войсками 1-го Украинского, 1-го и 2-го Белорусских фронтов.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 427.

Приложение 9

Директива Ставки ВГК № 220166 командующим войсками 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов о порядке форсирования Вислы

29 июля 1944 г. 24 ч. 00 мин.

Приказ Ставки о форсировании р. Висла и захвате плацдармов названными в приказе армиями нельзя понимать так, что другие армии должны сидеть сложа руки и не пытаться форсировать Вислу. Командование фронта обязано максимально обеспечить переправочными средствами те армии, в полосе которых Висла должна быть форсирована согласно приказу Ставки. Однако и другие армии при наличии возможности также должны форсировать р. Висла.

Придавая большое значение делу форсирования Вислы, Ставка обязывает вас довести до сведения всех командармов вашего фронта, что бойцы и командиры, отличившиеся при форсировании Вислы, получают специальные награды орденами вплоть до присвоения звания Героя Советского Союза.

Ставка Верховного Главнокомандования
И. СТАЛИН
А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 428.

Приложение 10

Директива Ставки ВГК № 302005 командующим войсками 4, 1 и 2-го Украинских фронтов, представителям Ставки об образовании 4-го Украинского фронта

Копия: начальнику Главного организационного управления

30 июля 1944 г. 17 ч. 30 мин.

Ставка Верховного Главнокомандования приказывает:

1. Образовать 4-й Украинский фронт в составе 1-й гв. армии (девять стр. дивизий), 18-й армии (девять стр. дивизий), выделив их из состава 1-го Украинского фронта. Армии передать в состав 4-го Украинского фронта к 24.00 5.08.1944 г. со всеми армейскими средствами усиления, тыловыми частями, учреждениями и наличными запасами.
2. Назначить: командующим 4-м Украинским фронтом генерал-полковника Петрова И. Е.; членом Военного совета фронта генерал-полковника Мехлиса Л. З.; начальником штаба фронта генерал-лейтенанта Корженевича Ф. К.
3. В качестве управления фронта использовать управление бывшего 4-го Украинского фронта, перебросив его в район Станислава.
4. Дополнительно в состав 4-го Украинского фронта включить следующие средства усиления:
 - а) управление 8-й воздушной армии, две истребительные, две штурмовые, одну бомбардировочную авиадивизии из 1-го Украинского фронта;
 - б) одну зенитную дивизию, шесть иптап, четыре горно-вьючных минометполка, два полка ГМЧ, два гап из 1-го Украинского фронта и четыре горно-вьючных минометных полка из резерва Ставки;
 - в) две танковые бригады и два самоходных артополка СУ-76 из резерва Ставки;
 - г) две горно-инженерные бригады из резерва Ставки, одну штурмовую инженерную бригаду и два понтонных батальона из 1-го Украинского фронта.
5. Материально-техническое снабжение войск, включаемых в состав 4-го Украинского фронта, до 15 августа оставить за 1-м Украинским фронтом.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. СТАЛИН

А. АНТОНОВ

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 166. Л. 429, 430.

Разгром немецких войск в Восточной Пруссии

Н. Ф. Азясский*

Территория Восточной Пруссии, будучи хорошо оборудованной и выдвинутой на восток, на протяжении многих лет служила форпостом, с которого германские агрессоры осуществляли свои планы захвата и порабощения восточных народов. Как государство Пруссия образовалась в начале XVII в. в результате активной колонизации немецкими завоевателями славянских и литовских земель. В захваченных колонистами районах быстро набирало силы прусское юнкерство, служившее на протяжении всего периода своего существования верной опорой Германии. Пруссия представляла собой военизированное государство, которое находилось в непрерывных грабительских войнах, бывших для нее своеобразным промыслом. Неоднократно Восточная Пруссия использовалась в качестве плацдарма для агрессии против Польши и России. Именно отсюда в Первую мировую войну развернулось наступление немцев на Прибалтику и Польшу. Отсюда же был нанесен один из главных ударов при нападении на Польшу, положивший начало Второй мировой войне, а летом 1941 г. — осуществлено вероломное вторжение вермахта в пределы Советского Союза.

В планах немецкого военно-политического руководства Восточной Пруссии отводилась особая роль: она должна была стать индустриальным центром восточных владений, которые простирались бы от нижнего течения Вислы до Уральских гор. Начало реализации этих замыслов было положено еще в 1939 г. После захвата части Клайпедской области Литвы и Северной Польши они были включены в состав Восточной Пруссии. В новых границах она была разделена на четыре округа. Территория, примыкающая к Нижней Висле, во-

шла во вновь созданный округ Данциг — Западная Пруссия.

Восточно-Прусская стратегическая наступательная операция характерна прорывом сильной и глубоко эшелонированной обороны противника с наличием долговременных сооружений и уничтожением его крупной группировки, а также способами овладения крупным городом-крепостью Кёнигсбергом. С точки зрения советского командования — ее исключительная важность определялась необходимостью обеспечить успешные действия войск на берлинском направлении. Маршал Советского Союза А. М. Василевский подчеркивал в мемуарах, что восточно-прусскую группировку противника требовалось уничтожить во что бы то ни стало, так как ее ликвидация высвобождала значительные силы для наступления на Берлин и снимала угрозу флангового удара с территории Восточной Пруссии по продвинувшимся далеко вперед армиям Г. К. Жукова и И. С. Конева.

Обстановка, планы и подготовка сторон

После успешного наступления, осуществленного летом и осенью 1944 г., советские войска вплотную подошли к границам Восточной Пруссии. К северной ее границе, на реку Неман, выдвинулись войска левого крыла 1-го Прибалтийского фронта. На участок между рекой Неман и Августовом вышли войска 3-го Белорусского фронта, которые прорвали на гумбинненском и голдапском направлениях пограничные укрепления противника и продвинулись в глубь Восточной Пруссии от 20 до 45 км. Войска 2-го Белорусского фронта вышли к Августовскому каналу и рекам Бобр

* **Азясский Николай Фёдорович** — д. и. н., профессор Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба ВС РФ.

и Нарев, захватив два плацдарма оперативного значения у Августова и Ружан¹.

Восточная Пруссия в 1941–1945 гг. для нацистской Германии имела большое экономическое, политическое и стратегическое значение. Поэтому немецкое верховное командование в этот период уделяло особое внимание удержанию Пруссии. Она должна была прочно прикрыть подступы к центральным районам Германии. Здесь издавна имелись мощные укрепления, которые в последующем совершенствовались и дополнялись. К началу зимнего наступления Красной армии в 1945 г. противник создал мощную систему обороны глубиной до 200 км. Созданию мощной обороны способствовали многочисленные холмы, лесные массивы, озера, болота, реки и каналы. Особое значение имело наличие в центральной части Восточной Пруссии Мазурских озер, которые разделяли наступавшие с востока войска на две группы — северную и южную — и осложняли взаимодействие между ними.

Оборонительные инженерные сооружения на значительном протяжении прикрывались рвами, деревянными, металлическими и железобетонными надолбами. Основу только одного Хейльсбергского укрепленного района составляли 911 долговременных оборонительных сооружений. Именно здесь, в подземных убежищах под Растенбургом, под прикрытием Мазурских озер с момента нападения на СССР и вплоть до 1944 г. располагалась ставка А. Гитлера, вошедшая в историю под названием Wolfsschanze («Волчья яма»)².

Роль Восточной Пруссии как военно-промышленного района и основной продовольственной базы Германии к началу 1945 г. еще более возросла. Гитлеровские руководители, потеряв ранее оккупированные земли в ряде стран Европы, а также многие источники стратегического сырья, пытались всеми силами и средствами сохранить Восточную Пруссию, так как здесь находились многие предприятия военной, судостроительной и машиностроительной промышленности, снабжавшие вермахт различной техникой, вооружением и боеприпасами. Через ее территорию пролегли коммуникации в Померанию и Берлин, к жизненным центрам Германии. В стратегическом отношении важно было то обстоятельство, что выдвинутые далеко на восток военно-морские базы на Балтийском море позволяли немецкому военному командованию базировать крупные силы флота, а также поддерживать связь с отрезанной в Курляндии крупной группировкой сил и средств.

В связи с рядом поражений и неудач в ходе военных действий на советско-германском фронте командование вермахта решило предпринять ряд дополнительных мер по обороне. Осенью 1944 г. начальник генерального штаба сухопутных

войск утвердил план строительства сооружений на всем восточном фронте, в том числе и в Восточной Пруссии. В соответствии с этим планом на ее территории и в Северной Польше в короткие сроки должны были модернизироваться старые укрепления и создаваться полевая оборона. В систему оборонительных сооружений вошли Ильменхорстский, Летценский, Алленштейнский, Хейльсбергский, Млавский и Торуньский укрепления, а также 13 старинных крепостей. При строительстве укреплений использовались выгодные естественные рубежи, прочные каменные здания и другие постройки многочисленных небольших и крупных населенных пунктов, связанных между собой развитой сетью шоссе и железных дорог. Между оборонительными полосами имелось большое количество отсечных позиций и отдельных узлов обороны.

Принятые меры позволили немецкому командованию к началу зимнего наступления Красной армии создать мощную систему инженерной обороны в Восточной Пруссии общей глубиной 150–200 км. Наиболее прочные укрепления имелись на восточных подступах к Кенигсбергу. Мощная система укреплений, состоявшая из семи оборонительных рубежей и шести укрепленных районов, оборонялась группой армий «Центр» под командованием генерал-полковника Г. Рейнгардта³.

Эта группа армий занимала рубеж от устья Немана до устья Западного Буга и включала 4-ю и 2-ю полевые, а также 3-ю танковую армии. Всего к началу наступления советских войск группировка противника насчитывала до 35 пехотных, 4 танковые и 4 моторизованные дивизии, самокатную бригаду и 2 отдельные группы. Всего группа армий «Центр» имела 780 тыс. солдат и офицеров, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий. Наземные войска поддерживали 775 боевых самолетов⁴.

Более высокая плотность сил и средств была создана на инстербургском и млавском направлениях. В резерве высшего командования и армий находились 9 дивизий (в том числе четыре танковые и три моторизованные), что составляло почти четвертую часть общего количества всех соединений. В основном они располагались в районе Мазурских озер, и частично — в Ильменхорстском и Млавском укрепленных районах. Столь крупная группировка резервов позволяла противнику осуществлять маневр для нанесения контрударов против советских войск, наступавших севернее и южнее Мазурских озер. Кроме того, на территории Восточной Пруссии дислоцировались различные вспомогательные и специальные части и подразделения (крепостные, запасные, учебные, полицейские, морские, транспортные, охранные),

а также части фольксштурма и отряды гитлерюгенда, принявшие затем участие в ведении оборонительных действий.

Войска группы армий «Центр» поддерживали самолеты 6-го воздушного флота, который располагал достаточным количеством оборудованных аэродромов. В период подготовки советских войск к наступлению вражеская авиация проявляла большую активность, совершая налеты на районы их сосредоточения.

Военно-морские силы Германии, базировавшиеся в Балтийском море, предназначались для обороны морских коммуникаций, артиллерийской поддержки своих войск в прибрежных районах, а также для эвакуации их с изолированных участков побережья.

В соответствии с планами, разработанными к началу 1945 г., войскам группы армий «Центр» была поставлена задача: опираясь на сильно укрепленную оборону, остановить продвижение советских войск в глубь Восточной Пруссии и сковать их на длительное время. Генеральный штаб сухопутных войск Германии подготовил для группы армий «Центр» и активный вариант действий: при благоприятных условиях нанести из Восточной Пруссии мощный контрудар во фланг и тыл центральной группировке советских войск. Данный вариант должен был вступить в силу при успешном решении группой армий «Центр» оборонительных задач и возможном ее усилении за счет курляндской группировки. Планировалось также высвобождение ряда соединений по мере выравнивания линии фронта за счет ликвидации выступов в обороне и отвода войск 4-й армии за линию Мазурских озер. Однако в связи с тем, что по этому плану генерального штаба сухопутных войск предполагалось оставление части территории Восточной Пруссии, верховное командование отвергло его.

Многие государственные и военные деятели Германии являлись уроженцами Восточной Пруссии, имевшие там обширные владения. К их числу можно отнести Г. Геринга, Э. Коха, В. Вейса, Г. Гудериана и ряд других. В определенной степени они были заинтересованы в том, чтобы существенно усилить группу армий «Центр» даже за счет ослабления обороны на других участках фронта. В своем обращении к фольксштурмовцам Кох призывал отстоять Восточную Пруссию, утверждая, что с ее потерей погибнет вся Германия. С целью всемерного укрепления морального духа войск и населения, командование вермахта провело целый ряд пропагандистских мер. Вступление советских войск в Восточную Пруссию использовалось для запугивания немцев, которых якобы от мала до велика, ожидает неминуемая гибель. Все население призывалось встать на защиту своего района, своего

дома. Некоторые подразделения были укомплектованы целиком из жителей одного населенного пункта, который они любой ценой должны были оборонять. По существу, все способные носить оружие зачислялись в фольксштурм.

Пропагандисты нацистской Германии продолжали утверждать, что, если немцы проявят высокую стойкость, советские войска не смогут преодолеть «неприступные укрепления Восточной Пруссии». Благодаря новому оружию, которое должно поступить на вооружение, «мы все-таки победим, — утверждал министр пропаганды И. Геббельс. — Когда и как — это дело фюрера»⁵. С помощью социальной демагогии, репрессий и других мер, фашисты пытались заставить все население Германии сражаться до последнего человека. Идеологическая обработка личного состава сопровождалась репрессиями военного командования. В войсках под расписку был объявлен приказ, который требовал удержать Восточную Пруссию во что бы то ни стало. Для укрепления дисциплины и вселения всеобщего страха в армии и тылу с особой жестокостью выполнялась директива Гитлера о смертной казни. «Каждый бункер, каждый квартал немецкого города и каждая немецкая деревня, — указывалось в приказе Гитлера, — должны превратиться в крепость, у которой противник либо истечет кровью, либо гарнизон этой крепости в рукопашном бою погибнет под ее развалинами... В этой суровой борьбе за существование немецкого народа не должны щадиться даже памятники искусства и прочие культурные ценности»⁶. Посредством таких мер немецкому руководству удалось заставить солдат сражаться с отчаянием обреченных.

Задача разгрома восточнопрусской группировки немцев возлагалась на войска трех советских фронтов. В январе 1945 г. на восточнопрусском стратегическом направлении были развернуты: частично силы 1-го Прибалтийского фронта, которые располагались по реке Неман от устья до Сударги. Южнее на гумбинненском направлении, в Восточную Пруссию широким выступом, глубиной до 40 км, вдавался 3-й Белорусский фронт, который занимал рубеж до Августова. По Августовскому каналу, рекам Бобр, Нарев и Западный Буг, восточнее города Модлин закрепились войска 2-го Белорусского фронта. Они удерживали два важных оперативных плацдарма на правом берегу Нарева⁷.

Накануне наступления Ставка Верховного командования пополнила фронты личным составом, вооружением и боевой техникой, осуществила крупные перегруппировки войск. Еще в конце 1944 г. во 2-й Белорусский фронт были переданы из ее резерва 2-я ударная, а из 1-го Белорусского фронта — 65-я и 70-я армии. 3-й Белорус-

ский фронт пополнился за счет 2-й гвардейской армии, которая ранее действовала в 1-м Прибалтийском фронте. 12 ноября 1944 г. по указанию Ставки была произведена смена командования. Командующим 1-м Белорусским фронтом, которому предстояло брать Берлин, назначался Маршал Советского Союза Г.К. Жуков. Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский передвигался на должность командующего 2-м Белорусским фронтом. 8 января 1945 г. в состав 2-го Белорусского фронта была включена 5-я гвардейская танковая армия.

К началу операции на восточнопрусском направлении находились войска 3-го Белорусского фронта под командованием генерала армии И.Д. Черняховского вместе с 43-й армией (генерал-лейтенант А.П. Белобородов) 1-го Прибалтийского фронта и войска 2-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского, которые в общей сложности насчитывали 1 млн 669 тыс. человек, 25,4 тыс. орудий и минометов, около 3,9 тыс. танков и самоходных артиллерийских установок и более 3 тыс. боевых самолетов⁸. Такое сосредоточение сил и средств обеспечило превосходство над противником: по личному составу в 2,1 раза, по артиллерии — в 3,1, по танкам, САУ, штурмовым орудиям — в 5,5 и по боевым самолетам — в 4 раза⁹.

Общее превосходство сил и средств над противником давало возможность Красной армии провести операцию с решительными целями. По оценке германского штаба сухопутных сил превосходство русских по всем параметрам было еще больше. Так, например, генерал пехоты К. Типпельскирх особо подчеркивает: «В целом соотношение сил было таково, что успех немецкой обороны почти исключался, даже если предположить крайнее упорство войск и искусное управление ими. Неясен был еще лишь масштаб грозившей катастрофы»¹⁰.

По замыслу Ставки ВГК, общая цель операции заключалась в том, чтобы отсечь группу армий «Центр» от главных сил вермахта, прижать её к морю, расчленив и уничтожить. На первом этапе силами 2-го и 3-го Белорусских фронтов должны быть нанесены концентрические удары с целью отсечения и изоляции группы армий «Центр» от основных сил немецкой армии. На втором этапе осуществлялось рассечение восточнопрусской группировки на несколько частей, их окружение и уничтожение. Эту задачу предстояло выполнить 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта и армиям 3-го Белорусского фронта.

В соответствии с замыслом Ставка еще в ноябре — декабре 1944 г. разработала и довела до войск 3-го и 2-го Белорусских фронтов директи-

вы на проведение наступательных операций, связанных единством цели и скоординированных по времени. Каждый фронт должен был нанести мощный удар по одному из флангов группы армий «Центр».

Так, 3-й Белорусский фронт (командующий генерал армии И.Д. Черняховский, член военного совета генерал-лейтенант В.Е. Макаров, начальник штаба генерал-полковник А.П. Покровский) получил задачу наступать на Кенигсберг с востока. Он должен был нанести главный удар силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов, разгромить тильзитско-интербургскую группировку и не позднее 10–12-го дня операции овладеть рубежом Немониен, Норкиттен, Голдап на глубине 70–80 км. В дальнейшем, прочно обеспечивая главную группировку с юга, развивать наступление по обоим берегам реки Прегель, имея основные силы на ее левом берегу¹¹. В разгроме противника на кенигсбергском направлении 3-му Белорусскому фронту способствовала 43-я армия 1-го Прибалтийского фронта. Ее задача заключалась в том, чтобы нанести вспомогательный удар на Тильзит и в случае успеха стремительно преследовать отступающие войска противника вдоль побережья залива Куришес-Хаффа, не дать им закрепиться в северной части Земландского полуострова¹².

Войскам 2-го Белорусского фронта (командующий Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский, член военного совета генерал-лейтенант Н.Е. Субботин, начальник штаба генерал-лейтенант, с 17 февраля 1945 г. — генерал-полковник А.Н. Боголюбов) предстояло ударами с плацдармов на реке Нарев разгромить пшемысльско-млавскую группировку противника и не позднее 10–11-го дня наступления овладеть рубежом Мышинец, Дзялдово, Плоцк на глубине 85–90 км. В дальнейшем наступать в общем направлении Нове-Място, Мариенбург. Для содействия 1-му Белорусскому фронту в разгроме варшавской группировки противника 2-му Белорусскому фронту приказывалось не меньше чем одной армией, усиленной танковым или механизированным корпусом, нанести удар с запада, в обход Модлина, с целью не допустить отхода врага за Вислу и быть в готовности форсировать реку западнее Модлина.

1-му Прибалтийскому фронту надлежало силами 43-й армии наступать вдоль левого берега Немана и тем самым содействовать 3-му Белорусскому фронту в разгроме тильзитской группировки противника.

Краснознаменному Балтийскому флоту (командующий адмирал В.Ф. Трибуц, член военного совета вице-адмирал Н.К. Смирнов, начальник штаба контр-адмирал А.Н. Петров) приказыва-

лось активными действиями бомбардировочной операции, подводных лодок и торпедных катеров нарушать морские сообщения войск вермахта от Рижского залива до Померанской бухты, а ударами авиации, огнем корабельной и береговой артиллерии, высадкой десантов на приморских флангах противника содействовать сухопутным войскам, наступавшим вдоль морского побережья.

Командования объединений при подготовке и планировании операций творчески подошли к выполнению задач, поставленных Ставкой. Общий замысел И. Д. Черняховского, командующего войсками 3-го Белорусского фронта, заключался в нанесении фронтального удара на Кёнигсберг в обход мощных укреплений противника севернее Мазурских озер. Конечная цель наступления войск этого фронта состояла том, чтобы охватить основные силы восточнопрусской группировки немцев с севера и в последующем совместно со 2-м Белорусским фронтом разгромить их. Учитывая сложность преодоления мощной обороны противника, Черняховский решил прорвать оборону силами трёх армий, после чего ввести в сражение два танковых корпуса, армию второго эшелона и развивать успех в глубину — к Балтийскому морю. Главный удар командующий фронтом решил нанести силами четырех общевойсковых армий и двух танковых корпусов в направлении на Велау по стыку 3-й танковой и 4-й армий противника. Это позволяло не только разъединить их усилия в самом начале операции, но и обойти с севера мощные узлы сопротивления — Гумбиннен и Инстербург.

Оборону врага намечалось прорвать силами 39, 5 и 28-й армий на участке шириною 24 км. В первый же день эти армии должны были овладеть второй полосой обороны противника, чтобы с утра второго дня операции в полосе 5-й армии обеспечить ввод в прорыв 2-го гвардейского танкового корпуса. Вместе с этим, для наращивания удара решено было иметь во втором эшелоне 11-ю гвардейскую армию и в резерве — 1-й танковый корпус. Развертывание второго эшелона фронта намечалось осуществить на четвертый день операции с рубежа реки Инстер на смежных флангах 5-й и 28-й армий. Обеспечение главной группировки фронта с севера возлагалось на правофланговые соединения 39-й армии, готовившей удар на Лазденен. С юга ее прикрывала 2-я гвардейская армия, которая должна была перейти в наступление на третий день операции, в общем направлении на Даркемен. 31-я армия левого крыла фронта имела задачу прочно оборонять участок от Голдапа до Августова.

Замысел командующего войсками 2-го Белорусского фронта заключался в том, чтобы, используя плацдармы на правом берегу Наре-

ва, нанести мощный удар, прорвать оборону на млавском направлении, разгромить пшаснышско-млавскую группировку и, развивая стремительное наступление на Мариенбург, выйти к побережью Балтийского моря, отсечь войска группы армий «Центр» от остальных районов Германии и уничтожить их во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом.

Планом операции намечалось оборону противника на главном направлении прорвать с ружанского плацдарма силами трёх армий, а также трех корпусов (механизированного, танкового и кавалерийского). 3, 48 и 2-я ударная армии должны были, прорвав оборону противника на участке 18 км, наступать на Млаву, Мариенбург. Это направление, по мнению командования фронта, могло обеспечить более широкий оперативный простор для развертывания крупных сил подвижных соединений, давало возможность обойти с юга мощные Алленштейнский и Летценский укрепленные районы. Для расширения прорыва к северу 3-я армия получила задачу нанести удар на Алленштейн. В том же направлении предполагалось ввести 3-й гвардейский кавалерийский корпус, который должен был перерезать противнику основные маршруты отхода на запад. 49-я армия имела задачу главными силами перейти в наступление на Мышинец, используя прорыв в полосе 3-й армии.

Другой удар планировалось нанести силами 65-й и 70-й армий, а также одного танкового корпуса, с сероцкого плацдарма, вдоль северного берега Вислы. Армии должны были прорвать оборону противника на 10-километровом участке и наступать в направлении Насельск, Бельск. Одновременно 70-я армия должна была частью сил не допустить отхода варшавской группировки немцев за Вислу и быть в готовности форсировать ее западнее Модлина.

С целью увеличения ударной силы и развития успеха после прорыва главной полосы обороны 48-й, 2-й ударной и 65-й армиями намечался ввод 8-го механизированного, 8-го и 1-го гвардейских танковых корпусов. Для развития наступления на Млаву, Лидзбарк на направлении главного удара планировалось ввести в прорыв 5-ю гвардейскую танковую армию. Войскам 50-й армии была поставлена задача оборонять участок фронта от Августова до Новогруда.

Накануне Восточно-Прусской операции была проведена тщательная и всесторонняя подготовка к ней. Подготовка включала огромную работу по планированию предстоящих боевых действий, перегруппировке войск, напряженную боевую учебу личного состава частей и соединений по прорыву мощной глубоко эшелонированной вражеской обороны.

Важность и масштабность поставленных перед советскими войсками задач, сильно укрепленная и плотно занятая оборона противника требовали от фронтов глубокого построения войск. Для наращивания усилий в составе вторых эшелонов и подвижных групп 3-й Белорусский фронт имел одну общевойсковую армию и два танковых корпуса, а 2-й Белорусский — танковую армию, два танковых, механизированный и кавалерийский корпуса.

Для того, чтобы в кратчайшие сроки прорвать тактическую зону обороны противника и успешно развить наступление пехоты и танков в оперативной глубине, большие задачи возлагались на артиллерию. Для этого были достигнуты достаточно высокие артиллерийские плотности: 160–220 орудий и минометов на 1 км участка прорыва в 3-м Белорусском и 180–300 — во 2-м Белорусском фронтах. В частях и соединениях создавались полковые, дивизионные и корпусные артиллерийские группы, а также группы орудий для стрельбы прямой наводкой и минометные группы. В некоторых армиях, главным образом 2-го Белорусского фронта, имелись группы дальнего действия, разрушения и реактивной артиллерии, а в 3-м Белорусском еще и фронтовая группа артиллерии дальнего действия. Она предназначалась для уничтожения и подавления резервов, штабов, разрушения узлов дорог и других объектов, расположенных в глубине обороны противника.

Артиллерийская подготовка атаки планировалась продолжительностью 120 минут в 3-м Белорусском и 85 минут во 2-м Белорусском фронтах.

Командование фронтов особое внимание уделяло противовоздушной обороне. Кроме истребительной авиации во фронтовых объединениях имелось 1844 зенитных орудия¹³, посредством которых надежно прикрывались ударные группировки и важные объекты фронтовых тылов.

Большое внимание при разработке планов операции уделялось определению задач авиации. 1-я и 4-я воздушные армии фронтов под командованием генерал-полковников авиации Т. Т. Хрюкина и К. А. Вершинина основные усилия должны были направлять на содействие ударным группировкам при прорыве вражеской обороны и развитии успеха в оперативной глубине. С этой же целью предполагалось привлечь часть сил авиации 3-й воздушной армии генерал-полковника авиации Н. Ф. Папивина 1-го Прибалтийского фронта и 18-й воздушной армии Главного маршала авиации А. Е. Голованова.

Высокий качественный уровень подготовки обороны противника, а также характер планируемых действий ударных группировок фронтов обусловили объем задач инженерного обеспечения. Для инженерных войск 3-го Белорусского фронта

важно было обеспечить прорыв сильно укрепленных полос долговременного типа, оборудовать маршруты для своевременного ввода соединений второго эшелона и подвижных групп. Главной задачей инженерных войск 2-го Белорусского фронта являлось обеспечение прорыва наревского оборонительного рубежа, а также ввода в прорыв бронетанковых соединений и их действий в глубине вражеской обороны. Планы инженерного обеспечения войск предусматривали создание необходимых условий для их сосредоточения и перегруппировки, а также подготовку исходных районов для наступления.

В ходе подготовки к операции войсками 3-го Белорусского фронта было открыто около 2,2 тыс. км траншей и ходов сообщения, оборудовано около 2,1 тыс. командных и наблюдательных пунктов, более 10,4 тыс. блиндажей и землянок, подготовлены пути подвоза и эвакуации¹⁴. Объем инженерных работ, выполненных войсками 2-го Белорусского фронта, также был весьма обширным. Проведенные мероприятия обеспечивали главным группировкам фронтов скрытность сосредоточения подразделений и частей в исходном положении, а командованию — возможность скрытого управления войсками в ходе боевых действий.

Большой объем работ был проведен при оборудовании исходных районов на ружанском и сероцком плацдармах. К началу операции были приведены в исправное положение 25 мостов через реку Нарев и 3 — через Западный Буг. Саперы обнаружили и обезвредили на плацдармах более 159 тыс. мин и неразорвавшихся снарядов. Инженерные части и подразделения широко использовались для ведения инженерной разведки и обеспечения преодоления наступавшими минных полей, заграждений, препятствий и водных преград. Чтобы успешно решить все эти задачи 3-й Белорусский фронт привлек 10 инженерно-саперных бригад, 2-й Белорусский — 13. С учетом корпусных и дивизионных саперных подразделений в составе фронтов действовало 254 инженерно-саперных и 25 понтонных батальонов, что составляло около четверти всего состава таких частей и соединений Красной армии.

При подготовке к наступлению неослабленное внимание уделялось разведке противника. Во фронтах была развернута разветвленная сеть наблюдательных пунктов, широко применялась радиоразведка, многократно осуществлялись ночные полеты разведывательной авиации. Например, в полосе 3-го Белорусского фронта были сфотографированы все оборонительные полосы вплоть до Кёнигсберга. Авиация систематически вела наблюдение за передвижениями в тылу противника. Только топографическими частями

для 2-го Белорусского фронта было обработано 14 тыс. разведывательных аэрофотоснимков, по которым составлено и размножено 210 различных схем с данными о вражеской обороне.

Накануне наступления во фронтах предусматривалось проведение разведки боем. Активно проводились мероприятия по маскировке и дезинформации. Не упускалась из виду такая деятельность, как совершенствование организации управления: командные и наблюдательные пункты стремились максимально приблизить к войскам, была налажена бесперебойная связь. Радиосвязь во фронтовых и армейских объединениях была организована как по радионаправлениям, так и по радиосетям.

Большая работа в период подготовки к операции была проделана по организации тылового обеспечения действий войск фронтов. Значительное удаление района боевых действий от основных экономических районов, редкая сеть железных дорог в тылу советских войск: всего одна железнодорожная линия, ведущая к линии фронта, в полосе 3-го Белорусского две — в полосе 2-го Белорусского фронтов. Все это в условиях недостаточной пропускной способности фронтовых и армейских военно-автомобильных дорог в значительной мере осложняли деятельность оперативного тыла и материальное обеспечение войск. Поэтому тыловыми органами в первую очередь были приняты меры по восстановлению железных дорог, увеличению их пропускной способности, обеспечению нормальной работы автомобильного транспорта, что позволило в трудной обстановке создать требуемые планом запасы различных материальных средств. Так, запасы по боеприпасам к артиллерийско-минометному вооружению составили 2,3–6,2 боекомплекта в 3-м и 3–5 боекомплектов — во 2-м Белорусских фронтах, по автомобильному бензину и дизельному топливу — 3,1–4,4 заправки, по продовольствию — от 11 до 30 суток и более¹⁵.

Активно проводилась работа по медицинскому обеспечению предстоящей операции. К середине января в каждой армии 3-го Белорусского фронта имелось по 15–19 госпиталей на 37,1 тыс. коек. Кроме того, в ведении военно-санитарного управления фронта находилось 105 госпиталей на 61,4 тыс. коек. Во 2-м Белорусском фронте насчитывалось 135 армейских и 58 фронтовых госпиталей, рассчитанных на 81,8 тыс. штатных коек¹⁶. Все это дало возможность в ходе операции надежно обеспечить эвакуацию и лечение раненых и больных.

При подготовке к наступлению и в ходе его командование фронтов и армий, а также Краснознаменного Балтийского флота активно проводили работу по воспитанию у воинов высокого

наступательного порыва, укрепляя моральное состояние личного состава, повышая дисциплину и бдительность. Особенно учитывалось то обстоятельство, что советским воинам предстояло действовать на территории врага и на землях дружественной Польши. При этом им разъяснялось, что цель Красной армии — освобождение польского народа от захватчиков, а немецкого — от нацистской тирании. Обращалось внимание солдат и офицеров на недопустимость напрасной порчи имущества, разрушения различных сооружений и промышленных предприятий.

Результатом многогранной и целеустремленной деятельности военных советов фронтов и армий, Краснознаменного Балтийского флота, командиров и штабов явился в значительной мере возросший наступательный дух. Поввысилась боеготовность всех частей и соединений, готовящихся к наступлению.

Прорыв обороны и разгром немецких войск юго-западнее Кёнигсберга

Военные действия по разгрому восточно-прусской группировки носили длительный и ожесточенный характер. Восточно-Прусская операция началась 13 января 1945 г. переходом в наступление войска 3-го Белорусского фронта. Первыми в 6 часов утра в бой с врагом вступили передовые батальоны. Ворвавшись на передний край, они установили, что немецкое командование, предвидя возможные действия советских войск, оставило в первой траншее лишь незначительные силы, а основные отведло на вторую и третью траншеи. В целом, несмотря на тщательную подготовку к операции, полностью сохранить в тайне мероприятие такого большого масштаба не удалось. Противник, которому стало известно время наступления фронта, в ночь на 13 января, рассчитывая не допустить планомерного развития дальнейших событий, начал сильный артиллерийский обстрел боевых порядков ударной группировки фронта.

Однако ответными ударами артиллерии и ночных бомбардировщиков артиллерия врага вскоре была подавлена. В результате неприятель не смог помешать войскам фронта занять исходные позиции и перейти в наступление согласно плану. Ранним утром начались успешные действия передовых батальонов. Ворвавшись на передний край, они установили, что первую траншею занимают лишь незначительные силы, остальные отведены во вторую и третью траншеи. Это позволило внести некоторые коррективы в план артиллерийской подготовки. Так как над полем сражения стоял густой туман, а небо было покрыто низкими облаками, самолеты не могли подняться

с аэродромов. Вся тяжесть подавления вражеской обороны легла на артиллерию. В ходе артиллерийской подготовки, которая продолжалась два часа, советские войска израсходовали большое количество боеприпасов. Только в 5-й армии было выпущено более 117 100 снарядов. Но и повышенный расход боеприпасов не обеспечил полного подавления вражеской обороны.

После артиллерийской подготовки пехота и танки, поддерживаемые огнем артиллерии, перешли в атаку. Немецкие войска повсюду оказывали ожесточенное сопротивление. В условиях плохой видимости они подпускали танки на близкое расстояние, а затем широко применяли фаустпатроны, противотанковую артиллерию и штурмовые орудия. Соединения 39-й и 5-й армий, которыми командовали генерал-лейтенант И. И. Людников и генерал-полковник Н. И. Крылов, преодолевая упорное сопротивление врага и отражая его непрерывные контратаки, к исходу дня вклинились в оборону противника на 2–3 км; более успешно наступала 28-я армия генерал-лейтенанта А. А. Лучинского, продвинувшаяся до 7 км. Сплошной туман не позволил применить авиацию. Танки, продвигавшиеся на ощупь, несли большие потери. В общем, задачи первого дня операции выполнить не удалось.

Немецкое командование, пытаясь во что бы то ни стало задержать наступление советских войск, в течение 13-го и в ночь на 14 января перебросило с неатакованных участков к месту прорыва две пехотные дивизии, а из резерва подтянуло танковую дивизию. Отдельные пункты и узлы сопротивления несколько раз переходили из рук в руки. Отражая контратаки, войска фронта настойчиво продвигались вперед. 14 января самолеты 1-й воздушной армии, пользуясь тем, что погода несколько прояснилась, совершили 490 самолето-вылетов. Они уничтожали танки, артиллерию и живую силу противника, вели разведку до рубежа Рагнит, Растенбург. К исходу следующего дня войска ударной группировки фронта, прорвав главную полосу, вклинились в оборону врага на 15 км¹⁷.

Чтобы завершить прорыв тактической зоны обороны, потребовалось активизировать действия войск на флангах ударной группировки и ввести в сражение новые силы. По решению командующего фронтом 16 января 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта П. Г. Чанчибадзе перешла в наступление на Даркемен, а в полосе 5-й армии в сражение был введен 2-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта танковых войск А. С. Бурдейного. В период ввода корпуса, воспользовавшись улучшением погоды, соединения 1-й воздушной армии нанесли несколько массированных ударов по врагу, совершив 1090 самолето-вылетов¹⁸. В составе 303-

истребительной авиационной дивизии 1-й воздушной армии успешно действовали французские летчики истребительного авиационного полка «Нормандия — Неман» под командованием майора Л. Дельфино. Поддерживаемый авиацией и артиллерией ударной группировки фронта, танковый корпус А. С. Бурдейного совместно с правофланговыми соединениями 5-й армии прорвал вторую полосу обороны врага, овладев опорными пунктами Куссен и Радшен.

Вклинение советских войск в оборону противника создало угрозу окружения его группировки, оборонявшейся в междуречье Немана и Инстера. Командующий группой армий «Центр» вынужден был разрешить командующему 3-й танковой армией генералу Э. Раусу отвести 9-й армейский корпус из этого района на правый берег реки Инстер. В ночь на 17 января действовавшие здесь соединения 39-й армии, установив начало отхода противника, перешли к его преследованию. Усилили нажим и войска основной группировки этой армии. Утром сильным ударом они завершили прорыв тактической зоны обороны врага и стали развивать наступление в северо-западном направлении. В то же время продвижение войск 5-й и 28-й армий замедлилось, так как немецко-фашистское командование, стремясь любой ценой удержать вторую полосу обороны, непрерывно усиливало свои части танками, штурмовыми орудиями и полевой артиллерией.

Генерал армии И. Д. Черняховский, командующий 3-м Белорусским фронтом, учитывая сложившуюся обстановку, решил немедленно использовать успех 39-й армии для ввода второго эшелона. На это направление вначале был выдвинут 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В. В. Буткова, а затем и соединения 11-й гвардейской армии под командованием генерал-полковника К. Н. Галицкого. Мощный удар по опорным пунктам и скоплениям вражеской пехоты и танков нанесла авиация.

1-й танковый корпус 18 января вошел в прорыв на левом фланге 39-й армии. Уничтожая на своем пути разрозненные группы противника, соединения танкового корпуса достигли реки Инстер и захватили плацдармы на ее правом берегу. Используя успех корпуса, войска 39-й армии продвинулись за день на 20 км. К исходу дня ее передовые части вышли на реку Инстер.

5-я и 28-я армии к этому времени возобновили наступление и завершили прорыв тактической зоны обороны противника. Из-за непрерывных контратак темп продвижения советских войск оставался невысоким. Особенно яростное сопротивление враг оказал в полосе 28-й армии, части которой за 18 января отразили десять крупных контратак. В одной из них вражеская пехота с тан-

ками обрушила удар на 664-й стрелковый полк 130-й стрелковой дивизии, на острие атаки которого действовала 6-я рота 2-го батальона. Вместо тяжелораненого командира управление ротой взял на себя заместитель командира батальона капитан С. И. Гусев. Правильно оценив обстановку, он в самый напряженный момент боя поднял роту в атаку и увлек за собою другие подразделения полка. Спротивление врага было сломлено, и он стал откатываться назад. Преследуя противника, бойцы ворвались в один из опорных пунктов на подступах к Гумбиннену и овладели им. В этой схватке погиб коммунист Гусев. Отважному офицеру посмертно присвоено звание Героя Советского Союза, а Гумбиннен в его честь был переименован в город Гусев.

Труднее, но также успешно развивалось наступление войск 3-го Белорусского фронта на кёнигсбергском направлении. С 19 января в его состав по указанию Ставки была включена из 1-го Прибалтийского фронта 43-я армия под командованием генерал-лейтенанта А. П. Белобородова. Соединения армии в тот же день совместно с 39-й армией овладели городом Тильзит¹⁹.

Одновременно 2-й гвардейский и 1-й танковые корпуса, нанеся удар по противнику в полосе 39-й армии, продвинулись за день до 20 км и в ночном бою овладели сильными узлами сопротивления Гросс-Скайстиррен и Ауловенен. 20 января с рубежа реки Инстер на стыке 39-й и 5-й армий в сражение была введена 11-я гвардейская армия, которая к исходу 21 января вышла к реке Прегель северо-восточнее Велау и на подступы к Инстербургу с севера. К этому времени войска 43-й и 39-й армий приблизились к заливу Куришес-Хафф и реке Дейме. Инстербургская группировка врага была глубоко охвачена с северо-запада. В то же время наступление 5, 28 и 2-й гвардейской армий замедлилось из-за упорного сопротивления немецких войск. Особенно ожесточенные бои велись на подступах к Гумбиннену. Лишь во второй половине 21 января упорство противника было сломлено и город Гумбиннен взят. Соединения 5-й армии охватили Инстербург с востока. В ночь на 22 января 11-я гвардейская армия при содействии 5-й армии начала его штурм. Враг упорно сопротивлялся, но к утру город был захвачен советскими войсками.

В результате девятидневных непрерывных, ожесточенных боев войска 3-го Белорусского фронта прорвали оборону противника севернее Гумбиннена на участке свыше 60 км и продвинулись до 45 км в глубину. В ходе наступления советские войска нанесли тяжелое поражение 3-й танковой армии врага и создали условия для удара на Кёнигсберг.

Командующий 2-м Белорусским фронтом маршал К. К. Рокоссовский из-за плохой погоды

дважды переносил начало наступления, но вынужден был начать его 14 января на млавском направлении. В 10 часов началась мощная артиллерийская подготовка. В течение 15 минут артиллерия вела огонь с предельным напряжением по переднему краю и ближайшей глубине обороны противника, разрушая его оборонительные сооружения и нанося урон живой силе и технике. Передовые батальоны дивизий первого эшелона, развернутые на ружанском плацдарме, энергично атаковали передний край обороны врага и ворвались в первую траншею. Развивая успех в глубину, они к 11 часам овладели второй и частично третьей траншеями, что позволило сократить артиллерийскую подготовку, а период артиллерийской поддержки атаки начать двойным огнем валом на всю глубину второй позиции.

В первые два дня операции, получившей наименование Млавско-Эльбинской, ударные группировки, наступавшие с ружанского и сероцкого плацдармов, продвинулись на 7–8 км, затем, объединив удары с обоих плацдармов в общий прорыв на 60-километровом участке, атакующие войска продвинулись к исходу третьего дня наступления на 30 км и создали условия для быстрого развития успеха в глубину.

Иначе сложилась обстановка в полосах 65-й и 70-й армий, наступавших с сероцкого плацдарма, и в полосе 2-й ударной армии. Здесь передовые батальоны имели меньшее продвижение, и поэтому артиллерийская подготовка проводилась в полном объеме. Неблагоприятные метеорологические условия в этот день снизили эффективность артиллерийского огня и исключили возможность использования авиации.

В первый же день войска 2-й ударной армии генерал-полковника И. И. Федюнинского продвинулись на 3–6 км, а соединения 3-й армии под командованием генерал-полковника А. В. Горбатова и 48-й армии генерал-лейтенанта Н. И. Гусева прошли с боями 5–6 км. Гитлеровцы ожесточенно сопротивлялись и непрерывно переходили в контратаки. Командующий 2-й немецкой армией генерал В. Вейс приказал ввести в бой за главную полосу обороны дивизионные и корпусные резервы, специальные части и курсантские подразделения военных школ, а на угрожаемые направления — выдвинуть армейские резервы. Плотность вражеских войск значительно возросла. На отдельных участках войска фронта продолжали наступление и ночью. Его вели специально подготовленные для этого батальоны. С утра 15 января ударные группировки фронта возобновили наступление, но вновь встретили ожесточенное сопротивление. Многие опорные пункты неоднократно переходили из рук в руки. Командование группы армий «Центр» выдвинуло из резерва и ввело в сражение

на ружанском направлении 7-ю танковую дивизию, моторизованную дивизию «Великая Германия», а также другие части и подразделения. Темп продвижения советских ударных группировок снизился, а местами оно и вовсе прекратилось. Враг, рассчитывая, что войска 2-го Белорусского фронта уже исчерпали свои наступательные возможности, начал поспешно перебрасывать танковый корпус «Великая Германия» из Восточной Пруссии через Лодзь в район Кельце с целью остановить продвижение войск 1-го Украинского фронта. Однако расчеты врага не оправдались.

Для увеличения силы удара командующий фронтом приказал ввести в сражение в полосах 2-й ударной и 65-й армий 8-й и 1-й гвардейские танковые корпуса под командованием генерал-лейтенанта А. Ф. Попова и генерал-майора М. Ф. Панова, а на следующий день, 16 января, в полосе 48-й армии — 8-й механизированный корпус генерал-майора А. Н. Фирсовича. Командиру каждого корпуса, вводимого в прорыв, оперативно подчинялась одна штурмовая авиационная дивизия. Эти корпуса, отразив несколько сильных контратак противника, сломили его сопротивление и устремились вперед. Успеху наземных войск во многом способствовала авиация. Соединения 4-й воздушной армии, пользуясь улучшением погоды, произвели в этот день 2516 самолето-вылетов²⁰.

Чтобы сдержать наступление фронта, немецкое командование усилило 2-ю армию двумя пехотными и моторизованной дивизиями и приняло решение перебросить из Курляндии в Восточную Пруссию две пехотные и танковую дивизии. Однако войскам 2-го Белорусского фронта за трое суток упорных боев удалось прорвать тактическую зону обороны противника на 60-километровом участке и продвинуться в глубину до 30 км. Они овладели крупными опорными пунктами и узлами коммуникаций — городами Пултуск, Насельск, перерезали железнодорожную магистраль Цеханув–Модлин. Тактические и ближайшие оперативные резервы гитлеровцев были разгромлены. В сложившейся обстановке требовался мощный удар, чтобы окончательно сломить сопротивление врага. Командующий фронтом принял решение ввести в сражение подвижную группу.

Во второй половине 17 января 5-я гвардейская танковая армия под командованием генерал-полковника танковых войск В. Т. Вольского успешно вошла в прорыв в полосе 48-й армии. Для обеспечения ее действий авиация фронта усилила свои удары и за четыре часа произвела 1 тыс. самолето-вылетов. Во время ввода армии в прорыв противник пытался из районов Цеханув и Пшасныш нанести контрудары танковой и двумя моторизованными дивизиями по флангам ударной группировки фронта. Но эти попытки были со-

рваны энергичными действиями советских войск. 8-й гвардейский танковый корпус внезапным ударом совместно с поддерживавшей его авиацией разгромил танковую дивизию противника в районе ее сосредоточения и овладел станцией Цеханув, а 8-й механизированный корпус захватил Грудуск. Моторизованная дивизия «Великая Германия» попала под удар соединений 48-й и 3-й армий и понесла большие потери. 18-я моторизованная дивизия, выдвигавшаяся в район Млавы, так и не успела принять участие в осуществлении намеченного плана. Развивая наступление, 5-я гвардейская танковая армия оторвалась от общевойсковых армий и к концу дня достигла Млавского укрепленного района.

Вслед за танковыми соединениями, ускоренными темпами продвигались и общевойсковые армии. Советские воины, проявляя большой энтузиазм, отвагу и мужество, преодолели несколько позиций Млавского укрепленного района и 17–18 января штурмом овладели опорными пунктами Цеханув и Пшасныш. В это время 49-я армия под командованием генерал-лейтенанта И. Т. Гришина настойчиво продвигалась в северном направлении, обеспечивая правый фланг ударной группировки. Армии, действовавшие с сероцкого плацдарма, овладели Модлином. Войскам, участвовавшим в боях за освобождение Пшасныша и Модлина, приказом ВГК от 18 января объявлена благодарность и в Москве дан артиллерийский салют²¹.

Результатом упорных пятидневных боев явилось то, что 2-й Белорусский фронт успешно прорвал вражескую оборону в полосе шириной 110 км и продвинулся на млавском направлении до 60 км в глубину. Перед войсками фронта открылись реальные возможности в короткие сроки выйти к Балтийскому морю и отсечь восточно-прусскую группировку противника от центральных районов Германии.

К этому времени войска правого крыла 1-го Белорусского фронта освободили Варшаву. Они выдвинулись на реку Бзура и развивали наступление на Познань. Однако остатки четырех пехотных дивизий разгромленной варшавской группировки отошли за Вислу и усилили 2-ю армию, что осложнило обстановку перед левым крылом 2-го Белорусского фронта.

Наступление ударных группировок 3-го и 2-го Белорусских фронтов на кёнигсбергском и мариенбургском направлениях, которое поставило под угрозу фланги и тыл 4-й армии, оборонявшей августовский выступ. Командующий группой армий «Центр» видел угрозу окружения этой армии и неоднократно пытался добиться санкции верховного главнокомандования на ее отвод, но вынужден был удовлетвориться обещанием помощи извне.

Надежды командования группы армий «Центр» пополнить свои резервы за счет высвобождения дивизий 4-й армии не сбылись. Между тем среди немецкого командования царило полное замешательство. Вначале оно запретило эвакуацию местного населения из прифронтовой полосы, считая, что это подорвет сопротивляемость войск. Однако решительное наступление советских фронтов вынудило его отдать приказ о срочной эвакуации жителей из Восточной Пруссии²². Немецкая пропаганда продолжала нагнетать страх, подчеркивая, что по отношению к тем, кто не успеет покинуть свои дома, будут применены самые жесткие меры. Всеобщая паника охватила население. Жители восточных районов устремились на запад, пытаясь спастись за Вислой и на Земландском полуострове. Они бросали дома, продовольствие, скот. Эвакуация населения была организована плохо.

К тому же, многие жители, главным образом старики и женщины с детьми, укрывшись в тайниках, не покинули родных мест. Впоследствии, вспоминая о встрече с советскими воинами, они рассказывали: «Мы думали, что встретим плохо вооруженных, оборванных... изнуренных и злых солдат и офицеров. А оказалось иное. Бойцы и офицеры Красной армии хорошо одеты, молодые, здоровые, жизнерадостные и очень любят детей. Нас поразило обилие первоклассного оружия и техники»²³.

Немецкие солдаты в Северной Польше силой угоняли из прифронтовой полосы население, мотивируя это заботой о спасении поляков от русской авиации и истребления в ходе боевых действий. В нескольких десятках километров от переднего края намерения гитлеровских «спасителей» стали ясны. Все работоспособные мужчины и женщины были отправлены на строительство оборонительных сооружений, а старики и дети брошены под открытым небом на произвол судьбы. Лишь стремительное наступление советских войск спасло многие тысячи поляков от голодной смерти, а жителей Цеханува, Плоньска и других городов от угона на немецкую чужбину.

В полосе 2-го Белорусского фронта с 19 января началось стремительное преследование вражеских войск, где решающую роль играли подвижные соединения. В полосе 48-й армии командующий фронтом ввел 3-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-майора Н. С. Осликовского, который пересек южную границу Восточной Пруссии и устремился на Алленштейн. Развивала наступление и 5-я гвардейская танковая армия. Совместно с передовыми частями 48-й армии она с ходу овладела Млавой, важным опорным пунктом врага, и в районе Нейденбурга также вступила в пределы Восточной Пруссии.

Большую помощь наземным войскам оказывала 4-я воздушная армия. Совершив за сутки 1880 боевых вылетов²⁴, она нанесла удары по узлам дорог и отступавшим колоннам противника.

В районе Августова, несмотря на угрозу окружения, 4-я немецкая армия продолжала упорно обороняться. Учтявая это, командующий 2-м Белорусским фронтом решил повернуть главные силы на север, в направлении города Эльбинг, кратчайшим путем достичь залива Фришес-Хафф, отсечь восточнопрусскую группировку, а частью сил на широком фронте выйти к Висле. Выполняя указания командующего, войска устремились к побережью залива. Особенно быстро наступала 5-я гвардейская танковая армия. Овладев 20 января крупным узлом шоссейных и железных дорог городом Нейденбург, танкисты взяли курс на Остероде, Эльбинг. Значительно возросли темпы преследования общевойсковых армий. Соединения левого крыла фронта только за один день 20 января продвинулись более чем на 40 км, освободив города Серпц, Бельск, Высогруд. Быстрое продвижение советских войск по территории Северной Польши нередко заставляло противника обращаться в беспорядочное бегство. Это лишало гитлеровцев возможности осуществлять грабежи и насилия, подобные тем, которые широко проводились ими при отступлении с советской земли.

Войска 2-го Белорусского фронта 21 января овладели многими опорными пунктами противника, в том числе Танненбергом. Немецкое командование придавало большое значение его обороне. Вблизи селения Танненберг более пяти веков назад, 15 июля 1410 г. объединенные силы русских, польских, литовских и чешских войск наголову разбили рыцарей Тевтонского ордена, пытавшегося захватить славянские земли. Это событие вошло в историю под названием Грюнвальдской (Танненбергской) битвы.

В этот же день Ставка Верховного Главнокомандования потребовала от войск 2-го Белорусского фронта продолжить наступление на Мариенбург, чтобы не позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, Торунь, выйти на Вислу в ее нижнем течении и отрезать противнику все пути в Центральную Германию. После выхода на Вислу намечалось захватить плацдармы на левом ее берегу к северу от Торуня. Войскам правого крыла фронта приказывалось овладеть рубежом Иоханнисбург, Алленштейн, Эльбинг²⁵.

Обстановка для немецких войск, особенно группы армий «Центр» все ухудшалась, явственнее обозначилась угроза окружения западнее Августова. Гитлеровская ставка приняла решение отвести 4-ю армию за оборонительные сооружения Летценского укрепленного района на рубеж Мазурских озер. Командующий 4-й армией

генерал Ф. Госбах в ночь на 22 января начал отвод соединений армии по всему фронту, надеясь на скрытность и быстроту его осуществления. Однако этот маневр был своевременно обнаружен разведкой 50-й армии. Ее командующий генерал-полковник И. В. Болдин распорядился о неотступном преследовании врага. Только за день соединения армии продвинулись до 25 км. Не упустили этого момента и армии левого крыла 3-го Белорусского фронта. В отличие от 2-й армии, поспешный отход которой под ударами войск 2-го Белорусского фронта нередко превращался в бегство, 4-я армия отходила более организованно, с упорными арьергардными боями. Однако под усилившимся натиском советских войск и нависшей угрозой окружения ее войска вынуждены были ускорить отход. Госбах принял решение оставить рубежи с крепостью Летцен и системой Мазурских озер и пробиваться на запад для соединения со 2-й армией в районе Хейльсберга.

Командующий 4-й армией о принятом решении не поставил в известность ни командующего группой армий «Центр», ни верховное главнокомандование. Соединения армии прошли через Летценский укрепленный район и 24 января заняли долговременную укрепленную позицию Хейльсберг, Дейме. В тот же день гаулейтер Кох известил верховное главнокомандование об оставлении линии Мазурских озер и крепости Летцен. За самовольно принятые решения наказания последовали незамедлительно. 26 января был отстранен от должности командующий группой армий «Центр» генерал Рейнгардт, а через три дня подобная участь постигла и командующего армией Ф. Госбаха. Сменившие их генералы Л. Рендулич и Ф. Мюллер оказались бессильны восстановить утраченное положение²⁶.

Немецкое партийное и военное руководство, не считаясь с реальными событиями на фронте и в тылу, продолжало призывать народ к новым усилиям, жертвам и лишениям во имя призрачной победы. В конце января 1945 г. фронтовая печать вермахта в разных вариациях твердила солдатам «Обращение фюрера к тебе», где подчеркивалось: «...если мы преодолеем кризис в нас самих, станем с твердой решимостью хозяевами критических событий вокруг нас, тогда фюрер превратит кризис нации в ее победу». Усилением карательных мер предполагалось заставить солдат и офицеров продолжать стоять насмерть. Геббельсовская пропаганда с откровенным цинизмом заявляла: «Кто боится почетной смерти, тот умрет с позором». Заградительные отряды на месте чинили суд над каждым, кто не проявил необходимой стойкости в бою, веры в национал-социализм и победу²⁷. Однако никакие угрозы и жесткие меры гитлеровцев не смогли уже нормализовать создавшуюся обстановку.

Соединения группы армий «Центр» продолжали отступать, хотя они и цеплялись за каждый выгодный рубеж, надеясь сдержать натиск наступавших, измотать и обескровить их упорной обороной. Преодолевая сопротивление противника, советские войска овладели Алленштейном, а на главном направлении части 5-й гвардейской танковой армии безостановочно продвигались к заливу Фришес-Хафф, стремясь в кратчайшие сроки завершить отсечение восточнопрусской группировки. Наступление продолжалось и ночью. 24 января 10-й танковый корпус этой армии после скоротечного боя овладел Мюльхаузенем. На подступах к городу особенно отличились воины танкового батальона, которым командовал капитан Ф. А. Рудской. Прорвавшись на автостраду Кёнигсберг–Эльбинг севернее Мюльхаузена, батальон разгромил большую вражескую колонну. При этом было уничтожено до 500 фашистов, захвачено или разбито около 250 автомашин. Попытки противника сбить батальон с автострады оказались безуспешными. Танкисты выстояли до подхода главных сил своей бригады. За умелое командование, героизм и мужество капитану Рудскому присвоено звание Героя Советского Союза, а личный состав батальона награжден орденами и медалями²⁸.

Так же смело, и решительно действовали другие соединения 5-й гвардейской танковой армии. Так, передовой отряд 31-й бригады 29-го танкового корпуса под командованием капитана Г. Л. Дьяченко, воспользовавшись темнотой и кратковременным замешательством гарнизона Эльбинга, вечером 23 января проскочил через весь город и на следующий день вышел на побережье залива Фришес-Хафф. Только после этого противник организовал оборону Эльбинга и около полумесяца удерживал город.

Войска танковой армии, продвигаясь по побережью, во взаимодействии с соединениями 48-й армии 26 января овладели городом Толькемит. Тем самым было завершено отсечение всей восточнопрусской группировки от остальных немецких войск. В Восточной Пруссии были отсечены 3-я танковая и 4-я армии, а также 6 пехотных и 2 моторизованные дивизии 2-й армии; остальные 14 пехотных и танковая дивизии, 2 бригады и группа, входившие в состав 2-й армии, понесли большие потери и были отброшены за Вислу²⁹.

Армии правого крыла 2-го Белорусского фронта, преследуя отходившего противника, к этому времени продвинулись до 100 км и в основном преодолели систему Мазурских озер, а армии левого крыла фронта вышли к Висле на участке Мариенбург, Торунь. 70-я армия с ходу форсировала Вислу, а частью сил блокировала крепость Торунь. За 13 суток, с 14 по 26 января,

войска фронта продвинулись на 200–220 км. Они разгромили до 15 дивизий противника, преодолели оборону в южной части Летценского укрепленного района, овладели Млавским и Алленштейнским укрепленными районами, заняли часть Восточной Пруссии площадью до 14 тыс. кв. км и освободили территорию Северной Польши площадью до 20 тыс. кв. км³⁰.

Группа армий «Центр», действовавшая в Восточной Пруссии, 26 января была переименована в группу армий «Север», а группа армий «Север» — в группу армий «Курляндия». Войска, которые были сосредоточены в Померании, объединены в группу армий «Висла», куда вошла и 2-я армия.

Войска 2-го Белорусского фронта после выхода к заливу Фришес-Хафф продолжали наступление с целью уничтожения отсеченного противника. Обстановка в полосе фронта осложнилась. Армии его правого крыла растянулись и действовали в основном в северном направлении, в то время как армии левого крыла были нацелены на запад. Личный состав понёс значительные потери и нуждался в отдыхе. Армейские тылы отстали. Большая часть аэродромов 4-й воздушной армии оказалась на значительном удалении от войск, к тому же наступившая распутица затрудняла их использование.

Командование вермахта решило нанести сильный контрудар по войскам 2-го Белорусского фронта, вышедшим к заливу Фришес-Хафф. Гитлеровцы надеялись, что успешное претворение в жизнь этого замысла позволит им восстановить сухопутные коммуникации с Центральной Германией и осуществить непосредственную связь с главными силами вермахта. С этой целью в южной части Хейльсбергского укрепленного района были сосредоточены 7 дивизий, в том числе, 3 танковые и моторизованные. В ночь на 27 января войска 4-й немецкой армии внезапно перешли в наступление в направлении на Либштадт и Эльбинг. Противнику удалось на узком участке прорвать оборону 48-й армии и окружить 17-ю стрелковую дивизию юго-западнее Вормдитта. Двое суток продолжались непрерывные бои. Противник овладел Либштадтом и западнее этого города продолжал настойчивые атаки.

Командующий 2-м Белорусским фронтом, учитывая сложную обстановку, 26 января усилил 48-ю армию 8-м гвардейским танковым корпусом и пятью противотанковыми артиллерийскими бригадами. Фронтом на восток были развернуты 5-я гвардейская танковая армия и 8-й механизированный корпус; 3-й гвардейский кавалерийский корпус изготовился основными силами нанести фланговый удар³¹. Из фронтового резерва в состав 48-й армии был передан стрелковый корпус 49-й армии. Быстрой перегруппировкой сил и средств на угрожаемое направление удалось сна-

чала остановить противника, а затем нанести ему ощутимый удар. 30 января он предпринял последнюю попытку прорыва, но успеха не имел. Войска, выделенные для отражения контрудара, создали плотный сплошной фронт, а затем, возобновив наступление, деблокировали героически сражавшуюся в окружении 17-ю стрелковую дивизию, которой командовал полковник А. Ф. Гребнев.

Во время борьбы с контрударной вражеской группировкой 50, 49 и 3-я армии 2-го Белорусского фронта продолжали наступление совместно с войсками 3-го Белорусского фронта, сжимая хейльсбергскую группировку. Ее положение крайне осложнилось 31 января, когда соединения 31-й армии под командованием генерал-лейтенанта П. Г. Шафранова штурмом овладели сильнейшим опорным пунктом обороны Восточной Пруссии — городом Хейльсберг. Мощные оборонительные рубежи Хейльсбергского укрепленного района остались в тылу наступающих советских войск.

Соединения 2-й ударной, 65-й и 70-й армий 2-го Белорусского фронта к концу января на широком участке вышли к рекам Нogat и Висла, от залива Фришес-Хафф до Быдгощи. При этом 2-я ударная армия сменила у Эльбинга части 5-й гвардейской танковой армии, полностью взяв на себя блокаду крепости. 65-я армия подошла к Висле и форсировала ее, захватив плацдарм в районе города Свеце.

Упорные и ожесточенные бои развернулись при ликвидации гарнизонов городов-крепостей Торунь и Эльбинг. В ходе наступления 70-я армия оставила для блокады Торуня лишь небольшую часть сил и средств (ослабленную стрелковую дивизию и полк). Такое решение вытекало из ошибочной оценки действительной численности гарнизона. Командование армии считало, что в крепости находится не более 3–4 тыс., а фактически гарнизон насчитывал около 30 тыс. человек.

В ночь на 31 января войска гарнизона внезапным ударом на узком участке северо-западного сектора прорвали слабый фронт блокады. Для ликвидации прорвавшихся сил врага командующему 70-й армией пришлось привлечь 6 стрелковых дивизий, в том числе две прибывшие из резерва фронта, а также часть сил 1-го гвардейского танкового корпуса. Юго-восточнее Хелмно вырвавшаяся группировка сначала была расчленена, а 8 февраля разгромлена. До 12 тыс. солдат и офицеров были пленены, свыше 270 исправных орудий захвачено в качестве трофеев. Только небольшой части (около 3 тыс., человек) удалось прорваться на другой берег Вислы³². Важную роль в успешном разгроме торуньского гарнизона сыграла 4-я воздушная армия, которая серией штурмовых ударов препятствовала планомерному отходу немецких войск. 10 февраля активными действиями войск

2-й ударной армии было сломлено сопротивление гарнизона Эльбинга — еще одного крупного узла коммуникаций и мощного опорного пункта вражеской обороны на пути к Данцигской бухте.

В сложных погодных условиях авиация продолжала поддерживать наземные войска. Так, только за девять суток, с 31 января по 8 февраля, 4-я воздушная армия совершила 3450 самолетовылетов, уничтожив 38 самолетов противника³³. За этот же период немецкая авиация произвела лишь около 300 самолетовылетов.

На этом в основном закончился первый этап наступления советских войск в Восточной Пруссии. Войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов завершили отсечение восточнопрусской группировки противника и, создав прочный внутренний фронт с юго-запада, выполнили поставленную им задачу. Большая часть территории Восточной Пруссии была очищена от немецко-фашистских войск.

В ходе наступления войска 2-го и 3-го Белорусских фронтов нанесли серьезное поражение восточнопрусской группировке вермахта. Войсками фронтов было взято только в плен 51 867 солдат и офицеров. Гораздо больше противник потерял убитыми и ранеными³⁴.

В начале февраля ударная группировка 1-го Белорусского фронта вышла на Одер и захватила плацдармы на его левом берегу. Между ней и армиями левого крыла 2-го Белорусского фронта, находившимися на Висле, образовался разрыв до 200 км. В связи с угрозой флангового удара противника с севера командующий 1-м Белорусским фронтом вынужден был развернуть против группы армий «Висла» армии правого крыла. Учитывая сложившуюся обстановку, Ставка ВГК, как и намечалось первоначальным планом, для наступления к западу от Вислы, в Восточную Померанию, перенацелила основные силы 2-го Белорусского фронта. Своей директивой от 8 февраля она приказала фронту центром и левым крылом перейти в наступление к западу от Вислы, в дальнейшем развивая его на Штеттин, овладеть районом Данциг, Гдыня и очистить от противника побережье Балтийского моря вплоть до Померанской бухты³⁵. Директивой Ставки, отданной на следующий день, войска 50, 3, 48-й общевойсковых и 5-й гвардейской танковой армий вместе с полосами передавались 3-му Белорусскому фронту. Это означало, что 2-й Белорусский фронт полностью освобождался от участия в Восточно-Прусской операции, и его командование могло сосредоточить все внимание на боевых действиях в Восточной Померании.

Сравнительно труднее, но так же успешно развивалось наступление войск 3-го Белорусского фронта на кёнигсбергском направлении. С 19 января в его состав по указанию Ставки была включена из 1-го Прибалтийского фронта 43-я

армия под командованием генерал-лейтенанта А.П. Белобородова³⁶. В ночь на 20 января части армии, находившиеся на правом берегу Немана, форсировали реку по льду в районе Тильзита и штурмом взяли город³⁷.

Одновременно 2-й гвардейский и 1-й танковый корпуса, нанеся удар по противнику в полосе 39-й армии, продвинулись за день до 20 км и в ночном бою овладели сильными узлами сопротивления Гросс-Скайгиррен и Ауловенен. 20 января с рубежа реки Инстер на стыке 39-й и 5-й армий в сражение была введена 11-я гвардейская армия. Имея впереди два танковых корпуса, она устремилась в юго-западном направлении и к исходу 21 января вышла к реке Прегель северо-восточнее Велау и на подступы к Инстербургу с севера. К этому времени войска 43-й и 39-й армий приблизились к заливу Куришес-Хафф и реке Дейме. Инстербургская группировка врага была глубоко охвачена с северо-запада. В то же время наступление 5, 28 и 2-й гвардейской армий замедлилось из-за упорного сопротивления немецко-фашистских войск. Особенно ожесточенные бои велись на подступах к Гумбиннену. Лишь во второй половине 21 января упорство противника было сломлено и город Гумбиннен взят. Соединения 5-й армии охватили Инстербург с востока. В ночь на 22 января 11-я гвардейская армия при содействии 5-й армии начала его штурм. Враг упорно сопротивлялся, но к утру город был полностью в руках советских войск.

Захват Гумбиннена и Инстербурга отрицательно сказался на устойчивости обороны противника на кёнигсбергском направлении. Угроза выхода советских войск на ближние подступы к Кёнигсбергу стала еще более реальной. Гитлеровское командование проводило одно совещание за другим, обсуждая, какими способами и средствами задержать наступление в Восточной Пруссии. По предложению гросс-адмирала К. Деница из Дании на советско-германский фронт были переброшены 22 армейских батальона, из которых часть прибыла на Земландский полуостров. По рекам Дейме и Алле также усиливалась оборона, сюда дополнительно выдвигались резервы, различные части и подразделения. С удержанием обороны на этих реках немецко-фашистское командование связывало большие надежды. Пленные офицеры из штаба обороны Кёнигсберга потом рассказали, что из военной истории они знали о «чуде» на Марне, где в 1914 г. французам удалось остановить немецкие армии, а теперь им хотелось, чтобы и на Дейме сотворилось подобное «чудо»³⁸.

Войска правого крыла 3-го Белорусского фронта, продолжая наступление, 23–25 января с ходу форсировали реки Дейме, Прегель и Алле, преодолели долговременные сооружения Хейльсбергского укрепленного района на севе-

ре и продвигались к Кёнигсбергу. 26 января они подошли к внешнему оборонительному обводу города. Войска левого крыла фронта, преследуя соединения 4-й армии противника, к исходу дня полностью овладели сооружениями Летценского укрепленного района и продолжали дальнейшее наступление в общем направлении на Хейльсберг.

В результате почти двухнедельного наступления войска 3-го Белорусского фронта, несмотря на ожесточенное сопротивление врага, опиравшегося на глубоко эшелонированную систему оборонительных рубежей и укрепленных районов, продвинулись до 120 км. С падением Ильменхорстского и Летценского укрепленных районов и выходом войск 2-го Белорусского фронта на побережье Балтийского моря обстановка для противника значительно ухудшилась, но он ещё имел достаточное количество сил для дальнейшего активного противодействия наступающим советским войскам.

Сопротивление противника постоянно возрастало в связи с успешным продвижением советских войск на кёнигсбергском направлении. В последних числах января немецко-фашистское командование предприняло еще одну попытку усилить свою группировку на подступах к Кёнигсбергу за счет эвакуации дивизий, оборонявших плацдарм в районе Клайпеды. Однако войска 1-го Прибалтийского фронта — командующий генерал армии И. Х. Баграмян, начальник штаба генерал-полковник В. В. Курасов, — своевременно вскрыв подготовку противника к эвакуации, 27 января перешли в наступление. 4-я ударная армия генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева смяла противостоявшие вражеские части и на следующий день полностью освободила Клайпеду. В этих боях немалая заслуга принадлежит воинам 16-й Литовской стрелковой дивизии. Остатки клайпедского гарнизона бежали по косе Курише-Нерунг на Земландский полуостров, где влились в состав войск, оборонявших Кёнигсберг. В ходе боевых действий за Клайпеду войсками 4-й ударной армии было завершено освобождение Литвы от немецко-фашистских оккупантов.

При подготовке и проведении наступления по всему фронту командующий 3-м Белорусским фронтом стремился направлять все удары на Кёнигсберг и как можно быстрее изолировать кёнигсбергский гарнизон от сил, действовавших западнее и южнее города. Выполняя эту задачу, 39-я армия 29 января вплотную подошла к Кёнигсбергу с северо-востока и севера, а спустя двое суток ее соединения достигли залива Фришес-Хафф западнее города, отрезав, таким образом, гарнизон крепости от войск на Земландском полуострове. В это же время авиация фронта и флота нанесла удары по гидротехническим сооружениям Кёнигсбергского морского канала

и частично вывела его из строя. Вход транспортных судов в гавань Кёнигсберга оказался перекрытым. В связи с этим потребность в перевозках к Пиллау сушей стала для гитлеровцев особенно острой. Войска 11-й гвардейской армии, наступавшие вдоль левого берега реки Прегель, обошли Кёнигсберг с юга и 30 января вышли к заливу, перерезав автостраду, которая ведет в Эльбинг. В результате советские войска не только отсекли восточно-прусскую группировку, но и расчленили ее на три изолированные части.

Целеустремленные и решительные действия войск фронта по расчленению группы армий «Север» и их изоляции вызвали растерянность среди немецкого руководства. Враг отступал столь поспешно, что не успевал приводить в негодность промышленные предприятия и транспортные средства, нетронутыми оставались склады и арсеналы. Воспользовавшись замешательством в стане противника, разведчики подключили к его электросети командные пункты 39-й и 11-й гвардейской армий, которые в течение двух суток пользовались электроэнергией, подаваемой из Кёнигсберга.

Командование вермахта прилагало отчаянные усилия с целью деблокировать Кёнигсберг и восстановить сухопутные связи со всеми группировками. Юго-западнее города, в районе Бранденбурга, оно сосредоточило танковую и моторизованную дивизию и несколько пехотных частей, которые использовало 30 января для нанесения удара вдоль залива Фришес-Хафф на север. Ценой больших потерь противнику удалось потеснить части 11-й гвардейской армии и восстановить связь с Кёнигсбергом. Однако этот успех оказался кратковременным. К 6 февраля войска 11-й гвардейской и 5-й армий снова перерезали автостраду, прочно изолировав Кёнигсберг с юга, а войска 43-й и частично 39-й армий в упорной борьбе отбросили дивизию врага от Кёнигсберга вглубь Земландского полуострова, образовав внешний фронт окружения.

Таким образом, в течение четырех недель большая часть территории Восточной Пруссии и Северной Польши была очищена от немецких войск, созданная здесь глубоко эшелонированная оборона сокрушена, а врагу нанесен серьезный урон в живой силе и технике. За время боев только пленными противник потерял около 52 тыс. солдат и офицеров. Советские войска захватили в качестве трофеев более 4,3 тыс. орудий и минометов, 569 танков и штурмовых орудий, 335 бронемашин и бронетранспортеров, свыше 13 тыс. автомашин, 1704 военных склада³⁹. В результате были сорваны планы немецко-фашистского командования на восстановление сухопутных связей между группировками и созданы условия для их уничтожения.

В результате мощных ударов советских войск группа армий «Север», включавшая оперативную

группу «Земланд» и 4-ю армию, к 10 февраля была разобрана на три части: земландскую, кенигсбергскую и хейльсбергскую. Всего в восточнопрусской группировке насчитывалось 32 дивизии, 2 отдельные группы и бригада. Оперативная группа «Земланд» (9 дивизий) оборонялась на Земландском полуострове и в районе Кенигсберга. 4-я армия закрепилась на побережье Балтийского моря юго-западнее Кенигсберга на плацдарме около 180 км по фронту и 50 км в глубину, опираясь на Хейльсбергский укрепленный район. Эта мощная группировка имела 23 дивизии, в том числе танковую и 3 моторизованные, 2 отдельные группы и бригаду⁴⁰, а также большое количество специальных войск и батальонов фольксштурма.

Командование вермахта надеялось упорной обороной занимаемых рубежей как можно дольше сковывать крупные силы Красной армии и не допустить переброски их на берлинское направление. Противник усилил оборону за счет уплотнения боевых порядков отошедших частей и соединений, а также пополнений, которые были доставлены по морю из центральных районов Германии. Корабли флота обеспечивали начавшуюся эвакуацию населения и тыловых частей 4-й армии. Решение задач по уничтожению разобщенных германских группировок было связано с рядом трудностей, определявшихся особенностями их положения. Они были отсечены в сильно укрепленных районах, располагали удобными внутренними коммуникациями для осуществления маневра. Боевые действия проходили в условиях сильно пересеченной местности и весенней распутицы. Кроме того, советские войска в предыдущих боях понесли значительные потери в людях и технике, почти полностью израсходовали запасы материальных средств и боеприпасов.

Ставка ВГК учитывала то обстоятельство, что быстрейшая ликвидация врага в Восточной Пруссии позволила бы за счет высвобождения войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов усилить основное, берлинское направление. Она решила начать уничтожение группировок противника с наиболее сильной. 9 февраля войскам 3-го Белорусского фронта было приказано не позднее 20–25 февраля завершить разгром 4-й армии⁴¹. Накануне операции Ставка провела некоторые организационные мероприятия. По решению от 6 февраля было осуществлено крупное перераспределение сил и средств на правом крыле советско-германского фронта. Для удобства управления войска 1-го (кроме 3-й воздушной армии) и 2-го Прибалтийских фронтов, блокировавшие группу армий «Курляндия» с суши, объединялись в один — 2-й Прибалтийский фронт под командованием Маршала Советского Союза Л. А. Говорова. Задачи по овладению Кенигсбергом и полному очи-

щению от врага Земландского полуострова поручались 1-му Прибалтийскому фронту с передачей из 3-го Белорусского 11-й гвардейской, 39-й и 43-й армий, а также 1-го танкового корпуса. В составе 3-го Белорусского фронта остались 5, 28, 31 и 2-я гвардейская армии, 1-я воздушная армия, 2-й гвардейский танковый корпус, а также переданные из 2-го Белорусского фронта 50, 3 и 48-я общевойсковые и 5-я гвардейская танковая армии⁴².

В соответствии с директивой Ставки, командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И. Д. Черняховский решил в первую очередь ликвидировать вражеские войска, оборонявшие выступ в районе Прейсиш-Эйлау, затем развить наступление на Хейлигенбейль, то есть расчленив хейльсбергскую группировку на части и порознь уничтожить их. В ее составе находились 17 дивизий, в том числе две танковые и одна моторизованная⁴³.

5-й гвардейской танковой армии была поставлена задача наступать вдоль залива Фришес-Хафф с целью отрезать противнику пути отхода к побережью и лишить его возможности эвакуироваться на косу Фрише-Нерунг. Прикрытие главной группировки фронта со стороны Бранденбурга предусматривалось силами 5-й общевойсковой армии. Обеспечение наступающих войск с воздуха возлагалось на 1-ю воздушную армию. Вместе с авиацией Краснознаменного Балтийского флота и 3-й воздушной армией 1-го Прибалтийского фронта она должна была уничтожать окруженные войска, срывать подвоз и эвакуацию их морем.

Наступление 3-го Белорусского фронта, начавшееся 10 февраля на главном направлении, несмотря на интенсивную огневую поддержку артиллерии, развивалось медленно. Наибольшего успеха добились соединения 28-й армии, которые обходным маневром с севера и юга при содействии правофланговых частей 2-й гвардейской армии овладели крупным опорным пунктом и важным узлом дорог — городом Прейсиш-Эйлау.

Немецкое командование перегруппировкой сил и средств уплотнило боевые порядки соединений и создало резервы пехоты, танков и артиллерии. Развитая система долговременных и полевых сооружений позволяла ему, скрытно совершая маневр, закрывать образовавшиеся бреши в обороне. Среднесуточный темп продвижения советских войск не превышал 1,5–2 км. Преодолев один оборонительный рубеж, они наталкивались на следующий и вынуждены были заново готовить и осуществлять прорыв. Особенно упорное сопротивление враг оказал в районе города Мельзак, крупного узла дорог и мощного опорного пункта на пути к Хейлигенбейлю и заливу Фришес-Хафф, где наступала ослабленная в предыдущих боях 3-я армия. Трое суток продолжались, здесь ожесточенные бои. 17 февраля Мельзак был взят. В крайне

неблагоприятных метеорологических условиях, исключавших применение авиации, дивизии армии отбивали одну контратаку противника за другой.

В этих боях исключительную энергию и храбрость проявил командующий 3-м Белорусским фронтом генерал армии И.Д. Черняховский. Широкий военный кругозор, высокая общая и профессиональная культура, необычайная работоспособность и богатый опыт обучения и руководства войсками позволяли ему быстро оценивать обстановку, верно определять главное и необходимое для принятия рациональных решений. Он часто появлялся там, где обстановка была наиболее сложной. Одним своим присутствием Черняховский вселял в сердца воинов бодрость и веру в успех, умело направлял их энтузиазм на разгром противника.

Так было и 18 февраля. Побывав в войсках 5-й армии, И.Д. Черняховский выехал на командный пункт 3-й армии. Однако к назначенному месту командующий фронтом не прибыл. На окраине Мельзака осколком снаряда Иван Данилович был смертельно ранен и вскоре скончался на поле боя. В то время ему шел 39-й год. «В лице товарища Черняховского, — говорилось в сообщении Совета Народных Комиссаров СССР, Народного комиссариата обороны и ЦК партии, — государство потеряло одного из талантливейших молодых полководцев, выдвинувшихся в ходе Отечественной войны».

Прославленного советского полководца похоронили в Вильнюсе. Благодарная Родина отдала герою последнюю воинскую почесть: 24 артиллерийских залпа из 124 орудий прогремели над скорбящей Москвой. В память о погибшем город Инстербург был переименован в Черняховск, а одна из центральных площадей столицы Литовской ССР названа его именем. В Вильнюсе был установлен памятник, который в 1993 г., ставший «не-нужным» Литве, перевезли и установили в городе Воронеже. И.Д. Черняховский был одним их самых доблестных и талантливых советских военачальников, кого выдвинула сама война.

Потеря такого сильного командующего усугубляла и без того непростую обстановку в Восточной Пруссии. После смерти Черняховского командование 3-м Белорусским фронтом принял Маршал Советского Союза А.М. Василевский. Являясь начальником Генерального штаба и заместителем Народного комиссара обороны СССР, он принимал непосредственное участие в разработке планов крупнейших операций Великой Отечественной войны, в том числе и Восточно-Прусской. К исполнению своих новых обязанностей он приступил с 21 февраля.

В связи с начавшейся весенней распутицей и усилившимся сопротивлением противника наступление 3-го Белорусского фронта было временно приостановлено. За двенадцать дней (с 10 по

21 февраля) общее продвижение советских войск составило от 15 до 30 км. Враг, понесший тяжелые потери, оказался зажатым в узкой прибрежной полосе (50 км по фронту и 15–25 км в глубину). Девятнадцать его дивизий, в том числе две танковые и моторизованная, продолжали удерживать этот небольшой по площади, но чрезвычайно насыщенный различными оборонительными сооружениями район.

Несмотря на то, что наступление наземных войск и было приостановлено, авиация продолжала наносить удары по скоплениям живой силы и техники врага, его аэродромам, портам, транспортным и боевым кораблям.

После тщательной подготовки 13 марта войска 3-го Белорусского фронта возобновили наступление против немецких войск, окруженных юго-западнее Кёнигсберга. Наступление началось после 40-минутной артиллерийской подготовки. Дожди, туманы и превратившаяся в грязь почва сильно осложняли действия войск. И все же, несмотря на неблагоприятные метеорологические условия и упорное сопротивление противника, войска 3-го Белорусского фронта успешно прорвали его оборону на всех основных направлениях и настойчиво продвигались вперед.

Туман и постоянные осадки вначале затрудняли применение авиации. Только 18 марта, когда погода несколько прояснилась, 1-я и 3-я воздушные армии смогли активно поддержать наступавших. За один только этот день в полосах в основном 5, 28 и 3-й армий было совершено 2520 самолето-вылетов⁴⁴. В последующие дни воздушные армии не только осуществляли поддержку войск совместно с частью сил авиации дальнего действия и флота, но и уничтожали транспорты и другие средства противника в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и портах.

За шесть дней наступления войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на 15–20 км, сократив плацдарм вражеских войск до 30 км по фронту и от 7 до 10 км в глубину. Противник оказался на узкой прибрежной полосе, простреливаемой артиллерийским огнем на всю глубину.

Командование вермахта 20 марта приняло решение об эвакуации морем войск 4-й армии в район Пиллау, но советские войска усилили удары и сорвали эти расчеты. Грозные приказы и экстренные меры по удержанию плацдарма на территории Восточной Пруссии оказались напрасными. Солдаты и офицеры вермахта 26 марта начали складывать оружие. Остатки хейльсбергской группировки, сжатые 5-й армией на полуострове Бальга, были окончательно ликвидированы 29 марта. Лишь отдельным мелким подразделениям удалось с помощью подручных средств переправиться на косу Фрише-Нерунг, откуда они были переброшены для

усиления оперативной группы «Земланд». Все южное побережье залива Фришес-Хафф стало контролироваться войсками 3-го Белорусского фронта.

48 суток, с 10 февраля по 29 марта, продолжалась борьба против хейльсбергской группировки врага. За это время войска 3-го Белорусского фронта уничтожили 220 тыс. и пленили около 60 тыс. солдат и офицеров, захватили 650 танков и штурмовых орудий, до 5600 орудий и минометов, 128 самолетов⁴⁵. Большая заслуга в уничтожении вражеских войск и техники на поле боя и особенно плавсредств в заливе Фришес-Хафф, Данцигской бухте и военно-морской базе Пиллау принадлежит авиации. В самый напряженный период операции, с 13 по 27 марта, 1-я и 3-я воздушные армии произвели более 20 тыс. самолетовылетов, из них 4590 — ночью⁴⁶.

При уничтожении противника в районе юго-западнее Кёнигсберга торпедные катера, подводные лодки и авиация Краснознаменного Балтийского флота наносили удары по транспортам и боевым кораблям, что затрудняло курляндской и восточнопрусской группировкам планомерную эвакуацию.

Таким образом, в результате ожесточенных боев наиболее сильная из трех изолированных частей группы армий «Север» прекратила существование. В ходе борьбы советские войска сочетали различные приемы и способы уничтожения противника: отсечение его войск в выступах плацдарма, последовательное сжатие фронта окружения с массированным применением артиллерии, а также блокадные действия, в результате которых авиация и силы флота затрудняли врагу снабжение и эвакуации окруженных с суши войск. После ликвидации врага в Хейльсбергском укрепленном районе командование фронта смогло высвободить и перегруппировать часть сил и средств под Кёнигсберг, где готовилась очередная наступательная операция.

Овладение Кёнигсбергом и ликвидация земландской группировки врага

После уничтожения немецко-фашистских войск юго-западнее Кёнигсберга обстановка на правом крыле советско-германского фронта значительно улучшилась. В связи с этим Ставка Верховного Главнокомандования провела ряд мероприятий. С 1 апреля был расформирован 2-й Прибалтийский фронт, часть его войск выведена в резерв, а управление фронта и оставшиеся объединения переподчинены Ленинградскому фронту. 50-я, 2-я гвардейская и 5-я армии 3-го Белорусского фронта были переброшены на Земландский полуостров для участия в предстоящем штурме Кёнигсберга, а 31, 28 и 3-я армии выведены в резерв Ставки. Земландская группа советских войск

с 3 апреля согласно директиве Ставки была упразднена. Армии земландской группы войск были подчинены командованию 3-го Белорусского фронта⁴⁷. Генерал И.Х. Баграмян вначале был оставлен заместителем, а в конце апреля назначен командующим фронтом.

3-й Белорусский фронт получил задачу разгромить кёнигсбергскую группировку и овладеть крепостью Кёнигсберг, а затем очистить весь Земландский полуостров с крепостью и военно-морской базой Пиллау. Советским войскам, действовавшим против немецко-фашистских армий в Курляндии, приказывалось перейти к жесткой обороне, а на главных направлениях держать сильные резервы в боевой готовности, чтобы при ослаблении обороны противника немедленно перейти в наступление. Для выявления перегруппировок врага и его возможного отхода они должны были вести непрерывную разведку и путем огневого воздействия держать его в постоянном напряжении. На них была возложена также задача готовиться к наступлению с целью ликвидации курляндской группировки. Эти мероприятия должны были исключить возможность усиления немецко-фашистских войск за счет курляндской группировки на других направлениях.

К концу марта 1945 г. группировка противника на Земландском полуострове и в крепости Кёнигсберг, хотя и уменьшилась, по-прежнему представляла серьезную угрозу, так как опиралась на мощную оборону. Кёнигсберг, еще задолго до Второй мировой войны превращенный в сильную крепость, был включен в Хейльсбергский укрепленный район. Вступление советских войск в пределы Восточной Пруссии в октябре 1944 г. заставило гитлеровцев усилить оборону города. Укреплению Кёнигсберга немецкое командование уделяло большое внимание. Он был выделен в самостоятельный объект обороны, граница которого проходила по внешнему обводу крепости. Кёнигсберг был подготовлен к длительному сопротивлению даже в условиях полной изоляции. Кёнигсберг имел подземные заводы и склады всевозможных военных запасов.

По мере приближения фронта к Кёнигсбергу важнейшие предприятия города и другие военные объекты усиленно зарывались в землю. В крепости и на подступах к ней возводились укрепления полевого типа, которые дополняли имевшиеся здесь долговременные сооружения. Кроме внешнего оборонительного обвода, который советские войска частично преодолели в январских боях, были подготовлены три оборонительные позиции.

Каждая позиция строилась с расчетом круговой обороны Кёнигсберга. В 8–15 км от центра города проходила позиция, которую немцы считали внешним обводом обороны города. Этот обвод и первая

позиция имели по две-три траншеи с ходами сообщения и укрытиями для личного состава. В 6–8 км к востоку от крепости они сливались в один оборонительный рубеж (шесть-семь траншей с многочисленными ходами сообщения на всем 15-километровом участке). На этой позиции насчитывалось 15 старых фортов с артиллерийскими орудиями, пулеметами и огнеметами, связанных единой огневой системой. Каждый форт был подготовлен для круговой обороны и фактически являлся небольшой крепостью с гарнизоном 250–300 человек⁴⁸.

По окраинам города проходила вторая позиция, включавшая каменные здания, баррикады, железобетонные огневые точки. Третья позиция опоясывала центральную часть города, имея крепостные сооружения старой постройки. Подвалы больших кирпичных строений были связаны подземными ходами, а их вентиляционные окна приспособлены под амбразуры.

На 5 апреля гарнизон крепости состоял из четырех пехотных дивизий, нескольких отдельных полков, крепостных и охранных формирований, а также батальонов фольксштурма и насчитывал около 130 тыс. человек. На его вооружении было до 4 тыс. орудий и минометов, 108 танков и штурмовых орудий. С воздуха эту группировку поддерживали 170 самолетов, которые базировались на аэродромах Земландского полуострова⁴⁹. Кроме того, западнее города дислоцировалась 5-я танковая дивизия, которая приняла участие в обороне города. С личным составом гарнизона проводилась широкая пропагандистская и разъяснительная работа, нацеленная на максимальное повышение морально-психологического уровня солдат и офицеров.

В штурме Кёнигсберга должны были участвовать 39, 43, 50 и 11-я гвардейская армии, которые до этого более двух месяцев вели непрерывные тяжелые бои. Средняя укомплектованность стрелковых дивизий в армиях к началу апреля не превышала 35–40 % штатной численности. Всего для проведения наступательной операции было привлечено около 5200 орудий и минометов, 125 танков и 413 самоходно-артиллерийских установок⁵⁰. Для поддержки войск с воздуха выделялись 1, 3 и 18-я воздушные армии, часть сил авиации Балтийского флота, а также по бомбардировочному корпусу от 4-й и 15-й воздушных армий. В общей сложности имелось 2400 боевых самолетов⁵¹. Действия этих авиационных объединений и соединений координировал представитель Ставки ВГК, Главный маршал авиации А. А. Новиков.

Важным итогом подготовки к штурму Кёнигсберга явилось то, что советские войска фронта превосходили противника по артиллерии — в 1,3 раза, танкам и самоходно-артиллерийским установкам — в 5 раз, а по самолетам — в 14 раз, т. е. преимущество в авиации было подавляющим.

По решению командующего 3-го Белорусского фронта Маршала Советского Союза А. М. Василевского разгром гарнизона Кёнигсберга предусматривалось осуществить ударами 39, 43 и 50-й армий с севера и 11-й гвардейской армии с юга. К исходу третьего дня операции армии должны были овладеть городом⁵². Наступлением 2-й гвардейской и 5-й армий против земландской группировки противника планировалось обеспечение войск фронта от ударов с северо-запада.

С целью максимального использования сил и средств для первоначального удара оперативное построение фронта и армий намечалось иметь в один эшелон, а боевые порядки соединений и частей, как правило, строились в два эшелона. Для действий в городе в дивизиях готовились сильные штурмовые группы и отряды. Специфика предстоящей операции сказалась и на группировке артиллерии. Так, в масштабе фронта создавались фронтовая группа артиллерии дальнего действия, группа артиллерийской блокады района Кёнигсберга и группа железнодорожной артиллерии Балтийского флота для воздействия по коммуникациям и важным объектам в тылу врага.

На армейских участках прорыва плотность артиллерии колебалась от 150 до 250 орудий и минометов на 1 км, а плотность танков непосредственной поддержки — от 18 до 23 единиц⁵³. Здесь же разворачивались и основные силы инженерных войск, часть которых использовалась в составе штурмовых отрядов и групп, где были также задействованы огнеметные подразделения.

Для обеспечения действий армий ударной группировки нацеливалась фронтовая и приданная авиация. В подготовительный период ей предстояло совершить 5316 самолето-вылетов, а в первый день наступления — 4124 самолето-вылета⁵⁴. Предусматривалось, что авиация нанесет удары по объектам обороны, артиллерийским позициям, местам сосредоточения живой силы и боевой техники, а также по морским портам и базам. Тщательно готовился к предстоящей операции и Краснознаменный Балтийский флот. Его авиация, подводные лодки, торпедные катера, а также бронекатера, переброшенные на р. Прегель по железной дороге, и 1-я гвардейская морская артиллерийская бригада, оснащенная 130- и 180-мм пушками, готовились к решению задач по изоляции кёнигсбергского гарнизона и воспрещению его эвакуации морем.

Подготовка к штурму Кёнигсберга началась еще в марте. Она велась под непосредственным руководством командования и штаба Земландской группы советских войск. После упразднения Земландской группы войск подготовкой операции непосредственно стал руководить штаб 3-го Белорусского фронта. Однако в целях преимствен-

ности к управлению войсками привлекались работники штаба Земландской группы. Для отработки вопросов взаимодействия с командирами дивизий, полков и батальонов был использован изготовленный штабом группы детальный макет города и системы его обороны. Кроме того, штаб 3-го Белорусского фронта издал крупномасштабные планы Кёнигсберга, на которые были нанесены основные промышленные объекты и оборонительные сооружения. Эти планы значительно облегчили командному составу подробное изучение объектов обороны и всего города в целом.

В целях повышения качества морально-психологического состояния личного состава вся деятельность войск по подготовке к штурму была пронизана целеустремленной политико-массовой и воспитательной работой, направлявшейся военными советами 3-го Белорусского фронта и Земландской группы войск, членами которых были генерал-лейтенанты В.Е. Макаров и М.В. Рудаков. Непосредственно перед штурмом крепости командование 3-го Белорусского фронта спланировало и провело четырехдневный период разрушения долговременных сооружений противника, причем один день ушел на огневую разведку и выявление целей. К сожалению, авиация из-за неблагоприятной погоды не смогла действовать в соответствии с намеченным планом. 4 и 5 апреля было совершено только 766 самолето-вылетов⁵⁵.

Чтобы избежать ненужного кровопролития, к генералам, офицерам и солдатам кенигсбергской группы войск перед самым штурмом крепости обратился командующий войсками 3-го Белорусского фронта Маршал Советского Союза А.М. Василевский с предложением «сложить оружие и прекратить сопротивление. Всем генералам, офицерам и солдатам, которые прекратят сопротивление, гарантируются жизнь, безопасность, достаточное питание и возвращение после войны на родину или в любую другую страну по личному желанию военнопленного». Однако на эти гуманные предложения советского военного командования ответа не последовало.

Штурм Кёнигсберга начался 6 апреля. В 12 часов после артиллерийской подготовки атаки войска фронта перешли в наступление. Немцы, опираясь на широко развитую систему долговременных и полевых укреплений и используя в качестве опорных пунктов приспособленные к обороне каменные здания, оказывали упорное сопротивление. Войска наносили удары на узких участках, на каждый километр которых приходилось до 260 орудий и минометов. До половины артиллерии составляли тяжелые орудия. После мощной артиллерийской подготовки пехота и танки атаковали позиции немцев. Из-за плохой погоды авиация за день совершила всего 274 вылета⁵⁶.

К исходу 6 апреля войска 43, 50 и 11-й гвардейской армий прорвали укрепления внешнего обвода Кёнигсберга, вышли на его окраины и очистили от войск врага в общей сложности 102 квартала. За это же время 39-я армия прорвала оборону противника и, овладев рядом опорных пунктов, продвинулась до 4 км. 7 апреля советские войска завязали бои непосредственно за город. Войска 39-й армии вследствие сильных контратак противника продвинулись незначительно. 43-я армия овладела одним фортом и очистила от противника более 20 кварталов. 50-я армия продвинулась на 1,5–2 км. Части 11-й гвардейской армии к исходу 7 апреля овладели двумя фортами и несколькими пригородами Кёнигсберга.

С утра 8 апреля погода значительно улучшилась и авиация начала более интенсивные боевые действия. 516 тяжелых бомбардировщиков 18-й воздушной армии, которой командовал Главный маршал авиации А.Е. Голованов, только вечером 7 апреля в течение 45 минут обрушили на крепость 3742 крупнокалиберные бомбы. В массированных ударах участвовали и другие воздушные армии, а также авиация флота.

Штурмовая авиация группами по 7–9 самолетов атаковала зенитные батареи и в значительной степени подавила их, нанося также сильные удары по живой силе противника. Одновременно со штурмовой авиацией действовали по вражеским аэродромам противника наши истребители-бомбардировщики. В 10 часов бомбардировщики большими группами нанесли три последовательных удара по узлам сопротивления противника. Особенно сильному удару с воздуха подверглись юго-западные и западные районы города, где противник удерживал небольшой коридор, соединяющий гарнизон Кёнигсберга с немецкими войсками на Земландском полуострове. Поддерживая наступление наземных войск, советская авиация всего за сутки боя произвела 4758 самолето-вылетов и сбросила на укрепления противника 1658 т бомб⁵⁷.

В первые дни штурма Кёнигсберга высокое мастерство и героизм проявило подразделение саперов-разведчиков, возглавляемое младшим лейтенантом А.М. Родителевым. Взвод входил в состав штурмовых групп 13-го гвардейского стрелкового корпуса генерала А.И. Лопатина. Глубоко проникнув в тыл противника, саперы захватили 15 зенитных орудий, уничтожили их расчеты и в неравном бою сумели удержать позиции до подхода частей 33-й гвардейской стрелковой дивизии полковника Н.И. Краснова. За проявленный героизм младшему лейтенанту Родителеву было присвоено звание Героя Советского Союза, а бойцы его подразделения награждены боевыми орденами и медалями⁵⁸.

Вражеский гарнизон продолжал оказывать ожесточенное сопротивление советским наступающим войскам, предпринимая контратаки. Командующие 43-й и 11-й гвардейской армиями ввели в бой в этот день свои вторые эшелоны. Бои развернулись непосредственно в городе. В ходе боев 8 апреля советские войска полностью овладели портом и железнодорожным узлом Кёнигсберг, а также рядом важных военно-промышленных объектов, очистив от врага более трехсот кварталов, и захватили четыре форта. В этот день наступавшие с севера и юга войска разрезали кёнигсбергскую группировку противника на две части.

На четвертый день штурма бои развернулись с новой силой. Немецкие войска вновь подверглись ударам артиллерии и авиации. Многим солдатам гарнизона стало ясно, что сопротивление бессмысленно. «Тактическая обстановка в Кёнигсберге, — вспоминал об этом дне комендант крепости генерал О. Лаш, — была безнадежной»⁵⁹. Оценивая причины падения крепости в столь короткий срок, Лаш на допросе показал: «Солдаты и офицеры крепости в первые два дня держались стойко, но русские превосходили нас силами и брали верх. Они сумели скрытно сосредоточить такое количество артиллерии и самолетов, массированное применение которых разрушило укрепления крепости и деморализовало солдат и офицеров. Мы полностью потеряли управление войсками.... Никак нельзя было предполагать, что такая крепость, как Кёнигсберг, так быстро падет. Русское командование хорошо разработало и прекрасно осуществило эту операцию»⁶⁰. О. Лаш приказал подчиненным частям капитулировать. Так закончила существование еще одна группировка врага в Восточной Пруссии. В ее уничтожении огромную роль сыграла авиация, совершившая за четверо суток 13930 самолето-вылетов⁶¹.

В ходе Кёнигсбергской операции советские войска уничтожили до 42 тыс. и взяли в плен около 92 тыс. человек, в том числе более 1800 офицеров и 4 генералов во главе с комендантом крепости. В качестве трофеев им досталось 3700 орудий и минометов, 128 самолетов, а также много другой военной техники, вооружения и имущества⁶². За четыре дня штурма Кёнигсберга более 200 воинов совершили подвиги, за которые были удостоены звания Героя Советского Союза. Среди них — рядовые П. Е. Павлов, А. А. Людвиченко, В. П. Миронов, сержанты И. В. Кутурга, Н. М. Королев, лейтенант И. П. Сидоров, старший лейтенант Н. А. Катин, командир стрелковой дивизии генерал-майор И. Д. Бурмаков, командир корпуса генерал-майор С. С. Гурьев и многие другие⁶³.

Подвиг героев штурма Кёнигсберга был отмечен праздничным салютом. 97 частям и соединениям, непосредственно штурмовавшим главный

город Восточной Пруссии, присвоено почетное наименование Кёнигсбергских. Все участники штурма награждены медалью «За взятие Кёнигсберга», учрежденной Президиумом Верховного Совета СССР в честь этой победы.

Разгром и пленение гарнизона крепости Кёнигсберг решающим образом повлияли на последующую ликвидацию немецких войск на Земландском полуострове. Захват Кёнигсберга войсками 3-го Белорусского фронта, разгром и пленение гарнизона крепости решающим образом повлияли на ликвидацию оставшихся немецких войск, оборонявших западную часть Земландского полуострова. Гитлеровское командование, потеряв Кёнигсберг, все еще пыталось удержать Земландский полуостров. Вражеские позиции представляли собой сеть несплошных траншей, отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Немцы из-за быстрого выхода советских войск на полуостров в январе 1945 г. не успели построить здесь более мощных укреплений, полагаясь также на то, что удастся удержать в своих руках Кёнигсберг и сковать значительные силы войск Красной армии. Оборона врага была более сильной на направлении Куминен, Фишхаузен. Ее глубина составляла около 6 км⁶⁴.

К 13 апреля здесь оборонялись восемь пехотных и одна танковая дивизии, а также несколько отдельных полков и батальонов фольксштурма, входивших в оперативную группу «Земланд», в составе которой имелось около 65 тыс. человек, 12 тыс. орудий, 166 танков и штурмовых орудий⁶⁵. Позиции противника состояли из траншей, идущих с севера на юг, отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Для прорыва обороны и ликвидации вражеских войск на Земландском полуострове командование 3-го Белорусского фронта выделило 5 общевойсковых армий: 2-ю гвардейскую, 5, 39, 43 и 11-ю гвардейскую армии. К операции привлекалось свыше 111 тыс. солдат и офицеров, 5,2 тыс. орудий и минометов, 451 установка реактивной артиллерии, 324 танка и самоходно-артиллерийские установки⁶⁶.

Решением командующего войсками 3-го Белорусского фронта предусматривалось: ударом основных сил 5-й и 39-й армий в общем направлении на Фишхаузен рассечь земландскую группировку и в дальнейшем уничтожить ее по частям. Для обеспечения ударной группировки фронта с севера и юга 2-я гвардейская и 43-я армии наносили вспомогательные удары по флангам земландской группировки врага. Ширина полос наступления 5, 39 и 43-й армий равнялась 7–8 км. 2-я гвардейская армия, действовавшая на второстепенном направлении, получила полосу шириной до 20 км. 11-я гвардейская армия, сосредоточенная во втором эшелоне фронта, с выходом войск главной группировки фронта в район Фиш-

хаузен должна была сменить их и завершить ликвидацию противника в районе Пиллау.

Краснознаменный Балтийский флот прикрывал приморский фланг войск фронта от возможных обстрелов и десантов противника с моря; содействовал наступлению войск фронта высадкой тактических десантов в тылу противника и огнем корабельной и береговой артиллерии; срывал эвакуацию вражеских войск морем. В ночь перед наступлением 1-я и 3-я воздушные армии нанесли серию массированных ударов по боевым порядкам войск противника, оборонительным сооружениям, портам и узлам коммуникаций.

Наступление началось в 8 часов 13 апреля. Нанося главный удар в центре силами 5-й и 39-й армий, командующий фронтом рассчитывал рассечь группировку противника на две части. Однако немецкие войска уже на второй день операции начали отходить вдоль северного побережья полуострова. Более упорно противник сопротивлялся перед центром и левым крылом 3-го Белорусского фронта, но и здесь под ударами советских войск был вынужден сдавать одну позицию за другой. В ходе операции при содействии бронекатеров на дамбу Кёнигсбергского морского канала высадились два тактических десанта, что содействовало наступлению советских войск вдоль побережья. Бронекатера также поддерживали наши наступающие войска артиллерийским огнем.

Советские войска неуклонно продвигались на запад. Несмотря на сильную и непрерывную боевую поддержку авиации, совершившей в первый день операции 6111 самолетовылетов, главной ударной группировке удалось продвинуться всего на 3–5 км⁶⁷. Тяжелые бои продолжались и на следующий день. Особенно упорным было сопротивление противника перед центром и левым крылом фронта. Однако, опасаясь расчленения, гитлеровское командование с 14 апреля начало постепенно отводить свои части к Пиллау. Воспользовавшись этим, советские войска атаковали его позиции на всем фронте. Наибольшего успеха добилась 2-я гвардейская армия. Ее соединения 15 апреля очистили от врага всю северо-западную часть Земландского полуострова и устремились вдоль восточного побережья Балтийского моря к югу. К концу дня под мощным натиском советских войск рухнула оборона, преграждавшая путь на косу Пиллау. В ночь на 17 апреля ударами с севера и востока соединения 39-й и 43-й армий овладели городом и портом Фишхаузен.

Остатки немецкой группировки (около 20 тыс. человек) отошли в северную часть косы Пиллау, где закрепились на заранее подготовленном оборонительном рубеже. 2-я гвардейская армия, ослабленная в предыдущих боях, не смогла с ходу прорвать его оборону и приостановила

наступление. С большим напряжением вели боевые действия 1-я и 3-я воздушные армии, совершавшие ежедневно около 5 тыс. самолетовылетов. Силы флота прикрывали приморский фланг наступающих войск, нарушали эвакуацию личного состава и боевой техники противника морем, потопили несколько кораблей и транспортов, десантных барж и подводных лодок.

Для наращивания усилий и дальнейшего развития операции командующий фронтом принял решение ввести в сражение 11-ю гвардейскую армию. Сменив в ночь на 18 апреля войска 2-й гвардейской армии к западу от Фишхаузена, соединения 11-й гвардейской армии в первый же день провели разведку боем, а утром 20 апреля после артиллерийской подготовки атаковали противника. Шесть дней шли бои на подступах к Пиллау, одному из опорных пунктов Восточной Пруссии. Лесистая местность косы в сочетании с инженерными сооружениями повышала устойчивость обороны противника, а небольшая ширина суши (2–5 км), полностью исключавшая маневр, вынуждала наступающих проводить лобовые атаки. Только к исходу 24 апреля 11-я гвардейская армия прорвала 6-километровую зону оборонительных позиций, прикрывавших подступы к Пиллау с севера⁶⁸. 25 апреля советские войска ворвались на его окраины. К вечеру над городом взметнулся красный флаг. Последний узел сопротивления врага в юго-западной части Земландского полуострова был ликвидирован.

После разгрома немецких войск на Земландском полуострове противник продолжал удерживать в своих руках лишь косу Фрише-Нерунг. Боевые действия по освобождению косы продолжались вплоть до 8 мая. В ходе этих боев силами Военно-Морского Флота 26 апреля на косу были высажены два тактических десанта силой до трех полков пехоты, способствовавшие наступлению войск 11-й гвардейской армии со стороны Пиллау. Разгром противника на Земландском полуострове явился заключительным событием всей Восточно-Прусской операции. С ее завершением Восточная Пруссия — цитадель прусского милитаризма на востоке Европы — была полностью очищена от немецко-фашистских войск. 3-й Белорусский фронт и Краснознаменный Балтийский флот заняли важные стратегические позиции на Балтийском море. Советское командование получило возможность использовать высвободившиеся силы для решения новых стратегических задач.

В целом, успешное осуществление наступательных операций на восточно-прусском направлении имело большое военно-политическое значение. В ходе этой операции советские войска взломали мощную оборону врага на всю ее глубину и разгромили крупную стратегическую группировку немецко-фашистских войск — группы армий

«Центр» и «Висла». Всего за время проведения операции советские войска разгромили до 25 дивизий и нанесли поражение 12 дивизиям врага. Разгром столь крупной группировки врага значительно ослабил вооруженные силы фашистской Германии.

Победа в Восточной Пруссии досталась советским войскам дорогой ценой. Их безвозвратные потери составили 126 464 чел., а санитарные — 458 314 чел. За успешные действия в Восточно-Прусской операции свыше тысячи наиболее отличившихся соединений и частей были награждены орденами, а 217 из них за умелые и героические действия удостоены почетных наименований Кёнигсбергских, Инстербургских, Млавских, Гумбиненских, Тильзитских и других. В ознаменование одержанной победы Президиум Верховного Совета СССР учредил медаль «За взятие Кёнигсберга», которой были удостоены около 740 тыс. человек⁶⁹.

Сотни тысяч советских воинов были награждены орденами и медалями, а особо отличившиеся удостоены звания Героя Советского Союза. За умелое руководство войсками орденом Победы во второй раз был награжден командующий фронтом Маршал Советского Союза А. М. Василевский. Командующий Военно-воздушными силами Красной армии Главный маршал авиации А. А. Новиков стал Героем Советского Союза, а генералы А. П. Белобородов, П. К. Кошевой, Т. Т. Хрюкин, летчики В. А. Алексенко, Амет-хан Султан, Л. И. Беда, А. Я. Брандыс, И. А. Воробьев, М. Г. Гареев, П. Я. Головачев, Е. М. Кунгурцев,

Г. М. Мыльников, В. И. Мыхлик, А. К. Недбайло, Г. М. Паршин, А. Н. Прохоров, Н. И. Семейко, А. С. Смирнов и М. Т. Степанищев — дважды Героями Советского Союза.

Высоко было оценено мужество летчиков авиационного полка «Нормандия — Неман», завершивших свой боевой путь в Восточной Пруссии. Всего за время войны отважные французские летчики совершили свыше 5 тыс. боевых вылетов, провели 869 воздушных боёв, сбили 273 и повредили 50 фашистских самолетов, уничтожили значительное количество живой силы и боевой техники противника. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 19 февраля и 5 июня 1945 г. за образцовое выполнение заданий командования полк был награжден орденом Красного Знамени и Александра Невского. Советскими боевыми орденами были награждены 83 французских лётчика, а старшие лейтенанты М. Альбер, Р. де ля Пуап, М. Лефевр (посмертно) и младший лейтенант Ж. Андре удостоены звания Героев Советского Союза. Таким образом, в результате крупных побед советских войск в Восточной Пруссии, Померании и Северной Польше фашистской Германии был нанесен невосполнимый урон. Потеря одного из важнейших военно-экономических районов весьма негативно сказалась на общем состоянии военной экономики страны и значительно ухудшила оперативно-стратегическое положение вермахта на советско-германском фронте.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. Завершающие операции Великой Отечественной войны в Европе. Война с Японией. М., 2013. С. 220.

² Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 2010. С. 489.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 221.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. М., 1979. С. 92.

⁵ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 222.

⁶ Цит. по: История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 91.

⁷ Сборник материалов по изучению опыта войны № 24. М., 1947. С. 20.

⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 222.

⁹ Там же.

¹⁰ Типпельскирх К. История Второй мировой войны 1939–1945. Перевод с нем. М., 2003. С. 685.

¹¹ ЦАМО. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 103. Л. 281–282.

¹² Белобородов А. П. Некоторые характерные черты Восточно-Прусской операции // Военно-исторический журнал. 1984. № 12. С. 4.

¹³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 225.

¹⁴ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (военно-исторический очерк). Т. IV. М., 1959. С. 50.

¹⁵ Там же. С. 57.

¹⁶ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал... С. 227.

¹⁷ Там же. С. 228.

¹⁸ Там же.

¹⁹ ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3411. Д. 110. Л. 48.

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 232.

²¹ Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. М., 1985. С. 378.

- 22 ЦАМО. Ф. 237. Оп. 2414. Д. 154. Л. 124.
- 23 Цит. по: История Великой Отечественной войны 1941–1945. В шести томах. Т. 5. М., 1963. С. 111.
- 24 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 104.
- 25 Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М., 1999. С. 193.
- 26 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 106.
- 27 ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2675. Д. 348. Л. 302, 314.
- 28 Герои Советского Союза: Краткий биографический словарь в двух томах. Т. 2. М., 1988. С. 381; Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М., 1973. С. 260.
- 29 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 107.
- 30 Там же.
- 31 ЦАМО. Ф. 16. Оп. 956. Д. 19. Л. 36.
- 32 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 108.
- 33 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 239.
- 34 История Великой Отечественной войны 1941–1945. В шести томах. Т. 5. С. 123.
- 35 ЦАМО Ф. 148. Оп. 3763. Д. 213. Л. 25.
- 36 Там же, л. 11.
- 37 Освобождение городов. Справочник по освобождению городов в период Великой Отечественной войны 1941–1945. С. 240.
- 38 ЦАМО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 93. Л. 20–21.
- 39 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 111.
- 40 Сборник материалов по составу, группировке и перегруппировке сухопутных войск фашистской Германии. Вып. 5. С. 32–33.
- 41 ЦАМО. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 39. Л. 29.
- 42 Там же, л. 21–24.
- 43 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (военно-исторический очерк). С. 76.
- 44 Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1968. С. 359.
- 45 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 821. Л. 297–298.
- 46 Советские Военно-Воздушные Силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 360.
- 47 Сборник материалов по изучению опыта войны № 24. М., 1947. С. 167.
- 48 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (военно-исторический очерк). Т. IV. С. 80.
- 49 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2593. Д. 988. Л. 207–214; История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 117.
- 50 ЦАМО. Ф. 13. Оп. 419. Д. 19. Л. 224–228, 231.
- 51 Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 360.
- 52 ЦАМО. Ф. 241. Оп. 2630. Д. 43. Л. 433, 434.
- 53 ЦАМО. Ф. 235. Оп. 2074. Д. 942. Л. 433, 434.
- 54 Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. (военно-исторический очерк). Т. IV. С. 82.
- 55 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 119.
- 56 Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-историч. очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. Освобождение. С. 248.
- 57 История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 120.
- 58 Там же.
- 59 Lasch O. So fiel Königsberg. München, 1959. S. 106.
- 60 Штурм Кенигсберга. Изд-е 4-е. Калининград, 1985. С. 119.
- 61 ЦАМО. Ф. 290. Оп. 3284. Д. 1124. Л. 135.
- 62 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 256.
- 63 Штурм Кенигсберга. Изд-е 4-е. С. 109, 119, 120.
- 64 Сборник материалов по изучению опыта войны № 24. М., 1947. С. 180.
- 65 Там же, с. 181.
- 66 ЦАМО. Ф. 13. Оп. 419. Д. 19. Л. 245–248, 250.
- 67 ЦАМО. Ф. 48. Оп. 4. Д. 29. Л. 384.
- 68 Галицкий К. В боях за Восточную Пруссию. Записки командующего 11-й гвардейской армии. М., 1970. С. 446.
- 69 Великая Отечественная война 1941–1945 годов. Т. 5. Победный финал. С. 288.

Бронетанковые войска в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции

В. О. Дайнес*

Верховное Главнокомандование вермахта планировало в зимней кампании 1945 года упорной обороной задержать наступление Красной армии и не допустить ее продвижения в глубину территории Германии. На Западном фронте предусматривалось ударами по войскам союзников вынудить США и Великобританию изменить свою политику по отношению к Германии и способствовать достижению сепаратных сделок. Немецкое командование полагало, что Красная армия нанесет два удара: главный — через Венгрию и Чехию и второй — в Восточной Пруссии. Одновременно оно ожидало и наступления советских войск, находившихся на рубеже Вислы, но с ограниченными целями.

Начальник Генерального штаба Сухопутных войск генерал-полковник Г. Гудериан, оценивая обстановку, сложившуюся к концу декабря 1944 года, в своей книге «Воспоминания солдата» отмечал: «Все больше поступало сведений о предстоящем наступлении русских. Мы установили районы развертывания основных сил. Были определены три главные ударные группы русских:

- 1) на предместном укреплении у Баранува находились в боевой готовности для наступления шестьдесят стрелковых соединений, восемь танковых корпусов, кавалерийский корпус и шесть других танковых соединений;
- 2) севернее Варшавы были сосредоточены пятьдесят четыре стрелковых соединения, шесть танковых корпусов, кавалерийский корпус и девять других танковых соединений;
- 3) группировка на восточно-прусской границе состояла из пятидесяти четырех стрелковых соединений, двух танковых корпусов и девяти других танковых соединений.

Кроме того, группировка из пятнадцати стрелковых и двух танковых соединений находилась южнее Ясло, группировка из одиннадцати стрелковых соединений, кавалерийского корпуса и танкового корпуса — под Пулавы и группировка из тридцати одного стрелкового соединения, пяти танковых корпусов и трех других танковых соединений — южнее Варшавы. Мы рассчитывали, что наступление начнется 12 января 1945 г. Превосходство русских выражалось соотношением: по пехоте — 11:1, по танкам — 7:1, по артиллерийским орудиям — 20:1. Если оценить противника в целом, то можно было говорить безо всякого преувеличения о его 15-кратном превосходстве на суше и по меньшей мере о 20-кратном превосходстве в воздухе¹. Для обороны Восточной Пруссии были предназначены войска группы армий «Центр» (с 26 января 1945 года — «Север»). По данным Генерального штаба Красной армии они насчитывали 780 тыс. человек, 8200 орудий и минометов, 700 танков и штурмовых орудий, 775 самолетов².

Советская Ставка Верховного Главнокомандования (ВГК) в своих планах на зимнюю кампанию 1945 года намечала разгромить войска вермахта в Восточной Пруссии силами 3-го, 2-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов при поддержке Балтийского флота и 18-й воздушной армии. Они насчитывали около 1670 тыс. человек, 25,5 тыс. орудий и минометов, 3,9 тыс. танков и САУ, 3,1 тыс. боевых самолетов³. Противник уступал им в живой силе в 2,1 раза, в орудиях и минометах — в 3,1, в танках и САУ — в 5,6, а в самолетах — в 4 раза. Замысел Восточно-Прусской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы нанести войсками 2-го Белорусского фронта глубокий охватывающий удар в направле-

* Дайнес Владимир Оттович — к. и. н., с. н. с. Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

нии Мариенбург (Мальборк), Эльбинг (Эльблонг), а войсками 3-го Белорусского фронта и 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта — севернее Мазурских озёр на Кёнигсберг (Калининград), чтобы отсечь группу армий «Центр» от остальных сил противника, прижать его к морю, расчлениить и при поддержке Балтийского флота уничтожить по частям.

На направлениях главных ударов были созданы ударные группировки, обеспечивавшие подавляющее превосходство над противником. Основу этих группировок составляли бронетанковые и механизированные войска. В их состав входили одна танковая армия (5-я гвардейская), четыре танковых (1, 2 и 8-й гвардейские, 1-й) и один механизированный (8-й) корпуса, 15 отдельных танковых бригад, 94 танковых и самоходно-артиллерийских полка, 39 самоходно-артиллерийских дивизионов. Они насчитывали 3857 танков и самоходно-артиллерийских установок. Большинство отдельных бригад и полков было передано армиям, наступавшим на направлениях главных ударов. В результате на 1 км участка прорыва 3-й Белорусский фронт имел в среднем 26 танков и САУ непосредственной поддержки пехоты, а 2-й Белорусский фронт — 28 единиц⁴.

Танковую армию, отдельные танковые и механизированный корпуса предусматривалось использовать в качестве эшелонов развития успеха. В 3-м Белорусском фронте для этой цели предназначались 1-й и 2-й гвардейский танковые корпуса. 1-й танковый корпус намечалось ввести в сражение утром пятого дня операции с рубежа реки Инстер для развития успеха на Таплаккен. 2-й гвардейский танковый корпус вводился в сражение в полосе 5-й армии после того, как ее дивизии прорвут тактическую зону обороны противника на всю глубину с целью развития успеха на Ауловенен.

Во 2-м Белорусском фронте эшелоном развития успеха являлась 5-я гвардейская танковая армия, которую предусматривалось ввести в сражение с утра четвертого дня операции в общем направлении Млава, Мариенбург. Два отдельных танковых и один механизированный корпуса были переданы общевойсковым армиям: 8-й механизированный — 48-й армии, 8-й гвардейский танковый — 2-й ударной армии, 1-й гвардейский танковый — 65-й армии. Их планировалось ввести в сражение после прорыва стрелковыми дивизиями второй полосы обороны противника. В период подготовки войск к наступлению большое внимание уделялось отработке приемов и способов прорыва укрепленных районов противника, форсирования рек и борьбы в населенных пунктах.

Первыми в наступление перешли войска 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского. Они во взаимодействии с ча-

стью сил (43-я и 3-я воздушная армии) 1-го Прибалтийского фронта с 13 по 26 января провели Инстербургско-Кёнигсбергскую операцию. Главные силы 39, 5 и 28-й армий 3-го Белорусского фронта наступали в условиях ограниченной видимости (туман), а потому смогли к 14 января вклиниться в оборону противника всего на 1,5–7 км. Только во второй половине дня 15 января после улучшения погоды стала активно действовать авиация 1-й воздушной армии генерал-полковника авиации Т. Т. Хрюкина. К исходу дня была прорвана главная полоса обороны. С целью наращивания силы удара 5-й армии и завершения прорыва вражеской обороны генерал армии Черняховский 16 января ввел в сражение 2-й гвардейский танковый корпус генерала А. С. Бурдейного. Решительно атаковав противника, его соединения отразили несколько контратак противника и во взаимодействии со стрелковыми дивизиями прорвали вторую полосу обороны. Утром 18 января в полосе 39-й армии в сражение был введен 1-й танковый корпус генерала В. В. Буткова. Его части через несколько часов форсировали реку Инстер и перерезали железную дорогу Тильзит—Инстербург.

Ввод танковых корпусов позволил войскам 3-го Белорусского фронта к исходу 18 января прорвать вражескую оборону на кёнигсбергском направлении в полосе шириной 65 км и на глубину 40–45 км. Соединения немецкой 3-й танковой армии понесли большие потери. По решению генерала армии Черняховского в ночь на 19 января на это направление был переброшен 2-й гвардейский танковый корпус, получивший задачу наступать на Инстербург, обходя его с запада. Частям 1-го танкового корпуса было приказано после подхода стрелковых дивизий развивать наступление на Таплаккен.

19 января по решению Ставки ВГК в подчинение командующего 3-м Белорусским фронтом была передана 43-я армия из 1-го Прибалтийского фронта. Она в ночь на 20 января штурмом овладела Тильзитом (Советск), обеспечив наступление ударной группировки 3-го Белорусского фронта с севера. В тот же день войска 28-й армии заняли Гумбиннен (Гусев). Одновременно генерал армии Черняховский ввел в полосе 39-й армии, где обозначился наибольший успех, свой второй эшелон — 11-ю гвардейскую армию.

Тем временем танковые корпуса 3-го Белорусского фронта продолжали наращивать успех. 21 января части 1-го танкового корпуса заняли Таплаккен, вышли к реке Прегель, а на следующий день в районе Тапиау достигли реки Дайме. Однако форсировать эту реку не удалось, так как противник взорвал мост, а переправочных средств не было. 2-й гвардейский танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника,

форсировал Прегель у Норкиттена и перерезал железную дорогу Инстербург—Кёнигсберг, а его разведывательная группа ворвалась на аэродром и захватила восемь самолетов, десять орудий и три бронетранспортера⁵.

Успешные действия танковых корпусов создали угрозу окружения инстербургско-гумбиненской группировки врага, которая начала отход на запад. Преследуя противника, войска 11-й гвардейской и 5-й армий 22 января штурмом овладели Инстербургом. В ночь на 23 января стали оставлять позиции и войска 4-й армии противника, оборонявшейся в районе Мазурских озер. Стремительно преследуя части этой армии, мотострелковые подразделения 2-го гвардейского танкового корпуса 24 января форсировали реку Алле. Однако танки и САУ не смогли переправиться через реку, так как противник успел взорвать мост, а лед не выдерживал тяжелую технику. Поэтому в ночь на 25 января корпус, не имевший переправочных средств, совершил марш на север, в район Велау, где к этому времени саперы 11-й гвардейской армии навели 60-тонный мост.

1-й танковый корпус, после того как стрелковые дивизии 39-й армии форсировали реку Дайме, в ночь на 25 января также переправился на противоположный берег. 31 января части корпуса совместно с пехотой 39-й армии обошли Кёнигсберг с запада, выйдя к заливу Фришес-Хафф. Почти одновременно 2-й гвардейский танковый корпус, преодолевая упорное сопротивление противника, совместно со стрелковыми дивизиями 11-й гвардейской армии также вышел к заливу Фришес-Хафф и отрезал Кёнигсберг с юга.

В результате Инстербургско-Кёнигсбергской операции были разгромлены основные силы немецкой 3-й танковой армии, войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на глубину до 130 км, создав благоприятные условия для завершения Восточно-Прусской операции.

Войска 2-го Белорусского фронта под командованием маршала Советского Союза К.К. Рокоссовского с 14 по 26 января 1945 года провели Млавско-Эльбингскую наступательную операцию. В состав фронта входили семь общевойсковых (50, 3, 49, 48, 65, 70-я, 2-я ударная), одна танковая (5-я гвардейская) и одна воздушная (4-я) армии, два танковых (8-й, 1-й гвардейские), один механизированный (8-й) и один кавалерийский (3-й гвардейский) корпуса. Всего фронт насчитывал более 880 тыс. человек, 2195 танков и САУ, более 11 тыс. орудий и минометов, 1,5 тыс. самолетов⁶.

Войска 2-го Белорусского фронта занимали оборону на 288-километровом участке по восточному берегу Августовского канала, рекам Бобр и Нарев до Сероцка включительно. На западном

берегу Нарева они удерживали два плацдарма. По данным разведки к 17 декабря 1944 года против левого крыла фронта оборонялись части 2-й и 9-й армий группы армий «Центр» в составе одиннадцати (102, 14, 292, 129, 299, 211, 7, 35, 252, 542 и 5-я) пехотных и четырех (6, 3, 5-я «Викинг», 3-я «Тотенкопф») танковых дивизий, усиленных артиллерией РКК. В оперативном резерве у противника находились до трех пехотных и одной моторизованной дивизий. Кроме того, не исключался подход резервов противника со стороны Гольдапа, Кёнигсберга.

Противник занимал заранее подготовленную долговременную оборону, включавшую три оборонительные полосы, Млавский и Алленштейнский укрепрайоны, а также восстановленные крепости Млава, Модлин, Эльбинг, Мариенбург, Торунь. Местность, на которой предстояло действовать войскам 2-го Белорусского фронта, была весьма своеобразна. Правая ее половина — от Августова до Ломжи — лесисто-озерный край, очень сложный для передвижения войск. Более проходимой по рельефу была левая половина участка, но и здесь на легкое продвижение рассчитывать не приходилось.

По решению маршала Рокоссовского главный удар наносился с ружанского плацдарма силами трех общевойсковых (3-я, 48-я, 2-я ударная) и одной танковой (5-я гвардейская) армий в общем направлении на Мариенбург. Второй удар с северо-западного плацдарма наносили 65-я и 70-я армии в общем направлении на Торунь. Войска 49-й армии должны были наступать на Мышинец и обеспечить главную группировку фронта с севера, а 50-я армия — оборонять участок от Августова до Новогруда⁷.

В соответствии с замыслом 5-ю гвардейскую танковую армию намечалось к утру 9 января 1945 года сосредоточить в районе Острив-Мазовецкого в готовности для ввода в прорыв на участке Пшасныш, Цеханув в общем направлении на Млава, Лидзбарк. 3-й гвардейский кавалерийский и 8-й механизированный корпуса планировалось ввести в прорыв в полосе 3-й армии в общем направлении на Найденбург, Алленштейн. Им предстояло на пятый—шестой день операции овладеть районом Алленштейна, перехватить важнейшие пути противника и не допустить удара его резервов с севера.

Общее превосходство над противником во всей полосе 2-го Белорусского фронта (250 км) было более чем в 2,5 раза в людях и артиллерии, в 4,5 раза — в танках и САУ, более чем в 4,7 раза — в авиации. На участках прорыва (9,8 % всей полосы) превосходство было еще большим: в людях — в 5 раз, в артиллерии — в 7–8, в танках и САУ — в 9 раз.

К началу Млавско-Эльбингской операции пошел мокрый снег. Опустился туман. В 10 часов утра 14 января 1945 года началась артиллерийская подготовка продолжительностью 85 минут. После этого пехота с танками и орудиями непосредственного сопровождения перешла в наступление. Густой туман мешал использовать артиллерию на всю ее мощь. Со второй половины дня противник стал переходить в контратаки, применяя и танки. К исходу дня войска 48-й, 2-й ударной, 65-й и 70-й армий сумели лишь вклиниться в оборону противника от 5 до 8 км. На правом крыле фронта, на участке 50-й армии противник в прежней группировке прочно удерживал рубеж по Августовскому каналу, отражая все попытки соединений армии потеснить его на отдельных направлениях. На участке 3-й армии после артиллерийской подготовки войскам удалось с незначительными потерями овладеть двумя траншеями и, продолжая бой с противником, все усиливавшим сопротивление, продвинуться к концу дня от 3 до 7 км.

В ночь на 15 января противник, стремясь любой ценой удержать главную полосу обороны, подтянул резервы, в том числе моторизованную дивизию «Великая Германия» и 7-ю танковую дивизию. С утра противник предпринял несколько контратак, вынудив стрелковые соединения 2-го Белорусского фронта замедлить продвижение. В сложившейся обстановке маршал Рокоссовский ввел в сражение 1-й и 8-й гвардейские танковые и 8-й механизированный корпус. Они нарастили силу удара общевойсковых армий, совместно с ними завершили прорыв главной полосы обороны и вклинились во вторую полосу, продвинувшись за день на 6—8 км. Ночью и в первой половине дня 16 января подвижные соединения сломали упорное сопротивление противника на второй полосе обороны. К этому времени погода улучшилась, что позволило использовать авиацию, которая своими ударами с воздуха оказала помощь наземным войскам в отражении вражеских атак. В тот же день соединения 2-й ударной и 65-й армий овладели городом Пултуск. К исходу дня войска 2-го Белорусского фронта завершили прорыв армейского рубежа обороны противника.

С целью развития успеха маршал Рокоссовский утром 17 января ввел в образовавшийся прорыв в полосе действий 48-й армии подвижную группу фронта — 5-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника танковых войск В.Т. Вольского. При поддержке специально выделенных соединений бомбардировочной и истребительной авиации она устремилась на Мариенбург, сметая со своего пути и уничтожая пытавшиеся оказать сопротивление части противника. Одновременно в направлении на Аллен-

штейн (Ольштын) вошел в прорыв 3-й гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерала Н.С. Осликовского. Вслед за 5-й гвардейской танковой армией продолжали наступать 48-я и 2-я ударная армии, намереваясь с ходу форсировать Вислу и не дать закрепиться на ней отступавшему противнику. Во 2-й ударной армии в качестве передовых отрядов использовались батальоны, специально обученные действовать ночью. Они были усилены несколькими танками, артиллерией и саперами. Танки, включенные в состав передовых отрядов, несли на броне десанты автоматчиков. Основные силы стрелковых дивизий следовали за передовыми отрядами на дистанции от 2 до 5 км в постоянной готовности к развертыванию. Темп продвижения войск был достаточно высоким — 25–30 км в день. Танковые части шли впереди пехоты, выходя на фланги отступающего противника, угрожая тылам.

17 января части 2-й ударной армии и 8-го гвардейского танкового корпуса генерала А.Ф. Попова заняли Цеханув, захватив на станции эшелон с 40 танками⁸. 19 января передовые части 48-й армии овладели Млавой — крупнейшим узлом сопротивления врага на пути к Восточной Пруссии, а 29-й танковый корпус 5-й гвардейской танковой армии освободил Дзялдово (Зольдау). Продолжая стремительно наступать, соединения армии в районе Найденбурга (Нидзица) вторглись в пределы Восточной Пруссии.

Успешно продвигались и другие войска. 8-й механизированный корпус генерала А.Н. Фирсовича овладел Грудуском, а 8-й гвардейский танковый корпус — Шреньском. 1-й гвардейский танковый корпус генерала М.Ф. Панова, наступавший с сероцкого плацдарма, обошел Плоньск с севера и двигался на Дробин.

Вечером 19 января маршал Рокоссовский уточнил задачу 5-й гвардейской танковой армии. Ей предстояло, не ввязываясь в бои за опорные пункты противника, развивать наступление в направлении Остероде, Дейч-Эйлау, Эльбинг и выйти к берегам Балтийского моря.

В ночь на 20 января 10-й танковый корпус генерала М.Г. Сахно перешел в наступление и через несколько часов штурмом овладел Найденбургом, а затем и Танненбергом (Стембарк), освободив несколько тысяч пленных, находившихся в концлагере. В тот же день войска 3-й армии вступили в пределы Восточной Пруссии.

20 января Ставка ВГК приказала командующему 2-м Белорусским фронтом повернуть 3, 48, 2-ю ударную и 5-ю гвардейскую танковую армии на север и северо-восток для действий против восточно-прусской группировки противника⁹. Им предстояло продолжать наступление в общем направлении на Дейч-Эйлау, Мариенбург и не

позднее 2–4 февраля овладеть рубежом Эльбинг, Мариенбург, далее на юг по реке Висла до Торна, отрезая противнику все пути из Восточной Пруссии в Центральную Германию. По выходе на Вислу предписывалось захватить плацдармы на ее западном берегу к северу от Торна. Одновременно правым крылом фронта следовало овладеть рубежом Иоханнисбург, Алленштейн, Эльбинг. В дальнейшем намечалось вывести большую часть сил фронта на левый берег Вислы для действий в полосе между Данцигом и Штеттином.

Появление на свет этой директивы было вызвано отставанием войск 3-го Белорусского фронта. В соответствии с директивой Ставки ВГК соединения 3-й, 48-й, 2-й ударной и 5-й гвардейской танковой армий осуществили сложный маневр на север и северо-восток, чтобы перехватить пути отхода восточно-прусской группировки врага. Войска 2-й ударной армии, несмотря на усилившееся сопротивление противника, вышли к 25 января к рекам Висла и Ногат. Им удалось в нескольких местах с ходу форсировать эти значительные водные преграды. Фронт наступления расширился до 50 км. Передовые отряды 2-й ударной армии достигли предместий Эльбинга. Правее вышла к морю 2-я гвардейская танковая армия 1-го Белорусского фронта.

Во второй половине дня 22 января части 10-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии овладели городом Остероде и завязали бой за Морунген. Соединения 29-го и 8-го гвардейского танковых корпусов освободили Дейч-Эйлау и Зальфельд, 8-й механизированный корпус захватил Фрайштадт, а 1-й гвардейский танковый корпус — Бродницу. Вслед за танковыми корпусами быстро продвигались общевойсковые армии 2-го Белорусского фронта. В ночь на 23 января 5-я гвардейская танковая армия получила задачу развивать стремительное наступление, главными силами овладеть Мюльхаузенем и Эльбингом, а передовыми отрядами корпусов выйти к заливу Фришес-Хафф и отрезать восточно-прусскую группировку от остальных сил противника, действовавших на советско-германском фронте. Здесь 5-я гвардейская танковая армия должна была перейти к обороне и не допустить прорыва врага на запад.

Командующий армией генерал-полковник танковых войск Вольский решил продолжать наступление ночью. Части 10-го танкового корпуса сломили сопротивление противника в районе Морунгена и, продолжая стремительно наступать, 24 января овладели Мюльхаузенем (Млынары). Успешно наступал и 29-й танковый корпус, имея в первом эшелоне 31-ю танковую бригаду. Передовой отряд бригады — 3-й танковый батальон (7 танков с десантом автоматчиков) под командованием капитана Г.Л. Дьяченко внезапно для

противника по шоссе ворвался в Эльбинг. Танки проросили город и около 11 часов вечера в районе Гросс-Роберна вышли к заливу Фришес-Хафф. Когда к городу вышли главные силы 31-й танковой бригады подполковника А.И. Поколова, противник уже занял прочную оборону и оказал упорное сопротивление. Тогда бригада обошла Эльбинг с востока и утром 24 января вышла к заливу, где соединилась со своим передовым отрядом. Таким образом, восточно-прусская группировка противника оказалась отрезанной от войск, отошедших за Вислу.

26 января части 8-го механизированного корпуса совместно со стрелковыми дивизиями 2-й ударной армии после упорных боев овладели Мариенбургом — важным узлом дорог, соединяющих Восточную Пруссию с Померанией. Командующий немецкой 4-й армией с целью деблокации восточно-прусской группировки нанес 27 января мощный контрудар силами 4 пехотных, 2 моторизованных и одной танковой дивизий. Для его отражения командующий 2-м Белорусским фронтом использовал 48-ю, 5-ю гвардейскую танковую армии, 8-й гвардейский танковый, 8-й механизированный и 3-й гвардейский кавалерийский корпуса. Они остановили группировку противника и к 9 февраля отбросили её назад.

В результате Млавско-Эльбингской операции войска 2-го Белорусского фронта разгромили около 15 дивизий противника, овладели Млавским и Алленштейнским укрепленными районами, заняли часть Восточной Пруссии, освободили территорию Северной Польши и продвинулись на северо-запад до 230 км. Они блокировали с запада и юго-запада восточно-прусскую группировку противника, создав благоприятные условия для её последующего разгрома. С выходом войск фронта к нижнему течению Вислы и захватом плацдарма севернее Быдгоща создавались условия для наступления в Восточной Померании.

К 10 февраля под ударами советских войск группа армий «Север» (около 32 дивизий) была рассечена на три изолированные группировки: Хайльсбергскую, Кёнигсбергскую и Земландскую. И только главным силам немецкой 2-й армии удалось отойти в Восточную Померанию. Основные силы 2-го Белорусского фронта с 10 февраля приступили к проведению Восточно-Померанской стратегической наступательной операции. Задача по разгрому трех вражеских группировок была возложена на 3-й Белорусский фронт, которому были переданы 5-я гвардейская танковая, 50, 3 и 48-я армии, а также несколько отдельных танковых бригад и полков, действовавших ранее в составе 2-го Белорусского фронта¹⁰.

В борьбе против Хайльсбергской группировки противника участвовало 678 танков и САУ,

Кёнигсбергской — 551, Земландской — 502¹¹. Действуя в условиях весенней распутицы, механизированные и бронетанковые войска совместно с соединениями других родов войск и 1-м Прибалтийским фронтом¹² приступили к выполнению поставленной задачи. Главные силы 3-го Белорусского фронта не смогли сходу ликвидировать Хайльсбергскую группировку противника и выполнили эту задачу лишь после перегруппировки сил 13—29 марта. Кёнигсбергская группировка была ликвидирована с 6 по 9 апреля в ходе Кёнигсбергской операции. 13—25 апреля войска 3-го Белорусского фронта при участии авиации и других сил Балтийского флота завершили разгром Земландской группировки врага.

В результате Восточно-Прусской стратегической наступательной операции советские войска овладели Восточной Пруссией, освободили часть северных районов Польши, уничтожили более 25 дивизий и нанесли поражение 12 дивизиям противника. Потери советских войск составили: безвозвратные — 126 464, санитарные — 458 314 человек¹³. В ходе Восточно-Прусской операции не удалось предотвратить отход за Вислу главных сил немецкой 2-й армии, которые были разгромлены лишь в ходе последующей Восточно-Померанской

операции. Кроме того, советские войска не смогли осуществить рассечение окруженных группировок противника, так как не удавалось наносить достаточно мощные первоначальные удары, что привело к затяжному характеру Восточно-Прусской операции (103 суток).

Большую роль в Восточно-Прусской операции сыграли бронетанковые и механизированные войска. Они действовали в качестве эшелонов развития успеха, форсировали водные преграды, участвовали в штурме и захвате городов и крупных опорных пунктов противника, стремительно развивали наступление в оперативной глубине, умело применяли обходы и охваты флангов противника. За отличия, проявленные в этой операции, орденами Ленина были награждены 1-й гвардейский танковый корпус, 28-я гвардейская, 25, 32 и 159-я танковые бригады и 1446-й самоходно-артиллерийский полк, а орденом Суворова 2-й степени — 2-й гвардейский и 10-й танковые корпуса, 2-я гвардейская, 89-я и 120-я танковые, 44-я мотострелковая и 47-я механизированная бригады. Многим соединениям были присвоены почетные наименования Инстербургских, Танненбергских, Кёнигсбергских, Алленштайнских, Мариенбургских, Тильзитских.

¹ Цит. по: Гудериан Г. Воспоминания солдата / Пер. с немецкого. Смоленск: «Русич», 2003. С. 522–523.

² См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 21.

³ Там же, с. 21.

⁴ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. М.: Воениздат, 1973. С. 257.

⁵ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 263.

⁶ См.: Кардашов В. И. Рокоссовский. 4-е изд. М.: Молодая Гвардия, 1984. С. 403.

⁷ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 176–177, 311–316.

⁸ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 259.

⁹ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК: Документы и материалы. 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 193.

¹⁰ 5-я гвардейская танковая армия участвовала в боях до 25 февраля 1945 г., после чего была выведена в резерв Ставки ВГК.

¹¹ См.: Советские танковые войска 1941–1945. Военно-исторический очерк. С. 263.

¹² По решению Ставки ВГК 1-й Прибалтийский фронт 24 февраля 1945 г. был преобразован в Земландскую оперативную группу войск и включён в состав 3-го Белорусского фронта.

¹³ См.: Россия и СССР в войнах XX века: Статистическое исследование. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001. С. 304.

3-я ударная армия в Восточно-Померанской стратегической наступательной операции

В. О. Дайнес*

В Восточной Померании перед войсками 2-го Белорусского фронта оборонялась 2-я полевая армия группы армий «Висла», которую поддерживали 6-й воздушный флот и силы германского флота на Балтике. Всего противник насчитывал 230 тыс. человек, 2,9 тыс. орудий и минометов, 382 танка и штурмовых орудия, 300 самолетов¹. Его войска занимали линию Померанских укреплений («Померанский вал»), построенную еще в 1933 году вдоль бывшей польско-германской границы фронтом на восток и юго-восток. Эта линия проходила по рубежу Штольп (Слупск), Руммельсбург (Мястко), Нойштеттин (Щецинек), Шнайдемюль (Пиля). Ее левый фланг примыкал к приморским укреплениям в районе Штольпмюнде и обеспечивался ими, а правый — к укреплениям на реках Варта и Одер. Основу померанских укреплений составляли долговременные оборонительные сооружения (доты, железобетонные капониры и полукапониры), рассчитанные на гарнизоны силою от взвода до роты.

Все сооружения были усилены фортификационными сооружениями полевого типа. Они и подступы к долговременным сооружениям прикрывались развитой сетью противотанковых и противопехотных заграждений в виде минных полей, железобетонных надолб, проволочных заборов, противотанковых рвов, заполненных водой. Города Штольп, Руммельсбург, Нойштеттин, Шнайдемюль, Дейч-Кроне (Валч) являлись узловыми опорными пунктами в системе померанских укреплений. Вокруг них имелось большое количество долговременных огневых сооружений (точек), сооружений полевого типа, противотанковых и противопехотных препятствий. На побережье в районе Данцига и Гдыни и на косе

Путцигер-Нерунг в районе Хель противник имел приморские укрепленные районы, а в районе Леба, Штольпмюнде, Рюгенвальдемюнде и Кольберг (Колобжег) — оборудованные артиллерийские позиции полуказематированного типа для тяжелой береговой артиллерии. Для обеспечения стыка между Данцигским и Гдыньским оборонительными районами была оборудована оборонительная позиция по рубежу Цукау, Эксау, Кобле, Коллетцау. Она имела три прерывчатые траншеи, а на удалении 4–5 км от нее были построены три траншеи.

Разгром восточно-померанской группировки противника и овладение северной частью Восточной Померании и побережьем Балтийского моря от Данцига до Штеттина первоначально возлагались на войска 2-го Белорусского фронта, насчитывавшие 370 тыс. человек, 10,2 тыс. орудий и минометов, 263 танка и самоходно-артиллерийских орудия, 450 самолетов². К операции привлекалась и часть сил Балтийского флота. Войска фронта превосходили противника по живой силе в 1,6 раза, по орудиям и минометам — в 3,5, по самолетам — в 1,5 раза, уступая ему по количеству танков и САУ почти в 1,5 раза.

Наступление войск 2-го Белорусского фронта началось утром 10 февраля 1945 года и развивалось медленно, так как им приходилось преодолевать сильно укрепленную оборону. В это время войска левого крыла 1-го Белорусского фронта вели тяжелые бои по удержанию и расширению захваченных на левом берегу Одера плацдармов, а его правое крыло продвинулось в Восточной Померании на 20–50 км. Однако прежде чем продолжить дальнейшее продвижение на берлинском направлении, необходимо было разгромить вос-

* Дайнес Владимир Оттович — к. и. н., с. н. с. Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

точно-померанскую группировку противника. Командующий 1-м Белорусским фронтом маршал Советского Союза Г.К. Жуков, изучив сложившуюся обстановку, пришел к выводу, что сил одного фронта недостаточно для разгрома этой группировки врага. 16 февраля маршал Жуков направил Верховному Главнокомандующему И.В. Сталину доклад плана наступления войск правого крыла 1-го Белорусского фронта на штеттинском направлении³. Цель — отбросить противника на север и правым крылом фронта выйти на рубеж Лубов, Темпельбург (Чаплинек), Фалькенбург (Злоценец), Драмбург (Дравско-Поморске), Вангерин (Венгожево), Масоов (Машево), Голлноу (Голеньов), Штеттин, перерезать коммуникации и помочь левому крылу 2-го Белорусского фронта быстрее выдвинуться в район Штеттина. Переход в наступление намечался на утро 19 февраля.

Главный удар планировалось нанести силами двух армий (61-я, 2-я гвардейская танковая), одного кавалерийского (7-й гвардейский) и одного танкового (9-й) корпусов при поддержке двух артиллерийских дивизий через Штаргард (Старгард-Щециньски) в северо-западном направлении. Эта группировка должна была отбросить противника в северном направлении и перерезать его коммуникации. Вспомогательный удар должны были нанести 1-я армия Войска Польского и два стрелковых корпуса 3-й ударной армии. Им предстояло во взаимодействии с войсками 2-го Белорусского фронта отбросить противника в северном направлении и выйти на указанный рубеж. Соединения 12-го гвардейского стрелкового корпуса 3-й ударной армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус должны были вначале обороняться. По мере продвижения левого крыла 2-го Белорусского фронта 2-му гвардейскому кавалерийскому корпусу предписывалось последовательно справа налево перейти от обороны к наступлению в западном направлении. 12-й гвардейский стрелковый корпус предполагалось вывести во второй эшелон 3-й ударной армии.

Сталин 17 февраля утвердил план Жукова, указав 47-ю армию и 1-ю гвардейскую танковую армию иметь в резерве ближе к правому крылу фронта с тем, чтобы при необходимости использовать их на стыке со 2-м Белорусским фронтом. К этому времени войска правого крыла 1-го Белорусского фронта (2-й гвардейский кавалерийский корпус, 1-я армия Войска Польского, 3-я ударная, 61-я, 47-я армии, 1-я и 2-я гвардейские танковые и 16-я воздушная армии) насчитывали 770 тыс. человек, 16,8 тыс. орудий и минометов, 2050 танков и самоходно-артиллерийских установок, 965 самолетов. Противник в составе 2-й, 11-й армий (с 25 февраля — 3-я танковая армия) и части сил 6-го воздушного флота имел 605 тыс. человек,

6,5 тыс. орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 850 самолетов⁴. Таким образом, советские войска превосходили противника по живой силе почти в 1,3 раза, по орудиям и минометам — в 2,6, по танкам и САУ — в 1,4, по самолетам — в 1,1 раза.

Вечером 22 февраля командующий 3-й ударной армией генерал-лейтенант Н.П. Симоняк получил оперативную директиву командующего 1-м Белорусским фронтом. Армии предстояло ударной группировкой (6–7 дивизий) нанести главный удар на левом фланге в направлении Реетц, Гросс-Естин, прорвать оборону противника и уничтожить его противостоящие части. С выходом на рубеж Клайн-Шпигель, Фалькенвальде требовалось обеспечить ввод в сражение в первый день операции 1-й гвардейской танковой армии генерал-полковника танковых войск М.Е. Катукова, наносившей удар на север. К исходу третьего дня операции войскам 3-й ударной армии предписывалось, продвигаясь в северо-западном направлении, овладеть рубежом Велинтенбург, Типов, Вангерин, Брейтенфельде.

Общая ширина полосы наступления армии составляла 36 км, а участок прорыва — 16 км. На усиление армии были выделены укрепленный район, танковый корпус, артиллерийская дивизия РГК, две истребительно-противотанковые артиллерийские бригады, дивизия и три полка гвардейских минометов. Действия войск армии поддерживали 567-й штурмовой авиационный полк и 278-я истребительная авиационная дивизия. Правее 3-й ударной армии на второй день операции переходила в наступление 1-я армия Войска Польского. Слева одновременно прорывала оборону противника 61-я армия. В полосе ее действий намечалось ввести в прорыв 2-ю гвардейскую танковую армию.

Против 3-й ударной армии оборонялись части и соединения 10-го армейского корпуса (402-я запасная и 5-я легкая пехотная дивизии, 49-й мотопехотный полк 23-й моторизованной дивизии СС и танковая бригада СС «Фюрер»). Оборонительный рубеж противника включал две позиции, которые первоначально были оборудованы лишь отдельными окопами и ячейками. Однако с 20 февраля, после неудачных контратак, противник приступил к форсированному совершенствованию своих позиций. На отдельных участках первой позиции были отрыты траншеи и ходы сообщения полного профиля, установлены минные поля и проволочные заграждения. На танкодоступных направлениях в районах Наптиков и Реетц появились противотанковые мины и завалы. Вторая позиция проходила по линии железной дороги на участке Гусдорф — Реетц. По рельефу местности она была более выгодна в оборонительном отно-

шении, так как тянулась по высокой и крутой насыпи железной дороги, скрывавшей передвижение войск в ближайшем тылу противника. Насыпь позволяла ему просматривать всю лежавшую впереди местность и представляла весьма серьезное препятствие для танков 3-й ударной армии. Все дома и другие каменные постройки на переднем крае и в тактической глубине обороны, а также важнейшие высоты, командные пункты частей и подразделений, огневые позиции тяжелого пехотного оружия и артиллерии были оборудованы как опорные пункты и приспособлены к круговой обороне.

Командующий 3-й ударной армией, исходя из задачи, поставленной маршалом Жуковым, решил нанести главный удар на левом фланге силами трех стрелковых корпусов (12-й гвардейский, 7-й и 79-й). Оперативное построение армии было в один эшелон, что обуславливалось необходимостью нанесения мощного первоначального удара с целью прорыва вражеской обороны на глубину 10–15 км и обеспечения ввода в прорыв в первый день операции 1-й гвардейской танковой армии. В соответствии с принятым решением генерал-лейтенант Симоняк поставил корпусам следующие задачи:

- 7-му стрелковому корпусу предстояло прорвать оборону противника на 8-километровом участке Хассендорф, Кройц и к исходу первого дня, продвинувшись на 8–10 км, овладеть рубежом Грос-Меллен, Бутов;
- 79-й стрелковый корпус должен был прорвать оборону на 4-километровом участке Кройц, Буххольц и к исходу первого дня продвинуться на 12 км;
- 12-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось прорвать оборону также на 4-километровом участке и к исходу первого дня продвинуться на 10–12 км.

Оборона 20-километрового участка на правом фланге армии возлагалась на 115-й укрепленный район. 79-му и 12-му гвардейскому стрелковым корпусам были переданы бригады и полки 9-го танкового корпуса. На участках прорыва было создано значительное превосходство над противником: по пехоте — в 4 раза, по танкам — в 2, по артиллерии и минометам — в 8 раз. Плотность артиллерии в 79-м и 12-м гвардейском стрелковых корпусах достигала 250 орудий и минометов на 1 км прорыва⁵.

28 февраля командующий 3-й ударной армией получил из штаба 1-го Белорусского фронта дополнительную директиву, в которой указывались задачи на пятый—седьмой дни наступления. Войскам армии предписывалось наступать в общем направлении на Дабер, Регенвальде (Реско), Грос-Юстин. К исходу седьмого дня операции ей

предстояло овладеть рубежом Керстин, Дейч-Кроне, Кольберг и выйти на побережье Балтийского моря⁶. С целью достижения внезапности перегруппировка частей и соединений на левый фланг 3-й ударной армии, выход артиллерии на огневые позиции, подвоз боеприпасов, занятие пехотой и танками исходного положения для наступления осуществлялись только в темное время суток. Режим огня артиллерии и минометов, а также поведение войск на переднем крае оставались без изменений. Личному составу частей и подразделений, находившихся в первом эшелоне, разъяснялось, что ближайшей задачей является упорная, длительная оборона.

Накануне наступления на широком фронте была проведена разведка боем, в ходе которой противник был вытеснен из двух небольших населенных пунктов. При этом были захвачены пленные из 402-й запасной дивизии, 5-й легкой пехотной дивизии и 49-го мотопехотного полка СС. Их показания полностью подтвердили данные о группировке противника. Было также установлено, что управление 11-й армии противника сменено управлением 3-й танковой армии. 24 февраля войска 2-го Белорусского фронта возобновили наступление. 4 марта его 19-я армия заняла Кёзлин (Кошалин) и стала развивать успех по побережью в северо-восточном направлении, а соединения 65, 49 и 70-й армий — в северном направлении. Наступление войск правого крыла 1-го Белорусского фронта началось утром 1 марта после 50-минутной артиллерийской подготовки. Оно вначале развивалось успешно. Уже к 10 часам утра войска 3-й ударной армии овладели главной позицией обороны противника и стали быстро продвигаться в северном и северо-западном направлениях. Противник, оправившись после первого натиска войск армии, стал оказывать все более упорное сопротивление. В 14 часов в полосе 79-го стрелкового корпуса в сражение была введена 1-я гвардейская танковая армия, которая к вечеру продвинулась на 15 км. К этому же времени 3-я ударная армия своим центром преодолела до 10 км.

Противник, стремясь задержать продвижение войск 3-й ударной армии, 2 марта ввел в сражение 11-ю моторизованную дивизию СС, усиленную различными сводными отрядами. Однако повлиять на общий ход событий она не смогла. Войскам армии удалось сломить сопротивление частей 23-й моторизованной дивизии СС и 5-й легкой пехотной дивизии. Передовые отряды 1-й гвардейской танковой армии к вечеру сумели вклиниться в оборону противника до 30 км. В то же время войска 1-й армии Войска Польского и 61-й армии с трудом преодолевали сопротивление противника. Это не позволило ввести в сражение всю 2-ю гвардейскую танковую армию. Командующий

1-м Белорусским фронтом вынужден был ввести один корпус этой армии за 12-м гвардейским стрелковым корпусом 3-й ударной армии.

Быстрое продвижение войск 1-й гвардейской танковой и 3-й ударной армий привело к дальнейшему расширению полосы прорыва обороны противника и создало угрозу его окружения. Он вынужден был ослабить сопротивление на других направлениях. Этим воспользовалась 1-я армия Войска Польского, вышедшая к вечеру 3 марта на рубеж Плагов, Хайнрихсдорф, Гюнтерсхаген. Войска 61-й армии сумели захватить рубеж Пензин, Шведт, Витихов. В результате в окружении оказались части 10-го армейского корпуса, для оказания помощи которому немецкое командование перебросило два моторизованных полка добровольцев, разведывательный отряд 15-й танковой дивизии и артиллерийскую школу особого назначения.

Несмотря на попытки противника сдержать наступление советских войск, они продолжали развивать успех. К исходу 4 марта соединения 7-го стрелкового корпуса вышли на рубеж Шенвальде, Зааген, Деберитц, 79-й стрелковый корпус овладел рубежом Фланкенхаген, Лабун и завязал бои на южных подступах к Регенвальде, а 12-й гвардейский стрелковый корпус, овладев Фрайенвальдем, развивал наступление на Дабер и Наугард. Части 11-го гвардейского танкового корпуса 1-й гвардейской танковой армии вышли на побережье Балтийского моря в районе Кольберга. 8-й механизированный корпус этой армии ворвался в Бельгард, что в 40 км к юго-востоку от Кольберга, и рассеял там вражеский гарнизон, состоявший из резервного моторизованного батальона танковой дивизии «Гольдштейн».

В результате выхода советских войск на побережье Балтики восточнопомеранская группировка противника была рассечена надвое. По решению Ставки ВГК 1-я танковая армия была повернута на восток, против группировки противника, которая действовала перед 2-м Белорусским фронтом. Главная цель наступления была достигнута. Однако в это время обострилась обстановка на правом фланге 3-й ударной армии, где наступал 7-й стрелковый корпус. Здесь в районе Шифельбайн, Лабес, Драмбург, Капис ему оказали упорное сопротивление основные силы 10-го корпуса СС и корпусной группы «Фон Теттау» 11-й армии, стремившейся отойти на север и северо-запад с целью выхода из окружения. Прорыв этих частей на север позволял противнику выйти в тыл основной группировке войск 3-й ударной армии, что значительно осложнило бы обстановку и повлияло на дальнейшее развитие наступления. В этой связи командующий 1-м Белорусским фронтом приказал генералу Симоняку силами 79-го стрел-

кового и 12-го гвардейского стрелкового корпусов продолжать наступление в западном и северо-западном направлениях, завершить разгром отходящих частей противника и к исходу 6 марта выйти на реку Одер к Штеттинской гавани и овладеть рубежом Вальдивенов, Загер, Добберфуль, Брендемульд. На 7-й стрелковый корпус возлагалась задача не допустить выхода противника из окружения, во взаимодействии с 11-м гвардейским танковым корпусом 1-й гвардейской танковой армии и соединениями 1-й армии Войска Польского разгромить и уничтожить врага в районе Каппе, Клютцков, Лабес.

5 марта соединения 7-го стрелкового корпуса, продвигаясь на северо-восток, форсировали реку Рега на подступах к Плате и овладели этим городом. Дивизии 12-го гвардейского корпуса, тесня части 3-го танкового корпуса СС, с боем заняли Наугард и ряд населенных пунктов севернее этого города. На следующий день 79-й стрелковый и 12-й гвардейский стрелковый корпуса решительным ударом отбросили противника к Штеттинской бухте. Передовые части 171-й стрелковой дивизии вышли в район города Каммин и к побережью Балтийского моря севернее его. Южнее, в направлении города Болдин, выдвигались части 150-й стрелковой дивизии, а на Штепениц — соединения 12-го гвардейского стрелкового корпуса.

Если в полосе 3-й ударной армии наступление развивалось успешно, то у ее соседа слева продвижение было незначительным. Поэтому командующий армией, во исполнение указаний маршала Жукова, уточнил во второй половине дня 6 марта задачи своим войскам. 79-му стрелковому корпусу приказывалось наступать в прежнем направлении с задачей очистить от противника правый берег Одера на участке от Вальдивенова до Хермансталя. 12-му гвардейскому стрелковому корпусу предписывалось развернуться фронтом на юг, нанести удар на Голлнов с севера и во взаимодействии с частями 2-й гвардейской танковой армии овладеть этим пунктом, а также полностью очистить от противника район Штеленитц, Голлнов, Наугард. 7-му стрелковому корпусу предстояло во взаимодействии с соединениями 1-й армии Войска Польского и при содействии частей 11-го гвардейского танкового корпуса не позднее 7 марта завершить разгром окруженных частей 10-го корпуса СС, а затем сосредоточиться в районе юго-западнее Грайфенберга⁷.

Противник прилагал отчаянные усилия, чтобы вырваться из окружения. Ценою больших потерь ему удалось в полосе наступления 7-го стрелкового корпуса пробиться на северо-запад и выйти в район, расположенный в 15 км от побережья Балтийского моря. В составе вырвавшейся группировки оказались остатки четырех дивизи-

зий: 402-й запасной, 163-й пехотной, 15-й пехотной СС и пехотной дивизии «Бервальде». Части 7-го стрелкового корпуса соединились с частями 1-й армии Войска Польского в лесах западнее Лабеса лишь после того, как противник вырвался из кольца.

На центральном направлении, где действовал 79-й стрелковый корпус, наступление развивалось более успешно. Его дивизии 7 марта вышли на восточный берег Одера в нижнем течении реки, полностью выполнив поставленную задачу. 12-й гвардейский стрелковый корпус, развернувшись фронтом на юг, вел наступление на Голлнов с северо-востока. С востока удар по городу нанес 12-й, а с севера — 9-й гвардейские танковые корпуса 2-й гвардейской танковой армии. К исходу 7 марта, преодолев сильно укрепленную оборону, они захватили Голлнов.

8 марта центр борьбы переместился в район Грос-Юстин, Грайфенберг, Клайн-Юстин, Трептов, где сосредоточились разрозненные полки и дивизии противника, объединенные в различные боевые группы. Этот район примыкал к побережью Балтийского моря и, по существу, находился в тылу боевых порядков 79-го стрелкового корпуса. Генерал Симоняк, стремясь разгромить эту группировку и не допустить ее прорыва на запад, уточнил задачи войскам 3-й ударной армии. Командиру 171-й стрелковой дивизии, находившейся на правом фланге армии, было приказано занять круговую оборону, имея основные силы на рубеже Бены, Куммин, Швизен, Клайн-Юстин фронтом на восток. Два батальона этой дивизии должны были оборонять побережье Штеттинской бухты от Вальддивенова до Шархова фронтом на запад. Оборона участка между Пустховом и Калькбергом по берегу Балтийского моря была возложена на 525-й стрелковый полк. Южнее, вдоль восточного берега Штеттинской бухты, перешла к обороне 150-я стрелковая дивизия. 207-я стрелковая дивизия была сосредоточена в районе Клайн-Юстин, где поступила в подчинение командира 79-го стрелкового корпуса. 7-му стрелковому корпусу, завершившему боевые действия в лесах восточнее Лабеса, предписывалось с утра 9 марта сосредоточиться в районе Штухов, Швизен, Каммин, Дорхаге.

В это же время, по указанию маршала Жукова, в полосу действий 3-й ударной армии на рубеж Цирквитц, Грос-Лютцов выдвигался 7-й гвардейский кавалерийский корпус генерала М.П. Константинова. Он получил задачу наступать на северо-восток, в направлении Карайтц, Ревальд. Переданный армии 5-й мотоциклетный полк 2-й гвардейской танковой армии был подчинен командиру 79-го стрелкового корпуса. В полдень 10 марта войска 3-й ударной армии перешли в на-

ступление. 207-я стрелковая дивизия, усиленная артиллерией и 5-м мотоциклетным полком, отбросила противника на несколько километров, очистив полностью леса южнее и юго-западнее Пустхова. В это же время 525-й стрелковый полк 171-й стрелковой дивизии двигался вдоль берега на запад, чтобы овладеть проливом Дивенов.

Неудачно сложилось наступление 7-го гвардейского кавалерийского корпуса. Части 15-й кавалерийской дивизии контратакой противника были отброшены от Карнитца. Это вынудило генерала Симоняка изменить задачу 7-му стрелковому корпусу. Ему предстояло перейти в наступление на Карнитц и оказать содействие кавалерийским частям. Вечером 10 марта в наступление перешли 364-я и 265-я стрелковые дивизии 7-го стрелкового корпуса, которые в течение нескольких часов достигли рубежа Цирквитц, Грос-Лютцов, Карнитц, где встретили упорное сопротивление. Однако левофланговым частям 265-й стрелковой дивизии совместно с 380-м стрелковым полком 171-й стрелковой дивизии все же удалось выбить противника из населенного пункта Клайн-Юстин. Ночью неожиданно и резко осложнилась обстановка перед 207-й стрелковой дивизией, где противник (до 4 тыс. человек) сумел прорваться из окружения. К исходу 12 марта положение на правом фланге 3-й ударной армии было полностью восстановлено, а берег от Деепа до Вальддивенова очищен от противника. Однако сам факт прорыва части сил противника через боевые порядки войск армии был неприятен. Маршал Жуков выразил генералу Симоняку свое резкое недовольство. Это стало причиной того, что генерал Симоняк попросил освободить его от занимаемой должности.

12 марта командующий 1-м Белорусским фронтом приказал 3-й ударной армии передать свою полосу наступления соединениям 1-й армии Войска Польского и к 16 марта сосредоточиться в районе Ухдорф, Кёнигсберг (в Померании), Зольдин, Меллентин (60 км южнее Штеттина)⁸. Войскам 3-й ударной армии предстояло частью сил форсировать Одер в районе Беллинхена, южнее города Шведт, и захватить на противоположном берегу реки плацдарм. Эту задачу, имевшую отвлекающий характер, командующий армией возложил на 52-ю гвардейскую стрелковую дивизию. В ночь на 26 марта ее части при поддержке огня артиллерии форсировали Одер и захватили на его левом берегу плацдарм. На этом завершилось участие 3-й ударной армии в Восточно-Померанской операции. По решению командующего 1-м Белорусским фронтом она перебрасывалась в район восточнее кюстринского плацдарма для участия в Берлинской стратегической наступательной операции.

В ходе Восточно-Померанской операции действия войск 3-й ударной армии в целом были успешными. Особенности ее применения являлись одноэшелонное оперативное построение с целью нанесения мощного первоначального удара при прорыве сильно укрепленной обороны противника; решительное массирование сил и средств на участках прорыва; высокая плотность артиллерии на направлении главного удара. Однако из-за несвоевременного принятия мер со стороны командующего армией не удалось предотвратить прорыв противника из окружения. Войска 3-й ударной армии с 1 по 12 марта 1945 года нанесли противнику большие потери: 26290 солдат и офицеров убитыми, 160 танков и самоходных орудий, 36 бронетранспортеров, 400 орудий, 240 минометов. В плен было захвачено 8243 чело-

века, а в качестве трофеев — 98 танков, 643 орудия и миномета, 40 бронетранспортеров, 1450 автомашин, 40 паровозов, более 1000 вагонов, большое количество различного военного имущества и боеприпасов⁹.

За успешные действия в операции ряд частей и соединений 3-й ударной армии были удостоены правительственных наград и получили почетные наименования. Орденом Суворова 2-й степени была награждена 33-я стрелковая дивизия, орденами Кутузова 2-й степени — 52-я гвардейская, 150-я и 171-я стрелковые дивизии. Почетное наименование «Померанские» получили 207-я стрелковая дивизия, 155-й гвардейский стрелковый полк 52-й гвардейской стрелковой дивизии и 525-й стрелковый полк 171-й стрелковой дивизии.

¹ См.: Дайнес В. О. Маршал Рокоссовский / Владимир Дайнес. М.: Вече, 2015. С. 301.

² Там же.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКГ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: ТЕРРА, 1999. С. 328–329.

⁴ См.: Дайнес В. О. Советские ударные армии в бою. М.: Яуза, Эксмо, 2009. С. 474.

⁵ См.: Семенов Г. Г. Наступает ударная. 2-е изд., испр. М.: Воениздат, 1986. С. 210–211.

⁶ Там же. С. 212.

⁷ См.: Пятков В. К. и др. Третья ударная. Боевой путь 3-й ударной армии. М.: Воениздат, 1976. С. 156.

⁸ См.: Пятков В. К. и др. Третья ударная. Боевой путь 3-й ударной армии. С. 162.

⁹ См.: Семенов Г. Г. Наступает ударная. С. 228.

Борьба за освобождение народов Югославии: Белградская операция

Н. Ф. Азясский*

В результате разгрома летом 1944 г. Красной армией основных стратегических группировок противника советские войска на южном крыле советско-германского фронта вышли к границам соседних государств. Так, преследуя врага в ходе Яско-Кишиневской стратегической наступательной операции, к концу сентября войска 57-й армии 3-го Украинского фронта, совершив 600-километровый форсированный марш по Болгарии, вышли на болгаро-югославскую границу в районе Видина. Южнее, до стыка границ Болгарии, Югославии и Греции, были развернуты три болгарские армии. С югославской территории содействие наступающим войскам были готовы оказать соединения Народно-освободительной армии Югославии.

Освобождение Румынии и Болгарии, вступление Красной армии в пределы Чехословакии, Венгрии и их выход на границу с Югославией в августе-сентябре 1944 г. коренным образом изменили обстановку на Балканах. На территории Югославии, Греции и Албании к концу сентября находились достаточно крупные силы немецко-фашистских групп армий «Е» (генерал-полковник А. Лер) и «Ф» (генерал-фельдмаршал М. Вейхс). Только на югославской земле группировка войск противника состояла из 9 дивизий и 8 бригад, не считая сербских, хорватских и других частей. В общей сложности в этой группировке насчитывалось 150 тыс. человек, 2130 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий и 352 самолета¹. Из группы армий «Ф» с 6 октября были выделены войска армейской группы «Сербия» под командованием генерала Г. Фелбера. В нее входили отдельные части пяти дивизий². Эта армейская группа должна была прочно прикрыть

восточную границу Югославии и надежно обеспечить эвакуацию немецко-фашистских войск с юга Балканского полуострова.

К концу сентября 75-й стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта в районе г. Турну-Северин форсировал Дунай и захватил на территории Югославии плацдарм. Перед советскими войсками открылась возможность оказать прямую военную помощь НОАЮ, которая к тому времени освободила значительную часть территории страны. Однако все важнейшие югославские города, основные железнодорожные и автомобильные дороги оставались в руках противника.

Обстановка на южном участке советско-германского фронта к осени 1944 г.

После разгрома советскими Вооруженными силами группировок вермахта на территории Венгрии, Румынии и Болгарии, вступления советских войск в пределы Чехословакии коренным образом изменилась обстановка на Балканах. В этой обстановке народы Югославии значительно активизировали борьбу с немецкими оккупантами. Были нанесены чувствительные удары как по гитлеровцам, так и по силам внутренней реакции. В результате был освобожден ряд районов страны, в огне ожесточенной борьбы росла и крепла Народно-освободительная армия Югославии. К сентябрю 1944 г. эта армия включала 14 корпусов (44 дивизии), две оперативные группы (каждая состояла из двух бригад), 8 отдельных пехотных бригад и 130 партизанских отрядов. Всего в их составе было около 350 тыс. человек³. В освобождении восточных районов Югославии должны были участвовать 1, 2 и 4-я болгарские армии в составе

* **Азясский Николай Федорович** — д. и. н., профессор Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ.

13 дивизий и бригад, оперативно подчиненных командующему 3-м Украинским фронтом.

Ещё в первых числах сентября 1944 г. председатель Национального комитета освобождения Югославии маршал Иосип Броз Тито через советскую военную миссию в Югославии передал Государственному Комитету Обороны СССР просьбу о вводе войск Красной армии в Югославию⁴. Она мотивировалась тем, что армия Югославии не имела тяжелого оружия и танков, чтобы разгромить находившиеся там войска вермахта или воспрепятствовать их отходу из Греции на север, в пределы Югославии.

Во второй половине сентября в Москве между СССР и Югославией было достигнуто соглашение о вступлении на югославскую территорию Красной армии. Последующие военные действия советских войск были согласованы с командующим НОАЮ И. Броз Тито, который 21 сентября прибыл на советском самолете в Румынию, а оттуда вылетел в Москву, где встретился с И. В. Сталиным. Была, в частности, достигнута предварительная договорённость и об участии в операции болгарских войск. 23 сентября в Главном штабе НОАЮ в Македонии состоялась встреча представителей командования югославской и болгарской армий, участники которой договорились о возможности совместных действий против гитлеровцев. Окончательная разработка плана совместных действий была проведена 4 октября в Крайове, в штабе 3-го Украинского фронта, где маршал Тито, возвращаясь из Москвы, встретился с начальником штаба фронта генерал-полковником С. С. Бирюзовым. В это же время в Крайову прибыла делегация правительства Отечественного фронта Болгарии. При встрече представителей трех армий были разрешены принципиальные вопросы взаимоотношения. Маршал Тито и министр Добре Терпешев подписали югославо-болгарское соглашение об участии войск народа Болгарии в боях против гитлеровцев на территории Югославии. Здесь же были решены все вопросы взаимодействия советских, югославских, болгарских войск в предстоящих боях⁵.

Цели, планируемый размах и подготовка Белградской стратегической наступательной операции

Цель Белградской операции заключалась в том, чтобы совместными усилиями советских и югославских войск на белградском направлении, югославских и болгарских войск на нишском и скопьемском направлениях разгромить белградскую группировку противника, и освободить все районы Сербии, включая Белград. В соответствии с целью Белградской операции был выработан

и ее замысел, который заключался в том, чтобы совместными ударами войск 3-го Украинского, части сил 2-го Украинского фронтов и югославских войск как на главном, белградском направлении, так и на вспомогательных, нишском и скопьемском направлениях разгромить белградскую группировку противника. Одновременно намечалось выйти на коммуникации немецко-фашистской группы армий «Е» и воспрепятствовать ей отход с юга Балканского полуострова.

Эту цель предполагалось осуществить путем одновременного нанесения по противнику ударов силами 3-го Украинского фронта и оперативно подчиненных ему болгарских войск, а также части сил 2-го Украинского фронта с востока, силами НОАЮ с запада и юга. Для проведения операции привлекались: от 3-го Украинского фронта — 57-я армия (генерал-лейтенант Н. А. Гаген) и 17-я воздушная армия (генерал-полковник авиации В. А. Судец), 4-й гвардейский механизированный корпус, Дунайская военная флотилия (вице-адмирал С. Г. Горшков), соединения и части фронтового подчинения; 2-го Украинского фронта — 46-я армия (генерал-лейтенант И. Т. Шлемин) и часть сил 5-й воздушной армии (генерал-полковник авиации С. К. Горюнов). Всего в составе двух фронтов насчитывалось 300 тыс. человек, 2697 орудий и минометов, 364 танка и САУ, около 1300 боевых самолетов и до 80 боевых кораблей⁶.

В состав югославской группировки входили 1-я армейская группа (1-й Пролетарский, 12-й армейские корпуса), 13-й и 14-й армейские корпуса, 2-я Пролетарская дивизия, а также 5 дивизий, подчиненных Главному штабу НОАЮ в Македонии. Всего 17 дивизий, в которых было 130 тыс. человек и 40 орудий. Болгарская армия (главнокомандующий генерал-майор И. К. Стоичев) была представлена тремя армиями, в составе которых находилось 158 тыс. человек, 937 орудий и минометов, 124 танка, 127 боевых самолетов⁷. Решающий перевес советские, югославские и болгарские войска к началу Белградской операции имели как в живой силе, так и в боевой технике, особенно в танках и авиации.

Особенность Белградской наступательной операции состояла в том, что были объединены усилия трех союзных армий для решения единой задачи, а наступление на решающих направлениях планировалось начать в разные сроки. Переход в наступление стрелковых дивизий 2-го и 3-го Украинских фронтов на 10–12 дней раньше 1-й армейской группы НОАЮ должен был привести к разгрому значительных сил противника и созданию благоприятных условий для сосредоточения, развертывания и наступления войск НОАЮ на Белград. Кроме того, эта операция была богата замечательными примерами мужества во-

инов различных национальностей, а также высокого военного искусства командования союзных армий. Еще до выдвигания войск фронта к болгаро-югославской границе авиация 3-го Украинского фронта в период с 15 по 21 сентября провела самостоятельную воздушную операцию и нанесла удары по шоссе и железной дороге Салоники—Белград с целью сорвать планомерный отход войск группы армий «Е» из Северной Греции и южной части Югославии.

Подготовка Белградской операции началась 20 сентября 1944 г., когда в соответствии с распоряжением Ставки⁸ начали выдвигание части сил 3-го Украинского фронта (57-й армии) из восточных районов Болгарии к ее западной границе в район Видин, Вратца, Лом, откуда имелось в виду нанести удар на белградском направлении. Это выдвигание проводилось под прикрытием болгарских войск, развернутых вдоль западной границы. Несколько позднее на это направление начал выдвигаться 4-й гвардейский механизированный корпус, ранее действовавший в южном направлении. От командования и штабов всех степеней, партийно-политического аппарата и органов тыла потребовались значительные усилия, чтобы своевременно вывести войска на рубеж развертывания, подготовить в ходе выдвигания части и соединения к боевым действиям в горах, пополнить их личным составом, вооружением и боевой техникой. В результате напряженной работы советские войска своевременно вышли на болгаро-югославскую границу и были готовы к наступлению.

Большое внимание Ставка уделяла материально-техническому обеспечению войск и пополнению их боевой техникой. Запасы основных материально-технических средств были значительно пополнены. В течение сентября 3-му Украинскому фронту было отправлено 546 танков и самоходно-артиллерийских установок⁹. Следует отметить, что все мероприятия по материально-техническому обеспечению проводились, как и во 2-м Украинском фронте, в исключительно сложной тыловой обстановке, при весьма растянутых коммуникационных линиях. Поэтому подвоз от конечных железнодорожных пунктов до войск осуществлялся преимущественно автотранспортом. Для снабжения войск широко использовались местные ресурсы. К началу операции 3-й Украинский фронт имел достаточное количество материальных средств: от 3 до 5,5 боевого комплекта боеприпасов, 6 заправок горюче-смазочных материалов, 15 сутодач продфуража¹⁰. Войска были доукомплектованы личным составом, вооружением, боевой техникой.

Вся воспитательная работа в войсках была нацелена на тщательную подготовку личного со-

става к выполнению боевых задач в сложных условиях горно-лесистой местности, где противник особенно упорно оборонял населенные пункты и узлы дорог. В октябре 1944 г. в связи с вступлением советских войск на территорию Югославии политуправление 3-го Украинского фронта издало памятку-обращение к советским воинам, в которой были призывы разбить врага на югославской земле, проявлять любовь и уважение к югославскому народу, оказывать помощь и содействие местному населению и воинам НОАЮ.

На основании общих указаний Ставки, от данных 20 сентября, командование 3-го Украинского фронта составило план операции, который был утвержден Ставкой¹¹. Начало наступления намечалось на 13–14 октября. Однако в действительности оно началось гораздо раньше — 28 сентября и было вызвано следующими обстоятельствами. 3 сентября распоряжением Ставки начались боевые действия части сил левого крыла 2-го Украинского фронта в районе юго-западнее Турну-Северин. Ход боевых действий по овладению плацдармом вызвал необходимость включить в наступление часть сил правого крыла 3-го Украинского фронта и объединить руководство боевыми действиями на этом участке фронта в одних руках. С этой целью из состава 2-го Украинского в 3-й Украинский фронт 29 сентября были переданы левофланговые 75-й стрелковый корпус и 23-я стрелковая дивизия.

По предложению командования 3-го Украинского фронта болгарским генштабом был составлен план наступательных действий войск Болгарии, привлекавшиеся к участию в Белградской операции. Основная цель наступления болгарских войск (13 пехотных дивизий и две кавалерийские бригады) заключалась в том, чтобы захватом узлов шоссе и железных дорог в районах Ниш и Крушевац отрезать пути отхода немецких войск из Греции на север. Болгарские войска должны быть готовы к наступательным действиям 25 сентября.

Разгром немецко-фашистских войск в восточных районах Югославии и освобождение Белграда

По своему содержанию и особенностям боевых действий Белградскую операцию можно разделить на два этапа. На первом этапе, который длился почти две недели, с 28 сентября по 10 октября 1944 г., основную роль выполняла 57-я армия генерал-лейтенанта Н. А. Гагена. Перед фронтом армии в этот период действовали две горнострелковые дивизии, моторизованная дивизия СС «Бранденбург» и до пяти бригад реакционных сил Югославии Недича и Михайловича. Учитывая мощь сил противника, Ставка по просьбе

командования 3-го Украинского фронта передала 57-й армии 4-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск В. И. Жданова¹². Действия армии имели решающее значение для успешного хода и исхода всей операции. 57-я армия прорвала приграничный оборонительный рубеж врага и о взаимодействии с частями 14-го армейского корпуса НОАЮ преодолела сопротивление противостоящего противника, вышла к реке Морава, с ходу форсировала ее и, захватив на западном берегу плацдармы, обеспечила ввод в сражение подвижных войск фронта, основу которых составляли бригады 4-го гвардейского механизированного корпуса. Дунайская флотилия прикрывала правый фланг 57-й армии.

Рассматривая ход боевых действий в Белградской операции, можно увидеть, что ее первый этап отличался внезапным для противника началом наступления, очень быстрым перенесением усилий с одного участка на другой, умелым маневром частей и соединений. Известно, что главные силы 57-й армии накануне наступления были сосредоточены на правом фланге — в районе Неготин, Штубик, Клокочевац. Но вскоре сложившаяся обстановка настоятельно потребовала перенести усилия на левый фланг — в район Заечар, что и было сделано без промедления¹³. Когда же стал очевидным успех в направлении Жагубицы, основные события развернулись в самом центре полосы наступления армии.

Передовые части 57-й армии в ночь на 28 сентября перешли болгаро-югославскую границу, положив начало Белградской операции. В результате ожесточенных боев соединения армии во взаимодействии с частями 14-го армейского корпуса НОАЮ прорвали вражескую оборону и, расширив прорыв до 110 км по фронту, к 4 октября продвинулись на 40 км в глубину. Развивая успех, они преодолели Восточно-Сербские горы, вышли к реке Мораве, форсировали ее и к 10 октября захватили два плацдарма у города Велика-Плана (75 км юго-восточнее Белграда). Были созданы условия для ввода в прорыв 4-го гвардейского механизированного корпуса генерала В. И. Жданова. Его части начали занимать исходный район для наступления на Белград.

Результатом развернувшегося с 28 сентября наступления войск 3-го Украинского фронта в районе Неготин явилось окружение и к 4 октября разгром части сил армейской группы «Сербия». В быстром разгроме окруженной группировки большое значение имели решительные действия авиации фронта. Используя достигнутый успех, командующий 3-м Украинским фронтом решил, не дожидаясь полного сосредоточения войск ударной группировки, перейти в наступление на Белград. Это наступление было санкционирова-

но Ставкой. 4 октября перешли в наступление главные силы 57-й армии, правый фланг которой прикрывала Дунайская флотилия. Левый фланг 57-й армии прикрывался 2-й болгарской армией, наносившей вспомогательный удар из района Пирот на Ниш. Кроме этих сил, на крушевацком и белградском направлениях начала наступление часть сил Народно-освободительной армии Югославии.

Общим итогом боевых действий соединений 57-й армии за период с 28 сентября по 4 октября явились прорыв обороны врага на рубеже реки Тимок в ее нижнем течении, расширение прорыва до 110 км по фронту и до 40 км в глубину, выход на рубеж Д. Милановац, Бор, Вратарница и окружение вражеского гарнизона в Заечаре. Войска армии и войска НОАЮ за это время освободили значительное количество населенных пунктов, в том числе Неготин, Штубик, Бор и другие. Противник потерял около 8 тыс. солдат и офицеров, из них 2680 человек попали в плен¹⁴. За 5 суток, с 4 по 8 октября, ударная группировка фронта, ломая упорное сопротивление противника, преодолела Восточно-Сербские горы и вышла к реке Морава, форсировала ее и захватила на правом берегу два плацдарма в районе населенного пункта Велика-Плана. Тем самым были созданы благоприятные условия для успешного ввода в сражение 4-го гвардейского механизированного корпуса и для дальнейшего наступления на Белград с юга. Следует особо отметить, что стрелковые корпуса 57-й армии, наступая в очень сложной обстановке, в условиях горно-лесистой, резко пересеченной местности, действовали на разобщенных направлениях, не имея даже тактического взаимодействия между собой и с соседями. Широкий фронт наступления (дивизия иногда действовала в полосе до 50 км) и сложный рельеф местности исключали возможность локтевой связи между частями. Вследствие этого приходилось выделять большие силы для прикрытия флангов, а также охраны путей подвоза боеприпасов, горюче-смазочных материалов и других грузов. Наступление советских войск в Югославию вынудило немецкое командование принять 7 октября 1944 г. решение о выводе своих главных сил из Греции, Албании и Македонии¹⁵.

Успешное наступление войск 3-го Украинского фронта на направлении главного удара, которое было поддержано не менее успешными действиями болгарских и югославских войск, наступавших на второстепенных направлениях, вызвало необходимость ускорить выдвигание подвижной группы фронта. С этой целью Ставка еще 6 октября 1944 г.¹⁶ дала указание командующему фронтом ускорить выдвигание 4-го гвардейского механизированного корпуса к рубежу р. Мо-

рава и ввести его в действие для развития успеха не позднее 10–11 октября. К этому же времени войска левого крыла 2-го Украинского фронта (10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии) вышли к реке Тиса, освободив от противника весь левый берег Дуная к востоку от устья Тисы. Выход войск 2-го Украинского фронта к Дунаю севернее Белграда создал угрозу удара с севера по группировке врага в районе Белграда. Следствием этого явилось рассредоточение сил противника и ослабление его внимания к угрозе, надвигавшейся с востока. На юге болгарские армии начали наступление 8–10 октября. Во взаимодействии с югославскими и советскими войсками они освободили Ниш, Лесковац, Скопье, Прокупле, перерезав основные пути отступления группы армий «Е» и вынудив её отходить по трудным дорогам Черногории и Боснии, в результате чего ей не удалось соединиться с главными силами немецко-фашистских войск.

Войска 3-го Украинского фронта к 10 октября форсировали реку Морава и уже располагали на западном берегу Моравы плацдармами, с которых предстояло ринуться к Белграду подвижными соединениями. В результате успешных действий войска фронта и 14-го корпуса НОАЮ вышли на ближайшие подступы к Белграду. До югославской столицы оставалось 125–150 км. К 10 октября 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии 2-го Украинского фронта вышел на левый берег Дуная севернее Белграда и, овладев Панчево, навис над белградской группировкой противника. Наступавшие на Ниш, Лесковац и Скопье югославские и болгарские войска сковали противостоявшие силы врага и не допустили переброски их на белградское направление. Основные пути отхода группы армий «Е» на запад были перерезаны. Противник, теснимый советскими войсками с востока и югославскими с запада, стремился сдержать их наступление, чтобы вывести из-под удара свои основные силы.

Общий замысел дальнейшего наступления на белградском направлении состоял в том, чтобы разгромить вражескую группировку, обороняющуюся перед войсками правого фланга и центра 57-й армии, и стремительным ударом 4-го гвардейского механизированного корпуса и двух стрелковых дивизий совместно с соединениями 1-го Пролетарского и 12-го корпусов НОАЮ овладеть Белградом. Выполнение задачи 4-м гвардейским механизированным корпусом облегчалось тем, что маршруты, по которым ему предстояло двигаться от Моравы к Белграду, контролировались частями 1-го Пролетарского корпуса НОАЮ. На нишском и скоплевском направлениях болгарские и югославские войска должны были продолжать наступление. С воз-

духа их поддерживала авиация южной группы 17-й воздушной армии.

На втором этапе операции, продолжавшегося с 11 по 20 октября, 57-я армия, 4-й гвардейский механизированный корпус и фронтовые резервы во взаимодействии с 14-м корпусом НОАЮ, развивая наступление, перерезали основные коммуникации противника в долине реки Морава, соединились с 1-й армейской группой НОАЮ, совместно с нею окружили и уничтожили 20-тысячную группировку врага юго-восточнее Белграда и освободили столицу Югославии¹⁷. Одновременно югославские и болгарские войска совместными действиями овладели крупными узлами дорог и мощными опорными пунктами Ниш, Лесковац, Скопье и перерезали основную коммуникацию Салоники, Белград, по которой вражеское командование отводило свои войска с юга Балканского полуострова. В боях за Ниш и Лесковац активное участие принимал 1-й гвардейский укрепленный район 3-го Украинского фронта. 10 октября войска 3-го Украинского фронта форсировали р. Мораву. В ночь на 12 октября с рубежа реки Моравы в прорыв был введен корпус генерала В. И. Жданова. Развивая наступление, советские танкисты на подходе к городу Топала (50 км южнее Белграда) соединились с частями 1-й армейской группы НОАЮ генерала Пеко Дапчевича и стремительным ударом выбили противника из города. С этого момента югославские воины взаимодействовали с советскими танкистами вплоть до завершения операции. К исходу 13 октября главные силы 4-го гвардейского корпуса вышли к горе Авала (17 км южнее Белграда) и на рассвете 14 октября появились на южной окраине столицы Югославии¹⁸. Большую помощь войскам 57-й армии оказывала Дунайская военная флотилия огнём корабельной артиллерии, высадкой десантов, перевозкой войск, боевой техники и различных грузов.

На этом этапе операции левофланговые соединения 46-й армии наступали на Белград с запада. Они не только прикрывали правый фланг 57-й армии, но и, форсировав Дунай на кораблях Дунайской военной флотилии, овладели плацдармом в 10 км северо-восточнее Белграда и создали условия для нанесения с него удара по столице Югославии. На юге советские, югославские и болгарские войска 14 октября освободили г. Ниш и продолжали наступление на скоплевском направлении. Белгородская операция имела большое военное и политическое значение. Советские, югославские и болгарские войска, ведя наступление в полосе 400–620 км, разгромили армейскую группу противника «Сербия», нанесли поражение другим соединениям группы армий «Ф». Были освобождены восточные и северо-восточные районы Югославии с её столицей — Белградом и соз-

даны благоприятные условия для наступления на будапештском направлении. Фронт вражеских войск на этом участке Балканского полуострова был отодвинут более чем на 200 км, перерезана основная коммуникация Салоники—Белград, что вынудило немецкие войска отступить с юга Балканского полуострова по горным и труднопроходимым районам, неся большие потери от непрерывных ударов частей НОАЮ и партизанских формирований.

В дальнейшем войска 3-го Украинского фронта, развивая наступление, во взаимодействии с 14-м армейским корпусом НОАЮ перерезали основные коммуникации противника в долине р. Морава. В результате предпринятого подвижными войсками фронта маневра группировка противника, оборонявшаяся на белградском направлении, была расчленена. Часть сил ее (до 20 тыс. человек) была окружена юго-восточнее Белграда, другая находилась в самом городе. В период с 17 по 19 октября войска фронта разгромили группировку противника, окруженную юго-восточнее Белграда. Командование 57-й армии получило задачу силами двух стрелковых корпусов (64-м и 68-м) перейти к обороне на достигнутом рубеже: Аранджеловац, Крушевац (150 км южнее Белграда), Каоник с задачей не допустить прорыва противника по железной дороге и шоссе на Белград с юго-запада, а в дальнейшем и с запада¹⁹.

20 октября 1944 г. энергичными действиями советских войск при участии подошедших с юго-запада частей Народно-освободительной армии Югославии было сломлено сопротивление белградского гарнизона, и к исходу дня Белград был освобожден. В период подготовки к штурму Белграда решался вопрос о том, кто первым войдет в столицу. В связи с этим маршал И. Броз Тито еще 5 октября 1944 г. приказал командующему 1-й армейской группы НОАЮ генералу П. Дапчевичу: «Вся ваша группа из 9 дивизий должна принять участие во взятии Белграда. Мы хотим, и русские тоже так считают, чтобы в Белград первыми вошли наши подразделения»²⁰. Командование 3-го Украинского фронта в необходимых случаях требовало выделять некоторым югославским соединениям автотранспорт, чтобы обеспечить их своевременное прибытие в район боевых действий. Например, подобного рода распоряжение было отдано 11 октября маршалом Толбухиным командиру 4-го гвардейского механизированного корпуса в отношении 23-й пехотной дивизии 14-го армейского корпуса Народно-освободительной армии Югославии²¹. Советское командование не только дало возможность частям НОАЮ первыми войти в столицу, поддерживав их танками и артиллерией, но и обеспечивало участие сил югославской народной армии в полном освобождении.

С утратой Белграда нарушилась основная коммуникационная линия Салоники—Белград, которой пользовался противник при отводе своих войск с юга Балкан. Это обстоятельство вынудило гитлеровское командование отводить эти войска по менее удобным дорогам, проходившим в центральных гористых районах Югославии, где к тому же действовали основные партизанские силы НОАЮ. С овладением Белградом войскам фронта согласно указаниям Ставки было приказано закрепиться на рубеже Белград, Баточина, Парачин, Княжевец и вглубь Югославии не продвигаться. Части Народно-освободительной армии Югославии, значительно пополненные вооружением и военными материалами, переданными ей Советским правительством, к концу октября вышли на рубеж реки Дрина (100 км западнее Белграда).

В ходе Белградской операции было нанесено серьезное поражение основным силам группы армий «Ф» и части сил группы армий «Е», которые были отброшены в северо-западные районы Югославии. Этим самым были созданы условия для полного освобождения от гитлеровских оккупантов Югославии, а также Албании и Греции, народы которых вели героическую борьбу против немецких захватчиков. Противник за время Белградской операции потерял до 45 тыс. убитыми и пленными, только на улицах Белграда 15 тыс. вражеских солдат и офицеров были убиты и 9 тыс. взяты в плен²². Потери врага в боевой технике составили 53 танка и САУ, 184 орудия и миномета, 66 боевых самолетов²³. Безвозвратные потери советских войск — 4350 человек, санитарные — 14 488 человек²⁴, а непосредственно на улицах столицы Югославии отдали жизнь 2953 бойца НОАЮ и около тысячи советских воинов²⁵.

В результате операции были созданы прочный тыл НОАЮ и благоприятные условия для завершения полного освобождения страны от немецких оккупантов. Белградская операция — один из наиболее ярких примеров совместных боевых действий армий трёх стран в годы Второй мировой войны, получен опыт организации тесного взаимодействия между ними. Подготовка и проведение операции имели ряд особенностей. Так, в связи со сложившейся обстановкой она началась значительно раньше намеченного планом срока, что явилось неожиданным для противника и помешало ему своевременно подготовить силы и средства для отражения удара войск 3-го Украинского фронта и НОАЮ. Наступление велось главным образом соединениями по отдельным направлениям, нередко без тактической связи и с большим отрывом по глубине. В условиях сложного горного рельефа успешно осуществлялась авиационная поддержка. Совместные боевые действия вели советские, югославские и болгар-

ские войска. Эта операция богата замечательными примерами мужества воинов и высокого военного искусства командования. Освобождение Сербии обеспечило благоприятные условия для действий советских войск на будапештском направлении.

За мужество и отвагу, проявленные в боях за Белград, Президиум Антифашистского веча народного освобождения Югославии наградил орденами и медалями более 2 тыс. советских солдат и офицеров. 13 советским воинам было присвоено звание Народного героя Югославии²⁶, среди них командир 4-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенант танковых войск В. И. Жданов, командир 73-й гвардейской стрелковой дивизии генерал-майор С. А. Козак, майор В. А. Улиско, капитан 3-го ранга Г. Н. Охрименко, старшие лейтенанты П. И. Дмитриенко, И. А. Булкин, А. Г. Моногадзе и другие²⁷. Орденами и медалями Советского Союза были награждены 300 бойцов и командиров НОАЮ. Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 июня 1945 г. была учреждена медаль «За освобождение Белграда». 20 наиболее отличившимся частям и соединениям было присвоено почетное наименование Белградских. Этим же указом Президиума Верховного Совета СССР верховный главнокомандующий И. Броз Тито «за выдающиеся успехи в деле управления войсками и в проведении боевых операций против общего врага Советского Союза и Югославии — гитлеровской Германии» был награжден орденом Суворова I степени.

После боев за Белград советские войска, выполнив свои оперативно-стратегические задачи на югославской территории, перенесли усилия на будапештско-венское направление. Здесь их ожидали новые трудные задачи — освобождение от фашистов народов Венгрии и Австрии. 57-я армия 3-го Украинского фронта и части 51-й дивизии НОАЮ вскоре развернули ожесточенные бои по форсированию Дуная в районах Батина и Апатина. Только авиационная группа под командованием генерал-майора авиации А. Н. Витрука и 68-й стрелковый корпус с переданным ему 1-м гвардейским укрепленным районом продолжали действовать на югославской земле.

Белградская операция имела важное политическое и военное значение. В ходе нее была разгромлена армейская группа «Сербия», нанесено поражение значительной части сил группы армий «Е». С освобождением Белграда и Сербии НОАЮ получила прочный тыл — источник пополнения людскими и материальными ресурсами, а также возможность создать сплошную линию фронта. Опираясь на боевую и материальную помощь Советского Союза, НОАЮ развернула в последующем операции по освобождению еще оккупированной врагом части страны. Без Советского

Союза, как отмечал маршал И. Броз Тито в докладе на V съезде КПЮ, «была бы невозможна победа над фашистскими захватчиками, было бы невозможно освобождение Югославии, было бы невозможно создание новой Югославии»²⁸. А по поводу общего вклада СССР в освободительную борьбу народов Югославии на заседании Антифашистского веча 8 августа 1945 г. он сказал: «Советский Союз предоставил нашей армии большое количество различного рода вооружения, начиная от винтовок и кончая танками и самолетами, которым мы смогли вооружить многие наши дивизии. С помощью славной Красной Армии были быстро освобождены Белград и Сербия»²⁹.

Освобождение восточных районов Югославии и ее столицы Белграда и последующие успехи НОАЮ на фронте привели к дальнейшему изменению военно-политической обстановки в стране в пользу демократических сил. Завершение Белградской операции создало возможность для удара войск 3-го Украинского фронта на север вдоль Дуная, на будапештском направлении.

Результатом Белградской операции явилось то, что фронт вражеских войск на этом участке Балканского полуострова был отброшен на запад почти на 300 км. Крупные силы немецко-фашистских войск лишились возможности отойти с юга Балкан по удобным коммуникациям, были вынуждены поспешно отступать по горным труднопроходимым районам, неся большие потери от ударов частей НОАЮ. С освобождением восточных районов страны югославский народ и его армия получили прочный тыл, явившийся важным источником людских и материальных ресурсов, необходимых для окончательного освобождения страны от немецко-фашистских захватчиков. В ходе Белградской наступательной операции было организовано тесное взаимодействие Красной армии, Народно-освободительной армии Югославии и войск Отечественного фронта Болгарии. Советское командование успешно решило вопрос оперативного планирования боевых действий этих армий, рассредоточенных на обширном пространстве.

Анализ подготовки и проведения операции позволяет сделать вывод о том, что Белградская наступательная операция 1944 г. явилась достижением советских Вооруженных Сил в военном искусстве. В результате применения принципа последовательного разгрома разобценных группировок противника было достигнуто превосходство в силах и средствах в начальном периоде операции. В результате противостоящий противник был полностью разгромлен. Нанесено поражение превосходящей группировке противника на театре военных действий в целом. В ходе операции были развиты положения теории глубокой наступатель-

ной операции применительно к условиям Балканского театра военных действий. Войска получили опыт ведения наступления с применением танковых объединений в горно-лесистой местности.

Использование опыта подготовки и проведения Белградской наступательной операции позволяет в условиях как локальной, так и широко-масштабной войны с применением современных средств вооруженной борьбы:

- организовывать взаимодействие между группировками войск коалиции государств;
- осуществлять оперативное планирование боевых действий этих войск, рассредоточенных на обширном пространстве;
- наносить поражение превосходящей вражеской группировке и не позволять ему реализовать свое превосходство в силах и средствах.

¹ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12 т. Т. 9. М., 1978. С. 176.

² Там же.

³ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 5. С. 136.

⁴ Белградская операция. М. 1990. 2-е изд. с. 100.

⁵ ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 827–829.

⁶ Там же, л. 822.

⁷ ЦАМО. Ф. 16. Оп. 986. Д. 9. Л. 12–12 об., 14.

⁸ Там же. Ф. 148. Оп. 3763. Д. 167. Л. 56.

⁹ Там же. Ф. 38. Оп. 80033. Д. 6. Л. 75.

¹⁰ Там же. Ф. 413. Оп. 10381. Д. 16. Л. 61.

¹¹ Там же. Ф. 132. Оп. 2642. Д. 37. Л. 68.

¹² Там же. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 111. Л. 816–817.

¹³ Советские Вооруженные Силы в борьбе за освобождение народов Югославии. М., 1960. С. 63.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 413. Оп. 10381. Д. 29. Л. 10; Белградская операция. 2-е изд. С. 168.

¹⁵ Частичный отвод немецких войск из южных районов Балкан был проведен в первой половине сентября 1944 г.

¹⁶ Русский архив. Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы 1941–1945. Т. 16 (5–4). — М., 1999. Директива Ставки ВГК № 220237 от октября 1944 г. С. 157.

¹⁷ Освобождение Юго-Восточной и Центральной Европы войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов. 1944–1945. М., 1970. С. 255.

¹⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. М., 2013. Т. 5. С. 147.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 120. Л. 415.

²⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Военно-исторические очерки. В 4-х кн. М., 1999. Кн. 3. Освобождение. С. 223.

²¹ ЦАМО. Ф. 48. Оп. 3410. Д. 120. Л. 382.

²² Белградская операция. М. 1990. 2-е изд. 272.

²³ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Статистическое исследование. М., 2005. С. 486.

²⁴ Россия и СССР в войнах XX века: Книга потерь. М., 2010. С. 331.

²⁵ Белградская операция. 2-е изд. С. 278.

²⁶ Великая Отечественная народная 1941–1945: Краткий исторический очерк. М., 1985. С. 188.

²⁷ Белградская операция. 2-е изд. С. 278–279.

²⁸ Цит. по: «История Великой Отечественной войны Советского Союза». Т. 4. М., 1962. С. 435.

²⁹ Броз Тито И. Избранные статьи и речи. М., 1973. С. 148.

2-я гвардейская танковая армия в Берлинской стратегической наступательной операции

В. О. Дайнес*

Верховное Главнокомандование вермахта, ожидая решительного наступления Красной армии на Берлин, сосредоточило на этом направлении значительную группировку своих войск. В ее состав входили 3-я танковая и 9-я армии группы армий «Висла» (командующий — генерал-полковник Г. Хейнрици, с апреля 1945 г. — генерал пехоты К. Типпельскирх), а также 4-я танковая и 17-я армии группы армий «Центр» (командующий — генерал-фельдмаршал Ф. Шёрнер). Они насчитывали около 1 млн человек, 10 400 орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий. Действия наземных сил поддерживали с воздуха 3300 боевых самолетов 6-го воздушного флота и воздушного флота «Рейх»¹. В резерве Главного командования Сухопутных войск находилось 8 дивизий, а в самом Берлине было сформировано около 200 батальонов фольксштурма.

На подступах к столице Германии была создана мощная система оборонительных сооружений от Одера до Берлина общей глубиной до 90 км, включая оборонительные обводы вокруг города. Для их возведения были привлечены войска, местное население, военнопленные и иностранные рабочие. Три оборонительные полосы вдоль Одера и обводы Берлина были плотно насыщены огневыми средствами, минными заграждениями, бетонированными сооружениями для огневых средств, противотанковыми и противопехотными препятствиями, мощными опорными пунктами, приспособленными к круговой обороне. Местность между Одером и Берлином была выгодна для обороны. Зееловские высоты, реки Одер, Нейсе, Даме, Шпрее, густая сеть каналов, железных и шоссейных дорог, большое количество городов

с каменными зданиями — все это крайне усложняло действия наступающих войск. Используя шлюзы на Одере и каналах, противник готовил к затоплению значительные районы. Берлинский оборонительный район имел три обвода, а сам город делился на девять оборонительных секторов.

По решению Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК) к проведению Берлинской операции привлекались войска 1-го и 2-го Белорусских, 1-го Украинского фронтов, часть сил Балтийского флота, 18-я воздушная армия, три корпуса войск ПВО страны, Днепровская военная флотилия. Общая численность советских войск составляла 2,5 млн человек. На их вооружении находилось 41,6 тыс. орудий и минометов, 6250 танков и САУ, 7500 боевых самолетов². Они превосходили противника по живой силе в 2,5 раза, по орудиям и минометам — в 4, по танкам и САУ — в 4,2, по боевым самолетам — в 2,3 раза. Замысел Берлинской стратегической наступательной операции состоял в том, чтобы мощными ударами войск 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов прорвать вражескую оборону по Одеру и Нейсе и, развивая наступление в глубину, окружить основную группировку противника, расчленив её и уничтожить по частям, а в дальнейшем выйти на Эльбу.

В соответствии с этим замыслом войска 1-го Белорусского фронта должны были овладеть Берлином и не позднее чем через 12–15 суток выйти на Эльбу³. Главный удар наносился с кюстринского плацдарма силами пяти общевойсковых (47-я, 3-я ударная, 5-я ударная, 8-я гвардейская, 3-я) и двух танковых (1-я и 2-я гвардейские) армий. В первый день операции предусматривалось прорвать первую и вторую полосы обороны

* Дайнес Владимир Оттович — к. и. н., доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных Сил Российской Федерации.

и обеспечить ввод в сражение 1-й гвардейской танковой армии (с 11-м танковым корпусом) и 2-й гвардейской танковой армии (после того как общевойсковые армии захватят опорные пункты на Зееловских высотах).

На шестой день операции основные силы фронта должны были овладеть Берлином, после чего 3-й ударной армии с 9-м танковым корпусом предстояло на восьмые сутки выйти в район западнее Берлина, а 47-й армии на одиннадцатые сутки — на рубеж Эльбы. Вспомогательные удары севернее Кюстрина наносили 61-я армия и 1-я армия Войска Польского, южнее — 69-я, 33-я армии и 2-й гвардейский кавалерийский корпус. Атаку пехоты и танков намечалось начать за 1,5–2 часа до рассвета, после 30-минутной артиллерийской подготовки. Для освещения местности и ослепления противника во время атаки было подготовлено 143 прожектора. Днепровская военная флотилия, оперативно подчинённая командующему 1-м Белорусским фронтом, должна была оказать содействие его войскам в прорыве обороны, обеспечить переправы и противоминную оборону по Одере.

В полосе наступления 2-й гвардейской танковой армии на участке Карлсбизе, Франкфурт (ширина 50 км) оборонялись восемь дивизий (309, 303, 169, 712-я пехотные, 9-я авиационная, моторизованная дивизия «Мюнхеберг», 20-я и 25-я моторизованные), усиленные 5-м и 408-м артиллерийскими корпусами Резерва Главного Командования (РГК), дивизионом 411-й бригады РГК, 292-м противотанковым дивизионом и батальоном 26-го танкового полка «Бранденбург». Всего противник имел до 1500 орудий и минометов (с учетом противотанковых орудий) и 245 танков и самоходных орудий, что составляло 23–25 стволов и 4–5 танков и самоходных установок на 1 км фронта.

На плацдарме западнее Кюстрина на участке Карлсбизе, Рейтвен была оборудована главная полоса обороны с тремя позициями глубиной до 13 км. Второй оборонительный рубеж проходил по линии Врицен, далее по высотам южнее Врицен, Мюнхеберг, Фюрстенвальде. Вся оборона противника строилась главным образом по принципу опорных пунктов и узлов сопротивления. Все узлы дорог и населенные пункты были превращены в противотанковые районы, а каменные дома использовались как долговременные огневые точки (ДОТы) и деревоземляные огневые точки (ДЗОТы). На подступах к Берлину и в самом городе, главным образом на улицах и перекрестках дорог, были возведены баррикады и в некоторых местах противотанковые рвы, шлагбаумы и другие препятствия. Для обороны использовались крупные каменные (особенно угловые) строения.

К началу операции 2-я гвардейская танковая армия включала два танковых (9-й и 12-й гвардейские) и один механизированный (1-й) корпуса, одну легкую артиллерийскую бригаду (198-я), один гвардейский минометный полк (86-й) и одну мотоинженерную бригаду (18-я)⁴. Армия насчитывала 513 танков и 154 САУ, что составляло 82,4 % укомплектованности от штатных норм⁵. 12 апреля 1945 года в штаб 2-й гвардейской танковой армии поступила директива № 00539/оп командующего 1-м Белорусским фронтом маршала Советского Союза Г. К. Жукова о переходе в наступление⁶.

Армии с 24-й зенитной артиллерийской дивизией ставилась задача с выходом пехоты 5-й ударной армии на рубеж Лечин, Гузов войти в прорыв на участке Лечин, исключительно Гузов и, развивая удар в общем направлении Ной-Харденберг, Илов, Претцель, Бернау, на второй день выйти в район Биркенвердер, Хейлигензе, Розенталь, Шенвальде. В дальнейшем — одним корпусом захватить переправы через Гогенцоллерн-канал на участке Ораниенбург, Геннигсдорф и плацдармом на его западном берегу.

Главным силам армии ударом на юг во взаимодействии с 1-й гвардейской танковой армией предстояло овладеть северо-западной частью Берлина до линии железной дороги Бернау, Панков, Шарлоттенбург, станция 1 км восточнее Ваннзее. Артиллерийское и инженерное обеспечение ввода армии в прорыв возлагалось на командующего 5-й ударной армией, а авиационное обеспечение — на командующего 16-й воздушной армией. С момента ввода в прорыв командующему 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковнику танковых войск С. И. Богданову подчинялся 6-й штурмовой авиационный корпус с прикрывающими его истребителями.

Главные силы 2-й гвардейской танковой армии должны были накануне наступления занять исходные районы на правом берегу реки Одер в непосредственной близости от переправ. Переправу передовых отрядов было намечено провести во время артиллерийской подготовки, а главных сил — после вклинивания общевойсковых армий в оборону противника на 2–3 км. Значительная часть артиллерии танковой армии выделялась для проведения артиллерийской подготовки по плану командующего 5-й ударной армией.

Генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов решил ввести армию в сражение в двухэшелонном построении по четырем маршрутам. В первый эшелон были выделены 9-й и 12-й гвардейские танковые корпуса, а во второй эшелон — 1-й механизированный корпус. В резерве находились 198-я отдельная легкая артиллерийская бригада, 86-й и 94-й гвардейские минометные полки, 6-й гвардейский тяжелый танковый полк

и 16-й гвардейский отдельный мотоциклетный батальон.

Главный удар наносился на правом фланге армии силами 9-го гвардейского танкового корпуса генерал-майора танковых войск Н. Д. Веденева. Он получил на усиление зенитный, минометный, два истребительно-противотанковых артиллерийских полка, два инженерных батальона и роту переправочно-десантных средств. 12-й гвардейский танковый корпус генерал-майора танковых войск М. Ф. Салмина, действовавший на левом фланге армии, был усилен одним зенитным и одним истребительно-противотанковым артиллерийскими полками⁷.

Прорыв второй полосы обороны противника планировалось осуществить с ходу во взаимодействии с 5-й ударной армией. Дальнейшее стремительное продвижение предусматривалось обеспечить действиями передовых отрядов корпусов, наступающих в первом эшелоне армии. К исходу второго дня операции они во взаимодействии со стрелковыми соединениями должны были форсировать реку Шпрее, овладеть плацдармом и создать выгодные условия для ввода главных сил армии в прорыв. После их выхода в район Биркенвердера намечалось силами двух танковых корпусов нанести удар в южном направлении с целью взаимодействия с 1-й гвардейской танковой армией овладеть северо-западной частью Берлина. 1-й механизированный корпус генерал-лейтенанта танковых войск С. М. Кривошеина должен был захватить переправы через Гогенцоллерн-канал и плацдарм на рубеже Ораниенбург, Геннигсдорф. В ходе наступления 1-й механизированный корпус предполагалось использовать для отражения возможных контрударов противника и для развития наступления из-за правого фланга 9-го гвардейского танкового корпуса.

При подготовке к наступлению особое внимание уделялось совершенствованию навыков форсирования водных преград, ведения боевых действий ночью и в крупном городе, организации взаимодействия с другими родами войск и авиации. По указанию командующего 2-й гвардейской танковой армии штаб армии подробно распланировал, по каким улицам Берлина пойдут танковые и механизированные части. Одновременно были сформированы штурмовые отряды, каждый в составе стрелкового (мотострелкового) батальона, усиленного танковой ротой, батареей САУ, пушечной (гаубичной) артиллерией и минометами, инженерными и огнеметными подразделениями. Ближайшая задача штурмового отряда обычно заключалась в овладении одним-двумя кварталами или крупным объектом, а в дальнейшем ему указывалось направление наступления.

На большом плане и на ящике с песком несколько раз отработывались действия войск. Большое внимание уделялось организации взаимодействия с 5-й ударной армией. С этой целью командующий 2-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов и его начальник штаба генерал-майор танковых войск А. И. Радзиевский встречались с командующим 5-й ударной армией генерал-полковником Н. Э. Берзариным и начальником штаба армии генерал-майором А. М. Кущевым. Наиболее детально вопросы взаимодействия рассматривались в планах операций обеих армий на первые два дня наступления. При организации взаимодействия с артиллерией были установлены рубежи последовательного сосредоточения огня, порядок обеспечения флангов, вызова и прекращения огня. После преодоления третьей полосы обороны противника вопросы взаимодействия определялись в общих чертах и уточнялись в ходе операции. Для обеспечения своевременного выхода артиллерийских средств 2-й гвардейской танковой армии на маршруты танковых корпусов определялись точные сроки выхода артиллерии из оперативного подчинения общевойсковому командиру.

Наступление войск 1-го Белорусского фронта началось в 5 часов 25 минут 16 апреля после мощной артиллерийской подготовки. При подходе к Зееловским высотам они встретили все усиливавшееся сопротивление противника. Поэтому командующий фронтом маршал Жуков решил ввести в сражение 1-ю и 2-ю гвардейские танковые армии. 2-й гвардейской танковой армии вместо «чистого» ввода в прорыв пришлось допрорывать глубоко эшелонированную оборону противника. Передовые отряды танковых корпусов (усиленные танковые бригады) следовали в боевых порядках стрелковых соединений и совместно с ними взламывали вражескую оборону. Местность, на которой развернулись боевые действия, была крайне неблагоприятна для действий подвижных соединений. Система стариц, мелких озер, речек, ручьев и бесчисленных каналов делали маневр танков затруднительным. Они были вынуждены часто совершать обходные маневры в поисках возможных мест переправы через водные преграды, что в значительной степени замедляло темп продвижения. Это позволяло противнику принимать меры для организации обороны. Он, используя водные преграды, взорвал мосты и, сосредоточив все огневые и особенно противотанковые средства в местах возможных переправ и дефиле, оказывал упорное сопротивление соединениям и частям танковых армий.

Части 47-й гвардейской танковой бригады (командир — полковник Н. В. Копылов) 9-го гвардейского танкового корпуса, выйдя к реке Фрид-

ляндерин (юго-восточнее Блисдорфа), из-за невозможности переправы в этом районе совершили обходный маневр на юг через Ной Треббин и Ной Фридланд, где снова были остановлены взорванной переправой. Построив мост в районе Бушхофа, бригада, а затем и главные силы 9-го гвардейского танкового корпуса смогли продолжить движение в направлении Готтесгабе, Шульцендорф. Части 12-го гвардейского танкового корпуса, наступавшие на Кваппендорфер, достигнув канала, также были вынуждены совершить обходной маневр на юг в район Платкова, где к этому времени части 1-го механизированного корпуса переправились через Альт Одер. 12-й гвардейский танковый корпус, переправившись здесь через Альт Одер, вышел к населенному пункту Кермерсдорф, где снова был повернут на север для переправы в районе Карлсдорфа.

Ввод танковых армий позволил значительно нарастить силу удара, и стрелковые соединения к исходу 16 апреля завершили прорыв главной полосы вражеской обороны, выйдя к переднему краю второй оборонительной полосы. Однако прорвать оборону на Зееловских высотах не удалось. Маршал Жуков приказал армиям продолжать наступление ночью и к утру 17 апреля прорвать вторую полосу обороны, для чего сосредоточить на участках прорыва 250–270 орудий и минометов на 1 км фронта и провести 30–40-минутную артиллерийскую подготовку. Военный совет 1-го Белорусского фронта дал указание военным советам 5-й ударной, 8-й гвардейской, 69-й, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий об изготовлении красных боевых стягов для водружения над правительственными зданиями в Берлине⁸.

Войска 1-го Украинского фронта маршала Советского Союза И. С. Конева действовали более успешно, чем армии 1-го Белорусского фронта, завершив к исходу 16 апреля прорыв второй полосы обороны. В этой связи Верховный Главнокомандующий И. В. Сталин приказал командующему 1-м Украинским фронтом ускорить форсирование Шпрее и обеими танковыми армиями (3-я и 4-я гвардейские) наступать на Берлин с юга. 18 апреля 3-я и 4-я гвардейские танковые армии форсировали Шпрее и прорвали третью оборонительную полосу противника. Сосредоточившись на плацдармах к утру 19 апреля, они заняли выгодное положение для наступления на Берлин с юга. Маршал Конев с разрешения Сталина повернул обе танковые армии на германскую столицу, требуя, чтобы они первыми были в Берлине.

Командующий 1-м Белорусским фронтом, будучи недоволен действиями 69-й армии, 1-й и 2-й гвардейских танковых армий, 17 апреля потребовал от обеих танковых армий и 9-го танкового корпуса при поддержке 3-й, 5-й и 8-й гвар-

дейской армий прорваться в тыл обороны противника и стремительно продвинуться в район Берлина⁹. При этом 2-я гвардейская танковая армия в течение ночи должна была выйти в район Илов, Предиков, Грунов и с утра 18 апреля продолжать выполнение ранее поставленной задачи¹⁰.

Однако войска 1-го Белорусского фронта по-прежнему медленно продвигались вперед. Только к исходу 18 апреля части 2-й гвардейской танковой армии, преодолев с боями систему озер и каналов, вышли на более благоприятную для маневра местность, достигнув рубежа Шульцендорф, Бацлов, Райхенберг. Поэтому маршал Жуков приказал до 12 часов 19 апреля привести части в порядок, уточнить задачи, организовать взаимодействие и пополнить боеприпасы. После этого предписывалось начать артиллерийскую и авиационную подготовку и, в зависимости от ее результатов, атаковать противника и стремительно развить наступление согласно плану. Для поддержания взаимодействия между стрелковыми дивизиями и танковыми бригадами военному совету 5-й ударной армии приказывалось иметь при этих бригадах своих ответственных командиров со средствами связи¹¹. Координация действий на участке 5-й ударной и 2-й гвардейской танковой армий возлагалась на командарма 5-й ударной. Немного позднее маршал Жуков объявил выговор командиру 9-го гвардейского танкового корпуса генералу Веденееву «за плохие действия» и приказал к исходу 19 апреля любой ценой выйти в район Фройденберга.

Развивая наступление и ведя упорные бои с противником, стремившимся не допустить выхода танков за лесной массив севернее Штраусберга, передовые отряды 9-го гвардейского танкового корпуса в 9 часов 19 апреля прорвали вражескую оборону и развернули наступление на Штернебек. Части 47-й гвардейской танковой бригады, пройдя 24 км, к двум часам ночи 20 апреля вышли в район севернее Байерсдорфа. Это коренным образом улучшило положение 2-й гвардейской танковой армии. Генерал Богданов немедленно доложил об этом маршалу Жукову, который потребовал от него возможно быстрее выйти на подступы к Берлину.

Части 1-го механизированного корпуса, ведя тяжелые бои за Претцель, также прорвались в лес и к 4 часам 20 апреля вышли в район Латбуша. В это время 12-й гвардейский танковый корпус совместно с 26-м стрелковым корпусом вел тяжелые бои на рубеже Клостердорф, Грунов. Генерал Богданов приказал 12-му гвардейскому танковому корпусу к 9 часам 20 апреля сосредоточиться в лесу юго-западнее Тифензее. Из этого района он должен был нанести удар по противнику, выйти в район Вернойхез, Вегендорф, Хиршфельде и ока-

зять помощь 5-й ударной армии в выходе в район западнее Штраусберга.

Выполняя поставленные задачи, войска 2-й гвардейской танковой армии к исходу 20 апреля овладели Бернау, Альт Ландсбергом и вышли в пригородные районы Берлина. Маршал Жуков тут же направил генералу Богданову приказ следующего содержания: «2-й гвардейской танковой армии поручается историческая задача: первой ворваться в Берлин и водрузить знамя Победы. Мною Вам поручено организовать исполнение. Пошлите от каждого корпуса по одной лучшей бригаде в Берлин и поставьте им задачу: не позднее 4 часов утра 21 апреля любой ценой прорваться на окраину Берлина и не медля донести для доклада т. Сталину и объявление в прессе»¹². Аналогичный приказ был отдан командующему 1-й танковой армией.

Преодоление 2-й гвардейской танковой армией лесного массива позволило увеличить темпы наступления. 22 апреля соединения 3-й ударной, 2-й гвардейской танковой и 47-й армий, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, прорвались на окраины Берлина и завязали сражение в городе. К этому времени в городской оборонительный обвод вклинились войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Маршал Жуков потребовал от командующих 47-й и 2-й гвардейской танковой армиями выделить силы и средства для наступления на Потсдам. В распоряжение командующего 47-й армией была направлена одна танковая бригада 9-го гвардейского танкового корпуса¹³. Остальным силам 2-й гвардейской танковой армии было приказано нанести удар из района Витенау, Рейникендорф и 24 апреля выйти в район Шарлоттенбург, Дален, (иск.) Вильгельмштадт¹⁴. 23 апреля в Берлин прорвались соединения 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта. Юго-восточнее Берлина в районе Бонсдорфа 9-й механизированный корпус этой армии вошел в соприкосновение с войсками 8-й и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. В результате было завершено окружение франкфуртско-губенской группировки противника.

Вечером 24 апреля к Бранденбургу вышла 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта. Маршал Жуков, стремясь первым овладеть Бранденбургом, 25 апреля в 1 час ночи потребовал от командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса генерал-лейтенанта М. П. Константинова немедленно повернуть одну кавалерийскую дивизию и одну танковую бригаду для стремительного удара на юг с задачей занять к утру Бранденбург до подхода 6-го гвардейского механизированного корпуса 4-й гвардейской танковой армии. Командующему 2-й гвардейской

танковой армией было приказано незамедлительно выдвинуть одну танковую бригаду 9-го гвардейского танкового корпуса из района Науена в Швенебек (7 км юго-западнее Науена) и передать ее во временное подчинение командира 7-го гвардейского кавалерийского корпуса для удара на Бранденбург. Одновременно оставалось в силе ранее отданное распоряжение о передаче одной танковой бригады 9-го гвардейского танкового корпуса во временное подчинение командующего 47-й армией для наступления на Потсдам. Остальным силам этого корпуса предписывалось нанести удар из района Науена на Потсдам и к утру 25 апреля занять Потсдам¹⁵.

25 апреля передовые части 4-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта соединились в районе Кетцина, северо-восточнее Бранденбурга, с передовыми частями 47-й армии 1-го Белорусского фронта и замкнули кольцо окружения вокруг Берлина. В самом городе возникла неразбериха из-за того, что 3-я гвардейская танковая армия вышла в тылы боевых порядков 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий 1-го Белорусского фронта. Маршал Конев около девяти часов вечера 28 апреля обратился к маршалу Жукову с просьбой изменить направление наступления 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий. Однако командующий 1-м Белорусским фронтом добился у Сталина решения об установлении с 24 часов 28 апреля новой разграничительной линии в Берлине между двумя фронтами: до Мариендорфа прежняя, затем станция Темпельхоф, Виктор-Луизе плац, станция Савиньи, далее по железной дороге на станции Шарлоттенбург, Весткройц, Рулебен (все пункты для 1-го Украинского фронта включительно)¹⁶.

Тем временем боевые действия в Берлине не прекращались ни днем, ни ночью. Противник, стремясь остановить 2-ю гвардейскую танковую армию, ввел в действие специальные части 9-й армии, наспех сформированные батальоны фольксштурма, полицейские отряды, батальоны летного состава и прочие формирования из различных родов войск. Они оказывали упорное сопротивление, сдерживая продвижение войск армии. Это снова вызвало недовольство у маршала Жукова. 1 мая он направил генералу Богданову следующее распоряжение:

«Части 2-й гв. танковой армии ведут наступление исключительно плохо. За последние 3 дня армия не имеет вообще никаких результатов. Я вынужден строго лично вас предупредить и требую:

1. Организовать лучше бой, чем вы организовывали до сих пор.
2. Вылезти из подвалов и видеть лично бой.

3. Подготовить три-четыре танковые бригады и под личным командованием комбригов прорваться бригадам в тыл противника. За бригадами пустить главные силы корпусов и армии.
4. Проявить больше решительности. Действия 12 ТК увязать с действиями авиации.
5. Результат донести 2.5.45 г. лично мне»¹⁷.

Ко времени отдачи этого распоряжения ситуация в Берлине коренным образом изменилась. В ночь на 1 мая над зданием поверженного рейхстага было водружено Знамя Победы. 1 мая части 3-й ударной армии, наступавшие с севера, встретились южнее рейхстага с частями 8-й гвардейской армии, продвигавшимися с юга. К трем часам дня 2 мая сопротивление противника полностью прекратилось, остатки берлинского гарнизона сдались в плен. Борьба с отдельными группами, пытавшимися прорваться на запад, закончилась 5 мая. С 3 по 8 мая войска 1-го Белорусского фронта выходили к Эльбе, уничтожая отдельные группы врага.

В ходе Берлинской стратегической наступательной операции советские войска разгромили 70 пехотных, 23 танковые и моторизованные дивизии, уничтожили большую часть авиации вермахта. По данным штаба 1-го Белорусского фронта были уничтожены 218 691 солдат и офицер противника, 1030 танков и самоходных орудий, 3218 орудий разных калибров, 1702 миномета, 42 бронемшины, 266 бронетранспортеров, 1253 самолета, 6700 автомашин¹⁸.

Войска 2-й гвардейской танковой армии в ходе боевых действий уничтожили 121 самолет, 16761 солдат и офицеров, 65 танков, 61 самоходное орудие, 574 орудия, 78 бронетранспортеров, 121 миномет, 8 бронемашин, 668 автомашин. В плен было захвачено 7020 солдат и офицеров, в качестве трофеев – 15 танков, одно самоходное орудие, 190 орудий, 47 противотанковых ружей, 7 бронетранспортеров, 48 минометов, 385 пулеметов, 56 складов, 25 эшелонов, 479 автомашин. Войска армии освободили 10500 пленных и ранее угнанных на работу в Германию (граждане Советского Союза, чехи, французы, поляки). Потери армии составили 1518 человек убитыми и 6039 ранеными, 214 танков и 26 САУ¹⁹.

Генерал-полковник танковых войск С. И. Богданов в своем докладе от 15 мая 1945

г. командующему войсками 1-го Белорусского фронта о ходе боевых действий армии с 15 апреля по 3 мая отмечал: «Войска армии, умелым маневром обойдя сильно укрепленные узлы сопротивления противника, на четвертый день наступления преодолели с боями все естественные и искусственные рубежи обороны противника, вышли в тыл группировке противника, сдерживавшей наступательный порыв 3 и 5 уд. А, овладевшие мощными опорными пунктами на ближних подступах к Берлину — г. Альт Ландсберг, Бернау — и, завязав бои в пригородных районах Берлина, способствовали быстрому продвижению частей 3 и 5 уд. А к черте Берлина»²⁰.

Наступательный бой в крупном городе — один из самых сложных видов боевой деятельности, требующий тщательной подготовки, своевременного и правильного учета специфики условий обстановки, смелых, инициативных и умелых действий войск. С. И. Богданов в своем докладе сделал следующие выводы из опыта боевых действий 2-й гвардейской танковой армии. Во-первых, если после прорыва первой оборонительной полосы противника невозможен ввод танковой армии, то в этом случае целесообразна нарезка ей самостоятельной полосы допрорыва обороны. Армию следует усилить стрелковыми частями и тяжелой артиллерией из расчета одна стрелковая дивизия и одна артиллерийская бригада на один танковый корпус. Во-вторых, ввиду создания противником сильной огневой системы в укрепленном районе обязательно усиление артиллерии танковой армии тяжелой артиллерией, не менее двух—трех артиллерийских бригад. В-третьих, выявилась потребность в реорганизации инженерных войск танковой армии, особенно в их техническом оснащении. В-четвертых, в связи с применением противником в массовом масштабе реактивных средств борьбы с танками (фаустпатроны, офенроры) необходимы средства защиты брони танков в виде защитных сеток или иных технических приспособлений, защищающих броню и ослабляющих действие фаустминов. В-пятых, с целью наиболее эффективного использования танковых бригад необходимо моторизованный батальон автоматчиков иметь на бронетранспортерах, тогда танки получают возможность во всех случаях вести контрборьбу с фаустниками и закреплять достигнутые рубежи²¹.

¹ См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. М.: Наука, 1999. С. 269.

² См.: Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Книга третья. Освобождение. С. 270.

³ См.: Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. М.: ТЕРРА, 1999. Т. 16 (5–4). С. 223.

⁴ См.: Боевой состав Советской Армии. Часть V (Январь–сентябрь 1945 г.). М.: Воениздат, 1990. С. 121.

⁵ См.: Сеоев В. В. Некоторые вопросы подготовки танковых армий к Берлинской операции // Сборник научных трудов. М.: ИВИ, 1971. С. 123.

- ⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). М.: Терра, 1995. С. 68–70.
- ⁷ См.: Радзиевский А. И. Танковый удар: танковая армия в наступательной операции фронта по опыту Великой Отечественной войны. М.: Воениздат, 1977. С. 67–68.
- ⁸ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 72.
- ⁹ См.: Краснов В. Г. Неизвестный Жуков. Лавры и тернии полководца. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. С. 442–443.
- ¹⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 86.
- ¹¹ Там же. С. 94.
- ¹² Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 97.
- ¹³ Там же, с. 100–101.
- ¹⁴ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 101–102.
- ¹⁵ Там же, с. 104.
- ¹⁶ См.: Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). С. 232.
- ¹⁷ Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 126.
- ¹⁸ Там же. С. 133–134.
- ¹⁹ Там же. С. 134–137.
- ²⁰ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 134–137.
- ²¹ См.: Русский архив: Великая Отечественная: Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): Т. 15 (4–5). С. 134–137.

От Орла до Праги

С. Н. Гусев*, С. В. Покровский**

В 1942 г., когда на полях сражений шла Сталинградская битва, в рабочих коллективах свердловских танкостроительных заводов родилось предложение: сделать подарок фронту — создать свое, уральское танковое соединение. По инициативе танкостроителей в газете «Уральский рабочий» от 16 января 1943 г. была опубликована статья «Танковый корпус — сверх плана»: танкостроители Урала обязались перевыполнять производственные планы по выпуску военной продукции, работать безвозмездно и регулярно отчислять часть заработка на оснащение корпуса боевыми машинами, оружием, обмундированием. Патриотический почин свердловчан подхватили Челябинская и Молотовская области. На имя Председателя Государственного Комитета Обороны было направлено письмо, в котором говорилось: «...Выражая благородные патриотические желания уральцев, мы просим Вас, товарищ Сталин, разрешить нам сформировать особый добровольческий Уральский танковый корпус Вашего имени в честь ознаменования 25-й годовщины Красной Армии». 24 февраля 1943 г. из Москвы пришла ответная телеграмма: «Ваше предложение о формировании особого добровольческого уральского танкового корпуса одобряется и приветствуется. Дано распоряжение ГАБТУ оказать вам помощь в подборе состава. И. Сталин».

В первый же день после получения телеграммы И. В. Сталина в военкоматы хлынул поток заявлений от добровольцев: юношей и девушек, мужчин и женщин, желающих стать воинами корпуса. Более 100 тыс. заявлений подали рабочие заводов. На одно место воина корпуса претендовало 12 че-

ловек. Были созданы комиссии на предприятиях и в военкоматах. Они отбирали физически крепких, здоровых людей, умеющих управлять техникой и тех, чьи специальности применимы в танковых войсках. В корпус было отобрано 9660 человек из 115 тысяч подавших заявление. Одновременно по всему Уралу продолжался добровольный сбор средств в фонд создания корпуса. Собрали свыше 70 млн рублей. На эти деньги были выкуплены у государства боевая техника, оружие и обмундирование. Соединения и части корпуса формировались в Свердловске, Молотове, Челябинске, Нижнем Тагиле, Алапаевске, Дегтярске, Троицке, Миассе, Златоусте, Кусе и Кыштыме. 30-й танковый корпус был сформирован за удивительно короткий срок. Приказом Народного комиссара обороны от 11 марта 1943 года ему было присвоено наименование — 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. Таким образом, на создание столь масштабной единицы в составе армии, как корпус, государство не потратило ни рубля, вся боевая техника, оружие были подготовлены либо своими силами, либо были выкуплены за счет средств, накопленных рабочими. Уральский танковый корпус стал единственным в своем роде добровольческим подразделением столь масштабного уровня. Позже по воспоминаниям немецких солдат можно будет смело заключить о том, что уральцы проявляли в бою исключительную храбрость, смелость и порой безрассудство, что заставляло немцев бояться боевых столкновений с уральскими танкистами.

История донесла отрывочные характеристики, которые германские солдаты дали бойцам Уральского добровольческого танкового корпу-

* Гусев Сергей Николаевич — к. в. н., старший научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ.

** Покровский Сергей Вадимович — научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии ГШ ВС РФ.

са (далее УДТК): «Перед нами опять появились уральские черти. Мы слишком хорошо знаем их по прежним боям, они... упорные и сражаются даже тогда, когда тяжело ранены», — написал в личных записках солдат вермахта Г. Берг. Но даже спустя столько лет немногие знают, что у известной части — 30-го УДТК — было и другое название, немецкое. Звучало оно так: Schwarzmesser Panzer-Division или «Дивизия Чёрных ножей». Так назвала немецкая разведка Уральский корпус на Курской дуге летом 1943 года. Все потому, что танкисты УДТК — от рядового до командира — владели специальными ножами. Эти короткие тяжёлые клинки с черными рукоятями, находившиеся на вооружении наших танкистов, внушали врагам страх и уважение.

Чёрный нож — народное название армейского ножа, выпускавшегося Златоустовским инструментальным комбинатом в годы Великой Отечественной войны. По форме «чёрный нож» представлял собой нож финского образца с прямым однолезвийным клинком, деревянной рукоятью с небольшой плоской железной гардой и деревянными ножнами. Рукоять и ножны покрывались черным лаком, а железная арматура ножен и гарда воронились — отсюда и название. Ножи ценились за большую прочность и остроту лезвия и предназначались для экипировки разведчиков и десантников. В некоторых подразделениях разведки «чёрный нож» вручался новичкам только после взятия нескольких «языков» или других боевых испытаний. В период формирования Уральского добровольческого танкового корпуса в 1943 году каждый боец и командир получил в качестве подарка от златоустовских оружейников «чёрный нож». Боевой путь корпуса начался в июле 1943 г. под Орлом, а завершился в боях за Берлин и Прагу.

Лето 1943 года. 12 июля начались бои под Прохоровкой в крупнейшем танковом противостоянии. Началась Курская битва, переломная, изменившая характер войны в нашу пользу. И не было в ней лёгких победных дорог для наших воинов, только напряжённая, кровопролитная работа по одолению опытного и хорошо оснащённого противника. Именно в этот период начали свой боевой путь уральские танкисты-добровольцы. 30 УДТК вошёл в состав 4-й танковой армии. В первых числах июля 1943 г. армия закончила своё формирование и из резерва Ставки была передана в состав войск Западного фронта (командующий — генерал-полковник Соколовский). Ей была поставлена задача: войти в прорыв на стыке Западного и Брянского фронтов, нанести удар по Болховской группировке противника и далее развивать успех в южном направлении.

Орловский северный выступ — одно из основных направлений боевых действий 30-го

УДТК. За 22 месяца немцы превратили его в мощный укрепленный район с сильно развитой глубоко эшелонированной обороной. Была создана система опорных пунктов и узлов сопротивления, приспособленных к круговой обороне. Для усиления опорных пунктов немцы впервые применили цельнометаллические пулемётные точки — «Крабы». Основные вероятные направления нашего наступления были насыщены минными полями. Реального прорыва левого крыла 11-й гвардейской армии, развивать успех которой должны были уральские танкисты, достигнуто не было. Это означает, что ввод танкового корпуса не был обеспечен, и вместо развития успеха ему пришлось прорывать оборону противника самому. Следовательно, не могли не измениться сроки выполнения поставленных танкистам задач и, самое главное, не могли не вырасти боевые потери личного состава. В конечном итоге изменилась цена победы для уральских добровольцев. И всему виной недостаточно налаженная разведка, необъективность докладов, отсюда незнание обстановки и принятие не всегда верных решений. Получив приказ старшего начальника, командир, естественно, принимает все меры для того, чтобы выполнить его в установленный срок. А если приказание отдано без знания реальной обстановки? Генерал Родин в своих воспоминаниях отмечал, что, борясь за выигрыш времени, танкисты часто не имели возможности на тщательное разминирование маршрутов движения, что невольно вело к увеличению наших потерь.

Перед 4-й танковой армией, в состав которой входил 30-й Уральский добровольческий танковый корпус, была поставлена задача: утром 26 июля войти в прорыв в полосе наступления 11-й гвардейской армии (как оказалось, прорыва на этом участке Западного фронта не было, его пришлось осуществлять танкистам собственными усилиями)¹ с целью развития успеха пехотинцев. В первом боевом приказе по корпусу чётко определялись задачи каждому соединению:

- 243-й Пермской танковой бригаде во взаимодействии с 30-й мотострелковой бригадой с рубежа Рылово, Луново наступать в направлении реки Нгурь и с ходу её форсировать;
- 197-й Свердловской танковой бригаде наступать левее в направлении Однощекино, Масальское;
- 244-й Челябинской танковой бригаде, находящейся в резерве командующего армией, двигаться за бригадами первого эшелона в готовности развивать их успех и выйти в район платформы Беднота.

Дальнейшая задача по замыслу командования Западного фронта состояла в том, чтобы перерезать железную и шоссейную дороги, соединяющие

Орёл и Брянск, окружить и уничтожить группировку вражеских войск в районе города Болхова. Итак, 26 июля 1943 г. начались фронтовые дороги уральских танкистов. Гитлеровское командование требовало от своих войск удерживать позиции до последнего солдата. Соппротивление противника с каждым часом возрастало. Прошедшие недавно дожди создали дополнительные трудности: овраги наполнились водой, реки вышли из берегов. Дорог с твёрдым покрытием в полосе наступления корпуса не было, а грунтовые превратились в сплошное месиво. Первый рубеж обороны противника проходил по реке Орс, подступы к ней были прикрыты организованной системой пулёмётного, миномётного и артиллерийского огня. Второй рубеж проходил по берегу реки Нгурь и прикрывался отсечными позициями, противотанковыми рвами и фугасами. Третий рубеж был подготовлен по реке Моховица.

Всё это препятствовало стремительному продвижению вперёд, да и боевого опыта ни 30-й танковый корпус, ни только что созданная 4-я танковая армия ещё не имели. В силу перечисленных причин танковые бригады первого эшелона не смогли с ходу форсировать реку Орс. Рано утром 27 июля батальон автоматчиков Свердловской танковой бригады первым переправился на противоположный берег, захватил плацдарм, но под напором превосходящих сил противника вынужден был отступить. И все же после кровопролитных боёв к утру 29-го победа была достигнута — основные силы танкового корпуса были переброшены на южный берег реки. А уже вечером танкисты начали с боями форсировать следующую водную преграду — реку Нгурь. Об этих первых боях командир корпуса генерал Г.С. Родин писал: «Преодолевая упорное сопротивление врага, танкисты к исходу дня заняли Кулики, Стародумку, Чурилово. Боевые порядки корпуса то и дело подвергались массированным налётам вражеской авиации — по 50–60 самолётов через каждые 15–20 минут. Но ничто уже не смогло остановить уральцев»².

29 июля стало первым днём участия в реальных боевых действиях и для Челябинской танковой бригады — подчинённые подполковника М.Г. Фомичева, выдвинувшись в первый эшелон, начали развивать боевые успехи свердловчан и пермяков. И к вечеру 1 августа челябинцы заслужили первую благодарность командующего танковой армией генерал-лейтенанта В.М. Баданова за освобождение населённого пункта Злынь. Но победа досталась нелёгкой ценой. М.Г. Фомичев, дважды Герой Советского Союза, вспоминал об этом: «Через час начальник штаба информировал меня о наших потерях. С болью я воспринял сообщение о гибели экипажа танка Павла

Бучковского. Когда мы начинали наступать, ночью к обгоревшему танку «Челябинский Пионер» удалось пробиться роте Бахтина. Члены экипажа П.И. Бучковский, В.Г. Агапов, М.Г. Фролов и В.И. Русанов сгорели. Возле гусеницы был найден пистолет ТТ. В его стволе записка. Перед смертью офицер писал: «Жаль, что так рано приходится расставаться с жизнью. Повоевали немного, но успели убить более сотни гитлеровцев. Отомстите за нас, друзья. Прощайте!»³.

Одна из причин замедления темпов продвижения (сроков выполнения поставленных задач), а главное, увеличения цены победы — потеря личного состава, состояла в плохом знании реальной обстановки как на фронте в целом, так и на отдельных его участках. Авторы коллективной монографии, посвящённой боевому пути 4-й гвардейской танковой армии, описывая начальный этап боёв на Орловщине, отмечают: «Вследствие слабой организации и деятельности всех видов разведки командиры и штабы имели весьма мало данных о противнике. Взаимодействие между корпусами, внутри них, а также между родами войск осуществлялось слабо. Пункты управления соединений и частей располагались на значительном удалении от переднего края (штабы корпусов — в 10–15 км), что затрудняло управление боем. Проведённые бои выявили недостаточную слаженность подразделений, в первую очередь экипажей танков и САУ, слабое знание офицерами и сержантами, в частности командирами танков, боевой техники и вооружения.

Имелись недостатки и в организации связи. Донесения о положении соединений поступали в штаб армии главным образом через офицеров связи, нередко с большим опозданием»⁴. Уральские танкисты не стали исключением, с первых боёв они познали, насколько важно знание реальной обстановки. Так, 30 июля командиру корпуса Г.С. Родину поступила информация о том, что 197-я и 243-я танковые бригады прорвали оборону южнее деревни Борилово и продолжают наступление на юг. В связи с этим он тут же поставил задачу 244-й Челябинской танковой бригаде: войти в прорыв и развивать успех передовых частей корпуса в направлении населённого пункта Злынь. Батальон автоматчиков посадить десантом на танки. При этом генерал по рации торопил танкистов: увеличьте скорость, быстрее выходите на исходные позиции для атаки. Выполняя приказ, танки бригады Фомичева начали разворачиваться в боевой порядок.

Противник тотчас же встретил их сильным заградительным огнём. По уральцам ударили закопанные штурмовые орудия «Фердинанды» и укрытые тяжелые танки Т-VI («Тигры»). Стало ясно, что оборона немцев не прорвана. Командир

первого батальона майор Степанов доложил комбригу, что атаковать противника без авиационного и артиллерийского обеспечения нецелесообразно. Огонь со стороны врага высокой плотности, зря погубим людей. Комбриг 244-й бригады тут же связался с полковником Троценко — командиром 197-й Свердловской бригады, и тот сообщил, что его соединение за день боёв понесло потери и почти не продвинулось вперёд. А по расчетам штаба корпуса не только свердловчане добились успеха, но и челябинцы уже должны развивать их успех в южном направлении. Когда реальное положение дел было доложено генералу Родину, тут же последовал приказ: челябинской бригаде закрепиться на рубеже, ожидать артиллерийской и авиационной поддержки.

С подобным явлением — недостаточным знанием реальной обстановки в вышестоящем штабе (в данном случае в штабе войск Западного фронта) — столкнулась и 4-я танковая армия и входящий в неё 30-й Уральский добровольческий танковый корпус. Надо отдать должное командованию и штабам танковой армии, и её корпусов: многие из отмеченных недостатков были устранены в самые кратчайшие сроки. Так, например, 197-я Свердловская танковая и 30-я мотострелковая бригады преодолели «болезни роста» уже в боях на брянском и гомельском направлениях⁵.

Несмотря на все возникшие сложности, уральские танкисты-добровольцы, первое боевое крещение приняв на Орловском плацдарме, добились первого боевого успеха. Корпус нанёс большие потери противостоящим соединениям противника: 390-й, 208-й пехотным, 20-й танковой дивизиям, а также дивизии СС «Мёртвая голова». Боевые потери противника составили 27000 солдат и офицеров, 135 танков, 190 орудий, большое количество пулемётов и миномётов. За короткий срок с боями пройдено около 400 километров, освобождены от оккупантов 145 населённых пунктов, частями корпуса отбиты 185000 жителей Орловской области, угоняемые в Германию. За мужество и отвагу, проявленные в боях, 1579 солдат и офицеров корпуса были награждены орденами и медалями, а сам корпус преобразован в гвардейский. В приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина было указано: «За проявленную отвагу в боях за Отечество с немецкими захватчиками, за стойкость, мужество, дисциплину, организованность, за героизм личного состава преобразовать 30-й Уральский добровольческий танковый корпус в 10-й гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус, командир которого — генерал-лейтенант танковых войск Родин Г. С.»

Соединения корпуса также получили наименования гвардейских: 197-я бригада стала 61-й Свердловской гвардейской, 243-я и 244-я —

соответственно 62-й Пермской гвардейской и 63-й Челябинской гвардейской, 30-я мотострелковая — 29-й Унечской гвардейской мотострелковой бригадой.

Естественно, возникает вопрос — в чем же главная причина боевого успеха? Командиры и командующие разных уровней, познакомившись в боевых условиях с уральскими добровольцами, отмечали такое качество наших земляков, как боевой порыв и энтузиазм, вызванные любовью к Родине и жгучей ненавистью к врагу. Кроме того, вера в технику, созданную на уральской земле, и мастерское владение ею позволяли добиться победы в самых сложных условиях. А вот в войсках противника дела обстояли иначе. Если боевая техника и оружие, степень боевого мастерства личного состава отвечали требованиям войны до самого последнего её дня, то с состоянием боевого духа дело обстояло иначе. Об этом свидетельствует явно выраженная тенденция роста от операции к операции количества сдавшихся в плен уральским добровольцам гитлеровских солдат и офицеров. В экспозиции Военно-исторического музея, находящегося в Екатеринбурге, приведены следующие данные: на Курской дуге — 229, в Проскурово-Черновицкой операции — 1612, в Львовско-Сандомирской операции — 6157, в Висло-Одерской операции — 4620, в Берлинской и Пражской операциях — 33134.

После разгрома противника на Орловском плацдарме в связи с большими потерями в личном составе и технике корпус был выведен на доукомплектование в Калужскую область на станцию Студомир, а затем — в район Брянска. Подготовившись на новом месте к зиме, части корпуса с конца октября приступили к плановым занятиям по боевой подготовке. Основное внимание уделялось анализу боевых действий на Орловском плацдарме, огневой подготовке, а также налаживанию взаимодействия частей и соединений. Организация разведки, знание сил и средств противника и умение предвидеть возможный характер его действий, надёжность связи, а значит, и управления — важные слагаемые успеха в бою — об этом тоже шла речь на занятиях. Политические беседы имели своей целью формирование стойкости, высокого морального духа воинов.

Наступил новый 1944 год. Новые фронтные дороги уральских добровольцев военная судьба и штабные начальники проложили на Украине. Корпусу предстояло добиваться победы над врагом в ходе Проскурово-Черновицкой операции.

О значимости этой операции можно судить по такому факту: Указом Верховного Совета СССР за умелое выполнение заданий Верховного Главнокомандования по руководству операциями большого масштаба, в результате которых были

достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских захватчиков, был награждён орденом «Победа» № 1 Маршал Советского Союза Г. К. Жуков. О каких же задачах идёт речь в этом Указе? Прежде всего, о Проскурово-Черновицкой наступательной операции войск 1-го Украинского фронта, проведённой с 4 марта по 17 апреля с целью разгрома основных сил немецко-фашистской группы армий «Юг». В результате этой операции советские войска продвинулись на 80–350 км, освободили западную часть правобережной Украины и нанесли поражение 1-й и 4-й танковым и 8-й пехотной армиям противника. 120 немецко-фашистских дивизий потеряли более 50 % личного состава, большую часть боевой техники и оружия. Весомый вклад в эту трудную для нас победу внесли уральские добровольцы-танкисты 10-го гвардейского танкового корпуса.

С самого начала операции перед уральскими танкистами возникли серьёзные трудности как объективного, так и субъективного характера. Противник оказывал ожесточенное сопротивление (его войсками командовал один из лучших стратегов гитлеровской армии — генерал-фельдмаршал Манштейн). Весенняя распутица мешала продвижению танков и артиллерии, наши тылы с горючим и боеприпасами отстали. В полосе наступления 4-й танковой армии, куда входил Уральский добровольческий танковый корпус, была только одна дорога с твёрдым покрытием. Продвижение войск приостановилось. Маршал Г. К. Жуков, в то время командующий войсками 1-го Украинского фронта, отреагировал на это немедленно. 23 марта он оперативно переподчинил 4-ю танковую армию командующему 1-й танковой армии. По поводу этого решения он извещал Д. Д. Лелюшенко⁶: «Ваши действия я не удовлетворён. Не узнаю Вас. Вместо решительных действий, вместо умелого охвата и обхода флангов противника Вы толкаетесь в лоб населённым пунктам, боитесь обойти противника»⁷.

Критика суровая, помощь минимальная. Принятое решение скорее было эмоциональным, чем необходимым и лишь усложняло управление армией. Нелицеприятные оценки в адрес генерала Д. Д. Лелюшенко, прозванного в войсках «генерал-вперёд», были не единичны. Незадолго до этого с обидной формулировкой «как не справившийся с работой» был снят с должности генерал-лейтенант Г. С. Родин (Приказ Ставки ВГК № 220048 от 10 марта 1944 г.).

Реально обстановка сложилась следующая. Танковые части корпуса, прибывшие в исходные районы, имели дизельного топлива 0,6 заправки, так как до 2-х заправок было израсходовано на маршах и станциях разгрузки. Армейский и фронтовой транспорт вовремя горючее не подвез.

Только в ночь с 3 на 4 марта была организована посылка машин за топливом в Житомир (а начало операции для уральцев — 4 марта). Командование 4-й танковой армии знало о том, что командование корпуса в силу объективных причин было поставлено в тяжёлое положение. Его части растянулись на марше в связи с весенней распутицей и бездорожьем, особенно отстала артиллерия, возимый запас горючего практически был израсходован и не пополнен до необходимых норм (не по вине корпуса), а в исходный район к назначенному сроку (3 марта) вышла только 61-я танковая бригада и часть 63-й танковой бригады (всего 43 танка при списочном их составе в двух бригадах в 130 единиц) при наличии горючего 0,6 заправки. О причинах отсутствия об этом доклада от командования армии в адрес командующего войсками фронта маршала Г. К. Жукова можно только догадываться.

Кроме того, с целью обеспечения ввода корпуса в прорыв, в его штаб 2 марта прибыл заместитель командующего фронтом по танковым войскам генерал-полковник Новиков. Ему было подробно доложено о состоянии и об обеспеченности 10-го УГДТК перед началом операции. Однако он побоялся взять на себя ответственность и доложить о реальной обстановке командующему фронтом Г. К. Жукову. А реалии были таковы: корпус был не готов к выполнению поставленных задач в полном объёме. Но коль скоро доклада об этом не поступило, задачи никто не корректировал.

И воевать уральцам пришлось в ослабленном составе, без артиллерии, при недостаточных запасах топлива. Нетрудно догадаться, к чему это привело: танки 61-й и 63-й бригад приостановили своё движение, пройдя 8–10 км. Естественно, были потери личного состава, которых при должной организации можно было избежать. А в это время, напрягая все силы, проявляя изобретательность и смекалку, воины-уральцы делали все возможное и невозможное для ускорения темпа наступления. Приходилось использовать танки для буксировки автомашин, на танки грузились бочки с топливом и ящики с боеприпасами. Так, например, 62-я гв. Пермская танковая бригада доставила наступающему корпусу 100 человек и горючее⁸. Командир корпуса генерал-майор Белов 18 марта докладывал Военному Совету 4-й ТА:

1. 61-я гв. тбр. — по списку танков Т-34 — 65. В строю — 29. Продовольствия нет.
2. 62-я гв. тбр. — по списку танков Т-34 — 66. В составе корпуса — 8. Остальные переподчинены 3-й гв. ТА.
3. 63-я гв. тбр. — по списку танков Т-34 — 63. В строю — 32. Боеприпасов для танков нет. Продовольствия нет.

4. 356-й САП — по списку орудий СУ-85 — 21. В строю — 7. Боеприпасов — 1,5 боекомплекта, продовольствия — 1 сутодача⁹.

В 10 часов 24 марта Г.К. Жуков приказал армии Лелюшенко стремительно развивать наступление и 25 марта овладеть Каменец-Подольским. В город было приказано ввести 10-й гвардейский танковый корпус. Корпус и к моменту штурма располагал следующими силами:

- 29-я гв. мсбр — около 200 человек боевого состава, 50 орудий, 13 минометов;
- 61-я гв. тбр — около 30 человек, 5 танков, 2 СУ-85 и 1 орудие 67-мм;
- 63-я гв. тбр — 60 человек, 8 танков;
- 357-й гв. истребительно-противотанковый полк — 6 орудий;
- 62-й гв. истребительно-противотанковый дивизион — 6 орудий;
- 248-й и 312-й гв. минометные дивизионы — 12 установок «Катюша».

В 17 часов 25 марта штурм города начался. Воины 29-й мотострелковой бригады и 61-й Свердловской танковой бригады с ходу форсировали реку Смолрич и захватили плацдарм в Старом городе. Вечером того же дня, преодолев упорное сопротивление противника, танки 63-й Челябинской танковой бригады с включенными фарами ворвались в город со стороны Русских Фольварков и приступили к очищению улиц и домов от неприятеля. К 22 часам 25 марта уральские добровольцы совместно с другими частями и соединениями 4-й танковой армии сломили сопротивление врага, овладели городом.

26 марта Верховный Главнокомандующий получил донесение Г.К. Жукова об овладении городом Каменец-Подольский и об отличившихся при этом воинах. Тяжелые, кровопролитные бои за город продолжались еще до 2 апреля: окруженная севернее Каменец-Подольского группировка противника¹⁰ пробивалась на запад. Определенной части войск это удалось, сказались недостатки сил и средств у оборонявшихся воинов. Обстановка порой складывалась настолько сложная, что в бой приходилось вступать командование и штабу 4-й танковой армии. Д.Д. Лелюшенко в своих воспоминаниях об этих боях писал: «Мне и сейчас помнится, как трижды пришлось прерывать свой доклад Г.К. Жукову в связи с прорывом противника на командный пункт 4-й танковой армии. Командующий фронтом в этой связи говорил: «Иди, руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь»¹¹.

Тяжелые потери понесли воины-уральцы. В том числе погиб командир 29-й мотострелковой бригады полковник М.С. Смирнов, кадровый офицер, прослуживший в армии 20 лет. И все же победа была достигнута. За мужество и героизм,

проявленные при освобождении г. Каменец-Подольского и области, 15 тысяч солдат и офицеров были награждены орденами и медалями. Более 5 тысяч из них — уральские танкисты-добровольцы. 61-я гвардейская танковая бригада была награждена орденом Красного Знамени. Такой была нелегкая весна 1944 г.

К середине июля 1944 г. советские войска в ходе успешного наступления освободили Белоруссию, большую часть Литвы, часть Польши и вышли непосредственно к границам фашистской Германии. Войскам Первого Украинского фронта в период с 16.07 по 15.08 1944 г. предстояло осуществить Львовско-Сандомирскую наступательную операцию с целью разгрома противостоящей группировки противника и освобождения Западной Украины.

В связи с поставленной штабом фронта задачей 17 июля 4-я гвардейская танковая армия перешла в наступление в направлении Злочев и утром того же дня овладела этим городом. Выполнили эту задачу танкисты Свердловской танковой бригады. Далее корпус продолжал наступать, обходя Львов с юга. 19 июля военный совет фронта дал командующему 4-й танковой армией директиву следующего содержания: «В районе Львова у противника резервов нет. Предписываю: командующему 4-й танковой армией стремительным ударом в обход города Львова с юга во взаимодействии с 3-й гвардейской танковой армией овладеть городом Львовом»¹².

На подступах к городу все дороги были заминированы, мосты подорваны. Вне дорог местность оказалась болотистой. В соответствии с директивой фронта 10-й гвардейский корпус в ночь с 19 на 20 июля по труднопроходимому направлению через Романув, Водники с боями вышел к юго-восточной окраине Львова и здесь встретил организованное сопротивление противника. Штаб танковой армии совместно с командованием корпуса разработал план штурма города. В ходе его материализации первыми в город ворвались танки Челябинской бригады полковника М.Г. Фомичева. За ними пошли другие соединения и части корпуса. Танковые батальоны передвигались, как правило, по параллельным улицам. За каждым из них следовали 3–5 приданных тяжелых танков, а также рота автоматчиков. Дом за домом, квартал за кварталом очищали уральцы город от засевших фашистов и продвигались к его центру.

Воины действовали смело и решительно, проявляя при этом смекалку и боевую выучку. Так, ворвавшиеся первыми во Львов разведчики Челябинской бригады — командир взвода лейтенант Потапов и командир танка младший лейтенант Кулешов — на одном из городских перекрестков попали под огонь пушек противника, проскочив

опасное место на большой скорости, они развернули свои машины назад и ударили по врагу с тыла. Несколько точных выстрелов — и артиллерия фашистов замолкла. А это значило, что жизни тех танкистов, которые пойдут вслед за разведчиками, на этом перекрестке ничто не угрожает. Около двух суток самостоятельно воевали танки Потапова и Кулешова в тылу врага. А когда боевые машины были подбиты, их экипажи продолжили наступать в рядах пехоты. Оба офицера были удостоены звания Героев Советского Союза.

В Пермской танковой бригаде в числе первых ворвался в город взвод разведки под командованием лейтенанта Кононец и умело действовал на улицах города, поражая огнем узлы сопротивления противника. Поставленная взводу задача — захватить и удерживать до подхода главных сил железнодорожную станцию Львов — была успешно решена. Мотострелковый батальон 29-й гвардейской бригады под командованием майора А. Х. Ишмухаметова на улицах города уничтожил более 900 гитлеровцев, а 30 взял в плен. Ему тоже было присвоено звание Героя Советского Союза. В ночь с 26 на 27 июля город был полностью освобожден. Победа — результат коллективного труда, боевого мастерства воинов 10-го танкового, 6-го механизированного корпусов, частей 60-й армии.

И все же еще об одном вкладе уральцев в общую победу необходимо вспомнить. Водружение знамени над Львовом — заслуга экипажа танка Т-34 «Гвардия» из Челябинской танковой бригады. Командир бригады полковник Фомичев неслучайно именно этому экипажу поставил задачу прорваться к центру города и водрузить над ратушей символ победы — знамя. Стрелок-радист старшина Александр Марченко хорошо знал город. Он и указывал дорогу, а потом лично пробивался по этажам ратуши и устанавливал красный флаг. Другие члены экипажа: механик-водитель — старший сержант Фёдор Сурков, заряжающий — рядовой Николай Мельниченко. Командовал танком лейтенант А. В. Додонов. К сожалению, выйдя из здания ратуши, Марченко попал под плотный огонь противника и погиб. А экипаж «Гвардии» еще 6 дней и ночей вел бои во Львове. Механик-водитель Сурков стал Героем Советского Союза. Командир 63-й гвардейской танковой бригады полковник М. Г. Фомичев за героизм, проявленный при взятии Львова, умелое управление своим соединением также был удостоен этой высокой награды.

10-му танковому корпусу, Свердловской танковой бригаде, 72-му тяжелому танковому полку, 359-му зенитному и 1688-му истребительно-противотанковому полкам было присвоено почетное наименование «Львовский». Командующий

1-м Украинским фронтом высоко оценил действия уральцев во время боев за Львов: «Корпус дрался хорошо, но гитлеровцам удалось его отсечь от остальных сил армии. 10-й гвардейский танковый корпус вообще можно назвать одним из лучших во всех отношениях, в том числе и в вопросах организации совершения маршей, дисциплины и ведения боя»¹³.

К концу июля войска Первого Украинского фронта, нанеся серьезное поражение немецко-фашистской группе армий «Северная Украина», овладели городами Львов, Равва-Русская, Ярослав, Перемышль, Станислав. Противник, для того чтобы закрыть образовавшийся прорыв, перебросил на Краковско-Львовское направление 5 танковых, 1 моторизованную и 1 пехотную дивизии. Изменившаяся обстановка поставила перед войсками фронта новые задачи: в кратчайшие сроки разгромить подходящие резервы противника, форсировать реку Висла, захватить плацдарм на ее западном берегу и создать условия для последующего наступления советских войск.

Кроме того, часть сил фронта привлекалась для овладения нефтяным районом и достижения предгорий Карпат. Нацеленный на выполнение новых задач, 10-й танковый корпус уже 28 июля 1944 г. вышел к реке Днестр, развернул наступление на железнодорожную станцию Фальштын и 4 августа овладел ею. А далее была переправа через реки Сан и Вислюк, уральцы вступили на территорию Польши. К этому времени противник перебросил подкрепления, начал контратаки с целью ликвидации Сандомирского плацдарма и вытеснения наших войск на восточный берег Вислы. Командующий фронтом отдал следующее боевое распоряжение: «4-ю танковую армию в полном составе, походным порядком, ночными переходами через Жешув, М. Кальбутовка и переправу через реку Вислу на участке 5-й гвардейской армии сосредоточить к рассвету 15.08.44 г. Сосредоточиться полностью на плацдарме западнее реки Вислы в районе леса восточнее, юго-восточнее и южнее Сташув. Марш начать в ночь с 11.08.44 г. на 12.08.44 г.»¹⁴.

Совершив ночами 400-километровый переход, к утру 15 августа танковая армия сосредоточилась в заданном районе. Начались бои по удержанию Сандомирского плацдарма. К 30 августа они завершились победой наших войск. Для танкистов наступила долгожданная передышка. С личным составом были подведены итоги боевых действий Львовско-Сандомирской операции. За полтора месяца соединения и части 10-го корпуса прошли с боями на запад 350 км, освободили сотни населенных пунктов, в том числе областной центр Львов, внесли весомый вклад в закрепление Сандомирского плацдарма. В ходе операции

уральские добровольцы закрепили боевой опыт стремительного захвата опорных пунктов, узлов сопротивления, ведения ночных и уличных боев, действия в условиях гористой местности.

В то же время были выявлены слабые места в управлении соединениями и частями. Несмотря на принимаемые меры, во Львовско-Сандомирской операции не удалось добиться стремительного и глубокого прорыва на оперативный простор в обход Львова. Средний темп наступления войск оставался невысоким¹⁵, что стало одной из причин, в силу которых окружение противника в районе Львова так и не было завершено. Поэтому, подводя итоги, войска приступили к напряженной плановой боевой и политической подготовке.

В ходе занятий большое внимание уделялось огневой подготовке. Мотострелки учились поражать цели на дистанции 100 и 200 метров, артиллеристы — первым и вторым выстрелом поражать танки и орудия противника. В качестве цели использовались трофейные боевые машины: «Королевский Тигр», «Тигр», «Пантера», Т-4 и другие. А для поощрения отличившихся в учебе в ремонтных мастерских начали изготавливать портсигары и вручать от имени командования. Наводчики получали часы¹⁶. К концу ноября проверки показали, что до 90 % танковых экипажей и оружейных расчетов выполняют огневые задачи на «отлично».

В тактической подготовке основной упор был сделан на ночные действия (кстати, начиная боевой путь в июле 1943 г., уральцы воевали только днем). Штабы тренировались в управлении войсками при вводе их в прорыв, а также при действиях в отрыве от основных сил в оперативной глубине. Важное внимание уделялось форсированию водных преград, умению сходу захватывать переправы и удерживать их до подхода главных сил. С осени по декабрь с каждой ротой (танковой и мотострелковой) было проведено три-четыре учения с боевой стрельбой.

По инициативе политотделов были проведены технические конференции механиков-водителей. Лучшие из них делились опытом продления службы боевых машин и их умелого вождения в условиях боевых действий. С командирами танков были обсуждены вопросы опыта меткой стрельбы из оружия боевых машин. Проведенная подготовка принесла свои плоды: в последующих операциях уральцы действовали более слаженно, стремительно и мастерски.

В результате успешных наступательных операций 1944 г. советские войска освободили территорию страны, временно оккупированную противником. Начались бои за взятие Восточной Пруссии, освобождение Польши, Северной Норвегии и Западной Венгрии. Вышли из войны недавние союзники фашистской Германии: Румы-

ния, Болгария, Италия и Финляндия. Летом 1944 г. США и Великобритания открыли второй фронт в Европе.

Первому Украинскому фронту ставилась задача совместно с войсками Первого Белорусского фронта разгромить располагавшуюся между Вислой и Одером группировку противника и далее развивать наступление на Бреслау. В районе предполагаемого наступления немецко-фашистское командование создало семь оборонительных рубежей на глубину до 500 км. Здесь располагались войска группы армии «А» (около 30-ти дивизий и до 50-ти отдельных гарнизонных батальонов). Главный удар Первый Украинский фронт наносил с Сандомирского плацдарма. Командующий 4-й танковой армией, поставив конкретные задачи подчиненным частям, потребовал «от всего личного состава стремительности действий; широко применять действия ночью отрядами по захвату важных объектов; бороться с минными постановками, осуществленными противником в полосе наступления»¹⁷.

12 января 4-я танковая армия вошла в прорыв, образованный успешным наступлением 13-й армии, и начала развивать достигнутый успех. Свердловская танковая бригада в м. Лисув уничтожила 35 танков противника, к сожалению, ее командир полковник Н. Г. Жуков погиб, когда лично вел бригаду в контратаку. В течение ночи с 14 на 15 января танковая армия совместно с другими объединениями вышла в район Кельце, разгромила войска противника и овладела городом. Это позволило ударной группировке фронта развивать наступление далее на запад. К утру 17 января 10-й корпус форсировал реку Пилица и овладел городом Пиотрукувом.

Далее ему предстояло, продолжая наступление, к 20 января захватить переправу через реку Варта и овладеть городом Злочев. В боях на этом направлении отличилась Свердловская танковая бригада. В головном ее отряде наступал первый танковый батальон капитана Скринько. Утром 20 января его танки подошли к реке Варта. Узнав от местных жителей, что мосты подготовлены к взрыву, он послал взвод лейтенанта Юдина, усиленный автоматчиками и саперами, на разведку. Внезапно выскочив на 60-тонный мост, танкисты перебили его охрану, предотвратили подрыв. Вскоре на помощь взводу подошел весь батальон, а за ним и бригада. В конечном итоге был взят город Бурженин, противнику нанесен серьезный урон. За этот подвиг лейтенант Н. Л. Юдин был удостоен звания Героя Советского Союза.

Корпус продолжал успешное продвижение вперед. 23 января Пермская танковая бригада овладела городом Трахенберг, а 24-го уральцы вышли на берег реки Одер. Таким образом, 4-я танко-

вая армия стала первым объединением фронта, которое вышло на рубеж, прикрывающий пути на Берлин. В первом ее эшелоне выступали уральские танкисты. С утра 25 января 10-й танковый корпус предпринял попытку форсировать Одер. Стремительной атакой танковый батальон под командованием майора Шотина Пермской бригады сходу захватил мост в городе Штейнау и разминировал его. Продвигаясь далее, он вступил в бой с противником. Однако силы были настолько неравны, что фашисты сумели вновь заминировать мост и подорвали его. Оставшиеся в окружении танкисты все героически погибли.

По решению Военного Совета армии танковые части Уральского добровольческого корпуса были переправлены через Одер в другом месте — в районе Кебен. Далее они подошли к Штейнау с тыла и разгромили находящийся там гарнизон. При взятии города особо отличились воины Свердловской танковой бригады. Ее второй батальон под командованием капитана Моськина первым ворвался в город с запада в ночь на 31 января и уничтожил 20 танков противника. Потери уральцев составили всего 2 танка, один из которых через сутки вновь вступил в строй.

Наиболее отличившемуся в ночных боях на улицах города младшему лейтенанту П. И. Лабузу было присвоено звание Героя Советского Союза. За успешные боевые действия в ходе Висло-Одерской операции соединения уральских танкистов получили почетные наименования: Пермская бригада стала именоваться Келецкой, а Челябинская — Петраковской. Противник вынужден был признать возросшее воинское мастерство советских танкистов. Вот что писал генерал Типпельскирх о наступлении Красной армии с Сандомирского плацдарма: «Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые совсем близко к фронту. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленными, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным»¹⁸.

Советское командование надеялось на достижение оперативного успеха в Висло-Одерской операции, но он превзошел их ожидания. Более того, в связи с успешным продвижением наступающих войск на большую глубину возникли трудности со снабжением их горючим и боеприпасами. Большая загруженность транспорта вызвала также трудности при эвакуации раненых в тыловые части. С выходом советских войск на Одер снизилась активность поддерживающей авиации — не было полевых аэродромов в условиях распутицы, а противник, располагая постоянными аэродромами в зоне Берлина, усилил активность своей авиации.

Форсирование крупных рек показало необходимость иметь штатные переправочные средства в составе корпусов. Комендантская служба не всегда справлялась с организацией движения на дорогах в условиях возросшего потока машин и техники. В условиях боевых действий за пределами границ СССР вопросы боевого охранения и разведки требовали большого внимания. Так, например, неожиданным для частей 10-го гвардейского танкового корпуса стало столкновение с 17-й танковой дивизией противника у Лесув и Малешово. Все эти и другие трудности, в значительной степени обусловленные возросшими темпами наступления, доводились до соответствующих инстанций и в последующем устранялись.

Уральские танкисты продолжали следовать нелёгкими фронтовыми дорогами, ведущими к заветному дню — дню Победы. Копилка их боевого опыта пополнилась операциями в Силезии. Наконец, наступил долгожданный момент: 10-му УДТК предстояло принять участие во взятии Берлина. 1-му Украинскому фронту была поставлена следующая задача в ходе Берлинской операции: наступать в направлении Котбуса и, разгромив находящуюся там группировку войск противника, приступить правым крылом к взятию столицы Германии, содействуя войскам 1-го Белорусского фронта.

4-я гвардейская танковая армия вводилась в прорыв на участке 4-й гвардейской армии с рубежа реки Шпрее. Её 10-й гвардейский танковый корпус должен был наступать на участке 95-й гвардейской стрелковой дивизии и в конечном итоге овладеть районом Зонневальде. 16 апреля 1945 г. операция началась. В 13.00 передовой отряд корпуса — Пермская танковая бригада с частями усиления форсировала реку Нейсе. К исходу дня начали продвижение вперёд главные силы корпуса. Вскоре они достигли подготовленного противником для обороны в междуречье рек Шпрее и Нейсе рубежа «Матильда» и разгромили части танковых дивизий «Охрана фюрера» и «Богемия».

В ночь на 18 апреля задача корпусу была уточнена: в дальнейшем ему предстояло наступать в направлении Берлина и к 21 апреля овладеть его юго-западной частью. 18 апреля танкисты Свердловской бригады форсировали Шпрее и, выйдя на оперативный простор, вскоре взяли города Калау, Люккау, Лукенвальде, Зармунд. Следуя далее, они перерезали автостраду Франкфурт-на-Одере — Ганновер и, продолжая наступление, 23 апреля заняли юго-восточную часть Потсдама, а 25 апреля вышли на соединение с войсками 1-го Белорусского фронта. Окружение Берлина советскими войсками завершилось. В ночь на 25 апреля Пермская бригада, артиллерия и техника 29-й Унечской мотострелковой бригады, переправившись

через канал Тельтов, завязали бои с противником в юго-западном районе Берлина — Ванзее. В Бабельсберге танкисты Челябинской бригады захватили три концентрационных лагеря. В числе освобождённых оказался бывший премьер-министр Франции Эдуард Эррио.

В боях за Берлин в очередной раз отличился командир 299-го миномётного полка 10-го корпуса подполковник В. К. Зыль. Он со своим полком всегда появлялся там, где труднее. За доблесть и отвагу при взятии Берлина он был удостоен звания Героя Советского Союза. Этому же высокому званию удостоились командир мотострелковой бригады полковник А. И. Ефимов, командир истребительно-противотанкового артиллерийского полка полковник Н. С. Шульженко и командир батальона Свердловской танковой бригады капитан В. А. Марков.

1 мая фашистский гарнизон Берлина капитулировал. Но добывать противника в его логове предстояло другим частям и соединениям. Несмотря на взятие Берлина, означавшее, что фашистская Германия повержена в прах, отдельные группировки противника продолжали упорно сопротивляться Красной армии. Наследники Гитлера еще питали иллюзорную надежду на реванш и делали ставку на группу армий «Центр», которую возглавлял генерал-фельдмаршал Шёрнер. В ней насчитывалось до пятидесяти полнокровных дивизий и шесть боевых групп. «Центр» удерживал западную часть Чехословакии и ее столицу Прагу. 5 мая 1945 года командованию 4-й танковой армии стало известно, что в Праге началось восстание чехословацких патриотов. В этот день поднялись рабочие городов Кладно и Пльзень. Разгоралась борьба и в местах, прилегающих к Праге, в Моравии и в западных районах Чехии. На подавление восстания немецко-фашистские руководство бросило две танковые дивизии СС — «Рейх» и «Викинг».

В ночь на 6 мая на баррикады вышло 30 тысяч жителей Праги. Им удалось захватить телеграф, центральную телефонную станцию, радио, вокзалы, городскую электростанцию, большинство мостов через Влтаву и другие ключевые объекты. Однако эсэсовские танковые и полицейские части жестоко расправлялись с повстанцами, особенно в рабочих районах Праги. Несмотря на мужество защитников баррикад, превосходство в живой силе и технике было на стороне фашистов. Они отбили у повстанцев ряд объектов, и стали продвигаться к центру города. Наступила кризисная ситуация. Повстанцы обратились за помощью к союзным войскам. Но они, дойдя до демаркационной линии, согласно договору трех великих держав, остановились и дальше не пошли. И тогда прозвучал призыв пражан к Красной армии:

«Внимание! Внимание! Говорит Чешская Прага! Большое количество германских танков и авиации нападает в данный момент со всех сторон на наш город. Мы обращаемся с пламенным призывом к героической Красной армии с просьбой о поддержке. Пришлите нам танки и самолеты. Не дайте погибнуть нашему городу. Прага истекает кровью. У нас нет боеприпасов. Фашисты уничтожают людей и город. Русские братья, помогите Праге!»

6 мая 10 гвардейский Уральский добровольческий танковый корпус получил приказ командующего 4-й танковой армией генерал-полковника Д. Д. Лелюшенко выдвинуться на помощь восставшей Праге и освободить Чехословакию от фашизма. Опорные пункты врага обходить, в бои не ввязываться. Прорываться к Праге. Командир корпуса генерал-лейтенант танковых войск Е. Е. Белов принял решение двигаться к Праге обходными путями, а 7-му гвардейскому мотоциклетному батальону вести непрерывную разведку по маршруту движения. Передовой отряд корпуса — Челябинская гвардейская танковая бригада. Уральским танкистам надо было овладевать горными перевалами, освобождать восставшую столицу Чехословакии. И с решением этих задач гвардейцы справились успешно. 8 мая 1945 г. первым ворвалась в Прагу Челябинская танковая бригада полковника Фомичева. Более 6-ти часов шли упорные бои в городе. В ходе них были разгромлены, сдались в плен войска дивизии «Рейх», мотодивизии «Викинг» и другие части противника. Наиболее отличившиеся воины были удостоены звания Героя Советского Союза. В их числе командир 10-го УГДТК генерал-лейтенант Е. Е. Белов и командир 63-й гвардейской танковой бригады полковник М. Г. Фомичев.

Надо отметить, что воевать уральцам пришлось немного дольше, чем большинству других воинов на советско-германском фронте. Командир Челябинской бригады так описывает это: «Вечером Москва салютовала войскам, освободившим Прагу, из тысячи орудий. Мы слушали голос Москвы. Вдруг звонок из штаба корпуса. Южнее Праги оставшиеся войска Шёрнера упорно сопротивляются. Бригада снялась с места, направилась добывать остатки шёрнеровской группировки»¹⁹. Так заканчивались фронтовые дороги уральских танкистов-добровольцев, так завершалась их последняя боевая операция. Она была и самая тяжёлая, и самая быстротечная. Советские войска вовремя подошли к Праге, вовремя оказали помощь восставшим. Было захвачено большое количество военной техники и военнопленных. Только Челябинская танковая бригада пленила более восьми тысяч солдат и офицеров противника.

Всего с боями 10-й УДТК прошёл более 2000 км нелёгких фронтовых дорог. 38 его воинов стали Героями Советского Союза, а командир 63-й гвардейской Челябинской бригады М. Г. Фомичев удостоен этого звания дважды. Свыше 42,5 тысяч орденов и медалей было вручено воинам корпуса за выполнение боевых заданий на фронтах борьбы с фашизмом. На знаменах воинских частей корпуса 54 боевых ордена, которыми отмечены боевые успехи воинов частей и соединений. Уральцы-танкисты выстояли и победили,

не залив противника кровью, не завалив трупами своих боевых товарищей, как пишут некоторые авторы, не знающие и не желающие знать азов военной теории. И противник у нас был обладающий опытом современной войны, и оружие у него было неплохое. А мы его всё равно победили. Любовь к Родине и ненависть к её врагам, прекрасное оружие и боевая техника, высокое воинское мастерство — вот главные слагаемые боевого успеха уральских танкистов-добровольцев.

¹ Командир корпуса отмечал, что в этих непредвиденных условиях танкисты повели методическое, решительное наступление. Рассекая оборону противника, применяя обходы и обхваты, нанося ему большие потери, уральцы вышли на сильно укрепленный оборонительный рубеж на реке Орс. См.: Родин Г. С. Воспоминания. НВФ ВИМ ПУрВО, инв. № 2. С. 16.

² Провал операции «Цитадель». М., 1965. С. 119–120.

³ Фомичев М. Г. Путь начинался с Урала. М., 1976. С. 55.

⁴ Под знаменами танковой гвардии. ГСВГ, 1967. С. 43.

⁵ В начале сентября танкисты воевали в составе 63-й армии, а мотострелки — в составе конно-механизированной группы под командованием генерала Казакова.

⁶ Д. Д. Лелюшенко вступил в должность командующего 4-й ТА 9 марта 1944 г.

⁷ ЦАМО. Ф. 236. Оп. 2712. Д. 74. Л. 3.

⁸ Дембицкий М. П. Бои за Каменец-Подольский 1944 года. Каменец-Подольский, 1999. С. 3.

⁹ ЦАМО. Ф. 323. Оп. 4756. Д. 28. Л. 136.

¹⁰ Она насчитывала 9 танковых, десять пехотных и одну моторизованную дивизию.

¹¹ Лелюшенко Д. Д. Москва-Сталинград-Берлин-Прага. — М., 1975. — С. 264.

¹² ЦАМО. Ф. 324. Оп. 4761. Д. 6. Л. 155, 156.

¹³ Конев И. С. Записки командующего фронтом: 1943–1944. — М., 1972.

¹⁴ ЦАМО. Ф. 324. Оп. 4761. Д. 7. Л. 157.

¹⁵ Генерал танковых войск Ф. Меллентин отмечал, что лишь только в 1944 г. крупные русские танковые и механизированные соединения приобрели высокую подвижность и мощь и стали весьма грозным оружием. См.: Меллентин. Танковые сражения в 1939–1945 гг. М., 1959. С. 248–249.

¹⁶ См.: Под знаменами танковой гвардии. С. 111–112.

¹⁷ См.: ЦАМО. Ф. 324. Оп. 4756. Д. 114. Л. 1–3.

¹⁸ Типпельскирх К. История Второй мировой войны. М., 1956. С. 508.

¹⁹ Фомичев М. Г. Путь начинался с Урала. — С. 218–219.

Карпато-Дуклинская операция Красной армии и Словацкое национальное восстание 1944 г.

В. В. Марьина*

В 2014 г. торжественно отмечалось 70-летие Словацкого национального восстания (29 августа — 28 октября 1944 г.) против существовавшего в Словакии прогерманского режима Й. Тисо. Словацкая республика (1939–1945 гг.), тогда — сателлит гитлеровской Германии, участвовала в войне на её стороне. Восстание, проходившее под лозунгами выхода Словакии из войны и восстановления Чехословацкой республики, началось после вторжения частей вермахта на территорию Словакии с целью подавить разгоравшееся там освободительное движение. Его активнейшими участниками и руководителями являлись словацкие коммунисты, члены подпольной Коммунистической партии Словакии (КПС). Части Красной армии в это время находились в нескольких десятках километров от довоенной границы Чехословакии. СССР, естественно, был заинтересован в успешном развитии восстания. Вместе с тем отношение советского политического и военного руководства к событиям в Словакии перед началом восстания характеризовалось определенной осторожностью, что было обусловлено множеством факторов¹.

Позицию СССР можно рассматривать и оценивать только в контексте международной ситуации того времени и национально-государственных интересов Советского Союза. Следует иметь в виду взаимоотношения внутри антигитлеровской коалиции; отношения СССР с чехословацким эмигрантским правительством в Лондоне и наличие советско-чехословацкого договора от декабря 1943 г. о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве; состояние дел на фронтах Второй мировой войны и, прежде всего, на советско-германском фронте; военно-стратегические и политические планы союзников СССР по антигитлеровской

коалиции; стратегические планы и разработки советского командования, необходимость их ломки или уточнения в связи с началом Словацкого национального восстания (СНВ); ограниченность материальных ресурсов Советского Союза, ведущего уже три года изнурительную войну, и возможность оказания всей просимой словацкими повстанцами помощи с его стороны; особенности советской внешней и внутренней политики военного (и не только) времени, когда сколько-нибудь важные решения принимались зачастую либо по прямому указанию И. В. Сталина, либо им единолично; атмосфера особой подозрительности и недоверия, свойственная военному времени; характер, политические воззрения и подчас умалчиваемые намерения задействованных в событиях значимых лиц.

История Второй мировой и Великой Отечественной войн рассматривается чешскими и словацкими историками-профессионалами — именно о них идет речь — не как таковая, а преимущественно через призму национальной проблематики, т. е. постановки и решения чехо-словацкого вопроса в указанный период. После распада Чехо-Словакии и образования самостоятельных Чешской республики и Словацкой республики в начале 1990-х годов тематика, связанная с историей СССР (России), Великой Отечественной войны, освобождения ЧСР Красной армией стала в обеих странах если не «табу», то, попросту говоря, не «модной». Профессиональные историки предпочитали держаться от этой темы подальше. Она казалась не актуальной и уже достаточно изученной в прошлом. Чехия и Словакия, а вместе с ними и историки, тогда повернулись лицом к Западу, а спиной к «великому восточному соседу», памятуя лишь о нанесенных им обидах (усилиях по на-

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

саждению советского образа жизни и оккупации в августе 1968 г.) и позабыв обо всем хорошем. О советской стране (России) в это время говорили главным образом публицисты, журналисты, политологи и разного рода политики, причем преимущественно в «разоблачительно-негативном» тоне (к слову, тем же «грешила» в указанные годы и российская историография советского периода). Налицо было стремление как можно быстрее заполнить «белые пятна» и «черные дыры» в чехословацко-советских отношениях периода войны, а таковые, несомненно, существовали. Критика прошлого при этом нередко выходила за пределы разумного: плюсы просто менялись на минусы, отвергались старые, но рождались новые мифы и легенды.

Если иметь в виду период войны, то особо критически оценивалось проведение Карпато-Дуклинской операции Красной армии и участие в ней чехословацких воинских частей. Об этом писал, в частности, видный чешский военный историк К. Рихтер², позиция которого вскоре была подвергнута критике. В октябре 2004 г. в Праге состоялся посвященный указанной операции научный семинар³, возможно, спровоцированный выходом в свет книги вышеупомянутого автора. Участники семинара, организованного Обществом чехословацких легионеров, Военно-историческим институтом (Прага) и Институтом истории АН Чешской Республики, высказались против очернительства этой действительно кровопролитной операции, осуществленной прежде всего по политическим соображениям и в чрезвычайно тяжелых условиях.

Участовавший в обсуждении словацкий военный историк Йозеф Быстрицкий критически остановился на новейшей историографии вопроса, высказался против употребления таких терминов при описании операции, как «апокалипсис», «кровавая баня», «резня», «бойня», и призвал к более объективному и всестороннему взгляду на события той поры. Отметив несомненный вклад Рихтера в исследование Карпато-Дуклинской операции, Й. Быстрицкий заявил: автор предлагает читателю множество нетрадиционных взглядов на описываемые исторические события, одновременно формулируя много оценок и выводов, «которые являются, скорее, его домыслами, чем научными гипотезами, и более похожи на спекуляцию, а иногда, образно говоря, «на перекрашивание белого в черное», а не на объективную оценку или основанную на серьезных доказательствах интерпретацию в прошлом искажаемых либо намеренно замалчиваемых исторических событий». Быстрицкий выступил против непрофессионализма и любительских попыток обращения с уже давно известными в исторической науке факта-

ми и документами, против «создания новых мифов» и внедрения в общественное сознание «полуправд», которые противоречат исторической действительности. «Жаль, — продолжал Й. Быстрицкий, — что частью общественности и некоторыми молодыми историками они принимались и принимаются как результат деидеологизированной переоценки интерпретации боев в Восточных Карпатах»⁴.

Известный чешский историк В. Пречан, много лет занимавшийся историей СНВ и являющийся публикатором прекрасных сборников документов о восстании⁵, оценивая значение Карпато-Дуклинской операции Красной армии с точки зрения помощи словацким повстанцам, писал: «Советское наступление — так называемая Дуклинская операция, начавшаяся 8 сентября 1944 г. — сковало все силы [немецкой] группы армий Северная Украина так, что оттуда невозможно было направить против восставших ни одного солдата»⁶. Не говоря уже о том, что в целях противодействия советским и чехословацким войскам, участвовавшим в Карпато-Дуклинском сражении, гитлеровцы перебросили сюда много сил, ранее направленных на подавление СНВ или задействованных на других участках советско-германского фронта.

О том, как советским политическим и военным руководством принималось решение о проведении Карпато-Дуклинской операции, как она развивалась, и пойдет далее речь. Сначала несколько замечаний о международной ситуации, положении на фронтах Второй мировой войны, и прежде всего на советско-германском фронте, а также о том, что было известно Москве о событиях в Словакии и подготовке СНВ. На юго-западном участке советско-германского фронта в конце августа 1944 г. завершились две важные в стратегическом отношении наступательные операции Красной армии: Львовско-Сандомирская (13 июля — 29 августа, войска 1-го Украинского фронта, командующий маршал И. С. Конев) и Яско-Кишиневская (20–29 августа, войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, командующие соответственно генералы армии — с сентября 1944 г. маршалы Советского Союза — Р. Я. Малиновский и Ф. И. Толбухин).

Целью Львовско-Сандомирской операции являлось освобождение Западной Украины и юго-востока Польши. К концу августа от германской оккупации была освобождена вся территория Украинской ССР в границах 1941 г. Советские войска нанесли колоссальный урон противостоявшей им немецкой группе армий «Северная Украина»⁷. С потерей Западной Украины весь германо-советский фронт оказался расколотым надвое. Теперь связь между северными и южными его

группировками могла осуществляться кружным путем через Словакию и Венгрию. Отсюда понятно, сколь важное значение в планах вермахта приобретала словацкая территория. 30 июля еще в ходе Львовско-Сандомирской операции был воссоздан 4-й Украинский фронт (командующий генерал-полковник И.Е. Петров), задачей которого являлось наступление против сил вермахта на карпатском направлении. Но в результате успешно и быстро проведенной Красной армией Ясско-Кишиневской операции появилась возможность обойти оборону противника (здесь действовала группировка германских армий «Южная Украина») в Карпатах по румынской территории, «поставить под удар тыл противника в Карпатах и либо уничтожить, либо вынудить его к отходу. В связи с этим по распоряжению Верховного Главнокомандующего от 26 августа войска 4-го Украинского фронта перешли к обороне»⁸.

Результатом успешных действий советских войск на юго-западном участке советско-германского фронта явилось изменение военно-политической обстановки в соседних со Словакией странах⁹. В Варшаве, в частности, 1 августа 1944 г. началось восстание, имевшее не только антигитлеровскую, но и антисоветскую направленность¹⁰. Страны-сателлиты третьего рейха стали стремительно покидать своего «патрона». Поисками путей выхода из войны и обеспечения себе алиби занялись и некоторые представители прогерманских верхов Словакии. В частности, свои услуги советскому руководству предложил её военный министр Ф. Чатлош, пользовавшийся в словацкой армии значительным авторитетом. Он, по всей видимости, знал, что в армейских кругах ведется подготовка к восстанию и выступлению против существующего режима. Свои предложения о том, как может быть использована словацкая армия в борьбе против Германии, Чатлош направил советскому правительству специальным самолетом в начале августа 1944 г. Сначала не отказывались от сотрудничества с Чатлошем и организаторы СНВ, в том числе и коммунисты, полагавшие возможным использовать его военные планы, но отвергавшие политические проекты. В случае принятия советской стороной предложений Чатлоша события в Словакии могли бы развернуться по аналогии с румынскими. Но советское руководство не пошло на контакты со словацким военным министром, хотя, возможно, присланные им документы и использовались при разработке военных операций. Объяснялось это тем, что СССР тогда занял уже твердую позицию признания в отношении ЧСР (советско-чехословацкий договор 1943 г.) и президента Э. Бенеша, настойчиво требовавшего, чтобы Москва не вступала в контакты со словацкими коллаборационистами и, конкретно, с Чатлошем¹¹.

Критическое положение на германско-советском фронте, а также активизация партизанского движения в Словакии не оставляли сомнения в том, что гитлеровцы в скором времени начнут её оккупацию. У организаторов восстания имелось два варианта плана его начала: первый, более предпочтительный, когда Красная армия приблизится к границам Словакии и будет достигнута конкретная договоренность о взаимодействии с ней словацких армейских частей; второй, менее благоприятный, на случай внезапной оккупации Словакии гитлеровцами. Взаимодействовать с советской армией должны были 1-я и 2-я восточно-словацкие дивизии, дислоцированные в Карпатах. На тот момент это были наиболее готовые к сражению словацкие военные части, лучше, чем другие, вооруженные и находившиеся под командованием офицеров, знавших о готовящемся восстании.

В августе 1944 г. советское руководство и военное командование уже имели достаточно сведений о положении в Словакии. Информация поступала в Москву по разным каналам: от командиров партизанских отрядов (в июле-августе в Словакию из СССР было направлено много организаторских групп, вокруг которых и формировались партизанские отряды), готовившего восстание Словацкого национального совета, Чатлоша, а также, главное, от чехословацкого эмигрантского правительства в Лондоне. Оно поддерживало достаточно тесные связи с участвовавшими в подготовке СНВ представителями словацких армейских кругов. Начальник чехословацкой военной миссии в СССР генерал Г. Пика и чехословацкий посол в Москве З. Фирлингер, получавшие информацию и инструкции из Лондона (от министра национальной обороны генерала С. Ингра и министра иностранных дел Я. Масарика), передавали полученные ими материалы по назначению.

Наиболее полные сведения о подготовке восстания, пожалуй, Пика передал советскому командованию 10 августа 1944 г.¹². О составе словацкой армии он сообщал следующее:

- а) полевая армия под командованием генерала А. Малара, состоявшая из двух дислоцированных в Карпатах пехотных дивизий (районы Бардеев — Медзилаборце), численность которых составляла 20–23 тыс. человек. Они имели на вооружении 15 000 винтовок, 1000 легких (ручных) и 250 тяжелых пулеметов, 50 противотанковых орудий, 150 минометов и 70 разного рода орудий. Во время восстания или перехода частей Красной армии через Карпаты численность дивизий путем мобилизации местного населения могла быть увеличена до 30 000 человек;

- б) тыловая армия (гарнизоны), насчитывавшая приблизительно 14 000 человек, после мобилизации могла возрасти до 50 000 человек;
- в) авиация и части противовоздушной обороны: около 10 000 человек. Словацкая армия располагала примерно 250 старыми разного типа самолетами, большинство которых, согласно информации Пики, не годились для боевых операций.

Пика сообщал, что главным руководителем при подготовке восстания назначен подполковник Я. Голиан, занимавший пост начальника штаба командования сухопутных войск. «Подавляющее большинство офицеров, — говорилось в сообщении, — хотя и не информированы о готовящейся акции, будут выполнять приказы руководящих органов восстания. Лица, известные как германофилы, будут устранены согласно намеченному плану. Настроение в армии в целом антинемецкое и просоветское. Установлено также, что министр национальной обороны генерал Чатлош не будет чинить препятствий, и, наоборот, проявляет настойчивое стремление установить контакты с представителями Красной армии и активно участвовать в борьбе против немцев и нынешнего правительства. Хотя генерал Чатлош ныне включен в список военных преступников и изменников, все же его выступление в последнюю минуту может обеспечить проведение акции, так что восстание и переход его войск пройдут гладко, без сопротивления и задержки».

Далее в сообщении Пики излагался примерный план занятия Словакии Красной армией: «Силы словацкого Сопротивления намерены открыть границы в Карпатах и пропустить части Красной Армии в глубь Словакии с тем, чтобы в течение одной ночи была занята вся её территория и фронт, таким образом, продвинулся на 250–300 км на запад». Особо отмечалась роль двух восточно-словацких дивизий: они освободят путь прохода через Карпаты, устранят все имеющиеся здесь препятствия, а также выполнят другие задачи, которые им будут поставлены командованием Красной армии. Далее, от имени верховного главнокомандующего чехословацкими вооруженными силами Пика обращался с просьбами:

- чтобы верховное командование «победоносной Красной Армии обратило внимание на создавшуюся в Словакии ситуацию вообще и в словацкой армии в особенности»;
- чтобы, если ситуация в Словакии будет сочтена благоприятной, оно включило в свои планы военные операции на словацкой территории и «тем самым помогло освободить первую часть ЧСР от фашистского ярма»;
- чтобы было дано указание установить конспиративные связи с командованием словацких дивизий в Карпатах;

— чтобы при осуществлении военно-оперативных планов Красной армии в их рамках был использован 1-й Чехословацкий армейский корпус (1 ЧАК), а 2-я чехословацкая воздушно-десантная бригада переброшена по воздуху в Среднюю Словакию.

В заключении Пика еще раз подчеркивал, что «словацкая полевая армия готова выполнить тактические задачи, поставленные верховным командованием Красной Армии, для быстрого проникновения Красной Армии в Словакию»¹³. Масса материалов о положении в Словакии, полученных советским военно-политическим руководством по разным каналам в августе 1944 г. и часто весьма противоречивых, подлежали тщательному анализу, проверке и перепроверке, что, несомненно, требовало времени. Принять решение в «словацком вопросе» оказалось не просто. В этом контексте следует рассматривать и медлительность в советских действиях, касавшихся установления связи с двумя восточно-словацкими дивизиями. 27 августа Пика сообщил советскому военному командованию, что от Голиана получены данные о возможной оккупации Словакии гитлеровцами в ближайшие дни и о принятом Голианом решении оказать сопротивление германским и венгерским войскам. Это решение было одобрено президентом Э. Бенешем и С. Ингром, которые также просили советское командование поддержать словацкие части со стороны Красной армии.

Документ был направлен И. В. Сталину, который начертил на нем: «Нужно решить»¹⁴. Видимо, Главнокомандующий решил поторопить военных, все еще рассматривавших варианты возможных действий советских войск в случае оккупации Словакии германскими и венгерскими войсками. По воспоминаниям начальника Оперативного отдела Генштаба Красной армии С. М. Штеменко, «положение складывалось как нельзя хуже: враг начинал захват Словакии, вот-вот могло вспыхнуть народное восстание, а мы лишь сутки назад дали И. Е. Петрову приказ на оборону. Материальных средств, достаточных для наступления, у войск не имелось. Силы левого крыла 1-го Украинского фронта И. С. Конева (38 армия) были примерно в таком же состоянии»¹⁵.

Восстание началось 29 августа. Большая часть словацких гарнизонов в Центральной Словакии поддержала идею восстания, но «подвели» запад и восток страны. В первые же дни восстания гитлеровцы заняли Братиславу и разоружили крупнейший братиславский гарнизон. Критическая ситуация сложилась и на востоке Словакии, в районе дислокации двух восточно-словацких дивизий. Генерал Малар в это время оказался (возможно, по приказу Чатлоша) в Братиславе и не только не помог повстанцам, но и навредил им своим оп-

портунистическим выступлением по братиславскому радио 30 августа, призвав к спокойствию и, по-сути, непротивлению войскам оккупантов. Заменявший Малара полковник В. Тальский получил приказ Я. Голиана выступать, но не выполнил его. Приказ поступил в штаб дивизий в Прешове около полуночи 29 августа, но Тальскому доложили о нем только утром 30 августа, после чего он собрал посвященных в планы повстанцев высших офицеров на совещание, чтобы обсудить дальнейшие действия. На совещании было принято решение направить рано утром 31 августа двух офицеров связи в штаб И. С. Конева с целью координации действий указанных словацких дивизий с частями Красной армии 2 сентября. Предполагалось, что в этот день восточно-словацкие дивизии ударят в тыл дислоцированных в этом районе немецких войск, разоружат их и откроют карпатские перевалы для наступающих советских войск. В случае, если координации действий с ними не удастся достичь, планировалось пробиваться с боями в уже охваченные восстанием центральные районы Словакии¹⁶.

Однако этот план оказался нереальным. После начала СНВ командование немецкой армейской группировки «Северная Украина» приказало частям вермахта перейти в ночь с 30 на 31 августа словацкую границу и пресечь возможные враждебные действия со стороны словаков. 31 августа практически без сопротивления немцы захватили штаб восточно-словацкого корпуса в Прешове. Прилетевший сюда 31 августа А. Малар был арестован немцами, отправлен в концентрационный лагерь Заксенхаузен в Германии и позже расстрелян¹⁷. В условиях начавшейся паники, хаоса, колебаний и неуверенности командиров 1-й и 2-й восточно-словацких дивизий, не получивших никаких указаний немцам удалось разоружить и расформировать обе дивизии. А именно на них повстанцы, да и командование советских войск возлагали большие надежды. Часть личного состава дивизий была интернирована и отправлена в концлагеря, другая часть перешла на повстанческую территорию, пополнив сражавшиеся с оккупантами армейские подразделения, некоторые ушли в горы и присоединились к партизанам, а остальные просто разошлись по домам. Так, согласно отчетам о деятельности партизанских отрядов Н. А. Прокопюка и В. А. Карасева, часть солдат и офицеров разоруженных дивизий присоединилась к этим отрядам. В первой половине сентября на сторону отряда Прокопюка перешло 584 офицера и солдата 1-й словацкой дивизии, которые имели 1 миномет, 47 станковых и ручных пулеметов, 27 автоматов, 471 винтовку и 74 лошади под седлом. «Солдаты и офицеры словацких частей группами и в одиночку уходили в леса и не-

которые из них принимались в наше партизанское соединение», — говорилось в отчете о деятельности партизанского соединения им. Александра Невского (В. А. Карасев). В начале сентября в этот отряд прибыли офицеры 1-й словацкой дивизии, 1600 солдат-пехотинцев, 6 батарей горных, противотанковых и иных пушек. Из этих частей в течение двух дней было сформировано 20 боевых партизанских отрядов и Нитранская партизанская бригада¹⁸.

Знало ли об этом советское военное руководство? Еще 31 августа, по воспоминаниям С. М. Штеменко, «чехословацкая военная миссия сообщила нашему командованию, что словацкие дивизии удерживают горные проходы через Главный Карпатский хребет в своих руках и сейчас готовятся к действиям навстречу Красной Армии. Их внезапный удар в тыл обороны противника перед войсками И. С. Конева и И. Е. Петрова мог быть решающим условием общего успеха». Узнав об этом, И. В. Сталин «приказал Генштабу оказать помощь повстанцам и отдать войскам распоряжение на проведение наступательной операции. Подготовьте директиву товарищу Коневу, — сказал он. — Его фронт достиг больших успехов под Сандомиром и укрепил своё положение. И опыт наступления он имеет немалый. А Петрову нужно пока подождать и осмотреться, как следует. И. В. Сталин сам переговорил с Коневым по телефону и велел в ближайшее время сообщить его мнение о помощи словакам силами 1-го Украинского фронта»¹⁹.

В этот же день, по воспоминаниям И. С. Конева, в 5 час. 30 мин. утра «три самолета с 19 офицерами и солдатами словацкой армии приземлились на аэродроме в полосе 1-го Украинского фронта. Вслед за ними начали приземляться другие самолеты на львовском аэродроме²⁰. По полученным от прилетевших офицеров сведениям стало известно, что в Словакии начались активные вооруженные действия повстанческих групп и партизанских отрядов»²¹. В числе прилетевших офицеров был и В. Тальский. Он, как следует из известной автору литературы, принял это решение самостоятельно и внезапно, не поставив в известность об отлете Голиана (связь еще существовала) и лишь по телефону отдав распоряжение о временной передаче командования дивизиями одному из старших офицеров. Версий причин такого поступка Тальского много:

- стремление получить алиби для себя, а, возможно, и для Чатлоша, с которым он также поддерживал связь;
- желание установить непосредственные контакты с советским военным командованием в преддверии немецкой оккупации;
- намерение воспрепятствовать захвату немцами словацкой авиации;

- сложные отношения в верхах повстанческой армии;
- полученные сведения о намерении немцев разоружить восточно-словацкие дивизии.

Возможно, решение Тальского было продиктовано комплексом всех этих причин. Но как бы то ни было, он бросил вверенные его командованию дивизии на произвол судьбы, и разгневанный Голиан с полным основанием мог расценивать поступок Тальского как дезертирство и предательство по отношению к руководству восстания. Тальский перелетел на советскую сторону утром 31 августа, еще не зная о разоружении словацких дивизий, но только 1 сентября он был принят Коневым. Почему не сразу? И в какое время 1-го сентября? Вероятно, потому, что устанавливалась его личность, уточнялась цель прилета, выяснялось, не провокация ли это. «Мне не было известно, — говорится в воспоминаниях Конева, — что Тальский вылетел самостоятельно. На переговорах со мной Тальский отрекомендовался как представитель восточно-словацкого корпуса повстанческой армии... О состоявшейся беседе я тотчас же (то есть 1 сентября — *В.М.*) доложил по ВЧ Верховному Главнокомандующему. И.В. Сталин принципиально одобрил мое предложение организовать операцию в помощь повстанцам и предложил донести её план»²².

2 сентября в 3.20 утра Конев направил в Ставку письменное донесение. В нем говорилось, что Тальский прибыл в связи с оккупацией Словакии немцами и хочет получить указание Конева «о дальнейшей линии поведения словацких войск». Тальский «высказал соображение», что в случае наступления советских войск в западном направлении обе вверенные ему дивизии «могли бы наступать в восточном направлении с целью соединения с Красной Армией». Он заявил, что части 1-й и 2-й словацких дивизий, перегруппировавшись, могут начать наступление в направлении Кросно (Польша) навстречу советским войскам. Но при этом Тальский сказал, что «на командира 2-й дивизии и её состав особенно не рассчитывает». В случае, если советские войска не смогут перейти в наступление, то, по мнению Тальского, указанным дивизиям целесообразно «переключиться для партизанских действий». Конев сообщал Сталину, что фронт в районе Кросно находится в 30–40 км от словацкой границы, и высказал соображение относительно возможных действий: «Для соединения со словацкими частями и партизанским движением, если будет Ваше решение, целесообразно было бы провести совместную операцию левым флангом 1-го Украинского фронта и правым флангом 4-го Украинского фронта для выхода на словацкую территорию...». К проведению операции, которую, по мнению Конева, мож-

но начать через 7 дней, он считал желательным привлечь и 1-й Чехословацкий армейский корпус. Тальскому, согласно Коневу, никаких указаний дано не было²³.

Из известных автору статьи документов следует, что в первых числах сентября Тальский был переправлен Коневым на территорию Словакии. 2 сентября, согласно воспоминаниям командующего 38 армией 1-го УФ генерал-полковника К.С. Москаленко, он был неожиданно вызван в штаб Конева, который и сообщил ему о своем решении использовать 38-ю армию для наступления через Карпаты с целью оказания помощи «словацкому вооруженному восстанию, руководимому компартией Чехословакии». Конев, говоря со Сталиным по телефону в присутствии Москаленко, рассказал о замысле возложить проведение операции на 38-ю армию, предварительно пополнив её личный состав, довооружив, усилив танковым и кавалерийским корпусами и артиллерийской дивизией прорыва. Речь шла о готовности к проведению операции через 8–10 дней. И.В. Сталин, указав на необходимость «оказания помощи восстанию как можно скорее», потребовал «начать наступление через пять, максимум через шесть суток»²⁴.

2 сентября утром Ставка получила предложения Конева о проведении операции. Однако, как теперь ясно, советское верховное командование уже 1-го сентября имело сообщение Пики о разоружении двух словацких дивизий. В полученной им из Лондона и переданной командованию Красной армии в тот же день депеше за подписью Ингра говорилось: «Прешов занят немцами. Тальский со штабом и авиацией улетел в Россию. Первая дивизия (Маркус) получила приказ пробиваться к нам (т.е. на повстанческую территорию — *В.М.*). О второй дивизии (Тотарко) сведений нет»²⁵. Об этом, собственно, пишет и С.М. Штеменко в своих воспоминаниях: по данным чехословацкой военной миссии от 1 сентября «противнику уже удалось захватить Прешов, где находился штаб словацких войск (точнее, двух дивизий — *В.М.*), участвовавших в восстании. Связь со второй словацкой дивизией была потеряна, а 1-я словацкая дивизия получила приказ пробиваться из Карпат в Среднюю Словакию на соединение с повстанцами. Теперь картина получалась очень тревожной. Выходило, что перевалы и проходы через Карпаты, по всей вероятности, открыты для советских войск не будут, а главные силы восстания сосредоточились в Средней Словакии и нанести удар в тыл обороне противника перед нашими войсками не смогут»²⁶.

Однако, видимо, надежда на то, что какая-то часть восточно-словацких дивизий еще дееспособна и сможет помочь советским войскам, со-

хранялась. Об этом, в частности, свидетельствуют показания Тальского, данные им в декабре 1944 г. комиссии по расследованию его деятельности: «После прилета в СССР я был принят маршалом Коневым, которому я изложил весь наш план. Маршал Конев получил согласие Москвы и примерно на третий день (видимо, 4–5 сентября — В.М.) пригласил меня и сообщил, что, к сожалению, две дивизии как организованное целое перестали существовать, что часть их сложила оружие, а часть перешла к партизанам. Другие же части под командованием отдельных офицеров находятся на старой территории. Он (Конев — В.М.) дал мне письменный приказ (! — В.М.), чтобы я передал распоряжение Маркусу сосредоточить части 1 и 2 дивизии в районе северо-восточнее Стропкова и там дожидаться прихода Красной Армии»²⁷. Но ситуация на Востоке Словакии уже изменилась, и выполнить указание Конева Тальский не смог.

Итак, 1-го сентября советское командование получило²⁸ сообщение о разоружении словацких дивизий, в ночь с 1 на 2 сентября Конев сообщил в Ставку о беседе с Тальским и свои соображения относительно проведения операции. И в тот же день, т. е. 2 сентября, ему за подписью Антонова была направлена директива Ставки Верховного Главнокомандования (ВГК), в которой Сталин приказывал «подготовить и провести операцию на стыке 1-го и 4-го Украинских фронтов с тем, чтобы ударом из районов Кросно, Санок в общем направлении на Прешов выйти на словацкую границу и соединиться со словацкими войсками». «К проведению операции, — говорилось в директиве, — разрешается привлечь чехословацкий корпус и использовать войска словаков, находящиеся северо-восточнее Прешов, о чем с ними необходимо заблаговременно договориться»²⁹. Возникает вопрос, почему, если советскому командованию уже было известно о разоружении восточно-словацких дивизий, появилась эта директива? Или все же существовала надежда, что полученное известие недостоверно? Ясного ответа на эти вопросы у автора нет.

До сентября, как уже говорилось, советское командование не собиралось форсировать Карпатский хребет прямым ударом, поскольку это грозило огромными человеческими и материальными потерями. Горы предполагалось обойти. Но теперь, основываясь на имевшейся к тому времени весьма противоречивой и недостаточной информации о положении дел в Словакии, советское руководство изменило свои стратегические планы, изменило по политическим соображениям. «В ночь на 2 сентября, когда Генштаб докладывал в Ставке обстановку на фронтах за истекшие сутки, — вспоминал С.М. Штеменко, — особый интерес был проявлен к юго-западному

направлению и Карпатам. Выслушав доклад, Верховный Главнокомандующий подошел к столу, за которым сидели некоторые члены Политбюро и Государственного Комитета Обороны. Состоялся короткий обмен мнениями о помощи Словацкому национальному восстанию. Помощь эта рассматривалась не только как военная задача, но и как выполнение союзнического долга перед народами Чехословакии, проявление пролетарского интернационализма, международной солидарности трудящихся наших стран³⁰. Я не записал точных выражений товарищей, которые тогда в сжатой форме выразили свою позицию, но общий смысл их состоял в том, чтобы помощь была оказана как можно скорее. Вместе с тем было ясно, что быстрый успех в Карпатах едва ли возможен и потому прорыв обороны противника будет стоить большой крови. Но иного выхода не было, и Верховный Главнокомандующий тут же приказал Генштабу организовать снабжение повстанцев вооружением и боеприпасами³¹ и подготовить директиву 1-му Украинскому фронту о проведении наступательной операции в Карпатах с учетом соображений И.С. Конева»³².

В эти же дни, 1 и 2 сентября, произошли и другие события. НКВД СССР получил записку К. Готвальда «К событиям в Словакии», а Заграничное Бюро КПЧ с одобрения Г. Димитрова направило письмо В.М. Молотову с информацией о характере СНВ и просьбой об оказании ему незамедлительной помощи³³. И уже 3 сентября Конев представил Сталину план операции по выходу на словацкую границу и соединению со словацкими войсками. Операцию предполагалось начать, как и пожелал Сталин, через 5 дней, на пятый день после её начала преодолеть Карпаты и овладеть г. Прешов. При этом Конев, как видно, все же рассчитывал на встречные вспомогательные действия из Словакии: «На третий день операции привлечь для наступления, из района севернее Стропков, 1-ю и 2-ю словацкие дивизии и партизан навстречу наступающим частям 38 армии». Сформированную в СССР 2-ю чехословацкую воздушно-десантную бригаду к началу операции, по обстановке, предполагалось «или выбросить на парашютах в район севернее Стропкова в расположение главных сил словацких дивизий или посадить на аэродромах».

По всей видимости, Конев больше верил информации, полученной им от Тальского. В своих воспоминаниях Конев писал: «О наступлении 1-й и 2-й словацких дивизий у меня была договоренность с полковником В. Тальским и установлен сигнал через представителя штаба партизан А.Н. Асмолова в Банской Быстрице». Но еще 6 сентября в донесении Украинского штаба партизанского движения (УШПД) о положении в Сло-

вакии говорилось, что 1-я и 2-я словацкие дивизии «настроены против немцев, ждут и готовы к переходу на сторону КА»³⁴. Ничего не сообщила о положении дел на Востоке Словакии и словацкая военная делегация, прилетавшая 7 сентября в Киев с письмом от Голиана, о чем Хрущев доложил Сталину 8 сентября³⁵. В сообщении, полученном по телефону от представителя Загранбюро КПЧ при УШПД Р. Сланского, который беседовал с членами указанной делегации, тоже не упоминалось о печальной судьбе восточно-словацких дивизий³⁶. Поэтому-то, видимо, Конев и писал в своих воспоминаниях: о разоружении 2-х словацких дивизий, «к сожалению, мы узнали уже после начала операции»³⁷.

В директиве Генштаба КА Коневу от 4 сентября говорилось, что Сталин утвердил план операции и приказал начать наступление не позднее 8 сентября. 4 сентября директиву о проведении наступательной операции по освобождению Словакии получил и командующий 4-м Украинским фронтом генерал-полковник И. Е. Петров. 5 сентября командующий 38-й армией К. С. Москаленко (в состав его армии входил и 1 Чехословацкий армейский корпус — ЧАК) подготовил соответствующий приказ о наступательной операции. Конкретные задачи были поставлены и перед чехословацким корпусом, который должен был действовать во втором эшелоне наступавшей армии³⁸.

«Горный театр» операции, — по Москаленко, — был незнаком ни войскам армии, ни её командованию³⁹. А противник был грозный — армейская группа «Хейнрици» (1-я танковая и 1-я венгерская армии), которая к 8 сентября «насчитывала 10 немецких, 8 венгерских дивизий и две венгерские горнострелковые бригады общей численностью около 300 тыс. человек»⁴⁰. Условия, в которых должны были действовать советские войска, форсировавшие Карпаты, очень ярко описаны в воспоминаниях Москаленко: «Нам предстояло наступать через ту часть Карпат, которая называется Восточными Бескидами. Это горная цепь высотой до 700 метров, протянувшаяся с северо-запада на юго-восток. Наиболее доступным для движения войск был признан Дуклинский перевал на высоте 502 метра, через который проходит шоссе Кросно — Прешов. Здесь много речек и ручьев, вливающих в конечном итоге в Вислу на севере и Дунай на юге... На северных склонах Карпат на 10–15 км фронта приходилась одна дорога, а в глубине гор — еще меньше. Шоссе при ширине не более 6 метров и крутизне подъема до 29–30 градусов могло обеспечить весьма невысокие темпы продвижения войск. Грунтовые дороги оказались малопригодными даже для гужевого транспорта. Во время дождей они быстро раскисали и превращались в сплошное месиво»⁴¹.

Восточно-Карпатская операция, которая включала в себя Карпато-Дуклинскую (КДО) и Карпато-Ужгородскую операции, началась 8 сентября и проходила до 28 октября 1944 г. В ней были задействованы армии 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов. КДО проходила тяжело, с большими потерями для Красной армии и 1-го ЧАК, и не имела, в конечном счете, того военного эффекта, на который была рассчитана. Как уже говорилось, руководство вермахта создало в Карпатах мощную оборону, эшелонированную на глубину до 60 км. По свидетельству К. С. Москаленко, немецкое командование бросило против советских и чехословацких частей 60% войск, противостоявших всему 1-му Украинскому фронту⁴². Немецкие части, державшие оборону узких карпатских перевалов, находились в гораздо более выгодном положении, чем наступавшие советские войска. «Характер местности, — вспоминал Штеменко, — позволял противнику противодействовать каждому шагу наступающих войск относительно малыми силами, тем более, что дорог на подступах к обороне было крайне мало. Маневр — основа войны в горах — был в этих условиях до предела скован и в некоторых случаях исключен совсем. Отсутствие специального снаряжения и опыта действий в горах у наших войск осложняло положение. Подготовка операции проходила по самому сокращенному варианту. По необходимости операция приобретала форму фронтального, лобового натиска, который... в данной обстановке грозил превратиться в кровопролитное прогрызание позиций немецко-фашистских войск»⁴³.

Использовать эффект внезапности и взаимодействия со словацкими частями, который мог обеспечить успех фронтального удара, не удалось. Кроме того, как оказалось, у советских войск тогда не имелось достаточных материальных средств для наступления, которое готовилось в спешке. Попытка создать перелом в начале сражения за счет мощного артиллерийского обстрела, ввода в бой танкового и кавалерийского корпусов, а также 1-й ЧАК не удалась: «Ни кавалерия, ни танки не смогли в горах обогнать пехоту. Они шли вместе с ней длинной колонной по одной дороге, не были в состоянии совершить какой-либо маневр, очень растянулись и находились под воздействием сильного флангового огня противника»⁴⁴. 1-й ЧАК был введен в бой утром 9 сентября. К началу операции его личный состав насчитывал 14 925 человек, 1024 человека находились в резервном полку. Доукомплектовать корпус согласно штатному расписанию к началу КДО не удалось⁴⁵. Уже утром первого дня наступления корпус понес значительные потери: 80 убитых и до 300 раненых, к вечеру они еще возросли. В связи с этим Конев в ночь с 9 на 10 сентября своим приказом сместил

генерала Я. Кратохвила как не справившегося с командованием корпуса и назначил на его место командира 1-й бригады генерала Л. Свободу. «Смена командующего произошла в связи с неуспешным началом операции 9 сентября 1944 г.»⁴⁶, — значится в военном дневнике 1-го ЧАК. Споры среди историков относительно того, насколько справедливо и правильно было это решение, идут до сих пор. Однозначного ответа пока не имеют многие вопросы. В частности, не принял ли это решение Конев, отличавшийся крутым нравом, сгоряча? Ведь корпус действовал в составе 38 армии, тоже понесшей огромные потери⁴⁷. Не старался ли Конев отвести от себя гнев Сталина за неудачное введение в сражение чехословацкого корпуса, переложив ответственность на Кратохвила? Ведь известно, что Сталин старался уберечь корпус от излишних потерь, стремясь сохранить его как основу будущей чехословацкой армии и опасаясь, кроме всего прочего, и неблагоприятного международного резонанса. Не были ли неудачные действия корпуса лишь предлогом для принятия Коневым чисто политического решения? Ведь не секрет, что советское руководство и военное командование предпочитали видеть в должности командующего корпусом более опытного в военном отношении и более надежного в политическом смысле Л. Свободу, а Кратохвил был ставленником Лондона. Поднимались и другие вопросы.

Кстати, Кратохвил и не отрицал, что совершил много ошибок и «пострадал» за дело. «Я был смещен, поскольку не организовал бой. Некоторые командиры не выполнили своих задач. На своем месте оказался генерал Свобода. Я не делаю никого особо ответственным. Я был командующим, и поэтому [за все] ответственным», — писал Пике вскоре после своего смещения Кратохвил. Штаб Главного командования чехословацкими вооруженными силами, проанализировавший в феврале 1945 г. действия 1-го ЧАК в начале Карпато-Дуклинской операции, пришел к выводу о серьезных ошибках, допущенных его командованием⁴⁸.

Г. Пика старался «спустить инцидент на тормозах» и не советовал чехословацкому правительству в этом конкретном случае заниматься «выяснением отношений» и конфликтовать с Москвой: главным было освобождение Чехословакии. И. В. Сталин, — согласно воспоминаниям Штеменко, — «одобрил решение командующего фронтом, но по поводу отстранения Кратохвила от должности сказал, что дело имеем в данном случае с иностранцем, командиром войск другой, хотя и союзной нам страны, а посему отстранение Кратохвила и новое назначение Л. Свободы требуется оформить и юридически. Это и было сделано вскоре после переговоров с правительством

Чехословакии»⁴⁹. 3 октября 1944 г. Пика сообщил советскому командованию, что Л. Свобода официально назначен командующим чехословацким армейским корпусом в СССР.

За ошибки во время введения в бой вверенной ему части был смещен не только Кратохвил, но и командир 25-го танкового корпуса генерал Ф. Г. Аникушкин. Ошибок и просчетов вообще было много. В частности, не оправдался расчет на военный успех 1-го кавалерийского корпуса под командованием генерала В. К. Баранова. 10 и 11 сентября советским войскам удалось прорвать оборону противника на узком участке фронта шириной в 1,5–2 км. В эту брешь и решено было ввести конницу, чтобы расширить прорыв. За сутки она продвинулась на 20 км, и разведка кавкорпуса вышла на территорию Словакии. Однако немцам удалось 14 сентября закрыть коридор и отрезать конницу от главных сил наступавших. Небольшие запасы боеприпасов, продовольствия и фуража были исчерпаны, снабжение кавалеристов, сражавшихся в окружении в горах, пришлось организовывать по воздуху⁵⁰.

И все же, несмотря на невероятные трудности, 11 сентября был взят один из самых укрепленных пунктов обороны противником, польский город Кросно, крупный узел дорог⁵¹. Всю вторую половину сентября в Карпатах продолжались упорные кровопролитные бои за каждую высоту и населенный пункт, в ходе которых они по нескольку раз переходили из рук в руки. Участвовал в них и 1-й ЧАК, а с 10 сентября и 2-я чехословацкая парашютно-десантная бригада под командованием Владимира Пршикрыла. Первоначально её планировалось высадить в тылу немецко-фашистских войск на помощь повстанцам, но она в качестве пехотной сражалась вместе с наступавшими войсками до 19 сентября, когда была отправлена на переформирование и довооружение⁵². Корпус по-прежнему нес тяжелые потери. С 8 по 14 сентября, согласно военному дневнику, он потерял 2 909 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести⁵³. Вот как описаны в дневнике ситуация в 1-ом ЧАК 16 сентября и поставленные перед ним задачи: накануне корпус получил приказ готовиться к наступлению; в 12 часов 16 сентября командир и начальник штаба корпуса в телефонном разговоре с начальником штаба 38-й армии обратили его внимание на большие потери корпуса, на превосходство противостоявших ему сил противника и просили изменить поставленные корпусу задачи, поскольку он «не может их успешно выполнить».

Повторная просьба об этом удовлетворена не была. Командующий 38-й армией настаивал на том, чтобы наступление было осуществлено. Собравшиеся в 13.30 в штабе 1-й бригады корпуса командиры батальонов доложили Л. Свободе

о состоянии своих частей и обратили его внимание на то, что «силы рядового состава исчерпаны, что он плохо обмундирован, что боевой дух ввиду неудач и больших потерь корпуса значительно упал». Л. Свобода, подчеркнув, что действия корпуса носят вспомогательный характер и направлены на помощь соседям по наступлению, подчеркнул, что командующий 1-м УФ и командующий 38-й армией настаивают на выполнении приказа. Начавшееся наступление не увенчалось успехом: корпус потерял 60 человек⁵⁴. Настроение его личного состава, потерявшего уверенность в успехе, было подавленным⁵⁵. 20 сентября заместитель начальника Генштаба КА генерал армии А. И. Антонов направил представителю Ставки маршалу Г. К. Жукову донесение о состоянии соединений 1-го Чехословацкого армейского корпуса. Речь шла о 1-й и 3-й бригадах, понесших большие потери. В связи с этим, говорилось в донесении, боевой дух солдат и офицеров «подорван, пехота их небоеспособна, и генерал Свобода не уверен, что сможет выполнить поставленную перед корпусом боевую задачу». «Изложенное докладываю на Ваше решение»⁵⁶, — писал Антонов. Реакция Ставки на это донесение Антонова автору статьи неизвестна. Наступательно-оборонительные бои в этом районе с участием 1-го ЧАК продолжались и далее. 21 сентября командующим 1-й бригадой корпуса был назначен генерал Ярослав Сазавский, 3-й — генерал Карел Клапалек. Оба прибыли из Англии. С 8 по 22 сентября потери 1-го ЧАК составили 117 офицеров и 3289 солдат⁵⁷.

В конце сентября начались дожди. Наступление советских войск застопорилось. 27 сентября причины неудач Карпато-Дуклинской операции были проанализированы командованием 1-го УФ и доложены И. В. Сталину и Г. К. Жукову. Подписавшие документ И. С. Конев, В. Д. Соколовский (начальник штаба фронта) и К. В. Крайнюков (член военного совета фронта) видели эти причины в следующем:

- не оправдавшиеся расчеты на взаимодействие с двумя восточно-словацкими дивизиями;
- неподготовленность личного состава к ведению наступательных действий в горах;
- отсутствие достаточных материальных средств для ведения наступления, особенно танков и тяжелых орудий;
- малочисленность пехоты;
- нехватка танков;
- упорное сопротивление сил вермахта, использовавших преимущество обороны в горно-лесистой местности и превративших каждую вершину в неприступную крепость.

В донесении Сталину и Жукову сообщалось, что в ходе операции до конца сентября 38-я армия потеряла 20 тысяч человек. Командование фрон-

том полагало, что операция либо должна быть прекращена, либо продолжена при условии выделения необходимых армии сил и средств. Как отмечалось в донесении, «проводимая операция оттянула у противника все силы из Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам»⁵⁸. К причинам неудачного хода Карпато-Дуклинской операции в сентябре 1944 г. следовало бы добавить еще следующие:

- усталость советских войск 1-го УФ, только что завершивших длительную наступательную операцию на Львовско-Сандомирском направлении и нуждавшихся в отдыхе и организации тылов;
- ужасные с конца сентября погодные условия;
- допущенные в ходе операции ошибки, о чем в донесении ничего не говорилось.

Армия под командованием К. С. Москаленко, получившая подкрепление в живой силе и технике, по решению Ставки ВГК продолжила Карпато-Дуклинскую операцию. В условиях труднопроходимой местности, непрекращающихся дождей, упорного сопротивления противника вместе с советскими войсками тяжелейшие бои вел и 1-й ЧАК. Интересно отметить, что, согласно записи в военном дневнике корпуса, 4 октября в его подчинение был передан заградительный отряд под командованием полковника Щадрина (Ščadrina). Как известно, назначением такого рода частей в Красной армии было содействие поддержанию дисциплины в войсках, предупреждение паники, возвращение в строй бежавших с поля боя солдат⁵⁹. О конкретных задачах и деятельности отряда, действовавшего в составе 1-го ЧАК, автору ничего не известно. В военном дневнике есть записи, свидетельствующие о том, что отряд участвовал в боях вместе с корпусом, неся при этом значительные потери⁶⁰.

В составе корпуса с 1 октября 1944 г. существовала и штрафная рота. В неё направлялись те солдаты, которые без веских на то оснований покидали поле боя, не выполняли приказ или совершали «самострел»⁶¹. В это время бои уже шли непосредственно за Дуклинский перевал. Наступление в этом направлении через наиболее узкую часть Карпатского хребта могло привести к быстрому прорыву советской армии в Чехословакию и на Венгерскую равнину и к её соединению с войсками, уже наступавшими в это время в Румынии.

6 октября 1944 г. советские и чехословацкие войска, наконец, овладели Дуклинским перевалом. Вот как этот факт отражен в военном дневнике корпуса: «На рассвете части 1-й чехословацкой бригады внезапным ударом уничтожили сопро-

тивление сил обороны Дуклинского перевала и в 8.00 перешли чехословацкую государственную границу... продолжили преследование противника и в 11.45 достигли северных окраин [населенного пункта] Нижний Комарник»⁶². В бою погиб командир 1-й чехословацкой бригады генерал Я. Сазавский. При пересечении границы его машина подорвалась на mine. 6 октября Л. Свобода направил по случаю выхода 1-го ЧАК на довоенную чехословацкую границу приветственно-поздравительные телеграммы И.В. Сталину, Э. Бенешу и И.С. Коневу⁶³. В тот же день газета «За свободную Чехословакию» («*Za svobodné Československo*») писала: «...Мы достигли этого! Мы дома. С братской помощью победоносной Красной Армии мы завоевали последний, самый трудный участок пути на Родину, за который мы заплатили большими жертвами. Над родной землей, которую у нас украли, которую топтали и грабили фашистские захватчики, снова реют красно-сине-белые флаги Чехословацкой республики, знамена демократии и прогресса»⁶⁴.

Начальник Политуправления 1-го УФ С.С. Шатилов в своем донесении члену Военного совета фронта К.В. Крайнюкову 8 октября писал: «На границе имеется пограничный столб, но чехословацкий герб с него сорван немцами. Чехословацкие офицеры установили новый герб и через дорогу вывесили полотнище. Справа около него — государственный флаг СССР, слева — чехословацкий флаг. На полотнище сделана надпись на русском и чешском языках: „Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей! Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!“ За этим полотнищем на словацкой земле другое, на нем надпись на словацком языке: „Красной Армии Освободительнице — наздар”»⁶⁵.

Карпато-Дуклинская операция Красной армии продолжалась до 28 октября 1944 г., то есть до времени военного поражения Словацкого национального восстания. Потери советских и чехословацких войск в её ходе были огромны. В исследованиях на этот счет приводятся разные, хотя и не очень отличающиеся друг от друга, данные. Приведем содержащиеся в справочнике о чешском антифашистском сопротивлении: потери советских войск в КДО составили 21 000 убитых и 63 000 раненых, а 1-го ЧАК — 1844 убитых и 4700 раненых⁶⁶. Потери были колоссальными. В связи с этим, как говорилось выше, в чешской и словацкой историографии конца XX века вообще была поставлена под вопрос значимость

Карпато-Дуклинской операции с точки зрения помощи СНВ.

Однако серьезные исследователи проблемы, в конце концов, утвердились в ином мнении. Чешские военные историки А. Бенчик и К. Рихтер, в частности, пишут: «Несмотря на то, что по ряду причин не удалось выполнить поставленную задачу, операция не может расцениваться как ненужная. Она оттянула на себя значительные немецкие силы, что чрезвычайно облегчило положение на повстанческом фронте. Она привела к серьезным немецким потерям в людях и материалах. Она серьезно нарушила связь между немецкими армиями, сражавшимися на польской территории и оборонявшимися против советских войск в Венгрии. Она разрушила немецкий тыл. Она привела к потере немцами значительных территорий, тем самым, ухудшив в целом положение немецких войск на восточном фронте. Она дала возможность чехословацкому корпусу в бою завоевать право вступить на родную землю и создала условия для дальнейшего освобождения чехословацкой территории. Правда, что результаты наступления в Карпатах, которое, несмотря на все трудности, следует оценивать как победу, были оплачены чувствительными потерями... Вопреки всем недостаткам, участие чехословацких воинов в боях за карпатские хребты является достойным вкладом в дорого оплаченную победу и по праву может оцениваться через призму героических боевых традиций чехословацкой, а ныне чешской армии»⁶⁷.

Соглашаясь с выводами чешских историков, можно добавить следующее: значение Карпато-Дуклинской операции, помимо указанного, состояло еще и в том, что она несла в себе огромный моральный заряд, вселяя в сражавшихся словацких патриотов веру в идущую с Востока помощь. Для Советского Союза переход Красной армии за Карпаты означал ее выход в Центральную Европу, превращение СССР в решающий фактор международных отношений в данном регионе. На самой границе Польши и Словакии сейчас находится большой мемориал, посвященный боям на Дукле. В него входят: монумент «Дукла», возведенный в честь 1-го Чехословацкого армейского корпуса, и плиты с именами 1256 его воинов, павших в сражениях за перевал (установлен в 1949 г.); памятник «Советской армии» и военное кладбище, где захоронено 900 советских воинов (Свидник, 1954 г.); музей под открытым небом «Долина смерти», отображающий жестокие танковые бои, которые велись на этой территории 25–27 октября 1944 г.

¹ См. подробнее: Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. Документы из Архива Президента РФ / Предисловие В.В. Марьиной // Новая и новейшая история. 1996. №№ 5 и 6; Марьина В.В. Словацкое национальное восстание 1944 г. в военно-политических планах СССР // Россия XXI. 2003. № 3; она же. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 201–245.

- ² Rihter K. Zčatek apokalypsy v Karpatech. 1–3 // Přísně tajně! 2002. N 4, 5, 6. S. 96–105, 107–117, 99–109; idem. Apokalypsa v Karpatech: boje na Dukle bez cenzury a legend. Praha, 2003.
- ³ Vědecký seminar k 60. výročí bojů v Karpatsko-Dukelské operaci // Moderní dějiny. Sborník k 19. a 20. století. 13. Historický ústav. Praha, 2005. S. 293–367.
- ⁴ Ibid. S. 312–313.
- ⁵ Slovenské národné povstanie. Dokumenty / Ed. V. Prečan. Bratislava, 1965; Slovenské národné povstanie. Nemci a Slovensko 1944. Dokumenty / Ed. V. Prečan. Bratislava, 1971.
- ⁶ Пречан В. Словацкое национальное восстание — наиболее драматичный эпизод словацкой истории // Историк-славист. Призвание и профессия. К юбилею В. В. Марьиной. Москва — Санкт-Петербург, 2013. С. 68–69.
- ⁷ Кроме частей вермахта, в группу армий «Северная Украина» входили 1-я венгерская армия, дивизия СС «Галичина», состоявшая из галичанских добровольцев и нескольких германских частей. Перед уходом из Западной Украины немецкие войска оставили часть оружия действовавшим здесь отрядам Украинской повстанческой армии, которая продолжала борьбу против советской власти в этом районе еще в течение нескольких лет.
- ⁸ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1989. С. 462.
- ⁹ См. подробнее: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. М. 1999. С. 71–75, 81–85, 88–95, 99–107, 118–140.
- ¹⁰ Чехословацкое правительство в Лондоне всячески стремилось развеять сомнения Москвы относительно целей и характера СНВ, подчеркивало его отличие от Варшавского восстания. Так, в беседе с послом СССР при союзных правительствах в Лондоне В. З. Лебедевым государственный министр Г. Рипка заявил, что «в нашем случае не следует опасаться повторения того, что произошло в Варшаве; мы сами позаботимся о том, чтобы этого не случилось». В этом же уверял Лебедева и Бенеш (Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Praha, 1999. Díl 2. S. 284, 292).
- ¹¹ Ф. Чатлош в начале СНВ перешел на территорию, занятую повстанцами, затем был переправлен в Москву, где содержался в тюрьме до конца 1946 г., а затем был передан чехословацким властям. (Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Уголовное дело по обвинению бывшего главнокомандующего словацкой армией Чатлош Фердинанда. (далее: ЦА ФСБ); Marjina V.V. Vážen butyrskej cely F. Čatloš // Historický časopis. Bratislava, 1996. N 4.
- ¹² Материалы, на основе которых Пика составил эту сводку, в это время были уже известны и в Москве. (Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 1–5).
- ¹³ См.: Prečan V. Sovětský svaz a Slovenské národné povstanie: dokumenty z Archivu prezidenta Ruské Federace (prosinec 1943–konec srpna 1944). P 4 // Česko-Slovenska historická ročenka 2009. Bratislava, 2009. S. 389–412.
- ¹⁴ См.: Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. ... № 5. С. 129–130.
- ¹⁵ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 461.
- ¹⁶ Václav Štefanský. Armáda v Slovenskom národnom povstaní. Bratislava, 1983. S. 78–79.
- ¹⁷ С. М. Штеменко в своих мемуарах бездоказательно утверждает, что Малар «раскрыл врагу планы захвата карпатских перевалов и бежал к немцам» (Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 466).
- ¹⁸ ЦАФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 49. Д. 200. Т. 4. Л. 201–261, 272.
- ¹⁹ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 462.
- ²⁰ По данным, сообщенным И. С. Коневым Сталину 2 сентября, приземлились 27 самолетов, среди которых 9 типа «Фокке-Вульф-189» и «Ме-109Б», остальные — транспортные (См.: Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945: Документы и материалы. Т. 14–3 (2). М., 2000. С. 483); согласно сводным данным начальника штаба ВВС Красной армии Г. А. Ворожейкина И. В. Сталину от 1 сентября всего перелетело 29 самолетов, на аэродром Львова село 19 самолетов (2 МЕ–109, 4 ФВ–189 и 13 легкомоторных, преимущественно спортивных самолетов разных типов), еще 10 самолетов приземлились на других аэродромах (Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. ... № 6. С. 112–113).
- ²¹ Конев И. Записки командующего фронтом. М., 1991. Часть 1. Глава: Карпато-Дуклинская операция (www.booksit.ru/konev/03-7.html)
- ²² Конев И. Указ. соч.
- ²³ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 483–484.
- ²⁴ Москаленко К. С. На юго-западном направлении. 1943–1945. Книга 2. М. 1973. С. 428, 431–432.
- ²⁵ Jozef Bystrický a kol. Od priesmyku Priedeal po Kurovské sedlo. Boje ve Východných Karpatoch v roku 1944. Bratislava, 2011. S. 76.
- ²⁶ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 463.
- ²⁷ Jozef Bystrický a kol. Od priesmyku Priedeal po Kurovské sedlo. S. 78.
- ²⁸ Из мемуаров С. М. Штеменко известно о чрезвычайной активности Пики, постоянно информировавшего советское командование о полученных им сведениях относительно событий в Словакии и обращавшегося с просьбами о помощи повстанцам. Сам Пика так писал об этом в Лондон Ингру 31 августа : «...я каждую ночь с 24 до 3 часов устно информирую представителей советского правительства о ситуации и срочных запросах, подтверждая это в письменной форме днем во время новой встречи» (Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. М., 1983. Т. 4. Кн. 2. С. 117. Далее: ДМИСЧО 4–2).
- ²⁹ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 484.

- ³⁰ Эта фразеология и словесные клише были свойственны тому времени, и, скорее всего, именно в такой форме происходил «краткий обмен мнениями» в кабинете Сталина.
- ³¹ И, надо сказать, помощь была оказана немедленно. Верховное Главнокомандование Красной армии отдало приказ о выделении определенного количества оружия и боеприпасов и о сосредоточении их на наиболее близко расположенных к Словакии прифронтовых аэродромах. Первые партии оружия и боеприпасов были доставлены на словацкий аэродром «Три дуба» (под Зволеном) уже в ночь с 3 на 4 сентября 1944 г. На протяжении всего восстания СССР оказывал ему всю возможную в тех условиях материальную помощь.
- ³² Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. С. 463–464.
- ³³ ДМИСЧО 4–2. С. 120–121, 132–134.
- ³⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 490.
- ³⁵ Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г... № 6. С. 113–114.
- ³⁶ О беседе со Сланским, который характеризовал события в Словакии как «стихийное всенародное восстание», Я. Шверма сообщил Г. Димитрову 11 сентября (См.: РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 552. Л. 46–48).
- ³⁷ Конев И. Указ. соч.
- ³⁸ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 484–490.
- ³⁹ Москаленко К. С. Указ. соч. С. 433.
- ⁴⁰ Конев И. Указ. соч.
- ⁴¹ Москаленко К. С. Указ. соч. С. 433, 435.
- ⁴² Москаленко К. С. Указ. соч. С. 474.
- ⁴³ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 465.
- ⁴⁴ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 467.
- ⁴⁵ *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR (4. september — 31. december 1944).* / Ed. J. Býstrický. // Jozef Bystrický a kol. *Od priesmyku Priedeal po Kurovské sedlo.* S. 188.
- ⁴⁶ *Ibid.* S. 199–202.
- ⁴⁷ Личный состав 38-й армии перед началом операции был пополнен путем мобилизации населения в Львовской, Волынской и Станиславской областях. Новобранцы-пехотинцы не были достаточно обучены и готовы к участию в боевых действиях.
- ⁴⁸ Býstrický J. *Niekoľko poznámok k najnovšej historiografii Karpatsko-Duklinskej operácie*//*Moderní dějiny* 13. Praha, 2005. S. 329–332.
- ⁴⁹ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 469.
- ⁵⁰ Штеменко С. М. Указ. соч. С. 466–467.
- ⁵¹ Как писал Москаленко, 38-я армия тогда действовала в районе, где сходились довоенные границы Советского Союза, Чехословакии, Польши, Венгрии и Румынии. Там проживали украинцы, венгры, словаки, чехи, поляки. По словам военачальника, население восторженно встречало советские войска (Москаленко К. С. Указ. соч. С. 442–443).
- ⁵² переброска 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады в Словакию по воздуху началась практически лишь 27 сентября и продолжалась до 24 октября 1944 г. (ДМИСЧО 4–2. С. 217). Она принимала участие в защите повстанческой территории, а после подавления восстания ушла в горы.
- ⁵³ *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR.* S. 211.
- ⁵⁴ *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR.* S. 214–218.
- ⁵⁵ Свобода Л. *От Бузулука до Праги.* М., 1969. С. 303.
- ⁵⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны: Документы и материалы. 1944–1945 г. Т. 23 (12–4). М., 2001. С. 437–438.
- ⁵⁷ ДМИСЧО 4–2. С. 172.
- ⁵⁸ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Книга 3. Освобождение. С. 465–466.
- ⁵⁹ Заградительные отряды действовали в Красной армии с сентября 1941 г. и были ликвидированы в конце октября 1944 г.
- ⁶⁰ *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR.* S. 240, 245, 248, 250, 252.
- ⁶¹ *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR.* S. 253 (примечание 67). Небезынтересно отметить, что в период боёв за подступы к Дуклинскому перевалу, т.е. с 8 сентября по 6 октября 1944 г., 1-й ЧАК потерял убитыми и умершими от ран немногим более (969 человек), чем пропавшими без вести (852 человека) (*Ibid.* S. 244, примечание 59). Среди последних, несомненно, были пленные, но, по-видимому, немало и дезертиров.
- ⁶² *Vojnový denník 1. čs. armádneho zboru v ZSSR.* S. 242.
- ⁶³ Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах... С. 497–498; ДМИСЧО 4–2. С. 194–195.
- ⁶⁴ ДМИСЧО 4–2. С. 196.
- ⁶⁵ ДМИСЧО 4–2. С. 198. Наздар (nazdar) — привет, здравствуйте! В ЧСР (ЧССР) 6 октября отмечался как День чехословацкой армии.
- ⁶⁶ *Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka.* Praha, 1988. S. 146.
- ⁶⁷ Benčík A, Richter K. *Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliadora Píky.* Praha, 2006. S. 321–322.

Кто и как освобождал Прагу: Пражское восстание в мае 1945 г.

В. В. Марьина*

После войны в советской и чехословацкой историографии утвердился и существовал в течение 45 лет тезис: Прагу освободила 9 мая 1945 г. Красная армия, спешившая на помощь восставшим пражанам. В 90-е годы XX века в чешском обществе это утверждение стало публично и настойчиво оспариваться. В зависимости от политических пристрастий и меры знания (или незнания) истории вопросы ответы на него были разные, а именно: пражские повстанцы, власовцы (так называемая Русская освободительная армия — РОА), советские войска. Появились и такие утверждения: вечером 8 мая в Праге прозвучали последние выстрелы, она уже была свободна, и советские войска вошли уже в фактически освобожденный город. Активно обсуждались и другие, связанные с основным вопросы. В частности, такой: почему американская армия, оказавшаяся значительно ближе к восставшей Праге, чем советская армия, не пришла к ней на помощь и не вошла в город?

Постараемся ответить на эти вопросы. Известные автору документы и литература свидетельствуют, что утром 9 мая 1945 г. войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов (УФ) Красной армии вошли в Прагу, *окончательно и полностью* очистив город от гитлеровцев. Выделение этих терминов не случайно и означает, что в течение 5–9 мая Прага или её части неоднократно переходили из рук в руки. Кто, какие силы участвовали в её освобождении, и как это происходило? Начнем с событий, предшествовавших пяти указанным дням непосредственных боев за город.

К середине апреля 1945 г. не осталось сомнений, что дни гитлеровской Германии сочтены. С востока к Берлину, ведя жестокие бои, пробива-

лись части Красной армии, с запада — встречавшие несравненно меньшее сопротивление противника англо-американские войска. Британский премьер У. Черчилль считал необходимым упредить Красную армию в овладении германской столицей¹. Советское руководство тоже торопилось с проведением Берлинской операции. 26 апреля город был полностью окружен. 30 апреля Гитлер покончил жизнь самоубийством. Согласно его завещанию, было образовано новое германское правительство во главе с гросс-адмиралом К. Дёницем, с которым нацисты связывали надежды на возможность договориться с англичанами и американцами о сепаратном мире без Советского Союза. 2 мая советские войска овладели Берлином, но части вермахта, сосредоточенные на территории Чехии, продолжали ожесточенно сопротивляться Красной армии.

8 апреля американские войска под командованием генерала Дж. Паттона подошли с запада к довоенным границам Чехословацкой республики и два дня спустя овладели первым чешским городом Аш. Но затем их наступление приостановилось. Вступившая на словацкую территорию еще осенью 1944 г. Красная армия, преодолевая упорное сопротивление противника, продолжала движение на запад. 4 апреля в г. Кошице (восточная Словакия) прибыли президент ЧСР Э. Бенеш и сформированное в Москве первое правительство Национального фронта чехов и словаков². В тот же день войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии А. И. Еременко освободили столицу Словакии Братиславу. 30 апреля войска 2-го Украинского фронта под командованием маршала Р. Я. Малиновского освободили г. Моравска Острава. В тот же день американские войска заняли Мюнхен.

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

Чехия пока оставалась во власти оккупантов. Здесь дислоцировалась крупнейшая к концу войны группировка немецких армий «Центр» под командованием генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера, насчитывавшая около миллиона солдат и офицеров. К началу мая данная группировка оказалась в гигантском «котле», но намеревалась вести упорные бои против Красной армии до тех пор, пока основные силы «Центра» не сдадутся американцам. В этой связи 1-го мая Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии направила:

- директиву войскам 1-го УФ, в которой предписывалось использовать части его правого крыла «для стремительного наступления в общем направлении на г. Прага»³;
- 2 мая и 2-й УФ получил директиву «главные силы фронта развернуть на запад и нанести удар в общем направлении на Йиглава, Прага» с задачей после 12–14 мая «выйти на р. Влтава и захватить Прагу»⁴.

В условиях быстрого сближения шедших навстречу друг другу с запада и востока армий союзников по антигитлеровской коалиции необходимо было согласование планов их действий. Главнокомандующий англо-американскими войсками в Европе Д. Эйзенхауэр посредством союзнической военной миссии в Москве находился в *постоянном контакте* с советским верховным командованием. С конца марта он регулярно общался с планами и намерениями продвижения войск, которыми командовал, чтобы избежать возможных коллизий между армиями союзников во время проведения воздушных или наземных операций, в том числе и в Чехии.

Поначалу Эйзенхауэр вовсе не планировал здесь никаких военных действий. Иначе думал У. Черчилль. Он полагал, что взятие Праги войсками западных союзников будет иметь чрезвычайное политическое значение с точки зрения будущего всего региона Центральной Европы. 30 апреля британский премьер писал новому президенту США Г. Трумэну (Ф. Д. Рузвельт скончался 12 апреля): «Можно почти не сомневаться в том, что освобождение американцами Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии могло бы полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и положительно повлиять на соседние страны. Если западные державы не сыграют важную роль в освобождении Чехословакии, страна может пойти югославским путем»⁵. Черчилль был настойчив в отстаивании своей позиции. К тому же ему не нравилось, что Эйзенхауэр ведет непосредственные переговоры с советским командованием, не советуясь при этом с начальниками штабов британской армии.

24 апреля Эйзенхауэр получил информацию от начальника Генерального штаба Красной армии генерала А. И. Антонова о том, что советские войска намерены провести операцию по очищению от немецких войск долины реки Влтавы, по обеим сторонам которой, как известно, расположена Прага. Эйзенхауэр принял это к сведению. Несколькими днями позже он сообщил начальнику штаба армии США Дж. Маршаллу: «Советский Генеральный штаб намечает операции в долине Влтавы, результатом которых было бы освобождение Праги. Представляется, что они (советские войска — В. М.), несомненно, могут достичь этой цели скорее, чем мы»⁶. Тогда советские и американские войска находились примерно на одинаковом расстоянии от Праги, и только последующие события показали, насколько упорным было сопротивление гитлеровцев на востоке и слабым на западе.

Это, естественно, не могло не сказаться на скорости движения обеих союзных армий. 25 апреля Черчилль информировал британский комитет начальников штабов о своем коротком телефонном разговоре с Эйзенхауэром, в ходе которого он выяснил, что тот «никогда не планировал идти в Чехословакию», что «в западной части Чехословакии находятся две или три испытанные в боях немецкие дивизии и что для победы над ними необходимо приложить огромные усилия». Эйзенхауэр, по словам Черчилля, заявил что «никогда не рассматривал Прагу как военную, а тем более политическую цель». Он отдал своим армиям на юго-востоке приказ продвигаться в Баварию и достичь Линца по возможности раньше, чем «там будут русские». Британский премьер сомневался, что Эйзенхауэр может изменить свою точку зрения⁷. И все же он попытался это сделать через британский комитет начальников штабов.

Комитет пришел к заключению, что с военной точки зрения было бы неразумно ослаблять удар на главных направлениях — в Австрии и Дании, — предприняв военную операцию в Чехословакии. Однако были признаны правильными политические доводы в пользу такой операции и сочтено целесообразным обратиться по данному вопросу к американскому комитету начальников штабов. Объединенный англо-американский комитет начальников штабов имел право давать Эйзенхауэру директивы. Начальник штаба американской армии Дж. Маршалл высказался против операции в Чехословакии. 28 апреля он сообщал Эйзенхауэру: «Я не хотел бы рисковать американскими жизнями во имя чисто политических целей. Чехословакия должна быть очищена от немецких частей, и при этом мы должны сотрудничать с русскими». В ответном послании Эйзенхауэра от 29 апреля говорилось, что «Красная Ар-

мия занимает блестящие позиции для очищения Чехословакии» и что советский генеральный штаб намерен провести операцию в долине Влтавы с целью освобождения Праги. При этом он отмечал, что если это будет необходимо и обстоятельства позволят, то движение американской армии будет направлено на Пльзень, Карловы Вары и, возможно, на Ческе Будейовице: «Я не попытаюсь предпринять ни одного шага, который посчитаю неразумным с военной точки зрения, лишь для достижения неких политических выгод, разве что получил бы в этом смысле конкретный приказ от Объединенного комитета начальников штабов»⁸.

Приказа не последовало. Решение вопроса было оставлено за Эйзенхауэром. Трумэн не стал вмешиваться в решение военных вопросов. В послании Черчиллю от 1 мая он сообщил ему точку зрения Эйзенхауэра и выразил свое согласие с ней. Британский премьер более не настаивал и коротко ответил американскому президенту 2 мая: «Я полностью согласен с точкой зрения генерала Эйзенхауэра, которому правительство Его Величества всегда полностью доверяло»⁹. 30 апреля Эйзенхауэр вновь передал в Москву подробные сведения о планах военных операций союзных войск и указал на возможность их продвижения на линию Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, если позволят обстоятельства. Советское командование не возражало и приняло это к сведению¹⁰.

В последние дни войны Чехия приобрела для гитлеровцев особенно важное значение. Они намеревались удерживать её любой ценой. В окрестностях Праги располагались крупные бронетанковые части вермахта и СС, артиллерия и авиация. Кроме силовых, предполагались и политические акции. Имперский наместник в Протекторате Богемия и Моравия К.Г. Франк объявил о создании так называемой «чешско-моравской республики» во главе с Р. Биенертом и попытался в конце апреля установить связь с американским командованием¹¹. Но из этого ничего не вышло. Нарастающий процесс частичных капитуляций нацистских войск на западном фронте, наступление Красной армии в Моравии, смерть Гитлера и падение Берлина — все это действовало как катализатор на развитие освободительного движения в еще оккупированной части Чехии, где велась подготовка к вооруженному восстанию.

Весной 1945 г. гитлеровцы нанесли сильные удары по коммунистическому подполью и только-только начавшему развиваться партизанскому движению. Силы Сопротивления были значительно ослаблены. К тому же, надо сказать, что и накануне окончания войны в чешском народе, причем во всех его слоях, имелось много сторонников пассивного выжидания. Существовало убеждение,

что освобождение придет извне, будет принесено союзническими армиями и что малому чешскому народу не стоит зря рисковать и проливать напрасно кровь¹². Своего адресата находила и пропаганда властей протектората, предупреждавшая об «угрозе азиатского большевизма», предостерегавшая против «анархии и хаоса», убеждавшая в необходимости сохранения «спокойствия и порядка». Тем не менее, в начале мая в ряде чешских городов районного масштаба (Пршеров, Нимбург, Упице, Раковник) состоялись разные по форме и характеру выступления против оккупантов, активизировали свои действия партизаны. Выступления против оккупантов носили стихийный характер и не имели единого руководства.

Чешский национальный совет (ЧНС), весьма разнородный в политическом отношении орган, претендовавший на руководство готовившимся восстанием, сформировался только в конце апреля и не успел наладить связь с местами. Возглавлял Совет университетский профессор А. Пражак. 30 апреля ЧНС принял программное обращение к гражданам еще оккупированной территории, в котором высказался в поддержку Кошицкого правительства и его программы¹³. Немедленное начало восстания не планировалось ни ЧНС, ни коммунистами, которые также входили в его состав и обладали весомым голосом. Подпольное руководство Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) 4 мая приняло решение повременить с призывом к восстанию и отложить его на два-три дня.

Ни с командованием Красной армии, ни с командованием англо-американских войск ЧНС связи не имел, но поддерживал радиосвязь с чехословацкой эмиграцией в Лондоне. О его существовании советский посол при Кошицком правительстве В.А. Зорин узнал от премьера З. Фирлингера 16 апреля 1945 г.¹⁴. Этот вопрос был затронут и 17 апреля в беседе Зорина с одним из руководителей КПЧ Р. Сланским, который полагал, что «Совет создан английскими агентами и вряд ли представляет какое-либо широкое движение»¹⁵. По данным, полученным советником посольства Н.Я. Демьяновым от министра информации Кошицкого правительства коммуниста В. Копецкого 21 апреля 1945 г., ЧНС «отличается малочисленностью своих кадров и отсутствием какого-либо организующего его деятельность центра»¹⁶. Такая информация, думается, породила у советского руководства недоверие к ЧНС и вряд ли способствовала желанию искать связь с ним.

В дальнейшем это недоверие возросло в связи с переговорами Совета с власовцами (РОА), и немецкими оккупантами, о чем будет сказано далее. Наряду с ЧНС, на роль руководителя восстания

претендовали и активизировавшиеся в это время нелегальные организации бывших чехословацких военнослужащих. Они ориентировались на поддержку имевших оружие военных частей правительства протектората, полиции, жандармерии, финансовой охраны, пожарных и т. д. Желание сотрудничать с ЧНС выразила военная организация «Бартош», возглавляемая генералом К. Кутлавашром.

Пока в Праге размышляли над тем, пора начинать восстание или нет, Эйзенхауэр отдал приказ армии Паттона начать наступление в Чехии, продвинувшись до вышеозначенной линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице. Об этом Эйзенхауэр и сообщил в Москву 4 мая, добавив, что, если ситуация потребует, армия готова продвинуться далее до рек Влтава и Лаба и освободить западные, то есть левые берега этих рек в то время, как советские войска освободят восточные, правые их берега. Занять «левый берег» Влтавы означало, по сути, занять расположенную на этом берегу часть Праги вместе с находящимся тут Градом (Пражским кремлем), административным центром города. В ответном письме Эйзенхауэру от 5 мая Антонов настаивал на первоначальной договоренности, мотивируя это тем, что советские войска уже начали перегруппировку сил и приступили к реализации ранее запланированной операции. Продвижение американских войск на запад грозило возможностью столкновения и перемешивания войск союзников, чего не желали обе стороны.

Это был важный военный аргумент, что должен был признать и Эйзенхауэр. Но в советской позиции, несомненно, присутствовала и скрытая политическая мотивация: Чехословакия, подавляющая часть которой была освобождена Красной армией и которая имела союзный договор с СССР о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве (декабрь 1943 г.), согласно представлениям Москвы, как, впрочем, и Эйзенхауэра, входила в сферу советских интересов. Поэтому советское руководство было заинтересовано в освобождении Праги Красной армией. Американские войска остались на договоренной в апреле линии. 4 мая командование 1-го УФ отдало приказ армиям правого крыла быть готовыми к исходу 6 мая начать «стремительное наступление... в общем направлении на г. Прага... и танковыми армиями на шестой день операции овладеть ею»¹⁷.

А 5 мая в Праге началось стихийное восстание против оккупантов. В полдень по пражскому радио прозвучали первые призывы о помощи: «Мы обращаемся к чешской полиции, чешской жандармерии, правительственным войскам: следуйте немедленно к зданию, где находится радиостанция — эсэсовцы хотят нас уничтожить, идите

немедленно!». На призыв откликнулись не только тысячи пражан, но и жители окрестностей столицы. За здание радиостанции разгорелись ожесточенные бои. К концу дня оно оказалось в руках повстанцев. Отсюда на протяжении всего восстания велось радиовещание: населению сообщалось о том, как развивается ситуация; звучали призывы к союзникам оказать помощь повстанцам. Используя момент неожиданности, они принудили немцев к обороне и достигли немалых успехов. Под контролем восставших пражан находилась почти вся территория на восточном (правом) берегу Влтавы. Они захватили десять из двенадцати пражских мостов через Влтаву, почти все вокзалы, главпочтамт, междугородную телефонную станцию, электростанцию, много важных промышленных объектов. Получили свободу 3 тыс. заключенных тюрьмы Панкрац. Мелкие нацистские части были разоружены, более крупные изолированы в разных частях города. В руках повстанцев оказалось много оружия, отобранного у гитлеровцев, а также 5 бронепоездов и 5 танков и бронемобилей¹⁸. Однако в некоторых местах оккупанты оказали серьезное сопротивление уже в первый день восстания. Преимущественные позиции они занимали на западном (левом) берегу Влтавы.

Ранее принятое решение ЧНС повременить с началом восстания стало практически невыполнимым. Ситуация грозила выйти из-под контроля. Совет, собравшийся под председательством профессора Пражака в 14 часов 5 мая, решил возглавить восстание. Вечером по пражскому радио прозвучало обращение ЧНС к чешскому народу. Совет «как представитель революционного движения чешского народа и как доверенный орган правительства Чехословацкой республики в Кошицах» взял на себя «законодательную и исполнительную власть на территории Чехии, Моравии и Силезии». Сообщалось о создании пражского Национального комитета во главе с В. Вацком¹⁹ (коммунистом). В тот же день ЧНС предъявил ультиматум нацистам. В нем содержался призыв сдаться «чешским вооруженным силам» и обещание поступить «как с военнопленными согласно международному праву». Подчеркивалось: в противном случае «вы будете считаться бандитами, и с вами будут обращаться как с таковыми»²⁰. Нацисты и К. Г. Франк в этот день проявили охоту к переговорам с повстанцами о перемирии. Им нужно было время, чтобы стянуть к Праге хорошо вооруженные и готовые драться до победы части СС, дислоцированные вне города. Ф. Шёрнер отдал приказ: «Восстание в Праге должно быть подавлено всеми средствами... Прага, безусловно, должна опять перейти в немецкие руки»²¹. Идея переговоров с немецкими оккупантами и Франком положительно воспринималась частью руко-

водства восстанием и, прежде всего, офицерами бывшей чехословацкой армии.

4 мая генерал Дж. С. Паттон получил приказ начать наступление вглубь Чехии и выполнил его в течение 5–6 мая, остановившись на линии Пльзень — Карловы Вары — Ческе Будейовице, и в соответствии с указанием начал проводить активную разведывательную деятельность в пражском направлении. Он очень хотел войти в Прагу, благо не встречал фактически никакого сопротивления со стороны гитлеровцев. Паттон даже просил об этом своего непосредственного начальника генерала О. Бредли, но получил отказ. 9 мая на пресс-конференции в Праге на вопрос американского журналиста, почему мы не взяли Прагу, Паттон ответил: «Это я вам могу сказать совершенно точно: потому что мы получили приказ не брать её». Позднее в своих мемуарах он писал: «Я чувствовал, что мы должны были идти до самой Влтавы, и если бы это не понравилось русским, послал бы их к черту». Бредли тоже не сомневался в том, что американские войска легко овладели бы Прагой: «Если бы верховное командование отменило свои приказы, — вспоминал он, — Паттон, очевидно, через 24 часа мог бы быть на Вацлавской площади»²². 6 мая Бредли получил указание Эйзенхауэра: «Информируйте, пожалуйста, генерала Антонова..., что я приказал своим силам не переходить линию Ческе Будейовице — Пльзень — Карловы Вары. Полагаю, что советские силы могут продвинуться быстро и разрешить ситуацию в центре страны»²³.

Призывы о помощи восставшим, круглосуточно звучащие по пражскому радио на чешском, английском и русском языках, были известны союзникам. Часть таких обращений, переданных в ночь с 5 на 6 мая, оказалась и на столе Сталина. «Чехословацкая Прага обращается к Лондону, — говорилось в одном из них. — Прага обращается к армиям генерала Эйзенхауэра. Прага обращается ко всем союзным армиям с призывом о помощи. Мы сражаемся за свободу. Мы сражаемся против германских орд. Пришлите нам орудия, самолеты, пришлите нам ваши армии. Окажите нам помощь в нашей борьбе за свободу»²⁴. С небольшими перерывами между 4 и 5 часами утра 6 мая Прага вещала на русском языке: «Говорит чешская Прага. Советский Союз! Советский Союз! Станция Киев НКГБ, 4-е управление. Подполковник Сидоров. Просим срочно парашютной поддержки. Высадка Ольшанское кладбище, на Виноградах, 12. Сигнал место посадки треугольник. Нужно оружие, нужны самолеты. Подписано Витовский»²⁵. Эти и другие сведения были переданы руководителем ТАСС Н. Пальгуновым лично секретарю Сталина А. Н. Поскребышеву, видимо, утром 6 мая. В сопроводительном письме говорилось: «В течение

всей ночи сегодня Пражская радиостанция передавала призывы о помощи. Часть этих призывов адресована 4-му Управлению НКГБ. О призывах Пражской радиостанции мною сообщено в 3.45 Генштабу (ген-л Грызлов) и НКГБ СССР (т. Судоплатов) — последнему сообщено около 4.10»²⁶.

В тот же день начальник оперативного управления Генерального штаба Красной армии генерал-полковник С. В. Штеменко направил И. В. Сталину письмо начальника Чехословацкой военной миссии в СССР бригадного генерала Г. Пика «по вопросу захвата чешскими патриотами города Праги и их просьбы о помощи». В письме на имя Антонова Пика сообщал «короткие сведения о событиях в Праге». «Вчера 5 мая в 12 часов начато в Праге вооруженное восстание против немецких оккупантов, — писал он. — Патриоты завладели радиопередаточными станциями и стали вызывать чехословацких солдат, полицию и население на вооруженное выступление. С 12 ч. 30 м. развешиваются над Прагой чехословацкие, советские и союзные флаги. Немецкие надписи срываются и заклеиваются. Патриоты завладели немецким вооружением, пулеметами и несколькими пушками. Выходы из Праги преграждены. Чешский народ в восторге. Восстанием руководит Чешская Народная Рада (ЧНС — В. М.). Пика просил, чтобы «Верховное Главнокомандование обратило внимание на пражские события» и «предоставило народному восстанию полную поддержку (сбросом противотанковых ружей, автоматов, гранат и т. д.)». Пика сообщал также, что в 4 часа утра по телефону он информировал об этих событиях Отдел внешних сношений НКО СССР. Штеменко просил указаний Сталина²⁷. Однако ни сброса оружия, ни десантов не последовало. В Москве было принято иное решение: ускорить ранее запланированную Пражскую операцию Красной армии.

Основная роль в овладении Прагой отводилась 1-му УФ. 6 мая Конев отдал приказ: развивать наступление быстрым темпом — 30–40 км, а танки — 50 км в сутки. В тот же день, 6 мая, политуправление 1-го УФ издало директиву, в которой указывалось на необходимость «разъяснить всем бойцам и офицерам, что Красная Армия вступила на территорию Чехословакии, чтобы ликвидировать последние очаги сопротивления гитлеровцев и помочь полностью освободить союзную нам Чехословацкую Республику от ига гитлеризма. Долг чести каждого бойца и офицера — своим поведением и отношением к местному населению показать, что воины Красной Армии высоко ценят и уважают чувство благодарности и симпатии, проявляемые чехословацким народом к своей освободительнице — Красной Армии». «Предупредить всех бойцов и офицеров, — гово-

рилось в директиве, — о недопустимости какого бы то ни было вмешательства во внутренние дела органов власти Чехословацкой Республики, а также не допускать нетактичного отношения к установившимся в стране национальным, бытовым или религиозным традициям, обрядам и т.д.». Категорически запрещалась конфискация «имущества чехословацких граждан и учреждений». Предписывалось оказывать «всемерную помощь органам власти правительства Чехословацкой Республики на местах в быстрейшем восстановлении и укреплении демократического режима в стране»²⁸.

Сразу скажем, что наличие директивы во все не означало её неукоснительное выполнение. На практике имели место многочисленные отступления от этих указаний, и извинения Сталина на прощальном обеде с Э. Бенешем в Москве 28 марта 1945 г. не были пустой формальностью. Тогда советский лидер заявил, что Красная армия, несмотря на то, что это «действительно доблестная, храбрая и славная армия», «имеет еще много недостатков» и что среди 12 млн человек её личного состава не все — ангелы. «Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина, — продолжал Сталин. — Её бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев». Отметив, что большинство бойцов Красной армии думают, что они герои, Сталин заявил: как люди, считающие себя героями и думающие о возможности близкой смерти, они полагают, что им все позволено и им простят все «излишества» и все безобразия. «Тов. Сталин сказал, — значит в записи, сделанной секретарем В.М. Молотова Б.Ф. Подцербом, — что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии». Затем Сталин поднял бокал за то, чтобы «чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии»²⁹.

Советская армия, четыре года ведущая кровопролитные бои, естественно, состояла не из одних «ангелов»: случались и кражи, и незаконная (подчас вынужденная) конфискация имущества, и насилие, и конфликты с местными органами власти и пр. Это, естественно, порождало немало напряженных ситуаций и недовольство со стороны населения, о чем впервые исследователи заговорили в 90-х годах XX века, часто делая упор именно на негативных сторонах поведения красноармейцев. При этом оставались в тени и освободительная миссия советских вооруженных сил, и в целом дружественные отношения между населением и советскими военнослужащими³⁰.

Но вернемся к событиям в Праге. 6 мая правительство Дёница отдало приказ Шёрнеру сдать армию в плен американцам и обратилось к штабу союзников с просьбой оказать влияние на повстанцев, чтобы они не мешали немецкой капитуляции. «Война против американцев и англичан потеряла смысл, — телеграфировал Шёрнер К.Г. Франку. — Если англо-американская армия захочет продвинуться на линию Влтава — Лаба, она не встретит сопротивления. Немецкая армия отступит с оружием в руках на восточные берега этих рек»³¹. Поскольку восстание перерезало основной путь намеченного отхода немецких частей на запад, Шёрнер приказал нещадно расправляться с повстанцами. Между тем, появились сведения о наступлении американских войск, которые якобы должны через несколько часов подойти к Праге. ЧНС направил курьера в штаб генерала Паттона, прося его поддержать повстанцев авиацией. Но эта просьба не была выполнена. Чтобы затянуть время, Совет продолжал переговоры с Франком и немцами о перемирии³². 6 мая бои за Прагу начали части СС. Применив против повстанцев танки и авиацию, гитлеровцы в этот день снова овладели частью города. Восставшие понесли большие потери, но баррикады — их было возведено около 1600 — продолжали сражаться.

Оказавшись в трудном положении, ЧНС и командование «Бартош» стали обсуждать возможность сотрудничества с Русской освободительной армией (РОА) генерала А.А. Власова, власовцами. 6 мая в 5.30 пражское радио передало: «Офицеры и солдаты армии Власова! Мы верим, что вы на последнем этапе борьбы против немецких захватчиков, как русские люди и советские граждане, поддержите восставшую Прагу. Призыв от имени командующего»³³. Ни кто был инициатором этого обращения, ни от имени какого командующего оно было сделано, не известно. Существует версия, что в это время в Праге, на Виноградах, находился русский офицер, который установил телефонную связь с власовцами и обещал им прощение со стороны советских властей, если они помогут восставшим пражанам. ЧНС также получил сообщение о наличии в городе «советской миссии», но установить с ней телефонную связь не удалось³⁴. По всей видимости, в Праге действительно в это время выполняла задание группа представителей советских спецслужб, но выяснить их роль, пока не будут открыты соответствующие архивы, не представляется возможным.

По крайней мере, на сегодняшний день известно о существовании двух десантов с позывными «Зеленый лес» и «Ураган». Командир второй из групп капитан П.С. Савельев отправил разведотделу 4-го УФ 5 мая депешу, в которой

говорилось: «Мы стараемся повернуть часть власовцев против немцев и заставить их заблокировать пути, ведущие к Праге»³⁵. По другой версии, власовцев в Прагу пригласили офицеры бывшей чехословацкой армии, работавшие в административных органах протектората в окрестностях города. Именно после их встречи с начальником штаба дивизии под командованием С. Буняченко утром 6 мая по пражскому радио было передано на ломаном русском языке приведенное выше обращение³⁶. По третьей версии, связь с власовцами установил Кутлвашр еще 2 мая. Возможно, во всех этих версиях есть доля правды. Кстати, Кутлвашр не отрицал, что вел переговоры с власовцами 5 мая, заявив при этом: «Власовцы были весьма равнодушны, и следует рассчитывать на них с осторожностью»³⁷.

Что же представляла собой РОА в это время? Ею командовал генерал А. А. Власов, сдавшийся в плен немцам летом 1942 г. Гитлер до середины 1944 г. не предпринимал решительных шагов по формированию РОА. Командование вермахта не доверяло советским военнопленным, полагая, что значительная их часть при определенных условиях может перейти на сторону Красной армии. Не доверял фюрер и Власову. Все попытки Гимmlера представить его Гитлеру не имели успеха, мотив отказа был один и тот же: «Предал Сталина, предаст и меня»³⁸. Однако летом 1944 г., когда положение фашистских войск на Восточном фронте резко ухудшилось, фюрер вспомнил о Власове. Гимmlер предложил объединить все существовавшие на оккупированной немцами территории и в самой Германии белогвардейские, националистические и другие антисоветские организации и для руководства их деятельностью создать политический центр. 14 ноября 1944 г. в Праге состоялось организационное заседание Комитета освобождения народов России (КОНР). Зачитанный Власовым манифест провозглашал главной целью Комитета свержение сталинского режима и возвращение народам прав, завоеванных ими в «народной революции» 1917 г., прекращение войны и заключение почетного мира с Германией, создание новой свободной народной государственности «без большевиков и эксплуататоров»³⁹. Такими были политические цели РОА и КОНР. Председателем Комитета стал Власов, секретарем — В. Малышкин. Находясь на службе нацистов, власовцы выполняли охранные функции, участвовали в акциях против партизан и гражданского населения в оккупированных странах, в том числе и в чешских землях⁴⁰. В шифрограмме на имя Готвальда о партизанском движении в стране от 3 января 1945 г., в частности, говорилось: «Немцы используют большие власовские силы против партизан, и, к сожалению, не без успеха»⁴¹.

В конце 1944 г. Гимmlер поручил Власову приступить к непосредственному созданию РОА, который 30 декабря 1944 г. был назначен её командующим. Армия формально состояла из трех дивизий. Первая из них под командованием сначала полковника, а с января 1945 г. генерал-майора С. К. Буняченко⁴², была сформирована в январе 1945 г. Комплектование второй дивизии только началось, а третья вообще значилась лишь на бумаге. Сухопутные силы РОА по некоторым данным насчитывали примерно 45 тыс. человек⁴³. На вооружении РОА по приблизительным подсчетам российского историка К. Александрова находились: 44 самолета, около 25 танков и бронемашин, более 570 минометов и более 230 пушек разного калибра, включая противотанковые орудия, более 2000 ручных и станковых пулеметов, сотни фаустпатронов и противотанковых ружей, несколько десятков огнеметов⁴⁴. Хотя 1-я дивизия РОА считалась отборной, её боевая подготовка была низкой⁴⁵.

В предчувствии близкого окончания войны и краха Германии, надеясь на возможный конфликт между странами антигитлеровской коалиции, командование РОА попыталось установить контакты с американцами с целью сдачи им в плен⁴⁶. Они готовы были принять власовцев, но с условием, что те сдадут оружие и будут сочтены военнопленными. В конце апреля — начале мая 1945 г. основные силы РОА располагались к югу и юго-западу от Праги в районе Рокицаны. Шёрнер намеревался использовать их в своих целях⁴⁷. Однако среди личного состава 1-й дивизии к этому времени усилились антинемецкие настроения. Шёрнер отдал приказ в случае неповиновения и неподчинения разоружить её, о чем Буняченко узнал 2 мая. Теперь он сам стал искать союзников, чтобы противодействовать применению против его дивизии вооруженной силы⁴⁸. Тогда-то Буняченко и стал склоняться к мысли о необходимости оказания помощи готовящемуся в Праге восстанию. Власов был настроен скептически. Утром 3 мая 1-я дивизия РОА, не встречая особого сопротивления, начала разоружать окрестные немецкие гарнизоны и захватывать военные склады. Еще в ночь на 5 мая в её штабе побывали представители Кутлвашра и выясняли возможность оказания помощи Праге в случае восстания. А утром 6 мая прозвучало вышеупомянутое радиообращение от имени некоего «командующего». В связи с этим среди власовцев быстро распространились слухи о возможной амнистии в случае их участия в борьбе против немцев. Буняченко же, скорее всего, рассчитывал на впечатление, которое могло произвести на американцев участие его дивизии в Пражском восстании.

Вечером 6 мая 1-я дивизия РОА вошла в фактически занятую гитлеровцами Прагу и, вступив с ними в бой с применением танков и артиллерии,

освободила значительную часть города на левом (западном) берегу Влтавы. Власовцы остановили сильные части эсэсовцев, наступавшие на Прагу с юга, вели упорные бои на Градчанах, захватили казармы и аэродром в Рузине с 20 самолетами. На стенах домов власовцы расклеивали плакаты, призывавшие к борьбе против фашизма и большевизма. Их танки были расписаны лозунгами «Смерть Гитлеру!», «Смерть Сталину!». Буняченко предъявил краткий ультиматум командованию пражского гарнизона, потребовав его капитуляции с условием последующего возвращения на родину или передачи англо-американским союзникам. Ни о восстании, ни о его руководящих органах в ультиматуме не было ни слова. Буняченко действовал самостоятельно, как независимая сила.

Утром 7 мая в ЧНС началось обсуждение вопроса о возможности сотрудничества с власовцами и принятия их помощи повстанцам⁴⁹. Коммунисты, члены Совета, резко выступили против какого-либо соглашения с РОА, характеризуя Власова как предателя Советского Союза. Они считали, что сотрудничество с его армией явится политической ошибкой, что негативно повлияет на отношение СССР к восстанию и на его оценку в мире. «Обсуждаемый вопрос может иметь непредсказуемые последствия с точки зрения позиции СССР и его возможной быстрой помощи восстанию. Ясно, что лишь имя Власова является для советских деятелей достаточным поводом, чтобы иметь серьезные опасения относительно линии и действительных целей восстания... Движение возглавляет человек, который нарушил присягу, и за это ему не может быть прощения»⁵⁰, — заявил коммунист В. Давид. Э. Эрбан пригрозил, что коммунисты уйдут из ЧНС, если не будут прерваны связи с власовцами. По предложению коммунистов Совет принял решение обратиться по радио непосредственно к рядовым РОА с призывом помочь восстанию. Обращение гласило: «Солдаты так называемой армии Власова. Вас организовали для борьбы против своей Советской власти. Вы решились вовремя повернуть оружие против нацистов, против врагов своей родины. Мы приветствуем это ваше решение. Бейте нацистов, бейте их так, как пражане, бейте их так, как их была славная Красная Армия»⁵¹.

Одновременно был составлен текст письма Власову с благодарностью за готовность оказать помощь повстанцам, принято предложение военной комиссии ЧНС просить власовцев предоставить повстанцам оружие. С письмом в штаб Буняченко направились коммунисты В. Давид и Й. Кнап. В предоставлении оружия повстанцам было отказано. Уточнив позицию власовцев по отношению к Красной армии, Гитлеру и западным союзникам, делегаты ЧНС, как пишет К. Алек-

сандров, попросили как можно быстрее вывести части РОА из Праги, чтобы не компрометировать ЧНС их участием в восстании⁵². По радио на английском и русском языках передавалось заявление ЧНС: «Чешский национальный совет заявляет, что акция генерала Власова против немецких войск является собственным делом этих частей и что Чешский национальный совет не имеет с ними никакого политического либо военного соглашения»⁵³.

Буняченко готов был к тому, чтобы власовцы сражались в Праге и без соглашения с ЧНС, но при условии, что по радио будет передано по-чешски и по-русски его личное политическое заявление с объяснением причин его нахождения в армии Власова⁵⁴, выступления с оружием против немцев, желания помочь сражающейся Праге⁵⁵. В этом ему было отказано. В это время ЧНС получил из Лондона за подписью Г. Рипки радиogramму: «Будьте крайне осторожны в отношении помощи со стороны русских частей под командованием власовских офицеров. Власова по праву Советы считают предателем. Вы можете поддерживать связь с русскими солдатами, которые сражаются против немцев, но относиться сдержанно к их офицерам, и, если это окажется возможным, арестуйте этих офицеров, иначе у нас могли бы возникнуть большие осложнения [в отношениях] с советским союзником»⁵⁶.

Буняченко, получивший информацию о подписании капитуляции немецких войск и о том, что американские войска не намерены идти на Прагу, приказал с наступлением темноты 7 мая выводить части дивизии из города, взяв курс на запад, чтобы сдать в плен американцам. Впрочем, часть бойцов дивизии (около 400 человек) осталась в Праге и продолжала воевать против гитлеровцев. Сколько власовцев полегло в боях за Прагу, не известно; по словам Буняченко, еще до отхода его дивизии на запад она потеряла 300 человек⁵⁷. По свидетельству одного из высших офицеров дивизии, пражане восторженно приветствовали власовцев, обнимали, целовали их, предлагали угощение и напитки, забрасывали цветами⁵⁸. Вероятно, это так и было. А как же иначе? Пражане видели в них русских, освободителей от немецких оккупантов.

7 мая в 02 часа 40 минут в г. Реймсе был подписан протокол о безоговорочной капитуляции Германии на всех фронтах, включая Восточный. Согласно ему, состояние войны должно было прекратиться в 23 часа 01 минуту 8 мая (по московскому времени — в 0 часов 01 минуту 9 мая)⁵⁹. У нацистов, таким образом, оставалось еще почти двое суток, чтобы осуществить сдачу армии Шёрнера американцам. Дёниц отдал фельдмаршалу А. Кессельрингу и генералу Винтеру, возглавлявшим

войска в Чехословакии, приказ: «Задача состоит в том, чтобы отвести на запад возможно больше войск, пробиваясь при этом в случае необходимости через расположение советских войск с боем»⁶⁰. Снова последовало обращение немцев к штабу союзников с просьбой содействовать прекращению действий пражских повстанцев, препятствующих немецкой капитуляции. В штаб Кутлвашра вечером 7 мая прибыли американские офицеры, направлявшиеся в штаб Шёрнера. Они доставили сообщение о немецкой капитуляции и приказы о прекращении американцами боевых действий. Американцы советовали прекратить бои и в Праге. Они, по воспоминаниям Й. Смрковского, передали приветствия от генерала Паттона и сообщили, что его армия может быть в Праге 8 мая в 4 часа утра, если об этом официально попросит ЧНС. Некоторые члены Совета с восторгом приняли предложение. Другие же, в частности, Смрковский, заявили, что ЧНС является представителем Кошицкого правительства и не может сепаратно просить о помощи одного из союзников⁶¹.

Ранним утром 8 мая повстанческое радио передало приказ командующего чехословацкими войсками о прекращении огня до вступления в силу протокола о безусловной немецкой капитуляции⁶². Шёрнер, несмотря на полученную информацию, принял решение пробиваться на запад через Прагу с боем, а приказ о капитуляции сознательно не довел до сведения частей. Используя танки, артиллерию, авиацию, немецкие войска начали наступление на город с юга и овладели его центром. Против восставшего населения осуществлялись массовые репрессии. Эсэсовцы выгоняли женщин и детей из домов и гнали их перед своими танками на баррикады. Но одновременно утром 8 мая начальник гарнизона немецких войск в Праге генерал Р. Туссэн заявил о готовности начать переговоры о капитуляции. Скорее всего, их целью было сознательное затягивание времени для беспрепятственного отхода частей вермахта на запад и их сдачи в плен американцам.

Между тем, продолжалось осуществление Пражской операции Красной армии. Наступление вели с трех сторон войска 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов при участии частей польской, румынской и чехословацкой армий⁶³. К концу дня 8 мая, преодолев Рудные горы, войска, 1-го УФ вступили на территорию Чехословакии и, приняв марш-бросок, прошли в ночь с 8 на 9 мая 80 км в сторону Праги. Судьба группы армий Шёрнера, потерявшей способность организованного сопротивления, была, по существу, решена 8 мая. Штаб немецких армий группы «Центр» был захвачен советскими войсками. Шёрнер покинул своих подчиненных и, переодевшись в гражданское платье, бежал (точнее улетел) на запад, к американцам.

ЧНС, не имевшему связи с советским военным командованием, ничего не было известно ни о планах Красной армии, ни о направлении передвижения советских войск. 8 мая в 10 часов начались переговоры ЧНС с Туссэном. Он отверг предложение повстанцев о безусловной капитуляции и потребовал пропустить немецкие войска через Прагу на запад, мотивируя тем, что они, прежде всего части СС, вышли из повиновения. Гитлеровцы продолжали бесчинствовать на улицах Праги. ЧНС пошел, по сути, на то, чтобы принять условия Туссэна. В 16 часов 8 мая был подписан документ, не содержащий ни слова о капитуляции. В нем говорилось: «1. Полномочный представитель немецких вооруженных сил подписывает *соглашение (ujednání) об отводе (stažení) всех немецких вооруженных сил... [находящихся] в Праге и её окрестностях. Начало отхода частей 8 мая в 18 часов. 2. Это соглашение не влияет на условия, которые были предусмотрены для этих частей союзным командованием (американских и английских, а также советских вооруженных сил)... 5. Передача вооружения будет проведена так: а) все тяжелое вооружение будет сдано при выходе из Праги на окраине города и взято чехословацкой национальной армией... 6. Сдача всего остального вооружения чехословацкой национальной армии будет проведена перед американской демаркационной линией... 9. Чешское население не будет создавать трудностей уходящим немецким войскам»⁶⁴.*

Вряд ли указанный документ может быть назван актом о капитуляции немецких войск, как это иногда представляется. Скорее всего, он являл собой некий компромисс между ЧНС и Туссэном, вынужденный со стороны первого тем, что немецкие войска бесчинствовали в Праге, в то время как у повстанцев не хватало оружия, чтобы защищаться, а со стороны второго, желанием как можно скорее, пока советские войска не перерезали путь к отступлению, пробиться к американцам и сдаться им в плен. Думается, что если оценивать соглашение с точки зрения общей военно-политической обстановки того времени, то его можно было считать ошибочным, как это и делалось в советской и чехословацкой историографии 1950–1980-х годов. Но с чисто человеческих позиций и здравого смысла, которым всегда отличались чехи, соглашение нельзя считать таковым. Приняв указанные условия, ЧНС попросту стремился быстрее избавиться от оккупантов, избежать излишнего кровопролития и уберечь Прагу от разрушений. В 1950-е годы всем членам ЧНС, подписавшим соглашение, были предъявлены обвинения в измене и предательстве. Многие из них получили разные сроки тюремного заключения, в том числе и коммунист Й. Смрковский, а один (Я. Неханский) и вовсе был расстрелян.

Соглашение между ЧНС и Туссэном вступило в силу вечером 8 мая, хотя не все части вермахта ему подчинились, и повстанцы продолжали сражаться. А рано утром 9 мая танковые армии 1-го УФ под командованием генералов Д. Д. Лелюшенко и П. С. Рыбалко вступили с севера и северо-запада в Прагу. В течение дня в город вошли также части 2-го и 4-го УФ. Еще не один день в городе и его окрестностях продолжалась ликвидация последних очагов сопротивления немцев, а Прага очищалась от не желавших сдаваться в плен частей вермахта и эсэсовских снайперов. Потери советских войск в боях за Прагу и окрестности составили примерно 500 солдат и офицеров. Все они похоронены на военном Ольшанском кладбище. С 5 по 9 мая погибло более 1,5 тысячи повстанцев и мирных жителей, около 1 тысячи солдат вермахта и СС и около 300 власовцев. Хотя власти призывали пражан соблюдать законность, сразу после освобождения, по словам историка Я. Шимова, их ярость «выплеснулась на немцев, в том числе и на мирных жителей, не повинных в зверствах. Многих линчевали прямо на улицах»⁶⁵. В то же время население, согласно донесениям армейских политорганов и свидетельствам очевидцев, восторженно встречало советские войска⁶⁶. «Вчера был в Праге. Город находится в хорошем состоянии и почти не имеет разрушений»⁶⁷, — сообщал И. С. Конев И. В. Сталину 12 мая 1945 г. Продвигаясь на запад, части Красной армии в течение нескольких дней завершили разгром немецкой группировки на территории Чехословакии.

О Пражском восстании сегодня говорят по-разному, хотя оно по-прежнему остается в оре-

оле славы как стихийное выступление народных масс против оккупантов. Анализу подвергаются, прежде всего, действия его руководителей, как военных, так и ЧНС, уточняется, подчас и с перегибами, роль Красной армии и власовцев в освобождении Праги. Вот мнение, прозвучавшее по Пражскому радио (Либор Кукал, 08.05.2002): «Писать об истории Пражского восстания — дело неблагодарное. Чувства подсказывают каждому человеку, что восстание — поступок героический, которым надо восхищаться. Поэтому до сих пор только шепотом говорят о том, что Пражское восстание было с военной точки зрения абсолютно непродуманным, неорганизованным и в какой-то степени лишним»⁶⁸. Историк Я. Шимов также считает, что в истории Пражского восстания еще много «белых пятен»: «Хотя восстание длилось всего 4 дня, оно обернулось множеством жертв, а его ход был настолько запутанным, что до сих пор можно столкнуться с версиями, далекими от истинной правды»⁶⁹.

Итак, советские войска, операция которых по освобождению Праги была запланирована еще в конце апреля 1945 г., поставили точку над «i» 9 мая 1945 г. Фактическое же освобождение города началось самими пражанами раньше, 5 мая. Участвовала в этом по политическим и алиби-ским соображениям и 1-я дивизия РОА, покинувшая Прагу в ночь с 7 на 8 мая. Американские войска, с которыми части Красной армии соприкоснулись на линии Карловы Вары — Пльзень — Ческе Будейовице 11–12 мая, по договоренности с советским командованием не перешли эту линию, несмотря на желание первыми войти в Прагу и возможность сделать это.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М., 1955. Т. 6. С. 443.

² См. подробнее: Марьина ВВ. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 296–330.

³ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. С. 395. (далее: ДМИСЧО 4–2).

⁴ ДМИСЧО 4–2. С. 396.

⁵ Цит. по: Prečan V. Vztah Britů k Československu v letech 1944–1945 // V kradeném čase. Výber ze studií, článků a úvah z let 1973–1993. Brno, 1994. S. 56.

⁶ Цит. по: Ibid. S. 63.

⁷ Ibidem.

⁸ Ibid. S. 63–64.

⁹ Ibid. S. 67.

¹⁰ См. подробнее: Petruf P. K pobytu amerických vojsk v Česko-Slovensku roku 1945 // Historický časopis. 1990. N 5. S. 659.

¹¹ Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Československu. Dokumenty. I–2. Praha, 1965. S. 674–676.

¹² Odboj a revoluce. 1938–1945. Praha, 1965. S. 405.

¹³ Český odboj a květnové povstání. Sb. dokumentů. 1943–1945. Praha, 1975. S. 161–164.

¹⁴ З. Фирлингеру об этом было сообщено телеграммой из Лондона. В ней утверждалось, что Совет хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством и содержалась просьба содействовать этому. В беседе с Зориным Фирлингер подчеркнул, что в этом «должны быть заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, а сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям». Зорин обещал передать полученные им сведения советскому правительству. (Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 19–20) (далее: АВП РФ).

- ¹⁵ АВП РФ Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 27.
- ¹⁶ Там же. Д. 8. Л. 51.
- ¹⁷ ДМИСЧО 4–2. С. 398–399.
- ¹⁸ Bartošek K. Pražské povstání 1945. Praha, 1965. S. 51.
- ¹⁹ Cesta ke Květnu. S. 684–687.
- ²⁰ Ibid. S. 685.
- ²¹ Bartošek K. Op. cit. S. 49.
- ²² Цит. по: Prečan V. Op. cit. S. 60–61.
- ²³ Цит. по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. Historie jednoho povstání. Praha, 2005. S. 189.
- ²⁴ Архив Президента Российской Федерации. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 108. (далее: АП РФ).
- ²⁵ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 104. По некоторым данным криптонимом Витовский пользовался Э. Витоуш, который был десантирован НКВД в ночь на 16 сентября 1944 г. в район Хомутова (См. Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 239. Примечание 39).
- ²⁶ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 102.
- ²⁷ Там же. Л. 110–111.
- ²⁸ ДМИСЧО 4–2. С. 405–406.
- ²⁹ АП РФ. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59.
- ³⁰ Кстати, и поведение американских войск на чехословацкой территории вызывало жалобы местных органов власти, о чем писалось менее. 7 июня 1945 г. при обсуждении вопроса об отводе американских войск из ЧСР правительство получило информацию, что с этой армией связаны большие трудности, чем с советской»(Cesta ke Květnu. S. 694–695; čSR a SSSR. 1945–1948. Dokumenty mezivládních jednání. Brno, 1997. S. 35).
- ³¹ Král V. Pravda o okupaci. Praha, 1962. S. 353.
- ³² Zápis o zasedání čNR ve dnech 4–9 května 1945 // Historie a vojenství. 1967. N 6. S. 992–993.
- ³³ АП РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 105.
- ³⁴ Zápis ... S. 997, 999.
- ³⁵ Цит по: Kokoška S. Praha v květnu 1945. S. 158. См. также примечание № 38.
- ³⁶ Цит по: Ibid. S. 158–159.
- ³⁷ Zápis ... S. 994.
- ³⁸ Пальчиков П. А. История генерала Власова // Новая и новейшая история. 1993. № 2. С. 135.
- ³⁹ Раманичев Н. М. Власов и другие // Вторая мировая война. Актуальные проблемы. М., 1995. С. 303.
- ⁴⁰ Český antifašismus a odboj. Slovníková příručka. Praha, 1988. S. 140, 384, 387, 508.
- ⁴¹ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 28. Л. 75 (далее: РГАСПИ).
- ⁴² С. К. Буняченко — бывший командир 389-й стрелковой дивизии Красной армии, который, спасаясь от суда военного трибунала, перебежал к немцам осенью 1942 г.
- ⁴³ Раманичев Н. М. Указ. соч. С. 296.
- ⁴⁴ Александров Кирилл. Армия генерала Власова 1944–1945. М., 2006. С. 262.
- ⁴⁵ Пальчиков П. А. Указ. соч. С. 139.
- ⁴⁶ Český antifašismus... S. 495.
- ⁴⁷ См. подробнее: Александров Кирилл. Указ. соч. С. 342–350.
- ⁴⁸ Там же. С. 350, 355–356.
- ⁴⁹ Готовность подполья к военным действиям, как, видимо, справедливо, полагает историк Я. Шимов (чешское радио 28.04. 2008), оказалась невысокой. Капитан Яромир Неханский, посланный в качестве связного в Прагу из Лондона, докладывал с необычайной резкостью: «Ситуация здесь дерьмовая. С военной точки зрения не сделано почти ничего. Политики ругаются между собой и делят кресла. Оружия не хватает...» (<http://www.radio.cz/ru/statja/103352/limit>)
- ⁵⁰ Zápis ... S. 998; Bartošek K. Op. cit. S. 171–172.
- ⁵¹ Zápis ... S. 998.
- ⁵² Александров Кирилл. Указ. соч. С. 373.
- ⁵³ Bartošek K. Op. cit. S. 171–172.
- ⁵⁴ См: Раманичев Н. М. Указ. соч. С. 308.
- ⁵⁵ Zápis ... S. 1009.
- ⁵⁶ Цит. по: Kokoška S. Op. cit. S. 182.
- ⁵⁷ Zápis ... S. 1009.
- ⁵⁸ Александров Кирилл. Указ. соч. С. 370–371.
- ⁵⁹ По требованию советского правительства процедура капитуляции еще раз состоялась в Берлине, где 9 мая в 00 часов 43 минуты был подписан акт о безоговорочной капитуляции Германии.
- ⁶⁰ Цит. по: Великая Отечественная война 1941–1945. Кн. 3. Освобождение. С. 297.

⁶¹ Bartošek K. Op. cit. S. 213.

⁶² Ibid. S. 216–217.

⁶³ ДМИСЧО 4–2. С. 396, 398–399, 409–410.

⁶⁴ Bartošek K. Op.cit. S. 222–223.

⁶⁵ Шимов Ярослав. Пражское восстание: последние жертвы великой войны. Пражское радио 26.04.08 (<http://www.radio.cz/ru/statja/103352/limit>).

⁶⁶ ДМИСЧО 4–2. С. 421, 423, 425, 429–430; Kokoška S. Op. cit. S. 216–217.

⁶⁷ ДМИСЧО 4–2. С. 420.

⁶⁸ Кукал Либор. День освобождения. Пражское радио 08.05.02. (<http://www.radio.cz/ru/statja/27711/limit>).

⁶⁹ Шимов Ярослав. Пражское восстание: последние жертвы... Пражское радио 26.04.08.

Освобождение Праги

В. Б. Маковский*

В первых числах мая новое «правительство» Германии во главе с «преемником» А. Гитлера гросс-адмиралом Деницем предпринимало отчаянные попытки спасти от разгрома остатки войск вермахта. Их план заключался в том, чтобы на любых условиях заключить сепаратный мир с англо-американским командованием, удержать за собой районы Западной и Центральной Чехословакии и помешать вступлению на эту территорию советских войск¹. «Складывая оружие в Северо-Западной Германии, Дании и Голландии, — говорилось 5 мая в приказе германского верховного командования, — мы исходим из того, что борьба против западных держав потеряла смысл. На востоке, однако, борьба продолжается»². В этой связи немецкое командование в Чехословакии с целью обеспечения организованного отхода на запад войск групп армий «Центр» и «Австрия» создает наиболее сильную и заблаговременно подготовленную оборону на своем левом фланге, в полосах 4-й танковой и 17-й армий. Здесь глубина тактической зоны вражеской обороны, насыщенной большим количеством инженерных сооружений, достигала 18 км. Кроме того, в оперативной глубине войсками были заняты долговременные укрепленные районы, проходившие вдоль всей германо-чехословацкой границы по рубежу Рудных и Судецких гор, построенные в свое время Чехословакией.

Таковы были планы и намерения в отношении Чехословакии верховного командования Германии. Что же касается позиции правящих кругов Англии и США, то в отношении Чехословакии они имели собственные планы. 30 апреля 1945 г. Черчилль предложил американцам, чтобы они заняли как можно большую территорию Чехословакии, включая Прагу. «Можно почти не сомневаться

в том, — писал Черчилль в тот день новому президенту США Трумэну, — что освобождение вашими войсками Праги и как можно большей территории Западной Чехословакии может полностью изменить послевоенное положение в Чехословакии и вполне может к тому же повлиять на соседние страны»³. И хотя в соответствии с решением Крымской конференции рубеж встречи советских и американских войск на территории Чехословакии был согласован, Эйзенхауэр все же сделал попытку прощупать возможность наступления на Прагу. 4 мая он направил начальнику Генерального штаба Красной армии генералу армии А. И. Антонову послание, в котором проинформировал советское командование о намерении американцев продвинуться в Чехословакии до линии рек Влтава и Эльба, что означало овладение левобережной Прагой. Генерал А. И. Антонов с этим согласиться никак не мог и вынужден был указать генералу Эйзенхауэру на недопустимость таких внезапных изменений в планировании межсоюзных операций. Он сообщил, что советские войска уже завершали подготовку Пражской операции, и в этих условиях изменение рубежа встречи войск могло привести к нежелательным столкновениям и инцидентам. Эйзенхауэр принял во внимание соображения, изложенные в телеграмме Антонова. В своем ответе он писал: «Полагаю, что советские войска смогут быстро перейти в наступление и разгромить силы противника в центре страны»⁴. Лишь после этого он отдал приказ командующему 12-й группой армий генералу О. Брэдли остановиться на рубеже Карловы Вары, Пльзень, Ческе-Будеевице.

Безусловно, что аргументация начальника Генерального штаба, сообщенная Эйзенхауэру, относительно рубежа встречи войск, хоть и была важной, но все же главенствующей оставалась

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., ведущий научный сотрудник НИИ (военной истории) ВАГШ ВС РФ.

невывказанная политическая составляющая. Согласно представлениям советского руководства о национально-государственных интересах СССР, Чехословакия входила в сферу его влияния. Поэтому не менее чем Черчилль, настаивавший на том, чтобы в Прагу первыми вступили американские войска, советские руководители были заинтересованы в освобождении чехословацкой столицы Красной армией.

К началу мая 1945 г. внутреннее положение Чехословакии характеризовалось прежде всего значительной активизацией партизанского движения и развернувшейся в полном объеме подготовкой вооруженного восстания в Праге. По мере приближения советских войск создавались все более благоприятные условия для его осуществления. Всю работу по подготовке восстания возглавила Коммунистическая партия Чехословакии, созданная в декабре 1944 г., и Чешский национальный совет, образованный в апреле 1945 г. из представителей всех основных групп движения Сопротивления. Совет наметил общее вооруженное восстание на 7 мая с учетом наступления советских войск. Однако события развивались с необычайной быстротой. Уже 1 и 2 мая во многих городах Чехии начались стихийные выступления народа, обусловленные приближением наступающих войск Красной армии и союзников, а после падения Берлина столкновения стали более частыми и массовыми, переросшие в Майское восстание чешского народа.

Утром 5 мая восстание вспыхнуло в Праге. Желание спасти город от разрушения заставило десятки тысяч горожан выйти на улицы. Они не только соорудили сотни баррикад, но и овладели центральной почтой, телеграфом, вокзалами, важнейшими мостами через Влтаву. Повстанцы, захватив ряд военных складов и разоружив несколько мелких немецких частей, дислоцированных в Праге, установили контроль над значительной частью города. В первый же день позиции гитлеровцев в Праге были серьезно ослаблены. Вражескому гарнизону Праги был предъявлен ультиматум о безоговорочной капитуляции.

Немецкое командование, начав переговоры с представителями Чешского национального совета о перемирии, одновременно стало стягивать к Праге танковые дивизии и части СС. Командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Шёрнер приказал подавить восстание, которое перерезало основной путь намеченного отхода немецких войск на запад: «Восстание в Праге немедленно должно быть ликвидировано, во что бы то ни стало, — требовал он от коменданта города генерала Мюллера-Геххарда, — Прага любой ценой должна вернуться в немецкие руки»⁵. На следующий день, применив против восставших танковые

части и авиацию, врагу вновь удалось овладеть отдельными районами города.

Оказавшись в трудном положении и не зная, скоро ли придет военная помощь со стороны союзников, руководители Чешского национального совета, вынуждены были обратиться за помощью к власовцам, которые в тот период находились недалеко от Праги. 6 мая власовская дивизия С. К. Буняченко вошла в Прагу, и уже к вечеру она овладела западными районами города. Однако в дальнейшем под давлением коммунистов Совет все же отказался от помощи власовцев, всецело осознавая стремление ее главарей передать Прагу американскому командованию и тем самым заслужить его доверие. Уже 7 мая, потеряв надежду на столкновение между Красной армией и американскими войсками, власовцы стали покидать сражавшийся город, уходя теперь на запад, к американцам. Тем не менее, пражские патриоты еще в течение двух дней продолжали героически сражаться с превосходящими силами противника на подступах к столице и в самом городе. Силы восставших убывали с каждым часом. В те дни только на баррикадах Праги погибло более 2 тыс. его жителей⁶.

Таким образом, указанные выше политические соображения и начавшееся в Праге вооруженное восстание потребовали от советского командования ускорить подготовку и осуществление Пражской операции, решение о проведении которой было принято Ставкой Верховного Главнокомандования еще в ходе боев за Берлин⁷.

Замысел операции состоял в том, чтобы, используя силы трех фронтов, нанести несколько ударов по охваченным уже флангам вражеской группировки, по сходящимся на Прагу направлениям, окружить, рассеять, а затем и уничтожить основные силы противника на территории Чехословакии, не допустить их отхода на запад и юго-запад. Главные удары по флангам группы армий «Центр» должны были нанести войска 1-го Украинского фронта из района Дрездена и 2-го Украинского фронта из района южнее Брно. Причем Ставкой ВГК успешное развитие операции предопределялось исключительной быстротой перегруппировок и стремительностью наступления войск 1-го и 2-го Украинских фронтов на Прагу.

К началу Пражской операции обстановка для войск 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, привлекаемых Ставкой ВГК к участию в операции, была сложной. 1 мая часть сил правого крыла 1-го Украинского фронта (командующий Маршал Советского Союза И. С. Конев, член Военного совета генерал-лейтенант К. В. Крайнюков, начальник штаба генерал армии И. Е. Петров) еще вела бои в Берлине, а другая только закончила боевые действия южнее и юго-западнее германской столицы. В тот день командующий фронтом маршал

И. С. Конев получил директиву Ставки, согласно которой войска фронта должны были ускорить ликвидацию противника, до 4 мая передать занимаемую полосу 1-му Белорусскому фронту, после чего начать подготовку войск «для стремительного наступления в общем направлении на Прагу»⁸.

На следующий день аналогичную директиву получил командующий войсками 2-го Украинского фронта Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский (член Военного совета генерал-лейтенант А. Н. Тевченков, начальник штаба фронта генерал-полковник М. В. Захаров). Войскам фронта была поставлена задача нанести удар в общем направлении на Йиглаву, Прагу, не позднее 12–14 мая овладеть рубежом Йиглава, Улабинч, Горн, в дальнейшем выйти на р. Влтава и овладеть Прагой. Часть сил фронта должна была продолжить наступление на Оломоуц⁹. В тот период войска правого крыла фронта все еще продолжали развивать наступление в северном направлении на Оломоуц, навстречу войскам 4-го Украинского фронта, а остальные силы временно перешли к обороне южнее Брно до реки Дунай. Войска 4-го Украинского фронта, командующим которого был генерал армии А. И. Еременко, членом Военного совета генерал-полковник Л. З. Мехлис, начальником штаба генерал-полковник Л. М. Сандалов, в это время завершали Моравско-Оставскую операцию, в рамках которой вели наступление, нанося главный удар на Оломоуц с северо-востока. В составе фронта района Моравско-Острава действовал чехословацкий 1-й армейский корпус.

Начало наступления ударных группировок 1-го и 2-го Украинских фронтов Ставкой ВГК было назначено на 7 мая. К началу Пражской операции в составе войск 1-го, 2-го и 4-го Украинских фронтов, развернутых на 1200-километровом фронте от Потсдама до реки Дунай, действовало 18 общевойсковых, 3 танковых и 3 воздушных армий, 5 отдельных танковых, 2 отдельных механизированных и 3 кавалерийских корпуса¹⁰. Всего в их составе насчитывалось свыше 2 млн чел., около 30,5 тыс. орудий и минометов, около 2 тыс. танков и более 3 тыс. самолетов. При примерном равенстве в танках советские войска превосходили противника в живой силе в 2,2 раза, орудиях и минометах — в 3,1 раза и в 3 раза в самолетах¹¹.

Необходимо отметить, что для завершающей операции Великой Отечественной войны Ставка ВГК привлекала более чем двухмиллионную группировку советских войск, которая была оснащена значительным количеством вооружения и боевой техники. При этом наибольшее количество сил и средств находилось в составе войск 1-го Украинского фронта, которому отводилась решающая роль в достижении цели стратегической наступательной операции. В составе этого фронта имелось около

60% личного состава, 54% орудий и минометов, около 80% танков и самоходно-артиллерийских установок, 57% самолетов из всех сил и средств, привлекавшихся к Пражской операции¹².

Задача командования фронтов состояла в том, чтобы правильно использовать имеющиеся в их составе силы и средства и выполнить поставленные задачи в кратчайший срок и с наименьшими потерями. Так, например, для достижения цели наступательной операции в замысле командующего 1-м Украинским фронтом предусматривалось одновременное нанесение трех ударов. Уже 4 мая он отдал войскам соответствующий приказ, в котором указывал: «Армии правого крыла фронта переходят в стремительное наступление по обоим берегам р. Эльба в общем направлении на Прагу с целью разгромить дрезденско-горлицкую группировку противника, а танковыми армиями на шестой день операции овладеть столицей Чехословакии г. Прага»¹³.

Оперативное построение войск главной ударной группировки фронта намечалось иметь одноэшелонное, при наличии во фронтовом резерве 1-го гвардейского кавалерийского корпуса. Причем 3-я и 4-я гвардейские танковые армии должны были действовать в боевых порядках общевойсковых армий, перейдя в наступление одновременно с ними. После прорыва вражеской обороны они, не втягиваясь в бои за Дрезден, стремительно продвигаются к горным перевалам, овладевают ими, входят на территорию Чехословакии, уничтожая тылы основных сил группы армий «Центр» и на шестой день операции освобождают Прагу. Выход к чехословацкой столице общевойсковых армий главной ударной группировки фронта намечался к исходу седьмого дня наступления.

При глубине операции 150 км войска фронта должны были наступать с темпом 20–25 км в сутки. На направлениях главных ударов решением командующего фронтом предусматривалось создание сильных артиллерийских группировок. Общее количество артиллерии, которое намечалось иметь, достигало почти 6 тыс. орудий и минометов. Артиллерийское наступление планировалось продолжительностью 70 минут, из которых 30 минут отводилось на артиллерийскую подготовку и 40 минут на сопровождение атаки пехоты и танков. Расход боеприпасов на первый день наступления устанавливался в 0,5 боевого комплекта¹⁴.

Для авиационного обеспечения привлекались все силы 2-й воздушной армии генерал-полковника А. Г. Красовского. При этом на направлении главного удара намечалось использовать шесть авиационных корпусов в количестве более 1900 боевых самолетов, а на других направлениях — два корпуса, около 400 самолетов. Подобные решения были приняты командующими войсками

2-го и 4-го Украинских фронтов. Все эти решения были оперативно утверждены Ставкой Верховного Главнокомандования.

Сложность подготовки Пражской операции заключалась в том, что на ее подготовку отводилось чрезвычайно короткое время. Войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов, наносивших главные удары, предстояло в весьма сжатые сроки за трое-четыре суток, осуществить крупную перегруппировку войск. Так, например, только в 1-м Украинском фронте требовалось перегруппировать на новое направление, на расстояние от 100 до 200 км, три общевойсковые и две танковые армии, а также ряд отдельных корпусов. Во 2-м Украинском фронте необходимо было вывести из сражения 6-ю гвардейскую танковую армию генерал-полковника А. Г. Кравченко, 1-ю гвардейскую конно-механизированную группу генерал-лейтенанта И. А. Плиева и сосредоточить их в новых районах для последующего ввода на пражском направлении. Необходимо было также принять в состав фронта 9-ю гвардейскую армию генерал-полковника В. В. Глаголева и выдвинуть ее в первый эшелон фронта. Значительные перегруппировки предстояло совершить командующим 53-й армии генерал-лейтенанту И. Н. Манагарову и 40-й армии генерал-лейтенанту Ф. Ф. Жмаченко. Однако, несмотря на все трудности, предусмотренные планом перегруппировки войск, были закончены в установленные сроки, — в 1-м Украинском фронте к 5 мая, а на следующий день и во 2-м Украинском фронте. В короткий подготовительный период войска фронтов пополнили запасы боеприпасов, горючего, продовольствия и одновременно начали занимать исходное положение для наступления, которое по приказу Ставки ВГК должно было начаться 7 мая.

6 мая разведкой 1-го Украинского фронта было установлено, что перед правым крылом фронта противник на отдельных направлениях начал отход. Советские войска немедленно перешли к преследованию, начав наступление на день раньше намеченного срока. Сбивая арьергарды врага, передовые отряды быстро продвигались вперед, обеспечивая путь основным силам. Наиболее успешными были действия 4-й гвардейской танковой, командующий генерал-полковник Д. Д. Лелюшенко, и 13-й армий под командованием генерал-полковника Н. П. Пухова, которые в первый день операции продвинулись на 23 км, а на второй — на 45 км, выйдя к северным склонам Рудных гор. Именно этот неожиданный удар советских войск на дрезденском направлении и успешное его развитие обеспечили капитуляцию окруженной 40-тысячной вражеской группировки в районе Бреслау.

7 мая в наступление перешли войска 2-го Украинского фронта. Соединения и части 7-й гвардей-

ской армии под командованием генерал-полковника М. С. Шумилова прорвали оборону противника на участке в 25 км и продвинулись до 12 км. В то же время войска 4-го Украинского фронта 6 и 7 мая вели боевые действия за Оломоуц¹⁵, создав непосредственную угрозу этому важнейшему узлу дорог на путях отхода основных сил 1-й танковой армии врага, а после его освобождения 8 мая развернули наступление на пражском направлении.

Стремительное наступление советских войск сорвало планы немецкого командования, его войска были явно деморализованы и уже не могли оказывать организованного сопротивления. 7 мая во второй половине дня командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Ф. Шёрнер вынужден был отдать приказ об отходе войск на запад. В ночь на 8 мая вражеские соединения и части, оставляя на всем фронте свои позиции, начали поспешный отход. Они стремились как можно быстрее уйти из-под ударов Красной армии и капитулировать перед американцами.

В этих условиях советское командование понимало, что был дорог каждый час. Оно настойчиво требовало от войск увеличения темпов наступления и ведения боевых действий не только днем, но и ночью. Ситуация резко изменилась 8 мая, когда стало известно о подписании в Реймсе акта о капитуляции Германии и прекращении ею боевых действий на всех фронтах. Несмотря на это немецкие войска в Чехословакии отказались сложить оружие и с боями продолжали отходить в южном и западном направлениях. В этот день армии 1-го Украинского фронта овладели Дрезденом, заняли города Баутцен, Герлиц, Теплице, Билина, Мост и др. К исходу дня передовые подразделения фронта преодолели перевалы Рудных гор и, практически не встречая сопротивления, форсированным маршем двинулись на Прагу. 8 мая частями 5-го гвардейского механизированного корпуса под командованием генерал-майора И. П. Ермакова был уничтожен штаб группы армий «Центр», в связи с чем было практически полностью нарушено управление немецкими войсками.

В это же время войска ударной группировки 2-го Украинского фронта, прорвав оборону врага в районе южнее Брно, продвинулись до 60 км и овладели населенными пунктами Яромержице и Зноймо, а войска его левого крыла, отбрасывая арьергарды противника, продвинулись в этот день вдоль северного берега Дуная на 30 км. Большую помощь наступающим войскам оказывала авиация. Только в течение трех дней операции — с 6 по 8 мая — 2-я, 5-я, 8-я и 17-я воздушные армии совершили 7640 самолето-вылетов¹⁶.

С утра 9 мая войска трех Украинских фронтов развернули стремительное преследование противника, отказавшегося капитулировать пе-

ред советскими войсками. Наступление советских войск, особенно ударных группировок 1-го и 2-го Украинских фронтов, по сходящимся направлениям на Прагу проходили в исключительно высоких темпах. Уже на рассвете 9 мая, после совершения 80-километрового броска, первыми вошли в столицу Чехословакии части 62-й и 63-й гвардейских танковых, 70-й гвардейской самоходно-артиллерийской бригад под командованием полковников И.И. Прошина, М.Г. Фомичева и подполковника Н.Ф. Корюшкина. На танках обеих танковых бригад находился десант автоматчиков 29-й гвардейской мотострелковой бригады полковника А.И. Ефимова. Все эти соединения входили в состав 10-го гвардейского танкового корпуса 4-й гвардейской танковой армии. На несколько часов позднее ворвались в Прагу и соединения 3-й гвардейской танковой армии 1-го Украинского фронта, а вслед за ними — передовые отряды 2-го и 4-го Украинских фронтов¹⁷. Продвигаясь с трех направлений, советские войска ликвидировали последние разрозненные очаги сопротивления и во второй половине дня полностью освободили столицу Чехословакии. Главные силы вражеской группировки в составе более 50 дивизий — дезорганизованные, потерявшие управление и боеспособность — оказались в окружении восточнее Праги. В этот же день Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин в обращении к советскому народу и его вооруженным силам говорил: «Наступил великий день победы над Германией. Фашистская Германия ...признала себя побежденной и объявила безоговорочную капитуляцию. ...Сегодня с утра немецкие войска во исполнение акта капитуляции стали в массовом порядке складывать оружие и сдаваться в плен нашим войскам. ...Правда, одна группа немецких войск в районе Чехословакии все еще уклоняется от капитуляции. Но надеюсь, что Красной Армии удастся привести ее в чувство»¹⁸.

Поэтому на следующий день стремительное наступление советских войск в Чехословакии продолжалось на всех направлениях. В тот день в оперативной сводке Генерального штаба говорилось, что войска 1-го Украинского фронта прошли 40 км и взяли в плен около 80 тыс. немецких солдат и офицеров. На аэродромах Дрездена, Годковице, Штриза, Герлиц, Либерец было захвачено 272 вражеских самолета¹⁹. Войска 2-го Украинского фронта, продвинувшись вперед более чем на 30 км, захватили свыше 50 тыс. человек пленных, 107 танков и самоходно-артиллерийских установок, 175 орудий и 40 самолетов²⁰. Подобных успехов добились и армии 4-го Украинского фронта.

10 и 11 мая войска трех Украинских фронтов продолжили наступление на запад, осуществляя ликвидацию и пленение разрозненных вражеских

групп. В ходе этих боевых действий войсками 25-го танкового корпуса 1-го Украинского фронта была взята в плен и большая группа власовцев во главе с изменником Родины генералом А.А. Власовым, которые стремились выйти в расположение американских войск. Практически в эти же дни окруженные войска вермахта прекратили сопротивление и сложили оружие. Только несколькими дивизиями группы армий «Австрия», действовавшим на флангах вражеской группировки, удалось прорваться в зону действий американских войск. 11 мая передовые соединения Украинских фронтов вошли в соприкосновение с американскими частями на рубеже Карлсбад, Пильзен, Клатовы, Ческе-Будевице. Этот день стал днем завершения Пражской операции и полного освобождения Чехословакии.

В результате успешного проведения Пражской операции Красная армия в течение короткого времени достигла крупнейших военно-политических результатов. В ходе операции была окружена и взята в плен последняя крупная группировка противника — группа армий «Центр» и тем самым ликвидирована попытка врага удержаться в Чехословакии. За время проведения операции советскими войсками было взято в плен около 860 тыс. солдат и офицеров противника, в том числе 60 генералов, захвачено в качестве трофеев 9,5 тыс. орудий и минометов, 1,8 тыс. танков и штурмовых орудий, 1,1 тыс. самолетов, а также большое количество различного вооружения и боевой техники²¹.

Исключительно важным политическим итогом Пражской операции явилось полное освобождение Чехословакии и ее столицы Праги от немецкой оккупации. Политическое значение этой операции состояло также в том, что в результате ее осуществления были похоронены надежды нового «правительства» Германии сохранить группировку немецких войск в Чехословакии, а также сорваны политические расчеты реакционных кругов США и Великобритании на оккупацию ее западных и юго-западных районов. Более того, именно успешными действиями советских войск была обеспечена победа Майского восстания в Праге.

Несмотря на то, что Пражская операция проходила в условиях крушения фашистского государства и глубокого морального разложения немецких войск, Красная армия, тем не менее, с честью выполнила стоявшие перед ней задачи. Советское командование понимало, что успех этой операции в значительной степени зависел от быстроты ее подготовки как на этапе принятия решений и при осуществлении перегруппировок, так и в организации действий войск в ходе наступления.

При проведении Пражской операции вполне оправдал себя избранный Ставкой ВГК способ разгрома противостоящего противника путем на-

несения двух мощных сходящихся ударов по охваченным уже флангам крупной группировки врага и одновременного нанесения ряда вспомогательных ударов также по сходящимся направлениям. Этим достигалось не только окружение, но и одновременное рассеяние окруженной вражеской группировки на части.

Весьма успешно советским военным руководством было организовано взаимодействие фронтов, участвовавших в операции. Всесторонне продуманными были мероприятия, связанные с обеспечением успеха операции. Высокие темпы наступления 1-го и 2-го Украинских фронтов были обеспечены созданием решающего превосходства в силах и средствах на направлениях их главных ударов. Несмотря на то, что советским танковым войскам приходилось действовать в условиях горно-лесистой местности и в ряде случаев наступать в ночных условиях, их темп продвижения составлял от 70 до 100 км в сутки. Важную роль в Пражской операции сыграли войска 4-го Украинского фронта. В то время как войска 1-го и 2-го Украинских фронтов стремительно продвигались на Прагу, в тыл группы армий «Центр», войска 4-го Украинского фронта и правого крыла 2-го Украинского фронта нанесли сильные сходящиеся удары по флангам далеко выдвинутой на восток 1-й танковой армии врага. Пражская операция бы-

ла последней операцией Красной армии в войне против гитлеровской Германии, с ее окончанием был завершен освободительный поход советских войск в Европе.

Боевые успехи войск в Пражской операции были высоко оценены советским правительством. Более 50 соединений были присвоены почетные наименования, а около 250 соединений и частей награждены орденами. Тысячи советских воинов получили ордена и медали, а лучшие из них удостоены звания Героя Советского Союза. За образцовое руководство операциями в районе Праги и южнее Берлина и достигнутые при этом успехи Указом Президиума Верховного Совета СССР маршал И.С. Конев был награжден второй медалью «Золотая Звезда». Второй медалью «Золотая Звезда» награждались также Герои Советского Союза командиры танковых бригад полковники Д.А. Драгунский, З.К. Слюсаренко, М.Г. Фомичев. Свыше 390 тыс. человек были награждены специально учрежденной медалью «За освобождение Праги», в том числе более 40 тысяч граждан Чехословакии.

В ходе проведения Пражской операции общие потери советских войск составили 49 348 человек, из них безвозвратные — 11 265 человек, — санитарные — 38 083 человека²². Кроме того, было потеряно 373 танка и самоходных артиллерийских установок, тысяча орудий и минометов, 80 боевых самолетов²³.

¹ Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wehrmacht. Frankfurt a/M, 1963. Bd. 4. S. 1480

² Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: 1984. С. 430.

³ Черчилль У. Вторая мировая война. Пер. с англ. М.: 1955. Т. 6. С. 479.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. Т. 10. С. 261.

⁵ История Чехословакии. Т. III. М.: 1960. С. 373.

⁶ За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 260.

⁷ Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). М., 2000. С. 543.

⁸ Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 108.

⁹ Там же, л. 109.

¹⁰ Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. В 4-х томах. Т. IV. М.: 1959. С. 381.

¹¹ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 6. М.: 2002. С. 568.

¹² Операции Советских Вооруженных Сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. Военно-исторический очерк. В 4-х томах. Т. IV. С. 386.

¹³ Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). С. 544.

¹⁴ За освобождение Чехословакии. С. 233.

¹⁵ Там же, с. 549.

¹⁶ Там же, с. 257.

¹⁷ ЦАМО РФ. Ф. 236. Оп. 2718. Д. 430. Л. 264.; там же: Оп. 2673. Д. 2451. Л. 353.; там же: Оп. 2712. Д. 430. Л. 263.

¹⁸ И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М.: 1953. С. 192, 193.

¹⁹ ЦАМО РФ. Ф. 16. Оп. 1075. Д. 5. Л. 79, 80.

²⁰ Там же, л. 85, 86.

²¹ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 6. М., 2002. С. 569.

²² Россия СССР в войнах XX века. Книга потерь. М., 2010. С. 349.

²³ Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах. М.: 1993. С. 220.

Накануне Победы: воспоминания и размышления

И. И. Орлик*

Когда участников Отечественной войны спрашивают, чувствовали ли они за месяц-два приближение Победы, то четкого ответа почти никто дать не может. Конечно, зная общую обстановку на всех фронтах, каждый верил, надеялся на скорую окончательную Победу. Но все так же, как и вчера, рядом падали убитые или раненые, все так же бомбила вражеская авиация, а подчас приходилось и пятиться назад. Так было и под Будапештом в феврале 1945 г., в Южной Словакии ранней весной — в начале марта, под Брно — в Моравии в середине апреля, а затем и в начале мая — на подступах к Праге. Таков был путь моего 230-го армейского запасного полка 53-й Армии 2-го Украинского фронта. Но победа пришла. Поздним вечером 10-го мая 1945 г. я с возвышенности Вышеграда смотрел на, казалось, фантастический город. Это была Прага.

От Будапешта до Праги

События, связанные с фронтовой жизнью, как-то по особому отложились в моей памяти. Если 2 года и 8 месяцев (с августа 1941 г. по март 1944 г.) жизнь в оккупированном румынами городе Балта Одесской области проходила на одном месте, за исключением заданий, связанных с временными, однодневными походами связного подпольно-партизанской организации¹ в ближайшие деревни, в лесную базу или в другие места, то один год фронтовой жизни был как бы в сплошном движении. Подчас за одну неделю продвигались на несколько десятков, а то и сотен (перед Бухарестом) километров.

Из глубины памяти вдруг всплывают какие-то события, а иногда и вполне четкие картины разных мест, деревень, городов и даже улиц. Сколько их? И можно ли с уверенностью ска-

зать, что именно там, а не в другом месте было то или это?

Мой путь, молодого солдата, которому только недавно исполнилось 18 лет, прошел с Украины через Молдавию, Румынию, Венгрию, Чехословакию и закончился в начале мая 1945 г. под Прагой.

Участие в крупных боевых операциях 1944–1945 гг. тогда отмечалось благодарностями Верховного Главнокомандующего (они среди солдат назывались «сталинскими благодарностями»), справки о которых вручались каждому участнику боев.

У меня сохранилось, кроме удостоверений к военным наградам, полтора десятка таких справок, по которым можно определить весь мой фронтовой путь. Вот благодарность, объявленная 31 августа 1944 г. приказом верховного Главнокомандующего «За отличные боевые действия в боях с немецкими захватчиками на подступах к Бухаресту»; в октябре — за освобождение Клу-жа, затем появляются многие венгерские города, «прорыв обороны противника и форсирование Дуная», «овладение городом Будапешт» 13 февраля 1945 г.; с начала марта 1945 г. перечисляются словацкие города (их много, наступление идет стремительно); 26 апреля — Брно и, наконец, «за участие в героическом штурме и освобождении Праги» — это уже из удостоверения к медали «За освобождение Праги».

Конечно, этот перечень не дает представления о фронтовых буднях, тягестях многокилометровых маршей, опасностях, подстерегавших на каждом шагу, да и просто о трудностях солдатской жизни и службы во время войны. Особенно тяжельми были бои во время Яско-Кишиневского сражения, при осаде Будапешта, форсировании реки Грон, под Брно и штурме Праги.

* Орлик Игорь Иванович — д. и. н., профессор, Заслуженный деятель науки РФ, участник Великой Отечественной войны.

И все же после вступления в Венгрию осенью 1944 г. появилось какое-то ощущение приближения окончания войны. Хотя явных симптомов этого приближения, конечно, еще не было.

Венгрия в планах Гитлера занимала особое место. Она должна была стать сдерживающим плацдармом на юго-восточном направлении военных действий. Уже в марте 1944 г. в Венгрию было введено 11 немецких дивизий, насчитывавших около 250 тысяч человек².

Первыми перешли восточную границу Венгрии 26 сентября воины 53-й армии под командованием генерал-майора И. М. Манагарова (моей армии — *И. О.*).

После вступления советских войск в Венгрию в район Будапешта было переведено управление 3-го немецкого танкового корпуса и 23-я танковая дивизия. Затем туда же были переброшены части 13-й, 10-й и 20-й танковых дивизий³. «Немецко-фашистское командование понимало, что потеря Венгрии откроет Советской Армии путь в Австрию и южную Германию»⁴. При этом Будапешт становился ключом всей системы обороны.

Для советского руководства ускорение наступления на Венгрию имело особое значение, так как стало известно о планах западных союзников предупредить здесь продвижение Красной армии. Вспоминая о своих переговорах с Рузвельтом в сентябре 1944 г. в Квебеке, Черчилль позже писал: «Я очень хотел, чтобы мы опередили русских в некоторых районах Центральной Европы. Венгры, например, выразили намерение оказать сопротивление советскому продвижению, но они капитулировали бы перед английскими войсками, если бы последние могли подойти вовремя»⁵. Строились планы «комбинированного удара через Адриатику», чтобы «прийти в Вену раньше русских»⁶.

«Американцы, как видно, согласились с предложениями Черчилля»⁷, который в своей стратегии особую роль отводил продвижению в Юго-Восточную Европу. Все это, конечно, учитывалось советским командованием. А Венгрия вскоре стала центром военных событий.

Мысленно возвращаясь к сентябрю 1944 г., я теперь (после ознакомления со многими документальными публикациями) понимаю, почему после стремительного продвижения от Ясс до Бухареста, а затем на юг к Дунаю, мой 230-й полк, да и вся 53-я армия, почти без передышки, был срочно переброшен на Запад Румынии — к венгерской границе. Несколько эшелонов, отойдя от станции Рошиорь-де-Веде, под немецкими бомбежками быстро шли по направлению к Юго-Западной Трансильвании. Выгружаемся в городе Дева, а от туда марш на Думбраву.

Основной целью наступления на Венгрию, конечно, был Будапешт. Это понимало и венгер-

ское военное командование, которое довело количество своих войск до 22 дивизий и 5 бригад.

После пополнения моего 230-го полка, через несколько дней началось наступление на Запад от румынской границы. Здесь не было таких стремительных и продолжительных маршей, как от Ясс до Бухареста, но были другие фронтовые трудности: и болотистая тисская низменность, заполненные водой окопы, холодные осенние месяцы конца 1944 г., а главное — усилившееся сопротивление немецких войск перед Будапештом.

Особенно доставалось от артиллерийских налетов противника. Это, вероятно, было общее состояние для наступающей пехоты. Не случайно маршал Г. К. Жуков в своих воспоминаниях писал: «Известно, что пехота в наступательных боях весьма чувствительна к огню обороны противника. Все уцелевшее во время артиллерийской подготовки — пулемет, оружие, вкопанный в землю танк, дот или огневой узел — способно «прижать» наступающую пехоту к земле и задержать ее продвижение вперед»⁸. Да, маршал был прав. И далее он пишет о «допущенных ошибках» при подобной ситуации, правда в другом месте.

В ходе наступления в Венгрии советских войск было много организационных сложностей, связанных с недостаточной оперативностью Ставки Верховного Главнокомандования, о чем позже писал командующий 2-м Украинским фронтом, маршал Р. Я. Малиновский⁹. Но наступление продолжалось. Не могу не привести в связи с этим слова маршала о *моей* (подчеркнуто мной — *И. О.*) армии и ее командующем: «Хотелось бы отметить искусные действия наших генералов и офицеров по руководству войсками, особенно командующего 53-й армией, замечательного генерала И. М. Манагарова, который, несмотря на трудности, очень хорошо руководил действиями армии на широком фронте...»

По мере приближения к Будапешту все больше ощущалась общая напряженность складывавшейся ситуации.

За шесть месяцев до Победы произошло одно из крупнейших сражений Великой Отечественной войны — Будапештская стратегическая наступательная операция войск 2-го и части сил 3-го Украинских фронтов.

В советской и в современной военно-исторической литературе это сражение, к сожалению, не нашло достаточно полного освещения. А ведь оно продолжалось вместе с Балатонской оборонительной операцией около четырех месяцев (почти столько же, сколько Сталинградская битва!).

Будапештская операция началась 29 сентября 1944 г. В ней принимало участие 760 тыс. человек, 9 тыс. орудий и минометов, 868 танков и самоходных артиллерийских установок, 1300 боевых самолетов¹⁰.

Им противостояла немецкая группа армий «Юг», 3 венгерские армии. Всего 510 тыс. человек, 4150 орудий и минометов, 790 танков и штурмовых орудий, 500 боевых самолетов¹¹.

Внезапное наступление советских войск позволило вскоре механизированному корпусу находиться в 15 км восточнее Будапешта. Но дальнейшее продвижение остановилось. И здесь нужно привести свидетельство маршала Р.Я. Малиновского относительно причины срыва этого столь успешно начатого наступления. В советской литературе эти причины фактически не были полностью раскрыты. Стоит в связи с этим воспроизвести документальную запись разговора между Верховным Главнокомандующим И.В. Сталиным и командующим 2-м Украинским фронтом. Разговор этот состоялся по ВЧ накануне наступления 46-й армии на Будапешт (т.е. до 29 октября).

Верховный Главнокомандующий:

— Необходимо, чтобы Вы в самое ближайшее время, буквально на днях, овладели столицей Венгрии — Будапештом. Это нужно сделать во что бы то ни стало. Сможете ли Вы это сделать?

Командующий 2-м Украинским фронтом:

— Эту задачу можно было бы выполнить дней через пять, после того, как к 46-й армии подойдет 4-й гвардейский механизированный корпус. Его подход ожидается к 1 ноября. Тогда 46-я армия, усиленная двумя гвардейскими механизированными корпусами — 2-м и 4-м — смогла бы нанести мощный, совершенно внезапный для противника удар и через два-три дня овладеть Будапештом.

Верховный Главнокомандующий:

— Ставка не может предоставить Вам пять дней. Поймите, по политическим соображениям нам надо возможно скорее взять Будапешт.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

— Я отчетливо понимаю, что нам очень важно взять Будапешт именно по политическим соображениям. Однако следовало бы подождать прибытия 4-го гвардейского механизированного корпуса. Лишь при этом условии можно рассчитывать на успех.

Верховный Главнокомандующий:

— Мы не можем пойти на отсрочку наступления на пять дней. Надо немедленно переходить в наступление на Будапешт.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

— Если Вы дадите мне пять дней сейчас, то в последующие дни, максимум пять дней, Будапешт будет взят. Если же немедленно перейти в наступление, то 46-я армия, ввиду недостатка сил, не сможет быстро развить удар, она неминуемо ввяжется в затяжные бои на самых подступах к венгерской столице. Короче говоря, она не сумеет овладеть Будапештом с ходу.

Верховный Главнокомандующий:

— Напрасно Вы упорствуете. Вы не понимаете политической необходимости нанесения немедленного удара по Будапешту.

Командующий 2-м Украинским фронтом:

— Я понимаю всю политическую важность овладения Будапештом и для этого прошу пять дней...

Верховный Главнокомандующий:

— Я Вам категорически приказываю завтра же перейти в наступление на Будапешт!¹²

И далее Р.Я. Малиновский записывает: «Трубка была тотчас положена, и это означало, что разговор окончен». Затем сразу же позвонил начальник Генерального штаба А.И. Антонов, уточнял время перехода в наступление. Тут же в расположении 46-й армии был отдан приказ перейти с утра 29 октября в наступление.

Наступление развивалось медленно, как вспоминает Р.Я. Малиновский, завязались длительные бои. «Они были красноречивым свидетельством неуместной поспешности, скорее всего ошибки (подчеркнуто мной — И. О.) при решении столь важной оперативной задачи... в дальнейшем Верховный Главнокомандующий долгое время избегал вести разговор по телефону на тему о Будапеште», — подчеркивал Р.Я. Малиновский¹³.

Бои за Будапешт продолжались почти три с половиной месяца — 108 дней и ночей. Память сохранила многочисленные тяжелые переброски нашего 230 запасного полка, как и других подразделений нашей 53-й армии. Одно время, с 22 января 1945 г. наш командарм генерал-лейтенант И.М. Манагаров возглавлял всю военную будапештскую операцию.

Мои солдатские ощущения тяжести боевой жизни подтверждаются словами маршала, командующего 2-м Украинским фронтом: «осенняя распутица, почти непрекращавшиеся дожди, несвоевременный подвоз боеприпасов из-за растянувшихся коммуникаций, усталость войск, непрерывно наступавших в течение четырех месяцев..., трудности форсирования Дуная...¹⁴.

По указанию Ставки Верховного Главнокомандования несколько раз предпринимались попытки прорвать оборону противника. Но эффективного результата не было достигнуто. И только к концу декабря войска 2-го Украинского фронта, усиленные частями 3-го Украинского фронта смогли завершить окружение будапештской группировки противника.

В последние месяцы 1944 г. наш полк перемещали с одного направления на другое. Само передвижение по венгерским дорогам и в районах, близких к Будапешту, и восточнее, было довольно тяжелым. Не только из-за бомбежек. Узкие венгерские дороги были разбиты, а чуть на шаг ступишь

в сторону — проваливаешься по колено в глинистую, размытую дождями землю.

Наше взводное хозяйство, погруженное на две повозки, приходилось буквально на руках вытаскивать. Особенно доставалось нашим двум ездовым (Степану из Кировоградской области, имени другого я не помню), которые никак не могли справиться с венгерскими лошадьми.

В памяти всплывают некоторые разрозненные события, связанные с этими дорогами. Как-то во время краткой перегруппировки мой командир взвода лейтенант М. Слоущ послал меня на склад за какими-то вещами. Склад находился в другой деревне, где был и штаб полка. Чтобы сократить расстояние, мы поехали через редкую рощицу. И тут, слева я увидел разбросанные серые ящики, некоторые — разбитые. Остановив лошадей, я соскочил с повозки и подошел к находке. Это были явно немецкие ящики. Я увидел уложенные в ячейки небольшие снаряды, на каждом из которых были нескольких цветов узкие полосы по окружности снаряда. Первая мысль — это снаряды с какими-то химическими отравляющими веществами. Еще до вступления в Венгрию нас предупреждали об угрозе применения немцами химического оружия. Поэтому я решил вернуться во взвод и доложить обо всем Слоущу. После моего рассказа о находке комвзвода разыскал начхима Окатова, и они с саперами поехали к найденным ящикам. Во взводе меня уже поздравляли с возможной наградой за важную находку. Вечером Слоущ, объявляя мне благодарность за бдительность, сказал, что это действительно немецкие химические снаряды. Но какого назначения, боевые или какие-то другие, он не объяснил. Добавил только, что и в других местах обнаружены такие же. Так что я был не первым, кто их нашел. Но для командования, сказал Слоущ, эти сведения являются важными.

Еще два случая связаны с венгерскими дорогами. Но это уже было в конце декабря. К тому времени стало холоднее, по ночам даже были морозы. Стоя ночью в карауле, я это особенно ощущал.

Взвод расположился в двух домах только что занятой деревни. Как всегда, походная кухня не поспевала за нами. Приходилось кашеварить самим. Узнав, что поблизости расположена свиноферма, хозяин которой убежал при нашем наступлении, Слоущ послал меня с одним из ездовых. Выехав за деревню, мы поехали прямо через поле, по буграм земли и ломая лед довольно глубоких замерзших ям. Видно, здесь хорошо поработала наша артиллерия. И вдруг наша повозка остановилась. Обе наши лошади как-то нервно и громко заржали. Я соскочил с повозки. Первое, что я увидел — это широко открытые стеклянные глаза, которые будто уставились на меня. Дальше было

видно вмерзшее в лед туловище немца. Но страшнее всего был вид голой, без шапки, головы убитого, наполовину вмерзшей в землю. И глаза! Почти полностью открытые и устремленные в небо.

С трудом вытаскивая повозку, мы медленно двинулись дальше. Недалеко лежали еще двое убитых немцев, лицом вниз, и тоже наполовину вмерзшие в еще недавно полузатоупленное поле. Выполнив все хозяйственные дела, мы вернулись в деревню. Но еще очень долго на меня смотрели эти открытые глаза. Хотя, казалось бы, я уже привык к виду убитых и своих, и чужих.

На второй или третий день со мной произошло еще одно «дорожное» происшествие. Верхом на лошади я поехал в соседнюю деревню, где располагался батальон выздоравливающих, с каким-то поручением от Окатова к комбату. По разбитой и замерзшей дороге лошади было трудно пройти. Поэтому я поехал сначала поем, а затем за холмами решил проехать через лесок. Так мне описал маршрут Окатов, уже ездивший туда накануне.

И вдруг слева раздалась автоматная очередь. По свисту пуль я понял, что стреляют издалека по мне. Свалившись с лошади, я потащил ее за собой в глубокий овраг. Почти одновременно со стрельбой я услышал «многоэтажный» матерный разряд: «Куда прешь? Там немцы...!» Оказывается ночью немцы заняли пустовавший хутор и продвинулись по оврагам в нашу сторону. А я вместо того, чтобы ехать вправо, свернул влево — им навстречу. К счастью, в овраге были наши солдаты из полкового охранения. С их помощью я выбрался на противоположную сторону оврага, а затем добрался до нужного мне места.

Ну, а теперь еще один «дорожный» сюжет. Но в данном случае венгерская дорога предстает в моей памяти не в буквальном смысле, а как определение части моего жизненного пути. Иногда поражаешься какому-то странному, но последовательному сочетанию событий, фактов, людей. Наш полк стоял в одном из венгерских небольших городков. Я и наш старшина Володя Севостьянов, как всегда, любопытства ради осматривая окрестности, обратили внимание на красивое поместье или даже дворец. Войдя внутрь большого двора, мы увидели оригинальное строение в виде полуэллипса, высотой в два-три этажа. Весь фасад из стеклянных высоких окон.

Володя остался во дворе, а я вошел внутрь здания. Остановился и восхищенно смотрел на поразившее меня зрелище. Это был крупнейший зал, вся стена которого представляла гигантский стеклянный шкаф, в котором находились, вероятно, тысячи и тысячи книг.

Я прошел из одного зала в другой. В центре некоторые шкафы были открыты. Я обратил внимание на толстые красные тома. Целая серия. Взял

один из них. Надпись золотыми буквами, очевидно, на венгерском языке, которого я тогда, конечно, не знал.

Рядом в шкафу такие же толстые тома, но черного цвета. Судя по словам заглавия, — на немецком языке. Конечно, я не пытался прочесть, а тем более запомнить название этой серии. Голос Володи поторопил меня. Долго я вспоминал этот кратковременный визит в чудесную библиотеку, который напомнил о себе через несколько лет после войны.

Я вышел из поразившей меня библиотеки. Восторженно рассказываю Севостьянову об увиденном. Улыбаясь, Володя говорит: «Ладно, увидим еще не одну библиотеку». И добавляет: «Если доживем до конца войны».

Да, мы еще на войне...

В начале января 1945 г. началась ликвидация окруженных в Будапеште немецких и венгерских войск. Но в ряде мест нашим войскам приходилось отступать. Потери были очень большие.

Советское командование обращалось к немецкому командованию с предложениями о капитуляции. Но направленные парламентарии — в одном месте капитан Миклош Штейнмец (венгр по национальности), в другом — капитан И. А. Остапенко были подло убиты.

Тяжелые, продолжительные бои завершились 13 февраля 1945 г. ликвидацией будапештской группировки противника. К этому времени около двух третей территории Венгрии были освобождены. Но немецкое командование готовило контрнаступление. Не прошло и трех недель, как в начале марта в районе озера Балатон была сосредоточена группа армий «Юг», в состав которой входили 900 танков и штурмовых орудий, 5600 орудий и минометов, 900 БТР, 850 самолетов. Войска насчитывали 430 тыс. человек. Главный удар противник нанес 6 марта. Так, за два месяца до Победы Советская Армия (3-й Украинский фронт) вынуждена была вести оборонительную операцию. У военных историков существуют разные мнения относительно действий Ставки, располагавшей (или не полностью располагавшей) сведениями о готовящейся немецкой контроперации через несколько дней после падения Будапешта. Но как бы то ни было, немцам удалось вклинуться в оборону советских войск; через десять дней они вынуждены были отступить и перейти к обороне. Для Советской Армии это была последняя крупная оборонительная операция в Отечественной войне. Хотя она продолжалась всего 10 дней, но о масштабности сражений свидетельствуют огромные потери советских войск: убиты 8492 человека, ранено — 24407 человек. Потери немецкой армии — более 40 тыс. человек, около 500 танков и штурмовых орудий¹⁵.

Начало весны 1945 г. в моей памяти связано с наступлением в Словакии. Вскоре после взятия Будапешта, когда мы уже вступили в Словакию, был тяжело ранен мой взводный Михаил Слоущ. Одна из деревень, которую мы только заняли, была обстреляна артиллерией. Снаряд разорвался недалеко от дома, у стены которого стоял Слоущ. Большой осколок попал ему в бок. К счастью, кость не была задета. Кажется, во время этого обстрела был ранен и командующий нашей 53-й армией генерал И. Манагаров. Говорили, что где-то в расположении нашего полка.

Через месяц мы остались и без нашего начальника, капитана Окатова. Его отправили на учебу в Москву в академию.

Из тех, кто ко мне относился очень хорошо, остались командир роты Михайлов и Севостьянов. Я до сих пор не могу себе объяснить, чем определялось почти дружеское отношение ко мне, тогда рядовому солдату, и Окатова, и Слоуща, и Михайлова. Может быть, им нравилась моя начитанность, хорошие общие знания, да и прочно усвоенная военная и специальная подготовка по профилю нашего взвода. Мне часто поручали проводить занятия с новоприбывшими в полк, хотя среди них были и намного старше меня солдаты, уже побывавшие в боях. Как бы то ни было, но я чувствовал, что мои командиры как будто оберегали меня от всякой опасности. А они возникали довольно часто.

По воспоминаниям участников боев в Словакии очень тяжелая обстановка сложилась при неоднократных форсированиях реки Грон и ее притоков: «весенние воды заполнили все низины и балки. Подвозить боеприпасы по оттаявшему чернозему было невероятно тяжело».

Перед очередным форсированием Грона или одного из его притоков, нужно было подготовить дымовую завесу. Но вместо наших обычных дымовых шашек нам прислали новые американские, которые сначала давали столб огня, а затем начинали дымить.

Так случилось, что перед постановкой в назначенное время дымовой завесы мне пришлось всю ночь пролежать в болотной канаве, практически мокрым. Да и «американский фейерверк», как мы его называли, вызвал огонь немецких минометов.

Через несколько дней после форсирования Грона у меня под левой рукой образовалась опухоль величиной с большое яблоко. Мучительная операция, которую почти без наркоза (его действие закончилось, а еще оставалось вырезать большой кусок опухоли) сделала наша врач Валентина, а затем привела меня в батальон выздоравливающих.

Но вместе с полком мы двигались вперед. И однажды я обратил внимание на столб, где путевая стрелка на немецком языке указывала

«NachAusterlitz» — «на Аустерлиц». Я не поверил своим глазам.

За несколько месяцев до начала войны я прочел, почти не отрываясь, за одну или две недели «Войну и мир» Л. Толстого. Все, что было связано с войной с Наполеоном в 1805 г., я знал только по роману «Война и мир».

Вернувшись в свой взвод из батальона вздоравливающих, я первым делом всем рассказал, куда мы идем и где находимся. Я с жаром рассказывал обо всех обстоятельствах битвы под Аустерлицем, об Андрее Болконском, о всех участниках битвы, которых приводит Толстой. Я так увлекся, что, кажется, порой путал события Аустерлица с Бородиным, а Аустерлиц стал почти победой для русских. Иногда вечером на привалах (наступление шло довольно быстро) к нам во взвод приходили офицеры и солдаты из соседних рот и просили меня вновь и вновь рассказать об Аустерлице.

А путевые таблички с указанием на Аустерлиц попадались все чаще и чаще.

Наконец, через несколько дней, это было уже в середине апреля, мы увидели вдаль, километрах в 5–6 невысокий холм и на нем большой крест. Мы поняли, что это и есть Аустерлиц. Вести бой за это место досталось другим. Поэтому, когда наш взвод оказался на Аустерлицком поле, все бросились к кресту. Это был памятник всем павшим здесь в ноябрьской битве 1805 г.

Основанием креста была своего рода часовня. Дверь была открыта. Я, старший лейтенант — москвич (я с ним познакомился в батальоне вздоравливающих) и еще несколько солдат вошли в часовню. Посредине большая мраморная плита с кольцом. Солдаты не удержались и приподняли плиту. При свете дня мы увидели глубокую яму, наполненную белыми костями.

На часовне четыре больших обелиска, на которых воздвигается «вечная память» павшим под Аустерлицем. Надписи на русском, французском, немецком и чешском языках. Я записал русскую надпись, полностью сохранив ее оригинальность: РУССКИМЪ ВОИНАМ НА ПОЛЯХ АУСТЕРЛИЦА ПОГИБИМЪ Г. 1805.20.НОЯБРЯ ВЪЧНАЯ ПАМЯТЬ.

Под надписью — крест, возносящийся на крыльях вверх.

Когда мы вышли из часовни, к нам из стоявшего недалеко небольшого дома (оказалось, это музей) вышел пожилой мужчина и в ходе разговора (понять его чешский язык было не трудно) сказал, что даже спустя столько лет каждую весну при вспахивании ближних полей крестьяне находят либо человеческие кости, либо пуговицы или какие-то атрибуты военного снаряжения времен Аустерлицкой битвы. Все это они приносят в часовню и в музей.

Справа от памятника были две могилы наших солдат, погибших при выполнении задания: они сняли с креста засеявшего там немецкого артиллерийского наводчика, но сами при отступлении погибли.

Мой поредевший взвод, ненадолго задержавшись у памятника, пошел дальше в сторону столицы Моравии Брно, где сосредоточилась немецкая группировка.

Еще в конце марта — начале апреля части 53-й армии, сломав сопротивление противника заняли города Трнава, Нитра, Галанта, Глоговец и Сенец. У меня сохранились «сталинские благодарности» за участие в боях за эти города.

13-го апреля, судя опять же по датам «благодарностей», мы были в Годонине. Разворачивались бои за Брно.

Вот как описывают ситуацию накануне штурма Брно авторы книги под редакцией Р.Я. Малиновского: «Противник предпринимал яростные контратаки. Он бросал в бой все новые и новые резервы. Бои не прекращались и ночью. Однако врагу не удалось отбить ни одной занятой нашими войсками позиции»¹⁶.

26-го апреля 6-я танковая армия (кстати, часто взаимодействовавшая с нашей 53-й армией) сломала сопротивление противника на окраинах Брно и вместе со стрелковыми частями выдвинулась в центр города. Вечером 26-го апреля Москва салютовала войскам, освободившим Брно (как нам потом сказали), а командующий 2-м Украинским фронтом маршал Р.Я. Малиновский был награжден орденом Победы.

После взятия Брно 53-я и 6-я танковая армии были развернуты в направлении Оломоуца. Бои продолжались. «В результате ... соединения 53-й и 6-й гвардейской танковой армий оттянули на себя значительные силы врага» и тем самым позволили перейти в решительное наступление других наших войск с севера. Впереди была Прага.

А в Праге в это время разворачивалось народное восстание.

1 и 2 мая произошли первые вооруженные столкновения с оккупантами. К 5-му мая восставшие в Праге добились серьезных успехов: были захвачены почтамт, телеграф, телефонный узел, радиостанция, центральный вокзал, большинство мостов через Влтаву.

Однако силы были явно неравными. Восставшие несли большие потери. В самой Праге обстановка осложнялась еще и весьма противоречивыми действиями отдельных подразделений власовской армии, командиры которых, временно захватывая некоторые районы Праги, пытались вести переговоры и с разрозненными группами восставших пражан и с немецким командованием. В результате вся власовская армия во главе с ее

командующим, отойдя на юго-восток, попыталась найти поддержку у американского военного командования в городе Пльзне. Однако эти попытки не увенчались успехом и завершились пленением самого Власова и его окружения в сорока км юго-восточнее Пльзня.

Советское командование усиливало группировку войск для скорейшего освобождения Праги. В нее были включены три общевойсковые армии — 53-я, 7-я и 9-я, а также 6-я танковая и две воздушные армии — 5-я и 17-я. В общей сложности 2-й Украинский фронт имел около 60 дивизий (700 тыс. человек), 9500 орудий и минометов, более 350 танков, 1100 боевых самолетов.

Происходила перегруппировка войск. 8-го мая передовые батальоны 53-й армии начали наступление. В это время войска трех фронтов — 1-го, 2-го и 4-го двигались по сходящимся направлениям на Прагу. Развернулись успешные бои на гигантском, более чем 600-километровом фронте в Чехии и Моравии, охватывая с северо-запада и юго-востока крупнейшую вражескую группировку — «Центр».

Прагу я впервые увидел вечером 10-го мая. Мы ликовали. Конец войне. Скорее домой. Мы победили. Мы живы. Казалось, общему празднику не будет конца.

Однако пражская операция продолжалась и после полного освобождения Праги 9-го мая. В течение последующих дней до 13-го мая отступавшие из Праги армии группы «Центр» были полностью пленены.

Наш полк отвели к городу Влашиму и окрестным селам. Мирная, спокойная жизнь казалась какой-то необычной, нереальной.

Но ровно через месяц, 9-го июня, наша 53-я армия в г. Бенешове уже грузилась в эшелоны, которые через разрушенные Дрезден, а затем Варшаву и Смоленск прибыли в Москву. Мы дома. Но, увы, через 2–3 дня наши эшелоны двинулись на восток. Урал. Сибирь. Байкал. Стало ясно, что нам предстоит еще одна война — с Японией. Она была довольно кратковременной, но весьма тяжелой. Особенно военные переходы через песчаные пустыни.

В конце 1945 г. я был направлен в Сретенское пехотное училище Забайкальского военного округа. В один из летних дней 1946 г. начальник Училища генерал Шевченко вручал военные награды небольшой группе фронтовиков. Мне он вручил сразу четыре медали: «За победу над Германией», «За победу над Японией», «За взятие Будапешта» и «За освобождение Праги». Позже были ордена за войну («Отечественная война II ст.») и за мирный труд («Трудовое Красное Знамя»), много других медалей и почетный знак «Фронтовик».

Все эти награды всегда воспринимались мной как-то «вообще». И только две медали, за Будапешт и за Прагу воспринимаются мной не

«вообще», а как-то, если можно так выразиться, — «осязуемо», связанные с конкретным местом, конкретным временем и навсегда вошедшими в память событиями. Хотя ничего не было особенного, а тем более выдающегося в службе восемнадцатилетнего, а затем девятнадцатилетнего воина. Но я чувствовал, что хоть и без особых подвигов, но я участвовал во взятии Будапешта и в освобождении Праги.

До сих пор из всех свидетельств, наград и многих благодарностей Верховного главнокомандующего за участие в отдельных боях наиболее «осязуемыми», связанными с конкретными опасными военными событиями, для меня являются Партизанский билет № 9753, медали «За взятие Будапешта», «За освобождение Праги» и знак «Фронтовик».

Связь времен

Некоторые события последних месяцев войны, причем не связанные прямо с боевыми действиями, как будто получили продолжение спустя много лет. Осенью 1951 г. я был студентом 5-го курса исторического факультета МГУ. В кабинете декана истфака для группы студентов читает спецкурс по историографии известный историк — академик Евгений Викторович Тарле. После лекции много вопросов. Кто-то спрашивает: «С чего началась Ваша научная деятельность?» Немного задумавшись, Е. В. Тарле отвечает: «Мой первый научный доклад и первая публикация были посвящены истории венгерского крестьянства в конце 18 века».

Никого, кроме меня, ответ академика ничем не поразил. А для меня он оказался своеобразным стимулом для принятия важного жизненного решения. Дело в том, что уже около года я «нелегально» работаю старшим библиографом в расположенной неподалеку от истфака Фундаментальной библиотеке общественных наук Академии наук. Здесь я, кроме библиографической работы, учу венгерский язык.

Через месяц или два в Москву приезжает директор Библиотеки Венгерской академии наук профессор Пах Жигмонд Пал. Основной его визит — в нашу библиотеку. Директор — Виктор Иванович Шунков представляет меня Паху как начинающего научного работника, изучающего венгерский язык и намеревающегося подготовить кандидатскую диссертацию по истории венгерского крестьянства. Профессор Пах с интересом и очень доброжелательно отнесся к моим научным намерениям. И сам предлагает помочь мне в обеспечении документальной базы диссертации.

Весной 1952 г. в Библиотеку пришла большая посылка. В ней оказалось несколько коробок с микрофильмами многочисленных интересовавших меня архивных документов и четыре больших

тома. Два толстых красных тома с золотыми буквами, которые я уже мог не только прочесть, но и перевести. Два черных тома, на немецком языке — венгерская статистика. Я не могу никакими словами передать свое тогдашнее состояние. Мне показалось, что я узнал их. Я уверен, что это были книги из той серии, которая стояла в поразившей меня библиотеке в Венгрии осенью 1944 г.

Я защитил кандидатскую диссертацию. Венгрия, но уже другого периода присутствует и в давно защищенной докторской диссертации. А с директором Венгерского института истории, вице-президентом Венгерской академии наук академиком Пахом Жигмондом Палом мы поддерживали доброе знакомство и сотрудничество в течение 50-ти лет. Особенно в рамках совместной научной комиссии обществоведов.

Однажды в Будапеште на встрече российских и венгерских обществоведов я поблагодарил академика Паха за многолетнее научное сотрудничество и подарил ему оттиск моей статьи по истории венгерского крестьянского движения. Академик был очень растроган.

Как странно переплетаются даты и судьбы человеческие. В теплый июльский вечер 1975 г. на Аустерлицком поле у памятника, воздвигнутого к 100-летию аустерлицкого сражения, то есть в 1905 г., 70 лет тому назад, стоят трое русских — москвичей: два историка (я и моя жена Ольга) и один математик (наш сын Сергей), совершающие поездку на своем «жигуленке» по Польше и Чехословакии. 170 лет тому назад (ну, чуть позже — на 4 месяца) здесь разворачивались многотысячные армии. Где-то рядом, а может и здесь, русский император Александр I (ему и его внешней политике посвящены многие исследования, книги Ольги Орлик), сидя в своей коляске, давал указания стоявшему рядом Кутузову о начале сражения с войсками Наполеона. Кутузов возражал, предвидя наше поражение, но царь настоял на своем.

А вот там, на холме вскоре появился герой Аустерлица — победитель Наполеон.

Да, все это было здесь. И здесь же, через 140 лет, в апреле 1945 г. русская армия — Красная армия продолжала громить вражескую фашистскую армию, отступавшую к Брно. И явно здесь прошел либо проехал мой командующий 53-й армией генерал-лейтенант (ему недавно прибавили на погоны вторую звезду) И. М. Манагаров, отдавая приказы о штурме Брно. А во время этого штурма был тяжело ранен и едва не погиб брат моей жены Николай, с которым я познакомился лишь через 8 лет...

Даты, люди...

Сейчас, когда я пишу эти запоздалые воспоминания, идет 2015 год. В мае — 70-летие Победы и 70-летие боев моей 53-й армии у Аустерлица.

А в ноябре — 210 лет знаменитому Аустерлицкому сражению. Принесет ли кто-нибудь цветы к «Могиле мира» и поклонится ли праху «русских воинов на полях Аустерлица», погибшим 20 ноября 1805 г.? Да и вспомнит ли кто-нибудь (даже из историков) это событие?

Моя Оля, возможно, написала бы очередную интересную статью о внешней политике России в начале XIX века. Но такой статьи не будет. С интервалом в три недели после 210-летия Аустерлица Оле исполнилось бы 85 лет. Но, увы, она не дожила и до 70 лет.

Вот так грустно переплетаются даты и наши судьбы.

К сожалению, после войны особенно в связи с моим переводом из 230-го в Сретенское училище, мне почти не приходилось встречаться со своими однополчанами. Но иногда выяснялось, что вдруг мой случайный собеседник тоже был в 53-й армии и, соответственно, мы были где-то близко друг от друга.

А много лет тому назад мой хороший знакомый по совместной поездке с группой лекторов Общества «Знание» по Америке, ныне профессор МГИМО Александр Юрьевич Борисов, как-то сказал мне, что едет в Харьков. И я, вспомнив, что мой комвзвода М. Слоущ из Харькова, попросил А. Борисова «поискать» там моего командира. Хотя после войны прошло уже к тому времени очень много лет и он мог оказаться в другом месте.

Но, к моему удивлению и радости, через две или три недели в моем рабочем институтском кабинете на Новочеремушкинской улице раздался телефонный звонок, и я услышал знакомый хриплый прокуренный голос моего командира. О чем мы могли говорить? «Где тот, а где другой? Жив ли такой-то, а кого уже нет?» Договорились созваниваться. Но два или три раза я звонил в Харьков и, увы, то он был в госпитале, то в отпуске. Время шло. Бурные события 1990-х годов всех захлестнули. Связь времен и людей прервалась.

Забвению не подлежит

По мере удаления от Дня Победы в мае 1945 г. многое уходит из памяти и участников войны, и целых поколений, которым эта память, казалось, должна была быть передана. Это грустно, но в какой-то степени объяснимо с учетом бурных перемен последних десятилетий.

Но что трудно объяснить и нельзя простить — это забвение памяти о Победе над фашизмом и о тех, кто принес Европе, да и всему миру эту Победу. Тем более непростительно и мерзко, когда это забвение умышленно навязывается миллионам современников, новому поколению XXI века.

В конце апреля 2001 г. я вместе с группой моих институтских коллег прилетели в Будапешт на встречу с венгерскими экономистами и международниками. В группе были, кроме меня, уже известные своими трудами экономисты: Наталия Вяткина, Светлана Глинкина, Наталия Куликова, Александр Некипелов и Руслан Гринберг. Я называю их по именам, так как знаю их давно. Они пришли в наш Институт буквально со студенческой скамьи. Почти все они ровесники. И для меня, намного старшего, интересно было наблюдать их отношение к изменяющемуся на наших глазах миру и к истории войны. Иногда я им рассказывал об отдельных эпизодах моей фронтовой жизни.

Расположившись в гостинице в Буде, неподалеку от горы Геллерт, мы (время шло к вечеру) поднялись к Статуе свободы на вершине горы. Я здесь бывал не раз. Мои спутники посмотрели на возвышающуюся на высоком постаменте фигуру женщины, держащей в правой руке пальмовую ветвь, мельком взглянули на надпись на постаменте и двинулись осматривать окрестности.

А я, потрясенный увиденным, долго стоял в одиночестве, сдерживая волнение. Памятника, простоявшего здесь более сорока лет, не было. Это был другой монумент.

Воздвигнутый в первые послевоенные годы, он должен был увековечить память многих тысяч советских солдат. Здесь на постаменте была надпись на венгерском и русском языках: «Памяти советских героев-освободителей благодарный венгерский народ». И далее большой перечень имен, конечно, лишь самая малая часть из 80-ти тысяч, погибших в сражении за Будапешт. Слева фигура советского солдата. Сейчас эта надпись сбита. Вместо нее на венгерском языке надпись в память о всех погибших за Венгрию (когда? где?). О советском солдате (его фигуру сняли) — ни слова.

Догнав своих спутников, я не стал рассказывать о моем печальном открытии. Но все последующие дни, на научных заседаниях и во время поездки в городок Сент-Эндре я не мог отрешиться от горестных размышлений: за что? Почему уничтожена память о подвигах русских (советских) воинов? Да, позже были тяжелые обстоятельства в советско-венгерских отношениях. Но ведь

в этом не повинны мои 18–20-тилетние сверстники, погибшие за Венгрию в конце 1944-го — начале 1945 гг. О них никто не узнает. Они вычеркнуты из памяти, из истории.

В последующие годы и особенно сейчас, накануне 70-летия Дня Победы, злобные выпады, дикая фальсификация истории заключительного этапа Отечественной войны приобретают особые масштабы.

Из близких мне событий долгое время, да и сейчас продолжается извращение истории освобождения Праги. Не только за рубежом, но и у нас в стране приводятся ложные сведения о Пражской операции. Так, чешский историк Я. Шимон заявляет, что «при вступлении в Прагу погибли 30 красноармейцев. Всего же потери советских войск в боях за Прагу и окрестности составили примерно 500 солдат и офицеров»¹⁷.

Фактически, судя по официальным документам, в ходе Пражской операции погибли 11265 чел. и 38083 были ранены¹⁸.

Особое чувство возмущения вызывают акты вандализма в отношении памятников в ряде стран Центрально-Восточной Европы и Прибалтики: в польском Кракове потребовали убрать фигуру маршала И. С. Конева, который по существу спас старинный город от разрушения, изменив для этого наступательную операцию советских войск. В Праге фигура И. С. Конева была подвергнута осквернению. А ведь по его указанию танковая армия, совершив многокилометровый бросок, спасла Прагу от разрушений.

Акты вандализма сопровождаются дикими по своему невежеству заявлениями о том, что Польшу якобы освободили украинцы, так как освободил ее 1-й Украинский фронт. А ведь были еще 2, 3 и 4 Украинские фронты, название которых вовсе не определяло их национальный состав.

Нет предела варварству, глупости, невежеству, да и просто дикой злобы извратителей и фальсификаторов истории Победы в Великой Отечественной войне.

Но повсюду должно наступить. Пусть через одно, через два поколения человеческая мудрость, чувство самосохранения должны победить и отбросить ложь. У чехов и словаков в свое время был оптимистичный лозунг: «Правда победит!» Правда не может не победить.

¹ См. Орлик И. И. Моя военная юность. М. Наука. 2005. С. 28–75.

² Будапешт — Вена — Прага. Историко-мемуарный труд. Под общей редакцией Р. Я. Малиновского. М. Наука. 1965. С. 24.

³ Там же. С. 29.

⁴ Там же. С. 33.

⁵ Churchill W. The Second World War. V. VI. London. 1954. P. 131.

⁶ Ibidem.

- ⁷ Будапешт. С. 12.
- ⁸ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. М.: Новости. 1969. С. 574.
- ⁹ Будапешт. С. 45.
- ¹⁰ Военный энциклопедический словарь. М. ЭКСМО. 2007. С. 142.
- ¹¹ Там же.
- ¹² Будапешт. С. 81–82.
- ¹³ Будапешт. С. 83.
- ¹⁴ Там же. С. 84.
- ¹⁵ ВЭС. С. 83.
- ¹⁶ Будапешт. С. 348.
- ¹⁷ Цит. По Марьина В.В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М. Индик. 2009. С. 355.
- ¹⁸ Смыслов О.С. Кто освободил Прагу в 1945 г. М.: Вече. 2014. С. 206.

Малоизвестные операции советских войск по освобождению Чехословакии (январь–май 1945 г.)

В. Б. Маковский*

Вскоре после окончания боевых действий в Восточных Карпатах и юго-восточных районах Словакии Ставкой Верховного Главнокомандования был утвержден замысел следующей наступательной операции по освобождению Чехословакии — Западно-Карпатской (12 января — февраля 1945г.). Ее проведение было возложено на войска 4-го и правого крыла 2-го Украинских фронтов. К середине января войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии И. Е. Петрова в составе 38-й, 1-й гвардейской и 18-й армий, чехословацкого 1-го армейского корпуса, 8-й воздушной армии, после преодоления Восточных Карпат и выхода к реке Ондава, занимали оборону на рубеже Ясло, Стропков, Генцовце, Турна. 2-й Украинский фронт — командующий Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский, частью сил во взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта осуществлял Будапештскую операцию, а войсками правого крыла (40, 27-я и 53-я армии, 1-я конно-механизированная группа генерал-лейтенанта И. А. Плиева, румынские 4-я и 1-я армии) при поддержке авиации 5-й воздушной армии наступал по отдельным направлениям в юго-восточные районы Словакии¹. В составе войск обоих фронтов, привлекаемых к операции, имелось 651,7 тыс. человек, 9910 орудий и минометов, 453 танка и самоходно-артиллерийских установок, 1283 боевых самолета².

Им противостояли часть сил 17-й и 1-й танковой армий, венгерская 1-я армия группы армий «А» под командованием генерал-полковника И. Гарпе, а с 26 января группы армий «Центр» генерал-полковника Ф. Шёрнера, а также 8-я армия группы армий «Юг» — генерала пехоты О. Веле-

ра, которые поддерживал 4-й воздушный флот³. Всего на этом направлении противник имел более 550 тыс. человек, 5000 орудий и минометов, 330 танков и штурмовых орудий, 680 боевых самолетов⁴.

Немецкие войска, оборонявшиеся в Западных Карпатах, широко используя труднодоступную горную местность, оборудовали ряд оборонительных рубежей на глубину 300–350 км. Карпаты, тянувшиеся с Севера на Юг, являлись также серьезным естественным препятствием для наступления советских войск на пути в Моравию и Чехию с Востока. Эта местность ограничивала применение танков, артиллерии и создавала трудности при организации взаимодействия войск⁵. Так например, в полосе предстоящего наступления войск 4-го Украинского фронта оборона противника состояла из главной и второй полос и нескольких тыловых рубежей, расположенных на глубину до 120 км. Главная полоса имела две позиции, оборудованные двумя-тремя линиями траншей с ходами сообщения, которые прикрывались проволочными и минными заграждениями, ружейно-пулеметным, артиллерийским и минометным огнем. Особенно сильно немецкими войсками минировались дороги перед передним краем и в пределах первой позиции. Вторая полоса также имела окопы и траншеи. Господствующие высоты и населенные пункты готовились к круговой обороне. Наиболее сильными узлами сопротивления являлись населенные пункты Мокранце, Шомоды, Ясов, города Кошице, Спишска-Нова-Вес, Левоча и другие. Город Кошице, расположенный в центре Восточной Словакии, вообще был превращен противником в крупный опорный пункт. Вокруг города им была создана

* Маковский Валерий Борисович — к. и. н., ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института (военной истории) ВА ГШ ВС РФ.

круговая оборона с развитой системой траншей, ходов сообщения, противотанковых и противопехотных препятствий. Танкоопасные направления прикрывались надолбами, эскарпами и противотанковыми рвами. Реки Олыпава и Торыса также были включены в зону обороны. Собираясь зимовать в горах, враг, не испытывая недостатка в строительном материале, возвел много убежищ и землянок, которые могли использоваться и как огневые точки. Артиллерия и минометы противника располагались за скатами высот, что затрудняло их разведку и подавление.

Исключительно большое значение командование вермахта придавало оборонительному рубежу, проходившему восточнее городов Левоча и Спишска-Нова-Вес. Его значение определялось тем, что он прикрывал вход в долину верхнего течения рек Попрад и Ваг, единственно удобный проход между Высокими и Низкими Татрами. Таким образом, чтобы задержать дальнейшее продвижение советских войск противник для организации обороны постарался в полной мере использовать особенности горной местности, которая позволяла ему организовать прочную оборону даже небольшими силами.

В соответствии с замыслом советского командования предусматривалось разгромить немецкие войска, оборонявшиеся в Западных Карпатах, преодолеть горы силами 4-го Украинского фронта и выйти на подступы к Моравска-Остравскому промышленному району. Войска 4-го Украинского фронта должны были наступать на трех операционных направлениях. Главный удар наносила 38-я армия генерал-полковника К. С. Москаленко основными силами в обход Карпат с Севера в общем направлении на Горлице, Новы-Сонч, Величка, Краков для содействия 1-му Украинскому фронту в проведении Сандомирско-Силезской операции; вспомогательные удары должны были нанести 1-я гвардейская армия под командованием генерал-полковника А. А. Гречко с чехословацким 1-м армейским корпусом на люботинском направлении и 18-я армия генерал-майора, а с 20 января 1945 г. генерал-лейтенанта А. И. Гаспиловича на попрадском направлении. Подвижную группу фронта (2 танковые бригады, 4 стрелковых батальона, 2 полка артиллерии) предусматривалось использовать для развития успеха на главном направлении в полосе 38-й армии.

Войска правого крыла 2-го Украинского фронта имели задачу выйти на рубеж р. Грон. 40-я армия с румынской 4-ой армией должна была содействовать 18-й армии в разгроме кошицкой группировки противника, в последующем наступать на Брезно, а 27-я армия с румынским 4-м армейским корпусом 1-й армии имела задачу наступать на г. Банска-Бистрица и овладеть им, 53-я армия — на

зволениском направлении, а 1-я конно-механизированная группа — на Банска-Штьявница⁶.

В ходе подготовки к операции войска обучались действиям в горно-лесистой местности, причем командование 2-го и 4-го Украинских фронтов самое пристальное внимание уделило разработке оптимальных принципов боевого использования танков и артиллерии. Было организовано взаимодействие со словацкими и советскими партизанами, которые в тот период действовали на территории Словакии.

6 января 1945 г. на братиславском направлении в наступление перешли 7-я гвардейская и 6-я танковая армии 2-го Украинского фронта. Особенно успешно в тот день действовали танкисты 46-гвардейской танковой бригады 9-го гвардейского механизированного корпуса под командованием подполковника М. Н. Михно. Бригада первой ворвалась ночью в опорные пункты противника и стремительными и умелыми действиями быстро подавила его сопротивление. В авангарде бригады действовал 1-й танковый батальон под командованием капитана И. И. Якушкина, который первым ворвался в населенный пункт Кебелкут. В боях за этот населенный пункт танкисты Якушкина уничтожили 13 танков, потеряв только два своих. И в последующих боях командир батальона показывал образцы мужества. 11 января при отражении контратаки танков он был тяжело ранен. За умелое руководство боем и проявленный героизм капитану И. И. Якушкину 15 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза.

Совместно с 6-й гвардейской танковой армией активно действовали дивизии 25-го гвардейского стрелкового корпуса под командованием генерал-лейтенанта Г. Б. Сафиулина. При атаке первой траншеи главной полосы вражеской обороны 2-й стрелковый батальон 667-го стрелкового полка 409-й стрелковой дивизии сразу же встретил организованный пулеметный огонь противника. Создалась угроза срыва атаки. Вблизи одной из самых опасных пулеметных точек врага находился стрелковый взвод под командованием младшего лейтенанта А. Ф. Лебедева. Молодые бойцы взвода залегли, укрываясь от огня. Тогда командир взвода сам решил уничтожить пулемет. Используя темноту, он незаметно подполз к позиции неприятеля и одну за другой метнул две гранаты. Пулемет умолк, но как только взвод поднялся в атаку вражеская огневая точка вновь не давала бойцам возможности продвигаться вперед. Не имея больше гранат, А. В. Лебедев вступил в неравную схватку с расчетом пулемета и ценою своей жизни обеспечил дальнейшее продвижение своему подразделению. За этот подвиг Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от

28 апреля 1945 г. А. Ф. Лебедеву посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза⁷.

Первый день боя принес значительный успех советским войскам, которые, сломив сопротивление противника, в течение двух дней вышли в район Комарно и создали плацдарм на северном берегу Дуная. 12 января 40-я, 27-я и 53-я армии, а также румынские 1-я и 4-я армии продолжили развивать наступление в глубину вражеской обороны. Наиболее успешно действовали в тот период войска правого крыла фронта. О чем маршал Р. Я. Малиновский докладывал в Ставку ВГК: «... войска правого крыла фронта, прорвав сильно укрепленную оборону противника по фронту 40 км и в глубину до 18 км, овладели мощными опорными пунктами обороны противника в южных предгорьях Словацких Рудных гор...»⁸.

В это же время на зволненском направлении 53-я армия и 1-я конно-механизированная группа не смогли преодолеть немецкую оборону и фактически остались на исходных позициях. Противник упорной обороной стремился не допустить выхода советских войск в глубокий тыл всей группировке, действовавшей в районе Словацких Рудных гор. Действовавшим здесь советским войскам оказать существенную помощь не имел возможности и командующий фронтом.

После проведения незначительной перегруппировки сил фронта 40-я и 53-я армии, румынские 1-я и 4-я армии возобновили наступление, оттеснили противника, преодолели главный хребет словацких Рудных гор и к началу февраля вышли на рубеж западнее города Брезно и далее на юг по долине реки Грон.

4-й Украинский фронт перешел в наступление 12 января. Боевые действия первой начала 18-я армия, стремительное продвижение которой вынудило противника перебросить против нее дополнительные силы с других фронтов. Чтобы увеличить силу удара, командующий армией генерал А. И. Гастилович с утра следующего дня вводит в бой 138-ю стрелковую дивизию полковника В. Е. Васильева. Но и немецкое командование, стремясь любой ценой удержать этот район обороны, вынуждено было срочно перебросить на это направление дополнительные силы в составе двух дивизий (1-я лыжногегерская и 253-я пехотная). Враг отчаянно сопротивлялся, его контратаки, поддержанные танками, штурмовыми орудиями и огнем артиллерии, следовали непрерывно.

В те напряженные дни на полях сражений проявляли героизм не только отдельные советские воины, но и целые подразделения и части. Так, в боях за населенный пункт Мокранце, который в течение одного дня трижды переходил из рук в руки, особенно отличились артиллеристы 904-го артиллерийского полка 351-й стрелковой

дивизии. При этом подлинный героизм проявил командир орудия 1672-го истребительного противотанкового артиллерийского полка РВГК старший сержант В. П. Бондарь. Возглавляемый им расчет 14 января в боях за этот населенный пункт отразил четыре контратаки противника, уничтожил до 80 солдат и офицеров, танк, 2 пулемета и миномет, удержав занимаемый рубеж. За проявленный героизм и мужество В. П. Бондарь был удостоен звания Героя Советского Союза⁹.

19 января войска 4-го Украинского фронта, сломив отчаянное сопротивление врага, продолжили наступление. В тот день командующий фронтом докладывал в Ставку ВГК: «Войска фронта... продолжили развивать наступление в направлениях: Гдув, Люботин, Кошице, при этом овладели свыше 250 населенными пунктами...»¹⁰. Это создало благоприятные условия для нанесения удара главными силами — 38-й армией. Уже в первый день наступления — 15 января — участок прорыва был расширен до 16 км, а глубина вклинения составила около 13 км.

1-я гвардейская армия и входивший в ее состав 1-й чехословацкий армейский корпус перешли в наступление 18 января. Отбросив к исходу дня противника на 22 км, она на следующий день освободила важный узел коммуникаций г. Прешов¹¹. В тот же день ее соединения и части освободили второй по величине промышленный, административный и культурный центр Восточной Словакии г. Кошице.

Потеряв Кошице, противник под ударами советских войск был вынужден отходить на запад, прикрываясь сильными арьергардами. Преследование его велось в исключительно тяжелых условиях, требовало от войск большого напряжения и выносливости. Путь преграждали не только громады горных хребтов, покрытых лесами, скалы, обрывистые пропасти — главным препятствием была заранее подготовленная противником оборона в Словацких Рудных горах. Все горные перевалы, узкие долины прикрывались противопехотными препятствиями. Орудия и пулеметы, тщательно замаскированные в камнях у подножия высот, создавали в узких местах многослойную огневую завесу. Но, несмотря на все эти трудности наступающие на этом направлении советские войска все же успешно продвигались все дальше на запад. Уже 28 января дивизии 18-й армии и чехословацкий 1-й корпус овладели крупным административно-промышленным центром Чехословакии городом Попрад¹².

В этих боях активную помощь наземным войскам оказывала авиация. Действуя в сложных горных метеоусловиях, экипажи самолетов проявляли подлинный героизм. Так, в боях за Кошице отличился летчик 208-го полка 227-й штурмо-

вой авиационной дивизии лейтенант А.Е. Звягин. Совершая по 3–4 боевых вылета в день, он уничтожил десятки вражеских солдат и офицеров, большое количество артиллерии и бронетехники. За мужество, отвагу и героизм лейтенанту А.Е. Звягину 15 мая 1945 г. было присвоено звание Героя Советского Союза¹³.

Немецкое командование вынуждено было срочно усилить свою группировку, противостоявшую 18-й армии, перебросив с других направлений части трех дивизий. Однако остановить продвижение соединений и частей армии противнику так и не удалось, и в конце января его командование начало отвод своих войск в западном направлении¹⁴. Это обстоятельство, а также успешное наступление 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова и 60-й армии генерал-полковника П.А. Курочкина 1-го Украинского фронта на краковском направлении создали благоприятные условия для действий главных сил 4-го Украинского фронта. И на этом направлении противник, опасаясь окружения 17-й армии, еще в ночь на 16 января начал отводить ее в район Кракова. Преследуя отходившего противника, войска 38-й армии и введенная в сражение подвижная группа фронта к исходу четвертого дня операции продвинулись на 80 км и вышли к р. Дунаец. Развивая успех, войска 4-го Украинского фронта к концу января вышли к главному хребту Западных Карпат, а войска правого крыла 2-го Украинского фронта — на рубеж Брезно, вост. Немце.

После выполнения первой части операции командующий войсками 4-го Украинского фронта уточнил боевые задачи армиям: 38-й армии необходимо было овладеть г. Бельска-Бяла, после чего нанести удар на Моравска-Остраву; 1-й гвардейской армии надлежало наступать в направлении Живец, Цешина, а 18-й армии — на Ружомберок и далее на Жилину¹⁵. 12 февраля 1-я гвардейская армия совместно с 38-й армией овладела г. Бельска-Бяла — мощным узлом сопротивления противника на подступах к Моравска-Остравскому промышленному району.

Особенно ожесточенные бои в феврале развернулись на моравска-остравском направлении. Немецкое командование усилило армейскую группу «Хейнрици», перебросив в этот район дополнительно 59-й армейский корпус, 11-й корпус СС из 17-й армии, а непосредственно район Моравска-Острова оно усилило силами 8-й и 20-й танковых дивизий¹⁶.

Это обстоятельство, а также ощутимые потери советских войск в ходе боевых действий в Карпатах, усталость, нехватка боеприпасов, горюче-смазочных материалов и другие факторы привели в первой половине февраля к снижению темпа наступления, а в середине февраля — к его

остановке на рубеже Струмень, Живец, Яблонка, Липт. Св. Микулаш, где противник занял заранее подготовленные оборонительные позиции. По решению Ставки ВГК 18 февраля войска перешли к обороне, тем самым завершив Западно-Карпатскую наступательную операцию.

Войска правого крыла 2-го Украинского фронта в течение февраля смогли продвинуться только на 14–20 км, после чего в соответствии с этим же решением Ставки они также вынуждены были перейти к обороне на р. Грон.

Важнейшими результатами Западно-Карпатской операции явились освобождение большей части Словакии и южных областей Польши, содействие разгрому противника в Силезии и создание благоприятных предпосылок для продолжения наступления. Западнокарпатской группировке войск противника было нанесено серьезное поражение, разгромлено 17 дивизий и бригада. Враг потерял около 2300 орудий и минометов, 320 танков и штурмовых орудий, много другой военной техники¹⁷. Особенности операции являлись наступление армий по двум-трем операционным направлениям, широкое использование обходов и охватов при овладении опорными пунктами и узлами сопротивления противника. Основным средством поддержки войск являлась авиация. За время операции 8-я воздушная армия генерал-лейтенанта В.Н. Жданова и 5-я воздушная армия генерал-полковника С.К. Горюнова совершили 10 400 самолето-вылетов, обеспечили поддержку войск и господство в воздухе¹⁸. Успешно взаимодействовали с наступавшими войсками партизаны. Они уничтожали штабы, узлы связи, разрушали мосты, дороги линии связи, железнодорожные пути и дезорганизовывали работу вражеского тыла.

Родина по достоинству оценила мужество и героизм, проявленные советскими воинами на полях сражений. За боевые отличия 149 частей и соединений фронтов награждены орденами, 42 соединениям и частям присвоены почетные наименования Кошицких, Прешовских, Горлицких, Попрадских и Ясловских. Но и потери советских войск в ходе операции были немалые — общие потери составили 78 988 человек, из них безвозвратные 16 337 человек, санитарные — 62 651 человек¹⁹.

После перехода к временной обороне советские войска приступили к подготовке новых наступательных операций. В тот период Ставка ВГК, чтобы обеспечить успех решающей операции на берлинском направлении, сочла необходимым разгромить вначале крупные группировки противника в Чехословакии, западных районах Венгрии и в Австрии. Выполнение данной задачи возлагалось на войска 4-го, 2-го и 3-го Украинских

фронтов, причем первые два фронта должны были практически завершить освобождение Чехословакии в ходе Моравско-Остравской и Братиславско-Брновской наступательных операций.

Еще 13 февраля командующий войсками 4-го Украинского фронта в докладе Верховному Главнокомандующему изложил свои соображения о последующих действиях войск²⁰. Имелось в виду нанести удар с целью разгрома противостоящих сил, выход на рубеж р. Влтава и овладение Прагой.

17 февраля Ставкой ВГК этот план был утвержден. Моравско-Остравскую наступательную операцию предполагалось провести с 10 марта по 5 мая силами 4-го Украинского фронта с целью разгромить группировку противника в районе Моравско-Острава и, овладев Моравско-Остравским промышленным районом, наступать на Прагу²¹. Змысел советского командования предусматривал нанесение главного удара правым крылом фронта, силами 38-й армии генерал-полковника К.С. Москаленко и 1-й гвардейской армией генерал-полковника А.А. Гречко в общем направлении Фриштат, Мистек, Оломоуц и обойти с юга оборонительный рубеж, прикрывавший Моравско-Остраву с севера, а в последующем наступать на Прагу; вспомогательный удар нанести силами 18-й армии генерал-лейтенанта А.И. Гаспиловича в направлении Ружомберок, Жилина, Кромержиж²².

К началу марта войска 4-го Украинского фронта под командованием генерала армии И.Е. Петрова, в составе 38-й, 1-й гвардейской, 18-й армий, 31-го танкового корпуса, чехословацкого 1-го армейского корпуса, 8-й воздушной армии вышли на рубеж восточнее Жоры, Живец, Липтовски-Свети-Микулаш. К этому времени во фронте насчитывалось 240 тыс. человек, 2900 орудий и минометов, 184 танка и самоходно-артиллерийских установок и более 400 боевых самолетов²³.

Противостоявшая советским войскам армейская группа «Хейнрици», которая с 22 марта была преобразована в 1-ю танковую армию группы армий «Центр» под командованием генерал-полковника, а с 5 апреля 1945 г. генерал-фельдмаршала Ф. Шёрнера, насчитывавшая в своем составе 150 тыс. человек, 1500 орудий и минометов, около 100 танков и штурмовых орудий и около 120 самолетов²⁴, причем 75% этих сил противника находились перед войсками правого крыла 4-го Украинского фронта и, опираясь на сильно развитый в инженерном отношении рубеж обороны, непосредственно прикрывали моравско-остравское направление. На этом же направлении находилась и 19-я танковая дивизия, составлявшая резерв армейской группы «Хейнрици».

Наиболее сильно в инженерном отношении был укреплен Моравско-Остравский промышлен-

ный район, обороне которого немецкое командование отводило особую роль. Все подходы к этому району с востока прикрывались тремя долговременными оборонительными полосами, проходившими вдоль упомянутых рек Ольша, Остравица и Одра, и одной с севера, на рубеже Троппау (Опава) — Моравская Острава. Здесь были построены железобетонные пулеметно-артиллерийские доты различных типов.

Каждая полоса состояла из четырех линий укреплений. Все эти сооружения были тщательно замаскированы и соединены ходами сообщения. Местность непосредственно перед дотами была заминирована, насыщена противотанковыми инженерными сооружениями, это пространство полностью простреливалось.

Командующему войсками генералу И.Е. Петрову все же в результате сосредоточения основных сил фронта на его правом крыле удалось достичь значительного превосходства над противником.

Наступление 4-го Украинского фронта началось 10 марта. Первоначально продвижение войск было медленным — не более 1–2 км в сутки — и сопровождалось большими потерями в живой силе и технике, поскольку противнику удалось установить время и место главного удара и подготовить глубоко эшелонированную оборону с использованием естественных преград. За 8 дней напряженных боев соединения и части 38-й и 1-й гвардейской армий смогли продвинуться только на 6–12 км на фронте 15 км. Учитывая, что дальнейшие попытки прорвать оборону противника могли привести к значительным потерям, командующий фронтом отдал войскам приказ закрепиться на достигнутых рубежах. Не выполнив своих боевых задач, они вынуждены были остановиться. Это явилось следствием не столько неблагоприятных погодных условий, сколько ошибок в организации наступления, на что 17 марта Ставка ВГК указала Военному совету фронта: «...установив неполную готовность войск, — говорилось в специальной директиве Ставки, — он обязан доложить об этом Ставке и попросить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы»²⁵.

Кроме того, Ставка ВГК в связи с успешным наступлением войск 1-го Украинского фронта и отсутствием условий ввода в сражение 5-го гвардейского механизированного корпуса в полосе 4-го Украинского фронта принимает решение о передаче этого корпуса в состав 1-го Украинского фронта²⁶. В этой связи и командующий 4-м Украинским фронтом, используя успех соседнего фронта, наращивает усилия на направлении своего главного удара на левом крыле фронта, с тем чтобы обойти укрепления противника с севе-

ро-запада и в дальнейшем наступать на Моравска-Оставу с севера. 24 марта войска фронта после произведенной перегруппировки и уточнения задач возобновили наступление и к концу месяца силами 38-й и 1-й гвардейской армий приблизились к Моравска-Оставе на 15–20 км, а силами 18-й армии вышли на подступы к г. Жилина, продвинувшись на запад до 60 км.

Однако несмотря на успешные действия войск на втором этапе операции и продвижение в глубь обороны противника на 50–70 км, 4-й Украинский фронт так и не смог полностью выполнить поставленных перед ним задач. В связи с этим Ставка освободила командующего фронтом генерала армии И. Е. Петрова и его начальника штаба генерал-лейтенанта Ф. К. Корженевича от занимаемых должностей. В командование фронтом 26 марта вступил генерал армии А. И. Еременко, а начальником штаба 2 апреля был назначен генерал-полковник Л. М. Сандалов²⁷.

В начале апреля соединения фронта были вынуждены прервать наступление, поскольку 3 апреля поступили новые указания Ставки Верховного Главнокомандования об организации дальнейших боевых действий. Учитывая глубокое к тому времени выдвижение на запад войск 1-го и 2-го Украинских фронтов, она внесла изменения в первоначальный план разгрома противника в восточных районах Чехословакии. Фронту предписывалось главный удар нанести своим правым крылом силами 60-й армии генерал-полковника П. А. Курочкина с 31-м танковым корпусом, которые были переданы ему из состава войск 1-го Украинского фронта, а также 38-й и 1-й гвардейской армий вдоль левого берега р. Одра (Одер), разгромить группировку противника юго-восточнее и южнее Моравска-Оставы, овладеть городами Опава и Моравска-Острада и далее продолжить наступление на Оломоуц, навстречу войскам 2-го Украинского фронта²⁸.

15 апреля войска 4-го Украинского фронта перешли в наступление и прорвали оборону противника северо-западнее Моравска-Оставы. Немецкие войска оказали ожесточенное сопротивление, опираясь на систему долговременных укреплений на правом берегу р. Опава, а также на укрепленную оборонительную полосу по рекам Одер и Ольше. В первые дни темп наступления не превышал 1–2 км в сутки. Пытаясь сорвать наступление войск 4-го Украинского фронта в его полосу противник перебросил из резерва и с других участков фронта 2 пехотные, 2 танковые и моторизованную дивизию. Тем не менее 21 апреля соединения и части правого крыла 1-й гвардейской армии совместно с 38-й армией преодолели сопротивление вражеских войск, вышли к внешнему оборонительному обводу Моравска-Остра-

вы и завязали бои на подступах к городу. В тот период генерал армии А. И. Еременко докладывал в Ставку: «Войска 4-го Украинского фронта... за Моравска-Оставский промышленный район нанесли большие потери моравска-остравской группировке противника, прорвали три заранее подготовленных глубокоэшелонированных оборонительных рубежа»²⁹. На следующий день 60-я армия овладела г. Троппау (Опава). Большую помощь наступавшим войскам в этих боях оказывала 8-я воздушная армия генерала В. Н. Жданова и действовавшая совместно с ней чехословацкая 1-я смешанная авиационная дивизия. Они совершили около 2600 боевых вылетов, уничтожив значительное количество военной техники, вооружения и боеприпасов противника.

24 апреля в целях быстрейшего разгрома моравска-остравской группировки противника и овладения Моравска-Оставой командующий фронтом принял решение: активными действиями ударных группировок войск фронта в составе 60-й, 38-й и 1-й гвардейской армий на узких участках рассечь и уничтожить вражескую группировку. Уже через пять дней 1-я гвардейская и 38-я армии овладели Моравска-Оставой³⁰, а соединения и части 18-й армии — важным узлом дорог в Западных Карпатах г. Жилина, что явилось переломным моментом в ходе боевых действий войск фронта. «Войска 4-го Украинского фронта выполнили ближайшую задачу, — докладывал 2 мая командующий фронтом генерал армии А. И. Еременко в Ставку ВГК, — войска «заканчивают овладение всем Моравска-Оставским промышленным районом»³¹.

Лишившись мощного Моравска-Оставского укрепленного района, противник уже не мог создать достаточно прочной и устойчивой обороны и вынужден был начать вывод своей группировки из этого района. Продолжая наступление, войска фронта к 5 мая вышли на рубеж Штернберг (60-я армия), Фульнек (38-я армия), Пршибор (1-я гвардейская армия), Рожнов (18-я армия), где и была завершена Моравска-Оставская операция³².

Таким образом, войска 4-го Украинского фронта в результате Моравска-Оставской наступательной операции нанесли тяжелое поражение 1-й танковой армии противника, овладели Моравска-Оставским промышленным районом и вышли на рубеж западнее Троппау, Штернберг, Фульнек, Френштат, Рожнов, восточнее Голешов, тем самым создав благоприятные условия для дальнейшего продвижения советских войск в центральную часть Чехословакии.

В ходе проведения операции противник потерял более 100 тыс. солдат и офицеров убитыми и свыше 150 тыс. пленными, было уничтожено

и захвачено 4000 орудий, 1570 минометов, 1087 танков и самоходных орудий, 737 самолетов³³. Общие потери войск 4-го Украинского фронта составили 112 621 человек, из них безвозвратные — 23 964 человека, санитарные — 88 657 человек³⁴. Советские войска в ходе подготовки и проведения операции получили богатый опыт действий в условиях труднодоступной горно-лесистой местности.

После завершения 13 февраля 1945 г. Будапештской операции командование 2-го Украинского фронта получило задачу главными силами перейти в наступление на Братиславу и Брно, а частью сил во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом овладеть Веной. Действовавшие на правом крыле фронта 53-я и 40-я армии в первой половине марта овладели городами Банска Штявница и Зволен, отбросили противника на правый берег р. Грон и, перейдя к обороне, начали подготовку к предстоящему наступлению уже в рамках Братиславско-Брновской наступательной операции.

Советское командование в ходе проведения этой операции предполагало разгромить группировки противника в районе Братислава, Брно, Зноймо и завершить освобождение Словакии и частично Моравии³⁵. Братиславско-Брновскую операцию планировалось провести с 25 марта по 5 мая 1945 г. К участию в ней привлекались войска правого крыла и центра 2-го Украинского фронта в составе 40-й, 53-й и 7-й гвардейской армий, 5-й воздушной армии, 1-й гвардейской конно-механизированной группы 2-го Украинского фронта и оперативно подчиненная ему Дунайская военная флотилия, а так же румынские 4-я и 1-я армии и отдельный авиационный корпус³⁶. Всего в составе этих войск насчитывалось более 352 тыс. человек, 6160 орудий и минометов, 246 танков и самоходно-артиллерийских установок и более 630 самолетов³⁷.

Против советских войск, действовавших на братиславско-брновском направлении, оборонялась 8-я армия группы армий «Юг», которая в первых числах мая была переименована в группу армий «Австрия» под командованием генерала пехоты О. Велера, а с 7 апреля ее командующим был назначен генерал-полковник Л. Рендулич. Кроме того в район г. Брно немецкое командование дополнительно передислоцировало 25-ю и 6-ю танковые дивизии, 2-ю моторизованную, 37-ю кавалерийскую дивизию СС и еще ряд пехотных соединений и частей с других участков фронта³⁸. В целом эта группировка войск противника в своем составе имела более 200 тыс. человек, 1800 орудий и минометов, 120 танков и штурмовых орудий и около 150 самолетов³⁹.

К началу наступления советских войск противнику удалось создать глубокоэшелонированную и заблаговременно подготовленную оборону,

которая опиралась на систему естественных рубежей. Ее главная полоса глубиной 5–7 км проходила по правому берегу р. Грон, вторая полоса и тыловые рубежи — по рекам Нитра, Ваг, Морава. Крупные города и населенные пункты немецкое командование также успело подготовить к круговой обороне.

В соответствии с замыслом советского командования 2-й Украинский фронт наносил главный удар смежными флангами 53-й армии генерал-полковника И. М. Манагарова, 7-й гвардейской армией генерал-полковника М. С. Шумилова и румынской 1-й армией из р-на Левице на Братиславу, Брно; второй — силами 40-й армии генерал-лейтенанта Ф. Ф. Жмаченко и румынской 4-й армии из района севернее Зволен на Тренчин. Дунайская военная флотилия под командованием контр-адмирала Г. Н. Холостякова имела задачу огнем артиллерии и высадкой десантов содействовать наступлению войск 7-й гвардейской армии и 1-й гвардейской конно-механизированной группы генерал-лейтенанта И. А. Плиева, которая предназначалась для развития успеха на главном направлении⁴⁰.

В ходе подготовки наступления особое внимание обращалось на обеспечение войск и их действия в горно-лесистой местности.

Еще за день до начала операции командующий 2-м Украинским фронтом информировал Ставку, что «наступательную операцию севернее реки Дунай начинаю на рассвете 25.3.45 действиями двенадцати усиленных батальонов на широком фронте с целью вскрыть оборону противника по р. Грон»⁴¹. В ночь на 25 марта 12 усиленных передовых батальонов 53-й и 7-й гвардейской армий внезапно для противника на 17-километровом фронте форсировали р. Грон и захватили ряд плацдармов на ее правом берегу, на которые в первый же день были переправлены главные силы этих армий, а также и румынской 1-й армии.

Успешно прорвав вражескую оборону, советские войска в этот же день освободили город Банска-Быстрицу⁴² и начали развивать наступление вдоль левого берега Дуная на Братиславу. Уже на второй день наступления в сражение была введена 1-я гвардейская конно-механизированная группа в составе 4-го и 6-го кавалерийских корпусов, 6-го танкового и 2-го самоходно-артиллерийского полков. Группа с ходу форсировала р. Нитра и сорвала замысел противника задержать наступление войск фронта на этом рубеже. К 28 марта прорыв был расширен до 135 км по фронту и 40 км в глубину. Наступление, несмотря на весеннюю распутицу и половодье, успешно развивалось. В связи с успешным наступлением войск 2-го Украинского фронта на братиславском направлении по этому поводу 30 марта был из-

дан специальный приказ Верховного Главнокомандующего, в котором говорилось: «Перейдя в наступление, войска фронта форсировали реки Грон и Нитра, прорвали оборону противника... и продвинулись вперед на 50 км, овладев сильными опорными пунктами противника... В ознаменование одержанной победы соединения и части, наиболее отличившиеся в боях, представить к награждению орденами»⁴³.

В конце марта после упорных оборонительных боев в Словацких Рудных горах перешли в наступление 40-я армия и румынская 4-я армия. 4 апреля 7-я гвардейская армия и 1-я гвардейская конно-механизированная группа при поддержке Дунайской военной флотилии и 5-й воздушной армии генерал-полковника С. К. Горюнова после ожесточенных боев и глубокого обходного маневра освободили столицу Словакии — Братиславу⁴⁴. Уже на следующий день ими был освобожден крупный город Словакии Ружомберг⁴⁵. Развивая наступление, войска главной группировки фронта прорвали моравский оборонительный рубеж противника и 23 апреля совместно с 6-й гвардейской танковой армией генерал-полковника А. Г. Кравченко, переданной в середине апреля из 3-го Украинского фронта, вышли на подступы к Брно. Для овладения городом была создана ударная группа в составе 53-й, 6-й гвардейской танковой армий и 1-й гвардейской конно-механизированной группы⁴⁶. В результате успешных действий этой группировки советских войск уже 26 апреля Брно был освобожден от противника.

На следующий день эта группировка уже продолжала наступление совместно с 40-й армией и румынскими 1-й и 4-й армиями в северном направлении для соединения с войсками 4-го Украинского фронта, в районе Оломоуца, с целью окружения 1-й танковой армии противника⁴⁷.

В результате успешных боевых действий войска 2-го Украинского фронта продвинулись на Запад до 200 км и разгромили 15 дивизий противника, уничтожили и взяли в плен около 428 тыс. солдат и офицеров⁴⁸. Совместные удары войск 2-го Украинского фронта с ударами войск 4-го Украинского фронта, который в тот период проводил Моравско-Оставскую операцию, и 3-го Украинского фронта на венском направлении привели к разгрому всей группировки вражеских войск, дей-

ствующей на южном крыле советско-германского фронта.

Успешное завершение этой операции обогатило военное искусство опытом организации и ведения фронтовой наступательной операции на значительную глубину в условиях горно-лесистой местности с преодолением и форсированием горных рек с ходу.

За героизм и воинскую доблесть, проявленные советскими войсками при освобождении Брно и Братиславы, орденами были награждены 99 соединений и частей 2-го Украинского фронта, а 15 из них было присвоено наименование Братиславских. В то же время в ходе операции советские войска понесли немалые потери. Общие потери войск 2-го Украинского фронта и Дунайской военной флотилии в операции составили 79 596 человек, из них безвозвратные — 16 933 человека, санитарные — 62 663 человека⁴⁹. Чехословацкий 1-й корпус потерял 3730 человек, из них убитыми — 774 человека⁵⁰.

Таким образом в марте — апреле 1945 г. в результате боевых действий 2-го и 4-го Украинских фронтов и включенных в их состав чехословацких и румынских соединений была разгромлена крупная группировка вермахта в Западных Карпатах. В результате полностью была освобождена Словакия и часть Моравии, в том числе такие крупные административные и промышленные центры, как Братислава, Брно и Моравско-Острава. Боевой опыт, приобретенный Красной армией в этих операциях, позволил поднять на новую высоту развития военное искусство, особенно в вопросах ведения стратегического наступления с решительными целями, мастерского использования всех родов войск и авиации, быстрого переноса усилий с одного направления на другое, окружения и уничтожения в короткие сроки крупных вражеских группировок. Советские солдаты, офицеры и генералы в ходе сражений самоотверженно выполнили свой долг. Они проявили высокое воинское мастерство и беспредельную волю к победе.

В течение полутора месяцев войска 2-го и 3-го Украинских фронтов продвинулись на 150–350 км, вышли к южным областям Германии и центральным районам Чехословакии, заняв выгодное положение для наступления на Прагу и окончательного разгрома войск вермахта.

¹ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: 1985. С. 227.

² Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 3. М.: 1995. С. 235.

³ На вечные времена. М.: 1975. С. 199.

⁴ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. М.: 1979. Т. 10. С. 199.

⁵ За освобождение Чехословакии. М.: 1965. С. 138.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 48-А. Оп. 1795. Д. 16. Л. 220.

⁷ За освобождение Чехословакии. М.: 1965. С. 149, 150.

- ⁸ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. М.: 1985. С. 386.
- ⁹ Восемнадцатая в сражениях за Родину: Боевой путь 18-й армии. М.: 1982. С. 464.
- ¹⁰ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 415.
- ¹¹ ЦАМО РФ. Ф. 456. Оп. 6850. Д. 624. Л. 111, 112.
- ¹² Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). М.: 2000. С. 520.
- ¹³ За освобождение Чехословакии. С. 163.
- ¹⁴ ЦАМО РФ. Ф. 371. Оп. 6367. Д. 513. Л. 175.
- ¹⁵ Там же. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 176. Л. 217а–217л.
- ¹⁶ На вечные времена. С. 204.
- ¹⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах. Т. 5. М.: 1962. С. 302, 303.
- ¹⁸ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 10. С. 205.
- ¹⁹ Россия СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: 2010. С. 338.
- ²⁰ ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3013. Д. 176. Л. 217а.
- ²¹ Там же. Ф. 132-А. Оп. 2642. Д. 39. Л. 38.
- ²² Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1213. Л. 17–19.
- ²³ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: 1985. С. 460.
- ²⁴ Там же. С. 460.
- ²⁵ ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 54, 55.
- ²⁶ Там же, л. 57.
- ²⁷ Там же, л. 61, 73.
- ²⁸ Там же. Д. 39. Л. 57.
- ²⁹ Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 395.
- ³⁰ ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1179. Л. 237.
- ³¹ Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). С. 543.
- ³² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. В 6-ти томах. Т. 5. С. 306.
- ³³ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 5. М.: 2001. С. 222.
- ³⁴ Россия СССР в войнах XX века. Книга потерь. М.: 2010. С. 360.
- ³⁵ Военный энциклопедический словарь. М.: 1980. С. 99.
- ³⁶ За освобождение Чехословакии. С. 203.
- ³⁷ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 1. М.: 1997. С. 568.
- ³⁸ За освобождение Чехословакии. С. 202.
- ³⁹ Военная энциклопедия. В 8-ми томах. Т. 1. С. 568.
- ⁴⁰ Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М.: 1985. С. 109.
- ⁴¹ Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). С. 530.
- ⁴² Освободительная миссия Советских Вооруженных Сил в Европе во Второй мировой войне. Документы и материалы. С. 390.
- ⁴³ ЦАМО РФ. Ф. 2. Оп. 990266. Д. 9. Л. 382, 383.
- ⁴⁴ Русский архив. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). С. 534.
- ⁴⁵ Там же, с. 534.
- ⁴⁶ Там же, с. 538, 539.
- ⁴⁷ Там же, с. 540.
- ⁴⁸ История Второй мировой войны 1939–1945. В 12-ти томах. Т. 10. С. 211.
- ⁴⁹ Россия СССР в войнах XX века. Книга потерь. С. 360.
- ⁵⁰ На вечные времена. С. 221.

Архивные документы

Приложение 1

Директива Ставки ВГК командующему войсками 4-го Украинского фронта о проведении Западно- Карпатской операции и выходе на территорию Чехословакии

Москва

16 сентября 1944 г.

На Ваши соображения, представленные шифром за № 11097, Ставка Верховного Главнокомандования указывает:

1. Направление наступления главной группировки фронта Вами значительно отклоняется к востоку, в результате чего теряется взаимодействие с 38 А 1-го Украинского фронта. Основным направлением наступления иметь Команьча, Гуменне, Михальовце.
2. Взаимодействие с 38 А 1-го Укр. фронта осуществлять постоянно, а не относить его на период после преодоления главного хребта. Возможности для такого взаимодействия имеются, и отказываться от него — неправильно.
3. На границу Польши с Чехословакией выйти не позже 19.9.44 и овладеть рубежом: Ганушовце, Чемерне, Гуменне, Стокчин не позже 30.9.
4. Артиллерия БМ дана Вам не будет, так как в ней нет необходимости. Гаубичные снаряды 122-мм и горючее будут отпущены.
5. Сил и средств у Вас вполне достаточно для успешного выполнения задачи, и Ставка требует от Вас решительных наступательных действий, чтобы не позже 3.10 овладеть районом Михальовце.
6. Об отданных распоряжениях донести.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов

ЦХСД. Д. 2/2. 1944 г. Л. 49–50.

Приложение 2

Директива Ставки ВГК командующему войсками 4-го Украинского фронта и члену военного совета фронта по результатам Моравска-Оставской наступательной операции

17 марта 1945 г.

Ставка Верховного Главнокомандования считает объяснение генерала армии Петрова от 17.3.45 за № 256 неубедительным и указывает:

1. Командующий фронтом генерал армии Петров, установив неполную готовность войск фронта к наступлению, обязан был доложить об этом Ставке и просить дополнительного времени на подготовку, в чем Ставка не отказала бы. Но генерал армии Петров не позаботился об этом или побоялся доложить прямо о неготовности войск.
Член Военного совета фронта генерал-полковник Мехлис сообщил в ЦК ВКП(б) о недочетах в подготовке и организации наступления только после срыва операции, вместо того чтобы, зная о неполной готовности войск, своевременно предупредить об этом Ставку.
2. Командование фронтом и армий не сумело скрыть от противника сосредоточение войск и подготовку наступления.
3. Штаб фронта был разбросан, и большая часть его находилась в 130 км от участка наступления. Проявленное в указанных недочетах неумение подготавливать операцию и определило ее неуспех. Ставка [в] последний раз предупреждает генерала армии Петрова и указывает ему на его недочеты в руководстве войсками.

Ставка Верховного Главнокомандования

И. Сталин

А. Антонов

ЦАМО РФ. Ф. 148а. Оп. 3763. Д. 213. Л. 54, 55.

Приложение 3

Боевое донесение командования 2-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о начале Братиславско-Брновской наступательной операции фронта

24 марта 1945 г.

Доношу:

1. Наступательную операцию севернее реки Дунай начинаю на рассвете 25.3.45 действиями двенадцати усиленных батальонов на широком фронте с целью вскрыть оборону противника по р. Грон. При успешном действии этих батальонов силы их будут наращиваться для продолжения наступления.
2. Если действиями батальонов будет вскрыта сильная оборона противника по р. Грон, то в этом случае с утра 26.3.45 г. начинаю наступление главными силами с предварительной часовой арт-подготовкой.

Р. Малиновский

А. Тевченков

Г. Захаров

*Русский архив. Красная Армия в странах
Центральной Северной Европы и на Балканах.*

Документы и материалы 1944–1945. 14–3(2). М. 2000. С. 530.

Приложение 4

Боевое донесение командующего войсками 4-го Украинского фронта Верховному Главнокомандующему о результатах боевых действий по освобождению Моравска-Оставского промышленного района

30 апреля 1945 г.

1. Войска 4-го Украинского фронта в жестоких наступательных боях за Моравска-Оставский промышленный район прорвали три глубоко эшелонированных рубежа с железобетонными сооружениями и к 11.00 30.4.45, овладев городами Марианске Горы, Витковице с севера и юго-запада и в ожесточенных боях отвоевывая квартал за кварталом, к 19.10 30.4.45 овладели крупным военно-промышленным и политико-экономическим центром Чехословакии, а также важнейшим узлом коммуникаций и сильно укрепленным районом немцев — городом Моравска-Острава.

За период боев по прорыву укрепленного района и захвату Моравска-Острава с 23.4.45 нанесены следующие потери противнику:

- а) уничтожено: 24000 солдат и офицеров, 60 танков и самоходок, 220 орудий разных калибров;
- б) захвачено: до 4000 солдат и офицеров, 75 танков и самоходок, 165 орудий.

А Еременко
Л. Мехлис
Л. Сандалов

ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 1179. Л. 238–243.

Пропаганда и контрпропаганда Красной армии на территории Германии

Д. Г. Гужва*

З аключительный период Великой Отечественной войны характеризовался переходом Красной армии от наступления на отдельных направлениях к общему наступлению по всему фронту. Многочисленные операции завершались окружением и последующим уничтожением крупных группировок противника, что серьезно отражалось на дальнейшем падении морального духа его войск. Основным постулатом в информационно-психологической работе советских органов пропаганды в этот период было не запугивание немецких солдат и офицеров надвигающейся катастрофой, а помощь в осознании бессмысленности сопротивления и склонение на путь организованной капитуляции и коллективного перехода в плен¹, а также усиление пропаганды нарастающих сокрушительных ударов Красной армии. Одним из основных путей решения этой задачи было широкое и непрерывное разоблачение гитлеровской лжи о целях Красной армии, об отношении советского народа к Германии и ее союзникам, а также о якобы жестоком содержании военнопленных в Советском Союзе.

Успешные наступательные действия советских войск в 1944–1945 гг. неизбежно вели к дальнейшему снижению морального духа и боеспособности немецко-фашистских войск. В них все заметнее росла «котлобоязнь». Среди немецких военнослужащих участились случаи дезертирства, членовредительства, симуляции, попытки избежать службы на передовой. В ходе изучения морально-психологического состояния личного состава войск противника особое внимание обращалось на выяснение и вскрытие противоречий (классовых, национальных и других) внутри противостоящих войск, выявление иных фактов,

ослаблявших боевой дух противника. Постоянное внимание уделялось изучению настроений населения противника как в прифронтовой полосе, так и в глубоком тылу и их влияние на моральный дух армии. Изучение морально-психологического состояния личного состава войск противника осуществлялось путем допросов военнопленных, анализа трофейных документов (приказов командования, печатных изданий, дневников, писем солдат и офицеров), перехвата сообщений радиостанций, опроса местного населения, наблюдения за поведением солдат противника на поле боя и т. д.

С целью получения более объективной и достоверной информации о боевом духе военнослужащих противника в апреле 1944 г. начальникам политуправлений фронтов был направлен циркуляр, в котором указывалось, что «оперативная информация о противнике, поступающая в ГПУ РККА, далеко не удовлетворяет требованиям нашей пропаганды. Информация поступает с большим запозданием, зачастую носит обрывочный, чрезмерно лаконичный характер. Многие сообщения бледны, некорректны, трафаретны. Некоторые существенные явления и факты, характеризующие поведение противника в бою, состояние его частей и командования, моральный дух войск освящаются слабо...». В целях обеспечения более полной, содержательной и своевременной оперативной информацией командование Красной армии предлагалось «резко улучшить качество политического опроса военнопленных... кроме других вопросов, сосредоточивать внимание опрашиваемых на... примерах и фактах, свидетельствующих об обстановке в германском тылу и в оккупированных Германией странах, о настро-

* Гужва Дмитрий Геннадьевич — к. и. н., начальник 23-го научно-исследовательского отдела 2-го научно-исследовательского управления НИИ (ВИ) ВАГШ ВС РФ.

ениях населения...». Также высказывалось требование о «быстром предоставлении в 7-й отдел ГПУ РККА добытых сведений, документов и протоколов допросов...»².

Сознавая, что успех политического влияния на местное население зарубежных государств в значительной мере зависит от поведения советских воинов, от их отношения к населению, к привычкам и традициям народов этих стран, командиры и их заместители проводили среди личного состава воспитательную работу. Организовывались политические занятия, читались лекции и доклады, в которых разъяснялось, что представляет собой страна, в которой находятся советские воины, какие исторические, национальные, этнографические особенности она имеет, какова политика советского государства в отношении данного государства, объяснялись правила поведения наших воинов на чужой земле. Каждому бойцу и офицеру вручалась памятка по всем этим вопросам. В ней подчеркивалась главная задача — быстрейший разгром врага и оказание помощи местному населению в налаживании мирной жизни.

Опыт агитационной и информационно-пропагандистской работы политорганов Красной армии среди войск и населения освобождаемых от фашизма стран был творчески использован и в ходе завершающих победоносных сражений. В середине января 1945 г. Красная армия, ведя успешные наступательные операции, пересекла границы Восточной Пруссии, тем самым перенесла боевые действия на территорию фашистской Германии. Советские политорганы приступили к работе по воспрепятствованию пропаганде противника на наши войска, а также проводили активные информационно-пропагандистские мероприятия среди немецких войск и населения на территории врага и в его прифронтовой полосе.

В дни вступления советских войск на территорию Германии командиры, политорганы и агитаторы проводили большую работу по разъяснению личному составу исторических основ побед Красной армии и информировали о дальнейших задачах. Вступление в Германию вызывало у наших бойцов законную гордость тем, что война перенесена туда, откуда она и пришла, и приближается окончательный час победы. В целях увеличения наступательного порыва и еще более успешного решения боевых задач на границе были установлены лозунги: «Мы в логове фашистского зверя!», «Вперед, на окончательный разгром врага!», «Водрузим Знамя Победы над Берлином!» и т.д., а там, где позволяла обстановка, были проведены митинги и беседы³.

Основной задачей на завершающем этапе войны было доведение до сознания каждого солдата, сержанта и офицера, что очищение Германии

от фашизма является заключительной миссией Красной армии в войне, и она будет выиграна, во что бы то ни стало. 6 ноября 1944 г. И. В. Сталин на торжественном заседании в Москве заявил: «Красная Армия достойно выполнила свой патриотический долг и освободила нашу Отчизну от врага... Теперь за Красной Армией остается ее заключительная миссия: довершить вместе с армиями наших союзников дело разгрома немецко-фашистской армии, добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы»⁴. Это указание и стало главным и определяющим направлением всей агитационной и информационно-пропагандистской работы в войсках.

По воспоминаниям Маршала Советского Союза К. К. Рокоссовского, еще до вступления на территорию фашистской Германии на Военном совете фронта был поднят вопрос о поведении советских воинов на немецкой земле. «Столько горя принесли гитлеровские оккупанты советскому народу, столько страшных преступлений совершили они, что сердца наших солдат законно пылали лютой ненавистью к этим извергам. Но нельзя было допустить, чтобы священная ненависть к врагу вылилась в слепую месть по отношению ко всему немецкому народу. Мы воевали с гитлеровской армией, но не с мирным населением Германии. И когда наши войска пересекли границу Германии, Военный совет фронта издал приказ, в котором поздравлял солдат и офицеров со знаменательным событием и напоминал, что мы в Германию вступаем как воины-освободители...»⁵. Военный совет призывал бойцов и командиров соблюдать образцовый порядок, высоко нести честь советского солдата. Командиры и политработники настойчиво разъясняли солдатам существо освободительной миссии, ее ответственность за судьбу Германии, как и за судьбы тех стран, которые избавлялись от ига фашизма советскими воинами.

Эта же мысль проходит и в мемуарах Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, который отмечал о повсеместном проведении среди советских войск «большой разъяснительной работы о лояльном отношении к мирному населению Германии, которое было жестоко обмануто гитлеровцами и теперь испытывало на себе все тяготы войны». По мнению полководца, именно благодаря «широкой разъяснительной работе нам удалось избежать нежелательных явлений, которые могли быть проявлены со стороны бойцов, семьи которых так сильно пострадали от зверств и насилия гитлеровцев»⁶.

В ходе лекций, докладов и бесед с офицерами, солдатами и сержантами широко пропагандировались приказы Ставки, политуправлениями фронтов большими тиражами издавались тема-

тические разработки для проведения бесед с различными категориями военнослужащих на тему: «Победа Красной Армии — победа советского социалистического строя», «Железная воинская дисциплина — основа побед Красной Армии», «Чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу»⁷, «Поведение на территории Германии», «Внешний вид бойца», «Честь и достоинство воина Красной Армии»⁸, «Как советский закон карает за дезертирство и побег с поля боя»⁹, «Пьянство и барахольство несовместимы с честью и достоинством воина Красной армии»¹⁰, «Честь и слава героям наступления»¹¹ и т.д., в которых, в воспитательных целях, использовались имеющие место факты распущенности и нарушения воинской дисциплины некоторыми военнослужащими. В воинских частях издавались специальные приказы, в которых отмечались как лучшие и наиболее дисциплинированные офицеры, так и худшие — роняющие свою офицерскую честь и достоинство¹². Во всех частях и соединениях офицерскому составу были прочитаны доклады: «Офицерская честь», «Высокая требовательность командира и начальника — основа крепкой воинской дисциплины», «Моральный облик советского офицера и воспитание подчиненных»¹³.

Особое внимание в информационно-пропагандистской работе обращалось на молодое пополнение и бойцов нерусской национальности. Большую роль в этом сыграла военная печать, издаваемая на национальных языках. Так, только политуправлением 1-го Белорусского фронта в данный период было издано около одного миллиона экземпляров листовок, в том числе 200 тыс. экземпляров для бойцов нерусской национальности. В соединения и части было направлено 697 506 экземпляров различной литературы и 39 800 плакатов. Ежедневный тираж всех выходящих на фронте газет превышал 140 тыс. экземпляров. Кроме того, войска получали более 100 тыс. экземпляров центральных газет и журналов¹⁴.

Идея «добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы» была доведена до сознания воинов, овладела ими, вызвала огромный подъем в войсках и превратилась в материальную силу, о чем свидетельствовали письма на родину, где красной нитью проходила мысль «наш путь домой — через Берлин» и высказывания бойцов: «Я воюю от Сталинграда и сейчас горжусь тем, что буду брать Берлин. Идем в решительное наступление, возьмем Берлин, добьем проклятого врага и закончим войну с победой» (гв. с-т Смолин), «Я дошел до Германии — это великое счастье для воина. Сколько пар сапог износил... Пять раз был ранен. А уж теперь до Берлина обязательно дойду»

(ст. с-т Юрченко)¹⁵. Боец Шишкин писал своему брату в Тульскую область: «Дорогой брат Андрей. Мы уверенно идем по земле проклятой Германии. Довольно поганым фрицам топтать нашу землю. Настал час расплаты... Будь уверен, я отомщу им за наше разрушенное и сожженное село, за убитых брата и сестру, за маму, погибшую в неволе. Мы пришли мстить... Скоро будем в Берлине»¹⁶.

В результате проведенной работы в частях и подразделениях значительно повысилась воинская дисциплина, улучшился порядок и организованность. Трофейное обмундирование было снято, обувь и одежда отремонтированы, оружие и военное имущество приведены в порядок. Значительно сократилось количество аморальных проступков, пьянства и связанных с ними происшествий. Командиры частей и подразделений повысили свою активность в работе с личным составом и требовательность к подчиненным¹⁷. Активизировали свою работу суды офицерской чести, которые стали проводиться регулярно и более продуктивно¹⁸.

При вступлении на немецкую территорию советскому командованию приходилось учитывать ряд особенностей, с которыми ранее оно не сталкивалось. Так, некоторые военнослужащие в порыве гнева за принесенный страх и горе их родным и близким нацистскими агрессорами на временно оккупированной советской территории, бессмысленно портили и уничтожали вещи немцев, поджигали их дома, а в некоторых случаях уничтожали склады с продовольствием и имуществом. Советские войска нередко встречали на своем пути и освобождали из немецкого рабства тысячи советских людей, насильно угнанных на работу в Германию. Они рассказывали о зверствах нацистов, что не могло не повлиять на чувства бойцов. Были случаи убийств и насилия по отношению к немецкому населению. Это объяснялось стихийным взрывом ненависти, а также неправильным, примитивным понятием чувства мести со стороны некоторых солдат и офицеров.

В перестроечный период некоторые авторы акцентировали свое внимание на проблеме сексуального насилия и интимных отношений советских воинов на территории Германии на заключительном этапе Великой Отечественной войны. При этом приводились различные цифры, чаще всего существенно завышенные. Зарубежные исследователи также проявляют к этой теме повышенный интерес, но и они не могли привести убедительные аргументы и пришли к выводу, что «точное число жертв изнасилований среди русского населения невозможно определить, как невозможно говорить о каких-либо точных цифрах в Восточной Пруссии»¹⁹. Тем более сексуальные отношения между советскими военнослужащи-

ми и немецкими женщинами в этот период имели разные стороны — «это было и прямое насилие, и сожительство из прагматических соображений, и романтические увлечения»²⁰.

Такое поведение военнослужащих к местному населению и их имуществу в корне противоречило политике советского правительства по отношению к немецкому народу. Еще в приказе НКО СССР № 55 от 1942 г., посвященного 24-й годовщине образования Красной армии, говорилось, что «было бы смешно отождествлять клику Гитлера с германским народом, с германским государством... гитлеры приходят и уходят, а народ германский, государство германское — остается»²¹. Необходимо было разъяснить советским воинам глубокий смысл и дальновидность данного изречения. Органы советской пропаганды обязаны были апеллировать к сознанию и уму солдат и донести до них, почему они не должны допускать насилия и бесчинства по отношению к немцам и менять свое отношение к ним в лучшую сторону. В то время трудно было говорить прямо, что мы будем создавать новую, дружественную нам Германию, что здесь мы имеем свои государственные интересы, рассчитанные на длительный период. Это необходимо было донести таким образом, чтобы бойцы и офицеры поняли весь вред той безрассудной мести, которая повлияет не только на будущее, но и на выполнение боевой задачи в настоящем.

Советское командование делало все возможное, чтобы избавиться от образа оккупантов и заменить его образом освободителей²². Так, Военным советом 1-го Белорусского фронта было подготовлено обращение, в котором говорилось: «Многие бойцы не понимают, что все ценное, отбитое у немцев, надо не уничтожать, не приводить в негодность, а сохранять, как ценности, принадлежащие отныне нашему государству ...люди, уничтожающие их, не немцам мстят, а вредят себе... Наш закон таков — воин Красной Армии никогда не уподобится фашистским людоедам, никогда не уронит достоинства советского гражданина...»²³.

Данное обращение возымело действие в отношениях наших войск к захваченному у немцев имуществу. Так, в домах, где располагались танкисты 49-й танковой бригады, можно было видеть надписи: «Товарищи! Не уничтожайте это имущество. Оно наше и будет вывезено в Советский Союз»²⁴. В ходе боев за Берлин пехотинцы одной из частей отказались от помощи артиллеристов уничтожить залпом орудий засевших в одном из заводов гитлеровцев, заявив, «что они выкурят немцев своими силами, зато завод останется целым и будет вывезен в Советский Союз». В предместьях Берлина нередко можно было видеть на

складах, зданиях заводов, особняках, брошенных немцами, надписи: «Товарищи! Это наше добро. Не портите его!»²⁵.

Такой же перелом произошел в сознании советских войск и по отношению к немецкому населению. В период Берлинской операции не было массового явления бесчинств и насилия. Отдельные случаи подобных явлений главным образом имели место со стороны военнослужащих тыловых частей и специальных подразделений. На собраниях, беседах, митингах неоднократно можно было слышать мнение: «слов нет — наша месть к немцам велика. Но мы ее используем для беспощадного уничтожения сопротивляющегося противника»²⁶. Имели место и такие предложения, как «всех этих «героев» (имелись в виду военнослужащие тыловых подразделений) и охотников гнать за немецкой юбкой, терять облик советского воина — посылать вперед, туда, где идет бой...»²⁷. Бойцы и офицеры, принимавшие непосредственное участие в боях, не только не творили бесчинств, но и оказывали всевозможную помощь местному населению в организации питания, отдавая оставшуюся еду с батальонных кухонь. Укрепление правопорядка и дисциплины в войсках, устранение бесчинств по отношению к немцам обусловило коренной перелом и в отношении местного населения к Красной армии.

Основной формой по разложению войск противника на данном этапе была печатная, устная, наглядная и радиопропаганда. Применение той или иной формы агитационной и информационно-пропагандистской работы зависело от конкретной обстановки на фронте и во вражеском тылу, а также выполняемых советскими войсками задач. Так, при наступлении в крупном городе действенной формой пропаганды являлось оперативное издание и распространение кратких по содержанию листовок, адресованных к отдельным частям или подразделениям противника. В уличных боях, когда использовать МГУ и ОГУ было сложно или невозможно, для вещания через улицу или из дома в дом применялись рупоры.

Стремительное наступление Красной армии, скоротечность боевых действий и подвижность линии фронта требовали от командования и политорганов в вопросах проведения агитационной и информационно-пропагандистской работы среди войск противника маневренности, оперативности и гибкости. Ставка обязывала политорганы не ограничиваться отдельными агитналетами, а воздействовать на соединения и части врага целенаправленно, тесно увязывая эту работу с боевыми задачами советских войск. Так, основной целью пропагандистской работы в период подготовки к наступлению ставилось создание у солдат и офицеров противника неуверенности в проч-

ности обороны, подрыва их веры в свои силы, указывался единственный верный путь к спасению — сдача в плен. Поэтому в печатной, устной и радиопропаганде акцент делался на то, что никакие укрепления и рубежи, даже подготовленные заблаговременно, не спасут обороняющихся. А удерживающим их солдатам и офицерам грозит неминуемая гибель, если они будут продолжать сопротивление. Разоблачалась лживая гитлеровская пропаганда о подходе свежих резервов, действительности фольксштурма, применения «оружия возмездия» и т. д.

Кроме радиопропаганды для выполнения агитационных задач, на линии фронта использовались пленные. На заключительном этапе войны практиковался способ кратковременного привлечения только что захваченных солдат для ведения пропаганды посредством радиообращения, написания писем родным или отправкой в свое подразделение для непосредственной агитации на месте. Наибольших результатов засылка пленных через линию фронта приносила в наступлении или полном окружении, то есть там, где моральный дух обороняющихся был низок и они прекрасно понимали всю обреченность своего положения.

Так, 20 апреля на один из участков фронта прибыл батальон фольксштурмовцев в составе 200 человек. Захваченные в ту же ночь 5 солдат из этого батальона были посланы обратно. Вернулись они через день, приведя с собой почти всех солдат батальона. 22 апреля на нашу сторону из части города, оборонявшиеся гитлеровцами, пришло 300 человек местного населения, 15 из которых были посланы обратно. Вскоре они привели с собой 165 фольксштурмовцев и полицейских. Рабочий берлинской табачной фабрики Панков привел с собой 600 человек, охранявших фабрику, которые добровольно сдали оружие. И таких примеров было немало. Всего же в ходе Берлинской операции только на участке 1-го Белорусского фронта за семнадцать суток в части и подразделения противника было заслано 2130 военнопленных и 2365 местных жителей, которые привели с собой около 14700 немецких солдат и офицеров²⁸.

Командование вермахта принимало меры для нейтрализации этого явления. В одном из захваченных документов командирам немецких частей и боевых групп предлагалось предупредить личный состав, что в войсках появляются «офицеры или солдаты в офицерской форме, которые находились в русском плену, были обработаны русскими, деморализованы и настроены враждебно по отношению к немцам. Эти солдаты ведут разлагающие разговоры и деморализуют личный состав. Необходимо таковых немедленно задерживать и передавать в распоряжение командиров». Согласно другому приказу командир подразделения обязан был

сдать отсутствовавшего без уважительной причины 6 часов военнослужащего для проведения дознания органам полевой жандармерии. Учитывая меры противодействия врага, командование 2-го Белорусского фронта в 1945 г. разрешило офицерам от командира взвода и выше самостоятельно отпускать военнопленного в тыл противника, не дожидаясь разрешения вышестоящего командования. Это решение обеспечивало быстроту засылки, содействовало более высоким результатам такого способа воздействия на противника. При засылке военнопленному давалась отпечатанная типографским способом справка на русском языке о том, что он выполняет задание советского командования. Ему указывалось место на переднем крае, где солдаты были информированы о переходе одного или группы перебежчиков. На справке и на нескольких отрывных талонах пропуска добровольно сдающимся в плен проставляли одинаковый номер. Это облегчало учет количества солдат, приведенных за сланным с собой в плен.

Засылавшиеся в плен с агитационными целями не только приводили с собой солдат противника, но и выполняли другие задания. Часто засылали «почтальонов» — военнопленных, соглашавшихся тайно опустить письма пленных родным в ящики полевой почты вермахта. Такие «почтальоны» часто несли с собой листовки и газеты на иностранных языках, изданные советскими войсками. Так, засланные в подразделения вермахта пленные на 3-м Белорусском фронте перенесли с собой 200 тыс. листовок.

Значительную роль в советской пропаганде и агитации в пользу капитуляции и массового плена сыграли доводившиеся до войск противника приказы командующих фронтами об отношении к солдатам и офицерам капитулирующих частей и соединений вражеских армий. Приказы подобного рода доводились до военнослужащих противника через листовки, радиопередачи и средствами звукового вещания.

Большое значение в агитации за сдачу в плен имели публичные выступления немецких пленных генералов, в которых опровергалась фашистская ложь о тяжелом положении военнопленных в советском плену. «мы констатируем и заявляем, что с военнопленными обращаются в соответствии с международными соглашениями и обычаями», — писали они. В условиях непрерывных боевых успехов Красной армии агитация за сдачу в плен находила благоприятную почву как у солдат, так и у офицеров гитлеровских войск. Поняв и признав неизбежность поражения, они искали пути сохранения своей жизни²⁹.

Массовые проявления трусости, снижение стойкости солдат и офицеров и антивоенные настроения серьезно тревожили германское коман-

дование. «Победа или всеобщая гибель» — вот постулат, который был положен в основу немецкой пропаганды. Гитлеровская клика умышленно отождествляла свою гибель с поражением всего немецкого народа. Этим она хотела поддержать боеспособность армии и стойкость тыла. Чтобы предотвратить падение дисциплины, немецкое командование усилило репрессии. Приказ А. Гитлера от 26 февраля 1944 г. давал право «офицерам, унтер-офицерам и просто храбрым солдатам» без суда и следствия расстреливать на месте «неповинующихся» и «недисциплинированных». Военно-полевые суды все чаще выносили смертные приговоры по политическим мотивам³⁰. С целью дальнейшего предотвращения упадка морального духа, ликвидации пораженческих настроений и поднятия боеспособности армии, командование вермахта еще больше усилило идеологическую обработку своих войск, в связи с чем произошла реорганизация пропагандистского аппарата. Так, с 1944 г. при штабах дивизий и выше были введены штатные должности, а при полках и ниже — нештатные должности офицера воспитания, для которых была разработана специальная инструкция³¹. К этой работе активно привлекались члены национал-социалистской партии, чего ранее в вермахте не наблюдалось.

Гитлер особой директивой обязывал войска держать каждый рубеж, каждый город до последнего патрона, оставаясь в окружении — не отходить, сковывая при этом как можно больше советских войск. Нарушившим приказ грозила смертная казнь. Советские солдаты и офицеры имели возможность не раз убедиться, что гитлеровские фанатики следовали этой директиве до конца, хотя ничто уже не могло спасти их от надвигавшейся катастрофы³².

Призывая немецких солдат сражаться до последнего патрона и не отступать ни на шаг, в то же время гитлеровская пропаганда сеяла в войсках иллюзии о скором повороте событий в благоприятную для фашистской Германии сторону. Войскам и населению внушалась мысль, что еще не все потеряно, что Германия располагает мощными материальными и людскими резервами. Также преувеличивались боеспособность фольксштурма и мощь секретного оружия, применение которого якобы планировалось в ближайшее время³³. Стремясь достичь фанатизма в армии и заставить население сражаться за фашистские идеалы, гитлеровцы усиленно апеллировали к национальному самосознанию и историческим традициям, заявляя о неприступности Германии, и что о стены этой крепости разобьются наступающие советские войска.

Готовясь к ведению боевых действий на своей территории, гитлеровцы пытались вовлечь в вооруженную борьбу все население, способное взять

в руки оружие, запугать своих противников всенародным сопротивлением и максимально продлить дни нацистского режима. С этой целью в сентябре 1944 г. А. Гитлер подписал указ о создании немецкого народного ополчения (фольксштурма), призыву в которое подлежало все мужское население Германии от 16 до 60 лет.

В преддверии битвы за Берлин немецкое командование усилило пропагандистскую работу среди своих войск, обороняющих столицу Германии. В приказе Гитлера «Солдатам Восточного фронта» от 15 апреля 1945 г. утверждалось, что советские войска стремятся разрушить Германию и истребить немецкий народ: «стариков и детей убивают, женщин и девушек низводят до положения казарменных проституток, а остальных отправляют в Сибирь»³⁴. Данные советской разведки свидетельствовали об ужесточении участи отступающих и сдающихся в плен немецких военнослужащих. «Всякий отступающий будет расстрелян на месте!», «Сдача в плен — измена!», «На защите Берлина стоять насмерть!» — гласили приказы, лично подписанные А. Гитлером. Немецких военнослужащих и фольксштурмовцев, пытавшихся сдаться в плен или высказывавших пораженческие мысли, немедленно привлекали к суду военного трибунала и беспощадно расстреливали, о чем оперативно, всеми возможными средствами, доводилось до обороняющихся войск. Так, в последние дни битвы за Берлин сообщалось о расстреле 18 солдат, попытавшихся сложить оружие, а также о казни 28 семей немецких военнослужащих, сдавшихся в плен³⁵.

Таким образом, интенсивная фашистская пропаганда оказывала значительное воздействие на личный состав и местное население. Широко разрекламированные временные успехи на Западном фронте у Арденн, запугивание последствиями грядущего поражения, мысль о том, что немецкие солдаты теперь сражаются за свои семьи, и другие демагогические выступления позволили гитлеровской пропагандистской машине добиться у некоторых слоев населения и ряда наиболее преданных частей и соединений ослабления панических и депрессивных настроений. Однако она не могла в целом остановить неуклонно снижающееся морально-психологическое состояние немецко-фашистских войск, ибо еще большее влияние, чем национальная пропаганда, на него оказывали мощное наступление Красной армии и осознание бессмысленности приносимых жертв. Одним из характерных примеров действенности советской пропаганды в ходе боев за Берлин является тот факт, что около 50% от общего числа сдавшихся в плен немецких солдат и офицеров имели на руках листовки. Они предъявлялись советским военнослужащим непосредственно на переднем

крае при сдаче в плен. Результаты допроса военнопленных свидетельствовали, что советская пропаганда, как печатная, так и устная, способствовала снижению их боевого духа, а листовки оказывали значительное влияние на принятие решения о сдаче в плен. Имели место случаи, когда сдавшиеся немецкие солдаты утверждали, что они сознательно не оказывали вооруженного сопротивления наступающим подразделениям и частям Красной армии, следуя указаниям советских листовок³⁶.

На подступах к Берлину немецкая пропаганда активизировала свою деятельность и по отношению к советским военнослужащим. С самолетов в распоряжение наших войск неоднократно сбрасывались листовки, в которых приводились следующие аргументы: «От Берлина вы недалеко, но в Берлине вы не будете. В Берлине сотни тысяч домов, и каждый дом будет неприступной крепостью. Против вас будет бороться каждый немец». «Мы тоже были у Москвы и Сталинграда, но их не взяли. Не возьмете и вы Берлин, а получите здесь такой удар, что и костей не соберете. Наш фюрер имеет огромные людские резервы и секретное оружие, которое берег для того, чтобы на немецкой земле окончательно уничтожить Красную Армию»³⁷. Стремясь добиться деморализации советских воинов, гитлеровцы прибегали к их запугиванию, обещали райскую жизнь в плену, применяли самую беззастенчивую ложь и сознательно извращали действительность.

Среди неустойчивой части советских бойцов бытовало мнение, что «немцы еще сильны» и «у них, наверное, подготовлены большие силы для решающего удара»³⁸. Поэтому было необходимо оперативно ликвидировать подобные настроения, путем убеждения этой категории военнослужащих, что резервы Красной армии неизмеримо возросли за годы войны, что гитлеровская Германия обречена и стоит на краю катастрофы, что именно здесь будет решена судьба Германии и обеспечена наша победа. С этой целью политуправлениями фронтов большим тиражом издавались тематические разработки для проведения бесед с различными категориями военнослужащих.

Нахождение советских войск на вражеской территории требовало от командования и политработников настойчиво и неустанно внушать солдатам и офицерам мысль о необходимости строгого сохранения военной тайны и соблюдения бдительности. С этой целью с личным составом проводились лекции, беседы, издавались приказы и листовки, публиковались материалы в военной периодической печати. Так, при вступлении советских войск в различные районы Германии, проводились беседы на тему: «Бдительность — залог нашей победы над гитлеровской Германией»³⁹, «Бдительность — наше оружие»⁴⁰, директивы во-

енных советов армий требовали «повысить бдительность и боевую настороженность войск...»⁴¹. В устной и печатной пропаганде активно популяризировался приказ Верховного Главнокомандующего от 23 февраля 1945 г., в котором, в частности, говорилось: «Обреченный враг бросает в бой последние силы... Он хватается и будет хвататься за самые крайние и подлые средства борьбы. Поэтому надо помнить, что чем ближе наша победа, тем выше должна быть наша бдительность, тем сильнее должны быть наши удары по врагу»⁴².

Условия работы с местным населением в Германии значительно отличались от работы с населением ранее освобожденных нашей армией стран. Запуганные фашистской пропагандой, многие жители уходили на запад, остальные, боясь возмездия, скрывались. Так, 27 января 1945 г. части 5-й ударной армии вступили на территорию Германии. Узнав об этом, население немецких сел, бросая свое имущество, скот и домашнюю утварь, почти все бежало с гитлеровскими войсками или укрылось в лесах, боясь расплаты за те злодеяния, которые принесли немецкие захватчики советскому народу⁴³. Нацистская пропаганда представляла советские войска как не знающие милосердия орды Чингисхана, которые уничтожают все на своем пути. Образ дикого «монгола», который широко распространялся через пропагандистские плакаты, использовался нацистской властью в качестве жупела, заставлявшего население бороться до самых последних дней войны.

Местные жители, напуганные фашистской пропагандой, нередко предпочитали смерть, нежели жить при Советах. В населенных пунктах бойцы находили целые семьи, которые кончали жизнь самоубийством. Сначала родители травили детей, а затем себя. Были нередки случаи, когда местные жители, уходя от Красной армии, поджигали дома⁴⁴. Населению изо дня в день повторяли о большевистских ужасах и зверствах. О том, что женщины и дети будут отправлены в Сибирь, а мужчины кастрированы. Постоянно звучал лозунг «Победа или Сибирь»⁴⁵. Само немецкое командование, отступая под натиском советских войск, оставляло диверсионно-террористические группы для ведения партизанской войны. Свою пропаганду гитлеровцы вели в расчете поднять население на оборону страны, вызвать ожесточенное сопротивление Красной армии, но часто результат получался другим. Запуганный житель, видя беспомощность гитлеровской верхушки, впадал в панику и политическое безразличие. Лишь некоторая часть жителей оказалась способной выступить против своего фашистского правительства. Имели место отдельные примеры саботажа на заводах, однако они жестоко подавлялись со стороны гестапо.

Поэтому необходимо было посредством агитации воздействовать на местное население, нейтрализовать фашистские силы, побудить жителей выполнять приказы и распоряжения советских военных властей, привлечь их к сотрудничеству, продемонстрировать подлинную политику советского государства в отношении Германии и германского народа, гуманное отношение Красной армии к населению. Надо было убедить немцев, что эта армия, пришедшая к ним как армия-победительница, делает различие между преступными фашистскими руководителями и населением, которое стало жертвой нацистского обмана и террора.

Нередко с недавно освобожденных от немецко-фашистских войск районов приходили сообщения о том, что население некоторых населенных пунктов, боясь прихода русских войск, поголовно уходит в лес. С целью рассеивания их страхов комендантами районов проводилась засылка местного населения в эти леса, для разъяснения укрывшимся действительного положения вещей, после чего жители возвращались домой. В занятых населенных пунктах с местным населением силами офицеров политотделов соединений и частей проводились разъяснительные беседы о политике Советского Союза по отношению к немцам, а также зачитывались и распространялись листовка «Сталин о немцах в Германии» и газета «Свободная Германия».

Вот как вспоминал о первых днях на немецкой земле Маршал Советского Союза К.К. Рокоссовский: «Мы в Германии. Вокруг нас жены и дети, отцы и матери тех солдат, которые еще вчера шли на нас с оружием в руках. Совсем недавно эти люди в панике бежали, услышав о приближении советских войск. Теперь никто не бежал. Все убедились в лживости фашистской пропаганды. Все поняли, что советского солдата бояться нечего. Он не обидит. Наоборот, защитит слабого, поможет обездоленному. Фашизм принес немецкому народу позор, несчастье, моральное падение в глазах всего человечества. Но гуманен и благороден советский солдат. Он протянул руку помощи всем, кто был ослеплен и обманут. И это очень скоро поняли немцы. Стоило войскам остановиться на привал, как у походных солдатских кухонь появлялись голодные немецкие детишки. А потом подходили и взрослые. Чувствовали, что советские солдаты поделятся всем, что они имеют, поделятся с русской щедростью и с отзывчивостью людей, много испытавших и научившихся понимать и ценить жизнь»⁴⁶.

Советское военное командование в своем обращении к немецкому населению разъясняло цели и задачи Красной армии в Германии. Только с 15 января по 1 мая 1945 г. политуправления 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов

распространили более 8,3 млн экземпляров листовок с текстом обращения и информацией о положении на фронтах и важнейших международных событиях⁴⁷. Также в листовках приводились примеры помощи советских войск немецкому населению в налаживании мирной жизни. За это время в городах и селах было расклеено 58 тыс. экземпляров плакатов и лозунгов, призывавших население оказывать содействие и помощь Красной армии. Активное участие в распространении листовок принимали разведчики, артиллеристы, минометчики и танкисты. По данным командования 1-го, 2-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов, в полосе наступления их армий с 5 апреля по 5 мая 1945 г. было проведено 817 митингов и собраний с участием 34 тыс. немецких жителей⁴⁸.

В дни Берлинской наступательной операции Ставка издала директиву войскам 1-го, 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов «О необходимости гуманного отношения к немецкому населению и военнопленным», требовавшую от советских войск «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданскому населению» и обращаться с ними лучше, так как «жестокое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды... Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне». Также в директиве указывалось, что «рядовых членов национал-социалистической партии, если они лояльно относятся к Красной Армии, не трогать, а задерживать только лидеров...»⁴⁹.

23 апреля 1945 г. командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г.К. Жуков подписал директиву, согласно которой с целью снабжения населения Берлина продовольствием запрещалось самовольное изъятие продовольствия войсковыми частями у населения. Заготовку продовольствия требовалось производить исключительно по нарядам заготовительных органов армий и фронтов из числа излишков, учтенных у немецкого населения. Также категорически запрещалось расходование продовольствия в войсках сверх установленных норм довольствия. При занятии Берлина и пригородов и выявлении трофейного продовольствия директива требовала устанавливать «строжайшую охрану... не допуская растаскивания продуктов»⁵⁰. Командующему 5-й ударной армией предписывалось часть своих транспортных средств обратить на вывоз из других армий продовольствия для питания берлинцев⁵¹.

Обе директивы были разосланы вплоть до роты. Командирами соединений, частей и подразделений, а также их заместителями по поли-

тической части были проведены совещания офицерского состава по изучению текста директив. Командному составу были предъявлены строгие требования в деле воспитания личного состава и предотвращения случаев самоуправства над немецкими военнопленными и гражданским населением. Одновременно с этим весь офицерский состав был предупрежден об его ответственности за самовольное изъятие их подчиненными у немцев личного имущества, скота и продовольствия. До личного состава директивы доводились методом групповых и индивидуальных бесед, а также путем проведения красноармейских собраний. В некоторых частях, где позволяли условия боевой обстановки, силами агитаторов и офицерского состава была проведена политическая информация на тему: «Красноармеец — воин самой передовой, организованной и дисциплинированной армии в мире». Также были организованы инструкторские совещания с агитаторами частей и подразделений.

Политика, проводимая советским командованием по отношению к немецкому населению, дала свои положительные результаты. Так, в ходе битвы за Берлин отмечались случаи, когда гражданское население указывало пути нашим бойцам и командирам по проходу в тот или иной район, чтобы избежать обстрела фашистами, засевшими в отдельных домах⁵². Имелись факты сообщений нашим военнотружущим о грозящей им опасности в той или иной части города, и не только в нашем тылу, но и во время боев по очищению города от гитлеровцев. Мирные жители предоставляли ценные сведения об окруженном в городе гарнизоне. Так, уроженка Берлина Славинская сообщила командованию 146-й стрелковой дивизии об укреплениях немцев севернее вокзала, указала скрытые пути подхода к ним и проводила наших разведчиков по этим проходам. Были отмечены факты оказания первой медицинской помощи жителями Берлина нашим раненым бойцам и командирам, а также оказывалась помощь по выявлению в нашем тылу скрывавшихся фашистов⁵³.

25 апреля, при переправе 1105-го полка через канал в районе села Марквардт местное немецкое население, по собственной инициативе, оказало помощь нашим бойцам в строительстве парома⁵⁴. 26 апреля группа немецких рабочих обратилась к советскому командованию с предложением отремонтировать трофейные машины и, если будет разрешение, приступить к работе на заводе на нужды Красной армии. Городские жители-добровольцы выступали, используя наши звуковещательные станции, с обращениями к немецкому гарнизону с предложением сдаться⁵⁵. Все эти примеры свидетельствовали о действенности советской пропаганды на немецкое население.

Нацистская пропаганда запугивала немцев тем, что Красная армия уничтожит Германию и немецкий народ. Поэтому советское командование доводило до населения официальное заявление глав правительств СССР, США и Англии, принятое ими на Крымской конференции в феврале 1945 г., разоблачавшее ложь гитлеровской пропаганды. Особенно широко среди немецкого населения распространялся приказ ВГК № 20 от 1 мая 1945 г.: «Лживая фашистская пропаганда, — говорилось в приказе, — запугивает немецкое население вздорными рассказами — будто армии Объединенных Наций хотят истребить германский народ. В задачу Объединенных Наций не входит уничтожение германского народа. Объединенные Нации уничтожат фашизм и германский милитаризм, сурово накажут преступников войны и заставят немцев возместить ущерб, который они причинили другим странам. Но Объединенные Нации не трогают и не тронут мирное население Германии, если оно лояльно будет выполнять требования союзных военных властей»⁵⁶. Пропаганда этих документов и обращений советского командования сопровождалась большой организаторской работой. Политические органы и их представители проводили повседневную работу по подбору и назначению бургомистров и их заместителей, руководителей отделов магистратов, старост в деревнях и других административных работников из немцев, пользовавшихся доверием у населения и способных сотрудничать с советскими военными властями.

При вступлении советских частей в освобожденные районы города было обнаружено немало повешенных немецких солдат, на груди которых висели таблички с надписями: «За малодушие», «За дезертирство», «Я повешен за то, что плохо защищал Родину». На заборах и стенах домов нацистами были написаны лозунги, свидетельствующие о безумной решимости до последнего солдата защищать Берлин: «Берлин будет немецким», «Победа или Сибирь», «Плюнь тому в лицо, кто не может обороняться» и т.д.⁵⁷

В первые дни вступления Красной армии в Берлин жители забились в подвалы. С большой опаской на улицу выходили лишь старики. Однако достойное поведение наших войск оказалось решающим фактором в изменении настроений берлинцев. Из дома в дом стало передаваться, что русские гарантируют горожанам личную неприкосновенность и сохранность имущества, и страх перед советскими войсками стал проходить. Когда же на второй день взятия русскими города стали открываться пекарни и началась выдача хлеба, удивлению берлинцев не было предела⁵⁸.

С большим интересом был встречен приказ № 1 военного коменданта Берлина. Его внимательно читали и бурно обсуждали. Местные жители

радовались, что советские военные власти не объявляют сбора в Сибирь, а призывают к порядку и работе, и что все их усилия направлены на создание нормальных условий жизнедеятельности местного населения⁵⁹. Также с большим интересом и активным обсуждением берлинцы слушали сводки Совинформбюро⁶⁰.

На занимаемой советскими войсками территории Германии, в отличие от Польши, Чехословакии и других стран, местной гражданской администрации не существовало, поэтому военные советы фронтов вынуждены были принимать непосредственное участие в ее создании. Образование немецкого самоуправления убедительно показало населению, что Советский Союз стремиться как можно скорее нормализовать жизнь немцев, чем и опровергались клеветнические измышления фашистов. В связи с пропагандистскими и организационными мерами население активизировалось довольно быстро. Оно стало проявлять инициативу в налаживании экономической и культурной жизни городов и деревень. Росло его доверие к военным комендатурам, воинским частям и штабам.

Исключительно большое влияние на настроения и взгляды немецкого населения имело объявленное решение советского правительства о снабжении Берлина и других немецких городов продовольствием⁶¹. В столице Германии и ее окрестностях еще шли бои, а советское военное командование уже приступило к организации нормальных жизненных условий местного населения. Советские войска тушили пожары, хоронили трупы, производили разминирование. Военными советами фронтов прилагались усилия для снабжения берлинцев продуктами. Был определен порядок и нормы выдачи продовольствия, молока для юных берлинцев, восстанавливалась и обеспечивалась нормальная работа коммунального хозяйства⁶². Принимались и иные решения о нормализации быта немецкого населения. В результате была ликвидирована угроза голода.

Об этих и других мерах необходимо было широко оповещать население, разъяснять их политическое значение в общем плане политики советского государства по отношению к германскому народу. Это осуществлялось в первое время главным образом через листовки и звуковые передачи. Так, только в полосе 69-й армии по состоянию на 15 мая 1945 г. систематически печатался и распространялся среди населения бюллетень «Последние новости» тиражом 5000 экземпляров. С 15 апреля по 2 мая 1945 г. политуправление 1-го Белорусского фронта издало и распространило среди населения более 1 млн экземпляров листовок, а вместе с политотделами армий этого фронта их было распространено более 2 млн экземпляров⁶³.

Листовки информировали население о важнейших внутриполитических и международных событиях. Но главным средством пропаганды, агитации и организации политической работы среди немцев со второй половины мая 1945 г. стали две советские военные газеты на немецком языке: «Теглихе Рундшау» («Ежедневное обозрение») и «Берлинер Цайтунг» («Берлинская газета»). Интерес к этим ежедневным массовым газетам со стороны населения был огромен. Миллионные тиражи не могли удовлетворить спрос всех желающих, поэтому приходилось расклеивать большое количество экземпляров газет в городах и населенных пунктах. Особо важные материалы из газет выпускались и распространялись в виде листовок.

«Появление газет для Берлина имеет большое значение, — говорил студент Альфред Гронеманн. — До самого последнего времени в Берлине распространялись самые невероятные слухи. Говорили о том, что советское командование издало приказ об аресте всех семей, у которых кто-либо из родственников был на Восточном фронте. Теперь каждый может получить информацию из официальных сообщений, публикуемых в газетах. Газета дает возможность ориентироваться в обстановке. В ней много интересных статей. Публикуются приказы и постановления»⁶⁴.

Газеты устанавливали тесную связь с антифашистским активом. Командование в местах дислокации, а также военные комендатуры, имевшие в своем составе офицеров со знанием немецкого языка, помогали редакциям проводить совещания антифашистских активистов и конференции читателей. Так постепенно создавался актив газет из местного населения, среди которого было немало квалифицированных журналистов. В работе среди немецкого населения с большим успехом применялись звуковещательные средства. Через них передавали последние известия, официальные приказы и распоряжения советского командования, касавшиеся населения, а также распоряжения военных комендатур и органов местного самоуправления. Офицеры Красной армии, антифашисты, военнопленные и местные жители выступали по многим политическим вопросам, давали консультации и ответы на вопросы. Часто вокруг агитмашин собирались сотни людей, жаждавших узнать новости, а главное — понять, что происходит в стране, каковы намерения военных властей и новой местной гражданской администрации. «До сих пор мы были, как на Луне, — говорил житель Берлина Отто Бауман, — а теперь благодаря передачам мы узнаем, что происходит на белом свете. Среди слушателей ваших передач идут разные разговоры. Большинство жителей того мнения, что русские хорошо делают, разъясняя

свое истинное отношение к немцам»⁶⁵. Начиная со 2 мая в Берлине действовали 4 мощных и 9 окопных установок. Звуковещательные машины работали непрерывно также в Гюстрове, Грейфенберге, Грейфсвальде и многих других городах. Основной тематикой передач были сводки Совинформбюро о капитуляции Германии, призывы к нормальной работе, к развертыванию посадки картофеля и т. д.

Большое значение имели проводимые бургомистрами митинги, участники которых приветствовали решения о нормализации жизни и выражали благодарность советскому командованию за помощь и гуманное отношение. Эти митинги транслировались мощными громкоговорящими установками. Звуковещательные средства использовались в городах Германии до июля 1945 г., пока не было налажено местное радиовещание. После этого все полевые агитмашины были направлены на обслуживание сельского населения.

Значительную роль в работе среди местного населения играла наглядная агитация: лозунги, плакаты, карикатуры, транспаранты, стенды. Они тысячами изготовлялись с помощью немецких антифашистов и вывешивались на улицах и площадях. Во всех городах, где имелись кинотеатры, демонстрировались советские художественные и хроникальные фильмы. Там, где не было подготовленных кинотеатров, действовали кинопередвижки. Офицеры отделов спецпропаганды политуправлений фронтов и политотделов армий в мае 1945 г. выявляли работников искусства

в Берлине и других крупных городах, создавали актерские группы, помогали им разработать репертуар и организовывать выступления с новыми антифашистскими программами.

Таким образом, успешное наступление Красной армии в заключительном периоде Великой Отечественной войны резко подрывало морально-психологическое состояние противника, тем самым создавая наиболее благоприятные условия для проведения в его рядах агитационно-пропагандистской работы. В то же время стремительное наступление требовало от политорганов оперативности, гибкости, сосредоточения агитационной работы на направлении главных ударов и ведения ее в тесной связи с боевыми задачами, решаемыми советскими войсками. Посредством агитационно-пропагандистской работы политорганы силой слова убеждали противостоящие войска противника в бесперспективности сопротивления, бесперспективности отступления и склоняли их к сдаче в плен как единственному пути спасения собственной жизни. В результате огромных усилий пропагандистского аппарата советских войск по работе среди местного населения, а также благодаря достойному поведению советских воинов и той помощи, которую оказывали советские военные власти нормализации жизни местного населения, ослабевал страх немцев перед Красной армией, росло доверие и симпатии значительной части гражданского населения к советским воинам.

¹ Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Воениздат, 1971. С. 92.

² ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11302. Д. 202. Л. 77–78.

³ Там же. Ф. 233. Оп. 2374. Д. 84а. Л. 707.

⁴ Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М.: Воениздат, 1948. С. 168.

⁵ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. 2-е изд. М.: Голос, 2000. С. 380.

⁶ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. В 3-х т. 12-е изд. М.: АО «Изд-во «Новости», 1995. Т. 3. С. 239.

⁷ ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 506.

⁸ Там же. Оп. 2374. Д. 87. Л. 21.

⁹ Там же, л. 28.

¹⁰ Там же, л. 110.

¹¹ Там же, л. 111.

¹² Там же, л. 21.

¹³ Там же, л. 22, 29.

¹⁴ Там же. Оп. 2356. Д. 804. Л. 535.

¹⁵ Там же, л. 507.

¹⁶ Там же. Оп. 2374. Д. 84а. Л. 708.

¹⁷ Там же. Д. 87. Л. 22. 83.

¹⁸ Там же, л. 23. 83.

¹⁹ Дубина В. С. Сексуальное насилие в годы Второй мировой войны: память, дискурс, орудие политики // Сборник Русского исторического общества. Т. 11(159): Правда истории / Составитель и отв. ред. И. А. Настенко. М., 2011. С. 44.

²⁰ Там же. С. 46.

²¹ Сталин И. Указ. соч. С. 46.

²² Рут Ф. Осколки коричневой империи. М.: Яуза-пресс, 2007. С. 358–360.

- 23 ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 510–511.
- 24 Там же. Оп. 2374. Д. 87 Л. 61.
- 25 Там же, л. 512.
- 26 Там же, л. 25.
- 27 Там же, л. 35.
- 28 ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 515.
- 29 Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 98–99.
- 30 Партийно-политическая работа в советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Краткий истор. обзор. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Воениздат, 1968. С. 549.
- 31 Варин В. И. Опыт организации и проведения советской пропаганды среди немецко-фашистских войск в завершающей кампании третьего периода Великой Отечественной войны (январь–май 1945 г.): Дис... канд. ист. наук. М.: ВПА им. В. И. Ленина, 1962. С. 110.
- 32 Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 381.
- 33 ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11289. Д. 815. Л. 50–51.
- 34 Варин В. И. Указ. соч. С. 115.
- 35 Телегин К. Ф. Последний удар// Война. Народ. Победа. 1941–1945. Кн. 2-я. М.: Политиздат, 1976. С. 201.
- 36 Варин В. И. Указ. соч. С. 234.
- 37 ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2356. Д. 804. Л. 505.
- 38 Там же.
- 39 Там же. Ф. 240. Оп. 2839. Д. 39. Л. 185.
- 40 Там же, л. 202.
- 41 Там же. Ф. 233. Оп. 2374. Д. 84а. Л. 608.
- 42 Сталин И. Указ. соч. С. 180.
- 43 ЦА МО РФ. Оп. 2380. Д. 41. Л. 194, 297.
- 44 Там же, л. 195, 297.
- 45 Там же, л. 509.
- 46 Рокоссовский К. К. Указ. соч. С. 431.
- 47 ЦА МО РФ. Ф. 32, Оп. 11306, Д. 542, Л. 17, 32–37.
- 48 Там же. Л. 224, 237–239.
- 49 Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВКФ: Документы и материалы 1944–1945. Т. 16 (5–4). М.: Терра, 1999. С. 229.
- 50 ЦА МО РФ. Ф. 233. Оп. 2380. Д. 41. Л. 321.
- 51 Там же, л. 323.
- 52 Там же, л. 336
- 53 Там же, л. 337.
- 54 Там же, л. 468.
- 55 Там же, л. 338.
- 56 Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. В 3-х т. Т. 3: 1 января — 3 сентября 1945 г. М.: Госполитиздат, 1947. С. 41.
- 57 ЦА МО РФ. Оп. 2380. Д. 41. Л. 343.
- 58 Там же, л. 509.
- 59 Там же, л. 510.
- 60 Там же, л. 511.
- 61 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 414. Л. 3–5.
- 62 Жуков Г. К. Указ. соч. С. 285.
- 63 Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 182.
- 64 Там же, с. 183.
- 65 Там же.

Книга тридцать седьмая

**ОСВОБОЖДЕНИЕ
ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

Красная армия в Восточной Европе: образы, реальность, интерпретации

Т. В. Волокитина*, А. Ф. Носкова**,
В. В. Марьина***, А. С. Стыкалин****

Вторая мировая война, для граждан России — война Великая и Отечественная, закончилась 70 лет тому назад. Чем дальше уходит в прошлое победа Красной армии над гитлеровской Германией, тем заметней ослабевает в Европе понимание масштаба того противостояния нацизму, которое выдержали советские люди, надевшие солдатские шинели, и той цены, которую они заплатили своими жизнями за Победу. Время беспощадно не только к участникам войны, но и к общественной памяти. Весной 1945 года в мире не было сомнений в решающем вкладе СССР в дело уничтожения угрозы, нависшей над существованием многих народов, отдавалась дань признания советскому солдату, защитившему свою Родину и спасшему другие страны и народы от порабощения и физической гибели. Подтверждали это и обширная библиография проблемы, многочисленные мемуары и документальные свидетельства.

При этом длительное время в отечественной историографии, как и в историографии стран «социалистического лагеря», а затем «содружества», для оценки военных действий СССР в Европе использовались эмоционально окрашенные, идеологизированные понятия «освободительный поход» и «освободительная миссия» Красной армии. Они обозначали особое предназначение советской страны как первого в мире социалистического государства по отношению к народам других стран и в целом отвечали настроениям и оценкам старших поколений, современников событий¹. Именно из этих представлений складывалась «философия освобождения», включавшая в себя не только рассуждения о сущности, характере и диалектике

мира и бытия, но и оценки практической деятельности и поведения людей на войне².

После крушения коммунистических режимов лавина новых документальных материалов смела многие прежние, официальные, односторонние и упрощенные представления. Но при этом критике и забвению нередко предавалось и то объективное, правдивое, что было накоплено предыдущими поколениями исследователей. Новые национальные элиты в СССР и странах восточного блока, стремясь как можно быстрее дистанцироваться от всего «советского», не избежали соблазна обрести «другую» историю, с иной, «актуальной», интерпретацией событий прошлого, с новыми, жесткими по форме оценками и выводами.

Схематическая смена оценок исторических фактов и событий особенно масштабна применительно к советскому периоду истории России XX века и его ключевому событию — Второй мировой войне и Великой Отечественной войне, роли СССР в освобождении от гитлеровской оккупации своей территории и ряда стран Восточной Европы, а также советскому воздействию на послевоенное общественное развитие региона. Вокруг этого комплекса проблем в современной исторической науке, как российской, так и мировой, продолжают порой достаточно острые и не всегда только научные дискуссии. Весьма заметны усилия политически ангажированных обществоведов использовать исторический факт в качестве аргумента для переориентации национального сознания, сформированного прежней партийной властью, на то видение прошлого, в котором нуждаются находящиеся у власти политические элиты.

* Волокитина Татьяна Викторовна — д. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН.

** Носкова Альбина Федоровна — д. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН.

*** Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., г. н. сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

**** Стыкалин Александр Сергеевич — к. и. н., в. н. с. Института славяноведения РАН.

Пристрастной ревизии подверглись и действия Красной армии за рубежом, превратившись в проблему не столько научную, сколько политическую, и особенно обостряясь всякий раз по мере приближения торжественных дат. В наши дни она стала объектом нового социального заказа — содействовать аберрации общественного сознания — с далеко идущими политическими целями. Участники этого процесса учитывают, что уставшее от былых недоговоренностей, тайн и прямых фальсификаций общество слабо приемлет некие «промежуточные», сделанные с разных ракурсов оценки и подходы, гораздо охотнее воспринимает однозначную категоричность.

Вопрос поставлен крупным планом: что произошло в Восточной Европе на рубеже войны и мира, в 1944–1945 годах? Освобождение народов в борьбе с нацизмом и фашизмом, или новая оккупация и поражение в войне — для «малых» стран-участниц Антигитлеровской коалиции, горечь поражения и национальный позор — для неравноправных союзниц Германии? Отсюда следует второй вопрос: что принесла Красная армия народам этого региона: избавление или порабощение, и кем пришел в Европу советский солдат — освободителем или оккупантом? Сама упрощенная постановка вопроса по формуле «или/или» предполагает однозначный выбор, содержит явную идеологическую подсказку.

Если же вопрос поставить по-иному: что грозило многим народам региона в случае победы вермахта, то попытка усомниться в освободительной миссии советских солдат от фашистской угрозы уничтожения этих народов теряет смысл. На шкале тех ценностей, которые выработала человеческая цивилизация, жизнь людей предстает как ничем не восполняемый дар. Поэтому правдивый ответ на поставленные вопросы очевиден: солдат Красной армии, освобождая народы Восточной Европы от нацистской оккупации и национальных фашистских и профашистских режимов, спас жизнь миллионов людей многих национальностей.

Научный подход к факту вступления и присутствия Красной армии в Европе требует изучения всех сторон деятельности советского государства и пребывания его вооруженных сил за пределами СССР в 1944–1945 гг., анализа его дипломатической, экономической, международно-правовой и иных составляющих действий Советского Союза и его армии. Историки признают, что необходимо дальнейшее изучение проблемы соотношения военной необходимости вступления Красной армии в Европу, обусловленности этого факта потребностью разгрома Германии на ее территории, и геополитических целей Москвы в странах региона, национально-территориаль-

ных противоречий и их разрешения с применением военных средств, и пр. Эти проблемы ныне в числе тех, что испытывают на себе прямое воздействие политической конъюнктуры и процесса нового мифотворчества.

Наставивая на определении боевых действий советских войск как освобождения ряда соседних с СССР стран, необходимо признать, что оно означало не только избавление от угрозы физической гибели в одних случаях, от утраты национальной идентичности и превращения стран в территорию рабов или представителей низшей расы, в других. Одновременно, в силу согласованных решений глав великих держав — И. В. Сталина, У. Черчилля и Ф. Д. Рузвельта о распределении сфер влияния на континенте, определивших конкретные геополитические итоги войны, происходило ограничение национально-государственной свободы стран и народов, причем как на востоке, так и на западе Европы. Доля советского материального вклада и людских потерь в победу над Германией была весомей, поэтому советский лидер весной 1945 г. получил (мог ли не получить?) согласие союзников на контроль над той частью европейского континента, которая граничила с СССР и рассматривалась советским руководством в качестве послевоенного «пояса безопасности».

Красная армия, взяв Берлин и Прагу и дойдя до Эльбы, превратила замыслы в реальность. Руководствуясь пониманием собственных национально-государственных интересов, советская сторона допускала лишение «малых» стран региона возможности свободно распорядиться своей судьбой. Возникла зависимость освобожденных более слабых стран от сильной тогда страны-освободительницы. Такова была объективная историческая данность. Иного пути для Восточной Европы на рубеже войны и мира не могло быть в силу не только геополитических, но и внутривнутриполитических обстоятельств — компрометации в обществе в годы войны идей «буржуазной демократии», отсутствия страха перед социалистической перспективой, интереса к советской модели, обеспечившей победные усилия СССР, и, как следствие, способности восточноевропейских обществ почти на полвека принять и применить к общественной пользе возможности советского социализма и союза с СССР.

Крах социалистических режимов в Восточной Европе вызвал волну критики действий советского политического руководства, в особенности на рубеже войны и мира. В наше время посткоммунистические элиты, доказывая правомерность установления, упрочения и незыблемости своей власти в стране, противопоставляют несомненные собственные достижения ошибкам и поражениям предшественников, умалчивая об

их успехах в свое время. При этом они подбирают и применяют «аргументы» из прошлого. Так, в национальных историографиях активно дискутируется вопрос о необходимости, а то и допустимости продвижения за пределами СССР частей Красной армии, «на штыках» которой якобы утвердились новые политические режимы, популяризаторы так называемой альтернативной истории предлагают читателю рассмотреть вариант «остановки» Красной армии на западных границах СССР, уповая в дальнейшем на «естественный» ход событий. При этом полностью игнорируется задача по разгрому военного потенциала вермахта, остававшегося к весне 1944 г. вместе с его тылами в Европе весьма значительным именно на советско-германском фронте³.

Кроме того, советское руководство имело договоренности и конкретные обязательства перед Антигитлеровской коалицией, закрепленные в конце 1943 г. в Тегеране⁴. Огромное значение имело наличие в Европе оккупированных народов и государств, не располагавших для изгнания гитлеровцев собственными силами, по отношению к которым прекращение военных действий было бы противоестественным шагом. Выступая 3 июля 1941 г. по радио, Сталин определил цель всенародной Отечественной войны как «не только ликвидацию опасности, нависшей над нашей страной, но и помощь всем народам Европы, стонущим под игом германского фашизма»⁵. Советское руководство было убеждено, что фашистская военная машина, а вместе с ней и нацистский режим, должны быть разгромлены там, где они возникли, — в самой Германии.

Для современной отечественной историографии в целом характерны исследования советского военного присутствия в Европе на «макроуровне» — с точки зрения обеспечения военно-стратегических и геополитических интересов СССР в формировавшейся советской сфере влияния. Констатируется, в частности, что решение задачи обеспечения стабильности в восточноевропейском регионе, рассматривавшемся Москвой в перспективе как зона собственной безопасности, обусловило возникновение здесь при поддержке СССР коалиционных по форме и дружественных советской стороне политических режимов, давших название целому этапу послевоенного развития Восточной Европы, — «народная демократия»⁶.

Более скромны пока конкретные результаты изучения пребывания советских воинских формирований в странах Восточной Европы на «микроуровне» — отношения советских воинских властей с различными партиями и внутренними силами, представленными в политическом спектре конкретных стран, контакты военнослужащих с населением⁷. Недостаточны документальные

разработки отечественными историками облика и поведения солдат и офицеров Красной армии за рубежом, восприятия советских военнослужащих местным населением, их взаимоотношений. Поэтому, как правило, слышнее голоса тех, кто сознательно делают акцент на описании неблагоприятных, порой преступных, поступков советских военнослужащих, создают тем самым негативный собирательный образ советского человека в военной форме. Массовый честный ратный труд и ответственное поведение солдат и офицеров Красной армии сознательно принижаются, замалчиваются воздействие незнакомой, неожиданной и непонятной рядовому советскому человеку общественной атмосферы в странах региона, как и проявления откровенной враждебности к человеку в шинели. Восприятие советским солдатом освобожденной от гитлеровцев Европы — еще одна, требующая изучения грань указанной проблемы.

На балканском направлении: Красная армия в Югославии, Румынии и Болгарии

В марте 1944 г. Красная армия вышла на западную границу СССР. Впереди, за Прутом, лежала вражеская Румыния. До победного мая 1945-го советскому солдату предстояли упорные кровопролитные бои, больше года предельного напряжения духовных и физических сил, тяжелых испытаний, горьких утрат...

Объективное рассмотрение проблемы пребывания воинских частей за пределами СССР диктует необходимость хотя бы краткого освещения настроений солдатской массы. Что чувствовал советский солдат, стоя на родных рубежах, с какими мыслями вступал на чужую землю? Ощущал ли груз освободительной миссии и ее ответственность, что знал о других странах и народах, как представлял встречу с ними? С этими вопросами тесно связан и еще один — как действовали в этом плане советские пропагандистские структуры, в какой мере им удалось — и удалось ли? — сформировать «правильные» настроения рядовых и офицеров, подготовить их к встрече, по существу, с другим миром, другими обычаями, традициями, моральными ценностями.

С началом Великой Отечественной войны основное внимание советских пропагандистских структур было направлено на формирование образа «врага» как символа враждебных государств в целом и отдельному гражданину сил. Эта работа последовательно и активно проводилась как в действующей армии, так и в тылу. От ее успеха во многом зависело создание властью эффективного механизма воздействия на общественные настроения в целях социальной мобилизации режима.

Образ «врага» начинал формироваться в крайне сложной военной и морально-психологической обстановке. После стремительного наступления вермахта и тяжелых поражений Красной армии летом-осенью 1941 г. советское руководство оказалось перед фактом заметного упадка морального духа определенной части населения, выразившегося в апатии, сомнениях в правильности политики и действий «верхов» и их способности выправить обстановку. Многочисленные сведения об этом стекались с мест в ЦК ВКП(б), что опрокидывает прежние представления о советской стране, якобы одновременно превратившейся в военный лагерь. Длительное время они входили в число мифологем, с которыми связана была история Великой Отечественной войны.

Исследователи утверждают, что полное осознание нависшей над страной смертельной опасности, необходимости нечеловеческого напряжения физических и моральных сил народа и полной самоотдачи на трудном пути к победе наступило в советском обществе со значительной задержкой. При этом пришлось преодолевать не только, выражаясь языком партийных сводок, «нездоровые настроения», о которых говорилось выше, но также и получившие распространение явления обратного порядка — представления о фатальной предопределенности разгрома врага, исходя из принципа классовой солидарности⁸.

Советское политическое руководство быстро осознало необходимость создания новых информационно-пропагандистских структур. Уже 24 июня 1941 г. постановлением правительства и ЦК ВКП(б) было создано Совинформбюро, призванное руководить работой по освещению в периодической печати и по радио международных и военных событий и внутренней жизни страны. Возглавил Совинформбюро секретарь ЦК, руководитель ГлавПУРККА А.С. Щербаков, а его заместителем стал С.А. Лозовский. При Совинформбюро была сформирована литературная группа, в которую входили известные писатели и публицисты. Выступления литераторов обрели грандиозную по своим масштабам аудиторию, в том числе и заграничную, поскольку только через радиостанции, а их было 18, Совинформбюро имело выход в 23 страны мира. И это не считая сотен газет и журналов, а также деятельности советских посольств, обществ дружбы, профсоюзных, женских, молодежных и научных организаций⁹. Руководство Информбюро требовало от писателей максимальной ответственности за все сказанное ими, формулировало задачу «по-настоящему изображать, что такое Советский Союз и в чем сила Советского Союза». «Не в том сила нашей страны, что мы все легко делаем, а в том, что, несмотря на огромные трудности, огромные

жертвы, мы идем вперед при непоколебимом моральном единстве», — разъяснял С.А. Лозовский в марте 1942 г.¹⁰.

Одновременно с созданием Совинформбюро 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК партии утвердило состав Бюро военно-политической пропаганды, деятельность которого нацеливалась, в первую очередь, на ведение пропагандистской и контрпропагандистской работы среди войск и населения противника. Первоначально возглавили новую структуру Л.З. Мехлис и Д.З. Мануильский. Это направление пропагандистской работы в годы Великой Отечественной войны именовалась «специальной пропагандой». Для ее ведения в структуре советских пропагандистских органов действовали 7-е Управление Главного Политического Управления Красной армии и Военно-морского флота и 7-е отделы в крупных воинских формированиях. «Спецпропагандисты», исходя из идеологического постулата об СССР — «отечестве пролетариата», полагали необходимым и возможным «политически отвоевать» у империалистов их собственных солдат¹¹. С этой целью уже на третий день войны были выпущены газеты на языках противника — «Грайул либер» («Голос свободы») — на румынском (издание было рассчитано, прежде всего, на пленных); «Уйсо» («Слово») — на венгерском; «Альба» («Заря») — на итальянском, а также бюллетень для австрийских солдат. Всего в первый год войны выпускалось 10 газет и 1 иллюстрированный журнал на немецком, румынском и финском языках. Но свою задачу они не выполнили, и 5 октября 1942 г. их издание было прекращено. Однако одновременно возросли тиражи листовок, плакатов, обращений, воззваний, адресованных солдатам и офицерам противника.

Понятно, что для советского общества с началом Великой Отечественной войны главным врагом, наиболее сильным и опасным, являлась, прежде всего, фашистская Германия. Это был противник «со стажем», воевавший против России и в Первой мировой войне. В общественном сознании советских людей явно «перевешивали», например, воспоминания о немецкой оккупации Украины, тогда как пакт 1939 г. и последовавшие за ним соглашения воспринимались, скорее, как тактические действия советского правительства¹². Именно по отношению к Германии в сознании наших соотечественников сформировался наиболее полный, ярко выраженный и эмоционально окрашенный образ «врага»¹³.

В антигерманской пропаганде поначалу отчетливо проявлялся классовый подход. Об этом свидетельствовали призывы к немецким рабочим и крестьянам уничтожить террористический режим Гитлера и «создать свободную Германию». Солдат призывали воевать плохо, поворачивать

оружие против Гитлера и его клики, а рабочих в тылу — останавливать заводы, шахты, железные дороги, парализовывать почтовую и телеграфную связь. Советские пропагандистские структуры пошли по накатанному пути, хотя основания сомневаться в правильности выбранного вектора имелись. Опыт Хасана, Халхин-Гола, наконец, советско-финляндской войны, показал малую эффективность расчета на классовую солидарность и призывов к японским и финским солдатам-рабочим и крестьянам вместе с Красной армией повернуть свое оружие против собственных «помещиков и капиталистов».

Вполне отчетливый классовый характер имел поначалу и образ-антипод: если не «друга», то «союзника». К союзникам уже 22 июня 1941 г. И. Эренбург отнес «народы всех поработанных стран»: «парижских рабочих и сербских крестьян, рыбаков Норвегии и жителей древней Праги, измученных сыновей окровавленной палачами Варшавы»¹⁴. Однако довольно скоро классовая составляющая пропагандистской работы сменилась четкой установкой: враг есть враг и независимо от его классового происхождения и социального статуса должен быть уничтожен. Образ врага-фашиста усилиями официальной пропаганды быстро приобрел национальную окраску и превратился в массовом сознании в образ врага-немца. Именно такой подход стал главным и определяющим вплоть до завершающей стадии войны, был ясен каждому красноармейцу на фронте и труженнику тыла. Еще в январе-феврале 1945 г., накануне Висло-Одерской и Восточно-Прусской наступательных операций Красной армии, работа войсковых пропагандистов была направлена на разжигание жажды мести врагу «в его собственном логове», велась по принципу «око за око».

В боевых частях проводились митинги и собрания на тему «Как я буду мстить немецким захватчикам» и «Мой личный счет мести врагу»¹⁵. Однако весной 1945 г., когда Красная армия вступила на территорию Германии, произошла кардинальная смена пропагандистских установок по отношению к главному противнику. В новых условиях следовало любыми усилиями не допустить опасного разгула страстей, срочно блокировать настроения мщения в солдатской массе, лаконичным выражением которых стала строка из солдатского письма: «Мы будем в Германии... и все вспомним!»¹⁶. На вооружение пропагандистов была активно взята известная политическая оценка ситуации из приказа № 55 Верховного Главнокомандующего Сталина от 23 февраля 1942 г. — «Гитлеры приходят и уходят, а народ германский, а государство германское остается...». Отражением нового подхода стали, в частности, приказ командующего 2-м Украинским фронтом К. К. Ро-

коссовского с призывом «направить чувство ненависти на истребление врага *на поле боя*» (курсив мой. — Т. В.), не допускать насилия, мародерства, грабежей населения, как и директива Ставки Верховного Главнокомандования от 20 апреля 1945 г. о поведении советских войск на территории Германии. Но до этого предстояло пройти военными дорогами долгих четыре года...

Основные направления «спецпропаганды» в начальный период войны сводились к следующему: разоблачать Гитлера и фашистскую «верхушку» как врагов немецкого народа; убеждать противника в справедливом освободительном характере войны со стороны Советского Союза; доказывать неизбежность военного поражения Германии и ее сателлитов; побуждать вражеских солдат к сдаче в плен; вскрывать противоречия внутри фашистской «оси» и, наконец, разъяснять миролюбивые цели СССР на освобожденных территориях¹⁷.

Отследить восприятие советской пропаганды и тем более ее воздействие на противника крайне сложно, но некоторое представление об этом дают документы немецкого происхождения. Так, по данным штаба 2-й немецкой армии (ноябрь 1942 г.), советская сторона, направляя пропагандистские усилия, прежде всего, против фюрера и НСДАП, старалась всесторонне учитывать состояние немецких солдат. «С ними говорит она народными, солдатскими и специфически-местными выражениями, — указывалось в одном из донесений, — дает возможность отдельным лицам, выдавая их за немцев, обращаться к немцам и злоупотребляет подписями убитых. При этом она взывает к [таким] первоначальным человеческим чувствам, как страх смерти, боязнь боя и опасности, тоска по жене, ребенку, ревность, тоска по родине. Всему этому противопоставляется переход на сторону Красной Армии...»¹⁸.

Одним из важных направлений советской пропаганды стало обращение к «славянскому фактору». Не случайно среди поработанных гитлеровцами «братских нам народов» И. Эренбург в июне 1941 г. в первую очередь назвал «высококультурных чехов, отважных югославов, талантливых поляков»¹⁹. Уже к концу лета была сформулирована задача активизировать движение славянской солидарности, а 10–11 августа 1941 г. в Москве был проведен первый Всеславянский митинг, принявший воззвание «Ко всем угнетенным славянским народам мира». Фактически речь шла о программе нового движения, объявленного открытым для всех патриотов без различия их политических и религиозных взглядов и убеждений. Центральная задача движения определялась как уничтожение фашистского гнета объединенными усилиями. В пропагандистских материалах ши-

роко использовались немецкие лозунги антиславянской направленности, в частности, установки из гитлеровской «Майн кампф» на вытеснение и истребление «славянских народов — русских, поляков, чехов, словаков, болгар, украинцев, белорусов» как главное условие создания «великой германской империи»²⁰.

На популяризации идеи славянской солидарности сосредоточил свою деятельность созданный в октябре 1941 г. Всеславянский комитет, возглавлявшийся генерал-лейтенантом А. С. Гундоровым. В нем активно работали многие деятели славянских стран, в том числе болгарские и югославские представители А. Стоянов, Д. Влахов, Б. Масларич и другие. В 1942 г. начал выходить журнал «Славяне», на страницах которого освещались вековая борьба славянских народов с германской агрессией, взаимные связи их между собой и с Россией, помещались материалы о национальных героях славянства. Определилось и такое направление работы Всеславянского комитета, как подготовка для союзников материалов, опровергавших возможность угрозы «славянской экспансии» в мире. Особенно сильную заинтересованность в таких материалах проявляла Великобритания, на территории которой нашли прибежище многочисленные беженцы из оккупированных славянских стран и действовали правительства Польши, Чехословакии, Югославии в эмиграции.

Помимо изданий Всеславянского комитета, на разработку славянской тематики нацеливалась и партийная печать. Так, в начале октября 1941 г. был составлен подробный план подготовки статей для газеты «Правда» по общей теме «Как смотрит изверг Гитлер на русских и славян». В план вошли статьи «Германский фашизм — лютей враг украинского народа», «Германский фашизм — злейший враг белорусского народа», «Гитлер — заклятый враг русского народа», «Чехословакия под пятой Гитлера», «Гитлер о поляках как о низшей расе», «Югославия под пятой германских оккупантов», «Болгария под властью германского фашизма», «Славянские народы не хотят быть рабами Гитлера», «Как германские фашисты грабят и угнетают славянские народы оккупированных стран» и пр. В феврале 1942 г. из редакции информации ТАСС в партийные печатные органы всех уровней — от республиканского до районного — была разослана статья А. Леонтьева «Изверг Гитлер — злейший враг славянства». Позднее, в марте 1944 г., массовым тиражом была напечатана брошюра Н. С. Державина «Вековая борьба славянских народов с немецкими захватчиками», назначение которой заключалось в обосновании необходимости противопоставить единство славян гитлеровским планам уничтожения славянства. Активное участие в пропаганде на славянские страны принима-

ла Русская православная церковь. В деятельности Всеславянского комитета заметную роль играл митрополит Крутицкий и Коломенский Николай, неоднократно адресовавший антифашистские послания народам Европы. 11 июня 1943 г. он выступил с обращением «Братьям-славянам!»

Пропаганда базировалась на реальной угрозе истребления германскими фашистами славянства как конгломерата «неполноценных народов», «низшей расы», наряду с евреями и цыганами. Чудовищный замысел лег в основу немецкого «Генерального плана „Ост“».

Первые документы этого плана, называвшегося иначе «Генеральным планом поселений», обнаружил в архивах ФРГ в конце 1950-х годов польский ученый Ч. Мадайтчик. Сейчас ученым известно более 100 документов, характеризующих замыслы гитлеровцев относительно Польши, Чешских земель, Украины, Белоруссии, части современной Российской Федерации и Прибалтики. До войны на этих территориях проживало от 40 до 65 млн «неполноценных» славян.

По плану «Ост» предполагалось выселить за Урал, на Северный Кавказ, в Южную Америку и Африку и частично истребить от 30 до 51 млн человек. Остальным предстояло пережить «германизацию», превращение в рабскую рабочую силу с перспективой физического уничтожения в связи с невыносимыми условиями жизни. Поначалу план был рассчитан на 25–30 лет, но затем сокращен до 20 лет. Иными словами, славяне как группа родственных народов должны были исчезнуть с карты мира прежде, чем одно поколение сменило бы другое. Параллельно план предусматривал колонизацию освобожденных от славян территорий. Их предстояло покрыть сетью опорных немецких баз, отстоявших друг от друга на 100 км и связывавших новые территории Рейха в единое целое.

Несмотря на то, что конкретные документы плана «Ост» были засекречены, политика немецких оккупантов на захваченных землях свидетельствовала о решительных намерениях фашистов реализовать установки, нашедшие отражение еще в программе кабинета Гитлера, изложенной 3 февраля 1933 г. Один из пунктов формулировался как «захват нового жизненного пространства на Востоке и его безжалостная германизация». Во исполнение плана «Ост» началось выселение поляков с территорий Польши, включенных в состав Рейха, сербов и словенцев из Хорватии, чехов из отошедшей к Германии Судетской области. Колонизация имела место в Прибалтике и некоторых районах Украины. Лишь победы Красной армии под Сталинградом и на Курской дуге положили конец этим процессам.

Славянская составляющая пропагандистской работы находила отклик у наших соотечественников, причем подчас в неожиданных формах.

Среди красноармейцев, например, бытовало дружески-неформальное обращение друг к другу — «Славяне!». В советской пропаганде основные негативные характеристики немецкого противника переносились и на союзников-сателлитов Германии, хотя и в несколько смягченной, по сравнению с главным врагом, форме. Показательно, что в отношении них два тоталитарных режима — правого (Германия) и левого (СССР) толка использовали почти «зеркальные» характеристики. Если в Германии сателлитов называли «вспомогательными народами», то в Советском Союзе на них распространились определения «вассальных армий», «второстепенных противников». Именно так они воспринимались и массовым российским сознанием, причем отношение к ним определялось в значительной мере историей межгосударственных и межнациональных отношений, степенью и характером участия каждой из стран в войнах против России, поведением их армий в боевой обстановке и на оккупированных территориях. Естественно, что на тех участках фронта, где советские части имели непосредственный контакт с союзниками Германии, негативных проявлений было больше. Противник при этом оценивался не только «в целом», но и этнически-дифференцированно, в частности, с учетом его славянских или иных корней.

Усилия пропагандистских органов в тылу и политструктур Красной армии были подчинены основной задаче — всеми силами содействовать разгрому врага. И в целом ее удалось решить: в военное время сложилось и стало мощнейшим фактором Победы морально-политическое единство советского народа. Но, как свидетельствуют документы, даже в марте 1944 г., в преддверии боев на балканском направлении, когда охваченная наступательным порывом Красная армия подошла к советско-румынской границе, общественные настроения советских военнослужащих были вовсе не столь однозначными, как рисовались ранее. От армейских политорганов потребовалось разъяснять личному составу необходимость ведения боевых действий за пределами СССР. Предстояло, в частности, переломить настроения части красноармейцев, недоумевавших: «Почему мы идем в Румынию, когда нам говорили, что задача — изгнать противника со своей территории?»²¹. Однако, как можно судить по документам, такие настроения были, скорее, исключением. Напротив, подавляющее количество материалов отражает ясное представление личного состава частей и подразделений об особом, гуманном предназначении Красной армии. Так, аналитические справки политуправления 3-го Украинского фронта, составленные перед болгарской наступательной операцией, свидетельствуют, что среди

военнослужащих преобладало желание наказать болгарских «правителей-предателей» из династии Кобургов, помочь болгарскому народу обрести свободу и независимость²².

Красная армия вступала на территорию зарубежной Европы, обладая колоссальным моральным превосходством над врагом как армия победоносная, сумевшая не только выстоять в труднейший начальный период войны, но и сломать хребет вермахту. Советский солдат нес освобождение народам Европы. Он осознавал это и был готов идти до конца. И на этом пути, как писал поэт-фронтовик Булат Окуджава, безусловно, отражая массовые настроения в армии, была «нужна одна Победа, одна на всех, мы за ценой не постоим».

Характеризуя «балканское измерение» представлений советских людей в тылу и на фронте о «друзьях» и «врагах», следует отметить, что в собирательном плане обществу преподносилась следующая региональная картина — «сдавшаяся Румыния, перебежавшая (на сторону немцев. — Т. В.) Болгария, союзная Югославия»²³. К «друзьям», несомненно, относились, народы сражавшейся Югославии. При этом большое значение имели традиционные прорусские настроения сербского народа, а также отношение к сербам немецких оккупационных властей. В начале апреля 1941 г. германское командование в оккупированной Сербии установило особый режим обращения с сербскими военнопленными и подавления сопротивления с «беспощадной жестокостью», как отмечалось в одном из документов²⁴. В советской пропаганде основное внимание фокусировалось на действиях югославских партизан, им адресовались и многие конкретные материалы. Прессбюро Всеславянского комитета, содействуя популяризации методов партизанской борьбы, неоднократно обращалось в своих материалах к опыту югославов. Югославские общественные деятели часто выступали в систематически проводившихся с июня 1942 г. специальных радиопередачах из Москвы на славянские страны и на радиомитингах.

С 1942 г. в частях Народно-освободительной армии Югославии имелись специальные группы радистов и переводчиков для записи сообщений московского радио «Голос России» и радиостанции «Свободная Югославия». На их основе регулярно издавался специальный бюллетень, а материалы радиопередач распространялись среди населения. Следует отметить, что советская пропаганда на Югославию акцентировала внимание, главным образом, на одной составляющей движения Сопротивления — силах, руководимых компартией. Хотя проблема общегославского единства, в том числе отношений между сербами и хорватами, вызывала беспокойство в Москве

и, в частности, в руководстве Коминтерна, советские руководители, как и югославские коммунисты, отказывали в праве на национальный патриотизм каким-либо иным политическим силам, кроме коммунистов. Героизация бойцов-коммунистов, лично Тито, соседствовала с прохладным, мягко говоря, отношением к националистическим сербским силам — четникам генерала Дражи Михайловича, официально представлявшего правительство короля Петра II, которое, в свою очередь, опиралось на поддержку Великобритании.

Поскольку передачи лондонского радио на сербском языке ретранслировали воззвания Всеславянского комитета с утверждениями, что «известные реакционные силы мешают... борьбе малых славянских народов», оскорбленный Михайлович, принявший эти обвинения на свой счет, решил дать ответ. 8 марта 1943 г. в письме во Всеславянский комитет он писал: «Наш [сербский] народ, оставшийся твердым и непоколебимым в своих чувствах по отношению к матери-России... потрясен непониманием нашей реальности»²⁵. Прозвучавшие позднее заверения Михайловича, что «весь народ Югославии сохранит верность свободе и демократии» и вместе с США, Великобританией и СССР будет вести борьбу вплоть «до полной победы над нацизмом, фашизмом и всеми разновидностями тирании и диктатуры», не смогли изменить отношения к нему Москвы, сделавшей ставку на коммунистов-партизан Тито²⁶. Не случайно в советской военной пропаганде на Югославию немецкие оккупанты приравнивались не только к полевой страже Недича²⁷, но и к «разбойничьим четам Михайловича»²⁸.

Еще до перехода государственной границы Югославии частями Красной армии советские политорганы озаботились тем, чтобы познакомить военнослужащих с кратким описанием страны, состоянием югославской экономики и политики, населявшими ее народами. Армейская и дивизионная печать помещала многочисленные материалы о Тито, особенно подчеркивая, что руководимые им партизаны с первых дней оккупации Югославии неустанно боролись против немцев и их союзников. Последовательно проводилась идея «братства по оружию славянских народов». Обращаясь к исторической памяти народа, газеты указывали на освободительную роль русской армии на Балканах в XIX в., на необходимость для красноармейцев осознать, что Красная армия является ее «преемницей».

Приказ от 26 октября 1944 г. о наступлении войск 3-го Украинского фронта и переходе болгаро-югославской границы, как сообщалось в политдонесении начальника Политуправления фронта генерал-майора И. С. Аношина в ГлавПУРККА А. С. Щербакову, вызвал в войсках значительный

политический и боевой подъем. Встречи с частями НОАЮ и югославскими партизанами, доклады и беседы политработников «еще сильнее укрепили уважение личного состава к свободолюбивому югославскому народу, вызвали новый подъем наступательного порыва»²⁹. На политико-моральное состояние и настроения советских солдат большое влияние оказывали теплые и радужные встречи с местным населением, неизменно сопровождавшиеся манифестациями жителей, хлебосольным угощением и исполнением гимна югославских партизан «По долинам и по взгорьям». Но довольно скоро эти встречи стали серьезно заботить советское командование в связи с тем, что дружеские застолья, в которых далеко не пассивную роль играли и югославские партизаны, не только приобрели значительный размах, но и нередко превращались в откровенные попойки. В немалой степени именно по этой причине 5 декабря 1944 г. командующим 57-й армией был отдан приказ № ВС/0497, запрещавший «всякую связь военнослужащих армии с населением Румынии и Югославии».

Вступление Красной армии на землю Югославии, как свидетельствовали донесения советских политорганов, было встречено с восторгом, особенно в Сербии, где проходила большая часть военных операций. Население обращало особое внимание на боевую мощь частей и их техническую оснащенность, поскольку немецкая и недичевская пропаганда всячески принижали боеспособность Красной армии, подчеркивая плачевное состояние советского сельского хозяйства и промышленности и, как следствие, невозможность «Советов» содержать сильную армию. Бросалась в глаза и удивляла население молодость офицерского состава: 20–30-летние майоры и даже подполковники во главе полков и бригад, что говорило, помимо прочего, об их богатом военном опыте. Местному населению это казалось делом немислимым.

Вместе с тем продвижение советских частей по восточным районам Югославии сопровождалось и серьезным разочарованием жителей в связи с внешним, «потрепанным», видом солдат и офицеров, состоянием воинской дисциплины, аморальными и даже криминальными инцидентами. Статистика в этом плане остается на сегодня закрытой, но косвенно о масштабах негативных явлений можно судить по жесткой реакции на них советского командования. Личному составу широко разъяснялись меры наказания за нарушение законов, причем диапазон их был весьма широким — от предания суду и тюремного заключения на срок от 1 года до 10 лет до высшей меры. Если превентивные меры (предотвращение правонарушений), широко принимавшиеся партийными

и политическими органами, не срабатывали, следовали бескомпромиссные и срочные действия по розыску и наказанию преступников. С этой целью в войсках применялся Уголовный кодекс РСФСР 1926 года³⁰. Суду предшествовали лишение званий и наград (особенно часто это применялось за преступления против гражданских лиц). За воинские преступления практиковалась и отправка в штрафные роты.

Югославское руководство, судя по воспоминаниям и документам, неоднократно обращалось с жалобами на недостойное поведение красноармейцев к начальнику советской миссии генералу Н. В. Корнееву, начальнику советского гарнизона в Белграде генералу П. М. Верхоловичу, поднимало этот вопрос и перед Сталиным. Советский руководитель не стал замалчивать этот вопрос: затронул столь непростую тему во время встречи 9 января 1945 г. в Кремле с начальником штаба Югославской народной армии А. Йовановичем и членом руководства КПЮ А. Хебрангом. Рассуждая о правах Красной армии на продовольственные трофеи, он упомянул широко известное теперь сравнение М. Джиласом поведения на территории Югославии советских офицеров, «которые совершали безжалостные поступки, не гнушаясь даже мелким мародерством», и английских офицеров, почти не участвовавших «в подобных эксцессах»³¹. «Нельзя характеризовать армию на основании отдельных случаев, из-за одного уroda нельзя оскорблять всю Красную Армию, — говорил советский руководитель. — Надо понять душу бойца... Боец думает: ему все простят, он герой, ему все можно... Бойцы устали, измотались в длительной и тяжелой войне. Неправильно становиться на точку зрения «приличного интеллигента»... Есть отдельные случаи, позорящие наших бойцов. Мы за это расстреливаем...». Не удержался Сталин и от язвительного замечания, что свой моральный облик английские офицеры «лучше всего показали в Греции»³².

Сталин вновь вернулся к этому сюжету в апреле 1945 г. на обеде в честь подписания советско-югославского Договора о дружбе и взаимопомощи. Он призвал собеседников представить состояние солдата, мужчины, прошедшего от Сталинграда до Белграда — «тысячи километров его собственной опустошенной земли, через трупы своих товарищей и самых близких людей! Как нормально может такой человек реагировать? ...Красная Армия не идеальна. Важно то, что она бьет немцев — и бьет их хорошо, а остальное не имеет значения»³³. Конечно, Сталин лукавил, стремясь отнестись к случаям аморального поведения красноармейцев к разряду единичных. Безусловно, это было не так. Но неверным было бы впадать в другую крайность — представлять пове-

дение бойцов и офицеров как сплошное насилие и мародерство. Представления о масштабах преступлений советских военнослужащих на югославской территории в значительной мере сформировались во время конфликта Сталина-Тито. В наши дни специально изучавшие данную тему исследователи полагают, что уровень преступности исчислялся на территории Сербии «долями процентов» среди десятков тысяч красноармейцев — рядовых и офицеров³⁴.

Важно учитывать и многочисленные факты осуждения противоправных поступков военнослужащих в самой армейской среде (так же, как это было и на территории СССР). Показательно, что в славянских Сербии и Болгарии такие явления, как и сообщения «куда следует» о проступках и преступлениях своих товарищей, были значительно более частыми, нежели в Венгрии и Австрии. Не в меньшей степени Тито и его окружение беспокоило и отношение советских военных, в том числе пропагандистов и политработников, к партизанам и НОАЮ как к союзнику. Отсюда просьба «изменить фразеологию красноармейских газет», принять формулировку об освобождении Белграда не Красной армией, а Красной армией и Югославскими войсками, «вести отдачу чести югославским офицерам, прекратить третирование югославской армии как неумелой и второстепенной...»³⁵.

Явная обида, звучавшая в данной просьбе, имела под собой объективные основания. Действительно, отношение военнослужащих и офицеров регулярных частей к партизанским подразделениям было традиционно-снискательным. (Нечто подобное было характерно для красноармейцев и в отношении советских партизан). В немалой степени военнослужащие Красной армии руководствовались представлениями о «партизанщине» как неорганизованных действиях, отсутствии дисциплины, разброде и несогласованности. Но следует заметить, что постепенно отношение менялось. Например, в политдонесениях 3-го Украинского фронта совместные с частями НОАЮ действия по уничтожению группировок немцев в горных районах страны, на подступах к Белграду и в боях за югославскую столицу 15–20 октября 1944 г. оценивались весьма высоко³⁶.

Массовые настроения сербского населения, зафиксированные советскими политорганами, характеризовались не только верой в славянскую солидарность и значение единой для сербского и русского народов православной веры, надеждами на советскую помощь, на улучшение материального положения³⁷. Они отражали и представления определенной части жителей о перспективах дальнейшего развития страны, которую ждет

«светлое будущее»³⁸. Общую атмосферу осени 1944 г. отразили слова одного из руководителей КПЮ Бл. Нешковича, несомненно, хорошо знакомого с ситуацией в стране и в том числе справедливыми претензиями населения к советским солдатам и офицерам: «Что говорить о пустяках?! НАША Красная Армия пришла в Белград!»³⁹.

Хотя к вражескому лагерю относились две балканские страны — Румыния и Болгария, образ «врага», несомненно, фокусировался на Румынии. Именно румынские мотивы преобладали в листовках, адресованных бойцам Красной армии зимой 1942 г. При этом характерным пропагандистско-психологическим приемом являлась дегуманизация противника, в том числе изображение его в образе животных. Так, в сатирической листовке от 30 ноября 1942 г. была помещена карикатура на Антонеску и Хорти, представлявшая их «мартовскими котами», сцепившимися на крыше из-за кошечки по кличке «Трансильвания»⁴⁰.

В пропагандистских материалах румынская армия сравнивалась с «живым трупом», акцентировалось ее плохое снабжение продовольствием, особенно по сравнению с регулярными немецкими частями⁴¹, в общественном российском сознании целенаправленно формировался образ румынского солдата — вечно голодного и посему особо склонного к мародерству, грабежам, насилию и пр. На охотное восприятие советскими людьми именно такого образа румын, несомненно, в первую очередь влияла конкретная военно-политическая обстановка. Румыния участвовала в боевых действиях на Восточном фронте с лета 1941 г. силами 10 дивизий. Однако после немецкой оккупации Италии в сентябре 1943 г. численность румынских войск на советско-германском фронте постепенно росла, достигнув к лету 1944 г. 22 дивизий и 5 бригад.

«Вехами» оккупационной деятельности румын на советской территории являлись пребывание румынской армии в Крыму и в объявленных «румынскими провинциями» Бессарабии и Северной Буковине, установление «временного румынского управления» в Транснистрии (Приднестровье), куда вошли левобережные районы Молдавии, Одесская и часть Николаевской и Винницкой областей. На этих территориях, которые предполагалось в дальнейшем включить в состав «Великой Румынии», проводилась румынизация местного славянского населения. На отношение к румынскому противнику оказывал влияние и исторический прецедент — «Бессарабский» и «Буковинский» вопросы, до предела обострившие отношения королевской Румынии с Советской Россией. Румынский противник преподносился советским людям как захватчик исконно русских территорий, обладавший к тому

же непомерными территориальными аппетитами: официальный Бухарест и сам кондукэторул (вождь) Румынии генерал Ион Антонеску видели страну в новых границах до Крыма, Кавказа и Поволжских степей.

Притязания же Румынии на Южную Добруджу и Северную Трансильванию, сталкивавшие Бухарест с другими немецкими союзниками — Болгарией и Венгрией, давали козырь в руки советской пропаганде, позволяя обыгрывать тему противоречий в лагере захватчиков. Невысокие оценки боеспособности, дисциплины и морально-политического состояния румынских частей, дававшиеся советскими военно-аналитическими службами и находившие отражение в пропагандистских материалах, также влияли на складывание образа этого противника в массовом сознании советских людей, как в тылу, так и на фронте⁴². При этом известные советской стороне факты антинемецких настроений части румынских солдат, вплоть до откровенной враждебности, как правило, в пропагандистских материалах замалчивались.

Однако при организации «спецпропаганды» среди румынского противника его морально-психологическое состояние, несомненно, учитывалось. Так, Центральный штаб партизанского движения обязал политический и разведывательный отделы Крымского штаба партизанского движения взять под особый контроль работу по разложению румынских частей, используя в этой работе все виды информации⁴³. В целом в отношении румын советский пропагандистский аппарат применял различные методы воздействия. В ноябре-декабре 1942 г. в разгар Сталинградской битвы местоблюститель Патриаршего престола митрополит Сергей призвал румынское духовенство и солдат румынской армии «окончить войну с русским народом, с которым румыны связаны узами христианского братства, и прекратить пролитие братской единой крови»⁴⁴.

В это же время органами спецпропаганды была успешно проведена операция «Кольцо», которой руководил начальник 7-го отдела Политуправления Юго-Западного фронта полковник А. Д. Питерский. Уже на первом этапе операции, после того, как самолеты сбросили в район расположения румынских частей листовки с указанием пунктов приема пленных, 1200 румынских солдат и офицеров покинули боевые позиции. Была организована отправка их писем — «приветов на родину», в которых авторы благодарили судьбу за такой выход их из войны. В виде листовок эти письма сбрасывались на участках дислокации других румынских дивизий. В итоге без сопротивления сдались в плен еще 30 тысяч румын, в том числе 3 генерала и 130 старших офицеров⁴⁵.

Отзвук этой операции обнаружился в листовке-пропуске, датированной 1–2 апреля 1944 г. и обращенной к офицерам и солдатам 3-й румынской армии накануне боев за Одессу. «Спецпропагандисты» напомнили румынским солдатам о «разумном примере» их соотечественников под Сталинградом — генералов Мазарини, Ласкера и Стенеску, о десятках тысяч румынских военнослужащих, сложивших оружие и сдавшихся в плен. «Немцы — исконные враги румын, — говорилось в листовке. — Они захватили и терзали Румынию еще в 1916 году. Они и в эту войну бросали вас под огонь русских на самых тяжелых участках в Сталинграде и на Кавказе. Они сейчас бросили на произвол судьбы 7 румынских дивизий в Крыму. И вас они хотят оставить на убой в Одессе. Румыны! Не будьте дураками, не жертвуйте своей жизнью ради немцев и Антонеску. Война потеряла для Румынии всякий смысл... Выбор для вас один — сдадитесь в плен, будете жить. Будете воевать за немцев — погибнете»⁴⁶.

В период подготовки частей и соединений 3-го Украинского фронта к боевым действиям на территории Молдавии и Румынии особое внимание армейских политработников обращалось на работу с пополнением, прибывшим в апреле 1944 г. из Николаевской и Одесской областей. При этом учитывалось, что бойцы пережили тяжесть немецко-румынской оккупации, что они длительное время находились под воздействием фашистской пропаганды, «притупившей», как отмечалось в одной из справок Политуправления 3-го Украинского фронта, их национальное самосознание. Фиксируя наличие среди пополнения «нездоровых настроений», политработники в качестве примера приводили высказывания солдат, что «немцы — нехорошие люди, а с румынами можно жить». Для того, чтобы блокировать подобные настроения, было признано целесообразным более активно использовать в пропагандистской работе материалы о зверствах не только немцев, но и румын. Армейская печать начала публиковать статьи с призывами беспощадно уничтожать румынских солдат и офицеров⁴⁷. Вместе с тем для налаживания в будущем контактов с местным населением поощрялось освоение бытовой лексики на румынском языке. Каждому офицеру предписывалось знать «политико-экономические данные [страны] и хоть минимум румынских слов»⁴⁸.

10 апреля 1944 г. в связи с вступлением войск на территорию Румынии было издано специальное постановление ГКО. В нем говорилось: «Красная Армия вошла в пределы Румынии, не преследуя целей приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего в Румынии общественного строя... В занятых Красной Армией районах советов и ор-

ганов советской власти не создавать. Сохранить без изменения все существующие в этих районах румынские органы власти и существующую в Румынии систему экономического и политического устройства. Исполнению религиозных обрядов не препятствовать и церквей и молитвенных домов не трогать. Румынских порядков не ломать и советских порядков не вводить». Отдельным пунктом предписывалось объявить «во всеобщее сведение, что все личные и имущественные права румынских граждан и частных обществ, а также принадлежащая им частная собственность находятся под охраной советских военных властей»⁴⁹. Аналогичные постановления принимались перед вступлением Красной армии и в другие государства Восточной Европы. Они становились основным документом, регулировавшим отношения Красной армии с местными властями и населением, равно как и основанием для пресечения противоправных действий военнослужащих.

Вступление Красной армии на территорию Румынии поставило перед пропагандистскими органами новые серьезные задачи. Их выявила проверка состояния партийно-политической работы в войсках 2-го Украинского фронта, проведенная в июле 1944 г. Основные замечания сводились к непониманию армейским пропагандистским аппаратом особенностей деятельности на вражеской территории, «вопросов организованности, бдительности и дисциплины», к резкому ослаблению воспитания ненависти к врагу. В итоговой справке указывалось на «позорные факты негласного перемирия с немецко-румынскими захватчиками». В качестве примера сообщалось о случае в 184-м стрелковом полку 69-й стрелковой дивизии: 11 мая 1944 г. командир роты лейтенант Коновалов разрешил одному из бойцов сыграть на губной гармошке. Звуки музыки привлекли внимание румынских солдат, которые с криками «Не стреляйте, мы тоже не будем» начали выдвигаться из траншей. Огонь с обеих сторон был прекращен, и румыны в спокойной обстановке начали производить погребение убитых. Характерно, что этот пример соседствовал в справке с выводом о том, что до основной массы личного состава не было доведено сообщение Совинформбюро от 10 мая 1944 г. о злодеяниях румынских войск на оккупированной советской территории, и необходимая воспитательная работа с бойцами и офицерами «по содержанию этого политически важного документа» в частях фронта не была проведена⁵⁰.

Значительной остроты достиг вопрос о поведении военнослужащих Красной армии на румынской территории. Главным образом это касалось состава частей и подразделений за пределами прифронтовой зоны. В вышеуказанной справке говорилось о «большом количестве фактов недо-

стойного поведения» солдат и офицеров. «Очень многие военнослужащие ходят в грязном нечистом виде, без погон, шатаются по городам Румынии без всякого дела и подчас в нетрезвом виде, заполняют лавки, харчевни, рестораны, — сообщалось в документе. — Приказ НКО о приветствиях нарушается сплошь и рядом. Офицерский состав в большинстве случаев на эти безобразия смотрит сквозь пальцы, да и сами офицеры далеко не являются образцом в поведении». Только за 17–20 мая в Ботошани комендантские патрули задержали за недостойное поведение около 500 военнослужащих, в Сучаве — 560 человек⁵¹. Приводя конкретные многочисленные факты мародерства, грабежей, пьянства, насилия, подделки документов и пр., авторы справки констатировали, что Военный совет и политорганы фронта «упустили время, когда надо было быстро и оперативно принимать конкретные меры по борьбе с этими позорными для Красной Армии явлениями»⁵².

23 августа 1944 г. в Румынии произошел государственный переворот. После свержения диктатора Антонеску страна вышла из войны на стороне Германии. В этот день с призывом «к духовенству и верующим румынского народа» обратился местоблюститель Патриаршего престола митрополит Алексей (патриарх Сергей скончался в мае 1944 г.). Напомнив об обращении владыки Сергея к румынским православным в 1942 г., митрополит Алексей констатировал, что не услышанный ранее призыв покойного патриарха «теперь ...услышан». Он призвал румынских «пастырей и паству» повернуть оружие против поработителей — немцев, изгонять их из пределов страны и всячески содействовать Красной армии в деле освобождения от фашизма⁵³. В целом, однако, выход Румынии из войны не особенно повлиял на оценки советскими гражданами вчерашнего противника. В опубликованных материалах НКВД по Ленинграду и области отмечается, что среди населения преобладало недовольство в связи со «слишком мягкими» условиями перемирия с Румынией, хотя встречались и другие мнения⁵⁴. Мало что нового внесло в представления советского общества о бывшем противнике и формирование на территории СССР двух румынских военных соединений (в том числе дивизия имени Тудора Владимиреску) для действий на советско-германском фронте. Более того, быстрая смена внешнеполитической ориентации (вчера — противник, сегодня — союзник) вызывала у многих настороженное отношение.

Контакты красноармейцев с румынским населением выявили весьма важную грань взаимовосприятия. Б. Слуцкий подметил, что, в отличие от сербов и болгар, румыны не испытывали особого преклонения перед военной мощью со-

ветской страны, которое наш солдат чутко улавливал. Низкий уровень жизни населения производил тягостное впечатление на красноармейцев. Правда, замечал в связи с этим Слуцкий, «нельзя забывать, что мы побывали в довольно паршивой Европе, с румынским бессапожьем и венгерским безземельем»⁵⁵. Бросавшуюся в глаза «страшную бедность, забитость населения, боязнь воспользоваться собственностью помещиков» вспоминал позднее и бывший командир отдельного гвардейского минометного дивизиона Б. П. Уткин⁵⁶. Производила на советского солдата впечатление и относительная свобода нравов, особенно в городах, за соблазн воспользоваться которой нередко приходилось расплачиваться здоровьем и длительным лечением⁵⁷.

Не менее важный вопрос — а какой увидели Красную армию румыны? Первое, что вызывало, без преувеличения, шок, — внешний вид красноармейцев. В одной из справок политуправления 2-го Украинского фронта за 12 июля 1944 г. он характеризовался как «очень неприглядный»: бойцы выглядели «оборванцами». До 80–90% военнослужащих совершенно не обеспечены обмундированием и обувью, говорилось в документе. Отмечен случай, когда в роте, отправлявшейся на пополнение в 39-ю стрелковую дивизию, 15 человек шли «буквально в нижнем белье». Солдаты нередко участвовали в боях «босиком, в гражданском обмундировании, пришедшем в абсолютную негодность»⁵⁸. Частично выручали добытые трофеи. Вспоминая «первые дни в Европе», Слуцкий описал типичный вид стрелковой роты: «Костюмы бойцов варварски разнообразны: в полный набор оттенков желтого и зеленого цветов — положенных цветов нашей армии — обильно вкраплены немецкие и румынские мундиры. Основательная кирза разбавлена блистательной легковесностью хромовых, стянутых с немецких подполковников сапог». И далее еще одно важное наблюдение — перед этими «разноцветными ордами» «отшатывались» румынские деревни, «разбегались в стороны от шоссе»⁵⁹.

Непрезентабельный внешний вид советских военных отмечали во всех странах, куда вступила Красная армия. И это обстоятельство требует объяснения. Необходимым обмундированием армия была обеспечена только к 1926 году⁶⁰. Но уже в 1941 г. в силу объективных причин (потеря складов, сырьевой базы, производственных мощностей) возникли перебои в производстве гимнастерок, шинелей, сапог и пр. В дальнейшем полностью преодолеть трудности в этом плане не удалось. Потрепанный вид имели не только рядовые, но и многие сержанты и офицеры. Правда, и румынские солдаты, как вспоминают очевидцы, были плохо одеты и обуты. Зато отменный вид

имели офицеры. При этом они часто демонстрировали спесивость, амбициозность, чванство⁶¹. «Лакированные» румынские офицеры отличались от наших, пишет Слуцкий, как земля от неба⁶². Различия еще больше усиливало охотное использование румынами пудры, помады, румян, мушек, корсетов⁶³. Нетрудно предположить, какие чувства к новому союзнику вызывало это у советских военнослужащих.

На еще одно важное обстоятельство обратил внимание сербский историк А. А. Тимофеев, изучавший материалы российского военного архива: оставлял желать лучшего вопрос о продовольственном снабжении Красной армии. Только в 1943–1944 гг., подчеркивает исследователь, советский солдат понемногу начал забывать слово «голод». Но дневной рацион его по-прежнему был скудным. Так, танкисты 4-го гвардейского мехкорпуса генерала В. И. Жданова, единственного танкового соединения, действовавшего на Балканах в составе 3-го Украинского фронта и находившегося на острие его удара, в сентябре 1944 г. в течение недели получали на завтрак кашу (манную, пшеничную или из пшеничного концентрата), на обед — борщ или фасолевый суп. Ужин был более чем скромным — чай и хлеб⁶⁴. Калорийность такого питания не дотягивала даже до норм, рекомендованных медиками для лиц, занятых легким физическим трудом, а что уже говорить о труде ратном?

Безусловно, вышеуказанные обстоятельства следует учитывать, рассматривая вопрос о поведении красноармейцев в Румынии и других странах. Подчеркнем также немаловажное значение «качественного» состава советских частей. В июле 1944 г. более 2/3 личного состава войск 2-го Украинского фронта составляло молодое пополнение. Нет оснований считать, что на других фронтах положение было иным. В частях преобладали «новобранцы», в том числе и представители национальных окраин, нередко малограмотные, не имевшие необходимой боевой закалки и морально-психологической устойчивости. На их фоне резко выделялись кадровые бойцы, прошедшие длинными фронтовыми дорогами, — отличные солдаты, сберегшие довоенное отношение к сержантам и почтение к офицерам. Но уцелело их в военную страду сравнительно немного.

Все отмеченное выше — это не оправдание, а попытка понять природу многих негативных явлений, характеризующих поведение бойцов и офицеров Красной армии. В процессе налаживания контактов военных с гражданским населением велика была роль военных комендатур. Именно к ним обращались домовладельцы с требованиями оплатить постой красноармейцев, торговцы, предъявлявшие счета причиненных им убытков,

священники, интересовавшиеся организацией религиозной жизни... Диапазон вопросов, решавшихся военными комендатурами, был поистине безбрежен. Четкость и оперативность деятельности комендатур, безусловно, влияла на настроения населения, выступала подчас лучшим пропагандистом. В соответствии с постановлением ГКО, о чем говорилось выше, никаких ограничений частной торговли и предпринимательства комендатуры не предпринимали, чем немедленно воспользовались многие лавочники, спеша сбыть залежавшийся товар и буквально каждый час повышая на него цены. Такой случай был зафиксирован, в частности, в местечке Чернаводэ, где колоссальную популярность неожиданно для румын приобрели диковинные для красноармейцев ручки-самописки...

На взаимовосприятие русских и румын оказывало определенное влияние и участие румынских регулярных частей в боях на территории Венгрии. Советское командование внимательно отнеслось к новому союзнику. Поступавшие «наверх» сведения, однако, не располагали к оптимизму. Отмечались неудовлетворительное руководство боем со стороны среднего и старшего командного состава, неумение румын использовать при отражении контратак артиллерийские средства, форсировать водные преграды, вести ночные поиски. Особую критику советских военных наблюдателей вызывала традиция румын вообще не воевать в ночное время (боевые действия, независимо ни от чего, приостанавливались в 19–20 часов), а также случаи трусости и танкобоязнь личного состава. Все это диктовало свои особенности применения румынских частей в боевых операциях. Так, в частности, существовала практика их дробления. Например, один корпус 1-й румынской армии действовал в составе 25-го гвардейского стрелкового корпуса 7-й гвардейской армии 2-го Украинского фронта, еще одна дивизия была включена в состав 72-й гвардейской стрелковой дивизии. (Заметим, что и немецкие союзники не доверяли румынам самостоятельных участков фронта. В сентябре 1943 г. во время боев на Таманском полуострове румынские горно-стрелковые части располагались между немецкими горными егерями и морскими пехотинцами). Полоса наступления румынских частей устанавливалась в 2–4 км, в то время как для советских она составляла 6–8 км.

Основная претензия советской стороны сводилась к тому, что румынский офицерский состав не требовал от солдат «полного напряжения физических и моральных сил в деле выполнения боевой задачи»⁶⁵, а сами офицеры демонстрировали нежелание воевать. Как сообщал представитель советского командования в 4-й румынской армии

полковник Никифоров, отказавшись проводить ночную атаку в районе венгерского села Гамбое-Пусто, офицеры заявили: «Зачем нам лезть туда и нести потери? Дождемся, когда немцы отойдут из села и тогда займем его». Нередко румынские офицеры открыто заявляли, что солдаты нуждаются в отдыхе, что следует восстановить былую практику предоставления им каждые полгода 10–15-дневных отпусков, и пр.⁶⁶ Все это, по понятным причинам, раздражало советских военных наблюдателей.

В поле зрения советских офицеров, прикомандированных к румынским частям, и военных политработников попадали и бесчинства румынских военнослужащих на венгерской территории. Характерны в этом плане материалы Военного совета 40-й армии, в которых отмечалось, что «поголовный грабеж мирного населения» румынскими военнослужащими сопровождался комментариями типа: «Русские тоже всегда берут», «Подождите, вот придут русские, они вам покажут», «У нас русские больше забрали», и пр.⁶⁷ Борьба с противоправными и преступными действиями румынских военнослужащих считалась прерогативой румынского командования. Советский же соответствующий опыт показал всю трудность решения этой задачи. В целом, отношение к Румынии было сложным: в массовом сознании советских людей страна не воспринималась как полноценный союзник, а на фронте применительно к румынским частям в солдатской массе прижилось ехидно-уничижительное определение «союзнички»⁶⁸.

Болгарские части не действовали на Восточном фронте. «Особая позиция» Болгарии в войне против СССР обусловила тот факт, что советская пропаганда не уделяла этому немецкому сателлиту серьезного внимания как противнику, а в общественном сознании советских людей болгарский народ не воспринимался как враг. В отношении Болгарии советская пропаганда особенно активно акцентировала историческое прошлое, прежде всего роль России в освобождении Болгарии в результате Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., благодарное отношение и привязанность болгарского народа к «братушкам», причем, судя по опубликованным материалам национальной Дирекции полиции, делала это систематически и настойчиво. Именно влиянием советской пропаганды болгарские власти объясняли готовность некоторых военнослужащих в случае отправки на Восточный фронт повернуть оружие против немцев и своих офицеров и «поголовно сдаться Красной Армии» (донесение об обстановке в Варне в 1942 г.)⁶⁹. Провалом закончилась и попытка сформировать отряд болгарских летчиков для действий в составе люфтваффе на Восточном

фронте. Весной 1942 г. число изъявивших согласие не превысило 30 человек⁷⁰.

В середине сентября 1943 г. Штаб Болгарской армии констатировал, что акцент советской пропаганды несколько изменился: теперь ее острие направлялось на армию, выражаясь в призывах к военнослужащим действовать совместно с югославскими и греческими партизанами. Что касается внушения симпатий к «братской России», указывалось в одной из сводок Штаба за ноябрь 1943 г., то советский пропагандистский аппарат стал действовать более гибко, отказавшись от коммунистических лозунгов, резкой критики царского института власти (это объяснялось учетом монархистских настроений народа, выявившихся в связи со смертью царя Бориса III) и делая акцент на идее создания «независимой и великой Болгарии» с опорой на Россию⁷¹.

Характерной особенностью пропагандистской работы среди личного состава Красной армии являлся перенос вины за вхождение Болгарии в блок фашистских держав и вступление в войну на «немцев и их агентов» внутри страны⁷². Нельзя не заметить прямой аналогии: в октябре 1915 г. ответственность за участие Болгарии в войне на стороне Тройственного союза официально возлагалась Россией на «династию Кобургов», последовательно проводившую в стране «прогерманскую и антирусскую политику»⁷³. Документы свидетельствуют, что такая трактовка причин вхождения Болгарии в фашистский блок принималась бойцами Красной Армии, выражавшими готовность идти в Болгарию, чтобы помочь братскому народу и наказать преступную «правящую клику»... При этом направленность высказываний бойцов Красной армии, зафиксированных в поллитдонесениях о политико-моральном состоянии войск 3-го Украинского фронта накануне вступления в Болгарию, была в большинстве случаев не антиболгарской, а антинемецкой⁷⁴.

Судя по документам, разъяснительной работы потребовала от пропагандистов нота советского правительства от 5 сентября 1944 г. об объявлении Болгарии войны. Зафиксированные в сводках о настроениях военнослужащих высказывания рядовых и офицеров свидетельствовали о том, что личный состав усвоил официальную оценку болгарского «нейтралитета» как намерения руководства страны «укрыть немецкие штыки», создать на территории Болгарии базу для дальнейшего сопротивления немцев.

К моменту перехода румыно-болгарской границы войсками 3-го Украинского фронта пропагандистская работа среди личного состава была направлена на закрепление и удержание «военно-политического порыва» после Яско-Кишиневской операции. Бойцам разъяснялось, что пред-

стоят суровые бои, что гитлеровцы способны на любую авантюру и пр. Политуправление фронта подготовило справку об экономическом и политическом положении Болгарии, о быте и традициях народа, исторических связях болгар и русских. Кроме того, в политотделах 57-й и 37-й армий были подготовлены и распространены среди бойцов и офицеров справки о городах Болгарии — Плевене, Шумене, Видине, Разграде, Добриче, Варне, Бургасе⁷⁵. В первичных партийных организациях прошли собрания на темы «Задачи коммунистов в связи с наступлением Красной Армии на территорию Болгарии» и «Задачи по обеспечению правильных взаимоотношений с болгарским населением»⁷⁶. 7 сентября 1944 г., накануне наступления, командующий фронтом генерал армии Ф.И. Толбухин подписал обращение «К болгарскому народу!» На следующий день фронтовая авиация разбросала первые 50 тыс. листовок с текстом обращения над территорией страны. В документе говорилось, что Красная армия не намерена воевать против болгарского народа и его армии, считает болгарский народ братским.

8 сентября 1944 г. военная операция началась. Но не как обычно, рано утром и артподготовкой, а в 11 часов отправкой разведподразделений к болгарским погранзаствам. Много лет спустя начальник штаба 46-й гвардейской артиллерийской Запорожско-Одесской краснознаменной ордена Суворова II степени бригады подполковник П.П. Боринский, вспоминая далекий 1944 год, обратился к своему дневнику: «Утро 8 сентября. Солнечно и тепло. Впереди Болгария, земля, знакомая не только по учебнику географии. Царское правительство этой близкой нам страны, чей героический сын после Лейпцигского процесса нашел прием на нашей свободной родине, поставило всю ее экономику на службу Германии. Ее порты превратились в морские базы немецкого флота. ...На своих боевых позициях воины бригады ждут команды с особым волнением. Все мы знаем, что наши деды сражались с османскими полчищами за свободу Болгарии»⁷⁷.

Переход румыно-болгарской границы осуществлялся подвижными отрядами и авангардными частями дивизий фронта. Многие бойцы были удивлены и разочарованы состоянием государственной границы, фактическим отсутствием соответствующих атрибутов, в связи с чем некоторые даже не заметили момента пересечения пограничного рубежа. Уже в 11.30 последовала команда зачехлить орудия... 9 сентября с утра на территорию Болгарии вступили главные силы фронта, в течение дня они продолжали продвижение в южном и юго-западном направлениях, к побережью Черного моря и турецкой границе.

С первых часов пребывания Красной армии на болгарской земле стало ясно, что значительная часть населения не понимала причин войны СССР и Болгарии. Политотдел 37-й армии сообщал, что особо слабо разбиралось в обстановке сельское население⁷⁸. Оперативно была развернута работа радиоустановок, в населенных пунктах передавались тексты обращения «К болгарскому народу!», нота советского правительства об объявлении войны Болгарии, отдельные выдержки из сообщения НКВД СССР «К советско-болгарским отношениям». Для этой работы в каждой дивизии имелись дикторы, владевшие болгарским языком. Только на марше к Варне через Добрич спецгруппами было распространено 2 тыс. экземпляров обращения «К болгарскому народу!»⁷⁹

Отмеченные советскими наблюдателями настроения болгарского населения характеризовались значительным разнообразием. Военные корреспонденты «Правды» В. Кожевников и М. Сиволобов так описывали атмосферу встречи подходивших советских частей: терпеливое, по несколько дней ожидание на обочинах дорог с приготовленным заранее угощением, увитые цветами триумфальные арки у каждого городка и села, лозунги «Добре дошли наши освободители!»... Сама встреча, отмечали корреспонденты, «превзошла все ожидания, глубоко взволновала». Проявляя искренние, теплые чувства по отношению к советским воинам, жители стремились всячески подчеркнуть, что болгары никогда не питали вражды к русскому народу и не хотели воевать с ним, что печальным итогом трехлетнего хозяйничанья немцев в Болгарии явилось ограбление страны и ее народа⁸⁰. Несколько менее однозначной рисуется картина в донесениях политотдела 57-й армии в политуправление 3-го Украинского фронта. В полосе наступления армии, говорилось в одном из документов, «местное население в первый день как бы присматривалось к Красной Армии, проявляя сдержанность и некоторую настороженность», которые затем сменились теплом и радушием.

На этом фоне бросалась в глаза «неприветливость» и «неразговорчивость» турецкого населения — мужчины, как правило, избегали приветствовать встречавшихся им бойцов и офицеров, а женщины попросту не показывались на улицу⁸¹. В конце сентября 1944 г. ГлавПУРККА обобщил поступившую информацию и направил в ЦК ВКП(б) пространную справку, в которой нашли подтверждение сведения об искренней симпатии и радушии большинства болгарского населения к Красной армии и его заметных антинемецких настроениях. Исключением, как подчеркивали авторы документа, являлись районы присоединенной к Болгарии, благодаря союзу с Германией, Южной

Добруджи, жители которой демонстрировали сдержанное отношение к советским военнослужащим. Основная причина заключалась в опасениях, «как бы Красная Армия не пересмотрела вновь этот вопрос» и не покусилась на совершенное при поддержке немцев «благое дело»⁸².

На значение для болгар «территориального» фактора указывалось и в донесении начальника 7-го управления ГлавПУРККА генерал-майора М. И. Бурцева от 13 октября 1944 г., в котором приводилось следующее характерное заявление одного болгарина: «К нам, болгарам, немцы пришли как своего рода „благотетели“. Они дали нам Македонию, Фракию. Они говорили о союзе. Наш народ не раскусил их сразу. Если бы немцы пришли к нам с войной, как к сербам, да прошли бы по нашей земле с боем, тогда у нас бы разгорелась такая народная война против немцев, которая оказалась бы еще больше, чем у югославов. Немцы действовали у нас очень хитро: они все делали руками болгар, а сами оставались в тени и даже сохраняли личину друзей»⁸³.

Значительный интерес представляют наблюдения советских военкоров в столице Болгарии. Упомянутые выше Кожевников и Сиволобов прибыли в Софию 12 сентября, т.е. через три дня после переворота и за три дня до вступления в город Красной армии. Увиденное живо напомнило им революционную Россию 1917 года — огромное количество красных флагов с советским серпом и молотом на зданиях государственных учреждений, красные банты и красные звезды на штатских и военных⁸⁴... Атмосфера подогревалась проявлениями революционного нетерпения со стороны левоориентированных кругов Отечественного фронта, считавших, что в стране можно было бы сразу установить «советский строй», будь это «позволено»⁸⁵. В связи с созданием коалиционного правительства недоумевала та часть населения, которая полагала, что «лучше было сразу составить все правительство из коммунистов». Однако в палитре общественных настроений отразились также и опасения установления Красной армией советской власти в стране. Ссылаясь на пример Бессарабии и Прибалтики, часть населения (идеологически «зашоренное» сознание политработников не могло не оценить ее иначе, как «зачиточная») считало правительство Отечественного фронта переходной ступенью к советизации Болгарии и присоединению страны к СССР. Назывались и вероятные сроки этого присоединения — ближайшие 2–3 месяца. С уверенностью утверждалось, что будущее Народное собрание «проголосует за советский строй».

Вместе с тем сохранение старых органов и атрибутов государственной и административной власти, многочисленного чиновничества,

судебной системы рождало у части населения ощущение, что с вступлением в страну Красной армии как будто имеет место «поворот к старому»⁸⁶. В политдонесении в ГлавПУРККА начальник политуправления 3-го Украинского фронта генерал-майор Аношин отмечал сдержанность и осторожность в оценках событий и даже желание «умалить их значение» со стороны отдельных столичных жителей. В качестве примера приводились слова болгарского офицера-капитана, ветерана Балканских и Первой мировой войн. «София, — заявил он, — напоминает внезапно откупоренную бутылку пива. Много пены, переливающей через край, но это — только пена. Пива не становится больше»⁸⁷.

Значительное распространение получили среди болгар слухи о неизбежной войне Советского Союза с Англией, в ходе которой Болгария выступит на стороне России и получит за это выход к Эгейскому морю. Однако обсуждался и иной вариант развития событий: неизбежное продвижение Красной армии в Грецию и Турцию и острое противостояние в связи с этим с Англией приведет к тому, что Россия не захочет ссориться с союзницей и «уступит [ей] Балканы»⁸⁸.

Жизнь в стране тем временем понемногу входила в привычное русло: в столицу возвращались беженцы, постепенно налаживалась работа транспорта, связи, предприятий. Присутствие советских частей притупило чувство безопасности, что выразилось, в частности, в небрежении мероприятиями по затемнению города — София оставалась освещенной до 23 часов. Однако экономическое положение было по-прежнему напряженным: хотя действовала карточная система, население страдало от перебоев в снабжении продовольствием, от отсутствия тканей, обуви, керосина, сахара и пр. В связи с этим часто можно было слышать вопрос: «Привезут ли русские в Болгарию промтовары и сахар?»⁸⁹.

Политорганы всех воинских частей, находившихся на территории Болгарии, фиксировали обостренный интерес местных жителей к СССР. Отраженный в политдонесениях далеко не полный перечень вопросов касался не только международной обстановки и перспектив на будущее (присоединение балканских стран к Советскому Союзу, создание балканско-славянской федерации в составе Болгарии, Югославии и автономной Македонии), но и жизни и быта советских людей. Наиболее часто повторявшиеся вопросы: каковы цены на продовольственные и промышленные товары, одинаково ли материальное положение рабочих и служащих, отличается ли жизнь рабочего на периферии и в центральных городах, каковы наиболее востребованные профессии, что можно сказать о положении женщины, в том чис-

ле и работающей (кто в таком случае смотрит за детьми), образование советского человека и возможности его получения, обязательно ли начальное обучение, существует ли плата за учебу, какие иностранные языки изучаются в СССР), действуют ли церкви и отправляют ли службу священники, какова численность населения в крупных городах — Москве, Ленинграде, Киеве, какие существуют ордена и за что даются? Всеобщее сильное удивление вызывала молодость офицерского состава Красной армии и быстрое продвижение офицеров по службе. В крестьянской среде отмечался сильный интерес к вопросам о частной собственности в СССР⁹⁰.

Низкий в целом уровень знаний населения о жизни в СССР удивлял многих советских военнослужащих. Обобщая впоследствии свои балканские впечатления, военный корреспондент поэт Борис Слуцкий вспоминал: «Степень неосведомленности Европы о России была обидно велика. Это оскорбляло и озлобляло. Удивлялись нашему знанию простейших вещей из местной жизни — это в то время, когда во всех красноармейских газетах печатались справки „Болгария“, „Румыния“, „Венгрия“. В то же время охотно сообщали нам ворох всякой „клюквы“ о России. Как ни мизерно было то, что мы знали о них, они знали о нас еще меньше и хуже»⁹¹.

Данное обстоятельство актуализировало работу спецотделений (седьмых отделений) политуправлений армий фронта среди болгарского населения, которая велась по нескольким направлениям. Наиболее важными считалось осуществление контроля за зрелищными мероприятиями, изданием книг, газет, журналов и прочей печатной продукции, разоблачение злостной пропаганды в отношении СССР, информирование населения о целях и задачах Красной армии. Тематика лекций и докладов для болгарского населения была направлена на ознакомление его с жизнью советской страны (политическое устройство и Конституция, состояние экономики, культуры, образования, положение женщины в обществе), разъяснение освободительной миссии Красной армии, исторических корней дружбы славянских народов и пр.⁹²

Несмотря на значение этих мероприятий для повышения информированности болгарского общества о жизни советской страны, следует признать, что едва ли не главным источником сведений, причем источником своеобразным, являлись постоянные контакты бойцов и офицеров Красной армии с местным населением. Длительное время пребывание советских солдат на болгарской земле, среди «братушек», рисовалось исключительно радужными красками, создававшими почти идиллическую картину. На многочисленных примерах демонстрировались взаимные теплые, братские

чувства болгар и русских, а негативные явления характеризовались как «отдельные», единичные. Между тем практически сразу же после вступления Красной армии в страну факты мародерства, насилия, проявления слабой дисциплины военнослужащих, особенно тыловых частей, вызвали разочарование и недовольство хозяев.

Уже к середине сентября 1944 г. определилась четкая тенденция к численному росту подобных явлений, вызвав ощутимый спад энтузиазма болгарского населения по отношению к красноармейцам. В г. Исперихе, например, местные власти официально заявили советским представителям о своей готовности оказать всяческую помощь Красной армии. — «Но пусть нам скажут, что ей нужно, а не забирают сами». Обиженные жители обращались к политработникам: «Почему происходят эти безобразия? Будут ли наказаны виновные?»⁹³. Ответом явилось усиление мер воспитательного и административного воздействия как в солдатской массе, так и среди офицерского состава (от последнего требовалось повысить ответственность за своих подчиненных), применялись коллективные формы воздействия на лиц, допустивших аморальные поступки, в частности, проведение «судов офицерской чести». Политуправлением 3-го Украинского фронта по распоряжению Военного совета была издана «Памятка воину Красной Армии в Болгарии». Она вручалась лично офицерам, командирам батальонов и рот, сержантам и рядовым, по ее содержанию регулярно проводились многочисленные беседы. Кроме того, на ее основе были подготовлены «памятки» в отдельных частях, например, в 4-й гвардейской механизированной дивизии.

Лейтмотивом этого документа стал призыв к советскому воину беречь любовь и уважение народа, которому солдат Красной армии принес освобождение, чтить его обычаи, законы и семью, быть беспощадным к грабителям, мародерам, насильникам, нарушителям порядка, позорящим честь красноармейца и тем самым помогающим немцам. «Пусть везде, где прошла Красная Армия, уничтожая врагов человечества — гитлеровцев и освобождая поработанные ими народы, навсегда останется в сердцах миллионов людей глубокая благодарность, любовь и уважение к тебе, товарищ боец, сержант и офицер!» — говорилось в «Памятке»⁹⁴.

В связи с этим нельзя не отметить, что многие болгары — свидетели и современники событий осени 1944 г., не отрицая и отнюдь не оправдывая действительно немалочисленные случаи аморального порядка, обраставшие к тому же слухами и нередко вымыслами, стремились объяснить психологическое состояние советского бойца, проявляли понимание, что любая война, демонстрируя

высоту человеческого духа, также неизбежно сопровождается моральными и нравственными потерями. На бытовом уровне это нередко отражалось в оценках негативных явлений по принципу «В семье не без урода»⁹⁵. Тем не менее, болгарские власти, по-видимому, почувствовали необходимость разъяснить населению ситуацию, и 3 октября 1944 г. в специальном выступлении по софийскому радио министр пропаганды Д. Казасов произнес «Слово о советском солдате».

Казасов попытался рассеять, по его словам, «легенду о благородном поведении гитлеровского солдата» в Болгарии и, напомнив о ратном пути красноармейца, объяснить его чувства и переживания. «Три года, днем и ночью, он шел сквозь бури и вьюги, утопая то в сугробах, то в грязи и воде, чтобы отстоять священную землю своих дедов. Сталинград! Солдат пришел оттуда в Софию, пришел, узнав, а может быть и увидев пепелище родного дома, а своих близких растерзанными гитлеровским зверем. И, придя сюда, он видит себя внезапно пробудившимся от кошмарного сна, перенесшимся в спокойный край, о котором мечтал. Нет пепелища. Есть наполненные жизнью села. Нет потонувших в мертвом молчании домов. Есть звенящие женские голоса и детский смех. И над всем этим — воспоминания о его опустошенной родине. Постарайтесь понять, и тогда, я уверен, вы скажете: Помолчим! Помолчим о наших мелких, жалких личных переживаниях. Помолчим, ибо рядом с ними молча ступают в окровавленной, покрытой грязью и водой шинели великие муки великого советского народа! Помолчим и с молитвенным смирением склоним головы перед его непревзойденной жертвенностью!»⁹⁶

То, что Казасову удалось точно передать психологическое состояние рядового бойца, подтверждают воспоминания комсорга батальона 144-го гвардейского стрелкового полка 49-й стрелковой дивизии 46-й армии Л. Бартышева: «В одном селе заночевали. Пожилая болгарка смотрела на нас так, что я испытал непреодолимое желание приблизиться к ней, как к родной матери, обнять, склонить голову на грудь и... заплакать. О разрушенном родном доме, о моей семье, о которой три года не имел вестей, рассказать ей, как устал от тяжкого разрушительного солдатского труда»⁹⁷.

С началом болгарской «перестройки» и отказом от русофильской «парадигмы» исторических исследований постепенно оформился полярный прежним суждениям взгляд на советских солдат как на «духовно бедных сыновей страны, бывшей ранее идеалом» для многих болгар; отмечалось, что контакты населения с красноармейцами и офицерами вызвали первое крупное разочарование населения. Обобщая, некоторые авторы напомнили о том, что германскую армию встре-

чали в марте 1941 г. в Болгарии «гораздо теплее и сердечнее», нежели три с половиной года спустя советскую. При этом констатировались «невероятная ограниченность и примитивизм офицеров Красной Армии», «отсутствие у них каких-либо культурных и интеллектуальных запросов, их почти первобытное изумление перед цивилизованным обликом Болгарии даже военного времени, как бы указывавшие на огромную пустоту советской духовной жизни». Утверждалось, что советские офицеры «ничего не знали о Блоке и смутно помнили имя Маяковского»⁹⁸.

Документальные источники частично подтверждают сказанное, хотя и не с такой высокой степенью категоричности. Например, об отсутствии у болгар «настоящей ненависти к немцам», стремления вести с ними борьбу неоднократно говорилось в справках политорганов 3-го Украинского фронта, анализировавших политические настроения в стране в середине сентября 1944 г.⁹⁹ Однако указанные материалы содержали и прямо противоположные сведения — об отчетливо выраженных антинемецких настроениях определенной части населения. Все это говорит о необходимости ответственного отношения к любого рода обобщениям.

Что касается Красной армии, то в докладе сотрудника Управления стратегических служб США Д. Вудрофа о политической ситуации в Болгарии в сентябре-декабре 1944 г. отмечалось разочарование болгар внешним видом красноармейцев, равно как и испытываемая последними неловкость за «относительную отсталость» России. Вместе с тем американский наблюдатель констатировал «сравнительно хорошую дисциплину русских», что было связано, по его наблюдениям, с «исключительной суровостью войск НКВД в отношении нарушителей». Заслуживает быть отмеченным замечание Вудрофа о том, что «болгары в общем и целом научились находить общий язык с советскими войсками... и если бы не страх, что они останутся в стране или поддержат коммунистов, отношения вообще могли бы быть отличными»¹⁰⁰. Обращают на себя внимание спокойная тональность доклада, автор которого считался «аккуратным и надежным наблюдателем болгарской политической жизни», а также продемонстрированное им желание дать болгарским реалиям, в частности взаимоотношениям населения и Красной армии, всестороннюю и объективную оценку.

Что касается культурного уровня советского военнослужащего, то вряд ли продуктивным было бы «стричь всех под одну гребенку», в частности, игнорировать тот факт, что к середине 30-х годов в СССР сформировалось молодое, патриотически настроенное поколение, а в отечественной культуре появился так называемый массовый читатель.

Объектом его внимания, как утверждают российские культурологи, являлась издаваемая в СССР сравнительно большими тиражами русская и зарубежная классика — Короленко и Некрасов, Толстой и Достоевский, Крылов, Державин, Помяловский... Популярностью пользовались переводы наиболее значительных произведений Ремарка, Олдингтона, Хемингуэя, Фейхтвангера... Из советских авторов чаще других печатались Маяковский и Горький. Рожденные при советском строе представители этого поколения искренне верили в «особый путь и миссию» советского государства¹⁰¹.

Правомерно ли выводить за границы этого поколения рядовой и офицерский состав Красной армии, представляя его в убогом и почти карикатурном свете? Кстати, когда 19 ноября 1944 г. Военный совет 37-й армии принял постановление № 0049, предписывавшее пресекать не носящее служебного характера общение военнослужащих с местным населением, то в качестве одной из причин называлось стремление советских офицеров «доказать болгарам», что в ближайшее время в стране будет установлена советская власть¹⁰². Это вполне соответствовало представлениям того поколения советских людей о смысле освободительной миссии Красной армии, но также, шире, и русской ментальности.

Вероятно, многое из того, что увидели и с чем столкнулись советские военнослужащие, впервые попавшие за рубежи родины, вызывало разные чувства, в том числе и наивное, почти детское удивление и желание поближе узнать прежде неизвестное, незнакомое. Подчас это приводило к неожиданным поступкам и даже драматическим последствиям. Известен, например, факт, когда семнадцать молодых, только что закончивших курсы лейтенантов попросили аудиенции у болгарской царицы Йоанны. Их приняли во дворце и угостили. Несмотря на то, что новоиспеченные офицеры вели себя очень прилично, через два часа усиленный патруль доставил всех в комендатуру. Результатом похода «в гости к царице» явился военный трибунал и назначенный общий срок тюремного заключения в 85 лет (по 5 лет каждому). С офицеров могли спросить еще строже, но «благородное поведение» на банкете стало смягчающим обстоятельством.

Контакты советских военнослужащих с солдатами и офицерами Болгарской армии приобретают особое значение при рассмотрении вопроса о восприятии болгар как союзников на заключительном этапе Второй мировой войны. Болгарская армия поначалу была для советской стороны неизвестностью, «иксом», следовательно, воспринималась как потенциальная опасность. 7 сентября, накануне вступления советских частей в Болгарию, в ЦК ВКП(б) была получена информация Наркомата

государственной безопасности СССР, согласно которой Главный штаб Болгарской армии издал приказ в связи со «временным, под давлением сложившейся обстановки» отходом немцев из Болгарии. Армии предлагалось сохранить «дружеское отношение» к германским частям, «оказывать им всяческое содействие», не допускать никаких инцидентов. Рекомендовалось также устраивать прощальные банкеты с немецкими офицерами.

«Руководящие круги болгарского генштаба отрицательно относятся к возможным военным действиям против немецких войск, высказываясь в то же время против вступления Красной Армии в пределы Болгарии, вплоть до подготовки болгарской армии к военным действиям против Красной Армии», — подчеркивалось в донесении НКГБ¹⁰³. Поступила информация и о том, что штаб корпуса под командованием генерала Николова, оккупировавшего Македонию, перешел на сторону немцев. «Нейтралитет» болгарских гарнизонов никого не обманывал, — вспоминал Б. Слуцкий. — Трудно было не быть нейтральными, когда танки корпуса генерала Жданова, в те дни единственные на Балканах, подходили к Софии. «В сентябре мы считались с возможностью выступления болгар против нас»¹⁰⁴. Ситуация изменилась после того как Болгарская армия была передана в оперативное подчинение советскому командованию для ведения совместных боевых действий против Германии. Тем самым создавались объективные предпосылки для постановки вопроса о признании Болгарии «совоюющей страной».

Новая реальность создавала немало трудностей. Политдонесения штаба 3-го Украинского фронта недвусмысленно фиксировали не только неудовлетворительную подготовку болгарской армии, падение дисциплины, массовый уход солдат из своих гарнизонов, случаи трусости¹⁰⁵, но и отсутствие у военнослужащих понимания освободительных целей войны. Вместе с тем справедливые претензии высказывались и к правительству Отечественного фронта, которое не стремилось широко пропагандировать хотя бы и «небольшие успехи» болгарских частей в Западной Болгарии. В поле зрения политорганов находились и контакты советских и болгарских военнослужащих. По наблюдениям политработников, красноармейцы нередко демонстрировали по отношению к болгарам «пренебрежительное доброжелательство». Веселое удивление наших солдат вызывали широковещательные надписи типа «штаб 16-й дивизии», «штаб 2-го полка», жалобы на плохую кормежку, плохих офицеров, плохое оружие... Но одновременно бойцы жалели болгарских солдат и сочувствовали им. Особо следует сказать о получившей распространение практике, когда болгарскими «разбавляли» сильно поредевшие со-

ветские пехотные роты. (Характерно, что с партизанами подобное никогда не допускалось). В таких случаях в полной мере проявлялось особое свойство русского солдата — его способность быть «добровольным, природным агитатором». Установившиеся, как правило, товарищеские отношения, вероятно, были чем-то новым и важным для болгар. Не случайно, писал Слуцкий, «кооптированных болгар палками нельзя было вышибить из усыновивших их русских рот»¹⁰⁶.

По-иному складывались отношения с офицерским составом Болгарской армии. К его оценке советские наблюдатели подходили явно дифференцированно: средний состав (командиры рот и взводов), являвшийся выдвиженцами солдатских комитетов в частях, характеризовался в основном положительно. В донесениях Политуправления фронта сообщалось, что в ходе военных действий на территории Югославии весной 1945 г. эти офицеры действовали смело и решительно, показывали солдатской массе примеры «честного выполнения воинского долга». Сложнее обстояло дело со старшими офицерами — «выходцами из буржуазных и зажиточных слоев населения». Подчеркивалось, что они получили образование в болгарских военных школах, построенных по немецкому образцу, восприняли немецкую военную тактику и оказались «отравленными» фашистскими идеями. В новых условиях часть старших офицеров выразили готовность честно служить народу, но немалое число их продолжали якобы вести подрывную деятельность в частях и подразделениях¹⁰⁷. Нельзя не признать, что вследствие схематичного «классового» подхода советских политработников создавалась явно упрощенная картина состояния командных кадров болгарской армии.

Политдонесения отражали такие настроения офицерского состава, как «чувство боязни солдат, чувство неуверенности в своем положении, неуверенности в завтрашнем дне»; критически оценивалась и болгарская печать, в которой нельзя было найти ни одного, даже самого скромного материала об офицере, проявившем себя патриотом и героем в новых условиях¹⁰⁸. Боевая практика выявила реальные значительные слабости в подготовке болгарского офицерского корпуса: отсутствие достаточного военного опыта, в частности, умения организовывать взаимодействие между родами войск, руководить оборонительными действиями и активно действовать в наступлении. Отмечались также недостаточная стойкость в бою и неготовность к тяготам и лишениям боевой жизни¹⁰⁹. 8 октября 1944 г. вмешательство командующего 2-й армией генерала Станчева фактически сорвало наступление болгарских частей в районе Бела Паланка, Нишка Баня и Ниш. В ответ на упрек советского офицера-советника Станчев заявил, что

болгарские солдаты «не хотят наступать, так как не знают, за что воюют»¹¹⁰.

Известную долю вины за это советское командование возлагало на правительство Отечественного фронта, не выдвинувшее в сентябре 1944 г. вопрос об участии Болгарии в войне против Германии в качестве главной политической и военной задачи. В материалах советских политорганов отмечалось: следствием такого подхода стал рост среди болгарского населения настроений, что для Болгарии война уже закончена, что столь малая страна не может многого сделать для окончательного разгрома немцев. Кроме того, для большой массы населения характерным было стремление вообще быть подальше от войны. Серьезно обеспокоило советскую сторону происшествие в частях 3-й пехотной дивизии 1-й Болгарской армии, отказавшихся переправиться через Дунай и самовольно повернувших домой. Проведенное расследование показало, что большинством солдат двигало желание «работать на родине, даже платить репарации, но не воевать в Венгрии». «За Дунай, — считали они, — должны идти только добровольцы»¹¹¹.

Из-за отсутствия конкретного материала можно лишь предполагать, как воспринимались подобные настроения и проявления нового союзника военными служащими Красной армии, которая вела в то время упорные кровопролитные бои на территории Венгрии, какие изменения вносила реальная обстановка, в частности, в пропагандистскую работу. Но отдельные наблюдения сделать все же можно. Уже в начале октября 1944 г. Политуправление 3-го Украинского фронта потребовало: «В наших материалах к личному составу принять умеренный тон, не прибеждать Болгарию, так как эту линию сейчас занимает правительство, стараясь этим самым снять с себя материальные заботы о помощи Красной Армии»¹¹². А в «Программе по изучению войск противника и наших соседей», подготовленной фронтовыми политорганами для занятий с офицерским составом частей Красной армии в конце декабря 1944 г., сведения об организации и вооружении Болгарской армии, о принятых в ней знаках различия и тактических приемах ведения боевых действий были включены в раздел «Армии наших соседей»¹¹³. Иными словами, несмотря на смену политического режима в Болгарии, до признания Болгарской армии военным союзником СССР было еще далеко.

Красная армия в Центрально-Восточной Европе (Польша, Германия, Чехословакия)

Долг летописца-историка, казалось бы, состоит в том, чтобы, опираясь на документы ушедшей эпохи, сохранить для потомков максимально правдивую картину прошлого. Но историческая

■

наука вовсе не случайно считалась и считается ныне наукой политической, так или иначе связанной с властным механизмом государства. Достижения и недоработки этой науки активно используются в прикладном порядке не только учеными-обществоведами, но и экспертами различных специальностей, политологами, социологами, политиками. Нередко к политической выгоде трактуются извлеченные из исторического контекста, как правило, подлинные события и факты ушедших времен. Они становятся могучим инструментом воздействия на общественное сознание в нужном на данный момент идеолого-политическом ключе.

Профессионализм же историка зависит от его способности устоять под натиском общественно-политической конъюнктуры и того внутреннего давления, которое сегодня именуют самоцензурой. Это важно иметь в виду в наше время, когда из специальных хранений архивов России в научный оборот уже введен и вводится большой массив новых документов, что позволяет ответственным исследователям выстраивать достаточно полный событийный ряд времени, анализировать факты во всем их многообразии и создавать научную концепцию истории страны в XX веке и ряда тех восточноевропейских стран, которые почти полвека были союзницами СССР.

Мощный поток новых архивных материалов, документальных свидетельств, воспоминаний участников войны, маршалов, офицеров и рядовых, в том числе о нахождении Красной армии за рубежом, разрушил прежние официальные, односторонние и упрощенные представления о войне и ее участниках. Но нетрудно заметить, что порой новизна толкований того или иного факта сводится к смене оценочного знака с плюса на минус, что ведет к «подправлению», если не к искажению истории, к созданию новых историко-политических мифов. В этом есть прямая реакция на появление неизвестных ранее, не всегда только позитивных исторических сведений. Одновременно, как правило, сознательно предается забвению то правдивое знание, что было накоплено за многие годы предыдущими поколениями историков.

Сознательно принижается массовый честный труд и ответственное поведение солдат и офицеров Красной армии, замалчивается воздействие незнакомой, порой неожиданной и непонятной рядовому советскому человеку, не всегда только позитивной общественной атмосферы в странах региона. Наиболее отчетливо это просматривается в настоящее время в Польше, где все громче звучит «голос» тех историков, которые, вслед, но не только за крайне правыми и сугубо антисоветскими силами времени Второй мировой войны, настаивают, что приход Красной армии на польскую землю означал лишь смену одной,

гитлеровской, оккупации оккупацией советской, наступление времени национального порабощения, политической зависимости и экономического ограбления¹¹⁴.

Действительно, многие поляки воспринимали приход советских войск с опасениями и тревогой за будущее. Среди них было немало и тех, кто относился к этому факту скрыто или открыто враждебно, определял ситуацию страны и народа, который внес посильный вклад в борьбу против фашистского блока, как трагедию. Суть общественных тревог 1944–1945 годов передавала известная польская исследовательница К. Керстен такими словами: «Нет сомнения, что польское общество, во всяком случае, его большинство переживало более чем разочарование ситуацией и условиями жизни после войны. Можно говорить о крушении веры в ценности, которые признавали, в потерю доверия к авторитетам, которые подвели... оказались бессильными перед мощью, надвигающейся с востока. Вера в западных союзников уступала место горечи, равной прежней надежде. Росло чувство обиды, нанесенной народу, преданному союзниками...Создавалась атмосфера, присущая времени поражения. Для поляков Вторая мировая война окончилась и поражением, и победой. Освобождение от гитлеровской оккупации, которое пришло с востока и принесло власть коммунистов, не было тем, за что боролось большинство народа, чего оно ожидало»¹¹⁵.

Правда, избавление от нацизма и фашизма в Польшу принесла армия государства с иными идеологическими императивами и общественным строем. При несоответствии представлений советской и польской национальных элит о государственных целях и правах своих народов это влекло за собой конфликт интересов и в результате — возникновение зависимости более слабой Польши от сильной тогда страны-победительницы.

Хотя победа СССР над Германией воспринималась многими поляками как национальное поражение, приход Красной армии расценивался в ту пору отрицательно далеко не повсеместно и не всем населением Польши, как и других стран региона. В конце войны общественные настроения везде эволюционировали влево. В Европе, включая Польшу, нарастал интерес к идеям социализма, в том числе в его советской версии. В этой связи следует отметить как правомерный, профессиональный и беспристрастный подход к истории Польши на рубеже войны и мира, свойственный ответственным польским исследователям, которые стремятся понять объективную обусловленность происходивших событий, суть времени, в котором сочетались освобождение, и возрождение страны с насилием и авторитарными методами управления жизнью общества и отдельного че-

ловека. Они подходят к определению 1945 года как многомерного события по его общественно-политическим причинам и последствиям¹¹⁶.

В их анализе событий 1944–1945 гг., общественного восприятия и сравнения этих лет с нацистским и фашистским прошлым, присутствует позитивная составляющая миссии Красной армии. К. Керстен справедливо подчеркивала: «Освобождение соединилось с поражением — поражением надежды, поражением определенного порядка, поражением системы ценностей. Но это поражение сопровождалось разгромом гитлеровской Германии — врага, который угрожал биологическому существованию народа. Даже те, кто видел в тогдашней действительности новую оккупацию, понимал ее принципиальное отличие». Она же считала, что для Польши не существовало тогда иной, с точки зрения польских интересов, «более благоприятной альтернативы»¹¹⁷.

Новые польские посткоммунистические элиты, доказывая правомерность получения, упрочения и незыблемости своей власти в стране, «работают» на противопоставлении несомненных собственных успехов с ошибками и упущениями предшественников, умалчивая об успехах последних в их время¹¹⁸. Эти элиты подбирают и активно применяют «аргументы» из прошлого. Вновь звучит все тот же вопрос, освобождение или советскую оккупацию принес в регион солдат Красной армии в 1944–1945 гг.? И теперь среди обществоведов, к сожалению, все больше заметны те, кто отвечает однозначно: оккупацию, порабощение и ограбление. Все больше искажаются цели командования вступившей в Европу Красной армии и облик самой армии. Нередко акцент делается на описании неблагоприятных и нередко преступных поступков солдат и офицеров Красной армии в Польше¹¹⁹.

Однако, хотя победа над Германией воспринималась теми поляками, кто желал восстановления в стране довоенных общественных порядков, как национальное поражение, приход Красной армии в Польшу так расценивался далеко не повсеместно и не всем населением Польши. Преобладало позитивное, по крайней мере нейтральное или не враждебное, отношение рядовых поляков к советским военнослужащим.

Руководству СССР были известны разные стороны морально-психологического состояния армии. Учитывались многонациональный состав армии и интернациональные позиции советских военнослужащих. Награждались героизм и боевое мужество, одновременно принимались меры по недопущению нарушений воинского устава и недостойного поведения солдат и офицеров. Накануне пересечения государственной границы и вступления на сопредельную территорию ка-

ждой из стран Восточной Европы Государственный комитет обороны (ГКО), руководствуясь важнейшей задачей обеспечить устойчивую безопасность тылов действующих советских войск, издавал за подписью И. В. Сталина специальные политические постановления. Они обязывали командование советских армий обратиться к местному населению с разъяснением целей Красной армии, но были в равной мере адресованы ее солдатам и офицерам.

Постановления были направлены, в том числе и на предотвращение грабежей и мародерства со стороны советских военнослужащих. Такие политические установки и призывы давали командующим фронтами возможности направлять действия солдат и офицеров Красной армии и одновременно пресекать порой неблагоприятное поведение, в том числе случаи преступления закона.

Подобные документы получило и командование фронтов, вступивших на территорию сопредельной Польши. В Заявлении НКВД от 26 июля 1944 г. об отношении к Польше, Постановлении ГКО № 6282 от 31 июля 1944 г. и Распоряжении Генерального штаба Красной армии от 1 августа 1944 г. доводилась до сведения командования линии советско-польской границы, излагались обоснования вступления советских войск в Польшу, конкретизировались компетенции командования Красной армии, действующей за пределами СССР¹²⁰. Постановлением ГКО от 29 июля 1944 г. на польской территории были организованы военные комендатуры, которым надлежало обеспечить безопасность и спокойствие в тыловой зоне советских войск. В их обязанности входили контроль за поведением советских военнослужащих, поддержание дисциплины в воинских частях, охрана линий связи и транспортных артерий, соединяющих фронт действующей армии с Верховным командованием в Москве. Подчеркивалась обязанность комендатур содействовать местной власти в организации жизни граждан и общественного порядка в населенных пунктах¹²¹.

Параллельно с получением документов от центральных советских политических и военных властей командование фронтов Красной армии на польской территории, издавало собственные приказы. Так, 26 июля 1944 г. командование 1-го Украинского фронта обратилось к польского народу с разъяснением антигерманской цели нахождения войск фронта в Польше. В тот же день Военный совет 1-го Белорусского фронта издал Директиву «о линии поведения личного состава во взаимоотношениях с населением союзного польского государства» за подписью командующего фронтом маршала К. К. Рокоссовского и члена Военного совета генерал-лейтенанта Н. А. Булганина. В документе подчеркивалось, что советские войска «вступили

на территорию Польши — дружественного нам союзного государства», что поляки «с нетерпением» ждали прихода Красной Армии и «сейчас повсеместно исключительно хорошо» встречают наших «бойцов и командиров». Командование фронтом, внушая советским военнослужащим «правильную линию поведения», отмечало ряд уже проявившихся отклонений и требовало от офицерского корпуса не только «подтянуть» самодисциплину, привести в порядок внешний вид личного состава, передвигаться по населенным пунктам строем, соблюдая воинский устав, но и ужесточить требования к военнослужащим, исключить «отдельные случаи самочинства» в отношении местного населения и возможные их «нежелательные последствия». В обращении с населением командование 1-го Белорусского фронта требовало от подчиненных «соблюдать чувство собственного достоинства и авторитет Красной Армии. Быть вежливым и культурным и в то же время не сбиваться на путь угодничества и панибратства». Одновременно Военный совет фронта обязал офицеров «обеспечить повышенную бдительность у личного состава и строгое сохранение военной тайны. Уделить особое внимание охране штабов и мест расположения войск... Резко подтянуть дисциплину, требовательность к внешней подтянутости и строевой выправке как отдельных военнослужащих, так и подразделений и частей», а «всех лиц, нарушающих эти требования, строго наказывать, делая это немедленно достоянием всего офицерского состава»¹²².

3 августа 1944 г., последовало распоряжение командования фронта жестко пресекать недостойное поведение военнослужащих подразделений фронта, их незаконные действия (изъятия, поборы), а попросту говоря, грабежи, мародерство, продажу и обмен оружия. Предусматривалось предание виновных в таких действиях суду военного трибунала «в открытых заседаниях в частях». Особенно строго наказывалась продажа оружия местному населению, которое за сбор, покупку и хранение оружия также подлежало аресту и суровому наказанию по законам военного времени¹²³.

Что касается отношения польского населения, как к вступавшим советским частям, так и к новой польской власти, то на этот счет политуправления фронта и нижестоящие армейские политические органы направляли в Военный совет 1-го Белорусского фронта достаточно позитивную информацию. Так, 29 июля 1944 г. политуправление фронта доносило в Москву о готовности польских крестьян поддерживать аграрную реформу, предложенную новой властью, вступать в ряды Войска Польского. Отмечались выражения поляками благодарности Красной армии за спасение от гибели¹²⁴.

В середине августа 1944 г. авторы доклада политотдела 28-й армии 1-го БФ своему командованию были уже не столь оптимистичны: «За 15 дней, прошедших с начала наступления 28-й армии по территории Польши, политические органы провели значительную работу по изучению настроений польского населения... Собранный материал дает возможность сделать определенные выводы о поведении поляков, их отношении к Красной армии. Подавляющее большинство населения встречает Красную армию не только лояльно, но и дружелюбно. Сдержанность, наблюдавшаяся в первые дни по отношению к Красной армии, постепенно сменяется пониманием великой освободительной роли, которую выполняет армия Советского Союза... Однако имеются определенные лица среди польского населения, которые проявляют сдержанное и даже враждебное отношение к Красной Армии»¹²⁵.

В донесениях политических структур Красной армии, помимо положительных моментов, отмечались «антисоветский дух» и наличие симпатий поляков к правительству в эмиграции, констатировалось, что «среди этой части населения орудуют представители лондонского эмигрантского правительства. Выявлены некоторые подпольные националистические формирования... В ряде населенных пунктов отмечены факты срывов приказов командования Красной армии и плакатов Национального Комитета, вывешенных на стенах. Ряд офицеров и солдат [подпольной] Армии Крайовой¹²⁶ угрожает населению репрессиями за лояльное отношение к Красной Армии»¹²⁷. Таким образом, советское руководство располагало информацией о неоднозначной общеполитической ситуации в Польше и вовсе не только о благожелательном отношении многих поляков к солдатам и офицерам Красной армии, к факту советского присутствия в стране. Уже летом 1944 г. на освобожденной польской территории заявило о себе вооруженное антисоветское подполье, представленное, в первую очередь, АК¹²⁸.

Подпольные отряды приступили к развертыванию в стране гражданской войны за отстранение от власти польских просоветских сил во главе с коммунистами. Советские военные власти на это отреагировали: содержание и тональность их распоряжений заметно ужесточились. В Директиве Военного совета 1-го Белорусского фронта от 12 октября 1944 г. указывалось, что «несмотря на директивы Ставки ВГК и приказы Военного совета о разоружении организаций АК, об изъятии у населения оружия и радиоаппаратуры до сих пор вооруженные банды АК продолжают существовать и действовать, население не сдало своего оружия, боеприпасов и радиоаппаратуры», что «в ряде на-

селенных пунктов ... были зафиксированы угрозы офицеров и солдат Армии Крайовой репрессиями за лояльное отношение населения к Красной Армии». Автор Директивы, руководитель Военного совета фронта, генерал К. Ф. Телегин докладывал в Москву, что «за последнее время вооруженные банды АК значительно активизировали свою деятельность и что не проходит ни одного дня без нападений и террористических актов над активом ПКНО¹²⁹, военнослужащими Войска Польского (уже отмечен ряд фактов убийств военнослужащих Красной Армии. — А. Н.)». Он предлагал «в соответствии с приказами Военных советов армий и фронта об изъятии оружия и радиоаппаратуры всех лиц, у кого будет обнаружено хранение их, рассматривать как агентов немцев, немедленно арестовывать и судить военными трибуналами по всей строгости законов военного времени, с доведением приговоров до населения»¹³⁰.

Общая обстановка на польской территории воздействовала на поведение и настроения солдат и офицеров Красной армии в Польше. В повседневной жизни «сосуществовали» коллективная и индивидуальная помощь, которую они оказывали полякам, и случаи насилия, мародерства, грабежа польского населения. Документы свидетельствуют, что советские солдаты и офицеры ощущали неприязнь поляков, слышали не только слова благодарности за изгнание немецких оккупантов, но и недоброжелательные высказывания («оккупанты»). Нередки были случаи изъятия оружия, ограбления и избиения советских военнослужащих поляками, враждебно настроенными к СССР. Отряды польского вооруженного подполья, не решаясь вступать в бой с регулярными советскими частями, совершали нападения на военные комендатуры, органы новой польской власти, разрушали систему коммуникаций действующей армии, грабили продовольственные и оружейные склады, захватывали тюрьмы и лагеря для военнопленных. Жертвами нападений становилась советская охрана этих объектов и одиночки или небольшие группы солдат и офицеров Красной армии, оказавшихся за пределами военных гарнизонов. Замечание генерала Телегина о том, что советских военнослужащих убивали вооруженные поляки из «леса» и что количество таких жертв увеличивалось, ныне подтверждено многими конкретными документами. Так, 29 ноября 1944 г. И. В. Сталину было доложено, что с 1-го августа по 25 ноября 1944 г. на территории Польши участниками подполья было убито 184 и ранено 78 советских офицеров и солдат, на территории Белорусского военного округа соответственно — 63 и 4 человека. Потери дислоцированной в Польше Сводной дивизии НКВД за это время — 2 человека убитыми и 11 раненных военнослужащих.

Общие советские потери составили 249 человек убитыми и 97 ранеными¹³¹.

В письмах домой советские военнослужащие, освободившие Польшу от гитлеровской оккупации, называли факты убийств аковцами их товарищей по оружию. «...Сейчас, где мы находимся жизнь стала очень и очень опасна, по-моему, вам понятно почему, говорилось в одном из писем, — В этот город приехала банда поляков эмигрантского правительства и убивают очень много наших русских офицеров...Убили сегодня двух полковников...» (1 сентября 1945 г.); «...недавно наш офицер купался в Висле, от него недалеко купались поляки. Они его удушили, привязали на шею камень и утопили, а сами взяли его обмундирование и ушли...» (6 сентября 1945 г.); «Вчера на нас опять было нападение аковцев. Есть раненые и убитые, которых сегодня хоронили. Жизнь сейчас наша в проклятой Польше очень напряженная и полна тревог из-за этих проклятых аковцев» (7 сентября 1945 г.); «Вчера был траурный день — хоронили одного сержанта (его нашли в лесу с 16 ножевыми ранами). А сегодня утром еще привезли одного нашего солдата, тоже подобрали около того же места» (8 сентября 1945 г.)¹³².

Нередко в письмах военнослужащих на родину сообщалось о нападениях польских подпольных отрядов, писали об убийствах и похоронах товарищей, тела которых, изуродованные пытками, обожженные, находили в лесу и доставляли в советские части или военные комендатуры, в том числе и польские крестьяне. Напряженная общественная атмосфера в Польше рождала у красноармейцев ощущение личной угрозы, опасности и горечь от такой, непонятной им неблагодарности за принесенное полякам окончание войны и право продолжать жить.

Психологическое состояние советских солдат и офицеров, находившихся на территории Польши, существенно отличалось от самоощущения советских солдат и офицеров в других странах, и прежде всего, на территории довоенной Германии. Успешное продвижение советских войск по германским землям, отходившим к Польше и по территории послевоенной Германии усиливало опьянение советских военнослужащих чувством победы над главным врагом. Происходило некое внутренне раскрепощение, в котором совмещались и ощущение собственного героизма, бывало, и вседозволенности, а радость от того, что дошел и жив, смешивалась с уже ставшей привычной жестокостью. Свойственная нашему народу милость и жалость к побежденным угасала.

Советское руководство отреагировало на ситуацию. 19 января 1945 г. Верховный Главнокомандующий подписал приказ о недопущении грубого отношения к местному населению, со-

держание которого было доведено до советских военнослужащих. Соответствующие приказы по подчиненным частям и соединениям были отданы Военными советами фронтов, командующими армиями, командирами дивизий и т.д.¹³³

В ходе Висло-Одерской и Восточно-Прусской операций при контакте солдат Красной армии с немецким населением не могло не обостриться желание немедленно отомстить, наказать всех так, как солдат мог это сделать. Весной 1945 г. это отмечалось неоднократно в донесениях Военных советов фронтов в Москву. Приводились далеко не единичные факты произвола, особенно случаи изнасилования женщин, что, как считало командование фронтов, «держит немцев в постоянном страхе и напряжении», что «отношение немецкого населения к Красной Армии на ранее занятой территории Германии остается враждебным»¹³⁴.

20 апреля последовала специальная Директива Верховного Главнокомандования за подписью Сталина. Командующим 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов было приказано «изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским. Обращаться с немцами лучше. Жесткое обращение с немцами вызывает у них боязнь и заставляет их упорно сопротивляться, не сдаваясь в плен. Гражданское население, опасаясь мести, организуется в банды. Такое положение нам невыгодно. Более гуманное отношение к немцам облегчит нам ведение боевых действий на их территории и, несомненно, снизит упорство немцев в обороне»¹³⁵. 22 апреля Военный совет 1-го БФ направил «вниз», вплоть до военных комендантов городов и районов, свою директиву: от советского командования всех уровней требовалось «устранить произвол и самовольство» советских военнослужащих, прекратить изъятие у немцев личного имущества, «решительно бороться с незаконными самозаготовками продовольствия и мяса». Виновных приказывалось задерживать и «особенно строго наказывать». Кроме того, последовал запрет самовольно выселять немцев и «произвольно перегонять их с места на место». Такие меры были направлены на то, чтобы «в самый кратчайший срок навести необходимый порядок, в нужных случаях применяя [к советским военнослужащим] суровые меры наказания»¹³⁶.

25 апреля политотдел 8-й гвардейской армии доносил в политуправление фронта, что «большинство населения относится к нам лояльно, стремится подчеркнуть это и в разговорах, и в поведении», а в донесении от 29 апреля констатировалось, что «военные коменданты отмечают, что в последние дни резко уменьшилось количество случаев баракхольства, изнасилования женщин и других аморальных явлений со стороны военнослужащих. Регистрируется по 2–3 случая в ка-

ждом населенном пункте, в то время как раньше количество случаев аморальных явлений было намного больше». 2 мая 1945 г. из 3-й ударной армии 1-го Белорусского фронта в Военный совет фронта поступило донесение, что работа по разъяснению Директивы Ставки дала положительные результаты: «В результате проведенной большой работы коренным образом изменилось отношение наших военнослужащих к немцам и вместе с тем изменилось отношение немцев», констатировалось лояльное отношение «основной массы немецкого населения» к Красной армии¹³⁷.

Однако военный прокурор в донесении Военному совету этого фронта был более сдержан в оценках позитивных изменений в тылах Красной армии на немецкой территории: «В отношении к немецкому населению со стороны наших военнослужащих, безусловно, достигнут значительный перелом. Факты бесцельных и [необоснованных] расстрелов немцев, мародерства и изнасилований немецких женщин значительно сократились, тем не менее даже и после издания директив Ставки Верховного Главнокомандования и Военного совета фронта ряд таких случаев еще зафиксирован. Если расстрелы немцев в настоящее время почти совсем не наблюдаются, а случаи грабежа носят единичный характер, то насилия над женщинами все еще имеют место; не прекратилось еще и баракхольство, заключающееся в хождении наших военнослужащих по бросовым квартирам, собирании всяких вещей и предметов и т.д.». Следует отметить отдельную констатацию: «Насилиями, а особенно грабежами и баракхольством, широко занимаются репатрированные, следующие на пункты репатриации, а особенно итальянцы, голландцы и даже немцы. При этом все эти безобразия сваливают на наших военнослужащих»¹³⁸.

Для пресечения подобных безобразий и преступлений судам военных трибуналов предписывалось выносить самые суровые приговоры и применять высшую меру наказания (ВМН) за разбой, насилия, мародерство. Приказ осуществлялся на деле и, согласно материалам Главной военной прокуратуры СССР, 4148 советских военнослужащих понесли за такие проступки суровые наказания¹³⁹. Этой цифрой вряд ли учтены расстрелы на месте преступления и без вынесения приговора. О таком случае доносил 1 марта 1945 г. в ЦК ВКП (б) заместитель начальника Главного политического управления Красной армии (ГлавПУ РККА) генерал-полковник И. В. Шикин: «Личный состав наших войск на чехословацкой территории ведет себя хорошо. Многие бойцы и офицеры выражают свое удовлетворение, что они освобождают братские народы Чехословакии от немецкого ига. В некоторых селениях имеют место отдельные случаи

мародерства и насилия. Лейтенант Левинский забирал из квартир местных жителей различные вещи, за что отстранен от должности. Лейтенант Конопленко пытался изнасиловать крестьянку. На ее крик прибежал сын, мальчик 13 лет. Конопленко застрелил его и пытался скрыться, но был задержан. Конопленко расстрелян»¹⁴⁰.

Факты разложения солдат и офицеров свидетельствовали о непростом внутреннем состоянии боевых частей. Как свидетельствуют документы, недостойное поведение советских военнослужащих вызывало серьезное беспокойство в Москве. Последовали выше упомянутые приказы и директивы, был отменен известный в войсках призыв «Убей немца». Выражало беспокойство и руководство стран — союзниц СССР по Антигитлеровской коалиции. Так, во время пребывания в Москве правительственной делегации Чехословакии в марте 1945 г. во главе с президентом Э. Бенешем затрагивался вопрос о случаях самоуправства советских солдат в этой стране.

Сталин, как следует из документов, не пытался оправдывать безобразные факты, творимые советскими военнослужащими. Это подтверждает документ, сохраняемый в Пражском государственном архиве: «Красная Армия, говорил Сталин, в своем победном наступлении допускает иногда излишние перегибы. Прошу Вас простить и не желать зла. Я прошу Вас извинить за то, что на Вашей территории дело может дойти до некоторых непристойностей. Психология воина Красной Армии объясняет это... Каждый из них считает себя героем и полагает, что ему, как герою, все позволено, и все будет прощено»¹⁴¹. В советской записи этой беседы текст насчет «непристойностей» выглядит так: «Красная Армия идет вперед, одерживает победы, но у нее еще много недостатков... Ее бойцы... зачастую делают безобразия, насилуют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем не слишком разочаровываться... Пусть наши друзья чехословаки знают это сейчас...»¹⁴².

В словах главы Советского государства отчетливо превалирует стремление объяснить причины случаев неприглядного поведения солдат армии, и публичная просьба, чтобы в Европе поняли и извинили бойцов Красной армии. В ту пору были непредвзятые наблюдатели происходивших событий в Европе, которые словно «подслушали» то, что говорил Сталин Бенешу на приеме в Кремле. В подтверждение приведем отрывок из воспоминаний австралийского военного корреспондента Осмара Уайта: «Загадочные люди эти русские! Изнасилования — и извинения. Кражи — и попытки загладить их продуктовыми дарами. Дикий грабеж разрушенного города — и уже через не-

сколько дней попытки восстановить его... В Красной Армии господствует суровая дисциплина. Грабежей, изнасилований и издевательств здесь не больше, чем в любой другой зоне оккупации [Германии]. Дикие истории о зверствах всплывают из-за преувеличений и искажений индивидуальных случаев под влиянием чешской нервозности, вызванной неумеренностью манер русских солдат и их любовью к водке. Одна женщина, которая рассказала мне большую часть сказок о жестокостях русских, в конце концов была вынуждена признать, что единственным свидетельством, которое она видела собственными глазами, было то, как пьяные русские офицеры стреляли из пистолетов в воздух или по бутылкам»¹⁴³.

Эти воспоминания журналиста подсказывают исследователям не принимать во внимание одностороннюю информацию, а посмотреть на события с разных сторон, чтобы разобраться, где лежит истина. Вовсе не требуется защищать имевшие место негодные, в том числе и преступные действия советских военнослужащих, совершавшиеся на территории сопредельных стран, будущих союзниц СССР. Бессмысленно пытаться приукрашивать и образ советского диктатора. Но, говоря об аморальных не единичных поступках кого-то из наших отцов и дедов, зададимся вопросом: разве было только это? Разве Красная армия состояла только из грабителей и насильников? Подавляющее большинство было другим. Сколько нелегкого ратного и мирного труда они вложили в то, чтобы не допустить в Восточной Европе гибели целых народов, чтобы там возродилась и продолжалась жизнь. Подтверждающих документов — море. И сегодня столь же неблагоприятно чернить всех солдат Красной армии, как вчера молчать о преступниках в ее рядах. Без воспроизведения историками той и другой стороны всей этой трудной проблемы правда о том, что принесла в Восточную Европу Красная армия, не состоится.

Но пришло время разобраться и с другим вопросом. Разве грабежи и насилия со стороны сильных по отношению к слабым совершались только советскими солдатами? Разве чехи не останавливали эшелоны с выселяемыми из Судет немецкими семьями и не отбирали у них все личные вещи и деньги, при этом «исключительно грубо» обращаясь с немецкими женщинами и детьми? Разве не обнаруживали в этих вагонах десятки трупов женщин, стариков и детей, от безысходного положения сводивших счеты с жизнью? Разве те же чехи в конце мая 1945 г. не водили по улицам обнаженных немецких женщин и не устраивали показательные избиения немецких мужчин¹⁴⁴? Это объясняется все той же, накопившейся в сердцах людей разных стран и народов

ненавистью к гитлеровцам и жадной отомстить за все ими содеянное. Приведем документальные подтверждения.

4 июля 1945 г. замнаркома внутренних дел СССР И. А. Серов направил Л. П. Берии специальное донесение о произволе чехословацких властей при переселении немцев из Чехословакии. В частности, генерал писал: «В ряде случаев чехословацкие офицеры и солдаты в населенных пунктах, где проживают немцы, с вечера выставляют усиленные патрули в полной боевой готовности и ночью открывают стрельбу по городу. Немецкое население, перепугавшись, выбегает из домов, бросая имущество, и разбегается. После этого солдаты заходят в дома, забирают ценности и возвращаются в свои части. В результате такого переселения в районах, граничащих с Чехословакией, собралось несколько десятков тысяч переселяемых немцев, которые ходят попрошайничают и голодают. Имеются случаи самоубийства»¹⁴⁵.

Ограблением немцев, коренных жителей восточных провинций Германии, в массовом порядке занимались поляки. Целые экспедиции из центральных районов страны с целью наживы приезжали на немецкие территории, перешедшие под польское управление, и на «старые» западные земли довоенной Польши, в 1939 г. включенные в состав рейха. Происходило откровенное ограбление немецкого населения, в том числе немцев — граждан довоенной Польши. И мешочничеством дело вовсе не ограничивалось, были насилия, издевательства и убийства. В августе 1945 г. VII Управление Северной группы советских войск доносило в ГлавПУРККА: «В последнее время положение... резко ухудшилось. Немецкое население во многих районах голодает, ...усиливается ограбление немцев со стороны польского населения, участились случаи произвольных убийств немецких жителей поляками, необоснованных арестов, длительного тюремного заключения с применением издевательств, насилий, побоев и оскорблений. Проводившиеся поляками до последнего времени переселения немецкого населения носили совершенно неорганизованный характер и имели своей целью, прежде всего, ограбление немецких жителей». Автор документа считал положение в высшей степени серьезным: «Дело может дойти до открытых вооруженных конфликтов»¹⁴⁶.

Выступая 21 мая 1946 г. в Отделе внешней политики ЦК ВКПб, Соколов, редактор газеты, издававшейся в Польше на немецком языке, говорил о беспощадном отношении поляков к немцам: «приезжают поляки-переселенцы... они рыщут по квартирам... бесконечные эксцессы, ...ходят по домам и творят расправу... настроение немецкого населения накалено добела, ...если вы днем придете к немцу и будете стучать в дверь, никто вам не

откроет — боятся поляков». Из документов того времени известно, что выселявшееся немецкое население считало Красную армию меньшим злом, чем тех поляков-грабителей. В этой «вражеской» армии они искали защиты: «Немцы о наших комендатурах, особенно в начале послевоенного периода, отзываются как о золотом веке, и говорят: „Как было замечательно, когда были ваши комендатуры, а сейчас — поляки, и мы пропали“»¹⁴⁷.

В это время советское руководство уже ориентировало военнослужащих Красной армии на улучшение отношения к немцам, но редактор Соколов специально отметил другой важный элемент советской политики: «Немцы...пытаются, — говорил он в ЦК ВКП(б), — найти в нас защитников, но, конечно, им это не удастся... У нас на этот счет есть строгая инструкция, и, если видишь, что поляк избивает немца, то лучше сделай вид, что ты ничего не видишь, иначе можешь ввязаться в неприятную историю, которая может повредить нашему государству»¹⁴⁸.

И еще об одном нельзя не сказать еще раз. Тем, кто уничтожал нацизм в Восточной Европе, бывало, стреляли не только в грудь. Сегодня мы располагаем документальными данными, сколько солдат Красной армии, что прошагали и проползли по своей и чужой земле тысячи километров, «оттолкнувшись ногой от Урала», как писал поэт В. Высоцкий, было зверски замучено и убито польскими подпольными отрядами. Согласно ставшим доступными историкам статистическим данным, польскими подпольными отрядами на территории Польши, западных районов Украины и Белоруссии, а также в Литве с июля 1944 г. по 30 мая 1945 г. было убито 593, ранено 219 и похищено 45 советских солдат и офицеров. За вторую половину 1945 г., включая январь и половину февраля, в Польше был убит 171 советский военнослужащий и ранено 89 человек¹⁴⁹. Таковы сегодня известные историкам жертвы военных преступлений, совершавшихся в тылах Красной армии теми, в честь кого в современной Польше ежегодно 1 марта отмечается День памяти. Один из советских солдат назвал их «проклятыми аковцами»¹⁵⁰.

Сведения о настроениях местного населения на освобождаемых территориях регулярно поступали высшему политическому руководству СССР. Конечно, и солдаты наши были разные, и встречали их в Восточной Европе по-разному, и воздействовала на эти встречи не только советская пропаганда. Российские архивы сохранили множество свидетельств того, что большинство населения стран Восточной Европы ждало и встречало Красную армию и советских людей как освободителей. Об этом докладывал в ходе Висло-Одерской операции маршал Г.К. Жуков Сталину 29 января 1945 г.: «...за 17 дней наступательных боев войска фронта,

пройдя до 400 км, очистили от противника всю западную часть Польши, население которой с восторженной радостью встречало части Красной Армии». 5 апреля 1945 г., характеризуя положение в освобожденной Братиславе, генерал-полковник И. В. Шикин сообщал в ЦК ВКП (б), что «население встречает наши войска хорошо... Словаки выражают свои чувства радости освобождения от немецко-фашистского ига и свою горячую благодарность Красной Армии...»¹⁵¹.

Вместе с тем, в рапортах «наверх» командование не скрывало, что в настроениях местного населения на освобожденных территориях присутствуют и негативные проявления. Документы показывают, что мирное время поворачивало настроения местного населения в другое русло. Говорилось о его недовольстве тем, что приходится делиться продовольствием с советскими воинскими частями в условиях больших продовольственных и бытовых трудностей, выходить на оборонительные и восстановительные работы. Например, генерал Шикин доносил о положении на освобожденных территориях Словакии на 1 марта 1945 г. и деятельности советских военных комендатур, которые помогали местным органам власти восстанавливать хозяйство в городах и поселках, пускать в ход промышленные предприятия, ремонтировать электростанции и дороги, открывать школы и гимназии. Характеризуя настроения словаков, генерал подчеркивал, что «подавляющее большинство населения хорошо относится к Красной Армии... Среди всех слоев населения сильно распространены антинемецкие настроения... Наряду с этим, имеют место факты распространения ложных, провокационных слухов, случаи отказа от содействия представителям Красной Армии», связанные с нежеланием долго кормить пришедшие войска¹⁵².

Подобные сведения содержались и в информации от 12 мая 1945 г. начальника VII Управления ГлавПУ РККА о настроениях чешского населения: «Чешское население, как правило, дружелюбно встречало вступающие на территорию Чехословакии части Красной Армии. На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами... среди чехов очень сильны антифашистские настроения». Вместе с тем, в документе отмечены различия в настроениях в зависимости от социального статуса людей: «Представители имущих классов и интеллигенции отказываются от [восстановительной] работы по заданиям воинских частей... Население сельских местностей настроено значительно дружелюбнее и более охотно участвует в восстановительных и других работах»¹⁵³.

Таким образом, в информационных материалах, поступавших в Москву из действующей

армии, констатировались как позитивное восприятие Красной армией населением, так и факты безобразного поведения ее военнослужащих на территории зарубежных стран. Офицеры советских спецслужб фиксировали в ряде стран в разной мере проявления враждебности и антисоветских настроений¹⁵⁴. Последнее относилось, как правило, за счет «классово чуждых элементов», зажиточных крестьян, разных городских слоев, помещиков и некоторой части интеллигенции.

Как новую оккупацию страны определяли приход Красной армии представители польской довоенной элиты, потерявшие власть в Польше, лидеры и участники созданного этой элитой военно-политического подполья, а также та меньшая часть польского общества, прежде всего интеллигенция, которая их активно поддерживала. Так в 1945 г. оценивала вступление советских войск в Польшу польская писательница Мария Домбровская. Современница событий, она обреченно записала в дневнике 22 января 1945 г., то есть сразу после освобождения Варшавы советскими войсками и солдатами 1-й Польской армии: «Подумать только, сегодня утром здесь были немцы, а вечером мы уже под советской оккупацией. Советские войска все идут вперед. Видимо, уже заняли Познань, Тильзит, Краков. На территории школы расположились военные, какие-то вспомогательные войска, среди них очень много девушек. Забрали всех лошадей, коров, двух свиней, кур и яйца. Много пьют водки, особенно офицеры... Они мрачные, невежливые, в них нет никакого духа освободителей». И дальше: «Нет никаких известий, только разные слухи, которые трудно проверить, ведь нет ни электричества, ни радио. Боже, подумать только, что в течение пяти лет мы имели такое прекрасное ежедневное радио». В октябре 1945 г. она записала рассказ другого польского писателя Я. Ивашкевича о том, что часть его дома «занята НКВД и польской армией. И те, и другие крадут все, что могут»¹⁵⁵. Два крупнейших польских прозаика XX века не «разглядели» в солдатах с Востока спасителей поляков от гитлеровского террора, не поняли, почему в них, солдатах рабоче-крестьянской, в основном, Красной Армии, выполнявшей четыре года свой трудный воинский долг, нет «духа освободителей».

Однако, массового восприятия Красной армией рядовыми гражданами Чехословакии и большинством поляков как армии оккупационной, лишь сменившей власть гитлеровцев или «своих» фашистов, все-таки не было. Повсеместно преобладали благодарность за избавление от гитлеровцев и их союзников, а также усталость от войны, разрухи и потерь близких людей, желание мирной жизни и установления элементарного общественного порядка.

Советский солдат в Венгрии в 1945 году (свидетельства и размышления писателя Шандора Марай)

19 марта 1944 г., опасаясь потерять ненадежного союзника, Гитлер отдал приказ о вступлении в Венгрию большого контингента германских войск. Регент Венгерского королевства адмирал М. Хорти был фактически лишен возможности влиять на события, а правительство, сформированное из прогерманских политиков и генералов, беспрекословно исполняло волю «третьего рейха». Только с конца августа 1944 г., после разрыва соседней Румынии с Германией, Хорти и его окружение возобновили прерванные оккупацией осторожные поиски путей выхода из войны. Но в отличие от юного короля Румынии Михая, решившегося на разрыв с Германией, венгры проявили непростительное промедление, и 15 октября в результате путча власть захватили сторонники Ф. Салаша, нилашисты, регент был арестован немцами. Нилашисты готовы были сражаться на стороне Германии до самого конца, жертвуя десятками тысяч венгерских граждан.

К концу декабря ситуация в стране изменилась. Восточная Венгрия была освобождена Красной армией, и 22 декабря 1944 г. в городе Дебрецене было сформировано правительство антифашистской коалиции. Впереди были полторамесячные, кровопролитные бои за Будапешт, где сосредоточивалась самая мощная группировка вермахта. За освобождение Венгрии отдали свои жизни не менее 140 тысяч советских солдат. 26 декабря 1944 г., на второй день после католического Рождества Шандор Марай, известный венгерский писатель, интеллектуал и публицист, один из кумиров либеральной интеллигенции в эпоху Хорти, впервые повстречался с советским солдатом. Дело было в провинции, в деревне, куда Марай, человек антинацистских убеждений, умеренный консерватор-западник, бежал из Будапешта еще весной. «...Светловолосый молодой человек в шапке с пятиконечной звездой верхом заехал во двор деревенской управы, с автоматом в руках; за ним следовали на лошадях два пожилых солдата, бородатых, с мрачными лицами. Молодой человек направил на меня оружие и спросил:

— Ты кто?

— Писатель, — сказал я. Мы стояли на снегу, лошади ржали, вместе с паром выдыхая из легких усталость [...] Я не знал русского языка, но это слово выучил, потому что слышал, будто бы русские писателей не трогают. И в самом деле, парень заулыбался. Его молодое, горделивое, по-детски сердитое румяное лицо осветилось от этой улыбки.

— Хорошо, — сказал он. — Иди домой»¹⁵⁶.

Откуда Марай, человек, никогда не бывавший в России и не знавший русского языка, чи-

тавший ценимую им русскую классику только в переводах, мог предполагать, что человек с красной звездой на шапке, после перестрелок ворвавшийся в село, где еще накануне стояли вражеские войска, окажется более снисходительным к человеку литературного труда? Вопрос этот остается открытым. На некоторые размышления наводят лишь строки из записных книжек поэта Семена Гудзенко, израненного в первые месяцы войны пехотинца, пришедшего с победоносной Красной армией в Будапешт уже в новом для себя качестве («Я был пехотой в поле чистом, / В грязи окопной и огне, / Я стал армейским журналистом / В последний год на той войне»). Через 8 лет Гудзенко умрет, едва перевалив за 30, от опухоли мозга, вызванной старым черепным ранением, а 16 февраля 1945 г., через три дня после изгнания из Будапешта последнего немецкого солдата, в телеграфном стиле запишет: «Ночуем в Буде. Паром не пришел за нами. Захожу в квартиру, беру книгу Петёфи. Все удивлены. Утром несую ее под мышкой. Мадаеры оглядываются. Удивлены»¹⁵⁷.

Хотя уважение к художественному слову и замечалось венграми за некоторыми вооруженными пришельцами¹⁵⁸, страх перед неведомой военной силой, явившейся с Востока, перевешивал в сознании большинства их все другие чувства. И это не удивительно, ведь Венгрия была побежденной страной, к тому же порвавшей с нацистской Германией позже других ее европейских союзников. Для Марай, выросшего, по его собственному признанию, «в атмосфере, где коммунизм упоминался сразу же после семи смертных грехов», чувство страха было естественным. Нечто похожее испытывал и другой, не менее крупный венгерский писатель Тибор Дери, близкий к коммунистическому движению. Вскоре после освобождения он опубликовал мастерски сделанный рассказ, в котором с присущим ему глубоким психологизмом выразил животный страх венгерского обывателя перед пришедшей Красной армией.

Иначе оценивал настроения венгерской интеллигенции считавшийся благонадежным коммунистом театральный режиссер Ференц Хонт. Позднее он вспоминал: «Вначале приход Красной Армии вызвал огромный подъем и волну симпатий к Советскому Союзу. В дальнейшем были проведены нашими военными властями мероприятия по выявлению фашистской агентуры, вызвавшие многочисленные аресты. В число арестованных попало и некоторое количество людей, известных своими активными антифашистскими выступлениями. Для выявления личности арестованных потребовалось значительное время. Этот факт привел к заметному снижению симпатий к СССР... Положение таково, что необходимо вновь завоевывать симпатии к Советскому Союзу»¹⁵⁹.

По-другому увидел Венгрию и венгров Семен Гудзенко. «Люди всего боятся, — писал он, — сидят в бункерах, с опаской ходят по улицам. Но это только вначале, а потом они видят, что мы зря не стреляем, и начинают снова и вынюхивать, где что можно унести. Квартиры грабят друг у друга. К нашим политотделам ходят с жалобами: изнасиловали. Вчера в одном артполку расстреляли хлопца, награжден. Его расстреляли перед строем для „поучения“. Жаль, честно говоря. Война!» Одна венгерская писательница, в юности ставшая жертвой группового изнасилования и навсегда лишенная тем самым возможности быть матерью, через 60 лет не без содрогания вспоминала о том, как встретила взглядом с русским парнем, которого после этого инцидента вели на расстрел в наряде сослуживцам — ему одному пришлось жизнью расплатиться за преступление, совершенное многими.

Как и большинство венгров, Мараи жил в те дни тревожным ожиданием. Месяцы нилашистского террора, пишет он, «сменились новой, столь же опасной, но при этом все-таки иной, ситуацией». «Русский солдат — я не мог не думать об этом — вошел нынче не только в мою жизнь, со всеми проистекающими отсюда последствиями, но и в жизнь всей Европы. О Ялте мы еще ничего не знали. Знать можно было только то, что русские находились здесь. ...Я кожей и всеми своими органами чувств ощутил, что этот молодой советский солдат принес в Европу некий вопрос. ...В Европе появилась некая сила, и Красная Армия была лишь военным проявлением этой силы. Что же она такое, эта сила? Коммунизм? Славянство? Восток?»

К чести последовательного антикоммуниста Мараи, он пытался взглянуть на ситуацию по возможности беспристрастно. «Я сидел в темноте, — пишет он, — слушал пушечную канонаду, которая монотонно грохоча, уничтожала все то, что еще недавно было моим домом, моим миром». Ночью вокруг деревенской хаты «расхаживали, топя сапогами, какие-то люди, шаги то приближались, то удалялись. Ночные гости говорили на чужом языке. И вот я, сидя в темной комнате, принял решение очистить свое сознание — насколько это в человеческих силах — от всякой предвзятости, от официальной антибольшевистской пропаганды и постараться увидеть русских и коммунистов, не опираясь на обрывки воспоминаний о разговорах и прочитанных книгах».

Символично, что у Мараи в его деревенском доме оказалась вывезенная им в спешке из Будапешта книга Освальда Шпенглера «Закат Европы». Вопросы, занимавшие немецкого философа тридцатью годами ранее, не утратили актуальности, напротив, встали с еще большей остротой

в новых условиях. Факт своей личной биографии, и причем далеко не самый значительный (первую встречу с русским солдатом), венгерский писатель, размышляя над происходящим, ставит под влиянием Шпенглера в широкий историософский контекст. Для него речь шла не просто о приходе в Венгрию иностранных войск, а о чем-то значительно большем — вызове иной культуры, перед которым оказалась вся западная цивилизация: «Бывают дни, когда все сплетается воедино — то, что происходит и с тобой, и с миром. Когда История становится личным делом, осязаемой, лично тебя касающейся реальностью».

«В тот вечер я, — вспоминал потом не без излишнего пафоса Мараи, — пережил нечто такое, что сравнимо с переживанием, которое в Европе „труженику духа“ до того довелось испытать лишь дважды» — в VIII веке, когда арабы добрались через Пиренеи до юга Франции, и в XVI в., когда турки оказались в предместьях Вены. «Грабительские завоевательные авантюры чингисханов, тамерланов, аттил на европейской территории были трагическими, но временными интермедиями, и орды эти по магическому сигналу какой-то азиатской, племенной беды в один прекрасный день сломя голову бежали прочь из Европы. Но арабы устремились в поход уже со сложившимся мировоззренческим, расовым, духовным сознанием — против иного мировоззренческого, расового, духовного сознания, против христианства». Уйдя из Европы, арабы оставили после себя не только память о войнах и сражениях. И на вызов арабского Востока христианский мир «ответил не только оружием у Отена, но Ренессансом и гуманизмом». И «на вторую атаку с Востока, на великую атаку османского мировоззрения и восточного империализма, христианский мир также ответил не только оружием, но и попыткой великого преобразования, реформацией».

Читая Шпенглера под аккомпанемент украинских народных песен, которые пели красноармейцы, Мараи задавался вопросом: «Эти люди и строй, их воспитавший, в самом деле означают лишь конец чего-то — конец христианской гуманистической картины мира, — или что-то начинается в этом безрадостном, грохочущем, оглушительном шуме?» Поскольку христианско-гуманистическая культура вошла, по Шпенглеру, в период своего остывания, «возможно ли, что в соседней комнате эти восточные люди своими первыми варварскими движениями нового жизнеощущения не только разрушают, но и приносят что-то?» Может быть, именно здесь начинается новая европейская культура и мы присутствуем при ее родовых муках? И «каков же будет ответ моего мира, западного мира, этому молодому советскому солдату, который сегодня появился

с Востока и спросил меня, безмянного европейского писателя: „Ты кто?“».

Момент встречи двух миров ощущался во всей его конфликтности зимой-весной 1945 года и человеком, стоявшим по другую сторону перепахавших Европу фронтовых траншей. «В Европе солдат привыкает к чистоте, к хорошему белью, к духам, — записал 27 марта уроженец Киева, а потом студент МИФЛИ Семен Гудзенко. — Но на пути каждого солдата был или будет один город, где он еще познает прелести и гнусности Европы. Для меня таким городом стал Будапешт. С неизвестностью, монахами¹⁶⁰, всепоглощающей торговлей, проститутками, быстротой восстановления и пр. и т.п.». Будапешт только начал подниматься из руин, только-только был возведен первый временный деревянный мост через Дунай, и впечатления Гудзенко, журналиста и талантливого поэта, менялись с калейдоскопической быстротой: «Будапешт ожил на моих глазах. Сейчас все идет полным ходом. Торгуют всем и все. Старуха стоит у витрины разбитого магазина. Рядом с ней на витрине стоит пара стоптанных штиблет и флакон бог знает каких „Коти“. Это торговец. В магазинах есть уже и не мелочи — отрезки, плащи. В кафе все, кроме вина. Народу всюду тьма. ...В театрах полно, билеты рвут из рук. Слушал „Фауста“». И дальше: «В Будапеште совсем весна. После дождя, вечерами, воздух мягкий и даже липкий. Нагледят и забывают войну. Базар разрастается из маленького толчка в огромное бедствие. Торгуют всем: от аккордеонов до колбасы. Проститутки ходят табунами. Только сейчас начинает обнаруживаться, проявляться, как снятая пленка, заграница».

Обилие вина появилось позже, в сентябре-октябре, с первым послевоенным урожаем, когда Гудзенко уже не было в Венгрии. Осенью 1945 г. 20-летние советские офицеры иной раз позволяли себе похохмить: зайти в будапештский кабак, пропустить бокал-другой хорошего вина, а в ответ на законную просьбу хозяина расплатиться, с невинным видом ответить: «Пушкин заплатит!»¹⁶¹.

На страничках записных книжек Гудзенко возникали иногда сцены просто сюрреалистические: вот с заводского склада «голодные мадьяры тянут мешками фисташки, тонут в патоке. Солдаты, наши славяне, умываются одеколоном и поят коней пивом — потому что нет воды». Но то и дело у него проскальзывает неподдельное уважение к людям, активно, засучив рукава, взявшимся за восстановление Будапешта: «Днем на всех улицах оживление. Город убирают с любовью и даже с энтузиазмом. Быстро исчезают с главных улиц грязный, почерневший снег, обломки кирпича, остатки стекла».

Для 23-летнего Семёна Гудзенко выросшего в СССР в семье преданных большевистским идеалам интеллигентов первого послереволюци-

онного поколения, речь могла идти (что важно!) только об идеологической пропасти между двумя мирами, но едва ли о цивилизационном разрыве. Плебейский демократ, борец за свободу народа и справедливость Шандор Петёфи был ему столь же духовно близок, как русские классики, революционеры-демократы. А с другой стороны: «в Кишпеште смотрел американский ковбойский фильм. Стрельба. Убийство. Страшная скука. А зал в бешеном восторге. Я не досидел. Видно, мы воспитаны на более умном и мудром искусстве», — резюмировал Гудзенко.

Выходец из семьи среднепоместных дворян, «станового хребта нации», сын всеми уважаемого в родном городе Кашше (теперешнем словацком Кошице) юриста 44-летний Шандор Марай, напротив, был с гимназических лет воспитан на представлениях об особой миссии Венгрии — оплота западной цивилизации. В глазах многих венгров местные венгерские славяне — словаки, жившие в соседних деревнях, занятые в городе на стройках и продававшие молоко на городских базарах, являлись слепым орудием славянского Востока. В августе 1914 г. даже социал-демократическая газета «Непсава» («Слово народа»), поддержав войну с Россией, писала о грядущем столкновении европейской цивилизации со славянским варварством. Очевидная приверженность Марай западническим праволиберальным ценностям, как и нескрываемое презрение к хортистской элите, дела не меняли: прочно вбитые в юности в голову стереотипы венгерского национализма (например, высокомерие к словакам) иногда довольно причудливо дополнялись у Марай расхожими штампами западного либерального сознания.

В людях, пришедших в Венгрию с Востока, пишет он, «уважение к личности, индивидуальности не было укоренено так прочно, как в сознании западного человека». «Вокруг восточного человека всегда веет некой обезличенностью, она-то и есть то самое „измерение“ — как время и пространство, и восточная нищета, — где он может скрыться, куда может вернуться [...] Великую, конечную цель они видели в растворении личности, в мгновении, когда человек подымается над своей личностью и сливается с „вселенским ритмом“. Для меня, „западника“, такое мировоззрение поистине „китайская грамота“: ведь отказываясь от своей личности — этой странной маниакальной идеи, я отказался бы от самого смысла моих отношений с жизнью».

Восточный человек (а для Марай это — и русский, и китаец, и православный, и буддист, и т.д., и т.п.), воспринимает мир иначе. Непосредственно наблюдая русских, писатель чувствовал (или, скорее, стремился почувствовать?) в них иное самоощущение личности, менее четкое личностное начало,

личностное пространство. Ему казалось, что даже сравнительно небольшой его опыт общения с русскими (солдатами, военной администрацией) позволил заглянуть в пропасть, разверзшуюся между самосознанием западного и восточного человека, и эта пропасть потрясла его. Грандиозный замысел создать «коллективное» общество, которое стремится лишить индивида его неизменно критического самосознания и перенести его в пространство «коллективного самосознания», поднять до «личности общественной», осуществим, по мнению Марай, только на Востоке. Однако рассуждения Марай зачастую не шли дальше определенных клише, бытовавших в западноевропейском либеральном сознании первой половины XX века. Именно они, эти стереотипы, во многом и предопределяли внутреннюю, психологическую готовность Марай к контактам с человеком «иной цивилизации».

Впрочем, пропасть между коллективистским «восточным» сознанием и западным индивидуализмом не всегда казалась непреодолимой и людям круга Марай: в годы хаоса, идейного разброда, обесценения прежних ценностей, утраты многих духовных ориентиров ее хотелось преодолеть, сделав шаг к «восточному» коллективизму. Младший брат Марай кинорежиссер Геза Радвани поставил в 1947 г. по сценарию мэтра европейской киноэстетики Белы Балажа едва ли не лучший свой фильм «Где-то в Европе», который не только по стилистике, но, что удивительнее, и по идейному содержанию следовал традициям советской «Путевки в жизнь». Правда, через считанные месяцы после этого Радвани предпочел эмигрировать, как и его старший брат, на Запад.

Марай, к его чести, тоже сумел оценить вклад СССР в победу над нацизмом: «Великий народ, ценою неслыханных жертв, повернул у Сталинграда оглобли истории». С одним из тех, кто воплощал в себе силу, противостоявшую фашизму, писатель и встретился во дворе деревенской управы на рождество 1944 г. «В эти минуты, на этом этапе войны не я один — „буржуазный“ венгерский писатель в деревенском венгерском доме — с тревожным интересом думал о русских. К ним присматривались, неуверенно, выжидательно, и англичане, и французы, и американцы».

«Без предвзятости и пристрастности» Марай призывал ответить на вопрос: «Что принес молодой большевистский солдат в жизнь всех нас, воспитанных в традициях западной культуры?» Но попытка разобраться не сблизила его с советским солдатом: «Мне казалось, я вижу во тьме это чужое, равнодушное, молодое лицо. Оно не было враждебным. Просто до ужаса чужим». Да, конечно, «для многих людей, для всех, кого преследовал фашизм, этот молодой солдат принес и своего ро-

да освобождение, спасение от нацистского террора. Но свободу, — заключает писатель, — он принести не мог, ибо не имел ее сам».

Осознание этого рождало новые опасения. Да, «разумеется, он отберет свиней, пшеницу, нефть, уголь, всякую технику, в этом сомневаться не приходилось», тем более, что еще не закончилась самая кровопролитная в мировой истории война. «Но что он хочет еще, кроме свиней, пшеницы и нефти? Мою „душу“ — то есть мою личность — тоже захочет?»

Марай, долго живший на Западе, блистательно владевший несколькими языками и сотрудничавший с немецкими и французскими газетами, отнюдь не считал западную цивилизацию эталоном, не нуждавшимся в совершенствовании, вливании свежих сил. Исполнены сарказма его строки о межвоенной, версальской Европе, в которой Венгрия нашла свое место, только став ампутированной страной, «страной-обрубком», т. е. в результате лишения ее ряда «исторических», коронных земель, отданных соседним государствам¹⁶². Правда, горько замечает Марай, «только безумец мог верить, будто для народов-великанов могла хоть что-нибудь значить судьба тысячелетней Венгрии. Если она стоит у них на пути, они беззлобно, равнодушно ее растаптывают; если сочтут, что ее можно использовать, пусть только на мгновение, нанимают ее на второстепенные роли, как вчера „наняли“ немцы, как завтра „наймут“ русские. Это судьба, а против судьбы малая нация почти бессильна».

Парадоксально, но Марай был готов признать известное моральное превосходство Востока перед «отравленным ложью Западом». Русский солдат, пришедший в поверженную страну, может ограбить и даже убить венгра, пишет Марай, но при этом «он не презирает меня», не смотрит снисходительно, подобно людям на Западе, не поучает свысока правам человека, тут же бесстрастно взирая на беззакония, сопровождающие, к примеру, массовую кампанию по выселению венгров из Чехословакии как «пятую колонну», создающую угрозу целостности государства чехов и словаков. Частные рассуждения подводят писателя к вопросу-обобщению: не горькая ли это иллюзия — принадлежность Венгрии к Западу? Прикочевавший поближе к Европе из азиатских глубин народ «в течение тысячи лет искал хоть кого-нибудь, к кому можно обратиться с доверием». Иногда чувство одиночества затуманивала надежда: «казалось, Запад совсем близко... стоит только окликнуть, и он отзовется. Но на самом деле он не отвечал, никогда». И только теперь, когда враждебная славянская держава «схватила страну-обрубок за горло», «страна эта внезапно, в пугающем озарении сознания поняла, что ни ря-

дом, ни в отдалении нет никого, на чью помощь она могла бы рассчитывать».

Важное место в размышлениях Мараи принадлежит национально-территориальному вопросу. Резко критически оценивает он намерение президента Чехословакии Э. Бенеша решить будущие проблемы своей страны путем насильственного выселения из нее трех миллионов немцев и полумиллиона венгров. Недовольство соглашательской позицией Запада именно в этом конкретном вопросе оборачивается в конце концов у Мараи нетерпимостью в отношении ближайших соседей Венгрии и прежде всего к Чехословакии, заставляя вспомнить о весьма презиравшемся писателем регенте Хорти, для которого само существование Чехословакии было аномалией, свидетельством ущербности Версальской системы. Мараи явно ностальгирует по тысячелетним границам «святого Иштвана». По знакомому с юности, привычному укладу жизни, укорененному в многовековой традиции доминанции венгерского дворянства в Дунайском бассейне. По временам дуализма, когда словаки, румыны, сербы и русины знали под чиновничьим окриком свое место в унитарном венгерском государстве, где мадьяры не превышали 50% населения и где количество словацких школ неуклонно сокращалось.

Характерно, что Мараи даже не задается вопросом о доле венгерской ответственности за пределы границ в Европе вследствие двух мировых войн, как и о праве на самоопределение не только венгров, но и словаков. Чувство объективности и беспристрастности явно отказывает писателю, когда речь идет о ближайших соседях, связанных с венграми тысячелетней общностью судеб. Подобно ультраконсерватору Хорти, который в 1935 г., в момент заключения договора СССР с Чехословакией писал Гитлеру о том, что «славянство теперь почти идентично большевизму», не чуждый либеральным веяниям Мараи видит в большевизме не в последнюю очередь «мессианскую навязчивую идею славян». Предъявляя претензии мировому сообществу, не проявившему должного понимания венгерских интересов, Мараи столь же далек от самокритической рефлексии, как и от попыток понять чужую боль и разочарование.

Напомним в связи с этим, что писал Дюла Секфю, выдающийся венгерский историк и мыслитель, человек последовательно консервативных убеждений и при этом антифашист, скрывавшийся от эсэсовцев и нилашистов, переживший зимой 1944–1945 гг. осаду Будапешта: «После того как командующие немецкими частями вопреки всем нормам международного права отдали вопиющий приказ расстрелять советских парламентариев, а Красная Армия оказалась вынуждена выдавливать немцев пядь за пядью, из каждого дома, с каж-

дого этажа, Советский Союз понес такой с военной точки зрения бессмысленный и в человеческом плане неоправданный урон, что не приходится удивляться, почему его правительство, окончив бои и похоронив своих солдат в задунайской земле, железной рукой взялось за обустройство потерявшей рассудок страны — последнего и самого верного союзника Гитлера». Но верно и другое: каждый из национальных проектов, пытавшихся реализовать себя в условиях Версальской Европы, имел свою историческую правду, зачастую трагически несовместимую с правдами других народов. И реализацию словаками права на самоопределение (а румынами права на объединение) никак нельзя было себе представить при сохранении венгерской государственности в 1000-летних границах королевства «святого Иштвана».

Итак, Европа, духовно измельчавшая, потерявшая свое призвание, погрязшая в обмане, отстает под натиском культурно инородной, азиатско-варварской цивилизации, одними из многих, далеко не единственными проявлениями которой стали пришедший на венгерскую землю советский солдат, а вслед за ним советский же спецслужбист и венгр-коминтерновец, возвращающийся на родину из эмиграции. Все тот же роковой вопрос: что принесет эта цивилизация Западу? И что уготовано будет Венгрии — первой, по представлениям Мараи, европейской стране, стоящей на пути этой неведомой силы?

Хрупкая неопределенность первых двух послевоенных лет становится не более чем коротким интермеццо между двумя общественными состояниями, когда в обществе всецело доминировал страх. За анархической эйфорией последовали похмельные будни. Мараи тонко передает гнетущее психологическое состояние венгерской некоммунистической интеллигенции (по крайней мере, большей ее части — как либералов, так и консерваторов) в переломные 1947–1948 гг., когда в стране постепенно утверждался тоталитаризм левого типа. «То было время, когда казалось, что всю жизнь опутало, обволокло паутиной. С каждым днем паутина становилась более густой и липкой. Не всегда это ощущалось сразу же, непосредственно. Но Паук каждый день выпускал из себя новую нить. Сегодня учебники, школа. Завтра постановление об общественных работах. Домовые комитеты, паутина контролирующей структур, опутывающих все более мелкие сектора, контроль за частной жизнью, работой, кругом чтения, мусорным ведром, семьей. То человек исчезнет, то привычное и нормально функционирующее учреждение. То какое-нибудь понятие». Только тот, кто пережил это сам, может представить себе, какова эта «техника паутины»: «Паук, выпуская из себя удушающие, всепроника-

ющие нити, работает неслышно. То, что еще вчера было естественным — политические партии, свобода печати, жизнь без страха, свобода суждений, — оставалось таким же еще и завтра, но было уже обескровлено. Так ночью в тревожном сне продолжают жить элементы дневной реальности, поблекшие, потерявшие краски». Причем всякий раз, как «дрогнет паутина», паук опасно озирается: «Получилось? Все ли идет как надо?»

Читая Марай, хочется, впрочем, заметить на полях его эссе: а был ли до 1945 г. или хотя бы до дня немецкой оккупации, 19 марта 1944 г., в Венгрии «переизбыток» всех этих свобод и жизни без страха для многих категорий населения? Ни учащавшиеся со второй половины 1930-х годов наглые выходы крайне правых сил, ни антиеврейские законы, ни разгром 150-тысячной венгерской армии на Восточном фронте под Воронежем, ни расстрел мирного сербского населения в оккупированной венграми Воеводине не стали для Марай в его ностальгическом порыве предметом «беспристрастного», как он хотел, анализа и тем более осуждения. Литературе «расчета с прошлым», обостренной совести, духовным исканиям мыслителей совершенно разных политических ориентаций (И. Бибо, Д. Лукач, Д. Секфю), выявлявших в первую очередь внутренние истоки венгерской национальной трагедии первой половины XX в., Марай в своей книге «Земля! Земля!» противопоставляет брюзжание в адрес чуждой внешней силы — большевиков и их венгерских сообщников (а заодно и союзных с СССР чехословацких антифашистов — «мещанской Бенешевой клики», подержанной изолгавшимся Западом).

В бедствиях, обрушившихся на страну, писатель обвиняет всех и вся, кроме венгерской консервативной элиты, вознамерившейся не только ревизовать действительно неприемлемые для подавляющего большинства венгров трианонские границы 1920 г., но и восстановить в пределах измененных границ старую социально-политическую иерархию, основанную на венгерской гегемонии в Дунайском бассейне. Что же касается пространств рассуждений Марай по поводу большевизации Советским Союзом оккупированных (!) территорий, хотелось бы только, не вдаваясь здесь в подробности, заметить, что из Чехословакии Красная армия ушла в ноябре-декабре 1945 г. и не возвращалась туда до 21 августа 1968 г. Результат же оказался тем же самым, что и в случае со странами, где находились советские войска. Набор инструментов советского влияния был многообразен, отнюдь не сводясь к военному присутствию.

Летом 1948 г. после острых нападок в венгерской коммунистической прессе Марай принял решение покинуть родину. «Если писатель, оставаясь в этом государстве, не отрицает все то,

чем он жил от рождения, дух, в котором воспитывался, во что верил: свой класс, культуру, буржуазный и гуманистический взгляд на мир, демократический вариант развития общества, — если он от всего этого не отказывается», то уже самим своим пребыванием в стране он легитимирует правящий режим. С этим писатель смириться не мог. «Мне показалось совершенно необходимым немедленно отправиться в путь — [...] и не в венгерский язык, не в круг своих ближних, а гораздо дальше. Мне необходимо покинуть этот прекрасный, печальный, умный и красочный город, Будапешт, потому что, оставшись, я увяну и увяну в агрессивной глупости, которая меня окружает. Я должен увезти отсюда нечто, ставшее, возможно, моей навязчивой идеей: мое „я“, личность, существующую в единственном экземпляре. Это „я“ не лучше и даже ничем не особеннее „я“ других — может быть, оно и похуже, и послабее, — но у меня это „я“ одно. И нет такой Цели, такой Идеи, которые возместили бы мне потерю своего „я“».

История знает и иной вариант поведения — остаться со своим народом в его бедах и потрясениях: вспомним хотя бы Анну Ахматову, ее реакцию на призыв Б. Анрепа уехать из страны. Шандор Марай сделал иной, свой собственный выбор.

Венский экспресс отправлялся в жаркий августовский полдень 1948 г. с будапештского Западного вокзала, творения знаменитого француза Эйфеля, еще не восстановленного после войны. Находящийся в пяти минутах ходьбы от вокзала сильно разрушенный театр «Вигсинхаз», где публичка не раз аплодировала постановкам пьес Марай, еще стоял в строительных лесах. Наложённые на побежденную страну огромные репарации замедляли процесс восстановления. Но страна постепенно поднималась из руин, и главной силой, энергично взявшей за ее возрождение, были ненавистные Марай коммунисты и некоторые их союзники по Левому блоку.

Поздно вечером поезд уже был на австрийской границе. «В купе опять вошел русский солдат и попросил паспорта. Проверил печати, вернул документы, равнодушно закрыл дверь». Такова была последняя встреча писателя с советским солдатом, уже не вызвавшая у него больших эмоций.

Марай уехал навсегда. Он дожил до 1989 г. и глубоким стариком, не принимая болезней и беспомощности, покончил жизнь самоубийством в калифорнийском городе Сан-Диего. За две недели до его кончины один из лидеров правящей венгерской компартии Имре Пожгаи впервые назвал события 1956 года не контрреволюцией, а справедливым народным восстанием. Менялся взгляд на всю послевоенную историю Венгрии. Социализм на венгерской земле терпел очевидный крах. Миссия противостояния нати-

ску восточной цивилизации, защиты европеизма от варварства себя полностью исчерпала, жить дальше во имя торжества девальвированной западной цивилизации никакого смысла не было, и Марай добровольно ушел из жизни.

А за полтора десятка лет до этого, в мемуарах первой половины 1970-х годов, писатель дал свой ответ на вопрос, остро мучивший его в 1940-е годы, с момента первой встречи с советским солдатом: «Дать новый импульс западной цивилизации Восток не может». Почему? Автор пытается найти свои объяснения: «Огромную силу этим людям, людям Востока, придают совершенно иные пространства, масштабы. Советский строй — единственный насильственный строй, который может позволить себе отступить, если вырвался слишком далеко вперед: ему есть куда отступить... Русский простор, а также другое измерение — русская нищета, в которую может еще вместиться немало страданий, и, наконец, более гибкое чувство времени восточного человека — вот те пространства, в которых восточный диктатор может свободно передвигаться, даже когда приходится отступать. Гитлер и его коллеги, западные диктаторы, всегда вынуждены были продвигаться вперед: отход или даже просто топтание на месте для них было равносильно гибели. Но у русских — как и у китайцев и вообще у людей Востока — есть внутренние пространства, куда трудно за ними следовать. В этом их сила, но в этом же и слабость» — подавление человеческой личности, индивидуальности маской, коллективом, племенем...

При всей небесспорности этих рассуждений очевидно одно: признание самоценности человеческой личности, ее права на автономное существование в условиях мировых политических катаклизмов оставалось стержневой идеей жизни и творчества Шандора Марай. Через призму этих принципиальных установок писатель воспринимал приход в его страну советского солдата как носителя иной, чуждой Марай «цивилизации», посягнувшей на независимый человеческий дух и демократические свободы.

Существовавшее длительное время идеологическое вето делало невозможным адекватное освещение проблемы советского военного присутствия в Восточной Европе. Но и сегодня, когда это вето снято, оказалось, что по-прежнему трудно дать ответ на вопрос: кем были советские солдаты и что принесли они в Европу? Проблема оценок отношения местного населения к любой чужой армии и поведения пришедших солдат-победителей (и не только советских) неоднозначна и далеко не проста для решения¹⁶³. Действительно, факты, порочившие облик Красной армии, имели место и не признавать это бессмысленно. Но вряд ли допустимо на этом основании делать вывод,

что в Европу вступила армия новых захватчиков, сплошь мародеров и грабителей, предусмотрительно забывая о том, что миллионы советских солдат пришли в Европу с иными целями. Они честно выполняли свой воинский труд и ничем не посрамили себя и армию своей страны.

Конечно, советский солдат не мог быть и не был при любых обстоятельствах фигурой, только приятной во всех отношениях. Историей человечества подтверждена неизбежная дегуманизация любой армии и ожесточение ее личного состава в ходе боевых действий, особенно столь длительного и кровавого характера. Это — крайне негодная, но одна из норм поведения действующей армии с древнейших времен вплоть до наших дней. Так было и в случае с Красной армией. В 1944–1945 гг. в Европу пришли солдаты и офицеры, многие из которых провели годы в окопах и ожесточенных боях. По пути они оставляли в земле товарищей по оружию. На востоке за ними лежала разрушенная страна и сотни тысяч расстрелянных, повешенных, сожженных заживо, отравленных газом соотечественников — русских, украинцев, белорусов, евреев, находившихся на оккупированной гитлеровцами территории СССР. Душевное состояние многих из этих солдат выразил известный поэт-песенник М. В. Исаковский: «Враги сожгли родную хату, сгубили всю его семью. Куда теперь идти солдату, кому нести печаль свою?».

Жестокая война сформировала устойчивый силовой синдром в сознании людей. Она породила среди лидеров разных стран и рядовых ее участников убеждение, что сила допустима и оправдана, как в военное, так и в мирное время. Тяжелыми травмами, когда смерть нескончаемо шла рядом, было отмечено душевное состояние советских солдат, привыкших решать все встававшие на их пути проблемы силой оружия. Инерция такого мышления не могла быть прервана одномоментно с наступлением мира. Поэтому послевоенный период характеризовался, как правило, ростом бандитских проявлений (и в СССР), которые подавлялись тоже силой.

При соприкосновении с непривычно иной, порой такой мирной жизнью, увиденной в европейских странах, жажда мести за преступления, содеянные гитлеровцами, притупляла в сознании солдат способность преодолевать ненависть, естественную в военное время и поддерживавшуюся государственной пропагандой. Смещались понятия, стирались грани добра и зла, дозволенного и запрещенного, достойного и преступного. В этих условиях среди советских военнослужащих, в своей массе остававшихся способными на многие высокие, благородные и героические поступки, имели место недостойные и аморальные действия, а то и прямые преступления. Многие

обстоятельства толкали их на это, но не в последнюю очередь — сравнение советской реальности, известий о гибели или полуголодном существовании родных и близких дома, о чудовищной разрухе и бедности с окружающей их действительностью, более высоким уровнем жизни, чем на Родине. Оценка такому несоответствию давалась нередко по-солдатски четко и коротко: «Награбили!».

Но за этого солдата, за то, что он в преодолении, казалось, невозможного, бывало, утрачивал человеческий облик, а война, как известно, при-

тупляет чувства сострадания и гуманизма, ответственные были сильные мира того времени — представители западных демократий Ф.Д. Рузвельт, У. Черчилль и советский диктатор, Верховный Главнокомандующий Красной армии И.В. Сталин. Солдаты же американской, английской, но, прежде всего, советской армий лишь обеспечивали реализацию как коллективных (разгром гитлеровской Германии, безопасный и длительный послевоенный мир), так и отдельных национально-государственных интересов стран-победительниц.

¹ Характерны в этом отношении строки известного чешского поэта Витезслава Незвала, вспоминавшего себя, молодого, в Праге 9 мая 1945 г. «возле танков, где на башнях едут пыльные мессии» (Витезслав Незвал. Знамена 9 мая (перевод К. Симонова) // Константин Симонов. Стихи. Поэмы. Вольные переводы. 1936–1961. М., 1963. С. 386.

² Подробнее см.: Философия освобождения. Коллективная монография. М., 2005. С. 5.

³ В 1944–1945 гг. Красная армия провела на территории Европы более десяти стратегических наступательных операций. Золотарев В. А. К читателю // Русский архив. Вып. 14. Великая Отечественная. М., 2000. С. 8.

⁴ Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой отечественной войны 1941–1945 гг.; в 2-х томах. Т. 1. М., 1976. С. 267.

⁵ Сталин И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1950. С. 16.

⁶ См., например: Волокитина Т. В. Мурашко Г. П. Носкова А. Ф. Народная демократия: миф или реальность? Общественно-политические процессы в Восточной Европе в 1944–1948 гг. М., 1993.

⁷ См., например: Сенявская Е. С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11; Волокитина Т. В. «Друзья» и «враги» в советской пропаганде военных лет: балканское изменение // Россия — Болгария: векторы взаимоотношений. XVIII–XXI вв. Российско-болгарские научные дискуссии. М., 2010; она же. Парадоксы историографии: Красная Армия в Болгарии осенью 1944 года // Славянский мир в третьем тысячелетии. Межкультурный и межконфессиональный диалог славянских народов. М., 2011; Куренная Н. М., Лескинен М. В. Женщины и война: тактика «выживания травы» // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011; Стыкалин А. Я. Советский солдат в Центральной Европе в 1945 г.: встреча двух цивилизаций глазами писателей-современников // Славянский мир в эпоху войн и конфликтов XX в. СПб., 2011.

⁸ Падерин А. А. Освободительный характер Великой Отечественной войны в зеркале общественного мнения // Философия Освобождения. М., 2005. С. 203–205.

⁹ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. «Коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы. М., 2007. С. 119.

¹⁰ От Советского Информбюро... 1941–1945. Публикации и очерки военных лет. Изд. 2-ое. М., 1984. Т. 2. С. 470.

¹¹ Бурцев М. И. Прозрение. М., 1981. С. 26.

¹² Голубев А. В. Союзники в пропаганде и массовом сознании советского общества в годы войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов. Современные подходы. М., 2005. С. 152.

¹³ Сенявская Е. С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества // Вопросы истории. 2006. № 11. С. 92.

¹⁴ Эренбург И. В первый день // От Советского Информбюро... Т. 1. 1941–1942. М., 1984. С. 22.

¹⁵ Мировые войны XX века. Книга 3. Вторая мировая война. Исторический очерк. М., 2002. С. 219.

¹⁶ Центральный архив Министерства обороны (далее — ЦАМО). Ф. 372. Оп. 6570. Д. 51. Л. 214. Именно с этим связано появление 11 апреля 1945 г. в центральном партийном органе газете «Правда» статьи руководителя Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г. Ф. Александрова «Товарищ Эренбург упрощает» с обвинениями писателя в недифференцированном подходе к германскому противнику, отраженном, в частности, в призыве «Убей немца!».

¹⁷ Суржик Д. В. Пришел, увидел, убедил... (Из истории спецпропаганды) // Памятные страницы истории. 1941–1945. М., 2009. С. 263.

¹⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 125. Д. 95. Л. 207, 210, 211.

¹⁹ Эренбург И. В первый день. С. 22.

²⁰ Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 329.

²¹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 100198. Д. 1. Л. 77.

²² ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220.

²³ Эренбург И. Война. Апрель 1942 — март 1943. М., 2003. С. 60–61.

²⁴ Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1996. С. 425–426.

²⁵ Цит. по: Романенко С. А. Югославия: История возникновения, кризис, распад, образование независимых государств. М., 2000. С. 365–366.

- 26 Там же. С. 369.
- 27 М. Недич — генерал югославской армии, военный министр и затем глава созданного при участии Берлина правительства национального согласия в Сербии, крайний сербский националист.
- 28 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32288. Д. 16. Л. 22.
- 29 Там же. Д. 12. Л. 188–189.
- 30 Тимофеев А. Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии: опыт взаимовосприятия // Человек на Балканах глазами русских. СПб., 2011. С. 288.
- 31 Джилас М. Беседы со Сталиным. М., 2002. С. 100, 102.
- 32 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953: в 2-х томах /Отв. ред. Г.П. Мурашко/. Т. 1 1944–1948. М.-Новосибирск, 1997. С. 120.
- 33 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 127–128.
- 34 Тимофеев А. Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии. С. 288–289. К такому же выводу пришел применительно к Венгрии проанализировавший «Обзор судимости по 46-й армии по делам о незаконном отобрании имущества, убийствах, грабежах и насилии в отношении местного населения за октябрь-декабрь 1944 г.» А. В. Македонский. По его подсчетам, общее число осужденных за разного рода преступления составило чуть больше 0,2%, а за перечисленные выше противоправные и аморальные действия — 0,09%. К высшей мере наказания приговорены 12 человек, к 10 годам лишения свободы — 41, в 8 годах — 25 человек, и пр. (Македонский А. В. Взаимоотношения Красной армии и населения государств Восточной Европы (1944–1945 гг.). М. 1993. С. 18–19 (Рукопись депонирована в ИНИОН РАН).
- 35 Слуцкий Б. Записки о войне // Слуцкий Б. О друзьях и о себе. М., 2005. С. 74–75.
- 36 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32283. Д. 12. Л. 403–419.
- 37 Там же. Оп. 32288. Д. 16. Л. 25.
- 38 Там же. Оп. 32283. Д. 12. Л. 196.
- 39 Цит. по: Слуцкий Б. Записки о войне. С. 75.
- 40 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. Иллюстративный вкладыш после с. 416.
- 41 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 414.
- 42 Сенявская Е. С. Союзники Германии в мировых войнах в сознании российской армии и общества. С. 100.
- 43 Покивайлова Т. А. Румынская армия в Крыму в годы Второй мировой войны (морально-психологический аспект) // Comisiabilaterală a istoricilor din România și Federația Rusă. Sesiunea a I-a. Constanța, octombrie 2004. P. 181.
- 44 Религиозные организации в СССР: Накануне и в первые годы Великой Отечественной войны. 1938–1943 / Публ. М. И. Одинцова // Отечественные архивы. 1995. № 2. С. 65–67.
- 45 Бурцев М. И. Прозрение. С. 126; Суржик Д. В. Пришел, увидел, убедил. С. 271.
- 46 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 134100. Д. 35. Л. 21–22.
- 47 ЦАМО. Ф. 243. Оп. 134100. Д. 35. Л. 66–67, 81.
- 48 Там же. Л. 76.
- 49 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953. Документы. Т. 1. 1944–1948. М. 1999. С. 53–56.
- 50 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 710.
- 51 Там же. С. 715.
- 52 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 716.
- 53 Журнал Московской Патриархии. 1944. № 9 (сентябрь). С. 3–4.
- 54 Международное положение глазами ленинградцев. 1941–1945 (Из архива Управления ФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области). СПб., 1996. С. 111–113.
- 55 Слуцкий Б. Записки о войне. С. 37.
- 56 Уткин Б. П. Управление коалиционными группировками Красной Армии в 1941–1945 гг. // Философия Освобождения. М., 2005. С. 78.
- 57 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 712; Слуцкий Б. Записки о войне. С. 36–37.
- 58 Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны. С. 713.
- 59 Слуцкий Б. Записки о войне. С. 44, 42–43.
- 60 Шалито А., Савченков И., Рогинский Н., Цыпленков К. Униформа Красной Армии. М., 2001. С. 9.
- 61 Уткин Б. П. Управление коалиционными группировками Красной Армии. С. 81.
- 62 Слуцкий Б. Записки о войне. С. 46.
- 63 Воронов Н. Н. На службе военной. М., 1963. С. 162–163; Роменский А. П. Глазами и сердцем солдата. М., 1979. С. 108.
- 64 Тимофеев А. Ю. Военнослужащие Красной Армии и население Сербии. С. 281.
- 65 Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 70, 80.
- 66 Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 71.
- 67 Там же. С. 72.
- 68 Слуцкий Б. Записки о войне. С. 38.

- ⁶⁹ Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 178.
- ⁷⁰ Там же. С. 173.
- ⁷¹ Там же. С. 181–183.
- ⁷² Обращение командования Красной армии к болгарскому народу при вступлении в Болгарию // Советско-болгарские отношения и связи. Документы и материалы. М., 1976. Том 1. Ноябрь 1917 — сентябрь 1944. С. 608.
- ⁷³ Мировые войны XX века. М., 2002. Кн. 2. Первая мировая война. С. 395–396.
- ⁷⁴ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 219–220; Д. 53. Л. 104.
- ⁷⁵ От Волга до Балкана. София, 1977. С. 72–73; Здравей, България! Спомени на съветски маршали, генерали и офицери за освобождението на България и бойната дружба през Отечествената война 1944–1945 г. София, 1986. С. 21.
- ⁷⁶ Пиастро Г. Политико-воспитательная работа в советских войсках и среди населения Болгарии (3-й Украинский фронт, сентябрь 1944 — май 1945 г.) // Советское славяноведение. 1977. № 1. С. 31.
- ⁷⁷ Цит. по: Чавдарова В. Търсим те, Альоша! София, 1981. С. 48.
- ⁷⁸ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 231. Л. 109–109 об.
- ⁷⁹ Там же. Л. 114.
- ⁸⁰ Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 111–112.
- ⁸¹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 32283. Д. 16. Л. 12, 16.
- ⁸² Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 115.
- ⁸³ Там же. С. 121.
- ⁸⁴ Там же. С. 112.
- ⁸⁵ Коллекция документов Института военной истории МО РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 39.
- ⁸⁶ Коллекция документов Института военной истории МО РФ. Ф. 189. Оп. 231. Д. 3. Л. 38–39.
- ⁸⁷ Там же. Л. 38.
- ⁸⁸ Там же.
- ⁸⁹ Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 116.
- ⁹⁰ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61. Л. 234.
- ⁹¹ Слуцкий Б. Записки о войне. С. 37.
- ⁹² ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 119, 188.
- ⁹³ Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 116.
- ⁹⁴ ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 132. Л. 109–110; Ф. 372. Оп. 6507. Д. 8. Л. 246.
- ⁹⁵ Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 234; Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 32.
- ⁹⁶ Казасов Д. Преживелици. София, 1970. С. 197, 198–200.
- ⁹⁷ От Волга до Балкана. С. 176.
- ⁹⁸ Марков Г. Задочни репортажи за България. София, 1990. С. 54–55, 321.
- ⁹⁹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 226. Л. 112.
- ¹⁰⁰ Българо-съветски политически и военни отношения. С. 221.
- ¹⁰¹ Куренная Н. М. «Книжные новости» как индикатор государственной политики (Формирование круга чтения советских людей) // Категории и концепты славянской культуры. М., 2008. С. 737, 743, 744, 746.
- ¹⁰² ЦАМО. Ф. 392. Оп. 8900, Д. 159. Л. 40–40 об.
- ¹⁰³ Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 100.
- ¹⁰⁴ Слуцкий Б. Записки о войне. С. 52.
- ¹⁰⁵ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2900. Д. 770. Л. 45–46, 49–50; Оп. 2914. Д. 53. Л. 96; Д. 119. Л. 7.
- ¹⁰⁶ Слуцкий Б. Записки о войне. С. 54.
- ¹⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 69.
- ¹⁰⁸ Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. С. 113.
- ¹⁰⁹ От Волга до Балкана. С. 705.
- ¹¹⁰ Там же. С. 702.
- ¹¹¹ ЦАМО. Ф. 243. Оп. 2914. Д. 61, Л. 295, 296; Д. 226. Л. 112; Д. 119. Л. 14.
- ¹¹² ЦАМО. Ф. 243. Оп. 214. Д. 53. Л. 122.
- ¹¹³ Там же. Ф. 392. Оп. 8900. Д. 128. Л. 49.
- ¹¹⁴ См. напр.: «Белые пятна — Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях». М. 2010 С. 365–393; 431–449; Dudek A., Zblewski Z. Utopia nad Wisłą. Historia Peerelu. Warszawa-Bielsko-Biała. 2008; Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy. 1942–1945. Warszawa, 2003 и др.
- ¹¹⁵ Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska. 1943–1948. Lublin, 1989. S. 135–136.
- ¹¹⁶ Słabek H. O społecznej historii Polski. 1945–1989. Warszawa. 2009; Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem Polska. 1944–1956 London. 1993; Friszke. A. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa, 2003; ibid. Przystosowaniei opór. Studia

z dziejów PRL. Warszawa. 2007; Czubiński A. Dzieje najnowsze Polski do roku 1945. Poznań. 1994; Skrzypek A. Mechanizmy uzależnienia. Stosunki polsko-radzieckie. 1944–1957. Pułtusk. 2002.

¹¹⁷ Kersten K. Narodziny systemu władzy... S. 136; Kersten K. Między wyzwoleniem a zniewoleniem... S. vii.

¹¹⁸ Ślabeł H. Intelktualistów obraz własny. 1944–1989. Warszawa. 1997. S. 191.

¹¹⁹ См. напр.: «Белые пятна — Черные пятна. Сложные вопросы в российско-польских отношениях». М. 2010 С. 365–393; 431–449; Dudek A., Zblewski Z. Utopia nad Wisłą. Historia Peerelu. Warszawa-Bielsko-Biała. 2008; Gontarczyk P. Polska Partia Robotnicza. Droga do władzy. 1942–1945. Warszawa, 2003

¹²⁰ (Русский Архив. 14. 3(1). Великая Отечественная. 3 (1). СССР и Польша 1941–1945. К истории военного союза. Документы и материалы. М. 1994. С. 318, 334–335 (Далее: Русский архив. Т. 14 (3) 1).

¹²¹ Русский Архив. 14. 3(1). С. 332. До сентября 1944 г. части Красной армии освободили от гитлеровцев Люблинское воеводство, почти полностью Белостокское и Жешовское, а также часть Варшавского и Келецкого воеводств (Боевое сотрудничество советского и польского народа. М. 1973. С. 253).

¹²² Русский архив. Т. 14 (3) 1. С. 200–202; 324–325

¹²³ «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». Документы НКВД СССР о польском подполье. 1944–1945. М. – 2001. С. 343–345, 347–352.

¹²⁴ Русский архив. Т. 14. (3) 1. С. 326–327.

¹²⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 347–348.

¹²⁶ Армия Крайова (АК) — массовая и влиятельная военно-политическая организация, созданная осенью 1939 г. кадровыми офицерами довоенного Войска Польского, подчинялась правительству Польши в Лондоне, ставила задачу сопротивления двум врагам Польши — Германии и СССР.

¹²⁷ Русский архив. Т. 14 1(3) 1. С. 349–351, 328–329, а так же С. 330–333;

¹²⁸ Сегодня многие в Польше считают, что после войны поляки были едины в позициях и готовности бороться против коммунистов и СССР. Такие утверждения, констатируют крупнейшие авторитеты польской исторической школы, не соответствуют сложной исторической правде, ибо отношение поляков к власти и вооруженному подполью было различным. «Нет ничего более ошибочного, — писала современница тех событий К. Керстен, чем видеть польское общество 1945–1946 гг. единым во враждебности к СССР, коммунистам и их власти. Общество было расколотым, и линии раздела были очень извилистыми». Так и было. Настроения и предпочтения поляков определялись «условиями, заданными действительностью»: принимались решения великих держав о границах и правительстве страны, совершались коренные социально-экономические преобразования, заселялись бывшие немецкие земли, шла борьба за характер власти. Все это рождало в разной мере «психологическую готовность приспособиться к реальности», и общество условно делилось на три межсоциальные группы. Большинство составляли те рабочие, крестьяне, «и интеллигенция», кому власть коммунистов открывала возможности изменить социальный статус. Получив от власти «перспективу самого широкого общественного аванса», это большинство, вовсе не настроенное просоветски и тем более прокоммунистически, стремилось жить в предлагаемых властью мирных условиях, без потрясений, тем более, военных. Тем самым, утверждает А. Фришке, «уже в первые послевоенные годы власть обрела свою надежную социальную базу». Среди этого населения были, однако, и те, кто разделял идеи борьбы за восстановление независимой от СССР Польши в довоенных границах на востоке, в новых рубежах на Одере и получение всей территории Восточной Пруссии. Многие из них подполью нередко симпатизировали, но вовсе не были готовы участвовать в вооруженной борьбе. Меньшая часть поляков активно поддерживала власть: получала землю и работу, участвовала в управлении предприятиями и страной, вступала в рабочие и крестьянские партии, в профсоюзы, армию, милицию и госбезопасность. Непримириемость к власти демонстрировало иное меньшинство, состоявшее из безусловных радикалов, сторонников военно-политического противостояния новой власти в Польше, активных и потенциальных, особенно молодых, солдат подполья, из крайне антикоммунистически и антисоветски настроенных приверженцев довоенных устоев страны, правительства в Лондоне и союза с Западом. Самые «несгибаемые» оставались в подполье, возвращали борьбу с властью и советским присутствием в Польше и, бывало, получали содействие конформистов. Те, кто вел вооруженную борьбу против новой власти и советского присутствия в Польше, были выходцами из всех социальных групп общества, прежде всего, из бывших властных кругов разных уровней и значительной части довоенной интеллигенции. Жертвами их террора становились ее представители и сочувствовавшее власти мирное население, совершались убийства солдат и офицеров Красной армии. Со временем в подполье оставалось все меньше бывших участников борьбы с гитлеровцами, оно пополнялось пассионарно настроенной, праворадикальной молодежью, не имевшей ни жизненного, ни политического и военного опыта. (Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska. 1943–1948. Lublin. 1989 S. 118, 137. Книга неоднократно переиздавалась; ее же. Między wyzwoleniem a zniewoleniem. Polska. 1944–1956. Londyn. 1993. S. 12; Friszke A. Polska. Losy Państwa i Narodu. 1939–1989. Warszawa. 2003. S. 114).

¹²⁹ ПКНО — Польский Комитет Национального Освобождения создан усилиями представителей польских коммунистов, левых социалистов, крестьянских и демократических деятелей, прибывших в Москву в мае-июне 1944 г., и польской эмиграции в СССР. Его состав был обсужден и утвержден в ночь с 21 на 22 июля 1944 г. в кабинете И. В. Сталина. Вскоре члены ПКНО прибыли на освобожденную территорию Польши. 26 июля 1944 г. ПКНО был фактически признан Советским Союзом в качестве временного органа польской исполнительной власти.

¹³⁰ Русский архив. Т. 14 1(3) 1. С. 368–369.

¹³¹ «Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.». Док. № 20. Документальная публикация Федерального архивного агентства. Полную версию публикации см.: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/catalogue.shtml>.

¹³² «Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.». Документальная публикация Федерального архивного агентства. Док. № 58. Полную версию публикации см.: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/catalogue.shtml>.

- ¹³³ Подр. см.: Бордюгов Г. А. Война все спишет? Вермахт и Красная армия: к вопросу о природе преступлений против гражданского населения // Доклад на Международной научной конференции «Опыт мировых войн в истории России». 11 сентября 2005 г Челябинск.; его же. Чрезвычайный век российской истории: четыре фрагмента. М., 2004.
- ¹³⁴ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). Битва за Берлин (Красная армия в поверженной Германии). М. 1995. С. 214. (Далее: Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15 (4–5)) .
- ¹³⁵ Русский архив. Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). С. 221.
- ¹³⁶ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). С. 218–222.
- ¹³⁷ Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15 (4–5). С. 223, 230, 244.
- ¹³⁸ Русский архив. Т. 14 (3) 1. С. 244, 246, 247. Весьма точно воспроизвел ситуацию участник войны, современный историк О. А. Ржешевский: «Лавина мести могла захлестнуть Германию, однако этого не произошло. Бесчинства над местным населением — убийства, грабежи, насилия над женщинами, совершаемые военнослужащими Красной Армии и других союзных армий, в том числе США и Великобритании, приняла весной 1945 года тревожные масштабы. Но большинство солдат и офицеров советской и других союзных армий проявили гуманное отношение к мирным жителям. В различных районах, куда вступала Красная Армия, её отношения с населением складывались неоднозначно. Предотвратить насилие не удалось, но его сумели сдержать, а затем и свести до минимума». Ржешевский О. А. Берлинская Операция 1945 г.: дискуссии продолжаются // Мир истории 2002 № 4.
- ¹³⁹ Соколов Б. В. Рокоссовский. М. 2009. С. 435.
- ¹⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп.125. Д. 320. Л. 49.
- ¹⁴¹ Statni Ustredni Archiv Ceske Republiky (SUA). F. 100\24. Sv. 172. A.j. 1534. Цит. по : Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 192.
- ¹⁴² Архив Президента РФ. Ф. 45. Оп.1. Д. 393. Л. 57; Источник. 1997. N5. С. 127.
- ¹⁴³ Цит. по: Соколов Б. В. Рокоссовский М., 2010. С. 434.
- ¹⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 360. Л. 160; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 212; Восточная Европа в документах... Т. 1. С. 223.
- ¹⁴⁵ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 213
- ¹⁴⁶ Восточная Европа в документах. Т. 1. С. 260–263.
- ¹⁴⁷ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1 С. 298–299.
- ¹⁴⁸ Там же.
- ¹⁴⁹ «Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.». Док. № 37, 70, а также см. №№ 37,42,45, 68. Документальная публикация Федерального архивного агентства.<http://archives.ru/library/poland-1944-1945/catalogue.shtml>.
- ¹⁵⁰ «Как польское вооруженное подполье «помогало» Красной Армии разгромить нацистскую Германию. 1944–1945 гг.». Документальная публикация Федерального архивного агентства. Док. № 58. С. 391. .Полную версию публикации см.: <http://archives.ru/library/poland-1944-1945/catalogue.shtml>
- ¹⁵¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 50. Д. 449. Л. 10; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. 48–51, 80.
- ¹⁵² Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 49–50.
- ¹⁵³ Там же. Л. 53–56.
- ¹⁵⁴ Никольский В. А. ГРУ в годы Великой Отечественной войны. Герои невидимого фронта. М., 2005. С. 198–202.
- ¹⁵⁵ Dąbrowska M. Dzienniki powojenne. T.1 . 1945–1949. Warszawa. 1997. S. 45, 71.
- ¹⁵⁶ Здесь и далее приводятся фрагменты из мемуаров Ш. Марай «Земля! Земля!» (перевод Е. Малыхиной), опубликованных в: Венгры и Европа. Сборник эссе (Сост. В. Середа и Й. Горетич). М., 2002. С. 285–337.
- ¹⁵⁷ Здесь и далее тексты воспроизведены по: Гудзенко С. Армейские записные книжки. М., 1962. С. 41–50.
- ¹⁵⁸ Об уважении советских офицеров к классической литературе упоминали и эксперты-советологи из Пентагона, подготовившие весной 1945 г. пособие для офицеров Вооруженных сил США, которым предстояло встретиться на Эльбе с красноармейцами («Пожимайте руки при встречах...» Архивный документ США о России и русских (публикация А. С. Стыкалина) // Война и общество в XX веке. Книга 3. Война и общество в период локальных войн и конфликтов второй половины XX века. М., 2008. С. 71–103).
- ¹⁵⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее — АВП РФ). Ф. 077. Оп. 25. П. 115. Д. 42. Л. 52–53.
- ¹⁶⁰ Сильные позиции церкви в Венгрии 1940-х годов, унаследованные от эпохи Хорти, бросались в глаза многим советским наблюдателям.
- ¹⁶¹ Георгий Максимович Пушкин, однофамилец ли Александра Сергеевича или выходец из того же рода, был политическим советником Союзной Контрольной Комиссии в Венгрии, а в сентябре, с установлением официальных дипломатических отношений, стал посланником, затем послом СССР в Будапеште. Один из самых талантливых советских дипломатов своей генерации, он безвременно закончил свой земной путь в 1963 г. в ранге заместителя министра иностранных дел.
- ¹⁶² Речь шла о Трансильвании, Словакии, Западной Украине и землях, составивших позднее Бургенланд — северную часть Австрии.
- ¹⁶³ См подр.: 60-летие окончания Второй мировой войны и Великой Отечественной: победители и побежденные в контексте политики, мифологии и памяти. М., 2005.

СССР и Болгария: дипломатические отношения в годы Второй мировой войны

Л. В. Ревякина*

Балканы — регион, где традиционно сталкивались интересы крупных европейских держав. С началом Второй мировой войны эта борьба разгорелась с новой силой. Преимущество оказалось на стороне Германии, которая еще во второй половине 30-х годов смогла вытеснить французский и английский капитал из балканских стран, заняла ведущее место в их экономике. Вместе с экономической усилилась и политическая зависимость балканских стран от Германии.

Прерванные после 1917 г. дипломатические отношения с балканскими странами СССР восстанавливает не сразу: с Грецией в марте 1924 г., с Болгарией и Румынией в июле 1934 г., с Югославией в июне 1940 г., которые после нападения на нее Германии 6 апреля 1941 г. были прерваны. В интересующей Советский союз Болгарии, которая благодаря своему географическому расположению имела огромное значение для обеспечения безопасности СССР в Черноморском регионе, советское полномочное представительство до начала войны не смогло осуществить почти ничего из предвиденного им для расширения связей. Хотя благодаря проявленной активности полномочного министра Ф. Раскольников советское полпредство с самого начала его работы в ноябре 1934 г. оказалось в центре общественной жизни Болгарии. Сотрудники полпредства и лично Раскольников стремились устанавливать связи с заинтересованными в сотрудничестве с СССР и поддержании торговли с ней местными предпринимателями, налаживали личные контакты с оппозиционными правительству кругами, с культурными и общественными деятелями.

В здании полпредства на ул. Московской часто организовывались приемы с участием представителей власти, офицерами высоких рангов,

общественных деятелей, интеллектуалов, музыкантов, артистов, художников. В деле Ф. Раскольников, заведенного болгарской полицией, он охарактеризован как человек «достаточно отшлифованный для дипломатической карьеры и умеющий держаться во всяком обществе. Он одновременно дипломат, писатель, художник, журналист. Интересуется решительно всем. Это ему дает возможность устанавливать широкие связи и знакомства. В Болгарии он нашел то, чего нигде не встречал, — люди сами шли к нему, чтобы с ним встретиться»¹. Раскольников избегал демонстрировать «коммунистическое лицо» представительства, не вступал в прямой контакт с коммунистическими руководителями, отказывал им в приеме. Связь с компартией, конечно, устанавливалась, но очень внимательно и другими сотрудниками представительства².

Весной 1935 г. началась работа по вопросу о подписании договора о торговле. В полпредстве готовилась выставка товаров, которая должна была открыться после подписания договора. Но договор не был подписан. Каждая из сторон отстаивала свои условия. Задействован был и политический фактор. 25 июля 1935 г. министр иностранных дел Г. Кыосеиванов дал инструкцию «по политическим соображениям» не отступать от представленного болгарской делегацией проекта, даже если дело дойдет до провала переговоров. В начале августа подобное распоряжение приходит и из Москвы. Торговля продолжает осуществляться старым способом — через советское торговое представительство в Цариграде, при этом постоянно сокращаясь. Если в 1935 г. в Болгарию было ввезено товаров на сумму 7.249.000 лв., а закуплено на 678.000 лв., то в 1937 г. соответственно 1.300.000 лв. и 23.000 лв.

* Ревякина Луиза Васильевна — д. и. н., профессор Института исторических исследований Болгарской академии наук.

Неудачным оказалось и участие советских фирм в конкурсе на строительство радиобашни в с. Вакарел. Правительство ген. П. Златева при обсуждении предложенных проектов отдало предпочтение проекту немецкой компании «Телефункен» стоимостью 22 млн 500 тыс. лв., хотя советский проект был более выгодным — 17 млн 500 тыс. лв. и по технологии почти не уступал германскому. Не нашло поддержки и сделанное советским правительством в июне 1935 г. предложение о подписании конвенции о развитии культурных отношений. Подобное состояние продолжалось до конца 1937 г. Среди причин, вызвавших недоверие к советскому полпредству, было и то обстоятельство, что в конце 1936 г. Ф. Раскольников попал в «черные списки» НКВД по линии его связей с Н. Бухариным и К. Радеком (совместная работа в Коминтерне). С этого времени он начал получать под различными предлогами приглашения вернуться в Москву (о чём стало известно в Болгарии). 1 апреля 1938 г., после того как получает категоричное распоряжение приехать в Москву, Раскольников покидает Софию, но уезжает, как известно, в Париж.

Назначенный управляющим полпредством первый секретарь Николай Прасолов был типичным представителем новой генерации советских политиков. Прасолов дает новое направление деятельности полпредства. Согласно оценкам болгарской полиции, он «оставил игру в славянофильство и связи с национальными болгарскими кругами. ... Он выполнял с точностью то, что ему приказывала Москва, а именно усиление пропаганды в пользу СССР и таким образом ослабление ударов против БКП». В отличие от Раскольникова, он поддерживал связи главным образом «с оппозиционными кругами и с низами в БКП»³. Успехом Прасолова было открытие 1 мая 1939 г. книжного магазина «Русская книга» в Софии и полученное представителем «Мосфилко» («Московская фильмовая кооперация») разрешения на демонстрацию советских фильмов в Болгарии.

В 1938 г. и первой половине 1939 г. сотрудники полпредства, по словам Н. Прасолова, оставались «в Болгарии в качестве наблюдателей, изучая положение и эволюцию болгарской политики» и ожидая момента, когда они могли бы действовать более активно⁴. В поисках выхода из застоя в советско-болгарских отношениях, в народном комиссариате внешней торговли в конце 1938 г. обсуждался вопрос о необходимости активизации торговых связей с Болгарией. Вывод, к которому пришли в комиссариате, был следующий: СССР недооценивал и продолжает недооценивать развитие экономических отношений с Болгарией; разногласия между Болгарией и СССР во время ведущихся в 1935 г. переговоров о заключении со-

глашения о торговле были «маловажными и легко преодолимыми» и соглашение могло бы быть подписано, если бы СССР тогда сделал уступку⁵. В конце 1938 г. советское правительство несколько раз предлагает болгарскому правительству вернуться к вопросу о подписании соглашения о торговле, но правительство Г. Кыосеиванова не отвечало на письма НКВД.

Советско-германский пакт от 23 августа 1939 г. усиливает позиции Советского Союза в европейских делах. Согласно секретному протоколу, к советской сфере влияния отошли Финляндия, Литва, Латвия, Эстония, Западная Белоруссия, Западная Украина и Бессарабия. Чтобы обезопасить и Черноморскую границу, советское правительство в августе и сентябре 1939 г. пытается добиться расширения своего влияния и на Юго-Востоке Европы. Москва предпринимает попытку создать советско-турецко-болгарский блок. Но самостоятельные действия СССР не дают результатов. Великобритания и Франция, которые после пакта Молотова-Риббентропа стремятся не допустить сближения Турции с Германией и/или с СССР, 19 октября 1939 г. подписывают с Турцией Трехсторонний договор о взаимопомощи. Отправленное в то же время советским правительством болгарскому правительству предложение о подписании пакта о дружбе и взаимопомощи отклоняется. Царь Борис соглашается на подписание только пакта о нейтралитете, что не устраивает СССР.

Советско-германский пакт, однако, позволяет нейтрализовать нежелание Германии допустить сближение СССР и Болгарии. Болгарское правительство после подписания пакта видит в СССР союзника Германии и «открывает двери» для расширения отношений с СССР. 4 сентября 1939 г. болгарский полномочный министр в Москве Н. Антонов в разговоре с заместителем народного комиссара иностранных дел В. Г. Деканозовым с уверенностью заявляет: «так как раньше существовало какое-то недоверие между народами Болгарии и СССР, то сейчас уже его не может быть»⁶. В Болгарии после подписания пакта между Германией и СССР оформляется мнение, что советско-германский пакт позволит сближение Болгарии с СССР, и ее сотрудничество и с Германией и с СССР поможет ей сохранить нейтралитет в войне. Выборы в XXV Народное собрание (декабрь 1939 — январь 1940 г.) проходят под лозунгом ориентации Болгарии во внешней политике на СССР. Весной 1940 г. военизированные, пронацистские настроенные организации в Болгарии (ратники, легионеры) и даже руководитель профашистской и пронацистской партии Народное социальное движение Ал. Цанков устанавливают связь с ЦК Болгарской рабочей партии. В отноше-

нии этих контактов Заграничное бюро БРП, имея в виду отношения между СССР и Германией, советует ЦК поддерживать с ними связь, но не идти на соглашения и совместные действия⁷.

Советское правительство успевает воспользоваться временным, но сильным фактором, на котором основывалась внешняя политика болгарского правительства в то время, — сохранение мира на Балканах и хорошие отношения с Германией и СССР. Уже 25 августа 1939 г. в Софию приезжает новый представитель ТАСС Вл. Морозов. Полномочное представительство после трехлетнего перерыва вновь начинает оказывать влияние на болгарскую периодическую печать, а материалы о СССР публикуются только на основе информации ТАСС. С октября стало заметным улучшение ситуации в области культурных отношений. 8 октября в помещении «Славянского общества» в Софии, в зале «Славянская беседа» открылась выставка художников-самоучек. С 30 октября по 7 ноября 1939 г. в Софийском университете была организована выставка советской книги. На ней было представлено более 3000 книг. После закрытия выставки большая часть книг была подарена библиотеке Софийского университета.

30 октября 1939 г. в Софию прибывает новый полномочный министр А. Лаврентьев. После пятилетнего затягивания 6 января 1940 г. подписывается соглашение о торговле и судоходстве. На базе этого договора подписывается соглашение о товарообороте и платежах. В феврале 1940 г. подписывается конвенция о воздухоплавании, на основе которой между двумя государствами устанавливается воздушное сообщение, осуществляемое «Аэрофлотом». С 23 марта 1940 г. начинается регулярное сообщение рейсов Москва — София и Москва — Варна (один рейс в течение двух недель). С апреля 1940 г. в маршрут Москва — София включена и остановка в Будапеште, а позже маршрут продолжен до Рима. С марта 1940 г. начинают работу советские торговые представительства в Софии и Варне. Варненское торговое представительство известно и как варненское консульство, так как в его функции входит и консульская деятельность. В зону действий варненского торгового представительства входит и Бургасский порт, куда иногда прибывают советские пароходы. В апреле — мае 1940 г. советское торговое представительство принимает участие в Пловдивской выставке товаров, а в августе — в Варненской.

Восстанавливают свою деятельность связанные с советским полпредством институции, появляются новые: Всероссийское общество культурных связей с границей, Болгаро-советское общество (с центром в Софии и 33 отделениями в стране), Болгаро-советская торговая палата, «Морфлот», «Советский торговский флот», «Тех-

новнос», «Технотэкс», «Импортэкс», кооперация «Согласие», «Болгарское земледельческое общество» и др. Книжный магазин «Русская книга» начинает широкую продажу советских книг, газет («Известия» поступают по 3500–4000 экз.) и грамофонных пластинок. Оборот магазина достигает 1 млн левов. Распространением и продажей советских книг занимаются и фирмы «Българска книжнина» («Болгарская книга»), «Нов свят» («Новый мир») и «Казанлъшка долина» («Казанлыкская долина»). Советские фильмы демонстрируются в центральных кинотеатрах «Глория палас» (постоянно), «Славянска беседа», «Балкан», «Европа палас», «Модерен театър», в кинотеатрах в различных кварталах Софии, а также в провинции. В 1940 г. в Болгарии были показаны 35 советских фильмов, такие, как «Путевка в жизнь», «Доктор Калюжный», «Истребители», «Чапаев» и др. Показывали и документальные фильмы — «В глубине морей», «Хозяйственная выставка» и др.

На часто организуемые по различным случаям приемы и банкеты приглашаются депутаты, политические деятели, офицеры высоких рангов, профессора, представители культурных и гуманитарных институтов, художники, писатели, журналисты. Но этот динамичный период в деятельности советского полномочного представительства оказался кратким. Причиной стало сделанное 25 ноября 1940 г. советским правительством болгарскому правительству предложение о заключении пакта о взаимной помощи и сотрудничестве с СССР и развернувшееся в Болгарии в конце ноября 1940 г. и продолжившееся до конца февраля 1941 г. движение в поддержку советского предложения. СССР, который избегал обострения отношений с Германией и стремился отсрочить столкновение с ней, идет на этот шаг, который не мог не привести к ухудшению отношений с Германией, из-за начавшегося с лета 1940 г. нарушения Германией некоторых статей советско-германского пакта о ненападении. Систематически нарушаются ст. 3 и 4 пакта, согласно которым договорившиеся стороны должны информировать друг друга по вопросам, затрагивающим общие интересы, а также не участвовать в какой-либо группировке, направленной прямо или косвенно против одной из договаривающихся сторон. Москва не была приглашена участвовать в проведенной 30 августа 1940 г. в Вене встрече министров иностранных дел Германии, Италии, Румынии и Венгрии (второй Венский арбитраж), на которой было принято решение передать Венгрии часть Трансильвании, а Румынии Германия и Италия дают гарантии, что территориально она будет возмещена. Москва о встрече в Вене узнаёт из западных газет.

О подписании пакта между Германией, Италией и Японией (27 сентября 1940 г.) советское правительство было осведомлено одним днём раньше — 26 сентября, с объяснением, что военный союз между этими тремя странами не направлен против СССР, а против «демократических поджигателей войны». Народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов потребовал от Берлина предоставить советскому руководству проект договора (как это проистекает из ст. 4 пакта). Министр иностранных дел рейха Й. Риббентроп, конечно, не сделал этого. Сразу же после подписания Трестранного пакта Гитлер начинает настаивать на присоединении к пакту ряда государств Восточной и Юговосточной Европы (Словакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии). О вступлении германских войск в Румынию 4 октября СССР узнает тоже из иностранной прессы. Попытка Молотова 19 октября выяснить у германского полномочного посла в Москве Ф. Шуленбурга вопрос, о каких точно военных силах и в каких количествах Германия намерена послать в Румынию, ответа тоже не получает.

В результате активных политических и военных действий Германии в Восточной Европе к началу ноября 1940 г. СССР по всей западной границе — от Финляндии до Румынии — оказался граничащим с тесно связанными с Германией странами, в большинство из которых уже были введены германские военные части. Только черноморские соседи СССР — Болгария и Турция еще сохраняли нейтралитет. Й. Риббентроп, обеспокоенный усиливающимся недовольством советского руководства созданной на западной границе Советского Союза обстановкой и возможностью СССР из-за увеличивающейся опасности взять курс на сближение с Англией, пишет письмо Сталину. В письме он подчеркивает, что отношения между Германией и СССР, созданные в результате подписанных более года назад германо-советские договоры о ненападении и дружбе, оказались полезными и для двух стран и что «последовательное продолжение этой добрососедской политики и дальнейшее углубление политического и экономического сотрудничества и в будущем будет иметь все более благоприятные последствия»⁸. Риббентроп предлагает Молотову в ближайшее время посетить Берлин, чтобы начать переговоры о согласовании «долгосрочных политических целей» и о разграничении «сфер интересов в мировом масштабе»⁹.

Сталин решает послать Молотова в Берлин. Задачи, которые он поставил перед ним, были: 1) выяснить действительные намерения участников Трестранного пакта в осуществлении планов «Новая Европа» и «Великое Восточно-Азиатское Пространство», как и их границ; 2) выяснить во-

прос о дальнейшей судьбе Финляндии, Румынии и Венгрии как граничащих с СССР стран; выяснить каковы планы Германии и Италии относительно Греции и Югославии; 3) настаивать, чтобы Германия и Италия вопросы о Турции и Иране решали при участии СССР. Но основной задачей перед Молотовым стояло решение вопроса о Балканах, точнее — получить согласие Германии, чтобы к сфере советских интересов отошли Дунай (в его морской части) и Болгария, имеющие стратегическое значение в связи с проблемой Черноморских проливов.

Во время переговоров в Берлине 12 и 13 ноября 1940 г. Молотов выражает недовольство советского правительства, что «без консультации с ним Германия и Италия предоставили территориальные гарантии Румынии и что советское правительство считает, что эти гарантии направлены против интересов Советского Союза». После этого Молотов, используя германскую идею об английской опасности на Балканах, спросил Гитлера «что скажет германское правительство, если советское правительство предоставит гарантии Болгарии на таких же условиях, как их дали Германия и Италия Румынии», подчеркнув, что СССР гарантирует полное сохранение существующего в Болгарии внутреннего режима. На что Гитлер ответил, что именно германско-итальянские гарантии помогли склонить Румынию уступить СССР Бессарабию без борьбы; что Румыния очень важна Германии из-за ее запасов нефти, а и румынское правительство попросило Гитлера «защитить нефтеносные районы от Англии во время войны». И спросил Молотова, Болгария просила ли СССР о такой гарантии и отказался определить свою позицию прежде чем проконсультируется с Италией»¹⁰.

Гитлер и Риббентроп предлагают советскому правительству подписать соглашение между Германией, Италией и Японией, с одной стороны, и Советским Союзом — с другой (пакт четырех) о политическом и экономическом сотрудничестве, как и два секретных протокола, согласно которым СССР начнет расширение своей «сферы интересов» в направлении Индийского океана, а также совместно с Германией и Италией установит политическое сотрудничество с Турцией, и три страны вместе будут бороться за ликвидацию всяких препятствий для «свободного прохода» кораблей стран оси и СССР через Проливы. Молотов по вопросу о Проливах заявил, что в связи с необходимостью обеспечения безопасности СССР со стороны Черного моря, советское правительство считает, что Проливы должны быть открыты за вход в Черное море только для военных кораблей Черноморских стран и хотел бы достичь договоренности об этом с контролирующей проливы Турцией.

Сразу же после встречи с Молотовым в Берлине царь Борис приглашен в Германию. Во время встречи с Гитлером 17 ноября 1940 г. в Берхтесгадене болгарский царь в принципе соглашается на присоединение Болгарии к Трестранному пакту, но оставляет открытым вопрос о дате присоединения. Для Гитлера решение вопроса о Болгарии в свою пользу приобрело решающее значение в связи с предпринятым 28 октября 1940 г. союзником Германии Италией нападением на Грецию. Англия в силу гарантий, данных Греции 13 апреля 1939 г. (после оккупации Италией Албании), 1 ноября отправила 4 эскадрильи на о. Крит, а 12 ноября английская авиация нанесла удар по итальянскому флоту в Таранто. 7 ноября итальянское наступление было приостановлено, и 21 ноября под натиском греческих войск итальянцы начали отступать. Балканы и Средиземноморский район выходят на первый план в военнополитических планах Германии. 12 ноября Гитлер подписывает директиву № 18, предусматривающую подготовку к наступлению на Грецию с территории Болгарии.

Советское руководство оказалось в ситуации, когда уже не находит поддержки своих требований у Германии, вся западная граница СССР находится фактически под контролем Германии (Финляндия тесно связана с Германией, а Польша, Словакия, Венгрия и Румыния фактически ей подчинены, и в них находятся части вермахта) и СССР теряет последнюю возможность обеспечения независимости своих Черноморских границ. Но Москва не готова и к конфронтации с Германией и решает продолжить диалог с Германией и с Болгарией. Сразу же по возвращении Молотова из Берлина советское правительство уведомляет германское руководство, что оно намерено предложить болгарскому правительству заключение пакта о взаимопомощи. 19 ноября 1940 г. Молотов во время разговора с болгарским полномочным послом в Москве И. Стаменовым, ссылаясь на «серьезность момента», переживаемого Болгарией, и на наличие в Болгарии германских воинских частей, сказал, что Болгария могла бы получить гарантию своей безопасности от СССР. Что Россия на протяжении истории всегда стояла за независимость и суверенитет Болгарии и что на этой точке зрения сейчас стоит и Советский Союз, причем он полностью разделяет и поддерживает справедливые территориальные претензии Болгарии к ее соседям. Молотов напомнил, что еще осенью 1939 г. через бывшего болгарского посланника в Москве Н. Антонова было сделано предложение болгарскому правительству о заключении договора о взаимной помощи, но бывший премьер-министр Г. Кыосеванов ответил, что считает подобный договор преждевременным, но что если «создастся угрожающая обстановка»,

Болгария будет готова немедленно заключить подобное соглашение. Стаменов обещал запросить свое правительство и дать ответ на поставленные вопросы. 24 ноября болгарское правительство сообщило, что отклоняет советское предложение с объяснением, что Болгария не чувствует себя в опасности и не нуждается в гарантиях.

Вопреки этому, 25 ноября 1940 г. во время встречи с германским послом Ф. Шуленбургом Молотов вновь поднимает вопрос о заключении договора о взаимопомощи с Болгарией. На этот раз Молотов пытается оказать давление на Германию, связывая решение вопроса о заключении договора с Болгарией с присоединением СССР к Трехстороннему пакту. Молотов сообщает условия, на которых Советский Союз мог бы принять предложенный Риббентропом проект пакта 4-х держав: вывод германских войск из Финляндии, которая согласно советско-германскому соглашению 1939 г. представляет сферу влияния СССР; обеспечение безопасности СССР в Проливах путем заключения пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды; удовлетворение претензий СССР на район к югу от Батуми и Баку; отказ Японии от ее концессионных прав на уголь и нефть на Северном Сахалине на условиях компенсации. А также должен быть изменен предложенный Риббентропом проект протокола о соглашении между Германией, Италией и СССР о Турции в смысле обеспечения военной и военно-морской базы СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды и с предоставлением Турции гарантий 3-х держав о ее независимости и территориальной целостности¹¹.

В тот же день — 25 ноября в Болгарию прибывает главный секретарь НКВД Аркадий Соболев. Сопровождаемый полпредом А. Лаврицевым, Соболев посещает министра-председателя Б. Филова, министра иностранных дел И. Попова и царя Бориса и от имени советского правительства предлагает Болгарии тесное сотрудничество, всякую, в том числе и военную помощь «в случае угрозы нападения на Болгарию третьей державы или комбинации держав», а также заявляет о поддержке СССР ее национальных стремлений не только в Западной, но и в Восточной Фракии. Болгария, в свою очередь, должна оказать помощь СССР в случае возникновения реальной угрозы интересам СССР на Черном море или в районе Проливов. Вопрос о создании военных баз на территории Болгарии не поднимается. Соболев подчеркивал, что предлагаемый пакт не затронет

внутренний режим, суверенитет и независимость Болгарии.

Болгарское правительство вновь категорично отклоняет советское предложение с объяснением, что подписание пакта с СССР может привести к распространению войны на Балканы и принятию со стороны Болгарии непосильных для нее военных обязанностей, что болгарское правительство уже ведет переговоры с Германией о присоединении Болгарии к Трестранному пакту и по основным линиям соглашение уже достигнуто.

В поддержку своих действий советское правительство решает использовать помощь Болгарской рабочей партии (БРП). 25 ноября Георгий Димитров — в то время генеральный секретарь Коминтерна и руководитель Заграничного бюро БРП — посылает в ЦК партии шифрованную телеграмму с сообщением о предложении советского правительства подписать пакт о взаимопомощи. В телеграмме изложено содержание советского предложения и дается ЦК партии указание немедленно начать организацию массовой кампании в его поддержку. «Советское правительство считает, — указывалось в телеграмме, — что обеспечение безопасности Болгарии и Советского Союза со стороны Черного моря и Проливов и сохранение мира затрагивает жизненные интересы двух стран и требует их совместных усилий. Советский Союз дал обязательство поддержать справедливые территориальные требования Болгарии и специально возвращение Одринской области, территорий по линии Мидия — Энос¹², Западной Фракии с [городами] Дедеагач, Драма, Кавала, а также оказать Болгарии всякую помощь. При подписании такого пакта Советский Союз не только не возражает против присоединения Болгарии к Трехстороннему пакту, но и сам присоединится к этому пакту. ... Примите самые быстрые и энергичные меры, чтобы это предложение стало широким достоянием парламента и вне его, в печати и среди масс. Мобилизируйте для этого наших депутатов, разверните самым энергичным образом кампанию по всей стране в пользу этого предложения, требуйте его немедленного и безусловного принятия...»¹³.

Благодаря активным действиям БРП в Софии и провинции советское предложение получает широкую известность уже 26–27 ноября, хотя в болгарской печати не было никаких сообщений по поводу советского предложения. В течение трех дней, с 27-го по 29 ноября страна была буквально залита воззваниями, листовками, обращениями с призывами к гражданам бороться за подписание пакта с СССР.

В правительстве и близких к нему кругах начинают говорить о вмешательстве СССР во внутренние дела Болгарии. Офицеры, представители различных военных организаций посылают

делегации в царский дворец, предупреждающие царя Бориса, что если он подпишет пакт с СССР, они без его согласия обратятся к Великобритании с просьбой о подписании с ней подобного соглашения. В целом англофильски настроенные партии и лидеры не говорят открыто против пакта, но высказывают опасения, что его подписание может вовлечь Болгарию в войну. Близкий к социал-демократам депутат Сотир Янев предупреждает в парламенте, что вмешательство коммунистов во внешнюю политику и организованная ею акция в поддержку советского предложения может привести только к ухудшению отношений между Болгарией и СССР.

Разделение страны на два фронта — поддерживающих советское предложение и его противников — не в интересах СССР. Ясно было и то, что с давлением на правительство со стороны только коммунистов и отдельных представителей интеллигенции и офицерства битва против болгарского правительства и Германии не может быть выиграна. Согласно Дневнику Г. Димитрова, вечером 28 ноября из кабинета Сталина ему звонит Молотов и говорит, что БРП не должна распространять воззвания и вести агитацию от своего имени¹⁴. В Болгарию отправляются дополнительные указания о проведении кампании: она «должна вестись не на классовой, а на общенациональной и государственной почве; ни в коем случае нельзя придавать ей партийный, антибуржуазный, антидемократический и антигерманский характер; для заключения пакта недостаточно давления на правительство только народных масс, но и большой части интеллигенции, офицерства, буржуазии и правительственной среды и поэтому БРП должна воздерживаться от всяких кампаний, которые могли бы подкрепить аргументы противников, что пакт представляет опасность для буржуазного строя, для правительства и для царя Бориса»¹⁵.

БРП меняет тактику и переходит к организации митингов, которые принимают решения о необходимости подписания пакта и посылают их правительству и в Народное собрание. С начала декабря почты были засыпаны письмами и телеграммами с требованием подписания пакта. Продолжают распространяться массово и воззвания. До конца февраля 1941 г. в Народное собрание было послано 340 тысяч протестных документов (письма, телеграммы, резолюции с подписями) с 1, 5 млн подписей.

Со середины декабря 1940 г. болгарские власти начинают принимать меры против организаторов и участников в кампании. Их действия оцениваются как противогосударственная деятельность. В конце декабря 1940 г. правительство переходит к решительной борьбе с советофильскими настроениями. Большая часть сторонников пакта

арестована и отдана под суд, другие интернированы. Но ЦК БРП отказывается от проведения кампании за подписание пакта с СССР только после присоединения Болгарии к Трестранному пакту 1 марта 1941 г. и вступления германских войск в Болгарию.

Советское правительство едва ли надеялось на подписание пакта о взаимопомощи с Болгарией, особенно после полученных 24 ноября (через посланника И. Стаменова) и 25 ноября (от болгарского правительств) категоричных отказов от советского предложения. Не случайно в СССР ничего не сообщалось об этом предпринятом в отношении Болгарии дипломатическом шаге. Скорее, в связи с надвигающейся угрозой войны оно решило идти до конца в предпринятом начинании. До февраля 1941 г. советское правительство не раз напоминало Болгарии, что его предложение остается в силе. 7 декабря 1940 г. СССР даже заявил, что ограничивает свое предложение предоставлением гарантий территориальной целостности Болгарии и защиты ее интересов¹⁶.

В начале 1941 г. Германия усиливает натиск на Болгарию. 4 января 1941 г. в ходе германско-болгарских переговоров, чтобы ускорить процесс присоединения Болгарии к Трестранному пакту, Гитлер обещает обеспечить неучастие Болгарии в войне и получить согласие СССР на ее сближение с рейхом. 5 января 1941 г. в Румынию начинают прибывать германские военные части, предназначенные для операции в Греции. В иностранной печати появляются сведения, что Вермахт перебрасывает войска и в Болгарию со знания и согласия СССР. 13 января ТАСС публикует заявление, в котором указывает, что ни германское, ни болгарское правительство не обсуждали с СССР этот вопрос, но если эти слухи верны, то переброска германских войск в Болгарию происходит без знания и согласия СССР¹⁷. На следующий день Болгария и Германия официально опровергают слухи о переброске войск Вермахта в Болгарию. 15 января Германия соглашается удовлетворить болгарское требование о получении выхода к Эгейскому морю. 20 января Болгария подтверждает присоединение к Трестранному пакту при условии, что она не будет замешана в англо-германскую войну¹⁸.

Советское правительство решает проверить верность ответа Германии и Болгарии. 17 января В. М. Молотов заявляет Ф. Шуленбургу, что согласно поступающим в Москву сведениям германские войска, сосредоточенные в Румынии, вводятся в Болгарию, Грецию и оккупируют Проливы, что СССР интересуется этим вопросом, так как считает территорию Болгарии и Проливов своей зоной безопасности. Аналогичное заявление делает и советский полпред в Берлине В. Г. Деканозов. 22 ян-

варя государственный секретарь иностранных дел рейха Э. Вайцеккер принимает Деканозова и сообщает ему ответ германского правительства: Германия не имеет намерения нарушать суверенитет Турции и интересы безопасности СССР, но решительно противопоставится намерению Великобритании создать плацдарм на греческой территории. Для проведения этой операции Германия концентрирует свои войска, но после ее завершения она выведет свои войска с территории Балкан. На вопрос Деканозова, когда можно ожидать прохождение германских войск через Болгарию в Грецию, ответа не последовало. Аналогичное заявление было сделано и Шуленбургом Молотову¹⁹.

Вечером 28 февраля Ф. Шуленбург сообщает В. М. Молотову, что 1 марта Болгария подпишет протокол о присоединении к Трестранному пакту. Молотов заявляет, что германское правительство знало о позиции СССР относительно Болгарии, и подобные действия Германии идут в разрез с этой позицией²⁰. Вечером 1 марта Шуленбург уведомляет советское правительство, что из-за опасности деборкирования английских войск в Греции германские войска вводятся в Болгарию; германское правительство обещает считаться с суверенитетом Турции и уверяет, что выведет свои войска из Болгарии после устранения британской опасности на Балканах²¹. Молотов вновь выражает недовольство решением германского правительства ввести войска в Болгарию и заявляет, что СССР не может не считать, что эти действия Германии представляют опасность для СССР²².

3 марта 1941 г. в ответ на сообщение болгарского правительства о вступлении германских войск на ее территорию СССР заявляет, что не считает занятую болгарским правительством позицию правильной, так как она ведёт не к укреплению мира, а к расширению войны и к вовлечению Болгарии в нее, и поэтому не может оказывать какую бы то ни было поддержку болгарскому правительству в проводимой им сейчас политике²³.

Советское противопоставление Германии по вопросу о Болгарии ставит конец и активным советско-болгарским отношениям. Уже в декабре 1940 г. болгарские власти принимают меры для ограничения, а накануне присоединения Болгарии к Трестранному пакту и прекращению деятельности всех, связанных с советским представительством, институций. Пропаганда в пользу СССР в прессе становится почти невозможной. Демонстрация советских фильмов была остановлена. Собственник фирмы «Мосфильм» Трифон Кунев, занимающийся закупкой и распространением советских кинофильмов, книг, газет и грампластинок, из-за того, что отпечатал и продавал «Биографию Сталина», был отправлен в лагерь. В некоторых книжных магазинах до 22 июня

1941 г. все еще продавались с разрешения полиции советские книги и газеты «Известия», «Вечерняя Москва» и «Литературная газета». Но после этой даты по указанию полиции все советские книги из магазинов были изъяты²⁴.

И в 1935–1938 годах советское полпредство вновь оказывается в положении наблюдателя. Но доклады советских полномочных министров из Болгарии в НКВД и доклады, подготовленные в отделе Государственной безопасности МВД Болгарии свидетельствуют, что в этот «непродуктивный» период деятельность советского представительства была достаточно продуктивной. Сотрудники полпредства (служба военного атташе, консульство, ТАСС, «Аэрофлот», «Совторгфлот») и торгового представительства в эти годы продолжают собирать сведения о военной, политической и экономической обстановке в стране; о состоянии болгарской армии, о соотношении политических сил, о настроениях в обществе, о влиянии Германии в Болгарии и на Балканах, о проникновении нацистской идеологии и германской политики в Болгарию. По дипломатическим каналам прослеживаются отношения Болгарии с Турцией, Грецией, Югославией, Румынией, Германией, Италией. Собираются сведения о состоянии болгарской экономики и ее зависимости от Германии.

Служители полпредства в Софии и варненского торгового консульства лично занимаются сбором сведений, встречаясь с интересующими их лицами и наблюдают сами интересующие их зоны и военные объекты. Сведения собираются и через контакты с представителями различных слоев болгарского общества с русофильской и коммунистической ориентацией. Устанавливаются контакты с русскими белоэмигрантами. Но как указывается в докладе консула в Варне Леонида Соколовского, работа с ними идет трудно. В своем большинстве они поставлены под надзор полиции, так как работают на английскую разведку²⁵.

С 1939 г. советская разведка начинает создавать свою инфраструктуру в различных кругах болгарского общества. Оформляются группы, в которые чаще всего входят лица с антифашистскими, антинацистскими и коммунистическими убеждениями, которые в разгорающейся войне возлагают надежды на СССР. Как указывается в докладах болгарской полиции, условия для разведывательной деятельности советского представительства в Болгарии были благоприятны: советский разведывательный аппарат располагал с добровольно работающими сотрудниками и информаторами из среды коммунистов и советофилов²⁶. Тогда же закладываются основы сети советской разведки в Болгарии и на Балканах, устанавливаются связи со связанными с совет-

ской разведкой группами в Австрии, Германии, Румынии, Сербии, Словакии.

После того как в Болгарию начинают прибывать так наз. «гражданские» немцы и немецкие «туристы», чтобы строить аэродромы, укреплять мосты и вести другие подготовительные работы в связи с предстоящим вступлением германской армии в Болгарию²⁷ и особенно после присоединения Болгарии к Трестранному пакту (1 марта 1941 г.) и вступлению германских военных частей на территорию страны, сбор разведывательных данных концентрируется на планах Германии на Балканах и в Болгарии, состоянии германской армии в этом регионе, связях Болгарии с вермахтом²⁸.

Нападение Германии на СССР 22 июня 1941 г. не привело к разрыву дипломатических отношений между СССР и союзником нацистской Германии Болгарией. В поддержании советско-болгарских дипломатических отношений были заинтересованы и три страны — СССР, Болгария и Германия. Для СССР полномочное представительство в Болгарии было единственной институцией, которая после 22 июня 1941 г. продолжила работу в союзных Германии странах, пользуясь экстерриториальностью, шифром и регулярно посещающими страну дипломатическими курьерами. Разведывательный аппарат советского представительства имел возможность использовать в своих целях в качестве сотрудников и информаторов лиц из коммунистической и русофильски настроенной среды, а также устанавливать связи с коммунистическими и оппозиционно настроенными к установившимся пронацистским и профашистским режимам в странах Восточной и Юго-восточной Европы. Не случайно советское правительство старается сохранить советско-болгарские дипломатические отношения до последнего момента — до объявления войны Болгарии 5 сентября 1944 г.

Не в интересах и болгарских руководителей, которые стремятся избежать превращения страны в поле военных действий, прерывать эти отношения. Кроме того, для Болгарии, которая 13 декабря 1941 г. объявила войну США и Великобритании и разорвала дипломатические отношения с ними, советская делегация была тем фактором, который ее связывал с союзными странами. Для Болгарии это стало особенно важным после 1943 г., когда стало ясно, что Германия проигрывает войну.

Германию тоже устраивало сохранение дипломатических отношений между Болгарией и СССР. В лице болгарского правительства и его полномочного министра в Москве Ивана Стаменова Германия имела посредника при решении ряда вопросов советско-германских отношений. На болгарское правительство Германия возло-

жила защиту германских интересов в СССР. Германская военная разведка (Абвер) использовала болгарскую полицию, армию и государственные учреждения, а также болгарское полномочное представительство в Москве для сбора необходимых сведений о Советском Союзе. Объявленный Болгарией нейтралитет в войне между Германией и СССР был выгоден немцам. Он гарантировал Германии сохранение установленного ею положения на Балканах. Развитие событий в годы войны, особенно после 1943 г., свидетельствует, что Германия не была заинтересована в разрыве советско-болгарских дипломатических отношений.

Но после 22 июня 1941 г. резко меняется обстановка около советского полномочного представительства в Софии и варненского консульства. В стране была поднята яростная антисоветская кампания — в печати, радио, кинообозрениях. Вся страна была залита германской пропагандой о победах немецких войск и поражениях Красной армии. Все сотрудники представительства в Софии и консульства в Варне были поставлены под усиленный 24-часовой полицейский надзор. Наблюдения ведутся Дирекцией полиции — отделением «А». Каждый болгарин, который входил в советские представительства в Софии и Варне включительно, и обслуживающий персонал (почтовые работники, водопроводчики, портные, фотографии и др.), задерживались и допрашивались в Дирекции полиции²⁹. Сотрудники полпредства были под постоянным наблюдением полиции.

Резко сокращаются посещения советского полпредства. Постоянно приходит только Сава Чукалов, который преподавал болгарский язык его сотрудникам, и учителя французского и английского языков. С объяснениями, что им нужно решать вопросы, связанные с вопросами торговли (покупки непроданных советских товаров в стране и продажи купленных для экспорта в СССР товаров) продолжают посещать полпредство владельцы общества «Импортэкс», фирмы «Сердика», кооперации «Согласие», общества «Трактория». Но к концу 1942 г. единственно кооперация «Съгласие» поддерживала в известной мере контакт с оставшимися в представительстве двумя торговыми представителями³⁰, которые занимались оставшимися в Болгарии советскими товарами.

Резко ограничилась и дипломатическая деятельность советского полпредства. Совсем редкими становятся встречи полномочного министра с болгарскими министрами и с полномочными министрами и консулами других стран. Официальная и дипломатическая деятельность состоит в подаче протестных вербальных нот по различным случаям, когда, по мнению представительства, был задет её престиж, или на СССР. Такими

были ноты по поводу обвинения СССР в бомбардировках болгарского Черноморского побережья советскими самолетами в июле 1941 г.; в связи с открытием так наз. антикоминтерновской выставки в 1942 г.; после обыска варненского консульства 15 сентября 1942 г. и др. Почти полностью прекратились встречи сотрудников полпредства с болгарскими политическими деятелями. Полномочный министр А. Лаврищев, его советник А. Яковлев, военный атташе И. Икономов если и встречаются с ними, то вне представительства³¹.

Прекратились связи ТАСС с болгарскими и иностранными журналистами. Сохранился только официальный контакт ТАСС с Болгарской телеграфной агентцией (БТА). Деятельность ТАСС ограничивалась рамками подготовки бюллетеней, которые агенция каждый день посылала в нейтральные полномочные представительства, в редакции столичных и провинциальных газет и отдельным лицам. В них давались главным образом сведения о военных действиях на советско-германском фронте, об уничтожении германской техники и др.³²

Уменьшение объема работы торгового полпредства в Софии и торгового консульства в Варне приводит к сокращению персонала в этих двух институциях. В Софии к концу 1941 г. он уменьшился с 94 на 29 (26 — в полпредстве, 2 — в торговом представительстве и 1 в «Аэрофлоте»). В консульстве в Варне состав был сокращен с 16 сотрудников на 9³³. Уехали те, кто занимался вопросами торговли, а также лица, обвиненные болгарской полицией в разведывательной деятельности: второй секретарь В. Киреев, сотрудник военного атташе Л. Середа, консул в Варне М. Минаков и два шофера³⁴. Вместо сокращенных сотрудников, занимающихся вопросами торговли, в 1941 г. представительство в Софии и варненское консульство пополняются шестью новыми сотрудниками — квалифицированными специалистами в области разведки. В Софию на место военного атташе полковника И. Дергачева прибыл генерал-майор И. Иконников, на место секретаря военного атташе Л. Середы — Яков Савченко и еще один секретарь военного атташе — Георгий Горбачев. В варненское консульство на место консула М. Минаева — Л. Соколовский и новый сотрудник И. Мацат. Прибыл и новый представитель «Аэрофлота» В. Кастальский, вопреки тому, что от 10 июня 1941 г. «Аэрофлот» прекратил работу в Болгарии³⁵.

Сотрудники представительства используют имеющиеся возможности — главным образом через ТАСС, БКП и русофильскую среду, для пропаганды в пользу СССР. Агитация была направлена главным образом к подчеркиванию роли СССР как защитника славянства; что СССР непобедим,

а успехи немцев временны; что Болгария сохранит независимость, если будет вместе с СССР, и т. д.

Установленное наблюдение над советским представительством очень затрудняет ее связь с деятелями БКП. И из Москвы было дано распоряжение до минимума ограничить встречи ее сотрудников с нелегальной БКП³⁶. Но связи не прекращаются. Действия компартии наблюдаются, ей оказывается помощь в поддержании связи с Заграничным бюро БРП в Москве, так как после 22 июня 1941 г. прерванными оказались все ее заграничные каналы связи. Поэтому они пользовались радиослужбой, шифрованными телеграммами и дипломатическими курьерами полпредства³⁷. Советские представители помогают БКП материально, снабжают ее радиопередатчиками, материалами для саботажных действий против военных объектов и др. Со своей стороны, советские институты в Софии и Варне используют связи с ней для ведения агитации в пользу СССР распространением листовок, лозунгов (устно и пишутся на стенах домов), слухов и т.д., для вербовки людей и сбора информации для нужд разведки³⁸.

После нападения Германии на СССР задачи, поставленные советским военным командованием перед советскими дипломатическими службами и службой военного атташе в Болгарии, увеличиваются многократно. Это ставит вопрос о необходимости активизации и расширения созданных ранее разведывательных групп, а также поиска новых баз для сбора информации. В большинстве случаев инициаторами создания групп, работающих в пользу советской разведки, являются коммунисты, но в целом число коммунистов в группах не превышает 10–20%. Это антифашисты, противники прогерманской политики болгарских управляющих кругов, использования Германией экономики и территории Болгарии. В этих группах имеются военные специалисты, инженеры, радиотехники, служащие, ремесленники, моряки, рабочие и др.

Широко известны раскрытые болгарской полицией в 1941–1943 годах группы генералом запаса Владимира Заимова, адвоката Александра Пеева, Антона Прудкина, «Вагон-Ли», пяти групп, действующих в Варненской области под кодовыми названиями «Семён», «Кристо», «Томи», «Сиви» и «Пан», радиостанции в Варне, Пловдиве, Софии и в других районах страны. Самым сенсационным был провал, связанный с генералом запаса Владимиром Заимовым. Заимов был большой находкой для советской разведки. До недавнего времени действующий генерал и инспектор артиллерии, он знал или мог узнать через связи с действующими офицерами или офицерами запаса много интересующих советскую разведку данных. Начало организованной разведывательной деятель-

ности ген. Заимова относится к январю 1939 г. Для прикрытия он создал Акционерное общество «Славяне», официально занимавшееся торговлей и промышленным производством. В связи с торговой деятельностью он посещал Чехословакию, Югославию, Венгрию, Польшу и Германию, где устанавливал связи с антифашистски настроенными военными и политическими кругами³⁹. После присоединения Болгарии к Трестранному пакту Заимов предоставлял сведения о передвижении германских войск в стране, численности проходящих через Болгарию немецких военных частей, родов войск, о их сосредоточении и другие, связанные с ними, сведения. В связи с дислокацией болгарской армии информировал о формирующихся в Битоле и Скопле новых дивизиях, о дивизии во Фракии, о сосредотачивающихся на болгаро-турецкой границе войсках. По требованию военного атташе И. Дергачова Заимов составил полную дислокацию болгарской армии⁴⁰. В начале 1942 г. Заимов получает список задач для сбора сведений о немецких войсках: о количестве в составе гарнизонов по побережью Черного моря Болгарии, на границе с Турцией и на Балканах, о передвижении немецких войск в Болгарии, сосредоточении и количестве боевых самолетов, о производстве и технических данных известных марок самолетов. Согласно полицейским сведениям, генерал Заимов предоставил сведения по всем вопросам⁴¹. Через группу Заимова советское полпредство поддерживало связи с коммунистическими военными организациями и советскими разведывательными службами в Румынии, Словакии, Сербии и Германии⁴².

Вероятно, в связи с раскрытиями Гестапо около группы генерала Заимова (не только в Болгарии), министр иностранных дел рейха И. Риббентроп во время посещения царя Бориса в Германию в конце марта 1942 г. предложил ему разорвать дипломатические отношения с СССР. Царь отклонил предложение с объяснением, что советское полпредство находится под постоянным наблюдением полиции и его сотрудники не имеют никакой возможности заниматься разведывательной деятельностью, что нарушение статус-кво в отношениях с СССР может привести к военным действиям СССР против Болгарии и даже к открытию нового фронта на Балканах. Риббентроп отступил перед объяснениями царя Бориса⁴³. Но 22 мая 1942 г. заместитель государственного секретаря Э. Вёрман посылает телеграмму полномочному министру Германии в Болгарии А.-Х. Бекерле, в которой настаивает на ограничении дипломатических отношений между Болгарией и Советским Союзом, так как ведущаяся война требует максимального ограничения наблюдений со стороны иностранных представителей в странах, которые

являются союзниками Германии. Предлагается оставить только полпредство в Софии, а консульство в Варне закрыть или хотя бы запретить ему пользоваться шифроперепиской и курьерами.

Внушения Германии достигли своей цели, и болгарское правительство ставит перед советским правительством вопрос о приостановлении деятельности варненского консульства. 15 сентября 1942 г. полиция внезапно проводит обыск в консульстве. Решение об обыске было взято министром-председателем Б. Филовым и царским советником Й. Севовым⁴⁴. Обыском руководит непосредственно начальник Отдела контрразведки Дирекции полиции МВД А. Праматаров при участии начальника полиции Варны, мэра Варны, сотрудников варненских газет «Черно море» и «Варненски новини», нескольких представителей крупных торговых фирм, 20 полицейских и 34 агентов⁴⁵. Целью этой показательной операции было добиться закрытия консульства и конфискации архивов. При обыске среди других секретных документов в одной блиндированной комнате была найдена фотопленка, содержащая схемы пяти групп («Семён», «Кристо», «Томи», «Сиви», «Пан»), работающих на советскую разведку, руководителем которых был бывший вице-консул К. Виноградов и его секретарь И. Плакутин, а после их отъезда из Болгарии приехавшие вместо них Л. Соколовский и П. Борисов. Некоторые участники из первых четырех групп были арестованы еще в марте 1942 г. в связи с раскрытиями около генерала В. Заимова. К ликвидации группы «Пан» приступили 22 сентября⁴⁶.

Варненское консульство было закрыто, и его сотрудники должны были уехать из Болгарии. Из-за недостаточной конспирации в руки болгарской полиции попали сведения, которые позволили им ликвидировать созданную в Болгарии основу сети советской военной разведки. В конце декабря 1942 г. под наблюдение полиции попала группа, которой руководил сотрудник ТАСС В. Малышев. В 1943 г. Малышев был вынужден покинуть Болгарию. В 1943 г. болгарская полиция с помощью гестапо и абвера раскрывает еще несколько групп, руководимых сотрудниками советского полпредства в Варне, Пловдиве, Софии. Единственной из известных до сих пор групп, которая работала на советскую разведку с осени 1940 г. до 9 сентября 1944 г. и осталась нераскрытой болгарской полицией, гестапо и абвером, была группа советского разведчика Зиновия Зиновьева, посланного в Болгарию еще осенью 1940 г.⁴⁷

Вопреки впечатляющим раскрытиям болгарской полиции, гестапо и абвера полномочный министр рейха Бекерле в докладе Риббентропу от 25 марта 1943 г. высказывается против разрыва болгаро-советских отношений и выдворения со-

ветской миссии. Аргументы его следующие: «советское полномочное представительство вообще не в состоянии передавать достоверные военные данные»; здание советской миссии и весь ее персонал «охраняются столь зорко, что лишены любого контакта» и получения сведений; помощник Абвера «имеет связь в полпредстве», а после его ликвидации можете её потерять; после разрыва отношений могут последовать военные нападения со стороны советского флота и авиации; в данный момент болгарское правительство «очень неохотно согласилось бы прервать дипломатические отношения с Советской Россией»⁴⁸.

К началу 1943 г. состав полпредства в Софии сокращается. Остаются 14 сотрудников в полпредстве, двое — в службе военного атташе и двое в торговом представительстве⁴⁹. Но после победы под Сталинградом и особенно после успеха на Курской дуге (июль-август 1943 г.) полпредство начинает пополняться новыми кадрами. 15 мая 1943 г. прибывает новый служитель в службе военного атташе Кирил Мельник, 26 ноября — новоназначенный военный атташе Сергей Зотов. На 4 сотрудника увеличивается число сотрудников полпредства: двумя советниками — Степаном Кирсановым и Дмитрием Яковлевым⁵⁰, атташе по печати — Николаем Афониним и первым секретарем Теодосием Грязновым. 3 июня приехал и вновь назначенный корреспондент ТАСС Иван Шаповалов⁵¹.

Дипломатическая деятельность советского полпредства оживляется осенью 1943 г. и активизируется в 1944 г., когда для Болгарии вопрос об отношениях с СССР вновь приобретает первостепенное значение. Более частыми становятся контакты полномочного министра А. Лаврищева с министром-председателем Д. Божиловым и с министром иностранных дел С. Кировым, сменным Д. Шишмановым. Управляющие пытаются убедить советского полномочного министра в лояльности болгарской внешней политики в отношении СССР. Контакты с Лаврищевым и его советниками стараются установить и оппозиционные лидеры — Н. Мушанов (руководитель парламентской оппозиции), Д. Гичев (председатель БЗНС «Врабча 1»), Г. Говедаров — бывший депутат⁵². С начала 1944 г. встречи становятся еще более интенсивными. Лаврищев встречается с И. Багряновым, И. Харизановым («Звено»), Н. Петковым (БЗНС «Ал. Стамболийски»), Ат. Буровым, проф. Петко Стайновым и др.

Во время конференции министров иностранных дел стран антигитлеровской коалиции в Москве (19–30 октября 1943 г.) и на Тегеранской встрече Сталина, Рузвельта и Черчилля (28 ноября — 1 декабря 1943 г.), где обсуждался вопрос об окончательном разгроме Германии и ее са-

теллитов, Великобритания и США настойчиво предлагают СССР разорвать дипломатические отношения с Болгарией. Сталин, учитывая интересы Великобритании к Балканам и ее намерение совершить десант в Греции, исключает такой вариант⁵³ и вскоре после Тегеранской конференции СССР активизирует свою политику в Болгарии.

С начала января по май 1944 г. советское правительство предпринимает «дипломатического наступления» с целью заставить болгарское правительство прекратить помощь Германии, а затем и разорвать с ней отношения. 4 января 1944 г. Лаврищев заявляет протест перед болгарским министерством иностранных дел о строительстве катеров и барж на варненском судостроительном заводе, используемых Германией в войне против СССР. 22 января Лаврищев вручает министр-председателю Д. Божилову вербальную ноту того же содержания. 1 марта следует новая нота. Не получив удовлетворяющего его ответа, советское правительство в качестве предупреждения отзывает полномочного представителя Лаврищева. Временно управляющим полпредством оставлен советник Ст. Кирсанов.

С апреля начинается второй этап «дипломатической атаки». В ноте от 17 апреля 1944 г. советское правительство открыто обвиняет болгарское правительство в предоставлении Германии территории и портов, которые она использует для ведения войны против СССР, в превращении Варны и Бургаса в германские базы, а аэропорты — в площадки для воздушных нападений на советскую территорию. В ноте указывалось, что это положение несовместимо с нормальными отношениями между Болгарией и СССР и больше не может быть терпимо⁵⁴. Полученный ответ, отрицающий указанные факты, открывает двери следующей ноте — с требованием восстановить консульство в Варне и открыть консульства в Бургасе и Русе, чтобы провести проверку фактов с участием болгарской и советской стороны. Ноты с подобным требованием управляющий полпредства Кирсанов вручает 26 апреля, 8, 9 и 18 мая 1944 г. В ноте от 18 мая есть и предупреждение, что, если требование советского правительства по открытию консульств не будет удовлетворено, оно сочтет невозможным сохранение отношений с Болгарией⁵⁵. Нота от 18 мая стала причиной министерского кризиса, а затем и отставки кабинета Д. Божилова.

Разрыв отношений с СССР в этот момент неприемлем для Болгарии. С задачей найти гибкий путь для выхода Болгарии из войны, не разорвав союза с Германией и сохранив отношения с СССР как со страной, с которой Болгария не находится в состоянии войны, занялся новый кабинет Ивана Багрянова (1 июня 1944 г.). Метод, который Багрянов решил использовать в области болгаро-совет-

ских отношений, — тактика выигрыша времени: не торопиться с ответом на советские требования, показывая, что идет работа по поддержанию хороших отношений с Советским Союзом.

14 июня, через два дня после вступления в должность министра иностранных дел в правительстве И. Багрянова Първан Драганов проводит встречу с управляющим полпредством Ст. Кирсановым. Результат разговора Първанов представил регентам — князю Кирилу, профессору Б. Филову и генералу Н. Михову следующим образом: «Все этапы пройдены и аргументы для затягивания исчерпаны». После обсуждения вопроса в регентстве решили потребовать от германского полномочного представительства вывода германских наступательных средств из Варны⁵⁶.

3 июня И. Багрянов, а 19 и 24 июня П. Драганов убеждают Кирсанова, что в самое ближайшее время болгарское представительство предоставит необходимые доказательства освобождения устья Дуная и Черноморского побережья от германских наступательных боевых средств. 6 июля Драганов, вероятно, под впечатлением наступления Красной армии и открытия Второго фронта в Европе, а также настойчивого напоминания Кирсанова, что ждет ответа на ноту, заявляет ему, что германские наступательные средства уже выведены из Варны. Но в действительности этого не было сделано. Германское командование не было готово к их отводу. Решение из Берлина пришло лишь 12 июля. Тогда регенты и правительство решают удовлетворить частично требования об открытии консульств. 30 июля Драганов вручает Кирсанову ноту, в которой было заявлено, что болгарское правительство согласно открыть советское консульство в Варне, которое будет включать территорию Бургаса и Русе. Кирсанов ответил 11 августа. На проведенной по инициативе Багрянова 11 августа встрече Кирсанов заявил, что из-за задержки с ответом и уже изменившейся военной обстановки вопрос о консульствах потерял свое значение и что советское правительство хотело бы знать готова ли Болгария разорвать отношения с Германией, чтобы выйти из трудного положения, в котором она находится, поскольку другого выхода нет. Багрянов ответил, что сможет ответить на этот вопрос после его обсуждения в парламенте⁵⁷.

17 августа, в день открытия сессии Народного собрания, Багрянов в своей программной речи уделит значительное место внешней политике. Германия в речи не упоминалась, но указывалось, что мировая война превысила возможности болгарского народа и что правительство готово устранить все препятствия, которые идут в разрез с его миролюбием. Багрянов выразил надежду, что Болгария займет достойное место в послевоенном устройстве мира. Выраженное, хотя и в завуалиро-

ванной форме, намерение председателя правительства изменить внешнеполитический курс страны не было принято ни регентами, ни министром иностранных дел. Дебаты в парламенте показали, что за перемену внешнеполитического курса страны высказались только оппозиционные депутаты. П. Драганов уверил парламент, что внешняя политика правительства останется той же. Отличия будут только в нюансах. Дебаты продолжались несколько дней, но неожиданно оказалось, что они уже не имеют значения. В результате успешно проведенной Красной армией Ясско-Кишиневской операции и капитуляции Румынии 23 августа Болгария оказалась в новой политической обстановке. Подтверждением этого явилось и решение советского правительства от 25 августа отозвать из Болгарии С. П. Кирсанова. Управляющим полпредством оставлен советник Д. Г. Яковлев.

В этот же день И. Багрянов и П. Драганов, обсудив создавшуюся ситуацию, решают, что Болгария должна вернуться к политике нейтралитета, которую она проводила до 1 марта 1941 г.⁵⁸ Отношение советского правительства к объявленному новому-старому курсу Болгарии было выражено в опубликованном 30 августа 1944 г. «Опровержении ТАСС по поводу так называемого «болгарского нейтралитета»: «советские руководящие круги считают объявленный болгарским правительством нейтралитет совершенно недостаточным в условиях создавшейся обстановки»⁵⁹. 30 августа Д. Яковлев вручает П. Драганову ноту правительства СССР, в которой болгарское правительство обвиняется, что продолжает пропускать германские войска с румынской территории, занятой советскими войсками⁶⁰. 31 августа правительство И. Багрянова подает в отставку.

Сформированный 2 сентября 1944 г. новый кабинет К. Муравиева в декларации от 4 сентября 1944 г. подтвердил «полный нейтралитет» страны. Москва в ответ заявила, что болгарский нейтралитет выгоден лишь для Германии, а от Болгарии требуется полный разрыв с ней. В этот день советское военное командование завершило разработку операции «Болгария», а на следующий день план был утвержден Ставкой Верховного Главнокомандования⁶¹. В тот же день — 5 сентября в 19 ч. В. М. Молотов, предварительно проинформировав западных союзников, вручил И. Стаменову ноту, в которой объявил войну Болгарии. В 21.30 ч. Д. Яковлев сообщил К. Муравиеву о решении советского правительства прекратить дипломатические отношения с Болгарией и объявить ей войну. Кабинет К. Муравиева рано утром 6 сентября принял решение о разрыве отношений с Германией и обращении к советскому правительству с предложением о перемирии. Вступление в силу этого решения по настоянию военного министра

генерала Ивана Маринова было по военным сообщениям отсрочено на 72 часа. Москва, получившая неожиданный временной выигрыш, никак не отреагировала на этот уже запоздалый шаг болгарской стороны и вплоть до 8 сентября 1944 г. не предпринимала никаких военных действий.

«Выжидательная» позиция советской стороны преследовала несколько целей. С одной стороны, давала возможность Отечественному фронту (ОФ) своими силами взять власть, а с другой — избежать проявления недовольства западных союзников и возможных упреков в прямом вмешательстве в болгарские дела. Красная армия вступила на болгарскую территорию 8 сентября 1944 г. в 10 ч. утра. К этому моменту власть ОФ была установлена уже более чем в 160 населенных пунктах⁶². В ночь с 8 на 9 сентября был нанесен основной удар по правительственным учреждениям в Софии, а в 6 часов утра 9 сентября премьер-министр нового правительства Кимон Георгиев объявил по столичному радио о переходе власти в руки Отечественного фронта. 9 сентября 1944 г. по приказу Верховного Главнокомандующего Сталина операции в Болгарии были завершены⁶³. В тот же день правительство ОФ направило к командованию Красной армии полномочную делегацию для переговоров об условиях перемирия с Объединенными Нациями и об установлении взаимодействия советских и болгарских войск в будущих военных действиях на Балканах.

Советско-болгарские дипломатические отношения в годы Второй мировой войны в значительной степени определялись состоянием советско-германских отношений. В начальный период войны — от сентября 1939 г. до середины 1940 г., когда советско-германские отношения всё ещё находились под воздействием подписанного 23 августа 1939 г. пакта о ненападении и дополнительного секретного протокола к нему, разграничивавшего сферы их интересов в Восточной Европе, СССР, воспользовавшись сложившейся ситуацией, активно добивался усиления своих позиций в Болгарии. За несколько месяцев 1939–1940 годов советское полпредство достигло больших успехов в развитии экономических, культурных, общественных связей между двумя странами. Ориентация на внешнюю политику СССР стала лозунгом не только русофильски, но англофильски настроенных оппозиционных кругов в стране. Вместе с этим осуществлялась и другая, основная задача — противодействие влиянию Германии в Болгарии, а затем, с 1944 г., и к скорейшему разрыву отношений между ними.

Фактором, влияющим на состояние советско-болгарских дипломатических отношений в годы войны — их активизацию, являлся возрастающий к ним интерес в связи с обострением междуна-

ной ситуации, разгорающейся мировой войной, а затем с успешным для Красной армии и для советского правительства и неблагоприятным для болгарских правящих кругов развитием военных действий на советско-германском фронте.

Деятельность советского полпредства в Болгарии — стране-сателлите Германии, что само по себе является уникальным событием в годы Второй мировой войны, была отражением общего состояния советско-болгарских отношений в годы Второй мировой войны: активная работа с августа

1939 г. до конца 1940 г., относительно застойный период, который был использован максимально для оказания помощи советскому государству и руководству Красной армии в получении сведений о состоянии германских войск на Балканах и в Болгарии; оживление в 1943 г. и вновь активизация деятельности в 1944 г., когда в связи с приближением советской армии к границам Болгарии вопрос о ее судьбе, о дальнейших отношениях между СССР и Болгарией приобретает первостепенное значение.

¹ Централен държавен архив на Република България (ЦДА на РБ), Ф. 370 к, ОП. 6, А. Е. 1, Л. 137.

² Там же, А. Е. 429, Л. 2.

³ Российский государственный военный архив (РГВА), Ф. 1362, ОП. 1, Д. 1, Л. 3.

⁴ Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), Ф. 074, ОП. 21, П. 106, Д. 6, Л. 15.

⁵ Там же, л. 25.

⁶ Документы внешней политики. 1939 год. М., 1992, Т. XII, Кн. 2, ДОК. 531, С. 23.

⁷ ЦДА на РБ, Коллекция на микрофилми (КМФ), 40/1981, кадър (к.) 7, 51.

⁸ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), Ф. 558, ОП. 11, П. 296, Л. 9.

⁹ Там же, С. 19.

¹⁰ Документы внешней политики СССР. 1940 — 22 июня 1941. Т. 23: В 2-х кн., Т. 23, Кн. 1, Ч. 1, С. 70 — 71.

¹¹ Документы внешней политики СССР, Т. 23, Кн. 2. Ч. 1. М., 1998, с. 136–137.

¹² Гипотетическая прямая линия, принятая согласно условиям Лондонского мирного договора 1913 г. Определяла территорию на Балканах, которую Турция уступала государствам-союзникам в Балканской войне 1912–1913 г.

¹³ Димитров, Г. Дневник. 9 март 1933 — 6 февруари 1949. С., 1997, С. 203.

¹⁴ Там же, С. 204.

¹⁵ ЦДА на РБ, КМФ, 40/1081, к. 2. — Шифротелеграмма Г. Димитрова в ЦК БРП.

¹⁶ Документы внешней политики, Т. 23, Кн. 2, Ч. 1, С. 158–161.

¹⁷ Там же, с. 327.

¹⁸ Валев, Л. Б. Болгарский народ в борьбе против фашизма. М. 1964, с. 179; Чемпалов, И. Н. Присоединение Болгарии к Тройственному пакту и позиция великих держав. — Балканы и Ближний восток накануне и в начале Второй мировой войны. Свердловск. 1968, С. 67–91.

¹⁹ Там же, с. 355–358; Мельтюхов, М. Упущенный шанс Сталина. Советский Союз в борьбе за Европу. 1939–1941. М., 2000, с. 245.

²⁰ Гальдер, Ф. Военный дневник. М., 1969, т. 2, С. 3821–383.

²¹ Мельтюхов, М. Указ. соч., с. 245.

²² Документы внешней политики, Т. 23, Кн. 2, Ч. 1, С. 443–444.

²³ Там же, Т. 23, Кн. 2, Ч. 1, С. 448.

²⁴ РГВА, ф. 1362, оп. 1, д. 1, л. 4 — 6; д. 4, л. 18 — 19.

²⁵ РГВА, ф. 1362, оп. 1, а. е. 7, л. 51.

²⁶ РГВА, ф. 13621 оп. 1, д. 5, л. 28–32.

²⁷ България — своенравният сътрудник на Третия райх. София. 1992, с. 148, док. 110.

²⁸ ЦДА, ф. 370 к, оп. 6, а. е. 1714, л. 9 — 10.

²⁹ Там же, д. 32, л. 32, 49, 50, 57.

³⁰ Там же, д. 5, л. 4–49; д. 6, л. 63; д. 7, л. 51.

³¹ Там же, д. 6, л. 63.

³² Там же, Д. 1, Л. 6; Д. 5, Л. 64.

³³ Там же, Д. 2, Л. 4.

³⁴ Там же, Д. 5, Л. 57 — 58.

³⁵ Там же, Л. 8.

³⁶ Недев, Н. Червената ескадра. София. 1980, С. 76.

³⁷ РГВА, Ф. 1362. ОП. 1. Д. 5. Л. 64.

³⁸ Там же.

³⁹ Аблова, Р. Сътрудничеството на съветския и българския народ в борбата против фашизма. 1941 — май 1945. С., 1973, с. 211; Недев, Н. Генерал Владимир Заимов. С., 1985, С. 160–162.

- 40 РГВА, Ф. 1362, ОП. 1, А. Е. 7, Л. 16.
- 41 Там же, Л. 17, 18.
- 42 Там же, С. 15; България — своенравният..., С. 80, ДОК. 56.
- 43 Из дневника на Бекерле — пълномощен министър на Третия райх. София, 1992, С. 179; Спасов, Л. Българо-съветски дипломатически отношения. 1934–1994. София. 1987, С. 151–152.
- 44 Из дневника на Бекерле ...1 с. 179.
- 45 Аблова, Р. Цит. соч., с.54.
- 46 РГВА, Ф. 1362, ОП. 1, А. Е. 7, Л. 34–36.
- 47 Ковачев, К. Указ.соч., С. 149.
- 48 България — своенравният съюзник..., с. 124–125, док. 92.
- 49 РГВА, Ф. 1362, ОП. 1, А. Е. 7, Л. 53, 54.
- 50 Плевдоним Федичкина, Дмитрия Георгиевича — полковника, сотрудника советских разведывательных служб.
- 51 РГВА, Ф. 1362, ОП. 1, А. Е. 8, Л. 6–8.
- 52 Там же, Л. 14.
- 53 Спасов, Л. Указ.соч., С. 162.
- 54 Спасов, Л. Указ.соч., С. 166.
- 55 Болгаро-советские отношения и связи ..., с. 664 — 665, док. 633.
- 56 Дневник на Първан Драганов, бивш министър на външните работи от 12 юни до 1 септември 1944 г. С., 1993, С. 10, 12.
- 57 Дневник на Първан Драганов ..., С. 60.
- 58 Спасов, Л. Указ. соч., С. 178.
- 59 Известия, № 208, 30 августа 1944 г.
- 60 Болгаро-советские отношения и связи..., С. 600, док. 641.
- 61 План представителя Ставки Верховного Главнокомандования и командования 3-го Украинского фронта на болгарскую операцию, представленный Верховному Главнокомандующему Красной Армии. 4 сентября 1944 г. // Българо-съветски политически и военни отношения (1941–1947). Статии и документи. София, 1999. С. 190–192.
- 62 Исусов М. Политическите партии в България. 1944–1948. София, 1978. С. 16; Петрова Сл. Борбата на БРП за установяване на народнодемократичната власт: май–септември 1944 г. София, 1965. С. 213.
- 63 Прикази Верховного Главнокомандующего в период Великой Отечественной войны Советского Союза. М., 1975. С. 234.

Советский Союз и Чехословакия 1941–1945 гг.: политико- дипломатические аспекты

В. В. Марьина*

В марте 1939 г. с политической карты Европы исчезла созданная в 1918 г. Чехословацкая республика (ЧСР). Её западная наиболее развитая в экономическом отношении часть под названием «Протекторат Богемия и Моравия» была включена в состав «третьего рейха». Словакия под присмотром и нажимом Берлина провозгласила себя самостоятельным государством. Являясь формально независимым, оно фактически стало вассалом гитлеровской Германии. Восточная часть ЧСР, Подкарпатская Русь, в марте 1939 г. при молчаливом согласии Гитлера была оккупирована Венгрией. Президент Чехословакии Э. Бенеш, эмигрировавший из страны сразу после Мюнхена, возглавил за границей борьбу за её восстановление в домюнхенских границах. В Лондоне возникло чехословацкое эмигрантское правительство. Советский Союз, сначала решительно протестовавший против расчленения ЧСР, после подписания 23 августа 1939 г. Договора о ненападении с гитлеровской Германией установил дипломатические отношения со Словацкой республикой, которые существовали вплоть до 22 июня 1941 г. Словакия вступила в войну на стороне гитлеровской Германии как её союзник. Словацкая армия в составе вермахта участвовала в 1941–1944 гг. в сражениях на Восточном фронте, а также выполняла охранные функции на оккупированной территории Западной Белоруссии и Западной Украины.

После нападения гитлеровской Германии на СССР и начала Великой Отечественной войны по обоюдному желанию сторон в июле 1941 г. были восстановлены советско-чехословацкие дипломатические отношения, подписано соглашение о совместных действиях в войне против нацистской Германии и создании чехословацких воинских ча-

стей на территории СССР. В Москву возвратился чехословацкий посланник З. Фирлингер, а Э. Бенеш, признанный союзниками по антигитлеровской коалиции президентом ЧСР, выразил желание посетить СССР «при первом удобном случае». Чехословакия, наряду с другими оккупированными Германией европейскими странами, присоединилась к так называемой Атлантической хартии, подписанной президентом США Ф. Д. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 14 августа 1941 г. В сентябре 1941 г. советское правительство выразило согласие с положениями Атлантической хартии, сформулировав советские цели войны и принципы послевоенного устройства мира. В хартии говорилось, в частности, об отказе от территориальных приобретений и изменений, произведенных без согласия «со свободно выраженным желанием заинтересованных народов», подтверждалось право самих народов избирать форму правления, выражалось стремление к «восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем»¹.

Восстановление советско-чехословацких дипломатических отношений имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии. Об этом говорили чехословацкие политики как в Лондоне, так и в Москве. Начальник канцелярии Бенеша Я. Смутны в связи с этим писал: «Бенеш снова стал президентом республики», в то время как до этого «он был им в наших мыслях и желаниях», признаваемым в общественном и личном плане, но не в международно-правовом отношении. «Вчера республика снова стала полноправным международным субъектом, а Бенеш её президентом»². Примерно так же определял значение соглашения и руководитель Загранично-

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

го бюро Коммунистической партии Чехословакии (КПЧ) в Москве К. Готвальд: Чехословакия снова вышла на международную арену «в качестве юридически признанного государственного образования со всеми атрибутами государственного суверенитета»³.

Во внешней политике Бенеш придерживался курса, который он сам определял формулой «50% — на Запад, 50% — на Восток, а не 100% — на Запад». Являясь идейным противником советского строя, Бенеш, трезво мыслящий политик, ясно понимал, что судьба стран Центральной и Восточной Европы тесно связана с Советским Союзом, прежде всего ввиду их географического положения, а также потому, что кроме ёмкого внутреннего рынка их восточный сосед обладает мощными ресурсами, особенно энергетическими. Вместе с тем Бенеш опасался идейного влияния СССР и всеми доступными ему «мирными» средствами стремился не допустить этого. В то же время Бенеш был критически настроен в отношении западной демократии и считал необходимым её «совершенствование», о чем писал в книге «Демократия сегодня и завтра»⁴ (Лондон, 1942; Прага, 1946, 1947). Сторонник идеи конвергенции демократии и социализма, т. е. взаимовлияния, взаимопроникновения, взаимообогащения демократии западного типа и социализма советского образца (в нем Бенеш усматривал и положительные черты), он полагал, что демократические традиции чехословацкого общества станут благодатной почвой для воплощения этих представлений в жизнь.

Бенеш был искренен в своём стремлении установить дружественные отношения Чехословакии с Советским Союзом. Будучи министром иностранных дел ЧСР (1918–1935 гг.), он содействовал признанию Чехословакией СССР де-юре (1934 г.), принятию его в Лигу Наций и заключению в 1935 г. вслед за Францией советско-чехословацкого договора о взаимопомощи. Поэтому после поездки в Советский Союз премьера польского эмигрантского правительства В. Сикорского и министра иностранных дел Великобритании А. Идена (декабрь 1941 г.) по дипломатическим каналам по инициативе чехословацкой стороны стал обсуждаться вопрос о визите в СССР Бенеша. Направляя Фирлингера в Москву, Бенеш, по словам посланника, выразил убеждение, что «совместная борьба сблизит нас и Советский Союз», и допустил даже возможность «некоего более близкого государственно-правового союза между нами и СССР»⁵, что, впрочем, в известных автору документах не нашло подтверждения.

В переданном с Фирлингером письме на имя председателя Верховного Совета СССР М.И. Калинина Бенеш писал о преемственности политической линии по отношению к Советскому Союзу,

о необходимости «вернуться к тому же самому положению и к той же самой политической линии (подчеркнуто в переводе письма, сделанном в НКВД — В.М.), которой мы придерживались в течение 1935–1938 гг. после заключения нашего договора о взаимопомощи». После победы, писал Бенеш, «наши взаимные отношения будут базироваться на прочных узах постоянной дружбы и созидательного сотрудничества обоих наших государств»⁶. Аналогичные мысли развивались Бенешем и в письмах на имя В.М. Молотова и И.В. Сталина. Выражалась надежда на скорое победоносное завершение войны и возможность после этого заняться конструктивным созиданием «новой лучшей Европы» и «нового и лучшего социального и экономического режима»⁷.

Находясь в Лондоне, Бенеш, естественно, следил за всеми перипетиями и нюансами советско-британских отношений, соотнося с ними свою внешнеполитическую активность. В середине декабря 1941 г. состоялся визит А. Идена в Москву, целью которого являлось укрепление советско-английского сотрудничества в войне против нацистской Германии и прояснение вопроса о послевоенном устройстве Европы⁸. Уже в первой беседе с Иденом Сталин выразил пожелание наметить общую схему реорганизации европейских границ после войны. По мнению советского лидера, следовало восстановить границы СССР, существовавшие до нападения на него Германии. По поводу Чехословакии Сталин заявил, что она должна быть восстановлена в своих старых границах, включая Судетскую область, отторгнутую от страны после Мюнхена и ввиду стратегической важности этой территории не могущую оставаться в составе Германии. Кроме того, как считал Сталин, территория Чехословакии на юге должна быть увеличена за счет Венгрии, которая «должна понести надлежащее возмездие за свое поведение в ходе этой войны»⁹.

Это заявление, по сути, включало все тогдашние пожелания чехословацкого эмигрантского правительства, касавшиеся границ восстановленной ЧСР. Позиция Идена в указанных вопросах сводилась к следующему: британское правительство пока всерьез не занималось проблемами послевоенной Европы, оно «не считает возможным признавать новые границы немедленно, до конца войны», эти вопросы следует отложить до мирной конференции. Взаимопонимания на переговорах достичь не удалось. И позже, как будет показано ниже, Англия и США упорно не хотели говорить о послевоенных границах, всякий раз сталкиваясь в этом с позицией СССР, настаивавшего, в первую очередь, на признании своих западных границ и выражавшего желание видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах.

Это было очень важно для продумывания и выстраивания Бенешем своей взвешенной внешнеполитической концепции по указанной формуле «50% — на Запад, 50% — на Восток». Президент продолжал упорно и настойчиво добиваться ясности в вопросе признания союзниками правового и политического континуитета Чехословакии. 21 января 1942 г. Бенеш встретился с Иденом, чтобы узнать о результатах его визита в Москву. У Идена сложилось впечатление, — значит в записи беседы, — что Сталин «по крайней мере, сегодня не рассматривает возможность большевизации Германии, и что он в целом искренне говорит о независимости Польши и Чехословакии». Бенеш поддержал это впечатление, заявив: «Сталин умный и реалистичный [политик] и ясно понимает, что Россия не могла бы проглотить ни Польшу, ни Чехословакию». В то же время и Иден, и Бенеш пришли к единому мнению, что СССР намерен укрепить свое влияние в Центральной Европе, и особенно в указанных странах¹⁰.

Бенеш всё более настойчиво обдумывал мысль о поездке в Москву для прояснения всех вопросов советско-чехословацких отношений и будущего своей страны. Об этом был поставлен в известность и советский посол при союзных правительствах в Лондоне А.Е. Богомолов. В чехословацких и польских правительственных кругах в это время активно обсуждался вопрос о создании после войны польско-чехословацкой конфедерации (федерации). Москва знала об этом, но пока занимала выжидательную позицию в отношении проекта. 28 января 1942 г. заведующий IV европейским отделом НКВД СССР Н.В. Новиков направил заместителю наркома А.Я. Вышинскому аналитическую записку на этот счет. Новиков доказательно утверждал, что «чехословаки» готовы пойти на федерацию с поляками только при условии её одобрения Советским Союзом, но они совершенно не уверены в положительном отношении СССР к этой идее. «Допуская возможность возникновения у нас с Польшей серьезных споров и конфликтов, — говорилось в записке, — чехословаки хотят застраховать себя от участия в них, решительно заявляя о необходимости для Польши договориться с нами, без чего, по их концепции, никакая конфедерация невозможна¹¹.

Таким образом, чехословаки хотят всегда держать открытой дверь для добрососедских отношений с нами — будь то дверь из конфедеративного польско-чехословацкого дома, будь то дверь из Чехословакии, существующей независимо от Польши. Сама Чехословакия имеет меньше оснований опасаться конфликтов с нами, ибо в советско-чехословацких отношениях до сих пор никогда не было каких-либо острых или трудно разрешимых проблем». «Отсюда, — делал вывод Новиков, —

желание Чехословакии установить непосредственные контакты с нашим правительством» для обсуждения не только текущих вопросов советско-чехословацких отношений, но и «будущего существования Чехословакии, её гарантий против Германии, её отношений с Польшей... и с Англией». Новиков полагал, что необходимо дать согласие на приезд в СССР чехословацкой правительственной делегации во главе с Бенешем¹².

Следует отметить, что уже тогда союзники по антигитлеровской коалиции начали внимательно отслеживать планы друг друга на послевоенный период и выработать соответствующую политику. В январе 1942 г., например, появился секретный меморандум британского МИД о политике в отношении Советского Союза на случай поражения Германии в войне. В нем, в частности, значилось: «Положение России на европейском континенте станет неуязвимым, её престиж так возрастет, что установление коммунистических режимов в большинстве европейских государств будет крайне облегчено¹³. В соответствии с этим следовало и выстраивать британскую политику в отношении СССР, частью которой являлось недопущение усиления его влияния на эмигрантские правительства, находившиеся в Лондоне. Бенеша же не устраивала неясная позиция англичан в вопросе осуждения ими Мюнхена и восстановления Чехословакии в домюнхенских границах. Отсюда — и его желание заручиться окончательной поддержкой на этот счет со стороны советского правительства. 28 апреля 1942 г. на стол Молотова легла секретная справка (без подписи) о поездке Бенеша в Москву.

Её авторы считали приезд «целесообразным и своевременным». Обосновывалось это так:

- а) Бенеш готов отказаться от идеи чехословацко-польской конфедерации при условии гарантий будущей безопасности Чехословакии со стороны Советского Союза;
- б) Бенеш «признает наши границы 1941 г.» и готов заявить об этом публично, получив «взамен от нас признание необходимости восстановления домюнхенских границ Чехословакии»;
- в) «из числа всех эмигрантских правительственных деятелей Бенеш... является относительно наиболее приемлемой для нас фигурой и должен быть нами использован для выявления и нейтрализации антисоветских интриг, ведущихся в Лондоне враждебными нам английскими, польскими и прочими кругами¹⁴.

В справке содержалась рекомендация пригласить Бенеша в СССР для переговоров. Такое приглашение он получил 15 мая 1942 г. Однако президент не торопился с ответом, ожидая, по всей видимости, результатов начавшихся в Лондоне переговоров о заключении советско-английского

договора о союзе в войне против гитлеровской Германии и её союзников в Европе и о сотрудничестве и взаимной помощи после войны. Визит В. М. Молотова в Англию начался 20 мая 1942 г. Камнем преткновения в переговорах стал вопрос о послевоенных границах: Англия отказывалась признать как советские западные границы 1941 г., так и брать на себя обязательства в отношении гарантирования границ в Восточной Европе. В конце концов, Сталин решил, что договор может быть подписан и при условии отсутствия в нем указанных пунктов¹⁵, что и было сделано 26 мая 1942 г. 27 мая Молотов вылетел в США, где пробыл до 5 июня, а затем вернулся в Англию. Здесь он снова встречался с Черчиллем и Иденом, а также с главами эмигрантских правительств ряда малых стран.

Во время встречи Молотова с Иденом 9 июня обсуждался среди прочих и вопрос о заключении договоров с ними, в частности, советско-югославского договора. Молотов заявил о желательности этого. Иден считал, что спешить с этим не надо, что следует «избежать соревнования между Великобританией и СССР в деле заключения различных договоров с малыми странами», особенно, что касается их послевоенных границ. Он заявил, что английское правительство хочет «избежать заключения подобных договоров и просит об этом советское правительство». Молотов обещал проинформировать об этом советское правительство. 4 июля нарком сообщил советскому послу в Лондоне И. М. Майскому: «Можете сообщить Идену, что в принципе мы с его предложением согласны и хотели бы иметь со стороны англичан конкретные предложения по этому вопросу»¹⁶. Но англичане сочли достаточным получение принципиального согласия советского правительства и не удосужились представить просимые конкретные предложения, что впоследствии, при решении вопроса о советско-чехословацком договоре, сыграло немаловажную роль.

Бенеш полагал, что заключение советско-английского договора имеет большое значение с точки зрения развития советско-чехословацких отношений. Он высоко оценил подписанный на 20 лет договор, считая его «документом серьезным, на сто процентов отвечающим нашей сегодняшней и послевоенной политике», «фундаментальным для послевоенного урегулирования, определяющим на длительный период общую политику России и Англии в Европе»¹⁷. 9 июня состоялась встреча Бенеша с Молотовым. Сегодня известны две записи беседы, сделанные одна Богомоловым, а вторая несколько дней спустя Бенешем. В принципе по перечню затронутых вопросов, описанию позиций они мало чем отличаются друг от друга. Бенеш в самом начале своей записи констатировал: «Разговор с Молотовым был прямым, ясным, очень конкрет-

ным и вполне дружественным. Были обсуждены все касающиеся нас вопросы и констатированы взаимное доверие и дружественные отношения, которые будут постоянными... Можно полагать, что все вопросы между нами выяснены и что можно приступить к конкретному обсуждению всего, что касается наших взаимоотношений»¹⁸.

В начале советской записи беседы говорится: «Бенеш начал беседу с выражения благодарности советскому правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии», «за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах»¹⁹. Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что «Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору... В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР». Молотов спросил у Бенеша, как тот понимает польско-чехословацкую конфедерацию, поскольку для советского правительства этот вопрос не совсем ясен. Президент заявил, что «ни при каких условиях эта конфедерация не будет использована против СССР». Молотов заявил, что «рад это слышать», что СССР надеется иметь с Польшей хорошие отношения и преодолеть все имеющиеся во взаимоотношениях трудности путем «некоторых взаимных уступок», но «не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии».

При этом нарком заметил, что «в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой конфедерации против СССР». Бенеш согласился, что «такие люди среди поляков есть, но Чехословакия не пойдет на создание конфедерации без выполнения двух условий: 1) демократизация Польши и 2) урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР». Молотов заметил, что польский министр иностранных дел Э. Рачинский толкует её «весьма широко как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского», включая «в это объединение Литву». «Бенеш, — значит в советской записи беседы, — замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве

как о советской республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными... Еще раз повторил, что он не пойдет на такую польско-чехословацкую конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что, если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР (подчерк. — В. М.)».

Этого заявления в записи Бенеша нет. Речь шла и о других вопросах, в том числе о судьбе судетских немцев. Президент заявил о желании «избавиться от значительного их числа либо от всех тех, которые провинились как нацисты». Молотов, значится в записи Бенеша, согласился, заметив, что это внутренняя проблема Чехословакии, в которую СССР не будет вмешиваться, но, когда будет можно, поможет. Обсуждались также вопросы экономического сотрудничества обеих стран в будущем. Обе стороны были удовлетворены результатами встречи. Интересовалась ими и Англия. 25 июня Бенеш был приглашен на обед к Идену, который пытался, в частности, выяснить, было ли письменное советское заявление о восстановлении Чехословакии в домюнхенских границах. Бенеш ответил, что заявление было устным, и Молотов подтвердил его во время встречи. Кроме того, поинтересовавшись, существуют ли какие-либо обязательства, взятые на себя Чехословакией в отношении СССР, Иден заметил, согласно чехословацкой записи беседы, что «русские с нами не должны заключать никакого особого договора (*dohodu*), поскольку это противоречило бы духу и обязательствам, вытекающим из англо-советского договора»²⁰.

В июне-июле 1942 г., когда в советско-польских отношениях наступило резкое ухудшение в связи с выводом из СССР армии В. Андерса и усилением антисоветских настроений среди польской эмиграции, изменилось и отношение советского правительства к проекту чехословацко-польской конфедерации. Богомолов в беседах с чехословацкими деятелями выразил сомнение относительно необходимости дальнейшего ведения переговоров с поляками и рекомендовал либо вовсе отказаться от них, либо отложить на неопределенное время²¹. Бенеш был раздосадован давлением на него советской стороны, но во имя добрых отношений с Советским Союзом готов был отказаться от проекта польско-чехословацкой конфедерации, не раздражая, однако, при этом особо англичан, которые, собственно, и являлись инициатором указанной идеи. Летом и осенью 1942 г. к тому же отмечалось усиление напряженности в советско-английских отношениях, свидетельством чего стал визит Черчилля в Москву 12–16 августа 1942 г.²². В этих сложных условиях и возникла мысль о чехословацко-польском союзном договоре как первом шаге на пути к конфедерации. Началось обсуждение этого про-

екта, однако препятствием к его реализации стал вопрос о Тешинской Силезии: обе стороны считали эту область своей территорией, и компромисса достичь не удавалось. Советский Союз также не выражал заинтересованности в поддержке польско-чехословацкого союзного договора.

Наступал 1943 год, год решительного перелома в ходе Великой Отечественной войны да и Второй мировой войны в целом. Освободительная миссия советских вооруженных сил просматривалась все более четко, как и важная роль Советского Союза в послевоенном мирном урегулировании. «Чехословацкий» Лондон начал зондаж вопроса о возможности заключения советско-чехословацкого договора. 29 декабря 1942 г. НКВД СССР получил сообщение об этом²³. Проект советско-чехословацкого договора (на французском языке) был представлен Бенешу уже 20 декабря 1942 г.²⁴. Весной 1943 г. стало окончательно ясно, что ни идея польско-чехословацкой конфедерации, ни идея польско-чехословацкого союзного договора не поддерживаются Москвой. Из-за откровенно антисоветской позиции польского эмигрантского правительства канула в Лету и мысль о трипартитном договоре между СССР, Польшей и Чехословакией, которая некоторое время обсуждалась в Лондоне и Москве. Тогда-то актуальной и стала идея заключения сепаратного советско-чехословацкого договора, которая вызвала неприкрытое несогласие и противодействие англичан. Этот договор, подобный советско-английскому договору 1942 г., по мнению чехословацкой стороны, означал бы «первый важный опорный пункт, и... пункт главный, в системе сотрудничества Советского Союза со странами Центральной Европы»: «альянс Советского Союза с Чехословакией дал бы Советскому Союзу немедленно совершенно надежную гарантию, что в Центральной Европе просто напросто ничего нельзя делать ни против Советского Союза, ни без Советского Союза»²⁵.

19 марта 1943 г. во время встречи с Богомоловым Бенеш высказал свои принципиальные соображения относительно договора. Они состояли в следующем:

- а) это — восстановление в новых условиях советско-чехословацкого договора 1935 г.;
- б) это — приближение к трипартитному чехословацко-польско-советскому договору, как подготовка к общей славянской политике в будущем;
- в) это — соответствие договору СССР с Англией, «чтобы остальная Европа могла спокойно его (советско-чехословацкий договор — В. М.) принять и не расценивать, как проявление вашего (советского — В. М.) империализма»²⁶.

Бенеш в это время собирался с визитом в США, где намеревался обсудить в числе прочих

и вопрос о чехословацко-советских отношениях. Перед поездкой он встретился 4 апреля с Черчиллем, которого интересовало, в частности, и положение дел с польско-чехословацким сотрудничеством. Бенеш ответил, что оно находится «почти на мертвой точке». Черчилль заметил, что Польша должна была бы пойти на территориально компенсированные уступки в отношении России на востоке: «Если нам удастся их (поляков — В. М.) в этом убедить, то это будет большим шагом вперед. Вы ведь определенно люди разумные, а поляки неразумные...». Британский премьер говорил и о России, подчеркнув, что «вопреки всем потерям она выйдет из войны сильной, мощной, и её сила возрастет... Балтийские государства окончательно будут принадлежать России. Как и в 1914 г., Россия идет вместе с нами против общего врага, и мы будем последними, кто захочет отнять у неё территории, которые принадлежат ей исторически и стратегически. Это относится также и к восточным границам Польши... Но именно потому, что Россия будет так сильна, было бы ошибкой существование на западе от неё ряда маломощных, неорганизованных государств и государствочек... С Россией должны договориться и мы, и американцы, это будет нелегко, но иначе не будет прочного мира». Бенеш согласился и заявил, что его желание видеть сильную Польшу не означает возможность участвовать в создании конструкции, которая могла бы превратиться в антироссийский альянс или в то, что реакционеры именуют «санитарным кордоном»²⁷.

В середине апреля в связи с так называемым катынским делом резко обострились, а затем и вообще были прерваны советско-польские отношения. 22 апреля Москва ясно высказалась за подписание советско-чехословацкого договора о взаимопомощи по типу англо-советского и заявила о готовности обсудить конкретные предложения чехословацкого правительства на этот счет²⁸. О времени подписания договора и о сроках его действия ничего не говорилось. Вскоре выяснилось разночтение в советском и чехословацком понимании этого вопроса: Москва настаивала на подписании договора во время предполагаемой поездки Бенеша в СССР в июне 1943 г., президент же полагал, что его визит в Москву должен быть посвящен пока только обсуждению принципиальных вопросов чехословацко-советских отношений, различных проблем европейской политики и будущего мира.

Против немедленного подписания двустороннего договора, ссылаясь на договоренности с советским правительством (см. выше), решительно возражали англичане. Богомолов, по словам Бенеша (телеграмма Фирлингеру от 28 июня), считая, что дело подписания договора касается лишь СССР и Чехословакии, рекомендовал не уступать англичанам даже ценой конфликта с ними. Не

желая стать «яблоком раздора» между Англией и СССР и содействовать усилению напряженности в антигитлеровской коалиции, а также опасаясь того, что вина за это впоследствии может быть возложена на него, Бенеш решил повременить с подписанием договора и добиться, чтобы Лондон и Москва урегулировали этот вопрос между собой. Его позиция четко отражена в указанной телеграмме Фирлингеру от 28 июня: «Наша политика — сблизить англичан и русских, а не разделять их... кроме того, последствия всего спора англичане возложили бы на нас, а мы не настолько сильны, чтобы позволить себе это, и, наконец, мы все еще существенно зависим от Англии в вопросах наших границ, в продовольствии, сырье и финансах... спор должен быть решен согласием... если бы выяснилось, что англичане вообще хотят помешать заключению договора, мы категорически это отклоним»²⁹. Свой проект договора Бенеш представил Богомолову в июле 1943 г., но медлил с решением вопроса о времени его подписания.

Думается, что такая позиция главы небольшого государства, будущее которого зависело от степени согласованности действий великих держав, была адекватна сложившейся ситуации, вытекала из общей внешнеполитической концепции Бенеша («50% на Запад, 50% на Восток»), характеризовала его как реально мыслящего политика, не желавшего углубления разногласий между ведущими членами антигитлеровской коалиции. «Ситуация деликатная и требует чрезвычайно осторожных действий с нашей стороны»³⁰, — писал Бенеш Фирлингеру. Советские дипломаты высказывали мнение, что поездку Бенеша в Москву в случае, если не будет принято решение о подписании договора, лучше отложить³¹.

Бенеш передал Богомолову проект договора, в августе-сентябре 1943 г. велось его обсуждение. Позиция Англии в вопросе немедленного заключения договора казалась неколебимой. С 19 по 30 октября 1943 г. в Москве проходила конференция министров иностранных дел Великобритании, США и СССР. За два дня до заседания проект советско-чехословацкого договора, по словам Молотова, был направлен Идену и Хэллу. Ознакомившись с ним, Иден заявил, что не возражает против договора и поездки Бенеша в Москву для его подписания, что и зафиксировано в секретном протоколе конференции от 1 ноября 1943 г.³² Советское руководство, сообщив Бенешу об этом, передало пожелание «как можно скорее посетить Москву и подписать договор»³³.

В конце ноября 1943 г. Бенеш вылетел в Москву по южному маршруту через Багдад, Тегеран, Баку. Из-за непогоды он и его спутники вынуждены были на неделю задержаться на английской военной базе Хабанья (под Багдадом), где его

ожидал заместитель наркома иностранных дел СССР А. Е. Корнейчук, чехословацкие дипломаты З. Фирлингер, Г. Пика и другие официальные лица. С Корнейчуком в присутствии Фирлингера были обсуждены все вопросы, которые Бенеш намеревался выяснить в Москве. Они касались не только советско-чехословацких отношений, но, в частности, польского вопроса (по словам Бенеша, польский премьер С. Миколайчик во время встречи с ним тет-а-тет перед его отлетом зондировал возможность восстановления советско-польских дипломатических отношений), славянского вопроса (по словам Бенеша, идея славянской взаимности может быть реализована только «в сотрудничестве с Советским Союзом и на основе полного равноправия и независимости славянских народов»). Корнейчук, не только как политик и дипломат, но и как общественный деятель и украинский писатель, изложил Бенешу свои взгляды по затронутым вопросам³⁴. Президент был доволен результатом предварительных бесед. 11 декабря, следуя из Баку поездом через разрушенный Сталинград, Бенеш прибыл в Москву, где ему была оказана пышная встреча³⁵. В тот же день его принял председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин, а вечером в Кремле состоялся банкет, на котором присутствовал и И. В. Сталин³⁶.

На следующий день вечером, 12 декабря, в рабочем кабинете Молотова в Кремле состоялось подписание советско-чехословацкого Договора о взаимопомощи и послевоенном сотрудничестве. Он опирался на советско-чехословацкий договор от 16 мая 1935 г. и межправительственное соглашение от 18 июля 1941 г. Стороны обязывались оказывать друг другу военную и другую помощь в войне против гитлеровской Германии и союзных с ней государств; без взаимного согласия не вступать в переговоры, не заключать перемирия или мирного договора с Германией и её союзниками; в случае возобновления Германией после войны политики «Дранг нах Остен» оказывать друг другу военную и другую помощь; осуществлять тесное и дружественное сотрудничество после восстановления мира, «действуя в соответствии с принципами: взаимного уважения к их независимости и суверенитету, равно как и невмешательства во внутренние дела другого государства»; развивать «в возможно более широких масштабах свои экономические отношения и оказывать друг другу всяческую возможную экономическую помощь после войны»; «не заключать какого-либо союза и не принимать участия в какой-либо коалиции», направленной против одной из сторон.

В Протоколе к Договору значилось, что, если к нему «пожелает присоединиться какая-либо третья страна, граничащая с Союзом ССР или Чехословацкой республикой, и представляющая

в этой войне объект германской агрессии», то этой третьей стране будет дана возможность по обоюдному согласию сторон «подписать этот договор, который таким образом приобретает качество трипартитного договора»³⁷. Заключенный на 20 лет Договор вступал в силу немедленно и подлежал ратификации в возможно короткий срок. Бенеш был доволен: договор отвечал всем его изначальным намерениям, т. е. имел антигерманскую направленность и при благоприятных условиях мог быть превращен в трехсторонний.

После подписания договора Бенеш поехал в Большой театр на спектакль «Снегурочка», на котором присутствовал и Сталин. Во время антрактов в ложе Сталина, куда был приглашен Бенеш, обсуждались и политические вопросы, главным из которых был польский. Советский лидер интересовался, можно ли договориться с Польшей и что для этого нужно сделать. Дважды, 14 и 16 декабря, Бенеш встречался с Молотовым для обсуждения конкретных вопросов сотрудничества, как в сфере двусторонних, так и международных отношений. Сегодня известны советская³⁸ (сделана новым советским послом при чехословацком правительстве В. З. Лебедевым) и чехословацкая³⁹ (сделана Я. Смутным) записи этих бесед. Во время беседы с Молотовым 14 декабря по желанию Бенеша первым обсуждался вопрос о политике после войны в отношении Германии и Венгрии, о выселении из Чехословакии как можно большего числа немцев и венгров, о репарациях, чехословацко-польских отношениях. 16 декабря Бенеш при обсуждении с Молотовым вопросов советско-чехословацкого военного сотрудничества во время и после войны выразил пожелание установить как можно более тесный контакт между вооруженными силами обеих стран. По этому вопросу советскому правительству была представлена весьма подробная специальная записка⁴⁰, как и по вопросу об экономическом сотрудничестве⁴¹. Выяснялись отношения сторон к Австрии, Румынии, Югославии, Франции, Италии. В чехословацкой записи беседы гораздо подробнее изложены вопросы, касающиеся будущего государственного устройства Чехословакии и её границ, Польши и её границ, политики в отношении Германии после войны. 18 декабря Бенеша принял Сталин. На встрече, продолжавшейся около трех часов, речь шла по всему кругу вопросов, обсуждавшихся ранее с Молотовым, и о многих других⁴².

Бенеш посетил Всеславянский комитет, где выступил с речью, которая потом передавалась по радио. В ней он подчеркнул значение подписанного в Москве договора не только для Чехословакии, но и для всех славянских народов⁴³. Бенеш, который намеревался в освобожденной стране сотрудничать с коммунистами, шесть раз

(с 13 по 18 декабря) встречался с представителями Заграничного бюро КПЧ в Москве. Обсуждались вопросы, касающиеся развития национально-освободительной борьбы чешского и словацкого народов и будущего устройства восстановленной ЧСР⁴⁴. Советско-чехословацкий договор, немедленно одобренный Президиумом Верховного Совета СССР и президентом ЧСР, был ратифицирован, и 22 декабря в Кремле состоялся обмен ратификационными грамотами. Бенеш был чрезвычайно доволен результатами поездки в Москву, подписанным договором и открытыми им перспективами сотрудничества Чехословакии с СССР. Он искренне верил в демократизацию советского общественного строя после войны и сотрудничество между Востоком и Западом.

В одном из интервью по возвращении в Лондон, отвечая на вопрос, в чем заключается наибольшая опасность, угрожающая миру после войны, Бенеш ответил: «Несомненно, ничто не может быть более опасным для мира после общей победы, чем возможность того, что великие державы и другие демократические нации, сражающиеся сейчас вместе против Германии, не смогут сохранить своего союза»⁴⁵. Оценки советско-чехословацкого договора на Западе были неоднозначными. Они колебались в диапазоне от безусловно одобрительных до резко критических. Именно поэтому на обратном пути из Москвы в Лондон, пролежавшем через Алжир, Бенеш поспешил встретиться с находившимся там в это время Черчиллем, чтобы проинформировать его об итогах визита в СССР. Судя по сделанным Бенешем для себя заметкам о трех коротких беседах с британским премьером и по информации о них, направленной Фирлингеру, Черчилль, по крайней мере, на словах, одобрил заключение договора.

Наступил 1944 год. Красная армия стремительно приближалась к домюнхенским границам Чехословакии. Сомнений в том, что её освобождение придет с Востока, ни у кого не оставалось. В советско-чехословацких отношениях наступил новый этап — этап претворения в жизнь достигнутых договоренностей. На повестке дня в течение 1944 г. стояло решение двух основных вопросов: помощь Словацкому национальному восстанию (СНВ), которое продолжалось с 29 августа до 28 октября 1944 г., и судьба Подкарпатской Руси (Закарпатья)⁴⁶, до 1939 г. принадлежавшей ЧСР. О том, что в Словакии готовится восстание, стало известно еще во время пребывания Бенеша в Москве. Тогда же начались и велись вплоть до начала СНВ переговоры о помощи ему со стороны СССР⁴⁷. Москва, глядя на проблему через призму своих долговременных (национально-государственных и, тогда, классовых) и моментальных интересов в регионе Центральной Европы, осоз-

нала военное и политическое значение восстания и приняла решение об оказании ему помощи.

Советским руководством была оценена как возможность влияния СНВ на последующее, благоприятное для СССР, развитие событий в возрожденной Чехословакии, так и его роль в приближении краха нацистской Германии и выведения из строя её сателлитов. Когда началось восстание, советское руководство приняло чисто политическое решение о проведении Карпато-Дуклинской операции Красной армии в целях помощи ему (см. книгу 36). СССР поставлял повстанцам по воздуху военную технику, оружие, боеприпасы, медикаменты, стараясь, по возможности, осуществлять это оперативно и удовлетворять просьбы словаков⁴⁸. На повстанческую территорию была переброшена 2-я чехословацкая парашютно-десантная бригада. Советская военно-транспортная авиация не только доставляла грузы и людей в Словакию, но и вывозила оттуда тяжелораненых, чтобы разместить их в советских госпиталях. В СССР были переправлены жены и дети видных деятелей восстания, а также валюта и ценности, «переданные Словацким национальным советом для сдачи на хранение в Госбанк СССР»⁴⁹. Доставка оружия и других материалов в Словакию, по свидетельству командующего авиацией дальнего действия А.Е. Голованова, находилась под личным контролем Сталина, которому направлялись специальные донесения по этому вопросу⁵⁰. Советский Союз был практически единственной страной, оказавшей в меру своих тогдашних возможностей помощь СНВ.

В связи с подходом советской армии к домюнхенским границам ЧСР по инициативе чехословацкой стороны, подготовившей и текст⁵¹, 8 мая 1944 г. в Лондоне было подписано «Соглашение об отношениях между советским главнокомандующим и чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии». Рамочное, говоря современным языком, соглашение оказалось весьма несовершенным с точки зрения практической реализации, поскольку давало возможность сторонам толковать отдельные его положения в собственных интересах. Сразу после вступления советских войск на территорию Подкарпатской Руси (ПР) это привело к множеству недоразумений и конфликтов. Москва, принявшая к тому времени негласное решение о присоединении Закарпатья к СССР (УССР), стремилась развернуть в ПР под руководством коммунистов, как присланных из Советского Союза, так и местных, и при содействии советских военных органов широкое движение снизу за разрыв ПР с Чехословакией и «воссоединение» с «братской» Украиной, ставшей в феврале 1944 г. субъектом международных отношений.

В Закарпатье начался набор, формально и официально на добровольной основе, населения в ряды Красной армии. В массовом порядке восстанавливались и создавались заново местные организации компартии. Коммунисты, политически наиболее активная часть населения, взяли на себя роль «организаторов общественного мнения» и выразителей настроений в пользу присоединения ПР к Советскому Союзу. Созданная в конце ноября 1944 г. Народная Рада Закарпатской Украины, состоявшая в основном из коммунистов, бывших политэмигрантов в СССР, приняла постановление о «воссоединении Закарпатской Украины со своей великой матерью Советской Украиной». Деятельность чехословацкой правительственной делегации во главе с Ф. Немецем, прибывшей на освобожденную территорию ПР в конце октября 1944 г., была фактически заблокирована. Бенеш, в принципе не возражавший против передачи ПР Советскому Союзу (он неоднократно, начиная с 1939 г., говорил об этом), решительно настаивал на том, чтобы это произошло после официального восстановления Чехословакии в домюнхенских границах, т. е. легитимно и после войны. Ситуация в ПР и её разные оценки Москвой и «чехословацким» Лондоном означали первую серьезную трещину в советско-чехословацких отношениях, основанных на договоре 1943 г. и соглашении 1944 г. Последние месяцы этого и начало 1945 г. были отмечены усилиями сторон сгладить на дипломатическом уровне возникшую напряженность в советско-чехословацких отношениях.

Всплеск в мире интереса к событиям в Закарпатье и резкие оценки политики СССР со стороны Запада, не высказываемые открыто, но ощутимое недовольство Бенеша ситуацией в ПР заставили Сталина изложить более четко советский взгляд на её будущее. 23 января 1945 г. советский лидер направил письмо Бенешу по этому вопросу. Сталин писал, что предположение будто «советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине... основано на недоразумении». «Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю», — говорилось в послании. Напомнив Бенешу о его «готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу», советский лидер писал, что вопрос об этой территории, «поставленный самим населением», должен быть решен лишь «по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом» либо до, либо после окончания войны с Германией, «когда это найдут целесообразным оба правительства»⁵².

29 января Бенеш направил ответ Сталину. Происшедшее в ПР президент характеризовал, как «события чисто местного характера» и как «следствие участия в них чисто местных деятелей». За-

веряя, что ни он, ни чехословацкое правительство «ни на минуту не допускали, что советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими государствами», Бенеш выражал желание решить этот вопрос «по окончании войны с Германией, т. е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге». Президент подчеркивал неизменность своей прежней позиции о возможной принадлежности ПР либо Чехословакии, либо Советскому Союзу, и выражал желание окончательно решить вопрос «в духе полной дружбы» с СССР, не допустив вмешательства других держав⁵³.

Комментируя письмо Бенеша Сталину, личный секретарь президента Э. Таборский записал в своем дневнике: «Письмо президента является классическим доказательством охлаждения, которое произошло в наших отношениях с Советским Союзом после визита президента в декабре 1943 г.», «в стремлении сохранить, что можно, президенту не остается ничего другого, как делать вид, что мы полностью верим обещаниям Сталина, и попытаться таким образом предотвратить худшее. Конечно, для президента речь ни в коем случае не идет о Подкарпатской Руси, от которой он готов действительно отказаться, а о том, чтобы воспрепятствовать чему-либо подобному в Словакии»⁵⁴. Скорее всего, это было действительно так: Бенеш готов был передать ПР Советскому Союзу, но решительно не хотел смириться с унижительным для себя и незаконным, по его убеждению, способом решения этого вопроса.

Охлаждение в советско-чехословацких отношениях было налицо. События на освобожденной территории ЧСР, а Подкарпатскую Русь Бенеш считал её частью, вели к утере им веры в твердость обещаний Сталина, делали все более иллюзорными представления президента о возможности эволюции советского строя в демократическом направлении и, возможно, порождали сомнения в правильности линии на тесное сближение Чехословакии с СССР. Но вносить какие-либо коррективы в свою внешнюю политику президент не намеревался: освобождение страны шло с востока, и, если Бенеш хотел в ближайшее время попасть на родину, а он этого хотел, то ехать надо было через Советский Союз. Обмен письмами между Бенешем и Сталиным внес определенную ясность в позиции СССР относительно времени формального решения вопроса (фактически он был решен) о государственной-правовой принадлежности Подкарпатской Руси. Тем не менее, точки над «i» не были поставлены.

Как опытный политик, Бенеш понимал, что в сложившейся ситуации «дружественное» по

отношению к СССР правительство Чехословакии, скорее всего, наподобие Польского комитета национального освобождения (ПКНО)⁵⁵, так называемого «люблинского правительства», может теперь возникнуть, не взирая на несогласие Запада. К этому времени Бенеш, видимо, окончательно утвердился в мысли о том, что «надо договориться с Советами, чтобы прийти в Прагу и в Берлин вместе с Красной Армией», и что «надо пойти на уступки СССР»⁵⁶. 17 марта 1945 г. Бенеш во главе обширной делегации прибыл в Москву. Предстояло обсудить вопросы, касавшиеся нового состава чехословацкого правительства и дальнейших чехословацко-советских отношений. Одним из них был и вопрос о «Карпатской Украине». Он был обсужден на первой же встрече Бенеша с Молотовым 21 марта⁵⁷. Президент, опираясь на послание Сталина, полагал, что этот вопрос «будет решен между СССР и ЧСР в духе дружбы именно тогда, когда чехословацкие границы с Германией, Польшей и Венгрией будут закреплены». Бенеш считал, что после его возвращения в Прагу парламент должен обсудить этот вопрос и принять на этот счет решение. То, что оно будет положительным, Бенеш не сомневался: «Чехи самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина».

Казалось, что вопрос о времени определения государственно-правового статуса Подкарпатской Руси на официальном уровне был улажен. Однако вскоре, во время второй встречи Бенеша с Молотовым 24 марта, стало ясно, что это не совсем так. Инициатором новой встречи, как следует из чехословацкой записки, стал Молотов. Беседа была посвящена преимущественно вопросу о Карпатской Украине. Идея новой встречи с Бенешем, по словам наркома, возникла после его разговора со Сталиным и другими советскими руководителями, которые, дескать, не знают, «что сказать по этому вопросу Президиуму Верховного Совета СССР»: «нам хотелось бы получить что-либо определенное от президента». Видимо, у советского руководства почему-то возникли сомнения относительно искренности намерений Бенеша отказаться от ПР в пользу СССР. Можно также полагать, что Москве понадобился некий письменный документ, с помощью которого в случае необходимости можно было бы «припереть» Бенеша к стене, своего рода письменная гарантия.

Молотов сказал, что был бы рад получить от президента письменное заявление на этот счет и заявил, что оно должно быть секретным: «Этот вопрос требует выяснения лишь отношений между нами». Советское руководство хотело, чтобы в заявлении Бенеш использовал ясные и четкие формулировки, т.е. сказал о «желательности общих границ с СССР и о том, чтобы Закарпатская

Украина вошла в состав УССР». На вопрос, каковы будут границы между Карпатской Украиной, которая отойдет к Советскому Союзу, и Чехословакией, Молотов ответил, что «безусловно, граница должна остаться той, какая сейчас существует между Словакией и Карпатской Украиной». Бенеш, по всей видимости, обрадованный тем, что СССР не претендует на Восточную Словакию, где большинство населения составляли украинцы, снова подчеркнул, что вопрос о Карпатской Украине должен решаться только между Чехословакией и СССР без вмешательства третьих стран. При этом он объяснил, «почему по мотивам стратегическим и политическим желательно, чтобы территория Советского Союза вышла за пределы Карпат, т.е. чтобы советская армия стояла уже на нашей стороне Карпат, что очень важно для нашей (ЧСР — В.М.) безопасности и мира в Центральной Европе». Президент обещал подготовить просимое письмо⁵⁸.

Оно (на имя Молотова) было передано Фирлингером только что назначенному советскому послу в Чехословакии В. А. Зорину 26 марта. Президент подтвердил свою позицию по вопросу Закарпатской Украины. Этот термин сменил ранее употребляемые Бенешем названия Подкарпатская Русь и Карпатская Украина. В письме говорилось: «...вновь повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Украинской Советской Социалистической Республики. Это осуществилось бы при соблюдении границ, существующих между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике, и согласно моему ответу Маршалу Сталину, т.е. по договоренности только между нашими обоими государствами и в момент, когда у меня будет возможность согласовать этот вопрос с нашими политическими деятелями в Праге. Искренне Ваш Э. Бенеш. 26 марта 1945 г.». В тот же день советская сторона подтвердила получение письма и выразила с ним своё согласие⁵⁹. 29 июня 1945 г. был подписан «Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Чехословацкой республикой о Закарпатской Украине». Согласно статье 1 договора Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) воссоединялась в соответствии с желанием её населения со своей «издавней родиной — Украиной» и включалась в состав УССР. Употребленный здесь термин «воссоединение» представляется автору неадекватным исторической действительности и, по меньшей мере, спорным.

Во время пребывания Бенеша в Москве в марте 1945 г. он обсудил с Молотовым и Сталиным также много других вопросов советско-чехословацких отношений. Они касались границ ЧСР с Германией, Венгрией и Польшей, трансфера из Чехословакии немецкого и венгерского населения, военных трофеев, реорганизации, численного ро-

ста и обучения чехословацкой армии. На встрече во Всеславянском комитете, где речь шла о проблемах славянского движения, Бенеш заявил, что в течение столетия, с 1848 г., «проблемы славянства идут именно по линии консолидации усилий славян вокруг России», что Москва «должна быть руководящим центром этого движения», что «чехи и словаки, как и все славянские народы, кроме поляков, иначе себе и не представляют дела»⁶⁰. В Москве было сформировано и новое чехословацкое правительство, первое правительство Национального фронта чехов и словаков, а также принята после обсуждения его программа, проект которой был подготовлен Заграничным бюро КПЧ. Раздел о внешней политике ЧСР не вызвал серьезных дискуссий, хотя определенные сомнения в правильности преимущественной ориентации на СССР и высказывались⁶¹.

Из 25 членов нового правительства было 7 коммунистов, которые заняли в нем важнейшие посты, в том числе и двух вице-премьеров. Кабинет возглавил бывший чехословацкий посол в Москве близкий к коммунистам левый социал-демократ З. Фирлингер. 12 членов правительства во время войны находились в Англии, 6 — в СССР, 7 — в стране (Словакии и Чехии). По национальности 16 были чехами, 9 — словаками⁶². За день до отъезда чехословацкого правительства из Москвы Сталин дал обед в честь Бенеша. Советский лидер дважды произносил тосты, записанные секретарем Молотова Б. Ф. Подцербом. Взяв сло-

во в первый раз, Сталин заявил, что он «слышал много славословий по адресу Красной Армии», но «она еще имеет много недостатков». Советский лидер просил извинить её бойцов за возможные с их стороны проступки на освобожденной территории Чехословакии. Второй тост был за «новых славянофилов», которые, по его мнению, стоят «за союз независимых славянских государств», «союз славянских народов», «на спинах» которых шли Первая и Вторая мировые войны.

Сталин заявил также, что большевики не хотят повсюду устанавливать советский строй и не собираются вводить его в Чехословакии, подчеркнув при этом, что он говорит это «искренне» и то, «что думает». Вероятно, так оно и было, потому что тогда речь шла об установлении дружественных СССР режимов, которые, возможно, в будущем трансформируются в аналогичные советскому. Вопрос о длительности этого процесса оставался открытым.

31 марта 1945 г. Бенеш и сопровождавшие его лица выехали из Москвы и 4 апреля прибыли в г. Кошице (Восточная Словакия). 5 апреля здесь было официально объявлено о создании первого правительства Национального фронта чехов и словаков и провозглашена его программа, получившая название Кошицкая. 10 мая правительство переехало в освобожденную Прагу, куда несколько дней спустя прибыл и Бенеш. В истории Чехословакии и советско-чехословацких отношений начался новый этап.

¹ См. Иллюстрированная энциклопедия Великая Отечественная война 1941–1945. М., 2005. С. 40–41.

² Československo-Sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1 (březen 1939–červen 1943). Praha, 1998. Dok. 93. S. 212–213 (далее: ČSVDJ, 1).

³ Gottwald K. Deset let. Praha, 1949. S. 31.

⁴ Dr. Edvard Beneš. Demokracie dnes a zítra. Sv. I,II. Vydal Kruh přátel československé péči týdeníku «Čechoslovák» v Londýně [1942].

⁵ Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Paměti z druhého zahraničního odboje. Praha, 1948. Díl II. S. 19–20.

⁶ Архив внешней политики РФ. Ф. 0138. Оп. 21. П. 34. Д. 2. Л. 1–2 (далее: АВП РФ).

⁷ ČSVDJ, 1. Dok. 97. S. 218–219.

⁸ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискусии. Документы, комментарии 1941–1945. М., 2004. С. 31–95.

⁹ Там же. С. 38–39.

¹⁰ ČSVDJ, 1. Dok. 132. S. 281–282.

¹¹ Разъясняя свою позицию по этому вопросу, Бенеш писал 3 февраля 1942 г. Фирлингеру: «Мы не можем идти и не пойдём на тесное сотрудничество с Польшей, если она будет враждебно настроена против России или строить проекты антироссийских комбинаций в Центральной Европе» (ČSVDJ, 1. Dok. 137. S. 291–294).

¹² АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 276. Л. 2–5.

¹³ Противостояние. Очерки военно-политической конфронтации первой половины XX века. М., 1995. С. 244–245.

¹⁴ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 274. Л. 2–6.

¹⁵ Сталин дал указание Молотову подписать договор, считая, что «там нет вопроса о безопасности границ, но это, пожалуй, неплохо, так как у нас остаются руки свободными. Вопрос о границах, или скорее о гарантиях безопасности наших границ на том или ином участке нашей страны, будем решать силой» (Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 157).

¹⁶ Там же. С. 316–317, 346.

¹⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 70. Д. 838. Л. 27–28.

¹⁸ ČSVDJ, 1. Dok. 171. S. 348–351.

¹⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16.

- 20 ĀSVDJ, 1. Dok. 173. S. 357–358.
- 21 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 75–80; ĀSVDJ, 1. Dok. 172. S. 352–353.
- 22 См.: Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. С. 348–383.
- 23 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 397. Л. 19.
- 24 ĀSVDJ, 1. Dok. 209. S. 420–423.
- 25 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 29. П. 147. Д. 14. Л. 135–137; ĀSVDJ, 1. Dok. 210. S. 424.
- 26 ĀSVDJ, 1. Dok. 220. S. 444–450.
- 27 ĀSVDJ, 1. Dok. 223. S. 453–456.
- 28 Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1 (март 1939 г. — декабрь 1943 г.). М., 1981. Док. 224. С. 295 (далее: ДМИСЧО 4–1).
- 29 ДМИСЧО 4–1. Док. 251. С. 320.
- 30 Fierlinger Z. Ve službách ĀSR. Díl II. S. 128.
- 31 ДМИСЧО 4–1. Док. 255. С. 324–325; ĀSVDJ, 1. Dok. 257–259. S. 513–520, dok. 263. S. 523–525.
- 32 Советско-чехословацкие отношения во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Документы и материалы. М., 1960. Док. 69. С. 128.
- 33 ДМИСЧО 4–1. Док. 305. С. 377–378.
- 34 Fierlinger Z. Ve službách ĀSR. Díl II. S. 182–189.
- 35 См. подробнее: Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 150.
- 36 Подробные и эмоционально окрашенные заметки о вечере Я. Смутного, начальника канцелярии Э. Бенеша, опубликованы в переводе на русский язык: Переговоры Э. Бенеша в Москве (декабрь 1943 г.). Вступительная статья В. В. Марьиной // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 12–15.
- 37 ДМИСЧО 4–1. Док. 324. С. 394–396.
- 38 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 1–7, 11–19.
- 39 См.: Переговоры Э. Бенеша в Москве // Вопросы истории. 2001. № 1. С. 20–28, № 3. С. 3–14.
- 40 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 20–27; ĀSVDJ, 2. Praha, 1999. Dok. 64. S. 163–169.
- 41 Там же. Л. 28–30; *ibid.* Dok. 65. S. 169–171.
- 42 См. подробнее: Марьина В. В. Указ соч. С. 159–161.
- 43 Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6646. Оп. 2. Д. 19. Л. 23–24об. (далее: ГАРФ).
- 44 См. подробнее: Марьина В. В. Э. Бенеш в Москве: шесть бесед с чехословацкими коммунистами (декабрь 1943 г.) // Славянский мир в третьем тысячелетии. Человек, общество, народ в истории, языке и культуре. М., 2014. С. 192–201.
- 45 ГАРФ. Ф. 4459. Оп. 27/1. Д. 3312. Л. 24.
- 46 См. подробнее: Марьина Валентина. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003.
- 47 См.: Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. Документы из Архива Президента РФ (Предисловие В. В. Марьиной) // Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 100–130; № 6. С. 112–123.
- 48 См. подробнее: Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... Кн 2. С. 230–234.
- 49 Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 495. Оп. 74. Д. 553. Л. 60–62 (далее: РГАСПИ).
- 50 Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная... М., 2003. С. 470–471.
- 51 В главном его содержание совпадало с аналогичными соглашениями, подготовленными западными союзниками для подписания с бельгийским, голландским и норвежским правительствами.
- 52 ДМИСЧО Т. 4. Кн. 2. М., 1983 г. Док. 241. С. 277 (далее: ДМИСЧО 4–2).
- 53 Там же. Док. 250. С. 287–288.
- 54 ĀSVDJ, 2. Dok. 236. S. 482–483.
- 55 ПКНО создан в июле 1944 г. при советском содействии на освобожденной территории Польши. 31 декабря 1944 г. он трансформировался во Временное польское правительство, которое 4 января 1945 г. было признано Советским Союзом, а 27 января под советским нажимом и чехословацким эмигрантским правительством.
- 56 АВП РФ. Ф. 07. Оп. 4. П. 31. Д. 43. Л. 6.
- 57 Сейчас известны, как советская, так и чехословацкая записи беседы. Их сопоставление свидетельствует, что, по сути, часть записей, касающихся Карпатской Украины, идентичны. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9; ĀSVDJ, 2. Dok. 248. S. 506–507.
- 58 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 10–12; ĀSVDJ, 2. Dok. 253. S. 520–522.
- 59 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 2; ĀSVDJ, 2. Dok. 258. S. 526–527.
- 60 АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 52–57.
- 61 Cesta ke Květnu. Vznik lidové demokracie v Āeskoslovensku. 1. Svazek I–1. Praha, 1965. S. 400–404.
- 62 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 1082. Л. 183.

Чехословацкие воинские формирования в СССР

В. В. Марьина*

Идея создания чехословацкой воинской части в Советском Союзе возникла еще до нападения на него гитлеровской Германии и обсуждалась в связи с советско-чехословацкими переговорами о сотрудничестве в области разведки, которые велись в конце 1940 — начале 1941 г. в Стамбуле¹. С чехословацкой стороны их возглавлял один из ведущих сотрудников разведки полковник Г. Пика, с советской — начальник отдела иностранной разведки НКВД П. М. Фитин, который выступал под фамилией «Фокин»². В конце апреля 1941 г. Пика тайно прибыл в Москву, где представил широкую программу своей деятельности, касавшуюся не только военного, но и политического сотрудничества. Однако советское руководство тогда не готово было пойти ни на политические, ни на дипломатические переговоры с чехословацким представителем из-за опасения их преждевременной огласки. Они обрели новый размах и содержание только после нападения гитлеровской Германии на СССР и его вступления в войну.

Уже 24 июня 1941 г. Пика через НКГБ СССР направил помеченное грифом «секретно» письмо советскому правительству, в котором развивал идеи советско-чехословацкого сотрудничества в новых условиях. Оно было подписано «Начальник чехословацкой военной миссии в СССР Пика» и с точки зрения содержания скорее напоминало дипломатическую ноту. В письме говорилось, что после изменения политической ситуации «можно приступить к осуществлению полной программы советско-чехословацкого сотрудничества. Пика предлагал советскому руководству официально заявить, что СССР одобряет чехословацкую борьбу против Германии с целью восстановления независимой Чехословакии; что СССР признает

чехословацкое правительство в Лондоне единственным представителем чехословацкого народа и Бенеша как руководителя его борьбы против фашизма и нацизма; что СССР признает чехословацкую армию за границей как союзническую армию самостоятельного и участвующего в войне государства; что СССР разрешит организовать формирование на своей территории чехословацких военных частей, которые будут сражаться против напавшего на него агрессора. Чехословацкое правительство, по словам Пики, брало на себя обязательство «тесно сотрудничать с СССР во всех областях военной деятельности с целью достижения победы над гитлеровским агрессором»³.

29 июня глава НКГБ Л. П. Берия принял Пика, который представил ему проект организации в СССР чехословацкой воинской части. Предполагалось, что на добровольной основе в нее могут вступить все проживающие в Советском Союзе чехословацкие эмигранты, лица, содержавшиеся в советских тюрьмах и лагерях после соответствующей их проверки, а также являвшиеся советскими гражданами чехи, словаки и карпатские украинцы. Берия заверил Пика, что советское правительство пойдет навстречу этим предложениям⁴. «Соглашение между Правительством Союза Советских Социалистических Республик и Правительством Чехословацкой Республики», подписанное в Лондоне 18 июля, предусматривало немедленный обмен посланниками, взаимопомощь в войне против гитлеровской Германии, согласие советского правительства на образование в СССР чехословацких воинских частей. Их командование должно было назначаться чехословацким правительством по согласованию с советской стороной, а в оперативном отношении они должны были подчиняться Верховному командованию СССР⁵. Заключение Со-

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

глашения имело большое значение для укрепления международных позиций Чехословакии и Э. Бенеша, настаивавшего на ее правовом и политическом континуитете с домюнхенской республикой.

На следующий день после подписания соглашения в Москву на имя Г. Пики ушла телеграмма за подписью Э. Бенеша и министра национальной обороны С. Ингра. В ней излагались принципы переговоров с советским правительством относительно воинских формирований, являющихся «составной частью единой самостоятельной чехословацкой армии за границей» и имеющих собственное командование, знамена, знаки различия, должности, юрисдикцию, но в плане организации, снаряжения и вооружения, обучения и тактики приспособленных к существующим в советской армии условиям. Военная миссия во главе с Пикой подчинялась министерству национальной обороны (МНО). Предусматривалось нахождение при чехословацкой части в качестве совещательного органа советской военной миссии. В ее обязанности входила помощь при организации части, обучении ее личного состава и осуществление связи с советским командованием. Расходы по формированию части и превращению ее в боеспособную единицу должно было нести советское правительство в счет кредита, предоставленного чехословацкому правительству на эти цели. Рекомендовалось обсудить с советскими руководителями вопрос о возможности приезда в СССР офицерских кадров из Англии и с Ближнего Востока, где был их избыток⁶.

15 августа посланника ЧСР в Москве З. Фирлингера принял В.М. Молотов. В числе прочих рассматривался и вопрос о создании в СССР чехословацкой воинской части. Фирлингер был осторожен в высказываниях на этот счет. Он считал, что сначала следует выяснить вопрос о наличии необходимых для этого людей. «Может быть, — полагал он, — будут сформированы батальона два, которые будут иметь символическое значение»⁷. О том же шла речь и во время встречи посланника с заместителем наркома иностранных дел А. Я. Вышинским 21 августа, когда З. Фирлингер говорил уже только о батальоне, поскольку «чехословацких граждан в СССР мало». Одновременно он просил предоставить ему сведения об интернированных в СССР чехословацких гражданах. Вышинский обещал содействие НКВД в этом вопросе⁸. 28 августа Фирлингер передал заведующему IV Европейским отделом НКВД Н. В. Новикову Памятную записку, касающуюся заключенных либо интернированных на территории СССР лиц, которые могли быть призваны в чехословацкую воинскую часть⁹. Основная деятельность посланника сразу после приезда в Москву, согласно полученным инструкциям, была направлена именно на решение вопроса о создании воинской части.

Этим же занимался и Пика. Взаимоотношения между полпредством и миссией определялись в телеграмме Бенеша и Ингра от 19 июля: Фирлингер должен был вести переговоры только по принципиально важным военно-политическим вопросам, не вступая в чисто военные дела, которые относились к компетенции Пики. Вскоре это, казалось бы, четкое разграничение обязанностей привело к обострению отношений между ними. 29 июля Пика направил в НКВД (20 июля он был объединен с НКВД) письмо, касавшееся конкретной реализации советско-чехословацкого соглашения, и сообщил в Лондон о новой встрече с Берией. Нарком информировал его о готовящемся распоряжении относительно «концентрации чехословацких граждан», находящихся в СССР, их наборе в военную часть и организации центра обучения. «Чехословаков очень мало... — писал Пика, — их число выясняется» и предполагал, что это может быть сделано в течение месяца¹⁰. Однако дело затянулось, что объяснялось разными причинами, и в первую очередь сложной военной обстановкой в стране и неудачами на советско-германском фронте. Кроме того, Пика в это время, по-видимому, и не считал нужным особенно спешить с организацией воинской части, считая необходимым «выиграть время и сберечь наших людей для акций дома»¹¹. Этой позиции он придерживался и впоследствии, хотя и не всегда мог следовать ей. Фирлингер был более настойчив в выяснении причин задержки с подписанием советско-чехословацкого военного соглашения. 12 сентября они оба были приняты Вышинским, который заявил о готовности советских военных органов начать переговоры по этому вопросу. «Собеседники отмечают, — значит в его дневнике, — что чехословацкие части на территории СССР будут малочисленными и их участие в военных операциях против немцев скорее всего имеет символическое значение»¹².

Разработанное советским Генштабом и чехословацкой военной миссией Военное соглашение между Верховным командованием СССР и Верховным командованием Чехословакии, рассмотренное «в правительственных инстанциях»¹³, 27 сентября было подписано генерал-майором А.М. Василевским, тогда заместителем начальника ГШ РККА, и Г. Пикой. «Численность и количество чехословацких воинских частей, — говорилось в соглашении, — будут зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения». Личный состав формировался как на основе призыва, так и в добровольческом порядке. Правительство СССР брало на себя кредитование расходов, связанных с формированием и содержанием чехословацких частей¹⁴.

Сразу после подписания соглашения Фирлингер и Пика развернули активную деятель-

ность по его реализации. Посланник настаивал на скорейшей организации призыва, определении сборного пункта и использовании оставшейся в Суздальском лагере группы интернированных чехословацких легионеров¹⁵ как костяка будущей воинской части. 10 октября Берия сообщил Пике о назначении уполномоченного правительства по делам формирования чехословацкой воинской части в СССР и проекте создания смешанной советско-чехословацкой комиссии для решения всех возникающих в связи с этим вопросов. 14 октября Пика представил Берии в письменном послании конкретный план формирования чехословацких воинских частей в СССР. Предполагалось, что здесь могут быть мобилизованы 5 тыс. чехословацких граждан (подданных Чехословакии до Мюнхенского диктата) плюс советские добровольцы «чехословацкой национальности». Намечалось постепенное формирование трех батальонов с превращением их в «смешанную бригаду», вооружение, снаряжение и обмундирование для которой поставит Англия в рамках оказываемой ею помощи Советскому Союзу. Говорилось о желательности участия чехословацкой части в боях в составе Красной армии. Прилагались таблицы с перечислением вооружения, снаряжения и обмундирования, необходимых для отдельной смешанной моторизованной бригады (4607 человек) и отдельного моторизованного батальона (1124 человека)¹⁶.

Видел ли Берия это написанное на плохом русском языке письменное послание, не известно. Положение на фронте в то время было очень серьезным. Части вермахта подошли вплотную к столице. Началась эвакуация государственных и общественных учреждений, а также дипломатического корпуса. В Куйбышев уехали и сотрудники чехословацкого полпредства, в том числе Фирлингер и Пика. По прибытии в Куйбышев Пика отправил с курьером сообщение в Лондон о разговоре с Берией: «Нас просили потерпеть еще несколько дней, поскольку они (советские власти — В. М.) заняты работой по облегчению положения на фронте. Для них речь шла о сохранении всей страны, о задержке наступления, о победе или поражении. В этом судьбоносном напряжении сил они одиноки, союзники в военном отношении не сделали ничего, чтобы оттянуть часть немецких армий на другой фронт... Эти трудности борьбы в одиночестве они переносят стоически и стремятся сами выправить положение»¹⁷. И может быть не случайно Бенеш, выступая в Государственном совете¹⁸, 25 ноября говорил: «С 22 июня 1941 г. центр тяжести войны переместился на Восток, и самое большое бремя со стороны союзников несет Советский Союз. Он борется не только за себя, но и за всех нас остальных. Его армия, его

экономическая организация и его политическое устройство оправдали себя»¹⁹.

Англичане отказались вооружать чехословацкую часть на территории СССР. Согласно сообщению советского посла при союзных правительствах в Лондоне А. А. Богомолова госсекретарь чехословацкого правительства Г. Рипка просил вооружить чехословацкий батальон советским оружием. 13 ноября Молотов направил Богомолову телеграмму с согласием предоставить формирующейся в СССР чехословацкой части советское вооружение и обмундирование²⁰. 19 ноября «Уполномоченным Верховного командования СССР по связям с чехословацкой военной миссией и по реализации советско-чехословацкого военного соглашения от 27 сентября 1941 г.» был назначен генерал-майор А. П. Панфилов²¹. И дело практического создания чехословацкой воинской части ускорило. Начала действовать возглавляемая Панфиловым и Пикой смешанная советско-чехословацкая комиссия, решавшая конкретные вопросы. Первое ее заседание состоялось 8 декабря в Куйбышеве. В качестве сборного пункта формирующейся части определялся г. Бузулук. Начать, по словам Панфилова, можно было с создания самостоятельной мотомеханизированной бригады, вооружение и снаряжение которой брало на себя советское правительство. Генерал предложил подготовить обращение ко всем чехам, словакам и подкарпатским русинам, несущим службу в немецких, словацких или венгерских войсках на советско-германском фронте, с призывом переходить на сторону Красной армии. Относительно отбывающих наказание в СССР чехословацких подданных Панфилов заявил, что интернированные за нелегальный переход советско-венгерской границы (в 1939 г. — В. М.) будут немедленно освобождены, а мужчины от 18 до 52 лет, способные к несению воинской службы, отправлены в Бузулук. Но «немедленно» не получилось. Делом занимался НКВД, и освобождение, несмотря на указание свыше, шло медленно. На ходе формирования части сказывались и напряженные отношения между Фирлингером и Пикой²², которые обвиняли друг друга во вмешательстве в решение вопросов, не относящихся к сфере его деятельности.

В декабре Панфилов направил Молотову проект постановления ГКО «О чехословацкой армии на территории СССР», которое должен был подписать Сталин, и протокол № 1 заседания смешанной советско-чехословацкой комиссии по ее формированию. В проекте значилось: «1. Разрешить чехословацкому командованию сформировать на территории СССР а) один пехотный батальон — 1100 чел. и б) одну запасную роту — 150 чел. Батальон и запасную роту дислоцировать в г. Бузулуке». Начальнику тыла Красной армии А. В. Хрулеву

и начальнику артиллерии Н. Н. Воронову предлагалось дать соответствующие указания относительно снабжения и вооружения воинской части. Чехословацкому правительству на первый квартал 1942 г. планировалось выдать беспроцентный кредит в сумме 3 млн 700 тыс. рублей²³. В действительности сумма кредита была выше и составляла 5 млн рублей²⁴. 3 декабря советское правительство разрешило «беспошлинный ввоз благотворительных грузов (теплой одежды и других необходимых вещей) для чехословацких воинских частей и чехословацких граждан в СССР»²⁵.

НКВД тем временем продолжал выяснять, сколько чехословацких граждан находится в подведомственных НКВД учреждениях. 19 декабря Вышинский сообщил Молотову о полученных им сведениях: 435 чехословацких подданных и граждан протектората Чехия и Моравия. По мнению Вышинского, следовало поручить НКВД «пересмотреть все эти дела и в зависимости от характера преступления заключенного решать вопрос о его освобождении»²⁶. 7 января 1942 г. Берия, ссылаясь на решение ГКО СССР от 3 января, издал приказ № 1096 «О чехословацкой бригаде на территории СССР» и дал следующие указания: «1. Освободить из тюрем, лагерей, мест ссылки и высылки чехословацких граждан, содержащихся в заключении в качестве военнопленных, интернированных или на других достаточных основаниях», за исключением лиц, «подозреваемых в шпионаже против Советского Союза»; 2. Освобожденных лиц мужского пола призывного возраста (от 18 до 50 лет) направить, снабдив их проездными документами, в г. Бузулук Чкаловской области «в распоряжение штаба чешской армии на территории СССР». Начальнику 2-го управления НКВД СССР комиссару госбезопасности 3-го ранга Федотову приказывалось в декадный срок передать Генштабу Красной армии (генералу Панфилову) списки советских граждан — чехов по национальности, чехов без гражданства и чехословацких политэмигрантов. На это же управление возлагалось и «оперативное обслуживание формируемой чешской бригады»²⁷.

Пока речи не было ни о словаках, ни о жителях, ранее проживавших в оккупированном Венгрией Закарпатье (Подкарпатской Руси). Чехословацкое правительство считало их чехословацкими гражданами и добивалось освобождения. 27 января 1942 г. Пика писал в Лондон: «Подкарпатские русины после полученного в СССР опыта стали воодушевленными чехословаками, обещают, что будут сражаться, как львы, чтобы заслужить возвращения в ЧСР. Их положение в лагерях для интернированных жалкое, они страдают от голода и истощения, от тяжелого авитаминоза, и много их умирает. Необходима их быстрая защита путем набора в армию, иначе в течение года они

вымрут». 20 февраля Бенеш передал советскому послу в Лондоне И. М. Майскому меморандум, касающийся их освобождения из лагерей²⁸. Но советские власти пока считали их гражданами воюющей против СССР Венгрии.

10 января 1942 г. состоялось второе заседание смешанной советско-чехословацкой комиссии. Присутствовали генерал Панфилов, его заместитель майор госбезопасности Г. С. Жуков и полковник Пика. Панфилов, согласно протоколу, довел до сведения Пики следующее: 1. Правительство СССР разрешило сформировать на территории СССР одну моторизованную бригаду численностью 2350 человек. В первую очередь формируется один моторизованный батальон (1100 человек) и одна запасная рота (150 человек), которые дислоцируются в Бузулуке; 2. НКВД СССР поручалось освободить чехословацких граждан, указанных в приказе Берии от 7 января; 3. Гражданам СССР «чехословацкой национальности» разрешалось добровольно вступать в формирующуюся воинскую часть²⁹. Её ядром должны были стать находившиеся в Суздальском, а затем в Оранском лагерях легионеры Л. Свободы, не «выдворенные» из СССР до начала войны. 5 февраля 1942 г. из Оранского лагеря в Бузулук прибыли 88 офицеров, унтер-офицеров и солдат чехословацкого легиона³⁰. Пика распорядился принять в часть всех добровольцев, невзирая на то, что некоторые из них, будучи коммунистами (их называли «звездарями». — В. М.), выступали против Л. Свободы, которому официально было поручено заниматься организацией первого батальона. Он находился в Бузулуке с группой своих сторонников еще с 28 декабря 1941 г.

В середине января 1942 г. по советскому радио прозвучал призыв к добровольному вступлению в чехословацкую воинскую часть, формирующуюся в СССР. В феврале в Бузулук стали прибывать первые добровольцы. В апреле батальон уже насчитывал более 600 человек. Это были люди разного возраста, национальности, вероисповедания, политических взглядов. Национальный состав батальона в апреле выглядел следующим образом: 110 чехов, 142 чеха (русских³¹), 43 чеха (польских), 21 словак, 19 подкарпатских русин, 3 венгра, 286 евреев³². Некоторые не знали ни чешского, ни словацкого языка. Все это затрудняло формирование батальона. К тому же начала нарастать напряженность в отношениях между Свободой и Пикой, проистекавшая не только из мелочных обид и взаимных претензий, но и из разногласий по принципиальным вопросам. Ко всему прочему началась борьба за идеологическое овладение батальоном. В то время как его командование (Л. Свобода) по-прежнему придерживалось принципа аполитичности армии, коммунисты начали скрытую борьбу за укрепление в части своего вли-

яния. В этом они находили поддержку со стороны ИККИ, членом секретариата которого являлся К. Готвальд. 8 марта он представил руководителю ИККИ Г. Димитрову инструкцию о работе коммунистов в чехословацкой бригаде, которые должны были вести работу среди её личного состава не как открытые члены партии, а только как «чешские и словацкие патриоты»³³. Им рекомендовалось стать «душой всей жизни» бригады, чтобы политически овладеть ею. Конкретную работу в части вели Я. Прохазка, Б. Врбенский и Б. Райцин³⁴.

Ощущая угрозу укрепления в батальоне коммунистического влияния в условиях недостатка офицерских кадров, «чехословацкий» Лондон настаивал на приезде в СССР чехословацких офицеров из Англии. Москва противилась этому. В Бузулуке была организована школа для подготовки офицеров и младших командиров из добровольцев, что, несомненно, открывало дорогу активно действовавшим коммунистам к занятию командных должностей. Несмотря на трудности, весной 1942 г. началось регулярное военное обучение личного состава части. Открылись курсы подрывников, саперов, минометчиков, радистов, военных медиков. При этом использовались советские уставы и учебники. Под негласным руководством коммунистов издавалась газета «Наше войско в СССР». Существовала библиотека, куда поступали советские газеты и журналы. В полную силу работала медицинская часть батальона: люди, прибывающие в Бузулук, как правило, были истощены и больны.

В мае 1942 г. Свобода, без ведома Пика, пригласил Готвальда посетить воинскую часть, рассчитывая при этом решить две задачи: уменьшить трения с коммунистами в самой части и ускорить дело освобождения из лагерей людей, необходимых для ее пополнения. Пика, поставленный перед фактом, был недоволен действиями своего подчиненного, но ничего уже сделать не мог³⁵. Готвальд в сопровождении В. Копецкого и Й. Кроснаржа прибыл в Бузулук 26 мая 1942 г. как депутат Национального собрания бывшей ЧСР. Его поездка формально была приурочена ко дню рождения президента Э. Бенеша (28 мая). Выступление Готвальда перед личным составом части соответствовало духу линии ИККИ, намеченной после 22 июня 1941 г., а именно: добиваться сплочению всех сил в борьбе против гитлеровской Германии. Депутаты-коммунисты были удовлетворены результатами своей поездки в Бузулук, о чем доложили Димитрову 8 июня 1942 г. Пика и Ингр тоже в целом положительно оценили результаты посещения Бузулука коммунистическими деятелями³⁶.

31 мая по договоренности с Готвальдом Свобода направил ему как депутату Национального собрания ЧСР просьбу о максимальной помощи «в решении жизненно важных вопросов, касаю-

щихся чехословацкой воинской части в СССР». Он просил ускорить перевод подкарпатских украинцев, а также пленных чешской, словацкой и карпато-украинской национальности в часть и содействовать более быстрому ее вооружению. К письму прилагался документ, в котором на основании опроса добровольцев, прибывших в Бузулук, сообщались сведения о численности и местах заключения чехословацких граждан по данным на 29 мая 1942 г. В списке значились 22 лагеря и тюрьмы, находившиеся в разных областях СССР³⁷. Авторы письма считали, что приведенные ими данные неполны и что фактически в местах заключения находится гораздо больше «чехословаков». Сообщалось также о призванных в Красную армию в мае 1941 г. волинских чехах, большинство которых было направлено в строительные батальоны, где проходили службу и оседлые чехи, проживавшие в деревнях Краснодарского края, Киевской и Житомирской областей. Как считали составители документа, всего на территории СССР насчитывалось не менее 12 тыс. «чехословаков»³⁸. Естественно, все эти «самодельные» сведения не могли быть точными. И ранее, и позднее цифры 10, 12, 13, 15 и 20 тысяч не раз фигурировали в чехословацких документах, передаваемых советской стороне.

1 апреля 1942 г. Фирлингеру было устно сообщено, что «жители Закарпатской Руси будут рассматриваться как чехословацкие граждане и на них будет распространено решение об освобождении»³⁹. Но дело двигалось медленно, и Ингр, посетивший СССР, в том числе Куйбышев и Бузулук, в июне 1942 г., снова поднял этот вопрос. Положением дел в батальоне министр остался доволен, о чем Пика так говорил Свободе: «Я хотел бы, чтобы ты видел телеграмму, которую он отправил в Лондон. Твой батальон будто бы является лучшей частью во всей нашей заграничной армии». Прохазка в сообщении Димитрову и Готвальду положительно оценил визит Ингра, который, по его мнению, «отверг тенденцию отправить часть на Ближний Восток и высказался за ускорение ее отправки на советско-германский фронт»⁴⁰. Докладывая Бенешу о визите в Советский Союз и посещении батальона, Ингр отметил: «Физическое и моральное состояние части хорошее. Дисциплина и подготовка также очень хорошие. Обучение проходит хорошо, вооружение до настоящего времени исключительно учебное и в очень ограниченном количестве... До сегодняшнего дня в части не было партийно-политических конфликтов — сосуществование хорошее»⁴¹.

Тем не менее, ни Ингр, ни Пика не желали, чтобы Свобода участвовал в дальнейших переговорах с советскими властями в Москве о чехословацкой воинской части. Однако тот, возможно по

настоящему советской стороны, все же принял участие в этих переговорах, что еще более обострило его отношения с Пикой. Ингр, сопровождаемый Пикой и Свободой, встретился с Панфиловым 3 июля 1942 г. Согласно записи беседы, сделанной начальником отдела внешних сношений ГШ КА полковником В.Н. Евстигнеевым, Ингр поставил следующие вопросы: «1. Я прошу как можно скорее обеспечить отправку 1-го чехословацкого батальона на фронт, чтобы сражаться вместе с Красной Армией. Это для нас очень важно. Нам необходимо быстрое получение оружия (помета карандашом: «послан доклад начальнику Генштаба». — В.М.). 2. Как обстоит дело с освобождением карпато-русин⁴². Мне известно, что по этому вопросу тов. Вышинский дал принципиальное согласие. 3. В связи с тем, что мы будем формировать новые батальоны из карпато-русин, я прошу разрешения послать офицеров из Англии... 5. Прошу выделить ваших инструкторов для обучения наших офицеров и солдат и дать необходимые наставления и инструкции (помета: «высылаются». — В.М.)... 8. О кредите на содержание военной миссии. Этот кредит я смог бы получить у англичан, они его нам охотно дадут, но я не хочу просить у них этот кредит. 9. Прошу перевести деньги на дальнейшее содержание батальона (помета: «переведено 1,5 миллиона». — В.М.). 10. Обеспечить батальон оружием». Встреча длилась всего полчаса: с 22 до 22.30. Краткие ответы Панфилова на поставленные вопросы гласили: «1. Ваша просьба будет доложена Главному командованию Красной Армии, думаю, что она будет удовлетворена (помета: «послан доклад». — В.М.). 2. Вопрос об освобождении карпато-русин нужно поставить в дипломатическом порядке. 3. Когда будут сформированы новые чехословацкие батальоны, тогда можно будет обсудить этот вопрос практически... 5. Инструкторов пошлем, инструкции дадим (помета: «посланы». — В.М.)... 8. Можно содержать миссию за счет предоставленного вам кредита. 9. Отпустим 1,5 миллиона рублей (помета: «послал». — В.М.). 10. Учебное оружие будет (помета: «запрошен полный комплект всего вооружения». — В.М.). Генерал Ингр поблагодарил генерала Панфилова за скорое решение его просьб»⁴³. Фирлингер, сообщая Бенешу о переговорах Ингра в Москве, в частности, отмечал, что советские власти полагают возможным ввести батальон в сражения на таком участке фронта, где он «не понес бы излишних потерь»⁴⁴.

Заручившись согласием «чехословацкого» Лондона в вопросе отправки части на советско-германский фронт, Свобода начал действовать, но действовать самостоятельно, не ставя об этом в известность Пика. Почему? Прежде всего, он сам являлся сторонником такого решения вопроса и получал тут поддержку коммунистов

части⁴⁵. Очевидно, вольно или не вольно, подталкивали Свободу к активным действиям в указанном направлении и прикомандированные к части советские офицеры, о чем он писал Ингру в Лондон⁴⁶. Наконец, Свобода знал о негласной позиции Пики, считавшего, что часть должна участвовать в военных действиях лишь на этапе освобождения Чехословакии. Все это и подтолкнуло Свободу к активным действиям. 28 августа он написал от имени всех бойцов и командиров части письма на имя Сталина, начальника ГШ КА и наркома внутренних дел, в которых говорилось, что батальон, закончивший свое обучение в тылу, «ждет получения необходимого вооружения и приказа для отправки на фронт». Подчеркивалось, что это будет иметь огромное «политическое значение для всего освободительного движения нашего народа»⁴⁷. Постфактум Пика должен был согласиться с просьбой Свободы и подтвердить это официально через постпредство.

В середине октября часть получила долгожданное боевое оружие, но ответа на свои письма Свобода не имел. Раньше него положительная реакция советских властей стала известна Готвальду, о чем он и сообщил командиру батальона 17 ноября⁴⁸. 22 ноября 1942 г. советский офицер по связи при части П. Камбулов довел до сведения Л. Свободы, что его просьба была передана И.В. Сталину, который согласился с отправкой батальона на фронт после надлежащего его вооружения. Одновременно сообщалось, что положительно решен и вопрос об освобождении из лагерей подкарпатских русин⁴⁹, переправка которых в Бузулук начнется сразу же после отправки на фронт батальона. Свобода, снова в нарушение субординации, в тот же день отправил на имя Сталина новую телеграмму, в которой сообщал о готовности батальона к отправке на фронт и просил назначить ее дату на 10 декабря 1942 г.⁵⁰ Пика, не желая ссориться с советскими властями, явным фаворитом которых становился Свобода, вынужденно согласился и с этим шагом командира батальона. 17 декабря Пика отправил на имя Сталина «благодарность за прекрасное вооружение чехословацкой воинской части... Для меня является честью сообщить Вам, что техническое и тактическое обучение уже вполне закончено и что 1-й батальон готов к бою». Пика убедительно просил «дать Ваше любезное разрешение к его отправке на фронт»⁵¹.

Генерал-майор С.М. Штеменко, тогда начальник Оперативного отдела ГШ КА, в своих мемуарах объяснял задержку с решением вопроса об отправке батальона на фронт так: «Верховный Главнокомандующий, насколько мне известно, придавал этому батальону исключительно большое политическое значение. Не один раз он высказывался на сей счет в период обсуждения положения на фрон-

тах на заседаниях Ставки. Он склонялся к тому, чтобы не бросать чехословацкий батальон в бой против опытных и хорошо вооруженных немецко-фашистских войск, полагая, что в этом случае он неминуемо понесет большие потери⁵². В конце декабря 1942 г. советские представители проинспектировали состояние боеготовности батальона. В докладе о результатах проверки говорилось, что политико-моральное состояние части находится на высоком уровне, что ее личный и командный состав укомплектован, что она вооружена полностью новым оружием. Выводы гласили: «1. Батальон сколочен и готов к выполнению боевых задач. 2. ...Дальнейшее пребывание батальона в тылу отрицательно отразится на его боеспособности... Командир батальона просит отправить батальон на фронт обязательно в 1942 г., заявляя, что это имеет политическое значение». Вносилось следующее предложение: «Батальон необходимо отправить на фронт, через некоторое время снять с фронта и на его базе формировать отдельную бригаду из прикарпатских русин», которые «уже начали прибывать в Бузулук»⁵³.

В конце 1942 г. батальон насчитывал 970 человек. В его состав входили три пехотные, минометная и пулеметная роты. 22 января 1943 г. нарком обороны приказал отправить часть в распоряжение командующего войсками Воронежского фронта генерал-полковника Ф. И. Голикова. 30 января батальон отбыл в действующую армию. Это было время, когда завершался разгром группировки немецких армий под Сталинградом. Чехословацкое правительство было заинтересовано, чтобы мир узнал об отправке батальона на советско-германский фронт. В записи о заседании смешанной советско-чехословацкой комиссии 2 февраля 1943 г. говорилось: «Считать целесообразным передать ходатайство полковника Пики о разрешении сообщить в печати и по радио о выходе чехословацкого батальона на фронт на рассмотрение соответствующих советских органов»⁵⁴. Разрешение было дано, поскольку Москва тоже была заинтересована в этом. Широко распропагандированная отправка батальона на фронт принесла несомненные дивиденды чехословацкому правительству, укрепив его международное положение.

1 марта 1943 г. батальон прибыл в район Харькова и занял оборонительные позиции протяженностью 10 км на линии Миргород — Соколово — Артюховка, на северном берегу реки Мжи. Здесь у деревни Соколово состоялось боевое крещение части. Батальон сражался на этом участке фронта до 13 марта, сдерживая танковые атаки немцев и неся большие потери⁵⁵, о чем говорилось в донесении Свободы командующему фронтом 29 марта 1943 г.: потери батальона составили 25%, в том числе 153 человека убитыми, 92 — ранеными и 122 — пропавшими без вести.

Командующий фронтом, и это было сообщено Пике, высоко оценил боеспособность батальона и стойкость бойцов: «Несмотря на массовое введение в бой немецких танков», батальон без поддержки собственных танков «выдержал напор и сумел организовать оборону выделенного ему участка, нанеся неприятелю большой материальный (в танках) и человеческий урон. Он отступил лишь по приказу свыше»⁵⁶. Прибывший в начале апреля в Бузулук из Англии полковник (впоследствии генерал) Я. Кратохвил констатировал, что введение батальона в бой было целесообразно, что его командование хорошо справилось с возложенными на него задачами и что потери части в сражении полностью соответствовали обстоятельствам⁵⁷. Специальная комиссия при Высшей военной академии Генерального штаба КА определила военное значение боев у Соколово, по словам Свободы, так: «Чехословацкая воинская часть в значительной мере содействовала тому, что на важном участке обороны южнее Харькова удалось задержать противника на восемь-десять дней... Это позволило советскому командованию выиграть время для того, чтобы подтянуть на харьковское направление свежие войска»⁵⁸. Многие солдаты и офицеры батальона, отличившиеся в этих боях, получили советские и чехословацкие ордена и медали. Л. Свобода, первый иностранный гражданин, был награжден орденом Ленина. О. Ярош, посмертно произведенный в капитаны, стал первым иностранцем, который тоже посмертно получил звание Героя Советского Союза⁵⁹.

Понесший большие потери батальон в начале мая был передислоцирован в г. Новохоперск, где происходило его переформирование. 29 апреля ГКО СССР принял постановление о создании здесь 1-й чехословацкой пехотной бригады, основой которой должны были стать батальон Свободы и сформированный в Бузулуке в основном из подкарпатских русин (украинцев) запасной полк. В сентябре 1943 г. именно они составляли основную часть (2210 человек, т.е. 62,7%) бригады, насчитывавшей к тому времени 3517 солдат и офицеров. Среди них было 563 чеха (16%), 342 словака (9,7%), 204 еврея (5,8%), 169 советских граждан, а также венгры, поляки, немцы, латыши, русские. К бригаде были прикомандированы 21 советский офицер и 148 солдат. Они занимали должности специалистов, которых в части не хватало (медиков, радистов, отчасти артиллеристов)⁶⁰. 27 мая 1943 г. декретом президента командиром бригады был назначен Свобода, что соответствовало желанию советского командования, но не совпадало с намерениями «чехословацкого» Лондона назначить на эту должность Кратохвила. Для пополнения бригады в Бузулуке создавалась запасная рота. В итоге было найдено компромиссное решение: Кратохвил стал

командиром всех чехословацких воинских частей, т.е. формальным начальником Свободы.

Между тем продолжались поиски людей, которыми можно было бы пополнить чехословацкие воинские части. 16 июня Пика ходатайствовал перед комиссаром госбезопасности Г.С. Жуковым, с февраля Уполномоченным СНК СССР по формированию чехословацких частей на территории СССР, о проведении «дополнительного призыва среди граждан, проживающих в СССР, а также среди военнопленных словацкой, венгерской и немецкой армий, чехов и словаков по национальности». Он просил также о разрешении приехать в СССР чехословацким офицерам (всего 50), поскольку в бригаде из положенных по штату 195 офицеров имеется только 69. Жуков обещал доложить об этом Верховному Главнокомандованию КА⁶¹. 27 июня Жуков сообщил Пике о согласии советского правительства освободить чешских и словацких военнопленных, если они пожелают вступить в ряды чехословацкой армии в СССР. 5 июля в состав бригады была принята словацкая рота (200 человек) под командованием надпоручика П. Марцелли. В сентябре в бригаду входили два пехотных и танковый батальоны, артиллерийская и зенитная батареи, роты разведчиков, саперов, связистов, минометный и кавалерийский взводы и обслуживающие подразделения. Бригада получила новейшее советское вооружение, в том числе 10 средних и 10 тяжелых танков, 212 тягачей, легковых, транспортных и специальных автомашин и т.д.⁶²

После победы Красной армии в грандиозной битве под Курском, высадки войск союзников в Сицилии, выхода из войны Италии представлялось, что недалеко и время освобождения Чехословакии. Свобода считал, что бригада подготовлена к отправке на фронт. Пика же полагал, что пока этого не следует делать, поскольку ее численность не достигает ранее запланированной, обучение и моральная подготовка не соответствуют необходимому уровню и слаб офицерский корпус: не хватает 100 офицеров, а вновь назначенные не имеют опыта командования, мало и плохо обучены. Пике поддерживал и Кратохвил, отношения которого со Свободой также не сложились. Но вопреки всем трудностям бригада была сформирована. Советская инспекционная комиссия нашла ее готовой к отправке на фронт. 30 сентября на фронт убыл первый эшелон, затем еще девять. 17 октября бригада прибыла в район сосредоточения. 12 октября Ингр, Пика и Свобода получили телеграммы за подписью Сталина, в которых выражалась уверенность, что чехословацкие солдаты и офицеры вместе с Красной армией «принесут освобождение своей стране» и подчеркивалось, что «Красная Армия и в дальнейшем будет оказывать чехословацкому народу всяческую поддержку в его борьбе за осво-

бождение Чехословакии от гитлеровских захватчиков». Откликнувшись на просьбу Пики от 5 октября о сформировании авиационной эскадрильи Сталин лично принял решение о предоставлении первоклассной авиационной техники, механиков и вспомогательных служб для одного авиационного полка, «как это было сделано в случае с французским авиационным формированием». Советское командование приняло решение об обучении чехословацких военнослужащих в советских авиационных училищах⁶³.

Чехословацкая бригада вошла в состав 51-го корпуса 38-й армии 1-го Украинского фронта под командованием генерала армии Н.Ф. Ватутина. В конце октября шла подготовка операции Красной армии по освобождению Киева. Свобода, теперь уже в звании полковника, просил советское командование задействовать чехословацкую часть на направлении главного удара. Просьба была удовлетворена. Участие корпуса и чехословацкой бригады в боях за Киев в деталях описано Свободой. Потери части, согласно его мемуарам, были гораздо меньше, чем в бою у Соколово: 30 убитых и 80 раненых⁶⁴. В приказе Верховного Главнокомандующего от 6 ноября 1943 г. по случаю взятия Киева наряду со многими советскими частями отмечалась и отдельная чехословацкая бригада полковника Свободы. Президиум Верховного Совета СССР наградил бригаду и ее командира орденом Суворова 2-й степени, а 139 солдат и офицеров различными орденами и медалями. Офицеры А. Сохор, Й. Буршик и Р. Тесаржик получили звание Героя Советского Союза. 20 декабря Бенеш, прибывший в Москву для подписания советско-чехословацкого договора, присвоил Свободе звание бригадного генерала (генерал-майора) и наградил его Чехословацким военным крестом 1939⁶⁵. Пика получил это звание несколько раньше. И Пика, и Свобода были приглашены на обед, который дал Сталин в честь Бенеша и чехословацкой делегации.

В дальнейшем чехословацкая бригада с успехом участвовала в Житомирско-Бердичевской и Корсунь-Шевченковской операциях Красной армии по освобождению всей Правобережной Украины. За участие в боях за г. Белая Церковь бригада получила еще одну правительственную награду, орден Богдана Хмельницкого 1-й степени⁶⁶. В конце октября — ноябре 1943 г. под Мелитополем на советскую сторону либо перешли добровольно, либо сдались в плен 2731 солдат и офицер 101-й пехотной дивизии словацкой армии. Часть их позднее пополнила личный состав чехословацкой бригады, а большая часть стала основой формирующейся в СССР 2-й чехословацкой парашютно-десантной бригады.

Во время визита Бенеша в Москву в декабре 1943 г. была достигнута договоренность относи-

тельно дальнейшего создания чехословацких воинских частей на территории СССР. С советской стороны переговоры по этому вопросу вели Г.С. Жуков и лично назначенный Сталиным заместитель начальника Генштаба КА Ф.И. Голиков. Уже на второй день после отъезда Бенеша из Москвы 23 декабря Г.С. Жуков представил Сталину проект постановления ГКО на этот счет. В нем, в частности, говорилось: «Мы имеем в настоящее время до 6500 человек, из них 3000 человек в бригаде Свободы; 2000 в лагерях для военнопленных, 1200 человек в запасной части, дислоцированной в Бузулуке, и 200 человек в госпиталях». 30 декабря ГКО за подписью Сталина принял Постановление «О дополнительном формировании на территории СССР чехословацких воинских частей». Речь шла об отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригаде с указанием составляющих ее подразделений, об отдельном танковом батальоне, об отдельной авиационной эскадрилье истребителей (позже она была переименована в 1-й отдельный чехословацкий истребительный полк, располагавший 32 самолетами), о запасном пехотном батальоне. «На укомплектование формируемых частей бригады, — говорилось в постановлении, — обратить личный состав ныне существующей запасной чехословацкой части, а также состав военнопленных германской, венгерской, итальянской и румынской армий чехословацких национальностей и гражданства, содержащихся в лагерях НКВД для военнопленных». Определялись пункты формирования указанных частей: г. Ефремов Московской области, куда следовало передислоцировать и запасной чехословацкий батальон из Бузулука, и г. Иваново. На НКО СССР возлагалось финансовое обеспечение новых воинских частей, для которых бесплатно отпускалось все необходимое имущество. Говорилось о выделении квалифицированных офицеров-инструкторов для обучения личного состава новых формирований и подготовке в советских военных училищах чехословацких военнослужащих. Форма и знаки различия для них устанавливались в соответствии с принятыми в чехословацкой армии до 1938 г. Удовлетворялось «ходатайство чехословацкого командования о разрешении въезда в СССР недостающего количества старших офицеров» с упрощенной процедурой оформления. На НКГБ СССР возлагалась ответственность за оперативное обслуживание чехословацких воинских частей⁶⁷.

В тот же день, 30 декабря, состоялись советско-чехословацкие переговоры о конкретных вопросах формирования 2-й отдельной чехословацкой воздушно-десантной бригады в СССР. Личный ее состав на 70% состоял из сдавшихся в плен словаков. Советское командование внимательно следило за ходом формирования и обучения личного состава бригады, получая каждые 10 дней соот-

ветствующую информацию на этот счет. В конце января 1944 г. бригада насчитывала более 2700 человек, в конце апреля ей было вручено боевое знамя⁶⁸. Весной и особенно летом 1944 г. велись активные советско-чехословацкие переговоры о помощи СССР готовившемуся в Словакии восстанию. Предполагалось, что бригада будет десантирована на словацкую территорию, чтобы помочь повстанцам, когда это будет необходимо.

Все существующие и вновь создаваемые чехословацкие воинские части должны были реорганизоваться в 1-й чехословацкий армейский корпус (1-й ЧАК) под командованием генерала Кратохвила. 10 апреля 1944 г. Генштаб КА издал директиву о формировании корпуса и размещении его командования в г. Ровно. Запасной батальон преобразовывался в полк и вместе с танковым батальоном передислоцировался из Московской области тоже в район Ровно. Еще 7 марта 1944 г. 1-я бригада получила приказ переместиться на Волынь тоже в район Ровно для переформирования. Согласно указанной директиве Генштаба КА ее численность разрешалось довести до 5582 человек. Был начат набор в часть так называемых волыньских чехов, предки которых в массовом порядке переселились на территорию Волынской губернии Российской империи еще в 60–70 годы XIX в. Живущие здесь в основном по деревням чехи сохранили свой язык и культуру. По словам Свободы, их насчитывалось примерно 45 тыс. Они знали о гитлеровцах не понаслышке: в июле 1943 г. 400 жителей деревни Чешский Малин были зверски замучены и сожжены карателями⁶⁹. Среди волыньских чехов оказалось много добровольцев, готовых с оружием в руках сражаться за освобождение Чехословакии, до предвоенных границ которой оставалось чуть больше 400 км. Преимущественно из волыньских чехов начала формироваться в районе г. Каменец-Подольский и 3-я отдельная чехословацкая пехотная бригада. Численность ее согласно директиве Генштаба КА от 19 мая 1944 г. составляла тоже 5582 человека. Командиром был назначен прибывший из Англии генерал К. Клапалек. К 1 июля она была в основном сформирована. В связи с нехваткой офицерских кадров для вновь создаваемых чехословацких частей Генштаб КА дал указание начать их обучение в советских военных училищах. В октябре 1944 г. на чехословацких отделениях десяти советских училищ числилось 425 чехов и словаков.

О составе, настроениях и политработе в чехословацких воинских частях составила подробную справку ответственный секретарь чехословацкой секции Всеславянского комитета С.А. Шмераль⁷⁰, находившаяся в частях в командировке с 13 июля по 5 августа 1944 г. Информация основывалась на ее личных наблюдениях и беседах. Солдатские

кадры 1-го ЧАК Шмераль поделила на несколько групп: одна состояла в основном из чехов, среди которых было много коммунистов и которые в большинстве положительно относились к СССР и идее славянской взаимности. Ко второй, «мелкобуржуазной», группе она относилась вольных чехов, среди которых мало «колхозников и много зажиточных крестьян», в ней немало людей, вступивших в ЧАК, дабы впоследствии избежать вступления в колхозы и намеренных уехать в освобожденную Чехословакию и получить там землю. К третьей группе Шмераль относилась перешедших на сторону Красной армии словаков, среди которых много партизан — одесских, крымских, белорусских. Они восторженно отзывались о советских людях и Красной армии. Четвертую составляли карпато-украинцы, главным образом крестьяне, освобожденные из советских лагерей. «Первое время эти люди находились в подавленном настроении. Офицеры говорили, что карпато-украинцы проявляют особое рвение в учебе, очень дисциплинированы и на них можно будет положиться в бою». В материальном отношении, сообщила Шмераль, солдаты прекрасно обеспечены, хорошо питаются.

Относительно Свободы в справке говорилось, что он «пользуется наибольшей популярностью во всех частях», что он просил советское командование отправить его бригаду на фронт, поскольку она в отличие от других частей достаточно подготовлена, чтобы сражаться вместе с Красной армией за освобождение Чехословакии. Шмераль отмечала и популярность в армии Кратохвила: «Это — не близкий нам человек, но солдаты любят его за демократизм, за то, что он бывает в частях, знаком со многими солдатами, запросто с ними разговаривает... Политработе он не мешает, но и не поддерживает ее, а только терпит. Другие командиры бригады мало популярны в массах, хотя они и опытные военные специалисты». Офицеров Шмераль разбила на три группы: приехавшие из Англии и с Ближнего Востока, большей частью скептически относящиеся к СССР, но не проявляющие это открыто, кадровики, которые занимают все высшие командные посты; бывшие офицеры словацкой дивизии (в прошлом учителя, студенты, частично кадровые офицеры словацкой армии), перешедшей на сторону Красной армии. Они «мечтают о новой Чехословакии и искренне симпатизируют СССР». Однако Шмераль считала их людьми недостаточно политически грамотными, которым надо помочь разобраться в политических вопросах, и тогда «они могут быть полезны и теперь, и в Чехословакии». Третья группа — коммунисты и близкие к ним люди, большей частью находящиеся на политработе. Общий вывод Шмераль гласил: «Чехословацкие части готовы к боям, хотят сражаться, однако наше влияние на солдат и особенно на офицеров еще

недостаточно, мы его можем и должны увеличить путем индивидуальной работы»⁷¹.

Вопросы взаимодействия Красной армии и чехословацких частей обсуждались еще во время пребывания Бенеша в Москве. Тогда была достигнута договоренность о том, что в боях на территории Чехословакии операции будут проводиться всегда совместно. 8 мая 1944 г. по инициативе чехословацкой стороны было подписано Соглашение об отношениях между советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии. В конце августа 1944 г. Красная армия подошла к довоенным границам ЧСР, в освобождении которой должен был участвовать и Чехословацкий армейский корпус⁷². Шли интенсивные переговоры о помощи СССР уже начавшемуся в Словакии восстанию, в том числе и путем осуществления прорыва Красной армии через Карпаты (О Карпато-Дуклинской операции КА см. кн. 36). В составе 1-го Украинского фронта согласно приказу Верховного Главнокомандующего действовали и чехословацкие воинские части: «Чехословацкий пехотный корпус в составе 1-й Чехословацкой пехотной бригады, 2-й чехословацкой воздушно-десантной бригады, 3-й Чехословацкой пехотной бригады, 1-й Чехословацкой танковой бригады, 6-го Чехословацкого корпусного артополка»⁷³.

Потери личного состава корпуса, как и советских частей, в боях за Дуклу были огромны. Основываясь на этом, Ингр посчитал нужным расформировать корпус⁷⁴. Но это предложение не было реализовано. Командование 1-го ЧАК и советское командование считали, что пополненный и довооруженный корпус следует использовать не только для дальнейшего освобождения Чехословакии, но и как основу ее будущей армии. В конце 1944 г. — первой половине 1945 г. чехословацкие воинские части бок о бок с Красной армией сражались за освобождение Чехословакии (см. кн. 37). 5 мая, когда началось восстание в Праге, 1-й ЧАК был еще далеко от неё. Окончание войны в Европе он встретил в районе города Простейов. Но чехословацкая танковая бригада, находившаяся в г. Оломоуц, 8 мая получила приказ «идти на помощь восставшей Праге». 10 мая первые 8 танков 1-й чехословацкой танковой бригады, действовавшие в составе 38-й армии 4-го Украинского фронта, вошли в освобожденную Прагу⁷⁵. 17 мая здесь состоялся торжественный парад: по Староместской площади под боевыми знаменами прошли части 1-го ЧАК, сформированного в Советском Союзе и начавшего свой боевой путь в сражениях на советско-германском фронте. Численность личного состава корпуса, составлявшая в апреле 32 тыс., в мае 1945 г. увеличилась до 60 тыс. человек⁷⁶. Среди сражавшихся в чехословацких частях

шестеро были удостоены звания Герой Советского Союза: генерал Л. Свобода, поручик О. Ярош, капитан А. Сохор, капитан Р. Тесаржик, подпоручик И. Буршик, поручик С. Вайда. Шесть человек получили звание Героя ЧССР: генерал Л. Свобода, генерал армии К. Клапалек, подполковник Й. Коль, капитан Ф. Врана, капитан В. Опатрны, надпоручик Р. Яслок.

Судьба двух людей, стоявших у истоков создания воинских частей на территории СССР, Гелиодора Пики и Людвика Свободы, сложилась по-разному: у первого — трагически, у второго — драматически. Генерал Пика, которому было предъявлено обвинение в антисоветской деятельности и шпионаже в пользу Запада, 21 июня 1949 г. был казнен. Послевоенная судьба Людвика Свободы тоже изобиловала драматическими моментами. В начале 1950-х годов он был уволен из армии и подвергся репрессиям. Однако в 1954 г. благодаря личному вмешательству Н. С. Хрущева Л. Свобода был восстановлен в армии и воинском

звании. В 1965 г., к 20-летию победы над фашистской Германией, Свободе было присвоено звание Героя Советского Союза. Одновременно он получил и звание Героя ЧССР. 30 марта 1968 г. Л. Свобода был избран Президентом ЧССР вместо подавшего в отставку А. Новотного. В августе 1968 г. Свобода как президент и главнокомандующий не допустил опасного противостояния советских и чехословацких войск, считая, что выход из создавшегося положения следует искать на путях договоренности и компромисса с Москвой. В 1970 г. Свобода вторично получил звание Героя ЧССР, а третий раз удостоился его в 1975 г., когда по состоянию здоровья вынужден был уйти с поста президента. Л. Свобода ушел из жизни 20 сентября 1979 г. в возрасте 84 лет. Солдаты и офицеры чехословацких воинских частей, сражавшихся бок о бок с Красной армией на советско-германском фронте и внесших свой вклад в победу над нацизмом, заслужили, чтобы память о них жила в нынешних России, Чехии и Словакии.

¹ См. подробнее: Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007, с. 262–291.

² См. Советский Союз и Словацкое национальное восстание 1944 г. // Новая и новейшая история, 1996, № 5, с. 115, примечание 59.

³ Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. D. 1. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998, s. 196–197 (далее: ČSVDJ 1). См. также: Марьина В. В. Указ. соч. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009, с. 18–20.

⁴ Benčík A., Richter K. Vražda jménem republiky. Tragický osud generála Heliodora Píky. Praha, 2006. S. 159.

⁵ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. Март 1939 г. — декабрь 1943 г. М., 1981. С. 129 (далее: ДМИСЧО 4–1).

⁶ ČSVDJ 1, s. 214–216.

⁷ Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 25. Д. 347. Л. 1–3.

⁸ Там же. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 19–21.

⁹ Там же. Л. 32–34.

¹⁰ Benčík A., Richter K. Op. cit. S. 175; ČSVDJ 1. S. 216–217.

¹¹ ČSVDJ 1. S. 220–227.

¹² АВПРФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 31. Д. 53. Л. 45–46.

¹³ Там же. Л. 51.

¹⁴ ДМИСЧО 4–1. С. 170–171.

¹⁵ Легион под командованием Л. Свободы был интернирован на территории СССР в сентябре 1939 г. Большая его часть в течение 1940 — первой половины 1941 г. была переправлена сначала на Ближний Восток, затем во Францию. Небольшая часть легиона осталась в Суздальском лагере. (См. Марьина В. В. Указ. соч. Кн. 1. С. 200–261).

¹⁶ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ (далее: ЦА ФСБ РФ). Ф. К–1ос. Оп. 11. Д. 49. Л. 1–10.

¹⁷ Benčík A., Richter K. Op. cit. S. 206–207.

¹⁸ Совещательный орган при эмигрантском правительстве, имитирующий парламент.

¹⁹ Beneš E. Šestletí exilové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 296.

²⁰ ДМИСЧО 4–1. С. 177, 179.

²¹ АВПРФ. Ф. 0138. Оп. 20. П. 130а. Д. 4. Л. 24.

²² Там же. Л. 77.

²³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 26. Д. 35. Л. 1–3.

²⁴ ДМИСЧО 4–1 С. 188.

²⁵ Там же. С. 183.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 26. Д. 35. Л. 9.

²⁷ Российский государственный военный архив, Центр хранения историко-документальных коллекций (далее: РГВА ЦХИДК). Ф. 01. Д. 4. Л. 263, 282.

²⁸ ČSVDJ 1. S. 314, 316 (примечание 1 к документу 152).

- 29 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Д. 200. Т. 4. Л. 14–18.
- 30 Свобода Л. От Бузулука до Праги. М., 1969. С. 62.
- 31 Видимо, либо проживавших в СССР, либо советских граждан.
- 32 Brož M. Válečné dokumenty vypovídáje. Čs. vojenská jednotka v SSSR v dokumentech, exponátech a fotografií. Praha, 2005. S. 13, 19.
- 33 Российский государственный архив социально-политической истории (далее: РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 41–42.
- 34 Benčík A., Richter K. Op. cit. S. 226.
- 35 ДМИСЧО 4–1. С. 214.
- 36 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 3–6; ДМИСЧО 4–1. Л. 232–233; Benčík A., Richter K. Op. cit. S. 238.
- 37 См. подробнее: Марьина В. В. Указ. соч. Кн. 2. С. 79–80.
- 38 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 545. Л. 23–25.
- 39 АВП РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 25. Д. 77. Л. 48.
- 40 Benčík A., Richter K. Op. cit. S. 246.
- 41 ДМИСЧО 4–1. С. 232.
- 42 Так назывались тогда в чехословацких документах жители Закарпатья (Подкарпатской Руси).
- 43 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 50. Д. 200. Т. 5. Л. 5–6. Там же находится приветствие, направленное Л. Свободой И. В. Сталину 2 июля 1942 г. (л. 4).
- 44 ČSVDJ 1. S. 361.
- 45 РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 543. Л. 115а, 116.
- 46 «Прикомандированные к части советские офицеры связи неоднократно намеками и вопросами пытались выяснить, является ли участие в активных боевых действиях на фронте искренним желанием тех, кто должен идти на фронт, или же соответствующие заверения были даны нашими официальными деятелями в официальных советских учреждениях лишь формально» (ДМИСЧО 4–1. С. 242–243).
- 47 Там же. С. 234–235.
- 48 Там же. С. 254.
- 49 Подробнее о переговорах по этому вопросу см.: Марьина В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. 1939–1945 гг. Документальный очерк. М., 2003, с. 33–34.
- 50 ДМИСЧО 4–1. С. 255.
- 51 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 49. Д. 200. Т. 4. Л. 34.
- 52 Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. Кн. 2. М., 1989. С. 470.
- 53 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 50. Д. 200. Т. 5. Л. 13–16.
- 54 Там же. Пор. № 49. Д. 200. Т. 4. Л. 38.
- 55 См. подробнее: Свобода Л. Указ. соч. С. 91–158.
- 56 ČSVDJ 1. S. 400 (примечание 4 к документу 224).
- 57 Fierlinger Z. Ve službách ČSR. Díl 2. Praha, 1948. S. 105.
- 58 Свобода Л. Указ. соч. С. 159.
- 59 ДМИСЧО 4–1 С. 285, 297–298, 341 (примечание 1 к документу 269).
- 60 Чехословацкие воинские части в СССР. — <http://www.czechpatriots.com/csmu/members.php>
- 61 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 50. Д. 200. Т. 5. Л. 59–60.
- 62 Свобода Л. Указ. соч. С. 175.
- 63 ДМИСЧО 4–1. С. 354–361, 379–380 (примечание 1 к документу 307).
- 64 Свобода Л. Указ. соч. С. 194–209.
- 65 Brož M. Op. cit. S. 43–45, 49.
- 66 ДМИСЧО. Т. 4. Кн. 2. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 39, 42, 44 (далее: ДМИСЧО 4–2).
- 67 РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 2. Д. 264. Л. 228–235.
- 68 ДМИСЧО 4–2. С. 29–30 (примечание 4 к документу 14), 37; Brož M. Op. cit. S. 51, 54.
- 69 Свобода Л. Указ. соч. С. 249–250.
- 70 Шмераль Софья Александровна — вдова видного деятеля КПЧ Богумира Шмерала, скончавшегося в Москве в 1941 г.
- 71 ЦА ФСБ РФ. Ф. К–1ос. Оп. 11. Пор. № 46. Д. 200. Т. 4. Л. 90–98.
- 72 Русский архив: Великая Отечественная. Красная Армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Документы и материалы, т. 14–3 (2). М., 2000. С. 483–484.
- 73 Там же. С. 387, 405.
- 74 Свобода Л. Указ. соч. С. 345.
- 75 Там же. С. 419–420.
- 76 <http://www.czechpatriots.com/csmu/corps.php>.

Словацкая армия на Восточном фронте (1941–1944 гг.)

В. В. Марьина*

Словацкое государство, возникшее под наблюдением и под нажимом Гитлера 14 марта 1939 г., осенью того же года получило официальное наименование Словацкая республика (СР). Имевшая президента монсеньора Йозефа Тисо, правительство и все формальные атрибуты государственности (герб, флаг, гимн), она, по сути, стала сателлитом нацистской Германии, которая отводила ей определенное место в своих геополитических расчетах. «Ворота на Балканы», «окно в Юго-Восточную Европу» — так похоже именовалась Словакия немецкими и советскими¹ дипломатами. Гитлер рассчитывал использовать её для реализации своих политических, военно-стратегических и экономических целей при установлении «нового порядка» в Европе. Берлин сразу же стал диктовать СР свою волю, о чем свидетельствовал так называемый Охранный договор, подписанный Словакией с Германией 23 марта 1939 г. Его положения сводились к следующему:

- 1) Германский рейх брал на себя охрану политической независимости Словацкого государства;
- 2) в связи с этим вермахту предоставлялось право строить военные объекты в Словакии и держать там военные части (это касалось территорий на западе страны);
- 3) словацкое правительство должно было организовать свои вооруженные силы в тесном контакте с германскими вооруженными силами;
- 4) проводить свою внешнюю политику тоже в тесном контакте с правительством Германии.

Договор заключался на 25 лет². Сохранявший свою силу в течение всей Второй мировой войны, он свидетельствовал, что Словакия оказалась абсолютно зависимой от Германии и вынуждена была следовать в фарватере ее внешней полити-

ки. «Третий рейх» использовал фиктивную самостоятельность Словакии для реализации своих военных планов, в том числе и для подготовки нападения на Польшу и СССР. 1 сентября 1939 г. части словацкой армии вместе с германскими вооруженными силами вторглись на территорию Польши. Война, которая со стороны Словакии велась под ирредентистскими и реваншистскими лозунгами, продолжалась недолго и завершилась присоединением к СР с согласия Берлина небольших территорий, отошедших к Польше в 1920, 1924 и 1938 гг.

После утверждения германского плана «Барбаросса» Словакия стала особо интересовать «третий рейх» как «страна, близко расположенная к Советскому Союзу»³. Большой интерес она представляла и для СССР. «В Словакии, — писал в отчете за 1940 г. советский полпред Г. М. Пушкин, — мы должны следить за всеми приготовлениями немцев и за их работой на Балканах». Однако усилить своё влияние в Словакии из-за жесткого противодействия Германии Советскому Союзу не удалось. «Словакия пока что для нас только наблюдательный пункт», — констатировал Пушкин. Таким же «наблюдательным пунктом» оставалась Словакия для СССР и в первой половине 1941 г., который, по словам полпреда, не сулил «каких-либо существенных изменений между СССР и Словакией, если последняя будет находиться в такой же зависимости от немцев, как и сегодня»⁴.

В мае 1941 г. слухи о готовящейся войне между Германией и Советским Союзом приняли в Словакии лавинообразный характер. Они основывались на спешном строительстве железных и шоссейных дорог в восточной части страны, на массовой переброске в район бывшей польской и советской границы немецких войск. В конце мая

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

Г. М. Пушкин сообщал, что «немцы серьезно подготавливают Словакию к будущим военным операциям», что она «сейчас проявляет особую активность в проведении мероприятий по обороне страны»⁵. После разгрома Югославии поведение словацких государственных верхов по отношению к Германии становилось все более верноподданническим. Словакия первая порвала дипломатические отношения с Югославией после её оккупации и поспешила с признанием самостоятельной Хорватии⁶. Необычайно пышно был отпразднован в Словакии день рождения Гитлера 20 апреля 1941 г. По словам Пушкина, на обеде в честь юбилея Тисо произнес «небывалую по своему великолепию речь». Словацкий президент заявил, что словацкий народ «видит в Адольфе Гитлере отца великой семьи народов», строящих новую Европу, и выразил «безмерную благодарность» фюреру за то, что тот взял под свою опеку словаков, которые хотят отплатить ему за это «сыновней преданностью и верностью»⁷. В мае словацкая военная делегация во главе с военным министром Ф. Чатлошем посетила по приглашению Гитлера германские гарнизоны во Франции и Бельгии, расположенные по линии Мажино, «для ознакомления с особенностями современного боя при преодолении укрепленных районов»⁸. Словацкий «прицеп» все крепче привязывался к германской военной машине и уже почти автоматически последовал за ней, когда она открыто повернула на восток. За два дня до нападения Германии на Советский Союз в Братиславу (проездом из Бухареста и Будапешта) инкогнито прибыл начальник германского генерального штаба генерал-полковник Ф. Гальдер и сообщил о желании Гитлера, чтобы словацкая армия вместе с германскими войсками участвовала в войне против СССР.

До недавнего времени об участии словацких вооруженных сил на советско-германском фронте мало что было известно. Почему? Ни чехословацкая, ни советская историография после войны старались не касаться этой темы: по всей видимости, считалось неэтичным «копаться» в историческом прошлом государства-члена социалистического содружества, свидетельствующем о его военном противостоянии с советской страной. В послевоенной историографии, как чехословацкой, так и советской, первой Словацкой республике (1939–1945 гг.) почти не уделялось внимания. Об участии словацкой армии в войне против СССР, если и говорилось, то только в плане нежелания её солдат и офицеров сражаться против Красной армии, об их русо- и славянофильских настроениях, переходе на сторону советских войск и партизан. Несомненно, было и это, особенно после окончательного перелома в войне в 1943 г., но было и другое, о чем предпочитали не говорить. «Заго-

вор молчания» был прерван после 1989 г., и особая заслуга в этом принадлежала Й. Быстрицкому, тогда директору словацкого Института военной истории. Его исследования базировались как на материале словацких, так и российских архивов⁹. В 2000 г. Военно-исторический институт Министерства обороны Словакии и Институт истории АН Словацкой Республики провели международную научную конференцию на тему «Словакия и Вторая мировая война», с докладом на которой о действиях сухопутных сил словацкой армии на советско-германском фронте выступил Й. Быстрицкий¹⁰. Словацкими историками стали рассматриваться и другие аспекты включения вооруженных сил СР в войну на Восточном фронте¹¹. Появились и монографические исследования на эту тему, основанные на широкой источниковой базе и, прежде всего, на материалах словацких архивов¹².

Учитывая желание своего патрона, гитлеровской Германии, и по собственной воле руководство Словакии приняло решение об участии в войне против СССР. Следовать в фарватере германской внешней политики Словакию обязывал и упомянутый выше так наз. Охранный договор. В собственноручно написанных на русском языке¹³ признаниях (26 сентября 1944 г., Бутырская тюрьма в Москве) словацкий военный министр Ф. Чатлош утверждал, что он не одобрял войну Словакии против Советского Союза, мотивируя это неготовностью словацкой армии. На это «доверенный человек Гитлера» глава словацкого правительства В. Тука, рассердившись, якобы ответил, что «политические аргументы являются более важными, чем военные». «В тот же день (21 июня 1941 г. — В. М.), — писал Чатлош, — я был вместе с премьером принят президентом. Последний долго раздумывал и был в нерешительности, однако германский посланник (Э. Г. Лудин — В. М.) торопил: „если сегодня Гитлер не получит ответ, говорил он, то Словакия почувствует последствия“. Президент высказался не за объявление войны СССР, а за присоединение словацкой армии к германской армии, чтобы показать миру, что мы были вынуждены это сделать»¹⁴. По словам Чатлоша, будучи военным министром он проводил такую политику, чтобы «по возможности не воевать против СССР на стороне Германии, а сохранить в этой войне словацкий народ», поскольку считал, что «сопротивление маленькой Словакии германской армии привело бы в начале войны к истреблению словацкого народа». Находясь под контролем немцев, — писал Чатлош, — «мы не могли делать иначе... Другого выхода не было. В противном случае Германия нас могла уничтожить»¹⁵. Трудно сказать, что в этих утверждениях было правдой, а что следствием желания зарабо-

тать алиби и реабилитироваться в глазах Москвы на завершающем этапе войны.

Вопрос о вступлении Словакии в войну так или иначе был решен. 23 июня 1941 г. нарком иностранных дел СССР В.М. Молотов принял словацкого посланника Ю. Шимко, который заявил, что словацкое правительство прерывает дипломатические отношения с СССР. При этом он с недоумением отметил, что братиславские власти три недели назад заверили его, что «не предвидится никаких угрожающих событий», и объяснил их решение тем, что «Словакия приняла защиту Германии и обязалась координировать с ней свою политику». Молотов, подчеркнув, что «дело Словакии решать вопрос об отношении к СССР», поинтересовался все же, имеются ли у неё поводы для «недовольства в отношении СССР». Шимко ответил, что «по его сведениям, таких поводов нет»¹⁶. 23 июня Словакия без объявления войны направила свои войска на советско-германский, так называемый Восточный, фронт.

Следует заметить, что в декабре 1941 г., когда в войну вступили США, Словакия объявила войну и США, и Великобритании. Однако союзники по антигитлеровской коалиции, в том числе и СССР, войну Словакии не объявляли. Почему? Чехословакия являлась членом антигитлеровской коалиции, где она была представлена дипломатически признанными чехословацким эмигрантским правительством и президентом Э. Бенешем. Одной из целей коалиции являлось восстановление Чехословацкой республики в домюнхенских границах, за что Бенеш вел упорную дипломатическую борьбу¹⁷. Поэтому союзники игнорировали де-факто существующее словацкое государство, полагая, что его создание противоречит международному праву и поэтому неправомерно. Бенеша вполне устраивала такая позиция, более того, он сам всемерно содействовал её утверждению. В чехословацкой ноте, направленной союзным правительствам 16 декабря 1941 г. и касавшейся отношения к Словакии, с удовлетворением констатировалось, что Советский Союз не заявлял о войне со Словакией, и что английское правительство, объявляя войну Финляндии, Венгрии и Румынии, «вообще не упомянуло о так называемом братиславском правительстве». Подчеркивалось, что чехословацкое правительство «принимает это решение с искренним удовлетворением и делает из этого вывод, что британское правительство, как и правительство Советского Союза, признав правительство Чехословацкой республики... просто игнорируют существование так называемого словацкого государства и считают его по праву тем, чем оно является в действительности: искусственной и временной конструкцией германской политики...»¹⁸.

Однако братиславские правители так не думали. Приняв решение о вступлении в войну на стороне Германии, они надеялись извлечь для себя выгоду из её победы. Об этом, собственно, свидетельствуют и показания Чатлоша на допросе 15 января 1946 г.¹⁹ Говоря о беседе с Тукой и Луидиным 21 июня 1941 г., он указал: «Я, как военный министр доложил им о состоянии армии, её вооружении, готовности и перспективах развертывания согласно мобплану (мобилизационному плану — В.М.), заявив при этом, что с точки зрения материальных и людских ресурсов вступление Словакии в войну будет малоэффективной помощью Германии». Однако Тисо, Тукой и Чатлошем «было принято решение вступить в войну против СССР», которое потом было утверждено и правительством. На вопрос, какие мероприятия Чатлош стал проводить вслед за этим, он ответил: «Чтобы доказать свою верность в служении интересам Германии и добиться этим самым получения территорий, находившихся под ведением Венгрии²⁰, мы стремились как можно быстрее поддержать в войне Германию и опередить в этом вопросе Венгрию»²¹.

Поэтому и военные приготовления начались незамедлительно. На другой день, 23 июня 1941 г. я вызвал к себе начальника штаба министерства обороны полковника Татарко и продиктовал ему содержание декрета о мобилизации призывных возрастов в словацкую армию, издал приказ о формировании новых словацких воинских частей и приступил к отправке войск на советский фронт... В первых числах июля 1941 г. на фронт против Красной Армии я отправил две боеспособные дивизии. Сам, как главнокомандующий, со своим штабом выехал в г. Хиров (Польша)... я вошел в подчинение немецкого командующего оккупационными войсками Львовского округа — генерала фон Рокк. Кроме того, все военные вопросы я согласовывал с представителем верховного немецкого командования при моем штабе — генералом Отто». «Словацкие дивизии были размещены следующим образом: первая — генерал Малар, в городе Драгобыче; вторая — генерал Туранец, в районе г. Хиров. В это время, пока дивизии находились в тылу на охране коммуникаций, я отдал приказ обучать их и готовить к предстоящим боям». «В последних числах июля, — продолжал Чатлош, — согласно немецкому плану свои дивизии я перебросил: первую в район Стрий и Самбор, вторую — в Гродек. Я со своим штабом переехал в деревню Любень в 60-и км от Львова. Вскоре я приказал из двух словацких дивизий сформировать одну, оснастить её современным вооружением и техникой, которую, как наиболее подвижную, я отправил на фронт.

Эта дивизия под командованием генерала Туранца была введена в бой против Красной армии на Днепре, южнее Киева. После этого,

13 августа 1941 г. из деревни Любень я возвратился в Братиславу». Здесь, по словам Чатлоша, он «принялся за подготовку все новых и новых контингентов для отправки на фронт как пополнение. Кроме того, я организовал отправку продовольственного питания, амуниции и боеприпасов для словацких войск, находящихся на восточном фронте». «Часть солдат старших возрастов вместо направлявшихся вновь обученных, — по словам Чатлоша, — отзывались с Восточного фронта домой... Солдат, прибывавших в эшелонах, я приветствовал как главнокомандующий армией и министр обороны Словакии, выражал им благодарность за проявленную борьбу с большевиками, напутствовал их на труд во имя победы немецких и словацких войск».

На вопрос, верил ли он в победу немецкого оружия, выступая идейно и с оружием в руках против Советской России, Чатлош сказал: «Да, я был глубоко убежден, что Германия победит Советскую Россию, и, со своей стороны, прилагал все усилия, чтобы словацкая армия на советском фронте проявила себя положительно в оценке немецкого командования. Мои личные предубеждения против большевиков жили во мне еще со времен революции, когда большевики выступили против старых порядков, против религии — с чем я никогда не мирился — поэтому и в эту войну я прекрасно понимал это и выступал против Советской России». В современных известных автору словацких исследованиях, касающихся оценок деятельности Ф. Чатлоша, эти его показания в принципе не опровергаются. Следует иметь в виду еще и то, что Чатлош в 1930-е годы работал в разведке и на дипломатическом поприще, так что умел скрывать свои истинные чувства и намерения. Воедино в нем, думается, сливались и патриот, радеющий за свой народ, свою родину, и политический актер, игравший на сцене маленького, созданного по воле Гитлера и целиком подчиненного ему Словацкого государства.

Словакия, сателлит и союзник «третьего рейха», вынуждена была играть роль, отведенную ей в написанном Гитлером сценарии. Вынужден был делать это и Й. Тисо. Вместе с тем, со всей очевидностью, особенно в начале войны, он выступал как пособник нацистской Германии весьма охотно, что объяснялось его решительным неприятием идеологии и практики большевизма. Обосновывая участие Словакии в войне против СССР, Тисо говорил: «Опасность с Востока грозила не только нам, но всей европейской культуре, цивилизации, социальному благополучию и политической самостоятельности европейских народов... Мы ни за что не откажемся... от участия в борьбе против большевизма, которая является и борьбой за наше государство, за наш народ»²². Официаль-

ная словацкая пропаганда, учитывая традиционные для словацкого народа русофильские и славянофильские настроения и одновременно играя на его национальных чувствах, делала упор именно на антибольшевистских целях войны и необходимости защиты от «красной заразы» первого национального словацкого государства. В армейской газете «Словацкий солдат» появилась статья Тисо, в которой говорилось: «Солдаты, мы все гордимся вами... в первый раз за тысячелетие вы боретесь за ваше собственное имя, за словацкую нацию, за словацкое государство. Вы заняли свое место в линии обороны против большевистской опасности. Вы обязались принять участие в славном германском фронте для того, чтобы предотвратить (так в переводе документа, правильно — защитить — В. М.) от опасности большевистского ада ваш народ и Европу»²³.

В одном из своих выступлений в августе 1941 г. Тисо утверждал: «Мы с Адольфом Гитлером останемся до самого конца»²⁴. Что касается словацкого президента, так и произошло: он «благословил» подавление немецко-фашистскими войсками Словацкого национального восстания 1944 г., направленного против существующего режима под лозунгом воссоздания Чехословакии. Руководимое Тисо государство хранило верность фюреру до последних дней войны. Мотив «войны против красного большевизма» звучал и в приказе по армии, отданном Ф. Чатлошем 24 июня 1941 г. Словацкая армия под руководством победоносной германской армии, говорилось в приказе, «установила стальную завесу от смертельной опасности, которая угрожала Европе и её цивилизации... Адольф Гитлер, вождь великой германской империи, правильно расценил эту опасность и приказал своей армии ликвидировать её в Европе, а несчастному русскому народу дать свободу». «Здесь нет речи ни о борьбе против русского народа, ни против славянства... В этой борьбе, результат которой совершенно ясен, лучшее будущее в новой Европе найдет и русский народ»²⁵.

Однако вступление Словакии в войну против СССР даже в словацком истеблишменте одобряли не все, хотя предпочитали говорить на этот счет только в кругу близких и друзей. Открыто о поддержке СССР в выступлениях по лондонскому радио высказались некоторые словацкие политики, сторонники Бенеша, например генерал Р. Виест и Ю. Славик²⁶. В чехословацких воинских частях, сформированных на Западе еще до нападения Германии на СССР, находилось немало словаков. Приняв решение о немедленном вступлении в войну, Словакия стремилась в этом опередить Венгрию, заслужить благодарность фюрера и склонить его к пересмотру решения Венского арбитража 1938 г. о передаче Венгрии южных сло-

вацких районов²⁷. Исходя из указания президента, Чатлош издал приказ о создании так называемой «Быстрой группы» (1910 солдат и офицеров) под командованием судетского немца полковника генштаба Р. Пилфоусека.

24 июня 1941 г. эта воинская часть пересекла словацкую границу в районе Дуклинского перевала и вошла в подчинение 17-й немецкой армии, входившей в группу армий «Юг». 7 июля «Быстрая группа» была преобразована в «Быструю бригаду», личный состав которой вырос до 3546 человек, а к 20 июля — до 4902 человек²⁸. В ходе «тихой» мобилизации, проведенной с 22 июня по 4 июля 1941 г., численность словацкой армии многократно увеличилась. В начале июля 1941 г. СР имела на Восточном фронте под личным командованием Ф. Чатлоша 50 689 солдат и офицеров, которые находились во втором эшелоне немецкой армии, в то время как «Быстрая бригада» участвовала в боевых операциях на передовой. 22 июля она вступила в бой с советскими частями под Липовцем (Западная Украина), где понесла серьезные потери: 75 убитых, 167 раненых, 2 попавших в плен, 17 без вести пропавших²⁹. В советской докладной с Южного фронта об этом сражении говорилось так: «В бою было взято в плен до 40 человек словаков, которые при допросе заявили, что воевать против Советского Союза они не желают и ждут момента сдаться в плен, но по обстановке это не представляется возможным, так как наши части всё время отходили... Был случай, когда словаки пробовали бежать к нам группой. Немцы расстреливали их в спину. Несколько человек словаков обработаны и при отходе наших частей оставлены в лесах с задачей пойти обратно к себе и рассказать солдатам о договоре СССР с Чехословакией (18 июля 1941 г. — В. М.)»³⁰.

Немецкое командование было недовольно действиями словаков. Оказалось, что наспех сколоченные, слабо оснащенные и плохо организованные словацкие военные части медлительны и не могут «держаться шаг» с мобильными, нацеленными на блицкриг немецкими войсками. 25 июля по согласованию с немецким командованием Чатлош отдал приказ о реорганизации посланной на фронт словацкой военной группировки с целью создания «Быстрой дивизии» (в действительности неполноценной моторизованной дивизии) для участия во фронтовых операциях и «Охранной дивизии» для выполнения задач на оккупированной гитлеровцами советской территории. Реорганизация словацких сухопутных частей на советско-германском фронте позволила вернуть в Словакию 35 623 человека их личного состава, то есть примерно 2/3 отправленных на фронт.

Ранее этот факт в исторической литературе объяснялся исключительно ненадежностью словацкой армии, недоверием немецкого командо-

вания к словацким солдатам и офицерам, якобы не желавшим воевать против русских. А вот как объяснял это сам Чатлош в 1964 г.: «Причина была в ином, не в неблагонадежности... Немцы... требовали боевого эффекта от всех словаков на фронте! Я указал на две причины, которые не давали возможность выполнить немецкие требования:

1. Кроме Быстрой бригады, словацкая армия не располагает [такими] мобильными средствами, чтобы успеть в ходе боевых действий за быстрым передвижением [германских частей], как это было в 1941 г. Поэтому она не может выдержать темпа и отстает.
2. Командный корпус в словацкой армии сформирован по необходимости на скорую руку, многие командиры... не имеют необходимой квалификации и опыта командования частями вне мирной обстановки и на фронте, и опасаются, смогут ли справиться во время боя и не станут ли причиной непомерных потерь человеческих жизней, за которые я несу ответственность.

Немцы после соответствовавшего обдумывания и совещаний со словацким верховным командованием договорились с нами, что 50 689 бойцов, отправленных Тукой форсированно на фронт, мы сократим до такого числа, которому будет хватать моторизованных средств передвижения, а также командиров надлежащей квалификации. Вот аргументация общего сокращения словацкой армии в 1941 г.»³¹. 20 августа 1941 г., по сути, о том же говорилось и в словацкой газете «Гардиста», полагавшей, что словацкие войска недостаточно хорошо обучены для ведения современной войны, и поэтому их отозвали с фронта³².

Похоже, что Чатлош был прав, говоря о главных причинах реорганизации словацкой армии и возвращении большей части её личного состава на родину. А мифологема о быстром разложении словацкой армии, как причине её снятия с Восточного фронта, возникшая еще во время войны, позже была поддержана и развита чехословацкими и советскими историками. 23 августа 1941 г. в радиопередаче из Лондона, сообщавшей о том, что «на основе соглашения с германским военным командованием словацкое правительство отозвало свои войска, сражавшиеся с конца июня на восточном фронте», одновременно голословно утверждалось, что действительной причиной отъезда является массовое дезертирство из словацкой армии. Никаких доказательств и фактов при этом не приводилось³³. Выступая в Государственном совете СР 30 сентября 1942 г. Чатлош, хотя и допускал, что случаи перехода словацких солдат на советскую сторону могли иметь место, но считал их единичными и расценивал как вымысел вражеской пропаганды³⁴.

В то же время подпольная Коммунистическая партия Словакии (КПС) в листовке, обращенной к солдатам (10 июля 1941 г.), призывала их не воевать против Советского Союза, бороться на фронте «за освобождение нашего народа» плечом к плечу «со своими братьями в Красной Армии» против действительных врагов, немцев и «продажных изменников»³⁵. Орган КПС газета «Глас люду» в воззвании «Плечом к плечу с СССР за свободу словацкого народа» (июль 1941 г.) утверждала, что «солдаты и наш народ» «откажутся от преступной войны против братских советских народов, против родины социализма, единственной гарантии нашего окончательного освобождения», что словаки и словацкие солдаты встанут плечом к плечу с Красной армией «в борьбе против угнетателей за новую, счастливую жизнь»³⁶.

В ряде обращений КПС к словацкому народу (август 1941 г.) содержался призыв отказаться от войны против Советского Союза, «вернуть оружие против клики фашистских властителей, против безумного разбойника Гитлера и преданных ему псов» и утверждалось, что «героическое сопротивление словацких солдат — это проявление ответственности словацкого народа перед историей. Это делает понятным и то, почему словацких солдат вынуждены отправлять домой»³⁷. Опираясь на подобные материалы, историки ЧСР (ЧССР) вкупе с советскими (российскими) историками делали категорический вывод о том, что призывы коммунистов возымели действие, и словацкие солдаты отказывались воевать. Но в реальности все оказалось значительно сложнее.

Коммунисты не имели в армии такого влияния, как представлялось позже в историографии. Скорее всего, на умы и настроения солдат (в меньшей степени офицеров) влияла действительность, с которой они встретились на территории Западной Украины. Их поразили, судя по письмам на родину³⁸, убогость и нищета жизни населения, массовые захоронения расстрелянных жителей, убийства, которые выдавались пропагандой за дело рук исключительно большевиков, хотя это было не так³⁹. Во многих местах население Западной Украины встречало словаков цветами и хлебом-солью, они чувствовали себя освободителями и гордились собой. Сомневающиеся в правильности борьбы с Советами если и были, то немного. Дезертирства как явления в это время в словацкой армии не наблюдалось. К тому же солдаты были предупреждены о введении за него смертной казни.

Выходивший в Иерусалиме «Чехословацкий информационный бюллетень» (№ 4) в ноябре 1941 г. опубликовал сообщение о том, что по приказу германских военных властей словацкие части, отозванные с советско-германского фрон-

та, на родине были интернированы, разделены на мелкие соединения и размещены в лагерях. Солдатам и офицерам не разрешалось вступать в контакт с семьями⁴⁰. Возможно, так и было на самом деле, поскольку власти опасались перенесения «большевистской заразы» на словацкую почву и стремились предотвратить её. Но, насколько известно автору, несмотря на угрозы и предупреждения, ни один словацкий солдат во время войны казнен не был. Как теперь известно, с начала войны против СССР и до марта 1942 г. словацкая армия понесла следующие потери: погибших и умерших — 271 человек, без вести пропавших (скорее всего, военнопленных) — 51, раненых — 616, пострадавших в результате несчастных случаев — 290, заболевших (возможно, среди них были симулянты — В. М.) — 940⁴¹.

В общем, по мнению словацких властей, да и германского командования, в эти первые месяцы антисоветской войны словацкая армия проявила себя достойно и нуждалась лишь в реорганизации и перевооружении. В конце октября 1941 г. большая словацкая делегация во главе с Тисо, Тукой и Чатлошем посетила ставку Гитлера «Вольфшанце» в Восточной Пруссии, где велись переговоры по военным вопросам. Словаки настаивали на перевооружении «Быстрой дивизии» немецким оружием. В. Кейтель, хотя и не отрицал необходимость этого, но заявил, что пока оружие будет поставляться только в немецкую армию, которая несет большие военные потери на советско-германском фронте. Принявший делегацию Гитлер похвально отозвался о храбрости словацких солдат и заявил, что Германия об этом никогда не забудет. Чатлош и Кейтель были награждены соответственно немецким и словацким военными орденами. Затем делегация посетила ставку Г. Геринга и просила хотя бы о перевооружении словацкой авиации, участвующей в боях на советско-германском фронте. Но и здесь никаких конкретных обещаний словаки не получили⁴².

К середине декабря 1941 г. численность словацкой действующей армии составляла 15 тыс., колеблясь в отдельные осенние месяцы от 12 до 18 тыс. человек⁴³. Был учрежден почетный знак дивизии «За службу на Восточном фронте». Формально «Быстрая дивизия» организационно не входила в состав немецкой армии, подчиняясь германскому командованию только в оперативном отношении. Для координации действий командования дивизии с германским командованием при ней был создан специальный «Немецкий связной штаб». На деле он управлял дивизией и контролировал деятельность её командования. Все распоряжения вышестоящего немецкого командования поступали в «Связной штаб», разрабатывались им и уже в виде готовых директив передавались для

исполнения командованию дивизии. Как пишет Петра Шмидт, этот «штаб» осуществлял контроль над боевой деятельностью и политико-моральным состоянием личного состава дивизии при помощи тех немцев, которые в качестве офицеров, унтер-офицеров и солдат, находились на службе в словацкой армии. По свидетельству пленного словацкого офицера в «Связном штабе» работало 5 немецких офицеров. Они держались особняком, и к ним словацкие офицеры редко заходили»⁴⁴.

К сентябрю 1941 г. словацкая «Быстрая дивизия» под командованием полковника Й. Туранца продвинулась в район к югу от Киева. Приданные ей словацкие авиачасти принимали участие в штурме Киева, который был взят немцами 19 сентября. Словацкая авиация наносила удары по наземным целям, переправам, пехоте, авто- и танковым колоннам Красной армии, выполняла разведывательные задания⁴⁵. Затем «Быстрая дивизия» была переведена в резерв немецкой группы армий «Юг», вела (с конца ноября под командованием полковника ген. штаба А. Малара) наступление и бои в направлении Белая Церковь, Кременчуг, Ростов-на-Дону, Запорожье. Одним из серьезных испытаний для словацкой армии были бои за Ростов, которые начались в конце июля 1942 г. Особенно отличилась дивизия в сражении за населенный пункт Генеральское, последнее препятствие на пути к Ростову. «В районе Генеральское, — пишет словацкий историк П. Мичианик, — словацкие войска первый раз преодолели хорошо укрепленную и упорно защищаемую советскую линию обороны самостоятельно без немецкой помощи. Это был единственный боевой успех. Сразу же после боя Туранец наградил наиболее отличившихся медалью „За героизм“».

Солдаты переименовали населенный пункт Генеральское в „Туранецкое“ и вывесили это название [на виду]. Заслуги словацкой армии оценило и немецкое командование»⁴⁶. Бои за Ростов велись с 23 по 25 июля 1942 г., упорные сражения шли за каждый дом, каждую улицу. Участвовали в них и словаки, которые имели самостоятельную задачу (пройдя через город, выйти на северный берег реки Дон) и выполнили её. Туранец был горд этим: «Мы были первыми, кто создал за Доном предместье». Во время боев словаки взяли много трофеев и пленных. Немецкое командование высоко оценило заслуги словацкой армии во взятии Ростова: 29 солдат и офицеров были награждены «Железными крестами», а Туранец получил от Гитлера «Рыцарский крест». Поздравил Туранца от имени всего словацкого народа и президент Тисо. Чатлош сам побывал на месте сражений и вручил ордена командиру и 22 солдатам и офицерам дивизии»⁴⁷.

Как теперь известно, дивизия участвовала и в карательных акциях против партизан и помогавшего им мирного населения. Предтечей таких акций, как пишет Й. Быстрицкий, явился приказ командира «Быстрой бригады» Р. Пилфоусека от 17 июля 1941 г., в котором, в частности, говорилось: «...немедленно после вхождения в жилое помещение прежде всего выяснить, не находятся ли там бывшие функционеры коммунистической партии, и арестовать их. Потом призвать проживающих там сдать имеющееся у них оружие и провести не только у них, но и во всем населенном пункте тщательные обыски. Те гражданские лица, у которых после этого будет найдено какое-либо оружие, следует рассматривать, как партизан и преступников и в соответствии с этим действовать. В случае, если бы гражданское население стреляло по нашим частям, следует дом, из которого стреляли, окружить и поджечь. Каждого, кто попытался бы выбежать из горящего дома, надо застрелить. В случае, если в отношении наших солдат ночью будет совершено какое-либо насилие, следует злоумышленника застрелить. Если же его невозможно будет найти, то я приказываю за каждого нашего солдата расстрелять либо 10 бывших коммунистических функционеров, либо евреев...»⁴⁸. Однако тогда до реализации этого приказа дело не доходило.

А год спустя, 23 августа 1942 г., Й. Туранец издал приказ по дивизии, в котором говорилось: «1) С сегодняшнего дня каждого партизана, который будет захвачен с оружием в руках или со спрятанным оружием, следует расстреливать на месте без допроса. 2) Для устрашения следует повесить нескольких расстрелянных партизан на многолюдном месте у дороги с надписью „партизан“. 3) Каждая часть, которая размещена в определенном населенном пункте, немедленно после прихода туда должна взять не менее 5 наиболее известных жителей в качестве заложников. После этого надо объявить по всей деревне, что, если в ней или в её окрестностях партизаны нападут на какого-нибудь военнослужащего словацкой армии, заложники будут немилосердно казнены. В этих целях каждая часть уже заранее должна создать группу для свершения казни (примерно 1+10), которую следует вооружить русским оружием и боеприпасами...». Первая казнь партизана в районе расположения «Быстрой дивизии» была совершена 28 августа 1942 г. в деревне Абхазская. Еще пять партизан казнили на следующий день, а потом двоих повесили на площади в станице Имеретинская⁴⁹.

Но и в это время имели место, правда единичные, переходы словаков на сторону Красной армии и партизан. В связи с этим командование дивизии приняло решение об усилении контро-

ля за настроениями солдат со стороны офицеров и принятии некоторых предупредительных мер. В специальной инструкции Туранца на этот счет говорилось, что на основе решения министерства внутренних дел Словакии у родственников перебежчиков будет немедленно изъято всё их имущество, а на их домах вывешено объявление: «Здесь жил дезертир и предатель словацкой крови»⁵⁰. По свидетельству военнопленных словаков, карательные меры, вплоть до расстрела, принимались и против собственных солдат, не желавших выполнять приказы командиров об отправке на передовую и выражавших антивоенные настроения⁵¹. Вместе с тем, согласно известным ныне данным, издавались и приказы, в которых запрещалось жестокое обращение с местным населением, изгнание его из домов, грабёж имущества, насиливание женщин и т.д.

Словацкая армия мало чем отличалась от оккупационной немецкой, приказам которой она подчинялась, и в вопросе о военнопленных. В соответствии с распоряжением Чатлоша каждый словацкий солдат, пленивший красноармейца, мог просить о предоставлении его семье определенного числа военнопленных в качестве рабочей силы. В Словакии для их содержания было создано два лагеря, однако, согласно имеющейся на сегодняшний день информации, они туда не доставлялись, поэтому и распоряжение Чатлоша на практике не выполнялось. Известны случаи расстрела советских военнопленных на месте. В первые два месяца войны в плен к словакам попало около 400 советских военнослужащих, которые сначала сосредотачивались в сборном пункте в Хирове, а затем переправлялись в немецкие концентрационные лагеря. Словацкие власти, таким образом, сняли с себя ответственность за судьбу советских военнопленных. На территории Словакии они не хотели их содержать, поскольку не видели выгоды в этом, а кроме того опасались их возможных контактов со словацким населением, реакцию которого невозможно было предвидеть⁵².

В сентябре-декабре 1942 г. дивизия выполняла приказ немецкого командования об обороне побережья Азовского моря, где занимала полосу от г. Мариуполь до устья реки Миус. Одновременно до января 1943 г. происходила её передислокация на Северный Кавказ, в район г. Кропоткин. Осенью 1942 — зимой 1943 г. дивизия теперь уже под командованием полковника ген. штаба Штефана Юреха участвовала в ряде крупных сражений (за г. Туапсе, Горячий ключ)⁵³, а после того, как Красная армия стала теснить немецко-фашистские войска, прикрывала отход основных немецко-румынских сил, неся при этом значительные потери. В это время и стало известно о поражении немцев под Сталинградом. В дивизии усили-

лись антинемецкие и антивоенные настроения. В январе 1943 г. была предпринята попытка осуществить переход дивизии под командованием Юреха на сторону Красной армии, но по ряду причин попытка не удалась. В советских аналитических донесениях этого времени утверждалось, что большинство словацких солдат тяготится пребыванием на фронте и не желает участвовать в активных действиях против Красной армии. Эта неохота возникает не из панславистских настроений и не из симпатий к Советскому Союзу, а из враждебности к гитлеровской Германии и из убежденности в вынужденном пребывании на советско-германском фронте как временной военной обязанности. Поэтому основная масса солдат, по мнению советских военных аналитиков, по сути, разделяемому современными словацкими исследователями проблемы, проникнута мыслью: сохранить свою жизнь на фронте и благополучно вернуться на родину⁵⁴. Один из военнопленных словаков на допросе показал: «Русские хотят воевать, а немцы уже устали... Многие даже немецкие солдаты уже сыты войной по горло, а о союзниках и говорить нечего. Ни румыны, ни словаки не хотят воевать и ненавидят немцев. Русские же дерутся, как черти»⁵⁵.

Хотя в это время была проведена частичная ротация личного состава дивизии и она получила новую технику, это не улучшило обстановку и настроение в частях. После того, как было остановлено немецкое наступление в направлении Грозный — Нальчик и похоронена надежда на захват нефтеносных районов Закавказья, немецко-фашистские войска сначала перешли к обороне, а затем начали отступление. Вместе с ними отступала и «Быстрая дивизия», причем в панике, хаотично. Случалось, словаки передевались в гражданское платье и прятались у местных жителей, которые неплохо к ним относились⁵⁶. Об этом сообщалось, например, в одной из советских военных сводок от 11 марта 1943 г.: «Очень много словаков, ожидая прихода Красной Армии, остались в Краснодаре, Васютинской, Белореченской, Славянской, Иловайской и других населенных пунктах»⁵⁷. Перед началом отступления командование немецкой армии, в которую входила «Быстрая дивизия», отдало приказ о том, что при отступлении можно забирать у мирного населения всё, в том числе скот, продукты, вещи. Пленный словацкий офицер так описывал последовавшие за этим события: «Тогда начался форменный грабёж. В станицах Старо-Корсунской, Кубанской, Васуриной и других солдаты, как мародеры, грабили у населения всё, что только можно было забрать с собой, — коров, овец, свиней, гусей, кур, масло, хлеб, постельные вещи, часы, драгоценности, патефоны. Всё это либо конфисковывалось,

либо просто отнималось солдатами...»⁵⁸. Так что нельзя утверждать однозначно, что отношения словаков с местным населением складывались хорошо или плохо. Имело место и то, и другое. Все зависело от ситуации, обстоятельств, людей. Петра Шмидт приводит на этот счет массу документов из фондов Центрального архива министерства обороны РФ.

Нельзя также утверждать, что поголовно все военнослужащие словацкой армии в это время не хотели воевать на Восточном фронте и готовы были нарушить данную ими присягу. Представляется, что таких людей было больше в специальных, в какой-то степени элитных, подразделениях словацкой армии, чем в пехоте. О боевых действиях словацких танковых и авиационных частей сейчас известно уже много. Есть сведения о том, что иногда боевые машины намеренно повреждались словаками и отправлялись в тыл для ремонта, но одновременно и во время войны, да и теперь, говорилось и писалось о «героических подвигах» словацких танкистов и летчиков на советско-германском фронте. Например, звено истребителей под номером 13, участвовавшее в боях на южном фронте, получив немецкие самолеты марки Мессершмитт, повысило результативность своей боевой деятельности настолько, что в марте 1943 г. заслужило похвалу имперского маршала авиации Г. Геринга, в телеграмме которого на имя командира звена О. Дюмбала говорилось: «Я получил сообщение, что находящееся под Вашим командованием звено истребителей в короткое время одержало 50 воздушных побед в совместных боях против большевистских неприятелей. Этот достойный гордости успех выдающихся словацких летчиков-истребителей, которые особенно проявили себя во время жестоких зимних боев на юге восточного фронта, наполняет меня чувством радостного удовлетворения. Вам и всему экипажу Вашего звена я передаю свою благодарность и личную признательность с пожеланием дальнейшего воинского успеха»⁵⁹. Таковы документы.

Но в целом морально-политическое состояние словацкой армии, дислоцированной на Северном Кавказе весной 1943 г., не позволяло ей успешно противостоять наступавшей Красной армии. В районе станицы Саратовской словацкие части попали в окружение, но сумели вырваться, бросив при этом всё тяжелое вооружение и технику. Вышедший из окружения личный состав дивизии был эвакуирован в основном по воздуху, а частично морем, в Крым. Здесь большинство словацких войск находилось до октября 1943 г. «Быстрая дивизия», уже не соответствовавшая своему названию, была преобразована в 1-ую пехотную дивизию. Началось её довооружение и переобучение, нацеленное преимущественно

на ведение оборонительных боев и выполнение охранных функций. Немецкое командование уже не доверяло словакам, общее состояние боеготовности дивизии, а также подготовка и поведение офицеров, оценивались очень низко. В справке главы немецкой военной миссии в Словакии генерала Ф. Шлиопера говорилось о нарастании тенденций к разложению дивизии, её недостаточном вооружении, чрезвычайном падении мобильности, о пригодности лишь для несения охранной службы «без контакта с неприятелем»⁶⁰.

В июне-первой половине сентября 1943 г. в задачу словацких войск входило прикрывать морские проливы и берег Сиваша, возводя там оборонительные укрепления. Отдельные подразделения дивизии были размещены в Саки, Симферополе, Ялте, Севастополе. Личный состав дивизии 1 сентября 1943 г. составлял 10 521 человек. С местным населением, как пишет П. Мичианик, у словаков были хорошие отношения, и они «чувствовали себя, как во время приятного отпуска». Многие научились говорить и понимать по-русски, так что быстро знакомились с местной молодежью, особенно с девушками, организовывались вечера танцев под гармонь⁶¹. Руководство Словакии и лично Чатлош прилагали усилия, чтобы дивизия не была отправлена на передовую. Однако немецкое командование (маршал Клейст) считало, что отдохнувшая и перевооруженная словацкая дивизия гораздо больше готова к боевому противодействию Красной армии, чем потрепанные немецкие войска.

Вечером 29 октября 1943 г. большая часть словацкой дивизии сразу после двухдневного марш-броска была брошена на передовую в район Аскания Нова — Дмитриевка (к западу от Мелитополя). Предполагалось, что словаки будут дислоцированы позади немецких войск с задачей на участке протяженностью примерно в 30 км задерживать прорвавшиеся советские части. Но действительность оказалась иной: немецких войск перед словацкими частями, которые не имели собственных противотанковых орудий, не оказалось. Утром 30 октября советские танковые и кавалерийские части начали неожиданное для словаков наступление. Застигнутые врасплох, плохо вооруженные, они начали массово и без сопротивления сдаваться в плен. Некоторые делали это вынужденно, другие добровольно и осознанно. 1-я пехотная дивизия потеряла 2 200 человек своего личного состава⁶².

Оставшиеся в панике хаотично отступили на запад, за реку Днепр. Затем, отходя далее вдоль побережья Черного моря, разрозненные части 1-й словацкой пехотной дивизии численностью примерно 5,5 тыс. человек были сосредоточены по приказу немецкого командования в специальном

сборном пункте. В конце 1943 г. — начале 1944 г. они использовались на строительстве оборонных сооружений в районе Николаева и Одессы. В мае 1944 г. по приказу Чатлоша 1-я словацкая пехотная дивизия, уже вышедшая за пределы советской территории, была переименована в 1-ю техническую дивизию и использовалась на строительных работах в Венгрии и Румынии. В конце войны остатки дивизии оказались в Австрии, где и были пленены советскими войсками. Небольшая часть словацкой армии, оставшаяся в Крыму, вместе с немецкими войсками оказывала сопротивление Красной армии до освобождения Крыма в апреле 1944 г., хотя тогда много словаков переходило на советскую сторону.

Другое словацкое крупное воинское формирование, «Охранная дивизия», созданная в 1941 г. под командованием полковника А. Малара (позднее Р. Пилфоусека), в середине августа 1941 г. переместилась в северо-западную Украину, сначала в районы Североконстантинов — Шепетовка, затем Фастов — Житомир — Овруч. Здесь она официально занималась охраной железнодорожных путей, шоссе и дорог и важных в военном отношении объектов, а также участвовала в ликвидации очагов сопротивления окруженных советских войск. Дивизия входила в состав немецкой армии и подчинялась приказам её командования. Личный состав дивизии в разное время насчитывал от 5,7 тыс. до 6, 7 тыс. человек. Её оперативное пространство равнялось примерно 60 тыс. кв. км, что в два раза превышало площадь Словакии, и дивизия сама не могла полностью контролировать такую территорию. Словацкие гарнизоны размещались в её наиболее крупных населенных пунктах, командование в 1942 г. находилось в Житомире. Выполняя свои функции, «Охранная дивизия» взаимодействовала с частями вермахта, войсками СС, полицией и жандармерией. В расправах с местным населением словаки преимущественно играли вспомогательную роль при немцах, хотя и сами могли инициировать эти расправы. Прежде, если об «Охранной дивизии» и говорилось, то только в связи с переходом служивших в ней солдат и офицеров на сторону советских партизан (это был край с развитым партизанским движением).

Действительно, в 1943 г. антивоенные настроения среди словаков усилились и участились их переходы к партизанам. До этого же отношения с ними и местным населением складывались по-разному, начиная самыми добрыми и кончая кровавыми столкновениями. Всё зависело от конкретных обстоятельств и рвения людей, выполнявших приказы. А приказы были жесткие и даже жестокие. Например, в приказе по 102 пехотному полку (командир М. Локшик) говорилось:

«Ни один военнослужащий полка не должен сближаться с местным населением. Местное население должно, безусловно, чувствовать в военнослужащих словацкой армии представителей победоносной армии в России. Население должно знать, что каждое совершенное преступление против нашего солдата будет обязательно наказано...». В случае, если конкретного виновника случившегося не удалось обнаружить сразу, надлежало брать от 5 до 20 заложников из ближайшего селения (50% евреев и 50% русских, поляков и украинцев) и, если преступника так и не находили, направлять их для расстрела немецкими карателями. В белорусском городе Мозырь, например, словаки 8–9 января 1942 г. стали пособниками расправы немцев над евреями: словаки должны были окружить город и воспрепятствовать бегству из него жителей во время проводимой немцами акции⁶³.

В марте 1942 г. подразделения 102-го пехотного полка «Охранной дивизии» участвовали в ряде акций против партизан. Один из словацких офицеров, очевидец происшедшего, докладывал командиру дивизии: «...Из многих населенных пунктов ко мне приходили жалобы, что зимой и весной много людей было застрелено словацкими частями и что эти люди были невиновны... я должен заявить, что во всех деревнях население относилось к нам сдержанно, боязливо, но весьма гостеприимно. А когда у жителей спрашивали о причинах их боязни, они отвечали: мы чехословаков очень боимся, потому что они сразу же стреляют, жгут деревни (выделено в документе — В. М.)»⁶⁴. 2 августа 1942 г. была учинена расправа над населением деревни Малодуша, последовавшая за нападением партизан на словацкую автоколонну и гибелью 8 словацких солдат. Все население было согнано на площадь перед зданием местной милиции и окружено солдатами. Деревню подожгли. Примерно 15 человек, подозреваемых в связях с партизанами, в том числе и малолетних детей, отвели в ближайший дом и расстреляли, а дом затем сожгли. На следующий день совместно с немецкими частями была проведена «зачистка» окрестностей, результатом которой стало уничтожение оставленных партизанами лагерей и сожжение нескольких деревень. При содействии входившей в состав «Охранной дивизии» словацкой авиации была уничтожена не одна деревня. Их список включал много названий, в том числе Скородное, Оголичи, Биегунки, Торин, Стодоличи, Ремесы, Глиняные, Теплин, Гудница, Тарасово, Круглое, Гатное, Борки⁶⁵ и др.

Отдельные лица, подозреваемые в связях с партизанами и в шпионаже, иногда расстреливались на месте без суда и следствия, как и пленные партизаны. Однако у части военнослужащих «Охранной дивизии» это вызывало неприязнь

и осуждение. Некоторые поддерживали добрые отношения с местными жителями, подчас снабжая их солью, сахаром, которых у них не было, и получая взамен нужные продукты. Имело место и установление дружеских отношений с партизанами на принципе: мы вас не тронем, и вы нас не трогайте. Партизаны иногда уведомлялись о готовящихся против них акциях. Отмечались случаи помощи словаков местным жителям в проведении сельскохозяйственных работ, предупреждении их о готовящейся депортации в Германию. Несмотря на запреты, которые игнорировались, словацкие солдаты и офицеры сближались с местными женщинами и девушками, которых считали очень привлекательными.

Во второй половине 1942 г. партизанское движение в районе оперативной деятельности «Охранной дивизии» усилилось и организационно окрепло. Сюда переместилась партизанская бригада под командованием А. Н. Сабурова, в которой насчитывалось около 2000 человек, и которая была довольно хорошо вооружена. В «Охранной дивизии» в это время числилось в четыре раза больше солдат и офицеров, и вооружена она была гораздо лучше, чем партизаны, имея артиллерию, танки, авиацию и даже импровизированный бронепоезд. В ноябре между словаками, вместе с которыми действовали немцы, украинские милиционеры, латыши и казаки, и партизанами шли жестокие бои. В ходе них «Охранная дивизия» понесла серьезные потери в личном составе: 54 убитых, 25 раненых, 29 пленных и пропавших без вести. Моральное состояние и дисциплина в дивизии упали. Возросло дезертирство⁶⁶. Вме-

сте с группой офицеров в мае 1943 г. к партизанам перешел капитан Я. Налепка, который позже под псевдонимом Репкин организовал и возглавил словацкий партизанский отряд, сражавшийся вместе с советскими партизанами⁶⁷.

Часть офицеров дивизии пришла к выводу о необходимости «тихого сотрудничества» с партизанами, которым сообщалась нужная им информация, а немецкие приказы об уничтожении партизан «спускались на тормозах», боевые действия лишь имитировались⁶⁸. Командир дивизии обратился к немецкому командованию с просьбой о её передислокации на новое место, мотивируя это тем, что тесное общение с местным населением и партизанами грозит полным разложением дивизии. Летом 1943 г. она была переименована во 2-ую пехотную дивизию, а затем в Техническую бригаду, которая в октябре 1943 г. по приказу немецкого командования была отправлена в Италию, где использовалась на строительстве оборонных сооружений.

Как свидетельствует современная историография, мизерная по сравнению с вермахтом словацкая армия, тем не менее, внесла свою лепту в его победы на Восточном фронте в начале войны и содействовала осуществлению оккупационной политики «третьего рейха» на захваченных им советских территориях. В результате побед Красной армии в 1943 и 1944 годах усилились антивоенные настроения в словацкой армии и началось её разложение, упала дисциплина, возросли дезертирство и переходы на советскую сторону. Как союзник вермахта на Восточном фронте она фактически полностью утратила своё значение.

¹ Советский Союз, подписавший 23 августа 1939 г. договор о ненападении с Германией, а 28 сентября 1939 г. договор о дружбе и границе с ней, принял решение установить со Словакией дипломатические отношения. В конце 1939 г. — начале 1940 г. в Москве и Братиславе стали функционировать дипломатические представительства обоих государств. (См. подробнее: Марьина В. В. Словакия в политике СССР и Германии // Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. М., 1999. С. 198–240; она же. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 1. 1939–1941 гг. М., 2007. С. 292–328).

² Архив внешней политики РФ. Ф. 0138. Оп. 4. П. 27. Д. 254. Л. 155, 156 (далее: АВП РФ).

³ АВП РФ. Ф. 029. Оп. 5. П. 29. Д. 42. Л. 12.

⁴ Там же. Л. 134, 153.

⁵ Там же. Л. 232–233

⁶ «В Словакии даже готовились кадры “создателей нового” Хорватского государства», — сообщал Г. М. Пушкин в Москву (См.: Там же. Л. 187; Čierna-Lantayová. Pohľady na Východ. Postoje k Rusku v slovenskej politike 1934–1944. Bratislava, 2002. S. 173).

⁷ Там же. Л. 187–192.

⁸ Центральный архив Федеральной службы безопасности РФ. Уголовное дело по обвинению б. главнокомандующего словацкой армии Чатлош Фердинанда. Арх. № Н–18761. Кол. томов 3. Т. 1. Протокол допроса Чатлоша от 11 декабря 1946 г. (далее: ЦА ФСБ РФ). Ф. Чатлош во время Словацкого национального восстания 1944 г. перешел на повстанческую территорию, был переправлен в Москву, которой предложил «свои услуги», отвергнутые советским руководством по политическим соображениям. Находился в Бутырской тюрьме до конца 1946 г., затем был передан чехословацким властям. В качестве обвиняемого участвовал в судебном процессе по делу Й. Тисо в 1947 г. Получил незначительный по тем временам срок заключения в тюрьме (5 лет) и после 1948 г. вышел на свободу. Политическую активность не проявлял.

⁹ Bystrický J. Rýchla (1. pešia) a Zaisťovacia (2. pešia) divízia vo vojne proti Sovietskemu Svazu (1941–1943) // Armáda v dejinách Slovenska. Bratislava, 1993. S. 115–140; idem. Ťaženie slovenskej armády na východnom fronte r. 1941 // Vojenská história. 1998. N 2. S. 39–61; idem. Zaisťovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska. I (september 1941 — november 1942) //

Vojenská história. 1999. N 4. S. 29–54; idem. Zaistovacia divízia na okupovanom území Ukrajiny a Beloruska (november 1942 — október 1943). II // Vojenská história. 2000. N 3–4. S. 35–52; idem. Vojenský príspevok Slovenska k vojnovému úsiliu nacistického Nemecka v poslednom roku druhej svetovej vojny // Koniec druhej svetovej vojny a problémy cirkevnej politiky v nasledujúcom období. Bratislava, 2006. S. 9–25 etc.

¹⁰ Slovensko a druhá svetová vojna. Zborník príspevkov z medzinárodnej vedeckej konferencie v Bratislave 29–31. mája 2000. Bratislava, 2000. S. 191–216.

¹¹ Mičianik P. Vstup Slovenskej republiky do vojny proti Sovietskemu zväzu // Slovanský prehľad. 2004. N 2. S. 221–247; Rajlich J. Tatranští orli nad Kubáni. Praha, 2002; idem. Stíhací letka 13 slovenských vzdušných zbraní na východní frontě v letech 1942–1943 // Historie a vojenství. 2001. N 2, 3. S. 277–309; 501–537; Francev V. Utočná vozba slovenské armády 1939–1944 // Historie a vojenství. 1997. N 2. S. 98–130.

¹² Lacko M. Dezercie a zajatia príslušníkov zaistovacej divízie v ZSSR v rokoch 1942–1943. Bratislava, 2007; Mičianik P. Slovenská armáda v ťažení proti Sovietskemu zväzu (1941–1944). I–IV. Banská Bystrica, 2007, 2008, 2009, 2012.

¹³ Во время Первой мировой войны Чатлош находился в России в качестве военнопленного, а затем чехословацкого легионера.

¹⁴ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Том 1. Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г. Л. 8.

¹⁵ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело Ф. Чатлоша. Собственноручные показания... Л. 9–10.

¹⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 3. П. 21. Д. 275. Л. 1–3.

¹⁷ См. подробнее: Марьина В. В. Дипломатия Э. Бенеша после мюнхенского соглашения. 1939–1945 годы // Новая и новейшая история. 2009. № 4.

¹⁸ Beneš E. Šest let exilu a druhé světové války. Řeči, projevy a dokumenty z r. 1938–1945. Praha, 1946. S. 471, 473.

¹⁹ ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Т. 1. Протокол допроса Ф. Чатлоша от 15 января 1946 г., построенный в форме вопрос — ответ, написан от руки чернилами и каждый лист подписан Фердинанд М. Чатлош.

²⁰ Речь шла о территориях, отошедших к Венгрии на основании решения так называемого Венского арбитража Германии и Италии 2 ноября 1938 г.

²¹ Венгрия объявила войну СССР 27 июня 1941 г.

²² Pokus o politický a osobný profil Jozefa Tisu. Bratislava, 1992. S. 233.

²³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 83.

²⁴ АВП РФ. Ф. 1386. Оп. 21. П. 34. Д. 6. Л. 11.

²⁵ Цит. по: ЦА ФСБ РФ. Уголовное дело... Т. 1. Собственноручные показания бывшего военного министра Словакии и главнокомандующего словацкой армии генерала Чатлош Фердинанда Михайловича 26 сентября 1944 г. Л. 66–68. См. также: Čierna-Lantayová D. Op. cit. S. 186.

²⁶ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 56.

²⁷ Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov slovom a obrazom / Vedúci aut kol. V. Segeš. Bratislava, 2013. S. 227.

²⁸ Štefanský V. Generál Ferdinand Čatloš. (Biografický náčrt). Bratislava, 1998. S. 43–44.

²⁹ Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov... S. 227–228.

³⁰ Центральный архив Министерства обороны РФ. Ф. 32. Оп. 11309. Д. 67. Л. 22 (далее: ЦАМО РФ). Цит. по: Шмидт Петра. История боевых действий частей Красной армии против словацких войск в годы Великой Отечественной войны. 1941–1944 гг. Диссертация (Воронежский государственный аграрный университет им. К. Д. Глинки). Воронеж, 2009. С. 67. Петра Шмидт опубликовала и монографию по теме диссертации: «Словаки на Восточном фронте. 1941–1944 гг. Воронеж, 2009», но автор статьи, к сожалению, с книгой не знакома.

³¹ Цит. по: štefanský V. Op. cit. S. 44.

³² АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 7. Л. 6.

³³ АВП РФ. Ф. 0138. Оп. 22. П. 130а. Д. 1. Л. 51.

³⁴ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 222.

³⁵ Slovenský národný archív (SNA). F. AúML. úv KSS. a.j. 100.

³⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 1. М., 1981. С. 137–139. (далее: ДМИСЧО 4–1).

³⁷ ДМИСЧО 4–1. С. 159, 162.

³⁸ Dotyky s boľševizmom. Dokumenty spravodajstva slovenskej armády 1940–1941 /Ed. M. Lacko. Bratislava, 2009.

³⁹ О пребывании словацкой армии в Западной Украине см. подробнее: Марьина В. В. Словаки на Восточном фронте (Западная Украина) // Славянский мир в третьем тысячелетии. К 1150-летию славянской письменности. Кн. 1. М., 2013. С. 334–347.

⁴⁰ АВП РФ. Ф. 138. Оп. 22. П. 35. Д. 5. Л. 55.

⁴¹ Štefanský V. Op. cit. S. 45.

⁴² Baka I. Účasť Slovenskej Republiky v prvej fáze vojny proti ZSSR z pohľadu nemeckých vojenských orgánov // Vojenská história. Bratislava. 2008. N 3. S. 54–57.

⁴³ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 193–194.

- ⁴⁴ ЦАМО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 190 (Цит. по: Петра Шмидт. Указ. диссертация. С. 73–74).
- ⁴⁵ Котлововский Александр. ВВС Словакии на Восточном фронте в 1941 г. (<http://www.airwar.ru/history/av2ww/axis/slovak41/slovak41.html>)
- ⁴⁶ Mičianik P. Rýchla divízia v nemeckej ofenzíve na Rostov // *Vojenská historia*. 2009. N 2. S. 55–57.
- ⁴⁷ Ibid. S. 68–69.
- ⁴⁸ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 210.
- ⁴⁹ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 211–213.
- ⁵⁰ См.: Петра Шмидт. Указ. диссертация. С. 95.
- ⁵¹ Тамже. С. 110–112.
- ⁵² Slovensko a druhá svetová vojna. S. 243–244.
- ⁵³ Mičianik P. Posledné útočné akcie slovenskej Rýchlej divízie na Kaukaze. Posledný útok na Tuapse. // *Vojenská historia*. 2009. N 4. S. 32–56.
- ⁵⁴ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 302. Л. 147 (Петра Шмидт. Указ. диссертация. С. 141–142).
- ⁵⁵ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 224. Л. 263–264. (Там же. С. 140).
- ⁵⁶ Пленный словацкий солдат на допросе показал: «Обращение словацких войск с местным населением в основном было хорошее. Стоявшие на квартирах у частных граждан солдаты и офицеры обычно покупали или меняли нужные им продукты у населения. Реквизиция была воспрещена. Однако были случаи грабежа частных граждан словацкими солдатами. Если об этих фактах узнавало командование, солдаты, виновные в мародерстве, подвергались наказанию» (ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 185, 186 об.) (Там же. С. 166).
- ⁵⁷ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 224. Л. 156. (Там же. С. 160).
- ⁵⁸ ЦАМО. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 230. Л. 144, 144об. (Там же. С. 174–175).
- ⁵⁹ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 271–272.
- ⁶⁰ Csefalvay F., Tulkisová Ja. Správa nemeckého generála pri slovenskom MNO genpor. Fritza Schliepera z 27 novembra 1943 // *Vojenská historia*. 2013. N 4. S. 120–121.
- ⁶¹ Mičianik P. Slovenská 1. pešia divízia na Kryme (august-október 1943) // *Vojenská historia*. 2010. N 2. S. 31–32.
- ⁶² В 1944 г. переобученные и «перевоспитанные» словаки составили основное ядро 2-й парашютно-десантной бригады 1-го Чехословацкого армейского корпуса в СССР, во время Словацкого национального восстания 1944 г. были перебросены на повстанческую территорию, а после его подавления сражались в горах как партизаны.
- ⁶³ См. подробнее: Medvecký M. Reresie príslušníkov Zaisťovacej divízie voči civilnému obyvateľstvu na obsadenom území ZSSR // *Slovenská Republika 1939–1945 očami mladých historikov*. I. Trnava, 2002. S. 149–157; Mičianik P. Slovenská Zaisťovacia divízia na okupovaných územiach Ukrajiny a južného Bieloruska (január-august 1942) // *Vojenská historia*. 2006. N 4. S. 43–61.
- ⁶⁴ Slovensko a druhá svetová vojna. S. 210–211.
- ⁶⁵ Автор не ручается за точность наименования населенных пунктов, поскольку названия даются в обратном переводе со словацкого языка на русский.
- ⁶⁶ Lacko M. Dezercie a zázatia... S. 141–187.
- ⁶⁷ В мае 1945 г. Я. Налепке посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза, в ЧСР он посмертно был награжден чехословацкими орденами и медалями, его имя как военного героя почитается и в современной Словакии.
- ⁶⁸ Mičianik P. November 1942 — najkravavejší mesiac Slovenskej zaisťovacej divízie // *Vojenská historia*. 2007. N 3. S. 70–92; Bystrický J. Ján Nálepka dôstojník slovenskej armády v rokoch 1939–1943 // *Vojenská historia*. 2013. N 3. S. 139–155.

Освобождение Словакии Красной армией (1944–1945 гг.)

В. В. Марьина*

Помнят ли сегодня в Словакии, что в течение восьми месяцев с октября 1944 г. по май 1945 г. Красная армия и в её составе 1-й Чехословацкий армейский корпус (ЧАК) вели ожесточенные кровопролитные бои за освобождение Чехословакии от немецких оккупантов и что в этих боях погибли 144 000 советских солдат и офицеров? Ответ будет неоднозначный: и да, и нет. С одной стороны, официальные власти в последнее время каждый год проводят торжественные мероприятия с возложением венков к памятникам погибшим (в словацкой земле покоятся тела 60 656 красноармейцев, 2 790 солдат и офицеров ЧАК и 10 435 военнослужащих румынской армии¹). С другой стороны, историки как бы забыли о том, что происходило в Словакии в последние месяцы войны, и предпочитали долгое время не касаться указанной темы. Во всяком случае, не появлялись серьезные крупные работы об этом.

Почему? Причин много, но в основном, по мнению автора, это объясняется сложившейся, особенно в 1990-е годы, политической конъюнктурой: историки только что возникшей Словацкой республики, повернувшейся лицом к Западу и стремившейся как можно быстрее вписаться в его военно-политические и экономические структуры, предпочитали не обращаться к невыгодной в этом контексте теме. Вот мнение словацкой газеты «Слово» („Slovo”), поместившей 30 мая 2006 г. статью Эрвина Паулиака под названием «Освобождение Словакии в 1944–1945 гг.»: «Освобождение Словакии, начавшееся в 1944 г. и завершившееся в начале мая 1945 г., воспринимается сегодня рядом словацких политических кругов и институтов, включая некоторых историков, весьма неоднозначно. Не прекращаются

попытки представить словацкой общественности ошибки и просчеты войск освободителей, и прежде всего Красной Армии. Цель одна — принизить, умалить её роль в процессе освобождения Словакии. Поэтому актуальность приобретает задача защитить историческую правду, не допускать фальсификации истории и создания в ней новых „белых пятен”².

Тема «Освобождение Словакии. 1944–1945 гг.» обсуждалась на международной конференции. Доклад словацкого военного историка Йозефа Быстрицкого был посвящен критическому разбору словацкой историографии двух последних десятилетий на указанную тему³. Он решительно выступил против тех историков, которые, говоря о пребывании Красной армии на территории Словакии в 1944–1945 гг., термин «освобождение» заменяют разными другими подчас расплывчатыми выражениями, а иногда прямо термином «оккупация». Это, по его мнению, объясняется либо политической предвзятостью, либо простым непрофессионализмом историков, не знакомых с огромным массивом опубликованных в прошлом и недавно документов, в том числе из российских архивов⁴.

В данной статье автор, опираясь на известные ей документы того времени, как опубликованные, так и неопубликованные, попыталась ответить на вопрос, как встречали словаки Красную армию и действовавший с ней бок о бок 1-й ЧАК. Военные операции затрагиваются лишь по мере необходимости. Использованные в статье документы — это в первую очередь донесения советских армейских политработников в вышестоящие органы, воспоминания политических и военных деятелей, информация военных корреспондентов, материалы армейских газет. Статья может быть отнесена

* Марьина Валентина Владимировна — д. и. н., главный научный сотрудник-консультант Института славяноведения РАН.

к жанру документальный очерк, так как в ней по возможности широко и полно представлены упомянутые документы.

Итак, начнем с осени 1944 г. 29 августа 1944 г. в Словакии началось Словацкое национальное восстание (СНВ). В сентябре-октябре по политическим соображениям была осуществлена в помощь ему кровопролитная Карпато-Дуклинская операция Красной армии. 20 сентября части 1-го Украинского фронта (УФ) маршала И. С. Конева вступили на землю Словакии, а 6 октября 1-й ЧАК, которым командовал бригадный генерал Людвик Свобода, освободил первую словацкую деревню. После войны до 1991 г. этот день отмечался как День чехословацкой армии. На освобожденной в ходе восстания словацкой территории с 27 сентября по 6 октября находился и военный корреспондент «Комсомольской правды» капитан С. Крушинский. О результатах своей командировки он представил обширную докладную записку отвечавшему за иностранные военные формирования на территории СССР генерал-майору А. Белянову, который переслал её копию в Международный отдел ЦК ВКП(б)⁵.

Крушинский побывал в центре восстания городе Банска Быстрица, городах Зволен, Телгарт, в ряде сел, на передовых позициях, занимаемых частями повстанческой словацкой армии, у партизан, разговаривал с солдатами, офицерами, партизанами, крестьянами, представителями интеллигенции. Характеризуя общее положение и политические настроения в освобожденном повстанцами районе, Крушинский писал: «Повсюду царил порядок. Я не слышал, чтобы за это время где-либо имели место террористические или другие открытые враждебные нам или освободительному движению акты... Для царившего здесь политического настроения самым характерным было чувство дружбы к Советской России и Красной Армии. Здесь видят в нас естественного, желательного и единственно возможного освободителя. Имеющихся здесь советских офицеров предупредительно приветствуют не только все военнослужащие, но также и жители (многие поднятием сжатой руки)... Я видел на улице американских и английских офицеров — они, безусловно, не встречали такого выражения симпатий... С несомненной искренностью население и солдаты ждут прихода частей Красной Армии. Если говорить об отдельных частных политических заботах и сомнениях, то следует, прежде всего, указать на опасения многих интеллигентов, что они будут лишены материальных удобств. Предвидя будущую близость Чехословакии Советскому Союзу и не зная положения, какое у нас существует в действительности, думают, что произойдет немедленное и механиче-

ское уравнение по беднякам, что будут пересчитаны скатерти, простыни и т.д.».

Далее дается характеристика вооруженных сил восстания, взаимоотношений между ними, военного положения. Выводы Крушинского гласили: «1. Освободительное движение в Словакии развернулось как безусловно дружественное нам. И, следовательно, уже поэтому заслуживает энергичной поддержки. 2. Наличные в Средней Словакии вооруженные силы в основном преданы этому освободительному движению и способны сослужить нам службу в разгроме Германии. 3. При существующей политической и оперативной ситуации эти вооруженные силы и самый занимаемый ими плацдарм играют и могут в ближайшее время сыграть известную роль в ходе военных действий на юге. 4. Освободительное движение включает в свои рамки и реакционные элементы (часть офицерства), примкнувшие к нему по необходимости, страха ради или по собственному расчету...». Таковы были наблюдения и выводы советского военного корреспондента, большая часть которых впоследствии была подтверждена и серьезными исследователями вопроса.

Радость солдат и офицеров 1-го ЧАК, наконец-то стоявших на пороге своего дома, была безмерной, что нашло отражение в прессе корпуса⁶. Вот, например, выдержка из статьи от 9 октября 1944 г. газеты 1-го ЧАК «Наше войско в СССР» («*Naše vojsko v SSSR*»): «Помощь Красной Армии с самого начала войны не выражалась в красивых словах и добрых советах. Неся на себе в течение трех лет основную тяжесть войны, она уничтожила миллионы гитлеровских захватчиков, которые до того времени безнаказанно мучили и уничтожали всю Европу, тысячи тех, кто пришел в нашу страну, грабил её, позорил, мучил и топтал... Наша страна стоит перед полным освобождением. Это основной результат того, что, защищая свой дом, наш русский брат проливал свою кровь и за нас, за нашу свободу. Братской русской кровью, пролитой в беспримерных боях, были завоеваны и наша свобода, наше счастье... Красная Армия, армия-освободительница пришла к нам... Принимая её, принимая наших братьев-красноармейцев в своем доме, народы Чехословакии говорят им от всего сердца: приветствуем вас, братья-красноармейцы!»⁷. Пафос стиля статьи не может помешать тому, чтобы видеть, что акценты расставлены правильно, а благодарность была искренней и заслуженной.

Преодоление Карпатского хребта Красной армией и 1-м ЧАК вовсе не означало, что бои с противником будут менее упорными и кровопролитными. Они, как и в предгорьях Карпат, велись в горно-лесистой местности, где гитлеровцы располагали хорошо укрепленными позициями,

прикрытыми минными полями и другими заграждениями. К тому же, как и Красная армия, 1-й ЧАК понес большие потери, «поредевшие части корпуса нуждались в пополнении. Численность в бригадах не превышала численности батальонов, а роты по количеству активных бойцов можно было приравнять к взводам»⁸. Бои в октябре были ничуть не легче сентябрьских. Каждая ощерившаяся стволами пулеметов и артиллерийских орудий гора — а их в Западных Карпатах были десятки, если не сотни — являла собой настоящую крепость, которую приходилось брать штурмом. Гитлеровцы сражались отчаянно, памятуя о приказе фюрера расстреливать на месте всех дезертиров и трусов. Не щадили они и местное население. По обвинению в связи с партизанами фашисты расстреливали жителей и сжигали деревни. «Население освобожденной территории, — вспоминал Л. Свобода, — терпело в то время огромные лишения. Фашистские грабители полностью смели с лица земли многие населенные пункты, и люди, возвращавшиеся из лесов и гор, где они скрывались от гитлеровцев, часто не находили своих жилищ. В одном лишь небольшом Стропковском районе гитлеровцы уничтожили при отступлении 50 деревень и хуторов. Народ голодал»⁹.

К концу октября 1944 г. войскам 38-й армии 1-го УФ и 1-го ЧАК удалось освободить лишь 9 населенных пунктов Восточной Словакии, жители которых с радостью приветствовали их приход. Это подтверждает и донесение члена Военного Совета 1-го УФ К.В. Крайнюкова Главному политическому управлению Красной армии от 20 октября 1944 г.: «Население освобожденных сел встретило части Красной Армии и чехословацкого корпуса с большой радостью и восторгом. Особенно этот восторг заметен в связи с тем, что вместе с Красной Армией на территорию Словакии вступили части чехословацкого корпуса. Повсеместно бойцы и офицеры ощущают теплый, радушный прием и дружественное отношение местного населения. Отмечено много случаев, когда местные жители стремятся оказать помощь нашим частям в борьбе против немцев... Симпатии к Советскому Союзу огромны. Большинство населения с нетерпением ждет прихода Красной Армии. Все слои населения горят желанием сотрудничать с Советским Союзом»¹⁰.

А вот донесение офицера разведки словацкой армии (г. Нитра) в Министерство национальной обороны Словакии от 10 января 1945 г.: «Моральный дух русских солдат очень хорош». После захвата ряда деревень (перечислены названия — В. М.), русские солдаты «разоружили локальную структуру [службы] безопасности, а также жандармерии и налоговых органов. По отношению

к жителям вышеуказанных деревень не совершали никаких правонарушений». Не было слышно о том, «чтобы русские солдаты отбирали у людей продовольствие или одежду. В захваченных местах они ведут себя очень уверенно, как солдаты Красной Армии, приходят, как освободители от немецкого гнета...»¹¹. Следует добавить, что жители восточных районов Словакии не только были освобождены от гитлеровцев, но им по просьбе Л. Свободы и распоряжению И.В. Сталина оказывалась еще и продовольственная помощь¹².

В конце октября 1944 г. войска 4-го УФ под командованием генерала армии И.Е. Петрова подошли к восточной границе Словакии и начали подготовку к операции по освобождению её юго-восточных районов. В ноябре-декабре планировалось силами 18-й армии под командованием генерал-майора А.И. Гастиловича и 1-й Гвардейской армии под командованием генерал-полковника А.А. Гречко нанести удар на Требишов и Михаловце. Операция, проводившаяся в тесной оперативно-тактической связи с Будапештской операцией 2-го УФ, началась 20 ноября 1944 г. Тяжелейшие условия ведения боев в горах, а также резко ухудшившаяся погода, почти полностью исключавшая действия авиации, не позволили развивать наступление в высоких темпах. Однако на 6-й день после начала операции, 26 ноября, были освобождены города Гуменне, Михаловце (в честь их освобождения в Москве в тот же день прозвучал артиллерийский салют), Требишов и Медзилаборце. Остатки потрепанных немецких и венгерских дивизий начали отступление на заблаговременно подготовленные оборонительные позиции на западном берегу реки Ондава. Теперь вражеские войска, действовавшие на территории Словакии, оказались под ударом советских вооруженных сил с трех сторон. Это создало благоприятные условия для осуществления следующей военной операции Красной армии по преодолению Западных Карпат¹³. Советские войска и 1-й ЧАК, понесшие большие потери и нуждавшиеся в пополнении и отдыхе, временно перешли к обороне.

30 ноября политотдел 1-й Гвардейской армии доносил Военному Совету 4-го УФ: «Местное население повсюду встречает бойцов Красной Армии исключительно хорошо. За все время наступления не отмечено ни одного факта враждебного или недоброжелательного отношения к бойцам и командирам Красной Армии. Население радушно встречает бойцов, угощает всем, что имеет у себя лучшего, снабжает продовольствием». Отмечался такой факт, что «местные жители обижаются на то, если при распределении бойцов по квартирам в какой-либо дом не ставят бойцов». Говорилось, что «население помогает

ремонттировать дороги, взорванные противником мосты, вытаскивать застрявшие на дорогах автомашины, повозки, женщины охотно оказывают помощь госпиталиям, стирают для раненых белье и т. п.»¹⁴. Вместе с тем в донесении того же политотдела от 11 декабря, подчеркивавшем в целом дружественное отношение населения к Красной армии, отмечалось: «Некоторые жители (которых насчитываются единицы), наслушавшись фашистской агитации о зверствах большевиков и Красной Армии, прячутся в подвалах и других местах». В политдонесении от 9 декабря значилось: «Население рассказывает, что немцы запугивали их приходом Красной Армии, утверждая, что мы начнем повальный грабёж»¹⁵.

Учитывая, что страхи местного населения в связи с приходом советских войск возможны и что бойцы Красной армии, по выражению И. В. Сталина, «не ангелы»¹⁶, Ставка Верховного Главнокомандования Красной армии за подписью Сталина и Антонова направила 31 октября 1944 г. командующему войсками 4-го УФ И. Е. Петрову и командующему войсками 1-го УФ И. С. Коневу директиву: «1. Разъяснить всему личному составу войск, что Чехословакия является нашим союзником и отношения со стороны войск Красной армии к населению освобожденных районов Чехословакии и к повстанческим чехословацким частям¹⁷ должны быть дружественными. 2. Запретить войскам самовольную конфискацию автомашин, лошадей, скота, магазинов и разного рода имущества. 3. При размещении войск в населенных пунктах учитывать интересы местного населения. 4. Всё необходимое для нужд наших войск получать только через местные органы гражданской администрации чехословаков или через командование чехословацких повстанческих частей. 5. Нарушающих приказ привлекать к суровой ответственности»¹⁸.

Аналогичный, по сути, приказ 16 декабря 1944 г. издал и командующий войсками 2-го УФ Р. Я. Малиновский¹⁹, войска которого в конце декабря 1944 г. начали наступление из Венгрии. В январе 1945 г. Красная армия овладела важными железнодорожными узлами на Востоке Словакии Сечень, Римавска Собота, Левице и др. В донесении политического отдела 53-й армии 2-го УФ от 10 января 1945 г. отмечалось: «Здесь (в Чехословакии — В. М.) мы встречаемся с фактами, говорящими о том, что не только трудовое население, но и более зажиточная часть его не верила фашистской клевете на Советский Союз и его Красную Армию, что не только беднота, но и интеллигенция и более зажиточная часть населения не уходит с немцами, а ждет прихода Красной Армии и готова оказывать ей всемерную помощь»²⁰.

В конце 1944 г. советско-германский фронт на всем протяжении, от Балтийского моря до Карпат, стабилизировался. Шла подготовка к новым наступательным операциям Красной армии, в том числе и по окончательному освобождению Западных Карпат от немецких и венгерских войск. Западно-Карпатская операция началась 12 января 1945 г. и продолжалась до 18 февраля 1945 г. В то время ЧАК, сначала действовавший в составе 1-й Гвардейской армии генерал-полковника А. А. Гречко, из оперативного-тактического соображения был переподчинен 18-й армии 4-го УФ под командованием генерал-майора А. И. Гастиловича. Пять артиллерийских полков корпуса и 1-й танковый батальон по тем же причинам действовали в составе войск 1-го УФ. На основании приказа командования 4-го УФ от 18 января 1-й ЧАК начал проводить сначала набор, а потом и частичную мобилизацию призывников на освобожденных территориях Словакии для пополнения личного состава корпуса²¹. Началось формирование новой 4-й отдельной чехословацкой пехотной бригады.

20 января войска 4-го УФ совместно с частями 1-го ЧАК овладели важными узлами коммуникаций и опорными пунктами оборонителя — городами Прешов, Кошице и Бардеёв. Частям, отличившимся в этих боях, было присвоено наименование «Прешовских» и «Кошицких». Москва салютовала войскам 4-го УФ и ЧАК двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. Описывая ситуацию в Прешове, газета «За свободне Чехословенско» 23 января писала, что вследствие быстрого и решительного удара Красной Армии «у немцев не осталось времени для разграбления и уничтожения города и окрестных сел, у них не было времени для того, чтобы изгнать жителей, они не имели возможность заминировать город»²². Командир 1-й отдельной чехословацкой бригады в СССР полковник Ян Саторие в телеграмме на имя И. Е. Петрова от 25 февраля писал: «Мы являемся ежедневно свидетелями восторженного приема Красной Армии на нашей территории. Наш народ никогда не забудет героев Красной Армии, которые, не щадя жизни, изгоняют ненавистных немецких захватчиков из земли братской славянской Чехословакии»²³.

В январе были освобождены города Попрад, Кежмарок, Брезно над Гроном, началось наступление в направлении г. Банска Быстрица, центра СНВ. 18-я армия и 1-й ЧАК продолжили движение в сторону Липтовского св. Микулаша, который попытались взять с ходу. Однако неоднократные попытки сделать это, предпринимаемые с 3 по 13 февраля, оказались неудачными. Немецкая пехотная дивизия, усиленная танками и самоход-

ными орудиями, и три венгерских полка отбивали одну атаку за другой. Решено было временно прекратить наступление и возобновить его только после основательной подготовки. Новое наступление началось 3 марта. Основная его тяжесть пришлась на армию под командованием А.И. Гаспиловича. Бои за Липтовски св. Микулаш, в том числе и на его улицах, продолжались два месяца, во время которых город неоднократно переходил из рук в руки. Только 4 апреля он был окончательно освобожден советскими и чехословацкими войсками²⁴. После напряженных двухмесячных боев за Липтовски св. Микулаш корпус начал продвижение вдоль долины реки Ваг к предгорьям Большой Фатры, изобилующей глубокими ущельями и узкими долинами. Это создавало благоприятные условия для немецкой обороны и затрудняло действия советских войск и 1-й ЧАК. Л. Свобода 5 апреля приступил к исполнению обязанностей министра национальной обороны ЧСР, а командиром корпуса по его представлению был назначен генерал К. Клапалек, до этого командовавший 3-й бригадой.

Большинство населения по-прежнему тепло и радушно встречало Красную армию. Оптимистично в этом плане были настроены и словацкие коммунисты. В частности, один из руководителей СНВ Густав Гусак, который находился в январе-феврале 1945 г. в Москве, утверждал в информации о положении в Словакии следующее: «Словакия подготовлена в психологическом и политическом отношении к приходу Красной Армии», «значительная часть населения с коммунистической ориентацией заранее приветствует Красную Армию, надеясь с её приходом получить возможность осуществления своих социальных и экономических порядков». Он полагал, что 70–80% населения Словакии настроены просоветски²⁵. Если понимать под этим установление советского строя, то это, несомненно, было преувеличением, выдачей желаемого за действительное, но, вероятно, отражало широкое распространение симпатий к России, русским в словацком обществе в конце войны.

Однако были и другие настроения. Вот что говорилось в информационной сводке 7-го управления ГлавПУРРКА (Главного Политического управления Рабоче-крестьянской Красной армии) от 8 февраля 1945 г. «Наступление Красной Армии в Словакии сопровождается подъемом политической активности широких масс народа. Словаки радостно встречают наши войска и помогают им в приведении в порядок коммуникаций, перевозками военного имущества и продажей продовольствия. На многочисленных собраниях, митингах и беседах население подчеркивает родственность русского и словацко-

го народов и выражает глубокую благодарность Советскому Союзу за освобождение от немецко-фашистских оккупантов. Население проявляет живейший интерес к условиям жизни в Советском Союзе и перспективам государственного устройства в Словакии. Население Словакии выражает чувство дружбы и симпатии по отношению к Красной Армии... Жители заявляют, что видят в русских своих братьев...». «Все население заявляет, — говорилось далее, — о поголовном грабеже, произведенном немцами в селах... Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовались печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских». Далее в сводке констатировалось: «Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной... Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война... Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж»²⁶.

Аналогично описывались настроения населения и в политдонесении 4-го УФ от 25 марта 1945 г.: благодарность за освобождение, дружественное и гостеприимное отношение к бойцам и офицером Красной армии, сбор подарков для раненых воинов, помощь в ремонте дорог и мостов, помощь в случае необходимости гужевым транспортом и пр. Вместе с тем, говорилось об отдельных проявлениях недовольства, нежелании нести тяготы войны²⁷. Неоднозначно были настроены некоторые представители интеллигенции, что, в частности, следует из донесения со 2-го УФ о положении в г. Римавска Собица от 28 марта: «передовая часть интеллигенции активна и помогает Красной Армии», «часть интеллигенции занимает выжидательную позицию и не решается принимать участие в общественной жизни. Она ожидает, пока определится положение в стране», «некоторая часть интеллигенции настроена реакционно. Она хорошо относится к немцам и одобряет политику венгерских фашистов»²⁸.

Случаи недовольства населения действительно имели место и, видимо, не единичные. Без воодушевления зачастую воспринимались приказы о мобилизации в армию. Словацкий национальный совет (СНС), возобновивший свою деятельность на освобожденной территории Словакии в феврале 1945 г., издал распоряжение о мобилизации в армию мужчин 1910–1926 г. рождения.

Она шла с трудом: ведь одно дело восхищаться освободителями и приветствовать их, а другое — самим проливать кровь, и, возможно, жертвовать жизнью за освобождение своей страны, да еще в конце войны. Не все готовы были делать это, что понятно с чисто человеческой точки зрения. Многие из подлежавших призыву уходили в леса, скрывались у родственников, в общем, всячески уклонялись от мобилизации. Например, согласно информации председателя призывной комиссии в Михаловцах от 14 марта 1945 г. из 295 резервистов из 13 деревень только 52 человека явились на призывные пункты. Не помогли и действия милиции. В районе Спишска Нова Вес 60% подлежавших мобилизации уклонились от неё; в районе Требишов лишь 30% подчинились распоряжению о мобилизации. Случались и массовые побегі призывников во время препровождения их на пункты призыва. Фиксировались и случаи побегов военнослужащих 1-го ЧАК, если они оказывались в своих родных местах. Список дезертиров командование корпуса направило президиуму СНС с просьбой, чтобы органы безопасности начали следствие по этим делам и в случае обнаружения дезертиров передали их в распоряжение органов чехословацкой полевой прокуратуры²⁹.

Однако широко о подобных вещах тогда не писалось и не говорилось. Наоборот, задачей политической пропаганды было привлечение местного населения к помощи Красной армии и 1-й ЧАК в деле освобождения страны от фашистских оккупантов и их пособников. Газета «За свободне Чехословенско» 21 марта 1945 г. писала: «Здесь, на нашей родине, мы должны, по меньшей мере, сравняться с нашими прославленными боевыми товарищами по оружию — красноармейцами, а то и превзойти их. Красноармейцы проливают кровь на чужой земле за нас, своих меньших братьев-славян, так могут ли быть для нас, сражающихся на собственной земле, слишком большими любые жертвы в этой борьбе? Нет!... Докажем своему народу, что мы по праву называемся освободителями, что мы умеем сражаться за высокие идеалы свободы так же верно и самоотверженно, как сражается самая героическая армия в мире — армия Советского Союза»³⁰.

Успешно развертывались действия войск 2-го УФ (маршал Р.Я. Малиновский) по освобождению южной Словакии. После завершения Будапештской операции 13 февраля 1945 г. перед войсками фронта была поставлена задача освобождения Братиславы и Брно. В марте 1945 г. Красная армия овладела городами Банска Штявница, Зволен и Банска Быстрица. Продолжая наступление, войска 2-го УФ форсировали реки Грон и Нитра и выбили немецкие части из сильных опорных пунктов вермахта на братис-

лавском направлении — городов Комарно, Нове Замки, Шураны, Врабле. 4 апреля Красная армия освободила столицу Словакии Братиславу. Соединения и части, наиболее отличившиеся в боях за овладение городом, были представлены к присвоению наименования «Братиславских» и награждению орденами. Москва салютовала победителям двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий³¹.

7 апреля в отдел пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) поступило сообщение из ГлавПУРРКА «О положении в Братиславе». В нем говорилось, что город хорошо сохранился, разрушения имеются лишь на его северо-западной и восточной окраинах. В городе осталось примерно 135–140 тыс. жителей. Бежали лишь лица, принадлежавшие к правительственным кругам и до 30 тыс. немцев, однако около 10 тыс. человек немецкого происхождения остались, несмотря на приказ немецких властей об эвакуации жителей. 4 апреля начала свою деятельность военная комендатура. Важнейшие объекты — банки, почта, дворец президента, а также предприятия взяты под охрану. Опечатано и взято под охрану здание советского посольства³², в котором в последние годы находилось гестапо. Почти все чиновники местной администрации во главе с городским головой д-ром Стефаном Равао остались на местах. Осталось в городе и большинство полицейских чиновников. Промышленность в городе не пострадала. Предприятия возобновят работу с получением электроэнергии. Все ценности Словацкого национального банка остались в Братиславе. Население встречает советские войска хорошо, выражает чувство радости и благодарности за освобождение от немецко-фашистского ига³³.

Согласно донесению политуправления 2-го УФ от 30 апреля 15 апреля в Братиславе состоялся митинг, посвященный освобождению города от немецких захватчиков. Он был организован Словацким национальным советом в большом зале кинотеатра «Редут». В митинге приняло участие свыше 1500 человек, выступали ораторы демократической и коммунистической партий. Заключительную речь произнес зам. председателя СНС и его уполномоченный по внутренним делам коммунист Г. Гусак. Единым требованием народа, по его мнению, «является ориентация внешней политики страны исключительно на Советский Союз». Новая армия должна изучать богатый опыт Красной армии и сотрудничать с ней. Из страны должны быть выселены немцы и венгры, за исключением тех, кто принимал активное участие в борьбе с фашизмом³⁴.

В другом донесении политуправления 2-го УФ от 30 апреля говорилось, что промышленные предприятия Братиславы возобновили работу, на-

чалось восстановление газового и нефтеперегонного заводов, разрушенных бомбежкой союзной авиации. Сообщалось, что «очищения заводов от реакционных элементов не проводится»; коммунальные предприятия работают нормально и население города нормально снабжается продовольствием. Культурная жизнь Братиславы, согласно донесению, оживляется. Работают театры драмы и оперетты. В кинотеатрах демонстрируются советские фильмы «Ленин в 1918 году», «Бой за Советскую Украину». Возобновлены занятия в духовной семинарии и консерватории. В городской комитет компартии Словакии поступило более двух тысяч заявлений местных жителей, желающих вступить в партию. Прием в партию временно прекращен. Население города дружелюбно относится к Красной армии³⁵.

На следующий день после освобождения Братиславы, 5 апреля, стремительным и неожиданным ударом войск 4-го УФ и ЧАК был освобожден г. Ружомберок. Оборонявшие его гитлеровцы и два полка венгерской пехоты не успели разрушить подготовленные ими к взрыву важные городские объекты. Население встречало освободителей с радостью. Вот как вспоминал об этом генерал-полковник Л. М. Сандалов, тогда начальник штаба 4-го УФ, побывавший в городе вскоре после его освобождения: «Город Ружомберок произвел на меня неизгладимое впечатление своим праздничным торжественным видом. На стенах домов, на заборах были наклеены яркие печатные и рукописные транспаранты с призывом крепить вечную дружбу советского и чехословацкого народов, с благодарностями воинам-освободителям от фашистского ига. На большинстве домов развевались красные флаги. По рассказам сопровождавших меня офицеров, в день освобождения города жители вышли на улицы в ярких праздничных национальных нарядах с цветами в руках. Они горячо, восторженно встречали своих земляков из чехословацкого корпуса и советских воинов. Их обнимали, целовали, одаривали, чем могли»³⁶.

Местные жители не только восторженно встречали освободителей, но и, как могли, помогали им. «Тысячи словацких мужчин, — писал Л. Свобода, — помогали нам строить и ремонтировать дороги, сотни женщин стирали воинам белье, пекли хлеб». А генерал К. Клапалек вспоминал: «Никогда прежде я не знал такого тесного сотрудничества гражданского населения и армии. Незнакомые люди, стоя по колено в снегу, работали до упаду. Съедали то, что приносили с собой в карманах, и опять тащили бревна, поднимали камни, рыли окопы, откидывали лопатами тяжелую мокрую глину. Когда место работы передвигалось дальше, многие из них не возвращались

домой на ночь — оставались с нашими воинами. Они помогали нам и в эвакуации раненых. Трудно представить, как бы сложилась для нас обстановка в горах Малой Фатры, если бы нам не помогло местное население»³⁷. В конце апреля бои были перенесены на территорию Моравии: 26 апреля войска 2-го УФ освободили Брно, а 30 апреля — войска 4-го УФ Моравску Оставу.

Тем временем в освобожденных районах Словакии эйфория и радость первых дней свободы уступали место настороженности и опасениям за будущее. Недовольство населения помимо трудностей военного времени вызывали карательные действия СМЕРШ и НКВД на освобожденной территории, репрессии против активных сторонников режима Тисо, следовавшего до конца войны в фарватере гитлеровской Германии. Согласно словацкому исследователю Р. Летцу, органы НКВД проводили аресты преимущественно российских и украинских эмигрантов, затем венгров и немцев, а также словаков. Опирались при этом на помощь местных коммунистов, партизан и используя списки, составленные разведотделами 1-й ЧАК или оперативными группами СМЕРШ³⁸. Данные о словаках, отправленных в ГУЛАГ, в словацкой историографии расходятся, колеблясь от 12 до 60 тысяч человек³⁹. Словацкий историк М. Барновский, изучивший обширный материал по теме, пришел к предварительному выводу, что всего из Словакии было вывезено около 6 тыс. жителей, в том числе 3 тыс. венгров, 2500–2600 словаков и лишь 400 немцев⁴⁰. На сегодняшний день этот вопрос из-за недоступности для исследователей сводных архивных данных и противоречивости уже известных можно считать изученным недостаточно.

Широко известными становились сразу и случаи мародерства, грабежей, насилия, совершенных солдатами Красной армии в отношении местных жителей, что, естественно, вызывало их страх и гасило радость встречи с освободителями. Было ли осведомлено об этом советское руководство и командование Красной армии? Несомненно. Еще 30 мая 1944 г. заместитель народного комиссара обороны СССР маршал Советского Союза А. М. Василевский издал приказ о бесчинствах, вооруженных грабежах, кражах у гражданского населения и убийствах, творимых отдельными военнослужащими в прифронтовой полосе, и мероприятиях против них. В нем говорилось о применении решительных мер по борьбе с этой преступностью: приказывалось разбирать эти дела «немедленно и виновных привлекать к суду военного трибунала», о всех случаях бесчинства «доносить как о чрезвычайном происшествии немедленно, а по окончании следствия — о мерах воздействия, примененных к виновникам»⁴¹.

Знал о подобных случаях и Сталин. Об этом, в частности, свидетельствует выше упомянутое выступление И.В. Сталина на обеде в честь президента Э. Бенеша в Москве 28 марта 1945 г. Надо сказать, что незадолго до этого, 17 марта 1945 г., Сталин получил спецсообщение Берии о настроениях немецкого населения, оставшегося в тылу Красной армии, и недостойном поведении её военнослужащих⁴². По всей видимости, Бенеш (президент и чехословацкое правительство с 4 апреля находились в Кошицах, а затем переехали в освобожденную Братиславу) интересовался этим вопросом и получал информацию по своим каналам. В беседах с советским послом в ЧСР В. А. Зориным председатель правительства З. Фирлингер затрагивал эту тему. Вот и 25 мая в дневнике Зорина появилась запись: Фирлингер «вновь коснулся вопроса об инцидентах, которые имели место в Братиславе и других городах Западной Словакии в связи с недисциплинированностью отдельных групп наших бойцов. Фирлингер сообщил, что Президенту был доставлен специальный доклад о положении в Западной Словакии, в котором значительное место занимают эти инциденты, причем Бенеш, ознакомившись с этим материалом, был обескуражен им, даже взволнован. Его особенно беспокоило то, что на этой почве может быть развернута враждебная пропаганда, и что настроение населения может быть не всюду здоровым по отношению к Красной Армии». Зорин, приняв это к сведению, напомнил Фирлингеру слова Сталина, сказанные им во время приема в честь Бенеша 28 марта 1945 г.⁴³

Словацкий исследователь П. Юшчак на основе опубликованных воспоминаний тех, кто был интернирован в Словакии, депортирован в СССР и побывал в ГУЛАГе, попытался обобщить сведения о категориях лиц, «изъятых» НКВД⁴⁴. Это были солдаты венгерской армии (среди них и словаки), члены так называемой Глинковской гвардии (прорежимной военизированной организации), карпатские немцы (жители Словакии), государственные служащие (т.е. представители тисовского режима), военнослужащие словацкой армии, русские эмигранты, а также схваченные случайно и по доносу⁴⁵. Согласно данным Российского государственного военного архива в течение 1945–1950 гг. из СССР в ЧСР было репатриировано 2378 чехословацких граждан. 876 человек из них возвратилась на родину в 1945 г., 666 — в 1946 г., 372 — в 1947 г., 248 — в 1948 г., 216 — в 1949 г. К 20 января 1950 г. в СССР оставались 106 интернированных чехословацких граждан⁴⁶.

По всей видимости, к арестам гражданских лиц имели отношение не только советские военные органы, зачищавшие тылы Красной армии

от вражеских элементов, что в условиях военного времени было естественно, но и местные власти: Словацкий национальный совет, точнее его ведомство (поверенничество) внутренних дел, возглавляемое Г. Гусаком, и разного уровня (районные, местные) национальные комитеты, зачастую либо избираемые при поддержке советских военных комендатур, либо назначаемые ими. «Во всех городах, занятых войсками нашего фронта, — говорилось в политдонесении 2-го УФ «О положении в Словакии» от 22 марта 1945 г., — учреждены советские военные комендатуры, под руководством которых работают местные органы власти»⁴⁷. Низовые ячейки коммунистической партии были еще плохо организованы и не имели связи с центром. В этих условиях одной из задач политорганов Красной армии было «оказание помощи населению в проведении выборов местных органов власти»⁴⁸, которые зачастую либо просто состояли из коммунистов, либо находились под их влиянием и руководством.

Именно национальные комитеты во многих случаях готовили сведения о враждебно настроенных и подлежащих аресту лицах. Надо думать, что наряду с объективными данными тут было много субъективных оценок и рекомендаций. Под понятия «коллорационист» и «предатель» нередко попадали люди просто по навету и оговору. В плане искоренения враждебных элементов решительно был настроен Г. Гусак. Выступая на общесловацкой конференции Коммунистической партии Словакии в Кошицах 28 февраля 1945 г., он говорил: «Коллорационисты и карьеристы, которые с помощью немцев хотели выскочить наверх и удержаться, с момента словацкого восстания превратились в изменников и прямых врагов словацкого народа. Тем жестче будет суд народа над ними, тем радикальнее и последовательнее мы должны искоренять любые зародыши фашистских идей и реакционные элементы, чтобы наш народ уже никогда не попал в подобное порабощение»⁴⁹.

«В момент, когда мы имеем данную нам Красной Армией возможность, мы не только в праве, но и обязаны решительно искоренить все фашистские элементы в Словакии и энергично покончить с изменниками и коллорационистами», — справедливо полагал Гусак. При этом он подчеркивал, что среди простых людей было много обманутых, которые не могут отвечать за случившееся и которых надо привлекать к сотрудничеству. Особо Гусак говорил о венгерском населении Словакии: «Новое отношение между словацким и венгерским народами может начаться только тогда, когда венгры проведут чистку на своих территориях и искупят зло, причиненное ими нашему народу. Пока же мы не видим признаков этого и поэтому

должны смотреть на них с недоверием» и «строго проверять каждого человека, поскольку у нас для этого есть причины»⁵⁰. В обращении конференции КПС 1 марта к населению еще не освобожденных районов Словакии говорилось: «Освобожденную территорию мы уже сейчас очищаем от немецких и венгерских внутренних врагов, как и от тех подлых изменников, которые способствовали тому, что наш народ попал под немецкое и венгерское ярмо, и за тридцать серебряников помогали удерживать его там»⁵¹.

Пожалуй, еще более решительно в этом плане был настроен К. Готвальд, который выступал на совещании функционеров компартии Словакии в Кошицах 8 апреля 1945 г. Развивая мысль о стратегии и тактике коммунистов в завоевании руководства народом, он отметил важную роль такого «инструмента», как борьба против изменников и коллаборационистов. «Это чрезвычайно острое оружие, которым мы можем подрубить корни буржуазии, причем именем народа, в интересах всего народа, государства и республики. Поэтому меня лично особенно беспокоит то, что в Словакии в этом вопросе почти ничего не было сделано... Масштабно проведенный закон о наказании изменников и коллаборационистов весьма острое оружие, с помощью которого мы можем отсечь у буржуазии столько отростков, что от неё останется обрубок. Это — вопрос борьбы против буржуазии, борьбы, ведомой под государственным и национальным знаменем, под знаменем республики. Не использовать это оружие, значит оставить его ржаветь. Этим оружием мы можем нанести прямой физический урон врагу»⁵². Указание коммунистам было дано именно в тот момент, когда шло освобождение Западной Словакии, территория которой не была охвачена Словацким национальным восстанием. Возможно, здесь преследование изменников и коллаборационистов носило более острые формы, что и нашло отражение в вышеупомянутом докладе, полученном Бенешем. Во всяком случае, репрессивные органы Красной армии, вероятно, в своих действиях нередко исходили из материалов, предоставленных им местными властями.

Наконец, еще об одной стороне действий Красной армии на освобожденной территории — пропагандистская работа. Она проводилась армейскими политорганами, которые имели на этот счет специальные указания ГлавПУРККА и отчитывались перед ним:

- во-первых, следовало нейтрализовать последствия фашистской пропаганды, представлявшей СССР и большевиков в образе «красного дьявола»;
- во-вторых, донести до населения правду (естественно, в её «пряничном» виде) о жиз-

ни в Советском Союзе, его общественном строе и причинах победы над гитлеровской Германией;

- в-третьих, содействовать становлению в освобожденной стране не советского, но лояльного и дружественного в отношении Москвы режима. Вот как описывалась эта деятельность в докладной записке начальника 7-го отдела Политуправления 4-го УФ от 10 марта 1945 г.: «Наша работа среди словацкого населения заключается в следующем: а) в изучении его политических настроений, б) в проведении докладов, групповых и индивидуальных бесед, в) в оказании помощи населению в проведении выборов органов местной власти, г) в организации помощи местным организациям КПЧ, д) в организации культурно-просветительных мероприятий (кино, концерты, звуко-передачи).

В основу всей агитационно-разъяснительной работы положены следующие документы: а) книга тов. Сталина о Великой Отечественной войне Советского Союза, б) договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и Чехословацкой республикой, в) текущие материалы центральных печатных органов. За истекшее время для словацкого населения на русском и словацком языках прочитано около 500 докладов на темы „Германия в тисках между двумя фронтами“, „Великий подвиг советского народа в Отечественной войне“, „Германский фашизм — злейший враг славянских народов“, „Освободительная миссия Красной Армии“ и др. 7-ым отделом издано и распространено среди населения две листовки „Мы пришли, как освободители“ и „Братья словаки!“ тиражом 120 000 штук. Распространено свыше 250 000 экземпляров брошюр, газет, лозунгов и плакатов, полученных из ГлавПУРККА. Через военных комендантов постоянно оказывается помощь населению в выборах органов местной власти и в налаживании в городах и селах нормальной жизни...Значительная помощь нами была оказана местным организациям КПЧ с передачей им нашего опыта организации партийной работы»⁵³.

А вот сообщение из Братиславы от 7 апреля 1945 г.: «Среди населения Братиславы развернута массово-политическая работа. Мощный звуковещательный отряд передает на словацком языке приказ № 5 тов. Сталина (что за приказ, установить не удалось — В. М.), решения Крымской конференции, текст советско-чехословацкого соглашения»⁵⁴, а также оперативные сводки Совинформбюро. По городу расклеены художественные плакаты, показывающие мощь Красной Армии и её союзников. Жители города относятся к материалам нашей пропаганды с большим интересом»⁵⁵. Согласно другим донесениям, темы

проводимых бесед были следующие: о мощи советского строя, о победах Красной армии, о её целях и задачах в разгроме немецко-фашистских захватчиков, о дружбе славянских народов, о государственном устройстве Советского Союза, о жизни рабочего класса и колхозного крестьянства в СССР и т. д.⁵⁶

Однако немедленное учреждение советского строя ни в Чехословакии, ни вообще в странах Центральной и Юго-Восточной Европы тогда не предполагалось. Имелось в виду установление

народно-демократического (в Чехословакии — национально-демократического) режима как ступени к строю советского образца. Насколько длительным будет этот этап, никто в ту пору сказать определенно не мог. Все зависело от развития международной обстановки после войны. А она сложилась таким образом, что необходимость в установлении строя, подобного советскому, Москва и руководимые ею компартии стран указанного региона увидели уже в конце 1940-х годов⁵⁷.

¹ Vojenské dejiny Slovenska a Slovákov slovom a obrazom /Vedúci aut. kol V. Segeš. Bratislava, 2013. S. 293.

² "Slovo". 30.05.2006 (<http://www.inosmi.ru/world/20060530/227622.html>).

³ Kováčovič a kol. Oslobodenie Slovenska 1944–1945. Zborník z mezinárodnej konferencie 29–30 apríl 2010. Liptovský Mikuláš. Akademia ozbrojených sil generála M.R. Štefanika. Banská Bystrica. Muzeum SNP. 2010.

⁴ См.: Быстрицкий Й. Проблематика освобождения Словакии в 1944–1945 гг. в словацкой историографии после 1989 г. // Социальные последствия войн и конфликтов XX века. Историческая память. М. — Санкт-Петербург. 2014. С. 169–179.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. Оп. 128. Д. 707. Л. 10–18 (далее: РГАСПИ).

⁶ Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Том 4. Книга 2. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М., 1983. С. 194–195, 197 (далее: ДМИСЧО 4–2).

⁷ Там же. С. 200–201.

⁸ Свобода Людвик. От Бузулука до Праги (Пер. с чешского). М., 1969. С. 328, 331.

⁹ Там же. С. 342.

¹⁰ ДМИСЧО 4–2. С. 215.

¹¹ Быстрицкий Й. Указ.соч. С. 178.

¹² ДМИСЧО 4–2. С. 211, 214.

¹³ Подробнее об операции см.: За освобождение Чехословакии. М., 1965. С. 110–126; Гречко А. А. Через Карпаты. М., 1972. С. 285–331.

¹⁴ ДМИСЧО 4–2. С. 244–245.

¹⁵ Там же. С. 252, 256.

¹⁶ См. выступление И. В. Сталина на обеде в честь президента Чехословакии Э. Бенеша 28 марта 1945 г.: Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос во время Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Кн. 2. 1941–1945 гг. М., 2009. С. 411.

¹⁷ Имелись в виду части словацкой армии, участвовавшие в Словацком национальном восстании. Вооруженные силы восстания были признаны составной частью чехословацкой армии.

¹⁸ ДМИСЧО 4–2. С. 225.

¹⁹ Там же. С. 258.

²⁰ Там же. С. 273.

²¹ Там же. С. 289.

²² Там же. С. 278.

²³ Там же. С. 308–309.

²⁴ Свобода Людвик. Указ. соч. С. 397–392.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 74. Д. 557. Л. 21–40.

²⁶ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 52. Л. 1–5.

²⁷ Там же. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 11–24.

²⁸ Там же. Л. 34.

²⁹ Slovensko na konci druhej svetovej vojny (stav, východosiská a perspektívy). Bratislava, 1994. S. 86–87.

³⁰ ДМИСЧО 4–2. С. 323.

³¹ Там же. С. 340–342.

³² Советское полпредство размещалось в этом здании в 1940–1941 гг.

³³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 79–81.

³⁴ Там же. Л. 43.

³⁵ Там же. Л. 139–140.

³⁶ Л. М. Сандалов. Через Карпаты на Прагу (<http://militera.lib.ru/memo/russian/9may/22.html>)

³⁷ Свобода Людвик. Указ. соч. С. 397.

- 38 Letz R. Slovensko v rokoch 1945–1948. Na ceste ke komunistickej totalite. Bratislava, 1994. S. 78–79, 203.
- 39 Марьина В. В. Советский Союз и чехо-словацкий вопрос... С. 312–313.
- 40 Borák M. České stopy v Gulagu. Z výzkumu perzekuce Čechů a občanů ČSR v Sovětském svazu. Opava, 2003. S. 103.
- 41 Приказы НКВД СССР. N 0150.30.V.1944 (http://bdsa.ru/index.php?option=com_content&task).
- 42 Лубянка. Сталин и НКВД... Док. 301 (<http://www.alexanderyakovlev.org/almanach/inside/almanach-doc/58939>).
- 43 Советский фактор в Восточной Европе. 1944–1953 гг. Кн. 1. 1944–1948 гг. Документы. М., 2000. С. 151.
- 44 Juščák P. Odvlečení. Osudy občanov Československa odvlečených do pracovných táborov GULAG v ZSSR. Bratislava, 2001.
- 45 См.: Borák M. České stopy v Gulagu. S. 108.
- 46 Ibid. S. 106; см. также: Чехия и Словакия в XX веке. Очерки истории. Кн. 2. М., 2005. С. 42–44.
- 47 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 25.
- 48 Там же. Л. 23.
- 49 Komunistická strana Slovenska. Dokumenty z konferencií a plén. 1944–1948. Bratislava, 1971. S. 80–81.
- 50 Ibid. S. 89, 91.
- 51 Ibid. S. 115.
- 52 Ibid. S. 144.
- 53 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 23–24.
- 54 Возможно, имелся в виду советско-чехословацкий договор 1943 г., а может быть Соглашение об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии от 8 мая 1944 г.
- 55 РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 320. Л. 81.
- 56 ДМИСЧО 4–2. С. 255, 273.
- 57 См. подробнее: Тоталитаризм. Исторический опыт Восточной Европы. «Демократическое интермеццо» с коммунистическим финалом. 1944–1948. М., 2002; Марьина В. В. «Народная демократия»: теория и практика // Власть — общество — реформы. Центральная и Юго-Восточная Европа. Вторая половина XX века. М., 2006. С. 44–71.

Документы

СССР и Чехословакия в 1941–1945 гг.

№ 1

Из инструкции Э. Бенеша и С. Ингра Г. Пике о переговорах относительно создания чехословацкой воинской части в СССР

Лондон

19 июля 1941 г.

Можете начать с советским Генеральным штабом переговоры об организации и положении чехословацкой воинской части.

Речь идет о выяснении советской точки зрения как основы для продолжения переговоров. Ведете переговоры в соответствии со следующими принципами:

- 1) Чехословацкая воинская часть в СССР является составной частью единой, самостоятельной чехословацкой армии за границей. Чехословацкой частью и её подразделениями будут командовать чехословацкие командиры, части будут иметь чехословацкие знамена, чехословацкие знаки различия, чехословацкие должностные характеристики и будут руководствоваться чехословацкой юрисдикцией, как в плане дисциплинарном, так и управленческом. Организация, снаряжение и вооружение, обучение и тактика будут соответствовать условиям армии в СССР. Тактически, оперативно и в плане всякого рода обеспечения чехословацкая часть будет полностью подчинена верховному или же соответствующему высшему советскому командованию. Во всем остальном командир чехословацкой части подчиняется чехословацкому правительству или же МНО и президенту республики как верховному главнокомандующему. Связь командира чехословацкой части с указанными деятелями осуществляется через военную миссию в СССР.
- 2) Чехословацкая военная миссия в СССР будет подчинена МНО. Она ведет все военные переговоры технического порядка с советскими центральными учреждениями. При [решении] военных вопросов она сотрудничает также с чехословацким полпредом в СССР. Через неё поддерживается и осуществляется связь чехословацкой воинской части с МНО и другими чехословацкими органами. Она руководит разведывательной деятельностью в стране и связью с ней. По соображениям географического порядка нужно будет придать чехословацкой военной миссии значительный автономный статус.

- 3) Чехословацкое полпредство в СССР, что касается военных вопросов, осуществляет лишь принципиальные военно-политические переговоры с советским правительством, сотрудничая с начальником чехословацкой военной миссии (например: основное военное советско-чехословацкое соглашение об организации и положении чехословацкой воинской части в СССР). Оно никак не вмешивается в остальные и особенно внутренние военные вопросы.
- 4) При чехословацкой воинской части создается советская военная миссия, которая советует и оказывает помощь в организации и обучении, а также в осуществлении всего материального обеспечения. Через неё осуществляется связь чехословацкой воинской части с советским военным командованием, в сфере деятельности которого чехословацкая воинская часть как целое находится.
- 5) Расходы по формированию и содержанию чехословацкой воинской части, личные и материальные расходы возмещает советское правительство из кредита, предоставленного правительству ЧСР. Система довольствия офицеров и солдат — в соответствии с нормами армии СССР.
- 6) Что касается пополнения личного состава, следует выяснить, можно ли в СССР рассчитывать на набор из следующих источников:
 - а) чехословаки, проживающие в СССР,
 - б) волыньские чехи, если они были эвакуированы,
 - в) военнопленные словацкого и подкарпатурсинского происхождения,
 - г) добровольцы чехословацкого происхождения, которые окажутся на территории СССР.
 С точки зрения окончательной возможности решающим является число лиц, на которое можно было бы рассчитывать, поэтому сообщите как можно скорее, какое количество людей указанных категорий могло бы быть принято в расчет.
- 7) Что касается набора, следует подумать, проводить ли его на основе чехословацкого закона о всеобщей военной обязанности или же на основе добровольности. Учитывая разнородность контингента и различия в гражданстве, целесообразнее будет система добровольности, причем можно было бы сохранить внешнюю форму законной воинской обязанности для лиц чехословацкого гражданства, но и здесь на практике действовать на основании добровольности. Что касается советских и иных граждан, по-другому это и нельзя сделать, а при наборе военнопленных принцип добровольности единственно возможен.
- 8) Нельзя допустить создание особых словацких, немецких и пр. частей.
- 9) При вероятной нехватке офицеров в чехословацкой воинской части обсудите с советскими органами вопрос о том, может ли быть переправлено в СССР необходимое число офицеров, находящихся в избытке в Англии и на Среднем Востоке.
- 10) Так мы себе представляем это в общих чертах. Так это выглядит здесь и на Среднем Востоке. Мы заинтересованы, чтобы также было и в СССР. Выясните, какие возможны отличия в советских взглядах. Скажите, что по договоренности с нами будет достигнуто единство...

Д-р Эдвард Бенеш
ген. Сергей Ингр

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 1. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998. Dok. 94. S. 214–216. (далее: ČSVDJ. D. 1)

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 2

Из письма Э. Бенеша И. В. Сталину в связи с восстановлением советско-чехословацких дипломатических отношений

Лондон

6 августа 1941 г.

Господин председатель, возвращение нашего полпреда З. Фирлингера в Москву дает мне возможность направить Вам это мое письмо.

Я хотел бы, прежде всего, выразить наше всеобщее восхищение здесь, на Западе, и всего чехословацкого народа колоссальными усилиями и огромными успехами борьбы Советского Союза против гитлеровского фашизма. Весь наш народ следит за Вашей борьбой с горячими пожеланиями успехов

Вашим вооруженным силам и с чувством искренней симпатии и дружбы ко всему народу Вашей великой страны. Это чувства искренней и традиционной дружбы, которые никогда не исчезали и никогда не исчезнут...

Я позволю себе повторить и Вам, что я одновременно пишу господину министру иностранных дел В. Молотову о наших теперешних и будущих отношениях с Советским Союзом:

«Я бы хотел, господин министр, особенно подчеркнуть, что с 1935 г. я ни в чем и никогда, несмотря на все то, что произошло в мире, не изменил своей политической линии по отношению к Советскому Союзу, проводимой в 1935 г., что я ожидал, что Советский Союз в какой-либо форме, но будет участвовать в этой новой войне и что я таким образом последовательно и систематически готовился к минуте, когда обе наши страны смогут опять возобновить политику, которую я считаю для них естественной, очевидной, необходимой в их интересах сегодня и в будущем и отвечающей, прежде всего, всем чувствам и потребностям обоих наших государств.

Исходя из этого, я хочу и в дальнейшем осуществлять наши связи и сотрудничество. Тем самым я выражаю желание огромного большинства народа нашего государства. И в дальнейшем я намерен придерживаться этой линии во время сегодняшнего военного сотрудничества и особенно во время всей подготовки будущего мира и после его достижения. Поскольку я верю, что и после завоевания победы интересы наших стран скрещиваться не будут, и в организации будущей Европы основы наших взаимоотношений, заложенные в 1935 г. и восстановленные 18 июля 1941 г., могут быть одним из важнейших факторов сохранения мира в Восточной и Центральной Европе».

Я знаю, что эти наши политические директивы встретят в Москве понимание. И я хочу лишь, чтобы мы эту войну окончили победоносно как можно скорее и все, наконец, могли действительно начать успешное общее конструктивное созидание новой лучшей Европы и нового лучшего послевоенного социально-экономического строя...

остаюсь искренне Ваш

д-р Э[двард] Б[енеш]

*Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945.
Dokumenty. Díl 1. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998. Dok.97. S. 218–219*

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 3

Из Военного соглашения между Верховным командованием СССР и Верховным командованием Чехословакии

Москва

27 сентября 1941 г.

1. Настоящее военное соглашение составлено в соответствии с политическим договором от 18 июля 1941 г.
2. Чехословацкие воинские части будут формироваться на территории СССР, причем
 - а) они будут составлять часть вооруженных сил суверенной Чехословацкой Республики и предназначаются для совместной с войсками СССР и иных союзных держав борьбы против Германии;
 - б) военнослужащие этих частей будут присягать на верность Чехословацкой Республики;
 - в) по окончании войны чехословацкие воинские части вернуться в Чехословакию;
 - г) во время совместных военных действий чехословацкие воинские части будут подчинены в оперативном отношении Верховному командованию СССР, в делах же организации и личного состава — главнокомандующему чехословацкими вооруженными силами, который через командующего чехословацкими частями на территории СССР координирует указания по делам организации и личного состава с Верховным командованием СССР.
3. Командующий чехословацкими воинскими частями на территории СССР назначается командующим вооруженными силами Чехословакии по согласованию с Советским правительством.
4. Численность и количество чехословацких воинских частей будет зависеть от наличия чехословацких граждан в СССР и возможностей материального снабжения.

5. Формирование чехословацких частей будет проведено в местах, указанных Верховным командованием СССР, причем эти части будут сформированы из чехословацких граждан, находящихся на территории СССР, в призывном и добровольческом порядках.
Для проведения призыва будут установлены призывные комиссии при содействии властей СССР в местностях, указанных ими.
6. Все военнослужащие чехословацких воинских частей на территории СССР будут подчинены чехословацким законам и уставам....За государственные преступления военнослужащие чехословацких воинских частей будут ответственны перед военными трибуналами СССР.
7. Организация и военная экипировка личного состава чехословацких воинских частей будет в меру возможности соответствовать образцам, установленным для чехословацкой армии на территории Великобритании.
Знамена, признаки родов оружия и воинские чины будут, безусловно, отвечать установленным там образцам.
8. Жалованье, продовольствие, снабжение и иные дела внутреннего порядка будут урегулированы согласно воинским правилам СССР..
10. Вооружение, снаряжение, обмундирование, автомашины и пр. для чехословацких воинских частей будут поставлены правительством Чехословацкой Республики. Продовольственное снабжение чехословацких воинских частей обеспечивается правительством СССР.
11. Расходы, связанные с формированием и содержанием чехословацких воинских частей на территории СССР, будут кредитованы правительством СССР и подлежат возвращению чехословацким правительством по окончании войны...
12. Для связи устанавливаются:
 - 1) чехословацкая военная миссия при Верховном командовании СССР — в Москве;
 - 2) советская военная миссия при Верховном командовании Чехословакии — в Лондоне...

Уполномоченный Верховного командования СССР
Василевский¹

Уполномоченный Верховного командования Чехословакии
генерал-майор Пика

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Т. 4. Кн. 1. (март 1939 г — декабрь 1943 г.). М., 1981. Док. 111. С. 170–171.*

№ 4

Запись Э. Бенеша о беседе с А. Е. Богомоловым

Лондон

9 июня 1942 г.

- 1) Сообщил мне, что приехал Молотов, и спросил, могу ли я иметь свободный вечер для разговора².
- 2) Повторил мне сообщение о том, что их „правительственные и политические круги” за то, чтобы ЧСР была восстановлена в домюнхенских границах.
- 3) Говорил мне достаточно подчеркнуто, что Советский Союз не против конфедераций, но должен быть полностью гарантирован, что они не направлены против него.
- 4) Говорили о русско-британском договоре. Я ему рассказал в главных чертах о своем разговоре с Иденом по этому вопросу. Он подтвердил, что русские довольны договором.
- 5) Против поляков настроен, как обычно — критиковал их пропаганду.

*Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945.
Dokumenty. Díl 1. Březen 1939–červen 1943. Praha, 1998. Dok. 170. S. 347.*
Перевод с чешского В. В. Марьиной

¹ Василевский А. М. — заместитель начальника Генштаба, начальник оперативного управления, с 1943 г. Маршал Советского Союза.

² Беседа велась во время обеда у Богомолова.

Запись беседы В. М. Молотова с Э. Бенешем

Лондон

9 июня 1942 г.

Молотов В. М. принял Э. Бенеша по его инициативе в помещении [советского] посольства

Бенеш начал беседу с выражения благодарности Советскому Правительству за дружественную линию по отношению к Чехословакии за несколько лет до ликвидации и в период ликвидации Чехословакии.

Ссылаясь на беседу с посланником СССР при Чехословацком Правительстве Богомоловым, Бенеш поблагодарил Советское Правительство за выражение пожелания видеть Чехословакию восстановленной в домюнхенских границах.

Молотов сказал, что Советское Правительство было и остается противником Мюнхена, и, конечно, хотело бы видеть Чехословакию восстановленной со всеми теми её территориями, которые были отняты у неё Гитлером. В ответ на реплику Бенеша о том, что Мюнхен был преступлением и глупостью, Молотов сказал, что он присоединяется к этой точке зрения и хочет подчеркнуть, что Мюнхен развязал руки Гитлеру и ускорил вступление Европы в войну. Особенно вредной была позиция Франции в период Мюнхена.

Бенеш согласился и сказал, что Чехословакия была столько лет верна Франции и вконец концов была предана ею.

Характеризуя свою политическую линию, Бенеш сказал, что Чехословакия географически находится в тяжелом положении, окруженная Австрией, Германией, Польшей и Венгрией. В этой обстановке она вынуждена искать себе опору. В Германии искать опоры бесполезно — её античехословацкие тенденции хорошо известны. В течение 20 лет Чехословакия ориентировалась на Запад и прежде всего на Францию. Теперь положение резко меняется, и если СССР станет соседом Чехословакии, то ориентировка на СССР будет соответствовать более всего интересам Чехословакии и симпатиям чехословацкого народа. Надо построить такую Европу, чтобы повторение Мюнхена стало невозможным. Для этого Чехословакия шла и идет на сближение с Польшей и СССР.

Молотов подтвердил необходимость предотвращения второго Мюнхена и необходимость сближения Чехословакии с Польшей, но спросил Бенеша, как он понимает польско-чехословацкую конфедерацию, т.е. вопрос об этой конфедерации до сих пор не совсем ясен для советского правительства. Дело идет о конфедерации стран, одна из которых является соседом СССР, а другая может стать соседом СССР, какую позицию занимает эта конфедерация в отношении СССР.

Бенеш сказал, что он считает, что ни при каких условиях эта конфедерация не будет использована против СССР, что это только стремление Чехословакии использовать соседство с Польшей для укрепления своего положения в Центральной Европе.

Молотов сказал, что он рад это слышать, что Советский Союз тоже хочет иметь с Польшей и надеется иметь с ней хорошие отношения. В сближении СССР с Польшей имеются, однако, трудности, которые Советское Правительство надеется преодолеть путем некоторых взаимных уступок. Не за счет Украины и Белоруссии, а за счет Германии. Польское правительство идет на сближение с СССР, но в польских кругах имеются лица, у которых еще сильны антирусские настроения и проявляется тенденция к использованию польско-чехословацкой Конфедерации против СССР.

Бенеш согласился с тем, что такие люди среди поляков есть, но что Чехословакия не пойдет на создание конфедерации без выполнения двух главных условий: 1) демократизации Польши и 2) урегулирование всех спорных вопросов между Польшей и СССР. В любом случае конфедерация будет реальностью только после освобождения обеих стран и в условиях демократического обсуждения этой Конфедерации.

Молотов отозвался одобрительно об этой позиции, но при этом напомнил Бенешу, что в начале этого года был опубликован польско-чехословацкий договор о конфедерации, где никаких оговорок или условий не было упомянуто.

Бенеш поспешил исправить Молотова, заменив слово «договор» словом «резолуция»³ и попытался уменьшить значение этого документа.

³ Примечание А. Е. Богомолова, который записал беседу: Поляки в своей прессе называют этот документ договором, а чехословаки соглашением. Оригинал договора названия не имеет.

Молотов не стал возражать против названия, но сказал, что одновременно с подписанием этой «резолуции» польский министр иностранных дел Рачинский напечатал в «Санди диспетч» интервью, в котором охарактеризовал эту конфедерацию весьма широко, как объединение многих государств от Балтийского моря до Эгейского, и вдобавок включил в это объединение Литву, которая является Советской Республикой.

Бенеш замялся и сказал, что Чехословакия не может и не хочет вмешиваться в польско-советские пограничные споры, но что он считает вопрос о Литве, как о Советской Республике, бесспорным, а большие союзы государств бесполезными. Он высказался против восстановления прежней Малой Антанты. Еще раз повторил, что не пойдет на такую польско-чехословацкую Конфедерацию, которая будет враждебна интересам СССР, и что если ему придется выбирать между Польшей и СССР, то он, безусловно, выберет СССР.

Разговор перешел на общие темы.

Молотов сказал, что он считает свою поездку в Англию и в США в основном удачной. Вопрос о втором фронте, если не решен окончательно, то, во всяком случае, наиболее ответственные люди Англии и США за ускорение открытия второго фронта. Это целиком совпадает с их интересами, если они хорошо поняты. Одному СССР трудно вынести тяжесть всей военной машины Гитлера, и если не будет в этом году второго фронта, то на будущий год Гитлер настолько усилится, а СССР настолько ослабнет, что открытие второго фронта в Европе станет более трудным делом, чем теперь, несмотря на то, что Америка и Англия смогут за это время улучшить свою подготовку.

Бенеш целиком согласился с этим мнением и сказал, что он прилагает все усилия к тому, чтобы убедить англичан и американцев открыть второй фронт. По его мнению, второй фронт будет открыт в сентябре этого года.

Последним Бенеш задал вопрос о том, что Германия ответственна ли за эту войну, Германия, как таковая, или только германские фашисты должны будут жестоко поплатиться за все, что они сделали во время этой войны.

Молотов согласился, что ответственна и Германия в целом, но сказал, что сейчас было бы нецелесообразно запугивать германский народ всякими карами и тем самым помогать Гитлеру.

Бенеш согласился с тактической правильностью такой позиции.

В конце беседы Молотов спросил Бенеша, понял ли он линию Советского Правительства в 1939 г. в отношении Германии.

Бенеш сказал, что да и отметил также, что он понимал и необходимость для СССР советско-финской войны и считал её справедливой мерой самообороны СССР.

Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 4. П. 5. Д. 48. Л. 13–16

№ 6

Из циркулярной инструкции Г. Рипки чехословацким дипломатическим представительствам о подписании чехословацко-советского союзного договора

Лондон

2 декабря 1943 г.

Значение пакта⁴ огромно. С общей международной точки зрения его значение таково:

- 1) Он отвечает не только специальным чехословацким и советским потребностям, но служит и европейским интересам, основанным на британо-советско-американском сотрудничестве.
- 2) Уже сам по себе он представляет сильную преграду против немецкого «Дранг нах Остен» и одновременно создает возможность воздвигнуть на пути этой опасности могучий вал, о который бы в зародыше разбивались все агрессивные планы и попытки немецкого империализма.
- 3) Он дает возможность и другим центрально-европейским народам, и особенно польскому, дозреть до такого взаимодействия с СССР, которым характеризуется советско-чехословацкое сотрудни-

⁴ В документе употребляются два термина: пакт и договор.

чество, основанное на принципах взаимного уважения их суверенитета и независимости, а также невмешательства во внутренние дела [друг друга].

- 4) Действительно выясняет перспективы международного сотрудничества тем, что
- а) прокладывает путь к тому, чтобы отношения между меньшими народами Центральной и Юго-Восточной Европы развивались и строились, с одной стороны, на основе обеспечения их национальной независимости, с другой, на общеевропейской основе, в дружественном взаимодействии как с Советским Союзом, так и с западными державами;
 - б) делает невозможным создание в Центральной Европе каких-либо конструкций, направленных против Советского Союза и тем самым угрожающих плодотворному международному сотрудничеству;

К тому же пакт имеет кардинальное значение для Чехословакии:

1. Он чрезвычайно повышает военную и политическую безопасность государства, тем более, что Советская Россия находится в нашей непосредственной близости.
2. Советское правительство будет поддерживать нас не только против Германии, но и против Венгрии.
3. Обязательство о невмешательстве во внутренние дела...для такого небольшого государства, как Чехословакия, имеет особенно важное значение....
6. Тот факт, что договор был согласован, в конце концов, с британским и американским правительствами, свидетельствует, что ...хотя мы и стараемся обеспечить свою безопасность, прежде всего, путем альянса с державой, которая нам ближе всего географически, мы намеренно продолжаем свою традиционную политику, основанную на постулате взаимодействия с Востоком и Западом; в конце концов, и советская политика предполагает сотрудничество с Западом и полностью понимает нашу позицию, определяемую нашим географическим положением в центре Европы.

В связи со всеми приведенными доводами мы считаем пакт высоко конструктивным вкладом в политику, основанную на сотрудничестве союзных держав и дружественных им народов.

Рипка

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok. 55. S. 114–116
Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 7

Из неофициальной записи беседы Э. Бенеша с И. В. Сталиным⁵

Москва

18 декабря 1943 г.

...⁶ Сталин далее констатирует, что меморандум по военным вопросам⁷, который ему президент передал, полностью принимает. Сказал буквально: все правильно. Президент замечает, что желал бы, чтобы генерал Нижборский остался еще на 2–3 недели в Советском Союзе, чтобы все обсудить с генералом Крадохвилем и полковником Пикой. Сталин замечает, что это и хорошо, что президент говорил [об этих] вещах с генералом [Г. С.] Жуковым, но он намерен назначить ему еще более компетентного деятеля, чем только Жуков. На следующий день⁸ во время ужина в качестве переговорщиков о меморандуме по военным вопросам [Сталин] назвал президенту генерала Голикова, заместителя начальника Генерального штаба, и генерала Жукова. Что касается нашего пожелания относительно поставок немецкого вооружения, Сталин констатировал, что оно готово и что может быть поставлено туда, куда это будет необходимо. Он согласился с тем, что вооружение советской и чехословацкой армий после этой войны должно быть примерно одного типа, но заметил, что американцы и другие государства тоже имеют некоторые превосходные виды вооружения, которые необходимо освоить.

⁵ Запись сделана, по всей видимости, присутствовавшим на беседе З. Фирлингером. Присутствовал также В. М. Молотов.

⁶ Разговор шел о втором фронте и политике Англии, об отношении к Германии и Венгрии, о положении в Чехословакии и словаках, о сотрудничестве разведок.

⁷ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 20–27; ČSVDJ. D. 2. Dok. 64. S. 163–168.

⁸ Скорее всего, речь идет об ужине 22 декабря 1943 г.

Сталин затем одобрил наш меморандум по экономическим вопросам⁹ и согласился с тем, что позже посол Фирлингер может вести переговоры об этом с компетентными деятелями, как только для этого наступит подходящий момент.

Сталин соглашается также с нашими пропозициями относительно перемирия. Полностью соглашается с нашим меморандумом относительно трансфера немецкого и венгерского населения и советует нам в связи с этим, чтобы мы выровняли границу с поляками так, чтобы наша пограничная линия с поляками была как можно более продолжительной. В отношении Венгрии также надо требовать, что нам необходимо, поскольку венгров надо прижать; они этого заслуживают ...

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok.69. S. 177–184.

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 8

Записка Ф. И. Голикова и Г. С. Жукова И. В. Сталину и В. М. Молотову о беседе с чехословацкими представителями относительно помощи СССР в развитии освободительного движения в Словакии

Совершенно секретно
Государственный комитет обороны
товарищу Сталину И. В.
товарищу Молотову В. М.

2-го марта с.г. в связи с предстоящим отъездом генерал-лейтенанта Нижборского в Лондон мы приняли приглашение чехов на прощальный ужин.

Со стороны чехов присутствовали посол Фирлингер, генерал-лейтенант Нижборский и генерал-майор Пика.

С нашей стороны генерал-полковник Голиков, комиссар государственной безопасности Жуков, комиссар государственной безопасности 3 ранга Фитин и генерал-майор Евстигнеев.

В конце ужина чехи подняли вопрос о той помощи, на которую они могли бы рассчитывать со стороны СССР для развертывания событий в Словакии.

Мы убедили их в том, что главное внимание на первых этапах следует обратить на развертывание мощного партизанского движения на основе привлечения местного населения, а не на организацию и ведение стабильной обороны силами крупных регулярных армейских частей, о переброске которых воздухом в Словакию они ставят вопрос.

Чехи согласились с нашими доводами и предложили такой план:

1. Через 2–3 недели выбросит в Словакию 5 групп с задачей создать базы по приему людей и наладить связь.
2. В конце апреля выбросить дополнительно 20 групп с аналогичными задачами. В связи с тем, что чехословацкие воинские части в СССР ощущают острый недостаток в офицерских кадрах, они просили помочь им технически в том, чтобы как можно быстрее доставить воздухом из Лондона 20–30 офицеров специалистов-десантников.
3. После того, как будет установлена связь и созданы базы, приступить к переброске на эти базы оружия, ранее обещанного чехам Советским правительством в количестве 50 000 комплектов.
4. Примерно в мае месяце выбросить в Словакию 2-ую чехословацкую воздушно-десантную бригаду, сформированную в СССР, и использовать её как руководящее ядро для формирования партизанских отрядов из местного населения.

Посол Фирлингер заявил, что было бы также целесообразным перебросить в Словакию несколько групп (отрядов) офицеров и бойцов Красной Армии для того, чтобы использовать это обстоятельство в пропагандистских целях среди местного населения.

⁹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 28–30; ČSVDJ. D. 2. Dok. 65. S. 169–171. ČSVDJ. D. 2. Dok. 66. S. 171–172. АВП РФ. Ф. 06. Оп. 5. П. 33. Д. 401. Л. 8–10; ČSVDJ. D. 2. Dok. 61. S. 145–146.

Чехи просили содействия Советского правительства в выполнении этого плана.

Обсуждение конкретных вопросов о военном сотрудничестве после войны мы отвели под тем предлогом, что в настоящее время производится техническое изучение выдвинутых проблем и, таким образом, сейчас разговор на эту тему носил бы отвлеченный характер.

Докладывая об изложенном, просим Ваших указаний

Генерал-полковник Голиков

Комиссар государственной безопасности

Жуков

3 марта 1944 г.

Архив Президента РФ. Ф. 3. Оп. 66. Д. 803. Л. 25–29

(опубликовано в: Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 114–116).

№ 9

Письмо (меморандум) военного министра Словакии Ф. Чатлоша советскому правительству (начало августа 1944 г.)¹⁰

Словакия, находясь в зависимости от Германии, которая диктует ей линию внешней политики, была вынуждена объявить войну СССР¹¹ и его союзникам. В настоящий момент сила немцев слабеет, и цепи зависимости, которыми Германия опутала Словакию, теряют свою прочность. Малый народ, находящийся в столь зависимом положении, вынужден прибегать к помощи своего могущественного соседа. Он счастлив, что имеет возможность обратиться за помощью к тому государству, которому симпатизирует. Сегодня наступил момент, когда свободу словацкого народа будет защищать не чужой народ, а его кровный брат. Наш народ должен занять выжидательную позицию, чтобы Словакию не постигла несчастная судьба Италии.

Задача Словакии и СССР состоит в том, чтобы не начинать преждевременных боев на словацкой территории, потому что в скором времени дело пойдет гораздо легче, без боев.

Недалеко от Кошице венгры имеют важные стратегические резервы, которые они намерены использовать против советских войск на территории Восточной Словакии.

Венгры укрепляют свои позиции и уже сейчас начинают заботиться об обороне горных перевалов Люпков и Дюкла (Лупков и Дукла — В. М.).

Мы, словаки, не хотим допустить этого, а потому стараемся вселить в немцев и венгров убеждение, что для обороны вполне достаточно наших собственных сил. В этом деле нам должен оказать помощь СССР в своих собственных интересах. Желательно, чтобы договорившись с нами заранее, советские войска перешли на этом участке в ложное наступление и сделали вид, что не могут преодолеть оборону словацких частей.

Таким образом, у немцев и венгров не будет оснований для того, чтобы навязать свою помощь словакам, которым они станут доверять.

Словакия будет осуществлять военное сотрудничество с СССР следующим образом:

Советские войска должны оказать энергичное давление на горный перевал Ужок и южнее против Венгрии, чтобы там сковать возможно большее количество венгерских сил. Далее они должны наступать севернее Карпат по направлению к Тарнову и Кракову. Флангового удара со стороны Словакии им не следует опасаться, так как словаки предупредят их, если немцы и венгры попытаются устроить какую-нибудь ловушку. После того, как советские войска овладеют Краковом, они смогут организовать успешные наступательные операции против Венгрии и Германии с южных и западных границ Словакии. Словацкое войско обеспечит быстрое и беспрепятственное прохождение советских войск через словацкую территорию и само перейдет в наступление против Венгрии. Необходимейшее условие осуществления этого плана состоит в том, чтобы хранить в строгой тайне соглашение словаков с советскими войсками и не выдавать этой тайны неосторожной пропагандой. В то же время надо продолжать

¹⁰ Письмо в переводе со словацкого языка на русский приложено к докладной записке генерал-майора Славина заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу армии А. И. Антонову о беседах со словацким коммунистом, представителем Словацкого национального совета, К. Шмидке 7 и 8 августа 1944 г.

¹¹ Войну СССР Словакия не объявляла.

сотрудничество с немцами и венграми вплоть до наступления решающего момента. Таким образом, СССР добьется крупных успехов на этом участке фронта.

В решающий момент словацкое военное руководство совершит государственный переворот. Нежелательные элементы будут отстранены от государственного руководства, а организации, созданные пражским режимом против воли народа, прекратят своё существование. Словацкая военная диктатура найдет понимание и поддержку во всех слоях общества. Война с СССР и его союзниками будет прекращена, и одновременно Словакия объявит Венгрии войну, которая сразу же вызовет отклик в широких массах. Немедленно будут уничтожены все немецкие гражданские и военные органы на территории Словакии, и советские войска получат возможность осуществлять крупные операции. Однако, при этом необходимо, чтобы словацкая армия сохранила свою самостоятельность, действуя в тесном контакте с советскими войскам и сотрудничала с чешскими частями на принципах полного равноправия, в противном случае могут возникнуть трения с обеих сторон и крупные конфликты.

Желательно, в случае принципиального согласия, создать постоянную комиссию, которая бы держала бы обе стороны в тесном контакте и не допускала военной и политической несправедливости.

На первых порах управление словацким государством должно находиться в руках военных лиц и лишь впоследствии оно перейдет к профессиональным политическим деятелям. Подпольная организация словацких большевиков может способствовать установлению взаимного контакта. По окончании войны внутриполитические решения не должны противоречить интересам СССР. Словакия должна получить возможность держаться самостоятельной точки зрения насчет советско-чехословацких взаимоотношений, причем она должна находиться в непосредственном контакте с СССР.

Архив Президента РФ. Ф. Оп. 66. Д. 803. Л. 38–46

(опубликовано в: Новая и новейшая история. 1996. № 5. С. 122–127).

№ 10

Из Соглашения об отношениях между Советским Главнокомандующим и Чехословацкой администрацией после вступления советских войск на территорию Чехословакии

Москва

8 мая 1944 г.

Статья 1

После вступления в результате военных операций советских (союзнических) войск на территорию Чехословакии, верховная власть и ответственность во всех делах, относящихся к ведению войны, будет находиться в зоне военных операций на время, необходимое для осуществления этих операций, в руках Главнокомандующего советскими (союзническими) войсками.

Статья 2

Для освобожденной территории будет назначен чехословацкий правительственный уполномоченный, обязанностью которого будет:

- а) создать и руководить согласно чехословацким законам администрацией на территории, очищенной от неприятеля;
- б) воссоздать чехословацкие военные силы;
- в) обеспечить активное содействие Чехословацкой администрации Советскому (союзному) Главнокомандующему, а именно давать местным властям соответствующие указания, исходя из потребностей и желания Советского (союзного) Главнокомандующего.

Статья 3

Чехословацкие воинские части, находящиеся в момент вступления советских (союзнических) армий на чехословацкую территорию в их составе, будут немедленно использованы на чехословацкой территории.

Статья 4

Для обеспечения связи между Советским (союзным) Главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным при Советском (союзном) Главнокомандующим будет назначена Чехословацкая военная миссия.

Статья 5

В зонах, находящихся под верховной властью Советского (союзного) Главнокомандующего, чехословацкие правительственные органы на освобожденной территории будут поддерживать связь с Советским (союзным) Главнокомандующим через чехословацкого правительственного уполномоченного.

Статья 6

Как только какая-либо часть освобожденной территории перестанет являться зоной непосредственных военных операций, Чехословацкое правительство полностью берет в свои руки власть управления общественными делами и будет оказывать Советскому (союзному) Главнокомандующему через свои гражданские и военные органы всестороннее содействие и помощь.

Статья 7

Все лица, принадлежащие к советским (союзническим) войскам на территории Чехословакии, будут подчиняться юрисдикции Советского (союзного) Главнокомандующего. Все лица, принадлежащие к чехословацким военным силам, будут подчиняться чехословацкой юрисдикции. Этой юрисдикции будет подчиняться также и гражданское население на чехословацкой территории даже в тех случаях, когда это касается преступлений, совершенных против советских (союзнических) войск, за исключением преступлений, совершенных в зоне военных операций, каковые подлежат юрисдикции Советского (союзного) Главнокомандующего. В спорных случаях вопрос будет решен взаимным соглашением между Советским (союзным) Главнокомандующим и чехословацким правительственным уполномоченным.

Статья 8

Относительно финансовых вопросов, касающихся вступления советских (союзнических) войск на чехословацкую территорию, будет достигнуто особое соглашение.

Статья 9

Настоящее Соглашение вступает в силу немедленно после его подписания...

По уполномочию правительства Союза Советских Социалистических республик
чрезвычайный и полномочный посол СССР при правительстве
Чехословацкой Республики

В. Лебедев

По уполномочию правительства Чехословацкой Республики
исполняющий обязанности министра
иностраннных дел государственный министр

Г. Рипка

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Том 4. Книга вторая. Декабрь 1943 г. — май 1945 г. М. 1983. Док. 59. С. 78–79*

№ 11

Донесение И. В. Сталину и Г. К. Жукову о ходе Карпато-Дуклинской операции 38-й армии 1-го Украинского фронта

Действующая армия

27 сентября 1944 г.

Операция 38-й армии первоначально была запланирована с целью выхода на словацкую границу и соединения со словацкими дивизиями и партизанами Словакии. Выход на границу Словакии был выполнен, но обстановка в восточной Словакии, ко времени выхода наших войск на границу, резко изменилась. Словацкие дивизии рассыпались.

В связи с задачами 2-го и 4-го Украинских фронтов сейчас характер операции 39-й армии изменился — переросла в операцию, взаимодействующую со 2-ым и 4-ым Украинскими фронтами¹².

В связи с этим дальнейшие операции 38-й армии в Словакии принимают затяжной характер по причинам:

¹² Карпато-Дуклинская операция 38-й армии 1-го Украинского фронта и 1-й гвардейской армии 4-го Украинского фронта переросла в Восточно-Карпатскую стратегическую операцию.

1. Недостаточное количество привлеченных к операции сил и средств. Фронт выделить больше сил не в состоянии, учитывая отpravку двух стрелковых корпусов и двух танковых армий в резерв Ставки и напряженность боев на плацдарме на р. Висла.
2. Горный характер местности не позволил со всей эффективностью в начале операции, после совершенного прорыва, использовать танковые и кавалерийские войска, и первоначальный полный прорыв обороны противника не получил поэтому глубокого развития. За время операции [части] 38-й армии, продвинувшись в глубину на 40 км, вынуждены были преодолеть с напряженными боями три хребта (отроги Карпат), идущих перпендикулярно фронту нашего наступления.
3. Неприспособленность и необученность нашей пехоты вести бои в горах, а также организация и вооружение, не рассчитанные на действия в горах, затрудняют и снижают темпы наступления.
4. Медленность наступления позволила противнику перебросить на участок нашего наступления дополнительно значительные силы — три пехотные и три танковые дивизии со средствами артиллерийско-минометного усиления. Всего же перед фронтом 38-й армии действует шесть пехотных и три танковые дивизии.
5. В связи с этим бои приняли еще более напряженный характер, а темпы наступления снизились.
6. Материально операция обеспечена слабо. Фронт считается в обороне, поэтому лимит расхода боеприпасов, авиагорючего центральными довольствующими управлениями дается фронту только на оборону. Нет возможности использовать достаточно мощную артиллерию фронта, особенно гаубичную, а это основные предпосылки для действия в горах.

Малочисленность пехоты. Операцию 38-я армия начала при укомплектованности дивизиями 4,5–5 тысяч.

За время операции армия потеряла около 20 тыс. человек, дивизии стали 3–3,5 тыс. человек.

Мало танков. Привлеченные для операции три танковых корпуса, в среднем по 60 танков на корпус, были укомплектованы почти исключительно ремонтными танками, которые в условиях гор быстро выбывали из строя и разбивались огнем противника. Потери в танках около 150 штук.

Противнику нанесены большие потери в людях и материалах. Противник вынужден в связи с большими потерями, чтобы остановить наше наступление, бросать с других направлений дивизии и давать пополнение.

Проводимая операция оттянула у противника все силы из Словакии, которые он бросил для подавления повстанческого движения, что дало время и возможности повстанческому движению в Средней Словакии организационно окрепнуть и собрать силы для дальнейшего сопротивления немцам.

Для фронта направление на Словакию является второстепенным — главное направление на Краков и севернее, где фронт и должен держать главные силы и средства и соответственно их готовить.

На второстепенное — словацкое направление в связи с затяжкой операции фронт, помимо запланированных сил и средств, вынужден был дополнительно израсходовать две стрелковые дивизии и два танковых корпуса и материальные средства, ослабив тем самым главное направление.

Для 4-го Украинского фронта правый фланг его — направление Прешов, Мишкольц — является главным, однако решительного характера операция на правом фланге 4-го Украинского фронта до сих пор не имеет.

Дополнительно привлечь еще силы и средства за счет главного направления 1-го Украинского фронта [командующий] не может. В этих условиях вытекает необходимость или прекратить операцию 38-й армии или, если будет Ваше решение, продолжать операцию, выделить необходимые силы и средства: два стрелковых корпуса, пополнение, три боекомплекта боеприпасов для 38-й армии со средствами усиления, 300 штук танков для восполнения потерь трех танковых корпусов и четыре тысячи тонн авиационного горючего.

Конев¹³, Соколовский¹⁴, Крайнюков¹⁵

*Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации.
Ф. 236. Оп. 2712. Д. 66. Л. 121–125 (опубликован в: Великая отечественная война 1941–1945. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 465–466)*

¹³ И. С. Конев — маршал, командующий 1-ым Украинским фронтом.

¹⁴ В. Д. Соколовский — начальник штаба 1-го Украинского фронта.

¹⁵ К. В. Крайнюков — член Военного совета 1-го Украинского фронта.

№ 12

Инструкция президента Чехословакии Э. Бенеша послу Чехословакии в СССР З. Фирлингеру по вопросу набора добровольцев в Красную армию на освобожденной территории Подкарпатской Руси

Лондон

25 ноября 1944 г.

Относительно набора добровольцев в Подкарпатской Руси сообщаю:

- 1) Чехословакия стоит и будет стоять на точке зрения своих законов и на точке зрения договора. Это относится к данному и ко всем последующим случаям, ко всему периоду нахождения советских войск [на нашей территории], а также эвентуально в Словакии. Как только мы отойдем от основы закона и договора в каком-либо вопросе, покатымся по наклонной плоскости во всех вопросах. Настаивайте, таким образом, на нашей изначальной точке зрения и действуйте в соответствии с этим. Я требую этого также от министра Немца.
- 2) Я обещал Лебедеву, что буду стремиться к быстрому разрешению вопроса так, чтобы избежать споров и международных дискуссий. И на этом я настаиваю и не хочу, чтобы это плодило инциденты и спорные разбирательства. Это, однако, означает, что в Подкарпатской Руси это должно быть прекращено. Спокойно, аргументировано и неотступно настаивать, следовательно, на своем праве.
- 3) Полагает ли кто-либо в Красной армии или в политических кругах, что подобные меры будут проводиться и в Словакии? Я прошу, постарайтесь деликатно выяснить этот вопрос.
- 4) Сегодня я получил просьбу двух сел Подкарпатской Руси о праве присоединиться к Украине. Ни на что подобное я отвечать не буду, и наши учреждения пусть также не отвечают. Все это будет обсуждаться нами на мирной конференции. Пока же существуют обязательства относительно домюнхенских границ. Я удивляюсь лишь, что советская цензура эти депеши пропускает с «украинского фронта». Британская цензура уже также их имеет, и я ожидаю, таким образом, что как только здесь это потребуется, это будет использовано. Мы, что касается публичности, о всех этих вещах будем молчать.

Бенеш
Масарик

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945». Praha, 1999. Dok. 162. S. 353–354.
Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 13

Манифест первого съезда национальных комитетов Закарпатской Украины

Мукачево

26 ноября 1944 г.

Наступил радостный исторический день для Закарпатской Украины. При помощи героической Красной Армии было свергнуто господство немецких и венгерских фашистов. Окончилось столетнее господство чужеземцев на исконной земле Закарпатской Украины.

Съезд народных комитетов Закарпатской Украины от имени всего населения Закарпатской Украины выражает сердечную благодарность Красной Армии, которая изгнала немецких и венгерских оккупантов и принесла на своих боевых знаменах радость и счастье нашему народу. Слава Верховному главнокомандующему Маршалу Советского Союза Иосифу Виссарионовичу Сталину!

В течение столетий закарпатский украинский народ был отторгнут от своего родного отечества, от Украины, и бы осужден на нищету и вымирание. Крестьяне, составляющие большинство закарпатских украинцев, были лишены земли. Кровью и потом нашего народа добытое богатство доставалось чужеземным угнетателям. Язык нашего народа подвергался преследованиям, школы закрывались, укра-

инская национальная культура разорялась и уничтожалась. Народ вытеснялся со своей земли чужеземцами и вымирал. За сто лет, с 1828 года сотни тысяч закарпатских украинцев вынуждены были эмигрировать на чужбину, чтобы спасти себя от голода, нищеты и холода.

Распад прогнившей австро-венгерской монархии, в которой Закарпатская Украина влачила жалкое существование в качестве колонии, не привел к её национальному, экономическому и культурному возрождению. Наша страна была снова отторгнута от своей Родины, от Украины. Так называемая «автономия» Закарпатской Украины в рамках Чехословацкой Республики, провозглашенная Сен-Жерменским договором в 1919 году, не была осуществлена. Даже в названии Чехословацкой Республики, возникшей на развалинах Австро-Венгрии, не нашлось места для нашего украинского народа в Закарпатской Украине. Украинцы не допускались на руководящие посты в государстве.

Но самым тяжелым был для Закарпатской Украины 1938 год и последующие 6 лет господства венгерских фашистов. Чехословацкое правительство, желавшее откупиться от притязаний гитлеровской Германии, отдало нас в рабство венгерским фашистам. Без единого голоса протеста, без единого выстрела оно отдало нас в качестве платы германским и венгерским империалистам за то, чтобы спасти Чехословакию. Закарпатская Украина стала мелкой разменной монетой на международной арене.

Так с нами поступили потому, что мы были отторжены от своего родного отечества, от Советской Украины, так с нами поступили потому, что не была доведена до конца наша борьба за объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной, потому, что мы не принадлежали к великой семье народов Советского Союза.

Не раз в своей истории народ Закарпатской Украины поднимался на борьбу против чужеземных угнетателей. Не исчезло из памяти нашего поколения выступление нашего народа за присоединение Закарпатской Украины к России, за объединение с Советской Украиной. Народные собрания в Марамороше 18.12.1918 г. и в Хусте 21.1.1919 г., на которых было представлено население 420 населенных пунктов, проголосовали за объединение Закарпатской Украины со всей Украиной. Попытки народа добиться своей национальной независимости были безжалостно подавлены. Навсегда в историю будут записаны мараморошские процессы 1904, 1913–1914 гг., расстрел рабочих в Хусте в 1929 г., расстрел демонстрантов в Хусте, Турья-Пасеке и других местах 10 и 18.2.1932 г.

Вся история Закарпатской Украины свидетельствует о том, что наш народ, лишенный национальной независимости, живущий столетиями в рабстве, погибнет, если останется жить в границах чужеземного государства. Либо он будет объединен с Советской Украиной и добьется национального освобождения, либо народу Закарпатской Украины грозят угнетение, несправедливое и постепенное вымирание.

Ныне, когда народы Европы ведут борьбу против нацизма и гитлеровской тирании, против расовой ненависти, за свою национальную независимость, было бы величайшей несправедливостью, если бы наш народ и в дальнейшем влачил жалкое существование в отрыве от своей матери — Советской Украины. Только объединившись с Советской Украиной, в семье братских народов Советского Союза мы добьемся свободного национального развития, внутреннего экономического подъема и внешней безопасности.

Украинский народ в Закарпатье, освобожденный из-под ига немецких и венгерских фашистов, принял решение раз и навсегда осуществить свою вековую мечту и объединиться с Советской Украиной. С этими мыслями он шел на выборы местных, районных и городских национальных комитетов, потребовав от них, чтобы они осуществили объединение Закарпатской Украины с Советской Украиной.

Опираясь на несокрушимую волю всего народа, выраженную в петициях и решениях рабочих, крестьян, интеллигенции и духовенства всех городов и сел Закарпатской Украины, воссоединить Закарпатскую Украину с Советской Украиной,

Первый съезд народных комитетов всей Закарпатской Украины постановляет:

1. Воссоединить Закарпатскую Украину с её великой матерью Советской Украиной и выйти из состава Чехословакии.
2. Просить Верховный Совет Украинской Советской Социалистической Республики и Верховный Совет Союза Советских Социалистических Республик принять Закарпатскую Украину в состав Украинской Советской Социалистической Республики.
3. Избрать Народный Совет Закарпатской Украины как единственную центральную власть, действующую по воле народа на территории Закарпатской Украины.
4. Уполномочить Народный Совет Закарпатской Украины осуществить постановление съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине.

Принято единогласно на первом съезде народных комитетов Закарпатской Украины.

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 213. С. 238–240.*

№ 14

Письмо Народной Рады Закарпатской Украины чехословацкому правительственному делегату Ф. Немецу о выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики и о выдворении правительственной делегации с территории Закарпатской Украины

Мукачево

30 ноября 1944 г.

Как Вам, господин министр, известно, 26 ноября первый съезд национальных комитетов Закарпатской Украины принял решение об отделении от Чехословацкой республики и избрании Народной Рады как наивысшего и единственного органа центральной власти Закарпатской Украины.

В соответствии с этим решением Народная рада предлагает Вам и Вашему гражданскому и военному аппарату покинуть в трехдневный срок территорию Закарпатской Украины.

В случае, если Вы не подчинитесь нашему категорическому решению и нашей просьбе, мы будем вынуждены предпринять дальнейшие шаги со всеми вытекающими из этого для Вас последствиями.

В приложении посылаем Вам Манифест, принятый на 1-ом съезде делегатов национальных комитетов Закарпатской Украины.

С уважением

И. Туряница

Народная рада Закарпатской Украины

Československo-sovětské vztahydiplomatickýchjednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok. 168. S. 362–363.

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 15

Письмо Народной Рады Закарпатской Украины президенту Чехословакии Э. Бенешу

Мукачево

5 декабря 1944 г.

По поручению первого съезда народных комитетов Закарпатской Украины имеем честь довести до Вашего сведения принятый единогласно 25 ноября 1944 г.¹⁶ делегатами всех окружных, городских и сельских народных комитетов Закарпатской Украины Манифест о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине и выходе Закарпатской Украины из состава Чехословацкой республики.

Народный совет Закарпатской Украины, являясь по постановлению съезда единственной центральной властью на всей территории Закарпатской Украины, приступил к исполнению постановлений съезда о присоединении Закарпатской Украины к Советской Украине, и мы надеемся, господин президент, что Вы не будете противиться исполнению вековой мечты нашего украинского народа — соединению со своей матерью — Советской Украиной.

Окружные, городские и сельские народные комитеты во главе с Народным советом Закарпатской Украины включились в активную работу по оказанию всемерной помощи своей великой избавительницы — героической Красной армии в её исторической миссии полного разгрома немецко-венгерских оккупантов и очищения от них земель дружественных нам соседних славянских народов: словаков и чехов, которые входят в состав двуединой Чехословацкой Республики.

¹⁶ Правильно 26 ноября 1944 г.

Народный совет Закарпатской Украины ожидает от Вас, высокоуважаемый господин президент, скорейшего указания правительственному делегату Чехословацкой Республики г-ну Немецу об отъезде с территории Закарпатской Украины.

С уважением:
Народный совет Закарпатской Украины
Туряница И.
Керча И. Ю.
Борецкий С. В.
Русин Г. И.
Ивашко Юр. И.
Керечанин И. Ю.
Молдавчук М. В.
Чекан Ф. И.
Вайс С. Л.
Борканюк С. И.

*Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 219. С. 247.*

№ 16 Письмо председателя Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталина президенту Чехословакии Э. Бенешу

Москва

23 января 1945 г.

Уважаемый президент господин Бенеш!

Сегодня я узнал от товарища Готвальда, что чехословацкое правительство испытывает неловкость в связи с событиями в Закарпатской Украине, полагая, что Советское правительство думает односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине вопреки договору между нашими странами.

Должен Вам сказать, что если у Вас создалось такое предположение, то это основано на недоразумении.

Советское правительство не запрещало и не могло запретить населению Закарпатской Украины выразить свою национальную волю. Это тем более понятно, что Вы сами мне в Москве говорили о Вашей готовности передать Закарпатскую Украину Советскому Союзу, при этом, как Вы должно быть помните, я не дал тогда на это своего согласия. Но из того, что Советское правительство не запретило закарпатским украинцам выразить свою волю, ни в коем случае не следует, что Советское правительство намерено будто бы нарушить договор между нашими странами и односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине. Такое предположение было бы оскорбительным для Советского правительства.

Поскольку вопрос о Закарпатской Украине поставлен самим населением Закарпатской Украины, его, конечно, придется решить. Но этот вопрос может быть решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом еще до окончания войны с Германией или после окончания войны, когда это найдут целесообразным оба правительства.

Прошу верить, что у Советского правительства нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой Республики и её престижу. Наоборот, Советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле её освобождения и восстановления.

С уважением И. Сталин

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 241. С. 277.

№ 17

Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша председателю Совета Народных Комиссаров СССР И. В. Сталину

Лондон

29 января 1945 г.

Уважаемый господин Председатель Совета Народных Комиссаров.

Я получил Ваше личное послание от 23 января и искренне благодарю Вас за это послание.

Особенно благодарю Вас за то, что Вы так ясно и точно сформулировали свою точку зрения, дав тем самым возможность и мне, со своей стороны столь же ясно сформулировать свою точку зрения. Это отвечает искренне дружеским отношениям между нашими странами и народами.

Подтверждаю Вам, что в связи с событиями в Закарпатской Украине в некоторых наших кругах действительно возникло беспокойство. Это явилось результатом событий чисто местного характера и следствием участия в них чисто местных деятелей. К этому присоединились некоторые заявления киевской радиостанции, которые злонамеренно использовали противники Советского Союза и Чехословакии в международной печати. Но я заверяю Вас, господин председатель, самым решительным образом, что ни я лично, ни чехословацкое правительство ни на минуту не допускали, что Советское правительство имело намерение односторонне решить вопрос о Закарпатской Украине или нарушить договор между нашими государствами. Я хорошо знаю принципы политики Советского Союза и знаю, что это совершенно исключено. Прошу Вас полностью верить этим моим словам.

Далее, я совершенно согласен с Вами в том, чтобы этот вопрос был решен лишь по соглашению между Чехословакией и Советским Союзом, «когда это найдут целесообразным оба правительства», как Вы сами это формулируете в своем послании.

Мы желали бы, чтобы это произошло по окончании войны с Германией, т.е. как только будет обеспечено восстановление наших домюнхенских границ с Германией и с Польшей и когда я смогу переговорить по этому вопросу с нашими деятелями в Праге.

К этому я хотел бы добавить лишь два замечания:

1) Я не менял своей точки зрения в этом вопросе с того момента, когда я впервые говорил об этом с вашим послом И. Майским в Лондоне в сентябре 1939 г. и не изменю её в будущем. В этом же смысле я буду формулировать свою точку зрения и в Праге.

2) Со своей стороны мы не сделаем этот вопрос предметом каких-либо дискуссий или вмешательства других держав. Мы хотим придти на эвентуальную мирную конференцию, имея этот вопрос уже окончательно решенным с Вами в духе полной дружбы. Лично я и правительство считаем, что этот вопрос никогда не будет предметом какого-либо спора между нами.

В конце Вашего послания Вы сообщаете мне, что у Советского правительства не только нет намерения нанести какой-либо ущерб интересам Чехословацкой республики, но даже наоборот Советское правительство полно решимости оказать Чехословацкой Республике всяческое содействие в деле её освобождения и восстановления. Я искренне благодарен Вам за эти слова. И мне хотелось бы подчеркнуть, что эти слова Советский Союз уже в течение ряда месяцев претворяет в действительность огромными и достойными удивления действиями своей Красной Армии, а также политической поддержкой, которая всегда охотно оказывалась нам в различных важных случаях (как, например, недавно во время переговоров о перемирии с Венгрией). Чехословацкий народ хорошо знает это. Позвольте мне, господин Председатель, подчеркнуть по этому случаю, что нет другого государства и народа, которые ценили бы это более, чем ценит чехословацкий народ; нет такого государства, которое питало бы столь искренние чувства настоящей дружбы к Советскому Союзу, как Чехословацкая Республика.

С полным уважением д-р Эдуард Бенеш

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.

Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 250. С. 287–288.

№ 18

Вопросы, подлежащие обсуждению в переговорах между правительством СССР и чехословацким правительством, полученные 4-ым Европейским отделом НКВД из чехословацкого посольства

Москва

19 марта 1945 г.

1. Вопрос границ:
 - а) с Германией
 - б) с Венгрией
 - в) с Польшей
2. Трансфер из Чехословакии:
 - а) немецкого населения
 - б) венгерского населения
3. Карпатская Украина
4. Хозяйственное положение на освобожденной территории:
 - а) установление правил, касающихся «трофейного имущества»
 - б) вопросы чехословацкой валюты
 - в) помощь со стороны СССР населению освобожденных районов
5. Вопросы репараций Венгрии: определение чехословацкой квоты
6. Транспорт:
 - а) железнодорожный транспорт и вопросы железнодорожного материала
 - б) дунайское пароходство (вопросы дунайских судов)
 - в) использование румынских портов для импорта Чехословакии
7. Дальнейшая организация чехословацкой армии
8. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией
9. Дальнейшая политика СССР и Чехословакии в отношении Германии
10. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР.

Архив внешней политики РФ. Оп. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 10. Л. 43

№ 19

Из записи переговоров президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и Посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым, заместителем народного комиссара иностранных дел СССР А. Я. Вышинским и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В. А. Зориным

Москва 21 марта 1945 г.

Запись

О совещании в Кремле 21 марта 1945 г.

С советской стороны присутствуют: комиссар Молотов, заместитель комиссара Вышинский, посол Зорин.

С чехословацкой стороны присутствуют: президент д-р Бенеш, министр Масарик, посол Фирлингер. Дискуссия ведется на основании программы, предложенной чехословацкой стороной.

Президент Бенеш предложил начать дискуссию с общего обмена мнениями. К отдельным пунктам программы можно будет вернуться позднее. Комиссар Молотов согласился.

1. Вопрос о границах.

Президент кратко объяснил, в каком состоянии находится дискуссия с англичанами относительно домюнхенских границ Чехословакии. Перед своим отъездом из Англии президент просил англичан, чтобы они письменно сформулировали свою точку зрения. Как известно, в свое время, т.е. 2 августа 1942 г., англичане заявили, что считают мюнхенский договор недействительным, но резервировали свою позицию, что касается границ. Теперь в своем письменном заявлении они сделали шаг вперед. Они сказали, что в принципе домюнхенские границы признают и что в момент, когда Германия капитулирует, согласятся с тем, чтобы политическое управление было передано чехословацким органам на чехословацкой территории в пределах границ, которые существовали на 31 декабря 1937 г. Окончательное признание этих границ Чехословакия получит при подписании договора на мирной конференции. Пока вопрос останется в компетенции европейской консультативной комиссии. Президент буквально подчеркнул, что все это относится и к нашим границам с Польшей.

Молотов выразил желание, чтобы текст соответствующего письма Форин Оффис был ему передан. [...]

3. Карпатская Украина.

Президент заявил, что будет говорить о деле искренне. В 1918 г. с чехословацкой стороны не выдвигалось требование о присоединении Карпатской Украины к Чехословакии. Предложение было сделано американской стороной. В США, куда эмигрировала примерно половина всего населения Карпатской Украины, был в этом смысле проведен некий плебисцит. Тогда восточная Галиция не была советской, и поэтому Карпатская Украина была практически отделена от советской Украины. Чтобы она не досталась Венгрии, её следовало присоединить к Чехословакии. Прага расценивала присоединение Карпатской Украины к ЧСР как некий мандат и никогда не рассматривала вопрос о Карпатской Украине как окончательно решенный. Только теперь были созданы предпосылки для окончательного решения этого вопроса, как это имеет в виду и письмо Сталина. Вопрос о Карпатской Украине будет решен между ЧСР и СССР в дружественном духе в момент, когда чехословацкие границы с Германией, Польшей и Венгрией будут обеспечены. Этот момент может наступить, как только президент приедет в Прагу и как только начнет работать Национальное собрание. Президент не думает, что сам имеет право решить этот вопрос. Однако нет опасности, что чехословацкий народ будет против отделения Карпатской Украины. Президент далее отмечает, что экономика Карпатской Украины была всегда пассивна и что туда нами было сделано много капиталовложений. Поэтому он был бы рад, если бы в подходящий момент был подготовлен договор о том, как будет осуществлена передача Карпатской Украины. Правда, на словацкой территории живет часть украинского населения, как и на территории Карпатской Украины находится определенная часть словаков. Вероятно, можно было бы произвести обмен населения, если в этом будет нужда, причем теперешние границы между Словакией и Карпатской Украиной не были бы затронуты.

Фирлингер замечает, что словаки очень заинтересованы в том, чтобы прежние границы между Словакией и Карпатской Украиной не были затронуты, и чтобы в этом плане между словаками и украинцами не было никаких споров.

Молотов весьма ясно и определенно заявляет, что само собой разумеется границы останутся старые. [...]

Československo-sovětské vztahyvdipomatickýchjednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok. 248. S. 505–507.

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 20

Из записи беседы В. М. Молотова с Э. Бенешем

Москва

21 марта 1945 г.

1. Вопрос границ

Бенеш напоминает, что он и все чехословацкое правительство всегда формулировали свои взгляды по этому вопросу формулой — домюнхенские границы... За три дня до отъезда Бенеша англичане заявили письменно о своем отношении к домюнхенским границам, сделав шаг вперед. Они написали, что к моменту капитуляции Германии они согласны на передачу контроля чехословацкому правительству над территорией, входящей в домюнхенские границы, как это сделано в соглашении о перемирии с Вен-

грий. Англичане согласились считать границы Чехословакии, как они [были] на 31 декабря 1937 г. ...

Молотов спрашивает, претендует ли Бенеш на какую-нибудь территорию сверх границ 1937 г.

Бенеш отвечает, что он имеет некоторые претензии в пограничной с Германией области, но не развивает этой темы....

II. Трансфер из Чехословакии немецкого и венгерского населения

Бенеш говорит, что этот деликатный вопрос он обсуждал с англичанами год-полтора тому назад. Англичане согласились, что необходим трансфер немецкого населения из Чехословакии... но это заявление было сделано устно, письменно сформулировать это заявление англичане колеблются... Англичане сообщили, что они ожидают мнения Советского правительства по этому вопросу и не считают это простой проблемой...

Молотов говорит, что в принципе отношение советского правительства к предложению выселить немцев положительное, но сейчас надо ставить вопрос практический, сколько и как надо выселить немцев, по этому поводу хотелось бы иметь соображения Бенеша.

Бенеш говорит, что он сможет сформулировать эту практическую программу выселения. Он считает, что не менее 2 млн. немцев придется выселить, и в Чехословакии их останется, очевидно, до 800 тыс. Вся немецкая буржуазия и интеллигенция очевидно уйдут, останутся рабочие, которые будут размещены среди чешского населения. Сейчас в Чехословакии, по-видимому, до 4 млн. немцев, венгров около 600 тыс. Из венгров до 400 тыс. должно быть выселено. Опыт сейчас показывает, что с приходом Красной Армии и Чехословацкой армии все немцы уходят...

III. Карпатская Украина

Бенеш подчеркивает, что в этом вопросе он хочет быть совершенно искренним. В течение 20 лет вопрос о Карпатской Украине никогда не считался им окончательно решенным.... Чехи, по словам Бенеша, самые разумные люди, они хотят заключить договор, как будет передана Советскому Союзу Карпатская Украина, причем для этого договора очень важно решить вопрос, как будет проходить граница Карпатской Украины, ибо на территории Чехословакии живут украинцы. По мнению Бенеша, вопрос об украинцах на словацкой территории, мог бы быть решен путем переселения их и обмена населением с Карпатской Украиной, где также проживает часть словаков. Бенеш спрашивает, как т. Молотов относится к такому решению вопроса.

Молотов заявляет, что тут нет никакого вопроса, и конечно можно договориться об обмене населением...

IV. Хозяйственное положение на освобожденной территории

Бенеш говорит, что имеется неясность в вопросе о военных трофеях и просит уточнить наше понимание этого вопроса. Чехословакия и СССР — союзники, и, естественно, что вопрос о военных трофеях должен был бы быть решен полюбовно, прежде всего стоит вопрос о недвижимом имуществе, которое вряд ли можно считать военными трофеями. Есть факты, когда фабрики, брошенные немцами и венграми, берут советские военные власти, считая их как военные трофеи. Между тем, чехословацкое правительство намерено национализировать такие фабрики.

Молотов замечает, что немцами в Чехословакии были построены новые фабрики и заводы.

Бенеш говорит, что все это верно, но все же требует уточнения.

Молотов соглашается, что надо рассматривать конкретно этот вопрос... мы рассматриваем Чехословакию союзником и на добро Чехословакии не покушаемся, однако, законы войны требуют, что то, что захвачено в результате боев, то, что завоевано кровью солдат, считается военными трофеями, и те, кто изгоняет противника с захваченной территории, имеют право распоряжаться имуществом, захваченным в бою. Естественно, что союзные армии могут и обязаны делиться захваченным, но право распоряжаться захваченным все таки принадлежит тем, кто изгнал противника...

Бенеш просит дать советскую формулировку понимания военных трофеев на территории Чехословакии и заявляет, что он надеется договориться с советским правительством по этому вопросу.

V. Вопрос репараций Венгрии...

VI. Транспорт...

VII. Дальнейшая организация чехословацкой армии

Бенеш говорит, что во время его беседы с маршалом Сталиным вопрос о расширении чехословацкой армии был признан решенным, и что сейчас будет большая работа в этом направлении. В связи с этим встает вопрос о тесном контакте с Москвой и Лондоном. Очевидно, нужно организовать радиосвязь между правительством, Москвой и Лондоном. Также необходим транспорт для правительства и военных органов. Нужно несколько самолетов для поддержания связи.

Молотов говорит, что нужно, однако, считаться с военной обстановкой и с тем, что правительство будет в тылу Красной Армии...

VIII. Взаимоотношения между СССР, Польшей и Чехословакией

Бенеш говорит, что когда был подписан советско-чехословацкий договор, была резервирована возможность присоединения к нему Польши, но он думает, что сейчас, пожалуй, несвоевременно ставить этот вопрос....выражает надежду, что отношения с Польшей будут лучше, чем раньше, и думает, что когда СССР найдет целесообразным поставить вопрос о присоединении Польши к договору, чех[ословацкое]пра[вительство] поддержит это предложение.

IX. Дальнейшая политика СССР и Чехословакии в отношении Германии...

Молотов говорит, что вопрос о расчленении Германии ставился неоднократно, но не решен. Сейчас все сочувствуют этой идее и настроены строго по отношению к Германии, но плана еще нет.

Бенеш боится, что после разгрома немцев, будет сочувствие к ним и начнется организация симпатии к немцам.

Молотов говорит, что идея безоговорочной капитуляции не наша идея, тем не менее мы поддерживаем её и будем последовательно придерживаться её.

Бенеш говорит, что...сейчас нужна общая славянская политика...и рад, что СССР будет на другой стороне Карпат и станет соседом Венгрии. Лет через 10–15 и Запад может быть против СССР и нужно быть готовыми к этому.

Молотов соглашается, что надо быть трезвыми, а не только мечтать о будущем мире. Если будет сближение между славянскими народами, то безопасность на Востоке укрепитя.

Бенеш считает, что...малые страны заинтересованы в том, чтобы между великими державами не было разногласий, ибо при спорах среди великих держав малые страны страдают больше, чем при наличии согласия между великими державами.

Молотов говорит, что если великие державы хотят по честному договориться, то СССР хотел бы этого; политика компромисса выгодна и малым державам; если мы увидим, что наши партнеры не хотят договориться, мы будем осторожны. У нас огромное желание заняться внутренними делами. Мы более искренние сторонники мира, чем кто бы то ни было. Если у наших партнеров хватит воли добиться прочного мира, то они найдут в нас верных союзников.

Бенеш считает, что, подходя трезво, Чехословакия должна опираться на Советский Союз.

Молотов замечает: Теперь уже, не дожидаясь Франции?

Бенеш соглашается с этим. Он считает, что надо организовать славянскую политику, чтобы немцы не могли вновь угрожать.

X. Дальнейшее финансирование чехословацких платежей на территории СССР..

На вопрос Молотова, серьезны ли настроения в Англии за сохранение длительного мира и сотрудничество с СССР, Бенеш отвечает, что Черчилль, безусловно, стоит за это, но трудно сказать, что будет после Черчилля...¹⁷

Архив внешней политики РФ. Ф. 06. Оп. 7. П. 51. Д. 833. Л. 1–9

№ 21

Из записи беседы президента Чехословакии Э. Бенеша, министра иностранных дел Чехословакии Я. Масарика и посла Чехословакии в СССР З. Фирлингера с народным комиссаром иностранных дел СССР В. М. Молотовым и заведующим 4-ым европейским отделом НКВД СССР В. А. Зориным о Подкарпатской Руси

Москва

23 марта 1945 г.

Запись о встрече, состоявшейся в субботу 23 марта 1945 г. в Кремле
(по инициативе комиссара Молотова)

Присутствуют с советской стороны: комиссар Молотов, посол Зорин, с чехословацкой стороны: президент Бенеш, министр Ян Масарик, посол Фирлингер.

¹⁷ Беседу, которая продолжалась два с половиной часа, записал В. Зорин. Присутствовали также А. Я. Вышинский, Я. Масарик, З. Фирлингер.

Молотов начал переговоры замечанием, что возвращается к вопросу о Карпатской Украине. Он говорил об этом с маршалом Сталиным и другими советскими деятелями, и перед всеми возникает вопрос, что сказать об этом Верховному Совету СССР. Молотов далее констатирует, что в письме президента Бенеша маршалу Сталину от 29 января 1945 г. говорится, что «президент не менял своей точки зрения в этом вопросе с того момента, когда впервые говорил об этом с советским послом Иваном Майским в Лондоне в сентябре 1939 г., и не изменит её в будущем. В этом же смысле он будет формулировать свою точку зрения в Праге».

Майский (правильно: Молотов — В. М.) хотел бы, чтобы президент объяснил более подробно свою точку зрения. У него с собой сообщения его послов в Лондоне, и, прежде всего, сообщение о беседе Майского с президентом 23 октября 1939 г., сообщение о более поздней беседе 31 августа 1941 г., другие сообщения о беседах Богомолова с президентом 15 ноября 1941 г., 7 февраля 1942 г. и 9 марта 1942 г. Особенно сообщение о беседе с Майским 23 октября 1939 г., на которую ссылается президент, фиксирует точку зрения президента: учитывая, что восточная часть Польши принадлежит советскому государству, естественно, что Карпатская Украина тоже должна была бы отойти к СССР, в результате чего Чехословакия получила бы общую границу с Советским Союзом. Главным желанием президента является то, чтобы Чехословакия опять была освобождена от нацистского ярма, а все остальное для него вещи второстепенные.

На эти замечания Молотова президент отвечает, что у него нет под рукой его записей, и он не может, таким образом, точно восстановить свой тогдашний разговор с послом Майским, но может только заявить, что всегда в отношениях с советскими представителями подчеркивал, что считает присоединение Карпатской Украины к Советскому Союзу естественным и что сегодня, когда вопрос стал актуальным, можно договориться о процедуре. Комиссар Молотов отвечает, что передачу не требуется осуществить уже сегодня, но он был бы рад, если бы мог получить от президента заявление для Верховного совета, конечно, если президент с этим согласится. Поскольку президент уже с 1939 г. говорил одно и то же, его точка зрения, изложенная в беседе с Майским, не является случайностью. Речь идет о точно определенной и последовательно отстаиваемой точке зрения.

Президент Бенеш отвечает, что придерживается этой точки зрения. Смысл его заявлений ясен, и в письме маршалу Сталину он также этой точки зрения придерживался, когда говорил, что в этом смысле будет формулировать свою позицию в Праге и что на мирную конференцию хочет придти, имея уже вопрос о Карпатской Украине разрешенным в полной дружбе с СССР. Президент подробнее излагает историю того, почему Карпатская Украина в 1918 г. была присоединена к Чехословакии. Это произошло, чтобы Карпатская Украина не досталась Венгрии, поскольку тогда восточная Галиция оставалась вне границ советской Украины.

Фирлингер спрашивает, должно ли быть письмо, которое Молотов просит для Верховного совета, опубликовано, или оно предназначено только для президиума Верховного совета. Молотов отвечает, что письмо будет секретным и что президент может прибегнуть к формулировкам, которые использовал уже в первой беседе с послом Майским. Такое письмо было бы желательным, и президиум Верховного совета будет за это очень благодарен Чехословакии.

Далее президент спрашивает, какими должны быть, по мнению Молотова, границы между Карпатской Украиной, которая бы отошла к Советскому Союзу, и Чехословакией. Молотов показывает на карте сегодняшние границы, отделяющие словацкую территорию от Карпатской Украины, и констатирует весьма ясно и определенно, что с этой точки зрения не может быть никаких недоразумений.

Президент подчеркивает свое желание, чтобы вопрос о Карпатской Украине был решен между Чехословакией и Советами, независимо от других держав, так, чтобы с третьей стороны в это дело не было вмешательства. Президент снова объясняет, почему по стратегическим и политическим соображениям представляется желательным, чтобы территориально Советский Союз вышел за пределы Карпат, то есть, чтобы советская армия стояла уже на нашей стороне Карпат, что для нашей безопасности и спокойствия в центральной Европе очень важно...

Комиссар Молотов в заключение сказал, что передача Карпатской Украины Советскому Союзу вызовет значительное воодушевление во всей Украине и существенно улучшит взаимоотношения между Чехословакией и СССР. Молотов далее сказал: «Не думаю, что в связи с этим Чехословакия что-то потеряет».

В заключение было договорено, что президент направит письмо комиссару Молотову, в котором бы содержалась ссылка на корреспонденцию между президентом и маршалом Сталиным в том смысле, как уже указано.

Фирлингер

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok. 253. S. 520–522.

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 22

Письмо президента Чехословакии Э. Бенеша народному комиссару иностранных дел СССР В. М. Молотову о государственной-правовой принадлежности Закарпатской Украины

Москва

26 марта 1945 г.

Господин народный комиссар, в беседе 24 марта Вы обратили мое внимание на то, что Вам было бы приятно иметь для президиума Верховного совета в качестве дополнения к моему письму маршалу Сталину о Закарпатской Украине от 24 января 1945 г. письмо, в котором я подчеркнул бы примерно то же самое, что я неоднократно при разных обстоятельствах говорил Вашим послан в Лондоне. Я рад исполнить Вашу просьбу и снова повторяю, что, по моему мнению, Закарпатская Украина должна войти в состав Украинской советской социалистической республики. Это изменение было бы осуществлено в границах, которые существовали между Словакией и Закарпатской Украиной в Чехословацкой республике и в соответствии с содержанием моего ответа маршалу Сталину, т.е. только между нашими двумя государствами и в момент, когда можно будет по этому вопросу договориться с нашими политическими деятелями в Праге.

С искренним почтением¹⁸.

Československo-sovětské vztahy v diplomatických jednáních 1939–1945. Dokumenty. Díl 2. Červenec 1943–březen 1945. Praha, 1999. Dok. 258. S. 526.

Перевод с чешского В. В. Марьиной

№ 23

Выступления И. В. Сталина на обеде в честь Э. Бенеша, записанные секретарем В. М. Молотова Б. Ф. Подцеробом

Москва

28 марта 1945 г.

Первое выступление тов. И. В. Сталина.

Тов. Сталин сказал, что он слышал много славословий по адресу Красной армии. Конечно, можно признать, не хвастаясь, что это действительно доблестная, храбрая и славная армия, но она имеет еще много недостатков. Это армия большая, она ведет большую войну. Вместе с людьми, обслуживающими её непосредственные тылы, она насчитывает приблизительно 12 миллионов человек. Эти 12 миллионов человек — разные люди. Не следует думать, что все они ангелы.

Красная Армия вступила в Чехословакию, и теперь чехословаки лучше узнают её, узнают и её недостатки. Красная Армия идет вперед, одерживая большие победы, но у неё еще много недостатков. Красная Армия прошла с боями большой путь от Сталинграда до ворот Берлина. Её бойцы прошли этот путь не как туристы, они прошли этот путь под огнем, и они победили немцев. Они думают, что они герои. Так думают почти все бойцы Красной Армии, во всяком случае, большинство бойцов Красной Армии. Чем люди менее культурны, тем более они об этом думают.

Они считают себя героями и думают, что они могут позволить себе излишества. Они считают, что им простят эти излишества потому, что они герои. Они прошли под огнем неприятеля большой и тяжелой путь, и каждый из них думает, что может завтра его сразит вражеская пуля. Тов. Сталин сказал, что эти бойцы зачастую делают безобразия, насилюют девушек. Тов. Сталин сказал, что он хочет, чтобы чехословаки не слишком очаровывались Красной Армией, чтобы затем им не слишком разочаровываться. Он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли психологию, поняли душу рядового бойца Красной Армии, чтобы они поняли его переживания, что он, рискуя все время своей жизнью, прошел

¹⁸ Документ не подписан.

большой и тяжелый путь. Тов. Сталин сказал, что он поднимает бокал за то, чтобы чехословаки поняли и извинили бойцов Красной Армии.

Второе выступление тов. И. В. Сталина

Тов. Сталин сказал, что он поднимает свой бокал за новых славянофилов. Он, тов. Сталин, сам является новым славянофилом. Были старые славянофилы, одним из руководителей которых являлся известный русский публицист Аксаков. Они выступали во времена царизма, и эти славянофилы были реакционерами. Они выступали за объединение всех славян в одном государстве под эгидой русского царя.

Мы, новые славянофилы, стоим за союз независимых славянских государств.

Первая мировая война разыгралась на спинах славянских народов. Мы видим, что и вторая мировая война идет на спинах славянских народов. Англия и Германия дерутся, а славянские народы проливают свою кровь.

Франция не воевала, она впустила немцев в свои пределы, и можно сказать, что она не подверглась оккупации. Бельгия и Голландия не воевали — они покорно легли перед немцами и подняли лапки вверх. Англия? Англия — на островах и её положение особое. Кто пострадал от немецкого разбоя, от немецкой оккупации? Чехословакия, Польша, Югославия, Советский Союз. Болгария попыталась избежать этого, пыталась спасти себя, но не все у неё вышло благополучно. В общем получается, что «паны дерутся, а у холопов чубы трясутся».

Тов. Сталин сказал, что он ненавидит немцев. Но, тем не менее, он, тов. Сталин, должен признать, что немцы — это сильный и способный народ. Они имеют неплохие кадры, военные, промышленные и другие. После поражения, которое они потерпят в этой войне, они попытаются возродиться в течение ближайших 15 лет.

Тов. Калинин воскликнул: «Реванш».

Тов. Сталин сказал, что да, немцы попытаются взять реванш. Тов. Сталин сказал, что просчитаются те, которые думают, что немцы этого не смогут сделать. Некоторые англичане опять говорят о равновесии сил. Если англичане будут полудрузьями Германии, то они просчитаются и проиграют на этом. Мы сейчас бьем немцев, побьем их и тогда, если и когда они вздумают поднять и разыграть новую войну. Но чтобы немцам не дать подняться и затеять новую войну, нужен союз славянских народов.

Мы, новые славянофилы, являемся коммунистами, если хотите — большевиками. Про нас думают, что мы хотим установить повсюду советский строй. Это не так. Когда Красная Армия пришла в Болгарию, то кое-кто пытался установить там Советы, но мы сказали, что этого не следует делать. Мы хотим, чтобы каждый народ имел тот строй, которого он достоин. Мы не собираемся вводить в Чехословакии советский строй.

Обращаясь к Бенешу, тов. Сталин сказал, что у него, Бенеша, на этот счет, вероятно, есть сомнения. Тов. Сталин сказал, что это право Бенеша. Но он, тов. Сталин, хочет, чтобы чехословаки поняли, что он говорит искренне и что он говорит то, что он думает.

В заключение своего выступления тов. Сталин поднял бокал за союз и дружбу независимых славянских народов, больших и малых¹⁹.

Архив Президента Российской Федерации. Ф. 45. Оп. 1. Д. 393. Л. 57–59.

№ 24

Из Программы Правительства Национального фронта чехов и словаков

Кошице
IV

5 апреля 1945 г.

Выражая бесконечную благодарность чешского и словацкого народов Советскому Союзу, правительство будет считать неизменной ведущей линией чехословацкой внешней политики самый тесный союз с победоносной славянской державой на Востоке. Чехословацко-советский договор от 12 декабря 1943 г. о взаимной помощи, дружбе и послевоенном сотрудничестве будет определять на все будущее внешнеполитическую позицию нашего государства. С помощью Советского Союза будет завершено

¹⁹ Помимо записи Б. Д. Подцероба, существует запись этих выступлений И. В. Сталина, сделанная присутствовавшим на обеде наркомом танковой промышленности СССР В. А. Малышевым. Опубликовано: *Источник. 1997. № 5. С. 127–128.* По сути обе записи мало чем отличаются друг от друга.

освобождение Чехословацкой республики с тем, чтобы при опоре на него была всегда обеспечена её свобода и безопасность и чтобы при всестороннем сотрудничестве с Советским Союзом было обеспечено мирное развитие и счастливое будущее для народов Чехословакии.

Правительство с самого начала будет осуществлять на практике сотрудничество с Советским Союзом во всех направлениях — в военном, политическом, экономическом, культурном, причем оно желает осуществлять взаимный обмен представителями и взаимные связи с соседней Украинской Союзной Советской Республикой. Правительство будет стремиться к тому, чтобы при окончательном разгроме гитлеровской Германии, при осуществлении наказания Германии, при назначении репараций с Германией, при определении новых границ и организации будущего мира Чехословакия стояла тесно, плечом к плечу с Советским Союзом и в одном фронте с остальными славянскими и демократическими государствами...

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.
Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док. 306. С. 347.

№ 25

Из информационной сводки 7-го Управления ГлавПУ РККА о настроениях населения в освобожденных районах Словакии

8 апреля 1945 г.

Наступление Красной армии в Словакии сопровождается подъемом политической активности широких масс народа. Словаки радостно встречают наши войска и помогают им в приведении в порядок коммуникаций, перевозками военного имущества и продажей продовольствия. На многочисленных собраниях, митингах и беседах население подчеркивает родственность русского и словацкого народов и выражает глубокую благодарность Советскому Союзу за освобождение от немецко-фашистских оккупантов. Население проявляет живейший интерес к условиям жизни в Советском Союзе и перспективам государственного устройства в Словакии. Население Словакии выражает чувство дружбы и симпатии по отношению к Красной Армии... Жители заявляют, что видят в русских своих братьев... Все население заявляет о поголовном грабеже, произведенном немцами в селах. Немцы забирали все и при этом говорили: «Чтобы Ивану ничего не осталось»... Немцы всячески запугивали население приходом русских. Широко для этих целей использовались печать и радио. Надо отметить, что испытанные немцами приемы пропаганды не прошли бесследно. Если население не оказывало сопротивления нашим войскам, то все же известная часть словаков, особенно из числа интеллигенции, боялась прихода русских... Наряду с проявлением симпатий словацкого населения к Красной Армии имеют место и отрицательные факты. Признавая освободительную миссию Красной Армии, некоторые местные жители не желают нести тягот, связанных с войной... Некоторые жители жалуются на то, что с приходом Красной Армии пришла война, разрушаются дома и приносится материальный ущерб... Имеются случаи отказа продавать воинским частям продовольствие и фураж...

Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 1–5.

№ 26

Из записи беседы В. А. Зорина с З. Фирлингером о положении в Чешских землях

Кошице

16 апреля 1945 г.

Затронув вопрос о Чешских землях, Фирлингер прочитал телеграмму, полученную от Масарика и Рипки, в которой сообщается, что на Чешских землях создан какой-то Национальный комитет, который хочет установить радиосвязь с чехословацким правительством и что необходимые матери-

алы для этой связи (код, шифры) могут быть переданы через 2–3 чиновников, которые должны направиться в Чехословакию кратчайшим путем через Бухарест. Фирлингер в связи с этим просил меня в виду затруднительности его связи с Лондоном обратиться к советскому правительству с просьбой дать указание советскому военному атташе в Лондоне, чтобы он по договоренности с Рипкой и английскими военными властями решил вопрос о направлении этих людей в Чехословакию тем путем, который советское правительство сочтет приемлемым. Фирлингер добавил, что в этом мероприятии заинтересованы и советские военные власти, поскольку связь с людьми на чешской земле была до сих пор в руках англичан, сейчас чехословацкое правительство дало указание передать связь советским военным властям. Фирлингер обещал мне прислать памятную записку по этому поводу. Я обещал довести его просьбу до сведения советского правительства²⁰.

*Архив внешней политики РФ.
Ф. 0138. Оп. 26. П. 132. Д. 7. Л. 19–20.*

№ 27

Из информации Политуправления 2-го Украинского фронта о настроениях населения в чешских районах, освобожденных Красной Армией

Действующая армия

10 мая 1945 г.

Чешское население, как правило, дружелюбно встречало вступающую на территорию Чехословакии Красную Армию. На улицы выходили толпы людей, много домов было украшено советскими и чехословацкими флагами. Все чешское население осталось на своих местах. Количество чехов, бежавших с немцами, исчисляется единицами... Немецкое господство в Чехии чувствуется гораздо сильнее, чем в Словакии... среди чешского населения очень сильны антифашистские настроения... В кругах буржуазии и интеллигенции еще довольно сильны проанглийские настроения... Не все слои населения одинаково охотно участвуют в восстановительных работах. Привлечение населения к оборонным работам проходит в Чехии с значительно большими трудностями, чем в Румынии, Венгрии и Словакии... Население сельских местностей настроено значительно дружелюбнее и более охотно участвует в восстановительных и других работах...

*Российский государственный архив социально-политической истории.
Ф. 17. Оп. 128. Д. 32. Л. 53–56.*

№ 28

Из донесения командующего войсками 1-го Украинского фронта И. С. Конева И. В. Сталину

Действующая армия

12 мая 1945 г.

Вчера был в Праге. Город находится в хорошем состоянии и почти не имеет разрушений. Сохранились промышленные предприятия, коммунальное хозяйство, водопровод, есть электроэнергия.

Правительство Фирлингера находится в Праге и приступило к своей деятельности.

Имел встречу с правительством Фирлингера, где присутствовал весь состав Совета Министров. Были решены практические вопросы по оказанию содействия правительству в быстрейшем налаживании порядка в Праге и стране.

²⁰ Запись беседы была направлена В. М. Молотову, А. Я. Вышинскому, в IV Европейский отдел НКВД. Сведений о том, последовала ли какая-либо реакция со стороны советских властей на это сообщение и была ли Фирлингером представлена памятная записка, нет.

■ Том XII. Освобождение

Докладываю, что население Чехословакии, и особенно Праги, восторженно встретило войска Красной Армии.

Население Праги непрерывно приветствует войска Красной Армии, отдельные группы проходящих бойцов, офицеров и проезжающих генералов. На улицах возникают стихийные митинги.

Все слои пражского населения искренне выражают благодарность Красной Армии за освобождение от фашистских захватчиков.

Все важные объекты взяты войсками Красной Армии под охрану. В Праге уже налажен нормальный порядок...

И. Конев

Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений.

Т. 4. Кн. 2. М., 1983. Док.373. С. 420–421.

Трансильванский вопрос накануне и в годы Второй мировой войны

Т. А. Покивайлова*

Трансильвания — историческая область Центральной Европы, где наряду с румынским большинством проживает значительное венгерское население. Она имеет свою специфику, связанную с историей края и взаимоотношениями между двумя основными народами, её населяющими, а со второй половины XIX века, когда сформировалось румынское государство, и отношениями между двумя государствами — Румынией и Венгрией, входившей тогда в состав Австро-Венгрии. С этого времени оба государства выдвигают на неё свои претензии. Венгры доказывают свои исторические права на эту территорию, поскольку Трансильвания, начиная с IX века, когда вожди венгерских племён стали управлять этой территорией, и вплоть до 1918 года (с некоторыми перерывами), входила в состав венгерского государства. Румыны, в свою очередь, ссылаются на непрерывность проживания предков румын на этой территории ещё со времён образования здесь Дакии, провинции Римской империи, а также этнокультурного симбиоза племён Дакии с римлянами и появления на этой основе предков современных румын. На наш взгляд, в каждой из этих версий присутствуют черты мифологизации и, тем не менее, они используются не только историками, но и политиками. Кроме того, румыны ссылаются на этнический фактор, что невозможно отрицать. Действительно, начиная примерно с середины XVIII века, румынское население на территории Трансильвании составляло большинство.

Первая мировая война и увенчавшая её версальская система нового послевоенного устройства породила целый ряд очагов международной напряжённости, опасных для установившегося на континенте весьма непрочного послевоенного

равновесия. Среди них был и румыно-венгерский спор из-за Трансильвании. Известный советский историк Е. В. Тарле назвал Трансильванию «вечным яблоком раздора на очень опасном европейском перепутье и вечным поводом к разжиганию войны»¹. Действительно после Первой мировой войны Трансильвания превратилась в яблоко раздора между Венгрией и Румынией. Парижская мирная конференция (1919–1920 гг.), удовлетворившая одну из сторон, т. е. Румынию, полностью проигнорировала интересы другой стороны — Венгрии, потерпевшей поражение в войне. К тому же в Венгрии победила социалистическая революция, и она стала на 133 дня советской республикой, что усугубило её положение в глазах западных держав.

Узел национально-территориальных противоречий, образовавшийся в балканско-дунайском регионе, использовался крупными европейскими державами для установления здесь своего контроля, а СССР накануне и в начальный период Второй мировой войны для усиления своего влияния и обеспечения собственной безопасности.

В годы Первой мировой войны Румыния после долгих колебаний выступила на стороне Антанты. Потерпев поражение от Центральных держав, она 7 мая 1918 г. заключила с ними мирный договор, нарушив тем самым договор со странами Антанты. Тем не менее, после поражения Центральных держав Румыния, объявив им в последний момент войну, добилась своего участия в Парижской мирной конференции. Румынская делегация, возглавляемая премьер-министром И. К. Брэтиану-младшим, проявила чрезвычайную активность, чтобы убедить союзников поддержать претензии на Трансильванию и ряд других территорий. По Трианонскому мирному договору (4 июня 1920 г.)

* Покивайлова Татьяна Андреевна — к. и. н., с. н. с. Института славяноведения РАН.

Румыния получила не только Трансильванию, но и не относящиеся к ней территории Венгрии, такие как Марамуреш, Кришана и Банат. По Сен-Жерменскому договору с Австрией (10 сентября 1919) к ней отошла Буковина, входившая до этого в состав Австро-Венгрии. По Нейскому договору (27 ноября) за ней была закреплена часть Южной Добруджи (области Дуростор и Калиакра), приобретённая Румынией ещё в ходе балканских войн. Кроме того, в состав Румынии вошла оккупированная румынской армией Бессарабия, часть территории бывшей Российской империи, входившая в состав России с 1812 года².

Добиваясь присоединения Бессарабии к Румынии её премьер-министр И. Брэтиану заявил в качестве аргумента, что Румыния сможет стать «точкой объединения всех сил для борьбы с большевизмом, исходя не только из своих интересов, но и из интересов всей Европы и даже европейской цивилизации»³. В результате территориальных приобретений её территория увеличилась с 140.350 кв. км до 297.000 кв. км, а население возросло более чем в 2 раза⁴. При этом нужно отметить, что румынское население на присоединённых по Трианонскому договору землях составляло большинство населения. Даже по переписи населения, проведённой в Венгрии в 1910 г., румыны составляли 53,8% населения, венгры — 31,7%, немцы — свыше 10%, остальные — около 4%⁵, причём удельный вес румынского населения за счёт проведения румынским правительством политики румынизации присоединённых областей и оттока венгерского населения в Венгрию постоянно возрастал. Прежде всего это касалось городского населения. Так, за период с 1918 по 1930 г. численность румын, проживающих в Трансильвании, увеличилась с 151 тыс. до 337 тыс. человек, а венгров — сократилась с 480 тыс. до 365 тыс. С 1919 по 1927 г. в Венгрию выехало около 197 тыс. венгров⁶.

Заметим, что ни одна из стран, потерпевших поражение в войне, включая её главных виновников, не потеряла в таких больших размерах территорию и население, как Венгрия. За пределами страны оказались этнически родственные области с 3,5 млн венгров. Лишь 40% границ соответствовало этническому принципу⁷. Вполне естественно, что с новым своим статусом, созданным Трианоном, не смирилась хортистская Венгрия, официальной идеологией которой стал ирредентизм и ревизионизм, стремление к пересмотру границ и условий мирного договора.

Ещё до принятия на Парижской конференции Трианонского договора 1 декабря 1918 года на многочисленном собрании румын в трансильванском городе Альба-Юлия (Дюлафехервар) была принята декларация об объединении Трансильвании с Румынией. В ней было зафиксировано пра-

во народов на национальную свободу, соблюдение равенства граждан всех национальностей перед законом. Каждый народ получал право на образование, администрацию, судопроизводство на народном языке. Более того, всей этой деятельностью должны были управлять представители самих народов, которые к тому же должны были быть представлены пропорционально своей численности во властных законодательных и исполнительных органах власти, т.е. декларировались в известной мере принципы самоуправления.

Однако это осталось лишь декларируемыми принципами, далёкими от реального положения дел, хотя Румыния в рамках Версальской системы подписала специальный трактат о защите прав национальных меньшинств. К тому же на собрании в Альба-Юлия, на котором присутствовало около 100 тыс. румын, не были представлены полноправные граждане, коренные жители земель, которых делегаты собрания собирались передать из одной страны в другую, — украинцы, евреи, саксы, швабы, сербы и венгры (их было 2 млн человек).

В апреле 1920 г. румынское правительство взяло край под свой полный контроль, фактически перечеркнув предусмотренные парижским трактатом права и свободы нацменьшинств. Конституция 1923 г. объявила Румынию «единым и неделимым национальным государством», хотя даже по официальной статистике на долю румын в стране по переписи 1930 г. приходилось 71,9% от численности населения и соответственно на все остальные меньшинства — 28,9%, в том числе на венгров — 7,9%⁸. Пропасть между нациями после 1920 г. углубилась ещё больше, чему немало способствовали дискриминационная политика и практика властей румынского государства в присоединённых областях в социально-экономической и культурно-национально-языковых сферах.

В результате аграрной реформы 1921 г. было достигнуто решающее преобладание румынского землевладения благодаря конфискации не только «излишков» у крупных и средних собственников-мадьяр, но главным образом за счёт лишения венгерских церквей — а их было четыре: римско-католическая, реформатская, униатская и лютеранская — 84,5% — их недвижимости. К 1930 г. из 2543 ранее существовавших учебных заведений разных ступеней осталось всего 1226. Одновременно был ограничен круг предметов, обучение которым велось на венгерском языке. Румынским стал венгерский университет в Клуже.

Строительство, ремонт, эксплуатация, директорская квартира — все это возлагалось законом на общины (коммуны, села, деревни), т.е. жители венгерских сел и деревень практически оплачивали содержание и румынских школ, ибо в госу-

дарственных преподавание велось на румынском языке. Обучение румынскому языку, а также румынской истории и географии (на румынском же языке) было обязательным во всех школах без исключения, включая и церковные. В еврейских школах было запрещено обучение на венгерском и немецком языках. Там было предложено выбирать между ивритом и румынским языком. Конституция 1923 г. ввела дискриминационную иерархию официальных церквей. Православная была объявлена господствующей, греко-католическая, т.е. униатская, — имеющей преимущество перед остальными т.е. католическими и лютеранскими конфессиями. Конституция 1938 г., введенная после установления режима королевской диктатуры, формально узаконила политическую дискриминацию по этническому признаку: вводилось новое правовое понятие — «преимущество румынского происхождения» в осуществлении гражданами политических прав, причем в зависимости от их важности. Министром, например, мог быть назначен лишь тот, кто был «румыном» в третьем поколении. Новая статья конституции позволила освободиться от многих еще продолжавших служить чиновников-мадьяр; произошло их массовое увольнение.

Вплоть до середины 1920-х годов Советский Союз занимал четко выраженную антиверсальскую позицию, считая всю версальскую систему безоговорочно, целиком и полностью империалистической, грабительской. Советское руководство активно стремилось использовать в своих интересах существовавшие в побежденных странах настроения, направленные на ликвидацию или частичную ревизию версальских договоров. Однако вскоре в советской политике наметилась тенденция отхода от идеологических пристрастий ради реализации конкретных внешнеполитических целей. В 1930 г. М. Литвинов, убежденный сторонник создания системы коллективной безопасности, сменил Г. Чичерина на посту министра иностранных дел.

Приход к власти в Германии Гитлера и возникновение угрозы войны послужили дополнительным аргументом в пользу нового курса. В июне 1934 г. Москва пошла на установление дипломатических отношений с Румынией, которая по-прежнему незаконно оккупировала Бессарабию. Сближение в советско-румынских отношениях связано в значительной степени с деятельностью и личными взаимоотношениями руководителей внешнеполитических ведомств СССР и Румынии М. Литвинова и Н. Титулеску. В том же 1934 году были установлены дипломатические отношения и с Венгрией, с которой СССР не имел никаких территориальных споров. Однако с обеих сторон имели место очень сильные идеологические и по-

литические разногласия, связанные в основном с поддержкой Советской Россией Венгерской Советской Республики в 1919 году и враждебностью хортистского режима к большевизму.

Попытки улучшить отношения с хортистской Венгрией первый раз были сделаны Чичериным во время Гёнуэзской конференции в 1922 году. Завязавшийся было диалог не нашел, однако, продолжения по вине венгерской стороны. Страх перед возможностью повторения большевистской диктатуры оказался сильнее очевидных преимуществ сотрудничества с Кремлем. Консервативный режим Хорти не сумел избавиться от своей врожденной патологической враждебности к коммунизму и СССР. В начале 1939 г., через 5 лет после установления дипломатических отношений, добровольно, без всякого принуждения со стороны держав оси Венгрия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту, якобы с единственной целью заслужить благосклонность Гитлера и Муссолини. В феврале 1939 г., в ответ на этот явный антисоветский шаг правительство СССР объявило о своем решении приостановить дипломатические отношения с Венгрией⁹.

Успех Гитлера в Мюнхене позволил также и регенту Венгрии адмиралу М. Хорти приступить к решению своих локальных задач по демонтажу трианонско-версальского сооружения и пробить в системе первые бреши. Формальную, международно-правовую основу для пересмотра границ давала знаменитая 19-я статья Пакта Лиги наций, допускавшая такую возможность во избежание «угрозы всеобщему миру»¹⁰. По Первому Венскому арбитражу в 1938 г. мадьяры вернули себе южные области Словакии, а затем в два приема и Закарпатье. В 1940 г. настал черед и Трансильвании. Благоприятному решению этого вопроса в пользу мадьяр немало способствовали германо-советское сближение и резкая активизация в 1940 г. СССР в Центральной и Юго-Восточной Европе, в особенности на румынском направлении.

Сотрудничество Берлина с Москвой в восточноевропейских делах, не устранившее их соперничества за утверждение своего влияния именно в этом регионе, до чрезвычайности осложнило жизнь малых стран. Но поскольку доминирующей силой в регионе была Германия, то им приходилось соотносить свои действия в первую очередь с Берлином.

В чрезвычайно сложной и запутанной ситуации, сложившейся в Европе в промежутке между советско-германским пактом и советско-германской войной, венгерская дипломатия оказалась более удачливой, чем румынская. Сохранив дружбу с державами оси, она сумела одновременно навести мосты и в сторону Москвы ради достижения заветной цели — завоевания Трансильвании.

Венгерское правительство в своих расчетах исходило из вернейшей предпосылки объективного совпадения интересов Венгрии и СССР в отношении к Румынии, в вопросе о возврате захваченных его территорий — Бессарабии у СССР и Трансильвании у Венгрии. Дальняя эта цель присутствовала уже при установлении дипломатических отношений между обеими странами. Кабинет И. Бетлена мотивировал необходимость дипломатического признания СССР в 1934 г. возможностью заручиться поддержкой Советского Союза в отношении трансильванской проблемы. Была выдвинута мысль о «кооперации с русскими против Румынии на базе неурегулированного бессарабского вопроса». Министр иностранных дел на заседании комиссии по иностранным делам верхней палаты венгерского парламента прямо указывал на «возможность сотрудничества с Россией против Румынии из-за Бессарабии»¹¹.

Именно на этой почве с начала 1940 г. отчетливо прослеживаются две тенденции — сближение между Москвой и Будапештом при одновременном прогрессирующем ухудшении их отношений с Румынией. Появившаяся спустя две недели, 31 января, статья в официозе «Уй мадьяршаг» подтвердила новую линию венгерской правящей клики. В статье, обратившей на себя внимание советских дипломатов в Будапеште, говорилось: «...мы поддерживаем отношения дружбы с Германией, сердечные отношения с СССР, нашим северным соседом... Мы не чувствуем себя угрожающими с его стороны. Опасность грозит нам только со стороны Румынии»... Спустя еще две недели те же мысли буквально в тех же выражениях повторил Шаронову сам министр иностранных дел Венгрии И. Чаки. «Мы спокойны за нашу карпатскую границу, никаких разногласий с Советами не имеем, и вообще угрожаемыми себя с этой стороны не чувствуем», — сказал он 13 февраля 1940 г. советскому полпреду¹².

Советская дипломатия все более откровенно выражала позитивное отношение правительства СССР к территориальным притязаниям, предъявлявшимся Румынии двумя ее другими соседями — Венгрией и Болгарией. Вместе с тем это не помешало венгерской стороне сделать попытку заручиться поддержкой Запада в связи с подготавливавшейся ею трансильванской акцией и фактически вести двойную игру. Обращение к западным державам было вызвано и тем, что они, согласно договору от 13 апреля 1939 г., были гарантами территориальной целостности Румынии. Но это препятствие отпало скоро как бы само по себе. По иронии судьбы, как ни странно, правители этой страны сами, добровольно, отказались от англо-французских гарантий неприкосновенности своей территории. Заодно Румыния покинула и Лигу наций. В официальной декларации пра-

вительство объявило о том, что «будет проводить политику искреннего включения в систему, созданную осью Берлин-Рим, и это является не только выражением политического реализма, но и логическим следствием идеологии членов правительства, точно передающих чувства нации»¹³.

Полпред А.И. Лаврентьев писал Молотову 30 июля: «Такой крутой поворот во внешней политике румынского правительства в итало-германском направлении продиктован:

- 1) разгромом Франции;
- 2) успехами военных действий Германии;
- 3) боязнью, как бы Венгрия и Болгария не потребовали бы от Румынии больших территориальных уступок;
- 4) боязнью перед тем, как бы Советский Союз не предъявил бы других требований;
- 5) увеличивающимся нажимом на Румынское правительство со стороны Германии»¹⁴.

Роковой для Румынии исторический момент наступил в конце июня 1940 г. Сигнал к частичному разделу «Великой Румынии» подала Москва. Поздней ночью 26 июня 1940 г. вызванный в МИД румынский посланник Г. Давидеску получил из рук В.М. Молотова грозный ультиматум — официальную ноту правительства СССР с требованием возвращения Бессарабии Советскому Союзу и «передачи» ему же Северной Буковины, не имевшей никакого отношения ни к Российской империи, ни тем более к Советскому Союзу. На ответ — само собой разумеется, положительный — румынам отводилось ровно 24 часа. Ультиматум Молотова, капитуляция Румынии перед советским диктатом и присоединение к СССР вместе с Бессарабией также и северной Буковины, прозвучавшие сигналом для резкой активизации двух других соседей Румынии.

За три дня до предъявленного Москвой 26 июня бессарабского ультиматума, как вытекает из беседы Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом 23 июня 1940 г., обе стороны вновь констатировали, что «балканский вопрос может быть совместно мирным путем разрешен Советским Союзом, Германией и Италией...»¹⁵. Из слов Шуленбурга, однозначно следует, что между СССР и Германией уже с осени 1939 г. имелось специальное «соглашение о Бессарабии», что косвенно подтвердил и нарком тем, что он настойчиво, вновь, и вновь, добивался авторитетного подтверждения со стороны нацистского министра иностранных дел И. Риббентропа договоренностей по этому поводу. «Тов. Молотов, — читаем мы в записи беседы, — в ответ на это поставил Шуленбургу следующие вопросы:

- 1) Подтверждает ли Риббентроп то, что было сказано во время переговоров осенью прошлого года о Бессарабии, и остается ли сказанное в силе

на сегодняшний день?»¹⁶. Нарком получил от немцев требуемое подтверждение, но лишь в принципе. Не отрицая права СССР на Бессарабию, свое согласие содействовать осуществлению этих прав они обусловили рядом экономических и политических условий. В их числе были: строгое соблюдение хозяйственных интересов Германии, прежде всего гарантирование бесперебойности поставок продовольствия и остродефицитных нефтепродуктов для германской военной машины. Германия, заявил посол Шуленбург, «не имеет политических интересов в Бессарабии, но имеет там хозяйственные интересы, которые теперь увеличились в связи с войной»¹⁷.

Чрезвычайно важным, отчасти тесно связанным с первым, было другое категорическое германское требование — не допустить ни при каких обстоятельствах открытия военных действий против Румынии, которое, как не без оснований опасались в Берлине, немедленно повлекло бы за собой вовлечение в военный конфликт с Румынией Венгрии, а возможно, и Болгарии. Третье условие, более чем оригинальное, хотя по всей видимости, не столь жизненно важное с точки зрения германских стратегических интересов, в подаче посла звучало так: «СССР заявит о своих претензиях на Бессарабию только в том случае, если какая-либо третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе»¹⁸. Советское правительство попросту проигнорировало это странное предложение, и Молотов не счел нужным даже отреагировать на него.

Помимо всего этого немцы опасались возникновения в Румынии, в тылу сражавшихся на Западе германских армий, хаоса в случае советского выступления, к тому же в момент, когда, по словам посла, «Германии сейчас до зарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии»¹⁹. С последним доводом Советское правительство с готовностью согласилось, пообещав «сделать все возможное, для того, чтобы не затронуть экономические интересы Рейха». Кроме того, председатель Совета народных комиссаров, в ходе беседы проинформировал германского посла о состоявшемся решении Советского правительства «в ближайшее время» поставить перед Бухарестом бессарабский вопрос. Далее последовал неожиданный поворот. «Буковина, — продолжал он без всякого предисловия и перехода, — как область, населенная украинцами тоже включается в разрешение бессарабского вопроса. Румыния поступит разумно, если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. (...) Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой»²⁰.

В оставшиеся до ультиматума три дня неожиданно и неизвестно откуда появившийся буковинский вопрос как бы заслонил собой главный факт — молниеносный переход Советского Союза от деклараций к реализации своих балканских планов.

25 июня 1940 г., за день до вручения ультиматума, глава советского правительства в беседе с послом Италии А. Росо сделал заявления относительно позиции СССР по поводу венгерских болгарских притязаний: «СССР не имеет никаких претензий в отношении Венгрии. С Венгрией у нас нормальные отношения. СССР считает претензии Венгрии к Румынии имеющими под собой основания,

С Болгарией у СССР хорошие, добрососедские отношения. Они имеют основания стать более близкими. Претензии Болгарии к Румынии, как и к Греции, имеют под собой основания»²¹.

Беседа с итальянцем не оставила никаких сомнений относительно решимости Москвы полностью взять на себя инициативу в румынском вопросе, а в случае необходимости вопреки желаниям Берлина и Рима не останавливаться перед «применением силы». Намек был понят и принят. Из Берлина необычайно быстро пришел в целом положительный ответ на поставленные перед нацистским руководством вопросы. 25 июня Шуленбург представил этот ответ Молотову. Суть его сводилась к четырем основным положениям:

1. Германское правительство в полной мере признает права Советского Союза на Бессарабию и своевременность постановки этого вопроса перед Румынией.
2. Германия, имея в Румынии большие хозяйственные интересы, чрезвычайно заинтересована в разрешении бессарабского вопроса мирным путем и готова поддержать Советское правительство на этом пути, оказав со своей стороны воздействие на Румынию.
3. Вопрос о Буковине является новым, и Германия считает, что без постановки этого вопроса сильно облегчилось бы мирное разрешение вопроса о Бессарабии.
4. Германское правительство, будучи заинтересованным в многочисленных немцах, проживающих в Бессарабии и Буковине, надеется, что вопрос об их переселении будет решен Советским правительством в духе соглашения о переселении немцев с Волыни»²².

Пункт, содержащий просьбу к СССР отнестись благожелательно к буковинским немцам, был равнозначен признанию *de facto* советских притязаний на Буковину. Но не *de jure*. Вынужденная уступка со стороны Германии способствовала углублению ее разногласий с Советским Союзом. Немцы уступили силовому давлению, не имея воз-

возможности или не желая противопоставить силу силе за год до 22 июня 1941 г.

В ответ на содержащиеся в телеграмме упреки Молотов следующим образом аргументировал советскую позицию в этом вопросе: «...постановку о Буковине, где преобладающее население — украинцы, советское правительство считает правильной и своевременной, так как к настоящему моменту вся Украина, за небольшим исключением, уже объединена, но Советский Союз не ставил перед Венгрией вопроса о Прикарпатской Руси, не считая его актуальным»²³. Состоявшийся в ходе беседы обмен мнениями показал, что в сложившейся из-за бессарабско-буковинского кризиса ситуации июня 1940 г. позиция Советского Союза в отношении к Венгрии и Болгарии была весьма благоприятна для этих стран.

С другой стороны германо-итальянская ось всячески уклонялась от активной поддержки Венгрии против Румынии по той простой причине, что последняя «весила» на порядок тяжелее своей соперницы. Весной 1940 г. еще не созрели международные условия и предпосылки для реализации венгерских планов в отношении Румынии и прежде всего ввиду однозначного нежелания ближайших венгерских союзников спешить с поддержкой этих планов.

Неуверенность в твердой поддержке союзников по Антикоминтерновскому пакту послужила дополнительным стимулом дрейфа Венгрии в сторону Москвы и стремления добиваться ее благосклонности несмотря на идеологическую несовместимость с социалистическим советским строем, характерную для хортизма с его ярко выраженной антикоммунистической и христианско-национальной идеологией.

Важен был прецедент. Ибо, как писал советский полпред в Бухаресте, «в первую очередь факт возвращения нам Бессарабии разрушил тезис о целостности Румынии и открывал Венгрии (добавим от себя: и Болгарии. — *Авт.*) возможность для предъявления своих требований». Почин был сделан. Как говорил венгерский военный атташе в Москве Г. Фараго во время организованного 19 июня 1940 г. в Венгрии просмотра фильма «Петр Первый», «венгры ждут занятия нами Бессарабии, чтобы пойти в Трансильванию»²⁴.

Руководящие политики Венгрии, откровенно демонстрируя чувства удовлетворения и радости по поводу энергичной антирумынской акции Москвы, не особенно старались в то же время скрыть свое разочарование мирным исходом советско-румынского спора из-за Бессарабии. В особенности же тем, что, уступив ее Советам без боя, не оказав им вооруженного сопротивления, румыны тем самым предупредили венгерское вторжение в Трансильванию и болгарское — в Добруджу.

А ведь план новой трансильванской кампании, разработанный в венгерском генштабе, был составлен именно с расчетом на советско-румынскую войну. В разговорах венгерских политиков, дипломатов и военных с представителями СССР просматривались оба мотива — и нескрываемая радость по поводу энергичного выступления Советского Союза против Румынии, и едва скрываемое разочарование по поводу несостоявшихся военных действий.

1 июля в Венгрии был отдан приказ о мобилизации, а через 2 дня 1-я венгерская армия вплотную подошла к границам Румынии. В связи с этим 2 июля король Румынии Кароль в личном послании к Гитлеру попросил его о сотрудничестве и гарантиях неприкосновенности Румынии. Румыны пытались задобрить Гитлера необходимыми поставками нефти, венгры — зерновыми. Германии нужно было иметь и то и другое. Поэтому германская дипломатия, не заинтересованная в возникновении войны между Венгрией и Румынией, пыталась склонить румын к уступчивости, венгров — к миролюбию. В эти дни для Будапешта возросло значение Москвы. В ответ на прямое обращение венгерского правительства о возможном поведении Москвы в случае конфликта между Венгрией и Румынией В. М. Молотов 4 июля сделал два важных заявления: 1) СССР находит венгерские территориальные требования обоснованными; 2) В случае венгеро-румынского конфликта Советский Союз в него не вмешивается²⁵.

Тогда инициативу по урегулированию венгеро-румынского конфликта взял в свои руки Гитлер. Пригласив к себе в Мюнхен 10 июля сначала венгерских и болгарских представителей, а затем и румынских. Не исключено, что, что среди причин, побудивших Гитлера к вмешательству, было и желание не допустить сближения Венгрии, так же, как и Болгарии с СССР.

Свидетельством усиливавшегося недовольства Гитлера венгерским союзником стало совещание высших руководителей Германии, Болгарии, Румынии и Словакии в австрийском городе Зальцбурге 28 июля 1940 г., на которое не была приглашена Венгрия — единственная из стран, непосредственно причастных к стоявшим в повестке дня встречи вопросам. Румынам был дан совет уступить «обоснованным требованиям» болгар (в вопросе о Южной Добрудже), словакам — отложить свои территориальные притязания к Венгрии до окончания войны, Болгарии, Румынии и Венгрии (косвенно) — решить свои споры мирно, путем двусторонних переговоров.

В конечном итоге под нараставшим германским нажимом в первой половине августа между румынами и мадьярами состоялись первые контакты. Сразу же выявилась принципиальная

несовместимость исходных позиций сторон. Румынскому предложению принять за основу будущих переговоров обмен населением Венгрия противопоставила территориальный принцип, как кардинальный метод решения спорных вопросов. Мадыры не скрывали, что они будут добиваться всей Трансильвании, а если не удастся, обширных территориальных уступок, «после которых можно будет говорить об обмене населением». Румыны, напротив, соглашаясь на незначительные исправления границы на северо-западе, в районе города Арад, упор делали на обмен населением. Давая оценку ситуации в письме Молотову, советский полпред в Бухаресте А.И. Лаврентьев с полным основанием предсказывал «большие трудности» в предстоящих переговорах. «Как видно, — доносил он Молотову, — расхождения на сегодняшний день настолько велики, что можно сомневаться в благоприятном исходе этих переговоров»²⁶.

Так оно и случилось. Немцам хотя и удалось посадить двух своих непримиримых союзников за стол переговоров, проходивших в румынском городе Турну-Северин с 16 по 24 августа 1940 г., но большего добиться им не удалось. Примирие не состоялось. Уже сам состав венгерской делегации, в которую помимо руководителя делегации дипломата А. Хори входило в основном высшее армейское руководство Венгрии (начальник оперативной группы венгерского Генштаба генерал Падай, начальник II Отдела Генштаба полковник Уйсаси и др.), по мнению советского полпреда в Венгрии Шаронова, не давал возможности «говорить о серьезной уверенности у венгров договориться мирным путем»²⁷. В письме к замнаркома иностранных дел СССР В.Г. Деканозову 17 августа 1940 г. полпред выражал сомнение в благоприятном исходе переговоров²⁸.

Переговоры зашли в тупик. Венгры заявили, что их дискриминируют. Как отмечал впоследствии тогдашний министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску, венгры требовали, чтобы «мы отдали им всю Трансильванию, так же, как мы отдали СССР всю Бессарабию»²⁹. Площадь же уступаемых Румынией Венгрии территорий не превышала одной десятой венгерских территориальных претензий и представляла собой узкую пограничную полосу. Переговоры по инициативе венгерской стороны временно были прерваны. Делегации разъехались для консультаций со своими правительствами. Следующая встреча должна была состояться после ознакомления каждого из правительств с позицией партнера по переговорам³⁰.

В то же время каждая из сторон пыталась заручиться поддержкой Германии. В свою очередь Германия, так же, как и Италия, все же стала склоняться поддержать требования Венгрии и не доводить дело до военного конфликта. 18 августа

1940 г. министр иностранных дел Венгрии И. Чаки получил от венгерского посланника в Берлине шифротелеграмму о том, что Румынии под нажимом Германии не останется ничего другого, как пойти на уступки Венгрии. Поэтому Чаки рекомендовал главе венгерской делегации А. Хори вести в Турну-Северине переговоры об обмене населения лишь после того, как будет достигнуто соглашение о новой линии границы³¹. Дальнейшие переговоры, начавшиеся 19 августа, также ни к каким результатам не привели. 25 августа было опубликовано коммюнике, представленное венгерской и румынской делегациями средствами массовой информации, о ходе переговоров в Турну-Северине. В нем говорилось: «Ввиду того, что было невозможно найти общую базу для соглашения, переговоры по просьбе венгерской стороны считаются закрытыми»³².

Венгрия готовилась к выступлению: еще три армейских корпуса получили боевой приказ быть готовыми к выступлению. Однако допустить войну между своими союзниками старшие партнеры, Германия и Италия, не могли ни при каких обстоятельствах. Трансильванский узел надо было разрубить как можно скорее. Время дипломатии кончилось, наступило время диктата. Прикрытием ей должен был служить третейский суд — арбитраж, форма удобная и однажды уже успешно испробованная. Местом его проведения была избрана Вена. В роли арбитров выступали нацистский министр иностранных дел И. Риббентроп и его итальянский коллега Г. Чиано.

То, что происходило в Вене в эти два дня (29–30 августа), мало чем напоминало арбитраж в обычном понимании, ибо не было там никаких переговоров, а был голый, ничем не прикрытый, диктат. Самозванные арбитры Риббентроп и Чиано нагло и бесцеремонно вели себя со своим румынским коллегой, который толком-то и не представлял, зачем он собственно вызван. Известно было ему лишь то, что разговор пойдет о трансильванских делах. И больше ничего. Во дворце Бельведер министр иностранных дел Румынии М. Манойлеску был проинформирован, что ему предстоит подать ходатайство об арбитраже для решения спора вокруг Трансильвании. Едва он успел выполнить предписания хозяев, как на столе появилась карта, разделившая Трансильванию на «два куса линии, вонзившейся в самое сердце Карпат».

Согласно арбитражному решению, к Венгрии отошли северная и северо-восточная части Трансильвании общей площадью в 43 тыс. кв. км с населением более 2,5 млн. человек, из которых более 1 млн. были румыны. Почти полмиллиона венгров остались в южной Трансильвании, т. е. в Румынии, что подчеркивало практическую невозможность совмещения этнических границ с государствен-

ными в условиях чрезмерно высокой чересполосицы расселения.

В справке, составленной экспертами НКИДА СССР в 1943 г. («Румыно-венгерские противоречия»), справедливо подчеркнуто: «Достоверных данных о национальном составе этой части Трансильвании не имеется». И приводились следующие данные: население, проживавшее на отошедших к Венгрии территориях, составляло 2.394.657 чел., из которых 1.167.466 чел. (48,7%) были румыны и 1.005.946 чел. (42,0%) — венгры³³.

Под иноземной властью в разных частях Трансильвании оказались сотни тысяч румын и мадьяр, а проводившаяся обоими государствами дискриминация по национальному признаку приняла ввиду ожесточения отношений чудовищный размах и безобразные формы. Настолько, что началось повальное бегство румын из Венгрии, а мадьяр из Румынии. В этих условиях не могло быть и речи о каком бы то ни было восстановлении поправленных прав или исторической справедливости. По оценке экспертов НКИД, новая граница с легкой руки арбитров преднамеренно и с явным умыслом была проведена таким образом, что она заранее содержала в себе зародыш будущих трений и конфликтов: отделение городов от пригородов, разрыв железнодорожных и шоссейных дорог, раздел частных владений, очутившихся по обеим сторонам границы, и невозможность их обработки в силу установленного жесткого пограничного режима и т. д. Поразительно, что ущемленной и обиженной считала себя не только Румыния, лишившаяся солидного куска территории с жизненно важными для ее народного хозяйства источниками минерального сырья, но и Венгрия, получившая эти территории. К ней отошли главным образом, аграрные районы, а высокоразвитые индустриальные зоны южной Трансильвании и Баната Гитлер оставил в Румынии, дабы избежать ослабления венгерской зависимости от германской промышленности. В выигрыше оказалась прежде всего Германия.

Однако необходимо отметить, что в период подготовки и проведения Венского арбитража Германия отлично разыграла «русскую карту».

Летом 1940г. произошло новое резкое ухудшение советско-румынских отношений. Как никогда ранее — то есть даже накануне советского ультиматума относительно Бессарабии — участились пограничные инциденты между СССР и Румынией: обстрелы военных постов и мирных поселений, облет военными самолетами приграничных районов и т. д. Эти явно провокационные инциденты, по словам газеты «Правда» от 9 сентября, были «использованы для распространения ложных слухов о том якобы, что СССР готовит нападение на Румынию, что Румынии угрожает

военный разгром, а посему единственный де способ спасения для Румынии — отдать часть Трансильвании и получить гарантии»³⁴. В свою очередь Венгрия готовила план войны против Румынии в расчете на советско-румынский конфликт³⁵.

На этом фоне немцы продолжали настойчиво шантажировать румын угрозой нового советского нападения. «Довод, будто бы русские готовы вступить в Молдавию, — писал позже бывший румынский посол в Москве Гафенку, — сыграл через несколько дней в Вене важную роль...»³⁶.

В кругах дипломатического корпуса в Москве поговаривали даже, что «Советы, не колеблясь, согласились содействовать успеху арбитража, угрожая румынам опасностью русского вторжения, чтобы ослабить их сопротивление»³⁷. Эта версия ничем не подкрепляется, тем более что, как видно из документов, советская сторона не была осведомлена о предстоявшем арбитраже в Вене³⁸. Но объективно советское поведение оказалось далеко не последним аргументом, склонившим Бухарест к уступчивости. 29 августа, в день прибытия Манойлеску в Вену, в Москве румынский посол Гафенку в три часа пополудни попросил аудиенции у замнаркома иностранных дел В.Г. Деканозова, но получил категорический отказ. Однако вечером того же дня уже сам Деканозов пригласил посла в НКИД, причем буквально заставил его явиться уже в полночь, а когда тот прибыл, то вручил вербальную ноту угрожающего содержания по поводу пограничных нарушений, спровоцированных, по мнению НКИД, румынской стороной³⁹. Инцидентов было не счесть и в предшествующие недели и месяцы, но они не служили поводом столь энергичного демарша, как в этот тяжелый для румын день. Трудно сказать, что было причиной советского решения действовать именно таким образом, но в результате в ночь с 29 на 30 августа, когда коронный совет в Бухаресте решал трансильванский вопрос («за» проголосовало 19 членов коронного Совета, «против» — 10 и 1 воздержался), премьер Джигурту сообщил присутствующим со ссылкой на информацию из Берлина, что в случае отклонения арбитражного германо-итальянского ультиматума Румыния подвергнется нападению со стороны Венгрии и СССР⁴⁰. Получив положительный ответ румынского правительства, Риббентроп и Чиано заявили, что Германия и Италия начиная с 30 августа 1940 г. гарантируют неприкосновенность границ румынского государства, о чем было объявлено в совместно обнародованной 31 августа 1940 года декларации Гитлера и Муссолини. Как отмечал, описывая позже эту историю, Гафенку, гарантии означали, «что от линии Прута и Нижнего Дуная, где остановилась Россия, начиналась зона германского влияния, в которой никакое постороннее

влияние не может быть терпимо. Именно таким образом гарантия была истолкована в Москве»⁴¹.

Венское решение, принятое без участия и даже без всякого предварительного уведомления советской стороны, фактически за ее спиной, явилось неожиданностью для Кремля. Активную роль Гитлера в разрешении румыно-венгерского конфликта и сам «характер арбитражного решения в Вене» в Москве расценили как шаг к осуществлению германских «планов продвижения к Черному морю и к проливам», «к полному подчинению стран Дунайского бассейна германскому влиянию»⁴². «Германия, принимая решение передать Венгрии часть Трансильвании, клинообразно влезавшую в Румынию, почти до Брашова, исходила из своей цели последовательного экономического и политического подчинения Румынии и создания из Румынии и венгерской Трансильвании военного плацдарма против Советского Союза и для продвижения к Черному морю», — писал полпред СССР в Бухаресте Лаврентьев Молотову 17 сентября 1940 г. Он также подчеркивал, что «Румыния рассматривается Германией как важнейший плацдарм против Советского Союза и как важнейший стратегический пункт, приближающий Германию к Черному морю и проливам»⁴³. Еще больше встревожила советских руководителей поступившая к ним конфиденциальная информация о перевооружении румынской армии, а также о приглашении правительством И. Антонеску в страну германских войск и военных инструкторов для переобучения армии. После некоторых раздумий советские дипломаты в Бухаресте пришли к заключению, что причиной непонятных тогда шагов румын является не иначе как «обещание со стороны Италии и Германии, что после перевооружения румынской армии с помощью держав «Оси», Германия и Италия приложат все силы к тому, чтобы возвратить Румынии утраченные области»⁴⁴, т.е. Бессарабию и Северную Буковину.

Трансильвания и после Венского арбитража продолжала оставаться «яблоком раздора» в румыно-венгерских отношениях. Каждая из сторон надеялась в недалеком будущем решить территориальный спор в свою пользу. Гитлер, в свою очередь, делал многообещающие намеки правительствам как Румынии, так и Венгрии на возможность приращения территорий каждой из стран, в том числе за счет дальнейшей перекройки Трансильвании, требуя взамен верность «третьему рейху».

Венский арбитраж также показал, что произошли очевидные изменения в советско-германских отношениях. К осени 1940 г. можно было констатировать, что Германия откровенно стала игнорировать договоренности, подписанные с СССР в августе 1939 г. по пакту Молотова-Риббентропа. Хотя договор включал статью о вза-

имных консультациях между Германией и СССР по вопросам, затрагивающим интересы обеих стран, Венский арбитраж был проведен без ведома советских руководителей, за их спиной. Об этом в достаточно жесткой форме заявил 31 августа 1940 г. Молотов в беседе с Шуленбургом: «Германское правительство нарушило эту статью, не проконсультировавшись с Советским правительством в вопросе, который не может не затрагивать интересы СССР, т. к. дело идет о двух пограничных Советскому Союзу государствах. Между тем вопреки договору Германское правительство не консультировалось по этому вопросу с Советским правительством, а только поставило его в известность о свершившихся фактах, т. е. ограничилось последующей информацией»⁴⁵. Оправдываясь, Шуленбург ответил, что, «по его мнению, отсутствие консультации с СССР в данном вопросе может быть объяснено только большой поспешностью в его решении»⁴⁶. Посол лукавил. Безусловно, причина крылась не в спешке, с которой был проведен Венский арбитраж. Просто к этому времени Германия перестала считаться с советским руководством. Произошло существенное изменение баланса сил в Юго-Восточной Европе в ее пользу. Германия уверенно расширяла свой контроль над восточноевропейскими странами, в то время как попытки Советского Союза усилить свое влияние в регионе не приносили существенных результатов.

Введение в октябре 1940 г. германских войск в Румынию, гарантии, предоставленные ей Германией, создали барьер на пути продвижения СССР на Балканы. Гитлер, пристегнув к себе Румынию и Венгрию, получил в свое распоряжение важный плацдарм для нападения на Советский Союз.

Война, начатая Гитлером 22 июня 1940 г. против СССР, в которую добровольно втянулись оба его сателлита, снова поставила под вопрос судьбу Трансильвании, точнее обеих ее частей, как оставшейся в Румынии — южной, так и отошедшей к Венгрии — северной в равной мере.

Используя национально-территориальные противоречия между ними, Германия стремилась покрепче привязать к себе обе страны, поочередно обещая им решить трансильванский вопрос каждой в ее пользу. Уже летом 1941 г. румынское правительство неоднократно обращалось в Берлин и Рим с просьбой пересмотреть вопрос о территориальной принадлежности Северной Трансильвании, признать законные права Румынии на эту область и «реинтегрировать ее в состав Румынии». Оно готово было пойти на автономизацию края как первый шаг на пути возвращения Румынии Северной Трансильвании.

В ноябре 1941 г. во время визита в Берлин маршал Ион Антонеску и его заместитель М. Антонеску обратились лично к Гитлеру по данному

вопросу. Эта тема постоянно присутствовала и в беседах румынского руководства с германским послом в Бухаресте Манфредом фон Киллингерном и советником Г. фон Штельзером⁴⁷.

Отныне все зависело от исхода схватки двух коалиций. В случае победы антигитлеровской коалиции решающее значение для всех стран, расположенных в Средней Европе и на Балканах, приобретало отношение к ним СССР, а также и то, как далеко распространится его влияние. Уже в декабре 1941 г. в ходе переговоров британского министра иностранных дел Антони Идена с И. В. Сталиным последний дал понять, что считает сферой влияния СССР весь регион Восточной и Центральной Европы, подчеркнув одновременно решимость советского правительства восстановить границы, установленные на момент нападения Германии на Советский Союз.

Как свидетельствует протокольная запись беседы И. В. Сталина и В. М. Молотова с главой британской делегации Иденом 16 декабря 1941 г., советская сторона, выдвигая условия заключения военно-политического договора между СССР и Великобританией, в качестве одного из них предложила заключить в будущем военный союз с Румынией с правом СССР «иметь на ее территории военные воздушные и морские базы». В связи с этим Румынии было заявлено, что «объем самой Румынии должен быть увеличен на Западе за счет Венгрии, в рамках которой в настоящее время проживает 1,5 млн румын... Это также явилось бы дополнительным наказанием для Венгрии за ее роль в войне».

В проекте секретного приложения к советско-британскому договору советское руководство сочло необходимым записать отдельным 9-м пунктом следующее: «В отношении Румынии признается необходимым: а) в целях обеспечения безопасности СССР передать Советскому Союзу территорию, занимаемую устьем Дуная с его тремя рукавами; б) передать Румынии те районы Венгрии, *которые населены преимущественно румынами*⁴⁸ (курсив наш — Авт.) Таким образом, в основе советского проекта лежали три очень важных положения: во-первых, два разных вопроса, — вопрос относительно о присоединении к СССР румынских территорий в дельте Дуная ставилась в прямую связь и зависимость судьбой районов Трансильвании, контролировавшихся тогда Венгрией.

Советской стороной предлагалось передать Румынии те районы Северной Трансильвании, которые населены преимущественно румынами. Исходя из вышесказанного, можно предположить, что в начале Отечественной войны Сталин, допуская возможность исправления границ между Венгрией и Румынией, установленных Вторым

венским арбитражем, и передачи последней тех районов, где проживало преимущественно румынское население, обусловив это целым рядом условий: разрыв Румынии с гитлеровской Германией, заключение между СССР и Румынией военного договора, предоставление Советскому Союзу на территории Румынии военных и морских баз, а также другие компенсации в пользу СССР⁴⁹. Однако в данном случае необходимо отметить одно обстоятельство, которое препятствовало разделению Северной Трансильвании между странами по этническому принципу: районы Северной Трансильвании с преобладающим венгерским населением находились не в пограничье, а на значительном расстоянии от границ, установленных Трианонским мирным договором 1920 г., возвращения к которым добивалась Румыния. В ноте СССР от 7 июня 1943 г. содержалась весьма осторожная формулировка. «Советское правительство, — говорилось в ней, — не считает в полной мере обоснованным так называемое арбитражное решение, вынесенное 30 августа 1940 г, под диктовку Германии, отдавшее Венгрии Северную Трансильванию⁵⁰. По-иному повели себя официальные представители Великобритании. В Лондоне исходили из необходимости рассеять страх мадьяр перед новым Трианоном. «Им (т. е. венграм. — Т. П.) следовало разъяснить, — отмечалось в заявлениях Форин офис, направленных в Москву, — что союзники не собирались раздробить Венгрию и не хотят наказывать венгерский народ за глупости его правителей»⁵¹. В противоположность английскому, советское руководство считало, что за неспровоцированную агрессию и за участие в войне на стороне Гитлера, за те бесчинства, что творила оккупационная венгерская армия на советской территории, ответственность должно нести не только венгерское правительство, «но также и венгерский народ в той или иной степени». Однако по тактическим соображениям, исходя из интересов войны и необходимости поощрения оппозиции и движения сопротивления в Венгрии, Москва готова была смягчить свою позицию в трансильванском вопросе, о чем и свидетельствовала вышеприведенная нота.

Англо-саксонские союзники однако тогда уклонились от подписания предложенного Сталиным секретного протокола о разделе советской и британской сфер влияния в Европе. Но уже тогда и в этом вопросе очень скоро выявилось различие в позиции западных союзников.

Вашингтон вначале, однако, не последовал примеру своего британского союзника. Вообще, надо сказать, что США в этот период вели себя крайне сдержанно, не проявляя особой заинтересованности к делам, касавшимся Восточной Европы и Балкан. Не особенно стремились

они и форсировать сближение и сотрудничество с Москвой⁵². От такой комфортной позиции пассивного созерцания за европейской драмой из-за Атлантики Америке пришлось отказаться после объявления Германией войны США в декабре 1941 г.

Отмеченная выше американская пассивность, вызванная в определенной мере традиционным изоляционизмом, но также и нежеланием преждевременно ввязаться в схватку, отнюдь не означала отсутствия заинтересованности в исходе гигантской битвы за Европу, ни тем более в послевоенном устройстве континента. Свою ангажированность в судьбах народов Европы США со всей очевидностью продемонстрировали в провозглашенной президентом Рузвельтом и премьером Черчиллем знаменитой Атлантической хартии в августе 1941 года. В ней, в частности, была зафиксирована важная принципиальная позиция обеих англо-саксонских держав о непризнании ими территориальных изменений, «не находившихся в согласии со свободно выраженным желанием заинтересованных народов»⁵³. Это положение заранее ставило под сомнение легитимность обоих венских арбитражей и решений Второго Венского арбитража о разделе Трансильвании и передаче Венгрии ее северной части.

Однако взгляд на послевоенное развитие этих стран был совершенно различный у СССР и её союзников. В Англии и США также как и в СССР разрабатывались планы послевоенного устройства, в том числе и касающиеся восточноевропейского региона. Там был создан ряд комиссий и центров, которые занимались политическими и территориальными проблемами будущего стран Восточной Европы. В Вашингтоне действовал Центр, возглавляемый заместителем госсекретаря США С. Уэллесом. В Лондоне подобным Центром руководил известный английский историк Арнольд Тойнби. И та, и другая сторона склонялись к идее федеративного или конфедеративного устройства стран восточноевропейского региона⁵⁴. По рекомендации Центра британское правительство выступило с идеей создания Дунайской конфедерации суверенных государств от Эстонии до Австрии на Западе и Греции на юге. Разработанный комиссией Тойнби проект предусматривал включение в средневропейскую конфедерацию наряду с Австрией, Венгрией и Румынией также и Трансильванию в качестве самостоятельного члена⁵⁵.

В Вашингтоне после обсуждения Трансильванского вопроса Комиссией С. Уэллеса было предложено несколько вариантов его решения, в том числе: 1. К Румынии переходит вся Трансильвания с предоставлением широкой автономии Секейфёльду (Земля сакеев) и изменением границы между обеими странами в соответствии

с языковыми границами. 2. Образование самостоятельного государства Трансильвания, которое может стать членом восточноевропейской конфедерации, или же как румыно-венгерский кондоминиум находиться под протекторатом двух соседних стран⁵⁶.

Идею федерации или конфедерации восточноевропейских государств Советское правительство рассматривало как контрпродуктивную и выражало свое несогласие с американскими и английскими проектами. Он считало, что это будет возвращение к «санитарному кордону» 20-х годов. В противоположность этому оно выдвигало предложение о заключении пактов взаимопомощи⁵⁷, что нашло свое отражение в записке И. М. Майского от 11 января 1944 года, касающейся вопросов будущего мира и послевоенного устройства⁵⁸.

В записке И. М. Майского, исходившего из положений, выдвинутых Сталиным в беседе с Иденом в декабре 1941 г., вновь был поднят вопрос о заключении на длительный срок пакта о взаимопомощи с Румынией с предоставлением на ее территории необходимого количества баз — военных, воздушных и морских. В записке указывалось, что «необходимо, прежде всего, чтобы СССР вышел из нынешней войны с выгодными стратегическими границами. В основу этих границ должны быть положены границы СССР в 1941 г.». Это не исключало, по мнению Майского, частичной модификации границ (например, с Польшей, с Румынией, с Финляндией и т. п.) «в зависимости от нашей выгоды или от необходимости считаться с политикой США и Англии. Но основой все-таки должны быть границы 1941 года»⁵⁹. Майский считал необходимым пересмотр решений второго Венского арбитража 1940 г. по Трансильвании.

Хотя Майский, как и другие участники дискуссии, считал необходимым пересмотра решений по Трансильвании Второго Венского арбитража 1940 г., но конкретных предложений о включении этой территории в состав Румынии он не делал, оставляя, таким образом, поле для маневров в будущем. Не обошел Майский, естественно, и венгерский вопрос. Но в противоположность Румынии, в отношении Венгрии, он предлагал применить исключительно суровые, репрессивные меры. «СССР, — говорилось в записке Майского, — не заинтересован в создании сильной Венгрии. К тому же, Венгрии, как и Италии, необходимо дать понять, что союзники не забыли ее позиции в нынешней войне. Поэтому политика СССР в отношении Венгрии должна сводиться к тому, чтобы сохранить венгерское государство, но по возможности, сузить его территорию, строго следуя этнографическому принципу. В тех случаях, когда в применении данного

принципа возникают какие-либо сомнения, решать вопрос следует против Венгрии. Третьей решение о Трансильвании должно быть пересмотрено в соответствии с национальным признаком, но с известным уклоном в пользу Румынии, которая станет... важным фактором нашей обороны на Юго-Востоке Европы»⁶⁰.

Рекомендации, обозначенные в записке Майского, получили свое дальнейшее развитие и конкретизацию в работе комиссии Литвинова по подготовке мирных договоров и послевоенного устройства. Исходные позиции внешнеполитического ведомства СССР по трансильванскому вопросу были сформулированы в «Справке о Трансильвании», подписанной М. М. Литвиновым 5 июня 1944 г., где отмечалось, что «Объединенные нации свободны от каких бы то ни было обязательств в отношении Трансильвании, поскольку Трианонский договор и всякие другие формальные обязательства утратили свою силу, так как и Венгрия и Румыния являются вражескими государствами»⁶¹.

В справке отмечалось:

1. Свои притязания на Трансильванию убедительно обосновывают как Венгрия, так и Румыния;
2. Практически исключено решение, удовлетворительное для обеих сторон. Любое разрешение будет вызывать недовольство одного или другого из этих государств, а то и обоих государств;
3. Совершенно исключается раздел по этническому признаку из-за смешанности расселения, «причем везде мадьярское население по численности значительно уступает румынскому». «Мадьярские секлеры» (т.е. секеи), численностью около полумиллиона, занимают компактную территорию, но она расположена на востоке, вдали от венгерских границ. Ввиду этого «нельзя признать удовлетворительным нынешнее положение», созданное Венским арбитражем. Отсюда следует первый важный вывод:
 - а) «Политически представляется невозможным оставить в силе это решение», во-первых, потому, что оно было принято германо-итальянским блоком, а во-вторых, потому, что в таком случае «в выигрыше осталась бы одна Венгрия»;
 - б) решительно невозможно отдать всю Трансильванию, в том числе и южную, Венгрии и восстановить статус-кво, сложившийся до Первой мировой войны, поскольку она «никогда не проявляла ни малейшей склонности к какому бы то ни было сближению с Советским Союзом, а, наоборот, участвовала во всех антисоветских интригах Польши (!!)»

Этот несколько спорный тезис уравнивается стопроцентно справедливым замечанием, что Венгрия выступила против СССР «без малейшего повода»⁶².

Таким образом общий баланс факторов, определявших будущность Трансильвании, складывался явно не в пользу Венгрии.

Надо сказать, что Комиссией Литвинова с той же тщательностью, как и в венгерском случае, были всесторонне проанализированы румынские аспекты трансильванской проблемы, причем рассматривалась она прежде всего сквозь призму взаимоотношений этой страны с Советским Союзом. Несмотря на четкое сознание того, что Румыния является «вражеским государством, заслуживающим наказания, а не вознаграждения», Комиссия считала вполне возможным и допустимым передачу ей Северной Трансильвании «взамен прочной гарантии тесного и длительного сотрудничества с СССР и полного отказа от своих претензий на Бессарабию и Буковину»⁶³.

Подобное решение проблемы было более привлекательным в глазах советских политиков и тем, что оно ставило в зависимость от СССР обе враждующие страны. При таком повороте дела «Румыния нуждалась бы в защите СССР против Венгрии, которая никогда не примирится с окончательной потерей всей Трансильвании»⁶⁴. В венгеро-румынском споре за румынами было еще одно, чисто внутривнутриполитического свойства, преимущество: в противоположность Венгрии, в этой стране, по мнению московских аналитиков, имелись политические партии и группировки, на которых советская политика могла опираться; среди них называли национал-царанистскую партию Маниу, которая могла бы пойти на сотрудничество с СССР в случае присоединения к Румынии Северной Трансильвании. «Наконец, воссоединение Трансильвании с Румынией, по мнению авторов справки, соответствовало бы принципу самоопределения народов и полностью одобрялось бы значительной частью Объединенных наций»⁶⁵.

Комиссия Литвинова обуславливала передачу края Румынии не только признанием последней законности прав СССР на Бессарабию и Буковину, но и прочными гарантиями сотрудничества этой страны с СССР, ни в коем случае не полагаясь при этом на «благодарность» румын, которая, в политике «быстро испаряется». С другой стороны горечь от утраты территорий сохраняется надолго. «Поэтому авторы документа предлагали вариант «создания самостоятельного Трансильванского государства», считая его «даже более удачным». Аргументы за: это государство, с населением в 5 млн, и площадью свыше 100 тыс. кв. км, превосходило бы по этим статьям многие европейские страны, обладая к тому же значительным эконо-

мическим потенциалом. Но все это было не столь существенно⁶⁶. Главное же «за» состояло бы в том, что Трансильвания, оставаясь «яблоком раздора между двумя соседями, Венгрией и Румынией», не могла бы сохраниться «без покровительства какого-либо близкого к ней соседнего государства, каковым в данном случае являлся бы СССР, «как ближайшая великая держава»⁶⁷. Основной смысл идеи трансильванской самостоятельности состоял в том, что она должны была служить инструментом обеспечения контроля СССР над новым государством.

8 июня 1944 г. состоялось заседание комиссии Литвинова, специально посвященное вопросу о Трансильвании⁶⁸. Как видно из материалов, связанных с подготовкой мирных договоров с Румынией и Венгрией, комиссией рассматривались все возможные варианты решения трансильванской проблемы:

1. Оставить нынешнее положение, «пока мы не придумаем ничего лучшего. Но, как признался М. М. Литвинов, «как-то политически неудобно оставлять в силе Венский арбитраж».
2. Северная Трансильвания, отторгнутая от Румынии в результате решения Второго венского арбитража от 30 августа 1940 г., возвращается Румынии.
3. Северная Трансильвания остается в составе Венгрии.
4. Трансильвания выделяется в самостоятельное государство под патронажем СССР⁶⁹.

Мнения членов комиссии разделились. В ходе обсуждения два первых варианта отпали как практически нереальные или сомнительные. Выбирать пришлось между двумя предложениями: о передаче Румынии всей Трансильвании, или же создании самостоятельного трансильванского государства. Судя по записям экспертов, а среди них и был такой видный знаток истории Трансильвании как академик Е. В. Тарле, комиссия склонилась к возможности создания самостоятельного трансильванского государства, но под эгидой СССР⁷⁰. Впоследствии появился еще один вариант о передаче всей или большей части Трансильвании Румынии, т. е. венграм дали надежду, что какая-то часть Трансильвании может сохраниться за ними. Румыны активнее, чем венгры искали поддержки своих территориальных претензий у западных держав и эмигрантских правительств в Лондоне. Особенно усердствовали в этом отношении лидеры румынской оппозиции Ю. Маниу.

К сожалению, мы не располагаем первоисточниками, подтверждающими, либо опровергающими часто цитируемое в исторических работах заявление Бенеша «со ссылкой на якобы данное тов. Сталиным 4 декабря 1943 года согласие на передачу Трансильвании Румынии. Однако имеются

другие косвенные источники, которыми мы располагаем, в частности документы из французских архивов. А именно: после пребывания в декабре 1943 г. в Москве президент Чехословакии Э. Бенеш в январе следующего года посетил Алжир. Там он встретился с Шарлем де Голлем и рассказал ему о своей беседе со Сталиным. Запись этого разговора находится в архиве Министерства иностранных дел Франции в личном фонде Мориса Дежана, тогдашнего представителя Комитета Национального освобождения в Лондоне. Как следует из вышеназванного документа, по словам Э. Бенеша, затронувшего вопрос о венгеро-румынских отношениях, «он получил от Сталина заверения, что в случае, если будет стоять вопрос о разделе Трансильвании, Россия будет на стороне Румынии. Румыния, в свою очередь, отдаст ей Бессарабию в качестве компенсации за ту часть территории, которую она потеряла в результате Венского арбитража, последовавшего после Мюнхена. Из вышесказанного можно полагать, что в 1943 году Сталин допускал передачу Северной Трансильвании Румынии, а также раздел Трансильвании»⁷¹.

С приближением победоносного завершения Великой Отечественной войны вопрос о послевоенном мирном устройстве в Европе и подготовке проектов будущих мирных договоров с Германией и ее союзниками переходил в плоскость решения реальных задач. В начавшихся переговорах о выходе Румынии из войны и ее разрыве с гитлеровской Германией, которые велись в Стокгольме между СССР и представителями румынского правительства, и в Каире с румынской оппозицией, представленной ее эмиссаром князем Барбу Штирбеем, вопрос о Трансильвании выдвигался в качестве одной из приоритетных задач. В Стокгольме румынам намекнули на возможность пересмотра решений второго Венского арбитража в качестве вознаграждения за переход на сторону антигитлеровской коалиции⁷². По сообщению посла СССР в Египте Н. В. Новикова, «румыны придают первостепенное значение возвращению Трансильвании»⁷³. Доказательством тому является тот факт, что на этом вопросе Штирбей останавливался почти при каждой встрече с советским послом. В беседе, состоявшейся 29 марта, Штирбей сказал: «Вопрос о Трансильвании дорог сердцу румын и положительное его разрешение подняло бы дух румынской нации». В следующей беседе с послом он прямо спросил Новикова: «Готово ли Советское правительство дать заверения о возвращении этой области Румынии»⁷⁴.

27 марта 1944 г. Красная армия, форсировав реку Прут, вступила на территорию Румынии. 2 апреля советское правительство заявило: «Красная Армия в результате успешного продвижения

вперед вышла на реку Прут, являющуюся государственной границей СССР. Этим положено начало полного восстановления советской государственной границы, установленной между СССР и Румынией в 1940 г. договоренностями, вероломно нарушенными в 1941 г. румынским правительством в союзе с гитлеровской Германией»⁷⁵. Как видно из этого документа, советское правительство считало вопрос о Бессарабии и Северной Буковине для себя решенным и не подлежащим обсуждению с румынской стороной. Одновременно в заявлении подчеркивалось, что «вступление советских войск в Румынию диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника», и что оно «не преследует приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя...»⁷⁶.

12 апреля 1944 г. НКВД СССР передал представителю румынского правительства условия перемирия, которые предусматривали разрыв Румынии с Германией и участие совместно с союзными войсками в борьбе против нее; восстановление советско-румынской границы в соответствии с договором 1940 г., возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу военными действиями и оккупацией румынскими войсками советской территории, возвращение военнопленных и интернированных, обеспечение союзным войскам свободного передвижения по румынской территории в соответствии с военными потребностями, согласие советского правительства на аннулирование «Венского арбитража» о Трансильвании и оказание помощи в деле ее освобождения⁷⁷. В письме посла СССР в Египте Н.В. Новикова отмечалось, что 12 апреля 1944 г. Барбу Штирбей, ознакомившись с условиями перемирия, сказал: «...4 пункт советских условий о перемирии, касающийся Трансильвании, несомненно, будет для румын весьма ободряющим»⁷⁸. Иной была позиция Великобритании и США. По словам Н.В. Новикова, «англичане и американцы, как кажется, не были настроены давать Румынии обязательства по вопросу о Трансильвании». В своем донесении посол писал: «8 IV-44 г. лорд Мойн (английский представитель на переговорах в Каире), будучи ознакомлен Новиковым с новыми советскими условиями, выразил сомнение по поводу приемлемости 4-го пункта, заметив, что, пожалуй, сейчас преждевременно давать такие ясные и определенные обязательства румынам. К его мнению присоединился и присутствовавший при беседе Стил — представитель Форейн Офис. Мойн сказал, что он не в состоянии дать на это определенный ответ до консультации с правительством. Американский посол Мак-Вег также не решился дать тов. Новикову официальный ответ до получения инструкции от правительства»⁷⁹.

Тем не менее премьер-министр Великобритании У. Черчилль счел нужным без промедления лично обратиться к Молотову. В письме, датированном 10 апреля 1944 г., Черчилль выразил полное согласие с содержанием советского документа: «Я ознакомился с предлагаемыми Вами условиями перемирия в том виде, как они были показаны лорду Мойну г-ном Новиковым в Каире, мы считаем условия хорошими и разумными...» Глава британского кабинета сделал при этом два весьма существенных замечания. Одно из них — первое — касалось Трансильвании⁸⁰. Речь шла о 4-м пункте советского документа, который звучал следующим образом:

«Советское правительство считает решение Венского арбитража неправильным и согласно на совместные действия с Румынией против венгров и немцев в целях возвращения всей Трансильвании или большей ее части Румынии (курсив и разрядка мои — Т. П.)»⁸¹.

У. Черчилль предложил дополнить пункт, в котором говорилось о Трансильвании, словами «что подлежит утверждению при мирном урегулировании». Пришлось согласиться с этой поправкой, и 11 апреля из Москвы поступила инструкция Новикову внести в документ формулировку английского премьера⁸².

Кроме того, окончательное решение территориального вопроса У. Черчилль ставил в зависимость от общего урегулирования. «Когда мы слошим мощь нацистов, — заверял он советского наркома, — нам лучше всего будет иметь пред собой полную географическую карту для того, чтобы решать вопрос об окончательном устройстве Европы». Второе замечание касалось контрольного механизма по реализации условий капитуляции и англо-американского участия в нем. Черчилль дал ясно понять, что не собирается предоставлять СССР полную неограниченную свободу в решении румынского вопроса⁸³.

Таким образом, в ходе каирских переговоров с румынами вопрос о Трансильвании благодаря настойчивости румынского представителя князя А. Штирбея стал одним из центральных.

Однако вялотекущие переговоры по вопросам о перемирии с Румынией затянулись на несколько месяцев, до августа 1944 г., когда подготовка к наступлению Красной армии на южном участке советско-германского фронта в районе Кишинев — Яссы была в полном разгаре. К этому времени они вовсе лишились всякой динамики. Советская сторона потеряла к ним интерес из-за нежелания румын согласиться сделать конкретные шаги⁸⁴.

Молниеносный Яско-Кишиневский прорыв Красной армии вывелиз войны германского союзника — Румынию. Проявив дальновидность,

Румыния сразу же примкнула к Объединенным нациям, и смогла внести свой военный вклад в победу союзников в Европе. 27 августа Москва подтвердила согласованные еще в апреле 1944 г. условия перемирия. (Тогда они обозначались термином «условия капитуляции».) Спустя два дня, 29 августа, в советскую столицу прибыла румынская официальная делегация. Делегацию возглавил видный деятель Коммунистической партии Лукрециу Пэтрэшкану, что, надо признать, было неплохим тактическим ходом со стороны нового руководства Румынии. Полномочные представители трех союзных держав тщательно обсуждали каждый из пунктов проекта Соглашения о перемирии. 4 сентября на одном из заседаний союзников обсуждались «Замечания Правительства Его Величества к проекту Советского правительства относительно перемирия для Румынии». Содержание статьи проекта Соглашения англичане предложили выделить и оформить в виде отдельной декларации. Смысл предложения сводился к тому, чтобы отложить решение территориального вопроса до мирной конференции, ибо англичане полагали, что декларация является менее обязывающим документом, чем соглашение. Однако советской делегации и в этом важном вопросе удалось отстоять свою позицию, и проект в вопросе о Трансильвании был принят без изменений. В ночь с 12 на 13 сентября 1944 г. в Москве состоялась церемония подписания Соглашения о перемирии с Румынией, 19 статья которого гласила: «Союзные правительства считают решение Венского Арбитража не существующим и согласны на то, чтобы Трансильвания (*вся или большая часть*) была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании. Советское правительство согласно с тем, чтобы румынские войска в этих целях принимали участие в совместных действиях против Германии и Венгрии»⁸⁵.

В последующий отрезок времени, от заключения Соглашений о перемирии с Румынией и Венгрией вплоть до мирной конференции в Париже летом 1946 г., сакраментальная оговорка в скобках («*вся или большая часть*» Трансильвании) оказалась в эпицентре дипломатической борьбы, завязавшейся вокруг подготовки мирных договоров с побежденными бывшими гитлеровскими сателлитами — Румынией и Венгрией, в которую включились и великие державы-победительницы.

Формулировка без единого изменения была включена в текст Соглашения о перемирии с Венгрией, как часть 2-й статьи, но которой правительству Венгрии предписывалось вывести свои войска, жандармерию и гражданскую администрацию со всех территорий, приобретенных ею после 31 декабря 1937 г. Официальной церемонии

подписания, состоявшегося в Москве 20 января 1945 г., предшествовало двухдневное «совещание, посвященное обсуждению условий перемирия с Венгрией», как квалифицировал эту необычную встречу делегаций трех союзных государств и побежденной Венгрии, открывая заседание председательствующий советский нарком Молотов⁸⁶. При обсуждении текста документа, ни споров и дискуссий не было никаких. В течение двухдневных заседаний зачитывался текст довольно объемного проекта Соглашения на двух языках — русском и венгерском⁸⁷. Даже глава делегации США посол Гарриман (в ее состав входил также американский дипломат и будущий историк Джордж Кеннан, тогда советник посольства) не задал ни одного вопроса. Не последовало ни одного замечания или вопроса также со стороны британской делегации, хотя она, как известно из предыдущего изложения, имела свои, особые соображения, отличные от советского подхода, по вопросу о корректировке границы в пользу Венгрии с учетом этнического фактора⁸⁸.

Тем не менее присоединение Северной Трансильвании к Румынии осенью 1944 г. проходило совсем не так гладко, как предполагали те, кто подписал Соглашение о перемирии. Дело дошло до межэтнических столкновений и даже стычек на этой территории.

Территория Северной Трансильвании была освобождена в ходе военных операций Красной армией в сентябре–октябре 1944 г. В военных действиях по освобождению Северной Трансильвании участвовали 4-я и 1-я румынские армии, находившиеся в оперативном подчинении 2-го Украинского фронта. Однако переход к мирной жизни был неожиданно прерван насильственными действиями хлынувших в освобожденные районы из Румынии чиновников и военизированных формирований. Первые тревожные сигналы о беспорядках в трансильванских городах и населенных пунктах, оказавшихся во власти румын, стали поступать еще в октябре 1944 г. К началу ноября беспорядки, вызванные стычками новых хозяев страны с венгерским населением, приняли угрожающий размах.

Опьяненные успехом в борьбе с традиционным врагом Венгрией националисты, потеряв чувство реальности, принялись жестоко мстить поверженному противнику в лице... мирного мадьярского населения.

Приход в край румынских чиновников, жандармов, полувоенных формирований, ознаменовался кровавыми столкновениями между румынами и мадьярами. Особенно отличились жестокостью отряды так называемой «Гвардии Маниу»⁸⁹. Созданные в начале октября 1944 г. в качестве вспомогательных частей румынской

армии, полувоенные добровольческие отряды получили такое название, поскольку имя Маниу было своеобразным символом принадлежности Трансильвании Румынии. Уроженец края Юлиу Маниу еще во времена Франца Иосифа Габсбурга был одним из лидеров ирредентистского (сепаратистского) движения трансильванских румын за присоединение области к Румынии, а в октябре 1918 г. возглавил Национальный совет трансильванских румын. Когда преступные деяния гвардейцев, гордо носивших его имя, получили широкую огласку, сам вождь оппозиции и лидер крупнейшей Национальной крестьянской партии (НЦП), разумеется, всячески отмежевался от этих вооруженных румынских националистов. В письмах к высокопоставленным советским лицам он клялся, что не только не имел никакого отношения к «Гвардии Маниу», но не давал своего согласия на это название⁹⁰.

В октябре 1944 г. в ходе переговоров о предварительных условиях Соглашения о перемирии с Венгрией венгерская делегация, которую возглавлял генерал Г. Фараго, передала советскому генерал-лейтенанту Ф. Ф. Кузнецову две вербальные ноты от 14 и 23 октября, адресованные трем союзным державам, содержавшие просьбу «принять необходимые меры к тому, чтобы венгерское население на эвакуированных территориях было спасено от зверств, совершаемых румынами, в особенности членами румынской организации под названием «Волонтеры д-ра Юлиу Маниу»⁹¹.

В официальной румынской версии в свою очередь говорилось о нападениях «венгерских националистов», нередко с применением огнестрельного оружия, на гражданских лиц и чиновников-румын. Между тем в октябрьские дни 1944 г. демократическая печать Румынии была полна сообщениями о жестокостях и насилиях, совершавшихся в «освобожденной» Северной Трансильвании фашистскими и полуфашистскими элементами из отрядов «гвардейцев Маниу». Не исключено, конечно, что левая бухарестская пресса, желая дискредитировать вождя оппозиции, пристрастно расписывала лишь эксцессы со стороны «гвардейцев Маниу» и была весьма тенденциозна. На это, в частности, указывает Ульрих Бургер, специалист по румынской истории из ФРГ⁹². И все же достаточно убедительным представляется содержащееся в заявлении А. Я. Вышинского от 12 ноября 1944 г. утверждение: «В Трансильвании появился какой-то отряд, который чинит самоуправные преступные действия, который именует себя отрядом имени Маниу»⁹³.

Более чем вероятно, что ни одни только мадьяры подвергались нападениям в ходе столкновений, спровоцированных славными гвардейцами⁹⁴. Известно, что в период хортистского владычества

в Северной Трансильвании (1940–1944 гг.) десятки румын стали жертвами венгерской оккупационной армии и венгерской жандармерии. Однако за преступления хортистских властей расплачивалось мирное венгерское население. Даже упомянутый выше современный немецкий историк У. Бургер, оглядываясь назад и основываясь на действительных фактах событий октября-ноября 1944 г., указывает, что в Румынии «ненависть к венгерскому меньшинству была широко распространена»⁹⁵. Нетрудно догадаться, что последнее отвечало взаимностью.

Руководство компартии Румынии летом 1945 г., уже после того, как обстановка нормализовалась и страсти более или менее улеглись, констатировало, что в эксцессах повинны представители обеих национальностей, заняв благодаря этому соломонову решению достаточно удобную и безопасную для себя позицию, поскольку она предупреждала возможные обвинения со стороны ВКД(б) в недостаточной верности принципам пролетарского интернационализма⁹⁶. Уже 4 октября 1944 г. на заседании правительства в Бухаресте министр внутренних дел Румынии Н. Пенеску докладывал о насильственных акциях полувоенных отрядов «Гвардии Маниу» в отношении мирного венгерского населения, в результате чего резко обострились межнациональные отношения. Опираясь на статью Соглашения о перемирии, устанавливающую, что в тылу Красной армией в радиусе 50–100 км от линии фронта действует советская военная администрация, 16 октября 1944 г. советское командование отдало распоряжение румынским властям оставить город Клуж, освобожденный 12 октября 1944 г., что и было сделано.

12 ноября маршал Родион Малиновский от имени Союзной Контрольной Комиссии дал указание правительству Санатеску немедленно очистить территорию от румынской администрации, которая пришла сюда в октябре 1944 г. вслед за советскими войсками. Маршал заявил, что не намерен терпеть беспорядки в непосредственном тылу своих наступающих армий. В момент издания распоряжения Р. Я. Малиновского Северная Трансильвания находилась буквально на пороге гражданской войны, которая неминуемо обернулась бы национальной катастрофой для мадьяр.

Стоит отметить, что еще до обнародования приказа Малиновского от 12 ноября 1944 г. советские офицеры на местах решительно пресекали не только бесчинства пресловутых гвардейцев, но и самоуправство органов власти румынского государства. В ноябре после выдворения румынской администрации советскими военными органами были назначены новые главы местной администрации (префекты), среди которых было также немало мадьяр.

Существует мнение в румынской литературе, отчасти также в западной, что население Северной Трансильвании, в котором преобладал мадьярский элемент, пользовалось большей политической свободой, чем население других областей той же Румынии⁹⁷. Можно сказать, что в данном случае советское руководство проявило способность реагировать на национальную специфику в освобожденной провинции страны.

Разумеется наведение порядка в прифронтовой полосе, каковой осенью 1944 г. была вся территория Трансильвании, являлось безусловной военной необходимостью, так же как и недопущение эксцессов на национальной почве. Однако у советского руководства была иная цель, перспективная и не столь бескорыстная, достижение которой позволяло Советскому Союзу утвердить свое влияние в Румынии. И, скорее всего, Трансильвания для Москвы была средством, а не целью. Поэтому в речах и заявлениях полномочного представителя Москвы А. Я. Вышинского, прибывшего в Бухарест в этот сложный период, упор делался не на упущения румынских властей в освобожденной Трансильвании, а на неспособность правительства Румынии реализовать условия перемирия⁹⁸, попросту говоря, управлять страной. Поэтому правительство, неизменно именуемое коммунистической печатью «реакционным», следовало заменить, причем немедленно, демократическим, левым и... руководимым коммунистами. Свержение действующего правительства, замена его прокоммунистическим и было главной целью очередного визита советского замнаркома А. Я. Вышинского в Бухарест в конце февраля — начале марта 1945 г. Этой цели служил также подрыв позиций сильнейшей буржуазной партии Румынии — национал-царанистской во главе с Маниу, сначала в Трансильвании, а затем и в центральных областях. С введением советской военной администрации в крае произошло массовое увольнение прежних руководителей местных учреждений и замена их новыми из коммунистов или сочувствующих им. Эту работу успешно проводило Политуправление 2-го Украинского фронта. После изгнания всей администрации, установленной румынским правительством на территории Северной Трансильвании, где, как известно, «бандами легионеров «Юлия Маниу» вместе с жандармами» проводились грабежи и издевательства над венгерским населением, Политуправление фронта в донесении от 4 декабря 1944 г. Главному политуправлению Красной армии сообщало: «Нам удалось укомплектовать примарии, префектуры и полицию, поставив во главе их честные демократические элементы (например, в целом ряде сёл)»⁹⁹.

Действия советских властей в ходе ноябрьского кризиса в Трансильвании ряд зарубежных исследователей трактуют исключительно с точки зрения реализации далеко идущих планов Кремля. Сталин и Молотов, пишет немецкий исследователь У. Бургер, поняли, стратегическое значение спорной территории, решив использовать ее для того, чтобы добиться смены правительства в Румынии и ее разрыва с западными державами¹⁰⁰.

В таком же ключе интерпретируется румынскими историками эпизод с изгнанием из Северной Трансильвании румынских чиновников и введением советской военной администрации в ноябре 1944 г. По их мнению, в руках советского руководства край служил своеобразным «залогом», с помощью которого Москва добивалась послушания румынских и венгерских коммунистов¹⁰¹. Указанный тезис, выделяющий лишь один, пусть действительно важнейший, аспект советской политики в трансильванском вопросе, все же, на наш взгляд, несколько упрощает картину. Об этом можно судить, в частности, и по документам, недавно опубликованным в Бухаресте¹⁰². Советская политика в Трансильвании отнюдь не исчерпывалась только лишь стремлением Москвы использовать ситуацию в своих целях. Каковы бы ни были мотивы, которыми правительство СССР руководствовалось в то время, оно своими решительными действиями положило конец бесчинствам в Трансильвании.

Позиция московского дипломатического ведомства по трансильванскому территориальному вопросу была сформулирована 12 ноября 1944 г. в беседе А. Я. Вышинского с премьер-министром Румынии К. Сэнэтеску: «Статья 19 Соглашения (о перемирии с Румынией: — *Т. П.*) не вызывает никакого сомнения. Здесь говорится, во-первых, что решение Венского Арбитража считается несуществующим и что союзные правительства согласны с тем, чтобы Трансильвания, вся или большая ее часть, была возвращена Румынии, что подлежит утверждению при мирном урегулировании. Однако порядок, время, сроки возвращения Трансильвании должны быть установлены особо, и сама передача власти должна проходить организованным порядком, а не односторонне и произвольно»¹⁰³.

28 ноября 1944 г. генерал-полковник В. П. Виноградов в письме к председателю Совета министров Румынии К. Сэнэтеску указывал, что «время и способ установления румынской администрации на территории Северной Трансильвании должен быть решен посредством переговоров между правительствами Советского Союза и Румынии»¹⁰⁴.

Между тем Москва несколько не спешила с переговорами по этому поводу, тем более с передачей румынам Северной Трансильвании. Моти-

вы очевидны. «Вопрос о передаче Румынии Северной Трансильвании должен являться *важнейшим рычагом воздействия на румынское правительство* (курсив мой. — Т. П.) не только в области выполнения экономических обязательств по Соглашению о перемирии, но и *области проведения им внутренней и внешней политики* (курсив мой. — Т. П.)», — отмечалось в письме наркома иностранных дел РСФСР А. И. Лаврентьева от 26 декабря 1944 г. А. Я. Вышинскому¹⁰⁵.

Передаче края Румынии решительно воспротивилось также высшее военное руководство СССР. В другом письме к Вышинскому от 31 декабря вышеупомянутый Лаврентьев сообщал: исходя из чисто военных соображений Генеральный штаб Красной армии пришел к заключению, что «передача в настоящее время Северной Трансильвании для нас невыгодна (подчеркнуто мной. — Т. П.)¹⁰⁶. Одной из главных причин, побудивших генштаб занять подобную позицию, было стремление иметь в своих руках эффективный рычаг давления на союзную румынскую армию. «Совместно с Красной Армией сражаются две Румынские армии, которые по заявлению тов. Штеменко, воюют плохо и *стимулом для них сейчас является предстоящая передача Северной Трансильвании* (курсив мой. — Т. П.). Если этого стимула не будет, то румынская армия будет ... сражаться еще менее эффективно», — говорится в письме А. И. Лаврентьева Вышинскому¹⁰⁷. Лаврентьев счел необходимым также обратить внимание А. Я. Вышинского на то, что «в записке о Трансильвании, составленной комиссией тов. Литвинова в июле м-це с. г. (речь идет, вероятно, о справке от 5 июля 1944 г., о которой мы упоминали выше. — Т. П.), не было дано ответа на вопрос о том, *какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области* (курсив мой. — Т. П.)»¹⁰⁸. Этот важнейший для мадьярского меньшинства в Румынии и для венгерской нации в целом вопрос, к сожалению, не получил в дальнейшем развития. Существенно, что он поднимался в конкретной обстановке, когда судьба Северной Трансильвании стала предметом политических решений. В связи с этим стоит обратить внимание на неясность, неопределенность, и даже двусмысленность самой формулировки той части статьи 19 Соглашения о перемирии, которая была заключена в скобки (напомним, в скобках говорилось: «Трансильвания, вся или большая ее часть» должна принадлежать Румынии).

Косвенное подтверждение этой гипотезы содержится в одном из пунктов приведенного выше письма, в котором его автор, Лаврентьев, обращает внимание Вышинского на возможность произвольного по существу толкования 19 статьи. Для ясности этого далеко не ясного вопроса при-

ведем пункт рекомендаций советского дипломата полностью: «2. Статью 19-ю Соглашения о перемирии, в которой признается несуществующим Венский Арбитраж, с точки зрения юридической *можно толковать так*, что вся Северная Трансильвания до мирного урегулирования должна быть передана Румынии, *не считаясь с этническим характером этой области*, поскольку этой статьей не признается отторжение Северной Трансильвании от Румынии. Понятно, что *часть уездов Сев. Трансильвании при первой передаче могла бы пока не возвращаться* (курсив мой. — Т. П.), если в этих уездах имелась особая заинтересованность Красной Армии по мотивам военного порядка»¹⁰⁹. Обращают на себя внимание три момента: во-первых, возможность *различной интерпретации Соглашения о перемирии с Румынией, т. е. международно признанного документа*, во-вторых, прямая рекомендация при решении пограничных проблем *полностью игнорировать этнический принцип*, и не передавать Румынии до заключения мира некоторые уезды «по мотивам военного характера». В-третьих, советская сторона могла бы сослаться, в случае необходимости, на этнический принцип, тот самый, который в том же документе отвергался вообще.

Как следует из письма Лаврентьева, накануне Вышинский дал ему указание о подготовке проекта решения Государственного комитета обороны по передаче Румынии Северной Трансильвании. На основании указания высшего советского руководства Генеральный штаб Красной армии разработал проект предложений по этому вопросу¹¹⁰. Можно полагать, что все эти мероприятия были связаны с предстоявшим тогда визитом в Москву румынской делегации во главе с коммунистом Г. Георгиу-Дежем. 4 января на своей даче И. В. Сталин принимал Г. Георгиу-Дежа, Анну Паукер и Г. Апостола. К сожалению, мы не располагаем некоторыми принципиально важными документами, в частности записью беседы И. В. Сталина с румынской делегацией, упоминание о которой есть в дневнике Георгия Димитрова. Сталин, как явствует из записи Г. Димитрова от 4 января 1945 г., «дал совет румынской делегации, чтобы она убеждала политические силы Румынии в том, что, если будет создано правительство Национально-демократического фронта, то СССР поможет, чтобы Трансильвания была румынской»¹¹¹. Таким образом, восстановление румынской власти в Трансильвании стало центральной проблемой всей внутривнутриполитической жизни страны и ее внешнеполитической деятельности; от того, кому, какой партии, каким политическим силам удастся добиться благоприятного исхода борьбы, в значительной мере зависело решение вопроса о том, каким будет режим в послевоенной Румынии, кто

будет находиться у власти в этой стране. Трансильванский вопрос оказался в фокусе острейшего в послевоенной румынской истории политического кризиса. Введение военной администрации в Северной Трансильвании в ноябре 1944 г. «позволило СССР использовать вопрос о принадлежности Трансильвании в качестве инструмента для оказания воздействия на политическую борьбу в Румынии».

Любопытно, что советская сторона до самого последнего момента затягивала решение проблемы. Москва не торопилась отменять советский военный режим в Трансильвании. Установление сроков «введения румынской администрации в Северной Трансильвании», как писали высокопоставленные советские дипломаты, «органически связан со всеми другими вопросами, касающимися выполнения соглашения о перемирии»¹¹².

Этим можно объяснить отсутствие полной ясности в вопросе о том, какую именно часть Северной Трансильвании следовало бы отдать Румынии, несмотря на сакраментальную 19 статью. «В настоящее время нет материалов, которые могли бы дать определенный ответ, какая именно часть Северной Трансильвании должна быть возвращена Румынии, учитывая этническую сторону этой области (курсив мой. — Т.П.)». Так оценивалась ситуация А.И. Лаврентьевым в его письме Вышинскому от 31 декабря 1944 г.¹¹³. Сомнения в интерпретации 19 статьи полностью в пользу Румынии возникли не только в связи с событиями в Трансильвании, но и с тем, что в Венгрии к власти пришло угодное Кремлю, сформированное фактически в Москве Временное национальное правительство. Данное обстоятельство меняло по-видимому и подходы правительства СССР к решению трансильванской проблемы, что почувствовали и в Бухаресте, и румыны выразились по этому поводу более определенно, чем высокопоставленные московские дипломаты. Напомню, российский нарком Лаврентьев рекомендовал комиссии Литвинова «специально заняться» трансильванским вопросом. Клужский обком сделал выводы вполне конкретные. «...После ухода румынских властей, естественно, что после создания демократического правительства в Венгрии, Северная Трансильвания должна быть под руководством этого правительства (курсив мой. — Т.П.)», — писал Н. Гольдбергер в докладе ЦК РКП, копия которого была направлена в Политотдел СКК в Румынии, а оттуда Вышинскому и В. Зорину¹¹⁴.

Но как только стараниями А. Вышинского к власти в Бухаресте пришло угодное Москве правительство, надобность в дальнейшем сохранении советской администрации тотчас же отпала. 5 марта ночью, через день после того как король

отказался утвердить список министров, представленных П. Грозой, последний сообщил королю об обещаниях СССР в случае утверждения его кабинета: возвращение Северной Трансильвании, восстановление румынского контроля над транспортной системой, «мягкое» применение условий перемирия. Обещания эти были подкреплены угрозой Вышинского, что в противном случае он едва ли может отвечать за то, что сохранится «Румыния» как независимое государство¹¹⁵.

6 марта 1945 г. под прямым нажимом Вышинского, находившегося в кульминационный момент политического кризиса в румынской столице, король, уступив давлению Москвы, вынужден был утвердить правительство во главе с Петру Гроза, лидером Фронта земледельцев. Уроженец Трансильвании, выпускник Будапештского университета, Гроза поддерживал тесные связи с демократическими кругами Венгрии и Трансильвании; последние, в свою очередь, выступали в его поддержку. Приход к власти П. Гроза, убежденного в том, что Трансильвания должна быть между двумя народами «не стеной», их разделяющей, «а мостом», призванным объединить румын и мадьяр, коренным образом изменил ситуацию. 8 марта новый премьер направил И.В. Сталину телеграмму, в которой сообщил об обязательстве правительства Румынии «позаботиться о защите прав национальностей Трансильвании»¹¹⁶. Одновременно выражалась просьба восстановить власть румынского государства на этой территории. Ответ Москвы последовал мгновенно; в телеграмме Сталина, в частности, говорилось: «Принимая во внимание, что вступившее ныне в управление страной Румынское правительство берет на себя ответственность за должный порядок и спокойствие на территории Трансильвании и обеспечение прав национальностей, а также условий правильного функционирования всех местных учреждений, обслуживающих нужды фронта, Советское правительство постановило ходатайство Румынского правительства удовлетворить»¹¹⁷. 9 марта 1945 г. И.В. Сталин дал указание командующему 2-м Украинским фронтом Р.Я. Малиновскому о допуске в Трансильванию администрации нового румынского правительства.

13 марта 1945 г. в г. Клуже, главном административном и политическом центре региона, состоялось празднование установления румынской политической администрации в Северной Трансильвании, на котором присутствовали новый премьер-министр правительства П. Гроза, король Румынии Михай, советские представители А.Я. Вышинский и представитель СКК в Румынии генерал-полковник И.З. Сусайков. Английские и американские представители отказались

от поездки в г. Клуж, сославшись на то, что ими не были получены санкции от своих правительств, что было расценено руководством исторических партий как демонстрация отрицательного отношения англо-американцев к правительству П. Гроза, и действиям советских представителей в Румынии, хотя руководители трансильванских царанистов и либералов, испросив разрешения у П. Грозы на допуск их делегаций на торжества в Клуже, приняли в нем участие¹¹⁸.

Левый в тогдашних условиях кабинет Грозы–Тэтэреску, пришедший к власти под энергичным нажимом Москвы и вопреки воле короля, теснимый на политической арене так называемыми историческими партиями, в самом деле нуждался в поддержке извне, и прежде всего в трансильванском вопросе. Как уже указывалось выше, само образование этого правительства стало в известной мере возможным благодаря тому, что управление Северной Трансильванией было передано Советским Союзом Румынии. Хотя бухарестские правители публично восторгались «великодушным

актом» советского правительства, на самом деле вопрос далеко еще не был решен. Об этом, кстати, напомнило заявление на пресс-конференции 12 марта 1945 г. государственного секретаря США Стеттиниуса о том, что восстановление румынской администрации в Северной Трансильвании не меняет ее международного статуса. Не оспаривали этого и советские дипломаты, признававшие, что введение румынской администрации не является обязательным условием подтверждения этого в мирном договоре¹¹⁹.

Можно с уверенностью сказать, что смена кабинета в Бухаресте весной 1945 г., результатом которой было установление в Румынии просоветского режима, сыграла не последнюю роль в окончательном решении трансильванского вопроса в пользу румын, так же как и неблагоприятный с точки зрения Москвы расклад политических сил в Венгрии после выборов, прошедших в ноябре 1945 г., на которых венгерские коммунисты потерпели поражение, а победу одержала оппозиция во главе с Партией мелких сельских хозяев¹²⁰.

¹ Архив внешней политики Российской Федерации (далее: АВП РФ). Ф. 0512. Оп. 4. П. 24. Д. 205. Л. 1а.

² Трансильванский вопрос. Венгеро-румынский территориальный спор и СССР. 1940–1946. Документы российских архивов. М., РОССПЭН, 2000. Док. № 52. С. 210.

³ Левит И. Э. Бессарабский вопрос в контексте международных отношений. Тирасполь, 2012. С. 71.

⁴ См: Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос. 1940–1946. М., «Индрик», 2008. С. 67.

⁵ Там же. С. 69.

⁶ Трансильванский вопрос... Док № 50. С. 199.

⁷ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав... С. 67, 70.

⁸ Iordan C. Minorități etnice în Sudesten Europei după primul război mondial. București, 2002. P. 55; История Румынии. Национальная история. Координаторы Иоанн-Аурел Поп и Иоанн Болован. М.: «Весь мир», 2005. С. 553.

⁹ АВПРФ. Ф. 77. Оп. 19. П. 108. Д. 3. Л. 7.

¹⁰ Hoijer O. Le Pacte de la Société des Nations. Paris, 1926. P. 330.

¹¹ Восточная Европа в силовом поле Великих держав... С. 81.

¹² Трансильванский вопрос... Док. № 3, 4. С. 19, 23.

¹³ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 19.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Документы внешней политики (Далее — ДВП). Т. XXII. Кн. 1. Док. 217. С. 364.

¹⁶ Там же. С. 365.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. С. 365–366.

¹⁹ Там же. С. 366.

²⁰ Там же. С. 365.

²¹ Там же. Док. 224. С. 373.

²² Там же. Док. 225. С. 374.

²³ Там же. С. 374–375.

²⁴ Трансильванский вопрос... Док. № 7. С. 33.

²⁵ Исламов Т. М., Покивайлова Т. А. Венгеро-румынский конфликт и советская дипломатия. 1940 — июнь 1941 года // Война и политика. 1939–1941. М.: «Наука», 1999. С. 461.

²⁶ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 25–26.

²⁷ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 326. С. 519.

²⁸ Там же. С. 518

²⁹ Manoilescu M. Dictatul dela Viena. Memorii iulie–august 1940. București, 1991. P. 159

- ³⁰ Пушкаш А.И. Венгрия и ее балканские соседи (август 1940 — апрель 1941 г.) // Международные отношения и страны Центральной и Юго-Восточной Европы в период фашистской агрессии на Балканах и подготовки нападения на СССР (сентябрь 1940 — июнь 1941) / Отв. ред. Л.Я. Гибианский, С.З. Случ. М., 1992. С. 73.
- ³¹ Там же. С. 74.
- ³² АВП РФ. Ф. 0125. Оп. 22. Д. 35. П. 20. Л. 155.
- ³³ АВП РФ. Ф. 125. Оп. 25. П. 23. Д. 2. Л. 12.
- ³⁴ Правда. 9.IX. 1940.
- ³⁵ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 20. П. 109. Д. 13. Л. 74.
- ³⁶ Gafenco G. Préliminaire de la guerre á l'Est. De l'accord de Moscou 21 aout 1939 aux Hostilités en Russie (22 Juin 1941). Paris, 1944. P. 77.
- ³⁷ Ibid. P. 78–79.
- ³⁸ См.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 540–547; Док. 307. С. 583–584; Док. 394. С. 615–616, 618, 620; Кн. 2. (Ч. 1). Док. 511. С. 65, 69, 70; Док. 512. С. 70, 77; Док. 025. С. 204, 265; Док. 055. С. 364.
- ³⁹ Gafenco G. Op. cit. P. 78.
- ⁴⁰ Manoilescu M. Op. cit. P. 228–229; АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 22. П. 20. Д. 35. Л. 5, 129; Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 31.
- ⁴¹ Gafenco G. Op. cit. P. 78.
- ⁴² Так писал по свежим следам событий «заведующий Ближневосточным отделом МИД СССР Н.В. Новиков 2 сентября 1940 г. в донесении на имя заместителя наркома В.Г. Деканозова. Донесение было затем направлено Молотову. См.: АВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 275. Л. 5.
- ⁴³ ДВП РФ. Ф. 06. Оп. 2. П. 22. Д. 273. Л. 32.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. Док. 348. С. 540.
- ⁴⁶ Там же. С. 547.
- ⁴⁷ Campus E. Din politica externă a României 1913–1947. București, 1980. P. 561–563.
- ⁴⁸ СССР и германский вопрос. 1941–1949. Документы из архива внешней политики Российской Федерации. Т. 1. 22 июня — 8 мая 1945 г. М., 1996. С. 127; Ржешевский О.А. К истории англо-советского договора // Вторая мировая война. М., 1995.
- ⁴⁹ СССР и германский вопрос... С. 137.
- ⁵⁰ Архив внешней политики Российской Федерации (Далее — АВП РФ). Ф. 08. Оп. 5. П. 19. Д. 201. Л. 74.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² См.: Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика в годы Второй мировой войны. М., 1999. С. 69–70.
- ⁵³ Там же. С. 70.
- ⁵⁴ Наринский М.М., Филитов А.М. Советская внешняя политика... С. 85–86.
- ⁵⁵ Карасев С.А. Балканы в военно-политических планах США 1941–1943 годов // Проблемы славяноведения в трудах молодых ученых. М., 2003. С. 106–107; Орлик И.И. Империалистические державы и Восточная Европа. 1945–1965. М., 1968. С. 14–112, 113–115.
- ⁵⁶ Карасев С.А. Указ. раб. С. 113–115.
- ⁵⁷ См.: Наринский М.М., Филитов А.М. Указ. раб. С. 85.
- ⁵⁸ Опубликовано в: «Источник». 1995. № 4; Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. 1944–1948. М., 1999. Док. № 1.
- ⁵⁹ Советский фактор в Восточной Европе. Т. 1. С. 23–24.
- ⁶⁰ Там же. С. 30.
- ⁶¹ Трансильванский вопрос... С. 235.
- ⁶² Там же. С. 236.
- ⁶³ Там же. С. 236.
- ⁶⁴ Там же.
- ⁶⁵ Там же.
- ⁶⁶ Там же. Док. № 56. С. 238.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Трансильванский вопрос... Док. № 56. С. 238.
- ⁶⁹ См.: Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос... С. 154–157.
- ⁷⁰ Исламов Т.М., Покивайлова Т.А. Восточная Европа в силовом поле Великих держав. Трансильванский вопрос... С. 154–157.
- ⁷¹ Archives du Ministère des Affaires Etrangères Du fin de la Papiers d'agents. Papiers Mourice Dejan. 288. Vol. 36 (Jan. 1944). Correspondance ey officielle. Entretins avec la president Benes lors de sa visite à Alger. P. 18.
- ⁷² Трансильванский вопрос... Док. № 54. С. 232.
- ⁷³ Там же.
- ⁷⁴ Там же.

■ Том XII. Освобождение

- ⁷⁵ Краткая история Румынии. С древнейших времен до наших дней. М., 1987. С. 395.
- ⁷⁶ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. 1. 1 января — 31 декабря 1944 г. М., 1946. С. 105.
- ⁷⁷ Там же.
- ⁷⁸ Трансильванский вопрос... С. 232.
- ⁷⁹ Там же.
- ⁸⁰ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 31. Д. 363. Л. 12.
- ⁸¹ Там же. Ф. 0125. Оп. 26. П. 23. Д. 7. Л. 65.
- ⁸² Там же.
- ⁸³ Там же.
- ⁸⁴ Восточная Европа в документах российских архивов. Т. 1. 1944–1948. Москва-Новосибирск, 1997. С. 55–58.
- ⁸⁵ Внешняя политика Советского Союза в годы Отечественной войны. Документы и материалы. Т. II.. С. 110.
- ⁸⁶ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 25. П. 133. Д. 23. Л. 17.
- ⁸⁷ Там же. Л. 28–34, 35–41, 42–52.
- ⁸⁸ Там же. Л. 27.
- ⁸⁹ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. 1944–1946. Документы российских архивов. М., 1998. С. 45.
- ⁹⁰ Там же. С.
- ⁹¹ АВП РФ. Ф. 06. Оп. 6. П. 61. Д. 983. Л. 37, 59.
- ⁹² Burger U. Politische Zielsetzungen sowjetischer Nationalitäten politik in Nord-siebenb Urogen vom Sommer 1944 bis zur Einsetzung der Regierung Groza // Zeitschrift für Siebenbürgische Landeskunde. 1999. Bd. 22. Hft. 1.S. 131.
- ⁹³ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест. С. 45.
- ⁹⁴ АВП РФ. Ф. 0431/1. Оп. 1. П. 7. Д. 42. Л. 11.
- ⁹⁵ Burger U. Op. cit. S. 60.
- ⁹⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — ОГАСПИ). Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 156.
- ⁹⁷ Burger U. Op. cit. S. 60.
- ⁹⁸ Восточная Европа в документах российских архивов... Т. 1. С. 88.
- ⁹⁹ Трансильванский вопрос... С. 226–227.
- ¹⁰⁰ Burger U. Op. cit. S. 52.
- ¹⁰¹ Sălâgean M. Administrajia sovietică în Nordul Transilvanien (noiembrie 1944 — marti 1945). Cluj-Napoca, 2002. P. 39.
- ¹⁰² См.: România, marele sacrificii al celui de-al doilea război mondial. Documente / EdM. R. Mocanu. Buc, 1994.P. 310–324.
- ¹⁰³ Три визита А. Я. Вышинского в Бухарест... С. 46.
- ¹⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 128. Д. 772. Л. 186.
- ¹⁰⁵ Три визита Вышинского в Бухарест... С. 65.
- ¹⁰⁶ Там же.
- ¹⁰⁷ Трансильванский вопрос... С. 287.
- ¹⁰⁸ Там же.
- ¹⁰⁹ Там же.
- ¹¹⁰ Там же. С. 287–288.
- ¹¹¹ Димитров Г. Дневник. 9 марта 1933 — 6 февраля 1949. София, 1977. С. 458.
- ¹¹² Трансильванский вопрос... С. 269.
- ¹¹³ Там же. С. 287.
- ¹¹⁴ Там же. С. 271.
- ¹¹⁵ Fülöp M.A. Sebestyen — missziko // Világtörtenet. 1987. N 3. 143 old.
- ¹¹⁶ АВПРФ. Ф. 0125. Оп. 1536. Д. 4. Л. 113.
- ¹¹⁷ Там же.
- ¹¹⁸ Трансильванский вопрос... С. 299–300.
- ¹¹⁹ Fülör M. Transilvania and the Great Powers — 1945 (Petru Groza and the Hungarian–Rumanian Frontier issue // Danubian Historical Studies. 1988. Vol. 2. № 2. P. 42.
- ¹²⁰ АВП РФ. Ф. 077. Оп. 26. П. 116. Д. 10. Л. 2.

Румынская армия в Крыму в годы Великой Отечественной войны

(морально-психологический аспект)

Т. А. Покивайлова*

В годы Второй мировой войны на Восточном фронте Крым, безусловно, имел очень важное военно-политическое и стратегическое значение, так как «кто владел Крымом, тот владел Черным морем». В данной статье мы не будем рассматривать военные операции в Крыму и связанные с этим сюжеты. Будет выделен лишь один вопрос, а именно: каким образом в связи с победами Красной армии против германского вермахта и его союзников менялось положение и настроение среди солдат и офицеров румынских войск, находившихся в 1942–1944 гг. в Крыму.

Сообщение подготовлено на основе архивных источников, в частности, документов и материалов Центрального Штаба партизанского движения (ЦШПД) при Ставке Верховного Главнокомандующего, возглавляемого генерал-лейтенантом П. К. Пономаренко. Отметим, что в ЦШПД стекались, накапливались, анализировались сообщения, оперативные материалы, данные разведки, переписка между ЦШПД с региональными штабами партизанского движения, в данном случае между Центральным и Крымским, Южным, Украинским штабами партизанского движения, составленные участниками событий. Конечно, подобные документы военного времени имеют свои плюсы и минусы. Они составлялись по горячим следам и отдельные документы могут быть весьма односторонними. Однако множественность источников аналогичной информации позволяет выделить устойчивые тенденции и явления, характеризующие морально-психологическое состояние румынской армии, находившейся в Крыму, а также факторы, влиявшие на эволюцию этого процесса. Поэтому этот ценный блок документов должен найти свое место в освещении проблем, связанных с исследованиями по Второй мировой войне.

Несколько общих замечаний. Известно, что и германское, и советское командования придавали Крыму на Восточном фронте особое значение. Так, в начале 1943 г. после поражения немецких армий на Восточном фронте Гитлер издал оперативный приказ № 5 (от 13 марта 1943 г.), в котором говорилось «Задача группы армий «А» состоит в удержании любой ценой Кубанского плацдарма и Крыма»¹. В одной из директив вермахта этого периода отмечалось: «Немецкое командование настаивает на удержании Крыма не только из оперативных соображений, но и учитывая политические последствия этого мероприятия. Сдача Крыма окажет влияние на Румынию, Болгарию, Турцию и общую обстановку на Балканах в масштабах, которые трудно предугадать»².

В начале февраля 1943 г. с целью проверки готовности Крыма к обороне прибыл командующий немецкой группой армий «А» Э. фон Клейст. После армейской проверки он заявил: «Положение на Восточном фронте является напряженным... Русские армии действуют в оперативном плане очень умело и проводят операции в таком объеме, который никто в мировой истории не применял, а потому русские высадятся в Крыму... До декабря 1942 г. Крым был этапом. Сейчас Крым стоит на переднем плане принятия решений на Восточном фронте. От Крыма зависит также не только исход боев на Восточном фронте, но и всей войны. Это должен знать каждый. Но пока не все это понимают»³.

В 1942 г — май 1944 г. в Крыму находились сначала 11-я, а затем 17-я немецкая армия и 3 группы, состоявших из 5 румынских дивизий под командованием генералов Аврамеску, Драгалина, Митринеску. В это же время в Крыму действовало шесть советских партизанских отрядов и одна боевая группа. Они базировались в основном в горах

* Покивайлова Татьяна Андреевна — к. и. н., с. н. с. Института славяноведения РАН.

и заповедных зонах. Руководство партизанских отрядов осуществлялось через оперативный центр Крымского Штаба партизанского движения. Партизаны совершали диверсии, пополняли запасы продовольствия, проводили разведку с целью сбора информации. На 8 октября 1942 г. в Крыму было уничтожено до 12 тысяч вражеских солдат и офицеров, пущен под откос эшелон с солдатами и техникой⁴. Как сообщалось в оперативных материалах из Крымского Штаба партизанского движения Генеральному руководству, против партизан действовали «вассальные части, главным образом румынские и мадьярские. Они состояли на 30% из румын, на 30% из венгров, на 30% из русин и на 10% из словаков и хорватов. В документе отмечалось, что среди солдат различных национальностей вассальных частей существовал большой антагонизм⁵. Кроме того, немцы использовали в борьбе с партизанами так называемые «национальные батальоны», состоявшие в значительной части из татар, а также узбеков, армян и «белогвардейской» части казачества⁶.

Обстановка в Крыму обострилась к октябрю 1943 г., когда немецкие войска и входившие в их состав румынские дивизии были отрезаны от Таманского полуострова. Отступая с Таманского полуострова, немецкое командование оставляло там для прикрытия румынские части. Из сообщений, поступивших в ЦШПД от 20 сентября 1943 г., следовало, что из Крыма началась эвакуация вражеских войск морем в Румынию, в частности, в порт Констанцу⁷.

Победы Красной армии самым непосредственным образом отразились как на внутриполитической обстановке в самой Румынии, так и на настроениях в румынской армии. В декабре 1943 г. Лондонское радио со ссылкой на информацию из Стамбула сообщало о все возрастающем смятении в Румынии в связи «с угрозой со стороны русской армии и со стороны немецких собратьев по оружию». Как говорилось в сообщении из Лондона, «в Бухаресте царит большое недовольство тем, что румынские войска больше не эвакуируются. В румынской столице опасаются, что в Крыму также, как и на Кубани, румынским войскам придется расплачиваться за стратегические ошибки немцев»⁸.

21 сентября 1943 г. румынский офицер Петреску, исполнявший обязанности командира 545 батальона, заявил: «Немецкое командование оборонять Крым не собирается... Командующим обороны должен быть назначен румынский генерал. Оборона Крыма должна быть поручена румынским и добровольческим частям». По мнению Петреску, «в случае успешного продвижения русских на мелитопольском направлении румыны поступят так же, как и итальянцы»⁹, т. е. начнут сдаваться.

Победы Красной армии на Восточном фронте, особенно Сталинградская битва, действия партизан оказывали прямое влияние на морально-политиче-

ское состояние солдат вражеских армий. В одном из донесений из Крыма на имя начальника Центрального Штаба партизанского движения П. К. Пономаренко от 30 января 1943 г. говорилось: «В последнее время наблюдается резкое ухудшение политико-морального состояния солдат и даже некоторой части командного состава вражеских войск...

Затяжная и бесперспективная война с Советским Союзом, огромные потери на фронте и в борьбе с партизанами, вести из дому о тяжелом положении семей, об англо-американских и советских бомбардировках, операции англо-американских войск в Африке — все это в значительной мере подрывает воинствующий дух германской армии и воздействует на состояние вассальных частей, особенно румынских...»¹⁰. Также сообщалось, что в Крыму за антивоенные разговоры были произведены большие аресты¹¹. «Но несмотря на запугивания и расстрелы, — говорилось далее в сообщении, — увеличиваются пораженческие настроения»¹². В донесении приводились примеры, свидетельствующие о массовом характере подобных настроений. Из разведанных, поступивших в Центральный Штаб партизанского движения, следовало, что «в войсках румынской армии за последнее время отмечается массовое нежелание воевать за интересы немцев. На этой почве имели место факты даже явно враждебного отношения румынских солдат к немцам. Массовое дезертирство в румынской армии принимает все больший размах, вызывая репрессии и расправы со стороны немцев. Так, в Симферополе за дезертирство из армии было расстреляно немцами 110 румынских солдат¹³. Как следовало из донесений начальника разведуправления Крымского Штаба партизанского движения от 8 февраля 1943 г., «в течение января (1943 г.) 800 человек были эвакуированы в Румынию как неблагонадежные. Среди румынских солдат возросли панические и деморализационные настроения»¹⁴.

По сообщениям, поступившим в ЦШПД 20 августа 1943 г., «моральное состояние румынских солдат плохое. Никто не верит в победу в войне Германии». Один румынский офицер заявил, — говорилось в донесении, — «зачем нам нужен Кавказ? Русские нам не враги. Мы все равно уйдем отсюда, нас уже бьют англичане и американцы...»¹⁵. Перебежчики из немецких и румынских частей говорили об увеличении случаев членовредительства, самострелов. Среди румынских солдат наблюдались факты провоцирования заболеваний (питье табака, стояние на снегу босыми ногами, сдачи в плен и дезертирства)¹⁶. Немецкое командование очень жестко относилось к подобным случаям и принимало соответствующие меры. Так, в январе 1943 г. среди румынских солдат были проведены большие аресты, в том числе и за антивоенные разговоры¹⁷.

Как следовало из донесения, поступившего в Центральный Штаб партизанского движения из Крыма 31 января 1943 г., немецкое командование приказало:

1. Всех, кто ведет антивоенные разговоры, арестовывать.
2. Всех, кто отступает (во время облав на партизан) — расстреливать.
3. Дезертиров ловить и расстреливать¹⁸.

Не случайно из немцев создавались заградотряды, которые продвигались за спиной румынских солдат и «добровольцев» из местного населения, чтобы воспрепятствовать их отступлению во время облав на партизан. Начальник Южного Штаба партизанского движения Селезнев писал в донесении в Центральный Штаб партизанского движения: «Некоторые румынские солдаты смотрят на партизан как на истинных защитников русского народа. Горно-стрелковый полк, которому было дано задание уничтожить партизан, ни разу не выступил против них. Румынский офицер, некий Федер, заявил: «Ни я, ни мои солдаты не только не убили ни одного русского, но даже ни разу не стреляли. Немцы же расстреливают партизан как самых опасных внутренних врагов»¹⁹.

Враждебность румынских солдат к немецким характеризовалась в одном из сообщений, поступившем в Центральный Штаб партизанского движения, таким случаем: «румынский солдат, проходивший мимо отдыхающих немецких солдат, со слезами на глазах и грозясь кулаками в сторону немцев, сказал: «...Вот они, мерзавцы, отдыхают, на солнышке греются, а нас в лес разутых и раздетых на проческу партизан гоняют. Но все равно скоро наступит время, когда румыны отомстят немцам за румынскую кровь...»²⁰.

Оценивая моральное состояние румынских солдат, начальник Южного Штаба партизанского движения писал: «Что касается румынских солдат, то они только и думают, как бы им вернуться на родину»²¹. Учитывая морально-психологическое состояние солдат противника, политотделу и разведотделу Крымского Штаба партизанского движения вменялось в обязанности взять под особый контроль работу по разложению частей противника, используя все виды информации²².

По сообщениям из местных партизанских отрядов личный состав румынских и других вассальных частей находился в худших условиях, чем немцы²³. Даже грабительские права над мирным населением, которыми так широко пользовались немецкие солдаты, были официально урезаны в отношении румынских солдат. Каждый случай подобного рода должен был санкционироваться немецким командованием, а каждый нарушитель был быть арестован и передан немецким военным властям²⁴.

Однако это не значило, что румынские солдаты не занимались грабежами мирного населения. В условиях военного времени румынские солдаты в отношении мирного населения вели себя в ряде случаев так же, как и немецкие оккупанты. Как следует из сообщения начальника Южного Штаба партизанского движения Селезнева, «безосновательные избиения местного населения стало законом жизни оккупантов в Крыму. Грабежам подвержено все местное население»²⁵. Жаловаться на то, что у вас что-то украли, не называя фамилии солдата и из какой он части, было строго запрещено. Это расценивалось как клевета на честь мундира немецкого или румынского солдата. Письменные жалобы такого рода не принимаются». В сообщении приводятся случаи грабежей и насилия над мирными жителями со стороны оккупантов, совершаемых в Крыму, в том числе и румынскими солдатами (поселки Глебовка, Раевская, Южная и т. д.)²⁶.

К весне 1944 г. положение румынской армии в Крыму резко ухудшилось. Советское командование разрабатывало план освобождения Крыма. В феврале 1944 г. начальник Оперативного отдела Генерального Штаба Советских вооруженных сил А. М. Василевский представил главнокомандующему И. В. Сталину свои соображения по поводу проведения военной операции в Крыму²⁷.

Учитывая обострение военной ситуации, немецкое командование еще с осени 1943 г. начало эвакуацию, в основном немецкого контингента, из Крыма. Эвакуация в основном шла по морю в румынский порт Констанца. Прикрытие отступающих немецких частей было поручено румынским частям и «добровольческим отрядам»²⁸. 27 марта 1944 г. маршал И. Антонеску обратился к Гитлеру с требованием эвакуировать румынские войска из Крыма. В разведдонесениях в Центральный Штаб партизанского движения в связи с эвакуацией сообщалось: «Противник усиленно вывозит из Крыма все материальные ценности: оборудование заводов, фабрик, мастерских, ценную мебель вплоть до кушеток»²⁹.

Выход Красной армии весной 1944 г. на Южный Буг, а затем к Одессе усилил блокаду 17-й немецкой армии и дивизий ее союзников в Крыму. В самом Крыму началось отступление войск противника по направлению к Севастополю. «Среди румынских солдат и офицеров, по оперативным сводкам, поступавшим в Центральный Штаб партизанского движения, возрастает неприязнь к немцам, настроение подавленное»³⁰. Солдат и население, угоняемое в Севастополь, эвакуируют на баржах и плотах... Было много случаев потопления в результате каких-то взрывов неизвестного происхождения. Между румынскими солдатами и немцами был отмечен ряд вооруженных столкновений»³¹.

В результате ожесточенных боев к 13 апреля Красная армия освободила города Евпатория, Сим-

ферополь и Феодосия и начала бои за Севастополь. Несмотря на приказ Гитлера не оставлять Севастополь, к 10 мая город был освобожден³². Из 260-тысячной группировки вражеских войск удалось эвакуировать морем и по воздуху только половину численного состава (137 тыс. человек)³³. С 3 по 13 мая 1944 г. в Крыму погибло 42 тыс. немецких солдат и офицеров, 53 тыс. человек оказались в плену, остальные пропали без вести³⁴. Около 30 тыс. румынских солдат все же добрались до Констанцы³⁵.

Для румынской армии, как подчеркивает находившийся в эмиграции румынский историк Р. Михня, поражение в Крыму стало второй после Сталинграда военной катастрофой³⁶.

Таким образом, в блоке документов Центрального Штаба партизанского движения, которые явились основными источниками для написания данного сообщения, доминируют материалы, свиде-

тельствующие о нежелании находившегося в Крыму в годы войны румынского военного контингента: — воевать за чужие интересы; — участвовать в борьбе с крымскими партизанами; — понимать неизбежность поражения гитлеровской Германии и ее союзников.

Можно полагать, что морально-политическое состояние румынской армии, усталость от войны румынских солдат, антивоенные и антигерманские настроения среди румынских солдат и офицеров стали важными факторами, способствовавшими в условиях блестяще осуществленной Красной армией Яско-Кишиневской операции в августе 1944 г. разрыву Румынии с гитлеровской Германией и переходу на сторону антигитлеровской коалиции. После 23 августа 1944 г. Румыния приняла активное участие в борьбе против германского нацизма на заключительном этапе войны.

¹ Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 — май 1944 гг.). Документы свидетельствуют. М., 1994. С. 6.

² Цит. по: Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Указ. раб. С. 6.

³ Там же.

⁴ Российский Государственный Архив социально-политических исследований (далее РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1, Д. 623. Л. 103.

⁵ Там же. Д. 1092. Л. 20.

⁶ Там же. Д. 623. Л. 10.

⁷ Там же. Д. 1048. Л. 14.

⁸ Там же. Ф. 579. Оп. 3. Д. 22. С. 102.

⁹ Там же. Д. 973. Л. 6. 17 об.

¹⁰ Там же. Д. 1092. Л. 18.

¹¹ Там же. Л. 20 об.

¹² Там же.

¹³ Там же. Д. 971. Л. 12.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Д. 1072. Л. 21.

¹⁶ Там же. Д. 1048. Л. 12.

¹⁷ Там же. Д. 1092. Л. 20.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же. Д. 623. Л. 127.

²⁰ Там же. Д. 972. Л. 20.

²¹ Там же. Д. 623. Л. 127.

²² Там же. Д. 1092. Л. 20.

²³ Там же. Д. 1092. Л. 20.

²⁴ Там же. Д. 820. Л. 81.

²⁵ Там же. Д. 623. Л. 124, 129.

²⁶ Там же.

²⁷ Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Книга 3. Освобождение. М., 1999. С. 49.

²⁸ РГАСПИ, Ф. 69. Оп. 1, Д. 972, Л. 38; Д. 973, Л. 2.

²⁹ Там же. Д. 973. Л. 4.

³⁰ Там же. Д. 1047. Л. 2.

³¹ Там же. Д. 973. Л. 45 об.

³² Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Книга 3. Освобождение. С. 50.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Romalo Mihnea. România în al doilea război mondial (1941–1945). București, 2001. P. 96.

³⁶ Ibidem.

Югославия во Второй мировой войне: национальная и социальная революции (1941–1945 гг.)

С. А. Романенко*

Ранным утром 6 апреля 1941 г. началась агрессия Германии и ее союзников против Югославии. После полного поражения югославской армии, 15 апреля король Петр II вместе с правительством Югославии улетел на Ближний Восток под защиту британских войск, с тем чтобы потом перебраться в Лондон. 17 апреля генерал Данило Калафатович вместе с министром иностранных дел Александром Цинцар-Марковичем поставили свои подписи под актом о капитуляции. «Первая», королевская Югославия, как выяснится позднее, навсегда прекратила свое существование как независимое, суверенное и целостное государство¹. Ее территория была поделена между гитлеровской Германией и ее союзниками — муссолиниевской Италией, хортистской Венгрией и царской Болгарией². Попытка использовать противоречия между народами поверженной Югославии, с одной стороны, и этнотерриториальные претензии к ней остальных балканских государств и национальных движений, с другой, оказалась неудачной.

Западная часть Балканского полуострова в качестве оккупационной зоны была отдана Италии. Демаркационная линия между итальянской и немецкой зонами проходила от Загреба через Сараево, Рудо и далее по гребню горного массива Пинд. Сербию, как наиболее важную в стратегическом отношении территорию, Германия оставила под своим непосредственным управлением. Банат остался в составе Сербии, но власть в нем находилась в руках представителей немецкого национального меньшинства. Сербию и Банат оккупанты разделили на четыре военно-административных округа — Белград, Врнячка Бяня, Ужице и Ниш³. Бачка была отдана Венгрии. Область Косово и Метохия была разделена между Албанией,

Сербией и Болгарией. Срем, до 1918 г. входивший в состав автономной Хорватии-Славонии, был присоединен к созданному 10 апреля, сразу же после занятия Загреба германскими войсками, государству НДХ (*Nezavisna Država Hrvatska* — хрв.). Его территория, включавшая в себя также и территорию Боснии и Герцеговины, в свою очередь, была разделена на итальянскую и германскую оккупационные зоны⁴. Во главе государства встал усташский «поглавник» Анте Павелич⁵.

Вардарская Македония «досталась» Болгарии, жаждавшей реванша за поражения во Второй Балканской и Первой мировой войнах, а также Италии. Болгарская зона оккупации постепенно расширялась и в 1943 г. достигла границ с НДХ. Оккупированные Вардарская Македония и Поморавье, считавшиеся «освобожденными от югославского ига», были включены в состав Болгарии. Словения также оказалась разделенной между тремя «победителями». После раздела на три административные единицы северная ее часть с г. Марибор отошла к Германии, южная — к Италии (т. наз. Люблянская провинция), а восточная (Прекмурье) — к Венгрии⁶. Созданные в каждой из областей режимы имели свои особенности: комиссариат, затем правительство — в Сербии, НДХ — в Хорватии, «консульта» — в Люблянской провинции, временный административный комитет — в Черногории, гражданский комиссариат для Косово и Метохии, Санджака, Дебора и Струги, сформированной албанскими квислгискими властями — в одной из частей разделенного Косово и т.д.⁷ Как подчеркивают словенские и македонские историки, присоединение оккупированных областей к государствам-агрессорам и их включение в иную правовую, политическую, экономическую и финансовую системы противоречило нормам международного права⁸.

* Романенко Сергей Александрович — д. и. н., профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Историко-архивного института РГГУ.

Молниеносное поражение в Апрельской войне 1941 г. привело Югославию к распаду и началу, по сути дела, трех войн: за освобождение страны от германских, итальянских, венгерских, болгарских оккупантов; между созданными оккупантами псевдонезависимыми моноэтническими государствами; гражданской войны между коммунистами и антикоммунистами⁹. Коллаборационисты из созданных оккупантами «государств» взяли на вооружение и фашистские расовые теории, и традиции собственного крайнего национализма. Четники и «недичевцы» в Сербии, усташи в Хорватии¹⁰, бойцы различных националистических мусульманских, словенских, македонских и албанских формирований непрерывно воевали между собой¹¹. Для мирного населения, независимо от национальности, вооруженная борьба различных военных формирований означала постоянную угрозу физического уничтожения по этническому или религиозному признаку, политических репрессий, грабежа и насильственной мобилизации. Эта угроза исходила и от иностранных оккупантов, и от сербских четников, и от хорватских усташей, и от коммунистических партизан Й. Броза Тито, при всем том, что последние, безусловно, были ведущей силой в антифашистском сопротивлении и освободительном движении. Однако линия фронта в гражданской и межэтнической войне на территории Югославии была гораздо более извилистой и скрытой, чем в других странах и в глобальном противостоянии.

Официальная югославская историография считала днями начала восстания 7 июля — в Сербии, 13 — в Черногории, 22 — в Словении и 27 — в Боснии и Герцеговине и Хорватии. Ныне в Хорватии официально отмечается День антифашистской борьбы 22 июня — тогда под городом Сисак произошел первый бой хорватских партизан с оккупантами¹². Милан Недич: «Мы живем лишь ради Сербии и лишь ради неё умрем».

1 мая 1941 г. оккупантами в Белграде было создано «правительство» Милана Ачимовича. 29 августа 1941 г. ему на смену пришло так называемое правительство Сербии во главе с Миланом Недичем, бывшим генералом югославской армии, некоторое время занимавшим и пост военного министра. Его власть распространялась на территорию вновь созданного образования, охватывавшего Сербию в границах до 1912 г. Оккупанты хотели создать видимость самостоятельности Сербии под эгидой Германии, сформировать «сербские вооруженные силы» и задушить коммунистических партизан руками сербов. Но, как сообщал командующий германскими войсками в Сербии, правительство М. Недича было не в состоянии подавить повстанческое движение, даже несмотря на создание собственной Сербской государственной стражи (СДС — Српска државна стража — серб.)

и сотрудничество с вооруженными отрядами сербских фашистов во главе с Димитрием Лётичем и с четниками Дражи Михайловича, сторонниками воссоздания королевской Югославии.

В Декларации «правительства национального спасения» от 2 сентября 1941 г., начинавшейся словами «дорогие братья и сестры», новоявленный «спаситель» возвестил сербам, что «после неполных пяти месяцев несчастливо начавшейся и еще более несчастливо закончившейся войны, в которой наш народ утратил свободу и независимость и все завоевания своей столетней тяжелейшей борьбы, Сербия и сербский народ обрели свое правительство, которое самостоятельно, под наблюдением германского командующего будет руководить страной»¹³. Пытаясь оправдать свой коллаборационизм, М. Недич утверждал, что новое правительство пришло для того, чтобы «собственными силами сербского народа воспрепятствовать страданиям и возможной гибели сербского народа во имя чуждых интересов и под руководством иностранных агентов»; то есть, его «первой и самой важной задачей является спасение своей страны и своего народа» от угрозы со стороны «подрывных элементов», победа которых приведет страну к «анархии и гибели». При этом глава «правительства» подчеркивал, что, «когда будет установлен мир и порядок, правительство посвятит себя экономическому и социальному строительству Сербии, и, таким образом, делу спасения ядра сербского народа ради его единого и свободного участия в будущем мирном строительстве Новой Европы — общего отечества, которое должно обеспечить каждому народу широкие возможности и свободное развитие своих собственных сил на общее благо»¹⁴.

Идеалом М. Недича была «Великая Сербия» — крестьянское государство. Его экономической и социальной основой должна была стать задруга (т.е. большая патриархальная семья). Естественно, эти планы не должны были противоречить замыслам Гитлера и не могли осуществиться без помощи Германии.

М. Недич и его сторонники для осуществления своих национально-государственных целей и для борьбы с коммунистами пошли на сотрудничество с оккупантами. Правительство М. Недича использовало также некоторые идеи и помощь откровенного сербского фашиста Д. Лётича. По мнению Н. Н. Протопопова, одного из офицеров состоявшего из эмигрантов и подчинявшегося германскому командованию Русского корпуса, по происхождению русского белоэмигранта, Д. Лётич был не только «большим сербским патриотом», но и «русофилом»¹⁵.

Сербский поклонник идей Гитлера и Муссолини, ставший опорой правительству М. Недича, Д. Лётич писал в одной из своих статей об отли-

чиях идеологии возглавлявшегося им движения «Збор» от гитлеризма и итальянского фашизма: «Збор» возник спонтанно в условиях наших общественно-политических трудностей без влияния чужих решений, методов и опыта, в отличие от фашизма, который основывается на чисто языческой концепции Древнего Рима и древних германцев: фашизм — это обожествление государства, а гитлеризм — это обожествление расы... Для славян наряду с государством и раса имеет большое значение. Мы против парламентаризма, но не против парламента; мы не против полного и реального участия представителей нации в законодательном процессе и наблюдении за деятельностью правительства... Нынешний парламентаризм во всем мире создает запутанную систему безответственности власти. Этому противостоит наша позиция: абсолютная и реальная власть и такая же ответственность»¹⁶.

Для реализации своих целей Д. Лётич создал Сербский добровольческий корпус, в который в основном вошли члены его «патриотического движения «Збор». По мнению русского эмигранта — участника событий тех лет, именно «когда части СДК были сформированы, обучены и вступили в ряды активных борцов против партизан Тито (Народно-освободительная Армия Югославии — НОАЮ — С.Р.) — «малая война» обратилась в гражданскую»¹⁷.

Дража Михайлович: «За короля и отечество»

Отношения между М. Недичем и вдохновителем и военным руководителем сопротивления германо-итальянской оккупации Драгутином (Дражей) Михайловичем были противоречивыми — от попыток сотрудничества до непримиримой вражды. Во всяком случае, современный автор, не скрывающий своих симпатий к великосербскому национализму, горестно замечает, что в конце концов М. Недич и Д. Михайлович «пошли разными путями, что нанесло непоправимый ущерб сербскому народу и югославскому государству, оказавшимся под властью Й. Броза Тито, коммуниста и хорвата по национальности»¹⁸. На встрече с представителями германского командования 11 ноября 1941 г. Д. Михайлович, которого немцы оценили как «сербского националиста», заявил, что «генерал Недич, открыто встав на сторону оккупантов, совершил ошибку, и что он не собирается подобную ошибку повторять»¹⁹. «В предательстве своего собственного народа никто не зашел так далеко, как Милан Недич и его правительство [национального] спасения», — восклицал автор статьи, опубликованной в газете «Одъек слободних планина» 10 февраля 1944 г.²⁰ В то же время «Дража искал контактов с Лётичем,

а не Лётич с Дражей. И связь [между ними] была установлена»²¹.

Противоречивость сути четнического сопротивления как явления и его положения, считает современный сербский историк М. Зечевич, состояла еще и в том, что часть присоединившихся к нему бывших военнослужащих была патриотически настроена; однако сам «генерал Дража» был представителем королевства Югославии, значительная часть государственного аппарата которого отказалась от сопротивления и перешла на службу марионеточному режиму М. Недича²².

Можно ли генерала Дражу Михайловича называть «прозападно настроенным сербским монархистом, антикоммунистом и антифашистом, боровшимся за установление после войны улучшенного демократического порядка, при котором сербы сохранили бы свою центральную роль»²³? Мог ли он быть реальным и искренним союзником «западных демократий»?

Действительно, после капитуляции югославской армии ее бывший полковник Д. Михайлович со своими сторонниками скрывались в районе Равной Горы. Поскольку Д. Михайлович и его единомышленники, в отличие от коммунистов, не были связаны обязательствами СССР по Договору о ненападении с Германией, их столкновения с оккупантами начались уже в мае 1941 г., до нападения Германии на СССР²⁴. От имени эмигрировавшего в Лондон правительства короля Петра II Карагеоргиевича они начали устанавливать связи с монархистами и представителями кругов, ориентированных на Англию и США, а также формировать вооруженные отряды четников. Они окончательно были объединены под командованием Д. Михайловича, ставшего военным министром лондонского правительства и генералом, в конце 1941 — начале 1942 г. Его отряды получили статус «Королевской армии на Родине». При этом нельзя полностью и во всех случаях отождествлять позиции и идеологию эмигрантского королевского правительства Югославии и четнического движения в Сербии и Боснии и Герцеговине, которое также не было единым ни идеологически, ни организационно.

Осенью 1941 г. по инициативе Верховного штаба партизанских сил состоялись две встречи Й. Броза Тито и Д. Михайловича. Политические противоречия между сторонниками Д. Михайловича и Й. Броза Тито, как и, вероятно, личные амбиции обоих лидеров, сказались почти сразу; оба по-разному представляли себе и будущее восстановленного югославского государства, став в итоге непримиримыми врагами. «С коммунистами-партизанами не может быть никакого сотрудничества, так как они борются против династии, за осуществление социальной революции, что никогда не может быть нашей целью, ведь мы — един-

ственно и исключительно только солдаты и борцы за короля и отечество», — говорилось в инструкции Д. Михайловича от 20 декабря 1941 г. Для борьбы с коммунистическими партизанами Д. Михайлович вступил в контакт с созданной германским оккупационным командованием администрацией — «правительством национального спасения» М. Недича — и неизбежно стал сотрудничать с германскими и итальянскими оккупационными властями, а также впоследствии, когда победа Антигитлеровской коалиции, в том числе СССР и партизан Тито неизбежной в рамках единого антикоммунистического фронта — и с устахами²⁵.

Главными составляющими идеологии движения четников был великосербский шовинизм, борьба против хорватов и боснийских мусульман вплоть до их истребления. В их представлении вся территория Югославии считалась «Великой Сербией», за исключением районов с подавляющим большинством хорватского населения. Целью четников было восстановление монархии и довоенного социального и политического строя, а идеалом — создание «Великой Сербии» в рамках «Великой Югославии», очищенной от инациональных меньшинств — все ради господства Сербии в Балканском регионе.

В труде идеолога движения Дражи Михайловича — Стевана Мольевича «Гомогенная Сербия» (июнь 1941 г.) прямо говорилось, что «первым и главным долгом сербов является создание и организация гомогенной Сербии, которая охватила бы всю сербскую этническую территорию, и обеспечение этой Сербии необходимых транспортных коммуникаций и экономического пространства, которое гарантировало бы ей свободное хозяйственное, политическое и культурное развитие на все времена»²⁶. Добиться этой цели, по мнению С. Мольевича, можно было исключительно путем взаимного обмена сербского и хорватского населения. Это, считал идеолог четничества, могло бы не только улучшить отношения между двумя народами, но и «отвести угрозу повторения ужасных преступлений во время прошлой (т.е. Первой мировой — С.Р.) войны на территориях, где сербы и хорваты проживают попеременно и где хорваты и мусульмане приступили к планомерному истреблению сербов»²⁷.

Программа четников, в частности, предусматривала создание однородной в этническом отношении Сербии, территория которой охватила бы всю их этническую территорию, где бы они только ни проживали, будучи даже в абсолютном меньшинстве. В этом отношении программа С. Мольевича практически не отличалась от планов братьев Недичей. «Нация превыше всего и сербство должно быть важнее любой идеологии, — считали четники. — Наш путь к югославянству лежит через сербство»²⁸.

Главной ошибкой устройства государства, возникшего в 1918 г., С. Мольевич полагал отсутствие в нем фиксированных границ собственно Сербии. По его проекту Сербия должна охватывать территории, завоеванные в Балканских войнах (югославскую Македонию и часть Санджака), Черногорию, часть Боснии и Герцеговины, северную часть Албании, северную Далмацию, «сербскую часть» Лики, Кордуна, часть Славонии. Таким образом, согласно этим планам, «Великая Хорватия», лишившаяся почти половины своих территорий, оказалась бы окруженной «Великой Сербией» и «Великой Словенией»²⁹. Выдвигая эти требования, которые добровольно не могли быть приняты ни одним из соседних сербам народов, С. Мольевич всерьез полагал, что Сербия, «верная своему прошлому и своей миссии на Балканах, и в будущем останется носителем югославянской идеи, первейшим поборником балканской солидарности и принципу: «Балканы — балканским народам». Обосновывая стремление Сербии стать «центром Балкан», он писал, что «время требует объединения небольших государств в более крупные образования, союзы и блоки, а от сербов этого требуют и их друзья». С другой стороны, С. Мольевич резко отзывался о хорватах, словенцах и мусульманах-босняках, которые «вознамерились получить от Югославии всё, ничего ей не отдавая»³⁰.

Премьер-министр правительства в изгнании Слободан Йованович в записке министру иностранных дел Великобритании Энтони Идену весной 1943 г., характеризуя «югославское национальное движение», подчеркивал, что «национальное движение военного министра генерала Михайловича объединило вокруг себя весь сербский народ, большую часть словенского народа, и в последнее время к нему начали присоединяться и хорваты». В числе структур этого движения премьер назвал: «Центральный национальный комитет, в который входят сербы из всех областей Югославии и словенцы; Словенскую звезду — Национальный комитет в Словении, в котором объединены все партии, кроме коммунистической, с целью помочь организации югославской армии в Словении; Мусульманскую революционную организацию, во главе которой находятся видные мусульмане, ставящую своей целью помощь отрядам югославской армии в Боснии; через делегатов в Сплите, — говорилось далее в записке, — поддерживается связь с [Крестьянской] партией д-ра В. Мачека в Хорватии»³¹.

Считая, что «общественным устройством Югославии, основанном на неограниченном либерализме, в межвоенное время сильные злоупотребляли в ущерб слабым и индивидуумы — в ущерб общности», С. Мольевич предлагал заложить в фундамент общественного устройства обновленной

Сербии следующие принципы: «труд должен быть основой, целью и смыслом жизни каждого человека, и он должен вознаграждаться соответственно его качеству и количеству; капитал является средством, при помощи которого сербская нация осуществит свою историческую миссию в области национальной обороны, национальной экономики и национальной культуры, а также обеспечит свое национальное существование; но носителем капитала и инвестиций должно быть в первую очередь государство». При этом, по его мнению, «частный капитал также является национальной собственностью и должен находиться под защитой и под контролем государства для того, чтобы он также служил борьбе народа и общества». Подчеркивалась и важность аграрного вопроса для сербов: «сербский вопрос — это крестьянский вопрос»³². В резолюции молодежной организации четников провозглашалось требование перехода банков, промышленности и торговли в собственность государства, которое должно находиться в руках четников³³.

Признавая, что «государство должно создать каждому гражданину возможность трудиться и зарабатывать», что «свобода личности и личного имущества должна каждому гражданину быть гарантирована законом», С. Мольевич добавлял: «только этой свободой нельзя злоупотреблять и использовать ее во вред ни другому человеку, ни обществу». Такой же подход демонстрировал он и в вопросе о свободе идей, религии и печати. Печать, по его мнению, должна служить нации и государству, а также «развитию общественной нравственности». Под этими словами вполне мог бы подписаться и Й. Броз Тито, как и любой из коммунистических вождей.

Глава некоммунистического сопротивления Д. Михайлович и сам не был чужд попыткам сформулировать идеологию своего движения. Присущий генералу сербский этнический национализм противоречил его внешне демократическим декларациям, рассчитанным на Лондон и Вашингтон. По-видимому, не без влияния единомышленников Д. Михайловича из Лондонского правительства У. Черчилль во время переговоров с Й. Брозом Тито в 1944 г. «высказал мысль, что правильным решением для Югославии была бы демократическая система, опирающаяся на крестьянство и, возможно, какая-то постепенная аграрная реформа там, где наделы слишком малы»³⁴. У. Черчилль, как правительство короля Петра II, был противником планов Й. Броза Тито создать федерацию по этнотерриториальному принципу со смешанным населением, обвиняя последнего в антисербских намерениях. Генерал считал, что осуществление этих планов привело бы к разделу сербского народа на четыре федеральных образования³⁵.

Несмотря на ярко выраженную враждебность идеологии великохорватского национализма и практике НДХ, четнические отряды в Боснии и Герцеговине сотрудничали с ненавистными им усташами. Объяснялось это просто — расходясь по всем вопросам с усташами, четники сходились с ними в двух пунктах — ненависти к партизанам и стремлении создать на территории Боснии и Герцеговины свои «этнически чистые» территории. Как заметил Й. Томашевич, «силы хорватских квислингов с января 1942 г. находились под германским командованием; поэтому сотрудничество четников с усташами можно рассматривать как косвенное сотрудничество с немцами»³⁶.

Свои планы Д. Михайлович определил еще в декабре 1941 г. Он считал, что главными целями его движения должны быть: «борьба за свободу всей нашей нации под скипетром Его Величества короля Петра II»; создание Великой Югославии и внутри ее — этнически чистой Великой Сербии, охватывавшей [собственно] Сербию, [а также] Черногорию, Боснию и Герцеговину, Срем, Банат и Бачку; борьба за «вовлечение в нашу государственную жизнь всех еще не освобожденных от итальянцев и немцев славянских территорий (Триест — Горица — Истрия и Корушка), а также Болгарии и северной Албании со Скадром»; «очистка государственной территории от всех национальных меньшинств и инонациональных элементов»; создание «непосредственной границы между Сербией и Черногорией, а также между Сербией и Словенией путем очистки Санджака от мусульманского населения и Боснии от мусульман и хорватов»; расселение черногорцев в областях, «очищенных от национальных меньшинств и инонациональных элементов»³⁷.

Замышлявшийся как альтернатива заседаниям «титовского» АВНОЮ, состоявшимся в ноябре 1942 и 1943 гг., Светосавский конгресс сторонников Д. Михайловича 25–28 января 1944 г. провозгласил следующие цели и принципы четнического движения: «Югославия должна быть федеративным государством и конституционной монархией. (...) Прочность будущей Югославии будет гарантироваться созданием сербского образования в рамках государственного сообщества, которое на принципах демократии объединит весь сербский народ на территориях его проживания. То же самое произойдет и с хорватами, и со словенцами». В рамках этих государственных образований, как провозглашали Д. Михайлович и его сторонники, «необходимо предоставить народу возможность удовлетворять свои особые региональные экономические, социальные и другие интересы путем широкого народного самоуправления»³⁸. Предполагалось, что во вновь созданном государстве этнические территории должны совпадать с границами федеральных образований.

Своей главной задачей четники считали «освобождение Королевства Югославии и братьев, живущих ныне вне его границ, а также создание условий для нормального и прогрессивного развития югославян». Войну за освобождение идеологи четников делили на три этапа. Первый охватывал Апрельскую войну 1941 г. и «позорную капитуляцию», а также отказ сторонников Д. Михайловича смириться с ней и начало борьбы против врагов. Второй — на тот момент «текущий» — подъем движения сопротивления. И, наконец, третий — наступление и изгнание врагов из страны³⁹.

Но ни этим, ни иным планам четников не суждено было осуществиться. Одна из причин их поражения состояла в том, что Д. Михайлович и его единомышленники были наследниками идей Н. Пашича, который представлял себе Югославию прежде всего как сербское национальное государство. При этом они считали и Черногорию, и Македонию частями Сербии, а черногорцев и македонцев, соответственно, сербами, отрицали этническую индивидуальность босняков-мусульман. Подобная позиция не могла не играть на руку коммунистам Й. Броза Тито, которые признавали право этих народов на собственные государства в рамках югославского федеративного государства⁴⁰.

Белградская операция Красной армии и частей Народно-освободительной армии Югославии Й. Броза Тито в октябре 1944 г. поставила точку в политической карьере и сербских откровенных коллаборационистов, и колебавшихся между Сопротивлением и сотрудничеством с оккупантами «михайловичевцев». 1946 год стал для обоих противников Тито роковым: М. Недич в тюрьме покончил с собой, а Д. Михайлович по приговору суда был казнен.

Мустафа Круя:

«Сербских поселенцев надо убивать»

Особняком в сербской политике стояла проблема Косово. В каждой из трех — сербской, албанской (итальянской) и болгарской частей Косово и Метохии имелись свои особенности. При этом албанцы в сербской части имели особые права. Зона Косово, оккупированная итальянскими войсками, была присоединена к находившейся под полным контролем Италии «Великой Албании», а болгарская часть — включена в состав Болгарии. После объявления Италией войны Германии последняя признала «Великую Албанию» и фактически стала управлять ею. Между албанскими националистами, стремившимися использовать ситуацию для решения албанского национального вопроса, не было единства. Одни из них выступали за ослабление зависимости от Германии, другие — находившиеся в г. Тетово, высту-

пали против единства албанцев, турок и македонцев⁴¹.

Еще в конце 1944 г. ставший в будущем крупнейшим историком «титовской» Югославии серб В. Чубрилович, по традиции воспринимавший Югославию исключительно как сербское национальное государство, сочинил записку о проблеме национальных меньшинств в новой Югославии. В ней он утверждал, что «еще до начала войны наблюдался рост сепаратистских тенденций национальных меньшинств во всех государствах, в том числе и в Югославии. Все свои культурные и экономические привилегии они использовали исключительно как средство ломки государств, в которых они проживали». Поэтому, считал историк, национальные меньшинства (немцев, венгров, албанцев, итальянцев, румын и других) из страны надо просто выселить. Косово он предполагал превратить в этнически «чистую» сербскую область⁴².

Разделенное между «Великой Албанией» и царской Болгарией Косово стало ареной преследований сербов по этническому и конфессиональному признаку. Уничтожались их дома, люди становились беженцами; многие были убиты. «Сербских поселенцев надо убивать», — говорил в 1941 г. глава албанского «правительства» Мустафа Круя⁴³. Нельзя не упомянуть также и такие организации албанских националистов «Бали комбетар» («Национальный фронт») с ее идеей создания «Великой Албании» и Призренская лига⁴⁴. Ее идеология была типологически схожей с этно-великодержавными идеологиями других балканских народов, независимо от славянского или не-славянского их происхождения⁴⁵.

С другой стороны, албанские коммунистические партизаны внесли свой вклад в антифашистскую борьбу и общую Победу. При этом существовали прямые связи между КПА и КПЮ, причем последняя оказала албанским товарищам большую помощь⁴⁶. В ноябре 1943 г. вторая сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) приняла решение о том, что будущее югославское государство, создаваемое под руководством компартии Югославии и при помощи СССР, должно стать «подлинным отечеством для всех своих народов». Чтобы «осуществить принцип суверенности народов Югославии», новое государство должно было стать федерацией. Как тогда казалось, это могло обеспечить «полное равноправие» всем народам⁴⁷. Однако даже в коммунистических планах воссоздания югославской государственности ни Косово, ни населявшие эту область албанцы не упоминались. Коммунистическая Югославия создавалась, прежде всего, как государство *славянских* народов.

«Южные сербы» или «болгарские македонцы»?

Вопрос о судьбе македонцев, которых в королевской Югославии называли «южными сербами», а Македонию, соответственно, Южной Сербией, был тесно связан как с отношениями Сербии с Болгарией и Грецией, так и с албанским населением Македонии. «После поражении Югославии и Греции македонцы не ощущали потери», — утверждали македонские историки⁴⁸. Македонское национальное движение претендовало на объединение в одном государстве (или государственном образовании) трех территорий, которые они считали «своими» — Вардарской Македонии (входившей в состав королевской Югославии), Пиринской (царской Болгарии) и Эгейской (Греции).

С другой стороны, каждое из этих государств, а также Албания, стремились к обладанию возможно большей частью македонских земель, которые они считали своими этническими территориями, ссылаясь на преобладание населения соответствующей этнической принадлежности. Не оставались в стороне и Германия с Италией. Их политику после оккупации Югославии и Греции пытались использовать болгарские и албанские националисты⁴⁹. В 1943 г., после выхода Италии из войны, немцы установили свою власть на территориях, ранее занятых итальянцами. Проитальянские коллаборационисты сменились пронемецкими; Болгария также оккупировала дополнительную территорию⁵⁰. Поэтому процесс формирования македонской нации был тесно связан с освободительной и антифашистской борьбой и в самой Македонии, и на территории оккупированной Югославии в целом⁵¹.

Вместе с этим, начиная понимать, что исход войны сложится не в пользу Германии и ее союзников, болгарские власти на фоне переговоров с США и Великобританией, под их давлением предпринимали попытки создать автономию Македонии⁵². Германское командование, со своей стороны, попыталось использовать членов ВМРО — «ванчовистов», сторонников Ванчо Михайлова, тесно связанного с официальной Софией. Именно ему после пребывания в НДХ было поручено создать подобное государство под протекторатом немцев. Однако попытка провалилась⁵³.

В 1941 г., в короткий период немецкой оккупации и до установления болгарской оккупации в Скопье функционировал созданный группой бывших македонских эмигрантов-коллаборационистов «Македонский Центральный комитет действия». Его задачей была подготовка населения к предстоящей оккупации, с одной стороны, и с другой, — попытка представить эту оккупацию и последующее присоединение к Болгарии как отражение требования македонского народа и доказательство

«исторического права» Болгарии на Македонию. Этот комитет также действовал и в Эгейской (греческой) и Западной Македонии, входившей в итальянскую зону оккупации и в июне 1941 г. включенной в состав марионеточной «Великой Албании». Это вызвало естественную ответную реакцию со стороны албанских националистов, которые начали образовывать соответствующие организации (например, в Тетово), требовавшие присоединения к Албании даже Скопье⁵⁴.

Болгарские власти стремились представить оккупацию как возвращение своих национальных территорий, утраченных или не полученных в ходе Балканских и Первой мировой войн. Болгарские оккупационные власти вели пропагандистскую работу с целью распространения среди македонцев болгарской национальной идеологии; ими использовался официальный термин «македонские болгары». Одним из способов идеологического обеспечения официальной точки зрения было введение в образовательный курс предмета «болгароведение»⁵⁵. Создавались проболгарские политические организации радикально-националистического толка, всего их было около сорока.

Политика «болгаризации», проводившаяся оккупационными властями в подконтрольных им частях Македонии, не могла не привести к сопротивлению тех, кто считал себя македонцами. Среди них все большую роль начинали играть коммунисты. Именно имея в виду общность целей — борьбу с партизанами, болгарские власти установили контакт со своими противниками — движением Дражи Михайловича⁵⁶. Югославское правительство в изгнании стремилось распространить на Македонию деятельность четников (поскольку те были вооруженными силами признанного государства и законного правительства), однако и великосербская пропаганда не нашла отклика среди местного населения⁵⁷. Тот факт, что в оккупированные области были присланы чиновники из Болгарии и Албании, по мнению македонских историков, свидетельствовал о том, что «оккупанты столкнулись с наличием ярко выраженного македонского национального самосознания»⁵⁸.

Как болгарские в глазах македонцев, так и итальянские власти в глазах албанцев пытались представить себя «спасителями от политики национального угнетения со стороны антинародного режима королевской Югославии». С другой стороны, албанские коллаборационисты вели схожую с болгарскими и итальянскими оккупантами политику разжигания межэтнической розни среди населения оккупированных территорий⁵⁹. Однако общность целей не означала отсутствия противоречий между союзниками. Так, например, демаркационная линия между Италией и Болгарией несколько раз менялась в пользу Болгарии. Итальянцы же пытались

использовать албанское национальное движение со встречными требованиями — присоединения этих территорий к «Великой Албании»⁶⁰.

Отрицательное отношение королевского правительства в Лондоне к национальному движению македонцев, отказ признать существование македонского этноса, толкало национально настроенных македонцев к коммунистам⁶¹.

**Анте Павелич:
«Единственный путь к спасению —
создание своего собственного
независимого государства»**

Движение усташей — крайних хорватских националистов, вставших на путь террористической борьбы с королевской Югославией — возникло еще в 1929 г. Его приверженцы стремились к созданию независимого этнически и конфессионально «чистого» хорватского государства. В «Принципах хорватского усташского движения» (1933) и в брошюре «Хорватский национальный вопрос» (1936) А. Павелич сформулировал основные положения доктрины усташского движения и его цели. Многие из основных положений этой программы совпадали или были логически и типологически сходны с соответствующими положениями сербских националистов М. Недича и Д. Михайловича.

Национальное государство провозглашалось фундаментальной ценностью, которая позволяет хорватской нации осуществить право на собственную суверенную власть и отчизну. До его создания все попытки идеологических и социальных преобразований объявлялись лишь иллюзией, пустой тратой времени и сил нации. В «Принципах» подчеркивалось, что хорваты имеют право создать свое государство силой оружия⁶².

Подобно М. Недичу и Д. Михайловичу, А. Павелич провозглашал нацию непреходящей ценностью, исключительно в рамках которой «каждый отдельный хорват имеет право на достаток и счастье»⁶³. Используя лозунг основателя демократического хорватского национализма XIX в. Анте Старчевича «Бог и хорваты», будущий «поглавник» подчеркивал не только свою приверженность религии и католицизму, но и отождествлял этноним (хорваты) с конфессионимом (католик).

Сходясь в этом со своими злейшими врагами, великосербскими националистами, великохорватский националист А. Павелич провозглашал крестьянство «фундаментом и первоисточником национального развития и носителем государственной власти» в своем национальном государстве и «истинной нацией». «Любые материальные и духовные ценности в хорватском государстве являются национальной собственностью, и нация одна уполномочена ими распоряжаться и пользоваться», — писал усташский идеолог. Но, по его

представлению, земля должна быть собственностью только того, кто ее обрабатывает со своей семьей, то есть крестьянина. Подобно иным носителям тоталитарной идеологии, он провозглашал, что «труд является основой любой ценности, а основой всякого права — обязанность. Никто не смеет обладать никакими особыми правами, ведь лишь обязанности перед нацией и государством дают право на безопасную жизнь». Подобно сербскому почитателю идей Адольфа Гитлера и Бенито Муссолини, Д. Лётичу, их хорватский последователь А. Павелич рассуждал о том, что «выполнение любых общественных функций связано с обязанностью» перед хорватской нацией и государством.

Подводя итоги, А. Павелич заканчивал: «Нравственная сила хорватской нации определяется правильной и проникнутой религиозностью семейной жизнью, хозяйственная мощь нации — крестьянским хозяйством, достояние общины — природными богатствами хорватской земли, а оборонное могущество — испытанной воинской доблестью. (...) Производство, ремесло, домашнее хозяйство и торговля должны стать помощниками крестьянскому труду и национальной экономике. Эти области [деятельности] должны быть полем [приложения] честного труда и источником достойной жизни трудящегося, а не средством накопления национального имущества в руках капиталистов». В этом взгляды А. Павелича практически не отличались от взглядов его заклятых врагов — С. Мольевича и Й. Броза Тито, которые также собирались править «от имени» нации или класса.

В брошюре «Хорватский вопрос», изданной первоначально на немецком языке в Германии в 1936 г. (там же и перепечатанной во время войны), а в Хорватии — только в 1942 г., А. Павелич попытался, так же как это делали сербские националисты, придать своей позиции и трактовке общенациональных интересов и требований некоторое наукообразие. Он резко отрицательно отзывался о «версальском диктате», в результате которого хорватский народ оказался вынужденным жить в «чужом государстве». Но целостность этого государства, вынужденного вести борьбу за свое единство, по мнению А. Павелича, постоянно оказывалась под угрозой⁶⁴.

Последние утверждения совпадают с приведенной выше антисемитской, антикоммунистической и антисоветской позицией Д. Михайловича. Друзей хорватов и будущего государства НДХ А. Павелич назвал в своих обращениях «К хорватскому народу» и «Солдатам-хорватам» 5 апреля 1941 г., еще до нападения Германии на Югославию и до провозглашения НДХ. Это — «великие вожди великих народов — Гитлер и Муссолини»⁶⁵.

Будущий создатель и вождь государства НДХ упрощенно понимал национальное самоопреде-

ление и рассматривал независимое хорватское государство как этнически «чистое». В статье, опубликованной в 1940 г., он трактовал национальное самоопределение как «национальную свободу», что в его глазах означало «свободу от иностранного господства, право нации на собственное управление и суверенитет в своем собственном государстве». «Тот, кто не проникся мыслью, что единственный путь к спасению — это освобождение от иноземного господства и создание своего собственного независимого государств, тот не хорват», — писал будущий «поглавник» в 1939 г. (Похожий по своей логике пассаж присутствовал и в рассуждениях Д. Михайловича, отказывавшего в принадлежности к славянству любому, кто не разделял его убеждения!). Он сожалел, что во время Первой мировой войны хорваты не воспользовались возможностью обрести независимость и что среди них нашлись люди, которые «впряглись в телегу так называемого югославизма и вступили в югославские, вернее, сербские, отряды»⁶⁶.

Усташская «теория» обвиняла всех сербов — и как народ, и как нацию, в том неблагоприятном положении, в котором оказались Хорватия и хорваты в межвоенной Югославии. «Со стороны сербских государственных деятелей было сделано все возможное, чтобы разорвать связь хорватских земель, стереть связь нации со своей землей, чтобы нация забыла произошедшее вчера и, таким образом, утратила свое сознание. Для достижения этой цели был использован весь государственный и церковный аппарат», — утверждал в соответствии с официальной теорией один из авторов изданной в 1943 г. в Загребе официозной книги «Наше отечество»⁶⁷.

Поэтому в НДХ происходили массовые депортации сербского населения, проводились акции по его уничтожению. Более всего известны концлагеря Ясеновац, Госпич, Стара Градишка, Босанска Дубица и другие. Туда же посылали на смерть в соответствии с расовыми законами НДХ евреев и цыган, а также антифашистов и противников режима всех национальностей, включая и хорватов⁶⁸. Уничтожение и преследование евреев определялось указом о расовой принадлежности и указом о защите арийской крови и уважении хорватской нации. Репрессии по отношению к сербам обосновывались тезисом о том, что в прошлом сербы в Хорватии как народ всегда якобы были на стороне противников хорватов. Им вменялось в вину угнетенное положение хорватов в Королевстве СХС и Югославии.

Относительно степени поддержки и популярности А. Павелича и его режима в разные годы существуют разноречивые свидетельства. Например, в одном из октябрьских донесений 1943 г. представительства в Стокгольме королевскому

правительству, переехавшему к тому времени в Каир, говорилось о том, что «усташская власть эффективна только в радиусе трех километров от Загреба, а в самом городе власть опирается исключительно на пять тысяч человек личной гвардии Павелича. Если бы не было германской армии, усташский режим рухнул бы через полчаса. Домобраны (мобилизованные солдаты хорватской армии — С. Р.) совершенно ненадежны и только и поджидают момента, чтобы перебежать к партизанам»⁶⁹. Автор донесения приводит пример, когда один из офицеров, обратившись к своим подчиненным со словами «Герои, я освобождаю вас от присяги Павеличу. Да здравствует Сталин! Переходим к партизанам», привел свою батарею к «титовцам».

Характеризуя политическую ситуацию в стране в этот момент, автор утверждал, что в «Хорватии существуют три политических фактора — коммунисты, мачековцы (сторонники лидера Хорватской крестьянской партии В. Мачека⁷⁰ — С. Р.) и апатичная неопределенная масса». Позиции коммунистов, например, были сильны в Лике, Босанской Крайине и Далмации; мачековцев — между реками Савой и Дравой. Объекты ненависти хорватского народа можно выстроить следующим образом — «усташи, итальянцы, немцы. К этим последним ненависть сильнее всего там, где есть немецкое меньшинство». Кроме того, в Хорватии было распространено мнение, что «в эмиграции существует острый конфликт между сербами и хорватами». Что же касается взаимоотношений двух народов в самой Хорватии, то их характеризуют страх ответственности и социальная и экономическая дифференциация⁷¹.

В другом донесении в феврале 1944 г. говорилось, что хорватский народ ныне борется против трех противников: против собственных «усташских правителей и их приспешников, причиной чему стали бомбардировки с воздуха городов и сел с целью репрессий»; против четников генерала Михайловича, которые «режут и убивают все не-сербское»; против «звервующей части черкесских орд, как называют казачьи дивизии генерала Власова, которые немцы перебросили с Кавказа»⁷².

8–9 мая 1944 г. в городке Топуско состоялось Третье заседание Краевого антифашистского веча национального освобождения Хорватии (ZAVNOH — хрв.). Оно конституировалось в качестве высшего законодательного и представительного органа власти Федеративного государства Хорватии, составной части провозглашенной в ноябре 1943 г. демократической федеративной Югославии. Таким образом, стало реальностью еще одно, наряду с Лондонским правительством, теперь уже хорватское государственное образование, основанное на антифашистских принципах, оспаривавшее легитимность и суверени-

тет у НДХ. Обеспокоенные развитием событий, а также своим собственным будущим, два высших функционера НДХ Младен Лоркович и Анте Вокич решились на заговор против А. Павелича. В случае успеха возникала возможность представить НДХ как союзницу Антигитлеровской коалиции. Однако заговор провалился⁷³.

Цели и методы «павеличевцев» по сути ничем не отличались от целей и методов «недичевцев» и четников — создание чистой этнической территории и приведение государственных границ в соответствие с этническими. Так же, как и «недичевцы», усташи считали, что переселение людей по национальному признаку (в данном случае — выселение сербов в Сербию), может решить проблему национального самоопределения и хорватов, и сербов⁷⁴.

Легитимация НДХ и других подобных ему псевдонезависимых «этнически чистых», т.е. моноэтнических государственных образований в глазах германских нацистов и итальянских фашистов была неизбежно связана с декларативной сменой культурно-конфессиональной и региональной самоидентификации (отречением от «славянства») во имя этно-политических интересов и попыток создания при опоре на германских нацистов своей псевдо-национальной государственности во второй половине 30-х — первой половине 40-х годов. В этой связи (несколько забегаая вперед) упомянем типологически схожие с «теориями» А. Павелича «концепции» части национальных деятелей-мусульман, не принимавших политику НДХ. 1 ноября 1942 и 20 января 1943 г. они обратилась к Гитлеру с идеей о выделении Боснии и Герцеговины из состава НДХ и создании боснячко-мусульманской автономии под германским протекторатом. В меморандуме они выражали разочарование тем, что Босния не осталась под управлением германской военной администрации, а вошла в состав НДХ; утверждали, что босняки-мусульмане надеялись, что после оккупации их положение улучшится, а оно ухудшилось, что им не предоставили свободу.

**Боснийские мусульмане:
«Цвет хорватской нации»
или «часть 300-миллионного
исламского народа Востока»**

Режим А. Павелича почти во всем зависел не только от Германии, но и от Италии и вынужден был лавировать между Римом и Берлином. Марионеточному государству А. Павелича пришлось пойти на значительные территориальные уступки Италии и отдать ей территории, которые этногосударственная программа А. Старчевича и его последователей провозглашали «истинно хорватскими». Италия по соглашению с НДХ оккупировала Герцеговину, хотя формально территория Боснии и Герцеговины целиком вошла в НДХ⁷⁵.

В июне-июле 1941 г. территория НДХ была разделена на двадцать две великих жупании (губернии), которые, в свою очередь, состояли из котаров (округов). Столица Загреб была выделена в особую единицу⁷⁶. Некоторые части Боснии и Герцеговины вошли в состав жупаний, центры которых находились вне Боснии и Герцеговины. Это, а также совпадение названий многих жупаний с названиями жупаний и областей, существовавших в средневековом государстве Хорватии, должно было подчеркнуть хорватское историческое и государственное право на территорию Боснии и Герцеговины⁷⁷. В то же время в одном из документов сербских четников Боснии перечислялись те же самые округа, которые, по их мнению, следовало бы присоединить к Сербии⁷⁸.

Только в трех из них великими жупанами (главами администрации) были мусульмане-босняки. Сходная картина наблюдалась и в других органах власти и государственных учреждениях. Лишь председатель Югославской мусульманской организации Джафер Куленович «удостоился» поста вице-преьера правительства НДХ и пробыл на нем с ноября 1941 вплоть до эмиграции в 1945 г. Несмотря на красивые слова о том, что босняки-мусульмане являются «цветом хорватской нации», на практике усташи ничего не делали для того, чтобы защитить их от нападений сербских четников. Эти нападения соответствовали идеологии Д. Михайловича и С. Мольевича и их территориальным притязаниям в Боснии и Герцеговине, которую они считали сербской этнической территорией. Достаточно вспомнить приведенную выше статью С. Мольевича «Гомогенная Сербия», в которой провозглашалась цель «очистить» сербские территории от несербских элементов. Первое массовое истребление босняков со стороны четников относится к июню 1941 — февралю 1942 г.; второе — к августу 1942; третье — к началу 1943 г. В августе 1942 г. в Сараево мусульмане-босняки создали Комитет национального спасения для вооруженного сопротивления не только четникам, но и усташам. В то же время усташское руководство рассматривало никогда не угасавшие среди мусульман-босняков автономистские традиции как самую большую опасность для НДХ⁷⁹.

С другой стороны, усташские пропагандисты, играли на чувствах обиды и унижения, которые, несомненно, существовали у босняков-мусульман по отношению к королевской («сербской») Югославии, не признавшей их особым народом с соответствующими правами, и натравливали босняков (объявляя их хорватами!) на сербов, говоря о том, что «пришло время отмщения»⁸⁰. И эта пропаганда имела успех.

В статье «Наказ мусульманам», опубликованной в газете сербских четников «Глас Цера»

25 февраля 1944 г., им предлагался выбор: «остаться на стороне НДХ и ее хозяина — Германии; встать на сторону партизан и бороться против Германии, Хорватии и нас, солдат Югославской регулярной армии на родине и, в конце концов, и против наших могущественных союзников; или своевременно присоединиться к нам и встать под команду Дражи Михайловича, чтобы вместе бороться против общих врагов»⁸¹.

В то же время находил отклик и призыв коммунистов, обращенный к хорватам и мусульманам, «помочь борьбе своих сербских братьев» против «гитлеровских и павеличевских банд», заканчивавшийся, между прочим, словами «Да здравствуют Советская Россия, Англия и Америка!». Однако эти и другие призывы, хотя и показывали мусульманам, против кого и чего надо бороться, но совершенно не проясняли вопрос — за кого и во имя чего. Дело в том, что в этих призывах упоминались «все народы Югославии», т.е. сербы, хорваты и словенцы, а мусульманам по-прежнему отказывали в признании⁸². В этих условиях мусульманам было чрезвычайно трудно сделать выбор и найти свое место по ту или иную сторону баррикад в освободительной, гражданской и межнациональной войне.

Чтобы воспрепятствовать попыткам мусульман отделить Боснию и Герцеговину от НДХ, власти в Загребе производили и манипуляции со статистическими данными. Был также возрожден тезис хорватского национального движения XIX в. о том, что мусульмане-босняки — это часть хорватской нации. И в соответствии с этим постулатом ислам тогда рассматривался как фактор, интегрирующий хорватскую нацию. Стремясь обосновать свои притязания на территорию Боснии и Герцеговины, где помимо официально не признаваемых сербов жили еще и мусульмане-босняки, не только хорватским государственным правом, но и естественным правом и национальным принципом, идеологи усташества провозглашали мусульман-босняков, несмотря на их конфессиональные отличия, «истинными хорватами». В своих этнодемографических изысканиях А. Павелич назвал этот народ «хорватами-мусульманами», а в апреле 1941 г., выступая с обращением к «хорватам, солдатам, католикам и мусульманам», он заявил, что «мусульманская кровь — это хорватская кровь»⁸³.

В 1941 г. был представлен проект исламских религиозных законов и конституции. На территории НДХ первое время признавались три религии — католическая, протестантская и ислам. Официально считалось, что мусульмане в прошлом были хорватами-католиками, и остались хорватами после принятия ислама. Православие было запрещено; разрушались церкви, закрывались монастыри, изгонялись и уничтожались православные священники. Были попытки и на-

сильственного окатоличивания, но они ни к чему не привели.

Историки — сербы, хорваты, босняки — отмечают в своих работах, что военные преступления и преступления против человечности во время Второй мировой войны совершались в тех же городах и в тех же районах, что и пятьдесят лет спустя, в первой половине 90-х годов: Власеница, Сребреница, Рогатица, Вышеград, Горажда, Чайнич, Фоча. Естественно, каждая сторона обвиняет в них войска и военизированные формирования двух других национальностей.

Если «недичевцы» и четники были повержены с помощью Советской армии, то усташи НДХ были разбиты Народно-освободительной армией Югославии (НОАЮ) Й. Броза Тито самостоятельно. НДХ перестала существовать, самому главарю А. Павеличу удалось бежать; он умер в 1959 г. в эмиграции в Мадриде. Многие же солдаты, мобилизованные в его армию («домобраны» — ополченцы, хрв.) во время войны, были выданы союзниками новой власти из лагеря в Бляйбурге (Австрия), где они находились вместе с также выданными СССР казаками, и либо были казнены на месте, либо позднее погибли в лагерях⁸⁴. Такая же судьба постигла и многих солдат «армии» М. Недича, четников Д. Михайловича и усташей А. Павелича.

«Свободная и объединенная Словения»

Специфика ситуации в Словении толкала словенцев на путь активного сопротивления. Поэтому в данной исторической ситуации цели национального самосохранения и освобождения во многом совпадали с лозунгами коммунистов, задачи социальной революции и национального освобождения тесно переплетались. По этой причине Освободительный фронт набирал влияние и силу, становился в известной мере общенациональной организацией. Хотя каждая из сторон — коммунисты, традиционные партии и откровенные коллаборационисты — по понятным причинам утверждала, что большинство словенцев поддерживало именно ее.

Однако словенский югославизм не был един, и ни один из его вариантов ни в коем случае не означал признание концепции этнического единства словенцев с сербами и хорватами. Война обозначила новый этап в развитии идеологии словенского национального движения, для которого была характерна попытка скоррелировать узкий, моноэтнический, собственно словенский национализм с более широким, полиэтничным югославистским национализмом, понимаемым исключительно как государственная идея. Это было лишь согласием на вхождение словенцев и их государственного образования в состав федеративной Югославии и признанием того факта, что в той исторической

ситуации лишь в составе Югославии словенцы могли сохранить свою национальную индивидуальность и обеспечить национально-политические интересы. При этом словенский югославизм времен Второй мировой войны опирался на традиции словенского национального движения XIX — начала XX в., а также межвоенного периода и носил ярко выраженный и широко трактуемый федералистский характер.

Идеологическая полемика и политическая борьба в рамках словенского национального движения шла между Освободительным фронтом во главе с коммунистами, Национальным вече и словенскими политиками, входившими в состав Лондонского правительства. Основной причиной разногласий был, естественно, вопрос о власти.

Освободительный фронт выступал за решительную вооруженную борьбу за освобождение; за самоопределение словенцев с правом на отделение; за изменение социальной и политической системы будущего югославского государства; за опору на СССР; за создание новой армии на основе партизанских отрядов создание новой, коммунистической Югославии. Национальное вече, в которое вошли традиционные словенские политические партии — либералы, социал-демократы и клерикалы (Словенская народная партия), не исключало сотрудничества с оккупационными властями, выступало за восстановление королевской Югославии при некоторых реформах, максимально возможное объединение словенских этнических территорий и опору на Англию и США. Словенские политики в Лондоне были непримиримо настроены по отношению к оккупантам, однако ставили своей целью восстановление «старой» Югославии, выступали с антикоммунистических позиций против социальной революции и за объединение всех словенских территорий. Находясь на антикоммунистических и антиреволюционных позициях, Лондонское правительство обнаружило гораздо большую склонность к сотрудничеству с традиционными партиями, чем с Освободительным фронтом.

Конкурируя за общественную поддержку, партии и лидеры всех группировок зачастую перенимали друг у друга лозунги и активно их использовали. Освободительному фронту не был чужд словенский национализм, а буржуазным политикам — рассуждения о «социальной справедливости». Однако относительно того, что освобожденная и объединенная Словения должна войти в югославское государство, разногласий практически не было.

Несмотря на ничем не прикрытую и жесткую ассимиляторскую политику и осуществлявшийся оккупантами этноцид, среди словенцев нашлись и убежденные коллаборационисты и прямые пособники оккупантов, будь то итальянских, германских или венгерских. Против освобождения

и вхождения Словении в той или иной форме в восстановленную Югославию выступали лишь откровенные коллаборационисты, вроде бывшего генерала югославской армии Леона Рупника, служившего и итальянскому и германскому оккупационным режимам. Некоторая часть словенского общества приветствовала и присоединение Люблянской провинции к Италии⁸⁵.

Общество и нация фактически раскололись на несколько групп; с течением времени раскол только усиливался⁸⁶. Первую представлял Антиимпериалистический, затем Освободительный фронт (создан 27 апреля 1941 г. Исполком ОФ 16 сентября 1941 г. был преобразован в Словенский комитет национального освобождения)⁸⁷. Ведущую роль в нем играла Коммунистическая партия Словении (в соответствии с решением 1934 г. в 1937 г. образована, как и компартия Хорватии, в составе КПЮ в рамках политики Коминтерна, допускавшей создание «национальных партий» в этнически компактных странах, находящихся под национальным угнетением⁸⁸). В него входили также левые христианские социалисты, левая часть организации «Сокол» и деятели культуры левых убеждений.

В июне 1941 г. были опубликованы «Лозунги нашей освободительной войны». Они декларировали право словенского народа на самоопределение, включая право на отделение и присоединение к другим народам; освобождение и объединение разъединенного словенского народа, включая Корушку и Приморскую Словению; согласие и единство народов Югославии и всех Балкан в их борьбе за освобождение. Советский союз провозглашался «главной силой и главной опорой в освободительной борьбе словенского народа и угнетенных народов». ОФ считал своей целью «национальное самоопределение и национальный суверенитет в форме федеральной и федеративной Югославии»⁸⁹. Однако об автономизации или федерализации Словении и речи практически не шло: во время войны к итальянцам, немцам, венграм словенцы относились не только как к меньшинствам, но и как к оккупантам и врагам или их пособникам. (Впрочем, ориентированный на католические круги комитет приморских словенцев и истрийских хорватов 25 августа 1941 г. выступил за федеративную Словению в составе Югославии и за сотрудничество всех партий)⁹⁰.

На рубеже 1941–1942 гг. ОФ сформулировал свои «Основопологающие принципы». Они были следующими: борьба против оккупантов, которая одновременно является и борьбой за объединение всех словенцев; отказ признать раздел Югославии; согласие и единство всех югославянских и славянских народов под руководством великого русского народа на принципах права каждой нации на самоопределение; борьба народных масс за нацио-

нальные права и права человека и создание нового облика активного «словенства»; лояльность всех партий и групп, входящих в ОФ; переход после победы власти в Словении в руки ОФ и установление народной демократии; в соответствии с Атлантической хартией, после национального освобождения решать вопрос о внутреннем устройстве объединенной Словении будет сам словенский народ; национальная армия на территории Словении будет формироваться из отрядов народно-освободительной армии и Национальной обороны, куда призывались вступать все сознательные словенцы⁹¹.

В январе 1942 г. коммунисты выдвинули концепцию «трех фаз народной революции»: первая — «текущая»; вторая — изгнание оккупантов; третья — «социальное освобождение словенского трудящегося»⁹².

КП Словении в феврале 1942 г., естественно, отвергла обвинения оппонентов в стремлении создать средневропейское коммунистическое государство⁹³. Партия заявила, что она никогда не имела в своей программе плана Дунайской федерации, что она на совещании компартий Югославии, Австрии и Италии 1933 г. «уступила» Триест, Целовец и Марибор, поскольку выступала за право на отделение словенцев Корюшки (Каринтии) и Приморья и их объединение со словенским народом, что она не проповедует ненависть к хорватам и сербам⁹⁴. Некоторые современные словенские историки считают, что до 1942 г. КПС не окончательно признавала вхождение Словении в состав Югославии, а имела в виду и иные альтернативы, например «Советскую Словению в составе средневропейско-дунайской федерации»⁹⁵.

1 мая 1942 г. ЦК КПС выпустил заявление о том, что «под освобожденной и объединенной Словенией» партия понимает «территории, на которых проживает словенское население, а также территории, с которых оно в период империализма изгнано». По сути дела, это была прикрытая коммунистической фразеологией программа чуть ли не безграничного приращения соседних территорий, на которых проживали отнюдь не только словенцы⁹⁶. С одной стороны, это был ответ и Лондонскому правительству, и партиям Национального вече; с другой — программа могла способствовать распространению коммунизма путем присоединения новых территорий под национальными лозунгами. В конце концов, во второй половине 1942 г. издал Исполком Комитета национального освобождения коммунисты, в котором были очерчены его представления о границах «свободной и объединенной Словении — от Триеста до Шпиля, от Колпе до Целовца (Клагенфурта)»⁹⁷.

В конце февраля 1943 г. было принято Доломитское заявление, в котором два «младших партнера» КПС — христианские социалисты и «соколаши»

признали руководящую роль коммунистов, и ОФ превратился в значительной мере в «приводной ремень» политики партии⁹⁸.

В 1943 г., когда ОФ подтвердил свою приверженность «свободной и объединенной Словении в свободной и демократической Югославии», один из его руководителей, ближайший соратник Й. Броза Тито Эдвард Кардель заявил: «Наша деятельность строится на принципах самоопределения и равноправия в общем югославском отечестве»⁹⁹. Но и в этот раз не было речи ни о федерации или автономии внутри Словении, ни об иных правах национальных меньшинств.

Наконец в 1944 г. Словенский комитет национального освобождения объявил о том, что «словенский народ объединился с народами Сербии, Хорватии, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины»¹⁰⁰. В этом документе относительно словенцев этноним был использован и как политоним (то есть, фактически словенцы признавались единственной этнической общностью в Словении и на словенских территориях), а в отношении народов других республик допускалась их полиэтничность (использовался лишь политоним).

Дальнейший ход событий показал, что созданная югославскими, в том числе и словенскими, коммунистами — последователями Сталина и учениками Коминтерна — «федерация», в особенности в конце 40 — начале 50-х гг., была лишь прикрытием централистского и тоталитарного государства, имевшим мало общего с традициями словенского федерализма первой половины XX в.

Вторую группировку и идейно-политическую тенденцию составляли предвоенные буржуазные партии. 6 апреля 1941 г. в Любляне их представители образовали Национальное вече, которое робко попыталось взять власть, когда прекратилась связь с Белградом¹⁰¹. В двух оккупированных германской армией областях открыто проводилась политика онемечивания с целью их присоединения к Третьему Рейху. Прекорье было присоединено к хортистской Венгрии, власти которой также проводили соответствующие мероприятия¹⁰².

Целью традиционных партий было восстановление подновленной королевской Югославии, и они занимали «контрреволюционные» и антикоммунистические позиции. Национальное вече колебалось между сопротивлением и умеренным коллаборационизмом. Имея в виду возможность победы Антигитлеровской коалиции, оставляло дверь открытой и в другом направлении, не утрачивая связь с Лондонским правительством. Уже в 1941 г., когда судьба войны еще была отнюдь не решена, буржуазные политики выработали соглашение относительно своих требований в случае победы союзников. Они выступали за создание объединенной Словении, которая вошла бы

в состав федеративного королевства Югославии, а также за объединение Югославии и Болгарии¹⁰³. «Среднеевропейская альтернатива» Югославии, хотя и по иным причинам, будоражила сознание отнюдь не только коммунистов.

В середине сентября 1941 г. возродилось сотрудничество традиционных партий — Словенской народной, Югославской национальной и социал-демократической. Национальный комитет сформулировал свой подход к решению проблем национального освобождения и будущего устройства страны. «На основе национального единства словенского народа» оно потребовало «свободной и самостоятельной Словении со всеми прилегающими в географическом и транспортном отношении территориями, а также в государственной связи со всеми югославянскими народами». Авторы документа считали, что «на словенской земле только словенец является хозяином», а вопрос о «гражданстве на территории Словении решает сама Словения». При этом подчеркивалось, что все граждане обладают как равными правами, так и равными обязанностями¹⁰⁴.

В 1943 г. идея Балканской федерации была включена в программу Освободительного фронта. Однако ОФ и КПС признавали права черногорцев и македонцев, а неревOLUTIONные партии оставались верны старой формуле «словенцы, сербы, хорваты»¹⁰⁵.

23 ноября 1941 г. по радио BBC прозвучала новая версия национальной программы — обновленное и расширенное королевство Югославия; Словения — самостоятельная и равноправная часть Югославии со всем, что находится на ее территории в соответствии с национальным принципом; устройство обновленной Югославии должно быть принято при согласии всех ее составных частей и базироваться на основании принципа равенства на федеративной основе; к компетенции общих органов относятся лишь международные отношения, оборона государственной независимости, а также улаживание конфликтов для обеспечения мирного сожительства всех частей государства; все остальное относится к компетенции федеральных единиц. При этом Югославия составляет единое экономическое пространство и является демократическим государством¹⁰⁶.

26 апреля 1942 г. Словенский национальный комитет в Лондоне обнародовал новый вариант словенской национальной программы. «Югославское правительство, — говорилось в ней, — единственный представитель всей югославской государственной территории, получивший международное признание всех союзников». Военным министром назначен генерал Дража Михайлович, «единственный законный представитель и организатор югославских вооруженных сил и движения

сопротивления врагу, — говорилось далее в документе. — Все те, кто не подчинился генералу Михайловичу, будут считаться национальными изменниками и дезертирами и будут отвечать перед военным судом». Словенские политики-эмигранты были твердо убеждены в том, что, «для словенского народа единственная возможность — стать самостоятельной частью освобожденной Югославии»¹⁰⁷. Хотя политическая поддержка Дражи Михайловича как «военного министра» объяснима и понятна, с точки зрения не только национальной программы, но и национальных интересов словенцев она трудно объяснима, поскольку программа четников противоречила федералистским устремлениям словенских политиков. Осуществить на деле восстановление королевской Югославии на великосербской основе, — положение словенских министров и их сторонников было бы не лучше, а хуже, чем это было в межвоенные времена.

18 октября 1942 г. министр Лондонского правительства Янез Крек выдвинул свою программу. Она предусматривала объединение словенцев на всех их территориях в единую очищенную в национальном отношении территорию, сохранявшую для своей пользы транспортные экономические и географические связи. Словения вошла бы в состав Югославии и составляла бы с хорватскими и сербскими территориями единое неделимое государственно-политическое образование. Такая Югославия должна быть обустроена на принципах «самой полной демократии и социальной справедливости». Повторяя программу от 26 апреля 1941 г. и поддерживая военного министра, Я. Крек писал: «Как король и правительство являются единственной законной властью, так и югославская армия является единственной законной военной силой. Военным министром является генерал Дража Михайлович». «Все движения, направленные на отлучение словенского народа от Югославии, являются изменническими», — заканчивал он, явно имея в виду Освободительный фронт¹⁰⁸.

Оформившись в 1942 г. в два четко выраженных направления, либералы и клерикалы «на всякий случай» создавали и собственные нелегальные структуры. В 1942 г. либералы и клерикалы сформировали Словенскую лигу, которая прекратила свое существование после капитуляции Италии. По мере усиления позиций Освободительного фронта перед Национальным вече возникла дилемма — борьба за национальное освобождение под руководством коммунистов или коллаборационизм. Большинство оппозиционеров межвоенного периода выбрало второй путь, который привел их к бесславному бегству из страны вместе с германскими войсками в мае 1945 г.¹⁰⁹

12 сентября 1943 г. после капитуляции Италии Гитлер признал «культурную автономию» Лю-

блянской провинции и назначил «президентом» областного управления Леона Рупника, бывшего ранее жупаном этой области под итальянской администрацией. После этого клерикалы, на словах отказавшись от сотрудничества с немцами, при их поддержке создали Словенское «домобранство» (ополчение) под германским командованием, а также Антикоммунистическую лигу. Ранее были созданы и другие словенские военизированные формирования (Добровольная антикоммунистическая милиция — «белая гвардия», помогавшая итальянским властям, и «голубая гвардия», связанная со Словенской лигой), что было еще одним проявлением коллаборационизма¹¹⁰. (Один из руководителей ОФ и компартии Словении Э. Кардель призвал «безжалостно уничтожить «белую гвардию»»¹¹¹. В то же время часть либералов была арестована гестапо. И итальянская и германская администрации вовсе не отказывались от насилия над гражданским населением и от подавления национального движения. Многие его участники попали в концентрационные лагеря, например, на острове Раб¹¹².

29 октября 1944 г. обе группировки вновь объединились против Освободительного фронта и подписали совместный документ — Национальное заявление. В нем содержалось требование объединения Словении, создания федеративной Югославия, основанной на принципах социальной справедливости и восстановления Национального комитета в качестве органа «верховой власти словенского народа». Было даже распределено количество мест, выделенное каждой группировке и партии в составе этого комитета: 7 — клерикалам, 6 — либералам и социалистам. Решающим стало заседание 27 апреля 1945 г. На нем было принято постановление о смещении «президента» Леона Рупника, о взятии комитетом власти и переподчинении ему «домобранов». Но Л. Рупник пользовался полной поддержкой немцев, а «ополченцы» в апреле 1944 г. в присутствии епископа Люблянского Григория Рожмана принесли присягу на верность Гитлеру. Фактически германская администрация удерживала власть в своих руках вплоть до самого конца¹¹³.

**Йосип Броз Тито:
«Югославия строится и будет
построена на федеративной основе»**

15 апреля 1941 г., когда уже шла война в Югославии, а СССР сохранял приверженность пакту Молотова–Риббентропа, в день, когда Павелич прибыл в Загреб, ЦК КПЮ опубликовал свое воззвание, автором которого был сам Тито. «Подобно подлым стервятникам болгарские и венгерские империалисты прибились к крупным империалистическим завоевателям, чтобы и себе оторвать кусок мяса от окровавленного тела Югославии. Но народы Югославии, включая и большинство

хорватов, героически борются за свою независимость против многочисленных врагов». Установленный в Загребе режим в воззвании был назван «кучкой агентов и пятой колонной, которая при помощи изганных реакционных хорватских правителей систематически подготавливала и в самый трудный момент совершила предательство, которому нет равного в целой цепи измен хорватских феодалов». Обращаясь к самому хорватскому народу, коммунисты антинациональный характер новой власти: «Эти господа рассказывают тебе (т.е. хорватскому народу. — С.Р.), что они тебе завоевали свободу и независимость при помощи Гитлера и Муссолини. Ты этому веришь? Провозглашение НДХ коммунисты назвали «неслыханным позором, когда в страну против воли хорватского народа вторглись завоеватели и многовековые враги (немцы, итальянцы, венгры — С.Р.) для того, чтобы поработить и поделить твою кровью пропитанное отечество, а хорватские господа понуждают по-рабски ползать перед врагом и приветствовать его, праздновать приход момента, когда сапог его солдата топчет твою страну и твою национальную гордость... Разве сербский народ виноват в том, что тебя угнетали сербские господа? Разве сербский народ не приветствовал радостно твою справедливую борьбу за свободу и равноправие? ... Хорватский народ, знай, что история с презрением осудит тех, кто свою ложную независимость строит из иудиних серебряников, заложив в фундамент рабство твоих кровных братьев — сербского, словенского и остальных народов». Сербь и словенцы в воззвании Тито названы «кровными братьями»; однако в воззвании не упомянуты ни македонцы, ни черногорцы, ни босняки-мусульмане. О «славянском братстве» у Тито также нет ни слова.

Советский Союз был упомянут как коммунистическое государство, а не как «славянская Россия»: «Хорватский народ, знай, что симпатии двухсотмиллионного народа Советского Союза на стороне народа Югославии, который героически борется за свою независимость». Целью борьбы провозглашалось создание «на основе настоящей независимости всех народов Югославии свободного братского союза»; однако «братство» должно было покоиться только на фундаменте борьбы «рабочих и работниц». При этом Тито вышел за рамки Югославии и обозначил некую региональную перспективу, при опоре на поддержку Москвы: «Да здравствуют братство и согласие всех народов на Балканах против империалистических завоевателей и угнетателей народов! Да здравствует Советский Союз, надежда всех угнетенных и поработанных!»¹¹⁴

В самом первом после нападения Германии на СССР (22 июня) и в последующем (25 июля 1941 г.) воззваниях ЦК КПЮ «славянский компонент» отсутствует. Он появляется лишь в статье

Тито в августе 1941 г.¹¹⁵, то есть уже после славянского митинга в Москве, когда стало ясно, что Кремль в поисках союзников решил использовать и этноконфессиональные мотивы.

22 июня, в день нападения Германии на Советский Союз, в Хорватии в районе города Сисак был сформирован первый партизанский отряд. 27 июня 1941 г. Политбюро ЦК КПЮ приняло решение создать Главный штаб национально-освободительных партизанских отрядов Югославии во главе с Тито в качестве генерального секретаря КПЮ¹¹⁶.

30 июня 1941 г. Георгий Димитров в радиопрограмме Вальтеру (Тито) определил задачи КПЮ в новых условиях войны Германии против СССР: «Отечественная война советского народа против разбойничьего нападения Гитлера — это гигантская смертельная схватка, от исхода которой зависит не только судьба Советского Союза, но и свобода вашего народа. Настал час, когда коммунисты должны поднимать народ на активную борьбу против оккупантов. Организуйте, не медля ни одной минуты, партизанские отряды и развертывайте в тылу врага партизанскую войну»¹¹⁷. Коминтерн и Кремль с самого начала ориентировали Тито и руководство КПЮ на то, что на начальном этапе войны речь идет об освобождении от оккупантов, а не о «социалистической революции»¹¹⁸. «Югославские коммунисты приняли эту директиву к исполнению и сделали все от них зависящее для развертывания массовой объединенной борьбы с оккупантами»¹¹⁹.

Коммунистам завоевать поддержку населения было совсем не просто. «Факты состоят в том, что до объявления Германией войны России (...) отечественные коммунисты не проявляли никакой активности, а было и немало случаев, когда они приветствовали договор России с Германией и считали несвоевременным выступать против оккупантов. (...) До вступления России в войну в лесах на территории Хорватии находились только сербы, бежавшие от насилия усташей, — писал неизвестный информатор королевскому правительству в Лондон. — Руководство коммунистической партии и ее главные функционеры перебросились из Сербии в Боснию. Их тактика в самом начале, в особенности когда они переместились в Хорватию, была очень хорошо рассчитана, так как в селах они выступали за Мачека, изображали из себя армию д-ра Мачека, Матии Губца¹²⁰ и т.д., пропагандировали войну против оккупантов и в то же время открыто выступали против того, чтобы народ шел в [югославскую] армию. (...) Сразу же они ввели обращение „товарищ“, восхваляли, конечно очень осторожно, Россию, выступали за свободную Хорватию, но резко критиковали усташский режим и его верхушку и, в особенности, немцев и итальянцев как оккупантов»¹²¹.

Тем не менее объективно КПЮ оказалась единственной по составу многонациональной партией, а также единственной партией, выступившей против оккупации и раздела страны, принципиально отмежевавшейся от королевской Югославии. Все остальные политические организации имели локальный и национальный характер и прекратили свое существование. Например, часть Хорватской крестьянской партии д-ра Мачека — крупнейшей оппозиционной партии в Хорватии — стала сотрудничать с режимом Павелича, часть — перешла к партизанам, часть — отошла от политики¹²².

В связи с этим нельзя не упомянуть об излишне политизированном в последние годы по понятным причинам вопросе о национальном составе участников Народно-освободительной борьбы. Еще в августе 1944 г., отвечая на утверждения Черчилля (по-видимому, под влиянием эмигрантского королевского правительства), что «существует разрыв между народно-освободительным движением и сербским народом», Й. Броз Тито подчеркнул, что «НОД является сербским по происхождению и в значительной мере по составу» и что «сербы представляют костяк НОД»¹²³. Однако сейчас это утверждение, непосредственно связанное с политической борьбой за власть и влияние, вызывает возражения. Хорватские историки, например, приводят данные (опубликованные еще в 1960-е годы), что среди участников Народно-освободительной борьбы на территории Хорватии хорваты составляли около 60%, а сербы — около 30%¹²⁴.

Значение КПЮ и ее вождя для движения сопротивления признали и их противники. Черчилль писал: «Неистовая, ожесточенная война за существование, война против немцев пламенем разгоралась среди партизан. Среди них выдающаяся, а скоро и доминирующую роль стал играть Тито. Как только в его душе и мыслях коммунистическая доктрина слилась воедино со жгучей любовью к родной стране, переживавшей страшные муки, он стал вождем и к нему примкнули люди, которым нечего было терять, кроме своей жизни, которые готовы были умереть, но умереть, уничтожая врага. (...) Численность [партизан] быстро росла. Никакие самые кровавые репрессии против заложников или деревень не останавливали их. Для них речь шла о смерти или о свободе»¹²⁵.

Коммунистическая партия Югославии во время войны соединила в своей программе традиционную югославистскую идею, поддерживавшуюся и частью социал-демократов до Первой мировой войны, с принципами пролетарского интернационализма. Основой его стала известная формула «братство и единство всех наций и национальностей».

Объединение разьединенных не только национальными противоречиями, но и классовыми интересами и политическими целями сил в окку-

пированных и союзных Германии странах было в первые годы войны одной из главных целей СССР. Ее достижению должна была быть подчинена политика всех компартий, включая и КПЮ.

Первая сессия Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ) состоялась 26 ноября 1942 г. в боснийском городке Бихач, находившемся под контролем партизан. Она заложила основы новой государственности и публично продемонстрировала королевскому правительству, «четникам» Михайловича, квислинговским режимам на пространстве оккупированной и разделенной Югославии, а также государствам Антигитлеровской коалиции претензии КПЮ на власть.

II сессия АВНОЮ 29–30 ноября 1943 г. в г. Яйце провозгласила принцип суверенности народов Югославии и их государства, которое строится на федеративной основе. Комментируя в феврале 1943 года ставшую уже известной программу Й. Броза Тито — Ивана Рибара (тогда — председатель Исполкома АВНОЮ), министр королевского правительства Грол записал в дневнике, что, «если не считать одного пункта — о федерации сербов, хорватов, словенцев и македонцев (и др. [народов]), оппозиции в стране у них (партизан. — С. Р.) не будет»¹²⁶. Официально программа, принятая на второй сессии АВНОЮ, гласила: «Чтобы осуществить принцип суверенности народов Югославии, чтобы Югославия превратилась в подлинное отечество для всех народов и не стала бы вотчиной каких бы то ни было господствующих клик, Югославия строится и будет построена на федеративной основе, которая обеспечит полное равноправие сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев, народов Сербии, Хорватии, Словении, Македонии, Черногории, Боснии и Герцеговины»¹²⁷. Кроме того, сессия АВНОЮ приняла решение о присоединении к будущему югославскому государству Словенского приморья, бенешской Словении, Истрии и хорватских островов в Адриатическом море. Символично, что сессия АВНОЮ проходила в дни работы Тегеранской конференции, проходившей с 28 ноября по 1 декабря 1943 г.¹²⁸

АВНОЮ несколько запоздал, поскольку нота югославского королевского правительства в изгнании о территориальных требованиях Югославии по отношению к Италии была передана правительству Великобритании на полгода ранее — 23 июля 1943 г.¹²⁹

В соответствии с планами Й. Броза Тито и руководства КПЮ Югославия должна была превратиться в территориальную федерацию, названия единиц которой совпали бы с этнонимами основных народов Югославии. Их границы частично совпали бы с этническими, но многонациональный характер населения в каждой республике

сохранялся. Таким образом, отвергался принцип Д. Михайловича «одна национальность — одна нация — одна территория — одно государство». Югославия должна была стать централизованной федерацией республик, основанной на принципах «пролетарского интернационализма». Югославские коммунистические руководители стремились совместить марксистскую теорию, опыт СССР и предвоенной Югославии, воссоздать югославизм в новой форме. Они отвергали и «интегральный югославизм», и этнический национализм отдельных южнославянских народов. Они не рассматривали национальность как субъект государственного права и политических отношений, выступали против отождествления религиозной и национальной принадлежности¹³⁰. Нельзя не заметить также, что при акцентировании права народов на самоопределение вплоть до отделения, в документах КПЮ и АВНОЮ боснийские мусульмане как отдельный народ не упоминались.

КПЮ сразу же принялась выстраивать идеологические и политические и административные основы новой государственности. Партия выступала не только за национальное освобождение и восстановление страны при увеличении ее площади за счет этнических территорий, но и за национальную революцию на основе революции социальной — социалистической.

КПЮ во время войны соединила в своей программе традиционную югославистскую идею, поддерживавшуюся и частью социал-демократов до первой мировой войны, с принципами пролетарского интернационализма, а также идеями балканского федерализма. Основой его стала известная формула «братство и единство всех наций и национальностей». Некоторые из приближенных Й. Броза Тито мечтали о присоединении Югославии к СССР¹³¹.

30 ноября АВНОЮ был сформирован Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) — правительство во главе с Тито. Как свидетельствовал Джилас, решение было принято без согласования со Сталиным и вызвало его неудовольствие¹³². «Советское правительство не хотело предпринимать никаких шагов, которые можно было бы истолковать как противоположные желаниям и намерениям югославского правительства, — писал в своих воспоминаниях Велебит. — В этом случае британское правительство могло бы прийти на помощь своему подопечному и мог бы продолжиться конфликт, который неустойчивый характер советско-британского союза перенес бы с трудом. Если посмотреть на позицию Советского правительства по отношению к национально-освободительному движению в Югославии с этой точки зрения, а она единственно отвечает реальности, становится понятным, почему

советское правительство столь отрицательно относилось к созданию новой народной власти в Югославии»¹³³.

«Проблема выбора ориентации на развитие взаимодействия либо с эмигрантскими кругами, представлявшими „легитимную” традицию власти, либо с силами сопротивления, которые действовали на оккупированной территории и не подчинялись эмигрантским властям, более остро стояла в применении к Югославии, — пишут современные российские историки. — Там самая активная часть движения Сопротивления, партизанская армия под руководством коммунистов во главе с Тито, находилась в прямой конфронтации с лондонским правительством и подчинявшимся ему „четниками” генерала Михайловича. 14 декабря Информбюро НКВД СССР опубликовало заявление об официальном признании НКОЮ со стороны СССР. В феврале-апреле 1944 г. состоялся обмен военными миссиями между СССР и НКОЮ»¹³⁴.

Становится понятным и сталинский гнев против возможного образования временного правительства в Югославии, противостоящего эмигрантскому правительству в Лондоне. Тем не менее, когда прибывший в Москву в июле 1944 года Джилас спросил Сталина, нет ли у того замечаний в отношении политики и деятельности КПЮ, то получил ответ: «У меня нет замечаний. Вы сами знаете, что следует делать»¹³⁵.

Характерен и ответ Сталина на замечание Джиласа относительно того, что в Югославии, по существу, действует режим советского образца. «Нет, — ответил Сталин, — ваше правление не советское, а что-то среднее между Францией де Голля и Советским Союзом»¹³⁶. В то же время он признавал Югославию «дружественной социалистической страной», от которой у СССР «нет военных тайн»¹³⁷. Однако при этом в директиве Центра главе советских советников по линии спецслужб от 18 января 1945 г. особо подчеркивалось: «Вы советник, а не инструктор в этом аппарате. (...) Помните, что Вы представитель социалистического государства в буржуазно-демократической стране»¹³⁸.

Большое значение с политической точки зрения имело учреждение в 1944 году советской миссии во главе с генерал-лейтенантом Н. В. Корнеевым при НКОЮ¹³⁹. (Первая британская миссия прибыла к Тито в мае 1943 г., а советская — 23 февраля 1944 г.) При этом в нее наряду с сотрудниками военной разведки включили и небольшую оперативную группу НКГБ СССР¹⁴⁰. Как полагают историки Службы внешней разведки, «в апреле 1944 года началось плодотворное сотрудничество спецслужб СССР и новой Югославии» — уже как двух государств. Задачей сотрудников спецслужб был сбор информации о деятельности «четников», создание базы для ведения разведывательной ра-

боты по Германии и подвластным ей странам, добывать информацию о мероприятиях англичан и американцев в Югославии.

Этим сотрудникам инструкцией предписывалось оказывать Тито «помощь в деле создания и налаживания работы политической разведки, контрразведки, а также организации шифротдела в центральном и периферийном аппаратах и в воинских частях». При этом «в процессе выполнения этих задач все свои действия и взаимоотношения с Тито (они) строят сообразно линии отношения нашего правительства к народно-освободительному движению в Югославии как к единственно правильной в настоящее время форме народной борьбы и учитывают национальную самостоятельность югославского народно-освободительного движения. Им предписывалось: «вербовочной работы в разведаппарате Тито, равно как и вообще во всех других учреждениях народно-освободительного движения, не проводить», «проявлять крайнюю осторожность и такт, чтобы не вызвать претензий по поводу вмешательства во внутренние дела Югославии и нелояльного отношения к союзникам».

Впоследствии югославская сторона дополнительно запросила о помощи в «налаживании оперативного учета, секретного делопроизводства и контроля за соблюдением государственной тайны. Еще 7 сентября 1944 г. постановлением ГКО о мероприятиях по оказанию помощи НОАЮ среди прочего поручалось наркому НКГБ Меркулову «организовать подготовку 30 человек руководящих работников контрразведки»¹⁴¹. Подготовкой диверсантов руководил известный специалист в этой области И. Г. Сталинов. Кроме того, советские советники объективно играли видную роль в организации и становлении новых югославских спецслужб, в частности — ОЗНА (Органы защиты народа, во главе которых встал секретарь ЦК КПЮ Александр Ранкович). В апреле 1945 г. на родину вернулась первая группа из 29 югославов, прошедших обучение в Высшей школе НКГБ. Советники-инструкторы НКГБ были направлены в Сербию, Хорватию, Словению, Македонию, Воеводину и Черногорию. Во время встречи с ответственным работником Центра Г. Овакимяном Тито попросил оказать помощь в налаживании служб внешней разведки в связи с обновлением и комплектованием ряда дипломатических представительств. Шел и обмен оперативной информацией. При этом безусловно брались в расчет возможности созданных в 1944–1945 гг. при советской помощи баз диверсантов в Хорватии, Сербии и Словении. В отчетном документе советской разведки за 1944 г. созданный «строго централизованный контрразведывательный аппарат» признавался «пока еще единственным аппаратом новой югославской государственности»¹⁴².

После встречи в 1944 г. Джиласа со Сталиным в Москве НКОЮ был выделен беспроцентный заем в 10 млн долларов в валюте и золотых слитках. Щедрость Сталина, вспоминал Джилас, «намного превосходила то, о чем мы просили»¹⁴³.

О масштабах помощи Тито свидетельствуют, например, два постановления ГКО от 7 и 22 сентября 1944 г. и 10 февраля 1945 г. Они предусматривали и формирование особых частей Красной армии, и подготовку самих югославских военнослужащих, и направление инструкторов в авиационные и танковые части, и транспортное обеспечение. Для выполнения всех этих задач создавался Специальный отдел ГКО, подчинявшийся начальнику ГРУ Красной армии¹⁴⁴.

Однако взаимодействие было налажено отнюдь не сразу. Сказывались как стратегические колебания Москвы относительно ставки на своих единомышленников или на королевское правительство, так и ее тактические ухищрения в отношениях с Великобританией и США¹⁴⁵.

По мере развития событий все более актуальными становилось признание Национального комитета освобождения Югославии и движения Тито в качестве ведущей политической силы, а также государственных границ новой Югославии. Еще 24 апреля 1944 г. Молотов обсуждал с прибывшим в Москву Джиласом вопрос о признании «югославского народно-освободительного движения» и заявил, что для этого «нужно выбрать момент наиболее выгодный как для Советского Союза, так и для самого югославского народа»¹⁴⁶. Советский Союз, а не Югославия был назван первым.

В борьбе за международное признание СССР оказал югославским коммунистам большую политико-дипломатическую и военную помощь. 16 июня 1944 года было подписано соглашение Тито–Шубашич (15 июня, о. Вис и 1 ноября, Белград)¹⁴⁷. Первый официальный визит Й. Броза Тито — уже не Вальтера! — в Москву состоялся 21–28 сентября 1944 г. В его ходе было подписано соглашение между НКОЮ и советским командованием о временном вступлении советских войск на территорию Югославии. В октябре 1944 г. была проведена совместная Белградская операция Советской армии и Национально-освободительной армии Югославии.

7 марта 1945 г. было сформировано временное народное правительство Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ) во главе с Тито, который стал и министром обороны. Всего из двадцати восьми министерских постов двадцать два заняли кандидаты Национального комитета освобождения Югославии (НКОЮ). Хотя 12 марта СССР признал это правительство, назначив при нем посла, в секретном закрытом письме Тито, Карделю и Андрии Хебрангу советская сторона вновь выразила свое

неудовлетворение. На этот раз, по мнению Москвы, в декларации правительства отсутствовали четкая позиция по вопросу о сближении со славянскими странами и оценка роли СССР. Кроме того, Сталин считал, что получивший пост заместителя председателя правительства Грол, в прошлом — один из лидеров сербской демократической партии и министр лондонского королевского правительства в эмиграции, не осудил Михайловича и «не отмежевался от великосербской антидемократической линии», что даст возможность «реакции» мешать политике Тито¹⁴⁸. Министром иностранных дел в этом же правительстве стал Шубашич, который, как и Тито, побывал во время Первой мировой войны в русском плену, но сделал из этого опыта совершенно иные политические выводы.

11 апреля 1945 г. во время визита Тито в Москву был заключен Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве между СССР и Югославией¹⁴⁹. В Югославии это событие было встречено с ликованием. Югославия называлась первой при перечислении союзных государств СССР. «Сталин обнимал Тито, предсказывая ему будущую роль в европейском масштабе», — вспоминал Джилас¹⁵⁰.

Со своей стороны, Тито, принимая условия игры, дал в интервью «Красной звезде» выдержанный в традициях тех лет, но все же сдержанный отзыв о «маршале Сталине». «Я беседовал с маршалом Сталиным. Простой и спокойный человек, великий полководец и государственный деятель, он с большим вниманием отнесся к нуждам нашей страны». «Выражения любви к Югославии мы видели на каждом шагу, и для нас это большая награда, большая радость... Мне сообщили, что все население Югославии с ликованием встретило весть об этом договоре». В те дни и Тито не сомневался, что «и в послевоенные годы [дружба наших народов] будет нерушима и тверда, являясь одним из оплотов мира в Европе»¹⁵¹.

Тем не менее, тот же Джилас заметил во взаимоотношениях двух лидеров «что-то особое, невысказанное — как будто между ними существовали какие-то взаимные обиды, они испытывали недовольство друг другом, но ни один, ни другой по каким-то своим причинам их не высказывал. Сталин следил за тем, чтобы никак не обидеть лично Тито, но одновременно мимоходом придирался к положению в Югославии. Тито же относился к Сталину с уважением, как к старшему, но чувствовалось, что он дает отпор, в особенности сталинским упрекам по поводу положения в Югославии»¹⁵².

Еще 8 февраля 1942 г. Тито «заявил, что Дурмитор»¹⁵³ — одна из республик Советского Союза»¹⁵⁴. Конечно, это была в чистом виде пропаганда военного времени, рассчитанная на подъем боевого духа, но все же... И позднее самые близкие

к Тито лично и политически товарищи не скрывали своих идей и мечтали о тесном союзе и даже о присоединении Югославии к СССР. На уже упоминавшихся переговорах с Молотовым в апреле 1944 г. Джилас сказал, словно извиняясь: «Югославии, может быть, придется просуществовать 2–3 года, а то и 5 лет, как самостоятельному государству. Следует учитывать, что любовь югославского народа к Советскому Союзу очень велика, народ хочет жить вместе с Советским Союзом»¹⁵⁵. В 1944 г. ни у черногорца Джиласа, ни у его спутников не вызвала неприятия и фраза Сталина о русских и сербах: «Ей-богу, что тут еще говорить: один народ!»¹⁵⁶ Тогда такие слова, да еще в устах «вождя», воспринимались как высшая похвала.

Выступая 13 апреля 1945 г. во Всеславянском комитете, Тито заявил: «От имени югославянских народов я обещаю вам, что сделаю все, чтобы между нами были созданы условия для сплоченного сотрудничества, чтобы не было никаких различий»¹⁵⁷.

15 мая было завершено освобождение территории Югославии частями НОАЮ. А 27 мая 1945 г., вскоре после возвращения из Москвы, Тито произнес свою, ставшую впоследствии широко известной, речь в Любляне. В частности, Тито сказал: «Мы требуем, чтобы каждый самому себе был хозяин; мы не будем оплачивать чужие счета, мы не будем разменной монетой, мы не допустим, чтобы нас впутывали в политику «сфер влияния»... Мы больше не будем ни от кого зависеть, несмотря на то, что говорили и писали — а пишут много, пишут безобразно, пишут несправедливо, пишут оскорбительно, недостойно по отношению к тем людям, которые живут в союзных нам странах»¹⁵⁸. Эти слова Сталин расценил как выпад против Советского Союза, поскольку югославский руководитель не провел различия между политикой СССР и политикой западных стран и позволил себе прямой намек на советско-германские договоры 1939 г. К сожалению, сразу же после общей победы стали складываться объективные и закладываться субъективные причины советско-югославского конфликта 1948–1955 гг.

* * *

Военное поражение и крах королевской Югославии привели к новому обострению межэтнических противоречий на ее территории, к очередной перекройке административных и политических границ. Оккупанты умело использовали сербских, хорватских и других радикальных националистов, стремившихся использовать крах единого государства и осуществить, как им казалось, национальное самоопределение по принципу «одна этническая общность — одна территория — одно государство». В результате межэтнические противоречия между южнославянскими народами

приняли характер междоусобной и гражданской войны в условиях иностранной оккупации. Террор был развязан по этническому, религиозному и политическому принципам.

В 1941–1945 гг. на территории оккупированной Югославии столкнулись различные варианты этнического национализма. Узкий этнический национализм, радикальный югославизм и упрощенный интернационализм были основаны на политическом экстремизме и насилии, на идее авторитарного или тоталитарного государства. В этом состояло их идейное и психологическое родство. Круг идей их руководителей был весьма ограничен и обусловлен их принадлежностью к одному времени, одной политической культуре и сходным идеологическим традициям. Этим объясняется множество типологических и смысловых совпадений в конкретных пунктах программ и схожесть логики мышления непримиримых врагов, каждый из которых имел к тому же и свои собственные политические амбиции.

Проблема коллаборационизма в поверженной Югославии в период Второй мировой войны чрезвычайно сложна. Сербский, хорватский, словенский и иной коллаборационизм в первую очередь питался межнациональными противоречиями и этнотерриториальными претензиями, возникшими еще в XIX в. и только усилившимися в королевской Югославии. Не последнюю роль играла и политика оккупационных властей, основанная на старом безотказном принципе «разделяй и властвуй», а также факт оккупации Югославии войсками четырех государств, между которыми отношения также были весьма простыми.

Казавшиеся в XIX в. демократическими и гуманистическими идеи (и бывшие отчасти таковыми), в XX в. были доведены до логического конца и исторического абсурда. Они стали идеологическим фундаментом тоталитарных и антигуманных режимов, обречших на смерть миллионы людей. На территории побежденной, разделенной и оккупированной Югославии соперничали между собой несколько типов социальных и национальных движений, но ни одно из них не было и не могло быть демократическим. Это было последствием слабого и деформированного развития процессов модернизации в государстве, раздираемым межэтническими конфликтами в процессе национального самоопределения населявших его народов.

После распада королевской Югославии в национальных движениях и сербов, и хорватов возобладали силы, представлявшие радикально-националистические течения, использовавшие экстремистские методы и вставшие на путь сотрудничества с оккупантами. Опыт отношений между частью югославянских народов и их псевдо-

независимыми государственными образованиями во время Второй мировой войны и иностранной оккупации ясно свидетельствует об однотипности национального экстремизма у конфликтующих народов и наличии одинаковых структурных элементов в его идеологии и политике. Этническая общность считалась единственным субъектом права, собственником территории и государства, границы которого должны были совпадать с границами расселения «своего» этноса. Этническую (или классовую) однородность предполагалось достичь путем массового истребления населения других национальностей или людей с иными политическими убеждениями, насильственным переселением и «этническими чистками». Иных путей добиться поставленных целей у правителей созданных оккупантами государственных образований, как и у руководителей коммунистического и антикоммунистического сопротивления не было.

Вожди этих течений и соответствующих им вооруженных формирований враждовали между собой, что не мешало им поочередно блокироваться друг с другом против наиболее сильного в данный момент соперника. Они искали разные пути осуществления своих теорий и планов. Не стал выходом из замкнутого круга и югославизм нового типа, основанный на пролетарском интернационализме и коммунистической идеологии.

Политики, выступавшие за воссоздание единой Югославии в той или иной форме, возглавили коммунистическое и антикоммунистическое сопротивление оккупантам; радикальные этнические националисты независимо от национальности оказались в лагере коллаборационистов. Сложность исторической ситуации заключалась в том, что процесс национального самоопределения проходил у нескольких народов, находившихся приблизительно на одной стадии развития и проживавших на одной территории. Экстремизм одних неизбежно порождал экстремизм

других. Эксперименты по созданию «великих» моноэтнических государств «во имя нации» дорого обошлись самим югославянским народам. По разным подсчетам потери в войне сербов составили приблизительно более 500 тыс. человек, хорватов — 200 тыс., босняков-мусульман — около 100 тыс., а общее количество погибших на территории Югославии составило примерно 1,7 миллиона человек.

Ослепленные крайним этническим национализмом, однотипные оккупационные режимы, представлявшие лишь часть сербов, хорватов и босняков, несут ответственность и перед своими народами, и перед своими жертвами. Их «вожди» после победы государств Антигитлеровской коалиции были объявлены военными преступниками, и почти все казнены¹⁵⁹. А созданная «железом и кровью» коммунистом-югославистом Й. Брозом Тито Югославия через десять лет после его смерти распалась, породив межэтническую бойню, не менее страшную, чем в 1941–1945 гг.

В исторических условиях, сложившихся на Балканах после Второй мировой войны, единственным реальным ответом крайнему национализму и фашизму, проводившим на территории оккупированной и раздробленной Югославии политику этнических чисток и массовых репрессий, было коммунистическое сопротивление. Однако и оно не могло, да и не хотело полностью отказаться от национальных и националистических традиций. Подавив национальные противоречия внутри страны, Й. Броз Тито и его единомышленники выдвигали в соответствии с притязаниями «своих» народов этнотерриториальные требования к соседним государствам по всему периметру югославских границ. Демократической и мирной альтернативы развития Югославии во время и после Второй мировой войны не было и быть не могло. Коммунистический югославизм не стал синонимом демократии.

¹ Balkanski ugovorni odnosi. 1876–1996. Tom II. 1919–1945. Beograd, 1998. S.493–496.

² См.: Balkanski ugovorni odnosi. S.490–492, 498–500, 503; Horvat R. Hrvatska na mučilištu. Pretisak. Zagreb, Školska knjiga, 1992. S.618–628; Pirjevec J. Jugoslavija 1918–1992. Nastanek, razvoj ter razpad Karađorđevićeve in Titove Jugoslavije. Koper, Lipa, 1995. S.113–116; Зечевић М. Југославија 1918–1992. Јужнословенски сан и јава. Београд, Просвета, 1994. S.93–96; Matković H. Povijest Jugoslavije. Hrvatski pregled. Zagreb, P.I.P., 1998. S. 242–243; Imamović M. Historija Bošnjaka, Sarajevo, Bošnjačka zajednica kulture Preporod, 1998. S. 529–530.

³ Borković M. Kontrarevolucija u Srbiji. Kvislinška uprava. 1941.–1944. Knjiga prva. 1941–1942. Beograd, Sloboda, 1979. S.253–263.

⁴ Например, см.: Zecevic M., Lekic B. Frontiers and internal territorial division in Yugoslavia. Belgrade, 1991. Pp.15–16; Boban L. Hrvatske granice od 1918. do 1993. godine. Zagreb, Školska knjiga; HAZU, 1993. S. 45–49; Cesarich George W. Croatia and Serbia. Why is their Peaceful Separation a European Necessity? Chicago, Ill. «Croatia», 1954; Magocsi R.P. Historical Atlas of East Central Europe. University of Washington Press, Seattle&London, 1993. Pp.152–155; Мировая война. 1939–1945. С. 164; Семиряга М. И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., РОССПЭН, 2000. С. 177–183.

⁵ Horvat R. Op. cit., S. 627–630; Balkanski ugovorni odnosi. S. 489–490, 503–508.

⁶ См.: Габрич А., Чепич З. Развитие словенской государственности в 1941–1991 гг. // Словения. Путь к самостоятельности. Документы. М.: Индрик, 2000. С. 55.

⁷ Например, см. превосходное исследование: Šesták M., Tejhman M., Havlíková L., Hladký L., Pelikán J. Dějiny Jihoslovanských zemí. Praha, Lidové noviny, 1998. S. 447–452.

- ⁸ Напр., см.: Pirjevec J. Op. cit., S.113; Slovenska kronika XX. stoljetja. 1941–1995. Ljubljana, Nova revija, 1997. S.10; Историја на македонскиот народ. Книга трета. Скопје, Нова Македонија, 1969. С. 280–282.
- ⁹ Сходные идеи высказал английский историк Ноэль Малькольм в кн.: Malcolm N. Bosnia. A Short History. London, PAPERMAC, 1994. P. 174.
- ¹⁰ Чета (сербск.) — отряд; усташа (хорв.) — повстанец; недичевцы — сторонники генерала М. Недича
- ¹¹ Напр., см.: Књежевић Р. и Ж. Слобода или смрт. Сијатл, 1984; Omčanić I. Military History of Croatia. Bryn Mawr, Pennsylvania, 1984; The Creation and Changes of the Internal Borders of Yugoslavia. [n.p., n.d.]; Трифковић С. Усташе. Балканско-срцетаме на европској политичкој сцени. The Lord Byron Foundation for Balkan Studies, 1998; Enciklopedija Jugoslavije. Sv.5. S.129–140; Историја Југославије. Т. II. М., Издательство Академии наук СССР, 1963. С. 187–257.
- ¹² Doprinos Hrvatske pobjedi antifašističke koalicije. Zagreb, svibnja 1995. godine. S. 39.
- ¹³ Генерал Милан Недич. Десна Србија. Моја реч Србима 1941–1945. Изабрани ратни говори. Београд, Слободна књига. 1996. С. 12.
- ¹⁴ Милан Недич. Op. cit., С. 13.
- ¹⁵ См.: Русский Корпус на Балканах во время II Великой войны. 1941–1945. Воспоминания соратников и документы. Сборник второй. СПб, Издательство Санкт-Петербургского университета, 1999. С. 20–21.
- ¹⁶ Суботић Д. Затомљена мисао. О политичким идејама Димитрија Љотића. Београд, Clío, 1994. С. 18, 74–76; Матић М. Равногорска идеја у штампи и пропаганди. Београд, СИС, 1995. С. 274. Также см.: Прави Љотић. Како настају револуције и други рани текстови Димитрија В. Љотића. Београд, Слободна књига, 1997; Ljotić D.V. Odabrana dela. I knjiga. Minhen, 1981.
- ¹⁷ Русский Корпус на Балканах, С. 20, 44.
- ¹⁸ Павловић И. Милан Ћ. Недич и његова доба. Књига II. Отаџбинско издање. Београд, Нова Искра, 1994. С. 85, 75–77, 82.
- ¹⁹ Tomašević J. Četnici u drugom svjetskom ratu. 1941–1945. Prevodsaengleskoga. Zagreb, LIBER, 1979. S. 141–142.
- ²⁰ Матић М. Op. cit., С. 259. Также см.: С. 2258, 260–267.
- ²¹ Павловић И. Op.cit., С. 257–258. Tomašević J. Op. cit., S. 109–110, 119, 234, 301, 313, 316, 344, 391–394, 399.
- ²² Зечевић М. Op. cit., С. 96–97.
- ²³ Djordjevic D. The Yugoslav Phenomenon. // The Columbia History of Eastern Europe in the Twentieth Century. Edited by Joseph Held. Columbia University Press, NY, 1992. P. 325.
- ²⁴ Однако говорить о начале широкой партизанской борьбы с оккупантами, как это делают последователи Д. Михайловича, для того, чтобы подчеркнуть, что именно он, раньше Й. Броза Тито организовал сопротивление державам «Оси», чуть ли не первое в Европе, вряд ли есть основания. См.: Tomašević J. Op. cit., S. 120.
- ²⁵ См.: Документи о издајству Драже Михаиловића, Т. I. Београд, 1946. С. 203–209; Milovanović N. Draža Mihailović. Zagreb, 1985; Duraković N. Prokletstvo Muslimana. Sarajevo, Oslobođenje, 1993. S.138–142; Enciklopedija Jugoslavije. Sv. 2. S. 572–586; Tomašević J. Op. cit., S. 206–210.
- ²⁶ Приводимый документ опубликован в 1981 г. в Белграде в кн.: Zbornik dokumenata i podataka o narodnooslobodilačkom ratu naroda Jugoslavije. XIV, knj. I. Dokumenti četničkog pokreta Draže Mihailovića. 1941–1942. Beograd, 1981. Вкнигечит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji, S.127–133. Далее — Moljević S. Homogena Srbija.
- ²⁷ Moljević S. Homogena Srbija. S. 127.
- ²⁸ Цит. по: Duraković N. Op.cit., S. 142.
- ²⁹ Tomašević J. Op.cit., S. 156–157.
- ³⁰ Moljević S. Homogena Srbija. S.128.
- ³¹ Књежевић Р. и Ж. Слобода или смрт. Сијатл, 1984. С. 853–854.
- ³² Станишић М. Проекти «Велика Србија». Београд, Службени лист СРЈ, 2000. С. 91–93.
- ³³ Документи о издајству Драже Михаиловића. С. 14–19, 23–25.
- ³⁴ Черчилль, У. Вторая мировая война. Т. 6. М., 1998 С. 49–50.
- ³⁵ Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. Чикаго, 1966. С. 58–63.
- ³⁶ Tomašević J. Op. cit., S.206.
- ³⁷ Оригинал опубликован в кн.: Dedijer V., Miletić A. Genocid nad muslimanima 1941–1945. 2 izd. Sarajevo, 1990. В книге чит. по: Etničko čišćenje. Povijesni dokumenti o jednoj srpskoj ideologiji, S.144, 146. Фрагмент опубликован в кн.: Документи о издајству Драже Михаиловића, С. 10–13. См. также: Матић М. Равгорска идеја у штампи и пропаганди. Београд, ИСИ, 1995.
- ³⁸ Говори и изјаве генерала Драже Михаиловића. С.76–82.
- ³⁹ Tomašević J. Op.cit., S.160–161.
- ⁴⁰ Tomašević J. Op.cit., S.163–164.
- ⁴¹ Более подробно о ситуации в Косово и Метохии во время Второй мировой войны напр. см.: Hadri A. Narodno-oslobodilački pokret na Kosovu. 1941.–1945. Beograd, 1973. S.73–392; Imami P. Srbi i Albanci kroz vekove. Beograd, K.V.S., 2000; Коматина Б. Југословенско-албански односи 1979–1983. Белешке и сећања амбасадора. Београд, Службени лист СРЈ, 1995. С. 15–19; Коматина М. Енвер Хоџа и југословенско-албански односи. Београд, Службени лист СРЈ, 1995. С. 9–35; 143–165; Косово. Международные аспекты кризиса. М., Московский центр Карнеги, 1999. С.82–85; Horvat B. Kosovsko pitanje. Zagreb, Globus, 1989. S.68–79; Malkolm N. Kosovo. London, 1998. S. 289–333.
- ⁴² Horvat B. Kosovsko pitanje. Zagreb, Globus, 1989. S. 78.

- 43 Батаковић Д. Косово и Метохија. Историја и идеологија Београд-Ваљево-Србинје, Хиландарски фонд, 1998. С.155.
- 44 Balkanski ugovorni odnosi. S.586–591, 601–603.
- 45 Hadri A. Op.cit., S. 282–284.
- 46 Напр., см.: Ляука И. Эволюция Проблемы Косовы и ее современное состояние. Автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук. М., 1994. С. 16; Левитин О.Л. Проблемы югославско-албанских отношений послевоенного периода. (1940-е — начало 1990-х гг.). Автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1995. С. 10; Balkanski ugovorni odnosi. Том II. S.583–585, 601–603.
- 47 История Югославии. С. 226. Также см.: Balkanski ugovorni odnosi. S.583–584.
- 48 История македонского народа. Скопье, Македонская академия наук и искусств, 1986. С. 399. Документы периода Народной-освободительной борьбы в Македонии во время Второй мировой войны, напр., см. (в кн.): Документы о борьбе македонского народа за самостоятельность и национальное государство. Том второй. С конца Первой мировой войны до создания национального государства. Скопье, Култура, Македонска книга, Мисла; Београд, Međunarodna knjiga, 1985. С. 315–583.
- 49 Историја на македонскиот народ. Книга трета. Скопје, Нова Македонија. 1969. С. 279–280. Также см.: Balkanski ugovorni odnosi. S. 492–493.
- 50 История македонского народа. Скопье, Просветно дело, 1975. С. 373–374.
- 51 Карасёв А. В., Косик В. И. Этапы борьбы македонского народа за независимость. // Македония. Путь к самостоятельности. Документы. М., ОАО издательство «Радуга», 1997. С. 20; Милосавлевски С. Дијалектика развоја македонске националне свести. Београд, Службени лист СРЈ, 1997. С. 149–157.
- 52 История македонского народа, 1986. С. 395. Об истории албанского населения в Македонии напр. см.: Trifunovski J. Albansko stanovništvo u Makedoniji. Beograd, Književne novine, 1988.
- 53 История македонского народа, 1986. С. 395; Историја на македонскиот народ. С. 293–301.
- 54 История македонского народа, 1975. С. 338; Историја на македонскиот народ. 280–283.
- 55 История македонского народа, 1975. С. 344–345; История македонского народа. Скопье, 1986. С. 392, 393–394; Семиряга М. И. Указ. соч., С. 336–347.
- 56 История македонского народа, 1975. С. 339–340. Grol M. Londonski dnevnik. 1941–1945. Beograd, Filip Višnjić, 1990. S. 37.
- 57 История македонского народа, 1975. С. 367.
- 58 История македонского народа, 1986. С. 392.
- 59 История македонского народа, 1975. С. 341.
- 60 История македонского народа, 1975. С. 342–343; Историја на македонскиот народ, С. 289–290.
- 61 Напр., см.: Jugoslavenske vlade u izbeglištvo. 1941–1943. Dokumenti. Priredio Bogdan Krizman. Zagreb, Arhiv jugoslavije — Globus, 1981. S.183, 186; Grol M. Op.cit., S.9–10; Романенко С. А. Югославия, Россия и «славянская идея». М., Институт права и публичной политики, 2002. С. 194–197.
- 62 Dokumenti ustaša. Priredio Petar Požar. Zagreb, Zagrebačka stvarnost, 1995. S. 57–89. См. также: Matković H. Povijest Jugoslavije. Zagreb, 1998. S.243–245; Matković H. Povijest Nezavisne Države Hrvatske. Zagreb, 1994.
- 63 Типологическую общность хорватского и сербского «шовинизма и сепаратизма» отметил и крупнейший отечественный историк Второй мировой войны. См.: Семиряга М. И. Коллаборационизм. С. 334.
- 64 Dokumenti ustaša. S.95–109. Также см.: Pavelić A. Die kroatische Frage. Berlin. Steglitz. 1941; Horvat R. Hrvatska na mučilištu. Pretisak. Zagreb, 1992; Barišić M. Ante Pavelić. Zagreb, 1985; Enciklopedija Jugoslavije. Sv.8, S.438–444; Этнодемографическую концепцию хорватского экстремистского радикального национализма см.: Lorković M. Narod i zemlja Hrvata. Zagreb, DoNeHa, 1996 (первое издание — Zagreb, Matica hrvatska, 1939).
- 65 Horvat R. Op.cit., S.620, 621.
- 66 Pavelić A. Oslobođenje. // Croatian Almanac — Godišnjak-Kalendar hrvatskog domobrana. 1940. Pittsburgh-Byenos Aires, [s.a.]. P.17–27.
- 67 Naša domovina. Zbornik. Knjiga I. Nezavisna država Hrvatska. Izdanje glavnog ustaškog stana. Svezak 1. Hrvatska zemlja — Hrvatski narod — Hrvatska povijest — Hrvatska znanost. Zagreb, 1943. S. 5–6.
- 68 Dokumenti ustaša. S.160–174.
- 69 Boban Lj. Hrvatska u diplomatskim izveštajima izbegličke vlade 1941.–1943. Prva knjiga. Zagreb, Globus, 1988. S. 287.
- 70 Подробнее о ХКП в период Второй мировой войны, напр., см.: Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka. 1941–1950. Zagreb, Hrvatski institut za povijest, 1996.
- 71 Boban Lj. Op.cit., I. S.287.
- 72 Boban Lj. Hrvatska u diplomatskim izveštajima izbegličke vlade 1941.–1943. Druga knjiga. Zagreb, Globus, 1988. S.262. Также см. S. 268–269, 275.
- 73 Напр., см.: Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. Zagreb, Goldenmarketing, 1999. S.175–176; Doprinos Hrvatske..., S. 64–66.
- 74 О вызванной такой политикой миграции населения в НДХ и ее демографических последствиях, напр., см.: Heršak E. Panoptikum migracija: Hrvati, hrvatski prostor, Evropa. // Migracijske teme. Godina 9, br.3–4, Zagreb, prosinac 1993. S. 274–277; Marić F. Pregled pučanstva Bosne i Hercegovine između 1879. i 1995. godine. Zagreb, Katehetski Salezijanski centar, 1996. S.101–170.
- 75 Brkljača S., Pelešić M., Kamberović H. Bosna i Hercegovina u toku Drugog svjetskog rata. // Bosna i Hercegovina od najstarijih vremena do kraja Drugog svjetskog rata. 2 izd. Sarajevo, 1996. S. 339–343.

- ⁷⁶ Naša domovina. S. 8. Также см.: Brkljača S., Pelešić M., Kamberović H. Op.cit., S. 344–352.
- ⁷⁷ Imamović M. Op.cit., S.531–532; Duraković N. Op.cit., S.128; Srkulj S., Lucić J. Hrvatska povijest u dvadeset pet karata. Zagreb, 1996. S. 105–107.
- ⁷⁸ Станишић М. Op. cit., С. 68.
- ⁷⁹ Imamović M. Op. cit., 537–538. О четниках в Боснии и Герцеговине также см.: Tomašević J. Op. cit.,S.149–152, 232–233. Также см.: Brkljača S., Pelešić M., Kamberović H. Op. cit., S. 357–361.
- ⁸⁰ Sulejmanpašić Z. 13. SS divizija «Handžar»: Istine i laži. Zagreb, Kulturno društvo Bošnjaka Hrvatske Preporod, 2000. S. 35, 9–13.
- ⁸¹ МатићМ. Op.cit., С. 218–219.
- ⁸² Sulejmanpašić Z. Op. cit., S. 49–50.
- ⁸³ HorvatR. Op.cit., S.621; Duraković N. Op.cit., S.125.
- ⁸⁴ Lucić J., Šanjek F., Antić Lj. i dr. Hrvatski povijesni zemljovidi. Zagreb, Kartografija, 1994. S. 47, 84.
- ⁸⁵ Prunk J. Slovenski narodni vzpon. Narodna politika. (1768–1992). Ljubljana, Državna založba Slovenije. 1992. S. 303.
- ⁸⁶ Prunk J. Op. cit., S. 321.
- ⁸⁷ Pirjevec J. Op. cit., S. 123; Габрич А., Чепич З. Указ. соч., С. 58–60.
- ⁸⁸ Напр., см.: Kisić-Kolanović N. Andrija Hebrang (1899–1949): iluzie i otrežnjenja. Zagreb, Institut za suvremenu povijest, 1996. S.37, 51–52; Сумарокова М.М. Демократические силы Югославии в борьбе против реакции и угрозы войны. 1929–1939. М., Наука, 1980. С. 94–95.
- ⁸⁹ PrunkJ. Op. cit., S. 305–306.
- ⁹⁰ PrunkJ. Op. cit., S. 312.
- ⁹¹ PrunkJ. Op. cit., S. 315; Slovenska kronika XX. stoljetja, S. 21–23.
- ⁹² Prunk J. Op. cit., S. 322.
- ⁹³ Prunk J. Op. cit., S. 326.
- ⁹⁴ Prunk J. Op. cit., S. 327–328.
- ⁹⁵ Slovenska kronika XX. stoljetja. S. 59–60.
- ⁹⁶ Prunk J. Op. cit., S. 328.
- ⁹⁷ Prunk J. Op. cit., S. 341–342.
- ⁹⁸ Slovenska kronika XX. stoljetja. S. 48–49.
- ⁹⁹ Prunk J. Op. cit., S. 349, 352. Также см.: Pirjevec J. Jugoslavija. S.137–138.
- ¹⁰⁰ Prunk J. Op. cit., S. 363.
- ¹⁰¹ Напр., см.: Краткая история Чехословакии с древнейших времен до наших дней. М., Наука, 1988. С. 58, 364; Семиряга М.И. Указ. соч., С. 253–257.
- ¹⁰² Pirjevec J. Op. cit., S. 123–124; Ferenc T. Položaj slovenskega naroda ob okupaciji. Ljubljana, Sodobnost, 1991. С. 857; Prunk J. Op. cit., S. 298–300.
- ¹⁰³ Enciklopedija Jugoslavije. Sv 7. S. 263.
- ¹⁰⁴ Prunk J. Op. cit., S.313.
- ¹⁰⁵ Slovenska kronika XX. stoljetja. S.59.
- ¹⁰⁶ Prunk J. Op. cit., S. 314.
- ¹⁰⁷ Prunk J. Op. cit., S. 329.
- ¹⁰⁸ Prunk J. Op. cit., S. 339.
- ¹⁰⁹ Enciklopedija Jugoslavije. Sv 7. S. 263.
- ¹¹⁰ Габрич А., Чепич З. Указ. соч., С. 57.
- ¹¹¹ Prunk J. Op. cit., S. 326.
- ¹¹² Slovenska kronika XX. stoljetja. S. 20–21.
- ¹¹³ Enciklopedija Jugoslavije. Sv 7. S. 263, 268–260
- ¹¹⁴ Цит. по: Milovanović N. Vojni puč i 27.mart 1941. S.584–587. См. также соображения хорватского историка Душана Биланджича об «инфильтрации в Хорватии между двумя войнами (Первой и Второй мировой. — С. Р.) «нациофашистской и большевистской идеологий». См.: Bilandžić D. Moderna hrvatska povijest. Zagreb: Golden Marketing, 1999. S. 107–119.
- ¹¹⁵ Petranović B., Zečević M. Jugoslavija 1918–1984.S. 431;DoprinosHrvatskepobjediantifašističkekoalicije. Zagreb, svibnja 1995 godine. Документы КПЮ апреля—июня 1941 года, напр., см.: Отношения России (СССР) с Югославией. С. 38–42.
- ¹¹⁶ Гиренко Ю.С. Сталин и Тито. С. 94–95. О различных аспектах взаимоотношений СССР с королевской и «титовской» Югославией, напр., см: Отношения России (СССР) с Югославией. 1941–1945. М.: Наука, 1998; Гибианский Л.Я. Советский Союз и новая Югославия. 1941–1947 гг. М.: Наука, 1987.
- ¹¹⁷ Коминтерн. II. С. 106–107.
- ¹¹⁸ Goldstein I. Hrvatska povijest. S. 286–287.
- ¹¹⁹ Коминтерн. II. С. 106–107.

- 120 Мачек Владко — лидер Хорватской крестьянской партии. Губец (Gubec — хорв., Gubecz — венгр.) Матия — вождь антифеодального восстания хорватских и словенских крестьян 1573 г.
- 121 Boban Lj. Hrvatskau diplomatskim izveštajima. II. S. 275. Также см.: Матић М. Равногорска идеја. С. 140.
- 122 См., напр.: Radelić Z. Hrvatska seljačka stranka. 1941–1950. Zagreb: Hrvatski institut za povijest, 1996.
- 123 Цит. по: Гиренко Ю. С. Сталин—Тито. С. 218.
- 124 Ср.: Doprinis Hrvatske pobjedi antifašističke koalicije. S. 76; Bilandžić D. Hrvatska moderna povijest. S. 182.
- 125 Черчилль У. Вторая мировая война. 5. С. 285. Также см.: Мировая война. С. 165–167.
- 126 Grol M. Londonski dnevnik. S. 290.
- 127 История Югославии. II. С. 226. О взаимоотношениях Сталин — Тито и влиянии сталинистской идеологии на Тито, напр., см.: Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. М., 1991; Джилас М. Лицо тоталитаризма. М.: Новости, 1992.
- 128 Тегеран. Ялта. Потсдам. Сборник документов. Издание 2-е, дополненное. М.: Международные отношения. 1970. С. 46, 57.
- 129 Balkanski ugovorni odnosi. S. 546–550.
- 130 Balkanski ugovorni odnosi. S. 573–575.
- 131 Гиренко Ю. С. Сталин — Тито. М., Издательство политической литературы. 1990. С. 276, 365.
- 132 Джилас М. Тито: мой друг и мой враг. Paris: LEV, 1986. С. 202.
- 133 Velebit V. Sećanja. S. 139.
- 134 Очерки истории Министерства иностранных дел России. II. С. 298.
- 135 Джилас М. Беседы со Сталиным // Джилас М. Лицо тоталитаризма. С. 65; Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 205.
- 136 Цит. по: Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 269.
- 137 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 105.
- 138 Очерки истории российской внешней разведки. 4. С. 451.
- 139 Текст соглашения см.: Štrbac Č. Jugoslavija i odnosi između socijalističkih zemalja. Sukob KPJ i Informbiroa. Beograd: Prosveta, 1984. S. 246.
- 140 Связь Тито с советской разведкой неизбежно существовала и до войны. Напр., см.: Велебит В. Тайный советник // Совершенно секретно. 2002. № 3 (154). С. 16.
- 141 Советский фактор. 1. С. 92.
- 142 Очерки истории российской внешней разведки. 4. С. 451–454.
- 143 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 51; Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 192, 193.
- 144 Советский фактор. 1. С. 91–94, 144–151.
- 145 Коминтерн. II. С. 201—202; Гиренко Ю. С. Сталин и Тит. С. 147–148.
- 146 Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Том I. 1944–1948. М. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1997. С. 31. Далее — Восточная Европа. I. О дипломатической борьбе во время войны, напр., также см.: Grol V. Londonski dnevnik 1941–1945. Beograd: Filip Višnjić, 1990; Velebit V. Sećanja. Globus: Zagreb, 1983.
- 147 Balkanski ugovorni odnosi. S. 607–608, 638–640
- 148 Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 263–264.
- 149 Текст договора см.: Отношения между Россией (СССР) и Югославией. С. 433–434; Štrbac Č. Jugoslavija i odnosi između socijalističkih zemalja. S. 247–249.
- 150 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 83.
- 151 Цит. по: Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 269–270.
- 152 Там же. С. 268; Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 83.
- 153 Горный массив в Черногории, на территории которого во время Второй мировой войны была создана партизанская республика.
- 154 Srbi u ratnom dnevniku Vermahta. S. 53.
- 155 Восточная Европа. I. С. 35.
- 156 Джилас М. Беседы со Сталиным. С. 63. Об официальной советской концепции нации в те годы в глазах югославов также см.: Grol M. Londonski dnevnik. S. 513–514.
- 157 Цит. по: Гиренко Ю. С. Сталин и Тито. С. 267.
- 158 Цит. по: Nikolić M. Informbiro. Knjiga druga. Zagreb: Centar za informacije i publicitet, 1989. S. 23–24.
- 159 Семиряга М. И. Указ. соч., С. 798–799.

Украинские националисты накануне и в годы Второй мировой войны: идеи, действия, послевоенные итоги

А. Ф. Носкова*

В исторической науке постсоветской России проблема украинского национализма довольно долго оставалась периферийной, в отличие от науки украинской, где ответ историков на запрос общества, начиная с 90-х годов носил взрывообразный характер и не снижается в наше время. Активно, сотрудничая с украинскими коллегами, работают по этой проблеме и польские историки. В XXI веке научный интерес отечественных ученых к истории украинского национализма заметно повысился. Усилиями историков и архивистов почти с нулевой отметки создается документальная база для фундаментальных исследований проблемы, оставившей заметный след в истории СССР и соседней Польши в период Второй мировой войны и в первые послевоенные годы. Правомерно отметить издание «Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В двух томах (М., 2012), которое содержит разную по национальному и государственному происхождению и уровню властной принадлежности доброкачественную документацию, позволяющую разрабатывать, уточняя, пополняя, где-то подтверждая или исправляя уже известное в истории украинского националистического движения.

Столь фундаментальная публикации позволяет исследовать специфику этого движения в череде иных национальных движений «малых» народов, зародившихся на просторах трех многонациональных империй (Российской, Германской и Австро-Венгерской) еще в XIX веке. В годы Первой мировой войны эти движения переживали подъем национальной борьбы, ее участники с различной степенью успеха боролись за отдельное независимое государство.

Многие из национальных движений в Восточной и Юго-Восточной Европе в ходе и после Первой мировой войны политико-дипломатическим путем, порой и вооруженными действиями, обрели национальную независимость (Польша) или особый статус в новых многонациональных странах (Чехословакия, Югославия, СССР). Производным этой борьбы стало появление в межнациональных и международных отношениях нормы права нации на самоопределение, в качестве демократического принципа общежития титульных и «малых» народов. Не случилось оформления отдельной государственности многомиллионного украинского народа. На землях его проживания не возникла «Соборная Украина», где властвующей нацией были бы украинцы — носители государственности и национальной политической культуры¹.

Не вдаваясь в сложные причины такого, ставшего промежуточным, финала борьбы за национальную идею, отметим одну из них, на наш взгляд, наиболее важную, а именно длительное пребывание этнических украинцев в разных государствах в качестве коренного национального меньшинства. «Приютившие» его титульные народы и имперские власти не проявляли особого интереса к сохранению этнической, языковой и религиозной самобытности «малых» групп украинского населения, к социально-экономическому развитию и превращению этих подданных империи в равноправных граждан, действовали, подавляя, нередко силой, их традиционную национальную жизнь. В итоге соответствующий капиталистической стадии развития процесс этнонациональной самоидентификации и национально-политической консолидации тех, кто считал себя или причислялся соседними народа-

* Носкова Альбина Федоровна — д. и. н., в.н.с. Института славяноведения РАН.

ми к украинцам, не завершился. Не закончилось оформление украинской нации, с чем в ту пору связывалось обретение права на национальное государство. За украинским народом, несмотря на усилия и жертвы, принесенные на алтарь национальной борьбы в годы войны, это право не было признано победившими державами.

По геополитическим результатам Первой мировой войны земли векового проживания украинцев вошли в состав ряда государств. Самая многочисленная группа украинского этноса, пройдя цепь военно-политических потрясений и перемен власти в Киеве, превращалась в граждан то Украинской Народной, то Украинской советской республик, и, наконец, в 1922 г. оказалась в составе федеративного государства — СССР. Десятки миллионов украинцев стали жителями одной из советских национальных республик. Этому предшествовали подписание в Риге (1921 г.) договора о мире и границе между Россией и Украиной, с одной стороны, и Польшей с другой, признавшими независимость советской Украины (и советской Белоруссии)². Советские украинцы располагали правом на национальное самоопределение. Реально же УССР имела статус «внутреннего» национально-государственного образования, единственного, хотя отчасти формального, выразителя национальных интересов украинского народа внутри страны и на международной арене.

За пределами УССР в приграничье соседних государств, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии и Югославии находились территории компактного многовекового проживания украинцев. Решения Версальской конференции и Лиги Наций вменяли власти, принадлежавшей представителям титульной нации, признать права меньшинств, в частности украинского, на отдельные национальные интересы. Однако инструментов их реального применения они не предлагали и не обеспечивали³. В таких условиях в массовом сознании украинцев продолжала в той или иной мере и форме жить идея борьбы за национально-государственное объединение территорий их проживания.

Наиболее крупное украинское меньшинство за пределами СССР составляли «польские» украинцы. По мандату Совета послы Антанты Польша получила в 1923 г. «суверенное право» 25 лет владеть Восточной Галицией, принадлежавшей ранее Австро-Венгрии. Условия предоставления Восточной Галиции прав национальной автономии польское правительство выполняло лишь формально и отчасти⁴. Подобной была в Польше и судьба украинского населения земель бывшей Российской империи, исторически именовавшихся Волинь, Полесье, Подолье. В итоге польско-российской войны 1919–1920 гг. за восточнославянские тер-

ритории, где поляки составляли меньшинство, правопреемница империи — Советская Россия уступила Польше западно-украинские (и западно-белорусские) земли⁵.

Как и многие международные документы, касавшиеся ряда стран Центральной и Восточной Европы, Рижский договор позволял «видеть» проблему меньшинств внутренним делом в данном случае Польши (и России в отношении ее польского населения). В нем утверждалось, что «лица украинской и белорусской национальности в Польше» получили право, «в пределах внутреннего законодательства (подч. авт.), культивировать свой родной язык, организовывать и поддерживать свои школы, развивать свою культуру и образовывать с этой целью общества и союзы». Обеспечительные меры по введению в жизнь провозглашенных прав и норм общежития «больших» и «малых» народов в едином государстве договором не устанавливались⁶.

В начале 30-х гг. в многонациональных (поляки, евреи, русские, чехи, белорусы) восточных и юго-восточных воеводствах Польши (по-польски: на кресах) проживало около 5 млн украинцев. В основном это были крестьяне, жители деревень и небольших городских поселений.

Украинская интеллигенция селилась, главным образом, во Львове, Станиславе, Тернополе, и, учитывая ее послевоенную немалую эмиграцию на Запад, оставалась немногочисленной, уступая экономическим возможностям и национально-политическому влиянию интеллигенции польской. Центральная власть в Варшаве проводила здесь жесткий, с применением насилия, курс на полонизацию. Стремительно сокращалось число украинских школ, жестоко подавлялись социальные протесты украинцев⁷.

Их религиозные убеждения (большинство греко-католики и меньшинство православные), отличные от властвующих поляков (римо-католики), способствовали обособлению, а принудительный перевод православных в католичество ускорял процесс осознания украинцами своей самобытности и отдельности. Главная для большинства украинского населения Польши Украинская греко-католическая церковь, митрополия которой находилась во Львове, поддерживала идею борьбы за независимость от Польши и за отдельное, соборное украинское государство.

Так, среди «польских» украинцев формировались, порой откровенно враждебные, антипольские настроения, создавалась почва для распространения радикальных позиций значительно меньше в виде идей интернациональных, коммунистических, но главным образом, идей национально-освободительных, предлагавшихся украинской эмиграцией. В 1920–1930-е гг. в Поль-

ше усилиями украинских националистов были созданы организационные структуры движения сторонников Соборной Украины. Оно не отличалось единством в понимании способов и целей борьбы. Все более популярным среди украинцев становилось радикально-революционное течение, представители которого группировались в Организации украинских националистов (ОУН)⁸. Его участники превращали юго-восток Польши в организационную базу и плацдарм борьбы, в том числе террористической, за независимую «Соборную Украину для украинцев».

Отсюда, из Польши ОУН предприняла первую попытку осуществить национальную идею. Ее члены приняли участие в событиях осени 1938-весны 1939 гг., используя ситуацию, созданную соглашением западных лидеров с Гитлером в Мюнхене. Тогда решалась судьба Чехословакии, в том числе вопрос государственной принадлежности небольшой многонациональной территории на юге Словакии — Подкарпатской (Закарпатской) Руси, где проживало коренное самобытное восточнославянское население — русины. Обстановка кризиса способствовала подъему национальных настроений и движения русин, выдвинула его лидера — униатского священника А. Волошина, провозгласившего осенью 1938 г. автономию Подкарпатской Руси в составе Чехословакии. Для защиты национальных интересов формировалась боевая Организация Национальной Обороны «Карпатская Сечь»⁹.

События на Подкарпатской Руси отозвались в Польше. Идея создания «Соборной Украины» виделась украинским националистам осязаемой. Как доносила пограничная служба во II Отдел генштаба Войска Польского 7 марта 1939 г., «появление Закарпатской Руси стало искрой, которая ОУН побудила к действиям все организации и общества, побудила надежды на скорейшее возникновение „Великой Украины“, начало которой усматривали именно в Закарпатской Руси...». Документы свидетельствуют, что по призыву центра ОУН во Львове «польские» украинцы ежедневно прибывали на территорию Подкарпатской Руси. Они активно участвовали в создании администрации автономии, изгоняли чешских чиновников, разоружали чешскую полицию, укрепляли ряды ««Карпатской Сечи». Не без влияния ОУН Волошин подписал в декабре 1938 г. указ о новом названии территории — «Карпатская Украина», 14 марта 1939 г. была провозглашена ее независимость¹⁰.

Весна 1939 г. стала временем разгула национальных страстей и политических иллюзий среди «польских» украинцев. Однако, кроме иллюзий, были и реальности. Уже 15 марта Германия оккупировала чешские земли, венгерские войска занимали территорию южной Словакии и Под-

карпатской Руси. Командование насчитывавшей от 6 до 10–12 тыс. при 2-х тыс. вооруженных людей «Карпатской Сечи», в рядах которой сражались боевики ОУН из Польши, с переменным успехом пыталось оказывать венграм ожесточенное сопротивление. 19 марта оно фактически прекратилось. Руководители «Карпатской Украины» капитулировали¹¹.

Документы свидетельствуют, что введением венгерских войск на земли русин были разрушены планы ОУН поднять восстание «с целью отделения от Польши этнографических украинских земель и присоединения их к Карпатской Украине». Последовали массовые аресты. МВД Польши констатировало: «Состояние подавленности и депрессии среди членов ОУН огромно»¹².

Итак, усилия сторонников ОУН, борясь за государственность Подкарпатской Руси, «запустить» процесс создания украинского государства, учредив независимую Украину на небольшой территории проживания русин-украинцев, закончились неудачей. Они предпринимались на землях, где уровень националистических настроений был невысок, как и готовность населения к борьбе за отдельное государство. Недостаточной оказалась и помощь ОУН. Но главные причины поражения были связаны с внешнеполитическими обстоятельствами. Новое государство не было нужно его соседям: Польша и Венгрия нуждались в общей границе и получили ее. Советский Союз наблюдал «со стороны» за внешней (пока) угрозой украинского национализма. Решающей стала «пассивная» позиция Берлина, позволившего Венгрии оккупировать всю территорию Подкарпатской Руси.

В руководстве ОУН вряд ли последнего не понимали, но не хотели принять как данность, стремились «сгладить результаты официального поражения политики украинских экстремистов», сторонников С. Бандеры, изображали Гитлера «другом украинских националистов», настаивали на том, что «по вопросу освобождения Украины интересы двух народов [немцев и украинцев] совпадают». В ОУН осуждали политику Англии и Франции, которые-де «сегодня братаются с самым большим врагом Украины — Советами». Националистические постулаты и общая нацеленность на борьбу против СССР за территории, где жили миллионы этнических украинцев, определяли выбор руководством ОУН Германии в качестве идеологического «образца» и внешнеполитического союзника. Демонстративное стремление ОУН не делать выводов из «поведения» Германии во многом объяснялось признанием, что у них, «кроме Германии, ... [нет] в мире ни одного активного союзника в борьбе со всеми оккупантами Украины». В планах же гитлеровцев не было места для независимой Украины.

Однако представления ОУН о совпадении долгосрочных целей украинских националистов и немецких нацистов руководством Германии не разрушались. Весной 1939 г. лидеров ОУН заверяли, что «политика Рейха по отношению к украинцам не поменялась, что этот народ созрел, чтобы получить самостоятельность», обещали помощь. Столь «благожелательная» для ОУН политика после событий на Подкарпатской Руси свидетельствовала о сугубо тактических намерениях Германии: весной-летом 1939 г. Гитлеру не требовались восстание «польских» украинцев в Восточной Галиции, их поход «через Львов на Киев». В долгосрочных замыслах нацистов не значилась уступка Украины кому бы то ни было, включая их украинских «приятелей»¹³.

Между тем, разыгравшиеся на Подкарпатской Руси события получили заметный международный резонанс. Отчетливым было внимание к ним дипломатов и интерес разведслужб ряда европейских стран. Многие усматривали в попытках ОУН создать «Карпатскую Украину» элемент большого «украинского вопроса». Это отражала и оперативная информация советских спецслужб руководству страны. Из потока агентурных донесений, содержавших не только оправдавшиеся вскоре прогнозы, но и недостоверные данные, следовало, что в столицах разных стран в прямой связке с судьбой Подкарпатской Украины обсуждались потенциальный поход Гитлера на Восток и судьба Советской Украины¹⁴.

Информацию на этот счет Москва получала от «источников» в разных странах: из Литвы («необходимость нападения [Германии] на Россию может явиться довольно скоро... Чехословацкая республика и, главным образом Подкарпатская Русь, означают для Гитлера кристаллизационный центр будущей Украины»); из Варшавы от финского агента («ближайшей целью Германии в ее внешней политике является отторжение от СССР Украины и создание из нее самостоятельного государства. Для этого базой должна служить Закарпатская Украина»); из Италии («Гитлер и Риббентроп стоят за решительное ускорение интервенции против Советского Союза... подготавливают нападение на Советскую Украину весной будущего года, для чего в качестве основного плацдарма будет использована Подкарпатская Украина»). Неоднократными были сообщения, что в Германии «подготавливается осуществление планов в отношении Советской Украины»¹⁵.

Вне зависимости от того, отражала ли эта и подобная ей информация в ту пору лишь пропагандистское прикрытие подлинных планов Гитлера на 1939 год, или имела под собой некие реальные основания¹⁶, руководство СССР не могло ее не учитывать. Следовало нейтрализовать на-

мерения оторвать восточно-украинские земли от СССР, исключить использование замыслов ОУН как предлог для вовлечения СССР в вооруженный конфликт.

Нападение Германии на советскую Украину в 1939 г. не состоялось. События развивались по-иному сценарию. 23 августа Москва подписала пакт о ненападении с Берлином, ставшем ее временным ситуативным союзником¹⁷. Секретный дополнительный к пакту протокол о разделе сфер влияния в восточноевропейском регионе напрямую касался украинского (и белорусского) населения Польши. Москва получила возможность по-советски решить «украинский вопрос», поставив восточные воеводства Польши с самым многочисленным за пределами СССР украинским населением, пораженным сепаратизмом, сначала под контроль, а вскоре изменив их государственную принадлежность в свою пользу. Если учесть данное обстоятельство, можно предположить, что одним из мотивов, и, вероятно, вовсе не последним, подписания протокола было для Москвы объединение в УССР абсолютного большинства украинцев Европы и превращение сложившегося в Польше очага украинского национализма во внутреннюю проблему СССР. Гитлер, со своей стороны, временно избавлялся от ОУН, этого беспокойного «украинского партнера», политически ненужного ему в период подготовки войны на Западе.

Вплоть до конца 1930-х годов у советского руководства не было подобного шанса избавиться от внешней угрозы украинского сепаратизма. Сделать это не позволяли международные договоры и соглашения, которые СССР заключил с целым рядом европейских стран, включая Польшу, а также обстановка жесточайшей борьбы И. В. Сталина за абсолютную власть в собственной стране. Но летом-осенью 1939 г., когда кризис международных отношений поставил мир у порога войны, а в СССР с помощью террора был пройден «пик» внутривластной борьбы на высшем уровне власти, ситуация изменилась. Интерес и претензии Москвы на участие в крупных геополитических решениях в Европе явно выросли. «Украинский вопрос» становился весьма важным объектом советского внимания.

Искомый шанс предоставляло взаимодействие с Германией. Уже в конце июля 1939 г. Москва выясняла мнение Берлина насчет Восточной Галиции, где проживало большинство «польских» украинцев. Поверенный в делах СССР Г. А. Астахов, безусловно, зная о связях Германии и руководства ОУН, задал прямой вопрос немецкому дипломату Ю. Шнурре: «...Не склоняется ли также на сторону Германии население территорий, когда-то принадлежавших Австрии, в частности

Галиции...». В ответ прозвучало заверение: «интересы Германии и России не придут в столкновение по этим вопросам... мы [Германия] не ставим своей целью что-либо, что может быть опасно для советских интересов»¹⁸.

Такой зондаж незадолго до 23 августа 1939 г. позволял советской стороне удостовериться в согласии Гитлера на инкорпорацию в состав СССР почти всех восточных, прежде всего украинских, земель Польши. Однако кардинальные меры советское руководство совершало постепенно и в диссонансе с действиями Германии. Более двух недель советская сторона, испытывая нарастающее немецкое давление, упорно не называла даты своих «мероприятий» в Польше, что вызывало в Берлине поиски дополнительных способов воздействия на СССР. Нацисты признавали, что украинские земли Польши «станут независимыми при условии, что с этим согласится Советский Союз». Однако Берлин не мог надежно «спрогнозировать поведение Москвы». Чтобы ускорить события, германское руководство пошло на «легкий» шантаж, и 16 сентября фактически поставило СССР перед выбором: не вступите, мы, Германия, создадим на территории вашей сферы интересов «новые государства»¹⁹.

Речь могла идти о двух государствах: о польском (Москва на этот счет не делала публичных заявлений вплоть до 25 сентября) или о государстве украинском фактически под контролем Германии (о белорусском вряд ли). Такое «предупреждение» в Москве должны были принять с тревогой. Здесь знали о прямых связях украинских националистов с гитлеровцами (С. Бандера сотрудничал с немецкой разведкой с 1938 г.), знали и то, что в Берлине были планы использовать «польских» украинцев при уничтожении Польши. Обозначенная, как возможная, перспектива появления украинского государства должна была подтолкнуть Сталина к решительному шагу, что и состоялось 17 сентября 1939 г. Красная армия вошла в Польшу²⁰.

Важнейшая цель военных операций на юго-восточном отрезке границы СССР была достигнута: в пределах Советской Украины оказалось большинство территорий проживания украинцев, польский очаг украинского сепаратизма превратился во внутреннюю проблему СССР²¹.

Условия советско-германских договоренностей вывели из «игры» лидеров ОУН. В сентябре 1939 г. они оказались в положении «третьего лишнего» и, понимая невозможность действовать, вопреки Берлину, собственными силами, не пытались провозгласить украинское государство на территории своего влияния. Де-факто, ожидая войну Германии на Востоке, они приняли включение украинских земель в состав СССР²². Об этом и пособнической роли ОУН писал в мае 1939 г.

А. Мельник И. Риббентропу: «Политические уступки населению, в том числе подавляемым народам... не будут иметь решающего значения для окончательной освободительной операции украинцев... до тех пор, пока Советский Союз не будет втянут в серьезный внешний конфликт. В таком случае в стране рекомендуется предпринять все меры по усилению украинской освободительной борьбы, потому что это очень важно для развязки конфликта»²³.

Осенью 1939 г. после поражения Польши и раздела ее территории главным и единственным врагом ОУН стал СССР. От борьбы с ним за национальную идею ОУН не намеревалась отказываться. Но центральное руководство, кадры которого, кроме Германии, сосредотачивались в основном, в оккупированном гитлеровцами Кракове²⁴ (для советской территории) во Львове, рекомендовало «низам» новую тактику: «Сохранять свои кадры, не проявлять себя враждебно по отношению к Красной Армии и советской власти, проникать в местные органы управления, крестьянские комитеты, рабочую гвардию, стремиться проникнуть в компартию и комсомол, одновременно ... вооружаться и готовиться к активным действиям против СССР»²⁵.

Однако такую тактику не принимали многие члены ОУН. Их преданность идее «Соборной Украины для украинцев», ожесточенный антисоветизм, ненависть к «комиссарам и жидам» обеспечили устойчивую готовность к борьбе и сохранность в «рабочем состоянии» сложившейся в польские времена организационной сети, ее среднего звена, построенного по территориальному принципу, сотен низовых подпольных ячеек. Стремление к вооруженному сопротивлению «Советам» «подпитывало» курс Москвы на подавление украинского национализма и аресты актива ОУН органами НКВД. Вооруженное противостояние сторон было неизбежным, формировалась атмосфера, когда тактика выжидания становилась для членов ОУН невыполнимой.

Свой вклад в эту атмосферу вносила Германия. Берлин был заинтересован в сохранении украинского «партнера» на будущее, поэтому в его планы не входили, как борьба сторонников ОУН с вступавшими советскими войсками, так и уничтожение ее структуры подразделениями НКВД. Из донесений советских спецслужб следует, что осенью 1939 г. лидеры (в том числе освобожденный поляками из тюрьмы С. Бандера), часть руководства, актива и сторонников ОУН бежали из СССР, что немцы эшелонами вывезли на германскую сторону около 32 тыс. украинцев, расселяя их вблизи разграничения сфер влияния Германии и СССР²⁶.

В немецких расчетах присутствовала и другая, промежуточная, цель: до развертывания военных действий на Востоке «занять» внимание

советского руководства украинским национализмом, и для этого поддерживать тех украинцев, кто создавал на Украине внутреннюю напряженность. Такая тактика применялась уже летом 1939 г., когда Германия подготовила к участию в боях с поляками 500 «украинских бойцов-освободителей». Теперь опыт «широкой переворотной деятельности» украинских националистов использовался гитлеровцами на Западной Украине. В 1940 г. активизировалось взаимодействие немецкой разведки с ОУН. С мая 1940 г. на территории оккупированной Польши, недалеко от советской границы, в г. Хелм (Холм) началось формирование двух украинских полков. Поступали сведения об организации для борьбы «против Советов» «всеукраинского боевого содружества» («Сечи») в г. Кросно во главе с Р. Сушко. В середине июня 1940 г. И. А. Серову доложили о формировании в окрестностях Берлина «Украинской армии». Тогда же командование советских пограничных войск направило в Киев сведения об усилении «шпионско-повстанческой и диверсионно-террористической работы оуновских организаций, существующих в Германии, против СССР». В донесении указывалось, что «агенты, эмиссары, курьеры и бандиты ОУН... как правило, получают задания по сбору шпионских сведений, интересующих немецкую разведку», а «немецкие правящие круги предоставляют ОУН все легальные возможности... [для] дальнейшей деятельности их по выгодному для немцев курсу»²⁷.

Такая информация усиливала нацеленность Москвы и Киева на подавление деятельности украинских националистов, и повышала интерес спецслужб к политике Германии в отношении остававшегося за пределами СССР до 1 млн. украинцев, в том числе 550 тыс. в «генерал-губернаторстве для оккупированных польских территорий». В середине 1940 г. в НКВД поступило донесение агента о поездке в Германию и генерал-губернаторство. Он подчеркивал: «Отношение немцев к украинцам за последнее время чрезвычайно изменилось в лучшую сторону. Сейчас достаточно сказать, что вы украинец, и вы получаете определенные преимущества. Украинец в своем правовом и рабочем положении не имеет никаких отличий от немцев...». Агент подчеркивал: «немцы ... на случай будущего захвата ими [советской] Украины» в Польше уже создавали из украинской эмиграции «основу своей полицейской и управленческой организации». Был сформирован Центральный Украинский комитет во главе с В. Кубийовичем, учреждены украинская вспомогательная полиция, структуры местного самоуправления, открывались украинские школы. Краков, отмечалось в донесении, выступал неким противовесом действиям советской власти во Львове и Киеве. Его автор

доносил в Москву информацию о замыслах гитлеровцев: демонстрируя украинцам общность-де украинских и немецких интересов, создать «видимость, что Украина будет украинской, так как во главе всего управленческого аппарата будут стоять украинцы...»²⁸.

Агентурные сведения и имевшиеся данные о «большом количестве кадров» и «постоянной живой связи» руководителей и рядовых членов, прежде всего ОУН, диктовали Москве необходимость «в возможно кратчайшие сроки создать агентуру», и с ее помощью «наносить решительные удары по деятельности любой украинской националистической организации, направленной против Советского Союза».

Благодаря работе спецслужб руководство НКВД располагало сведениями о членах и организациях движения, об «украинских буржуазно-националистических партиях», о деятельности церкви и «прочем к[онт]-р[еволюционном] элементе», о радикально настроенной молодежи, которая составляла «значительную прослойку в организациях ОУН». Из показаний арестованных участников подполья стало известно, что в марте 1940 г. создан штаб восстания, готовились вооруженные выступления. Действительно, периодически имели место попытки свергнуть советскую власть в отдельных населенных пунктах Львовской, Станиславской, Дрогобычской, Тернопольской, Волынской, Ровенской, Черновицкой областей. Они и террор против представителей и сторонников «Советов», независимо от их национальности, стали основными проявлениями деятельности ОУН на Западной Украине²⁹.

«Пик» активности ОУН пришелся на 1940 г. На осень готовились вооруженное выступление, захват правительственных учреждений, уничтожение партийных и советских работников по составленным «черным спискам». Был создан «Единый генеральный план повстанческого штаба ОУН», где разъяснялось: «...Выступление может быть сейчас, может быть через месяц, год, два. Мы должны быть готовы всегда... В один и тот же час должны заговорить и Львов, и Луцк, и Черновцы, и Киев, и Одесса, и Харьков, и Днепропетровск, и Кубань, и все украинские земли»³⁰.

Такие замыслы и множественные террористические акции НКВД пресекало арестами. Так, 21–22 декабря во время «крупной операции по изъятию руководящего состава и актива ОУН» было арестовано 996 человек³¹. Однако, украинское националистическое движение демонстрировало способность к быстрому возобновлению подпольной деятельности. Например, после четырехкратного ареста в течение 1940 г. Львовского руководства ОУН его состав немедленно и полностью восполнялся. Данные советских спецслужб,

подтверждают закрепление идеи борьбы за отделение от СССР в сознании значительной доли, если не большинства, новых советских украинцев³².

Существование подполья ОУН, расколовшего население Западной Украины на две неравные части, было бы неустойчивым без поддержки Украинской греко-католической церкви, которая играла исключительную роль в формировании национально-политических настроений прихожан. Ее священнослужители и в советских условиях сохраняли духовную связь с украинскими националистами. Для ее разрушения НКВД в 1940 г. готовил план «разложения униатской церкви» и нейтрализации влияния духовенства на верующих. 11 января 1941 г. нарком внутренних дел Л. П. Берия доложил его И. В. Сталину и наркому иностранных дел В. М. Молотову. Планом предусматривались дискредитация иерархов церкви «путем обнародования фактов их бытового разложения», подготовка замены их «надежными агентами», которыми НКВД располагал. Предполагалось изолировать от прихожан митрополита А. Шептицкого, известного симпатиями к борцам за независимую Украину и связями с ОУН. НКВД рассчитывал, углубив противоречия между католиками западного и восточного обрядов, организовать в церкви течение «за отрыв от Ватикана»³³.

Работа советских спецслужб по «изъятию» украинских националистов заметно усилилась в 1941 г. В НКВД готовили «агентурно-оперативные мероприятия» с целью «разгрома оуновского подполья и проникновения [советских агентов] в руководящие центры ОУН за кордоном». Об этом 16 апреля 1941 г. нарком госбезопасности В. Н. Меркулов доложил Сталину³⁴. В первой половине 1941 г. в западных областях УССР «было ликвидировано» 38 политических и 25 уголовных отрядов, арестовано 273 участника, 212 «пособников и укрывателей бандитов», убито 82 и ранено 35 украинцев. Только за апрель и май 1941 г. задержали и депортировали в другие районы 1865 активных членов ОУН. Начиная с октября 1939 г. по 1 апреля 1941 г. спецслужбы раскрыли 393 нелегальные антисоветские организации и отдельные группы украинских националистов; арестовали 7625 человек; изъяли, по неполным данным, 16 пулеметов, 756 винтовок, 684 револьвера, 530 гранат, 48500 патронов, а также радиостанция и 4 подпольных типографии. Если учесть, что на 15 июня 1941 г. в регионе действовали 77 «бандгрупп», насчитывавших 366 участников, и из них 51 – политическая состояла из 274 членов, можно отметить тенденцию снижения активности подполья. Подрывную деятельность ОУН на Западной Украине сдерживали как аресты, так и принудительные выселения украинцев³⁵, «классово чуждых» власти. Однако даже при слабом вооружении и си-

стематическом подавлении подполья войсками НКВД террористическая деятельность оуновцев оставалась возможной благодаря поддержке населения, что подтверждали и спецслужбы: «...бандитские проявления продолжаются»³⁶.

О полномасштабной и успешной войне против советской власти в мирных условиях, на что рассчитывало руководство ОУН в Берлине, речь не могла идти. Весной 1941 г. внимание все больше сосредотачивалась на действиях, как считали лидеры ОУН, соответствующих времени. Говорилось о создании, сотрудничая с Германией, «украинской армии» и подготовке к участию вместе с вермахтом в войне против главного врага. Отметим, что в документах ОУН отсутствовал прямой ответ на существенный вопрос, кто изгонит «большевиков» из Украины и будет действовать сообразно «украинским интересам». Германия подразумевалась, но не упоминалась, хотя именно с ней связывалась перспектива появления государства на Западной Украине. Германия же делать этого не намеревалась. ОУН и все украинское националистическое движение интересовали нацистов как инструмент немецкой разведки и шпионажа против СССР³⁷. Идею «украинской армии» Берлин не поддерживал, а ее создание фактически блокировал. Дело ограничивалось обещаниями и отдельными уступками.

В атмосфере тревожного ожидания, когда приближалось время нападения Германии на СССР, с чем ОУН связывала шанс возникновения независимой Украины, обострились разногласия между Центральным руководством ОУН в Берлине (А. Мельник) и «оппозиционным» ему руководством в Кракове (С. Бандера, Я. Стецько, Р. Шухевич). Об этом писал из Киева 23 февраля 1941 г. Серов в Москву наркому госбезопасности В. Н. Меркулову. На II Чрезвычайном съезде ОУН в апреле 1941 г. было признано существование в организации фракции ОУН-Б. Тогда же приняли атрибуты движения: черно-красный флаг, напоминавшие фашистские приветствие (поднятие правой руки вверх) и призыв «Слава Украине!», отзвук «Героям слава!», а также политические программные установки ОУН-Б³⁸.

Это означало, что сторонники Бандеры, имя которого становилось символом движения, выдвигались в руководство борьбой не только в Восточной Галиции, где они имели поддержку подавляющей части украинцев, но и значительной части населения Западной Украины. Они оказывали все большее влияние на идейно-политический облик движения. В ходе противостояния советской власти идеологические постулаты (антикоммунизм, националистический принцип «Украина для украинцев», нетерпимость к представителям иной нации, грубый террор) превратились в прак-

тическую деятельность ОУН. Распространенный в регионе бытовой антисемитизм, сопряженный с антисоветизмом («жидо-коммуна»), мотивировал участие ОУН в уничтожении евреев — жителей региона³⁹.

С вторжением Германии на территорию Западной Украины большинство украинцев и Украинская греко-католическая церковь поддержали свержение советской власти⁴⁰. С 22 июня бандеровцы покидали подполье, шли вслед за вермахтом, захватывали власть в десятках населенных пунктов, истребляли сторонников советской власти и евреев. 30 июня батальон «Нахтигаль» вступил во Львов. Лидеры ОУН-Б предприняли вторую попытку учредить украинское государство. Еще 23 июня Гитлеру был направлен политический меморандум Бандеры, 30 июня его сторонники провозгласили во Львове Акт о независимости, «в соответствии с волей украинского народа», создали украинское правительство во главе с Я. Стецько, о чем были уведомлены не только Гитлер, но и Б. Муссолини, Ф. Франко и А. Павелич, лидер возникшей весной 1941 г. Независимой державы Хорватия. Этих диктаторов в ОУН считали своими единомышленниками. Однако попытка вновь не удалась, ибо не соответствовала замыслам Германии: Западная Украина стала дистриктом в составе оккупированных гитлеровцами территорий Польши. Берлин уведомил: у фюрера нет «украинских союзников», правительство Стецько исчезло. Бандеру и его сторонников арестовали. Осенью 1941 г., опасаясь выхода ОУН из-под контроля, нацисты арестовали в тылах вермахта до 80% ее руководящего актива. Украинские батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» превратились во вспомогательную полицию под немецким командованием. Сторонники Бандеры ушли в подполье⁴¹.

Этими мерами нацисты стремились исключить превращение прогерманского, но национально-радикального течения в ОУН в самостоятельную, по меньшей мере, недостаточно управляемую из Берлина политическую силу. На свободе были оставлены менее «беспокойные» тогда для нацистов политические фигуры и тем сохранена возможность манипулировать заинтересованностью ОУН в сотрудничестве с рейхом.

В 1942 г. под воздействием ограбления и массового принудительного вывоза украинцев в Германию их отношение к гитлеровцам изменилось, молодежь бежала в «леса». Репрессии подвергали испытанию прогерманскую ориентацию ОУН. Встал вопрос о тактике. На Волыни и в Полесье появились отряды под командованием Т. Бульбы-Боровца, началась борьба и с немцами и с советскими партизанами. Зародилась Украинская повстанческая армия (УПА). Бандеровцы в Восточной Галиции воздерживались от воору-

женных действий. Но после разгрома вермахта под Сталинградом, позаимствовав название УПА, они утвердились в украинском вооруженном подполье Западной Украины. Ситуация диктовала воевать со всеми, в том числе эпизодически, защищая украинских крестьян от ограбления, и с немцами. Однако главная цель — война рядом с Германией против «Советов» за Соборную Украину, оставалась. Поэтому оуновцы вступали, как в созданные немцами украинские карательные отряды и добровольческую дивизию Ваффен СС «Галиция», которая присягала на верность и послушание Гитлеру, так и в ОУН-УПА, которой с конца 1943 г. командовал Р. Шухевич⁴².

Довоенную польско-украинскую национально-политическую непримиримость ОУН-УПА в 1943–1944 гг. превратила в массовые физические расправы с мирным польским населением, главным образом на Волыни, где отряды УПА насчитывали 35–40 тыс. бойцов, а также в Восточной Галиции и ряде юго-восточных воеводств современной Польши⁴³. Немцы не препятствовали украинским боевикам в осуществлении жесточайшей этнической чистки территории. По разным данным, от рук украинских националистов на указанных землях погибло от 50–60 тыс. до 75–90 тыс. и даже до 100 тыс. поляков. Истребление гражданского населения по национальному признаку есть военное преступление ОУН-УПА. Сейм Польши 15 июля 2013 года принял специальную резолюцию, в которой охарактеризовал «Волынское Преступление» как «этническую чистку с признаками геноцида», совершенную ОУН и УПА, жертвами которой стали около 100 тысяч поляков. Польские историки считают это событие локальным геноцидом поляков⁴⁴.

Многократно подтверждено документами участие украинских националистов в жесточайшем и массовом уничтожении евреев: 30 июня 1941 г. во Львове и затем на всей Западной Украине, в 1942–1943 гг. в ходе *endlozung* на территории Польши и СССР, при ликвидации Варшавского гетто, причастность к преступлениям гитлеровцев в лагерях смерти. Следует назвать и расстрелы в 1944–1945 гг. тех евреев, кто прибил к подполью ОУН-УПА, спасаясь от немцев. Все это свидетельствует о коричневом «почерке» движения за «Соборную Украину»⁴⁵.

Нацисты использовали действовавшие на советской и польской территории отряды УПА, к осени 1944 г. выросшей до 50–80 тыс. бойцов (при резерве до 100 тыс. чел.), для борьбы с многонациональными советскими, а также с партизанами политически сложного польского подполья, для шпионажа в пользу вермахта и диверсий в тылах Красной армии. Учитывая перспективу вступления Красной армии на Западную Украину,

бандеровцы и гитлеровцы с осени 1943 г. искали и заключали соглашения о подавлении советских партизан и отрядов польской Армии Крайовой на Волыни и в Галиции. Многократно подтверждены документами контакты ОУН с абвером, получение оружия и финансов. Известно, что весной 1944 г. велись переговоры с СД, летом с командованием СС и полиции в дистрикте Галиция⁴⁶. Летом-осенью 1944 г., когда советские войска вступали на территорию ряда стран Европы, возросла потребность нацистов использовать ОУН-УПА для разведки и дестабилизации тылов Красной армии. С этой целью из концлагерей были освобождены лидеры ОУН С. Бандера, А. Мельник, Т. Бульба-Боровец, Я. Стецько и др.⁴⁷

Согласно послевоенным допросам пленных оуновцев в СССР, с середины 1943 г. лидеры движения, то налаживая, то прерывая контакты с немцами, допуская борьбу с ними, пересматривали и по-разному, в том числе отрицательно, оценивали результаты своего сотрудничества с Германией. В 1944–1945 г. возникновение «Украины для украинцев» все больше связывалось с мировым конфликтом между СССР и западными державами. Предпринимались попытки войти в контакт с англичанами и американцами, с антисоветскими силами Румынии, Венгрии, Югославии, организовать филиалы ОУН в Европе, Северной и Южной Америке. Есть сведения о намерениях прекратить войну с поляками и ради создания «фронта поневоленных Москвой народов» договориться с Армией Крайовой, партизанские силы которой, защищая польское население от бесчинств ОУН-УПА на Волыни и в Галиции, занимали твердые антисоветские позиции⁴⁸.

Следует напомнить, что вооруженной борьбой украинских националистов в годы войны были охвачены территории трех стран — юго-запад СССР, юго-восточные воеводства современной Польши, и Закарпатье в Чехословакии. На рубеже 1944–1945 гг. до 20 тыс. бойцов УПА дислоцировались, главным образом, на советской и польской (4–5 тыс. чел.) территории. Значительно меньше (1–2 тыс. чел.) их было в Закарпатье, которое использовалось командованием ОУН-УПА, главным образом, как коридор для связей с зарубежными политическими центрами ОУН и перемещения боевых и командных кадров на запад.

ОУН-УПА была, хотя и локальной, но существенной вооруженной силой, которая нарушала безопасность тылов действовавшей Красной армии и дестабилизировала внутреннюю ситуацию в названных странах. Идея украинской независимости, замысел создания «Соборной Украины», претензии ОУН на власть угрожали интересам, в первую очередь, СССР и Польши, а также Чехословакии: речь шла о покушении на их террито-

риальную целостность и появлению по соседству враждебного государства фашистского толка⁴⁹.

Украинские националисты были для этих стран, уже имевших довоенный опыт борьбы с ними и многочисленные жертвы, понесенные от ОУН-УПА в годы войны, общей угрозой. Общей становилась и задача решить проблему согласованно, действуя по разным направлениям. Исходными в этом отношении были согласие Польского Комитета Национального Освобождения на передачу большинства населенных украинцами земель довоенной Польши в состав УССР, что было закреплено соответствующими документами об установлении советско-польской границы по «линии Керзона» в июле 1944 г., а также добровольная уступка Закарпатья правительством Чехословакии советской стороне⁵⁰. Так, подавляющая часть территории действия отрядов ОУН-УПА оказывалась в составе СССР. Отметим, что лишь Советский Союз обладал тогда реальной силой, способной подавить сопротивление ОУН-УПА.

В условиях военных действий, постепенного перехода стран региона к миру, когда линия фронта «не считалась» с государственными границами, а СССР, Польша и Чехословакия договаривались о прохождении этих границ, отряды ОУН-УПА, перемещаясь, вели боевые действия по всей сопредельной территории этих стран или уходили на Запад, пополняя украинскую политическую эмиграцию. В этой ситуации становилась неотложной задача организовать охрану государственных границ и тем рассеять территорию, охваченную движением украинских националистов. К осени 1945 г. советская граница с Польшей и Чехословакией была взята под охрану подразделениями НКВД СССР. Эта мера, хотя полностью не блокировала «проницаемость» границ для отрядов ОУН-УПА, была необходимой. Нарушалось единство движения, согласованность боевых действий, организационные связи, управляемость командованием, затруднялась возможность руководства действиями из общего «центра», в том числе зарубежного. Охраняемая граница становилась препятствием для сосредоточения руководящих кадров украинских националистов за пределами СССР и сохранения политического центра ОУН в эмиграции, в чем советское руководство видело серьезную угрозу безопасности и стабильности ситуации, как в СССР, так и в Польше.

Для понижения этой угрозы предпринимались разные меры. Одной из них стало Соглашение двух стран об оптации населением, подписанное ПКНО и УССР в начале сентября 1944 г. Имелось в виду одновременное и добровольное переселение «польских» украинцев в УССР и «советских» поляков в Польшу. Взаимный обмен украинским и польским населением позволял во многом за-

вершить концентрацию украинского населения в пределах СССР и заметно сократить социальную базу украинского националистического движения в Польше. Как докладывал Л. П. Берия Сталину в конце октября 1944 г., 60 % украинцев согласились тогда на выезд в СССР. Это согласие покинуть места многовекового проживания, если оно было столь существенным, можно объяснить реакцией «польских» украинцев на восстановление польской власти в стране, накопившейся откровенной неприязнью к ним польского населения и угрозой расправы со стороны польского антикоммунистического подполья. Понятным было стремление многих украинцев избежать новых жертв в ходе противостояния действиям польской власти, взявшей курс на этническую чистку тех районов, где действовало украинское подполье (операция «Жешув»), в обстановке продолжавшейся ожесточенной борьбы отрядов ОУН-УПА против поляков за национальную власть и территорию. Трудно предположить, что при этом имело место стремление «польских» украинцев к объединению с многомиллионным населением УССР, тем не менее, к ноябрю 1945 г. из Польши выехали 324 тыс. человек. К весне 1946 г. почти 380 тыс. недавних граждан Польши получили гражданство в СССР. К июлю 1946 г. в результате выселения в СССР и принудительного «внутреннего» переселения, как считает Г. Мотыка, территорию коренного проживания покинули 482661 «польский» украинец⁵¹.

Хотя в Польше оставались еще десятки тысяч украинцев, их эвакуация в СССР решением советских властей, вопреки настроениям Варшавы, в конце года была прекращена, прежде всего, по политическим причинам. Накануне выборов в Сейм, состоявшихся в январе 1947 г., здесь шла острая борьба за политический облик власти и, главное, ее внешнеполитическую ориентацию (на Восток или на Запад) после выборов. Поэтому для Москвы значительно важнее была задача подавления активизировавшегося польского антиправительственного, антикоммунистического и антисоветского подполья, которое поддерживало прозападные политические силы в стране. Принимался во внимание и тот факт, что эвакуация украинского населения, происходившая далеко не всегда в благоприятных условиях создавала очаг особого напряжения обстановки на юго-востоке Польши. Его нейтрализация отвлекала силовые структуры двух стран на организацию переселения. Немалая часть «польских» украинцев не хотела добровольно покидать родные места в Краковском, Люблинском, Жешовском и других воеводствах даже в атмосфере накопившейся и сохранявшейся взаимной национальной нетерпимости, вооруженного противостояния поль-

ского и украинского подполья и человеческих жертв, с ним связанных.

Такие настроения поддерживали как священнослужители греко-католической церкви, так и отряды ОУН-УПА. Они стремились остановить выезд украинцев, убивали представителей власти, совершали диверсии на транспорте, которым перемещали украинцев на советскую сторону, бывало, силой вынуждали украинцев отказываться от выезда в СССР. В октябре 1945 г. Берия информировал Молотова и начальника Генштаба А. И. Антонова о том, что «...Банды нападают на переселенцев, а также на польские войска, обеспечивающие переселение украинцев, сжигают населенные пункты, и всячески терроризируют местное украинское население, изъявившее желание переселиться в СССР». Нарком располагал фактами нападений отрядов УПА на польских и советских организаторов переселения, представлявших власти двух стран, на военнослужащих Красной армии и Войска Польского, обеспечивавших безопасность переселенцев. О подобном же положении дел докладывал Сталину министр внутренних дел С. Н. Круглов в мае 1946 г.⁵²

Немалую долю напряженности на юго-востоке страны вносили польские подпольные отряды, прежде всего, правых Народовых Сил Збройных. Независимо от того или иного отношения украинцев к ОУН-УПА, они терроризировали украинское население, грабили, убивали, в том числе и детей, сжигали украинские села, понуждая украинцев к выезду в СССР. Свою долю в польско-украинское противостояние, в предельное ожесточение сторон на юго-востоке страны вносили не только польское и украинское подполье, но и незаконные действия польской милиции и военнослужащих Войска Польского. По информации наркома госбезопасности УССР В. С. Рясного в апреле 1945 г. «бесчинства польской милиции... по ограблению и истреблению украинцев ни в коей мере не пресекаются» польскими властями, что, «отвечая», украинцы уходят в «леса» «в надежде стать под защиту бандитов УПА». В сентябре 1945 г. подобная информация поступила Сталину от Берии⁵³.

Таким образом, зафиксированные в Соглашении об оптации принципы добровольности переселения украинцев в СССР, польскими и советскими властями на деле далеко не всегда обеспечивались. Они вряд ли могли соблюдаться в атмосфере складывавшегося десятилетиями польско-украинского антагонизма, усиленного временем гитлеровской оккупации. Переселения украинцев в СССР в 1945–1946 гг. стали весьма похожими на этническую чистку польской территории от коренного украинского населения. Однако раздражавший большинство поляков

«украинский вопрос» не был «закрыт» в конце 1946 г. Разными способами уклонились от выезда или избежали его, как выяснилось, около 200 тыс. «польских» украинцев — греко-католиков и православных. Продолжало действовать, правда, не в тех масштабах, и украинское националистическое подполье. Отметим, что к 1947 г. украинское подполье в Польше понесло существенные потери (до 4 тыс. чел.). Однако в отрядах ОУН еще состояли 2,6 тыс. бойцов, а сеть ячеек ОУН насчитывала более 3 тыс. человек⁵⁴.

Как в Москве, так и в Варшаве продолжали считать, что компактная, антипольски настроенная украинская среда «питала» и тем продлевала деятельность ОУН-УПА. Для разрушения национальных и социально-политических условий существования украинского подполья в стране весной 1947 г. по решению политбюро Польской Рабочей партии (ППР) силами госбезопасности и армии «в рамках репрессивной акции против украинского народа» была подготовлена операция по максимальной зачистке Жешовского, Люблинского и Краковского воеводств от украинцев под кодовым названием «Висла». Украинцев предполагалось «рассеять отдельными семьями» на новых (бывших немецких) западных и северных территориях, «где они быстро ассимилируются»⁵⁵. На землях, освобожденных от украинцев, планировалось поселить поляков и тем, руководствуясь лозунгом «Этого требует от нас весь народ!», придать «внутренней» этнической чистке части территории страны национально-патриотическую окраску. Речь шла в ту пору о создании польского мононационального государства.

Выселения начались 27–28 апреля 1947 г., осуществлялись командованием польской армии и госбезопасности как войсковая операция и продолжались до осени 1947 г. В реализации «операции Висла» польское командование задействовало армейские части разного назначения и дивизию Корпуса внутренней безопасности общей численностью в 20–21 тыс. человек. По ходу операции, сопровождавшейся вооруженным сопротивлением украинского подполья, проводились аресты (более 3,6 тыс. человек), был создан специальный концлагерь для украинцев (2781 заключенный), работали военно-полевые суды, имевшие право приговаривать к смертной казни. За время операции потери ОУН-УПА составили от 1335 до 1837 человек. По официальным данным, было переселено свыше 140 тыс. украинцев⁵⁶.

Таким способом в середине 1947 г. совершилось уничтожение очага украинского сепаратизма на территории Польши. Была реализована поставленная руководством польских коммунистов, принятая к исполнению правительством и осуществленная государственными силовыми

структурами задача искоренения деятельности ОУН-УПА и подавления массовых националистических настроений среди «польских» украинцев. Большинство польского населения, озабоченного существованием украинской угрозы территориальной целостности страны и отягощенного в ту пору понятной неприязнью к украинцам, гражданам Польши, явно или неявно одобряло происходящую «внутреннюю» этническую чистку, по крайней мере, ее не осуждало.

Но судьба всего украинского националистического движения и его вооруженного подполья решалась не в Польше, а на советской территории, где вооруженным отрядам ОУН-УПА противостояла многократно их превосходившая сила — войска НКВД и части советской армии. Итоги украинского противостояния советской власти, казалось, можно было предвидеть. Однако в начале 1945 г. командование УПА (Р. Шухевич) не приняло предложение Киева прекратить вооруженное сопротивление восстановлению советских порядков в обмен на гарантии от уголовного преследования и амнистию участникам ОУН-УПА⁵⁷.

Лидеры украинского движения делали ставку на многочисленные идейно-политические кадры ОУН, на опытных и хорошо вооруженных борцов за украинскую идею в отрядах УПА, на массовую базу и устойчивую поддержку большинства украинского населения Западной Украины. Здесь в тылах Красной армии, начиная с середины 1944 г., ОУН-УПА разворачивала активные вооруженные действия против советских военнослужащих, терроризировала представителей и сторонников советской власти, мирное крестьянское население. Для руководства борьбой ОУН-УПА был создан Украинский Главный Освободительный Совет во главе со С. Бандерой, Я. Стецько, М. Лебедем и С. Ленковским. В 1945 г. он перебрался за рубеж. На советской территории УПА возглавил Р. Шухевич⁵⁸.

Жесточайшее противостояние отрядов УПА встретило не менее жесткие и массовые «ответные» меры советской власти. Подразделения НКВД и армейские части на рубеже 1944–1945 гг. провели до полутора тысяч «чекистско-войсковых операций» против украинских националистов. 12 марта 1945 г. Берия докладывал высшему руководству СССР, что на территориях, охваченных деятельностью отрядов ОУН-УПА, с 1 февраля 1944 г. по февраль 1945 г. советские силовые структуры осуществили 9508 операций по подавлению вооруженных отрядов украинских националистов и физическое уничтожение их участников. В ходе этих карательных акций было убито 73333, взято в плен 73965 участников отрядов ОУН-УПА и их сторонников. К июню 1945 г. эти цифры составили соответственно 91818 и 95565 человек. На январь

1946 г. почти 21 тыс. оуновцев были размещены на спецпоселении НКВД СССР⁵⁹.

«Пик» сопротивления ОУН-УПА советской власти пришелся на 1944–1946 гг. Как свидетельствуют статистические материалы НКВД-МВД УССР, тогда в ходе «оперативно-чекистских операций», проведенных внутренними войсками и армейскими подразделениями против украинского подполья в Волынской, Дрогобычской, Львовской, Ровенской, Станиславской, Тернопольской областях, были убиты 143314 и арестованы 58333 человека. 60985 оуновцев сложили оружие и пришли к власти с повинной. Таким образом, общие потери украинского движения за «Соборную Украину» со времени освобождения Западной Украины и по февраль 1947 г. составили 262632 человека. Кроме того, 203662 родственника участников подполья ОУН были принудительно выселены в отдаленные районы СССР⁶⁰.

На 1 мая 1947 г., по данным заместителя министра госбезопасности УССР М.С. Попереки, «пораженность западных областей оуновским подпольем и бандитским элементом» (988 организаций и групп и 6443 участников) была такова, что продолжали еще существовать многие, но малочисленные ячейки украинского сопротивления. Они локализовались, главным образом, в Дрогобычской, Станиславской и Тернопольской областях, общее количество «бандпроявлений» сокращалось⁶¹.

Начиная с 1947 г., все данные спецслужб показывали тенденцию к ослаблению активности подполья, и снижению числа репрессированных, за исключением категории наказанных выселением гражданских лиц. Можно предположить, что эта тенденция была не только следствием действий советских силовых ведомств и ширившихся среди украинского населения пораженческих настроений, но и ухода многих участников ОУН-УПА в глубокое подполье или за рубеж, к чему призывал их «закордонный центр».

Тем не менее, к 1953 г. число убитых оуновцев увеличилось почти на 10 тыс. и составило 153262 человека, количество арестованных выросло приблизительно в 2 раза (103828 человек), число «лесных» братьев, явившихся с повин-

ной, — на 15687 человек и составило 76672 человека. Сопоставление этих данных свидетельствует, что с 1948 г. аресты стали основной формой подавления ОУН-УПА. 16 мая 1953 г. министр внутренних дел СССР Л.П. Берия доложил В.М. Молотову итоги борьбы с ОУН-УПА: начиная с 1944 г., в разной форме было репрессировано до 0,5 млн человек⁶². Каждый третий из них был уничтожен физически.

После 1953 г. активность украинского подполья упала. Оно напоминало о себе отдельными проявлениями, чтобы в середине 1950-х годов почти заглохнуть на десятилетия. Второе поражение массового движения борцов за отдельную «Соборную Украину», ментально и политически особого национального меньшинства большого украинского народа, стало историческим фактом. Его предопределили внешние и внутренние факторы. После войны украинский сепаратизм, угрожавший территориальной целостности ряда государств, оказался никому из победителей не нужной «третьей силой». Регион его распространения был заблокирован советскими, польскими и чехословацкими войсками и спецслужбами. Невозможность одолеть эти силы и массовая гибель товарищей по борьбе воздействовали на затухание и трансформацию УПА в отряды бойцов, не отказавшихся от идеи, но все больше грабивших и убивавших соплеменников. Такое перерождение вовсе не являлось украинской спецификой. С теми, кто оставался в «лесу» и требовал поддержки, расходились массовые настроения украинцев. Уставшее от войны мирное население, которому солдаты идеи приносили самые большие потери, стремилось к мирной жизни и принимало ее от чуждой многим советской власти. Поражение ОУН-УПА становилось фактом.

Таким образом, война и победы стран антигитлеровской коалиции похоронили замысел украинских националистов создать отдельное от России украинское государство. Украина состоялась в советском варианте, стала в 1945 г. одним из членов-создателей ООН. Но идея «Соборной Украины для украинцев» сохранилась в массовом сознании и не только у западно-украинского населения.

¹ См. подр.: Михутина И. В. Украинский вопрос в России (конец XIX — начало XX века). М., 2003; ее же. Западно-Украинская народная республика // Славяноведение. 2006 № 1; ее же. Украинский Брестский мир М., 2007;

² Забытый мир. Рижский договор 1921 года: интерпретации и споры. Москва. 2014. Сб. ст. С. 339, а также С. 230–251.

³ О международном, политико-правовом статусе и реальном положении национальных меньшинств в странах Восточной Европы по итогам и после Первой мировой войны см. подр.: Восточная Европа после «Версаля». СПб 2007.

⁴ См. подр.: Макачук В.С. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование. М., 2010. С. 135–137

⁵ См.подр.: Михутина И. В. Польско-советская война 1919–1920 гг. М., 1994; Яжборовская И.С. Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005; Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.

⁶ Забытый мир. Рижский договор.... С. 342.

⁷ Wysiedlenia, wypędzenia i ucieczki. 1939–1959. Atlaszemi Polski. Polacy. Żydzi. Niemcy. Ukraińcy. Warszawa. 2008. S. 12–13; Motyka G. Od rzezi Wołyńskiej do akcji „Wisła”. Konflikt polsko-ukraiński. 1943–1947. Warszawa. 2011. S. 11–40; .

⁸ Лидеры и сторонники соглашательского течения в украинском движении сотрудничали с польской властью, имели немалое число сторонников, рассчитывали путем компромиссов добиться улучшения положения соплеменников в Польше. В сентябре 1939 г. до 200 тыс. украинцев — граждан Польши защищали ее в рядах польской армии. ОУН была создана украинскими политиками в Берлине в 1929 г. Со временем здесь сложились две фракции. «Умеренные» придерживались осторожных действий, ограниченного использования вооруженного террора, и ориентировались на А. Мельника, одного из участников движения за независимость времен Первой мировой войны. Он возглавил ОУН после убийства ее лидера Е. Коновальца в 1938 г. Радикалы из молодого поколения борцов за идею выступали по-революционному, за активный террор и вооруженное восстание. К ним принадлежали член ОУН с 1929 г., гражданин Польши С. Бандера и идейно близкие ему Я. Стецько, Р. Ярый, Р. Шухевич (См. подр.: Torzecki R. K westia ukraińska w polityce III Rzeszy. 1933–1945. Warszawa. 1972; егоже Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej na terenie II Rzeczypospolitej. Warszawa. 1993; Матвеев Г. Ф. Пилсудский. М. 2008. С. 404).

⁹ См. подр.: Марьина В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003; Носкова А. Ф. Организация украинских националистов в борьбе за Соборную Украину: начальный этап (осень 1938 — сентябрь 1939 г.) \ \ Национальные меньшинства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический опыт и современное положение. М., 2014. С. 510–531

¹⁰ Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны... Документы. Т. 1 М., 2012. С. 42–46, 33–34, 36, 59–60.

¹¹ Torzecki R. K westia ukraińska w polityce... S. 183; Украинские националистические организации... Т. 1. С. 63, 47, 64, 66–68, 757

¹² Украинские националистические организации... С. 71–72.

¹³ Torzecki R. K westia ukraińska w polityce... S. 182–183, 347; Украинские националистические организации... Т. 1. С. 67–68, 73.

¹⁴ «Завтра может быть уже поздно...» // Вестник МГИМО–Университет. Специальный выпуск к 70-летию начала Второй мировой войны. М. 2009. С. 495–496.

¹⁵ Там же. С. 420–421, 460–462, 427–428, 542.

¹⁶ Шубин А. В. Украинский фактор в развитии международной ситуации 1938–1939 гг. \ \ Журнал российских и восточно-европейских исследований. 2012. № 1(4). С. 9–12.

¹⁷ В отечественной историографии продолжают дискуссии, где преобладают негативные и крайне негативные оценки политического поведения Москвы, вплоть до эмоционально-нравственных определений ее действий как преступных, а Сталина как главного виновника войны. В этой связи научный интерес представляет книга украинского историка права В. С. Макаручка. Он настаивает, что в европейской и мировой практике 20–30-х годов действовали нормы обычного, договорного, «старого» права (delegelata), делает вывод о соответствии ему действий Москвы, включая подписание протокола о разделе сфер влияния (В. С. Макаручок. Государственно-правовой статус западно-украинских земель в период Великой отечественной войны. Историко-правовое исследование М. 2010. С. 87–88, 441–442 и др.).

¹⁸ Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 29–30.

¹⁹ В. С. Макаручок. Государственно-правовой статус... С. 157–160; Польша в XX веке... С. 278–281; СССР — Германия. Документы и материалы о советско-германских отношениях в апреле — сентябре 1939 г. Сост. Б. М. 1983 С. 92; Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. Сост. Ю. Фельштинский. М., 1991. С. 71.

²⁰ В качестве правовой нормы, СССР использовал общепринятый тогда способ самопомощи для обеспечения своей безопасности. Применительно к украинским землям повторялись события, происшедшие в июле 1919 г. Тогда Верховный Совет Антанты разрешил Польше продолжить оккупацию Восточной Галиции «до р. Збруч», объясняя это С. Петлюре, «Президенту Украинской Республики», задачей «обеспечить охрану личной безопасности и имущества мирного населения Восточной Галиции от зверств большевистских банд». В 1939 г. это обоснование почти дословно повторялось в ноте, врученной послу В. Гжибовскому: «...войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». (Цит. по: Макаручок В. С. Государственно-территориальный статус западно-украинских земель в период Второй мировой войны. Историко-правовое исследование М., 2010. С. 129; Украинские националистические организации... Т. 1. С. 74–75; Оглашению подлежит. СССР — Германия. 1939–1941. Документы и материалы. М., 1991. С. 95–96, 98–101, 107).

²¹ Москва в лице генерального секретаря ЦК ВКП(б) И. В. Сталина уделяла особое внимание ситуации на Западной Украине. Коммунисты, располагая политической, административной и репрессивной мощью государства, быстро справились с установлением здесь советской власти. Подразделения НКВД вступали вместе с армейскими частями. На работу в УССР были направлены надежные и влиятельные фигуры. Н. С. Хрущев, в 1938 г. возглавивший Компартию Украины, хорошо знал республику, нес партийную ответственность за все, что происходило на Западной Украине. Он же отвечал перед Москвой и за подавление украинского национализма, постоянно был в курсе борьбы НКВД с ОУН. С сентября 1939 года НКВД УССР возглавил член ЦК КП(б) Украины И. А. Серов, который принимал участие в присоединении Западной Украины к СССР и лично вел переговоры с поляками о сдаче г. Львова. Командовать Киевским особым военным округом весной 1940 г. было поручено Г. К. Жукову.

²² Сдержанную позицию занимало и греко-католическое духовенство, идейный союзник ОУН, моральный вдохновитель борьбы за «Соборную Украину», безусловно, настроенный против СССР. Однако в новой ситуации глава церкви, митрополит А. Шептицкий, усматривал некоторые положительные возможности для церкви: «Кажется все эти земли становятся местом проведения пасторской работы», в чем заблуждался. Цит. по: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва

и Восточная Европа. Власть и церковь в период общественных трансформаций 40–50-х годов XX века. Очерки истории. М., 2008. С. 379).

²³ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 74.

²⁴ В Кракове в начале 1940 г. сторонники С. Бандеры организовали в ОУН радикально-революционную фракцию — ОУН-Б[андера] (Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej do akcji „Wisła”*. Konflikt polsko-ukraiński. 1943–1947. Warszawa. 2011. S. 58).

²⁵ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 145.

²⁶ Там же. Т. 1. С. 129, 145, 150.

²⁷ Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej do akcji „Wisła”*. Konflikt polsko-ukraiński. 1943–1947. Warszawa. 2011. S. 54; Украинские националистические организации... Т. 1. С. 75–76, 127–128, 129.

²⁸ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 151–153, 220.

²⁹ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 131, 88–100, 163, 173–175, 206–207, 215–216, 245–247.

³⁰ Отметим, что заметного влияния на восточной Украине националисты не получили.

³¹ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 160, 184, 208, 244, 247; Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. 1939–1941 гг. Варшава–Москва. 2001. С. 398 \ \ *Polskie podziemie na terenach Zachodniej Ukrainy i Zachodniej Białorusi w latach 1939–191*. Warszawa–Moskwa. 2001. S.399.

³² Украинские националистические организации... Т. 1. С. 246–251.

³³ Волокитина Т.В., Мурашко Г.П., Носкова А.Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 379

³⁴ В связи с нападением Германии на СССР выполнение планов пришлось, в основном, на послевоенный период.

³⁵ Выселения на Западной Украине проводились не только из приграничной полосы. Одна из четырех проведенных в 1940–1941 гг. депортаций гражданского населения (главным образом поляков) в восточные районы СССР, касалась украинцев. Но операция по депортации людей из Черновицкой и Измайлвской областей, начатая в середине июня 1941 г., фактически не состоялась. После 22 июня 1941 г. эшелоны, уже заполненные 11575 чел., не были приведены в места назначения (Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. 1939–1945 гг. Т. 1. 1939–1943. М., 2012. С. 309).

³⁶ Украинские националистические организации ... С. 314, 319, 244.

³⁷ Под строгим контролем немцев формировались небольшие добровольческие подразделения. 25 февраля 1941 г. глава германской военной разведки (абвера) Ф.В. Канарис санкционировал создание украинского легиона. В марте-апреле в полк диверсионно-карадельного назначения «Бранденбург-800», подчинившийся абверу, были зачислены два украинских батальона: «Нахтигаль» (для участия в наступлении на Львов, командир Р. Шухевич) и «Роланд» (командир Е. Побигущий). Личный состав этих подразделений готовился нацистами в спецшколах для подрывной и карательной деятельности на территории СССР (Украинские националисты... Т. 1. С. 221, 230, 311; Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej ...* S. 60).

³⁸ В мае 1941 г. появилась программная Инструкция «Борьба и деятельность ОУН во время войны», пронизанная идеей использовать войну «между Москвой и другими государствами ...для полного развертывания освободительной революционной борьбы за самостоятельную соборную Украинскую державу». Для этого в «подходящий момент» следовало поднять «общее вооруженное восстание целого украинского народа», инициировать «такое восстание для других поработанных Москвой народов», установление «нового порядка на просторах нынешнего СССР» и «полное раздробление Москвы». Выразалась уверенность, что ОУН «вполне овладеет» западно-украинской территорией, возьмет всю полноту государственной власти, создаст на Западной Украине правительство, подчиненное «Центральному Украинскому Суверенному Соборному правительству на Материке», и будет бороться за «ведущее место в целой Украине», за «победу Украинской национальной революции и завоевание Украинской независимой державы», за утверждение власти ОУН, которой отводилась роль «идейно-политической и организационной силы ордена борцов и фанатиков» (Украинские националистические организации... Т. 1. С. 9, 297–304; 307–308 Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej ...* S. 61).

³⁹ Украинские националистические организации... С. 365–366.

⁴⁰ Причины таких настроений украинского населения — предмет иного исследования.

⁴¹ Украинские националистические организации ... Т. 1. С. 12, 320–330, 334, 337, 340–346, 355–357, 366–367, 405; Motyka G. *Ukraińska partyzanka. 1942–1960*. Warszawa. 2006. S. 89–92, 106–108.

⁴² Украинские националистические организации ... Т. 1. С. 642, 737, 745 Т. 2. С. 100, 109–111, 177–179, 197–214; 290–296, 768–782, 1091.; Motyka G. *Ukraińska partyzanka...* S. 118–121, 124, 226;

⁴³ О «Волынской резне» и борьбе польских вооруженных отрядов за спасение польского населения от гибели см. подр.: Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej...* S. 109–150; его же. *Ukraińska partyzanka...* S. 229–236, 243–248 и др.

⁴⁴ Torzecki R. *Polacy i Ukraińcy...* S.267; Motyka G. *Ukraińska partyzanka...* S.410 –411; Polska — Ukraina. *Trudna odpowiedź*. Warszawa. 2003. S. 44; *Antypolska akcja OUN –UPA. 1943–1944. Fakty i interpretacje*. Warszawa. 2003. S. 76, 85. Польский исследователь Г. Мотыка, специалист по истории украинского национализма 30–40-х годов, считает, что от рук украинцев погибло около, но не более 100 тыс. гражданского польского населения. В результате защитных действий отрядов АК на Волыни было убито 2–3 тыс. украинцев, в Восточной Галиции — 1–2 тыс., на территории современной Польши до лета 1944 г. — 3–4 тыс. и в 1944–1947 гг. — 5–6 тыс. чел. В итоге поляками были убиты от 10–11 тыс. до 15 тыс. боевиков УПА и гражданского украинского населения (Motyka G. *Od rzezi Wołyńskiej...* S. 447–448, 450).

⁴⁵ Украинские националистические организации... С. 347–348; Motyka G. *Ukraińska partyzanka...* S. 287–296

⁴⁶ Международный трибунал в Нюрнберге подтвердил взаимодействие ОУН-УПА с рейхом, службу боевиков УПА в германской армии, в украинской и немецкой полиции, жандармерии, действия против СССР, одного из главных членов антигитлеровской коалиции. Трибунал признал структуры СС, в том числе дивизию СС «Галиция», преступной организацией, причислил организации украинских националистов к другим коллаборационистским силам.

- ⁴⁷ Украинские националистические организации... Т. 1. С. 700–701; Т. 2. С. 77–83, 327–328, 380–386, 393, 664–671, 683–685, 791–793; Torzecki R. Polacy i Ukraińcy. Sprawa ukraińska w czasie II wojny światowej ... S. 238.
- ⁴⁸ Украинские националистические организации... Т. 2. С. 433–435, 757, 849–860, 924.
- ⁴⁹ Власть в руках сотрудничавших с гитлеровцами украинских националистов, запятанных массовыми убийствами людей по национальному признаку и вооруженными действиями против армии, освобождавшей соседние страны от нацистов, не могла быть принята в послевоенной Европе. Она не соотносилась с массовыми антифашистскими настроениями и тем была «не ко времени». Не соответствовала она и намерениям глав «большой тройки». Определяя границы государств, они на этот раз сводили на «нет» проблему пораженных национализмом этнических меньшинств, сыгравших пагубную роль в возникновении Второй мировой войны. Агрессивному украинскому национализму не было в ту пору геополитического места в Европе.
- ⁵⁰ Начиная с 1939 г. президент Чехословакии Э. Бенеш неоднократно заявлял о готовности передать Закарпатье Москве, во имя получения общей границы с СССР. Он был инициатором обсуждения этого вопроса на встречах с советскими посланцами в Лондоне И. М. Майским и А. Е. Богомоловым в годы войны, со Сталиным и Молотовым в декабре 1943 г., с Молотовым и советским послом в Праге В. А. Зориным весной 1945 г. 28 июня 1945 г. правительство Чехословакии уведомило Москву, что считает «момент для оформления Договора подходящим и поэтому само внесло предложение о подписании Договора». Сталин, оговорившись «мы не торопим вас», предложил «подготовить подписание его к 29 июня». (См. подр.: Марьяна В. В. Закарпатская Украина (Подкарпатская Русь) в политике Бенеша и Сталина. М., 2003; ее же. Президент Чехословакии Эдвард Бенеш. М., 2014: Восточная Европа в документах российских архивов. 1944–1953. Т. 1. М., Новосибирск. 1997. Док. № 54, 77). С подписанием Договора проблема украинских националистов в Закарпатье перешла в «ведение» НКВД СССР.
- ⁵¹ Советский фактор... С. 94–95, 293, 294, 388. Motyka G. Od rzezi Wołyńskiej... S. 399. К концу 1946 г. из СССР в Польшу выехали без малого 1,5 млн поляков, 800 тыс. из них прибыли в Польшу из УССР.
- ⁵² Советский фактор... С. 294. Цит. по: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 398–399.
- ⁵³ Цит. по: Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 400.
- ⁵⁴ Волокитина Т. В., Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 412). Г. Мотыка считает, что украинское подполье в это время насчитывало около 2, 5 тыс. участников (Motyka G. Od rzezi Wołyńskiej... S. 423).
- ⁵⁵ Одновременно ставилась задача «полностью очистить от фашистских банд Украинской повстанческой армии пограничную полосу, начиная от района Бреста над Бугом вплоть до чехословацкой границы». Польская сторона обратилась в Прагу и Москву с просьбой «о возможно тщательном закрытии границы». Просьба была выполнена. Обе страны, прежде всего СССР, были заинтересованы в разрушении очага украинского сепаратизма на приграничных территориях Польши. По данным Г. Мотыки во время «операции Висла» на советской стороне границы с Польшей произошло 105 боестолкновений с УПА, были убиты 131, взяты в плен 386 «бандитов», пробились на Украину 14 украинских «банд» (Волокитина Т. В. Мурашко Г. П. Носкова А. Ф. Москва и Восточная Европа. Власть и церковь... С. 411; Motyka G. Wojska NKWD/MWD/MGB wobec ukraińskiego podziemia w Polsce w latach 1944–1947// Między ideologią a socjotechniką. Kwestia mniejszości narodowych w działalności władz komunistycznych — doświadczenie polskie i środkowoeuropejskie. Warszawa-Szczecin-Wrocław 2014. S.63).
- ⁵⁶ Современные польские исследователи полагают, что количество выселенных, арестованных и погибших украинцев превысило 150 тыс. человек. Украинский историк Ю. Макар считает реальными цифры в 150–170 тыс., отмечает, что 50–60 тыс. украинцев избежали выселения (Palski Z. Polityczne, ekonomiczne i narodowościowe następstwa operacji “Wisła” \\ Polska — Ukraina: trudne pytania. Т. 8. Warszawa. 2001. S.198–199; Motyka G. Od rzezi Wołyńskiej... S. 433; Makar J. Polityczne, ekonomiczne i narodowościowe następstwa operacji “Wisła” \\ Там же. С. 214).
- ⁵⁷ Материалы советских спецслужб свидетельствуют, что по инициативе Москвы имели место попытки организовать встречи и переговоры с украинскими националистами. Контакт с ОУН был установлен в сентябре 1942 г., но развития он тогда не получил. В конце февраля и затем марта 1945 г. вновь по инициативе советской стороны состоялись две встречи. Представители Киева, сотрудники советских спецслужб, предлагали посланцам Шухевича разорвать связь с эмиграцией, «подписать соглашение, что ОУН и УПА прекращают борьбу и складывают оружие, а правительство Украины гарантирует каждому безопасность». Предложения не были приняты. Украинцы вели речь об отделении всей Украины от СССР, обязуясь в будущем государстве сохранить советские социальные и национально-культурные преобразования. Переговоры закончились безрезультатно. (Украинские националистические организации... Т. 2. С. 646–647, 844–846, 859–867. Подробнее о переговорах в 1945 г. см.: Росов О. Д. Операция «Перелом»: неизвестные подробности гражданского конфликта на Западной Украине \\ Журнал российских и восточноевропейских исследований. 2010 № 1. С. 68–99).
- ⁵⁸ Украинские националистические организации... Т. 2. С. 754–755. Шухевич убит в 1950 г.
- ⁵⁹ Государственный архив РФ (ГА РФ). Ф. 9401. Оп. 2. Д. 93. Л. 248; Ф. 9478. Оп. 1. Д. 353. Л. 2; История советского ГУЛАГа. Т. 5. Спецпоселенцы в СССР. М. 2004. С. 474.
- ⁶⁰ Украинские националистические организации... Т. 2. С. 928–929, 942. Данные о потерях ОУН-УПА в восточных областях Украины, население которой кратно превышало население Западной Украины, составили 5337 человек. (Украинские националистические организации... Т. 2. С. 929).
- ⁶¹ Украинские националистические организации... Т. 2. С. 930–931.
- ⁶² Там же. Т. 2. С. 939–943.

ВПЕРЁД, НА ЗАПАД!

Книга тридцать пятая

Н. М. Васильев

Основные направления строительства Красной армии в годы Великой Отечественной войны 7

А. Г. Байер

Подготовка новых формирований для фронта

(по опыту Сибирского военного округа) 18

О. Ю. Симаков

Совершенствование оперативного искусства и тактики ВВС

в годы Великой Отечественной войны 23

Ю. В. Ильин

Деятельность наркоматов оборонной промышленности

в годы Великой Отечественной войны 32

Е. Г. Гужва

Возрождение нравственных традиций в Красной армии в годы Великой Отечественной войны 42

Н. Э. Вашкау

Начало прозрения (о путях воздействия советской спецпропаганды

на солдат и офицеров вермахта: год 1943-й, Северо-Западный фронт) 47

М. Ю. Мягков

Сталинградская битва в контексте современной истории 55

А. А. Падерин

Сталинградская битва в зеркале западной историографии 62

В. О. Печатнов

Выстоит ли Россия? Сталинградская битва и стратегические планы союзников 75

А. А. Ахтамзян

Международное значение Сталинградской битвы 86

А. И. Борозняк

Сталинград в пространстве германской исторической памяти 94

С. М. Монин

Курская битва и коренной перелом во Второй мировой войне 120

А. В. Исаев

Актуальные проблемы изучения истории Курской битвы 131

А. А. Падерин

Курская битва в оценках западных историков 136

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ БИТВЫ

Книга тридцать шестая

С. М. Монин

Стратегические удары Красной армии в 1944 г. 149

А. А. Падерин

Проблема открытия второго фронта в Европе: взгляд спустя семь десятилетий. 162

В. Б. Маковский

Разгром противника под Яссами и Кишиневом — второй Сталинград. 171

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 183**В. Б. Маковский**

Освободительный поход советских войск в Болгарии 188

АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	196
В. Б. Маковский Сражение в Восточных Карпатах: начало освобождения Чехословакии	200
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	212
В. Б. Маковский Львовско-Сандомирская наступательная операция: взгляд спустя семь десятилетий	222
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	237
Н. Ф. Азяцкий Разгром немецких войск в Восточной Пруссии	243
В. О. Дайнес Бронетанковые войска в Восточно-Прусской стратегической наступательной операции	267
В. О. Дайнес 3-я ударная армия в Восточно-Померанской стратегической наступательной операции	273
Н. Ф. Азяцкий Борьба за освобождение народов Югославии: Белградская операция	279
В. О. Дайнес 2-я гвардейская танковая армия в Берлинской стратегической наступательной операции	287
С. Н. Гусев, С. В. Покровский От Орла до Праги	294
В. В. Марьина Карпато-Дуклинская операция Красной армии и Словацкое национальное восстание 1944 г.	305
В. В. Марьина Кто и как освобождал Прагу: Пражское восстание в мае 1945 г.	318
В. Б. Маковский Освобождение Праги	330
И. И. Орлик Накануне Победы: воспоминания и размышления	336
В. Б. Маковский Малоизвестные операции советских войск по освобождению Чехословакии (январь–май 1945 г.)	346
АРХИВНЫЕ ДОКУМЕНТЫ	355
Д. Г. Гужва Пропаганда и контрпропаганда Красной армии на территории Германии	358
ОСВОБОЖДЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ Книга тридцать седьмая	
Т. В. Волокитина, А. Ф. Носкова, В. В. Марьина, А. С. Стыкалин Красная армия в Восточной Европе: образы, реальность, интерпретации	373
Л. В. Ревякина СССР и Болгария: дипломатические отношения в годы Второй мировой войны.	413
В. В. Марьина Советский Союз и Чехословакия 1941–1945 гг.: политико-дипломатические аспекты	428

В. В. Марьина Чехословацкие воинские формирования в СССР.....	440
В. В. Марьина Словацкая армия на Восточном фронте (1941–1944 гг.)	452
В. В. Марьина Освобождение Словакии Красной армией (1944–1945 гг.).....	465
ДОКУМЕНТЫ СССР и Чехословакия в 1941–1945 гг.....	476
Т. А. Покивайлова Трансильванский вопрос накануне и в годы Второй мировой войны.....	503
Т. А. Покивайлова Румынская армия в Крыму в годы Великой Отечественной войны (морально-психологический аспект).....	525
С. А. Романенко Югославия во Второй мировой войне: национальная и социальная революции (1941–1945 гг.)	529
А. Ф. Носкова Украинские националисты накануне и в годы Второй мировой войны: идеи, действия, послевоенные итоги.....	554

Научное издание

ВЕЛИКАЯ ПОБЕДА

**ТОМ XII
ОСВОБОЖДЕНИЕ**

Верстка В. А. Хохлова

Макет обложки А. С. Руденко

Корректоры Г. В. Брагова
Н. В. Лиханова
Ю. П. Кириленко

Издательство «МГИМО — Университет»

119454, Москва, пр-т Вернадского 76.

Тел.: (499) 431-58-28, (495) 434-54-17

Подписано в печать 16.10.2015.

Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 71,75. Уч. изд. л. 62,2. Тираж 500 экз. Заказ № 88.

Отпечатано в ООО «Аквариус»

г. Тула, ул. Октябрьская, 81-а

Тел.: (4872) 49-76-96, (4872) 49-73-73

E-mail: grif-tula@mail.ru, aquarius-press@mail.ru